

РУССКОЕ СЛОВО.

XII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФЪМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1859.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

252893
L
1892

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 4 Декабря 1859 года.

Цензоръ *А. Ярославцовъ.*
Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ
У ПЕЧАТНИКА
ВЪ
УЛ. ПЕТРОВСКОЙ
Д. 10

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, читанная 22-го ноября. Н. П. КОСТОМАРОВА	I—XIV	✓
Византійскія женщины. I. Θεодора и Антонина (въ приложеніи). II. Θεοφανό. P. B. ОРБИНСКАГО	4	✓
Полковница. Повѣсть Θ. ТОМЛЯ	49	✓
Ночь въ Соренто. Стихотвореніе. Я. ПОЛОНСКАГО	125	
Исторія университета св. Владиміра. (Окончаніе.) В. Я. ШУЛЬГИНА	127	✓
Мурдизмъ и Шамиль. Мирзы А. КАЗЕМЪ-БЕКА	182	✓
На пути. Стихотвореніе. М. Л. МИХАЙЛОВА	243	
Пѣсня Миніоны. (Изъ Гёте.) Переводъ М. Л. МИХАЙЛОВА	243	
Полгода въ Алтаѣ. Г. Н. ПОТАНИНА	245	✓
Въ римскихъ развалинахъ. Стихотвореніе. Н. И. КРОЛЯ	303	✓
Разлучница. Повѣсть. Е. Θ. МОМЕРА	305	✓
Современные портреты Софьи Алексѣевны и В. В. Голицына. М. И. СЕМЕВСКАГО	411	
Австрія со времени революціи 1848 года. С. Н. П.	459	
Нѣсколько словъ по поводу вопроса о древнѣйшей русской поэзи. Д. И. ИЛОВАЙСКАГО	515	✓

ОТДѢЛЪ II.

Критика. О повѣстяхъ г-жи Кохановской. М. Θ. ДЕПУЛЕ	1	✓
Библиографія. Стихотворенія Θ. Б. Миллера. М. Л. — Фаустъ. Переводъ П. Грекова. Его-же. — Сочиненія В. Бѣлинскаго. Изданіе К. Салдатенкова и Н. Щепкина. В. ВОДОВОЗОВА. — Юридическія записки. Изд. П.		

Рьдкнинымъ и *К. Яневичемъ-Яневскимъ*. А. ЛОХВИЦКАГО. — Врачъ, совѣтникъ и руководитель для супруговъ и вообще для молодыхъ людей. Сочиненіе доктора медицины *Вейса*. — Картины послѣдствій разврата или разрушительное вліяніе природы на людей, предающихся любострастію. Сочиненіе доктора *Ламерта*. Переводъ. — О питательныхъ веществахъ и о важнѣйшихъ способахъ рациональнаго ихъ приготовленія. Сочиненіе *Александра М. Наумова*. — Питательныя вещества и напитки. Лекціи доктора *А. А. Соколовскаго*. — Наука о сохраненіи и продолженіи здравія и жизни. Сочиненіе *Вильдберта*. Переводъ. — Небесныя свѣтила или планетныя и звѣздныя міры. Сочиненіе *О. М. Митчелля*. Перевелъ съ англійскаго *Андрей Минъ*.
 В. І. ХАНКИНА 37

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Письма изъ Алжира. Н.	1
Возраженіе на статью Экономическаго Указателя. ЛЮДВИГА НЕРДІХА.	12
Туда и обратно. А. М. П...НА	30
Университетскіе приемные экзамены. Ф. Т.	47
Замѣтки кievскаго жителя. ...СКАГО.	56
Вѣсти изъ Новгорода. Н.	68
Галерея дагеротипныхъ портретовъ. ЭРАСТА ВЕСЕЛКИНА.	72
Воспомнанія о путешествіи за границей. К. Б.	87
Предположеніе объ обществѣ русскихъ юристовъ. А. В. ЛОХВИЦКАГО	103
Господинъ Якушкинъ и псковскій полиціимейстеръ Гемпель. Н. Ш.	104
Проницательность и усердіе губернской полиціи. ПАВЛА ЯКУШКИНА	109
Отвѣтъ на статью: «Проницательность и усердіе губернской полиціи». Псковскаго полиціимейстера ВАЛЕРІАНА ГЕМПЕЛЯ	123
Отвѣтъ г. псковскому полиціимейстеру. ПАВЛА ЯКУШКИНА.	127

Общественная жизнь въ Петербургѣ. Зима. — Картина издали и вблизи. — Кадриль въ честь императорскаго принца. — Благоразуміе лѣтописца. — Возвращеніе русской миссіи изъ Пекина. — Мандаринъ и остроуміе. — Новая Венера въ Петербургѣ. — Вступительная лекція г. Костомарова. — Публичныя лекціи. — Русское музыкальное общество и его начинающаяся дѣятельность. — Пятидесятилѣтіе корпуса инженеровъ путей сообщенія и его института. — Столѣтіе со дня рожденія Шиллера. — Письмо Н. В. Гербея въ Марбахъ. — Адресъ московскаго комитета для празднованія столѣтней годовщины рожденія Шиллера. — Новое приобрѣтеніе въ императорской публичной библіотекѣ. — О михайловскомъ театрѣ. — Великолѣпная компанія или золотой полувѣкъ. — Новыя книги. **ЕГОРА МОЛМЕРА** 131

Отъ редакціи 143

Шахматный листокъ. Записка кн. С. С. Урусова о его играхъ съ А. Д. Петровымъ. — Побѣды кн. Урусова въ Петербургѣ. — Его партія съ И. С. Шумовымъ. — Двѣ партіи В. М. Михайлова съ Беллоти и г-мъ ***. — Партія Колиша противъ герц. Брауншвейгскаго и гр. *** (игравшими по консультаціи). — Новое рѣшеніе задачи А. Д. Петрова. — Двѣ важныя опечатки въ XI номерѣ Листка. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція. **В. М. МИХАЙЛОВА** 325

Приложенія: 1) Поль Ферроль (титულъ, обертка и остальные листы). 2) «Въ провинціи», М. Л. Михайлова, часть 2-я (разошлется гг. подписчикамъ въ непродолжительномъ времени). ✓

Декабрьская книжка опоздала выходомъ въ слѣдствіе поздняго доставленія въ редакцію вступительной лекціи Н. И. Костомарова.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

ВЪ КУРСЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ, ЧИТАННАЯ ПРОФЕССОРОМЪ КОСТОМАРОВЫМЪ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ 22 НОЯБРЯ 1859 ГОДА.

Мм. Гг!

Считаю долгомъ принести искреннюю благодарность почтенному сословію здѣшняго университета, удостоившему меня избраніемъ по кафедрѣ русской исторіи и въ тоже время начальству, благосклонно утвердившему такой выборъ. Время покажетъ: окажусь ли я достоинъ такой высокой чести. Быть можетъ нѣтъ. Въ такомъ случаѣ я оставлю эту кафедру, на которую теперь вступаю, съ увѣренностію, что этому причиною недостатокъ моихъ способностей и силъ, а не желанія оправдать лестное ко мнѣ вниманіе.

Приступая къ чтенію русской исторіи, я знаю что буду имѣть честь излагать ее передъ слушателями, которые вступили въ университетъ съ достаточнымъ запасомъ приобретеннаго въ учебныхъ заведеніяхъ систематическаго знанія вѣдшихъ событій, а потому я не считаю нужнымъ утомлять ихъ послѣдовательнымъ повѣствованіемъ по общепринятому порядку. Такое чтеніе неразнилось бы въ сущности ни чемъ отъ учебнаго преподаванія кромѣ подробностей въ частяхъ предмета, но по большей части такія подробности всегда могутъ быть легко приобретены изъ общедоступныхъ сочиненій. Цѣль университетскаго преподаванія не умноженіе сокровищъ памяти, не знаніе новыхъ фактовъ, а осмысленіе того, что уже приобретено заранѣе. Будетъ сообразнѣе съ

этою цѣлю, если, при изложеніи отечественной исторіи, преподаватель станетъ имѣть въ виду не столько полноту своего курса, сколько или разрѣшеніе вопросовъ до сихъ поръ остающихся спорными либо не тронутыми, или разъясненіе такихъ сторонъ всей исторической жизни, которыя почему нибудь оставались у изслѣдователей на второмъ планѣ, или же по своему свойству и примѣненію къ современнымъ требованіямъ особенно заслуживаютъ полнѣйшей обработки. Съ одной стороны преподаватель, сосредоточивъ свои силы на нѣкоторыхъ сторонахъ науки, будетъ въ состояніи содѣйствовать своими трудами дальнѣйшему движенію науки вмѣсто того, чтобъ повторять рѣшенные другими результаты; съ другой — слушатели познакомятся съ приемами такого труда и это доставитъ облегченіе тѣмъ изъ нихъ, которые въ свою очередь пожелаютъ посвятить свои способности дѣлу науки. Такой приемъ изложенія можетъ или ограничиваться извѣстными избранными эпохами или обнимать хронологическое теченіе всей исторіи, но съ избранныхъ сторонъ. Я избираю послѣднее. ●

Все это, милостивые государи, я считаю нужнымъ предварительно вамъ высказать, дабы впослѣдствіи не укоряли меня, когда, быть можетъ, въ моемъ чтеніи окажутся упущенія нѣкоторыхъ сторонъ науки и на счетъ ихъ усиленное вниманіе къ другимъ.

Было время, когда сумма виѣшнихъ явленій, образующихъ то, что называется государственною или политическою жизнью, составляло все, чего можно было требовать отъ науки. Такъ и слѣдовало: виѣшность прежде всего обнимается, скорѣе усваивается. Такимъ образомъ Исторія Государства Россійскаго Карамзина была созданиемъ самымъ удовлетворительнымъ въ свое время. Заслуга почтеннаго историографа тѣмъ важнѣе, что онъ внесъ въ свое сочиненіе зрѣлую критику. Съ своимъ великимъ талантомъ, Карамзинъ уже не ограничивался односторонностію виѣшности и въ своемъ сочиненіи оставилъ зачатки и указанія новаго изложенія для будущихъ дѣятелей науки. Когда все безмолвно поклонялось его авторитету, назадъ тому лѣтъ тридцать явился смѣлый человѣкъ, выступившій на учено-литературное поле больше

III

съ отвагою мысли, чѣмъ съ ученымъ авторитетомъ — то былъ Полевой съ его Исторіей Русскаго Народа; названіемъ, даннымъ своему сочиненію, онъ заявлялъ требованіе, что исторія русскаго государства недостаточна, необходима еще исторія народа. При быстро-подвижной работѣ нашей мысли, многимъ едва извѣстно по имени это сочиненіе. Я не имѣю цѣлю въ настоящее время дѣлать его оцѣнки, скажу только, что при многихъ достоинствахъ, полемическій тонъ мѣшалъ автору взглянуть на предметъ своего изложенія безпристрастно и спокойно, подражаніе западнымъ теоріямъ побуждало его прилагать, нерѣдко нектати, къ отечественнымъ событіямъ несвойственные взгляды, а болѣе всего недостатокъ источниковъ воспрепятствовалъ осуществиться на дѣлѣ названію, избранному авторомъ. Одно только названіе—болѣе всего осталось многознаменательнымъ для насъ отъ этого творенія талантливаго писателя. Съ-тѣхъ-поръ, втеченіи послѣднихъ тридцати или, точнѣе, двадцати пяти лѣтъ, наша ученая историческая литература значительно обогатилась. Правительство оказало дѣятельное содѣйствіе въ собраніи и обнародованіи древнихъ актовъ и памятниковъ; археографическая коммиссія, московское общество исторіи и древностей, кievская археографическая коммиссія, одесское общество исторіи и древностей, археологическое общество и наконецъ частныя лица издали въ свѣтъ богатые запасы старинныхъ письменныхъ памятниковъ; публичная бібліотека обогатилась рѣдкими сокровищами и разширила свой дружелюбный доступъ труженникамъ и любителямъ наукъ; наши почтенные ученые одни за другимъ представили плоды своихъ добросовѣстныхъ работъ надъ разными вопросами и сторонами отечественной исторіи; признана важность языкознанія для изученія жизни: собраны этнографическія данныя — вмѣстѣ со всемъ этимъ уяснилась и необходимость исторіи народа и теперь только наступаетъ пора, когда возможно приступить къ ней, хотя бы только для того, чтобъ проложить первую тропинку для послѣдующихъ дѣятелей, которымъ будетъ суждено измѣнить ее въ торную дорогу.

Теперь, милостивые государи, я считаю пужнымъ представить вамъ въ краткихъ словахъ сущность того понятія,

которое я составляю себѣ объ исторіи народа вообще. Не стану теперь распространяться въ подробностяхъ, предоставляя повѣрку и подтвержденіе моего взгляда самому ходу изложенія науки.

Едва ли нужно доказывать, что всякое политическое общество, съ его движеніями и измѣненіями, относится къ народу, какъ явленіе къ его сущности, какъ внѣшность къ внутреннему содержанію, такъ что опредѣлительность, какую мы даемъ кругу, въ который заключены политическія явленія, зависитъ отъ степени нашего понятія, какое мы составили себѣ о народѣ. Такъ, приступая къ исторіи политическаго общества подъ именемъ русской исторіи, мы вправѣ спросить себя: какого политическаго общества исторія предстоитъ нашему изученію? Той ли державы, которая существуетъ теперь подъ именемъ русской имперіи? Но если мы станемъ разсматривать всѣ признаки, составляющіе это понятіе, то найдемъ, что всѣ они сгруппировались между собою и составили то явленіе, которое мы называемъ въ настоящее время русскою державою, только съ Петра Великаго; и многіе, обращая исключительное вниманіе на одинъ видъ государственной жизни, справедливо, съ своей точки зрѣнія, говорятъ, что для нихъ только съ этого времени исторія представляетъ живой и непосредственный интересъ. Въ прежнія времена существовало другое государственное тѣло, до того отличное отъ настоящаго, что многіе изъ его важнѣйшихъ признаковъ составляютъ для насъ предметъ археологическихъ изслѣдованій. Еще несходнѣе наше государство съ удѣльною вѣчевою Русью, а языческой періодъ мелькаетъ намъ изъ глубокой дали, совершенно чуждымъ нашему политическому свѣту, мерцаніемъ. Чтоже соединяетъ всѣ эти періоды, которые, не смотря на ихъ отличіе другъ отъ друга, никто однако не исключалъ еще изъ науки русской исторіи?

Не земля, потому что коль скоро мы будемъ имѣть въ виду исторію всего того, что случилось на землѣ, гдѣ теперь живемъ, или той, которой обитатели вступили въ политическое единство съ государствомъ нашимъ, то придется говорить, какъ объ отечественномъ элементѣ и о бытѣ Пантикапей; она, однако, не имѣетъ къ намъ болѣе близкаго

отношенія, какъ вообще исторія греческихъ колоній, и касаясь Пантикапей, нужно было бы пуститься въ изученіе греческой исторіи. Намъ бы пришлось излагать исторію готоовъ, нѣкогда властвовавшихъ надъ нашею страной, и предаться изученію древне-германскаго міра; а это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей цѣли. Очевидно, то что образуетъ единство-между различными видами государственной или политической жизни—есть народъ, ибо только на основаніи сознанія тождества нашего народа какъ въ отдаленныя, такъ и близкія къ намъ времена, можемъ мы называть отечественными обитателями такихъ, которые болѣе имѣютъ между собою несходства чѣмъ подобія. На основаніи тождества народа, въ различныхъ государствахъ въ одно и то же время существующихъ или существовавшихъ, безъ всякихъ признаковъ политической связи, исторія этихъ государствъ можетъ составить одну исторію. Такое явленіе встрѣчается и въ нашей исторіи, когда въ XIV вѣкѣ образуются два русскія государства, московское и литовское. Наконецъ, къ одной и той исторіи съ извѣстнымъ государствомъ можетъ принадлежать и часть другаго государства, коль скоро въ этой части народъ составляетъ единое тѣло съ тѣмъ, который живетъ въ первомъ изъ государствъ. Такъ къ единой исторіи свободной Греціи будетъ всегда принадлежать судьба Фессалии и острововъ Архипелага, остающихся подъ властію Турціи. Это приложимо и къ русской исторіи. Червоная Русь въ XIV вѣкѣ выступила изъ политической связи съ остальною Россією, но судьба ея до-тѣхъ-поръ будетъ принадлежать къ русской исторіи, пока народъ червоно-русскій не потеряетъ русскаго языка и началъ русской жизни. Такимъ образомъ, излагая только исторію государственной жизни, если мы хотимъ быть основательными, то невольно будемъ въ своемъ изложеніи подчинять принципъ государственности идеѣ народности, ибо только народность даетъ связь странамъ не имѣющимъ между собою никакого политическаго связующаго признака. Доказывать, что внѣшнія явленія политической жизни не могутъ у насъ составить исторіи народа, кажется нѣтъ необходимости, ибо это само по себѣ слишкомъ ясно.

Но исторія народа не достигается также, такъ называе-

мою, внутреннею исторіею, послѣдовательнымъ изображеніемъ законодательства, учрежденій и быта, отлично отъ внѣшнихъ событій; ибо явленія общественной и домашней жизни все еще внѣшность: за нею кроется потребность уразумѣнія народнаго духа, какъ причины, и вмѣстѣ содержанія этой внѣшности. Знать о существованіи какого-нибудь учрежденія въ извѣстную эпоху еще не достаточно и такое знаніе, взятое само по себѣ какъ фактъ, можетъ повести къ ошибкамъ, если мы не знаемъ, какъ народъ въ свое время понималъ то или другое учрежденіе, въ какой степени оказалъ участіе въ его появленіи и какое дѣйствіе произвело оно на его жизнь. Народный обычай, черты домашняго быта, обрядъ народнаго увеселенія — все это еще внѣшность, не жизнь народная, а только ея выраженіе. Жизнь народная заключается въ движеніи его духовно-нравственнаго бытія: въ его понятіяхъ, вѣрованіяхъ, чувствованіяхъ, надеждахъ, страданіяхъ. Нельзя судить о благосостояніи экономическаго быта народа, не зная какъ народъ понималъ или понимаетъ довольство или недостатокъ. Нельзя судить о важности бѣдствій народныхъ, не зная въ какой степени они въ свое время производили вліяніе на чувство народа. Нельзя произносить приговоровъ надъ доблестями или пороками человѣческими, не зная, въ какой степени оправдывало или обвиняло ихъ народное убѣжденіе. Изслѣдованіе развитія народной духовной жизни—вотъ въ чемъ состоитъ исторія народа. Тутъ основа и объясненіе всякаго политическаго событія, тутъ повѣрка и судъ всякаго учрежденія и закона.

Сказанное теперь мною не новость; но часто случалось, что при сознаніи необходимости поставить на первый планъ духовную самодѣятельность народа, историкъ терялся въ внѣшнихъ явленіяхъ и упускалъ ее изъ виду. Я далекъ отъ того, чтобъ придавать слишкомъ малое значеніе уразумѣнію внѣшности, напротивъ, только это основательное знаніе и можетъ повести къ уразумѣнію народной жизни; безъ критики и безъ внимательнаго разсмотрѣнія внѣшнихъ подробностей невозможно приступить къ внутреннему содержанію, иначе мы будемъ принимать мечты за существенные выводы изъ явленій. По этому не только нельзя обвинять направленія, обра-

VII

ценнаго исключительно ко внѣшности, но слѣдуетъ сознаться, что въ настоящее время исторія народа не можетъ быть удовлетворительно составлена прежде, чѣмъ не будетъ достаточно-критически обработана во всѣхъ подробностяхъ исторіи внѣшнихъ явленій. Вотъ почему я считаю такое сочиненіе, какъ прекрасныя изслѣдованія Погодина, сочиненіемъ первой важности. Еслибы такимъ способомъ разработана была вся русская исторія, мы были бы значительно облегчены въ нашемъ предпріятіи. Но пока этого нѣтъ, я и не воображаю, чтобъ предпріятіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; я буду доволенъ и тѣмъ, если оно возбудитъ въ васъ, мм. гг., сочувствіе и найдется изъ васъ другой, болѣе меня даровитый, который воспользуется предложенною вамъ мыслию.

При чтеніи исторіи русскаго народа я ничуть не буду оставлять ни внѣшней-былевой ни бытовой исторіи, напротивъ, какъ сказалъ уже, только въ данныхъ той и другой и буду искать своей цѣли. Мы будемъ обращать вниманіе на такія явленія, которыя откроютъ намъ нравственное бытіе народа и его духовную дѣятельность. Мы не станемъ слѣдовать за утомительнымъ рядомъ княжескихъ усобицъ и войнъ съ иноземцами, но выберемъ изъ нихъ только то, что укажетъ намъ степень народнаго участія въ нихъ, народный взглядъ на нихъ и вліяніе ихъ на жизнь народную. Мы не остановимся даже на какомънибудь громкомъ государственномъ событіи болѣе того, сколько требовать этого будетъ разумѣніе воздѣйствія его на народный бытъ и воспитаніе; мы не станемъ преклоняться предъ біографіею лицъ, выходящихъ изъ массы; для насъ они будутъ важны единственно потому, что они принесли съ собою изъ массы и что сообщили массѣ ихъ дарованія. Намъ не будетъ важенъ никакой законъ, никакое учрежденіе сами по себѣ, а только приложеніе ихъ къ народному быту; насъ не займетъ никакой литературный памятникъ, если мы не будемъ видѣть въ немъ ни выраженія народной мысли, ни той силы, которая пробуждаетъ эту мысль; въ такомъ случаѣ для насъ гораздо важнѣе народная пѣсня, даже полная анахронизмовъ въ изложеніи внѣшняго событія. Если мое чтеніе приметъ образъ непрерывнаго повѣтствованія, то преимущественно въ тѣхъ эпохахъ, когда

VIII

проявляется народная самодѣтельность. Что для историка имѣющаго на первомъ планѣ государственную жизнь, составляетъ неважныя черты — у насъ будетъ предметомъ первой важности: такъ, напримѣръ, повѣствованія нашихъ лѣтописцевъ о неурожаяхъ, наводненіяхъ, пожарахъ, и разныхъ бѣдствіяхъ заставлявшихъ народъ страдать, о затмѣніяхъ и кометахъ, пугавшихъ его воображеніе, для нашего способа изложенія будутъ гораздо важнѣе многоаго другаго.

Не отклоняясь отъ идеи народной жизни, мы должны будемъ обратить особенное вниманіе на составъ русскаго народа, прослѣдить историческую этнографію, развѣтвленіе народностей, ихъ взаимныя столкновенія, противодѣйствія, возникновеніе и увяданіе. Только такое изученіе можетъ дать намъ понятіе о томъ: какъ сложился нашъ народъ и открыть тѣ элементы, которые его создали. Едва ли въ мірѣ есть держава, которая составлена изъ одной народности и едва ли есть народъ, въ которомъ бы нельзя было открыть настоящаго или прошлаго существованія составныхъ частей. Въ послѣднее время на Россію указывали, какъ на явленіе въ политическомъ мірѣ противоположное тому, какое представляютъ Австрія и Турція, столь ярко выказывающія различающуюся народностей въ своемъ составѣ. Миѣ кажется, Россія, по составности своего народа, не отстаетъ отъ другихъ. Назадъ тому лѣтъ двадцать обращали вниманіе на одинъ только славянскій элементъ, даже собственно на одну господствующую политически велико-русскую народность; казалось что историкъ, даже историкъ народа, долженъ имѣть въ виду эту господствующую народность, а другія не оказывавшія политической самобытной жизни, или потерявшія ее, не удостоивались отъ историковъ независимаго разсмотрѣнія. Народности финскія, литовскія, сибирскія, татарскія оставались безъ вниманія, даже богатые и важныя въ свое время изслѣдованія о нихъ нашихъ незабвенныхъ путешественниковъ XVIII вѣка Палласа, Лепехина, Гмелина мало сообщили нашей исторіи. Въ послѣднее время труды нашихъ академиковъ, русскаго географическаго общества и многихъ скромныхъ сотрудниковъ губернскихъ вѣдомостей значительно расширили кругъ свѣдѣній, относящихся къ этнографіи инород-

цевъ. Однако, ни отношенія ихъ къ нашей народности, ни мѣста, какое они должны занимать въ исторіи, не указано. Замѣчательно, что двѣ народности, болѣе всего сблизившіяся съ нами, корельская и мордовская изслѣдованы меньше прочихъ. Но между тѣмъ взгляните на этнографическую карту Кепена, припомните приэтомъ положеніе этихъ народовъ въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ и прослѣдите въ памяти ходъ, какой избралъ въ своемъ растяженіи славянскій элементъ, и вы придете къ заключенію, что такъ называемые инородцы не оставались безъ сильнаго вліянія на образованіе нашего народнаго склада и что въ нашихъ жилахъ течетъ ихъ крови можетъ быть столько же, сколько и славянской. Притомъ же многіе изъ этихъ народовъ существуютъ до сихъ поръ, и въ нашъ вѣкъ пора бы сознательно сказать, что не справедливо пророчить имъ безлѣдное уничтоженіе. Если мы говоримъ: исторія русскаго народа, то принимаемъ это слово въ собирательномъ смыслѣ, какъ массу народовъ, связанныхъ единствомъ одной цивилизаціи и составляющихъ политическое тѣло.

Жизнь народная подъ вліяніемъ внѣшнихъ явленій испытывала важныя измѣненія и вслѣдствіе ихъ являлась въ своеобразныхъ укладахъ, опредѣляемыхъ суммою согласныхъ признаковъ. Главныхъ укладовъ я нахожу два: удѣльно-вѣчевой и единоподержавный.

Признаки перваго: раздробленіе цѣлаго безъ совершеннаго его уничтоженія, самобытная жизнь частей безъ нарушенія взаимнаго сходства, перевѣсъ обычая надъ постановленіемъ, побужденія надъ закономъ, произвола надъ учрежденіемъ, личной свободы надъ сословностію, чувства надъ долгомъ, родственности надъ государственностію, слабость власти, неопредѣлительность формъ, народоправленіе въ образѣ частныхъ вѣчъ, движеніе и броженіе.

Во второмъ укладѣ части сплачиваются, формы опредѣляются, личность улегается въ сословныя разграниченія, обычай преобразуется въ постановленіе, законъ стремится дать направленіе и судъ побужденіямъ, родственность и народоправленіе покоряются государственному началу.

Въ этихъ двухъ укладахъ жизнь нашего народа. Нельзя

и думать опредѣлить точныхъ между ними хронологическихъ границъ уже и потому, что основа ихъ — жизнь неуловимая, своенравная, не улегающаяся ни въ какія систематическія рамки. Только приблизительно можемъ мы опредѣлить время перваго уклада отъ древнѣйшихъ вѣковъ до XVI вѣка, когда начала противоположнаго уклада преобладаютъ, хотя старая жизнь пробивалась и послѣ, а элементы новой являлись ощутительно и во времена сѣдой старины. Такъ напримѣръ въ X и XI вѣкахъ Владиміръ и Ярославъ показываютъ нѣкоторые признаки единовластія, а въ XVI и XVII вѣкѣ, когда единовластіе дѣлается торжествующимъ, не разъ порядокъ удѣльный какъ будто хочетъ возобновиться: такъ въ завѣщаніи Іоанна IV сыновьямъ его назначаются удѣлы. Нѣкоторыя враждебныя отношенія козачества къ властямъ въ XVII вѣкѣ имѣютъ также характеръ древней вѣчевой вольницы, противодѣйствующей единоподданному порядку, административной формальности и сословному неравенству. XIV и XV вѣка могутъ назваться временемъ переходнымъ отъ одного уклада къ другому; тогда господствовало столько же новыхъ какъ и старыхъ началъ — федеративныхъ и единоподданыхъ, такъ что смотря съ одной или другой точки зрѣнія можно ихъ относить и къ тому и другому укладу.

Втеченіи своего господства надъ русскою жизнію, каждый изъ этихъ укладовъ можетъ представлять нѣсколько видовъ, означающихъ извѣстный строй государственнаго и народнаго быта, дѣйствующихъ на народныя понятія и зависящихъ отъ ихъ направленія. Обращаясь въ глубину древности, мы найдемъ, что русскій народъ представляется раздѣленнымъ на племена; между ними, насколько указываютъ намъ это скудные источники, нѣтъ внѣшнихъ признаковъ связи, но непременно должна существовать внутренняя, хотя бы въ зародышѣ. Достаточно указать на общее сознаніе единоплеменности и дунайскаго происхожденія. Въ половинѣ IX вѣка появляются признаки внѣшняго соединенія, сначала на сѣверѣ; призываются князья, связь распространяется и къ концу X вѣка захватываетъ всѣхъ русскихъ славянъ и нѣкоторые финскіе народы. Вырабатывается удѣльность. Сначала, какъ мы сказали уже, проглядываютъ вмѣстѣ съ нею и на-

чала единой державности, но потому удѣльность беретъ верхъ и обозначается ясно. Подъ именемъ удѣльности я не разумѣю только родовой связи княжескаго рода, но признаю гораздо шире значеніе этого слова. Удѣльность есть такой строй, когда самобытныя части, не смѣшиваясь химически воедино и не прекращая своего отдѣльнаго существованія, всѣ вмѣстѣ образуютъ одно государственное тѣло. Связь ихъ можетъ болѣе или менѣе выражаться внѣшними признаками, поддерживаться тѣми или другими институціями, но принципъ удѣльности остается одинъ и тотъ же. Единство княжескаго рода было главною видимою институціею нашей удѣльности, но это не есть непремѣнное условіе ея существованія; институція могла замѣниться, съ развитіемъ народа, другою, третьею, а удѣльность все таки не прекращалась бы. Наша удѣльность съ институціею княжескаго рода была естественный переходъ отъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ, какъ мы уже сказали, лежали зародыши какъ удѣльности, такъ и единой державности. Естественно, что, отдѣляясь отъ послѣдней, удѣльность тѣмъ болѣе должна была сохранить подобія съ единой державностію, чѣмъ ближе находилась къ времени своего выхода изъ неяснаго, смѣшаннаго состоянія; и напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ единой державные признаки становились блѣднѣе и должны были совершенно исчезнуть. Съ половины XII вѣка удѣльный принципъ совершенно беретъ верхъ; вмѣсто произвольныхъ княжествъ выступаетъ самобытность земель по природному дѣленію: на сѣверѣ разцвѣтаетъ Новгородъ, готовый дать новый толчокъ русскому удѣльному міру. Вдругъ — нахлынули монголы. Это плачевное событіе остановило механизмъ русской жизни. Удѣльность, не достигши полноты своей, такъ сказать застываетъ въ своемъ теченіи, замерзаютъ ея горячія силы, двигавшія ее впередъ. Когда я воображаю Русь послѣ нашествія завоевателей, то мнѣ приходитъ на память сказка, въ которой волшебная флейта заставляетъ присутствующихъ дѣлать такія самыя движенія, съ какими ихъ застала, лишивъ ихъ способности переимѣнить на другія или остановиться вовсе. Такъ наша Русь, парализованная нашествіемъ и порабощеніемъ, съ своимъ удѣльнымъ укладомъ продолжала около вѣка

ХП

безсознательныя движенія на прежній ладъ, не имѣя ни силъ переѣнить этого лада, ни освободиться отъ тяжелаго кошмара. Наконецъ, въ XIV вѣкѣ начинается на востокѣ, подъ нравственнымъ вліяніемъ Сарая, а на западѣ по поводу пробужденія Литвы, прогрессивное шествіе новаго уклада — еди-нодержавнаго. Долго онъ шелъ не твердымъ шагомъ, пока не подоспѣли на помощь новые элементы: на востокѣ византійскій, на западѣ польскій, или лучше сказать, при посредствѣ его, западный.

Начинается исторія единодержавнаго уклада въ Россіи, на востокѣ въ формѣ Московскаго Царства, на западѣ въ формѣ Великаго Княжества Литовскаго, скоро соединеннаго съ Польшею. Какъ на востокѣ такъ и на западѣ, единодержавный укладъ по теченію времени разбивается на двѣ половины. Начало XVIII вѣка служитъ приблизительно между ними взаимною гранью. Явленія, составляющія существенные признаки первой половины на востокѣ: сосредоточеніе народнаго могущества въ особѣ царя, святость самодержавной власти, какъ истекающей отъ Бога, развитіе законной формы, перевѣсъ власти надъ общинностью, торжество государственнаго начала надъ народнымъ, стремленіе къ расширенію предѣловъ русской земли, замкнутость домашняго быта, зачатки сближенія съ западною Европою и усвоенія европейской промышленности и государственной защиты. Противудѣйствующая этому укладу сила является въ козачествѣ. Въ западной Руси эта половина обозначается постепеннымъ соединеніемъ народности русской съ польскою, аристократическое начало играетъ ту роль, какъ самодержавіе на востокѣ и находитъ себѣ противодѣйствіе въ козачествѣ. И здѣсь и тамъ козачество является выраженіемъ пережившей свое господство удѣльности, какъ будто слящущейся помолодѣть и найти другой строй для своего обновленнаго бытія. Въ началѣ XVIII вѣка смѣняетъ первую полсзину уклада — другая, гдѣ развивается то, къ чему первое служило подготовкою. Восточная Россія съ сильно развитымъ самодержавіемъ и государственнымъ слитіемъ частей, съ стремленіемъ къ расширенію предѣловъ, выступаетъ на чреду европейскихъ державъ и усваиваетъ европейскія начала промышленности и государственнаго охра-

ХІІІ

венія. Козачество, какъ единый противудѣйствующій остатокъ древней удѣльности—падаетъ, оставя на западѣ Россіи видимое торжество Польши, но въ самомъ дѣлѣ надорвавши ея силы до того, что чрезъ нѣсколько времени Западная Русь дополняетъ собою совершившееся окончательно единодержавіе.

Предстоящій курсъ я посвящаю изложенію удѣльнаго уклада русской жизни. Я почитаю нужнымъ прежде всего сдѣлать обзоръ источниковъ русской исторіи удѣльнаго уклада, указать ихъ составъ, опредѣлить ихъ достовѣрность, ихъ значеніе въ умственной дѣятельности народа, потомъ перейти къ древнимъ литературнымъ памятникамъ и наконецъ къ правительственнымъ и юридическимъ актамъ, не касаясь ихъ, однако, съ тѣхъ сторонъ, которыя составляютъ предметы особыхъ наукъ — исторіи русской литературы и исторіи русскаго законодательства. Отъ отечественныхъ источниковъ я перейду къ иностраннымъ, представлю обзоръ восточныхъ, византійскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ - ливонскихъ, скаandinavскихъ и западныхъ. Окончивъ обзоръ источниковъ, я представлю очеркъ доисторическаго существованія славянъ въ Европѣ, отдѣленіе русскихъ изъ восточныхъ славянъ и судьбу ихъ до зачала державы въ ІХ вѣкѣ. Приступивъ къ описанію русской державы я постараюсь, сколько дозволятъ мнѣ мнѣ силы и станетъ умѣнья обратить вниманіе на изслѣдованіе важнаго и еще не рѣшеннаго вопроса о происхожденіи Руси съ новой точки зрѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ я обращу ваше вниманіе на соотношеніе раздробленія Россіи на княженія съ естественнымъ этнографическимъ надѣломъ народа. Мы представимъ съ одной стороны что соединяло народъ русскій въ жизни и раздѣляло его во все время удѣльнаго уклада. Потомъ сдѣлаю обзоръ проявленія народнаго нравственнаго развитія, народныхъ понятій, взгляда на себя и на міръ, народныхъ страданій, народныхъ вѣрованій и убѣжденій, народнаго воспитанія—народныхъ добродѣтелей и пороковъ—словомъ народной жизни во всѣхъ удѣльныхъ земляхъ и буду останавливаться на такихъ важныхъ событіяхъ, въ которыхъ проявилась народная самодѣятельность. Такимъ образомъ мы начнемъ съ Кіева и Южной Руси, перейдемъ къ землѣ

кривичей и Великому Новгороду, потомъ къ суздальской землѣ, наконецъ къ Москвѣ и встрѣтимся тамъ съ господствомъ единойдержавнаго уклада. Потомъ мы сдѣлаемъ обзоръ жизни, быта и отношенія къ намъ всѣхъ, такъ называемыхъ инородцевъ. Мы начнемъ наше историко-этнографическое путешествіе съ запада литовскимъ племенемъ, потомъ перейдемъ къ финскому сѣверному; потомъ къ финскому восточному, далѣе къ турецкому и монгольскому и наконецъ къ народамъ прикавказскимъ. Обзоръ судьбы сибирскихъ инородцевъ, кавказскихъ горцевъ и закавказцевъ предоставляется единойдержавному укладу, ибо эти народы поступили въ одно тѣло съ нами уже во время господства единовластія. Такого рода обзорѣніе удѣльно-вѣчеваго уклада русской исторіи будетъ предметомъ моихъ чтеній въ настоящемъ академическомъ году.

ВИЗАНТІЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

II.

Теофанъ.

Почти четыре столѣтія прошло со смерти Теодоры до того времени, какъ византійскій престолъ снова былъ занятъ женщиной, не уступавшей ей ни въ красотѣ, ни въ порочности. Многое успѣло совершиться втеченіе этихъ четырехъ сотъ лѣтъ: много претерпѣла утрата имперія, много потеряла своего прежняго блеска; не разъ даже угрожала ей окончательная гибель. — Но все еще существовала она, все еще слыла первоклассною державою. Вокругъ нея возникали, одно за другимъ, новыя царства, грозили ей подавленіемъ, но послѣ краткаго процвѣтанія, сами падали въ прахъ. А она съ удивительною стойкостью переживала ихъ, не смотря на то, что въ каждомъ изъ нихъ было, повидимому, несравненно болѣе внутренней силы, несравненно болѣе ручательствъ жизни, чѣмъ въ ней. Что за могучая народность поддерживала, напримѣръ, франкское государство или престолъ калифовъ, а между тѣмъ первое, едва начавшее слагаться при Юстиніанѣ I, въ четыре вѣка послѣ его смерти успѣло уже распасться окончательно; второй, возникшій семьдесятью годами позже, съ трудомъ держался еще, представляя только тѣнь своего прежняго величія. Византія же, лишенная всякой національности, трепетавшая одинаково пе-

редь мечемъ Карла Великаго, какъ и приѣмниковъ Могаммета, по прежнему господствовала надъ лучшими землями древняго міра.

Причины этой изумительной живучести, доказывающей забываемую такъ часто въ наше время истину — что въ жизни государствъ народность есть не единственное умственное условіе и что еще болѣе зависеть отъ обстоятельствъ другаго рода — довольно сложны. Отчасти онѣ тѣ же самыя, которыя въ настоящее время не даютъ умереть Турціи, естественной наслѣдницѣ Византіи, и поддерживаютъ существованіе того политическаго тѣла, которое представляетъ наибольшее сходство съ нею — Австріи. Въ числѣ этихъ причинъ относительное превосходство Византіи въ образованіи занимаетъ далеко не первое мѣсто. Это образованіе — наслѣдіе классической древности — ограничивалось почти однимъ населеніемъ Константинополя. Съ-тѣхъ-поръ какъ Юстиніанъ прекратилъ выдачу казеннаго содержанія наставникамъ общественныхъ училищъ, жители провинцій погрязли въ невѣжествѣ, мрачнѣе котораго едва ли было умственное состояніе и наименѣе цивилизованныхъ европейскихъ народовъ того времени. Подданные Альмансура и Гаруна-аль-Рашида въ образованности не уступали византійцамъ. — Не много значилъ и личный характеръ нѣкоторыхъ доблестныхъ государей; благотворное вліяніе, ими оказывавшееся, въ избыткѣ парализировалось цѣлыми рядами слабоумныхъ и неспособныхъ правителей, которые смѣняли ихъ. — Гораздо дѣйствительнѣйшими причинами этой живучести были прочная, выработавшаяся изъ вѣковаго опыта, система администраціи, столь рѣдко встрѣчаемое въ исторіи среднихъ вѣковъ, умѣніе правительства централизовать правленіе; наконецъ превосходное географическое положеніе, какъ всей имперіи, такъ въ-особенности центра ея — Константинополя. Въ концѣ VI вѣка, напримѣръ, почти всѣ азіатскія провинціи были заняты персами, европейская часть имперіи находилась въ рукахъ аваровъ. Только въ Константинополѣ еще держалась она и, между тѣмъ, опираясь на эту неизбежную точку, Ираклій и его преемники успѣли возвратить почти все потерянное. Благодаря своему

положенію, Константинополь, при иконоборцахъ, сталъ опять грозою арабовъ и безусловно господствовалъ какъ надъ Чернымъ моремъ, такъ и надъ всею восточною половиною Средиземнаго. Почти цѣлое столѣтіе до окончательнаго паденія имперіи, она существовала исключительно въ стѣнахъ его.

Народность служитъ какъ бы органическимъ элементомъ гѣла, именуемаго государствомъ; *органической жизни* въ византійской имперіи за отсутствіемъ народности не было, но *механизмъ* ея, зависящій отъ исчисленныхъ внѣшнихъ причинъ, былъ крѣпокъ и надеженъ. Онъ не давалъ развалиться трупъ, изъ котораго давно всякая живая искра исчезла. Хорошо набальзамированная мумія сохраняется долѣе, чѣмъ самый преисполненный жизни и силы организмъ.

Образцовая для своего времени, византійская администрація произвела то, что десятки сидѣвшихъ на константинопольскомъ престолѣ негодяевъ, какъ будто нарочно нацѣлившихъ всѣ силы, чтобы низвергнуть имперію въ пропасть, въ сущности наносили ей сравнительно мало вреда. Заведенная разъ машина дѣйствовала, не спрашивая о томъ, кто стоялъ во главѣ ея; дѣйствовала, если тамъ даже никого не было, и почти съ большимъ еще успѣхомъ, чѣмъ въ противномъ случаѣ. Судьбы имперіи мало зависѣли отъ того, занималъ ли престолъ ея государь способный и дѣятельный, или слабый и лѣнивый. Административный порядокъ парализировалъ даже въ значительной мѣрѣ печальное вліяніе смуть и споровъ о престолѣ; онъ далъ Византіи возможность просуществовать — и это не малѣйшее чудо въ ея богатой аномаліями исторіи — безъ твердаго закона о престолонаслѣдіи.

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ этой независимости судьбъ Византіи отъ личности ея государей, служитъ царствованіе Константина VII Порфиророднаго. Не смотря на свою склонность къ ученымъ занятіямъ, на свой историческій дилетантизмъ, которому мы обязаны драгоценными свѣдѣніями, онъ, и какъ государь и какъ человѣкъ, стоялъ чрезвычайно высоко. Правда, за нимъ не упоминается у лѣтописцевъ ни-

какихъ особенныхъ пороковъ; они напротивъ хвалятъ его мягкосердечіе ¹⁾, его щедрость въ отношеніи къ церкви ²⁾, творившія имъ богатая милостыни ³⁾, его нѣжность въ семейныхъ отношеніяхъ ⁴⁾; они съ гордостью исчисляють его ученія и стихотворныя произведенія ⁵⁾, пѣсни, сложенные для церковныхъ праздниковъ, составленныя по его указаніямъ руководства сельскаго хозяйства и ветеринарнаго искусства (*υπονομία* и *ἰατρικία*). Но эти похвалы, относясь къ государю, служатъ гораздо меньшею рекомендаціею, чѣмъ упреки въ жестокости и алчности, направленные напримѣръ противъ Льва III и Константина Копронима ⁶⁾.

Въ томъ, что составляетъ прямое назначеніе государя, въ дѣлахъ правленія, Константинъ-Порфирородный во все свое сорока-восьмилѣтнее царствованіе не принималъ почти никакого участія. Первые восемь лѣтъ за него правилъ дядя его Александръ и мать Зоя; затѣмъ двадцать пять лѣтъ тестъ его Романъ Лакапинъ съ тремя сыновьями; наконецъ послѣднія пятнадцать лѣтъ жена Елена (дочь Лакапина) и смѣнявшіе другъ друга министры. Самъ Константинъ почти исключительно ограничивался тѣмъ, что называютъ представленіемъ, фигурировалъ на различныхъ выходахъ и праздникахъ, входилъ въ различныя, недостойныя высочайшей власти мелочи, но правителемъ не былъ. А между тѣмъ имперія благоденствовала.

Слабохарактерность Константина, высказывающаяся въ приведенныхъ чертахъ, не менѣе рѣзко обнаруживалась и въ семейныхъ отношеніяхъ. Елена родила ему пять дочерей: Зою, Θεодору, Θεοφανὸ, Анну и Αγαθίу, и одного сына: Романа. Послѣдній долженъ былъ наследовать отцу и былъ предметомъ его особенной заботливости. Для него Константинъ VII написалъ свое знаменитое сочиненіе объ управленіи государствомъ — родъ статистически-географическаго руководства къ изученію византійской имперіи. Но толку при всемъ томъ въ этихъ стараніяхъ не было. Представленіями Константина позднѣйшіе историки воспользовались гораздо болѣе, чѣмъ сынъ его. Въ отношеніи къ правственному развитію своему Романъ былъ совершенно тѣмъ, чѣмъ можетъ стать дитя въ высшей степени избалованное.

Дѣтскія прихоти, не встрѣчая нигдѣ разумнаго отпора, скоро превратились въ дикія страсти, а развращенность двора и всей окружающей сферы наложили на эти страсти печать глубокой порочности. Порокъ, точно также какъ палящее солнце юга, сообщилъ Роману раннюю зрѣлость. Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ чувствовалъ въ себѣ уже все дикіе инстинкты взрослого и удовлетворялъ страстямъ, коихъ пробужденіе сама природа обыкновенно относитъ къ позднѣйшему времени, когда окрѣпшая разумность бываетъ въ состояніи уравнивать ихъ. Еще ребенкомъ онъ былъ сговоренъ съ Бертою, дочерью графа Гугона Прованскаго, дѣвицею, подававшею самыя благія надежды. Супружество съ такимъ человекомъ, какъ Романъ, предвѣщало ей печальную будущность; поэтому преждевременная смерть ея въ 949 году была истиннымъ счастьемъ для нея. Можно себѣ представить, что потеря невѣсты немного огорчила его. Въ дикихъ оргіяхъ съ испорченною придворною молодежью онъ приучился къ другимъ наслажденіямъ, чѣмъ тѣ, которыя могла доставить ему цѣломудренная, добродѣтельная супруга. Буйствуя съ равномыслящими товарищами ночью по улицамъ Константинополя, Романъ зашелъ однажды въ гостиницу, посѣщавшуюся только низшимъ классомъ народа. Тутъ поразила его красота молодой дѣвушки, дочери содержателя, Анастасіи. Кромѣ физическихъ прелестей онъ ничѣмъ не могъ плѣниться. Совершенное отсутствіе образованія не казалось ему недостаткомъ, а еще менѣе конечно четырнадцатилѣтній мальчишка былъ въ состояніи оцѣнить нравственныя качества. Что же касается наружности, то Анастасія, по свидѣтельству всѣхъ писателей, упоминающихъ о ней, была ослѣпительна. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ такихъ подробныхъ описаній ея особы, какія намъ Прокоцій оставилъ объ Антонинѣ и Теодорѣ. Посѣтившій Константинополь, въ 960 годахъ, въ качествѣ посла Оттона Великаго, Лутприандъ, очень подробно описывающій наружность ея втораго супруга ⁷⁾, о ней самой не упоминаетъ ни слова. Только въ одной лѣтописи есть указаніе, по крайней мѣрѣ, на родъ красоты ея. Она тамъ ⁸⁾ сравнивается съ лакедемонкою, слѣдовательно была жеи-

щина стройная и полная. Несомнѣнно также, что она, когда съ нею познакомился Романъ, была еще дѣвушкою неспорченною и, хотя чуждая лоска высшаго византійскаго общества, чуждалась и его развращенности ⁹⁾.

Должно полагать, что попытки Романа соблазнить молодую дѣвушку остались безуспѣшны; по крайней мѣрѣ онъ не нашелъ другаго средства овладѣть ею, кромѣ законнаго брака. Константинъ VII, равно какъ и мать Романа, Елена, женщина гордая и умная, изъ всѣхъ силъ противились этому безумному намѣренію; но мальчикъ настоялъ на своемъ. Онъ прикинулся больнымъ, отказывался отъ пищи, плакалъ и умолялъ, пока отецъ не согласился. Въ томъ же 949 году, когда скончалась его цвѣста, отпраздновалась постыдная свадьба нареченнаго наследника престола съ дочерью простаго трактирщика.

Сочли нужнымъ передъ общественнымъ мнѣніемъ скрыть истинный свѣтъ этого событія. Анастасіи дали другое имя — Теофанъ; сочинили для нея родословную, ставившую ее въ родство съ лучшими фамиліями Византіи, но этими мѣрами конечно никого не обманули. Анастасія ли, Теофанъ ли — женщина, носившая оба эти имени, по праву своему осталась вѣрною той средѣ, въ которой родилась и выросла.

Не трудно вообразить себѣ, какое воспитаніе и образованіе молодая и неопытная женщина, для которой вся добродѣтель заключалась лишь въ незнаніи порока, могла получить въ сферѣ двора, выростившаго супруга ея. У насъ нѣтъ матеріаловъ, чтобы прослѣдить постепенный упадокъ этой, хотя и грубой, но пока еще незараженной природы, не находившей въ себѣ ничего, чтобы могло служить ей оплотомъ противъ растлевающей силы зла. Но нравственный уровень, на которомъ мы ее находимъ очень не долго спустя, доказываетъ, что это паденіе было глубокое и быстрое.

Суругъ, каковъ былъ Романъ, разумѣется не могъ привлечь къ себѣ женщины, располагавшей при необузданности пылкаго южнаго темперамента всѣми способами удовлетворять страстямъ своимъ. Смѣшно было бы Роману и требовать вѣрности, которой онъ самъ не соблюдалъ ни-

сколько. Изъ царедворцевъ того времени взоры будущей императрицы привлекъ на себя въ-особенности одинъ — Никифоръ, изъ прославленнаго побѣдами семейства Фоки. Отецъ его, Вардасъ, командовалъ въ качествѣ domestica ¹⁰⁾ (*δορυστικός σχολῆς* = генераль-адъютанта ¹¹⁾) арміею Востока и ознаменовалъ себя нѣсколькими удачными походами въ Килицію ¹²⁾; братъ, Левъ, управлялъ Каппадокіею ¹³⁾, другой — Константинъ, былъ коммендантомъ Селевкии, едва ли не важнѣйшаго пограничнаго пункта имперіи. Самъ Никифоръ, бытъ можетъ въ качествѣ поручителя за вѣрность родственниковъ, жилъ въ Константинополѣ. Въ немъ было не только все, что прельщаетъ женщину — сила, ловкость, молодость, умъ и мужество — но кажется, что онъ чувствовалъ сверхъ того и искреннее влеченіе къ женѣ наследника престола, возвышавшее связи, которыя не замедлили между ними возникнуть, надъ уровнемъ грубой чувственности. Отношенія Теофанѣ къ Никифору скоро приняли такой характеръ, что перешли въ область скандала, который не могъ скрыться и отъ высочайшаго слуха. Елена, чувствовавшая глубоко оскорбленіе нанесенное чести ея дома неравнымъ бракомъ сына, жаловалась старому императору на безстыдное поведение своей невѣстки. Но Романъ, находившійся совершенно подъ вліяніемъ своей жены, отстоялъ виновныхъ. Константинъ ограничился тѣмъ, что подъ почетнымъ предлогомъ удалилъ Никифора изъ столицы. Его назначили преемникомъ состарѣвшагося Вардаса и поручили ему такимъ образомъ командованіе тѣми же войсками, которыхъ привязалъ къ себѣ побѣдами отецъ его ¹⁴⁾.

Легко понять, что принятая императоромъ мѣра была самая дурная, какую только можно было придумать. Въ центрѣ правленія оставалась женщина, глубоко оскорбленная императорскимъ семействомъ и ничѣмъ не связанная съ его интересами (у Теофанѣ тогда еще дѣтей не было). А въ провинціяхъ Востока, составлявшихъ лучшую часть имперіи, сосредоточили власть въ рукахъ челоѣка ей вполне преданнаго и еще болѣе страшнаго личными качествами, чѣмъ средствами, которыми онъ располагалъ въ силу своей новой должности. Это ослѣпленіе Константина VII тѣмъ удив-

тельнѣе, что уже одинъ изъ родственниковъ Никифора, дядя его Левъ, попытался произвести возстаніе и овладѣть престоломъ въ управленіе Романа Лакапина. Правда, онъ не успѣлъ въ этомъ и поплатился ссылкой и лишеніемъ зрѣнія ¹⁵⁾; но едва ли его неудача могла бы остановить честолюбіе племянника. Она скорѣе послужила бы новымъ побужденіемъ, возбуждая его къ мщенію.

Къ счастью однакожь обстоятельства приняли такой оборотъ, что онъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, былъ лишень возможности вредить правительству. Отецъ его въ послѣдніе мѣсяцы своего командованія потерялъ всякую популярность въ арміи, возненавидѣвшей его за скупость и жадность, которыя доходили до того, что онъ заставлялъ ее терпѣть нужду во всемъ необходимомъ, чтобы обогатить себя. Нелюбовь эта въ началѣ простерлась и на сына, тѣмъ болѣе что и его дебютъ на собственно военномъ поприщѣ оказался неудачнымъ. Эмиръ александрійскій и эмускій, Сифъ-од-Даула, византійцами называемый Хамвданомъ, нанесъ ему жестокое пораженіе и тѣмъ на столько же ослабилъ вещественныя средства его, насколько подорвалъ кредитъ между солдатами. Сама Теофанъ между тѣмъ утѣшилась въ объятіяхъ новыхъ сужителей, и если императору и семейству его угрожала опасность, то уже по крайней мѣрѣ не отъ нея связей съ Никифоромъ.

Болѣе удобное орудіе, чѣмъ въ возлюбленномъ, нашла она въ супругѣ своемъ, на котораго оказывала вліяніе безграничное. Не смотря на то, что онъ безпрестанно мѣнялъ любовницъ и въ утоленіи чувственности своей нисколько не стѣснялся присутствіемъ жены, онъ слѣпо покорялся ей волѣ и боялся ей въ чемъ бы то ни было воспротивиться. Явленіе естественное: не встрѣчавъ никогда сопротивленія своимъ прихотямъ со стороны слабаго отца, онъ конечно долженъ былъ покориться первому лицу, которое заговорило съ нимъ твердо и рѣшительно. Такимъ образомъ случилось, что Романъ въ рукахъ жены своей сдѣлался послушнымъ орудіемъ противъ своихъ же родителей.

Болѣе всего Теофанъ возненавидѣла свою тещу; но направить свои дѣйствія прямо противъ нея во многихъ от-

ношеніяхъ было неудобно. Елена держала въ своихъ рукахъ все государственное управленіе; министры и другіе сановники были ей безусловно преданы, потому что вполне зависѣли отъ нея и мѣстами своими были ей облапаны; самъ Константинъ находился въ такихъ отношеніяхъ къ своей супругѣ, что нельзя было рассчитывать на то, что онъ противъ нея приметъ сторону невѣстки или недостойнаго сына. При всемъ томъ однакожь, значеніе Елены исключительно обуславливалось ея положеніемъ, какъ царствующей императрицы. Не будь болѣе въ живыхъ Константина, она низошла бы съ своей высоты и для Теофано уже не могла бы болѣе быть опасною. Поэтому самъ императоръ первый сдѣлался предметомъ преступныхъ замысловъ своей невѣстки, хотя особенныхъ причинъ личной ненависти къ нему она не имѣла. Противъ него прежде всего возстановила оца своего мужа, воспламеняя его честолюбіе. Случай къ исполненію ея желаній представился въ 956 году, когда Константинъ заболѣлъ легкою простудою. Деньгами и обѣщаніями камердинеръ государя, нѣкто Никита, былъ склоненъ къ тому, чтобы пригнать ядъ къ лѣкарству, приготовленному для него лейбъ-медикомъ. Принимая напитокъ; Константинъ случайно пролилъ большую часть его и выпилъ слишкомъ малую дозу яда, чтобы умереть тотчасъ-же ¹⁶⁾. Но и выпитое количество было еще достаточно для того, чтобы смерть, только не столь быстрая, неминуемо послѣдовала. Это избавило Романа и Теофанѣ отъ необходимости повторить свое покушеніе, сдѣланное какъ разъ въ то время, когда у нихъ самихъ родился сынъ, знаменитый впоследствии побѣдитель болгаровъ, Василій ¹⁷⁾.

Хотя темные слухи о совершившемся въ стѣнахъ дворца преступленіи тотчасъ распространились по Константинополю, самъ Константинъ однакожь ничего не подозревалъ и, напротивъ, совершенно обольстился заботливостью о его здоровьѣ, которую выказывали и сынъ и невѣстка его. Едва оправившись отъ родовъ, послѣдняя сама ухаживала за нимъ, проспавая по нѣсколько часовъ сряду около постели больного, однимъ словомъ—являлась самою нѣжною и заботливою дочерью. Эта заботливость могла быть тѣмъ искреннѣе, что

всякій предвидѣлъ скорую кончину императора и онъ самъ даже не обманывалъ себя на счетъ безнадежности своего положенія. Путешествіе въ Виеннiю, гдѣ онъ надѣялся получить облегченіе отъ цѣлебныхъ источниковъ близъ города Прузы, окончательно сокрушило его. Впрочемъ цѣль этого путешествія была еще и другая: ему хотѣлось посѣтить Олимпійскую пустыню, славившуюся святостью своихъ монаховъ, и тутъ понести покаяніе за грѣхи свои¹⁸). Великолѣпно убранная галера отвезла вѣнценоснаго пилигрима въ Никомедію; оттуда путешествіе продолжалось сухопутнымъ. У подножія Олимпа, коего святость во времена язычества едва ли не болѣе способствовала тогдашней репутаціи монастыря на немъ построеннаго, чѣмъ строгая жизнь его отшельниковъ, Константинъ былъ встрѣченъ игуменомъ, просившемъ его не идти далѣе. На вопросъ о причинѣ такой странной просьбы, онъ подалъ ему грамоту, будто бы подписанную отцемъ его Львомъ-Философомъ, содержаніе которой должно было сильно потрясти больнаго императора. Левъ VI объявлялъ въ этой грамотѣ, что онъ, отправившись въ тотъ же монастырь для того, чтобы вымолить себѣ у Бога сына, услышалъ отъ тогдашняго игумена Петра предсказаніе, гласившее, что желаніе его исполнится, но что имѣющему родиться сыну суждено умереть тотчасъ послѣ посѣщенія Олимпійской обители. Константинъ прочелъ эту грамоту съ большою твердостью, призналъ подлинность подписи отца своего, но, объявивъ, что онъ ни мало не сомнѣвается въ вѣрности предсказанія, продолжалъ путь свой. Нѣсколько дней провелъ онъ между отшельниками, раздѣляя ихъ постъ и молитву, потомъ поѣхалъ въ Прузу¹⁹). Но воды не принесли ему никакой пользы, и, едва дыша, онъ возвратился въ столицу. Ядъ жегъ внутренности неугасаемымъ пламенемъ, и 15 ноября 959 года онъ испустилъ послѣднее дыханіе, окруженный монахами и попами, для которыхъ царствованіе его было временемъ рѣдкаго благоденствія. Дворъ и сановники привѣтствовали новымъ государемъ Романа, и Теофанъ увидѣла наконецъ цѣль своихъ желаній достигнутою. Опасаться Елены теперь ей было нечего.

Смерть Константина-Порфиророднаго, при всей его сла-

бости и неспособности, вызвала живое сожалѣніе со стороны избалованныхъ имъ константинопольцевъ. Вспоминали о его добродушіи, побуждавшемъ его нерѣдко при посѣщеніи темницъ освобождать заключенныхъ, о его щедрости, обнаруживавшейся въ большіе годовые праздники, когда онъ осыпалъ подарками всѣхъ царедворцевъ своихъ. Жалѣть о такомъ государѣ было естественно людямъ, которые праздновали какъ радостное событіе смерть государей въ родѣ Льва III и Константина V. Разумѣется и виновники потери, понесенной византійцами, не могли идти противъ общаго движенія умовъ. Романъ и Теофанъ, въ полномъ смыслѣ слова, щеголяли своею лицемѣрною печалью. Въ духѣ древнеримскаго кесаря-братоубійцы, не устыдившагося скрѣпить сенатскій декретъ о воздаваніи божескихъ почестей имъ же самимъ убитому брату (*sit divus, modo non vivus*²⁰), новый императоръ не щадилъ издержекъ, чтобы окружить возможнымъ блескомъ и великолѣпіемъ похороны своего предшественника. Падкіе до подобныхъ случаевъ лѣтописцы того времени съ большею подробностію распространяются объ этой церемоніи, чѣмъ о фактахъ дѣйствительной важности. Трупъ покойника былъ выставленъ сначала въ одной изъ пріемныхъ залъ дворца (*ἐν τοῖς δεκάεννα ἁκκουβίτοις* — залѣ девятнадцати аккубиторовъ, гдѣ обыкновенно помѣщались дежурные камеръ-юнкеры и пажы государя). Тутъ отслужили надъ нимъ панихиду. Потомъ перенесли въ Халки, зданіе, помѣщавшееся на серединѣ пути между дворцомъ и софійскимъ соборомъ и украшенное превосходно отдѣланными мозаикой иконами²¹). Сюда собрались всѣ высшіе сановники имперіи для послѣдняго прощанія. Сначала долгъ этотъ исполнилъ патриархъ Поліевктъ въ главѣ всего константинопольскаго духовенства; потомъ свѣтскіе чины, министры, генералы, патрици и фигуранты-сенаторы. По окончаніи всего этого выступилъ оберъ-церемоніймейстеръ и три раза громко произнесъ слова: «владыко иди! Царь царей и Государь государей зоветъ тебя». Раздавшіеся по командѣ крики и вопли официального отчаянія отвѣчали ему, между тѣмъ какъ трупъ былъ поднятъ двѣнадцатью придворными звнухами и отнесенъ въ сопровожденіи огромнаго кортежа въ церковь двѣнадцати

апостоловъ, построенную еще Св. Еленою, матерью Константина-Великаго ²²) и служившую мѣстомъ погребенія для тѣхъ немногихъ византійскихъ императоровъ, которые умирали естественною смертію на престолѣ своемъ. Тутъ патрицій Васплій, занимавшій должность оберъ-каммергера (παρκασιβήμιος = praefectus sacri cubiculi) собственноручно одѣлъ его въ бѣлый полотняный саванъ. Въ такомъ видѣ уже спустили тѣло Константина въ могилу, которую выстроилъ для себя и семейства своего Левъ-Философъ ²³). Романъ и Теофанъ были правы, что совершали всю эту церемонію съ такимъ великолѣпіемъ; для нихъ она была лучшимъ праздникомъ жизни.

Новый императоръ не замедлилъ показаться подданнымъ въ полномъ блескѣ своихъ качествъ. Большая часть высшихъ сановниковъ какъ по управленію, такъ и по придворному штату, была смѣнена; ихъ мѣста заняли лица недостойныя, приобрѣтшія извѣстность только своимъ участіемъ въ его забавахъ и оргіяхъ. Имъ онъ поручилъ всѣ дѣла правленія, а самъ жилъ для однихъ удовольствій. О томъ какъ онъ проводилъ время свидѣтельствуемъ слѣдующій рассказъ лѣтописца: «утромъ императоръ присутствовалъ на играхъ цирка, или на приготовленіяхъ и ренетціяхъ къ нимъ; потомъ обѣдалъ въ многочисленной компаніи, награждая каждый разъ своихъ собесѣдниковъ подарками, игралъ въ мячъ (въ каковой игрѣ отличался большимъ искусствомъ) или ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ Константинополя. Болѣе же всего любилъ онъ охоту, на которой проводилъ цѣлыя недѣли, удаляясь въ глушь лѣсовъ и предоставляя женѣ и министрамъ вѣдаться съ дѣлами правленія» ²⁴). И что за жалкій вѣкъ, если подобныя занятія государя могли восхищать подданныхъ и заставлять ихъ удивляться его неутомимой дѣятельности. А что это между тѣмъ было, мы видимъ изъ сочиненія того же автора, изъ котораго заимствовано вышеприведенное мѣсто. Весьма естественно поэтому, что фигляры, эвнухи, шуты, конюхи и доѣзжачіе составляли любимое общество Романа ²⁵).

Между новыми министрами первое мѣсто занималъ praepositus sacri cubiculi и великій адмиралъ (δρουγγάριος τῶν πλοίων)

Іосифъ Врингасъ, пользовавшійся уже довѣріемъ Константина VII и Елены и умѣвшій поставить себя такъ, что и новая императрица не имѣла причинъ хлопотать о его удаленіи. А между тѣмъ онъ былъ главною причиною открытія ея связей съ Никифоромъ, потому что первый донесъ о нихъ императору. Врингасъ отличался способностями государственнаго человѣка, былъ справедливъ и безпристрастенъ, зналъ отлично весь механизмъ управленія и, главное, въ трудолюбіи и дѣятельности не находилъ себѣ равнаго²⁹). Благодаря этимъ свойствамъ, онъ скоро сдѣлался для императрицы необходимымъ человѣкомъ и вполне располагалъ дѣлами правленія, для которыхъ она, при всемъ желаніи заниматьса ими, не имѣла ни достаточнаго образованія, ни довольно трудолюбія. И ея занимали болѣе всего удовольствія, хотя другаго рода, чѣмъ тѣ, которымъ предавался супругъ ея. Господствующею чертою ея характера была чувственность, которой она удовлетворяла, не стѣсняясь ни чувствомъ долга, ни требованіями приличія. Объ истинной любви въ сердцѣ такой женщины конечно не могло быть и рѣчи и потому она давно забыла о той минутной страсти, которая нѣкогда связала ее съ Никифоромъ Фокою. Теперь, когда ничто не препятствовало ей возвратитъ его, она забыла о немъ и Врингасу, смертельному врагу всего семейства Фока, никакого труда не стоило убѣдить ее въ необходимости оставить Никифора въ главѣ арміи Востока, наконецъ опять научившейся побѣждать подъ его знаменами.

Но если любовь Теофанѣ была скоро проходящею, то въ ненависти она обнаруживала постоянство. Еще жила въ царскомъ почетѣ Елена и народъ съ тѣмъ большимъ уваженіемъ смотрѣлъ на вдовствующую императрицу, что образъ жизни ея и окружавшихъ ее дочерей составлялъ блистательный контрастъ съ развратнымъ поведеніемъ Теофанѣ. Теперь, когда уже стараго императора въ живыхъ не было, можно и должно было уничтожить ее. Врингасъ, хотя возвышенный Еленою (по ея настоянію Константинъ VII возвелъ его въ санъ адмирала и отрекомендовалъ, умирая, своему сыну) и постоянно пользовавшійся ея расположе-

ніемъ, теперь явился союзникомъ ея непріятельницы. Виною такой неблагодарности было не одно желаніе заслужить милость Θεофанѣ, замыслы его шли далѣе: онъ хотѣлъ самъ овладѣть престоломъ, если не въ качествѣ императора — этому противилось то обстоятельство, что онъ былъ звнухомъ — то, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ правителя за малолѣтняго сына Романа, недолговѣчность котораго можно было предвидѣть. Достигнуть же этого при многочисленности императорскаго семейства и любви народа къ династіи Порфиророднаго, было не легко; тѣмъ болѣе, что самого Врингаса ненавидѣли за строгость и суровое обращеніе. Лучшее же средство для того, чтобы устранить всѣхъ соперниковъ, или, вѣрнѣе говоря, соперницъ своихъ (вдову Порфиророднаго, дочерей его и самую императрицу) и вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать кредитъ династіи, заключалось, разумѣется, въ вооруженіи ихъ другъ противъ друга. Съ этою цѣлью онъ поддерживалъ передъ Романомъ требованіе императрицы удалить Елену и дочерей ея. Вся гнусность этой мѣры падала конечно на Θεофанѣ и супруга ея; самъ же Врингасъ оставался въ сторонѣ и могъ покойно выжидать плодовъ своей интриги.

Романъ не долго сопротивлялся соединеннымъ убѣжденіямъ жены и министра. Кажется, отношенія его къ матери всегда бывали довольно холодныя и кромѣ страха передъ нею, естественно внушаемаго ничтожнымъ и безнравственнымъ людямъ характеромъ сильнымъ и чистымъ, онъ ничего не чувствовалъ. Елена получила приказаніе отъ императора, вмѣстѣ съ дочерьми оставить столицу и поступить въ монастырь. Но привыкшая сама повелѣвать, она не была намѣрена покориться чужой волѣ. Елена пріѣхала во дворецъ, проникла въ покои своего сына и въ присутствіи толпы царедворцевъ осыпала его горькими упреками. Романъ струсилъ и разрѣшилъ ей остаться, но судьбы сестеръ онъ не измѣнилъ. Ихъ отвезли насильно въ монастырь въ окрестностяхъ Константинополя, гдѣ уже томилась въ невольномъ монашествѣ вдова одного изъ соправителей Порфиророднаго, императрица Софія, и также насильно постригли въ монахини. Обрядъ этотъ былъ совершенъ игуменомъ знаменитаго

Студитскаго монастыря, пользовавшимся по положенію своему почти такимъ же авторитетомъ, какъ и самъ патріархъ. Но лишь только онъ вышелъ изъ церкви, какъ царевны громко протестовали противъ насилія, порвали свои рясы и ни за что не хотѣли подчиниться монашескому уставу. Елена между тѣмъ привела въ движеніе весь Константинополь, чтобы и ихъ освободить, и Романъ снова увидѣлъ себя принужденнымъ уступить. Правда, онъ сестеръ не возвратилъ въ столицу, но все-таки дозволилъ имъ жить на свободѣ и надѣлилъ ихъ приличными ихъ званію апанажами ²⁷). Врингасъ, у котораго вся цѣль состояла въ томъ, чтобы надѣлать скандалу, увидѣлъ ее достигнутою и уже болѣе не поддерживалъ его рѣшимости. — Даже запрещеніе жить въ столицѣ послужило можетъ быть къ ихъ благу, потому что обезпечивало ихъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій императрицы; по крайней мѣрѣ, оставшаяся въ Константинополѣ мать ихъ умерла уже черезъ годъ (15-го сентября 961 года), на каждомъ шагу огорчаемая высокоуміемъ своей торжествующей непріятельницы.

Обязавъ мнимую услугой своей императрицу, Врингасъ теперь окончательно взялъ въ руки все правленіе. Императоръ чѣмъ далѣе, тѣмъ становился перадивѣе къ дѣламъ и даже мало жилъ въ столицѣ; обильные дичью лѣса Фракіи и Впоніи были его любимымъ мѣсто пребываніемъ. Супруга его, не опасаясь болѣе суда удаленныхъ изъ дворца родственницъ, удовлетворяла только страсти своей и при этомъ находила въ Врингасѣ ревностнаго служителя. При такихъ обстоятельствахъ ему безъ труда удалось наполнить самыя вліятельныя мѣста своими приверженцами и удалить изъ администраціи всѣхъ тѣхъ, которые бы могли быть препятствіемъ при исполненіи его плановъ. Такъ напримѣръ, важныя должности комменданта Константинополя и верховнаго судьи (*ἀρχιεπίσκοπος τῆς Πρωτοπόλεως*) были заняты преданными ему Теофилактомъ Мацизикомъ и Иосифомъ ²⁸). Только Никифора не могъ онъ лишить мѣста главнокомандующаго азіатскою арміею. Любовь къ нему императрицы еще не совсѣмъ остыла и хотя она и не требовала его возвращенія въ Константинополь, вознаграждая себя за его отсутствіе въ обя-

тіяхъ другихъ избранниковъ, тѣмъ не менѣе однакожь от-
 ставала его отъ несправедливости министра. Къ тому же Ники-
 фора было трудно замѣнить кѣмъ-нибудь. При всей стро-
 гости введенной имъ дисциплины, войско обожало его, потѣму
 что дѣйствительно по знанію военнаго дѣла (свидѣтельство
 котораго сохранилось въ дошедшемъ до насъ и написанномъ
 подъ его диктовку руководствѣ къ тактикѣ²⁹) онъ былъ однимъ
 изъ первыхъ полководцевъ своего времени. Только его при-
 сутствіе удерживало отъ опустошительныхъ набѣговъ на
 византійскія провинціи кочевья племена, которыя появились
 вслѣдъ за распространеніемъ исламизма въ земляхъ между
 Тигромъ и Средиземнымъ моремъ. Самъ Сифъ-од-Даула, по-
 слѣ первыхъ успѣховъ надъ Никифоромъ, увидѣлъ себя при-
 нужденнымъ смириться. Наконецъ Романъ задумалъ пред-
 пріятіе, для котораго генераль, какъ Никифоръ Фока, былъ
 совершенною необходимостью.

Это предпріятіе, состоявшее въ покореніи острова Крита,
 не находится въ непосредственной связи съ исторіею Тео-
 фано. Но оно такъ тѣсно сплетено съ судьбою лица, играю-
 щаго одну изъ главныхъ ролей въ нашемъ разсказѣ, что
 мы рѣшаемся остановиться на немъ нѣсколько далѣе и раз-
 сказать его подробнѣе, чѣмъ слѣдовало бы, судя по загла-
 вію нашего очерка. Притомъ это предпріятіе составляетъ
 одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ византійской исто-
 ріи, въ свое время было воспѣваемо въ стихахъ и въ прозѣ,
 такъ что недостатка въ свѣдѣніяхъ касательно его нѣтъ, а
 скорѣе можно пожаловаться на изобиліе матеріала³⁰). Чи-
 татель, полагаемъ, будетъ благодаренъ за то, что мы ему
 дадимъ поводъ отдохнуть и отвести душу надъ событіями,
 болѣе отрадными, чѣмъ тѣ, съ которыми мы его знакомили
 до нынѣ и съ которыми придется познакомиться еще впо-
 слѣдствіи.

Критъ, бывший искони достояніемъ греческой народности,
 въ это время находился въ рукахъ арабовъ. При Михаилѣ II
 Косноязычномъ, въ 825 году, они сдѣлали высадку на этомъ
 островѣ, безъ труда овладѣли имъ и съ-тѣхъ-поръ тамъ
 утвердились. Нахожденіе этого пункта въ рукахъ непріате-

лей въ скоромъ времени отозвалось самымъ тяжкимъ образомъ надъ византійской торговлей. Критъ какъ будто самой природою назначенъ быть притономъ морскихъ разбойниковъ. Берега, изрѣзанные безчисленными извилинами и изобилующіе, хотя малыми, но глубокими и безопасными гаванями, представляли самое лучшее убѣжище для кораблей ихъ; а въ случаѣ высадки пираты укрывались въ многочисленныхъ замкахъ внутри острова, которыми при неприступности гористой мѣстности можно овладѣть развѣ только посредствомъ голода. Эти мѣстныя географическія условія наложили печать свою на исторію жителей Крита, начиная отъ знаменитаго, полумифическаго Миноса, который, по свидѣтельству Страбона, держалъ въ страхѣ все Средиземное море, до послѣдней войны грековъ за независимость. При Помпее критяне были самыми опасными изъ пиратовъ, противъ которыхъ римскій народъ, по предложенію трибуна Габинія, снабдилъ его неслыханною въ лѣтописяхъ республики властью. И теперь они наводили ужасъ на всѣхъ мореходцевъ Византіи. Дѣло дошло до того, что не только торговые суда не рѣшались болѣе выходить изъ азіатскихъ и европейскихъ гаваней ея иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильныхъ конвоевъ, но и острова всего Архипелага, равно какъ берега малой Азій, Македоніи и Греціи были въ безпрестанномъ страхѣ отъ ихъ десантовъ ³¹⁾.

Не разъ уже предшествовавшими государями были дѣлаемы попытки помочь этому злу и обезпечить главный источникъ казенныхъ доходовъ — морскую торговлю. Еще Константинъ-Порфирородный отрядилъ большую морскую экспедицію съ десантными войсками, но потерпѣлъ неудачу, потому что начальство надъ нею поручилъ челоуѣку совершенно неспособному, нѣкому Константину Гонгилесу ³²⁾. Романъ рѣшился отомстить за отца своего.

Мысль его встрѣтила большое противорѣчіе въ тайномъ совѣтѣ, потому что завоеваніе острова считали невозможнымъ. Это самое обстоятельство побудило Врингаса поднять голосъ въ его пользу. Онъ именно рассчитывалъ на неудачу, какъ на средство подорвать авторитетъ Никифора; а съ дру-

гой стороны это давало ему повод вторично обязать императрицу мнимой услугой. Его мнѣніе превозмогло ³³⁾ и зимою съ 959 на 960 годъ всѣ арсеналы и адмиралтейства дѣятельно работали надъ приготовленіями къ экспедиціи. Въ распоряженіе Никифора было дано 40,000 сухопутнаго войска, набраннаго преимущественно изъ руссовъ и славянъ ³⁴⁾; сверхъ того огромный военный флотъ и множество транспортовъ, нагруженныхъ жизненными припасами, стѣнобитными и другими осадными орудіями ³⁵⁾. Этотъ флотъ сопровождала еще цѣлая эскадра брандеровъ, или вѣрнѣе говоря, огнеметныхъ кораблей (*πύρφοροι τριόρεις — δρόμονας ταύτας Ῥωμῆσαι κληθούσι* ²⁶⁾), дѣйствовавшихъ, такъ называемымъ, греческимъ огнемъ. Пичельская гавань въ малой Азіи была назначена мѣстомъ сбора для всей экспедиціи ³⁷⁾. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 960 года, въ самое благоприятное для морскихъ предпріятій время, корабли подняли якорь и при попутномъ вѣтрѣ, подъ всѣми парусами пустились въ путь. Море ужаснулось передъ множествомъ ударявшихъ его весель ³⁸⁾, говоритъ воспевающая это событіе диаконъ Θεοδοσίη. Необходимые для плаванія по критскимъ берегамъ лоцмана были заготовлены уже заранѣе и вся экспедиція достигла назначенія своего, не потерпѣвъ ни малѣйшаго урона. Сопrotивленія при самой высадкѣ своей войска не встрѣтили. Критяне сосредоточились тогда уже, когда они успѣли оправиться и были вполне готовы къ бою. Первая битва, рассказанная Θεοδοσίемъ по всѣмъ правиламъ византійской реторики ³⁹⁾, кончилась совершеннымъ пораженіемъ ихъ и предала въ руки Никифора весь островъ, кромѣ укрѣпленныхъ пунктовъ. Въ тоже время этотъ первый успѣхъ снабдилъ его дѣятельными союзниками: всѣ жители острова, которые остались еще вѣрны христіанству (а такихъ было не мало) и до-сихъ-поръ укрывались въ лѣсистыхъ ущельяхъ Иды, ведя оттуда, на подобіе албанскихъ клефтовъ или черногорскихъ ускоковъ, набѣдническую войну съ магометанами, примкнули къ его арміи. Послѣдніе заперлись въ своихъ укрѣпленіяхъ.

Тотчасъ послѣ высадки, флотъ получилъ приказаніе держать весь островъ въ блокадѣ. Самъ же Никифоръ двинулся къ главному городу, Хандакин (Кандін), и началъ его осаду.

Положеніе этого пункта сдѣлало взятіе его силой почти невозможнымъ, потому что съ одной стороны защищало его море, съ другой неприступность скалы, на которой онъ построенъ. Осада поэтому на первое время ограничилась обложеніемъ, такъ что доставленіе жизненныхъ припасовъ съ сухопутья было также прекращено, какъ и со стороны моря. Въ то же время летучіе отряды византійцевъ обложили другіе, менѣе значительные пункты и принудили ихъ одинъ за другимъ къ сдачѣ посредствомъ голода или силою оружія. Въ Хапдакии, между тѣмъ, уже становился ощутительнымъ недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и коммандантъ его, Куруписъ, обратился съ просьбою о помощи къ калифамъ кордовскому, Абдеррахману III, и багдадскому, Мофаделю-Моти. Ни тотъ ни другой однакожь не вступился дѣятельно за своихъ единовѣрцевъ, потому что ни тотъ ни другой не располагалъ средствами, чтобы въ короткое время соорудить флотъ, который бы могъ у византійцевъ оспаривать господство надъ моремъ; притомъ же наступало уже неслухное время года, дѣлавшее морскія экспедиціи въ большихъ размѣрахъ невозможными. Все содѣйствіе обомъ калифовъ ограничилось поэтому тѣмъ, что они отправили къ осажденнымъ пословъ, которые бы увѣщевали ихъ къ мужеству ⁴⁰). Никифоръ между тѣмъ принялся и за постоянныя осадныя работы. Весь городъ былъ окруженъ рядомъ палисадъ, обезпечивавшимъ осаждающую армію отъ внезапныхъ вылазокъ. Вокругъ лагеря въ то же время была воздвигнута цѣлая связанная система укрѣпленій и солдаты неутомимо работали надъ сооруженіемъ тѣхъ многосложныхъ и неповоротливыхъ машинъ, которыя употреблялись въ осадахъ до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія. Не смотря на толщину стѣнъ, по которымъ могли проѣхать рядомъ двѣ повозки и въ которыхъ цементъ, для большой вязкости былъ перемѣшанъ съ козьею шерстью и щетиною отъ свиней ⁴¹), въ виду этихъ приготовленій нельзя было заблуждаться на счетъ судьбы города; осажденные могли вычислять до какого крайняго срока они будутъ въ состояніи держаться. Тѣмъ не менѣе они продолжали обороняться съ несокрушимымъ мужествомъ, дѣлали частыя вылазки, разрушали работы

осаждающихъ и исправляли поврежденія въ своихъ собственныхъ укрѣпленіяхъ.

Такъ прошла зима съ 960 на 961 годъ, въ которую и византійцамъ не мало пришлось терпѣть отъ недостатковъ и лишеній всякаго рода. Проливные зимніе дожди причинили множество болѣзней, отъ которыхъ смертность въ арміи усилилась до неслыханныхъ размѣровъ. Врингасъ, начинавшій предвидѣть совершенно иной исходъ предпріятія, чѣмъ онъ полагалъ въ началѣ, всячески старался мѣшать успѣху Никифора и не высылалъ ему ни провіанту, ни денегъ, ни подкрѣпленій. Къ счастью на самомъ островѣ были значительные припасы и строгая бережливость полководца, безпощадно наказывавшаго всякіе беспорядки и насилія солдатъ своихъ, спасла ихъ отъ преждевременнаго расточенія. Въ началѣ весны наконецъ былъ назначенъ приступъ. Густою колонною, съ распущенными знаменами и хоругвями, войско двинулось при звукахъ боевой музыки къ стѣнѣ города въ мѣстѣ, гдѣ служившая ей фундаментомъ скала представляла наибольшую покатость. Критяне выставили противъ приступающихъ женщину, которая своими заговорами должна была навести панической страхъ на нихъ. Но ни заклинанія ея, ни грубое осмѣяніе ею самого Никифора, за которое впрочемъ наказалъ ее одинъ изъ стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ по бокамъ колонны въ разсыпную ⁴²⁾, не остановили ихъ. Скала, на которой находился городъ, состояла изъ мягкаго песчаника, такъ что солдаты могли безъ большаго труда добраться до самого подножія стѣны. Но тутъ ихъ встрѣтило сильнѣйшее сопротивленіе. Критяне, стоя на отвѣсной высотѣ и прикрытые башнями и зубцами стѣны, безнаказанно убивали византійцевъ и послѣ двухъ часоваго жаркаго бою Никифоръ увидѣлъ себя принужденнымъ дать знакъ къ отступленію. Онъ теперь выдвинулъ свои камнеметныя орудія, которыя втеченіе восьми дней осыпали городъ непрерывнымъ градомъ камня, свинца и желѣза ⁴³⁾. Дѣйствіе ихъ отъ бомбардированія отличалось только неразрывасмостью снарядовъ и отсутствіемъ треска при выстрѣлахъ. Крыши и своды обрушались подъ гнетомъ метаемыхъ тяжестей, и трубчатыя стрѣлы, наполненныя горючимъ составомъ, зажи-

гали все, что только было воспламенимо. По прекращеніи стрѣльбы, нанесшей страшный уронъ осажденнымъ, начались приготовления къ новому приступу. Въ одномъ мѣстѣ удалось придвинуть къ стѣнѣ таранъ и начать его разрушительное дѣйствіе. Но это служило только къ замаскированію другой атаки, производившейся совершенно незамѣтно отъ осажденныхъ. Никифоръ приказалъ подвести мину подъ стѣну въ мѣстѣ, гдѣ наименѣе ожидали нападенія, и когда эта работа была кончена, велѣлъ наполнить подземный ходъ горючими веществами и зажечь ихъ. Когда перегорѣли подставленные подъ стѣну деревянныя подпоры, значительная часть ея обрушилась и открылся широкій брешъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, въ него ворвалась колонна солдатъ и участь города была рѣшена. Критяне бросили оружіе и просили пощады. Но о послѣдней византійскіе солдаты и слушать не хотѣли и только послѣ неимоверныхъ усилій Никифору удалось удержать ихъ отъ дальнѣйшаго кровопролитія. Онъ за то долженъ былъ обѣщать имъ всю добычу кромѣ той части, которая должна была служить украшеніемъ его триумфа. — Стѣны завоеваннаго города затѣмъ были окончательно разрушены, а взамѣнъ ихъ построена новая цитадель на сосѣдней высотѣ подъ именемъ Теменоса. Оставивъ тамъ сильный гарнизонъ, Никифоръ еще весною же отправился въ Константинополь ⁴⁴).

Романъ принялъ его съ большими почестями. Въ Гиннодромѣ было устроено триумфальное шествіе, на которомъ богатство и множество добычи произвели всеобщее удивленіе. Толпа любовалась несмѣтному количеству золота и серебра, носимымъ на показъ арабскимъ монетамъ, которыя внутреннимъ достоинствомъ далеко превосходили тонкіе статуры византійскихъ императоровъ, сотканной изъ золота одеждъ, пурпуровымъ коврамъ и обоямъ и всякаго рода дорогой утвари, цѣнной еще болѣе по художественному совершенству отдѣлки, чѣмъ по избытку вездѣ блиставшаго золота и драгоценныхъ камней. Болѣе всего же удивлялись массѣ захваченнаго оружія, касокъ самой причудливой формы, сабель и мечей изъ толентинской и домасской стали, латъ, выложенныхъ золотомъ, стрѣлъ, щитовъ, луковъ и проч. Вся про-

пессія, заключающаяся несмѣтною толпою плѣнныхъ, по словамъ очевидца ⁴⁵⁾, походила на блестящую рѣку, изливавшуюся изъ воротъ црѣка. Кромѣ триумфа, Никифоръ былъ падѣленъ богатыми помѣстьями въ малой Азіи и снова назначенъ domestikomъ Востока, гдѣ возобновившіеся набѣги магометанъ дѣлали его присутствіе необходимымъ ⁴⁶⁾.

Но дорожке этихъ награды и почестей для Никифора было свиданіе съ обожаемой Теофаню. И въ ея сердцѣ опять зашевелилось почти забытое пламя. Теперь она уже была не тѣмъ неопытнымъ, хотя и страстнымъ существомъ, какимъ онъ зналъ ее прежде, а полной сознанія своего могущества женщиной. Съ другой стороны и его взглядъ на вещи измѣнился: вмѣсто пылкаго, жаднаго къ наслажденіямъ юноши, стоялъ передъ нею украшенный побѣдами воинъ, сердце котораго, кромѣ любви, съ неменьшею силою сожигалось еще другою страстью — честолюбіемъ. Давно, еще во времена дѣтства, ему предсказалъ кто-то блестящую будущность ⁴⁷⁾: передъ отправленіемъ въ критскій походъ распространилось въ арміи пророчество, не требовавшее впрочемъ большей проникательности, какого-то монаха, что покорителю острова быть императоромъ ⁴⁸⁾. Можно себя представить, какъ при суевѣріи того времени подобныя предсказанія, вмѣстѣ съ надеждою овладѣть любимою женщиною, должны были подѣйствовать на Никифора.

Императрица и возлюбленный ея сходились часто въ то короткое время, которое онъ послѣ триумфа еще оставался въ Константинополѣ. О чемъ они говорили въ своихъ бесѣдахъ, о томъ не рассказываетъ конечно ни одинъ летописецъ. Но твердаго плана, какъ дѣйствовать, они, кажется, не составили. При всей страстности своей натуры Теофаню привыкла болѣе дѣйствовать подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, чѣмъ по обдуманному расчету, а Никифоръ, быть можетъ, чуждался еще мысли о явномъ преступленіи. Между тѣмъ частныя свиданія ихъ начали возбуждать подозрѣніе Врингаса, слѣдившаго ревниво за всѣмъ, что могло бы окомпрометировать Никифора и могшаго возбудить ревность императора, еслибы Теофаню обнаружила слишкомъ явственно свое расположеніе къ нему.

А ревности Романа теперь должно было опасаться болѣе чѣмъ когда-нибудь. Преждевременное и неумѣренное жуированье жизнию расположило его къ боязливости и подозрительности, которыя особенно возрасли съ-тѣхъ-поръ, какъ въ Константинополѣ открыли заговоръ противъ его особы. Собственно говоря, этотъ заговоръ былъ направленъ не столько противъ него, сколько противъ Врпнгаса, но послѣдній умѣлъ представить его какъ покушеніе противъ самого государя и тѣмъ конечно еще болѣе усилилъ свое вліяніе. Защищникомъ всего дѣла былъ нѣкто Василій, по прозвищу Птица, бывшій при Константинѣ-Порфирородномъ кубякуляріемъ и ненавидѣвшій Врпнгаса за то, что онъ его вытѣснилъ изъ этой должности. Романъ поступилъ съ виновными милостиво и ограничился выставкою ихъ на посмѣяніе народа и ссылкой въ отдаленныя провинціи (кромѣ самого Василія, который сошелъ съ ума, когда узналъ объ открытіи, и скоро умеръ) ⁴⁹). Только прежняя безпечность государя замѣнилась теперь непрерывными безпокойствами и опасеніями. Врпнгасъ воспользовался расположеніемъ императора, чтобы вооружить его противъ супруги, по прежнему не стѣснявшейся въ своихъ преступныхъ удовольствіяхъ. Вліяніе временщика стало страшно и для нея самой и теперь быстро созрѣлъ въ ся головѣ замыселъ, который прежде можетъ быть носился въ воображеніи ея, какъ неопредѣленное предположеніе и желаніе. Она рѣшилась избавиться отъ Романа, а на его мѣсто возвести Никифора. Это могло совершиться тѣмъ удобнѣе, что у Романа былъ пятилѣтній сынъ Василій и другой, которому было всего два года, Константинъ; Никифоръ, удавшійся уже лѣтомъ 961 года изъ Константинополя и командовавшій восточною арміею, былъ слѣдовательно въ состояніи безъ всякаго наслія принять титулъ опекуна малолѣтнихъ наслѣдниковъ.

Въ Великій постъ 963 года этотъ замыселъ былъ исполненъ. Единственнымъ развлеченіемъ Романа оставалась охота, которой онъ предавался съ какою-то лихорадочною страстью. Къ немалому скандалу константинопольцевъ, ставшихъ благочестіе главнымъ образомъ въ соблюденіи наружнаго церемоніала Церкви, онъ и въ постъ не отставалъ

отъ своего любимаго занятія. Однажды, отправляясь на ловлю, онъ позавтракалъ у императрицы въ Гинецеѣ (такъ называлось занимаемое ею отдѣленіе дворца). Черезъ нѣсколько часовъ, охотясь за оленемъ, онъ вдругъ почувствовалъ рѣзь въ животѣ, которая быстро усилилась, повергла его въ судороги и заставила возвратиться домой. Придворные медики приписали эти припадки усиленной верховой ѣздѣ, но народная молва причиною ихъ считала отраву, происшедшую во время завтрака у Теофанѣ. Воспослѣдовавшая черезъ два дня, и при самыхъ подозрительныхъ обстоятельствахъ, смерть оправдала эти догадки ⁵⁰).

Плодами преступленія ближайшимъ образомъ воспользовался однакожь не тотъ, для котораго оно было совершено, а смертельный врагъ его. Быть можетъ, предвидя близкую катастрофу, Врингасъ заблаговременно принялъ мѣры, чтобы обезоружить своего противника. Жалованье для войска Никифора было задержано подъ предлогомъ зимняго времени, дѣлавшаго лишнимъ держать подъ оружіемъ полный комплектъ, еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью императора, такъ что Никифоръ былъ принужденъ распустить большую часть его. Теперь, въ рѣшительную минуту, онъ не имѣлъ подъ руками средствъ, чтобы начать открытыя нашія противъ располагавшаго столицю и флотомъ кубикюлярія ⁵¹). Правда онъ могъ рассчитывать на то, что въ самомъ Константинополѣ ненавидѣли Врингаса и будутъ рады сбыть его. Но въ народѣ были извѣстны отношенія его къ Теофанѣ, и господствовало подозрѣніе, что онъ участвовалъ въ ея неестественномъ поступкѣ съ Романомъ, котораго константинопольцы любили точно также, какъ любили и отца его. Къ тому же всѣ значительныя должности въ столицѣ находились въ рукахъ приверженцевъ и креатуръ Врингаса, и пребывавшіе тамъ родственники — отецъ и братъ — Никифора служили невольными поруками за его смиреніе. При такихъ обстоятельствахъ успѣхъ предвидѣлся скорѣе отъ интриги, чѣмъ отъ открытаго возстанія, тѣмъ болѣе что для первой онъ имѣлъ въ лицѣ Теофанѣ отличную союзницу.

Пользуясь ненавистью къ Врингасу народа и византійской знати, ненавистью, которая возрасла еще болѣе послѣ

того, какъ онъ въ качествѣ опекуна молодыхъ царевичей завладѣлъ и по имени верховною властью, она начала переговоры съ патриархомъ и вліятельнѣйшими членами сената въ пользу Никифора. Въ короткое время дѣло было улажено такъ, что онъ уже могъ явиться въ Константинополь, правда не повелителемъ— для этого у него, какъ уже было замѣчено, не хватало средствъ—но все таки грознымъ просителемъ, противъ котораго даже самъ Врингасъ не рѣшался прибѣгнуть къ насилію. Онъ громко жаловался, что у него отнимаютъ средства вести войну съ непріятелемъ, что имперія должна страдать отъ неоснованнаго ни на чемъ подозрѣнія кубикулярія. Патриархъ Поліевктъ представилъ эти жалобы собравшемуся сенату и требовалъ, чтобы удовлетворили прославленнаго побѣдами полководца назначеніемъ его вновь главнокомандующимъ на Востокъ и предоставленіемъ ему необходимыхъ средствъ для реорганизаціи арміи. Сенатъ единогласно одобрилъ это предположеніе, такъ что даже Врингасъ не рѣшился возстать противъ него. Никифоръ снова получилъ званіе domestика и оставилъ Константинополь, чтобы употребить дарованныя ему деньги и власть для окончательнаго приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ ⁵²).

Тотчасъ по прибытіи въ малую Азію онъ ревностно началъ заготовлять припасы и набирать войско. Предлогомъ этихъ приготовленій служилъ походъ противъ Тарса, который онъ хотѣлъ отнять у мусульманъ, но настоящая цѣль ихъ не скрылась отъ посѣдѣвшаго въ интригахъ кубикулярія. Не успѣвъ совладѣть съ Никифоромъ, когда тотъ, безоружный и беззащитный, находился въ Константинополѣ, онъ вздумалъ свергнуть его теперь среди обожавшей его арміи. Съ этою цѣлью онъ предложилъ одному изъ константинопольскихъ патриціевъ, командовавшему нѣкогда не безъ славы византійскими войсками въ Италіи, Маріану, достоинство domestика, съ тѣмъ, чтобы онъ отправился въ армію и лишился этого званія Никифора. Маріанъ однакожь былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы принять это опасное предположеніе. Отвѣтъ, данный имъ Врингасу, служитъ отличной характеристикой, по крайней мѣрѣ, одной стороны Никифоро-

вой личности. «Перестань, ради Бога», сказалъ онъ ему «вызывать на бой съ вооруженнымъ гигантомъ безсильную обезьяну»⁵³). Но, отказавшись принять на самого себя роль въ затѣваемой кубикюляріемъ интригѣ, онъ указалъ ему однакожъ на лицъ, которыя при другихъ обстоятельствахъ можетъ быть и не отвергли бы его предложенія. Это были Іоаннъ, по прозвищу Цимисхій (короткій) и Романъ Куркуасъ, оба корпусные командиры восточной арміи. Оба отличались честолюбіемъ, оба пользовались большимъ авторитетомъ между солдатами и оба были способны соблазниться дѣлаемыми имъ обѣщаніями, заключавшимися въ томъ, что Іоаннъ по устраненіи Никифора получитъ мѣсто доместика Востока, Романъ — Запада. Но не Врингасу слѣдовало быть соблазнителемъ; въ арміи имя его возбуждало презрѣніе и негодованіе, потому что ей не разъ приходилось страдать отъ его скупости. Притомъ гордость боеваго генерала, каковъ былъ Цимисхій, глубоко оскорбилась тѣмъ, что звнухъ, привыкшій во всю жизнь только къ придворнымъ церемоніямъ и интригамъ, осмѣлился предложить ему измѣну ратному товарищу, который въ добавокъ приходился ему еще довольно близкимъ родственникомъ (роднымъ дядею). Съ другой стороны предпріятіе и не было такъ легко, и рѣшавшемуся на него неволью должна была придти въ голову мысль, что онъ будетъ только орудіемъ Врингаса, и притомъ, по исполненіи дѣла, орудіемъ уже болѣе ненужнымъ, слѣдовательно не найдетъ никакихъ гарантій для собственной безопасности. Цимисхій поэтому отвергъ коварное порученіе, заставивъ тѣмъ и товарища своего сдѣлать тоже самое⁵⁴).

Оба отправились въ преторій (палатку главнокомандующаго, расположившагося тогда лагеремъ въ югозападной части Каппадокіи) и сообщили Никифору письмо Врингаса, въ которомъ онъ пытался склонить ихъ къ измѣнѣ. Цимисхій особенно горячо привялъ къ сердцу покушеніе противъ дяди и убѣждалъ его предупредить новыя козни своего непріятеля принятіемъ императорскаго титула. Никифоръ только и ждалъ этого. Предположеніе Цимисхія, къ которому присталъ и Романъ Куркуасъ, разумѣется тотчасъ было при-

няго и на слѣдующее утро Никифоръ съ окружавшимъ его отрядомъ двинулся къ Кесаріи, откуда вела большая дорога въ Никею и Константинополь. Этотъ городъ, нѣкогда столица каппадокійскаго царства, былъ назначенъ мѣстомъ сбора для разсѣянныхъ по границѣ войскъ. Когда они сосредоточились, Цимисхій призвалъ къ себѣ генераловъ и полковниковъ (*ἀρχιστρατηγὸς καὶ λοχαγὸς*), въ яркихъ краскахъ изобразилъ имъ обиду, нанесенную ему безчестнымъ предложениемъ Врингаса, безславіе, падающее на Византію отъ того, что въ главѣ правленія стоитъ эвнухъ и въ заключеніе пригласилъ ихъ провозгласить императоромъ любимаго вождя своего. Слова его встрѣтили всеобщее одобреніе. Всѣ отравились съ обнаженными мечами въ преторій и начали пѣть многолѣтіе новому императору. Никифоръ счелъ нужнымъ притвориться; вѣроятно онъ думалъ предупредить этимъ толки о связяхъ своихъ съ Теофаномъ и участіи въ отправленіи ея мужа. Онъ началъ распространяться объ опасности, которой отъ подобнаго шага подвергалась находившаяся въ Константинополѣ родня его, о зависти, постоянно его преслѣдовавшей и, разумѣется, еще больше усилившейся бы отъ принятія столь высокаго сана, о томъ что вѣнецъ приличнѣе предложить молодому и энергическому Цимисхию. Но конечно никто не слушалъ этихъ отговорокъ и крики: «да здравствуетъ императоръ Никифоръ! Многая лѣта ему — Августу Римскому!» не умолкали ⁵⁵). Разыгравъ эту комедію, онъ наконецъ, повидимому не охотно, согласился. Надѣвъ знаки царскаго достоинства — пурпуровую обувь, позолоченное вооруженіе, онъ торжественно выѣхалъ передъ войско. Въ обнародованной тутъ же прокламаціи объявлялось, что къ принятію порфиры Никифора побудила не жажда власти, а желаніе удовлетворить справедливымъ жалобамъ арміи, столько терпѣвшей отъ алчнаго и жестокосердаго эвнуха. Въ заключеніе новый императоръ, выставявшій себя лишь какъ ходатая, защитника и представителя воиновъ своихъ, обѣщалъ, что повелѣвать съумѣетъ также хорошо, какъ умѣлъ повиноваться, указывалъ на многочисленныя препятствія и трудности, которыя представляла еще борьба съ Врингасомъ и возбуждалъ солдатъ къ мужеству и бодро-

сти ⁵⁶⁾. Нескончаемые клики восторга раздавались въ рядахъ при чтеніи этого акта.

Съ привычною энергіею и искусствомъ Никифоръ принялъ теперь всѣ нужныя мѣры, чтобы довершить начатое дѣло. Цимисхій получилъ званіе domestika и непосредственное начальство надъ войскомъ. Въ приморскіе пункты на Черномъ и Средиземномъ моряхъ были отправлены преданные ему комменданты. Съ какою быстротою все это дѣлалось видно изъ того, что напримѣръ, въ Абидосъ, портъ особенно важный для переправы въ Европу, первое извѣстіе о совершившемся переворотѣ привезъ самъ вновь назначенный туда градоначальникъ. Армія двинулась форсированными маршами изъ Кесареи къ Константинополю.

Тутъ между тѣмъ полученныя изъ малой Азіи новости произвели великое смятеніе. Многочисленные враги Врингасаликовали въ ожиданіи его паденія. Не менѣе многочисленные приверженцы его, которыми онъ наполнилъ всю администрацію, трепетали неминуемо угрожавшей въ такомъ случаѣ реакціи. Легитимисты, если можно такъ выразиться, въ томъ числѣ патріархъ Полѣвктъ, боялись за участь наслѣдниковъ Романа — послѣдней опоры династіи, которая уже сто лѣтъ не безъ блеска управляла судьбами имперіи. Наконецъ жители столицы, обладавшіе какою-нибудь собственностью, не могли безъ страха подумать о безпорядкахъ и насиліяхъ, которыя неминуемо должны были воспослѣдовать при насильственномъ занятіи ея солдатами Никифора.

Среди этихъ всеобщихъ безпокойствъ и опасеній явился въ Константинополь его посоль Филовей, епископъ эвхэтскій съ письмами къ патріарху и къ Врингасу. Передъ первымъ онъ извинялся въ принятіи императорскаго титула, повторяя ложь, что онъ возложенъ на него насильно, и обѣщалъ править не иначе какъ въ качествѣ опекуна внуковъ Константина-Порфиророднаго. Второго высокомерно убѣждалъ отказаться отъ неправильно захваченной власти, въ противномъ случаѣ угрожалъ силою оружія, объявляя, что тогда уже поздно будетъ ожидать пощады ⁵⁷⁾. Безъ всякаго сомнѣнія, кромѣ этихъ посланій Филовей имѣлъ порученіе

сойдтись съ приверженцами Никифора въ столицѣ и перего-
ворить съ императрицей. Въ лѣтописяхъ, правда, ничего не
говорится объ этомъ порученіи, но послѣдующія событія не
допускаютъ сомнѣній о томъ, что оно дѣйствительно было.

Не смотря на затруднительное положеніе дѣлъ, Врингасъ
не потерялся. Чтобы затруднить сношенія посланнаго съ не-
довольными, онъ приказалъ его, какъ мятежника, заключить
въ темницу. Командованіе надъ составлявшими гарнизонъ
Константинополя македонскими (славянскими) когортами по-
ручилъ онъ преданнымъ ему патриціямъ Маріану, Пасхалию
и братьямъ Торникіямъ. Эти когорты принадлежали къ импе-
раторской гвардіи, въ которую набирали исключительно сла-
вянъ, такъ какъ тогда царствовавшая династія (Василія-Ма-
кедонскаго) сама была славянскаго происхожденія. Часть
ихъ заняла позиціи внѣ города, на дорогахъ ведущихъ къ
Константинополю съ сухопутья. Другая расположилась по
улицамъ и площадямъ; подвижныя колонны, преимуществен-
но изъ конницы, должны были предупреждать всякія скопле-
нія обывателей. Однимъ словомъ, всѣ мѣры, необходимыя
для обороны, были приняты съ такою дѣятельностью и съ
такимъ тактомъ, что приверженцами Никифора уже началъ
овладѣвать страхъ. Братъ его Левъ, переодѣтый, убѣжалъ
на маленькой лодкѣ; отецъ — Вардасъ — счелъ нужнымъ
искать спасенія въ софійскомъ соборѣ ⁵⁸).

Къ несчастію Врингаса, лица, которымъ онъ довѣрился,
оказались неспособными. Маріанъ и Пасхалій, чтобы при-
вязать къ себѣ гвардейцевъ, смотрѣли сквозь пальцы на
разныя беспорядки и насилія, которыя они позволяли себѣ
въ отношеніи къ обывателямъ. Это вызвало со стороны по-
слѣднихъ сопротивленіе. Въ тѣсныхъ улицахъ воздвигались
баррикады; старцы, жены и дѣти, наравнѣ съ находившими-
ся въ цвѣтѣ лѣтъ мужчинами, начали бой съ солдатами, ис-
ходъ котораго при малочисленности послѣднихъ и при за-
щитѣ, которую находили ихъ противники въ домахъ своихъ,
не могъ быть сомнителемъ. Самъ Маріанъ былъ раненъ
камнемъ, которымъ какая-то женщина попала ему прямо
въ високъ, и въ тотъ же день еще умеръ отъ раны. Въ

этотъ моментъ страшнаго озлобленія черни, Врингасъ сдѣлалъ большую ошибку. вмѣсто того, чтобы усмирить ее уступками, онъ еще болѣе озлобилъ ее неумѣстными угрозами. Около софiевскаго собора собралась большая толпа бѣднѣйшихъ изъ обывателей, когда онъ проѣзжалъ верхомъ мимо этого мѣста. «Чего вы хотите, мятежники?» закричалъ онъ на нихъ. «Хлѣба!» отвѣчали нѣкоторые голоса. «Вы жалуетсяе на дороговизну хлѣба? Ладно, вы доживете у меня еще до того, что за пазуху спрячете весь хлѣбъ, купленный за два золотыхъ!»⁵⁹⁾ Этихъ словъ конечно и безъ комментарiевъ было довольно, чтобы негодованiе жителей столицы довести до изступленiя. Бой въ улицахъ закипѣлъ съ еще большимъ ожесточенiемъ и безпорядокъ достигъ высшей степени.

До-сихъ-поръ однакожъ мятежъ въ столицѣ не имѣлъ все еще политическаго характера, а былъ только бунтомъ — актомъ обороны противъ насилiй не власти, а орудiя ея — солдатъ. Приверженцы Никифора не замедлили внести въ него и моментъ политическiй. Это сдѣлалъ эвнухъ Василiй, также нѣкогда кубкулярiй при дворѣ Константина-Порфиророднаго, ненавидѣвшiй Врингаса не менѣе чѣмъ тотъ Василiй Птица, который составилъ при Романѣ вышеупомянутый заговоръ противъ него и умеръ съумасшедшимъ. Этотъ эвнухъ былъ побочнымъ сыномъ императора Романа Лакапина и пользовался большимъ авторитетомъ въ столицѣ. Видя, что дѣла Врингаса безнадежны, онъ вооружилъ рабовъ своихъ, число которыхъ, такъ какъ онъ владѣлъ въ Константинополѣ разными фабриками и мастерскими, доходило до трехъ тысячъ, и сталъ съ ними во главѣ бунтующей черни. Въ то время, какъ возбужденная имъ безчисленная толпа кинулась на дома Врингаса, разграбила и разрушила ихъ до основанiя, онъ самъ съ своими импровизированными воинами, напалъ на военную гавань и адмиралтейство (онъ тогда уже находились на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Топхана — по другую сторону Золотаго Рога, къ сѣверу отъ серая), завладѣлъ стоявшею тамъ эскадрою военныхъ судовъ и брандеровъ и тотчасъ отрядилъ ихъ на азиатскiй берегъ Пропонтиды. Никифоръ такимъ образомъ получилъ средства пере-

правы и могъ даже, если бы захотѣлъ, проникнуть въ столицу со стороны моря. Въ виду этой новой опасности, слабая числомъ и разбѣянная на разныхъ пунктахъ когорты славянской гвардіи, конечно не могли ничего сдѣлать противъ разъяреннаго населенія въ полмилліона слишкомъ жителей. Врингасъ увидѣлъ теперь, что его дѣло потеряно безвозвратно и ради спасенія жизни заперся въ соборѣ Софій. Онъ смѣнилъ выжидавшаго тамъ рѣшенія боя отца Никифора. Вардасъ Фока, уже не опасаясь болѣе насилій со стороны Врингаса, оставилъ свое убѣжище и отправился немедленно на встрѣчу къ сыну ⁶⁰).

Послѣдній между тѣмъ переправился черезъ Босфоръ на высланныхъ ему на встрѣчу корабляхъ и достигъ Ирея, селенія украшеннаго лѣтнимъ дворцомъ императора и церковью св. Богородицы, къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ нынѣ помѣщается мечеть Эюба. Пробывъ тутъ нѣсколько часовъ, онъ приблизился еще болѣе къ городу и остановился въ нерукотворенномъ монастырѣ Авраамитовъ ⁶¹). Здѣсь застало его извѣстіе объ окончательномъ паденіи Врингаса и о томъ, что Константинополь у ногъ его. Слѣдующій день, 16 августа 963 года по Рождествѣ Христовѣ, былъ назначенъ для торжественнаго въѣзда въ него. На бѣломъ конѣ, въ позолоченной сбруѣ, Никифоръ вступилъ черезъ такъ называемыя золотыя ворота (близъ западной оконечности Золотаго Рога), въ сопровожденіи блестящей военной свиты. Народъ и савошники встрѣтили его привѣтствіями и рукоплесканіями. Новый императоръ прежде всего отправился въ софійскій соборъ, гдѣ ожидали его патріархъ и все духовенство. Тутъ его помазали муромъ и торжественно вѣнчали на царство ⁶²).

Первымъ дѣломъ Никифора было отпраздновать свое вѣнчаніе съ вдовствующей императрицей. Въ самомъ началѣ возмущенія въ столицѣ Теофанѣ перешла съ дѣтьми своими изъ Палаціи въ петрійскій дворецъ, гдѣ съ понятнымъ волненіемъ ожидала исхода затѣяннаго ея возлюбленнымъ дѣла. Ничто не препятствовало ему отвергнуть союзъ съ женщиной, запятанною уже двойнымъ убійствомъ и возбуждавшею всеобщую ненависть. Онъ могъ бы, такимъ образомъ, одинъ

воспользоваться плодами всѣхъ совершенныхъ ею преступлений и явиться чистымъ въ глазахъ народа; но Никифоръ въ самомъ дѣлѣ горячо любилъ ее и владѣніе ею ставилъ едва ли не выше обладанія престоломъ. И дѣйствительно, она тогда еще была способна возбуждать страсть, хотя цвѣла уже не первую молодостью. Семнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ-поръ, какъ она впервые плѣнила его сердце, но все слыла она первую красавицею Византіи, все еще увлекала и плѣняла она ⁶³⁾. Никифору напротивъ минуло уже пятьдесятъ лѣтъ и мрачная наружность, загорѣлое въ битвахъ лицо ⁶⁴⁾ едва ли могло долго нравиться женщинѣ, которая ничего не умѣла цѣнить въ мужчинѣ кромѣ внѣшности. Видѣвшій Никифора два года послѣ его вступленія на престолъ Луитпрандъ описываетъ его какъ человѣка довольно безобразнаго (*satis monstruosum*), малорослаго (*rugtaeum*), съ жирнымъ лицомъ, маленькими глазами, на подобіе крота, короткою бородою и длинною тонкою шею. «На головѣ у него, говоритъ онъ далѣе, волосъ мало; цвѣтъ лица африканскій, такъ что не хотѣлось бы съ нимъ встрѣтиться ночью; животь большой, ляжки коротки. Самыя царскія украшенія, бывшія на немъ, еще увеличивали его безобразіе» ⁶⁵⁾. При такихъ обстоятельствахъ вновь заключенный бракъ едва ли обѣщаль быть счастливымъ.

Впрочемъ первая невзгода произошла не по волѣ сочетавшихся. По Константинополю вдругъ, неизвѣстно откуда, разнесся слухъ, что Никифоръ когда-то былъ воспріемникомъ одного изъ дѣтей Теофанѣ, слѣдовательно находился въ духовномъ родствѣ съ нею, воспрещавшемъ брачныя отношенія. Слухъ этотъ дошелъ и до патріарха, человѣка, по признанію даже современника, въ высшей степени фанатическаго. Полѣзкътъ объявилъ императора отлученнымъ отъ Церкви и требовалъ развода съ женою, по церковному уставу незаконною. Никифоръ сначала возражалъ, что постановленіе, сдѣлавшееся такъ неожиданно новымъ препятствіемъ для его любви къ Теофанѣ, состоялось въ царствованіе Константина V Копронима, слѣдовательно государя еретическаго (Копронимъ былъ ревностный иконоборецъ) и потому не имѣетъ силы. Но эта отговорка не была принята. Тогда онъ сталъ

оспаривать самый фактъ, утверждая, что не онъ самъ, а отецъ его Вардасъ былъ воспріемникомъ. Это показаніе было подтверждено клятвеннымъ образомъ придворнымъ протоіереемъ Стиліаномъ, такъ что духовенство успокоилось ⁶⁶). Этотъ неожиданный эпизодъ, повидимому, еще увеличилъ пѣжвость императора, потому что онъ тогда же подарилъ женѣ своей имѣнія, составлявшія частную собственность его, и много захваченныхъ во время походовъ у непріятелей драгоценностей.

Вообще первое время правленія Никифора ознаменовалось милостями и щедротами, къ которымъ онъ по характеру своему былъ мало склоненъ. Казалось, что поздно наступившій для него медовый мѣсяцъ отразился и на дѣлахъ общественныхъ. Съ Врингасомъ было поступлено гораздо мягче, тѣмъ слѣдовало ожидать по обычаямъ того времени; императоръ удовольствовался тѣмъ, что сослалъ его въ Каппадокію, гдѣ онъ умеръ черезъ два года ⁶⁷). Союзники были щедро награждены: отецъ, Вардасъ Фока, получилъ титулъ кесаря, братъ Левъ назначенъ куропалатомъ (оберъ-гофъ-маршаломъ) и магистромъ (начальникомъ гвардіи), а Василій, давшій такой счастливый оборотъ константинопольскому мятежу, проедромъ, то есть, президентомъ сената. Вся зима 963 года прошла въ празднествахъ и увеселеніяхъ. Представленіямъ и коннымъ ристаніямъ въ циркѣ не было конца и чернь, награждаемая при каждомъ подобномъ случаѣ богатыми милостынями, боготворила императора. Съ особенною же ревностью занимался онъ разводами и парадами. Константинополь превратился какъ бы въ огромный манежъ, потому что большая часть византійской арміи находилась тутъ, проводя время въ безпрестанныхъ смотрахъ и упражненіяхъ.

Все это однакожъ продолжалось не долго. Положеніе византійской имперіи и медовый мѣсяцъ какъ-то не шли другъ къ другу. Стоять во главѣ ея значило не наслаждаться, а трудиться, потому что со всѣхъ сторонъ грозила опасность. На югѣ и востокѣ тревожили ее никогда не прекращавшіеся набѣги поклонниковъ Магомета. Въ итальянскихъ владѣніяхъ никакъ не смиряться буйные апульскіе бароны, тѣмъ болѣе

опасные, что въ случаѣ нужды находили сильный оплотъ въ честолюбіи нѣмецкихъ императоровъ; съ сѣвера грозили руссы и болгары.

Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій, Никифоръ показался достойнымъ своего положенія. Оставивъ столицу весною 964 года, онъ возвращался въ нее только на короткое время для зимовки, а то постоянно жилъ среди арміи, въ походахъ, озолотившихъ при немъ еще разъ, на подобіе вечерняго солнца, византійское оружіе блескомъ побѣды. Излишне было бы, здѣсь, гдѣ не имѣется въ виду изложить исторію государства, прослѣдить подробности этихъ походовъ. Достаточно будетъ упомянуть о ихъ результатахъ. Эти результаты заключались въ томъ, что въ царствованіе Никифора византійцы вновь возвратили до ста городовъ, потерянныхъ при предшествовавшихъ императорахъ; что въ восточной части Средиземнаго моря флотъ ихъ господствовалъ неограниченно, что Сицилія и Кипръ были освобождены отъ ига магометанъ и что границы имперіи на югъ снова отодвинулись до самаго Триполя и Дамаска ⁶⁸). Не смотря на эти блестящіе успѣхи, Никифоръ однакожъ не былъ счастливъ ни въ частной жизни, ни какъ императоръ.

Что касается первой, то Теофанъ очень скоро предалась опять прежнему образу жизни и попирала ногами честь втораго супружества своего точно также, какъ и перваго. Безпрестанныя отлучки Никифора служили ей столько же поводомъ къ измѣнѣ ему, сколько облегчали послѣднюю. Безчестное поведеніе ея не осталось тайною для него, но при всемъ томъ онъ не могъ освободиться изъ-подъ обаятельнаго вліянія, которое она оказывала на него. Чтобы избавить ее по крайней мѣрѣ отъ соблазна, онъ рѣшился взять ее съ собою, когда предпринялъ вторую экспедицію свою въ Сирію. Это самое послужило ему въ гибель. Взоры неусыпной въ удовольствіи страсти женщины остановились тутъ на новомъ лицѣ, заставившемъ ее окончательно забыть первую любовь свою. Это былъ Іоаннъ Цимисхій, племянникъ и любимецъ Никифора, только-что одержавшій тогда блестящую побѣду надъ сельчукскими всадниками при Адабѣ, и блиставшій столько же красотою, сколько военною славою. Ему было

тогда около сорока лѣтъ и, судя по описаніямъ лѣтописцевъ, онъ былъ замѣчательно хорошъ собою. «Цвѣтъ лица бѣлизны необыкновенной; волосы русые, лобъ высокій; глаза голубые и блестящіе, носъ прямой и средней величины. Грудь и плеча широкія, но такъ, что не отнимали у всего тѣла гибкости и деликатности, свойственныхъ юношескому возрасту; при этой видимой иѣжности, Цимисхій однакожъ отличался исполинскою силою. Въ рукахъ его была такая крѣпость и вмѣстѣ съ тѣмъ ловкость, что никто не могъ съ нимъ справиться. Къ этимъ качествамъ, тѣмъ болѣе удивительнымъ, что ростъ, меньше средняго, вовсе не соответствовалъ имъ, присоединялась невѣроятная отважность. Ничего не значило для него, одному кинуться на непріятельскій строй и врубиться въ него. Въ наѣздничествѣ никто съ нимъ не сравнился бы. Поставивъ рядомъ четырехъ коней, онъ съ крайняго перескакивалъ черезъ двухъ промежуточныхъ, на того, который стоялъ съ другаго края. Копьемъ попадалъ въ отверстіе перстня, прикрѣпленнаго къ щѣли. На всемъ скаку онъ палкой выбивалъ мячъ изъ стекляннаго сосуда, съ такою ловкостью, что не дотрогивался послѣдняго. Въ щедрости не зналъ соперниковъ. Просителя никогда не оставлялъ не удовлетвореннымъ.» Вотъ что говоритъ о немъ современникъ, Левъ Діаконъ ⁶⁹). Похвалы другаго писателя, жившаго щѣльми полутора вѣками позже, еще восторженнѣе: «Прекрасенъ былъ Цимисхій, рассказываетъ Константинъ Манассій, цвѣтущей наружности, силенъ, мужественъ, отваженъ, непреодолимъ въ бою, остроуменъ въ совѣтѣ; мудръ и благодѣтель, щедрой души, зла не помнившей, по добра не забывавшей, далекой отъ зависти. Однимъ словомъ, это былъ садъ добродѣтелей, роща посаженная рукой самого Бога и орошаемая ручьями Святаго Духа, въ которой всѣ добродѣтели какъ бы хоромъ воспѣвали хвалебными гимнами Творца и сливаясь въ совершеннѣйшую гармонію» ⁷⁰). Съ этими выспренности, простительными поэту, каковъ Манассій, однакожъ не совсѣмъ согласны краткія замѣчанія о личности Цимисхія, которыя встрѣчаются у другихъ лѣтописцевъ. Но изъ всего, что говорятъ о немъ, видно, что онъ дѣйствительно былъ способенъ увлечь такую страстную натуру какъ Теофанъ,

хотя собственная увлекаемость его, удалъ, съ которою онъ рисовался передъ арміею, равно какъ передъ женщинами, были только маской, за которой скрывалось въ высшей степени холодное сердце. Той душевной теплоты, которая высказывается въ дѣйствіяхъ Никифора, даже подъ задернувшимъ ее къ концу жизни покровомъ мизантропін, въ Цимисхиі не было. Единственнымъ двигателемъ его является расчетливый эгоизмъ. Сама дальнѣйшая исторія его связи съ Теофаномъ послужить подтвержденіемъ этому отзыву.

Эта связь скоро стала извѣстною императору. Въ порывѣ гнѣва онъ послалъ жену свою обратно въ Константинополь, новаго наперсника ея лишилъ званія доместика и отправилъ въ отдаленное имѣніе его, запретивъ ему вѣздъ въ столицу ⁷¹⁾. Все это не возвратило ему однакожъ спокойствія; напротивъ теперь, вспоминая вѣроятно судьбу обоихъ предшественниковъ своихъ, онъ измѣнился и въ отношеніи къ поданнымъ. Всѣ, которые чѣмъ-нибудь выдавались изъ уровня обыкновеннаго и какими-нибудь заслугами обращали на себя вниманіе народа, возбуждали его подозрительность и вмѣсто наградъ и милостей подвергались преслѣдованіямъ. Такъ нѣкто Вурцасъ, начальникъ отдѣльнаго отряда арміи Востока, овладѣлъ безъ вѣдома Никифора богатымъ и многочисленнымъ городомъ Антиохіею, находившимся уже триста лѣтъ въ рукахъ магометанъ. Его отставили отъ должности и разжаловали ⁷²⁾. Что такіе факты не могли поддержать прежняго къ нему расположенія арміи, понятно само собою. Не менѣе ожесточала солдатъ до безчеловѣчія строгая дисциплина. Во время похода противъ Тарса онъ велѣлъ на примѣръ высѣчь розгами солдата и отрѣзать ему носъ за то, что тотъ сложилъ съ себя щитъ во время марша, и потомъ подвергъ такому же наказанію офицера, который, движимый челолюбіемъ, не въ точности исполнилъ его приказанія ⁷³⁾. На жалобы войска, что ему не выдаютъ жалованья, что его содержать дурно, онъ отвѣчалъ только, что естественно, что при такомъ сложномъ управленіи и при столь многочисленной арміи находятся недовольные ⁷⁴⁾.

Въ глазахъ безпристрастнаго судьи такое обращеніе Никифора съ солдатами, которымъ онъ былъ обязанъ своею

короною, не можетъ не считаться чертою высокою. Буйная солдатчина слишкомъ много воображала себѣ, считала императора своимъ созданиемъ и потому была склонна къ безпорядкамъ, на которые другой на мѣстѣ императора смотрѣлъ бы сквозь пальцы. Жертвуя своею популярностью чувству долга, Никифоръ поступилъ какъ человѣкъ честный; но личнымъ интересамъ своимъ онъ, конечно, только повредилъ этимъ.

Если жители столицы возненавидѣли его еще болѣе, чѣмъ войско, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Византійцы уже давно были такъ настроены, что могли любить только недостойныхъ государей, а правителей дѣятельныхъ и энергическихъ должны были ненавидѣть. Въ ихъ глазахъ Левъ III, Константинъ V, Левъ V, Михаилъ II были чудовищными извергами, не смотря на то, что они поставили имперію на степень могущества, которой она долгое время ни до, ни послѣ нихъ не достигала больше. То же самое было и съ Никифоромъ. Особенно упрескали его въ скупости. Сознавая истинныя нужды государства, понимая, что при искусственности своего состава оно не можетъ существовать безъ войны и что для войны, при отсутствіи въ немъ живаго организма, представляемаго народностью, главное и даже единственное условіе составляли хорошо устроенные финансы, Никифоръ менѣе другихъ императоровъ тратилъ на зрѣлища и подавнїя туеядной черни. А въ страсти къ представленіямъ и праздникамъ константинопольцы, по собственному признанію ⁷⁵⁾, превосходили даже еще жителей стараго Рима, послѣ паденія республики. Единственныя же зрѣлища, которыя любилъ самъ императоръ — смотры войску — имъ не нравились. Однажды, когда солдаты въ гипшодромѣ давали примѣрное сраженіе, зрителями овладѣлъ такой страхъ при видѣ новыхъ имъ военныхъ эволюцій, что они разомъ бросились къ выходамъ, и въ происшедшей отъ того тѣснотѣ многіе были задавлены ⁷⁶⁾. Это неважное обстоятельство чуть было не имѣло самыхъ тяжкихъ послѣдствій. Народъ взволновался, обвиняя Никифора, что онъ нарочно произвелъ такое смятеніе въ угоду своимъ солдатамъ. Въ день Вознесенія, скоро послѣ означеннаго событія, когда онъ въ сопровож-

дені своей армянской гвардіи отправился изъ города къ такъ называемымъ сладкимъ водамъ, чтобы отслушать обѣдню въ церкви Богородицы, дѣло дошло до драки между чернью и солдатами. Къ вечеру въ улицахъ Константинополя закипѣлъ мятежъ. Самъ императоръ при возвращеніи во дворецъ былъ пораженъ камнемъ, который пустила въ него съ крыши дома какая-то женщина. Къ счастью наступившая ночь и благоразумныя мѣры Никифора, котораго ни на минуту не оставило привычное хладнокровіе ⁷⁷⁾, положили коонецъ безпорядкамъ.

Не могла, конечно, бережливость государя поправиться и привыкшему къ приношеніямъ всякаго рода духовенству. Онъ возбуждалъ сильнѣйшее неудовольствіе его, чрезъ отнятіе у монастырей и церквей многихъ доходовъ, дарованныхъ имъ предыдущими государями и чрезъ запрещеніе частнымъ лицамъ завѣщать имъ недвижимую собственность. Попы и монахи приписывали нечестію правительства землетрясенія, проливные дожди, заразы, неурожай и солнечныя затмѣнія, одни за другими постигавшіе при немъ византійскую имперію. Наконецъ и избалованная щедротами прежнихъ государей знать также роптала на скупость человѣка, на котораго она смотрѣла не иначе какъ на выскочку и узурпатора.

Ко всѣмъ этимъ, болѣе или менѣе неосновательнымъ причинамъ не расположенія присоединялись и другія, болѣе уважительныя. При состояніи младенчества, въ которомъ находилась тогда финансовая наука, Никифору нельзя было избѣгнуть грубыхъ и въ высшей степени тягостныхъ для его подданныхъ ошибокъ въ устроеніи государственнаго хозяйства. Такъ, на примѣръ, онъ измѣнилъ монетную систему введеніемъ новой счетной единицы (такъ называемаго тетартера), которая, по истинной цѣнности, стояла ниже старой, а по нарицательной превосходила ее. Эта новая монета получила форсированный курсъ, потому-что всѣ государственные расходы выплачивались ею, тогда какъ всѣ подати и пошлины должны были оплачиваться старыми полномѣсными деньгами. Пошлины съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, равно какъ съ разныхъ промысловъ были значительно уве-

личесны — конечно, самая неблагоразумная мѣра въ государствѣ, которому, въ отношеніи къ промышленности, нечего было опасаться чужой конкуренціи, и столица котораго была едва ли не важнѣйшимъ рынкомъ для всемірной торговли того времени. Но самымъ предосудительнымъ распоряженіемъ его было то, что во время неурожая и происшедшей отъ того дороговизны на жизненные припасы, онъ велѣлъ отпускать запасы изъ казенныхъ магазиновъ по возвышенной цѣнѣ, извлекая такимъ образомъ выгоду изъ общественнаго несчастія. Съ горечью византійцы вспоминали тогда, что прапрадѣдъ тѣхъ самыхъ царевнечей, у которыхъ Никифоръ отнялъ отцовскій престолъ — Василій-Македонскій — въ подобномъ случаѣ отпускалъ хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ, по той цѣнѣ, по которой покупали его въ урожайныя годы. Возбужденное этими мѣрами расположеніе умовъ высказывалось пока, правда, только въ карриатурахъ и насмѣшкахъ, но какъ живо уже самъ императоръ чувствовалъ шаткость своего положенія, видно изъ терпѣливости, съ которою онъ переносилъ ихъ. Однажды, во время смотра, въ присутствіи большой толпы, подошелъ къ нему старикъ съ просьбой принять его въ солдаты. «Съ сѣдыми волосами, да въ солдаты? Вѣдь у тебя силъ не станетъ!» «Я теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо», отвѣчалъ старикъ. «Въ молодости я, бывало, не могъ снести количество муки, купленной на золотой и долженъ былъ нагружать ею осла, а теперь свободно несу самъ то, что покупаю за два золотыхъ». И императоръ молча отвернулся и не наказалъ дерзкаго ⁷⁶⁾.

И на употребленіе денегъ, скоплавшихся такими и подобными мѣрами въ государственной казнѣ, роптали византійцы. За непрерывныя войны, какъ онѣ при тогдашнемъ положеніи имперіи ни были необходимы, обвиняли его въ честолюбіи; мало того — и для нихъ находили мотивы ни въ чемъ иномъ, какъ въ ненасытной алчности, въ жаднѣ къ добычѣ, которую онѣ доставляли. Но пуще всего негодовали на укрѣпленія, воздвигавшіяся вокругъ императорскаго дворца въ Константинополѣ. Постройки, сдѣланныя съ этою цѣлью Юстиніаномъ послѣ укрощенія мятежа пикатовъ, обветшали

и пришли въ негодность вслѣдствіе изобрѣтенія новаго, страшнаго оружія — греческаго огня. Никифоръ возобновилъ ихъ, велѣлъ срыть значительную часть зданій, находившихся въ сосѣдствѣ Палація и на ихъ мѣстѣ построилъ форменную цитадель, безопасную не только отъ какого нибудь *coup de main* бунтующей черни, но способную выдержать даже продолжительную осаду. Въ глазахъ константинопольцевъ эта мѣра была актомъ невыносимаго деспотизма; когда началась постройка, насмѣшки смѣнились уже угрозами и однажды Никифоръ былъ пробужденъ ночью голосомъ незнакомаго человѣка, который кричалъ, что онъ напрасно воздвигаетъ толстыя стѣны и высокія башни, что ему суждено умереть среди этихъ самыхъ укрѣпленій. Всѣ старанія, открыть дерзкаго предвѣщателя, остались тщетны, а попы не замедлили воспользоваться этимъ, чтобы распространить слухъ, что не человѣкъ произнесъ зловѣщія слова эти, а голосъ свыше ⁷⁹).

Весьма понятно, что общес нерасположеніе не осталось скрытымъ отъ Никифора и тяжелымъ гнетомъ ложилося ему на душу. Онъ сдѣлался мрачнымъ и нелюдимымъ. Къ тому же дѣйствовало на него и господствовавшее въ то время суевѣріе. Исполненіе перваго предсказанія, слышаннаго имъ еще въ Критѣ, расположило его вѣрить второму, обѣщавшему ему гибель внутри воздвигнутыхъ имъ же укрѣпленій. Подозрительность его возрастала, переходя нерѣдко въ глубокую меланхолію, въ которой единственнымъ утѣшеніемъ ему служили постъ и пѣніе религіозныхъ гимновъ. Не такого супруга ожидала въ немъ Теофанѣ, когда подняла руку свою на Романа.

Въ такомъ расположеніи духа, измученный непрерывными опасеніями, утомленный трудами, императоръ возвратился въ исходѣ 969 года изъ Малой Азіи въ Константинополь, чтобы заняться приготовленіями къ походу въ Булгарію, тѣспимую руссами и умолявшую о защитѣ. Смерть отца Вардаса и новое предсказаніе какого-то монаха, утверждавшаго, что онъ не переживетъ декабрія мѣсяца, еще болѣе огорчили и встревожили его. Цѣлые дни проводилъ онъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, лежа на шкурѣ имъ самимъ когда-то

убитой пантеры и одѣтый въ рясу дѣда Михаила, который умеръ монахомъ и подвижническою жизнью пріобрѣлъ репутацію праведника ⁸⁰). Его могли возстановить развѣ только ласки любимой супруги. Она дѣйствительно не скупилась на нихъ; но эти ласки не были искренни, а маскировали только давно составленный замыселъ и служили средствомъ къ исполненію его. Сидя однажды у больнаго императора, она упрекала его въ излишнихъ трудахъ, въ томъ, что онъ не бережетъ драгоценныхъ для имперіи силъ своихъ. «Зачѣмъ тебѣ входить во все самому?», говорила она, «Развѣ нѣтъ людей, на которыхъ ты могъ бы положиться? Вотъ, на-примѣръ, Цимисхій, человѣкъ способный и дѣятельный, изнываетъ въ бездѣйствіи. Отчего не воспользоваться его помощью?» Чтобы не возбудить ревности Никифора, эти слова были приправлены лицемѣрнымъ совѣтомъ женить племянника. «Пусть онъ воротится въ столицу и вступитъ въ бракъ съ какою-нибудь изъ патриціанокъ, такъ какъ первую жену похитила несумолимая смерть; пусть живетъ здѣсь и трудится въ твою пользу, вмѣсто того, чтобы служить поводомъ къ празднымъ толкамъ народа, который не понимаетъ, почему мужъ столь доблестный и въ добавокъ столь близкій тебѣ родственникъ, осужденъ на постыдную праздность» ⁸¹).

Никифоръ не устоялъ передъ коварными просьбами жены своей и дѣйствительно вызвалъ Цимисхія въ Константинополь, хотя и не далъ ему опредѣленной должности и запретилъ даже вѣздъ во дворецъ. Но Теофанѣ нуждалась только въ присутствіи своего новаго возлюбленнаго, съ которымъ нашла способы видѣться и внѣ дворцовскихъ стѣнъ. Въ этихъ бесѣдахъ-то, что до-сихъ-поръ было только темнымъ, неопредѣленнымъ желаніемъ, быстро созрѣло до степени яснаго плана. Къ участию въ немъ были приглашены и нѣкоторые другія лица, какъ-то Михаилъ Вурцасъ, жестоко обиженный Никифоромъ при взятіи Антиохіи, другой генералъ — Левъ Авалаидисъ, родственникъ Цимисхія, Азипо-еодоръ и другіе. Ночь съ 10-го на 11-е декабря была назначена для исполненія замысла. Но чуть было все дѣло не открылось, потому что 10-го декабря передъ вечеромъ одинъ

изъ дьячковъ придворной церкви подалъ государю доносъ, въ которомъ увѣдомлялъ, что въ Гинецеѣ спрятаны люди, которые хотятъ умертвить его. Никифоръ, не разъ уже получавшій подобныя увѣдомленія, приказалъ дежурному камергеру обыскать Гинецей и потребовать отъ начальника гвардіи, Льва, усиленія дворцовыхъ карауловъ. Камергеръ, обыскавъ дворецъ, ничего не нашелъ, а требованіе карауловъ отправилъ слишкомъ поздно, такъ что Левъ подоспѣлъ съ гвардейцами уже тогда, когда помочь брату было невозможно. При наступленіи ночи Теофанъ вошла въ спальню Никифора, старалась развлечь его разговорами и потомъ вышла подъ предлогомъ какого-то дѣла, прося его не заперать дверей, а подождать ея возвращенія. Между тѣмъ заговорщики ждали уже на лодкѣ въ Босфорѣ, около такъ называемаго Вуколеона, условленнаго знака, чтобы выйти на берегъ. Ночь была темная; вѣтеръ дулъ съ сѣвера, нагоняя тучи, изъ которыхъ густыми хлопьями валилъ снѣгъ. Этому обстоятельству они были обязаны тѣмъ, что совершавшій обходъ патруль ихъ не замѣтилъ. Уже за полночь раздался свистокъ изъ комнаты императрицы, окна которой выходили въ ту сторону, гдѣ ожидала лодка. Заговорщики сошли на берегъ и на спущенныхъ изъ оконъ Теофанъ канатахъ забрался во внутренность дворца. Одинъ изъ шутовъ, принадлежавшихъ къ придворному штату императрицы, повелъ ихъ въ спальню государя. Несчастнаго застали спящимъ и разбудили; Цимисхій первый поразилъ ему бедро кинжаломъ; вслѣдъ затѣмъ Левъ Аваландисъ нанесъ ему ударъ въ голову. Никифоръ могъ произнести только слова: «Господи помилуй» (*κύριε ἐλέησον*) и «Богородица помоги» (*Θεοτόκε βοήθητί μου*), и потомъ упалъ безъ чувствъ вслѣдствіе сильной потери крови, такъ какъ ударъ Аваландиса разбилъ ему лобную кость до самыхъ бровей. Но это былъ только минутный обморокъ; онъ снова очнулся и закричалъ о помощи. Цимисхій въ отвѣтъ на это осыпалъ его упреками: «не черезъ меня ли ты, ненавистный и безумный тиранъ, достигъ власти?» говорилъ онъ ему. «И чѣмъ ты отблагодарилъ за это? Лишилъ должности, отправилъ въ ссылку, какъ преступника, человѣка, у котораго заслугъ больше,

«ѣмъ у тебя, передъ которымъ трепещутъ враги имперіи, «я который предсталъ теперь грознымъ мстителемъ. Оправдайся, если можешь!» Никифоръ повторялъ только восклицаніе свое: «Богородица, помоги!» Тогда Іоаннъ снова поразилъ его въ подбородокъ, а другіе стали бить въ щеки рукоятками своихъ мечей, такъ что у него вывалились всѣ зубы. Наконецъ Цимисхій, вставъ ногою на грудь его, ударомъ сабли разбилъ ему черепъ, тогда какъ другою заговорщикъ пронзилъ ему грудь копьемъ. Между тѣмъ сбѣжались тѣлохранители, но всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса при видѣ бездыханнаго трупа и никто не рѣшился поднять руку, чтобы отомстить убійцамъ ⁸²). Судьбы имперіи были во власти Цимисхія.

Съ дымящимися еще отъ крови руками онъ отправился въ Хризотриклиній (тронную залу), положилъ на себя знаки царскаго достоинства и велѣлъ по улицамъ Константинополя провозгласить себя императоромъ. При этомъ тотъ самый знучъ Василій, который оказалъ нѣкогда такое содѣйствіе Никифору и въ награду за то получилъ достоинство предсѣдателя въ сенатѣ, съ неменьшею ревностью принялся дѣйствовать въ пользу новаго властелина. Только что узнавъ о случившемся, онъ опять въ главѣ рабовъ своихъ ходилъ по улицамъ, заставляя встрѣчныхъ кричать многолѣтіе Цимисхію. Потомъ онъ первый пѣзъ всѣхъ сановниковъ явился во дворецъ съ поздравленіемъ и въ награду получилъ новый титулъ — *comes sacri cubiculi*. Другіе сановники, не столь угодливые и потому подозрѣваемые въ излишней приверженности къ убитому государю, были отставлены и замѣнены новыми, болѣе преданными, такъ что утромъ 11-го декабря вся высшая византійская администрація явилась уже въ совершенно измѣненномъ составѣ.

Въ шестомъ часу, при разсвѣтѣ уже только, прибылъ во дворецъ Левъ Фока съ гвардейцами, ничего еще не зная о случившемся. Цимисхій велѣлъ выбросить трупъ на дворъ, гдѣ Левъ и увидѣлъ его, вполонину занесеннымъ свѣгомъ. Ужасное зрѣлище такъ подѣйствовало на него, что онъ совершенно потерялся. Владѣя большими сокровищами, онъ могъ бы пожертвовать частью ихъ, подкупить солдатъ, взволно-

вать народъ и явиться если не защитникомъ, то по крайней мѣрѣ мстителемъ за брата. Но онъ въ испугѣ ни о чемъ другомъ не подумалъ какъ о спасеніи собственной жизни и заперся въ софіевскомъ соборѣ. Цимисхій дѣйствительно пощадилъ его жизнь, но заточилъ его вмѣстѣ съ сыномъ на островъ Лесбось, гдѣ впоследствии имъ выкололи глаза.

Между тѣмъ Теофанѣ напрасно ожидала плодѣвъ своего злодѣйскаго поступка. На этотъ разъ она запуталась въ свои собственныя сѣти. Воспользовавшись ея помощью для устраненія Никифора, Цимисхій не думалъ болѣе о продолженіи связей съ женщиной, которая и въ его даже глазахъ должна была казаться извергомъ; онъ искалъ власти, а не какъ нѣкогда Никифоръ, обладанія ея особою. Увядавшія прелести ея уже не плѣняли его по достиженіи первой. Мало того, онъ воспользовался императрицей для того, чтобы на нее взвалить всю тяжесть совершеннаго страшнаго преступленія и самому предстать чистымъ передъ глазами народа. Въ то время, какъ столица волновалась еще только темными слухами объ ужасной драмѣ, разыгравшейся въ стѣнахъ Палація, и не знала въ точности, что и какъ совершилось, Цимисхій въ императорской одеждѣ, окруженный своими тѣлохранителями, отправился въ софіевскій соборъ, чтобы по обычаю на амвонѣ принять вѣнецъ изъ рукъ патріарха. Полѣзвкъ встрѣтилъ его на паперти съ объявленіемъ, что не впуститъ его въ церковь, пока онъ торжественнымъ покаяніемъ не смоетъ съ себя грѣха его запятнашаго. Цимисхій съ едва постижимымъ безстыдствомъ объявилъ себя невиннымъ. Все случившееся, утверждалъ онъ, случилось безъ его вѣдома. Никифора убилъ не онъ, а Аваландисъ по приказанію императрицы. Чтобы доказать свою невинность онъ изъявлялъ готовность наказать виновныхъ и обѣщалъ исполнить это немедленно. Не смотря на наглость этой лжи и на то, что истина ему была безъ всякаго сомнѣнія хорошо извѣстна, патріархъ удовлетворился этимъ отвѣтомъ. Съ Цимисхія взяли только обязательство (которому конечно никто не былъ болѣе радъ чѣмъ онъ самъ, потому что это дало ему поводъ изъясниться отъ всѣхъ соучастниковъ), сослать Теофанѣ и наказать исполнителей ея

воли. Потомъ его торжественно вѣнчали на царство. За недостойную роль, которую во всемъ этомъ дѣлѣ разыграли патриархъ и духовенство, новый государь заплатилъ уничтоженіемъ никифорова эдикта ⁸³), отнявшаго у нихъ столь значительную часть ихъ доходовъ.

Неописана была ярость Теофанѣ, когда она узнала объ обманѣ челоуѣка, для котораго обременила совѣсть свою преступленіемъ, едва ли не болѣе тяжкимъ, чѣмъ всѣ предъидущія. Какъ подстрѣленная пантера бросилась она на Цимисхія послѣ возвращенія его изъ храма, осыпала его самыми неистовыми ругательствами и, если бы не была удержана тѣлохранителями, излила бы ярость свою еще ощутительнѣйшимъ для него образомъ ⁸⁴). Но гнѣвъ этотъ былъ уже безсильный. Никто не чувствовалъ призванія вступить за женщину, преступленія которой наконецъ не закрывались болѣе даже царскою порфирію. Народъ ликовалъ, когда ее насильно посадили на корабль и отвезли на островъ Прокоппезъ, куда она сама нѣкогда заточила дочерей Константина-Порфиророднаго. Отсюда ее перевели въ Арменію, гдѣ она оставалась во все царствованіе Цимисхія. Уже послѣ смерти его, когда наконецъ престоломъ овладѣли законные наслѣдники — ея дѣти отъ перваго мужа — ей позволили возвратиться въ Константинополь. Поблекшая окончательно красота ея тогда уже не прельщала никого болѣе, никого не возбуждала къ преступленіямъ. Въ исторіи имя ея послѣ этого уже не появляется.

Но и Цимисхій не избѣгнулъ справедливой кары. Его погубилъ тотъ самый Василій, котораго мы уже встрѣчали какъ ревностнаго союзника Никифора, потомъ какъ вѣрнаго приверженца самого его. Цимисхій имѣлъ неосторожность открыто порицать огромное состояніе знуха и способы, которыми оно было приобрѣтено имъ. Въ опасеніи, что это порицаніе поведетъ къ другимъ, болѣе тягостнымъ для него послѣдствіямъ, Василій рѣшился предупредить ихъ. Онъ подкупилъ оберъ-мундъ-шенка, чтобы тотъ отравилъ Цимисхія. Данный ему ядъ дѣйствовалъ медленно, но вѣрно. Первые припадки отравы остались незамѣченны, но скоро она стала очевидною. Синія пятна покрыли тѣло; на плечахъ образо-

валпсь злокачественные карбункулы, изъ глазъ изливалась кровь вмѣстѣ съ матерією; лѣтомъ 976 года Цимисхій умеръ въ страшныхъ мученіяхъ ⁸⁵).

РОБЕРТЬ ОРБИНСКІЙ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

(Всѣ цитаты изъ византийскихъ лѣтописцевъ сдѣланы по болшекому изда нію.)

- 1) Theophanes continuatus, p. 445 и 468.
- 2) Такъ онъ во все царствованіе ни разу не входилъ въ софійскій соборъ безъ того, чтобы не принести туда какой-нибудь богатый подарокъ. Cedren. historiar. comp., II, 326.
- 3) Ibid.
- 4) Theophanes contin., p. 453.
- 5) Последнія потерины, о чемъ, конечно, жалѣть нечего; упоминанія о нихъ встрѣчаются у Зонары.
- 6) Comp. chron. Constantini Manassis, v. 4314 и 4315.
- 7) Luitprandi legatio ad Nicephorum Phocam, ed. Bonn., p. 344.
- 8) Leo Diacon., p. 49.
- 9) Разсказъ неизвѣстнаго продолжателя Теофана о ея знатномъ происхожденіи и всякаго рода добродѣтеляхъ очевидно ничто иное, какъ подлая лесть современника. Первому противорѣчатъ согласныя показанія всѣхъ другихъ лѣтописцевъ (Cedren., p. 337, Leo Diac., p. 31, Michael Glycas p. 541); последнему самые факты.
- 10) Constant. Manass., v. 5630.
- 11) S. Jacobi Pontani, explanatio dignitatum in praefat. ad hist. Cantacuzeni, p. XXXVI.
- 12) Leo Diacon., p. 185.
- 13) Michael Glycas, p. 561. Leo Diacon., p. 18.
- 14) Constant. Manass., v. 5637 et seqq. Leo Diacon., p. 7, 51. Michael Glycas, p. 565. Theoph. contin., p. 459.
- 15) Constant. Manass., v. 5550 et seqq.
- 16) Cedren., p. 337. Michael Glycas, p. 564.
- 17) Cedren., p. 480.
- 18) Cedren., p. 337.
- 19) Theoph. cont., p. 464.
- 20) Слова Вассиана Каракаллы о его братѣ Герѣ.
- 21) Georgii Codini de aedificiis, p. 77. Константинъ Великій, выстроившій это зданіе, украсилъ его бронзовою статуею Спасителя въ колоссальныхъ размѣрахъ; Левъ иконоборецъ удалилъ ее оттуда вмѣстѣ съ другими иконами, но иконопочитательница Ирина, жена его внука Льва IV, возобновила прежнія украшенія. — 22) Ibid., p. 73.

- 23) Theoph. cont., p. 467. — 24) Ibid., 472.
 25) Michael Glycas, p. 564. Cedren., p. 339.
 26) Jul. Pollux in notis Haasii ad Leonis Diacon. hist., p. 426 и Theoph. cont., p. 479. «Человѣкъ онъ былъ справедливый и безпристрастный, вѣрный данному слову, остраго ума и горячей души; къ тому же дѣлательный, какъ никто изъ людей, жившихъ до него или въ его время.» (Последняя часть фразы любимой риторической оборотъ византійскихъ писателей, если они даютъ характеристику чью-нибудь, и потому не должна быть.)
 27) Ibid., p. 471. — 28) Ibid., p. 470.
 29) *Περὶ παραδρομῆς πόλεμου* (о партизанской войнѣ).
 30) Leo Diacon., — почти всѣ двѣ первые книги, Cedren, Theodosii Diacon. *Περὶ τῆς Κράτης ἡλώσεως* — цѣлыхъ пять пѣсенъ ямбическаго размѣра, наполняющихъ въ нибуровскомъ изданіи около сорока страницъ. Symeon Magister и др.
 31) Theoph. cont., p. 137, 196.
 32) Leo Diacon, p. 7.
 33) Theoph. cont., p. 474. — 34) Ibid., 475.
 35) Всего было до 3360 судовъ; въ перечисленіи ихъ у Симеона Магистра впервые встрѣчается, какъ морской терминъ, названіе шаландовъ (*γαλάνδια*), p. 758.
 36) Leo Diacon., p. 7.
 37) Symeon Mag, p. 758. — 38) I, p. 48. — 39) Ibid., p. 60—134.
 40) Theophan. cont., p. 477.
 41) Leo Diacon., p. 24.
 42) Leo Diacon., p. 25.
 43) Theod. Diacon., II, v. 50 и 51.
 44) Leo Diacon., p. 25 et seqq. Cedren., p. 340. Constant. Manass., v. 5655 et seqq. Michael Glycas, p. 565. Symeon Magistre, p. 758.
 45) Leo Diacon., p. 29. — 46) Ibid — 47) Ibid., p. 36.
 49) Michael Glycas, p. 565.
 49) Theoph. cont., p. 479. Cedren., p. 342.
 50) Cedren., p. 345. Leo Diacon., p. 31.
 51) Leo Diacon., p. 32. — 52) Ibid., p. 33, 34. — 53) Ibid., p. 37.
 54) Ibid., p. 38. Cedren., p. 347. Constant. Manass., v. 5693 et seqq.
 55) Leo Diacon., p. 40. — 56) Ibid., p. 42. — 57) Ibid., p. 45. — 58) Ibid., p. 46.
 59) Cedren., p. 349.
 60) Ibid. Leo Diacon., p. 47.
 61) *Ἀχιλλοποιήτης*. Leo Diacon, p. 47. Откуда это названіе — не знаю.
 62) Cedren., p. 350. Leo Diacon., p. 48.
 63) *Ἀριστεύης τῆς ἡρώς*. Ibid. — 64) Ibid.
 65) Legatio ad Nicephorum Phocam, p. 344 и 347.
 66) Не смотри на то, что патріарху хорошо было извѣстно противное. Cedren., p. 353. — 67) Ibid, p. 351. — 68) Ibid., p. 364.
 69) Leo Diacon., p. 96.
 70) Constant. Manass., v. 5670 et seqq.
 71) Leo Diacon., p. 85.
 72) Cedren., p. 367.
 73) Leo Diacon., p. 57.
 74) Cedren., p. 368.

- 75) Leo Diacon., p. 61.
76) Cedren., p. 370.
77) Объ немъ съ удивленіемъ рассказываетъ находившійся тогда въ одной изъ константинопольскихъ школъ Левъ Діаконъ, стр. 65.
78) Cedren., p. 374. — 79) Ibid., p. 370.
80) Leo Diacon., p. 83. — 81) Ibid., p. 84.
82) Ibid., p. 88. — Cedren., p. 375 et seqq.
83) Novella I. Niceph. Aug.
84) Leo Diacon., p. 99. Cedren., p. 380. Michael Glycas, p. 574.
85) Michael Glycas, p. 575.
-

ПОЛКОВНИЦА.

I.

Лѣтъ пятнадцать или поболѣе тому назадъ, смотрителемъ к—скаго винокуреннаго завода *) былъ Никита Спиридонычъ Надаровъ. Человѣкъ онъ былъ хорошій, только ужъ, что называется, *военная косточка*, усердный служака, ревностный исполнитель воли начальства, ригористъ относительно подчиненныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ искусный администраторъ. Въ заводѣ онъ велъ себя совершенно какъ маленькій губернаторъ, другихъ заводскихъ чиновниковъ, подчиненныхъ ему, держалъ отъ себя на почтительномъ разстояніи, хотя и водилъ съ ними хлѣбъ-соль, однако считалъ, что дѣлаетъ имъ огромную честь своимъ посѣщеніями и приглашеніями. Городскія власти, имѣвшія вліяніе на заводъ, каковы: губернаторъ, начальникъ ссыльной экспедиціи, совѣтникъ питейнаго отдѣленія и нѣкоторые другіе чиновники по-мельче, весьма уважали Надарова; изъ личнаго уваженія ни одна изъ вышеупомянутыхъ личностей не рѣшалась задѣвать Никиту Спиридоныча какими-либо слѣдствіями или предирками, имѣющими обыкновенно цѣлью выжать у смо-

*) Смотри рассказы: «Аннушка» въ иллюстраціи, «Судьба» въ Семейномъ Листкѣ и «Иванъ Ивановичъ и Осдоръ Осдоричъ» въ 9-мъ номерѣ нашего журнала.

трителя, кромѣ положеннаго ежегоднаго оброка, которымъ онъ обложенъ, еще сверхъ оброчныхъ поборовъ, какъ это за частую дѣлаютъ съ другими зрителями.

Никита Спиридонычъ, которому могло быть около сорока лѣтъ отъ роду, былъ уже года два женатъ, но бездѣтень. Супруга его, Катерина Яковлевна, была ровно на половину лѣтъ его моложе, прекрасной наружности, очень стройна, больше средняго роста, весьма пріятнаго обращенія. Она была уроженка п-ской губерніи, воспитана въ домѣ богатаго помѣщика, О—ва, которому приходилась дальней родственницей, слѣдовательно была не лишена нѣкотораго образованія. Надаровъ женился на ней, еще находясь въ военной службѣ и стоя съ полкомъ въ окрестностяхъ имѣнія О—ва, въ которомъ съ семействомъ этого послѣдняго жила Катерина Яковлевна. Вскорѣ послѣ свадьбы, Никита Спиридонычъ перешелъ въ гражданскую службу, съ единственною цѣлью — обезпечить свое семейство.

Катерина Яковлевна, не смотря на свою молодость и неопытность, также держала себя со всѣми прочими заводскимъ чиновникамъ и ихъ женами чрезвычайно гордо, не находя между ними никого, принадлежащаго къ одному съ нею обществу. Она въ отдаленную холодную Сибирь замесла съ собою всѣ свои привычки и обычаи: любила бездѣйствіе; продолжительное сидѣніе по вечерамъ, пѣсни дѣвичьей, слушанье сказокъ, гаданія; любила поутру долго лежать въ постели, въ постели кушать утренній кофе, потомъ по цѣлымъ часамъ сидѣть за туалетомъ, потомъ сложить ручки и мечтать или сѣсть не торопясь за безконечную дамскую работу, начатую чуть-ли еще не до замужества, изрѣдка раскрыть какой-нибудь романъ, на половинѣ страницы его зѣвнуть и задуматься, изрѣдка также сыграть на фортепьяно какую-нибудь польку, которой уже никто не играетъ. Ни хозяйствомъ, ни шитьемъ своихъ нарядовъ, ни вязаніемъ чулокъ Катерина Яковлевна никогда не занималась, находила эти занятія унижительными для себя; на все это у начальницы завода была многочисленная прислуга изъ рабочихъ женщинъ и дѣвокъ, на которыхъ заводское начальство вообще привыкло смотрѣть, точь-въ-точь какъ на крѣпостныхъ.

Казенный домъ, присвоенный смотрителю завода, былъ Надаровымъ за-ново отдѣланъ и прекрасно омеблированъ, конечно, безъ малѣйшаго вмѣшательства городскихъ мастеровъ, потому что, между заводскими рабочими были всевозможные мастера, которые, по исконому обыкновению, работали не только на заводскихъ чиновниковъ, но и на городскихъ власти. Кромѣ смотрителя, къ заводскому штату еще принадлежали: начальникъ заводской инвалидной команды, казначей, бухгалтеръ и писмоводитель, все мелюзга чиновничья. На мѣсто лѣсничаго, который также полагается при заводахъ, былъ переведенъ изъ Россіи прапорщикъ баронъ Паскевецъ, котораго мы представимъ читателю, когда баронъ прибудетъ въ заводъ; а мѣсто лѣкаря было, съ самаго основанія завода, вакантно и поручено уѣздному врачу Потапину, который разъ въ недѣлю посѣщалъ заводъ, напивался въ немъ до положенія ризъ и снова уѣзжалъ. Въ остальное время больные, всѣ безъ изъятія, получали, отъ фельдшера Потапыча, универсальное лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней, состоящее изъ какого-то лошадинаго слабительнаго, разливаемого имъ въ скляночки изъ непомѣрно-большой бутылки.

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.»

Приступаю къ разсказу.

Однажды, въ среду, часу въ одиннадцатомъ утра, по обыкновению, прибыла въ заводъ женская партія.

На дворѣ стояла поздняя осень: въ предъидущую ночь морозило и безчисленныя лужи еще затянута были льдомъ, который медленно таялъ подъ вліяніемъ мелкаго, частаго дождя.

Партія, состоявшая изъ двухъ сотъ слишкомъ женщинъ, сильно перезябла и большая часть принадлежавшихъ къ ней арестантокъ старались усиленнымъ движеніемъ возстановить теплоту въ своемъ тѣлѣ, не смотря на то, что дальній переходъ долженъ былъ утомить ихъ.

Партія, подъ прикрытіемъ конвоя изъ инвалидовъ и двухъ казаковъ верхамъ, поровнявшись съ заводскою конторою остановилась, и этапный офицеръ, также верхомъ сопровож-

давшій ее, соскочивъ съ усталой лошадевки и бросивъ поводья одному изъ казаковъ, вошелъ въ контору. Солдаты цѣпью окружили партію, которая мгновенно столпилась въ кучу передъ конторскимъ подъѣздомъ, какъ стадо испуганныхъ овецъ. Нѣсколько подводъ, на которыхъ сложены были вещи арестантокъ и сидѣли больныя, слабыя или непривычныя къ ходьбѣ женщины и дѣти, остались за цѣпью подъ надзоромъ другаго казака.

По уходѣ партіоннаго офицера, въ толпѣ женщинъ поднялся говоръ женскихъ и крикъ дѣтскихъ голосовъ; по временамъ слышался даже смѣхъ арестантокъ, съ которыми шутили конвойные солдаты. Нѣкоторыя женщины ходили, другія прыгали на мѣстѣ, размахивая руками, третьи дули себя въ руки и толкались другъ о дружку, чтобы согрѣться. На подводахъ потягивались и расправляли оконченныя члены худыя, блѣдныя фигуры сидѣвшихъ на нихъ женщинъ и дѣтей.

Партія состояла изъ женщинъ почти всѣхъ возрастовъ, начиная отъ пятидесятилѣтняго до грудныхъ малютокъ, рожденныхъ дорогою или передъ самымъ отправленіемъ въ путь арестантокъ. Между молодыми женщинами и дѣвками встречались хорошенькія лица, но на большей части ихъ лежала печать безстыдства и разврата. Между пожилыми и старухами чаще попадались страдальческія фізіономіи, но и изъ нихъ у большей части страдальческое выраженіе было вызвано скорѣе физическими, нежели нравственными недугами.

На одной изъ подводъ, на кучѣ узловъ и мѣшковъ, покрытыхъ рогожами и кое-какъ притянутыхъ веревками, сидѣла, спиною къ лошади, женщина лѣтъ двадцати пяти безъ малаго, которой прекрасное, пѣжное лицо, маленькія руки и гордый поворотъ головы неприятно противорѣчили арестантской одеждѣ, огромнымъ мужскимъ сапогамъ и вообще обстановкѣ ея. Черты лица ея, свидѣтельствовавшего объ изнуреніи и холодѣ, были чрезвычайно правильны и запечатлѣны характеромъ юга, родины двухъ всемірныхъ типовъ женской красоты — греческаго и римскаго. Продолговатый разрѣзъ ея глазъ, опущенныхъ длинными черными рѣсницами,

дѣлалъ ихъ способными выражать дѣгу страсти преимущественно передъ другими душевными движеніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно всмотрѣвшись, надо было признать въ нихъ скорѣе привычку къ выраженію презрѣнія, насмѣшки или приказанія, нежели къ взглядамъ сладострастія и нѣжности. Выраженіе насмѣшки и пренебреженія поражало и въ тонкихъ, постоянно сжатыхъ губахъ ея прекраснаго рта, созданнаго для поцѣлуя любви, и въ легкости, съ которою расширялись розовыя стѣнки ея правильнаго носа.

Молодая женщина сидѣла неподвижно, вперивъ внимательный взглядъ въ конторскую дверь, за которою скрылся партіонный офицеръ. Еслибы не болѣзненная морщинка, образовавшаяся между бровями отъ сближенія ихъ, и легко нервное подергиванье, отъ времени до времени пробѣгавшее по лицу, то можно бы сомнѣваться — собирается ли это лицо выразить горесть, или презрѣніе ко всему окружающему.

На конторское крыльцо, въ сопровожденіи партіоннаго офицера вышелъ Надаровъ и сталъ считать арестантокъ, какъ стадо барановъ. Вслѣдъ за тѣмъ вышедшій писарь сталъ дѣлать имъ поименную перекличку. Послѣ множества различныхъ именъ и фамилій, изъ которыхъ къ инымъ еще присоединялись, такъ называемыя, уличныя прозванія, при другихъ — упоминалось прозваніе, данное имъ уже въ партіи, а нѣкоторымъ были, для отличія отъ соименницъ ихъ, присвоены нумера, какъ напримѣръ:

— Анисья Горшкова первая! Анисья Горшкова вторая!
Аксинья Лебедева, по уличному Рысь! Степанида Потапова,
въ партіи прозванная Тучей!

Арестантка, которой имя произносилось писаремъ, обязана была подойти ближе къ крыльцу и отвѣчать:

— Здѣсь!

За тѣхъ же, которыя лежали на подводахъ и не были въ состояніи подойти къ крыльцу — отвѣчалъ партіонный офицеръ:

— Подвода N^о такой-то, везъ крестьянинъ такой-то!

И названный крестьянинъ обязанъ былъ отвѣчать:

— Здѣсь!

Уже съ четверть часа длилась эта сцена, когда писарь громко произнесъ:

— Надежда Иларіонова Жемчужна, прозванная въ партіи полковницею.

Въ эту минуту сидѣвшая на подводѣ молодая женщина слегка покраснѣла и невольно потупилась, но вслѣдъ за тѣмъ опять подняла голову, при чемъ лицо ея ясно выражало насмѣшку и еще какое-то горькое чувство. Партіонный офицеръ что-то пошепталъ на ухо смотрителю и указалъ въ ту сторону, гдѣ остановились подводы. Глаза Надарова послѣдовали этому указанію, но тотчасъ же приняли другое направленіе. Партіонный офицеръ крикнулъ:

— Подвода № 5-й, возчикъ Тихонъ Перепелкинъ.

— Здѣсь! отвѣчалъ крестьянинъ, сидѣвшій на одной подводѣ съ молодою женщиною.

Когда кончилась переключка, Надаровъ, въ сопровожденіи писаря, пошелъ обратно въ контору. Партіонный офицеръ сдалъ команду надъ солдатами старшему унтеръ-офицеру, а самъ отправился въ гости къ начальнику заводской инвалидной команды. Казаки спѣшились и ушли. Вслѣдъ за тѣмъ вышедшій изъ конторы писарь велѣлъ разойтись арестанткамъ, а подводамъ, на которыхъ были больныя женщины, ѣхать къ больницѣ, за исключеніемъ одной той, на которой, все въ прежнемъ положеніи, неподвижно сидѣла замѣченная нами молодая женщина, повидимому, не обращавшая ни малѣйшаго вниманія на дѣлавшееся вокругъ нея. Мало-по-малу, площадь передъ конторою опустѣла: посреди ея осталась одна подвода № 5-й, на которой сидѣла молодая женщина.

Только черезъ добрые полчаса изъ конторы вышелъ смотритель и быстрыми шагами сбѣжавъ съ крыльца, сталъ приближаться къ подводѣ. Мужественное, нѣсколько даже суровое лицо Надарова въ эту минуту выражало глубокое страданіе, между тѣмъ какъ губы его сложились въ вѣжливую улыбку. Въ тоже время презрительное выраженіе совершенно исчезло съ лица молодой женщины, на которомъ ясными чертами напечатлѣлось тягостное недоумѣніе и ожиданіе чего-то неприятнаго.

Будучи на разстояніи одного шага отъ подводы, Никита Спиридонычъ вѣжливо дотронулся до фуражки и сказалъ, обращаясь къ молодой женщинѣ:

— Вы поѣдете въ мой домъ!... Тамъ поговоримъ о васъ... я буду вслѣдъ за вами!...

Надаровъ опять дотронулся до фуражки и крикнулъ подводчику:

— Вези *ихъ* въ смотрительскій домъ!

— Слушаю-съ! отвѣчалъ крестьянинъ и плетью ударилъ лошаденку, которая, махнувъ нѣсколько разъ хвостомъ, пустилась мелкою рысцой.

Молодая женщина не отвѣчала ни слова на слова смотрителя, только печально кивнула ему головою, какъ будто выражая этимъ движеніемъ:

— Дѣлайте со мной, что хотите.... я въ вашей власти....

Но въ то же время, глаза и презрительно-сжатые губы ея видимо протестовали противъ этой пассивной покорности начальству.

Когда смотритель вступилъ въ ворота своего дома, подвода уже стояла по срединѣ двора и на ней, по прежнему, не шевелясь, сидѣла молодая женщина.

— Пожалуйте въ комнату! вѣжливо сказалъ Надаровъ, подходя къ телѣгѣ.

Молодая женщина нерѣшительно взглянула съ телѣги внизъ и, краснѣя, стала довольно не ловко слѣзать съ нея. Тогда, о, чудо! суровый, гордый, смотритель простеръ свою любезность до того, что подбѣжалъ и поддержалъ арестантку.

При видѣ такого совершенно необычнаго явленія, подводчикъ выпучилъ глаза и разинулъ ротъ, а женщины, стоявшія на порогѣ смотрительской кухни стали перешептываться между собою.

Вступая, вмѣстѣ съ Надаровымъ въ переднюю, молодая женщина, осмотрѣвъ свой нарядъ и сапоги, съ которыхъ ручьями текла вода, сказала приятнымъ контраalto:

— Я загрязню полъ въ вашихъ комнатахъ и запачкаю мебель, г-нъ смотритель! Лучше позвольте мнѣ сперва переодѣться гдѣ-нибудь въ дѣвичьей или на кухнѣ....

— Вы переодѣнитесь, сударыня, въ комнатѣ мой жены, съ которою я васъ сейчасъ познакомлю.... отвѣчалъ Надаровъ, отворяя дверь въ залъ и пропуская въ него арестантку: — Здѣсь ничего не можетъ испортиться отъ мокраго платья.... Покорно прошу садиться.... Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ.... Только попрошу сюда жефу.

Смотритель торопливо ушелъ внутреннія комнаты.

Снявъ съ головы огромный шерстяной платокъ и развязавъ сѣрую однорядку, молодая женщина, въ видномъ изнеможеніи, опустилась на одинъ изъ камышевыхъ стульевъ, стоявшихъ по стѣнамъ зала и разсѣянню, въ томительномъ ожиданіи, стала стаскивать съ рукъ мокрая лайковыя перчатки, единственную подробность наряда, не принадлежавшую къ арестантской одеждѣ.

Не прошло пяти минутъ, какъ вошли Надаровъ съ женою.

— Моя жена! сказалъ первый, приближаясь къ арестанткѣ, и потомъ присовокупилъ, обращаясь къ Катеринѣ Яковлевнѣ:

— Полковница Жемчужина, которую ты, вѣроятно, заставишь забыть ея тягостное положеніе....

Смотрительша подошла ближе: на глазахъ ея блеснули слезы. Она подала арестанткѣ руку, которую та взяла съ вѣжливую, но несколько не чрезмѣрной поспѣшностью.

— Я вамъ замарала руку! сказала она съ ироническою улыбкою.

Не понявъ двусмысленности, заключавшейся въ этихъ словахъ, и не обративъ на нихъ вниманія, Катерина Яковлена воскликнула.

— Какое несчастіе!.... Вѣдь мы одной губерніи: я слышала о васъ еще тамъ въ п-ской губерніи.... Вы были очень богаты, обожаемы мужемъ, принадлежали къ лучшему кругу.... и вдругъ!... Это ужасно.... Но повѣрьте, и здѣсь живутъ люди—не звѣри, люди, которые поймутъ васъ, оцѣнятъ вашъ умъ.... образованіе.... Мы, первые, постараемся, сколько въ нашихъ силахъ, облегчить ваше положеніе.... И прежде всего, вамъ въ заводѣ жить негдѣ.... квартиры у рабочихъ маленькія — при томъ грязь, вонь.... Надо вести

ménage en commun съ хозяевами.... Но у меня есть комната совершенно лишняя: Vous me ferez un grand plaisir en l'acceptant....

— Благодарю васъ! отвѣчала арестантка тономъ, которымъ благодарять за самую обыкновенную услугу, и потомъ присовокупила:

— Если ни малѣйше не стѣсню васъ, то съ радостью принимаю... Впрочемъ, скажу вамъ откровенно: je suis prête à souffrir tous les inconvenients de ma position....

— Да, я понимаю! воскликнула Катерина Яковлевна: Но все-таки это ужасно.... Вы! вы! que j'enviais tant autre fois, sans vous connaître!... Но что же я дѣлаю?... Вы такъ измокли, озябли, а я болтаю, какъ сорока.... Пойдемте въ мои комнаты.... Вамъ необходимо переодѣться.... Пойдемте....

Катерина Яковлевна поспѣшно пошла во внутреннія комнаты, куда медленно послѣдовала за нею и арестантка, стуча своими огромными мужскими сапогами и оставляя за собою на полу мокрые слѣды.

Мы видѣли, что Катерина Яковлевна, въ обхожденіи съ Жемчужиной, нисколько не соблюдала той важности, за которую заслужила въ заводѣ прозваніе «гордой фри».

Причина ея любезности заключалась въ прежнемъ положеніи Жемчужиной, коротко извѣстномъ Надаровымъ. Никита Спиридонычъ, извѣщая жену о прибытіи въ заводъ Надежды Иларіоновны, сказалъ:

— Прими ее, пожалуйста, какъ подругу.... Не смотря на ея несчастіе, она все-таки женщина нашего общества.... Надо поддержать ее. Она сослана по недоразумѣнію всего на восемь лѣтъ.... можетъ быть, и совершенно ни въ чемъ невиновата.... И говоря, что Жемчужина «женщина нашего общества», Никита Спиридонычъ самодовольно улыбнулся, какъ будто чувствуя себя польщеннымъ тѣмъ, что, хоть здѣсь, въ Сибири, можетъ считать себя принадлежащимъ къ одному обществу съ Жемчужиной и даже покровительствовать ей.

Приведя Надежду Иларіоновну, въ свою спальню, Катерина Яковлевна ухаживала за нею со всѣмъ радушіемъ, къ

какому увлекало ее доброе сердце: сама, наперерывъ съ горничной, помогала Жемчужиной снимать мокрую одежду и обувь, и подавала сухую изъ своего гардероба.

Черезъ полчаса обѣ молодыя женщины уже сидѣли въ маленькомъ будуарѣ смотрительши за горячимъ кофе, обѣ одинаково одѣтыя, обѣ почти въ однихъ лѣтахъ, и почти одинаково хорошенькія!

Но еслибы кто-нибудь, не зная ихъ, захотѣлъ опредѣлить, которая изъ обѣихъ можетъ покровительствовать другою, то, вѣрно, указалъ бы не на смотрительшу.

Жемчужина, во всей паружности и въ обращеніи, выказывала тотъ неувимый аристократизмъ, которымъ одарены только люди, еще на рукахъ у кормилицы пеленанные въ тонкій батистъ и брабантскія кружева, и потому остающіеся тѣмъ что есть, не смотря ни на какія превратности судьбы, люди, которые говорятъ о себѣ.

— *On peut devenir roi: on ne peut que naître noble.*

Разговоръ молодыхъ женщинъ — какъ читатель легко догадается — не смотря на усилія хозяйки дома разнообразить его, безпрестанно возвращался къ обстоятельствамъ, бывшимъ причиною ссылки Жемчужиной въ заводъ. Наконецъ, замѣчая, что Катерина Яковлевна горитъ нетерпѣніемъ слышать повѣсть ея жизни, Надежда Иларіоновна безъ обиняковъ сказала.

— Вы, вѣроятно, хотѣли-бы покороче знать ту, которой такъ обязательно предложили свое гостепріимство. Моею обязанностью, по настоящему, было бы даже предупредить ваше справедливое желаніе, еслибы меня не удерживало убѣжденіе, что рассказомъ о моемъ прошедшемъ, нисколько не выигрывая сама въ вашихъ глазахъ, я между тѣмъ много огу повредить вамъ...

— Какъ это? воскликнула Надарова, виѣ себя отъ удивленія: — Одно искреннее участіе побуждаетъ меня просить васъ рассказать мнѣ о печальномъ произшествіи, которое ривело васъ сюда... Не понимаю—какимъ образомъ мое желаніе можетъ послужить мнѣ во-вредъ, не принося вамъ пользы въ моемъ мнѣніи... Вѣдь, и я, и мой мужъ совер-

шенно увѣрены въ томъ, что причиною вашей ссылки какое нибудь недоразумѣніе, злые извѣты, ошибка судей... но отнюдь не ваша собственная вина...

— Въ томъ-то и дѣло, что напротивъ... энергически и нѣсколько мрачно произнесла Надежда Иларіоновна. Въ томъ-то и дѣло, что вы ошибаетесь, что причиною моего несчастья—я сама...

— Неужели? Но вѣроятно же ваша вина была преувеличена судьями, которые поступокъ сдѣланный по неопытности, приписали злему намѣренію, и потому подвергли васъ такому строгому приговору?...

— Нисколько! Поступокъ мой былъ вполне обдуманъ и приговоръ, произнесенный надо мной, еще слишкомъ снисходителенъ, смотря по важности моей вины...

— Но что же вы сдѣлали, что же вы сдѣлали, бѣдная Надежда Иларіоновна? повторяла Надарова, блѣднѣя и въ ужасѣ отодвигаясь отъ Жемчужиной въ самый уголокъ дивана, на которомъ сидѣла.

Взоръ ея, устремленный на арестантку, выражалъ душевную тревогу и даже нѣкоторое отвращеніе...

— Что я сдѣлала? повторила Жемчужина грустнымъ, но твердымъ тономъ, и вслѣдъ затѣмъ продолжала какъ будто въ размышленіи: — Вотъ, вы еще не знаете моего поступка, а уже готовы раскаяться въ вашемъ участіи ко мнѣ... Зачѣмъ это ребяческое любопытство, которое можетъ-быть, помѣшаетъ вамъ сдѣлать доброе дѣло?...

— Никогда! воскликнула Катерина Яковлевна съ нѣсколько принужденнымъ видомъ:— Что бы вы ни сдѣлали, за что бы ни были сосланы, мое гостепріимство...

— Не о немъ говорю я... перебила Надежда Иларіоновна съ улыбкою:— Я уже сказала вамъ и теперь повторяю, что не боюсь матеріальныхъ лишеній, связанныхъ съ моимъ теперешнимъ положеніемъ.... Я даже предпочла бы жить въ избѣ, за которую могла бы платить... Но гораздо большимъ, почти невыносимымъ лишеніемъ была бы для меня необходимость видѣть вокругъ себя однихъ людей, чуждыхъ мнѣ по образованію и по взгляду на вещи.... Никогда не имѣть возможности перемолвить съ кѣмъ-нибудь слово о предме-

тахъ, которые занимаютъ меня... Понимаете — вы, вы сами мнѣ нужны болѣе, въ тысячу разъ болѣе, нежели весь комфортъ, который я могу найти у васъ и отъ котораго, втеченіе долгаго пути по этапамъ, я уже совершенно отвыкла... Вы, конечно, только въ половицу поймете меня, если я вамъ скажу, что слишкомъ серьезно взглянула жизни въ глаза, чтобы еще приписывать малѣйшую важность мелочамъ и удобствамъ будничной жизни... Но тѣмъ болѣе важности получили для меня мои привязанности къ людямъ, а васъ, съ перваго же взгляда, я полюбила, какъ сестру... Не требуйте же отъ меня признаній, которыя лишили бы меня единственнаго утѣшенія, имѣющаго для меня цѣну... Ради всего святаго, не требуйте...

При этихъ словахъ, лицо Жемчужной совершенно утравило презрительное выраженіе, мѣсто котораго заступило глубокое неподдѣльное чувство: на глазахъ ея даже готовы были выступить слезы.

Увлеченная ея горестью, встревоженная полупризнаніемъ ея, Катерина Яковлевна не знала, что начать, и видя необходимость прервать молчаніе, которое уже длилось слишкомъ долго, сказала:

— Клянусь вамъ, милая Надежда Иларіоновна, мое участіе къ вамъ нисколько не уменьшилось бы отъ того, что вы рассказали бы мнѣ эту грустную исторію... Напротивъ... Впрочемъ... если вы... если вамъ это неприятно... будете говорить о другомъ... Я не имѣю никакого права...

Лицо Жемчужиной мгновенно опять приняло прежнее холодно-презрительное выраженіе. Видно было, что она ожидала отъ Надаровой болѣе истинной сердечной теплоты, нежели выражалось въ ея обдуманно-холодной рѣчи.

— Знаете что? произнесла арестантка полушуточнымъ, полусерьезнымъ тономъ: — Мнѣ кажется, вы слишкомъ молоды, чтобы быть смотрительшею завода, и вашъ мужъ очень дурно дѣлаетъ, позволяя вамъ сближаться съ людьми, которыхъ мало или вовсе не знаетъ...

— Напримѣръ, съ кѣмъ же? также нѣсколько холоднымъ тономъ спросила Катерина Яковлевна, которой страннымъ

казалось, что смѣютъ критиковать дѣйствія ея мужа, и которая своею холодностью хотѣла доказать, что ошибаются, считая ее слишкомъ молодою для званія начальницы завода.

— Напримѣръ со мною... отвѣчала съ злою усмѣшкою Жемчужина.

— Отчего?

— Это васъ удивляетъ и даже нѣсколько обижаетъ?.

— Нисколько...

— Послушайте... Въ первый же разъ когда я увижу вашего мужа, я повторю ему слова, сказанныя вамъ, и повѣрьте, онъ менѣе васъ удивится имъ, и даже согласится, что я отчасти права... На мѣстѣ вашего мужа, я старалась бы, какъ можно долѣе, сохранить васъ въ томъ блаженномъ невѣдѣнннхъ страстей и заблужденій человеческихъ, которымъ вы еще обладаете... Конечно, не я буду первая, которая возмутитъ покой и чистоту вашей молодой души... Довольствуйтесь тѣмъ, что знаете обо мнѣ... Не вѣрьте всему, что вамъ будутъ говорить обо мнѣ дурнаго... Здѣсь, въ заводѣ, извѣстенъ только поступокъ, за который я судилась и который могъ быть и ложно приписанъ мнѣ, но не извѣстно ничего болѣе изъ моего прошедшаго... Позвольте мнѣ пользоваться вашимъ добрымъ знакомствомъ, но взвѣсьте хорошенько и посоветуйтесь съ мужемъ—оставите ли меня жить у себя или нѣтъ?.. А что касается того, чтобы передать мнѣ ваше общее рѣшеніе на этотъ счетъ, то освобождаю васъ отъ неприятныхъ объясненій... Изъ вашего взгляда я пойму, должна ли оставаться у васъ или переѣхать на квартиру...

Катерина Яковлевна была поработчена энергическимъ характеромъ, который высказывался въ этихъ словахъ Жемчужиной. Смотрительшу непреодолимою сплю повлекло къ арестанткѣ, и въ воображеніи ея, по какому-то странному сочетанію идей, возникъ образъ мрачнаго, одинокаго въ своей печали, но гордаго, неприступнаго въ своемъ одиночествѣ, падшаго ангела и воспоминаніе стиховъ Жуковского, когда-то въ пансіонѣ выученныхъ ею на память, невольно тѣснилось въ душу.

Сумраченъ, дикъ, одинокъ, на ступеняхъ подземнаго трона,
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Абділъ Аббадонна,
редитировала про себя смотрительша, въ глубокомъ раз-
думьи.

Изъ этого читатель видитъ, во-первыхъ, что Катерина Яковлевна была еще такъ молода, что помнила заученные въ пансіонѣ стихи, и во-вторыхъ, что она была нечужда нѣ-
котораго поэтическаго настроенія.

II.

Не смотря на то, что Надежда Иларіоновна, которую и въ заводѣ рабочіе продолжали называть полковницею, про-
звищемъ, даннымъ ей, какъ мы видѣли, еще въ партіи, не
смотря на то, говорю, что она съ тою же безоглядною
откровенностью, какую выказала передъ смотрительшею,
упрекнула и мужа ея въ неосторожности, съ которою онъ
дозволяетъ молодой женщинѣ сближаться съ ссыльными,
Жемчужина по всему видѣла, что на семейномъ совѣтѣ На-
даровыхъ положено было, чтобы она осталась жить у нихъ
въ домѣ. Это чрезвычайно обрадовало ее, какъ потому, что
доставляло ей возможность пользоваться обществомъ поря-
дочныхъ людей, каковы были Надаровы и нѣкоторые изъ
навѣщавшихъ ихъ городскихъ чиновниковъ, такъ и потому,
что—сколько она ни отрицала свою зависимость отъ мело-
чей и удобствъ буднишной жизни—все-таки нѣкоторый ком-
фортъ былъ необходимъ ей.

Въ то время, въ которое произошло повѣствуемое, въ
винокурныхъ заводахъ западной Сибири на женщинъ не
возлагалась никакая опредѣленная работа. Единственные за-
нятія ихъ были: поочередное мытье половъ въ казенныхъ
зданіяхъ, хожденіе за грибами и ягодами для заводскаго на-
чальства и прислуживаніе ему. Сосланныя дворянки, неспо-
собныя къ такого рода занятіямъ, были слѣдовательно только
неминально въ работѣ. Плаката и пайковъ не полагалось на
женщинъ и незамужнимъ изъ нихъ оставался, для прокорм-

ленія себя, одинъ исходъ въ развратѣ, пока онѣ были молоды, и въ способствованіи чужому разврату, когда старѣлись.

Поэтому, поступленіе Жемчужной въ качествѣ прислуги къ смотрительшѣ въ смотрительскій домъ, не могло почитаться противозаконнымъ дѣломъ.

Не желая даромъ пользоваться квартирою и столомъ, Жемчужина, и на самомъ дѣлѣ, приняла на себя управленіе хозяйствомъ Надаровыхъ, до чего, какъ мы выше сказали, Катерина Яковлевна была не большая охотница и не мастерица. При содѣйствіи Жемчужиной, хозяйство Надаровыхъ пришло въ такое цвѣтущее состояніе, что стало увлекать и молодую хозяйку дома, за что смотритель не зналъ какъ благодарить Надежду Иларіоновну.

Вообще полковница умѣла внушить къ себѣ уваженіе и въ своихъ хозяевахъ и въ пріѣзжавшихъ къ нимъ изъ города чиновникахъ. Даже рабочіе, прислуживавшіе въ смотрительскомъ домѣ, и тѣ, которые, по обязанности, часто бывали въ немъ, отзывались о ней всегда съ особеннымъ уваженіемъ и нерѣдко съ еще болѣе теплымъ чувствомъ. Какъ она достигла этой всеобщей любви — было бы слишкомъ долго изслѣдовать. Довольно сказать, что она была ласкова и услужлива для всѣхъ, кто имѣлъ въ ней нужду, часто вступалась за провинившихся передъ смотрителемъ, и никогда не жаловалась на прислугу.

Вела она себя скромно, много читала, играла на фортепьяно, которымъ усерднѣе заниматься уговорила и смотрительшу, не вмѣшивалась ни въ какія заводскія сплетни и ни съ кѣмъ не кокетничала.

Только второстепенныя заводскія чиновницы, начиная отъ казначейши до бухгалтерши и письмоводительши, не любили «заславшейся полковницы,» какъ называли Надежду Иларіоновну за то, что она избѣгала ихъ пошлаго, безцвѣтнаго общества. Мужья ихъ также находили, что она обращаетъ на нихъ слишкомъ мало вниманія, но не смотря на то, за ея красоту, были болѣе склонны на мировую съ нею.

Такъ прошло около трехъ мѣсяцевъ. Въ это время въ заводъ прибылъ давно ожидаемый новый лѣсничій, баронъ

Александръ Карлычъ Пасквецъ. Баронъ былъ очень молодой человѣкъ, не дурень, больше средняго роста, плечистъ и мускулистъ. Въ лицѣ его, не смотря на довольно правильныя европейскія черты, сохранились нѣкоторыя оттѣнки, намекавшіе на восточное происхожденіе: такъ скулы его чуть-чуть выдавались за черту, присвоенную чисто-европейскому типу, наружные углы глазъ были едва замѣтно приподняты кверху, цвѣтъ кожи не смотря на бѣлокурые волосы, былъ довольно смугль.

Дѣло объясняется очень просто. Предки барона были венгерцы. Отецъ его достигъ въ Россіи генеральскаго чина, мать принадлежала къ одной изъ нашихъ фамилій татарскаго происхожденія.

Еще въ дѣтствѣ оставшись круглымъ сиротою, обобранный опекунами, которые были назначены по причинѣ близости родства, нашъ баронъ былъ помѣщенъ ими въ училище, гдѣ и окончилъ курсъ, весьма хорошо по наукамъ, весьма дурно по поведенію.

Пасквецъ принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя только поверхностью своего нравственнаго міра подходятъ подъ смягчающій, сглаживающій уровень цивилизаціи, въ глубинѣ оставаясь дикарями, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Самп того не подозрѣвая, опекуны избрали для него поприще, какъ нельзя болѣе согласовавшееся съ его вкусами и потребностями. Баронъ любилъ лѣсную глушь, ширину полей; съ какимъ-то бѣшеннымъ восторгомъ метался онъ на горячей лошади по чащѣ, подвергаясь опасности то раскроить себѣ черепъ о перегнувшійся черезъ тропу стволъ, то выколоть глазъ сухимъ сукомъ. Онъ, какъ дикая коза или газель, по цѣлымъ днямъ, могъ, не утомляясь, лазить по горамъ, какъ векша, взбирался на высокія деревья, нависшія надъ пропастями; прыгалъ черезъ потоки, которыхъ, повидному, нельзя было перепрыгнуть человѣку; съ наслажденіемъ боролся со всевозможными естественными преградами, которыя, благодаря своей силѣ, ловкости и зоркости, всегда преодолевалъ съ торжествомъ. Дикарь въ душѣ, баронъ, и въ костюмѣ, который надѣвалъ, когда сбирался въ лѣсъ, любилъ подражать черкесскому и казачьему наряду,

имѣлъ цѣлую коллекцію охотничьихъ ножей, кинжаловъ, ружей, пистолетовъ, нагаекъ, поясовъ съ амулетками и т. п.

Наконецъ, какъ всѣ дикари, баронъ не могъ также не быть пристрастнымъ къ одуряющимъ напиткамъ, изъ которыхъ водку и ромъ употреблялъ иногда до того, что совершенно терялъ рассудокъ, другими словами, какъ выражаются пѣхотные офицеры, «пилъ до чертиковъ.»

Впрочемъ въ обществѣ дамъ, баронъ былъ довольно пріятный собесѣдникъ, конечно до тѣхъ только поръ, пока еще не былъ совершенно пьянъ: онъ былъ довольно остроумень, хорошо рассказывалъ анекдоты и очень живописно изображалъ различныя происшествія изъ своей богатой приключеніями жизни.

За то едва онъ доходилъ до втораго взвода, какъ самъ выражался, т. е., едва началъ чувствовать опьяненіе, какъ мгновенно ему приходило на умъ, что онъ отлично владѣеть кистенемъ, что сабля у него отпущена, какъ англійская бритва, и онъ начиналъ придирается къ первому попавшемуся на глаза мужчине, съ лживымъ намѣреніемъ — затѣять ссору и доказать, что онъ не даромъ хвастаетъ своею ловкостью въ употребленіи кистеня и не безъ причины сравниваетъ острее своей сабли съ бритвою.

Въ наказаніе за одну изъ множества шалостей и противозаконныхъ дѣйствій, совершенныхъ барономъ въ какой-то губерніи великой, малой, бѣлой или красной Россіи, онъ былъ переведенъ на службу въ западную Сибирь и назначенъ въ к—скій винокуренный заводъ. Пусть, молъ, тамъ казнится безъ вина и безъ раздолья лѣсовъ: заводъ-го, вишь винокуренный, а кругомъ все первобытная природа.

Пріѣзду барона въ т—скую губернію задолго предшествовала бумага, по которой новому начальству его предписывалось — вычитать у лѣсничаго к—скаго винокуреннаго завода, прапорщика барона Паскева, треть жалованья для удовлетворенія его кредиторовъ. Это распоряженіе вышшаго начальства, какъ легко догадаться, не могло обрадовать ни непосредственное начальство барона, ни кредиторовъ его, которые считали за нимъ около десяти тысячъ рублей, а получать должны были ежегодно около одной сотой этой

суммы, ибо прапорщикъ корпуса лѣсничихъ получалъ жалованья не болѣе трехъ сотъ рублей въ годъ.

Прибывъ въ заводъ, баронъ началъ съ того, что задалъ форсу, т. е. не поѣхалъ являться къ смотрителю, отъ котораго по службѣ былъ въ нѣкоторой зависимости, и не сдѣлалъ визита никому изъ заводскихъ чиновниковъ. Впрочемъ онъ, можетъ быть, и не задалъ бы этого форса, еслибы дорогою не запылъ. Запой же у Пасквеца считался паровнѣ съ хроническими болѣзнями и, во все продолженіе его, баронъ обыкновенно сказывался больнымъ, что впрочемъ не мѣшало ему ѣздить по лѣсамъ, охотиться и назначать просѣки. Такъ случилось и въ этотъ разъ,

Баронъ въ самый день приѣзда въ заводъ поѣхалъ обозрѣвать подвѣдомственные ему лѣса. Какъ ужъ онъ обозрѣвалъ ихъ, это извѣстно одному Богу, да еще отчасти лѣсовщикамъ, попеременно сопровождававшимъ новаго лѣсничаго; только въ лѣсу онъ пробылъ около цѣлой недѣли и возвратился оттуда съ пустымъ водочнымъ боченкомъ, который везъ за нимъ въ телѣжкѣ лѣсовщикъ.

На другой день баронъ, начисто выбритый, умытый и причесанный, въ полной формѣ, явился къ Надарову, по всѣмъ правиламъ служебнаго этикета. Никита Спиридонычъ, который, состоя въ военной службѣ, и самъ любилъ иногда покутить, и котораго остепенела одна женитьба, принялъ лѣсничаго безъ малѣйшаго упрека или служебнаго выговора, къ концу визита представилъ его женѣ и просилъ, какъ человѣка «одного съ нимъ общества,» бывать у нихъ почаще запросто.

Но Пасквецу съ перваго взгляда пришелся не по нутру ревностный служака, суровый пуританинъ, не пившій даже водки, не говоря уже о ромѣ и коньякѣ. Катерина Яковлевна, молчаливая, неприступная, нѣсколько даже чопорная, также не могла произвести очень пріятнаго впечатленія на барона, когорый любилъ — какъ выражался, размахивая правою рукою, вооруженною рюмкой — «эдакъ разбитныхъ барынь, ай люли, чортъ поберет!»

Поэтому, не смотря на усердное приглашеніе смотрителя, который на слѣдующее же утро оплатилъ ему визитъ, ба-

ронъ вечеромъ поѣхалъ къ нему не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Онъ засталъ Надаровыхъ пьющими чай, который разливала Надежда Иларіоновна. По странной случайности, не часто повторяющейся въ заводѣ, гдѣ съ перваго же дня стараются посвятить новаго человѣка во всѣ подробности быта различныхъ членовъ маленькаго общества, никто еще не успѣлъ, не догадался или не захотѣлъ сообщить барону о существованіи въ смотрительскомъ домѣ еще третьяго лица, кромѣ хозяевъ.

Прекрасная наружность Жемчужиной, гордый и вмѣстѣ безпритязательный тонъ, съ которымъ она нѣсколько разъ вѣщивалась въ разговоръ, грація, съ которою она исполняла скучную и пошлую роль разливательницы чаю, все въ ней казалось барону до такой степени выходящимъ изъ уровня всего сибирскаго, а тѣмъ болѣе заводскаго, общества, что онъ совершенно ожилъ: сдѣлался разговорчивъ, любезенъ и истощилъ весь запасъ своего остроумія и таланта рассказчика. Но вполнѣ разговорился онъ, въ-особенности, тогда, когда, по приглашенію хозяина, выпилъ два стакана пуншу, въ который чай входилъ только какъ незажѣтный, гомеопатическій ингредиентъ, для смоченія сахару и еще для приличія, а ромъ наливался совершенно съ аллопатическою безоглядочностью. Выпивъ первый стаканъ такого пуншу, баронъ рассказалъ — какъ однажды сдвинулъ съ мѣста и поставилъ набокъ мельничный жорновъ; выпивъ же второй почувствовалъ такой приливъ силы и храбрости, что рассказалъ, какъ въ другой разъ выходилъ одинъ на одинъ на медвѣдя, а еще однажды кистенемъ раздробилъ въ щепы на половинѣ довольно толстую березу, которой верхушка опустилась до земли... Баронъ рассказывалъ всѣ эти случаи съ такими подробностями, называлъ лица и мѣстности съ такою точностью, что не было возможности сомнѣваться въ истинѣ его словъ. Когда же, не смотря на то, смотрительша вѣжливо выразила родъ сомнѣнія, а смотритель сказалъ, что никакъ нельзя бы отъ такого салоннаго человѣка ожидать такой необычайной силы, тогда баронъ просилъ позволенія доказать на дѣлѣ справедливость своихъ

словъ. Посыпались, конечно, протесты, увѣренія въ томъ, что никто не сомнѣвается... Но баронъ уже вошелъ въ азартъ и сбить его было не легко. Согласились, чтобы на другой день была проба силы и ловкости барона, который простился съ Надаровыма уже довольно поздно.

— Молодъ, молодъ! сказалъ Надаровъ, проводивъ барона и возвращаясь въ гостиную, гдѣ жена его и Жемчужина продолжали сидѣть молча: — странный человѣкъ! Какъ его все это занимаетъ.... Убить эдакъ медвѣдя, расщепить дерево....

— Совершенно безумный какой-то! съ нѣкоторою досадою воскликнула Катерина Яковлевна: — замѣтили вы, какъ у него заблестали глаза, когда онъ показывалъ, какъ, изъ-за дерева, ударилъ медвѣдя кистенемъ и какъ потомъ выхватилъ ножъ и.... Ужасный человѣкъ!...

Катерина Яковлевна, не договоривъ фразы, закрыла правую рукою лицо, а лѣвою сдѣлала движеніе, какъ будто отгоняла отъ себя кого-то.

— Ну, да и выпилъ же онъ чуть не цѣлую бутылку рому! продолжалъ Надаровъ, смѣясь: — нечего сказать: мастеръ и выпить, и поразсказать кое-что.... А ужъ каковъ на дѣлѣ, это особъ статья — увидимъ, сказалъ слѣпой.... Впрочемъ видно, что безшабашная голова.... Перемѣщеніе нисколько не образумило....

Надежда Иларіоновна не сказала ни слова, но какъ-то странно про себя улыбнулась и, простившись съ хозяевами, ушла въ свою комнату.

III.

Баронъ былъ, что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ называется, женихъ, т. е., личность, которую еще можно изловить въ розовыя сѣти Гименея. Правда, онъ былъ извѣстенъ за кутизу, мота и пьяницу, но не даромъ же слово «жениться» рифмуется съ словомъ «остепениться». Жалованье бароново, изъ котораго значительная часть еще шла на погашеніе его долговъ, которые, по всему видимому,

также какъ и государственнѣйшій долгъ, собирались пылать съ вѣчно-юнымъ блескомъ, жалованье это не могло считаться очень блистательнымъ содержаніемъ и для холостаго, а тѣмъ менѣе для женатаго человѣка, но какая же дѣвушка, желающая выйдти замужъ, будетъ думать о такой прозаической вещи, каковы матеріальныя средства?... Притомъ, на что же и авось-то, если не на то, чтобы выручать изъ бѣды опрометчивыхъ супруговъ и семьянь.... Кромѣ всего этого баронъ былъ, какъ я сказалъ, весьма недурень собою, носилъ красивый мундиръ съ шитымъ воротникомъ, былъ довольно образованъ, любезенъ въ обществѣ, ловко танцевалъ, а главное, былъ баронъ, т. е., то, чего многія барышни и не понимали, но всѣ находили крайне-привлекательнымъ....

— Баронъ! думали онѣ: — значить, жена его будетъ баронессою.... Какъ это пріятно быть баронессою.... Вдругъ, ѣдешь съ визитомъ — человѣкъ докладываетъ: «пріѣхали баронесса Пасквець.» — Хозяйка бѣжитъ встрѣчать: «Ахъ, милая баронесса! какъ я рада! Что вашъ баронъ! Баронесса, не прикажете ли кофе? Баронесса, какъ давно мы съ вами не видались... Милая, обворожительная баронесса!»

Даже нѣкоторые чадолубовые родители взрослыхъ дочекъ находили баронскій титулъ вовсе не лишнимъ для полноты счастья ихъ чада въ супружествѣ, конечно, не упускала при этомъ изъ виду и своего собственнаго тщеславія, которому предстояла отличная пожива при разговорахъ о дочери и зятѣ. Между прочимъ особенно сильно желалъ породниться съ барономъ начальникъ т—ской ссыльной экспедиціи, Иванъ Тарасычъ Кадаловъ, которому хорошенькая семнадцатилѣтняя дочка его, Феонія, въ крайней дѣтской наивности своей, уже и призналась, что Пасквець, отъ времени до времени по обязанностямъ службы, пріѣзжавшій въ Т—скъ, и раза два въ собраніи танцовавшій съ Феоніей Ивановной, или просто съ Феничкой, какъ звали ее родители, очень понравился ей, и что она очень желала бы выйдти за него замужъ.

Иванъ Тарасычъ, который икогда ни въ чемъ не отказывалъ своей дочери, начиная отъ игрушекъ и бонбошекъ въ дѣтствѣ, до нарядовъ и баловъ въ позднѣйшемъ возра-

стѣ, былъ поставленъ признаніемъ дочери въ затруднительное положеніе, ибо не могъ же тотчасъ подарить ей барона, какъ въ старину дарилъ игрушки и бонбошки, какъ позже дарилъ наряды и вывозилъ на балы, по первому желанію ея. Онъ и самъ уже думалъ о томъ, что баронъ былъ бы, если не очень выгодный, то, по крайней мѣрѣ, очень видный женихъ для Фенички. Но нельзя же было прямо навязывать дочь... Приходилось подождать — авось, баронъ самъ догадается влюбиться и посвататься... а въ ожиданіи этого вождельнаго событія приходилось смотрѣть на горестъ и досаду Фенички, которая не любила и не привыкла ждать и требовала — «хоть урви, да подай барона!»

Кромѣ Фенички, были еще и другія дѣвушки, въ заводѣ и въ т—скѣ, которыми очень правился баронъ, но намъ до нихъ дѣла нѣтъ. Пускай страдают! Авось, и ихъ несчастная страсть найдетъ себѣ услужливаго историографа, какого нашла во мнѣ любовь Феничкина.

Я назвалъ страсти, внушенныя барономъ, несчастными, потому что Пасквецъ, повидному, и не думалъ искать себѣ невѣсты и ни на одну изъ пылавшихъ къ нему дѣвушекъ, даже не исключая и Фенички не обращалъ особеннаго вниманія. Онъ ѣздилъ въ Т—скъ весьма рѣдко и то только въ такихъ случаяхъ, когда городское начальство непременно требовало его туда или для личныхъ объясненій, или для выслушанія передъ цѣлымъ присутствіемъ выговора за самовольную порубку казеннаго лѣса, или какое-нибудь упущеніе, дебошъ или другія подобныя противозаконныя дѣйствія, которыхъ за Пасквецомъ всегда было много.

Въ заводѣ же, на другой день послѣ перваго визита блистательнымъ турниромъ, на которомъ былъ единственнымъ рыцаремъ, доказавъ, что не преувеличивалъ въ разсказахъ своей ловкости, силы и бѣшеннаго удалства, баронъ началъ бывать у зрителя чуть не всякій день и кромѣ зрителя почти ни къ кому не ходилъ.

Надаровы находили частыя посѣщенія его весьма естественными, потому что и сами не находили никакого удовольствія въ знакомствѣ съ другими заводскими чиновниками. Они даже такъ привыкли къ барону, что ни одного дня не

могли обойтись безъ него и, если онъ самъ не прїѣзжалъ, то посылали узнать — ужъ не заболѣлъ ли, и просить прїѣхать, если здоровъ. Никита Спиридонычъ пересталъ находить барона «страннымъ человѣкомъ», Катерина Яковлевна уже не находила въ немъ ничего «ужаснаго», и Никита Спиридонычъ, и Катерина Яковлевна начали считать его добрымъ малымъ, продолжали называть «человѣкомъ нашего общества» и «совершеннымъ комъ-пль-фо,» хотъ иногда и подкучивающимъ болѣе, нежели принято въ свѣтѣ.

Только Надежда Иларіоновна никогда ни полусловомъ не высказывала своего мнѣнія о баронѣ, ни однимъ движеніемъ не выражала къ нему ни особенной симпатіи, ни антипатіи. Полковница была съ барономъ ласкова и любезна, какъ со всѣми другими гостями, брала отъ него для чтенія книги и журналы, добываемые имъ изъ т—ской библіотеки и отъ городскихъ знакомыхъ, играла для него на фортепяно и пѣла разные русскіе и французскіе романсы, что дѣлала также и для другихъ гостей обоего пола... Однимъ словомъ — ни чѣмъ не отличала барона отъ остальнаго общества.

Но внимательный глазъ привычнаго наблюдателя не могъ бы не замѣтить, что полковница въ послѣднее время стала быстро худѣть и сдѣлалась грустнѣе прежняго. Онъ, вѣрно, налету воймалъ бы искру, которая загоралась во взглядѣ молодой женщины въ ту минуту, когда баронъ входилъ въ комнату или обращалъ къ ней рѣчь, или хвалплъ ея цѣніе и игру другимъ, — искру, которая разгоралась цѣлымъ пламенемъ страсти, каждый разъ, когда Пасквецъ рассказывалъ о подвигахъ своей силы и удалства, или когда кто-нибудь другой заочно повѣствовалъ о новомъ дикомъ поступкѣ его. Въ это мгновеніе лицо полковницы обыкновенно блѣдное, еще болѣе блѣднѣло, рѣсницы опускались, какъ будто сознательно съ цѣлью скрыть огонь взгляда, и странная улыбка, за которою можетъ быть, скрывалось замѣшательство, появлялась на тонкихъ губахъ. Но, повторяемъ, всѣ эти явленія могли быть подхвачены только при очень внимательномъ наблюденіи, потому что длились всего одно мгновеніе и исчезали, не оставляя по себѣ ни малѣйшаго слѣда.

Совершенно противно этому, баронъ сколько не скрывалъ свою любовь къ молодой женщинѣ, однако ежеминутно измѣнялъ себѣ, то выразительнымъ взглядомъ, которымъ обыкновенно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Надежды Иларіоновны, то вздохомъ, то тономъ разговора, когда обращалась къ ней рѣчь. Онъ сталъ весьма тщательно бриться и одѣваться, идучи къ Надаровымъ, пилъ у нихъ очень мало рому, и даже дома сталъ гораздо воздержнѣе, нежели былъ прежде. Онъ рѣже ѣздилъ на охоту и вовсе пересталъ заниматься службою.

Не запасшись никакими положительными свѣдѣніями о томъ, не происходило ли чего-нибудь тайнаго между барономъ и Жемчужиной въ смотрительскомъ домѣ, не пѣли ли они свиданій наединѣ, или, съ помощью постоянно размѣниваемыхъ книгъ, не завели ли между собою переписки, мы предоставляемъ читателю пополнить этотъ пробѣлъ какимъ-нибудь предположеніемъ и просимъ его мысленно перенестись въ казенный домъ, занимаемый лѣсничимъ.

Домъ этотъ, двухъэтажный, чистенькій, новенькій на видъ, заключалъ въ себѣ около пяти жилыхъ комнатъ, изъ которыхъ три въ верхнемъ и двѣ въ нижнемъ этажѣ. Кухня также помѣщалась въ нижнемъ этажѣ. Домъ былъ довольно плохо снабженъ мебелью, которая, какъ видно, считалась у барона предметомъ второстепенной важности. За то во всѣхъ комнатахъ верхняго этажа, который исключительно занималъ Пасквецъ (между тѣмъ какъ въ двухъ комнатахъ нижняго жили деньщикъ, кухарка и судомойка), по стѣнамъ были развѣшаны различные воинскіе и охотничьи доспѣхи. Тутъ были и клинки самыхъ различныхъ фасоновъ, начная отъ цивилизованной, безвредной шпаги офицера до смертоносной черкесской шашки, до безобразной кривули, называемой турецкою саблей, до спиральнаго и прямаго кинжаловъ; были всевозможные кистени, нагайки, сѣдла съ чепраками и безъ чепраковъ, ружья съ насѣчками и безъ насѣчекъ, пистолеты, одноствольные, двуствольные и револьверы и проч. и проч. Однимъ словомъ, тутъ была цѣлая маленькая выставка смертоносныхъ орудій и лошадиной сбруи.

Однажды, мѣсяца черезъ три по прибытіи барона въ за-

водъ, разнеслась молва, что онъ убилъ медвѣдя, котораго подняли изъ берлоги его лѣсовщики. Баронъ дѣйствительно уже около недѣли никуда не показывался и деньщикъ его, котораго онъ никогда не бралъ съ собою на охоту, называя его бабою за то, что онъ находилъ общество волковъ и медвѣдей менѣе забавнымъ, нежели баринъ его, деньщикъ всѣмъ справлявшимся о баронѣ съ досадою лаконически отвѣчалъ:

— У лѣсѣ! Тамъ ищити!

Въ тотъ самый день, въ который вѣсть о низложеніи медвѣдя достигла завода, часовъ въ одиннадцать вечеромъ баронъ, усталый, въ изодранной одеждѣ, на которой въ разныхъ мѣстахъ запеклась кровь, верхомъ возвращался домой. За нимъ одинъ изъ лѣсовщиковъ на салазкахъ везъ убитаго медвѣдя огромной величины.

Ночь была чернѣе угля, холодный вѣтеръ вылъ, словно цѣлая стая голодныхъ волковъ, и гналъ по небу свинцовыя облака, изъ которыхъ по временамъ сыпался мелкій снѣжокъ. Баронъ ѣхалъ шагомъ и слегка пошатывался на лошади. Онъ изрѣдка побрякивалъ и слегка стоналъ, когда лошадь встряхивалась или прибавляла шагу, испугавшись куста или пня. Когда во дворѣ, при помощи лѣсовщика и вышедшаго на встрѣчу деньщика, баронъ слѣзалъ съ лошади, изъ усть его вырвалось даже нѣсколько энергическихъ выраженій, которыми нашъ народъ обыкновенно срываетъ сердце. Потомъ, опираясь на плечо деньщика, онъ медленно, съ большимъ трудомъ вошелъ въ домъ.

Деньщикъ барона, Степанъ Худаковъ, прозванный имъ бабою, не смотря на это унижительное, по общему убѣжденію, прозваніе и вообще на довольно рѣзкое обращеніе своего барина, по своему любилъ и уважалъ его. Проводивъ барона въ верхній этажъ и исполнивъ при немъ обязанности камердинера, Худаковъ, возвратившись на кухню, напустился на лѣсовщика, который передъ печью отогрѣвалъ оконченвшіе члены.

— Вишь, вѣдь, вы какой народъ... говорилъ Степанъ, хлопоча около самовара и угрюмо поглядывая по сторонамъ: Дали съ живаго барина чуть не всю кожу снять... Христо-

продавцы вы, окаянные! Небось, своей солдатской шкуры жаль было, а баронской не жаль... Знаю я васъ! Это вамъ безъ лѣсничаго раздолье было... такъ думали, авось не уходить ли медвѣдь и этого... Тогда бы снова котамъ мѣсяница... Да вотъ нѣтъ-же: не удалось мишкѣ, сычѣму сыну... самъ шкурой заплатился... А вамъ срамъ, просто, срамъ, не солдатамъ, а псамъ поганымъ; на печи разжирѣли... еще поваляться захотѣлось... чтобъ вамъ ни дна, ни покрывки!... Во, какъ!...

— Да чего жъ ты лаешься, худачычъ? возразилъ лѣсовщикъ голосомъ, дрожавшимъ отъ холода, продолжая держать руки передъ топившеюся русскою печью: — Чего ты лаешься? Самъ ты баба — не солдатъ, коли такъ!... Не знаешь того, что баронъ твой, какъ завидитъ медвѣдя, такъ рявкнетъ, не хуже твоего мишки: «ни съ мѣста, ребята!» да и полѣзетъ на него... Попробовалъ бы ты тутъ замѣшаться въ дѣло — отъ медвѣдя еще, пожалуй, цѣль бы остался, а ужъ отъ барона за то досталось бы на орѣхи...

— Ишь, его, неугомонный какой! пробормоталъ Степанъ, какъ будто начиная раскаяваться въ своихъ прежнихъ словахъ.

— Прямой баронъ! подхватилъ лѣсовщикъ: — Да еще слава Богу, что ему это дѣло - то обошлось безъ живота, а то могло и хуже быть... Вѣдь, онъ медвѣдя-то подпустилъ къ себѣ шаговъ на десять, да только тогда и выстрѣлилъ по немъ. Не успѣлъ дымъ-то разойтись, а ужъ мишка у него на плечѣ сидитъ...

— Какъ на плечѣ? Чего ты городишь? отозвался Степанъ, котораго видимо сильно занималъ разговоръ лѣсовщика.

— Да такъ, просто на плечѣ! продолжалъ послѣдній: то есть, оно не то, чтобы весь на плечо такъ и усѣлся, а передними лапами уцепился за плечо, реветъ, да деретъ, деретъ да реветъ...

— Ну вы и подскочили на выручку?.. спросилъ Степанъ.

— Како? Мы спервоначалу-то сомнѣли и думаемъ, что вотъ, изъ него и духъ вонъ выдетъ... Потомъ... какъ бросились — смотримъ — мишка лежитъ съ распоротымъ брюхомъ, а баронъ только пошатывается, да покрывивается...

— Это онъ, родной, пока медвѣдь-то дралъ его, поролю звѣрю животъ?...

— Тѣ-то!.. вѣдь, во, какой безстрашный... Глазомъ не сморгнулъ, слова не промолвилъ, только весь сталъ бѣлѣя снѣга...

— Экъ, видно, жизнь въ запасѣ лишняя наплась!...

Заклучивъ разговоръ съ лѣсовщикомъ такимъ философскимъ разсужденіемъ, Степанъ взялъ закипѣвшій самоваръ и понесъ его съ кухни. Въ дверяхъ онъ остановился и сказалъ лѣсовщику, который полѣзъ на печь:

— Слухай — ты, умникъ! Придетъ Варвара съ фершаломъ, скажи, чтобы фершалъ-отъ тотчасъ къ барину шелъ, а Варвара чтобъ коделокъ съ водицей въ печь поставила!.. Неравно теплой водицы мало будетъ кровь-то обмыть... Вѣдь, крови-то, крови, чтѣ изъ быка вышло... Вся рубаха и казакинъ, да и полушубокъ заскорузъ... Даже въ сапогъ натекло... Ишь, какъ!

— Добро, добро! отвѣчалъ лѣсовщикъ, потягиваясь на печи.

Когда Худаковъ, съ самоваромъ въ рукахъ, входилъ въ спальню барона, послѣдній лежалъ на кровати, блѣдный какъ смерть, въ какомъ-то полузабытѣѣ.

— Не извольте спать, ваше благородіе! сказалъ Степанъ, ставя самоваръ на столъ и заваривая чай: — Вотъ, напейтесь чайку, да перевяжутъ вамъ раны, такъ потомъ и уснуть можно будетъ. А теперь не годится... Фершалъ скоро придетъ... Варвара ужъ давненько пошла за нимъ... Не разумѣю, чего это мѣшкаетъ такъ долго....

Худаковъ еще долго безъ умолку болталъ все такія же нехитрыя вещи, видимо съ цѣлью не давать уснуть барону до прихода фельдшера. Только увидѣвъ проснувшуюся въ дверь голову кухарки, Варвары, онъ мгновенно перервалъ свой безконечный монологъ вопросомъ, обращеннымъ къ той, которой принадлежала проснувшаяся голова:

— Ну, чего ты, Потаповна, припла глаза таращить тутотка? Аль не сказалъ табѣ Лаврентій, штобъ воду наставляла кипятить?... А фершала что-жь нѣтъ доселѣ?... Бродила,

бродила, нивѣсть удѣ, а не разумѣешь, что баринъ въ помочи нуждается...

Кухарка Варвара вошла въ комнату и поклонилась барону.

— Да, вѣдь я за тѣмъ и ходила, сказала она, скрепя руки на груди: что баринъ въ помочи нуждается... Да что жъ станешь дѣлать, коли фершалъ-отъ пьянъ мертвецки?... И добудиться не могли... Такая, слышь, оказія...

— Пьянъ? мрачно пробормоталъ Степанъ и, обращаясь къ Пасквеву, присовокупилъ:

— Какъ тутъ быть, ваше благородіе?

— Оставь меня въ покоѣ... едва слышно произнесъ больной, который видимо впадалъ въ безпамятство.

— Эка бѣда! снова пробормоталъ Худаковъ и шепотомъ присовокупилъ: — Фершала нѣтъ, сами ничего не вѣдаемъ... Какъ быть? Такая притча, что, ахти-хти...

Варвара на цыпочкахъ подошла къ Степану и шепнула:

— Барынька-то, изъ несчастныхъ, полковница-то, знашь?

— Ну? спросилъ Степанъ.

— Да, вѣдь, опять присылала спросить — пріѣхалъ ли баринъ.... Ужъ это, почитай, сегодня въ десятый разъ, коли не больше...

— Ну? а ты что?

— Да я сказала что пріѣхалъ-моль — да больной... Медвѣдь, моль, задралъ...

— Ну, такъ чтожъ?

— Да болѣ-то ничего!..

— Тфу, дура!

— За чтожъ ты брѣднись?

— А за то, что мелешь безъ толку... Дѣло ли таперича до твоей полковницы, когда надо думать, какъ бы помочь господину барону?.. Вишь, онъ что-то лепетать начинаетъ... Жаръ, слышь, бредъ съ нимъ приключается, а ты о полковницахъ тараторишь... Эхъ, ты, прости меня Господи...

Еще не успѣлъ Степанъ окончить свою наставительную рѣчь Варварѣ, какъ дверь распахнулась и вошла Жемчужина, блѣдная, съ испуганнымъ лицомъ, и прямо подошла къ кровати больного.

Въ эту минуту Пасквецъ пробормоталъ:

— Ни съ мѣста, ребята! Одинъ справлюсь...

— Давно у него жаръ? спросила молодая женщина, неборачивая головы.

— Сейчасъ только приключился! отвѣчалъ Степанъ: передъ самымъ, почитай вашимъ приходомъ сударыня...

— Раны глубоки?..

— Да нешто, сударыня... Только, кажись, слава Богу, переломовъ и вывиховъ не было...

— Ну слава Богу! Кто обмывалъ раны?

— Да раны такъ и остались необмытыми, какъ былъ... Фершалъ, слышь, пьянъ, а я не умѣю перевязки сдѣлать... Чего не умѣю, и не берусь...

— Скорѣй теплой воды, холста, бинтовъ...

Степанъ и Барвара засуетились; Жемчужина бережно стала снимать съ больного одѣяло и разрѣзывать на немъ бѣлье.

Въ это время лицо ея выражало энергическую волю, соединенную съ глубокимъ чувствомъ любви.

При поначеніяхъ Жемчужиной, баропъ, часамъ къ пяти утра, успокоился и заснулъ, впрочемъ не узнавъ той, которая ходила за нимъ. Надежда Иларіоновна, давъ Худакову всѣ нужныя наставленія, ушла, обѣщаясь прійти втеченіе дня.

IV.

Никита Спиридонычъ по утрамъ обыкновенно пилъ чай одинъ или въ обществѣ одной Надежды Иларіоновны, потому что Катерина Яковлевна, какъ я уже выше сказалъ, любила долго оставаться въ постели.

Въ то утро, въ которое Жемчужина была у Пасквеца, часу въ девятомъ, едва Надаровъ въ халатѣ вошелъ въ чайную комнату, какъ въ противоположную дверь вошла Надежда Иларіоновна.

— Извините! сказалъ Надаровъ, запахивая на груди халатъ и вѣжливо кланяясь:— Я не зналъ, что вы уже встали... А то надѣлъ бы что-нибудь по приличію...

— Полноте, пожалуйста! воскликнула Жемчужина съ принужденною улыбкою: — церемониться со мною было бы ужъ вовсе не прилично.... Вы сказали, что я рано встала, а я, вѣдь, вовсе не ложились.... Вы видите меня такую, какою я вчера оставила васъ....

— Это по какому случаю?... Вѣрно, зачитались романа?...
Собесѣдники сѣли за чайный столъ.

— Вотъ и не угадали.... Я всю ночь провела у изголовья больнаго....

— Какъ? Такъ вы выходили изъ дому?

— Выходила....

— Кто же этотъ больной счастливецъ?

— Баронъ Паскевецъ.

Лицо Надарова выразило удивленіе и сомнѣніе.

— Такъ баронъ боленъ? пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— Его жизнь была въ страшной опасности.... Медвѣдь.... сорвалъ у него кожу съ праваго плеча и спины....

Надежда Иларіоновна, произнеся эти слова, откинулась къ спинкѣ стула, на которомъ сидѣла, и закрыла лицо руками: крупныя слезы струились по ея блѣднымъ щекамъ.

— Безумный человѣкъ! пробормоталъ Надаровъ; потомъ, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ, обращаясь къ Жемчужиной:

— Но какъ же вы это узнали раньше меня?

Молодая женщина открыла лицо, на которомъ выступилъ яркій румянецъ, и сказала твердымъ голосомъ:

— Я посылала узнавать — не приѣхалъ ли баронъ съ охоты....

— Что же это вамъ такъ нужно было его?

— У меня было предчувствіе, что съ нимъ случилась бѣда....

— Я не зналъ, что вы вѣрите предчувствіямъ....

— Конечно, только относительно лицъ, которыхъ люблю и уважаю....

— Слѣдовательно баронъ принадлежитъ къ числу этихъ привилегированныхъ лицъ?...

— Баронъ?... Да! Я люблю барона!...

Жемчужина произнесла эти слова такимъ энергически-выразительнымъ тономъ, что нельзя было сомнѣваться въ значеніи ихъ. Надаровъ, въ безмолвномъ изумленіи, смотрѣлъ на нее во всеѣ глаза.

— Знаете что, Никита Спиридонычъ? продолжала молодая женщина тономъ просьбы, при чемъ сложила на груди руки и вперила въ Надарова взглядъ, исполненный мольбы: — я хочу просить васъ объ огромномъ одолженіи.... Миѣ нужно сегодня же оставить вашъ домъ и перейти къ Пасквецу.... Но миѣ хотѣлось бы, чтобы изъ этого не вышло ни малѣйшаго скандала, который, по большей части, конечно, обрушился бы на вашъ домъ и который могъ бы даже сдѣлать моральный вредъ вашей молодой жемѣ.... Поэтому я и придумала слѣдующее: надо увѣрить вашу жену, что ваши городскіе знакомые скандализируются тѣмъ, что должны встрѣчаться въ вашемъ домѣ съ женщиною, которая.... епін, съ преступницею.... Вы скажете, что нельзя же изъ-за меня раззнакомиться со всеѣмъ городомъ, и потому, необходимо удалить меня изъ дому.... Понимаете?

— Но обдумали ли вы шагъ, который намѣрены сдѣлать? спросилъ Надаровъ, уклоняясь отъ отвѣта и печально покачивая головою.

— Нѣкогда думать! отвѣчала, съ лихорадочною живостью, Жемчужина: — когда я люблю, тогда перестаю думать о себѣ.... Пасквець боленъ.... Я нужна ему.... Остальное все — пустяки!...

— Знаете, миѣ хотѣлось бы въ этомъ случаѣ поступить съ вами, какъ зрителю.... то есть, просто запретить вамъ отлучаться изъ дому и въ случаѣ послушанія запереть васъ въ вашей комнатѣ. Конечно, единственно изъ желанія вамъ добра....

— Не дѣлайте этого, мой добрый Никита Спиридонычъ! Ради васъ же самихъ прошу васъ: не дѣлайте этого!...

— Ради меня самого! Я что-то не понимаю.а. Объяснитесь!

— Ради васъ самихъ.... потому что, желая миѣ добра, вы окончательно погубите меня, если захотите препятство-

вать мнѣ въ исполненіи моего твердаго намѣренія.... Я или убѣгу, или лишу себя жизни....

Надаровъ ясно видѣлъ, что молодая женщина способна исполнить свою угрозу, и потому, представивъ ей еще нѣсколько доказательствъ опрометчивости ея шага, печально согласился на ея желаніе и взялся приготовить жену къ переѣзду Жемчужиной на квартиру къ рабочему, котораго домъ былъ въ сосѣдствѣ съ домомъ лѣсничаго.

Но согласить на этотъ переѣздъ Катерину Яковлевну оказалось гораздо труднѣе, нежели Надаровъ и Жемчужина полагали. Смотрительша такъ полюбила Надежду Иларіоновну, такъ привыкла къ заведенному ею въ домъ стройному порядку, что на-отрѣзъ объявила мужу, что скорѣе согласится ни у кого не бывать и не принимать у себя ни одной изъ чопорныхъ барынь, не желающихъ встрѣчаться съ ея милою Надиной, нежели отпустить ее отъ себя. Когда же, за этимъ протестомъ, послѣдовали слезы, и Надаровъ уже началъ колебаться, то Жемчужина увидѣла себя вынужденною лично выступить на сцену, которой исходъ начиналъ беспокоить ее. Она объявила, что случайно подслушала разговоръ супруговъ и считаетъ несогласнымъ со своимъ достоинствомъ долѣе оставаться въ домѣ, въ которомъ присутствіе ея порождаетъ несогласіе и угрожаетъ стать причиною отчужденія отъ общества.

Долго еще длилась эта борьба, въ которой и сама Жемчужина нѣсколько разъ была на шагъ отъ того, чтобы смягчиться нѣжными упреками и дружескими протестаціями смотрительши. Нѣсколько разъ просьбы и увѣренія Катерины Яковлевны казались ей голосомъ ея добраго ангела: она колебалась, слезы выступали у нея на глазахъ; она готова была уступить. Но въ то самое мгновеніе воображеніе рисовало ей окровавленнаго Пасквеца, въ предсмертномъ бреду простирающаго къ ней руки, и слезы высыхали на ея глазахъ, холодная улыбка змѣилась на тонкихъ губахъ, и Надежда Иларіоновна находила въ себѣ новую силу для борьбы, новые доводы въ необходимости переѣзда.

Измученная, истощивъ весь запасъ убѣжденій и дружеской пастойчивости, Катерина Яковлевна наконецъ уступила,

не доказала силу своей привязанности къ Жемчужной тѣмъ, что надолго обрекла себя одиночеству въ отищеніе городскихъ пріятельницамъ за ихъ мнимый деспотизмъ, и тѣмъ на долго лишила себя возможности узнать дѣйствительную причину переѣзда полковницы. Прощаніе молодыхъ женщинъ было трогательно: обѣ много плакали и слезы обѣихъ были искренни, потому что между проливавшими ихъ не было условій свѣта. Катерина Яковлевна теряла въ Жемчужной опытнаго и нелицемѣрнаго друга, во многихъ отношеніяхъ способствовавшаго ей исправить свой взглядъ на вещи и на жизнь, развить свои природныя способности къ музыкѣ и рисованію, и вообще имѣвшаго на нее весьма полезное вліяніе въ нравственномъ отношеніи. Кромѣ того, Жемчужина прекрасно вела хозяйство, и для того, чтобы Надаровъ не слишкомъ рѣзко почувствовалъ происшедшей переменѣ въ управленіи домомъ, предвидѣлась необходимость, послѣ переѣзда ея, самой Катеринѣ Яковлевнѣ дѣятельно заняться этимъ скучнымъ дѣломъ. Наконецъ, Надежда Иларіоновна была весьма пріятная собесѣдница, съ удивительнымъ искусствомъ слушавшая, что, какъ извѣстно, составляетъ гораздо неоцѣненнѣйшее въ собесѣдникѣ качество, нежели самое искусство говорить.

Если ко всѣмъ этимъ эгоистическимъ поводамъ, побуждавшимъ Катерину Яковлевну плакать, присовокупить еще то, что Надежда Иларіоновна умѣла своею безыскусственною прямою, безоглядною искренностью и готовностью къ услугамъ непреодолимо привлекать къ себѣ всѣхъ непредубѣжденныхъ противъ нея людей, то нельзя болѣе сомнѣваться въ нелицемѣрности слезъ смотрительши.

Сама Жемчужина, оставляя домъ Надаровыхъ, теряла едва ли еще не больше ихъ: она лишалась въ нихъ единственнаго общества образованныхъ людей, доступнаго ей въ заводѣ, лишалась покровительства начальника завода, нѣкотораго комфорта, къ которому привыкла, нѣкоторыхъ условій жизни, которыхъ не могла имѣть, живя на квартирѣ у рабочаго или даже у Паскведа; наконецъ въ самомъ лицѣ смотрительши она лишалась единственнаго звѣна, еще связывавшаго ее съ прошедшимъ. Могла ли же она не опла-

кивать того, что оставляла, тѣмъ болѣе, что шла на встрѣчу почти совершенно неизвѣстной будущности?

На силу и продолжительность любви къ себѣ Пасквеца Жемчужина не могла очень рассчитывать: баронъ былъ молодъ, могъ жениться или взять другую любовницу. Надежда Иларіоновна жертвовала вѣрнымъ сомнительному или, по крайней-мѣрѣ, менѣе вѣрному.

Но натура роковая, она шла, куда влекла ее страсть. Ей жаль было разставаться съ настоящимъ, но ни разу не пришло въ голову, чтобы можно было сохранить его. Согласить любовь свою къ Пасквецу съ жизнью въ домѣ Надаровыхъ становилось труднымъ, почти невозможнымъ, въ особенности съ-тѣхъ-поръ, какъ болѣзнь барона требовала постоянного присутствія Надежды Иларіоновны. Вести тайную интригу было противно правиламъ Жемчужиной. Оставалось одно — скрѣпя сердце рѣшиться на разлуку съ Надаровыми.

— Но, возразитъ, можетъ быть, читатель, не знающій условій заводской жизни: — развѣ молодыя женщины, не живя вмѣстѣ, не могли продолжать видаться?... Развѣ отношенія ихъ, не смотря на такую условную разлуку, не могли оставаться тѣми же?...

На это отвѣтимъ мы, что возможность такихъ отношеній даже не пришла въ голову Катеринѣ Яковлевнѣ, которая понимала, что знакомство ея съ рабочею, живущею на квартирѣ, кто бы эта послѣдняя ни была, повредило бы нравственному вліянію ея мужа, какъ начальника завода. Тѣмъ еще менѣе эта мысль могла бы родиться въ головѣ Жемчужиной, которая готовилась стать любовницею Пасквеца. Что касается до самаго Надарова, то, съ этого времени, онъ почелъ себя въ правѣ ненавидѣть Надежду Иларіоновну, которая, по словамъ его, не умѣла оцѣнить расположенія его и Катерины Яковлевны. Конечно, мститъ женщинѣ, въ особенности въ положеніи полковницы, Надаровъ считалъ-бы унижительнымъ для себя. За то, съ самаго переѣзда ея на квартиру, онъ совершенно пересталъ заниматься ея судьбою и покровительствовать ей.

V.

Оставивъ смотрительскій домъ, Жемчужина наняла горницу у рабочаго, котораго домъ былъ почти смеженъ съ домомъ лѣсничаго, сложила въ ней свои вещи и, даже не давъ себѣ времени разобрать ихъ и устроиться, заперла свою квартиру и отправилась къ Пасквецу, у котораго безвыходно оставалась втеченіе двухъ недѣль и къ которому наконецъ совершенно перебралась.

Благодаря неусыпнымъ попеченіямъ ея, а еще болѣе крѣпкому, желѣзному тѣлосложенію барона, раны его быстро заживали и силы организма возвращались. вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь его къ Жемчужной, которая вела свое начало съ первой встрѣчи съ молодою женщиною и къ которой теперь еще присовокупилась благодарность за попеченія и за нѣкотораго рода самопожертвованіе ея, достигла высшей степени.

Однажды, когда уже баронъ расхаживалъ по комнатѣ безъ чужой помощи и когда Жемчужина окончательно перѣѣхала въ его квартиру, молодые люди, которыхъ отношенія достигли послѣдней степени короткости, возможной между мужчиной и женщиной, разговаривали, сидя за чайнымъ столомъ.

— Странно! говорилъ баронъ: — взглянувъ на тебя, Надя, въ первый разъ, я какъ будто почувствовалъ, что встрѣтилъ роднаго человѣка.... Это чувство было безсознательно; до-сихъ-поръ не отдаю себѣ отчета въ причинѣ его.... Много хорошенькихъ женщинъ встрѣчалъ я на своемъ вѣку, нѣкоторыя изъ нихъ даже вскружали мнѣ на время голову, но никогда еще не ощущалъ того, что ощутилъ при взглядѣ на тебя, Надя!

— Повѣрю! промолвила Жемчужина: — вѣдь, мы съ тобой одной породы птицы...

— Какъ такъ?

— Да развѣ иначе мы съ первой встрѣчи узнали бы другъ друга?

— Неужели и ты полюбила меня съ перваго раза?...

— Съ перваго раза я полюбила тебя, сплнный человѣкъ....

— Но за что же?

— За то, что въ тебѣ все — энергично, безоглядно, безвозвратно, за то, что ты мнѣ ровня и мнѣ не стыдно подчиниться тебѣ.... Если бы ты былъ и не баронъ Пасквець, а просто образованный человѣкъ, какой-нибудь купецъ, мѣщанинъ, даже крестьянинъ, и я встрѣтила бы тебя въ толпѣ народа, или за прилавкомъ, съ аршиномъ въ рукѣ, мнѣ кажется, я и тогда угадала бы, что намъ съ тобою, сошедшись, не должно расходиться.... потому что судьба назначила насъ другъ для друга....

— И мы не разойдемся до конца жизни.... Не правда ли?

Жемчужина печально покачала головою и молчала.

— Ты не подтверждаешь моихъ словъ? воскликнулъ Пасквець: — какъ объяснить твое молчаніе, Надя?

— Опытностью! отвѣчала Надежда Иларіоновна грустнымъ тономъ, потомъ, какъ будто отгоняя отъ себя мрачныя картины, возникавшія въ воображеніи ея, провела рукою по глазамъ и продолжала съ нѣжною улыбкою:

— Вѣдь я старуха въ сравненіи съ тобою, Александръ! Еще нѣсколько лѣтъ и въ ту самую пору, когда ты вступишь въ возрастъ зрѣлости мужчины, я буду уже вполнѣ старою женщиною.... Притомъ.... Но что говорить объ этомъ?...

Мгновенье мнѣ принадлежитъ,

И я принадлежу мгновенью....

продекламировала она въ заключеніе, махнувъ рукою.

— И въ-самомъ-дѣлѣ, подхватилъ баронъ:— зачѣмъ заглядывать въ будущее, когда настоящее хорошо, хотя я въ будущемъ вовсе не вижу того, что ты видишь....

— Довольно!... воскликнула Жемчужина: — я обѣщала тебѣ рассказать мое прошедшее.... Теперь намъ нѣчего дѣлать.... Притомъ мы оба уже настроены на грустный ладъ.... Да меня нѣсколько и беспокоитъ то, что ты еще не вполнѣ знаешь меня....

— Идетъ.... прошедшее!... воскликнулъ Пасквець, употребивъ техническое выраженіе, принятое въ карточной игрѣ, потомъ, придвинулся къ столу и поставилъ свой стаканъ,

который Жемчужина налила чаемъ, между тѣмъ какъ баронъ набивалъ себѣ трубку.

— Мое прошедшее, начала молодая женщина, играя чайною ложкою и какъ будто сосредоточиваясь въ самой себѣ, чтобы лучше собрать свои воспоминанія: — мое прошедшее докажетъ тебѣ, Александръ, что мои слова: «мы одной породы птицы», имѣютъ основаніе. Между нашими характерами, вкусами и направленіями отъ природы много общаго, и я увѣрена — прости мнѣ это предположеніе, — что еслибъ ты былъ обстоятельствами поставленъ въ совершенно одинаковое, съ моимъ прежнимъ, положеніе, и ты совершилъ бы тотъ поступокъ, за который я судилась.... Не буду говорить тебѣ о моемъ дѣтствѣ и первой молодости, которыя протекли такъ же, какъ у большей части дѣвушекъ, воспитанныхъ въ аристократическомъ домѣ, рано отданныхъ въ пансіонъ и почти не знающихъ своихъ матерей.... Не назову тебѣ даже фамиліи моего отца. Довольно тебѣ знать, что онъ былъ командиромъ одного изъ кавалерійскихъ полковъ, расположенныхъ на югѣ Россіи. Это былъ добрый, весьма неглупый и энергическій человекъ, но онъ такъ мало занимался своимъ семействомъ, что вліяніе его на мое воспитаніе было почти ничтожно. Только позже, когда, окончивъ курсъ въ пансіонѣ, я, уже взрослою дѣвщицей, возвратилась въ родительскій домъ, и отеческая гордость его была польщена шумомъ удивленія, который подняли поклонники моей красоты, отецъ мой, можетъ быть, не мало содѣйствовалъ развитію моего самолюбія, страсти къ побѣдамъ въ свѣтѣ и властолюбію, которое, съ-тѣхъ-поръ, какъ помню себя, всегда было въ моемъ характерѣ.

Вліяніе матери на меня было, можетъ быть, еще вреднѣе, нежели отцово. Моя мать была свѣтская женщина, весьма недалекого ума и безъ всякихъ нравственныхъ правилъ. Казалось, нравственный кодексъ ея состоялъ изъ однихъ правилъ свѣтскаго приличія. Теперь еще живо помню тотъ день, въ который она уговаривала меня принять предложеніе уже немолодаго и порядочно отжившаго маіора Жемчужина, которому сама же внушила мысль посвататься за меня.

— Ты еще ребенокъ, Надина.... говорила она мнѣ въ этотъ день:— въ нашемъ кругу женщины въ выборѣ мужа почти никогда не руководятся склонностью, любовью.... Мужъ пуженъ намъ для положенія въ свѣтѣ, для того, чтобы у насъ были средства, домъ, для расширенія нашихъ связей, епип.... для всего, только не для удовлетворенія потребности нашего сердца.... Развѣ можно любить, обожать человѣка, котораго видишь всякій день и поутру, и вечеромъ, и въ полдень, который приходитъ къ тебѣ въ безобразномъ халатѣ, котораго застаешь иногда съ намыленными щеками и растрепанной прической, который при тебѣ вдругъ разваливается на диванѣ и начинаеть храпѣть.... Нѣтъ, моя милая! Мужъ вовсе и не долженъ быть страстно любимъ, иначе эти мужчины какъ-разъ дѣлаются нашими деспотами.... Жена, съ перваго дня замужства, должна вполне владѣть собою, чтобы захватить въ руки верховную власть въ домѣ; въ противномъ случаѣ она не успѣетъ оглянуться, какъ сдѣлается рабою, первую изъ прислужницъ своего мужа....

— Но, маменька, воскликнула я въ крайнемъ изумленіи:— какъ же удовлетворить женщина нашего круга этой потребности сердца, которой вы все-таки не отрицаете у нея?...

— Вообрази себѣ, что отвѣчала мнѣ на это моя нѣжная матушка съ громкимъ, полусутильнымъ смѣхомъ, за котормъ, какъ будто съ намѣреніемъ, весьма дурно скрывала свое замѣшательство.

— Ахъ, Надя! сказала она:— какой же ты еще ребенокъ!... Вездѣ ты хочешь, qu'on vous mette les points sur les i.... Нельзя же этого!.... Вѣдь я твоя мать.... Другое дѣло, если бы я была только твоя старшая пріятельница.... Alors, à la bonne heure, je vous aurais initiée à tous les mystères de la vie de femme mariée.... Но ты очень скоро сама поймешь, въ чемъ дѣло et tout ira à merveille.... Положись только на мою опытность, и повѣрь, что эта партія вполне соотвѣтствуетъ всѣмъ условіямъ семейнаго счастья.... Женихъ твой богатъ, аристократъ de la meilleure souche....

— Но, перебила сама себя Надежда Иларіоновна съ глубокою ироніею въ тонѣ и улыбка:— не буду продолжать развивать отвратительную теорію семейной жизни, которую,

въ этотъ день, передала мнѣ матушка, употребляя не вездѣ ясныя, точныя названія вещей; но въ своихъ намекахъ и недоговоркахъ такъ близко обходя предметъ, что не было никакой возможности ошибиться въ значеніи ихъ...

— И что же? Въ ту пору, когда преподанная ею философія принесла обильный плодъ, когда я была обвинена, опозорена, а потомъ попала подъ уголовное слѣдствіе, эта женщина, которой мнѣ иногда тяжело бываетъ давать имя матери, изъ всей моей родни ближней и дальней, первая отреклась отъ меня и признала меня недостойною называться ея дочерью.... Она даже прокляла меня; вообрази, она, эта женщина, въ порывѣ благороднаго негодованія на мой поступокъ, прокляла меня....

Пронзительный, неестественный смѣхъ, которымъ Жемчужина прервала свою рѣчь, выражалъ столько глубокой озлобленности, такой страшный запасъ ироніи и презрѣнія, что даже Пасквець почувствовалъ, что у него холодъ пробѣжалъ по тѣлу и волосы на головѣ зашевелились, какъ живые.

Переставъ смѣяться, Жемчужина нѣсколько минутъ просидѣла въ глубокой задумчивости, склонивъ голову на грудь и вперивъ мутный взглядъ въ столъ, потомъ, какъ будто насильно отрываясь отъ картинъ, возникшихъ въ ея воображеніи, продолжала, не поднимая головы:

— Надо нѣсколько познакомить тебя съ моимъ тогдашнимъ характеромъ, который съ-тѣхъ-поръ много перемѣнился, хотя перемѣны въ немъ нейдутъ далѣе поверхности: въ сущности онъ остался тѣмъ же.... Главныя черты его всегда были какая-то не женская рѣшительность и настойчивость въ преслѣдованіи цѣлей.... Очень рѣдко случалось мнѣ въ жизни испытывать робость, недовѣріе къ самой себѣ; а какъ ни домашнее, ни общественное воспитаніе не внушило мнѣ никакихъ положительныхъ нравственныхъ правилъ, которыя могли бы служить оплотомъ противъ страстей, то я также почти никогда, до самой той минуты, какъ совершила преступленіе, за которое сослана, не знала ни колебанія при избравшіи средствъ для достиженія цѣли, ни угрызеній совѣсти, когда она была достигнута... Тебѣ, мой другъ, можетъ

быть, сученъ этотъ анализъ моего внутренняго состоянія, но онъ необходимъ для того, чтобы понять мой поступокъ...

— Продолжай, сдѣлай милость! поспѣшилъ воскликнуть Пасквець: — мнѣ не только не скучно слушать, напротивъ, крайне занимаетъ эта откровенная исповѣдь, въ которой ты такъ мало щадишь самое себя, что я смѣло могъ бы взять ее за руководство, если бы долженъ былъ стать твоимъ обвинителемъ передъ судомъ присяжныхъ, но въ которой, съ другой стороны, я съ удивленіемъ изучаю твой быстрый умъ и твое рѣдкое умѣнье говорить ясно, отчетливо и вѣстѣ краснорѣчиво....

Жемчужина самодовольно улыбнулась, не смотря на то, что печальная, мучительно-тревожная мысль продолжала отпечатлѣваться на всемъ лицѣ ея.

— Краснорѣчіе мое, сказала молодая женщина: — очеркнуто не изъ реторикъ.... Источникъ его — истина выражаемыхъ мною мыслей.... А что касается моего ума, то хотя, какъ мнѣ кажется, я никогда, къ несчастію, не была совершенно глупенькою женщиною, однако, совершенное одиночество, въ которомъ, съ самаго начала слѣдствія, я проводила дни, недѣли и мѣсяцы, и потомъ еще худшее одиночество мое въ острогѣ и въ партіи, посреди цѣлой толпы людей, непонимавшихъ меня и ненавидѣвшихъ меня за то, что я сначала не умѣла скрывать передъ ними чувства своего женскаго достоинства, на каждомъ шагѣ оскорбляемого ими, это двойное одиночество много помогло развитію моему уму, а главное — научило меня искусству управлять имъ по произволу и надобности... Но... я отвлеклась отъ прямого пути... Постараюсь возвратиться на него....

Наставленія моей матери, доказывающія каково вообще могло быть воспитаніе, которымъ я воспользовалась, хотя заключали въ себѣ мало новаго для меня, мало такого, чего *опытныя замужнія пріятельницы* уже тысячу разъ не говорили бы мнѣ, однако придали ихъ словамъ огромный вѣсъ материнскаго авторитета.... Съ этого дня я поняла многое, что въ нашемъ семейномъ быту было мнѣ совершенно непостижимо, эту холодность отца къ матери и къ среднимъ братьямъ и сестрѣ моимъ, слова, которыя иногда при насъ,

дѣтахъ, вырывались у него въ минуты досады на жену.... совершенное отчужденіе его отъ своей семьи и любовь къ холостому обществу.... Мнѣ стало жаль старика, который такъ жестоко ошибся въ своей мечтѣ счастія у домашняго очага, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его участь подтверждала для меня слова матушки, — что въ нашемъ кругу мужъ нуженъ женщиѣ отнюдь не для удовлетворенія потребности ея сердца. Первымъ слѣдствіемъ этого, утвердившагося во мнѣ убѣжденія, было вступленіе мое въ бракъ съ Жемчужиннымъ, который, какъ мнѣ казалось и какъ доказывала матушка, имѣлъ всѣ качества, необходимыя мужу женщины нашего круга.... Вторымъ слѣдствіемъ, — какъ я надѣялась, — должна была быть жизнь веселая, беззаботная, посвященная однимъ выѣздамъ, баламъ и.... Договорю ли?... Уже будучи невѣстою, я выбрала себѣ того, которому, послѣ свадьбы, хотѣла вручить свое сердце.... Нѣ правда ли: ты, мужчина, готовъ ужаснуться передъ этою испорченностью?... А между тѣмъ, мнѣ всего было восемнадцать лѣтъ, ни одинъ чужой мужчина еще не прикоснулся губами до моихъ губъ.... Но что въ томъ? Уже давно, еще въ пансіонѣ, я карандашомъ подчеркнула и заучила наизусть самыя жгучія строки въ романахъ Жоржа-Занда.... Я въ воображеніи прожила уже всѣ фазы страсти, начиная отъ первой розовой мечты воображенія и перваго едва замѣтнаго замиранія сердца при взглядѣ на мужчину, который нравится намъ, до самаго грубаго удовлетворенія физической страсти.... Мнѣ въ восемнадцать лѣтъ уже можно было воскликнуть вмѣстѣ съ мрачной Леліей Занда:

«Je suis vieille, vieille, comme si j'avais cent ans!»

И не думай, чтобы я была въ этомъ отношеніи чудовищнымъ исключеніемъ изъ общаго правила.... Сколько я помню, изъ моихъ совоспитанницъ не было ни одной, которая знала бы менѣе меня, хотя многія изъ нихъ, у которыхъ или воображеніе было слабѣе, или темпераментъ менѣе страстенъ, или, наконецъ, которыхъ позднѣйшія обстоятельства не продолжали, по крайней мѣрѣ, положительно развращать, стали внослѣдствіи чѣмъ-то въ родѣ женъ, матерей и гражданокъ.... Теперь, послѣ того, какъ

въ одиночествѣ, я много думала о томъ, какъ насъ воспитывали, я считаю несомнѣннымъ, что только однѣ волющія бездарности, именно въ силу отсутствія воспримчивости и способности переработывать собственными силами приобрѣтенное, могутъ остаться неприкосновенными нравственной порчѣ, которая при нашемъ женскомъ воспитаніи неизбѣжна для всякой сколько-нибудь даровитой, энергической природы, и тѣмъ неизбѣжнѣе, чѣмъ натура энергичнѣе и способнѣе.

— Итакъ, продолжала молодая женщина послѣ минутнаго молчанія, втеченіе котораго мысль ея, повидимому, была далеко: — какъ я уже сказала, я вышла замужъ, не только не думая связывать себя обязанностями супруги, но и напротивъ съ единственною цѣлью — приобрѣсть ту свободу дѣйствій, которою не пользуется въ обществѣ дѣвушка.... Но, съ первыхъ же дней моего замужества, оказалось, что мой мужъ вовсе не намѣренъ играть ту второстепенную роль, которую я намѣревалась предоставить ему, что онъ женился на мнѣ для себя и готовъ преслѣдовать свою цѣль еще съ большею настойчивостью, нежели какова была настойчивость, употребляемая мною въ преслѣдованіи собственныхъ моихъ цѣлей.

Къ моему и своему несчастію, мой мужъ былъ уже очень не молодъ и очень истощенъ разгульною жизнью молодости. Притомъ, хотя онъ не былъ положительно дурень собою, но мнѣ чрезвычайно не нравился.

Едва онъ только замѣтилъ, что я не только не люблю его, но и имѣю къ нему нѣкотораго рода отвращеніе, едва, изъ моего кокетства съ молодымъ человѣкомъ, избраннымъ мною, еще когда я была въ дѣвушкахъ, въ любовники, сталъ понимать мою цѣль замужства, какъ взялъ отставку, при чемъ былъ произведенъ въ полковники, и увезъ меня въ п-скую деревню... Съ того самаго дня и часа, какъ мы сѣли въ дорожный дормезъ, начинается между нами та глухая, ежедневная, ежечасная борьба, которая черезъ три года окончилась катастрофою, приведшею меня сюда.

Мужъ мой высказалъ крайнюю неосмотрительность, обнаруживъ передо мною, что уѣзжаетъ въ деревню преимуще-

щественно по побужденіямъ ревности. Этого было достаточно, чтобы побудить меня, на зло ему, кокетничать со всякимъ молодымъ мужчиною, безъ различія, нравился ли онъ мнѣ или нѣтъ, принадлежалъ ли онъ къ нашему кругу или нѣтъ, стоилъ ли онъ того или нѣтъ. Злоба противъ мужа заставляла меня столько же стараться составить себѣ репутацію вѣтренницы, сколько другія женщины стараются прослыть скромницами. Приѣзжалъ ли къ намъ молодой сосѣдъ, доморощенный неучъ въ уморительномъ фракѣ съ толстыми и красными руками, встрѣчался ли мнѣ въ гостяхъ гувернеръ, какой-нибудь французикъ изъ Бордо, который едва умѣетъ отыскать на картѣ свое отечество, и такъ и смотритъ парикмахеромъ или перчаточникомъ, я со всякимъ любезничала.

Мой мужъ сначала бѣсился и дѣлалъ мнѣ серьезныя сцены дома и даже нѣсколько разъ въ людяхъ. Но когда замѣтилъ, что, вмѣсто того, чтобы исправиться или, по крайней мѣрѣ, испытывать угрызенія совѣсти, я, напротивъ, еще старалась вызывать эти сцены, тогда Жемчужинъ сталъ все болѣе стѣснять мое заключеніе, рѣже позволяя мнѣ выѣзжать и никого не приглашая къ себѣ. По мѣрѣ того, какъ мы такимъ образомъ все болѣе оставались tête à tête съ нимъ, я стала искать развлеченія вокругъ себя и, найдя, что вольнонаемный камердинеръ моего мужа очень недурень собою и неглупъ, принялась кокетничать съ нимъ.

Я не могла бы говорить обо всѣхъ этихъ вещахъ съ такимъ циническимъ хладнокровіемъ, еслибы ревность моего мужа оправдывалась дѣйствительною преступностью моею... Но, сказать ли? Для того, чтобы мое кокетство не влекло за собою неоднократныхъ дѣйствительныхъ паденій, не доставало мнѣ только одного — случая... Мужъ мой слишкомъ зорко слѣдилъ за мною, чтобы допустить меня до окончательнаго сближанія съ нѣкоторыми изъ мужчинъ, которые мнѣ болѣе нравились... Но это не мѣшало мнѣ въ душѣ не разъ нарушать обѣтъ вѣрности, данный ему предъ алтаремъ...

Отъ напряженнаго бдительностью взора моего мужа не могло скрыться, что я иногда слишкомъ долго смотрю на

его камердинера, улыбаюсь ему исподтишка, нарочно роняю вещь возлѣ своихъ ногъ и потомъ прошу камердинера поднять ее, причемъ стараюсь выставить изъ-подъ платья кончикъ ноги, однимъ словомъ, употребляю всѣ ухищренія того грубаго кокетства, на которое глубокопавшая женщина можетъ рѣшиться только относительно человѣка, не смѣющаго поднять на нее глазъ, между тѣмъ какъ мужнинѣ, скольконибудь порядочному, навѣрное внушила бы имъ отвращеніе, а не любовь. Къ своему собственному несчастію, камердинеръ послѣ нѣкотораго времени также сталъ замѣчать мои хитрости и поддаваться моему кокетству, которое, какъ позже оказалось даже родило въ его сердцѣ глубокую истинную страсть. Чтобы пресѣчь эту постыдную, унижительную для меня и для него игру, мой мужъ внезапно отпустилъ камердинера, приказавъ въ двадцать четыре часа выѣхать изъ деревни, но не объявивъ ему никакой причины такой немилости.

Это было въ концѣ третьяго года моего замужства. Мы жили уже въ совершенномъ уединеніи, никого не принимал и ни у кого изъ сосѣдей не бывая. Озлобленность противъ деспотизма моего мужа, отвращеніе къ его личности, нравственное паденіе мое въ воображеніи и желаніе свободы для удовлетворенія страстямъ моимъ, однимъ словомъ всѣ побужденія къ выходу изъ моего невыносимаго положенія достигли послѣдней степени напряженія... Чаша была переполнена, и ядъ, заключавшійся въ ней, не могъ не вылиться черезъ край.

Въ тотъ же день узнавъ, что камердинеръ отпущенъ мужемъ, и понявъ, что причиною было мое кокетство, я рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ для своего мщенія.

Ты можешь себѣ представить, Александръ, что при рѣшительности и настойчивости моего характера, мысль о томъ, чтобы ускорить смерть мужа, который, не смотря на разстроенное здоровье, еще могъ прожить много лѣтъ, что эта мысль не разъ вспадала мнѣ на умъ, послѣ того, какъ я нѣсколько разъ тщетно предлагала моему тирану разойтись и просить развода. Хотя этотъ послѣдній способъ развязаться съ ненавистнымъ человѣкомъ представлялъ огромныя невы-

годы (я не имѣла никакого состоянія, между тѣмъ какъ мой мужъ былъ очень богатъ), однако, прежде нежели серьезно начать думать о крайнихъ средствахъ, я рѣшилась испытать еще этотъ исходъ. Но мой мужъ и слышать не захотѣлъ о добровольной разлукѣ до развода, потому что, втеченіе ея, онъ не могъ воспретить мнѣ позорить его имя; оставаясь же у него, я, бдительнымъ надзоромъ его, была лишена всякаго случая подать прямой поводъ къ просьбѣ о разводѣ.

Не знаю, и до-сихъ-поръ не могу рѣшить, какъ ни стараюсь — дѣлалъ ли онъ все это изъ любви ко мнѣ или изъ ненависти. По крайней мѣрѣ, если тутъ и была доля любви, то эта старческая немощная страсть должна была граничить съ ненавистью, потому что никогда не могла рассчитывать, не говоря уже о взаимности, даже на состраданіе съ моей стороны, на сочувствіе отъ человѣка къ человѣку.

А между тѣмъ, какъ-бы нибыло — приговоръ, осуждавшій меня на жизнь вдвоемъ съ ненавистнымъ старикомъ, дѣлалъ мое положеніе совершенно безвыходнымъ, въ-особенности съ-тѣхъ-поръ, какъ мы окончательно уединились въ своей деревнѣ. Отецъ и мать, у которыхъ я нѣсколько разъ просила помощи и защиты, намекая на страшную жизнь свою, отвѣчали уклончиво, ссылаясь на права мужа надъ женою, и давая мнѣ понять, что болѣзненное состояніе Жемчужина скоро можетъ положить предѣлъ этимъ правамъ.

Что мнѣ было дѣлать? По тысячи разъ каждый день задавала я себѣ этотъ вопросъ, потому что не видѣла конца своимъ страданіямъ... Правда, мой мужъ былъ почти постоянно болѣнъ, но доктора говорили, что онъ можетъ еще многіе годы прохворать такимъ образомъ... Годы, когда каждый день, проводимый съ нимъ, казался мнѣ годомъ!..

И желаніе смерти мужу разгоралось во мнѣ съ непреодолимою силою... Все чаще и чаще стала являться ко мнѣ эта мысль, сначала только въ видѣ смутнаго желанія, потомъ все яснѣе и съ бѣльшими подробностями, такъ что я часто съ положительною отчетливостью видѣла въ воображеніи своемъ цѣлыя сцены отравленія, убійства огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, сцены, въ которыхъ роль жерт-

вы принадлежала мужу, между тѣмъ какъ дѣятелемъ былъ — ты догадываешься кто...

Сначала эти картины крови и мщенія пугали меня, но, мало-по-малу, я привыкла и даже полюбила предаваться прехотямъ своей фантазiи, когда она принималась развивать эту мрачную тему. По цѣлымъ часамъ сиживала я въ одной комнатѣ съ мужемъ, — который почти никогда не оставлялъ меня одну, хотя мы, съ перваго дня сожителства, очень мало говорили другъ съ другомъ, — и въ мечтахъ своихъ видѣла его то умпрающимъ, то покойникомъ, то уже въ могилѣ, а себя свободною обладательницею его огромнаго состоянiя...

Не знаю — довольно ли ясно я представила постепенность этого привыканiя къ убiйству мужа... Довольно сказать, что я шла къ усвоенiю этой мысли такимъ незамѣтнымъ склономъ, что въ первое время послѣ смерти мужа сама не могла понять, какъ рѣшилась на такое дѣло...

Когда мнѣ донесли что камердинеръ моего мужа былъ прогнанъ имъ, еще не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, чего ожидала отъ этого слуги, я однако тотчасъ смутно поняла, что могу сдѣлать изъ него своего сообщника и орудiе своего мщенiя. Поэтому, нисколько не медля, я послала къ нему горничную, которая, какъ я знала, была безусловно предана мнѣ, приказавъ сказать ему, чтобы онъ, дѣлая видъ, будто уѣзжаетъ изъ деревни, остался по близости и на другой день вечеромъ, время, въ которое я могла иногда одна ускользнуть въ садъ, пришелъ въ одну изъ самыхъ отдаленныхъ аллей, которую я описала съ мелочною точностью, такъ что ошибиться въ ней не было никакой возможности.

Повторяю: отдавая горничной приказанiе, я дѣйствовала совершенно безотчетно, подъ напiемъ какого-то мрачнаго инстинкта... Позже, отдавъ себѣ отчетъ въ томъ, что намѣрена говорить съ отставнымъ камердинеромъ, я нашла, что инстинктъ мой вѣрно руководилъ мною.

Съ одной стороны, я была увѣрена по многимъ признакамъ, въ которыхъ глазъ женщины не ошибается, что камердинеръ былъ окончательно поработченъ моимъ кокетствомъ. Съ другой — нельзя было сомнѣваться, чтобы пе-

справедливое удаленіе его изъ дому не оскорбило его жестоко и не сдѣлало отъявленнымъ врагомъ моего мужа. Первое изъ этихъ обстоятельствъ ручалось мнѣ за молчаніе его и за повиновеніе моей волѣ, второе, личная ненависть его къ мужу, заставляла предполагать въ немъ желаніе отмстить, или, по крайней мѣрѣ, возможность возбудить это желаніе.

Все, повидимому, шло согласно желанію: камердинеръ обѣщалъ прійти на назначенное мною мѣсто... Въ условный часъ, мужъ, пообыкновенію, дремалъ послѣ обѣда и не мѣтилъ моего ухода.

На дворѣ стоялъ конецъ августа: вечера были теплы, но нѣсколько сыры. Былъ часъ девятый вечера, и свѣчи уже были поданы, когда я вышла изъ маленькой гостиной, въ которой сидѣлъ мужъ, держа передъ собою открытую книгу. Я зашла въ свой будуаръ и совершенно инстинктивно спрятала за пазуху небольшой дамскій книжаль, когда-то купленный мною въ магазинѣ. Потомъ я быстро пробѣжала черезъ весь садъ и въ нѣсколько минутъ уже стояла передъ прогнаннымъ камердинеромъ, который съ рѣшительнымъ видомъ дождался меня и, когда я подошла, поклонился мнѣ.

Слуга этотъ былъ нѣмецъ, изъ ревелскихъ бюргеровъ... Онъ былъ человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, высокаго роста, довольно красивой наружности и не лишенъ нѣкотораго образованія. По видимому Карлъ (такъ звали его) не столько былъ удивленъ и польщенъ свиданіемъ со мною, сколько обрадованъ, осчастливленъ тѣмъ, что видитъ меня. Времени не было терять: мужъ могъ проснуться и самъ пойти искать меня. Я притворилась опечаленною отказомъ Карлу отъ дома и наметнула ему о любви. Молодой человѣкъ бросился на колѣни и схватилъ мою руку, которую я тотчасъ же выдернула и сказала, уходя:

— Вы знаете, Карлъ, что въ мои комнаты ходъ черезъ мужнинъ кабинетъ, около котораго, пока еще нѣтъ новаго камердинера, никто не спитъ.... Но до-тѣхъ-поръ, пока мой мужъ живъ, онъ зорко охраняетъ дверь моей спальни... Только когда его не будетъ, эта дверь будетъ отворена для васъ....

Карлъ вскочилъ съ колѣнъ и мрачно произнесъ:

— Въ такомъ случаѣ—я скоро буду счастливъ, вполнѣ счастливъ... или... меня не будетъ...

Послѣдніе слова я слышала уже въ отдаленіи, потому что посиѣшала домой, гдѣ никто еще не замѣтилъ моего ухода и даже мужъ, по прежнему, дремалъ передъ открытою книгою. Я положила на мѣсто книжаль, и сѣла насупротивъ мужа на кресло.

Съ какою страшною отчетливостью помню я этотъ вечеръ, со всѣми его подробностями!...

Въ душѣ моей, по возвращеніи изъ сада, мѣсто недавней тревоги ожиданія заняло спокойствіе, спутникъ безвозвратно принятой рѣшимости, но это спокойствіе проптекало скорѣе изъ какого-то нежеланія заглядывать въ будущность и отдавать себѣ отчетъ въ достигнутомъ, нежели изъ чувства довольства тѣмъ, что цѣль уже не далеко. Вообще на мысль и чувство у меня сошелъ какой-то сумракъ и только въ воображеніи, отъ времени до времени, возникали чудовищно-обезображенные, блѣдные трупы, совершенные двойники спѣвшаго передо мною мужа. Но съ этими мрачными себе-сѣдипками я уже такъ хорошо была знакома, что присутствіе ихъ нисколько не смущало моего покоя, напротивъ, какъ будто способствовало къ нему. Они какъ будто сторожили сумракъ, въ который были погружены умъ и чувство, и каждый разъ, когда ясная мысль или опредѣленное чувство готовы были свѣтлымъ лучомъ прорѣзать сумракъ, высовывался въ воображеніи трупъ съ перерѣзаннымъ горломъ или раскрытымъ черепомъ и заслонялъ блескъ божественнаго луча... И снова все во мнѣ погружалось въ неопредѣленность и хаотическую дремоту на яву.

Обыкновенно, по вечерамъ, я брала какую-нибудь работу, чтобы не быть принужденною постоянно смотрѣть на читающаго про себя или дремлющаго, или дремля читающаго мужа. Музыка и пѣніе я давно бросила, потому что мужъ любилъ слушать меня. Хозяйствомъ, по той же причинѣ, почти не занималась. Оставалось рукодѣлье и чтеніе, и я много читала; рукодѣльемъ же занималась болѣе для одного виду.

Въ роковой вечеръ, въ который я видѣлась въ саду съ камердинеромъ, на моихъ колѣнахъ лежала вышивка, начатая уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но пока мужъ дремалъ, я не думала приниматься за иголку. Сложивъ руки на груди я сидѣла и смотрѣла на своего тирана, котораго впрочемъ видѣла только сквозь призму своего воображенія.

Вдругъ мужъ приподнялся и устлалъ прямѣе на креслѣ.

— Глупый сонъ! пробормоталъ онъ: — кадрили! Чортъ знаетъ, что такое...

И онъ внимательно принялся за чтеніе. Я взяла въ руки вышиванье и въ ту-же минуту въ моемъ воображеніи возникла кадрили, въ которой кавалеры были всѣ съ перерѣзанными горлами и какъ-то странно мотали головами, готовыми отвалиться. Изъ дамъ въ одной я узнала самое себя... Мнѣ сдѣлалось страшно... Я чувствовала, что на вискахъ у меня волосы начинаютъ шевелиться... Изъ груди моей рвался крикъ, но страхъ — обнаружить свою мечту передъ мужемъ, захватилъ горло... Я не закричала; за то, нѣсколько времени была готова лишиться чувствъ... Наконецъ, не человѣческое усиліе надъ собою побѣдило ужасъ... и я вскорѣ снова впадала въ прежнее хаотически-спокойное состояніе...

Такъ прошелъ вечеръ... За ужиномъ я ничего не ѣла.

Мужъ мой изъ прежней холостой жизни въ кавалеріи сохранилъ привычку по вечерамъ много пить. Впрочемъ онъ никогда не бывалъ пьянъ.

Послѣ ужина, я, по обыкновенію, ушла въ спальню, мимоходомъ холодно сказавъ мужу:

— Bonne nuit, monsieur!

— Bonne nuit, madame! отвѣчалъ мнѣ нѣжный супругъ такимъ же тономъ, продолжая расхаживать по залу для возбужденія пищеваренія и моціону на сонъ грядущій.

Зная по опыту, что эта прогулка всегда длится полчаса и болѣе, я мимоходомъ безсознательно подошла сперва къ одному, потомъ къ другому окну мужнина кабинета и посмотрѣла на задвижки. У одного изъ нихъ верхняя и нижняя задвижки были не заперты, у другаго верхняя заперта, нижняя нѣтъ. Окна были въ садъ: я взглянула въ него и, быстро опустивъ тяжелые шелковые занавѣсы, ушла въ спаль-

ню. Въ темнотѣ сада мнѣ послышался какъ будто скрипъ песку подъ человѣческой ногою.

Какъ ни старалась я успокоиться, однако еще долго послѣ того, какъ, уложивъ меня въ постель, горничная ушла, и унесла съ собою свѣчу, оставивъ зажженную лампу, я не могла уснуть.

— Такъ ты спала одна?... спросилъ Пасквець.

— Давно! отвѣчала Жемчужина: — Мужъ мой имѣлъ во снѣ нервныя припадки, которыми нѣсколько разъ пугалъ меня. Поэтому и еще потому, что онъ страшно храпѣлъ во снѣ я настояла на томъ, чтобы онъ спалъ въ своемъ кабинетѣ... Сначала, послѣ того, какъ это было принято нами за правило, онъ, передъ тѣмъ какъ ложился, обыкновенно заходилъ ко мнѣ, но потомъ пересталъ.

Я еще не спала, когда мужъ пришелъ въ кабинетъ, раздѣлся и, приказавъ слугѣ, замѣнявшему камердинера, взять свѣчу и уйти, легъ и вскорѣ громко захрапѣлъ. Тогда и я впала въ какое-то забытѣе, одинаково близко граничившее и со сномъ и съ бодрствованіемъ, состояніе, въ которомъ я не могла судить о ходѣ времени.

Шорохъ возлѣ самой кровати моей пробудилъ меня изъ этого полусна. Я открыла глаза и едва удержалась отъ крика: передо мною стоялъ... Карлъ съ страшно сверкающимъ взглядомъ, весь покрытый кровью.

— Я сдержалъ слово, прошепталъ онъ: сдержите свое...

Я упала въ обморокъ... Когда я очнулась, всѣ въ домѣ еще спали, Карла уже не было въ комнатѣ, но при свѣтѣ лампы на полу и коврѣ замѣтны были темныя пятна... Это была кровь, принесенная убійцею на ногахъ... Нагнувшись, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, я почувствовала, что простыня съ краю мокра... Посмотрѣла .. и тутъ еще не засохшая кровь... Слѣдовательно убійца прикасался къ постели, не смотря на мой обморокъ... Я поспѣшила зажечь свѣчу и стала осматривать бѣлье, которое было на мнѣ... И на немъ оказались небольшіе слѣды крови...

Я невольно вскрикнула и дернула за шнурокъ клошетки, не давъ себѣ времени сообразить, что, губя Карла, гублю и самое себя

Въ ту же минуту весь домъ поднялся на ноги: оказалось, что мой мужъ зарѣзанъ, что убійца хотѣлъ сдѣлать то-же со мною, но я проснулась и онъ, испуганный, бѣжалъ... Намѣреніе его убить и меня было, конечно, догадкою прислуги, подтверждаемую моимъ молчаніемъ.

Вся мужская прислуга, вооруженная факелами и фонарями, бросилась искать убійцу, который, какъ доказывало открытое окно въ садъ, спасся этимъ путемъ... Вскорѣ Карлъ, еще не успѣвшій выбраться изъ саду, который былъ весьма обширенъ, былъ пойманъ съ явными признаками преступленія на одеждѣ и рукахъ.

Думая, что я намѣренно стала причиною его поимки, Карлъ, изъ мщенія открылъ передъ судомъ мое участіе въ преступленіи, сказавъ, что я даже отперла задвижки одного изъ оконъ кабинета, что и дѣйствительно могло показаться ему въ ту минуту, когда онъ изъ саду видѣлъ меня подходящею сперва къ одному, потомъ къ другому окну...

Съ меня сняли допросъ, въ которомъ я нѣсколько разъ довольно неловко проговорилась, такъ что изъ моихъ отвѣтовъ участіе мое можно было почестъ почти несомнѣннымъ... И не удивительно! Смерть мужа произвела во мнѣ страшный, невѣроятный переворотъ... Я вдругъ поняла, что шла къ разверзтой безднѣ, въ которую толкнула несчастнаго Карла... Мнѣ вдругъ захотѣлось страданіемъ искупить свое преступленіе...

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я инстинктивно боялась страданія и старалась избѣжать его, запираясь въ своемъ участіи въ убійствѣ... И что же? Будь я немного преступнице, испорченнице, я избѣжала бы наказанія...

— Какимъ же это образомъ? воскликнулъ Пасквець, внѣ себя отъ удивленія: — Вѣдь ты сама говоришь, что при допросѣ почти призналась?...

— Да! отвѣчала Жемчужина: — И не смотря на то, отъ меня зависѣло — понести наказаніе или нѣтъ, бѣгъ здѣсь, въ ссылкѣ, или тамъ въ П*, въ богатствѣ и почетѣ... Дѣло очень просто: п—скій предсѣдатель уголовной палаты былъ молодой человѣкъ, давно до безумія влюбленный въ меня...

— И ты не соглашалась? спросилъ Пасквець.

— Нѣтъ! съ гордою усмѣшкою отвѣчала Жемчужина, и потомъ присовокупила, бросая на барона взглядъ, исполненный любви :

— Не правда ли, Александръ: мы съ тобою одной породы птицы?

— Да, по неволѣ согласишься съ тобою! отвѣчалъ молодой человѣкъ, погружаясь въ задумчивость: — Но какъ же назовешь ты, Надя, нашу общую породу?

— Необщезитательною, сказала Жемчужина: — потому что мы, какъ хищныя птицы и животныя, не способны жить въ обществѣ, гдѣ всѣ проявленія жизни подведены подъ правила и подчинены законамъ, гдѣ наши дикія натуры задыхаются отъ недостатка воли и воздуха...

— Можетъ быть, это и такъ! заключилъ Пасквець, которому, повидимому, впервые теперь объяснилась сущность его собственнаго характера.

VI.

Около полугода баронъ съ Жемчужиною жили очень счастливо; то есть, конечно, по своему счастливо. Надежда Иларіоновна, которая, въ смотрительскомъ домѣ, съ такимъ рѣдкимъ искусствомъ и, какъ казалось, съ истиннымъ призваніемъ, управляла хозяйствомъ, теперь занималась имъ едва на столько, какъ необходимо было, чтобы не оставлять Пасквеца и не сидѣть самой голодомъ. Рукодѣля, въ которыхъ была большою мастерицею, она также бросила.

За то, фхалъ ли Пасквець на охоту, или по служебной обязанности въ лѣсъ, или кататься въ поле, или, наконецъ, отправлялся рыскать пѣшкомъ по полямъ и болотамъ, Жемчужина всюду была его неотступною спутницею. А для того, чтобы никогда не быть ему въ тягость, она, какъ въ отношеніи наряда, такъ и въ привычкахъ, въ способности преодолѣвать трудности и бороться съ опасностями вскорѣ стала нисколько не отставать отъ него.

Нарядъ ея внѣ дома бѣльшею частью состоялъ изъ казаккина, широкихъ шараваръ, мужскихъ сапоговъ и мерлушечей

шапки. Зимой, сверхъ казакина надѣвался мерлушечій полушубокъ, который по талии перехватывалъ ремешный поясъ съ серебрянными блясками. Роскошную косу, достававшую почти до полу, полковница остригла, что впрочемъ несколько не повредило правильной классической красотѣ ея, придавъ ей напротивъ какую-то смѣлую оригинальность.

Ловко обозначалъ казакинъ и полушубокъ ея стройную, глбкую талью, не воплиъ скрадывая контуры роскошной женской груди. Но еще болѣе обнаруживала ея полъ стройная, узенькая попка, выглядывавшая изъ-подъ складокъ широкихъ шараваръ, да нѣжная длинная рука, очевидно не созданная для арапника и ружья, но превосходно владѣвшая этимп орудіями.

Полковница научилась ѣздить верхомъ на мужскомъ сѣдлѣ не хуже стараго кавалериста, мѣтко стрѣляла и даже начинала не дурно фехтовать и бойко взмахивать кистенемъ. Она пріобрѣла привычку лазить по деревьямъ, карабкаться на отвѣсныя горы, перепрыгивать ручьи, бѣгать и ходить съ неутомимостью записнаго охотника. Холодъ, сырость, бураны и грозы, казалось, скорѣе забавляли, нежели пугали ее, и часто приходилось усталому Пасквецу опираться на ея руку, чтобы выбраться изъ занесенной снѣгомъ или затопленной дождемъ таежной глуши.

Такимъ же образомъ, полковница старалась помогать барону и въ его служебныхъ занятіяхъ. При съемкахъ, при разбиваніи мѣстностей, при назначеніи просѣкъ и другихъ подобныхъ распоряженіяхъ, относящихся къ обязанностямъ лѣсничаго, Надежда Иларіоновна старалась замѣнить ему самого ревностнаго помощника. Она даже научилась довольно хорошо снимать планы лѣсныхъ дачъ, причемъ много помогъ ей талантъ ея къ рисованію. Наконецъ, самые рапорты, донесенія, однимъ словомъ, всю служебную переписку барона вела Жемчужина, у которой былъ прекрасный мужской почеркъ.

Въ тѣ дни и часы, когда не бродила съ барономъ по лѣсамъ и не занималась ничѣмъ важнымъ, Надежда Иларіоновна, страшно любившая музыку, пѣла свои любимые романсы, аккомпанируя себѣ, за немѣнимъ другаго инструмента,

на семиструнной гитарѣ, которую баронъ приобрѣлъ для нея въ Т—скѣ... И странно, необыкновенно оригинально звучали эти пѣсни цивилизованнаго общества, пропѣтыя гибкимъ прекраснымъ контральто, при описанной выше, совершенно своеобразно-дикой обстановкѣ. Довольно часто также, посреди хаоса этой обстановки, о которой никто особенно не заботился, появлялся французскій романъ или новый, т. е., прошлогодній номеръ какого-нибудь толстаго русскаго журнала.

Казалось, наши молодые любовники были созданы именно для такой жизни, такъ вполне она пришлась по нимъ и такъ естественно сложилась сама собою. На барона она имѣла самое выгодное вліяніе: онъ, какъ будто, только теперь попалъ въ свою стихію, и потому бросилъ пить, сталъ гораздо усерднѣе прежняго заниматься службою и подавать гораздо менѣ поводовъ къ выговорамъ и нахлобучкамъ со стороны начальства. Онъ оставилъ всѣ прежнія знакомства, сдѣланныя какъ въ заводѣ, такъ и внѣ его, сталъ ѣздить въ городъ только по востребованіямъ начальниковъ, которыя, по вышеизложенной причинѣ, сдѣлались несравненно рѣже, однимъ словомъ :

— Погрязъ, совершенно погрязъ нашъ баронъ! восклицалъ начальникъ ссыльной экспедиціи, которому Феничка не переставала жужжать въ уши о Пасквецѣ.

Это говорилъ чадолюбивый родитель, обращаясь къ совѣтнику питейнаго отдѣленія казенной палаты, Каспару Осипычу Шырѣ, съ которымъ любилъ разсуждать о нравственности, религіи, литературѣ, администраціи и вообще «о матерьяхъ важныхъ».

Каспаръ Осипычъ, о которомъ мы еще намѣрены подробнѣе поговорить въ слѣдующемъ очеркѣ, посвященномъ преимущественно похожденіямъ барона Пасквеца, Каспаръ Осипычъ, прежде всего, былъ человѣкъ крайне религіозный, до такой степени религіозный, что не довольствовался исполненіемъ католическихъ обрядовъ (онъ былъ полякъ и католикъ), но сильно усердствовалъ и къ православію, котораго церкви посѣщалъ при всякомъ случаѣ, а образамъ молился, гдѣ бы ни встрѣчалъ ихъ, причемъ даже крестился по обычаю православія, съ праваго плеча на лѣвое. Во-вторыхъ, Каспаръ

Осипычъ былъ человѣкъ необыкновенно нравственный: онъ терпѣть не могъ безнравственности и бичевалъ ее немилосердо, конечно, на словахъ, когда встрѣчалъ признаки ея въ своихъ близкихъ знакомыхъ, подчиненныхъ или вообще въ людяхъ не значительныхъ. Для неблаговидныхъ поступковъ начальниковъ и вообще сильныхъ людей у Каспара Осипыча было нѣсколько условныхъ фразъ, выражавшихъ вмѣстѣ и терпимость и нежеланіе вмѣшиваться не въ свое дѣло, каковы:

— «Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ! — Легко видѣть спицу въ чужомъ глазу... — Большому кораблю большое и плаваніе...» и т. д.

Потому что, изволите видѣть, Каспаръ Осипычъ, въ третьихъ, былъ истый служака, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ службу Фамусовъ и какъ еще многіе понимаютъ ее у насъ, то есть, въ смыслѣ прислуживанья лицамъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, хотъ мы и могли бы насчитать у Каспара Осипыча еще съ десятокъ или болѣе столь же похвальныхъ качествъ, однако до времени ограничиваемся этими. Каспаръ Осипычъ былъ глубокомысленный человѣкъ, имѣлъ пристрастіе къ чтенію философскихъ и вообще серьезныхъ сочиненій, любилъ съ умными людьми пускаться въ важные диспуты и даже сдѣлалъ не малую услугу политической экономіи, открывши, что питейное отдѣленіе казенной палаты, приноситъ государственному организму огромную пользу и что со временемъ, вѣроятно, и другія европейскія государства и даже Америка позаимствуютъ у насъ его «организацию». Это подлинныя слова Каспара Осипыча, который всегда, произнося слова «организмъ», «организациа» почему-то приподнималъ дугообразно брови и нижнею губою покрывалъ верхнюю, вслѣдствіе чего все лицо его получало выраженіе необыкновенной торжественности и даже нѣкоторой таинственности.

Таковъ былъ главный, непосредственный начальникъ всѣхъ существовавшихъ и имѣвшихъ быть построенными при немъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ въ т-ской губерніи.

Мы застали его погруженнымъ въ разговоръ о Пасквецѣ съ Иваномъ Тарасычемъ Кандаловымъ, начальникомъ ссыльной экспедиціи и чадолюбивѣйшимъ изъ родителей въ мірѣ.

— Погрязь, совершенно справедливо говорите вы... воскликнулъ Каспаръ Осипычъ, дѣлая кислую гримасу, которою хотѣлъ выразить свое праведное негодованіе: — именно, погрязь, повторилъ онъ, ударяя на букву *рцы*: — глубокая безнравственность этого молодаго человѣка ни съ чѣмъ не можетъ быть лучше сравниваема, какъ съ лужею грязи, въ которую онъ погрузился...

— По самыя уши, такъ-таки по самыя уши погрузился... подтвердилъ Иванъ Тарасычъ, погружая носъ въ табакерку, изъ которой вынулъ его поразительно-похожимъ на картофелю, только что вырытую изъ земли. — Но, продолжалъ чадолюбивый родитель, ставя табакерку и принимаясь носовымъ платкомъ обтирать картофелину: — но, любезнѣйшій Каспаръ Осипычъ! Позвольте вамъ откровенно выразить мое душевное мнѣніе... Извините великодушно, если оно не понравится вамъ... Я, право, не могу не удивляться вашему долготерпѣнію и кротости относительно этого молодаго человѣка, который ведетъ себя ужъ черезъ-чуръ позорно... Ни на что не похоже!...

— Но что жъ прикажете мнѣ дѣлать? возразилъ Шымра: — я и самъ вижу, что его поведеніе изъ рукъ вонъ.... Да придраться къ нему мудрено.... По службѣ сдѣлался исправень такъ, что не успѣваемъ даже прочитывать его донесеній и просматривать плановъ; пить совершенно бросилъ.... А что женщину эту взялъ къ себѣ въ домъ и такъ нагло живетъ съ нею, такъ это не касается казенной палаты....

— Какъ? воскликнулъ Кадаловъ: — вы утверждаете, почтеннѣйшій Каспаръ Осипычъ, что поведеніе барона, который публично разѣзжаетъ по заводу съ рабочею, одѣтою въ мужское платье, не касается васъ?... Да, помилуйте, кто же прямой начальникъ завода, какъ не вы?

— Я... важно произнесъ Шымра, наклонивъ голову въ знакъ утвержденія.

— Кто начальникъ барона?

— Я....

— Кто отвѣчаетъ за нравственность подчиненныхъ и имѣетъ законную власть надъ ними?

— Начальникъ....

— Слѣдовательно?...

— Слѣдовательно.... повторилъ Шыбра, послѣ чего наступило минутное молчаніе, которое Каспаръ Осипычъ первый прервалъ, торжественнымъ тономъ произнеся:

— Слѣдовательно, въ попущеніи всего этого безнравственнаго дебоша должны быть обвинены вы, вы, многоуважаемый Иванъ Тарасычъ, и никто, кромѣ васъ.

Кандаловъ раскрылъ ротъ и выпучилъ глаза на своего собесѣдника.

— Да, продолжалъ Шыбра съ улыбкой самодовольства и торжества: — позвольте мнѣ побить васъ вашимъ же оружіемъ.... Кто начальникъ ссыльной экспедиціи?

— Я.... въ крайнемъ недоумѣніи, тономъ жертвы, ведомой на закланіе, отвѣчалъ Кандаловъ.

— Какое присутственное мѣсто имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи надзоръ за поведеніемъ сосланныхъ въ заводы?

— Экспедиція о ссыльныхъ....

— Кому дана для этого власть надъ ссыльными?

— Мнѣ.

— Кто же, какъ не вы, виною, что эта баба безнаказанно безчинствуетъ въ заводѣ?...

— Но что же мнѣ дѣлать съ нею? Вы сами знаете, любезнѣйшій Каспаръ Осипычъ, что для сосланныхъ женщинъ въ заводахъ нѣтъ положенной работы и что поэтому ужъ изстари заведено отдавать ихъ въ услуженіе заводскимъ чиновникамъ.... Если бы я теперь захотѣлъ отнять у барона эту полковницу, какъ ее называютъ въ заводѣ, которая значится у него въ услуженіи, то баронъ объявилъ бы справедливую претензію на то, что у другихъ чиновниковъ остаются значущія у нихъ въ услуженіи рабочія.... Да этого и вообще сдѣлать нельзя.... такъ-таки прямо — невозможно!

Произнеся послѣднія слова, чадолюбивѣйшій изъ родителей замолчалъ и вперилъ въ своего собесѣдника вопросительный взглядъ.

— Кто жъ говорить объ этомъ? хладнокровно возразилъ Шыбра: — для чего отнимать ее у барона? Это значило бы подать поводъ къ скандалу.... Баронъ сталъ бы противиться, жаловаться.... Завязалась бы переписка, вслѣдствіе которой,

пожалуй, еще и у всѣхъ чиновниковъ отобрали бы рабочихъ женщинъ....

— Но что же дѣлать въ такомъ случаѣ? воскликнулъ Кандаловъ, тономъ, въ которомъ нельзя было не замѣтить вліянія страха передъ гнѣвомъ дочери, если Пасквецъ не будетъ освобожденъ отъ чаръ Жемчужиной и возвратенъ въ т-ское общество, какъ добыча для невѣсть.

— Странно, отвѣчалъ Шыра докторальнымъ тономъ: какъ вы сами не догадываетесь, что дѣлать?... По моему мнѣнію, дѣло самое простое.... Составить, на основаніи дошедшихъ слуховъ въ ссыльной экспедиціи постановленіе о крайне неблаговидномъ и безнравственномъ поведеніи рабочей Жемчужиной, вытребовать ее сюда въ Т-скъ и, на основаніи данной вамъ власти, отправить ее, какъ не только не исправившуюся, но и дурно ведущую себя въ заводѣ рабочую, въ одинъ изъ заводовъ восточной Сибири....

Лицо Кандалова расцвѣло радостною улыбкою.

— И въ-самомъ-дѣлѣ.... воскликнулъ онъ, схватывая руку Шыры и съ чувствомъ пожимая ее: — какъ благодарить васъ, достойнѣйшій Каснаръ Осипычъ, за эту вполне гениальную мысль?... И какъ она самому мнѣ не пришла въ голову?... Вѣдь найдетъ же такой туманъ.... Дѣло въ рукахъ у тебя, а ты ищешь его въ тридесятomъ царствѣ.... Вы не повѣрите, какъ я радъ....

— Вѣроятно, подхватилъ Шыра съ двусмысленною улыбкою: — вѣроятно, почтеннѣйшій Иванъ Тарасычъ, вы радуетесь тому, что такимъ способомъ прекратится соблазнъ, къ которому поведеніе Пасквеца и Жемчужиной подають поводъ въ заводѣ, и добродѣтель снова восторжествуетъ, а порокъ....

— Будетъ наказанъ, достойно наказанъ.... перебилъ Кандаловъ. — Именно! Вы совершенно угадали мою мысль.

VII.

Съ того самого дня, какъ Жемчужина переѣхала жить къ Пасквецу, смотритель ни разу не бывалъ у этого послѣд-

няго. Хотя между ними не было никакой явной размолвки, однако баронъ понялъ, что Надаровъ сердится на него и, какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что вообще пересталъ искать общества постороннихъ людей, до котораго и прежде былъ небольшой охотникъ, бывалъ у Никиты Спиридонича только тогда, когда того настоятельно требовали служебныя дѣла, да и то старался, если можно, заставить его не дома, а въ заводской конторѣ. Встрѣчаясь въ этихъ случаяхъ, они были вѣжливо-холодны другъ съ другомъ, и какъ деликатные люди, обоюднo избѣгали разговоровъ о домашнихъ обстоятельствахъ, для того, чтобы ходомъ разговора не быть вынужденными къ непріятнымъ для обoихъ намекамъ объ извѣстномъ обстоятельстве.

Но вотъ.... однажды, когда, вставъ послѣ охоты довольно поздно, Пасквецъ часу въ десятомъ сидѣлъ съ Жемчужиной за чайнымъ столомъ, вошедшій Худаковъ доложилъ, что смотритель прислалъ немедленно просить его къ себѣ для важныхъ объясненій по дѣламъ службы.

— Ужъ этотъ мнѣ службистъ! съ досадою сказалъ баронъ, набивая и закуривая трубку: — у него вѣчно — важныя объясненія о пустякахъ.... Всякую бумажонку казенной палаты считаетъ дѣломъ, отъ котораго чуть не зависятъ равновѣсія Европы....

— Хоть бы ты сказалъ «Азіи».... перебила Жемчужина: — вѣдь мы въ Азіи, мой милый, и еще въ той части Азіи, для которой и распоряженія казенныхъ палатъ, въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, могутъ быть важнымъ шагомъ къ прогрессу....

— Шагомъ въ сторону.... съ досадою пробормоталъ Пасквецъ и началъ одѣваться.

— Но отчего же, возразила Надежда Иларіоновна, помогая ему въ его занятіи не хуже самаго исправнаго камердипера: — отчего сегодня ты такъ нерасположенъ послѣдовать этому обязательному приглашенію начальника?... Вѣдь, для разнообразія иногда и распоряженія казенныхъ палатъ не мѣшаютъ....

— Отчего? повторилъ въ задумчивости баронъ. — А правду сказать, я и самъ не вполне понимаю хандру, которая

нашла на меня вслѣдствіе этого приглашенія... Когда Степанъ только показался въ дверяхъ, что-то какъ-будто кольнуло меня предчувствіемъ... Ужъ, вѣрно, новыя непріятности ожидаютъ меня... Такъ-вотъ и поетъ душа...

— Полно, другъ мой! воскликнула Жемчужина тономъ беззаботной веселости, который былъ не совсѣмъ въ ладу съ серьезнымъ выраженіемъ ея лица: — Вѣдь, вмѣстѣ размыкаемъ горе... Вдвоемъ все легче... Выговоры и нахлобучки казенной палаты столько же относятся ико мнѣ, сколько къ тебѣ, потому что я, твой секретарь и чертежникъ, ужъ непременно участвовала въ неисправности, за которую тебя казнить...

Но притворная веселость молодой женщины въ этотъ разъ не сообщила ея любовнику, который, одѣвшись, съ пасмурнымъ лицомъ обнялъ ее и, разсѣянно поцѣловавъ, вышелъ изъ дому.

Надежда Иларіоновна, до конца выдержавъ принятую маску веселости, и проводивъ Пасквеца, мгновенно стала грустна. По своему обыкновенію она принялась за гитару, чтобы музыкою разогнать свою безотчетную печаль. Настроивъ инструментъ, она запѣла свою любимую изъ народныхъ пѣсень:

«Осѣдаю коня, коня быстро!»

Вдругъ, посреди втораго куплета, въ которомъ старая баба тоска отвѣчаетъ доброму молодцу князю, пѣніе Жемчужиной было прервано приходомъ Степана. Вѣрный слуга барона медленно отворилъ двери и, переступивъ за порогъ, молча, переминаясь съ ноги на погу. ждалъ, пока Жемчужина кончитъ куплетъ. Довольно глупое, крупное лицо его выражало вмѣстѣ и желаніе сказать что-то, и легкое замѣшательство, и еще какое-то тяжелое раздумье, что въ иное время очень рѣдко случалось выразить ему. Это обстоятельство должно было своею необычайностью поразить Жемчужину, которая, не оканчивая куплета, перестала пѣть и, медленно перебирая струны гитары, спросила:

— Что ты, Степа? Нужно тебѣ чего-нибудь?

— Прекрасно изволите пѣть, сударыня... сказалъ Степанъ,

видимо избѣгая прямаго отвѣта на вопросъ Надежды Иларіоновны: — Такъ солдатское сердце и надрывается о бѣдномъ князѣ, что погубила тоска, тоска горькая... присовокупилъ онъ словами пѣсни, не разъ слышанной имъ.

Жемчужина видѣла, что Степанъ не даромъ пускается въ музыкальныя разсужденія и, начиная беспокоиться, поспѣшила перебить его восклицаніемъ:

— Да, сдѣлай милость, Степушка, если имѣешь что-нибудь сказать мнѣ, не томи напрасно... Говори!.. Вѣдь, я вижу, что у тебя что-то на языкѣ вертится...

Степанъ, какъ-будто пойманный на непосозвоительномъ дѣлѣ, заморгалъ глазами и нѣсколько секундъ молча шевелилъ губами, прежде нежели произнесъ голосомъ, въ которомъ замѣтно было усиліе:

— Вертится-то вертится, сударыня! Нечего лгать... Точинно вертится на языкѣ... Да ишь, вѣдь, не слушается подлецъ-языкъ... И приказываю—не слушается, озарникъ эдакой...

— Да полно тебѣ шутить, Степа! снова перебила Жемчужина съ блѣдною улыбкою.

— Да плохи шутки, сударыня. . скороговоркою произнесъ Степанъ, какъ-будто довольный тѣмъ, что заставилъ языкъ повиноваться, и боясь, чтобы онъ снова не заозарничалъ: — Плохи шутки, коли такъ! Вѣдь, васъ требуютъ, матушка Надежда Иларіоновна... И Степанъ машинально засунулъ руку за пазуху своего потертаго деньщикаго куртука, подъ которымъ его доброе сердце било въ эту минуту тревогу.

Жемчужина слегка поблѣднѣла.

— Требуютъ? Кто требуетъ? спросила она твердымъ голосомъ, прямо смотря въ лицо слугѣ, и стараясь заранѣе прочитать отвѣтъ въ его глазахъ.

— Требуетъ начальство! отвѣчалъ Степанъ тономъ виноватаго.

— Куда?

— Въ контору...

— Зачѣмъ?..

— Не можемъ знать зачѣмъ... А только говорить Лаврентій, нарядчикъ-то, если изволите знать...

— Знаю, знаю! Чтѣ же онъ говоритъ?... Чтѣ-жъ ты замолчалъ, Степанъ?

— Да говорить, что не за добромъ требуютъ...

Жемчужина, выведенная изъ терпѣнія полу-отвѣтами Степана, съ рѣшительнымъ видомъ встала и подошла къ двери. Лицо ея, мало-по-малу, начало принимать выраженіе презрительной энергіи. Она быстро отворила дверь, ведущую въ переднюю верхняго этажа и, увидѣвъ стоявшаго тамъ нарядчика Лаврентья, спросила:

— Зачѣмъ, любезный, меня требуютъ въ контору?..

— Боюсь соврать, сударыня! отвѣчалъ, низко кланаясь нарядчикъ: — А писаря говорятъ, что бумага про васъ пришла изъ Т-ска, чтобъ, немедля ни полу-часу, отправить васъ туда въ острогъ...

— Меня? въ острогъ? За что? съ удивленіемъ, но уже вполне овладѣвъ своимъ страхомъ, спросила Жемчужина.

— А этого-то не говорятъ писаря... произнесъ Лаврентій, разводя руками: — Вишь, бумага-то о тебѣ, матушка, секретная... Оно, значить, и нельзя сказать — почтѣ, да зачѣмъ, да за что?.. А сами узнать изволите, когда будете на мѣстѣ...

Жемчужина молча прошла по комнатѣ, какъ-бы соображая, чтѣ ей дѣлать; потомъ, снова приближаясь къ дверямъ, сказала:

— Но нельзя же мнѣ уйти безъ хозяина дома.. Подождемъ, пока баронъ придетъ отъ зрителя...

Лаврентій почесалъ въ затылкѣ въ видимомъ замѣшательствѣ и медленно возразилъ:

— Приказано тотчасъ же привести васъ, матушка, ваше высокоблагородіе...

Этимъ послѣднимъ величаніемъ, онъ очевидно хотѣлъ смягчить суровость, возложеннаго на него порученія.

— Они дѣлають это нарочно... воскликнула Жемчужина, сверкнувъ глазами, и вслѣдъ затѣмъ презрительно-жолчная усмѣшка улеглась на ея губахъ: — трусы! храбрости достаетъ

у. нихъ только на то, чтобы обижать беззащитную рабочую... Небось, дождались, когда Александра нѣтъ дома...

Лаврентій опять почесалъ за ухомъ.

— Не наше дѣло разсуждать объ эвтимъ, матушка... сказалъ онъ: — Наше дѣло, чтó приказано — сдѣлать, куда прикажутъ, идти, кого привести велятъ, привести... Вотъ въ чемъ наша, т. е., обязанность состоятъ... Ну, а чтó же касается прочаго всего, али разсужденія какого, это не наше дѣло... Одначе, сударыня, смѣю доложить... идти пора... Вѣдь, меня, неравенъ-часъ: къ отвѣту еще за проволочку требуютъ...

— Но какъ же мнѣ идти безъ барона?..

— А такъ, просто, и идти, потому что... сами извольте знать... приказано...

— Но если меня намѣрены отправить въ Т-скъ, то надо же мнѣ взять съ собою свои вещи...

— И эвтого не могу знать... Только про эвто писаря ничего не сказали... Знаете — вышелъ въ сѣни старшій писарь, да и говоритъ мнѣ: Ступай къ лѣсническому и сію же минуту приведи оттоля находящуюся у него въ услуженіи рабочую Надежду Жемчужину, прозванную въ заводѣ полковницей... Такъ только и сказалъ... Пожалуйте же, матушка, Надежда Ларионовна... Вѣдь не мы бьемъ, насъ бьютъ.. Пожалуйте!..

— Видя, что не сговорить съ нарядчикомъ, Жемчужина молча накинула на голову большой шейный платокъ, сверхъ ситцеваго утреннаго капота надѣла свой мужской полушубокъ и бодро направилась къ выходу изъ комнаты.

Степанъ, во все продолженіе предыдущей сцены стоявшій около дверей безмолвнымъ, хотя, какъ показывали перемѣны въ его лицѣ, не безучастнымъ зрителемъ, когда молодая женщина поровнялась съ нимъ, вдругъ наклонился и протянулъ обѣ руки къ ея рукѣ.

— Ручку! Дайте ручку на прощанье, Надежда Ларионовна! пробормоталъ вѣрный слуга барона голосомъ, исполненнымъ истиннаго чувства.

— Прощай, Степа! сказала Жемчужина, предоставляя ему руку, которую онъ нѣсколько разъ нѣжно поцѣловалъ: — Мы

съ тобой, кажется, дружно жили, Степа! продолжала полковница, слѣдуя за нарядчикомъ, который отворялъ дверь на лѣстницу: — Не ссорились... Тебѣ не за что помянуть меня лихомъ... А впрочемъ кто знаетъ?.. Можетъ-быть, я и обидѣла тебя когда-нибудь не хотя... Въ такомъ случаѣ, прошу тебя не помнить зла...

Степанъ не отвѣчалъ ни слова, но видно было, что не враждебное чувство заграждало ему уста, а напротивъ опасеніе, что, при первомъ словѣ, слезы брызнуть у него изъ глазъ. Между тѣмъ, онъ продолжалъ машинально слѣдовать за Жемчужиной, которая шла рядомъ, но на четверть шага позади нарядчика.

— Береги своего барина, Степушка! говорила Надежда Иларіоновна: — Кланяйся ему отъ меня... Скажи, что я не хотѣла уйти безъ него, но что меня увели почти силою... Только, смотри, не вини Лаврентья, а то баронъ будетъ сердиться на невиннаго ни въ чемъ человѣка...

Отъ дома лѣсничаго до конторы всего было шаговъ полтора. На полу-пути къ шедшей группѣ выбѣжалъ писарь, съ испитой, небритой физиономіей, одѣтый въ нанковый сюртукъ, который весь былъ покрытъ чернильными пятнами, а на локтяхъ разорванъ.

— Ну, что, вы? Скоро ли? кричалъ онъ, грозя кулакомъ: — Вѣдь, сказано, скорѣе! Казакъ, вишь, дожидается, анаома! Не бось, Лаврентій, залюбезничался съ полковницей-отъ... аль съ баронессей... Фу! Не знаешь — какъ и величать!...

Холодный, серьезный взглядъ, которымъ Жемчужина встрѣтила остроту наглеца, заставилъ его замолчать.

— А, вѣдь, король-баба, что ни говори! пробормоталъ онъ, смотря на нее, когда она проходила мимо него, и потомъ медленно побрелъ слѣдомъ.

У конторскаго крыльца стояла телѣга, запряженная парой обывательскихъ кляченокъ. На дворѣ стоялъ холодный, сырой май, съ утренниками, грязью по ступицу колесъ, травкой кой-гдѣ и снѣгомъ въ лощинахъ, май сибирскій, не пмѣющій ничего общаго съ нѣмецкимъ Lenz, французскимъ

grintęps или польскимъ kwiesien, — май суровый, рѣзкій, печальный.

Жемчужина, вслѣдъ за нарядчикомъ, быстро взбѣжала по ступенямъ конторскаго крыльца, между тѣмъ, какъ Степанъ, понуривъ голову, брель въ противную сторону, домой. Когда молодая женщина вступила въ конторскія сѣни, писцы выбѣжали взглянуть на нее: на лицахъ всѣхъ ихъ выражалось любопытство съ примѣсью, у однихъ, сожалѣнія, у другихъ злорадованія, наконецъ у третьихъ безъ всякой примѣси.

— Войдите туда! сказалъ письмоводитель, сидѣвшій на одномъ изъ ближайшихъ къ отвореннымъ дверямъ стулъ и не приподнявшійся при входѣ Жемчужиной. Онъ указалъ на дверь въ другую комнату.

Надежда Иларіоновна быстро пошла въ указанномъ направленіи и вступила въ комнату присутствія, грязную, плохо освѣщенную двумя небольшими окнами.

Здѣсь, на одномъ изъ стульевъ, стоявшихъ по бокамъ длиннаго стола, покрытаго темнымъ сукномъ, сидѣлъ заводскій казначей, Василий Ивановичъ Зубаревъ, маленькій человекъ, носившій на лицѣ несомнѣнные слѣды постоянно невоздержной жизни. Онъ устремилъ на вошедшую занявшіе красные глаза и сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Господинъ смотритель поручилъ мнѣ отправить васъ въ Т—скъ... Какъ онъ самъ и супруга ихняя, Катерина Яковлевна, интересовались вами вначалѣ, то господинъ смотритель и совѣстятся отправлять васъ...

— Не можете ли вы сказать мнѣ, перебила Жемчужина, не обращая вниманія на послѣднія слова казначея: — для чего меня везутъ въ Т—скъ?

— Когда старшіе говорятъ, важно произнесъ Василий Ивановичъ: — арестантъ обязанъ молчать и слушать...

— Вы не старшій надо мною... рѣзко возразила Надежда Иларіоновна.

— А кто же я? спросилъ Зубаревъ, въ удивленіи выучивъ глаза на Жемчужину, которая спокойно смотрѣла на него, какъ на какую-то постороннюю для себя вещь, какова: мебель, или другое что въ этомъ родѣ.

— Намѣрены вы отвѣчать на мой вопросъ или нѣтъ? послѣ минутнаго молчанія спросила она.

— Нинѣтъ! отвѣчалъ Зубаревъ съ сосредоточенной злобой: — Ссадитесь въ телѣгу, что у конторы, и съ Богомъ... Тамъ вамъ все скажутъ, въ Т—скѣ, пожалуй еще и напишутъ кое-что... или пшпропишутъ... кое-что...

Жемчужина, не слушая болѣе его дерзостей, гордо повернулась къ нему спиною и медленнымъ шагомъ вышла изъ конторы. Казначей черезъ минуту, молча, послѣдовалъ за нею; вслѣдъ за нимъ вышелъ письмоводитель, а тамъ и всѣ писцы, которые окружили телѣгу.

Жемчужина быстро вскочила въ нее.

— А что, скоро будетъ казакъ-ать? спросилъ ямщикъ одного изъ писарей, глазѣвшихъ на арестантку.

— Онъ у смотрителя... отвѣчалъ спрошенный: — Вишь, бумаги ему выправляетъ самъ на дому, и булгахтеръ тамъ, и лѣсничій, говорятъ, тоже тамъ...

Жемчужина, усѣвшись на кучѣ сѣна, положеннаго между креслами, пристально смотрѣла въ даль; глаза ея были сухи, лицо неподвижно, даже презрительная улыбка исчезла съ него: оно было серьезно, какъ лицо человѣка занятаго важнымъ дѣломъ или обдумывающаго свое положеніе. Одна мертвенная блѣдность щекъ свидѣтельствовала о внутренней тревогѣ въ груди молодой женщины.

VIII.

Между тѣмъ какъ описанныя нами событія быстро слѣдовали одно за другимъ, не давая Жемчужиной времени сообразить ихъ, Пасквецъ, пришедши къ смотрителю, который, какъ мы выше видѣли, пригласилъ его къ себѣ для безотлагательныхъ объясненій по дѣламъ службы, былъ встрѣченъ имъ съ видомъ замѣшательства, проглядывавшаго сквозь необыкновенную вѣжливость и предупредительность его.

— У васъ до меня дѣло? сказалъ баронъ, чтобы скорѣе узнать причину этихъ явленій.

— Да, есть, любезнѣйшій Александръ Карлычъ! отвѣчалъ смотритель: — Есть дѣло, можетъ быть, имѣющее для васъ нѣкоторое значеніе!... Но, вотъ видите, я не охотникъ объявлять неприятыя новости, и потому прошу васъ хладнокровно прочесть, вотъ, эту бумагу, въ которой дѣло изложено... Предупреждаю васъ только, что я въ этомъ дѣлѣ, до сей минуты, не имѣлъ ни малѣйшаго участія... Надѣюсь, вы повѣрите моему честному слову, которымъ я не привыкъ шутить!... Все это какой-то подлый доносъ, и я желалъ бы узнать, кто сочинилъ его, для того, чтобы, въ силу данной имъ власти, доказать негодяю, что хозяинъ завода я, и надзоръ за поведеніемъ подвѣдомственныхъ мнѣ лицъ принадлежитъ одному мнѣ... Теперь же, я, въ официальной бумагѣ, которая уже составлена и находится въ перепискѣ, доношу т—ской экспедиціи о ссыльныхъ, что большая часть слуховъ, дошедшихъ до начальника ея, несправедливы, а остальные преувеличены и въ подробностяхъ грѣшатъ противъ истины...

Въ началѣ своей рѣчи, произнесенной тономъ чистосердечія и нѣкоторой торжественности, Надаровъ взялъ со стола бумагу, которую до-тѣхъ-поръ держалъ въ рукахъ, пока не кончилъ рѣчи. Произнеся послѣднія слова, онъ протянулъ бумагу Пасквецу, который внимательно слушалъ его, но по-видимому ничего не понялъ изъ его словъ, и машинально взялъ у него изъ рукъ бумагу.

Но по прочтеніи первыхъ же строкъ, лицо лѣспичаго выразило испугъ, который, очевидно, мало-по-малу, сталъ переходить въ чувство сосредоточенной ярости, и наконецъ въ дикую горестъ. Движенія этого лица, безпрестанно переходившаго изъ яркой краски въ мертвенную блѣдность, и которое по временамъ судороги искажали до невѣроятной степени, не оставлявшей въ немъ и малѣйшаго сходства съ тѣмъ же лицомъ, какъ оно было въ спокойномъ состояніи, выраженіе глазъ, налившихся кровью, то вспыхивавшихъ огнемъ, какъ глаза геенны, раздраженной близостью врага, то вдругъ померкавшихъ и становившихся похожими на глаза покойника, все это не можетъ быть вполне передано въ описаніи, какъ не могутъ быть описаны и самыя душевныя бури, подобныя испытываемой барономъ. Ибо слово, какъ выра-

женіе отвлеченнаго понятія, не въ силахъ включить въ себѣ жизненной жилы, бьющей въ каждомъ индивидуальномъ явленіи.

Бумага, которую читалъ Паскевецъ и которая произвела на него такое огромное и разнообразное впечатлѣніе, была предписаніе начальника т—ской ссыльной экспедиціи смотрителю завода о томъ, чтобы немедленно выслать въ городъ для заключенія въ острогъ Жемчужину, которая, по дошедшимъ до экспедиціи несомнѣннымъ слухамъ, примѣромъ своего поведенія въ заводѣ вредитъ общей нравственности ссыльных и потому должна, какъ для собственнаго исправленія, столько же и въ видахъ общей пользы, быть сослана въ одинъ изъ заводовъ восточной Сибири по благоусмотрѣнію т—ской ссыльной экспедиціи. Между прочимъ въ предписаніи говорилось, что рабочая Надежда Жемчужина, по прибытіи въ заводъ, взятая въ услуженіе самимъ смотрителемъ, черезъ непродолжительное время, за неоднократныя покражи и постоянное пьянство, была прогнана имъ, что, живя въ услуженіи у барона, она продолжаетъ пьянствовать и, какъ надо заключить изъ того, что была замѣчена въ переодѣваніи въ мужское платье, вѣроятно, подъ видомъ мужчины участвуетъ въ коннокрадствѣ и грабежахъ съ сосѣдними крестьянами.

Впродолженіе всего времени, въ которое Паскевецъ читалъ бумагу, Надаровъ, стоя поодаль, наблюдалъ за нимъ и съ ужасомъ читалъ на его лицѣ выраженіе страданій его. Когда же наконецъ рука барона, державшая бумагу, какъ бы въ изнеможеніи опустилась, и налившіеся кровью глаза остановили неопредѣленный, блуждающій взглядъ на смотрителя, послѣдній вздрогнулъ, встрѣтивъ въ этомъ взглядѣ искру безумія.

— Александръ Карлычъ! Что съ вами? невольно сорвалось съ языка Никиты Спиридоньча.

Баронъ, не обращая вниманія на это восклицаніе, сжалъ въ рукѣ и бросилъ на полъ прочтенную бумагу, потомъ всталъ и, подошедши на шагъ разстоянія къ смотрителю, произнесъ со стиснутыми зубами тихимъ, нѣсколько хриплымъ голосомъ:

— Они изверги! Ну! А вы, конечно, повинуетесь?...

— Только въ томъ отношеніи, посвятивъ отвѣчать На-

даровъ: — что отсылаю Надежду Иларіоновну въ Т-скѣ!...
 Самы согласитесь, почтеннѣйшій Александръ Карлычъ, могу ли поступить иначе?... Казаку приказано не возвращаться безъ Жемчужиной и даже, еслибъ она была больна, тащить ее въ Т-скѣ.... Но, какъ я уже говорилъ, я пишу въ своемъ донесеніи ссыльной экспедиціи....

Вошедшій письмоводитель прервалъ рѣчь смотрителя.

— Донесеніе въ экспедицію о ссыльныхъ, которое вы приказали переписать! сказалъ онъ, подавая Надарову бумагу.

Въ эту минуту на порогѣ передней появился рослый дѣтня въ казачьей формѣ.

— Отправить изволите меня? спросилъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, любезнѣйшій! торопливо произнесъ Надаровъ, и, выхвативъ бумагу изъ рукъ письмоводителя, обратился къ Пасквецу съ словами:

— Вотъ, добрѣйшій Александръ Карлычъ, бумага, изъ которой вы сами можете убѣдиться, если возьмете на себя трудъ прочесть ее — что я прилагаю всѣ свои старанія, чтобы доказать не справедливость доноса на несчастную Надежду Иларіоновну.... Но....

— Благодарю васъ.... отвѣчалъ Пасквецъ, какъ будто почувшись, такимъ тономъ, который ясно доказывалъ, что мысль его далека отъ благодарности.

Надаровъ хотѣлъ продолжать свои увѣренія въ участіи къ Жемчужиной, какъ вдругъ какая-то новая мысль блеснула въ глазахъ барона.

— Этотъ казакъ везетъ ее при бумагѣ въ Т-скѣ? скороговоркою произнесъ онъ тономъ вмѣстѣ выражавшимъ и вопросъ и увѣренность.

— Да! отвѣчалъ смотритель, которому сдѣлалось отчего-то вдругъ и досадно, и стыдно, что приходилось содѣйствовать такому вопіющему насилию.

— Прикажете вашему казаку сейчасъ же съѣздить ко мнѣ и велѣть, чтобы мнѣ привелъ къ конторѣ осѣдланную лошадь.... произнесъ Пасквецъ тономъ приказанія и, не раскланявшись съ смотрителемъ, не взглянувъ ни на кого, безъ палки выбѣжалъ изъ комнаты.

— Александръ Карлычъ! крикнулъ ему вслѣдъ Надаровъ, но, видя, что онъ исчезъ, вздохнулъ и сказалъ письмоводителю:

— Вы слышали, о чемъ просилъ баронъ?

— Слышалъ!

— Такъ поскорѣй велите же Климу съѣздить верхомъ въ домъ лѣсничаго и сказать, чтобы ему привели къ конторѣ лошадь.... Онъ въ такомъ состояннн, что движеніе и усталость одни могутъ быть полезны ему.... Безъ этого, онъ навѣрное сойдетъ съ ума....

И когда письмоводитель, произнеся обычное: «слушаю-съ!» торопливо вышелъ, смотритель присовокупилъ опять съ тяжелымъ вздохомъ:

— Не зналъ я, что онъ такъ любитъ ее.... Иначе.... А, впрочемъ.... И дѣлать-то, не придумаешь, что?... Такой случай!...

И онъ, насупившись началъ вполголоса пробѣгать принесенную письмоводителемъ бумагу, которую потомъ подписалъ и запечатавъ въ поданный при ней конвертъ, собственными руками передалъ казаку.

— Арестантка у конторы! Садись и поѣзжай, любезнѣйшій!... сказалъ Никита Спиридонычъ, опять тяжело вздыхая и печально покачивая головою.

— Прощенія просимъ, ваше высокоблагородіе, проревѣлъ казакъ и, звякнувъ шпорами, вышелъ изъ комнаты.

IX.

Жемчужина продолжала сидѣть на телѣгѣ, въ глубокой задумчивости вперивъ взоръ въ даль. Толпа зѣвакъ, окружавшая телѣгу и вначалѣ состоявшая изъ однихъ конторскихъ писарей, мало-по-малу увеличилась наплывомъ праздныхъ рабочихъ женщинъ и прислуги чиновниковъ.

Въ толпѣ раздавались восклицанія удивленія, состраданія, горькаго сарказма на начальство, издѣвающагося надъ безсиліемъ ближняго. Изрѣдка кто-нибудь изъ писарей обращался съ злобной ироніей къ полковницѣ, намекая на ея

прежнєе и теперешнее положеніе, но каждый разъ пѣсколько голосовъ поднималось на защиту несчастной и насмѣшникъ долженъ былъ прикусить языкъ.

Русскій крестьянинъ еще не привыкъ къ параллелямъ между своимъ и высшими сословіями. Онъ еще смотритъ на грань, раздѣляющую различныя состоянія, какъ на неизмѣнный фактъ, зависящій отъ породы или, какъ выражается, отъ «крови», и потому, а вовсе не по какому-то лежащему въ натурѣ простодюдна добродушію, понимаетъ страданія образованнаго человѣка отъ такихъ вещей, къ которымъ самъ привыкъ съизмала.

Надежда Иларіоновна не обращала ни малѣйшаго вниманія на эти проявленія сочувствія, злобы и любопытства. Она, повидимому, думала тяжкую думу, которой мы не беремся разгадывать.

Вдругъ смотрительскій казакъ верхомъ промчался по улцѣ. Жемчужина вздрогнула и посмотрѣла вслѣдъ ему: онъ поворотилъ къ дому лѣснаго и скрылся въ воротахъ его, потомъ черезъ три секунды промчался назадъ къ смотрительскому дому.

Надежда Иларіоновна машинально опять повернула голову къ смотрительскому дому, и первый предметъ, который встрѣтилъ ея взглядъ, былъ Пасквецъ, безъ шапки, въ одномъ сюртукѣ бѣжавшій къ конторѣ. Черезъ нѣсколько секундъ, толпа, окружавшая телѣгу, разступилась и баронъ въ одинъ прыжокъ счутился возлѣ Жемчужинной, блѣдный, съ растрепанными волосами, съ блуждающими восналенными глазами.

— Надя! говорилъ баронъ, съ трудомъ переводя дыханіе: Ты... они... я поѣду съ тобой въ Т—скъ... Если поддѣцы хотять обидѣть, я...

Баронъ испустилъ крикъ, не походившій на человѣческій голосъ.

— Я убью ихъ... прибавилъ баронъ тихо и вдругъ схватилъ руки молодой женщины и, осыпая ихъ поцѣлуями, зарыдалъ такъ, что близстоящіе сознавались, что въ жизнь еще не слыхивали такого рыданія и не видали такого отчаянія.

Вовсе продолженіе этой сцены, Жемчужина, которой лицо, уже при самомъ появленіи барона, потеряло всю свою торжественную неподвижность и выразило глубокую, дикую горестъ, Жемчужина твердила надорваннымъ голосомъ :

— Саша! Голубчикъ! Не плачь! Не отчаявайся! Можетъ быть, все это болѣе ничего какъ слѣдствіе ошибки, недоразумѣнія.... Можетъ быть, меня и выпустятъ тотчасъ же по приѣздѣ въ Т—скъ... Можетъ быть, оно и къ лучшему... манифестъ... прощеніе...

Бѣдняжка не знала содержанія предписанія ссыльной экспедиціи. Произнеся послѣднія слова, она положила руку на голову своего любовника, который продолжалъ рыдать, уткнувшись лицомъ въ ея колѣни, и молча, нѣсколько секундъ съ любовью смотрѣла на него.

Когда она подняла голову, взглядъ ея нечаянно упалъ на испитую физиономію казначея, который приблизился къ самой телѣгѣ, слышалъ ея слова и иронически улыбался ей.

Этотъ взглядъ возвратилъ Жемчужиной всю ея твердость: лицо ея опять выразило холодную преданность судьбѣ и гордое презрѣніе къ окружающему, и слегка приподымая голову рыдающаго барона, она произнесла рѣзкимъ, почти повелительнымъ тономъ :

— Саша! Соберись съ силами! Взгляни, передъ какими свидѣтелями ты плачешь!

Эти слова, казалось, проникли до сознанія барона: онъ пересталъ плакать и, отерши мокрое отъ слезъ лицо, обвелъ взглядомъ толпу, окружавшую телѣгу. Должно быть въ его взглядѣ было что-то магнетическое, потому что вся толпа, не исключая и самого казначея, сдѣлала, подъ вліяніемъ его, движеніе, похожее на то, которое невольно дѣлаетъ человѣкъ, ожидающій удара въ голову, и потомъ безсознательно стала расходиться въ разныя стороны.

Вскорѣ посреди конторской площадки осталась одна телѣжка, запряженная парю обывательскихъ клячонокъ, и на ней, кромѣ барона и его любовницы, ямщикъ, сначала удивленный появленіемъ и поступками Пасквеца, но потомъ флегматически задремавшій.

Тогда между барономъ и Жемчужиной, на жалкой телѣжонкѣ, за спиною дремлющаго ямщика произошла нѣмая сцена прощанія, въ которой было менѣе поцѣлуевъ, нежели рукопожатій и взглядовъ, исполненныхъ глубокаго драматизма.

Эта сцена была прервана приходомъ казака, долженствовавшаго сопровождать Жемчужину. Баронъ слѣзъ съ телѣга, на которую вскарабкался казакъ. Въ эту минуту Худаковъ привелъ Пасквецу осѣдланную лошадь, а смотрительскій слуга принесъ его фуражку и шинель.

Телѣга тронулась; баронъ, вспомнившій, что вещи Жемчужиной у него, велѣлъ Степану собрать ихъ, уложить въ тарантасъ и на слѣдующій станціи догнать поѣздъ.

Потомъ онъ, схвативъ фуражку, взвился на лошадь, и безъ шинели помчался вслѣдъ за скрывшейся за угломъ телѣгой.

Поручая Худакову запрещъ тарантасъ, Пасквецъ имѣлъ въ виду довести въ немъ до Т-ска Жемчужину и ея казака и, если послѣдній будетъ согласенъ, то и самому сѣсть съ ними. Но оказалось, что экипажъ понадобился совершенно для другой цѣли.

Когда Степанъ, одѣтый кучеромъ, сломя голову доскакалъ до первой отъ завода станціи, подвода, запряженная свѣжими обывательскими лошадьми, уже стояла у крыльца земской избы, въ телѣгѣ сидѣлъ на готовѣ ямщикъ, а казакъ, стоя на ней принималъ отъ двухъ ямщиковъ Жемчужину, погруженную въ глубокій обморокъ, и укладывалъ ее на сѣно, на сколько узенькая короткая телѣжонка позволяла улечься въ ней. У крыльца стояла привязанная баронская лошадь вся въ пѣнѣ. Самого Пасквеца не было видно.

— Что вы это, антихристовы дѣти, дѣлаете? вскричалъ Степанъ, останавливая тройку лихихъ коренастыхъ лошадокъ, которыми правилъ, и подбѣгая къ группѣ, возившейся около телѣги.

Казакъ, стоя на телѣгѣ, сердито взглянулъ внизъ на спрашивавшаго и угрюмо отвѣчалъ:

— Видишь, что дѣлаемъ, добрый человекъ... Бабу укладываемъ... Пропадай эта служба... Ну, наше ли дѣло съ ба-

бами возиться, да еще съ такими, съ леяцями... Вотъ, она у меня умретъ дорогою, такъ кто отвѣчать будетъ — и самъ не придумаю... А приказано немедленно доставить: ну, ждать и нельзя, когда очнется...

— А мой баринъ гдѣ? спросилъ Степанъ: Какъ онъ попускаетъ вамъ такое богомерзкое дѣло — обмершую барыню тащить въ городъ на вѣрную смерть...

— А какой такой твой баринъ? перебилъ одинъ изъ помогавшихъ казаку ямщиковъ.

— Да лѣсничій-отъ, розиня; не знаешь, что-ли? сердито закричалъ на него Степанъ.

— А лѣсничій-то лежитъ въ избѣ, связанный по рукамъ и по ногамъ! отвѣчалъ за ямщика казакъ: У него, видно, бѣлая горячка съ горя приключилась... И пѣна у рта, и кусатся, и все-такое... А меня за эту горемышную не вини, добрый человекъ; самъ знашь — служба не дружба... присовокупилъ казакъ, усаживаясь, въ видимомъ замѣшательствѣ, возлѣ лежавшей Жемчужиной.

Степанъ, не дослушавъ его послѣднихъ словъ, побѣжалъ въ земскую избу, гдѣ засталъ Пасквеца распростертымъ посреди пола на соломѣ, со связанными руками и ногами, и изрыгающимъ самыя неистовыя ругательства на весь міръ. Въ избѣ былъ страшный беспорядокъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что баронъ, не безъ боя, далъ связать себя. Онъ не узналъ Степана и только съ большимъ трудомъ былъ перевезенъ въ заводъ, гдѣ пролежалъ въ горячкѣ болѣе мѣсяца.

Воспользовавшись болѣзью Пасквеца и правомъ, предоставленнымъ экспедиціи о ссыльныхъ: — «рабочихъ, сосланныхъ въ заводы западной Сибири, если они снова провинятся въ чемъ-нибудь, или вообще, по истеченіи нѣкотораго времени, окажутся неисправимыми, безъ дальнѣйшаго суда, кромѣ тщательнаго удостовѣренія, сослать въ заводы восточной Сибири,» — Кандаловъ, со всѣми возможными натяжками, примѣнилъ къ Жемчужиной этотъ законъ. Дѣло, по всему видимому, было безотлагательное, потому что уже черезъ двѣ недѣли послѣ описанныхъ событій состоялось постановленіе ссыльной экспедиціи: «объ отправленіи въ одинъ

изъ заводовъ восточной Сибири несправившейся въ поведениі рабочей, Надежды Жемчужиной.»

Когда Надежду Иларіоновну, оставшуюся въ томъ же нарядѣ, въ которомъ казакъ вывезъ ее изъ завода, привели въ экспедицію, блѣдныя впалыя щеки, потухшіе глаза и частый кашель ея явно свидѣтельствовали, что она больна, что однако не помѣшало чадолюбивѣйшему изъ родителей объявить ей постановленіе экспедиціи.

Выслушавъ постановленіе, Жемчужина только горько улыбулась и гордо посмотрѣла въ глаза Кандамову, который не въ силахъ былъ вынести этого взгляда и, въ замѣшательствѣ отвернувшись отъ нея, сталъ рыться въ бумагахъ.

На другой день Надежду Иларіоновну отправили съ отходившею партіей, не смотря на то, что осторожный лѣкарь признавалъ ее, по болѣзненному состоянію, неспособною слѣдовать въ партіи.

Надаровъ прислалъ ей на дорогу денегъ и тѣ изъ ея вещей, которыя еще оставались въ заводѣ. Это дало Жемчужиной возможность нанимать подводу и покупать дорогою свою пищу.

Но уже на третьей дневкѣ, несчастная, которая, повидному, заболѣла летучею чахоткою, еще до ухода партіи, почти скоростижно умерла.

Въ партіи, въ которой Жемчужина слѣдовала, утвердилось мнѣніе, что она отравилась, какъ-то промысливъ себѣ яду. Но зная обстоятельства, предшествовавшія смерти Надежды Иларіоновны, нѣтъ никакой надобности объяснять ее насильственнымъ образомъ.

А впрочемъ, кому нужна — донскиваться причины смерти рабочей, притомъ еще умершей вдали отъ госпиталей и лѣкарей, на глухомъ этапѣ?...

Пасквеецъ выздоровѣлъ и сталъ жестоко пьянствовать, какъ увѣрялъ, съ горя по своей Надѣ.

Надаровъ еще нѣсколько лѣтъ былъ зрителемъ въ к—скомъ заводѣ, въ которомъ и умеръ отъ застарѣлой болѣзни. Катерина Яковлевна, послѣ его смерти, снова вышедшая замужъ за инженернаго офицера, очень располюбля, не

смотря на то, что имѣеть отъ втораго мужа болѣе полудюжины дѣтей.

Феничка не воспользовалась плодами отъ неблаговиднаго поступка своего чадолюбиваго родителя. Она еще нѣсколько времени подождала предложенія Пасквеца, но, видя, что онъ и не думаетъ жениться на ней, вышла замужъ за какого-то чиновника, которому, при всякомъ случаѣ, продолжаетъ твердить, что могла бы быть баронессой, еслибы не была его женой.

Съ Каспаромъ Осипычемъ Шымрой и барономъ Пасквецомъ мы, можетъ быть, еще встрѣтимся въ другомъ разсказѣ.

Ф. ТОЛЛЬ.

С. Петербургъ, 9 сентября 1859 года.

Ночь въ Соренто.

(Посвящается А. И. Майковой.)

Волшебный край! Соренто дремлетъ —
Умъ колобродитъ — сердце внемлетъ —
Тѣнь Тасса начинается пѣть.
Луна сіяетъ, море манитъ,
Ночь по волнамъ далеко тянетъ
Свою серебряную сѣть.

Волна скользя журчитъ подъ аркой,
Рыбакъ зажегъ свой факелъ яркій
И мимо берега плыветъ.
Надъ моремъ, съ высоты балкона,
Не твой ли голосъ, примадонна,
Взвился и замеръ. — Полночь бьетъ.

Холодной мѣди бой протяжный,
Будильникъ совѣсти продажной,
Ты не разбудишь никого.
Одно невѣжество здѣсь дышитъ,
Все исповѣдуетъ, все слышитъ,
Не понимая ничего.

Но отъ полуночнаго звона
Зачѣмъ твой голосъ, примадонна,
Оборвался и онѣмѣлъ?
Кого ты ждешь, моя синьора?
О, ты не та Элеонора,
Которую Торквато пѣлъ!

Кто тамъ на звукъ твоей гитары
Прошелъ въ тѣни съ огнемъ сигары?
Зачѣмъ махнула ты рукой,
Облокотилась на перила,
Лицо и кудри наклонила,
И вновь поешь: «О, идола мой!»

Объятый трепетомъ и жаромъ,
Я чувствую, что здѣсь не даромъ
Италія горитъ въ крови.
Луна сіяетъ, море дремлетъ —
Умъ колобродитъ — сердце внемлетъ —
Тѣнь Тасса плачетъ о любви.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

ГЛАВА III.

БЫТЬ СТУДЕНТОВЪ.

(1834—1839.)

Въ началѣ 1834 года совѣтъ университета обнародовалъ во всеобщее свѣдѣніе правила для желающихъ поступить въ число слушателей вновь открываемаго университета, назначивъ время приѣма отъ 1-го іюля до 15-го августа.

Предъ торжествомъ открытія университета, т. е., до 15-го іюля поданы были прошенія тремя воспитанниками кievской гимназiи, которые и были зачислены въ число студентовъ безъ испытанія, потому что окончательное испытаніе ихъ въ гимназiи происходило въ присутствiи и при содѣйствiи самихъ профессоровъ. Эти три первые студента университета св. Владимiра были: Валерiанъ Гиршъ, Владимiръ Превлоцкiй и Авксентій Потаповичъ*). Первый изъ нихъ поступилъ

*) Гиршъ (римско-католическаго исповѣданiя) и Потаповичъ (православнаго) изъ дворянъ кievской, а Превлоцкiй изъ дворянъ подольской губерніи (вѣроисповѣданiя православнаго). Портреты ихъ хранятся въ живописномъ кабинетѣ университета. Гиршъ по выпускѣ былъ опредѣленъ учителемъ греческаго языка во вторую кievскую гимназiю, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Потаповичъ сначала былъ учителемъ исторiи во второй кievской гимназiи, потомъ перешелъ въ вѣдомство министерства государственнхъ имуществъ и нынѣ состоитъ предсѣдателемъ витебской палаты государственныхъ имуществъ, въ чинѣ статскаго совѣтника.

въ первое отдѣленіе философскаго факультета, а два послѣдніе въ юридическій факультетъ *).

24-го іюля открытъ былъ испытательный комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора, составленный изъ профессоровъ богословія и ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ університета. Испытанія продолжались до 21-го сентября, хотя лекціи въ университетѣ открыты были 28-го августа. Всѣхъ подвергавшихся испытанію въ комитетѣ было семьдесятъ пять человѣкъ, изъ нихъ принято пятьдесятъ девять; такъ, что первоначальное количество слушателей університета, вмѣстѣ съ принятыми безъ испытанія, состояло изъ шестидесяти двухъ человѣкъ. Хотя по 44 §. проекта устава університета приемъ студентовъ назначался два раза въ годъ, но совѣтъ університета, встрѣтивъ къ этому различныя препятствія, просилъ у высшаго начальства и получилъ разрѣшеніе принимать студентовъ одинъ разъ въ году, предъ началомъ академическаго года.

Движеніе въ числѣ поступающихъ въ университетъ и выбывающихъ изъ него и въ общемъ числѣ слушателей его съ 183⁴/₅ по 183⁹/₁₀ годъ, или точнѣе съ сентября 1834 по январь 1840 года, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Число поступившихъ въ августѣ.	Число выбывающихъ въ теченіи года.					Число наличныхъ въ концѣ декабря.	
		По собственному желанію.	По распоряженію начальства.	Умершихъ.	Окончившихъ курсъ.	Всего.		
1834	62	—	—	—	—	—	62	
1835	70	12	—	—	—	12	120	+ 1,93
1836	92	7	2	—	—	9	203	+ 0,69
1837	83	19	4	—	—	23	263	+ 0,31
1838	92	48	5	4	31	88	267	+ 0,15
1839	69	40	151	1	19	211	125	— 2,13

*) Впрочемъ, Потаповичъ чрезъ годъ перешелъ въ первое отдѣленіе философскаго факультета.

Разсматривая эту таблицу мы видимъ, что университетъ, относительно числа своихъ слушателей, имѣлъ въ первые годы своей жизни возможность къ постоянному возрастанію: число поступающихъ и общее число студентовъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Но въ тоже время естественный ходъ сего приращенія останавливается числомъ студентовъ выбывающихъ изъ университета до окончанія курса, которое замѣтно увеличивается съ 1837 года. Время этого увеличенія числа выбывающихъ совпадаетъ съ открытіемъ въ университетѣ первыхъ чуждыхъ наукъ стремленій. Въ половинѣ 1837 года были удалены изъ университета и строго наказаны три студента, Ю. Буяльскій, П. Богдановичъ и С. Рутковскій, за распространіе между товарищами нѣкоторыхъ стихотвореній. Вслѣдъ за ними, въ мартѣ 1838 года, былъ исключенъ изъ университета за самовольную отлучку студентъ четвертаго курса, втораго отдѣленія философскаго факультета, Владиславъ Гордонъ. Это были первые признаки и предвѣстія тѣхъ печальныхъ событій, которыя повлекли за собою закрытіе университета въ январѣ 1839 года и удаленіе изъ него почти всѣхъ слушателей: изъ двухъ сотъ шестидесяти семи человѣкъ, бывшихъ въ концѣ 1838 года, онъ лишился двѣсти одиннадцать, въ числѣ которыхъ только девятнадцать было окончившихъ курсъ.

Ключъ къ объясненію возможности этихъ событій въ молодомъ университетѣ даетъ намъ между прочимъ цифра студентскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ и мѣсту первоначальнаго воспитанія.

По вѣроисповѣданіямъ.	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Греко-россійскаго	23	48	82	90	93	85
Римско-католическаго	30	61	104	164	164	35
Греко-уніатскаго	4	7	10	3	3	—
Армяно-католическаго	—	1	1	1	1	2
Протестантскаго	—	3	5	4	5	1
Еврейскаго	—	—	1	—	—	1
Магометанскаго	—	—	—	1	1	1
Итого . . .	62	120	203	263	267	125

Причисляя послѣдователей греко-унитскаго и армяно-католическаго исповѣданія, вслѣдствіе направленія господствовавшаго въ этихъ церквахъ въ Россіи въ тридцатыхъ годахъ, къ католикамъ, видимъ съ 1835 года успленіе католическаго элемента въ университетѣ.

Но не одно вѣроисповѣданіе даетъ извѣстное направленіе молодымъ людямъ: воспоминанія дѣтства и характеръ первоначальнаго воспитанія имѣютъ также важное вліяніе на выработку этого направленія. Въ рассматриваемый нами періодъ времени это послѣднее обстоятельство имѣло особенную силу: все образованіе нѣсколькихъ поколѣній на западъ отъ Днѣпра, не задолго предъ открытіемъ университета, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ католическихъ монастырей и польской народности. Отношеніе между числомъ воспитанниковъ западно-русскихъ и восточно-русскихъ училищъ въ университетѣ было, какъ видно изъ прилагаемой таблицы, слѣдующее:

Годы.	Въ восточныхъ училищахъ.	Въ западныхъ училищахъ.	Отношеніе.
1834	21	41	1 : 2
1835	33	67	1 : 2 $\frac{1}{3}$
1836	46	157	1 : 3 $\frac{1}{2}$
1837	60	203	1 : 3 $\frac{1}{2}$
1838	60	207	1 : 3 $\frac{1}{2}$
1839	85	40	2 $\frac{1}{2}$: 1

Число это распредѣляется слѣдующимъ образомъ, по разнымъ родамъ учебныхъ заведеній:

Годы.	Въ университетехъ.	Въ академіяхъ.	Въ лиціяхъ.	Въ гимназіяхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	Въ семинаріяхъ.	Въ частныхъ пансіонахъ.	Въ домахъ родителей.	Въ училищахъ правовѣдовъ.
1834	2	—	6	47	3	2	2	—
1835	5	1	5	94	3	6	6	—
1836	5	1	9	160	9	10	9	—
1837	4	1	11	211	4	5	27	—
1838	4	1	13	210	6	5	27	1
1839	4	1	1	103	13	—	2	1

Изъ этого видно, что наибольшимъ числомъ слушателей снабжали университетъ до конца 1839 года среднія учебныя заведенія, подъ которыми впрочемъ нужно разумѣть не одні гимназіи, но и уѣздныя и закрытыя монастырскія католическія училища, организованныя по уставу 1803 года почти въ объемъ нынѣшнихъ гимназій. За средними учебными заведеніями наибольшее число поступало въ университетъ изъ частныхъ пансіоновъ и домашняго воспитанія до 1839 года, когда загражденъ былъ доступъ въ здѣшній университетъ лицамъ, неокончившимъ курсъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. За то въ этомъ году значительно увеличилась цифра воспитанниковъ духовныхъ семинарій.

По происхожденію студенты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ :

Годъ.	Дворянъ.	Оберъ-офицерскихъ дѣтей.	Духовнаго званія.	Гражданъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Иностранцевъ.	Шляхты.	Козаковъ.
1834	51	6	3	1	—	1	—	—	—
1835	95	8	7	1	4	2	2	1	—
1836	173	6	8	2	4	6	1	2	1
1837	235	—	7	3	6	5	2	1	2
1838	235	—	7	3	8	5	4	1	2
1839	94	—	15	3	5	4	2	1	1

Таблица показываетъ, что все почти населеніе университета состояло изъ дворянъ (потомственныхъ и личныхъ), всѣ прочія состоянія, кромѣ духовнаго, почти незамѣтны въ составѣ студентовъ. Дворяне же въ западныхъ губерніяхъ, какъ извѣстно, принадлежатъ по преимуществу къ римско-католической церкви и къ польской народности. Среднее отношеніе между студентами изъ податныхъ и студентами изъ не платящихъ податей состояній, равняется за всѣ шесть лѣтъ, 1 : 13 $\frac{1}{3}$; самое неблагопріятное въ первый годъ — 1 : 30, самое благопріятное въ послѣдній — 1 : 7. Слушателей изъ крѣпостнаго состоянія вовсе нѣтъ.

Возрастъ поступающихъ въ университетъ въ первые годы его существованія, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, былъ благопріятенъ для сознательнаго слушанія университетскихъ чтеній.

Поступили.	Въ 1834.	Въ 1835.	Въ 1836.	Въ 1837.	Въ 1838.	Въ 1839.
14-лѣтнихъ	1	—	—	—	—	—
15 —	1	—	1	—	—	—
16 —	3	5	6	—	—	1
17 —	13	10	16	4	1	8
18 —	17	10	23	9	6	5
19 —	9	10	15	31	14	14
20 —	6	14	16	15	27	9
21 —	4	4	6	11	9	3
22 —	4	6	3	4	10	4
23 —	2	1	1	2	6	1
24 —	1	1	2	—	1	—
25 —	—	3	1	—	1	—
26 —	—	2	1	1	1	—
27 —	1	1	1	1	—	—
28 —	—	—	—	—	1	—

Соображая эти данныя, видимъ, что наиболѣе поступало въ университетъ девятнадцати-лѣтнихъ (93), затѣмъ двадцати-лѣтнихъ (87) и восемнадцати-лѣтнихъ (70). Число поступавшихъ въ шестнадцать лѣтъ, полагаемыхъ правилами, (15) почти равнялось числу двадцати-трехлѣтнихъ (13). Слишкомъ молодыхъ, не созрѣвшихъ (отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ) было менѣе (всего три) въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, которые при поступленіи въ университетъ находились въ возрастѣ почти возмужаломъ (24—28): ихъ было двадцать одинъ человѣкъ. Такое отношеніе, благоприятное для сознательнаго слушанія лекцій и самостоятельнаго умственнаго развитія, давало въ тоже время университету много людей съ болѣе или менѣе установившимися мнѣніями и выработаннымъ характеромъ, которыхъ перевоспитать уже было трудно по новой, данной университету нормѣ. Оттого и случилось, что не столько университетъ давалъ въ первые годы направленіе своимъ воспитанникамъ, сколько самъ принималъ направленіе, принесенное въ него большинствомъ слушателей: сдѣлался университетъ мѣстнымъ. Только съ общою переменною старыхъ слушателей на новыхъ онъ принялъ рѣзко новое направленіе.

Движеніе цифры университетскаго населенія по факультетамъ было слѣдующее:

		1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Первое отдѣленіе философскаго факультета.	Воспитанниковъ западныхъ русскихъ училищъ	6	16	26	40	46	8
	Воспитанниковъ восточныхъ русскихъ училищъ	7	9	10	10	9	15
		13	25	36	50	55	23
Второе отдѣленіе философскаго факультета.	Воспитанниковъ западныхъ русскихъ училищъ	12	26	42	58	62	12
	Воспитанниковъ восточныхъ русскихъ училищъ	2	2	10	9	5	17
		14	28	52	67	67	29
Юридическій факультетъ.	Воспитанниковъ западныхъ русскихъ училищъ	23	45	89	105	99	25
	Воспитанниковъ восточныхъ русскихъ училищъ	12	22	26	40	46	48
		35	67	115	145	145	73

Снятая данная этой таблицы, получаемъ слѣдующіе результаты:

1) На всѣхъ факультетахъ возрастаетъ число слушателей и достигаетъ высшей цифры въ 1837 году, затѣмъ втеченіе 1838 года стоитъ на той же степенни, и наконецъ сильно падаетъ въ 1839 году, вмѣстѣ съ общимъ числомъ слушателей.

2) Самое меньшее число слушателей идетъ въ первое отдѣленіе философскаго факультета, немного болѣе во второе отдѣленіе сего факультета, но самое большее въ факультетъ юридическій, который сначала образуетъ половину, а потомъ почти двѣ-трети всего числа слушателей.

3) Такой перевѣсъ слушателей на юридическомъ факультетѣ объясняется, во-первыхъ, практическою пользою предметовъ входящихъ въ составъ его, которую имѣли въ виду слушатели, во-вторыхъ тѣмъ, что онъ приведенъ былъ въ тѣсную связь съ главными предметами перваго отдѣленія философскаго факультета и слѣдовательно юристы сверхъ

спеціальныхъ предметовъ могли удобно знакомиться съ самыми интересными предметами другаго факультета, а именно: философією, исторією и словесностію; въ-третьихъ молодежь манила отчасти на этотъ факультетъ слава профессоровъ, только что возвратившихся изъ-за границы. Что касается до перевѣса слушателей на второмъ отдѣленіи философскаго факультета, сравнительно съ первымъ отдѣленіемъ того же факультета, то для объясненія причины его, нужно прежде всего разсмотрѣть отношеніе между воспитанниками западныхъ и восточныхъ училищъ во второмъ отдѣленіи философскаго факультета; ни на одномъ мы не встрѣчаемъ такого неравновѣсія между этими двумя числами: тогда какъ въ первомъ отдѣленіи, въ среднемъ выводѣ за пять лѣтъ до 1839 года, число воспитанниковъ западныхъ училищъ относится къ числу воспитанниковъ восточныхъ какъ 3 : 1; въ юридическомъ какъ $2\frac{2}{3}$: 1; во второмъ отдѣленіи философскаго — равновѣсіе нарушается сильно и цифра показываетъ отношеніе какъ 8 : 1, т. е., на восемь слушателей съ преобладаніемъ польскаго элемента, приходится одного, воспитаннаго въ русскомъ направленіи. Получивъ этотъ результатъ, припомнимъ, что на первомъ отдѣленіи философскаго и на юридическомъ факультетѣ число преподавателей стараго кременецкаго лица уравновѣшпвалось новыми людьми, получившими образованіе въ русскихъ университетахъ, тогда какъ на второмъ отдѣленіи философскаго факультета всѣ преподаватели были изъ стараго лица, пользовавшіеся или славою или предпочтеніемъ у большинства мѣстныхъ жителей.

4) Случая распредѣленіе слушателей по факультетамъ съ происхожденіемъ ихъ, можемъ замѣтить, что лица изъ духовнаго званія и изъ податныхъ состояній распредѣляются почти поровну между первымъ отдѣленіемъ философскимъ и юридическимъ факультетами. Во второмъ отдѣленіи философскаго факультета встрѣчается втеченіе пяти лѣтъ только два лица изъ не дворянъ: сынъ греко-унитскаго священника и шляхтичъ (однодворецъ). Выводъ вполне согласный съ преобладаніемъ на факультетѣ мѣстнаго, господствующаго элемента.

Наконецъ распредѣленіе студентовъ по способамъ содержания, можно отчасти видѣть изъ слѣдующихъ чиселъ:

	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Казеннокоштныхъ	12	24	36	47	49	29
Пансіонеровъ	3	8	14	7	7	—
Своекоштныхъ	47	88	153	209	211	96
Въ числѣ своекоштныхъ, число живущихъ на общей квартирѣ недостаточныхъ съ 1838 года	—	—	—	—	въ томъ числѣ 38	19

По факультетамъ казеннокоштные распредѣлены были слѣдующимъ образомъ:

	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
Въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета	3	8	12	20	20	11
Во второмъ отдѣленіи философскаго факультета	2	4	6	7	8	6
Въ юридическомъ факультетѣ.	7	12	18	20	21	11

Изъ сопоставленія этихъ двухъ таблицъ открывается:

1) Что подъ ближайшимъ надзоромъ университетскаго начальства было въ 1834, 1835 и 1836 годахъ одна треть студентовъ, въ 1837 только одна четверть; въ 1838 году, съ учрежденіемъ общей квартиры для бѣдныхъ и неблагонадежныхъ, подъ ближайшій присмотръ поступила опять одна треть студентовъ.

По факультетамъ, общая цифра казеннокоштныхъ и въ общей квартирѣ живущихъ, распредѣляется такъ: въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета она занимаетъ одну-третью часть, на второмъ отдѣленіи философскаго факультета одну-пятую часть, а на юридическомъ факультетѣ половину всей цифры казеннокоштныхъ.

3) Этимъ отношеніемъ можно отчасти опредѣлить степень матеріальныхъ средствъ студентовъ каждаго факультета. Въ юридическій факультетъ и въ первое отдѣленіе философскаго факультета шли болѣе люди бѣдные, имѣвшіе въ

виду гражданскую и педагогическую службу; во второмъ отдѣленіи философскаго факультета болѣе было людей съ достаточными средствами. Пансіонеръ рѣдко попадался между словесниками: всего одинъ или два въ пять лѣтъ.

Къ весьма любопытнымъ соображеніямъ могло бы повести наблюденіе надъ данными, опредѣляющими успѣхи студентовъ въ наукахъ и мнѣніе начальства объ ихъ нравственности. Но къ сожалѣнію, такъ называемыя, «вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ» составлялись такъ, что на данныя, въ нихъ заключающіяся, положиться вовсе не возможно, ибо онѣ нерѣдко противорѣчатъ самымъ очевиднымъ образомъ дѣйствительности. Такъ напримѣръ, относительно успѣховъ студентовъ въ извѣстной отрасли наукъ, встрѣчается сплошь да рядомъ, что студентъ, получившій на испытаніи полный шаръ во французскомъ языкѣ и богословіи, ставится въ число отличныхъ математиковъ или юристовъ и т. п. Цифра, выражающая поведеніе студентовъ, ставится не менѣе произвольно. Приготовляя свѣдѣнія къ отчету по истеченіи гражданскаго года, отмѣчено напримѣръ, въ 1838 году число неблагонадежныхъ цифрою двадцать одинъ, очевидно указывающею на двадцать одного студента, которые прирѣшены были учрежденною тогда слѣдственной комиссіею къ разнымъ наказаніямъ *).

Оставляя поэтому данныя, которыя не могутъ дать правильныхъ результатовъ, обратимся къ изложенію такъ называемыхъ распоряженій, которыя принимало начальство къ улучшенію состоянія учащихся въ университетѣ.

Нравственный надзоръ за всѣми студентами поручался инспектору студентовъ, его помощникамъ и состоявшимъ при нихъ педелямъ. Число помощниковъ инспектора и педелей увеличивалось съ увеличеніемъ числа студентовъ: въ 1834 и 1835 годахъ помощниковъ инспектора было по два, педель при инспекторѣ одинъ; въ 1836 году помощниковъ инспектора было три и педелей два; въ 1837 году помощниковъ инспектора было четыре и педелей шесть; въ 1838

*) Въ вѣдомостяхъ за предъидущіе годы четверо изъ этихъ студентовъ постоянно показываются въ числѣ отличныхъ по поведенію.

году помощниковъ инспектора было пять и педелей семь; въ 1839 году, съ уменьшеніемъ количества студентовъ, оставлено два помощника инспектора и четыре педеля. Одинъ изъ помощниковъ постоянно завѣдывалъ институтомъ казеннокоштныхъ студентоѣ, и съ ноября 1837 года одинъ надзиралъ за квартирою недостаточныхъ студентовъ.

Первый инспекторъ студентовъ, отставной полковникъ изъ лифляндскихъ дворянъ Ѳедоръ Ивановичъ *Люце*, занималъ должность три академическіе семестра *) и былъ человекъ энергическій, на что намекаютъ ходившіе въ то время между студентами стихи:

«Гѣвъ, богиня, поспой Ѳедора Люце Иванова сына.

Грозный, который.

Многія души могучія славныхъ студентовъ низринулъ

Въ сумрачный карцеръ.»

Первые помощники его, изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ: титулярный совѣтникъ *Вощининъ* прошелъ не замѣченнымъ, а титулярный совѣтникъ *Любимовъ* оставилъ по себѣ такую же память между студентами, какую оставилъ въ гимназістахъ въ двадцати двухлѣтнюю службу свою инспекторомъ и директоромъ первой кievской гимназіи.

Мѣсто Люце въ 1836 году занялъ отставной подполковникъ Михаилъ Андреевичъ *Линденъ*, изъ воспитанниковъ морскаго кадетскаго корпуса, и занималъ его съ небольшимъ годъ. Въ 1837 году онъ былъ замѣщенъ отставнымъ полковникомъ *Гинглиномъ*, дряхлымъ, почти семидесяти-лѣтнимъ старикомъ, который управлялъ студентами до марта 1839 года,

Помощники инспектора студентовъ также часто смѣнялись одинъ другимъ, какъ и самые инспекторы. По увольненіи Любимова и Вощинина, должности эти до 1840 года занимали: 1) отставной инженеръ-поручикъ баронъ *фонъ-Руттенбергъ*, котораго студенты любили за благородное съ ними обращеніе; 2) подполковникъ баронъ *фонъ-дербъ-Паленъ*, бывший на мѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ; 3) отставной поручикъ *Гудима*, пережившій закрытіе университета, извѣстный строгою точностію въ исполненіи своихъ обязанностей; 4) ком-

*) Съ половины 1834 до начала 1836 года.

натный надзиратель кievской гимназіи *Бондзевичъ*, также ревностный исполнитель возлагаемых на него поручений; 5) титулярный совѣтникъ *Соханскій*, который занималъ эту должность очень не долго и прошелъ вовсе не замѣченнымъ; 6) бывший экзекуторъ университета, отставной маіоръ *Сила Шишкинъ*, любимый студентами; 7) отставной маіоръ *Ивановъ*, кроткій, по мало-подвижный человекъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ оставившій свою должность и наконецъ 8) отставной маіоръ *Масловскій*, умѣвшій угодить и студентамъ и начальству. Таковы были лица, которымъ порученъ былъ непосредственный надзоръ за нравственностію студентовъ и отчасти попеченіе объ улучшеніи ихъ физическаго состоянія. Много ли вліянія могли имѣть они на студентовъ, поступавшихъ, какъ мы видѣли, въ университетъ съ довольно установленнымъ характеромъ и извѣстнаго рода убѣжденіями, — можно судить уже изъ того, что рѣдкій изъ нихъ болѣе двухъ лѣтъ занималъ свою должность.

Начальство университета постоянно принимало мѣры къ улучшенію «физическаго состоянія студентовъ.» Подъ этою рубрикою въ годовыхъ отчетахъ обыкновенно разумѣются распоряженія къ обезпеченію средствъ къ жизни для бѣдныхъ студентовъ. Въ числѣ этихъ мѣръ, кромѣ приѣма на казенное содержаніе, которымъ могли воспользоваться относительно немногіе, особенно замѣчательны: 1) прискиваніе, такъ называемыхъ, кондицій или репетиторскихъ мѣстъ бѣднѣйшимъ и способнѣйшимъ. 2) Заведеніе казенной квартиры (съ ноября 1837 года), въ которой немудріе студенты могли получать помѣшеніе, столъ и мытье бѣлья за пятнадцать рублей серебромъ въ мѣсяць. Впрочемъ эта квартира имѣла другое назначеніе, какъ увидимъ ниже и шли въ нее студенты не охотно. Наконецъ 3), такъ какъ многіе студенты не въ состояніи были платить и этой умѣренной суммы ¹⁾, то преподаватели и чиновники университета изъявили согласіе вносить ежегодно, во все продолженіе своей службы при

¹⁾ Къ этому періоду относится преданіе о студентѣ, который буквально не имѣлъ квартиры. Онъ велъ номадную жизнь, кочуя по квартирамъ товарищей и питаясь у нихъ. Постоянною же квартирою его, въ случаѣ необходимости, была бесѣдка въ дворцовомъ (общественномъ) саду.

университетъ св. Владимира, извѣстную сумму, смотря по состоянію каждаго; на счетъ этой суммы бесплатно содержались на казенной квартирѣ отъ четырехъ до шести чело-
вѣкъ

Изъ университетскихъ отчетовъ и изъ преданій, сохранившихся между старыми воспитанниками университета, не замѣтно въ первые два года его существованія никакихъ особенныхъ мѣръ строгости по отношенію къ *видимому* надзору за студентами. Это отчасти объясняется тѣмъ, что начальство округа и университета, желая привлечь въ университетъ дѣтей высшаго дворянства, имѣвшаго вліяніе на общественное мнѣніе въ краѣ, приравнялось въ извѣстной степени къ понятіямъ и требованіямъ тѣхъ, на счетъ которыхъ большею частію содержался университетъ, и потому дѣлало нѣкоторыя уступки и послабленія. Впрочемъ, отсутствіе всякихъ стѣснительныхъ мѣръ могло бы чрезвычайно благотворно дѣйствовать на самостоятельное развитіе молодыхъ людей, на выработку въ нихъ благородныхъ стремленій, если бы благоразумными уступками начальства не воспользовались для своихъ цѣлей недруги современнаго порядка вещей, чтобы сдѣлать университетъ орудіемъ къ мечтательному возрожденію полонизма. Съ 1837 года, со времени исключенія изъ университета студентовъ Буяльскаго, Богдановича, Рутковскаго и Гордона, начинается реакція со стороны университетскаго начальства тому, чуждому наукѣ направленію, которое тайкомъ стремится проникнуть въ университетъ отъ инуду. Къ этому времени относятся всѣ строгія мѣры къ усиленію надзора за студентами. Для этой цѣли:

1) Увеличено число помощниковъ инспектора студентовъ и, сверхъ того, въ помощь имъ назначены педели.

2) Обращено особенное вниманіе, чтобы своекоштные студенты университета имѣли свои квартиры у людей извѣстныхъ начальству, и чтобы они убѣгали всѣхъ связей и знакомствъ съ людьми подозрительными и неблагонадежными. Съ этою цѣлью въ обязанность инспектора студентовъ, его помощниковъ и педелей вмѣнено было посѣщать часто и ввезапно частныя квартиры студентовъ.

3) Чтобы доставить болѣе средствъ для надзора за тѣми изъ студентовъ, которые по прежнимъ наблюденіямъ оказывались не вполне благонадежными, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить бѣднымъ студентамъ средства къ содержанію, нанять былъ особый домъ для помѣщенія студентовъ немущихъ и не вполне заслуживающихъ довѣрія. На наемъ и содержаніе этого дома, изъ общаго эконолическаго капитала гражданскихъ учебныхъ заведеній, опредѣлено по шести тысячъ рублей въ годъ. Затѣмъ принято правиломъ, студентовъ, имѣющихъ неприличные квартиры, или неблагонадежныхъ, которые отказывались отъ принятія казенной квартиры, увольнять вовсе изъ университета.

4) Обращено самое строгое вниманіе на то, чтобы студенты, во-первыхъ, неупустительно посѣщали лекціи, какъ по главнымъ, такъ и по вспомогательнымъ наукамъ своихъ факультетовъ, и во-вторыхъ постоянно присутствовали при отправленіи богослуженія въ праздничные и воскресные дни въ церквахъ, назначенныхъ для того университетскимъ начальствомъ. За каждыя десять лекцій и за каждыя двѣ литургіи, пропущенныя безъ достаточной причины, студентъ подвергался въ первый разъ выговору, потомъ заключенію въ карцеръ, и, наконецъ, увольненію изъ университета. Принято было вообще за правило, студентовъ, подвергшихся четыре раза заключенію въ карцеръ, за какую бы то ни было вину, исключать вовсе изъ университета съ оглашеніемъ по всѣмъ русскимъ университетамъ. При приведеніи этихъ мѣръ въ исполненіе встрѣчались иногда большія неудобства и затрудненія. Тѣмъ не менѣе начальство, повидимому, достигло своей цѣли: аудиторіи университета были наполнены слушателями, изъ которыхъ многіе не столько слѣдили за лекціею профессора, сколько за карандашемъ дежурнаго помощника инспектора, отмѣчавшаго тутъ же, во время лекціи, отсутствующихъ студентовъ. Исполнялась и другая мѣра: сначала церковь святаго Андрея Первозваннаго, а потомъ университетская, въ зданіи первой гимназіи, а равно и католическая университетская каплица были посѣщаемы студентами, облеченными въ полную мундирную форму. Правда, что студентамъ, по разбросанному

мѣстоположенію Кіева, приходилось иногда тащиться по грязи или въ морозъ въ отдаленную церковь, вмѣсто того, чтобы помолиться въ одной изъ ближайшихъ церквей, что нѣсколько охлаждало теплоту ихъ молитвы. Находились также и такіе господа, которые въ простотѣ душевной заключали, что студентъ, желавшій освободиться отъ путешествія въ снѣгъ и грязь на Печерскъ, придумывалъ, дабы спастись отъ грозящаго ему за манкировку наказанія, разныя небывалыя, законныя оправданія и слѣдовательно пріучался ко лжи во имя религіи и нравственности. Тѣмъ не менѣе всѣ означенныя мѣры были строго наблюдаемы и, при всемъ томъ, увы! оставались безсплыными противъ того зла, на которое были направлены. Въ концѣ 1838 года открыто было между студентами тайное общество, котораго творцы и руководители не принадлежали къ университетскому сословію. Но объ этомъ послѣ.

Обратимся къ изображенію умственной жизни между студентами.

Университетъ св. Владиміра въ первые годы своего существованія, по устройству учебной части, отзывался нѣсколько гимназією: тоже обязательное слушаніе лекцій подъ опасеніемъ карцера, тѣ же шесть часовъ классныхъ занятій въ день, — тоже частое спрашиваніе уроковъ подъ именемъ репетицій, тѣ же переводныя испытанія (съ прибавкою семестральныхъ для казеннокоштныхъ студентовъ), тѣ же окончательныя испытанія по всѣмъ предметамъ четырехлѣтняго факультетскаго курса, — какъ и въ гимназіяхъ. Различіе было въ томъ, что ученики гимназій изучали почти всѣ предметы по печатнымъ готовымъ руководствамъ, а студентамъ университета предстоялъ двойной трудъ: они должны были сначала переписать тетради профессора или сами составить, со словъ его записки, объемъ которыхъ по каждому предмету былъ не менѣе пятидесяти, а по нѣкоторымъ доходилъ до 250 листовъ въ годъ, и потомъ уже по этимъ запискамъ готовиться къ репетиціямъ и экзаменамъ. Если прибавимъ къ этому, что число обязательныхъ лекцій для каждаго почти студента простиралось отъ тридцати до сорока часовъ въ недѣлю, тогда понятно для насъ будетъ какъ мало времени

оставляла подобная организація учебной части для самостоятельных занятій студентовъ (1).

Даже отличному студенту предстояло выбирать одно изъ двухъ или быть прилежнѣйшимъ и аккуратнымъ студентомъ и не пойти далѣ тетрадей профессора, или навлекать на себя иногда выговоры начальства, если опустить нѣсколько лекцій для того, чтобы прочесть двѣ-три книги и самостоятельно заняться болѣе специальнымъ изученіемъ одного или нѣсколькихъ, болѣе между собою сходныхъ, предметовъ. Часто студенту представлялась такая дилемма: терять время на лекціи, слушая что «слава Расина не умретъ до-тѣхъ-поръ, пока люди будутъ пить кофе,» или терять время въ карцерѣ, если пропустить нѣсколько подобныхъ лекцій.

Такое устройство университетскихъ курсовъ было отчасти перенесено въ новый университетъ вмѣстѣ съ многими другими преданіями стараго кременецкаго лицея, отчасти было вызвано потребностями самого времени. И дѣйствительно, въ эпоху основанія университета, потребность основательнаго образованія, даже сравнительно съ теперешнею,

*) Таблица о числѣ лекцій съ 183 $\frac{1}{2}$ по 183 $\frac{3}{4}$ годъ.

Годъ.	Первое отдѣленіе философскаго факультета.				Второе отдѣленіе философскаго факультета.				Юридическій факультетъ.														
	Главные предметы.				Главные предметы.				Вспомогательные предметы.				Главные предметы.				Вспомогательные предметы.						
	Курсы.				Курсы.				Курсы.				Курсы.				Курсы.						
	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.			
183 $\frac{1}{2}$	26	—	—	—	31	—	—	—	14	—	—	—	—	9	—	—	—	—	22	—	—	—	
									Итого	45									Итого	31			
183 $\frac{2}{5}$	31 $\frac{1}{2}$	28 $\frac{1}{2}$	—	—	29	25	—	—	13 $\frac{1}{2}$	13 $\frac{1}{2}$	—	—	—	15	27	—	—	—	20 $\frac{1}{2}$	17 $\frac{1}{2}$	—	—	
									Итого	42 $\frac{1}{2}$	38 $\frac{1}{2}$								Итого	35 $\frac{1}{2}$	34 $\frac{1}{2}$		
183 $\frac{3}{7}$	33	32	32	—	22	23	21	—	9	8	9	—	—	15	15	16 $\frac{1}{2}$	—	—	19	12	4	—	
									Итого	31	31	30							Итого	44	27	20 $\frac{1}{2}$	
183 $\frac{4}{7}$	29	31 $\frac{1}{2}$	32 $\frac{1}{2}$	22 $\frac{1}{2}$	25	22	24	16	9	7	4	1	15	16	15 $\frac{1}{2}$	15 $\frac{1}{2}$	18 $\frac{1}{2}$	—	11	13	8 $\frac{1}{2}$	—	
									Итого	34	29	28	17						Итого	33 $\frac{1}{2}$	27	28 $\frac{1}{2}$	24
183 $\frac{5}{9}$	29	31	37	19 $\frac{1}{2}$	23	26	21	9	9	6	3	—	17	22	16 $\frac{1}{2}$	12	13	—	12	10	6	—	
									Итого	32	32	24	9						Итого	30	34	26 $\frac{1}{2}$	18

была очень слабо развита въ большинствѣ общества, особенно на восточной сторонѣ Днѣпра. Если и теперь вольное слушаніе имѣетъ свои невыгодныя стороны, и по необходимости должно быть ограничиваемо въ дѣйствительности, то очень естественнымъ дѣлается опасеніе основателей университета, боявшихся вполнѣ положиться на одну добрую волю слушателей. Надо при этомъ взять во вниманіе и то, что правительство, затрудняясь въ снабженіи университетовъ, по новому уставу, большимъ количествомъ профессоровъ, не могло замѣстить всѣ кафедры вполнѣ даровитыми преподавателями; а между тѣмъ вслѣдствіе этого обстоятельства, при вольномъ слушаніи, аудиторіи нѣкоторыхъ профессоровъ могли бы вовсе опустѣть. При всемъ томъ мѣры, принятыя университетскимъ начальствомъ съ цѣлью отвлечь студентовъ школьною аккуратностію отъ научныхъ стремленій, были, можетъ быть, черезъ-чуръ уже стѣснительны, и, не достигая той цѣли, къ которой были направлены, все таки вредили развитію умственной самостоятельности въ студентахъ. Болѣе точное распредѣленіе факультетскихъ предметовъ на главные и не главные, а также уменьшеніе урочныхъ школьныхъ обязанностей и стѣснительныхъ наказаній, по крайней мѣрѣ въ высшихъ курсахъ, когда молодой человекъ сдружится съ наукою, несколько не могли распустить студентовъ и отвлечь ихъ отъ прямыхъ обязанностей. Если судить по воспоминаніямъ старыхъ студентовъ того времени, людей вполнѣ серьезныхъ и достойныхъ уваженія, изъ которыхъ нѣкоторые потомъ сами посвятили себя трудной педагогической службѣ, — то гораздо сильнѣе проявлялась умственная дѣятельность въ университетѣ до 1838 года, чѣмъ долгое время послѣ 1838 года.

Но тотъ же 1837 годъ, въ который приняты были первыя строгія, дисциплинарныя мѣры въ университетѣ, ознаменованъ и нѣкоторыми распоряженіями, которыя могли служить къ улучшенію научной дѣятельности студентовъ. Таковы: 1) усиленіе строгости приемныхъ испытаній и допущеніе къ испытанію для поступленія въ университетъ только лицъ, окончившихъ полный систематическій курсъ ученія

въ гимназіяхъ; 2) увеличеніе бібліотеки казеннокоштныхъ студентовъ; 3) облегченіе доступа студентамъ къ пользова- нію книгами общей университетской бібліотеки посредствомъ сокращенія формальностей, прежде наблюдавшихся при по- лученіи книгъ. Студентъ, желавшій получить изъ бібліотеки сочиненіе, долженъ былъ представить ручательство профес- сора, жалованьемъ котораго обезпечивалась цѣнность книги. Само собою разумѣется, случалось, что профессоръ, имѣвшій менѣе средствъ взыскать съ студента потерявшего книгу, чѣмъ начальство университета, и меньше денегъ, чѣмъ пра- вительство, отказывалъ иногда въ ручательствѣ студенту и тогда книга не была выдаваема. 4) Весьма важною мѣ- рою для поощренія студентовъ почиталось всемілостивѣйше дарованное государемъ императоромъ министру народнаго просвѣщенія позволеніе представлять его императорскому величеству объ отличѣйшихъ изъ своекоштныхъ студентовъ университета, при выбытіи ихъ изъ университета, чтобы, при опредѣленіи ихъ въ службу, по желанію родителей, могло быть оказываемо нѣкоторое снисхожденіе къ семейственному ихъ положенію и къ дальнѣйшему ихъ назначенію на поприще государственной службы. 5) Наконецъ, для поощренія слу- шателей университета, на основаніи 52 § проекта устава университета св. Владимира, съ утвержденія совѣта, начи- ная съ 1836 года, предлагаемы были факультетами темы съ назначеніемъ за удовлетворительное рѣшеніе каждой изъ нихъ медалей, одной золотой и одной серебряной.

Принимая въ соображеніе малое число лѣтъ, прожитыхъ университетомъ, нельзя не видѣть довольно сльзнаго проявле- нія умственной дѣятельности между студентами молодаго уни- верситета, не взирая даже на нѣсколько школьное устрой- ство его.

Изъ результатовъ переводныхъ испытаній видно посто- янное возрастаніе числа добросовѣстно занимавшихся студен- товъ.

Въ 18³⁵/₃₆ году въ высшіе курсы переведено было со- рокъ пять студентовъ, въ томъ числѣ девять съ отличіемъ, осталось въ тѣхъ же курсахъ пять.

Въ 18 ³⁶ / ₃₇ г. переведено 93, съ отличіемъ 23, осталось 20.				
— 18 ³⁷ / ₃₈ — 171, — 51, — 52.				
— 18 ³⁸ / ₃₉ — 184, — 60, — 32.				
— 18 ³⁹ / ₄₀ — 102, — 22, — 8.				

Въ первый выпускъ 18³⁷/₃₈ года университетъ выпустилъ девятнадцать студентовъ со степенью кандидата, въ томъ числѣ: въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета четыре; во второмъ отдѣленіи философскаго факультета два; въ юридическомъ факультетѣ десять; съ званіемъ дѣйствительныхъ студентовъ двѣнадцать; въ томъ числѣ: въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета два, во второмъ отдѣленіи философскаго факультета одинъ; въ юридическомъ факультетѣ девять.

Во второй выпускъ, современный закрытію университета, число окончившихъ курсъ въ университетѣ уменьшилось, потому что многіе изъ студентовъ четвертаго курса или исключены были изъ университета, или переведены въ другіе университеты, или поступили, наконецъ, въ гражданскую службу. Выпускъ этотъ состоялъ изъ девятнадцати кандидатовъ (въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета пять, во второмъ отдѣленіи философскаго факультета девять и въ юридическомъ факультетѣ пять) и изъ пяти дѣйствительныхъ студентовъ (въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета одинъ, во второмъ отдѣленіи философскаго факультета одинъ, въ юридическомъ факультетѣ пять).

Изъ воспоминаній старыхъ студентовъ университета можно заключить, что наука довольно сильно интересовала нѣкоторыхъ студентовъ и виѣ школьной скамейки и мимо всѣхъ понудительныхъ мѣръ. Гораздо сильнѣе интересъ къ наукѣ проявлялся въ студентахъ, получившихъ первоначально образование въ западно-русскихъ училищахъ, — гораздо слабѣе въ воспитанникахъ, поступившихъ изъ малороссійскихъ училищъ: между первыми было болѣе такихъ, которые учились ради самой науки, а между вторыми болѣе такихъ, которые занимались «степени и службы ради». Особенно мало развиты были ученики черниговской гимназій. Новгородъ-сѣвѣрскіе ученики шли болшею частію въ харьковскій уни-

верситетъ, подъ вліяемъ своего директора Тимковскаго, бывшаго профессоромъ въ этомъ университетѣ.

Такъ называемыхъ нынѣ, обязательныхъ семестральныхъ сочиненій въ то время не существовало. Задавали студентамъ сочиненія только на первомъ отдѣленіи философскаго факультета, да и то не всѣ профессора, а исключительно профессора русской словесности, римской словесности и рѣдко профессоръ философій. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, въ 1835 году, по мысли одного изъ даровитѣйшихъ студентовъ перваго отдѣленія философскаго факультета, нѣсколько студентовъ разныхъ факультетовъ, съ вѣдома начальства, согласились составить что-то въ родѣ *литературныхъ вечеровъ*. Положено было собираться въ опредѣленные сроки къ одному изъ товарищей и читать свои собственные и переводныя сочиненія. Хозяйственную и распорядительную часть взяли на себя два черниговца: одинъ изъ нихъ озаботился приготовленіемъ всего нужнаго для угощенія, — другой, открывши въ себѣ особенный даръ организатора, озаботился постройкою мебели, нужной для производства засѣданія, и предложилъ для лучшаго порядка избрать президента. Но когда товарищи, не смотря на великія административныя способности этого господина, выбрали въ свои руководители не его, а того, кто подалъ первую мысль объ литературныхъ занятіяхъ, и кто за свои дарованія пользовался уваженіемъ у всѣхъ студентовъ; — то разгнѣванный претендентъ въ президенты, оставилъ собраніе, разбранивъ членовъ его. Все общество состояло по преимуществу изъ людей, получившихъ свое первоначальное воспитаніе на Западѣ, какъ поляковъ, такъ и природныхъ русскихъ. Впрочемъ эти литературные вечера, на которыхъ прочитано было нѣсколько замѣчательныхъ студентскихъ сочиненій и переводовъ, продолжались не долго. Самъ основатель ихъ и нѣкоторые изъ солидныхъ его товарищей прекратили собранія, когда увидѣли, что другіе участники старались обратить ихъ въ орудіе совершенно постороннихъ для науки цѣлей.

Вообще изъ рассказовъ студентовъ современниковъ видно, что умственная дѣятельность студентовъ отличалась по преимуществу философскимъ и отчасти чисто-литературнымъ

направленіемъ. Это становится понятнымъ, если сообразимъ, что въ молодыхъ людяхъ, выносившихъ изъ первоначальнаго воспитанія довольно бѣдный запасъ положительныхъ свѣдѣній, возбуждена была пытливость ума философскими лекціями и вообще университетскимъ преподаваніемъ, которое не только въ словѣсномъ, но и въ юридическомъ факультетѣ, отличалось философскимъ характеромъ. Профессоры: Новицкій, Неволинъ и Богородскій, которые тогда пользовались особенно славой у студентовъ, были главными двигателями этого направленія. Даже во второмъ отдѣленіи философскаго факультета, въ лекціяхъ профессора Зѣновича по химіи преобладало направленіе болѣе метафизическое, нежели опытное. Любовь къ изящной словесности и упражненія въ чисто-литературныхъ произведеніяхъ навѣяны были лекціями и критическими разборами профессора Максимовича. Ни одинъ изъ послѣдующихъ выпусковъ не былъ такъ богатъ филологами, какъ первый и второй *); но труженники-филологи работали особнякомъ, не принимая участія въ общей литературной дѣятельности студентовъ. Ихъ можно назвать не произведеніемъ университета, но результатомъ той классической латыни, которая такъ долго господствовала въ западно-русскомъ краѣ. Вообще въ своихъ учено-литературныхъ бесѣдахъ и въ своихъ сочиненіяхъ социальными вопросами студенты не интересовались. Да оно и понятно: социальное направленіе, которымъ сильно стала отзываться въ то время наука и литература западной Европы, въ Россіи извѣстно было только по слуху, да и то въ столицахъ, а въ здѣшнюю глушь вовсе не проникало. Профессоръ исторіи въ университетѣ св. Владимира *) едва-ли былъ знакомъ съ общественными движеніями Запада. Одинъ профессоръ Богородскій знакомилъ студентовъ съ политико-экономическими вопросами. Лучшія сочиненія, поданныя студентами перваго отдѣленія философскаго факультета въ періодъ времени съ 1834 по 1840 годъ, поименованныя въ официальныхъ отчетахъ, были слѣдующія:

*) Страшкевичъ, Левандовскій, Шаверновскій, Пестрашкевичъ, Винницкій, Черный.

*) В. Ф. Цыхъ.

1) *Михаила Тулова*: «О познаніи природы» и «О значеніи и достоинствѣ логики».

2) *Кондратія Страшкевича*, de constextu Iliadis et Odysseae.

3) *Валеріана Гирша*: de Romanorum satira.

4) *Николая Шаверновскаго*: de diis graecorum epicis.

5) *Ивана Вернадскаго*, «О полонизмахъ въ русскомъ языкѣ», которое профессоръ Максимовичъ предлагалъ было напечатать и разослать по училищамъ округа. Наконецъ

6) нѣсколько студентовъ подъ руководствомъ профессора Новицкаго перевели сочиненіе «Histoire de la Philosophie allemande depuis Leibnitz jusqu'à Hegel par le baron Barchou de Penhoen,» изъ котораго двѣ статьи напечатаны въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Для соисканія награды медалями въ 18³⁶/₃₇ году подано было три сочиненія *); авторы ихъ, студентъ перваго отдѣленія философскаго факультета Авксентій *Потановичъ* былъ награжденъ золотою медалью, Валеріанъ *Гиршъ* *), Иосифъ *Бржозовскій* **) и баронъ *Шодуаръ* ***) серебряными. Въ 18³⁶/₃₇ году были награждены по первому отдѣленію философскаго факультета Николай *Костыръ* и Акимъ *Терешкевичъ* золотыми; по второму отдѣленію философскаго факультета Леонъ *Подгурскій* золотою, — А. *Одиберъ* и Аванасій *Рого-*

*) Темы 183⁴/₅ года: 1) Представить въ нѣсколькихъ очеркахъ картину древней исторіи и изобразить характеръ исторической жизни каждого народа древняго міра. 2) Сравнить животныхъ съ птицами въ общихъ терминахъ и, показавъ аналогію наружныхъ примѣтъ, инстинкта и нравовъ, вывести аналогію обоихъ классовъ. 3) Изложить сравнительно полодъ, цѣль и образъ составленія юстиніанова Свода и Свода законовъ російской имперіи, составленнаго въ царствованіе Николая I.

**) Темы 183⁷/₈ года: 1) Изложить постепенное развитіе русской литературы до XVIII столѣтія съ раздѣленіемъ на періоды, 2) Изложить подробно и вполнѣ все способы опредѣленія температуры. 3) Изложить постепенное расширеніе въ Россіи правъ гражданскихъ, какъ въ союзѣ семейственномъ, такъ и по имуществамъ, съ изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

***) Темы 183⁷/₈ года: 1) De Dorum et jonum ingenio diverso de quaе litterarum quae inde profecta sit apud utramque stirpem discrepantia. 2) Изложить общія основанія теоретической химіи (по взгляду Зѣновича) и 3) Рассмотрѣть критически основанія, приводимыя въ защиту и опроверженіе смертной казни, съ изложеніемъ родовъ оной по литовскому статуту, уложенію и послѣдующимъ узаконеніямъ по настояще время.

вичь — серебряными, по юридическому факультету баронъ Шодуаръ серебряною. Въ 18³⁷/₃₈ году получили медали: по первому отдѣленію философскаго факультета Кондратій Страшкевичъ золотую, Степанъ Черный — серебряную; по второму отдѣленію философскаго факультета Аванасій Роговичъ — золотую и Илья Чайковскій серебряную; по юридическому факультету Николай Пилякевичъ золотую и Иванъ Максимовичъ серебряную. Въ 18³⁸/₃₀ году, по случаю прекращения лекцій въ университетѣ, сочиненій на заданныя темы студентами подано не было.

Житейскій бытъ студентовъ опредѣляется: отношеніями ихъ къ профессорамъ и начальству и, наконецъ, отношеніями къ обществу.

Товарищество и дружба между студентами, сколько можно судить по старымъ рассказамъ и воспоминаніямъ, были тѣснѣе и сильнѣе въ старое время, чѣмъ теперь. Быть можетъ потому, что студентовъ было тогда меньше, что студенты тогдашнихъ факультетовъ слушали болѣе общихъ наукъ, чѣмъ теперь. Наконецъ не было тогда этой преобладающей массы медиковъ, составляющихъ теперь въ университетѣ какъ бы отдѣльное сословіе специалистовъ, которые не имѣютъ ничего общаго въ научномъ отношеніи съ студентами другихъ факультетовъ. Особенно рѣзкаго разрыва между студентами разныхъ націй тогда почти не было. Студенты сближались и раздѣлялись не столько по религiи и народности, сколько по мѣсту воспитанія. Если и существовало нѣкотораго рода отчужденіе, то оно проявлялось между студентами праваго и студентами лѣваго берега Днѣпра. Первые выражали свою антипатію ко вторымъ въ извѣстнаго рода холодномъ презрѣніи и чувствѣ сдержанной ненависти, а эти, въ свою очередь, платили за то насмѣшками, не рѣдко носившими характеръ малороссійскаго юмора, но не рѣдко грубыми и оскорбительными. Если мѣстные уроженцы и сближались съ своими русскими товарищами въ научномъ отношеніи, то сами по себѣ все-таки составляли отдѣльную замкнутую корпорацію. Нѣкоторые изъ членовъ изъ этой корпораціи отличались духомъ прозелитизма и не рѣдко дѣлали попытки, впрочемъ чрезвычайно осторожныя и почти всегда

безуси́бныя, обратитъ къ своимъ интересамъ нѣкоторыхъ товарищей. Студентъ Гордонъ пользовался въ этой корпораціи особымъ значеніемъ: самъ человекъ не безъ способностей и съ сильнымъ характеромъ, онъ былъ плохой студентъ: наука для него была дѣло постороннее. Увлечшись не сбыточными мечтами или, лучше сказать, самъ сбитый съ пути чуждымъ университету вліяніемъ, онъ увлекъ въ свою очередь много даровитыхъ натуръ, которыя могли бы принести въ будущемъ несомнѣнную пользу наукѣ и обществу. Кромѣ личнаго вліянія на товарищей посредствомъ убѣжденій, Гордонъ получилъ говорить деньги, которыя раздавалъ бѣднымъ своимъ землякамъ и тѣмъ связывалъ ихъ съ интересами того общества, котораго самъ былъ орудіемъ. Все это стало для большинства студентовъ яснымъ тогда только, когда обремененныя въ тайну дѣйствія обнаружались въ 1839 году печальною катастрофою. До-тѣхъ-поръ только неясныя слухи и предчувствія носились между студентами о затѣяхъ извѣстнаго кружка, но никто изъ не посвященныхъ не придавалъ имъ особой важности. Всѣ заняты были общими дѣлами университета....

Эти интересы, общіе всему университету, были предметомъ обычныхъ студенческихъ бесѣдъ, которыя отличались особеннымъ оживленіемъ и задушевною веселостію. Щекотливыхъ вопросовъ въ этихъ бесѣдахъ не затрогивали. Въ нихъ молодыя, пытливыя головы обсуживали наиболѣе интересные для нихъ вопросы науки, личность своихъ профессоровъ, своихъ нравонаблюдателей. Газетъ и журналовъ читали тогда мало, и потому о политическихъ и соціальныхъ вопросахъ вовсе почти не разсуждали. Часто горячіе споры смѣнялись шутками, смѣхомъ и школьными выходками. Старые студенты не рѣдко и теперь съ улыбкою припоминаютъ, какъ въ этихъ собраніяхъ одинъ студентъ читалъ, подражая голосу и манерамъ профессора, лекцію, которая начиналась словами: «Господа, въ полѣ дубъ стоитъ, а подъ дубомъ козакъ сидитъ; — онъ про степь и козацкую долю поетъ»....

Помнить также одушевленную лекцію о римскихъ баняхъ, прочитанную другимъ студентомъ, также съ соблюденіемъ польско-русскихъ оборотовъ и странныхъ жестовъ профес-

сора. Читалась въ этихъ собраніяхъ поэма о подвигахъ одного изъ нравонаблюдателей, написанная гомерическими гекзаметрами. Читалось и пересказывалось много другихъ, всегда простодушно-веселыхъ и не рѣдко замѣчательно-мѣткихъ и остроумныхъ шутокъ. Прислушиваясь къ этимъ шуткамъ, можно было схватить иногда вѣрныя замѣчанія и о распоряженіяхъ начальства и о лицахъ, съ которыми студенты находились въ соприкосновеніи.

Вообще въ то время студенты находились въ другихъ отношеніяхъ къ профессорамъ, чѣмъ теперь. Такого сближенія между ними, какое замѣтно теперь, тогда не было. Профессоръ смотрѣлъ на студента, какъ учитель на ученика и держалъ его отъ себя въ почтительномъ отдаленіи. Только немногіе избранные вступали въ болѣе близкія сношенія съ профессорами. Такое сближеніе почиталось знакомъ особеннаго отличія и особенной даровитости или трудолюбія студента. На такихъ студентовъ и товарищи смотрѣли съ особеннымъ уваженіемъ, разумѣется не на всѣхъ, потому что между ними встрѣчались и такіе господа, которые прикидывались пламенными обожателями извѣстной науки, что-бы пріобрѣсти протекцію извѣстнаго профессора. Такихъ господъ товарищи чутьемъ угадывали сразу и выражали къ нимъ холодное презрѣніе. Студенты поляки особенно группировались около кременецкихъ профессоровъ, и часто прославляли ихъ противъ внутренняго убѣжденія, единственно изъ узкаго національнаго пристрастія. Русскіе студенты въ этомъ отношеніи были справедливыѣ, быть можетъ потому, что сама дѣйствительность была за нихъ: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что новые профессора въ университетѣ были въ то время неизмѣримо выше старыхъ кременецкихъ, исключая одного Бессера.

Попечитель фонъ-Брадке пользовался общою любовью и высокимъ уваженіемъ у всѣхъ студентовъ. Если какая-нибудь мѣра, имъ принятая относительно студентовъ, была слишкомъ стѣснительна для молодыхъ людей, то они роптали не на него, а на тѣхъ, которые приводили эту мѣру въ исполненіе. Степень уваженія и повиновенія, которыя оказывали студенты къ инспектору и его помощникамъ, опре-

дѣялись нравственнымъ характеромъ тѣхъ лицъ, которыя облечены были въ эти званія. Вообще говоря, чувства уваженія къ законнымъ и разумнымъ требованіямъ начальства тогда сильнѣе развито было въ студентахъ.

Студенты того времени находились въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ кievскому обществу, чѣмъ теперь. На это было много причинъ. Во-первыхъ, общественная жизнь въ Кіевѣ тогда была сильнѣе развита, чѣмъ нынѣ; во-вторыхъ, университетъ и студенты его, по самой новости своего появленія, были въ модѣ, и потому почитались необходимою принадлежностію каждаго вечера и общественнаго собранія, въ-третьихъ, они были малочисленнѣе, и потому большей части ихъ былъ доступъ въ общество. Наконецъ самъ попечитель фонъ-Брадке, пользовавшійся огромнымъ уваженіемъ у всѣхъ въ этомъ краю, открылъ у себя вечера, на которые по очереди приглашалъ студентовъ, и такимъ образомъ, такъ сказать, самъ лично отворялъ двери во всѣ кievскіе лучшіе дома молодымъ людямъ, которые воспитывались подъ его начальствомъ. Такое сближеніе съ общественною свѣтскою жизнію имѣло чрезвычайно благопріятное вліяніе на студентовъ, смягчая ихъ нравы, отвлекая ихъ отъ шумныхъ оргій и знакомя ихъ практически съ житейскими отношеніями. Если въ нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей это столкновеніе съ пустотою свѣтской жизни рождало въ свою очередь какую-то внутреннюю пустоту; то сближеніе студентовъ съ обществомъ имѣло очень полезное вліяніе въ томъ отношеніи, что студенты, появляясь болѣе или менѣе всѣ въ однѣхъ и тѣхъ же сферахъ общества, какъ бы уравнивались другъ съ другомъ по происхожденію. Оттого-то не существовало тогда смѣшнаго и вреднаго различія между студентами *аристократами* и студентами *демократами*, изъ которыхъ первые поставляютъ существенное отличіе своей породы въ покроѣ платья, головной прическѣ и ломаныхъ французскихъ фразахъ, а вторые, нарочно изъ противодѣйствія, стараются отличаться грубостію и цинизмомъ въ обращеніи.

До основанія въ Кіевѣ университета славою учености въ кievскомъ обществѣ исключительно пользовались студен-

ты кievской духовной академіи. Особенно на Подольѣ слава эта гремѣла «за канавою и предъ канавою». Теперь въ студентахъ университета студенты академіи встрѣтили опасныхъ соперниковъ, не только въ учености, но и въ такъ называемомъ великосвѣтскомъ обращеніи, которое первые оспаривали у послѣднихъ въ собраніяхъ подольскаго купечества и гражданства. Отсюда должны были родиться нѣкотораго рода враждебныя столкновенія. Впрочемъ, слишкомъ рѣзко обнаружиться, въ разсматриваемый нами періодъ времени, они не могли по тому глубокому сочувствію, какое ректоръ академіи, преосвященный Иннокентій, питалъ къ университету, его попечителю, ректору и профессорамъ. Сверхъ того и высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Евгений оказывалъ свое ученое содѣйствіе и пастырское вниманіе къ университету, котораго онъ былъ почетнымъ членомъ.

Все сказанное нами о студентахъ университета св. Владиміра въ первый періодъ его существованія показываетъ, что они поставлены были въ довольно благоприятныя отношенія къ наукѣ и къ жизни. Но къ сожалѣнію естественное развитіе университета приостановлено было печальнымъ событіемъ. Событіе это естественно объясняется свойствомъ той среды, въ которой былъ основанъ университетъ, и отчасти тѣми преданіями, которыя были внесены въ него первыми слушателями.

Университетъ св. Владиміра возникъ въ то смутное для западно-русскаго края время, когда свѣжи были еще въ умахъ его жителей воспоминанія о послѣдней упорной борьбѣ между двумя славянскими національностями: русскою и польскою. Народность, проигравшая свое дѣло съ оружіемъ въ рукахъ, не отказалась отъ надеждъ на возрожденіе, и только скрывала ихъ вмѣстѣ съ глубоко-затаенною враждою къ побѣдителямъ. Университетъ св. Владиміра возникъ изъ вольнскаго лицея, хотя въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ. Въ основу его, какъ мы видѣли, положены всѣ матеріальныя средства лицея, въ него перешли

всѣ учебныя пособія лица и отчасти виленскаго университета; составъ его преподавателей, сначала почти весь былъ лицейскій; большая половина его студентовъ образовалась или изъ воспитанниковъ лица, или изъ воспитанниковъ тѣхъ училищъ, для которыхъ кременецкій лицей и виленскій университетъ замѣняли долго высшее центральное учебное заведеніе. Не удивительно, что духъ и преданія старыхъ заведеній проникли отчасти въ новое. Преподаватели добросовѣстно исполняли свое дѣло; надзоръ начальства за духомъ преподаванія и за образомъ дѣйствій, какъ учащихся, такъ и учащихся, былъ, какъ мы видѣли, неусыпный. Но развѣ можно было сразу уничтожить неумовимый духъ преданія, который жилъ не только между студентами университета, но, еще болѣе, внѣ его, въ самомъ общественномъ мнѣніи края? Тайные недруги современнаго порядка вещей живо помнили роль, которую играли кременецкій лицей и виленскій университетъ въ недавнихъ событіяхъ, помнили за что они были закрыты. Русское правительство учредило университетъ св. Владиміра, желая высшимъ образованіемъ погасить узкія національныя антипатіи и слить двѣ національности въ одну общую. Недруги русскаго правительства смотрѣли на университетъ св. Владиміра, какъ на воскресшій старый лицей, и задумали употребить его орудіемъ къ воскрешенію своихъ тайныхъ надеждъ. Иной поступалъ въ университетъ, уже въ семействѣ вполнѣ приготовленный быть такъ называемымъ патриотомъ; иной поступалъ съ благороднымъ стремленіемъ къ наукѣ безъ всякой задней мысли, и отъ вліянія нѣкоторыхъ товарищей, а гораздо болѣе отъ внушенія постороннихъ университету лицъ, начиналъ разигрывать роль стараго кременецкаго лицейста.

Новый пріемъ студентовъ въ университетъ былъ отсроченъ по высочайшему повелѣнію на одинъ годъ. Всѣмъ студентамъ университета, не подлежавшимъ слѣдствію, представлено было право поступить въ другіе русскіе университеты по выбору каждаго, безъ новаго испытанія и съ зачетомъ времени, безпорочно проведеннаго ими въ здѣшнемъ университетѣ. Тѣмъ изъ числа студентовъ втораго, третьяго и четвертаго курсовъ, кои не пожелаютъ или, по какимъ

либо обстоятельствамъ, не въ состояніи будутъ перейти въ другіе университеты, дозволено вступить въ гражданскую службу съ чинами четырнадцатаго и двѣнадцатаго классовъ, на которые они, какъ не-вполнѣ окончившіе курсъ ученія въ университетѣ, не имѣли права по дѣйствующимъ узаконеніямъ. Вслѣдствіе этого, къ концу 183⁸/, учебнаго года выбыль изъ университета сто девяносто одинъ студентъ.

13-го марта 1837 года всѣ студенты получили приказаніе собраться на другой день, 14-го марта, въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ для представленія новому попечителю округа, князю С. И. Давыдову, и помощнику его, дѣйствительному статскому совѣтнику В. И. Карлагофу.

17-го марта лекціи прекратились.

ГЛАВА IV.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ КОЛЛЕКЦІИ.

(1834—1839.)

Коллекціи университета св. Владиміра имѣютъ основаніемъ своимъ коллекціи бывшаго волынскаго лицея, создателемъ которыхъ былъ Ѡ. Чацкій. Въ основу имъ онъ положилъ собраніе книгъ, медалей, минераловъ, рѣдкостей, физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, пріобрѣтенное имъ отъ наслѣдниковъ короля Станислава-Августа Понятовскаго за пятнадцать тысячъ червонцевъ. При его же содѣйствіи положено было основаніе ботаническому саду, гербарію, механическому, геодезическому, художественному кабинетамъ. Увеличенныя различными пожертвованіями и пріобрѣтеніями въ десяти-лѣтнее визитаторство Чацкаго, эти коллекціи вошли въ полномъ составѣ своемъ въ университетъ св. Владиміра. Онѣ далеко не удовлетворяли современнымъ потребностямъ университетскаго преподаванія уже потому, что были предназначены для менѣе обширнаго заведенія, но еще болѣе потому, что, въ семнадцать лѣтъ существованія лицея, по смерти Чацкаго, ихъ очень мало пополняли, под-

держивали *) и такимъ образомъ скорѣе запустили, нежели подвинули впередъ. Съ коллекціями было тоже, что съ преподавателями: и тѣ, и другіе поступили въ университетъ отсталые.

Съ 1834 года лицейскія коллекціи, обратясь въ университетскія, были увеличены коллекціями бывшаго виленскаго университета, оставшимися за надѣленіемъ виленской духовной академіи и частию харьковскаго университета, и пожертвованіями частныхъ лицъ. Наконецъ собственными приобрѣтеніями университета онѣ приводимы были постепенно въ состояніе, удовлетворяющее современной наукѣ и цѣли заведенія. Впрочемъ, рассматриваемый нами періодъ университетской жизни былъ временемъ не столько новыхъ современныхъ приобрѣтеній въ университетскихъ коллекціяхъ, сколько временемъ, когда приводимы были въ извѣстность и порядокъ коллекціи старыя, поступившія въ университетъ изъ коллекціи Вильно и другихъ заведеній.

Съ 1836 года коллекціи университета открыты были въ опредѣленные дни для публки.

1) Библиотека.

Библиотекъ при университетѣ двѣ: главная университетская и библиотека института казеннокоштныхъ студентовъ.

А) Главная университетская библиотека.

Первоначальный фондъ университетской библиотеки состоялъ изъ 24,379 названій въ 34,378 томахъ, оцѣненныхъ въ 56,820 рублей серебромъ, по настоящему курсу, и поступившихъ главнымъ образомъ изъ бывшаго волынскаго лицея.

Всѣ эти книги образовались изъ шести слѣдующихъ спеціальныхъ собраній, составлявшихъ лицейскую библиотеку:

1) *Королевской библиотеки*. Это пользовавшаяся въ XVIII вѣкѣ извѣстностію библиотека короля Станислава-Августа. Знаменитый нумизматъ и библиографъ XVIII вѣка, Янъ-Баптистъ *Альбертранди*, составилъ систематическій каталогъ ея въ XI большихъ томахъ in quarto, который въ рукописи,

*) Исключая ботаническаго сада.

переписанной рукою самого Альбертранда, употребляется и теперь въ университетѣ св. Владиміра. Собраніе это куплено Чацкимъ у наслѣдниковъ короля за безцѣнокъ, которымъ едва уплачивался переплеть 15,820 томовъ, составлявшихъ бібліотеку. Въ-особенности замѣчательны въ пей отдѣлы богословскій (2,400 званій), классической филологіи (2,200 званій) и, такъ называемая, *Collectio Polona*, т. е., собраніе книгъ (на всѣхъ языкахъ), касающихся польской жизни во всѣхъ ея отношеніяхъ (до 2,000 названій). Библиотека эта сверхъ того имѣла, такъ называемый, цедулочный или подвижной алфавитный каталогъ.

2) Собранія *Яблоновскихъ* (*Collectio Jablonowiana*), пожертвованнаго вольнской гимназіи княгинею *Теофилою Сапьюго* изъ части знаменитой бібліотеки своего отца князя Іосифа Яблоновскаго (*Patriae reipublicae Litterariae Sarmatis Amazonibusque eruditis*, какъ онъ названъ въ каталогѣ). Отдѣленіе это въ-особенности отличается собраніемъ книгъ и рисунковъ по археологіи. Имѣетъ цедулочный каталогъ. 2) Собранія *Микошевскихъ*, 3) собранія *Мошинскаго*, 4) собранія книгъ, приобрѣтенныхъ собственно вольнскою гимназіею (впослѣдствіи лицеемъ) съ 1805 по 1830 годъ. Для всѣхъ этихъ собраній имѣются цедулочные каталоги и сверхъ того хронологическій указатель послѣдняго собранія въ трехъ томахъ съ алфавитнымъ указателемъ. 5) Собранія *Іезуитскаго* и 6) собранія *Почаевскаго*.

Кременецкая бібліотека, поступивъ въ полномъ своемъ составѣ въ университетъ св. Владиміра съ 1834 года, увеличивалась съ 1834 до 1840 года:

1) Собраніемъ книгъ *виленской университетской бібліотеки* въ числѣ 5,387 названій и 7,554 томовъ.

2) Собраніемъ дублетовъ с.-петербургской *эрмитажной бібліотеки*, всемилоствѣйше пожалованныхъ университету въ числѣ 611 званій и 897 томовъ.

3) Собраніемъ книгъ *виленской духовной римско-католической академіи* — 231 званіе въ 863 томахъ.

4) Собраніемъ книгъ *виленской медико-хирургической академіи*, окончательное включеніе которыхъ въ каталоги уни-

верситета совершенно уже въ слѣдующемъ періодѣ; а до 1840 года наличность ихъ не была приведена въ ясность *).

5) *Частными пожертвованіями* разныхъ мѣстъ и лицъ, которыхъ число простиралось до 5,048 томовъ. Важнѣйшія въ числѣ ихъ поступили изъ завѣщанной университету генераль-фельдмаршаломъ фонъ-деръ-остенъ-Сакеномъ библіотеки **).

6) Наконецъ библіотека въ первыя пять лѣтъ существованія университета сама *приобрѣла* 1,409 названій въ 3,421 томѣ, цѣною въ 28,939 рублей 88 копеекъ ассигнаціями (или 6839 рублей 68½ копеекъ серебромъ), на *собственную штатную сумму* (5,000 рублей ассигнаціями въ годъ) и единовременные отпуска изъ *экономическихъ суммъ* университета (съ 1837 года по 9,000 рублей ассигнаціями).

Вслѣдствіе всѣхъ нечисленныхъ приобрѣтеній, при самой незначительной убыли (около 150 томовъ) отъ перечисленія книгъ въ библіотеку казеннокоштныхъ студентовъ и потери нѣкоторыхъ сочиненій, — библіотека университета съ 1834 — 1840 годъ прибавила къ основному кременецкому фонду 10,560 названій въ 17,779 томахъ, на сумму 83,498 рублей 74 копейки ассигнаціями, или 26,713 рублей серебромъ.

Такимъ образомъ къ 1-му январю 1840 года въ ней заключалось:

Книгъ 34,939 названій въ 25,157 томахъ (въ томъ числѣ 73 тома рукописей), *на сумму* 292,365 рублей ассигнаціями (83,532 рубля серебромъ).

Относительно количества книгъ библіотека университета св. Владимира уступала только библіотекамъ московскаго и дерптскаго университетовъ.

*) Изъ виленской медико-хирургической библіотеки поступило въ университетъ св. Владимира 12,262 названія въ 17,556 томахъ, большею частию медицинскаго содержанія.

**) Кроме всѣхъ означенныхъ собраній библіотека университета отчасти укомплектовывалась по выбору совѣта книгами изъ библіотекъ уманскаго базилянскаго монастыря и каневскаго училища, книгами конѣискованными, и обмѣномъ книгъ изъ библіотекъ волынской, ровенской, книгами подольской и винницкой гимназій.

Что касается до *периодических изданій*, которыя не включены въ это число, то къ первоначальному количеству ихъ — 69, поступившему изъ Кременца, въ университетѣ прибыло 78 (на 2644 рубля серебромъ), такъ что все количество периодическихъ изданій къ началу 1840 года равнялось 147 названіямъ. Ежегодно университетъ выписывалъ отъ 11 (въ 1834) до 20 периодическихъ изданій на русскомъ и отъ пятнадцати до двадцати пяти изданій на польскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Очень любопытные результаты касательно внутренняго содержанія книгъ библіотеки можно было бы извлечь изъ систематическаго распредѣленія всей ея пачности по научнымъ отдѣламъ. Но къ сожалѣнію, по неимѣнію общаго систематическаго каталога всѣмъ частнымъ собраніямъ, изъ которыхъ сложилась библіотека университета, сдѣлать это съ точностію весьма трудно. Мы ограничимся классификаціею всѣхъ библіотечныхъ приобрѣтеній съ 1834 года по 1840 годъ, для составленія которой находимъ данныя въ отчетахъ.

Первое мѣсто занимаетъ *исторія, статистика и географія*, включенныя въ каталогахъ въ одинъ отдѣлъ: по этимъ наукамъ приобрѣтено 2048 названій, 3609 томовъ. Затѣмъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *филологія*, по преимуществу классики (1507 названій, 2306 томовъ), *словесныя науки* (1377 названій, 2613 томовъ), *правовѣдѣніе* (1190 названій, въ 1913 томовъ), *математика* (1049 названій, въ 1421 тома), *домоводство* (экономія, технологія и торговля 739 названій, въ 1289 томахъ), *философія* (со включеніемъ педагогій 707 названій, 924 тома), *естественныя науки* (со включеніемъ небольшого числа (194 названія) *медицинскихъ книгъ* (648 названій 1003 томовъ), *богословіе* (531 названіе 844 тома), *свободныя художества* (356 названій въ 536 томахъ) и наконецъ *поэзія* (200 названій 1060 томовъ). Надо замѣтить впрочемъ, что, такъ какъ приращеніе происходило главнымъ образомъ отъ присоединенія къ кременецкой библіотекѣ собраній старыхъ, — то число *современныхъ* сочиненій въ ней было относительно чрезвычайно *ограничено*. Особенно ошутителенъ былъ при основаніи библіотеки недостатокъ въ кни-

гахъ на русскомъ языкѣ; для устраненія его уже въ 1836 году совѣтъ ассигновалъ 1000 рублей ассигнаціями для покупки исключительно русскихъ книгъ.

Цифра, показывающая число пользовавшихся чтеніемъ книгъ библіотеки, представляетъ довольно странное колебаніе и не столько въ общей ежегодной суммѣ, сколько въ частныхъ.

	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
1) Преподавателями и чиновниками университета взято.	549	235	1155	1747	1265	1240
2) Учащимися	458	82	216	283	350	127
3) Посторонними лицами. . . .	—	—	84	4	9	27
Итого. . .	1037	317	1455	2034	1624	1399

Понятенъ упадокъ цифры прочитанныхъ книгъ въ 1839 году, когда университетъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ закрытъ; но трудно объяснить, почему такъ сильно упало число прочитанныхъ книгъ въ 1835 году, противъ цифры прочитанныхъ въ годъ основанія университета, когда библіотека не вся была еще разобрана. Для чтенія преподавателей, журналы и газеты выставлялись обыкновенно въ одной изъ аудиторій, носившей названіе сборной профессорской комнаты.

Университетъ своего постоянного собственнаго комиссіонера не имѣлъ, но выписывалъ русскія сочиненія чрезъ с.-петербургскаго книгопродавца А. Смирдина и московскаго Селвановскаго; а иностранныя книги получалъ или чрезъ с.-петербургскаго книгопродавца Грѣфа, или чрезъ лембергскаго Миллиновскаго, а съ 1838 года нѣкоторыя книги сталъ получать изъ Галле отъ Дейхмана.

Библіотекаремъ университета былъ въ разсматриваемый нами періодъ надворный совѣтникъ Павелъ Осиповичъ *Ярковскій*, получившій воспитаніе въ Кременцѣ и завѣдывавшій тамошнею библіотекою съ 1805 года. Ярковскій имѣлъ основательныя по своему времени спеціальныя для своей должности свѣдѣнія. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что будучи при лицѣ библіотекаремъ, онъ давалъ въ немъ уроки библіографіи и всеобщей грамматики. Ярковскій зналъ

сверхъ того много языковъ и, управляя съ 1805 года кременецкою библіотекою, зналъ се какъ свои пять пальцевъ. Помощниками его были: въ 1834 году лекторъ польскаго языка *Микульскій* и секретарь библіотеки *Княжинскій*; въ 1835 году девятаго класса *Каменскій*; въ 1836 и 1837 годахъ коллежскій совѣтникъ *Новоиребельскій*; а съ 1838 года титулярный совѣтникъ *Иерзабекъ*, имѣвшій по этой должности спеціальныя знанія. Въ 1838 году издана совѣтомъ инструкция библіотекарю.

В) *Библіотека института казеннокоштныхъ студентовъ.*

Въ основаніе ея положены, въ 1836 году, пожертвованныхъ книгъ 206 названій въ 551 томѣ, на сумму 2707 рублей 90 копеекъ ассигнаціями, большею частію по естествознанію, словесности и исторіи. Къ 1-му январю 1840 года число книгъ возрасло до 370 званій и 990 томовъ, а цѣнность ихъ до 5555 рублей ассигнаціями (т. е., 1587 рублей 75 копеекъ серебромъ). Основные отдѣлы ея были увеличены, и почти вновь образованъ отдѣлъ наукъ юридическихъ (23 званія въ 121 томѣ). Периодическихъ изданій въ 1839 году было восемь званій на 77 рублей 38 копеекъ серебромъ. Сверхъ книгъ въ нее вошло ноть двѣнадцать званій на сумму 25 рублей 80 копеекъ серебромъ. Большая часть книгъ (241) была на русскомъ языкѣ; — на французскомъ и нѣмецкомъ всего шестьдесятъ четыре. Библіотекою завѣдывалъ номинально состоявшій при институтѣ помощникъ инспектора студентовъ; а въ дѣйствительности казеннокоштный студентъ перваго отдѣленія философскаго факультета, *Карль Гиршъ*.

2) *Физическій кабинетъ* университета составили:

1) Приборы, поступившіе изъ бывшаго волынскаго лицей *)). Первоначальное число ихъ простиралось до 259; цѣнность ихъ по описи составляла 6,037 р. 55 1/2 к. сер. Изъ этого числа передано по распоряженію начальства въ другіе кабинеты и потому исключено изъ наличностей физическаго кабинета, въ 1838 году, тридцать два прибора, на сумму 3,374

*) Основаніе физическому кабинету въ Кременці положено инструментами, которые пожертвовалъ Ординатъ Замойскій.

рубли серебромъ. Такимъ образомъ изъ снарядовъ волинскаго лица вошло въ составъ кабинета университетскаго двѣсти двадцать семь нумеровъ на сумму 2,663 рублей 55 $\frac{1}{2}$ копеекъ серебромъ.

2) Приборы, поступившіе въ кабинетъ изъ ничтожной коллекціи уманскаго базиліанскаго монастыря и училища и отъ пожертвованій частныхъ лицъ, всего по обѣимъ статьямъ какихъ-нибудь пять приборовъ, цѣною не болѣе какъ на 250 рублей серебромъ.

3) Приборы, прибрѣтенные покупкою на счетъ штатной суммы, всего три прибора по электро-магнетизму, на сумму 3,500 рублей серебромъ.

4) Приборы, назначенные къ передачѣ изъ виленской медикохирургической академіи, поступили въ кабинетъ только въ 1840 году *).

Къ 1-му январю 1840 года физическій кабинетъ заключалъ въ себѣ: разныхъ приборовъ и инструментовъ двѣсти тридцать три, на сумму 3,046 рублей 8 копеекъ серебромъ. Въ томъ числѣ было: а) для физической механики тѣлъ твердыхъ тридцать четыре предмета, б) для механики жидкостей двадцать, с) для воздуха и газовъ сорокъ два, d) для теплоты и паровъ двадцать три, е) для свѣта сорокъ четыре, f) для электричества пятьдесятъ семь, g) для магнетизма семь, h) для электромагнетизма три, i) по предмету физической географіи три.

Такъ какъ коллекція волинская физическихъ снарядовъ составлена была изъ пожертвованій разныхъ частныхъ лицъ и притомъ въ давнее время, то физическій кабинетъ университета въ началѣ своемъ не могъ представлять единства въ цѣломъ, какъ по отношенію къ отдѣлкѣ инструментовъ, такъ и по отношенію къ научной цѣли, и крайне нуждался въ приборахъ, относящихся къ новѣйшимъ открытіямъ въ наукѣ. Недостатокъ этотъ чуть замѣтно началъ уменьшаться съ 1838 года передѣлкою и исправленіемъ старыхъ и прибрѣтеніемъ новыхъ снарядовъ. Передѣлка и исправленіе произведены были университетскимъ механикомъ Фальбергомъ.

*) 149 приборовъ на сумму 4083 рубли 64 копеекъ серебромъ.

Кабинетомъ завѣдывали: сначала профессоръ Абламовичъ, который не только не привелъ кабинета въ порядокъ, но утратилъ кабинетные солнечные часы, и преподаватель Чеховичъ. Посредствомъ имѣвшихся приборовъ производимы были опыты, относящіеся собственно къ подтвержденію разныхъ положеній науки во время лекцій; опыты съ научною цѣлью не могли быть еще производимы при такомъ плачевномъ состояніи коллекцій.

3) *Минералогическій кабинетъ.*

Въ основу его положены: *во-первыхъ* коллекція минераловъ, приобрѣтенная Чацкимъ отъ наслѣдниковъ короля Станислава-Августа; *во-вторыхъ* коллекція пожертвованная Гуго Колонтаемъ (изъ 6,000 предметовъ), особенно замѣчательная лабрадорами и купленная имъ въ 1792 году въ Дрезденѣ у Пётшена. Въ Кременцѣ кабинетъ увеличивался пожертвованіями, и до 1817 года не былъ описанъ и приведенъ въ научную систему. Учитель лица Зѣновичъ, принявшій въ этомъ году въ свое завѣдываніе коллекцію, постепенно разобралъ ее, расположилъ по системѣ Вернера, и дополнилъ собраніемъ минераловъ и окаменѣлостей, собранныхъ имъ въ 1828 году, во время геогностической экскурсіи по волынской и подольской губерніямъ. Въ годъ закрытія лица коллекція состояла изъ 15,538 предметовъ *).

Въ такомъ видѣ поступила она въ университетъ св. Владимира и съ 1834 по 1838 годъ находилась въ завѣдываніи

*) Въ томъ числѣ :

1) Земель и камней штуфовъ	7,369.
2) Солей	92.
3) Горючихъ тѣлъ	190.
4) Металловъ	4,799.
5) Горныхъ породъ (кряжевиковъ)	737.
6) Минераловъ для изясненія признаковъ	790.
7) Стекланныхъ моделей брилліантовъ	18.
8) Кристалловъ	37.
9) Деревянныхъ кристалловъ по системѣ Вернера	468.
10) Минераловъ и окаменѣлостей кievской, волынской и подольской губерній	1,000.
11) Рѣдкостей	27.

Всего . . . 15,538.

11*

того же профессора Зѣновича, сохранила прежнюю систему и увеличивалась во-первыхъ по прежнему частными пожертвованіями, въ числѣ которыхъ рѣдко попадались предметы замѣчательные, большею же частію были ничтожные (всего 1367 предметовъ) *), во-вторыхъ предметами еще меньшаго достоинства, поступившими изъ минералогическихъ коллекцій лудской гимназіи и уманскаго уѣзднаго училища (всего 1457 предметовъ). Такимъ образомъ къ концу 1837 года минералогическій кабинетъ университета заключалъ въ себѣ: 19,362 штуфа, оцѣненныхъ г. Зѣновичемъ въ общей сложности приблизительно въ 25,000 рублей серебромъ (или до 90,000 рублей ассигнаціями).

Въ 1838 году ординарный профессоръ Гофманъ, принявшій этотъ кабинетъ въ свое завѣдываніе, занялся разборомъ его. Сдѣлавъ разсортировку предметовъ всей коллекціи, Гофманъ нашель, что изъ всего наличнаго числа ихъ заслуживаетъ сохраненія только 3,242 предмета, оцѣненные въ 10,000 рублей ассигнаціями (или до 3,000 рублей серебромъ) и разклассифицированные имъ на слѣдующія отдѣленія: 1) *ориктоистическое собраніе* изъ 1783 предметовъ, расположенныхъ Гофманомъ по новѣйшей системѣ Берцелиуса, 2) *геогностическое* собраніе каменныхъ породъ окаменѣлостей изъ разныхъ частей Россіи изъ 1,000 штукъ, 3) собраніе для объясненія наружныхъ признаковъ изъ 149 штукъ, 4) собраніе шлифованныхъ камней 300 и 5) собраніе рѣдкостей изъ десяти штукъ.

Остальныя затѣмъ 16,120 штукъ частію переданы были въ другіе кабинеты (семнадцать предметовъ изъ собранія рѣдкостей), а частію, какъ негодные, исключены изъ наличности минеральнаго кабинета, съ оставленіемъ временно при томъ же кабинетѣ, впредь до употребленія въ университетскомъ ботаническомъ саду или же инымъ образомъ.

*) Жертвователями были: графъ Илинскій, Сулятицкая, докторъ Ширмеръ, пятаго класса Лохвицкій, гвардіи поручикъ Анненковъ, полковника Иваненкова, генераль-штабъ-докторъ Успенскій, баронъ Шодуаръ, г. Паросковъ, гг. Бугаевскій, Чайковскій, Огородничъ, Муравьевъ, Голубцовъ, Шелопутинъ, Лауницъ, Зимовскій, Кучальскій, Петровъ, Орловскій. Нѣкоторые дали вещи очень замѣчательныя, другіе жертвовали по пословицѣ: «на тоби, небоже, що мни негоже.»

Вмѣстѣ съ этимъ преобразованиемъ кабинета приняты были, съ 1838 года, мѣры къ пополненію и улучшенію его сообразно современнымъ потребностямъ науки. Опытъ научилъ, что отъ пожертвованій въ этомъ отношеніи добра ожидать много нельзя, по пословицѣ «дарованному коню въ зубы не смотрять», а потому укомплектовывать кабинетъ стали большею частію приобрѣтеніемъ разныхъ предметовъ на счетъ штатной суммы кабинета и на счетъ особыхъ средствъ, ассигнованныхъ министерствомъ изъ общаго экономическаго капитала гражданскихъ учебныхъ заведеній. На эти суммы приобрѣтено было въ два года: 1) ориктогностическое собраніе изъ 2,729 предметовъ большею частію отъ с.-петербургскаго аптекаря Кемерера; 2) геогностическое собраніе изъ Гейдельберга въ 622 предметахъ, — оба цѣною въ 9,886 рублей ассигнаціями. Сверхъ того берлинскій университетъ пришесть въ даръ университету св. Владиміра сорокъ пять минераловъ (50 р. ас.), а самъ профессоръ Гофманъ двадцать пять крымскихъ горныхъ породъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ приобрѣтеній, минералогическій кабинетъ къ 1-му январю 1840 года заключалъ въ себѣ:

- 1) Ориктогностическую коллекцію изъ 5,104 предметовъ.
- 2) Геогностическую — изъ 1,662 предметовъ.
- 3) Минераловъ для извѣщенія признаковъ 232 и
- 4) Рѣдкостей десять штукъ.

Всего 7,008 предметовъ, цѣною въ 4,761 рубль серебромъ, или 16,663 рубли 50 копеекъ ассигнаціями.

Такимъ образомъ минералогическая коллекція университета была сокращена въ количествѣ, но значительно улучшена въ качественномъ отношеніи стараніями профессора Гофмана.

4) *Химическая лабораторія* находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. При основаніи университета въ нее поступило 540 аппаратовъ и матеріаловъ и 660 штукъ посуды: все это было старье, испорченное сверхъ того перевозкою изъ Кременца. Для приведенія лабораторіи въ надлежащее состояніе необходимо было помѣщеніе, приспособленное къ ея цѣлямъ. Строить его, при неимѣніи собственнаго постояннаго зданія, почиталось излишнимъ. Ла-

бораторія устроена была въ подвалѣ одного изъ нанимаемыхъ домовъ кое-какъ для производства необходимѣйшихъ при чтеніи лекцій работъ, посуда постоянно портилась отъ употребленія, матеріалы истощились. А между тѣмъ на лабораторію не отпускалось даже штатной суммы и постоянная убыль ее вознаграждалась кое-какъ на счетъ экономическихъ средствъ университета. Съ 1-го января 1840 года она находилась по количеству предметовъ въ томъ же состояніи какъ и при открытіи университета (всего 1,200 предметовъ на 1000 рублей ассигнаціями), только всѣ ея спаряды и посуда еще болѣе обвѣтшали и испортились отъ употребленія.

Завѣдывалъ лабораторіею ординарный профессоръ Зѣновичъ; лаборантомъ при немъ состоялъ Самаровъ.

5) *Гербарій*. Начало университетскому гербарію положено было въ послѣдній годъ существованія лица г. Андржіовскимъ: въ 1834 году, при открытіи университета, онъ состоялъ изъ 1500 видовъ растений. Въ періодъ времени отъ 1834 до 1840 года гербарій этотъ увеличивался частію отъ пожертвованій, изъ коихъ значительнѣйшее сдѣлано было барономъ Шодуаромъ (до 5000 видовъ), частію гербаріемъ уманскаго училища, засушенными растеніями изъ собственнаго университетскаго сада и наконецъ обмѣномъ дублетныхъ экземпляровъ на новые, большею частію закавказской флоры, съ естественнымъ испытателемъ Гогенакеромъ изъ Ленкорана. Къ 1-му январю 1840 года гербарій заключалъ въ себѣ 6,493 вида растений въ 10,807 экземплярахъ, цѣною на 1873 рубл. 85⁵/₁₀₀ копеекъ серебромъ. Гербаріумъ находился въ завѣдываніи профессоровъ — сначала Бессера, а потомъ Траутфеттера.

6) *Ботаническій садъ* *).

Университетскій ботаническій садъ въ Кіевѣ возникъ изъ лицейскаго ботаническаго сада въ Кременцѣ.

Кременецкій ботаническій садъ появился вмѣстѣ съ вольнскою гимназіею, преобразованною въ 1818 году въ лицей. Въ 1806 году, по распоряженію Чацкаго, садовникъ, ирлан-

*) *R. Trautfetter*. Ueber den krzemieniecer botanischen Garten (въ *Bullet. des N. de M.*, IV vol. 1844); составлено на основаніи рукописи покойнаго Бессера: *Die Geschichte des botanischen Gartens zu Krzemieniec in Wolyhynien*.

децъ Mr. Claige, на продолговатомъ, около восьми морговъ заключавшемъ и къ зданію лица примыкавшемъ пространствѣ земли, разбилъ первый увеселительный садъ, построилъ три оранжереи и каменные парники. Въ 1809 году, покойный профессоръ университета св. Владимира Бессеръ занялъ въ гимназіи мѣсто учителя ботаники и зоологіи и, желая дать саду научную цѣль, постепенно измѣнилъ его расположеніе и самый наружный видъ. Съ 1814 по 1823 годъ Бессеръ распространилъ старыя оранжереи, построилъ новую небольшую оранжерею для молодыхъ тепличныхъ растений и помѣщеніе для садовника. Не смотря на небольшой объемъ сада и на тѣсноту оранжерей, не смотря на довольно неблагоприятныя условія мѣстности, которая состояла изъ равнины и отлогихъ покатоствей, не смотря на отсутствіе воды, которую нужно было возить изъ довольно отдаленнаго источника, — кременецкій ботаническій садъ вскорѣ получилъ извѣстность не только въ Россіи, но за границую. Этою извѣстностью онъ обязанъ неутомимымъ трудамъ Бессера и тому уваженію, какимъ профессоръ этотъ пользовался между современными ботаниками. Въ цвѣтущій періодъ свой, садъ этотъ снабжалъ русскими сѣменами и растеніями до двадцати пяти однихъ иностранныхъ садовъ и, по богатству своихъ собраній, могъ спорить не только съ отечественными, но и съ вѣкоторыми заграничными ботаническими садами. Садовникъ, Mr. Claige, воспиталъ въ немъ, въ 1809 году, 760 видовъ иноземныхъ и 460 видовъ туземныхъ растеній, большею частью пожертвованныхъ гимназіи, какъ это обыкновенно дѣлалось при Чацкомъ. Бессеръ, принявъ въ свое завѣдываніе садъ, тотчасъ вступилъ въ сношенія съ туземными и иностранными ботаническими заведеніями *), которымъ доставлялъ и отъ

*) Бессеръ обсылался растеніями и сѣменами съ слѣдующими ботаническими садами: геттингенскимъ (садовникъ Шрёдеръ), парижскимъ (садовникъ Touin), вѣнскимъ (Schott), краковскимъ (Polaszek), виленскимъ (Jundzill), горенковскимъ (Fischer), пражскимъ (Misan), дерптскимъ (Weinmann), харьковскимъ (Delavigne), пестскимъ (Kitaibel), гальскимъ (Sprengel), ландгутскимъ (Schultes), ровенскимъ (Rochel), берлинскимъ (Witdenow), эрфуртскимъ (Бернгарди), цюрихскимъ (Römer), никитскимъ (Steven), варшавскимъ (Schubert), кёнигсбергскимъ (Schweigger), бреславскимъ (Treviranus), гейдельбергскимъ (Metzger), копенгагенскимъ (Hornemann), мадритскимъ (La-

которыхъ получалъ новыя сѣмена. Вслѣдствіе этихъ сношеній, въ 1810 году кременецкій садъ имѣлъ уже 2406 видовъ и разностей, а въ 1823 году до 9000. Этотъ годъ былъ апогеемъ сада. Послѣ этого онъ уже не распространялся, хотя самъ Бессеръ упоминаетъ, что число растений въ немъ доходило до 12,000. Въ 1834 году, то есть, въ годъ основанія университета св. Владимира, когда садъ поступилъ въ собственность университета, въ немъ считалось 5,024 вида и разностей на грунтѣ и въ горшкахъ и 3,920 сѣмянъ: всего 8,944 *). Съ этого времени перестали заботиться объ умноженіи кременецкихъ растений, а обратили все вниманіе на то, чтобы сохранить въ цѣлости растенія, заслуживающія переселенія въ Кіевъ, до-тѣхъ-поръ пока кіевскій садъ и оранжереи будутъ готовы къ принятію кременецкихъ переселенцевъ.

Но съ 1839 года, по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, въ Кіевѣ ни сада, ни оранжерей не было устроено. Только въ 1839 году устроенъ былъ трудами профессора Траутфеттера временной университетскій садъ, въ которомъ посажены были иностранныя деревья и вообще многолѣтнія растенія для того, чтобы позднѣе облегчить разведеніе постоянного сада. Но не прежде какъ въ 1841 году открылась возможность перевезти изъ Кременца въ Кіевъ всѣ грунтовыя отборныя деревья, кустарники и травы, и затѣмъ кременецкій садъ переданъ былъ въ собственность кременецкой духовной семинаріи, исключая оранжерей, изъ которыхъ растенія перевезены были въ Кіевъ только въ 1842 году.

Завѣдывалъ кременецкимъ ботаническимъ садомъ съ 1806 по 1809 годъ Mr. Claige, независимо отъ учителя естественныхъ наукъ въ гимназіи Шейдта. Съ 1809 по 1838 годъ, подъ главнымъ управленіемъ Бессера, котораго можно назвать настоящимъ создателемъ сада, въ качествѣ садовниковъ

gasco), мюнхенскимъ (Seitz), пармскимъ (Jan), дрезденскимъ (Reichenbach), боннскимъ (Nees von Esenbeck), женевскимъ (Decandole), моденскимъ (Brignoli), гамбургскимъ (Letman), петербургскимъ (Fischer).

*) Такъ показано у Траутфеттера въ вышеприведенномъ сочиненіи. Въ краткомъ отчетѣ, читанномъ при открытіи университета 15 іюля 1834 г., показано 14,797 видовъ и отмѣнъ растений.

состояли: *Ивантій Грабовскій* (до 1818), *Витцель* (до 1827) и *Гофманъ*, который состоялъ въ этомъ званіи до окончательнаго перевода кременецкаго сада въ Кіевъ.

Во что обошлось первоначальное заведеніе сада Мг. *Clairg'e*омъ и сколько издерживалось на него въ первые годы бессерова управленія — неизвѣстно. Долго не было назначено на содержаніе сада опредѣленной штатной суммы. Экономическое правленіе гимназій, по требованіямъ директора, отпускало деньги, необходимыя для покрытія издержекъ, изъ общей лицейской суммы и особенныхъ счетныхъ книгъ по саду не имѣло. Съ 1818 года, при самомъ садѣ, велись приходо-расходныя книги; но многія потребности сада, какъ напримѣръ: рабочіе, дрова, кормъ для лошадей и тому подобное были отпускаемы натурою изъ лицейскихъ имѣній. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ опредѣлить точно цифру первоначальныхъ издержекъ сада не возможно. Бессеръ полагалъ, что около 1817 года садъ стоилъ ежегодно до 2,500 рублей серебромъ. Съ 1818 года опредѣлена была штатная сумма на содержаніе сада въ 1,500 рублей, но по прежнему отпускались для него рабочіе, дрова и фуражъ. Только съ 1824 года отпуска эти прекратились. Когда кременецкій садъ обратился въ собственность университета св. Владимира, по штату 1833 года, на него назначено было ежегодно по 6,000 рублей ассигнаціями (1,777 рублей 71³/₇ копеекъ серебромъ).

Къ 1-му январю 1840 года состояло принадлежащихъ университету растений:

а) Въ *Кременцѣ* 5,629 видовъ растений въ 9,682 экземплярахъ и 5,067 сортовъ сѣмянъ *).

б) Въ *Кіевѣ* во временномъ саду, разведенномъ съ 24-го мая 1839 года профессоромъ Траутфеттеромъ живыхъ растений 1,037 видовъ и 431 сортъ сѣмянъ **). Этотъ времен-

*) Тепличныхъ 381 видъ, въ 1413 экз., 32 сорт. сѣмянъ.

Капскихъ 223 вида, 1294 экз., 17 сорт. сѣмянъ.

Умѣреннаго климата 582 вида, 2172 экз., 330 сорт. сѣмянъ.

Деревья и кустарники 635 видовъ, 995 экз., 223 сорт. сѣмянъ.

Грунтовыхъ 3808 видовъ, 4145 сорт. сѣмянъ.

**) Оранжерейныхъ 72 вида, 379 экз., 20 сорт. сѣмянъ.

Деревья и кустарники 103 видовъ, 964 экз., 33 сорт. сѣмянъ.

Грунтовыхъ 867 видовъ, 373 сорт. сѣмянъ.

ной садъ съ 1834 года составился изъ 327 экземпляровъ растений, подаренныхъ университету изъ бывшего румянцовскаго сада въ Гомелѣ. Сперва они находились на сохраненіе въ кievскомъ дворцовомъ саду у садовника *Несхера*, а съ 1839 года кievскій временной садъ поступилъ подъ надзоръ садовника *Гохута*, бывшего помощникомъ у Гофмана въ Кременцѣ.

7) *Зоологическій кабинетъ*, подобно прочимъ коллекціямъ, въ основаніи своемъ имѣлъ кременецкую, которая составила главнымъ образомъ изъ пожертвованій и, во время закрытія лица, находилась въ запущенномъ состояніи, исключая богатаго энтомологическаго собранія, бывшего предметомъ особенной заботливости профессора Бессера. Отъ перевозки въ Кіевъ и отъ неудобства помѣщенія коллекція еще болѣе пострадала.

При поступленіи въ вѣдомство университета, зоологическій кабинетъ, расположенный по системамъ Кювье и Бленвиля, заключалъ въ себѣ собраніе животныхъ, состоявшее изъ 2,347 видовъ въ 7,757 экземплярахъ *) и собраніе энтомологическое, состоявшее изъ 11,396 видовъ и 22,730 экземпляровъ. Въ зоологической коллекціи особенно плохими оказывались экземпляры изъ млекопитающихъ и птицъ, которыя частію состояли изъ костей, частію же худо были приготовлены и изъѣдены молью; самыми лучшими частями были раковины и насѣкомыя. Негодныхъ экземпляровъ уже въ 1834 году въ собраніи животныхъ оказывалось 1,962. Точной цѣны зоологическому кабинету, при поступленіи его въ собственность университета, не означено, но примѣрно оцѣненъ онъ до 30,000 рублей ассигнаціями, изъ коихъ до 20,000 приходилось на энтомологическую коллекцію.

*) Млекопитающихъ	44 вида	94 экземпляра.
Птиць	113 »	163 »
Гадовъ	38 »	69 »
Рыбъ	39 »	60 »
Моллюсковъ	1938 »	7095 »
Червей	26 »	57 »
Лучистыхъ	43 »	80 »
Зоофитовъ	106 »	134 »

Зоологическій кабинетъ съ 1834 по 1840 годъ умножался: 1) покупками на счетъ штатной суммы (1000 рублей ассигнаціями въ годъ) экземпляровъ у иностранцовъ Зама, Эклона (въ Гамбургѣ) и Перрейса (въ Вѣнѣ); 2) доставленіемъ, по распоряженію начальства, экземпляровъ изъ коллекцій луцкой гимназіи, уманскаго и мѣнджирецкаго уѣздныхъ училищъ, изъ кievской и житомирской врачебныхъ управъ; 3) пожертвованіями частныхъ лицъ, изъ коихъ особенно замѣчательны вклады Добѣминаго, Рыльке, Лохвицкаго, князя Яблоновскаго, Рославца и императорской академіи наукъ; 4) стараніями завѣдывшаго кабинетомъ адъюнкта Андржеіовскаго, собиравшаго экземпляры мѣстныхъ птицъ и наконецъ 5) отъ щедротъ государя императора, который въ 1838 году, во время пребыванія въ Варшавѣ, высочайше повелѣтъ соизволилъ отправить въ Кіевъ одного изъ слоновъ тамошняго зоологическаго кабинета.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ пріобрѣтеній, уравновѣшиваемыхъ отчасти убылью негодныхъ экземпляровъ, зоологическій кабинетъ университета къ 1-му январю 1840 года заключалъ въ себѣ всего 15,373 вида, цѣною на 11,678 рублей 14³/₄ копеекъ серебромъ, или 40,873 рублей 50 копеекъ ассигнаціями. — Изъ этого числа на собраніе чисто-зоологическое приходилось 3,075 видовъ, а на собраніе энтомологическое 12,298 видовъ. Самыми лучшими частями кабинета почитались по прежнему раковины и насѣкомыя.

Кабинетомъ завѣдывалъ до закрытія университета адъюнктъ Андржеіовскій (зоологическою коллекціею) и профессоръ Бессеръ (энтомологическою коллекціею), а съ новаго открытія адъюнктъ Миддендорфъ.

8) *Геодезическій кабинетъ* первоначально сложился въ 1834 году изъ 82 предметовъ работы мюнхенскаго художника Рейхенбаха, принадлежавшихъ виленскому университету и оцѣненныхъ въ 1,635 рублей 70 копеекъ серебромъ и изъ 10-ти, большею частію испорченныхъ, инструментовъ, перевезенныхъ изъ уманскаго училища. За исключеніемъ, изъ этого числа предметовъ негодныхъ и за перечисленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ механической и архитектурный кабинеты, — геодезическое собраніе къ 1-му январю 1840 года

состояло изъ 29 инструментовъ, цѣною въ 114 рублей 85 ⁵/₁₀₀ копеекъ серебромъ.

9) *Кабинетъ моделей и машинъ.*

Собрание моделей и машинъ, по доставленіи ихъ изъ механической школы, бывшей при волынскомъ лицей (въ числѣ 334 предметовъ и 1,665 чертежей на 1,700 рублей серебромъ), а частью изъ бывшаго виленскаго университета, хранилось при университетѣ сначала въ ящикахъ неразобраннымъ, по случаю нерѣшенія вопроса о томъ: къ университету или къ кievской гимназіи должна быть причислена механическая школа. Въ 1837 году началась разсортировка этого собранія: часть инструментовъ, моделей и чертежей отошла къ архитектурному кабинету, а часть къ школѣ землемѣровъ при кievской первой гимназіи и затѣмъ къ 1-му января 1840 года въ университетской механической коллекціи осталось: а) моделей механическихъ, машинъ и инструментовъ 310; б) орудій и машинъ агрономическихъ пятьдесятъ одна. Всего 361; примѣрно на сумму 1500 р. серебромъ.

10) *Архитектурный кабинетъ*

сложился 1) изъ доставленныхъ изъ виленскаго университета 338 архитектурныхъ моделей, 2) изъ отдѣленныхъ отъ собранія механическаго 1665 чертежей, 3) изъ 10-ти инструментовъ, выписанныхъ университетомъ изъ Лейпцига, на 120 рублей серебромъ. Онъ получилъ отдѣльное существованіе только съ 1837 года, а до-тѣхъ-поръ предметы его хранились неразобранными вмѣстѣ съ механическою и геодезическою коллекціями. Къ 1-му января 1840 года въ архитектурномъ кабинетѣ находилось: 1) моделей архитектурныхъ 338, 2) инструментовъ тринадцать, 3) чертежей 4,957 листовъ. Всего на сумму 1062 рублей 71 ²/₁₀₀ копеекъ серебромъ.

Всѣ три послѣдніе кабинета съ 1834 по 1840 годъ находились въ завѣдываніи ординарнаго профессора архитектуры Мѣховича.

11) *Астрономическій кабинетъ*

учрежденъ съ прибытіемъ въ Кіевъ профессора Федорова въ 1838 году, и составилъ частью посредствомъ передачи въ него нѣкоторыхъ снарядовъ изъ физическаго и архитектурнаго кабинетовъ, частью посредствомъ уступки универ-

ситету, по распоряженію министерства, астрономическихъ снарядовъ, находившихся у Федорова во время его путешествія по Сибири. Къ концу 1839 года въ кабинетъ состояло на лицо: 48 снарядовъ и инструментовъ годныхъ и негодныхъ для употребленія. Цѣнность кабинета простиралась до 5,500 рублей серебромъ.

12) *Кабинетъ художественныхъ произведеній.* Основаніе живописному отдѣлу было положено Чацкимъ частью изъ пожертвованій, частью изъ покупокъ. Самъ Чацкій отзывался объ немъ въ 1811 году такъ: «*tamą obrazą, które znalazłyby miejsce cenniejsze we wszystkich galleryach, tamą rysunki wielu pierwszych mistrzów*» *). Въ 1835 году къ собранію этому, заключавшему въ себѣ тогда 450 предметовъ, присоединены были: 1) художественная коллекція бывшаго виленскаго университета, состоявшая изъ коллекцій живописной (пятьдесятъ предметовъ), скульптурной (сорокъ предметовъ) и гравюрной (1,777 предметовъ); 2) рисовальная коллекція бывшаго уманскаго училища, изъ 209 рисунковъ.

Такимъ образомъ художественная коллекція университета св. Владимира, при самомъ началѣ его, состояла изъ 2,527 предметовъ. Изъ новыхъ приобрѣтеній до 1840 года поступило только 108 литографій, купленныхъ у императорской академіи художествъ, портретъ Императора Николая I-го работы Крюгера (всего на 4,110 рублей ассигнаціями, или 1,171 рублей серебромъ), да нѣсколько незначительныхъ пожертвованій. Такимъ образомъ къ 1-му январю 1840 года кабинетъ находился въ слѣдующемъ состояніи:

а) Въ живописномъ отдѣленіи:

Картинъ, писанныхъ масляными красками.	62
Миниатюрныхъ коній головъ	12
Рисунковъ.	631
Литографій	151

Всего. . . 856 предметовъ.

При такомъ маломъ количествѣ предметовъ многіе изъ нихъ находились въ довольно запущенномъ состояніи. Но между ними находилось дѣйствительно нѣсколько цѣнныхъ

*) Tłumaczenie, 1810 roku podane.

предметовъ, таковы: оригинальные ландшафты *Фанъ-деръ-Вейна*, портретъ императора Александра I, работы *Доу*, портретъ императора Николая I-го работы *Кригера*, портретъ графа Валицкаго работы *Лампи*. Между рисунками были оригинальные эскизы извѣстныхъ мастеровъ.

b) Въ *скульпторномъ* отдѣленіи:

Гипсовыхъ	23
Разныхъ изображеній на камняхъ	408
Принадлежностей скульптурныхъ	17

Всего. . . 448 предметовъ.

Бюсты и статуи находились въ довольно плохомъ состояніи: однѣ были замазаны, другія побѣлены, нѣкоторыя довольно нескусно склеены.

c) Въ *гравюрномъ* отдѣленіи:

Гравюръ	1,088
Гипсовыхъ слѣпковъ	339
Инструментовъ и приборовъ	350

Всего. . . 1,777.

Въ числѣ гравюръ есть копіи съ Рафаэля, Тиціана, Лебрена, Рубенса и другихъ замѣчательныхъ мастеровъ.

Вся художественная коллекція цѣнилась примѣрно въ 3,000 рублей серебромъ. Завѣдывалъ ею до 1839 года учитель рисованья Клембовскій.

13) *Минцъ-кабинетъ* университета св. Владимира былъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ его коллекцій. Основаніемъ его служило знаменитое въ свое время въ Европѣ собраніе нумизмъ и медалей Станислава-Августа, приведенное въ систему и описанное не менѣ знаменитымъ нумизматомъ Альбертранди. Впослѣдствіи оно было умножено замѣчательною коллекціею медалей королей польскихъ, которую подарилъ кременецкой гимназіи, при жизни еще Чацкаго, неизвѣстный галиційскій помѣщикъ. Въ 1828 году кременецкій минцъ-кабинетъ былъ перевезенъ, по распоряженію начальства, въ Вильно, гдѣ его вновь разобралъ вмѣстѣ съ небольшою виленскою коллекціею А. Богаткевичъ и дополнилъ каталоги Альбертранди. Въ такомъ видѣ онъ поступилъ въ университетъ св. Владимира въ 1834 году, приня-

тый въ Вильно на мѣстѣ профессоромъ Якубовичемъ. Съ этого времени, уже въ первые годы существованія университета, присоединены были къ кременецкой коллекціи еще нѣсколько другихъ и такимъ образомъ университетскій минцъ-кабинетъ составился изъ слѣдующихъ пяти частныхъ коллекцій :

а) *Кременецкой лицейской*, заключавшей въ себѣ 17,928 экземпляровъ, а именно:

1) Древнихъ монетъ: золотыхъ 175, серебряныхъ 3,125, мѣдныхъ 5,339, свинцовыхъ 13, — всего 8,652.

2) Средневѣковыхъ (*bracteata*) — серебряныхъ 1,445.

3) Новѣйшихъ: золотыхъ 161, серебряныхъ 5,284, мѣдныхъ 2,050, свинцовыхъ 289, желѣзныхъ 18, неопредѣленныхъ мелкихъ чугуновыхъ 49; — всего 7,831.

4) Сверхъ того къ этой коллекціи принадлежало 577 горныхъ оттисковъ, томпаковый перстень и какое-то древнее небольшое орудіе *).

б) *Уманской-базиліанской* изъ 1535 нумеровъ, изъ коихъ почти $\frac{1}{3}$ были дуплеты, а именно:

1) Древнихъ: серебряныхъ 104, мѣдныхъ 310; — всего 414.

2) Новѣйшихъ: золотыхъ два, серебряныхъ 178, мѣдныхъ 925, свинцовыхъ шестнадцать — всего 1,121.

с) *Луцкой-училищной* изъ 282 нумеровъ, въ томъ числѣ:

1) Древнихъ серебряныхъ девять и

2) Новѣйшихъ серебряныхъ 145, мѣдныхъ 124, свинцовыхъ четыре.

д) *Почаевской-училищной*, заключавшей въ себѣ девяносто серебряныхъ, восемьдесятъ одну мѣдную, одну чугуновую и одну свинцовую, а всего сто семьдесятъ три монеты и медали новѣйшаго времени.

е) *Теофимовской-училищной*, заключавшей 639 нумеровъ.

ф) Составленной изъ частныхъ пожертвованій съ 1834 по 1840 годъ всего шестьсотъ два нумера, а именно: 1)

*) Изъ всей этой коллекціи, въ 1838 году, отправлено въ харьковскій университетъ 400 разныхъ дублетовъ и по отчисленіи изъ минцъ-кабинета, размѣщены по другимъ университетскимъ коллекціямъ 426 горныхъ оттисковъ и разнаго рода древностей.

древнихъ : мѣдныхъ семьдесятъ семь, средневѣковыхъ : серебряныхъ шесть, новѣйшихъ : золотыхъ четыре, серебряныхъ сто восемьдесятъ пять, мѣдныхъ триста двадцать одинъ, свинцовыхъ и чугунныхъ три, русскихъ кожаныхъ четыре, ассигнацій двѣ.

Покупкою университетъ приобрѣлъ, втеченіе этого періода, двѣ золотыя и двадцать древнихъ русскихъ серебряныхъ монетъ,

Вообще въ концѣ 1839 года въ милицъ-кабинетѣ, за разсылкою разныхъ дактиліотическихъ и художественныхъ предметовъ въ другіе кабинеты университета, — заключалось 23,648 монетъ и медалей.

Милицъ-кабинетомъ завѣдывали, до 1837 года, профессоръ Якубовичъ, а съ этого времени бібліотекаръ Янковскій и его помощникъ, коллежскій регистраторъ Багриновскій.

14) *Музей древностей.* Въ концѣ 1835 года, при университетѣ св. Владиміра учрежденъ музей для храненія древностей, отчасти пожертвованныхъ университету разными лицами, а отчасти найденныхъ въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ и представленныхъ въ университетъ. Основное количество нумеровъ этой коллекціи было сто. Втеченіе 1837 поступило въ него еще восемнадцать предметовъ, найденныхъ въ Кіевѣ и внѣ его и восемь открытыхъ въ пантикапейскихъ курганахъ. Въ 1838 году поступилъ сорокъ одинъ нумеръ, считая въ томъ числѣ и древности, найденныя членомъ комитета древностей, адъюнктомъ Ставровскимъ, въ развалинахъ новооткрытаго, на старомъ Кіевѣ, стараго Феодоровскаго монастыря. Въ 1839 году музей увеличился пятидесятью нумерами разнаго рода рѣдкостей и антиковъ, пожертвованныхъ ординарнымъ профессоромъ Зѣновичемъ. Къ 1-му январю 1840 года музей заключалъ въ себѣ сто семьдесятъ четыре предмета разнаго достоинства.

Музеемъ завѣдывалъ сначала мѣстный любитель — археологъ, членъ комитета древностей, пятаго класса Лохвицкій, а съ 1838 года адъюнктъ Ставровскій.

Примѣчаніе. При минералогическомъ кабинетѣ хранилось небольшое собраніе хирургическихъ инструментовъ (числомъ 291).

ГЛАВА V.

Внѣшняя исторія.

Университетъ св. Владиміра, въ первый періодъ своей жизни, дважды представлялся государю императору Николаю Павловичу.

11-го октября 1835 года, собраны были въ приемной залѣ государя императора всѣ профессоры, чиновники и студенты университета и, послѣ принятія его величествомъ англійскаго посла лорда Дургамы, имѣли счастье представиться государю. Его величество, привѣтствуя благосклонно господъ профессоровъ, спросилъ попечителя о воспитанникахъ втораго отдѣленія собственной его величества канцеляріи, занимавшихъ мѣста профессоровъ на юридическомъ факультетѣ и при этомъ сказалъ: «надѣюсь, что они оправдаютъ попеченія о нихъ правительства». Обратясь потомъ къ студентамъ и, получивъ отъ попечителя отзывъ, что онъ вполне ими доволенъ, императоръ изъявилъ имъ свое благоволеніе и сказалъ нѣсколько словъ объ ихъ обязанностяхъ.

Въ другой разъ университетъ осчастливленъ былъ посѣщеніемъ державнаго основателя своего 16-го августа 1837 года. Государь императоръ и въ этотъ разъ удостоилъ профессоровъ и студентовъ своими царственными наставленіями.

Вслѣдъ за императоромъ и государь наслѣдникъ цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Императоръ, 7-го сентября того же года поспѣшилъ осчастливить университетъ своимъ посѣщеніемъ и ознаменовалъ его внесеніемъ царскаго имени своего въ книгу посѣтителей университета. Двое изъ членовъ университетскаго сословія, господа ординарные профессоры Максимовичъ и Новицкій, имѣли счастье поднести чрезъ господина министра народнаго просвѣщенія его императорскому высочеству свои сочиненія и удостоились получить брилліантовые перстни.

Въ этомъ же году обозрѣвали университетъ и его лекціи, въ проѣздъ свой чрезъ Кіевъ, принцы прусскіе Августъ и Адальбертъ и герцогъ саксенъ-веймарскій Бергардъ съ сыномъ.

Вообще 1837 годъ былъ ознаменованъ въ исторіи университета многими замѣчательными посѣщеніями.

24-го сентября прибылъ въ Кіевъ главный начальникъ университета господинъ министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ. На другой день господинъ министръ, при первомъ представленіи ему университетскаго сословія, изъявилъ студентамъ желаніе государя касательно этого края и его надежды на университетъ св. Владимира. Указавъ имъ на то благо, которое даровано здѣшной странѣ учрежденіемъ университета, министръ раскрылъ настоящія намѣренія правительства касательно ихъ образованія и прямыя обязанности, которыя оно, по всей справедливости, требуетъ отъ университетскихъ воспитанниковъ, *употребляя для образованія ихъ столь великія средства, столь безпримѣрное попеченіе и дѣйствуя на правильныхъ и неизбѣжныхъ основаніяхъ*. Въ слѣдующіе дни своего пребыванія въ Кіевѣ господинъ министръ, входя во всѣ подробности состоянія университета, особенно обратилъ вниманіе на чтеніе лекцій университетскими преподавателями, которые, получивъ отъ него подробное и сообразное съ волею государя наставленіе въ правилахъ, какими они должны руководствоваться при нравственномъ и умственномъ образованіи молодыхъ людей, сверхъ того были приглашаемы на домъ къ господину министру, каждый особо, для частныхъ объясненій по этому предмету. 27-го сентября представляемы были С. С. Уварову отличнѣйшіе студенты, посѣдившіе изъ разныхъ заведеній кіевского учебнаго округа. 30-го октября министръ обозрѣвалъ университетъ вмѣстѣ съ австрійскимъ посломъ, графомъ Фикельмономъ, 2-го присутствовалъ при торжественномъ собраніи университета по случаю раздачі медалей студентамъ. 7-го числа онъ представлялъ наследнику цесаревичу университетъ и распротаясь на слѣдующій день съ ученымъ сословіемъ университета, выѣхалъ 9-го октября изъ Кіева. Вотъ въ какихъ словахъ записалъ университетъ св. Владимира въ свои акты свѣдѣнія объ этомъ посѣщеніи его С. С. Уваровымъ: «Его пятнадцати дневное пребываніе въ Кіевѣ будетъ незабвенно для университета, который и бытіе свое воспріялъ подъ его управленіемъ, а нынѣ, при его

личною посѣщеніи, могъ вполне показать ему внутреннее состояніе свое съ своими первыми успѣхами, съ настоящими и будущими потребностями своими и съ тѣми трудностями, съ коими сопряжено еще для него достиженіе великой и благой цѣли, указанной правительствомъ. Университетское начальство получило новыя министерскія предписанія для дальнѣйшаго дѣйствованія, а все сословіе университетское обрѣло ясное, твердое направленіе къ продолженію трудовъ на пути къ своему назначенію» *).

Наконецъ, въ томъ же 1837 году, университетское сословіе видѣло среди себя двухъ почетныхъ своихъ членовъ: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковскаго, изъ которыхъ послѣдній сопровождалъ г. министра на нѣкоторыхъ университетскихъ лекціяхъ (Максимовича и Неволіна).

Университетъ св. Владиміра, кромѣ обычныхъ торжественныхъ собраній, ежегодно происходившихъ 15-го іюля, въ день его открытія, имѣлъ въ 1836, 1837 и 1838 годахъ еще особыя торжественныя собранія по случаю раздачі студентамъ медалей. Первые состояли въ чтеніи академическихъ рѣчей и краткихъ годичныхъ отчетовъ о состояніи университета и въ пѣніи обычныхъ при такихъ случаяхъ пѣсней «Днесъ благодать св. Духа насъ собра» и «Боже Царя храни». На собраніяхъ втораго рода читались также академическія рѣчи, а вмѣсто записокъ о состояніи университета — опредѣленія совѣта о присужденіи студентамъ медалей за написанныя ими сочиненія **), и сверхъ того разыгрываемы были студентами музыкальныя піесы.

*) Отчетъ за 1837 годъ.

***) Въ 1835 году читалъ рѣчь профессоръ Неволіинъ: «О соединеніи теоріи съ практикою въ изученіи законовъ и въ дѣлопроизводствѣ.»

Въ 1836 году, 15 іюля, профессоръ Орнатскій: «Объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ законодательствѣ и законовѣдѣніи,» а 3-го октября адъюнктъ Голубковъ: «О необходимости и важности учрежденія ученыхъ преній.»

Въ 1837 году, 15 іюля, профессоръ Новицкій: «Объ упрекахъ, дѣлае-

Сверхъ этихъ торжественныхъ собраній, университетъ св. Владиміра, въ 1838 году, имѣлъ нѣсколько публичныхъ собраній, въ которыхъ защищали свои диссертациі для полученія ученыхъ степеней магистра и доктора слѣдующія лица:

а) По 1-му отдѣленію философскаго факультета: 1) адъюнктъ рিশельевского лицея *Беккеръ* для полученія степени магистра римской словесности, 2) адъюнкты университета св. Владиміра: *Красовъ* и *Домбровский* для полученія степеней доктора, первый словесныхъ, второй историческихъ наукъ.

б) По 2-му отдѣленію философскаго факультета: 1) профессоръ рিশельевского лицея *Гаспаиель*, на степень магистра химіи и минералогіи, 2) старшій учитель 2-й кievской гимназіи *Ярославъ Лимовскій*, на степень магистра ботаники и зоологіи, 3) адъюнктъ рিশельевского лицея *Левтеропуло*, на степень магистра математическихъ наукъ, и профессора университета св. Владиміра: 4) *Гречина* и 5) *Федоровъ*, на степень доктора математическихъ наукъ, 6) *Траутфеттеръ* и 7) адъюнктъ Андрижеіовскій, на степень доктора естественныхъ наукъ.

Въ 1839 году было только одно публичное собраніе по случаю защищенія *В. Лимовскимъ* диссертациі, на степень магистра государственнаго законовѣдѣнія.

Публичные диспуты того времени имѣли характеръ нѣсколько отличный отъ позднѣйшихъ. Обстановка собраній имѣла особенно торжественный видъ: на нихъ присутствовало много постороннихъ лицъ, мужчинъ и дамъ, вслѣдствіе новости въ Кіевѣ самого явленія. Преосвященный Иннокентій былъ постояннымъ посѣтителемъ диспутовъ. Кромѣ

ныхъ философіи, ихъ силѣ и важности,» а 2-го октября профессоръ *Максимовичъ*: «О значеніи Кіева въ общей жизни Россіи.»

Въ 1838 году, 15 іюля, профессоръ *Федоровъ*: «О мнимои противрѣчии между истинами изъ познанія неба видимаго и истинами неба невидимаго,» а 20-го октября адъюнктъ *Красовъ*: «О современномъ направленіи пресвѣщенія.»

Въ 1839 году, 15 іюля, профессоръ *Нейкирхъ*: «О важности изученія древней греческой словесности.»

официальных оппонентовъ, участіе въ диспутахъ принимали и другія лица, изъ университетскаго сословія и изъ постороннихъ. Какъ оппоненты, славились въ свое время профессеры: Новицкій, Неволинъ, и Максимовичъ. Возраженія перваго отличались самымъ подробнымъ анализомъ тезисовъ и были болѣе формальныя; возраженія втораго извѣстны строгою послѣдовательностію, неотразимою силою логики и касались болѣе содержанія тезисовъ; наконецъ возраженія Максимовича носили характеръ особеннаго одушевленія. Не рѣдко споръ между дефендентами и оппонентами переходилъ въ самое горячее преніе между самими оппонентами. Не всѣ диспуты оканчивались благополучно для искателей ученыхъ степеней: Домбровскій, Красовъ и Анджеіевскій сошли со сцены побѣжденными. Студенты, какъ зрители, слѣдили съ живѣйшимъ вниманіемъ за диспутами и выносили изъ нихъ богатый матеріалъ для разговоровъ на нѣсколько недѣль.

Кромѣ обычныхъ ежегодныхъ празднествъ, университетъ св. Владимира, 31-го іюля 1837 года, праздновалъ заложеніе новыхъ университетскихъ зданій въ присутствіи почетнѣйшаго духовенства, воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Кіева и знатнѣйшихъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомства. На приготовленной по этому случаю медали изображенъ на одной сторонѣ бюстъ императора Николая I, основателя и покровителя университета, а на другой въ лучахъ крестъ, съ надписью вокругъ: «во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ».

ВИТАЛІЙ ШУЛЬГИНЪ.

МУРИДИЗМЪ И ШАМИЛЬ.

Горизонтъ могущества Россіи украсился блистательною звѣздою новаго стяжанія, въ лѣтописи наши занесено счастливое событіе, которое бросаетъ столь яркій свѣтъ на славу оружія русскихъ войскъ на Кавказѣ, — знаменитый, нѣкогда грозный Шамиль — нынѣ смиренный плѣнникъ, гость нашъ... Общее любопытство занято имъ такъ сильно, хотя можетъ быть и кратковременно.... Предлагаемою статьею желаю удовлетворить въ нѣкоторой степени этому любопытству, объяснить, въ чемъ состояло поприще этого замѣчательнаго человѣка, чѣмъ достигъ онъ той страшной высоты значенія, съ которой низвести его и водворить на Кавказѣ начала мирной жизни было такъ трудно и, если можно сказать, такъ убыточно для Россіи. Я хочу рассказать повѣсть о *муридизмѣ*. Шамиль и муридизмъ тѣсно связаны между собою въ русской военной литературѣ, но ни тотъ, ни другой не вошли еще въ словари, ни въ лексическомъ, ни въ историческомъ смыслѣ. Потому, исполняя мое желаніе, я излагаю свое повѣствованіе такъ, чтобы оно и въ томъ и въ другомъ отношеніи могло представить вѣрный матеріалъ для русской литературы и науки. Согласно съ этою цѣлью, программа моей статьи обнимаетъ слѣдующія части вопроса:

- 1) Очеркъ исторіи муридизма на мусульманскомъ Востокаѣ;
- 2) Развитие муридизма на Кавказѣ, и
- 3) Шамиль.

I. Очеркъ исторіи муридизма на мусульманскомъ Востоку.

Исторія человѣческихъ страстей всегда и вездѣ имѣла огромное значеніе. Ихъ смягчаетъ только высокое духовное образованіе. Чѣмъ далѣе въ глубь прошедшаго, тѣмъ болѣе на нихъ зиждется политическая исторія народовъ, хотя нельзя не сознаться съ прискорбіемъ, что и въ новѣйшемъ человѣчествѣ страсти властолюбцевъ нерѣдко перетягиваютъ вѣсы судебъ народныхъ, что и новѣйшія общества представляютъ нерѣдко такія же печальныя картины, какія мы видимъ въ исторіи полудикихъ народовъ и обществъ, никогда не дышавшихъ воздухомъ христіанскаго просвѣщенія, не согрѣтыхъ и самыми слабыми лучами духовнаго воспитанія. И если ближайшія къ намъ знаменитыя революціи Европы, обагрившія кровью не одну страницу ея исторіи, могли пайдти кроваваго предводителей съ толпами неистовыхъ *приверженцевъ, безсознательно исполнявшихъ волю властолюбцевъ и слѣпо приносившихъ себя въ жертву за нихъ*, то не удивительно намъ видѣть тоже самое въ странахъ, гдѣ живутъ *варвары, невежды и фанатики*. Фанатизмъ, впрочемъ, принадлежитъ всѣмъ революціямъ, въ-особенности тамъ, гдѣ предлогъ возставія вѣра и пружина его повѣрья народа: въ исторіи реформъ мы имѣемъ много разительныхъ тому примѣровъ. Не фанатизмъ ли внушалъ многимъ христіанамъ нашей исторіи принимать *буквально* слова Спасителя: *не ждите яко пріидоухъ возреци миръ на землю: не пріидоухъ возреци миръ, но мечъ* *), когда это совершенно противно Его ученію, основанному на кротости, смиреніи и долготерпѣніи? Неужели эта христіанская вѣра проливала потоки крови въ варооломейскую ночь? Неужели это ученіе Христова, которое отдѣлило отъ Церкви милліоны еретиковъ? Нѣтъ, это фанатизмъ, чадо севѣрія! Это порожденіе ада, которое принимаетъ ликъ анге-

*) Евангелистъ Матоей, X, 34.

ловъ на землѣ; это орудіе мести сатаны! Фанатизмъ обыкновенно служитъ прекраснымъ средствомъ къ достиженію цѣли людямъ, отмѣчающимъ свою жизнь общественными бѣдствіями. Такие люди умѣютъ, то коварнымъ смиреніемъ, то разсчетливымъ самоотверженіемъ, привлечь къ себѣ сочувствіе окружающихъ, и, дѣйствуя постоянно на слабую ихъ сторону, овладѣть ихъ привязанностью и волей. Удержать ихъ въ этой рабской преданности уже менѣе трудно. Иногда въ общественной жизни нашей мы видимъ даже изрядно образованныхъ людей, которые, вдавшись однажды въ обманъ, единственно вслѣдствіе ложнаго самолюбія не хотятъ выйти изъ своего постыднаго положенія и защищаютъ неправду до наглаго самоотверженія. А если коварный человекъ, по своему общественному значенію относительно ничтожный, презрѣнный даже тѣми, словомъ и дѣломъ которыхъ онъ такъ лукаво управляетъ, можетъ губительно дѣйствовать на предметъ своихъ преслѣдованій, то какъ велики и пагубны должны быть послѣдствія широко обдуманнаго злоумышленія тѣхъ, которые могутъ *управлять волею многочисленныхъ приверженцевъ!*

Фанатизмъ во сто кратъ увеличиваетъ энергію слѣпыхъ жертвъ. Отъ этой безотчетной энергіи нервы оупяляются, мученикъ смѣется въ страданіяхъ. Такое удивительное явленіе повторяется часто въ событіяхъ человѣческой жизни. Слѣдующій фактъ — одинъ изъ многихъ, которыми испещрены страницы исторіи муридизма на Востокѣ. Въ самомъ началѣ III столѣтія гиджры, въ царствованіе Альмамуна (201 годъ гиджры и 810 Рождества Христова) явился въ Иранѣ нѣкто именемъ Бабекъ, который по примѣру минувшихъ лжепророковъ объявилъ себя посланникомъ отъ Бога, а потомъ воплощеннымъ божествомъ. Усиѣхи его были такъ велики, что впродолженіе двадцати лѣтъ онъ угрожалъ власти халифовъ. Многократныя побѣды его, во главѣ отчаянныхъ приверженцевъ, надъ войсками Ма'муна и Мо'тесема, его кровожадность и безчеловѣчіе *) приготовили общее возста-

*) Мусульманскіе историки говорятъ, что двѣсти тысячъ мусульманъ пали отъ его руки, сверхъ убитыхъ во время многократныхъ правильныхъ сраженій.

ніе противъ него. Наконецъ онъ былъ разбитъ на голову и спасся на время бѣгствомъ въ Византію. Нѣкто изъ армянскихъ князей или сановниковъ, именемъ *Сатилъ*, схватилъ его съ дѣтьми и женами и представилъ, черезъ халифскаго полководца *Афшида*, озлобленному Мо'тесему. Страшны были приготовления къ возмездію; равнодушіе изверга и презрѣніе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на всѣхъ окружающихъ въ день расправы, удесятерили жестокость его наказанія, — но онъ все выносилъ съ непоколебимою твердостью и насмѣхался надъ своими палачами. Для слуха европейца былъ бы противень рассказъ обо всемъ томъ, что дѣлали съ Бабекомъ его ожесточенные палачи: напримѣръ, сперва мучили и разрывали на куски передъ его глазами членовъ его семейства, его дѣтей; потомъ отрѣзывали одинъ за другимъ члены его тѣла и терзали его всевозможными способами, какіе только могло внушить безчеловѣчіе.... а онъ до конца не измѣнялъ своему характеру, и все говорилъ, что онъ умираетъ ради истины. Такъ погибали всѣ почти предводители фанатиковъ съ своими учениками, и даже такъ погибли вожди *бабидовъ* съ своими приверженцами въ Персіи *).

Но приступимъ къ дѣлу, заглянувъ сперва на Востокъ въ то время, когда явился Мохаммедъ и другіе фанатики.

Жалкое положеніе христіанства въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водворился исламъ, преимущественно въ Аравіи, въ Сиріи и въ Эіопіи, еще до Мохаммеда подавало поводъ къ появленію разныхъ еретиковъ и лжепророковъ. Въ одной Аравіи въ это время явилось пять претендентовъ на реформу: самъ *Мохаммедъ* въ Меккѣ и Мединѣ, *Мусейлиме* въ Емамѣ, *Аль-Асвадъ* — довольно сильный князь въ Таифѣ, за нимъ *Тулейха*

*) Бабиды явились въ Персіи въ исходѣ царствованія Мохаммед-Шаха (1845—1848 г.). Первый основатель ученія былъ ширазскій хаджи Сейид-Али. Успѣхи его и преемниковъ его были такъ быстры, что въ 1850 году ихъ набралось около пяти тысячъ человекъ въ разныхъ городахъ Персіи, отъ Фарса до Хорасана. Послѣ попытки ихъ на убіеніе шаха, въ 1852 году, правительство приняло строгія мѣры къ ихъ истребленію. Всѣ казенные, привосившіе себя въ жертву за «свою правду», переносили истязанія съ неслыханнымъ хладнокровіемъ. Объ этомъ донынѣ можно слышать рассказы очевидцевъ — персіянъ тегеранскихъ, зеиджанскихъ и другихъ мѣстъ.

въ поколѣніи Асвада, и *Седжада*, прозваніемъ *Улму-Садръ*, пророчица въ Тамимѣ. Успѣхи Мохаммеда, начавшаго свое поприще прежде всѣхъ ихъ, и затѣмъ успѣхи его халифовъ совсѣмъ уничтожили значеніе этихъ его соперниковъ, между которыми первый былъ сильнѣе прочихъ. Въ Персіи и въ Хорасанѣ ученіе маговъ также раздроблено было на множество вѣтвей. Всякій книжникъ и ученый, называя себя *имамомъ*, *муршидомъ*, то есть, духовнымъ предводителемъ, присвоивалъ себѣ не принадлежащую ему власть, желая чрезъ то, во главѣ отдѣльной касты, достигнуть высшаго значенія. Буддизмъ же, давно раскинувшій по этимъ странамъ свои вѣтви, вмѣстѣ съ философіей Зороастра, оставилъ вездѣ сѣмена ученія о воплощеніи Божества въ образѣ челоуѣка.

Въ такомъ положеніи былъ Востокъ въ началѣ распространенія ислама. Сила ума и политика Мохаммеда давали ему первенство предъ всѣми жепророками и сектаторами: онъ наилучшимъ образомъ могъ пользоваться разслабленіемъ нравственныхъ силъ и политическаго значенія того вѣка. Но духъ реформы господствовалъ еще повсюду, и Мохаммедъ зналъ, что и его ученіе не останется единственнымъ и цѣлымъ. Онъ предсказывалъ, что исламъ распадется на множество сектъ *).

Такъ дѣйствительно и случилось. Не говоря о различныхъ ученіяхъ, возникшихъ въ первомъ вѣкѣ ислама въ кругу пра-

*) Въ одномъ преданіи отъ Мохаммеда мы находимъ: «разногласіе въ ученіи между моими послѣдователями — дѣло благое,» т. е., по толкованію мусульманъ, приведетъ къ лучшему исходу. Мохаммедъ этимъ хотѣлъ частью предсказать, въ качествѣ пророка то, что по его соображенію должно было случиться, и частью склонить своихъ послѣдователей въ будущихъ ихъ спорахъ не отклоняться отъ главныхъ положеній, на которыхъ основано его ученіе, т. е., онъ какъ будто хотѣлъ сказать: спорьте, изслѣдуйте истину каждый по своему разумѣнію, основанному на главныхъ аксіомахъ вѣры, чтобы дойти до одного исхода — истины. Въ другомъ мѣстѣ преданіе говоритъ, что, по предсказанію пророка, исламъ долженъ распасться на семьдесятъ три секты: отсюда нѣкоторые ревностные мусульмане выводятъ обширность и силу ислама, замѣчая, что маги дѣлились на семьдесятъ сектъ, евреи на семьдесятъ одинъ, христіане на семьдесятъ два, а мохаммедане на семьдесятъ три!

вовѣрія *), явилось много и другихъ, совершенно отдѣлившихся отъ ислама и ставшихъ впоследствии враждебными для мусульманъ. Это: *равендиты* съ ихъ подраздѣленіями, *херамиды* или *бабекиды*, *кырмитиды* съ подраздѣленіями; и наконецъ разныя вѣтви *исмаилюдовъ*, изъ коихъ *ассасины* составляли историческую династію, столь страшную для человечества на Востокъ, продолжавшуюся около 200 лѣтъ (1088 — 1272). Независимо отъ этихъ образовалось на Востокъ, еще въ самомъ началѣ появленія ислама, особое ученіе именовъ *тарыкатъ*, т. е., «путь» къ Богу, или *суфизмъ*. Оно болѣе или менѣе принадлежало всѣмъ сектамъ безъ исключенія, и всѣ искатели счастья, подъ прикрытіемъ новаго какого-нибудь исповѣданія, придуманнаго ими, болѣе или менѣе употребляли тарыкатъ духовнымъ орудіемъ для покоренія ума и воли будущихъ приверженцевъ, и съ помощію вліянія фанатизма достигали желаемаго.

Въ исторіи развитія ислама и въ ряду системъ религіозныхъ революцій между мусульманами, играетъ главную роль *муридуизмъ*. Онъ основанъ на трехъ началахъ, которыя называются: *джигадъ*, *тарыкатъ* и *да'ватъ*. Первое значитъ технически *война за вѣру*, второе — *путь* къ истинному Богу — ученіе мистиковъ, третье — *приглашеніе* людей къ возстанію противъ ненавистной власти и къ защитѣ законныхъ или религіозныхъ правъ; слово же *муридъ* значитъ лексически *ищущій, желающій* (истины): этимъ именовъ впервые назвались прозелиты первыхъ учредителей ученія тарыката. Мы рассмотримъ всѣ эти начала по порядку.

1. *Джигадъ*.

Это первое орудіе, которое Мохаммедъ употребилъ такъ вѣрно, такъ мѣтко для утвержденія своей религіи. Оно служило всѣмъ халифамъ въ завоеваніи различныхъ странъ; посредствомъ одного джигада въ продолженіе лѣтъ ста состави-

*) Я разумѣю тѣхъ, которые носили названіе *мусульманъ*, какъ то: *сунниты*, *шиты*, *хариджиты*, *мутезилиды*, *сифатиды*, которые впоследствии дѣлились на тридцать сектъ.

лась столь громадная и страшная имперія ислама и чрезъ него же образовались позже отдѣльные государства въ границахъ этой имперіи. Кто сколько-нибудь разсуждалъ о причинахъ успѣховъ крестовыхъ походовъ, тотъ пойметъ, какъ важна была политика Мохаммеда въ созданіи этой религіозной идеи. «О пророкъ!» говоритъ Аллахъ словами корана Мохаммеду, «ратуй противъ невѣрныхъ и богоотступниковъ и будь жестокъ къ нимъ: ихъ жилищемъ будетъ адъ, и скверная дорога предстоить имъ туда» (Коранъ, IX сурэ, 74 ст.). Тутъ же: «Богъ обѣтоваль правовѣрнымъ обоего пола сады въ раю, въ которыхъ протекають вѣчные ручейки, и блаженныя жилища въ садахъ аднскихъ*.)» Въ другомъ мѣстѣ (Кор., II гл., ст. 215) говоритъ Аллахъ Мохаммеду: «по истинѣ тѣ, которые вѣрують и которые оставляють свое отечество и воюють на пути Божіемъ, — по истинѣ тѣ ищуть съ надеждою милости Аллаха.»

Эти великолѣпныя сады, изобилующіе водою, которая должна была лѣстить мечтамъ жителей безводной Аравіи, эти полныя блаженства жилища въ небесныхъ странахъ, гдѣ постоянное присутствіе Аллаха, гдѣ роскошь, гдѣ гуріи, — все это — загробная награда падшаго въ джигадъ и даже участвовавшаго въ немъ безъ лишена жизни. Что еще, существенное, матеріальное, могло привлекать ихъ? объ этомъ также не забылъ Мохаммедъ: это — богатая добыча, головы и имущество побѣжденныхъ, ихъ жены и ихъ дѣти. Заглянемъ въ законы мусульманскіе и пересмотримъ одна только заглавія этого отдѣла. Для этого возьму какую-нибудь мусульманскую юридическую книгу, хотъ *Тахтави*, которая у меня подъ рукою. Посмотримъ I и II главы, стр. 436 — 493. Вотъ главное содержаніе ихъ: 1) О томъ что джигадъ, предписываемый имамомъ, есть священный долгъ на обществѣ мусульманъ. 2) Когда невѣрные дѣлають нападеніе на мусульманъ, то джигадъ есть священный долгъ каждаго способнаго на то мусульманина **), хотя бы это было и безъ

*) По толкованію пророка, Адъ — имя жилища Аллаха, котораго ни уши не слыживали, ни глаза не видывали.

**) Т. е., не больнаго, не дитяти, не одержимаго сумасшествіемъ и т. п.

позволенія имама. 3) Противъ кого должно предпринимать джигадъ, и съ завоеванными странами и покоренными силою народами и людьми — какъ поступить: кого истребить, кого пощадить. 4) О добычахъ и плѣнникахъ: а) кто кого убилъ, по возбужденію имамомъ къ бою, — вещи убитаго принадлежатъ убійцѣ; б) при такомъ же возбужденіи, кто что вынесъ изъ войны, то принадлежитъ ему; в) остальное все — общее между войсками, по исключеніи *хумса* — пятой части для имама; е) кому имамъ даруетъ жизнь, тотъ остается плѣнникомъ: выкупъ за него дозволяется только во-время войны. 5) О податяхъ и земскихъ сборахъ. 6) О мирныхъ, просящихъ защиты. 7) Объ измѣнникахъ, и проч.

Голоднымъ поданнымъ имама джигадъ конечно долженъ быть милѣе и усладительнѣе, чѣмъ охота для страстнаго охотника. Въ самомъ дѣлѣ, какая разница! Послѣдній, имамъ поля охоты, съ своими гончими и борзыми мурিদами оставляетъ домъ, друзей и сладкій сонъ и отправляется въ любимое отъѣзжее; совершаетъ иногда невѣроятные труды, носясь безъ усталы на быстромъ своемъ конѣ, не замѣчая передъ собою ни рѣкъ, ни болотъ, ни овраговъ, въ поту и въ пѣнѣ, и зычнымъ, полнымъ молодецкой отваги голосомъ, кричитъ своимъ отчаянно гоняющимся за добычей собакамъ: «Ую! ую, голубчикъ! Ату его! ату!...» и затѣмъ что же? — возвращается утомленный, нерѣдко разбитый, лишенный существенной пользы, которую могъ бы доставить ему потерянный день, и ложится спать; въ выигрышѣ — кусокъ жаркаго или шкура, крѣпкій сонъ и слава охотника. Нѣтъ ни богатыхъ добычъ, ни надеждъ на небесныя блага! Напротивъ, джигадъ внушаетъ голодному, безпріютному мусульманину мысль о наслажденіяхъ охоты въ полномъ смыслѣ, о высшей славѣ, о богатыхъ стяжаніяхъ настоящаго, а главное — внушаетъ твердую надежду на обѣтованныя Аллахомъ блага будущей жизни! Вотъ что значитъ джигадъ юридически и технически.

Джигаду одному обязаны первые правители ислама всѣми своими завоеваніями. Не подвержены сомнѣнію блистательные подвиги ихъ, во главѣ малочисленныхъ фанатиковъ, въ

Сиріи, Египтѣ, Персіи, Туркистанѣ, Арменіи, Малой Азіи и наконецъ въ Дагестанѣ еще въ первомъ вѣкѣ ислама. Сирія и часть Палестины покорены, съ помощію джигада, полководцами *Абу-Убейдэ* и *Халидомъ* въ 14—15 годахъ гиджры. Часть древней Персіи покорена и столица сасанидовъ взята джигадомъ въ 15—16 годахъ полководцемъ *Са'адъ*. Джигадомъ покоренъ Египетъ полководцемъ *Амромъ* въ 20 году. Этии же нравственнымъ орудіемъ покорены остальные значительныя части Персіи въ 21—22 годахъ полководцами *Ни'манъ*, *Талха*, *Мугирэ*, *Хазафа* и другими. Часть Дагестана и Дербендъ были въ первый разъ покорены въ 30 году *Ибраһимомъ* и *Сальманомъ*. Первые джигады въ Малой Азіи были въ 32 году, когда арабы, подъ предводительствомъ *Мо'авіе*, были разбиты не вдалекѣ отъ Константинополя. Второй, также не успѣшнѣй джигадъ былъ въ 52 году, когда Константинополь былъ уже окруженъ войсками полководца *Суфьяна*: арабы возвратились съ большими добычами. Туркистанъ, послѣ многократныхъ джигадовъ, продолжавшихся съ 53 года по 57, окончательнѣ покоренъ полководцами *Абдулла* и *Са'адъ*. Однимъ словомъ, въ пятьдесятъ лѣтъ по смерти Мохаммеда огромная часть Азіи, часть Африки, Европы и острова Средиземнаго моря были покорены сарацинами путемъ джигада.

Впослѣдствіи громкая слава разныхъ туркскихъ выходцевъ, основавшихъ значительныя династіи, подъ предлогомъ покровительства халифовъ; побѣды Султанъ-Махмуда въ Индіи, сельджукидовъ въ Туркистанѣ, въ Малой Азіи; успѣхи алаудъ-диговъ въ азіатской Турціи, и даже нынѣшнихъ оттомановъ, наконецъ распространеніе ислама по всему Дагестану и Кавказу и временныя успѣхи тамъ самозванцевъ, — все это обязано единственно джигаду!

2) *Тарыкатъ*.

Это слово, какъ уже объяснено выше, значитъ путь къ истинному Богу. Его иначе называютъ *суфизмъ* и *мистицизмъ*. Еще въ первыя времена ислама, даже при жизни Мохаммеда, были нѣкоторые добродушные, благочестивые люди, ко-

торые по призванію или вслѣдствіе сообщенія съ христіанскими монахами, совершенно удалялись отъ свѣта и предавались молитвѣ и самоизнуренію. Они проводили дни свои въ пустыняхъ, ночи въ пещерахъ, питались кореньями травъ и другими съѣдомыми растеніями, и привлекали къ себѣ людей, возбуждая въ нихъ то любопытство, то удивленіе и уваженіе къ этому подвижничеству. Эти боголюбивые люди впоследствии составили братство, очень похожее на христіанское монашество *).

Съ утвержденіемъ ислама въ Персію, гдѣ слѣды буддизма и огнепоклонничества не могли не оставаться въ повѣрчяхъ народа и не войти со временемъ даже въ основы новаго ученія, — явились реформы этого братства. То, что было прежде просто, безъ мистерій, — приняло теперь характеръ мистическій, далеко не общепонятный; на затѣйливыхъ началахъ стали устроиваться ученія, школы, изъ которыхъ образовалось впоследствии тридцать пять орденовъ монашества. Мы не беремъ на себя весьма сложнаго труда описать подробно эти ордена, но укажемъ на эпохи учрежденія ихъ и на принципы, послужившіе началомъ ихъ ученія.

Первое братство явилось въ Джеддѣ, въ странѣ пыльных мечтателей, гдѣ жила нѣкогда Лейли, богиня меджукуловыхъ гимновъ. Нѣкто 'Ольванъ, ученый арабъ изъ сейидовъ, т. е., потомковъ пророка, знакомый съ жизнью индійскихъ факировъ, христіанскихъ отшельниковъ и магскихъ братствъ *дайровъ*, собралъ къ себѣ общество сердечныхъ, добродушныхъ арабовъ и составилъ братство болѣе или менѣе правильное, которое имѣло свои постановленія, свои собранія для отправленія обрядовъ богослуженія. Это было въ 149 году гиджры. Орденъ этотъ носитъ имя своего учредителя — 'Ольвана, т. е., 'ольванскій.

Вотъ хронологическій списокъ всѣхъ орденовъ, съ указаніемъ эпохъ и мѣстъ ихъ происхожденія.

*) Мохаммедъ не былъ противъ *тарыката*, даже онъ присвоивалъ его себѣ и говорилъ: «*тарыкатъ* — это мои дѣянія.» Но онъ не любилъ христіанскаго монашества — потому именно, что оно отвергало женитбу. Потому въ преданіяхъ приписываютъ ему, будто онъ сказалъ: «въ исламѣ нѣтъ монашества,» т. е., съ правилами христіанскими.

Имя ордена.	Имя учредителя.	Мѣсто учрежденія.	Годъ : гидри. христ.
'Ольвани.	Шейхъ Сейидъ 'Ольванъ.	Джидда.	149. 766.
Гашими.	Абу-Гамимъ-Суфи.	Дамаскъ.	156. 772.
Сакати.	Абуль-Гасанъ-Сирри-Сакаты.	Багдадъ.	251. 865.
Бестажи.	Баезидъ.	Джебел-Бестагъ.	261. 874.
Тостери.	Сагль-бини-Абдуллахъ.	Шуштеръ въ Перси.	283. 896.
Сугреверди 1.	Абуль-Кадыръ.	Багдадъ.	490. 1096.
Аргяни.	Сагль-бинъ-Ахмедъ.	Аргянъ.	499. 1015.
Кадри.	Абдуль-Кадиръ-Гиляни.	Багдадъ.	561. 1165.
Рифаги, иначе Бетаихи.	Сейидъ-Ахмедъ-Абуль-Аб- басъ.	Багдадъ и Васытъ.	578. 1182.
Сугреверди 2.	Шигабудъ-Динъ.	Багдадъ.	602. 1205.
Кубреви.	Неджмудъ-Динъ.	Харезмъ.	617. 1220.
Шазили.	Шейхъ-Абдуль-Хасанъ.	Мекка.	956. 1258.
Мевлеви.	Мауляна Джелалюд-Динъ- Руми.	Куніз.	672. 1273.
Бедevi.	Абдуль-Фатхъ-Ахмедъ аль- Бедevi.	Египеть.	675. 1276.
Накиббенди.	Багауд-Динъ-Мохаммедъ- Накиббендъ.		719. 1319.
Са'ди.	Са'адуд-Динъ аль-Джегани.	Дамаскъ.	736. 1335.
Бекташи.	Аджи-Бектагъ-Хорасани.	Киръ-Шегеръ.	759. 1357.
Хальвати.	Шейхъ-Омаръ.	Кайсарійе.	800. 1397.
Зейни.	Зейнуд-Динъ аль-Хафи.	Куфа.	838. 1434.
Бабаи.	Абдуль-Гани Бабаи.	Адрианополь.	870. 1465.
Бейрами.	Аджи-Бейрамъ.	Анкара (въ М. Азіи).	876. 1471.
Эшрефи.	Эшрефи-Рули.	Малак Азія.	899. 1493.
Бекри.	Абу-Бекръ Вафаи.	Алеппо.	902. 1496.
Сунбузи.	Юсуфъ-Сунбуль.	Константинополь.	936. 1539.
Гульшени или Рушени.	Ибрагимъ.	Каиръ.	940. 1533.
Умму-Сивани.	Шейхъ Умму-Сиванъ.	Константинополь.	947. 1540.
Игишъ-Баши.	Шемсуд-Динъ Игишъ-Баши.	Магнезія.	951. 1544.
Джельвети.	Пиръ Джельвети.	Брусса.	983. 1580.
'Ошчаки.	Хусамуд-Динъ аль-'Ошчаки.	Константинополь.	1001. 1592.
Шемси.	Шамсуд-Динъ Сиваси.	Медине.	1010. 1601.
Санани.	Санани-Умми.	Аль-Махля.	1079. 1668.
Ніязи.	Мохаммедъ-аль-Мпфи Ан- ніязи.	Лемносъ.	1100. 1694.
Мусъ'ади.	Мурадъ-Шахи.	Константинополь.	1132. 1719.
Нури или Ну- ридиси.	Джерахи.	Константинополь.	1146. 1735.
Джемали.	Джемалюд-Динъ адриано- польскій.	Константинополь.	1164. 1750.

Кромѣ этихъ орденовъ было много и другихъ братствъ-муридовъ, частныхъ, немѣвшихъ формальной организаціи. Исторія литературы Суфиевъ представляетъ реестръ слиш-

комъ шестьсотъ знаменитыхъ шейховъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе приверженцевъ - муридовъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одна треть были славные литераторы и поэты.

Ученіе тарыката, повидному, очень простое, имѣетъ много затѣйливаго, много интереснаго. Оставляя полное и подробное изложеніе его до другаго случая, ограничусь только главными принципами, на которыхъ основано ученіе:

1) Тарыкантъ ведетъ ищущаго къ *познанію* (*ма'рифатъ*) истины, — къ Богу. 2) Шествующій по пути (*саликъ*) руководится влеченіемъ (*ирадетъ*), развивающимся въ немъ чрезъ духовное воспитаніе (*иршадъ*). 3) Право духовнаго воспитанія наследственно по ученію, т. е., переходитъ отъ учителя-воспитателя (*муриидъ*) къ его духовному воспитаннику (*муридъ*) непосредственно. 4) Начала этого воспитанія происходятъ издревле отъ *хизра*, патрона мистиковъ, а въ исламѣ отъ Али, зятя Мохаммеда. 5) Саликъ, чрезъ воспитаніе и развитіе благодати, доходитъ до совершенства (*камаль*); въ совершенствѣ достигается степень *вусуль*, т. е., духовное сообщеніе съ истиной — Богомъ; достигшіе этой степени именуются *василь*. 6) Духъ, стремясь въ степень *вусуля* или дѣлая *сайръ* къ истинѣ, достигаетъ различныхъ степеней, изъ которыхъ выше всего *ас-сейру-фильяли*, т. е., стремленіе къ Богу на лонѣ божественнаго духа: тутъ смертный достигаетъ божественнаго откровенія, и, по выраженію мусульманъ *Гува фйи ва гува фйи* — «онъ въ Немъ и Онъ въ немъ», т. е., человѣкъ въ Богѣ и Богъ въ человѣкѣ.

На этихъ началахъ развиты всѣ школы суфійевъ или мистиковъ; есть различія только въ нѣкоторыхъ тонкостяхъ.

Вообще суфій называютъ себя *'арифъ* (отъ вышеприведеннаго ма'рифетъ), т. е., познавшими истину. Призваніе человѣка къ этому познанію называется *джазбъ*. Это призваніе влечетъ человѣка къ *сумокъ*, а потомъ къ совершенству *камаль* или *вусуль*; достигшій перваго называется *саликъ*, достигшій втораго называется *камиль* или *василь*. Всѣ члены круга «совершенства» носятъ названіе *аулия* (въ единственномъ числѣ *вали*), т. е., святые.

Въ исторіи муридизма мы видимъ, что слово муридъ впервые явилось между обществами тарыката. У Мохаммеда его ученики и прозелиты носили общее названіе *асхабъ* — ученики, компаніоны, и частныя: а) *мугаджиринъ* — тѣ, которые сопутствовали ему въ бѣгствахъ (гиджретъ); б) *ансаръ* — помощники, тѣ, которые приняли его послѣ бѣгства и содѣйствовали ему въ его предпріятіяхъ. Имена тѣхъ и другихъ можно найти въ отдѣльныхъ брошюрахъ, подъ заглавіемъ *Асхабъ* и *Асхаби-Бедръ*. Последняя издана въ Казани въ 1843 году. — Ученики асхабовъ называются *табиинъ*, т. е., послѣдователи. Стало быть муридъ собственно принадлежитъ тарыкату, и первое употребленіе этого слова относится къ первому вѣку ислама.

Во всѣхъ религіозныхъ переворотахъ и революціяхъ ислама, предводителями революціонныхъ партій были лица духовныя, пріобрѣвшіе въ народѣ достаточное значеніе, чтобы окружить себя послѣдователями, и слово муридъ не иначе давалось этимъ послѣдователямъ, какъ только при условіи, чтобы муршидъ (учитель) ихъ болѣе или менѣе принадлежалъ тарыкату, хотя бы даже въ качествѣ самозванца *). Такихъ мы знаемъ много на Востокѣ, и послѣдній изъ нихъ былъ Хаджи-Сейидъ-Мохаммедъ ширазскій, который около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ возсталъ въ Персіи, называя себя *бабъ*, т. е., двери къ истинѣ, и положилъ начало бывшихъ тамъ недавно смуть. Хотя повидимому, или лучше сказать по оффиціальнымъ извѣстіямъ, правительство тамошнее приняло сильныя и даже слишкомъ сильныя и жестокия мѣры къ истребленію ученія бабидовъ, и, какъ говорятъ, совершенно успѣло въ этомъ; но до-сихъ-поръ муриды-бабиды тайно дѣйствуютъ и въ Персіи и въ закавказскихъ провинціяхъ.

*) Истинные суфій, какъ можно видѣть въ «*Камбуль-Мажджубъ*», въ «*Нефехатуль-Уль*» и въ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ о мистикахъ, отвергаютъ многихъ самозванцевъ-муршидовъ, которые, не получивъ наслѣдственнаго права на пршадъ, основываютъ ложныя ученія, и, называя себя муршидами собственно изъ видовъ страстнаго себялюбія, возмущаютъ людей и поселяютъ между ними раздоры и бѣдствія.

3) *Да'ватъ.*

Слово это значитъ *приглашеніе*. Мохаммедъ, когда утвердился въ силѣ, посылалъ пословъ разнымъ сосѣдственнымъ князьямъ и царямъ съ приглашеніемъ принять исламъ. Въ законѣ сказано, что не дозволяется джигадъ противъ тѣхъ, которые еще не получили да'вата. Стало быть, джигадъ есть результатъ отказа на да'ватъ.

Всякій самозванецъ, поустроивши начало своего политическаго или духовнаго поприща, посылалъ изъ числа своихъ друзей и сподвижниковъ агентовъ и миссіонеровъ съ приглашеніемъ жителей разныхъ странъ послѣдовать его ученію, или подъ его знамя. Не говоря о незначительныхъ событіяхъ, которыми полны страницы исторіи халифовъ и имамовъ, я укажу на два важнѣйшія въ исторіи Востока и достаточно характеризующія всѣ подобныя.

Въ одно почти время, когда счастье умейдской династіи начинало падать (въ началѣ втораго столѣтія ислама), явились въ Аравіи два соискателя на званіе имама и халифа. Одинъ, по имени Ибрагимъ, сынъ Мохаммеда, внукъ Али, правнукъ Абдуллы, праправнукъ Аль-Аббаса, дяди пророка, въ Сириі; другой, Абу-Хамза, въ Еменѣ. Первый, то есть, Ибрагимъ, только продолжалъ начатое своимъ отцомъ Мохаммедомъ, присвоившимъ себѣ званіе имама еще въ царствованіе Омара-Абдуль-Азиза, въ 100-мъ году гиджры. Этотъ Мохаммедъ, пользуясь добротою и, можно сказать, слабостью халифа и расположеніемъ къ себѣ многихъ почитателей дома Аббаса, тогда же замыслилъ о власти, почему и разослалъ втайнѣ семьдесятъ агентовъ въ разныя страны, преимущественно въ Хорасанъ, съ да'ватомъ въ пользу дома аббасова. Эти посланные успѣвали по-немногу, но царствованіе Гашама, съ энергіею управлявшаго халифатомъ слишкомъ девятнадцать лѣтъ, воспрепятствовало ихъ явнымъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Ибрагимъ занялъ мѣсто отца въ мѣстечкѣ Рухеймѣ, не вдалекѣ отъ Дамаска, и въ царствованіе Марвана, прозваннаго аль-химеръ — осель, съ успѣхомъ сталъ развивать идеи, оставленныя ему въ наслѣдіе. Какъ проникательный человекъ, онъ избралъ, для распространенія начатаго дѣла, одного изъ почитателей семейства Аббаса, по имени Абу-

муслима, и отправилъ его, во главѣ многочисленныхъ прозелитовъ, въ Хорасанъ съ безграничною властью, освященною именемъ имама, продолжать начатыя тамъ дѣйствія и дать ему почетное названіе *сахи буд-да'ватъ*, то есть, авторитетъ на приглашеніе. Хотя Ибрагимъ былъ схваченъ друзьями Марвана и преданъ смерти — что, впрочемъ, произвело волненіе въ народѣ и умножило число почитателей Аббасовъ, — но умъ, храбрость, жестокость и даже безчеловѣчіе Абу-муслима открыли ему дорогу къ неслыханнымъ успѣхамъ. Онъ гналъ умейидовъ повсюду, рѣзалъ ихъ какъ овецъ, заставляя всѣхъ волею или неволею принимать присягу аббасидамъ; посадилъ на халифскій престолъ меньшаго брата убитаго Ибрагима, именемъ Абдулла-Ассафахъ; разбилъ на голову армию умейидовъ въ Хорасанѣ, подъ предводительствомъ храбраго Сейяра и установилъ славную въ исторіи династію аббасидовъ.

Другой самозванецъ, Абу-Хамза, возсталъ въ одинъ годъ съ Ибрагимомъ (въ 129 годахъ), подражая во всемъ своему сопернику, но не успѣлъ ни въ чемъ. Онъ также послалъ своего сподвижника Абдуллу, сына Яхъи, во всѣ стороны съ приглашеніемъ, и для большей важности далъ ему титулъ *талибуль-хаккъ* — *ищущій законнаго права*, какъ бы желая этимъ парализировать громкое имя «авторитета на приглашеніе» и прельстить чувствительныхъ мечтателей о законныхъ правахъ — когда кругомъ царствовало беззаконіе. Но мечъ Абу-муслима былъ острѣе, умъ свѣтлѣе и сподвижники многочисленнѣе. Хотя Абу-Хамза надѣлалъ много бѣдъ въ Еменѣ, пролилъ много крови и наконецъ былъ признанъ княземъ меднскимъ, и талибуль-хаккъ сдѣланъ правителемъ Емена, — но все это было не надолго. Войска Марвана, подъ предводительствомъ Абдуль-Меллика, скоро осадили Медну, и побитый Абу-Хамза спасся бѣгствомъ и умеръ въ неизвѣстности, а вскорѣ осадилъ и талибуль-хакка въ Сан'а. Онъ вступилъ въ переговоры, но не согласился на миръ; потому выѣхалъ въ поле съ своимъ легиономъ, и произошла страшная битва. Абдуль-Меликъ взялъ наконецъ верхъ, Абдулла убитъ своими приверженцами.

Обращаю теперь вниманіе читателей на Кавказъ и постараюсь указать, какими путями забралась туда сѣмена муридизма, и какъ онъ развивался тамъ, особенно въ послѣднее время.

II. Муридизмъ на Кавказѣ.

а) Положеніе Кавказа до развитія тамъ муридизма.

Кавказъ съ незапамятныхъ временъ былъ скопищемъ различныхъ народныхъ элементовъ. Его богатая природа примаанивала къ себѣ колоніи съ береговъ Индуса и Ефрата; его мѣстныя выгоды удерживали въ своихъ гостепріимныхъ и безопасныхъ ущельяхъ усталыя и запоздалыя общества эмигрантовъ, слѣдовавшихъ, въ разные періоды, за потоками варваровъ съ сѣвера или съ сѣверо-востока къ западу и югу. Аборигены страны, постепенно смѣшиваясь съ пришельцами, во многомъ измѣнили своему первобытному характеру. По прошествіи тысячелѣтій, Кавказъ представляетъ нынѣ разноплеменные общества, подчиненныя господствующему мѣстному духу; погруженныя въ невѣжество.

Первые символы вѣры древнихъ кавказцевъ были чисто буддійскіе. Мусульманскіе фанатики, открывшіе себѣ путь въ южные предѣлы Кавказа во второй половинѣ VII столѣтія, застали въ немъ идолопоклонство. Исламизмъ боролся въ главныхъ пунктахъ нынѣшняго Дагестана въ продолженіе почти двухъ сотъ лѣтъ и наконецъ утвердился, какъ и оружіе арабовъ, вмѣстѣ съ ихъ политикою. Въ началѣ IX столѣтія толпы арабскихъ волонтеровъ, подъ предводительствомъ пяти шейховъ изъ дома Гамзы и Аббаса (двухъ родныхъ дядей пророка Мохаммеда), двинулись въ Малую Азію для джигада. Успѣхи ихъ проложили имъ путь далѣе по берегамъ Чернаго моря къ востоку. Въ числѣ уже пяти тысячъ, эти эмигранты разсѣялись отъ береговъ Чернаго моря до Каспійскаго и, при помощи бывшихъ тамъ мусульманъ, словомъ и мечемъ обратили идолопоклонниковъ въ мусульманскую вѣру. Съ тѣхъ-поръ здѣсь стало господствовать вѣроисповѣданіе *мафитское*.

Въ періодъ могущества халифовъ, Дагестанъ и мусульманскій Кавказъ находились, иногда дѣйствительно, а иногда номинально, подъ управленіемъ халифскихъ намѣстниковъ; но довольно часто происходили тамъ смуты и кровопролитія, какъ отъ внутреннихъ междоусобій и безпорядковъ, такъ и отъ перемѣнчивыхъ очередныхъ властей разноплеменныхъ обществъ, и наконецъ отъ состязанія сосѣдей. По упадкѣ власти аббасидовъ, Дагестанъ сдѣлался предметомъ непрерывныхъ распрей между турками, грузинами и персами. Монголы двинули туда новыя колоніи туркскихъ племенъ, и у воротъ самого Дербенда произошла спорная брань между двумя сильными ханами этой династіи, *Гулагу* и *Беркэ*, о судьбѣ Дагестана. Сначала перевѣсъ битвы былъ на сторонѣ Гулагу, но послѣ одержалъ верхъ Беркэ, и Дербендъ достался его войскамъ. Эта страна была подчинена силѣ монголовъ, пока они еще имѣли вліяніе на Востокъ.

Спустя двѣсти лѣтъ, на этотъ край начали заявлять притязаніе ново-турки или оттоманы и персы. Войны между ними начались въ исходѣ XVI столѣтія. Персіяне взяли верхъ; южный Дагестанъ остался подъ ихъ управленіемъ до покоренія всего этого края Петромъ Великимъ. Но обстоятельства опять измѣнились. Надиръ-шахъ, во время смутъ въ персидской монархіи, пользуясь улыбавшимся ему счастьемъ, забралъ въ свои руки всю Персію, расширилъ ея предѣлы и, покоривъ Дагестанъ, поставилъ въ немъ своего намѣстника. Послѣ него въ южномъ Дагестанѣ мусульмане, недовольные набомъ персидскаго шаха, учредили свое ханство, которое и существовало у нихъ до окончательнаго покоренія Дагестана русскими въ 1806 году.

Здѣсь надо замѣтить, что во внутреннемъ Дагестанѣ и вообще на Кавказѣ издревле различныя общества управлялись своими собственными князьями и старѣйшинами, изъ которыхъ большая часть всегда однакожь находилась въ связи и подчиненности съ главными правителями господствовавшихъ властей. Въ недоступныхъ же ущельяхъ Кавказа находились такія общества, которыя очень рѣдко или даже едва ли когда-нибудь управлялись посторонними.

б) *Муридизмъ.*

Выше замѣтили мы, что мурдизмъ составлялъ принадлежность тарыката, и что джигадъ и да'вать равнымъ образомъ могли вызывать его, когда предводители партій болѣе или менѣе принимали на себя личину муршидовъ, духовныхъ воспитателей преданной имъ толпы. Впродолженіе первыхъ экспедицій арабовъ подъ предводительствомъ полководцевъ, посланныхъ въ южный Дагестанъ халифами Османомъ *), Валидомъ (въ 96 году гиджры) и Гапшамомъ (въ 105—111 годахъ), джигадъ приобрѣлъ исламу и добычи и земли и множество послѣдователей, такъ что въ III столѣтіи странствовавшіе шейхи, потомки Гамзы и Аббаса, нашли на Кавказѣ достаточное число своихъ единовѣрцевъ мусульманъ. Съ ними виѣстѣ они воевали съ туземными «невѣрными», съ русскими полками, расположенными въ Осетіи **), и наконецъ побѣдили ихъ. Такимъ образомъ джигадъ продолжалъ быть дальнѣйшимъ и постояннымъ орудіемъ распространенія вѣры и власти въ вѣдрахъ Кавказа. Въ исходѣ XIV столѣтія, когда уже исламъ значительно усилился и обнималъ весь Дагестанъ и большую часть Кавказа, край этотъ превратился въ театръ непрерывныхъ войнъ и продолжительныхъ смятеній. Кромѣ того, что впродолженіе долгаго времени «горы побѣдъ», какъ называли Кавказъ арабы по выгодному его мѣстоположенію, былъ предметомъ споровъ и состязаній между персами, турками, монголами и другими сосѣдями, — еще внутреннія возстанія князей и духовныхъ властолюбцевъ довольно долго обременяли эту страну волненіями. Въ эту-то пору получилъ тамъ свое начало мурдизмъ; но онъ не имѣлъ еще политическаго значенія.

Въ исходѣ X столѣтія было сдѣлано тайное воззваніе,

*) Ибнъ-А'асамъ аль-Куфи приписываетъ эту экспедицію Осману. Но въ Дербенд-Намѣ сказано, что эта экспедиція была въ 41 году гиджры, т. е., десятью годами позже, во время халифа Моавіе. Но первое имѣетъ болѣе основанія.

***) Святославъ, въ 965 году, предпринималъ походъ противъ хозаровъ. Встрѣча русскихъ на Кавказѣ съ арабами-эмигрантами и война между ними въ Осетіи и Кахетіи описана мимоходомъ однимъ ученымъ дагестанцемъ XIII столѣтія.

да'вать, отъ дагестанскихъ шейховъ ко всѣмъ тамошнимъ мусульманамъ. Это воззваніе появилось вслѣдствіе того, что нѣкоторые свѣтскіе князья Дагестана присвоили себѣ всю власть потомковъ Гамзы и Аббаса, двухъ патроновъ этой страны, и дѣлали злоупотребленія и противозаконія. Въ воззваніи участь этихъ потомковъ, имѣвшихъ, по мнѣнію шейховъ, болѣе другихъ законное право на духовное и свѣтское управленіе всего Кавказа, — представляется подобною участи пшамовъ — потомковъ Али во время царствованія умейядовъ и аббасидовъ: они были въ непрерывной опасности отъ свѣтскихъ князей и даже скрывались отъ нихъ, потому что ихъ начали убивать и пестрелять повсюду, такъ что изъ нихъ ничего не оставалось на политическомъ поприщѣ въ исходѣ X столѣтія.

«О правовѣрные! говорить это воззваніе, сохранившееся въ одномъ письменномъ намятникѣ XIII столѣтія, — кто бы изъ потомковъ Гамзы и Аббаса, изъ ихъ внуковъ и правнуковъ и праправнуковъ, мужскаго или женскаго пола, великій или малый, ни открылся между племенами (кавказскими), — того должны вы почитать и уважать превыше описанія и мѣры. Это должны вы дѣлать изъ уваженія къ пророку и двумъ его дядямъ. Если же кто этого не сдѣлаетъ, то — да проститъ насъ Господь — пусть будетъ на немъ проклятіе Бога всемогущаго и его ангеловъ!»

Какъ видно изъ послѣдующаго, это приглашеніе имѣло успѣхъ, ибо вскорѣ было составлено ополченіе, вѣроятно изъ муридовъ, подъ предводительствомъ кумыцкаго кадія, духовнаго лица изъ потомковъ Мохаммеда Абдур-Рахима *) ширванскаго. Но дальнѣйшія подробности этого соединенія муридовъ намъ не извѣстны. Вѣроятно успѣхамъ его помѣшала походъ турокъ или турко-монголовъ, на который

*) Онъ, по своимъ эпитетамъ, долженъ принадлежать къ суфіямъ. Въ манускриптѣ, изъ котораго я списалъ одну статью, касающуюся исторіи Дагестана, онъ названъ *Маулла аль-Мухаккыкъ, Асафевы*, — эпитеты, принадлежащіе суфіямъ, въ-особенности первое и послѣднее. Вотъ почему я думаю, что ополченіе подъ его предводительствомъ было составлено изъ муридовъ, тѣмъ болѣе, что тутъ соединились вмѣстѣ всѣ условія муридизма: да'вать, тарыкать и джигадъ.

указывается въ одномъ историческомъ сочиненіи, и слѣдствіемъ котораго было разореніе Кумыка *).

Итакъ слѣды муридизма существовали въ Дагестанѣ еще въ началѣ VIII столѣтія гиджры или около исхода XV вѣка по Рождествѣ Христовѣ, но никакіе факты не показываютъ, чтобы цѣлое ополченіе или общество носило официальное или политическое названіе муридовъ: это могло быть только результатомъ многихъ предшествовавшихъ событій, о которыхъ мы будемъ говорить отчасти и вслѣдующей главѣ. Въ исторіи мистиковъ мы имѣемъ два-три имени извѣстныхъ суфиевъ, принадлежавшихъ Дагестану въ минувшихъ столѣтіяхъ; съ другой стороны, схоластическое ученіе вошло въ Дагестанъ вмѣстѣ съ первыми миссіонерами ислама: оно развивалось тамъ хоть медленно, но прочно и въ значительной степени. Въ номенклатурѣ ученыхъ Востока болѣе пятидесяти громкихъ именъ принадлежатъ Дагестану; тамъ были, какъ есть и нынѣ, отличные (по мусульманской оцѣнкѣ) филологи, философы и законовѣды**). Всѣ эти ученые и мистики имѣли сношеніе съ малою Азією, Турцією, Персією и даже Туркистаномъ. Стало быть, съ одной стороны, тарыкатъ, который не можетъ существовать безъ *иршада* и *ирадэта* (см. выше въ объясненіи тарыката), долженъ былъ необходимо создать муридовъ; съ другой, законовѣды и вообще духовное сословіе, отъ которыхъ всегда зависить политическая судьба людей на Востокѣ, не могли не подстрекать въ голодныхъ фанатикахъ ненависти къ окружающимъ ихъ иновѣрцамъ и невѣрнымъ, вслѣдствіе чего искони происходилъ въ Дагестанѣ разбой и частныя неожиданныя нападенія на иноплеменныхъ сосѣдей, въ-особенности съ-тѣхъ-поръ, какъ русское оружіе водворилось въ томъ краѣ. Если въ X — XI столѣтіяхъ мы видимъ исторически, что духовное сословіе дагестанское изъ пришедшихъ туда

*) См. *Derbend-Namch*, St. Petersburg, 1851. P. XXI.

**) Въ филологію ихъ входитъ грамматика, въ подробности, съ философской точки зрѣнія, и реторика; въ философію — логика и схоластическое богословіе; въ законовѣдствіе — преланія, толкованія корана и юриспруденція. Шамиль проходилъ всѣ эти предметы, какъ объ этомъ упоминаемъ въ своемъ мѣстѣ.

эмигрантовъ могло созвать ополченіе на джигадъ противъ *русскихъ*, шедшихъ въ Осетию при Святославѣ, то конечно при большемъ развитіи ислама эта идея о джигадѣ должна была сдѣлаться болѣе развитою и общеою. Но при *множествѣ* невѣрныхъ, когда не только нельзя надѣяться на успѣхъ, а напротивъ угрожаетъ опасность, — законъ запрещаетъ джигадъ *наступательный* *), потому его дѣлали всегда тайкомъ, придавая ему характеръ разбоя и грабежа. Такимъ образомъ, если муриды существовали въ Дагестанѣ слишкомъ 500 лѣтъ тому назадъ, и тарыкатъ тамъ развивался постепенно; если влияніе духовенства успѣло развить между полудикими горцами идею о джигадѣ до крайней степени, — то, несомнѣнно, нынѣшняя система муридизма должна была быть необходимымъ результатомъ всѣхъ предъидущихъ фактовъ; стоило только явиться челоуѣку умному и имѣющему: а) сильное духовное значеніе, б) познаніе въ тарыкатѣ и в) холодную, невозмутимую храбрость. Первое и послѣднее не рѣдкость въ Дагестанѣ; но надо было присоединить къ нимъ и второе, какъ прекрасное орудіе для достиженія властолюбивыхъ цѣлей; надо было имѣть поводъ сообщить муридизму *официальный* или *политическій* характеръ. Разсмотримъ этотъ вопросъ.

Мы замѣтили выше, что монашеское братство на мусульманскомъ Востокѣ впервые носило имя муридовъ, и что кромѣ монашескаго сословія были частные муриды: этихъ было числомъ всегда гораздо больше. Люди, достигнувъ болѣе или менѣе высокаго значенія въ тарыкатѣ и не принадлежа ни къ какому *официальному* ордену **), имѣли муридовъ. Изъ числа этихъ духовныхъ, бухарскіе ишаны ***) , происходящіе преимущественно отъ *имами-Раббаки Шейхъ-*

*) Оборонительный джигадъ всегда обязателенъ для мусульманъ, особенно, если вѣра въ опасности.

**) Я разумѣю сословія извѣстныхъ братствъ, живущихъ въ *занкакалахъ* или въ *текляхъ* (вѣчто въ родѣ монастырей).

***) Слово *имамъ* на персидскомъ языкѣ значитъ *оми* (мѣстоимѣніе). Въ *учитовомъ* разговорѣ его употребляютъ вмѣсто единственнаго *оми*, какъ и въ русскомъ. О лицахъ, пользовавшихся высокимъ значеніемъ въ обществѣ, въ заочномъ разговорѣ часто употребляли это слово; накопецъ оно

Ахмеда *), имѣли и нынѣ имѣютъ муридовъ во всемъ Туркистанѣ и въ мусульманской Индіи. *Ишанъ Сахмбъ-заде-Гуфрануллахъ*, около двадцати лѣтъ тому назадъ прибывшій къ російскому двору въ качествѣ посланника отъ хакандскаго хана, и нынѣ проживающій въ Бухарѣ, имѣетъ около 40,000 муридовъ въ Туркистанѣ и между русскими татарами, которые его уважаютъ и почитаютъ искренно. Но въ этомъ муридизмѣ нѣтъ тѣни злоумышленія: онъ основанъ на безвредныхъ и даже полезныхъ началахъ тарыката. Въ вятской губерніи, въ малмыжскомъ уѣздѣ есть нѣкто *Ишанъ-Амъ*, имѣющій также маленькій кружокъ муридовъ, на которыхъ онъ имѣетъ сильное вліяніе, — но это вліяніе служитъ къ добру жителей той страны и къ распространенію между ними благонравія. Въ бытность мою въ вятской губерніи, именно въ Малмыжѣ, я имѣлъ случай удостовѣриться, что жители деревни, въ которой живетъ Ишанъ, и даже сосѣднія, ведутъ себя гораздо лучше другихъ татаръ: они не знаютъ ни пьянства, ни конокрадства, которыми вообще славятся наши татары. Даже въ случаѣ дразговъ, непріятностей между татарами и казенныхъ недоимокъ, ишанъ наводитъ ихъ на истинный путь и такъ улаживаетъ дѣло, что окружное начальство остается имъ совершенно довольнымъ.

Изъ всего этого видно, что муридизмъ между мусульманами есть ничто иное, какъ *преданность духовному воспитанію*. Онъ можетъ имѣть столько же пагубныхъ послѣдствій при дурномъ и злоумышленномъ направленіи руководителей, сколько благихъ при хорошемъ.

Въ Дагестанѣ, какъ и въ малой Азіи, муридизмъ существовалъ *номинально*, и прежде чѣмъ онъ былъ употребленъ во зло, онъ долженъ былъ развиться и сдѣлаться общою

осталось за духовными муршидами, какъ имѣвшими наибольшее значеніе и вліяніе въ народѣ. Впрочемъ, въ послѣдствіи это слово присвоилось только туркистанскимъ и индомусульманскимъ муршидамъ.

*) Онъ родился въ 961 году (1563 до Р. Х.); принадлежалъ владѣтельному дому Феррух-шаха кабульскаго; его звали *имами-раббани* — божественный имаъ, по его высокому значенію въ тарыкатѣ, также — *главою старшаго тысячелѣтія*, потому что онъ жилъ въ исходѣ X и началѣ XI столѣтія. Умеръ въ 1084 (1624) году.

идею между горцами. Это было достигнуто въ исходѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія тайнымъ и явнымъ сообщеніемъ дагестанцевъ и ихъ духовныхъ лицъ съ духовными лицами малой Азіи и Турціи съ одной стороны, и Бухары и Туркистана съ другой. Бухарскіе шейхи не однократно пріѣзжали въ Дагестанъ черезъ Астрахань и преподавали тамъ правила тарыката. Нерѣдко дагестанскія духовныя лица черезъ малую Азію путешествовали въ Мекку, оттуда въ Туркистанъ и на возвратномъ пути, черезъ Бухару, въ караванахъ пріѣзжали въ Оренбургъ и въ Астрахань и затѣмъ возвращались въ свое отечество. Такимъ образомъ муриды значительно умножились. Изъ оренбургскихъ татаръ нѣкто *Мансуръ*, окончивъ свое духовное воспитаніе въ Бухарѣ, вернулся въ отечество въ 1742 году; не находя здѣсь удобства для своихъ происковъ, тогда же пробрался онъ опъ, черезъ Астрахань, въ юговосточный Дагестанъ, гдѣ сталъ извѣстенъ подъ именемъ *Шейха-Алауд-Дина-Мансура*; онъ бы сдѣлалъ много зла тамъ, — начало уже было положено, — еслибы покореніе этой части Дагестана и утвержденіе тамъ русскаго оружія не положили конецъ успѣхамъ злоумышленника. Послѣ Мансура намъ извѣстны имена *Мохаммеда*, *Хассъ-Мохаммеда*, *Хадисавъ* и *Джемабуд-Дина*, которые въ *Куринскомъ* и *Аверскомъ* ханствахъ приготавливали поприще пынѣшняго муридизма. *Хадисы*, отецъ и сынъ, были муршидами и имѣли много муридовъ. *Джемабуд-Динъ* кумыцкій былъ сильный муршидъ, имѣвшій, въ числѣ своихъ многочисленныхъ муридовъ, самаго Казы-Муллу. Но все это еще не было употреблено въ общее зло, муридизмъ не получалъ еще своего настоящаго политическаго характера. Для этого нуженъ былъ человѣкъ, умѣющій соединить въ себѣ всѣ условія духовнаго званія, т. е., и шаріатъ и тарыкатъ, открыто дѣйствовать орудіемъ фааатизма на муридовъ, начать *да'ватъ* или приглашеніе на *джинатъ* и успѣшно, дерзко открыть кровавое поприще: это въ первый разъ съ такимъ успѣхомъ досталось на долю Казы-Муллы и его преемнику Шамплю, къ которому теперь и переходимъ. Говоря объ немъ, мы конечно упомянемъ мимоходомъ и о его муршидѣ, Казы-Муллѣ.

III. Имамъ Шамиль.

Разноплеменные и полудикія общества мохаммедапскаго Кавказа, голодные, жадныя къ грабежу, смѣлыя въ разбойничествѣ, отчаянныя въ преслѣдованіяхъ добычи, всегда были сшшкомъ чувствительны къ соблазнительнымъ приманкамъ, представлявшимъ на кровавомъ пути воинственныхъ набѣговъ: стоило только какому-нибудь молодцу предпринять почую или кратковременную экспедицію противъ иноплеменныхъ сосѣдей, какъ немедленно тянулись за нимъ двадцать-тридцать вооруженныхъ отчаянныхъ горцевъ, могущихъ навести страхъ и ужасъ на мирныхъ жителей, не ожидавшихъ ихъ посѣщенія. Съ 1810 по 1820 годъ, будучи еще мальчикомъ — а все ужасное глубже врѣзывается и навсегда остается въ памяти юныхъ, — я былъ очевидцемъ, какъ жители Дербенда и Кубы страдали отъ злодѣйныхъ нападеній лезгинцевъ, какъ послѣдніе уводили ихъ стада, табуны, и сожигали сады съ постройками, усадьбы и хлѣба бѣдныхъ *раджберовъ* (земледѣльцевъ), и какъ наконецъ уводили молодыхъ людей, оставшихся ночью за воротами крѣпости. Ненависть горцовъ къ русскимъ и къ туземнымъ жителямъ страны, покорившимся русскому оружію, тогда была гораздо сильнѣе чѣмъ теперь. Въ недоступномъ въ то время *Акушѣ* жилъ *Шейхъ Али-Ханъ*, сынъ и наследникъ извѣстнаго до-русскаго кубинско-дербендскаго правителя *Фатхъ-Али-Хана*, съ своими приверженцами. Въ союзѣ съ враждебными русскимъ горцами, которые давали молодому хану почетное мѣсто въ средѣ своей, именно потому, что онъ не хотѣлъ подчиниться «невѣрнымъ» и, не смотря на почести, предоставленныя ему русскими при окончательномъ покореніи Дербенда, «молодецки» убѣжалъ изъ ихъ стана *), — шейхъ Али-Ханъ почти еженедѣльно посылалъ сво-

*) Я видалъ и зналъ даже лично нѣкоторыхъ старыхъ героевъ дагестанскихъ походовъ, которые въ 1806 или 1807 году, то есть, послѣ покоренія Дербенда, были свидѣтелями, какъ молодой ханъ, сдавшійся тогда побѣдителямъ и содержимый у нихъ въ почетѣ, въ день смотра войскъ, подобно *Амалатъ-Беку Марлинскаго*, ускакалъ изъ среды народа и скрылся въ горы. Потому показаніе *Путешественника по Востоку*, что при появле-

ихъ нукеровъ съ отборными акушинцами дѣлать неожиданныя нападенія на Дербендъ и его окрестности. Молодые люди, недовольные своею судьбою на родинѣ, часто предпринимали «бѣгство къ хану», какъ они выражались, и вступали въ службу къ нему; не рѣдко безпріютные, обиженные людьми сильными въ обществѣ, отправлялись туда же съ цѣлью отмстить своимъ врагамъ за обиду; наконецъ отправлялись къ хану всѣ преступники, которые какъ-нибудь могли ускользнуть отъ преслѣдованія мѣстнаго начальства. Такимъ образомъ горцы акушинскіе всегда, въ случаѣ нужды, могли имѣть отличныхъ путеводителей по всѣмъ окрестностямъ, обладающихъ всѣми тайнами города.

Мирные жители деревень, окружающихъ Дербендъ и Баку и покорныхъ русскимъ, не иначе могли смотрѣть на эти походы, какъ сквозь пальцы. Каракайтаскій *Усми*, таркинскій *Шамхалъ* и табасаранскій *Ма'сумъ* ^{воси} *Кады* (такъ называются ихъ владѣтели), хотя, повидимому, и преданные русскимъ и даже готовые содѣйствовать имъ въ преслѣдованіи злодѣяній горцевъ, не могли, при всемъ своемъ желаніи, оказать имъ явное и полное содѣйствіе: они знали втайнѣ почти все и молчали, — иначе бы они сами не менѣ страдали отъ набѣговъ своихъ безпокойныхъ собратьевъ и отъ неудовольствія своихъ двусмысленныхъ подчиненныхъ, — волею-неволею они сами должны были быть двусмысленны.

Таково было отношеніе непокорныхъ горцевъ къ жителямъ Дербенда и Кубы и къ жителямъ покорныхъ русской власти магаловъ и ауловъ до появленія Казы-Муллы.

Великодушіе, безкорыстная храбрость и правосудіе суть три орудія, которымъ можно покорить весь Кавказъ: одно безъ другаго не можетъ имѣть успѣха. Имя Ермолова было страшно и особенно памятно для этого края: онъ былъ и великодушенъ, и строгъ иногда до жестокости, и мѣры, употребляемыя имъ для удержанія Кавказа въ мирѣ и повиновеніи, были тогда современны и разумны. Политика его со-

нѣ русскихъ войскъ предъ Дербендомъ, жители, недовольные своимъ безпутнымъ ханомъ, выгнали его вонъ.... принадлежитъ собственному изслѣдованію почтеннаго автора и не имѣетъ никакого основанія.

стояла между прочимъ въ томъ, чтобы привязать къ себѣ духовное сословіе горцевъ, дѣйствуя въ то же время на князей мѣрами строгости и щедрости. Жестоко онъ наказывалъ и своихъ подчиненныхъ русскихъ, которые осмѣливались нанести какое-либо оскорбленіе и самому бѣднѣйшему поселянину изъ покорныхъ горцевъ. Такая обдуманная система управления долго удерживала порядокъ и доставила русскому герою славное имя. Не смотря на тайныя попытки многихъ фанатиковъ внутри Кавказа открыть поприще муридизма, всѣ элементы котораго были тамъ готовы, какъ видно изъ второй части нашей статьи, — при Ермоловѣ злоумышленники и фанатическіе авантюристы не могли имѣть успѣха, потому что покорные горцы были болѣе или менѣе довольны имъ и боялись его.

Наступила персидская война, затѣмъ турецкая. Все вниманіе было обращено на границы царства; отъ чего, конечно, потерпѣло внутреннее управленіе кавказскими провинціями. И безъ того струны слишкомъ были натянуты; стоило только сдѣлать малѣйшее напряженіе, чтобы имъ лопнуть. Подумаешь, неостижимой судьбѣ угодно было приготовить новый призь славы для русскаго оружія, открывъ для него далекое, долгое побѣдное шествіе по кровавому полю, и этимъ создать новое безсмертное имя въ исторіи первостепенныхъ героевъ русскихъ по имени и крови: слава князю Барятинскому!...

Итакъ, все способствовало тому, чтобы вполне развиться муридизму на Кавказѣ и дойти до ужасающихъ результатовъ: всѣ его элементы разработаны неусыпнымъ рвеніемъ духовныхъ въ самыхъ нѣдрахъ Дагестана; *да'ватъ*, *тарыкатъ* и *джаматъ* сдѣланы общими идеями. Явился Казы-Мохаммедъ, и на готовомъ полѣ началъ свои дѣйствія притворною или неспритворною набожностью. Своею ученостью и познаніями въ тарыкатѣ онъ привлекъ къ себѣ муридовъ и составилъ ополченіе; всюду посылалъ избранныхъ приверженцевъ съ да'ватомъ на джигадъ; успѣхи его въ своемъ отечествѣ преградили дорогу другимъ подобнымъ сопскателямъ славы, — всѣ предались ему, не исключая и многихъ ученыхъ. Онъ писалъ къ извѣстнѣйшимъ изъ нихъ убѣди-

тельные письма, въ которыхъ смиренно доказывалъ необходимость *соединиться* правовѣрнымъ ради джигада, употребляя силу, мечъ и огонь, гдѣ ему казалось нужнымъ. Вскорѣ (въ 1830 году) въ Аваріи составился *имамъ*, и Казы-Мохаммедъ провозглашенъ *имамомъ* (см. приложение N° 1).

По закону мохаммеданскому это слово имѣетъ важное значеніе. Имамъ есть глава ислама въ мусульманскомъ государствѣ или обществѣ: «когда мусульмане не повинуются имаму (говорить законъ), имамъ съ ласкою приглашаетъ ихъ (дѣлаетъ да'ватъ) къ повиновенію и разрѣшаетъ ихъ сомнѣнія; если же они останутся непокорными и возстанутъ въ совокупности, то имаму разрѣшается истребленіе ихъ», и проч. Читатели наши изъ первыхъ двухъ частей этой статьи могли понять значеніе имама. Подробное объясненіе этого предмета требуетъ особаго разсказа, который можетъ быть въ другой разъ будемъ имѣть возможность сообщить читателямъ.

Собственно о Казы-муллѣ мы будемъ говорить здѣсь только мимоходомъ. Ему принадлежитъ трудное дѣло первоначальнаго учрежденія муридизма, сосредоточившаго въ себѣ интересъ племенъ различнаго происхожденія и языка. Домашнія дѣйствія этого муллы (такъ называютъ на Востокѣ ученыхъ и духовныхъ лицъ) въ Аваріи, въ своемъ отечествѣ, пачались, какъ видно, очень давно. По крайней мѣрѣ, въ 1824 году слухи доходили до насъ о первыхъ его тайныхъ да'ватахъ къ кумыцкимъ ученымъ и князьямъ. Въ то время Казы-Мохаммедъ былъ ученикомъ и муридомъ въ тарыкатѣ извѣстнаго Джемалудъ-Дина Кумыцкаго, знаменитаго въ тѣхъ краяхъ *'арифа* — мистика и ученаго. Но этотъ «прадетъ» былъ чисто духовно-мистическій и не имѣлъ еще никакого политическаго значенія. Когда Казы-Мохаммедъ утвердился въ своемъ званіи имамскомъ, его муриды уже начали составлять родъ болѣе или менѣе правильнаго ополченія, которое подчинялось его волѣ и исполняло всякое его приказаніе съ самоотверженіемъ. Съ 1830 года муридизмъ окончательно принимаетъ политическій характеръ, и Казы-мулла становится опаснымъ. Въ 1831 году крѣпость *дербендская* была окружена муридами (см. приложение N° 2). Во время отдохнове-

нѣя послѣ набѣговъ, онъ занимался пршадомъ, воспитаніемъ своихъ муридовъ въ тарыкатѣ. Всѣ соученики его, слушавшіе прежде вмѣстѣ съ нимъ лекціи у Джемалуд-Дина, въ 1829 году и послѣ перешли къ нему и предались ему, какъ имаму. Въ числѣ этихъ первое мѣсто принадлежало тридцатидвухъ-лѣтнему молодому человѣку, болѣе другихъ ученому, болѣе другихъ преданному имаму: это былъ *Шамиль*. У него были соперники, можетъ быть и сильнѣе по происхожденію, но собственно въ учености и въ прадетѣ, или выражаясь болѣе технически — въ *шаріатѣ* и *тарыкатѣ*, Шамиль стоялъ выше другихъ. Притомъ строгая, безусловная преданность его имаму совершенно привязала къ нему духовнаго воспитателя, который безъ него не предпринималъ никакого дѣла. Не смотря на то, что *Гамза-Бекъ*, одинъ изъ сильныхъ князей Дагестана, по своему значенію и, конечно, преданности муршиду, стоялъ выше Шамиля, онъ былъ возведенъ въ достоинство намѣстника имама. Въ глазахъ Казы-муллы и его подчиненныхъ Шамиль, не говоря уже о его качествахъ какъ духовнаго, былъ во всемъ человѣкъ болѣе способный, искренній и симпатичный, что впоследствии и оправдалось.

Въ 1833 году, когда пришелъ конецъ Казы-муллѣ при взятіи Гимрѣ (такъ произносятъ это имя Шамиль и оставшіеся при немъ муриды), изъ всѣхъ его муридовъ одинъ Шамиль вынесъ съ поля битвы непомрачаемую славу. Трудно вѣрить, въ самомъ дѣлѣ, тому, что я слышалъ отъ его сына и муридовъ 3-го прошедшаго октября, когда я заплатилъ взятъ имаму. Но нельзя и не вѣрить описанію такого момента жизни героя, когда онъ возвышается надъ всѣми потому только, что они были очевидцами этого момента. Въ то время, когда палъ Казы-Мулла подъ ударами русскаго оружія, его любимецъ защищалъ его тѣло. Въ жаркомъ рукопашномъ бою вдругъ штыкъ рядоваго пронзилъ насквозь грудь Шамиля, боровшагося въ это время противъ другаго врага; конецъ штыка вышелъ изъ спины у лѣвой лопатки. Не смотря на эту смертельную рану, Шамиль отнялъ ружье изъ рукъ рядоваго, выдернулъ штыкъ изъ раны и имъ же убилъ своего противника! Сила разказа не въ одномъ этомъ подвигѣ, но еще въ томъ, что Шамиль въ ту минуту не

упалъ, а еще дрался, и изнеможеніе преодолѣло его только тогда, когда онъ уже былъ внѣ дальнѣйшей опасности отъ преслѣдованія. Эта рана, этотъ героическій подвигъ были одною изъ главныхъ причинъ его успѣха въ достиженіи степени имама.

Смертью Казы-муллы начинается поприще любимаго его ученика, втораго имама, пріобрѣвшаго описаннымъ выше героизмомъ еще большее уваженіе народа. Скажемъ нѣсколько словъ объ его дѣтствѣ и юности.

Шамиль родился въ Гимрѣ въ 1212 году гиджры — 1797 году нашего лѣтосчисленія: потому онъ считаетъ себѣ шестидесять пятый годъ, хотя по астрономическому исчисленію ему шестдесятъ третій годъ, ибо лунные годы почти десятью днями короче солнечныхъ, и каждые тридцать два года солнечныхъ составляютъ тридцать три лунныхъ. У родителей его кромѣ одного сына не было болѣе дѣтей мужескаго пола. Была еще одна дочь, но въ Дагестанѣ дочери не составляютъ потомства, одни сыновья составляютъ родъ; потому, когда я спросилъ имама, сколько дѣтей было у его отца, онъ отвѣчалъ: одинъ я, поднимъ при этомъ указательный палецъ, что въ восточной жестикуляціи, какъ и въ европейской пантомимѣ, значитъ одинъ, единственный. Новорожденному дали названіе *Али*; лелѣли его, какъ единороднаго, и онъ росъ въ изобиліи и любви, конечно по степени дагестанской нѣжности, по тамошнимъ аварскимъ средствамъ. Какъ бы воспитаніе дѣтей ни было грубо въ Дагестанѣ, какъ бы оно намъ ни казалось дикимъ при нашихъ понятіяхъ, при нашихъ средствахъ, однакожь тамъ можно найти столько же нашего *хорошаго*, сколько у насъ *предосудительнаго* чужаго — то есть, всѣ тѣ мелочныя условія воспитанія дѣтей, которыя перешли къ намъ этнографическимъ путемъ изъ Азіи. Любовь дѣтей принадлежитъ отцу и матери — это общее инстинктивное начало всего животнаго міра; разница въ понятіяхъ людей и въ воспитаніи. Изъ излишней любви, нѣжныя матушки, — нѣжность — всегдашій девизъ женщины вездѣ, — обыкновенно прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ, не вошедшимъ ни въ правила философіи, ни въ правила гигиены; большая часть этихъ средствъ, если не всѣ, диктуются не-

образованными бабками, кормилицами и няньками. Мать готова все выслушать, все исполнить, даже втайнѣ отъ мужа и жедика. Новорожденный Али, нѣжно любимый матерью, сдѣлался боленъ. Были употреблены все средства къ его выздоровленію: разныя умыванья углемъ и «святою водою», разныя окуриванья, перемѣна мѣста, но ребенокъ не выздоравливалъ. Оставалось еще одно средство, но оно было нѣсколько предосудительное и трудное: это — перемѣна имени, даннаго при рожденіи. Надо замѣтить, что имя Али на всемъ Востокѣ пользуется весьма большимъ почетомъ. Сунниты питаютъ сектаторскую ненависть къ шиятамъ, которые призываютъ Али, зятя пророка, единственнымъ законнымъ халифомъ и первыхъ трехъ халифовъ, Абубекра, Омара и Османа, предають проклятію; эта ненависть суннитовъ, къ которымъ принадлежатъ и дагестанцы, обращается иногда и на самого зятя пророка *), котораго они считаютъ четвертымъ халифомъ; но не смотря на все это сунниты предпочитаютъ имя Али именамъ всѣхъ другихъ халифовъ: въ номенклатурѣ именъ суннитскихъ ученыхъ имя Али гораздо чаще встрѣчается, чѣмъ Абубекръ, Омаръ и Османъ.

Потому, какъ ни трудно было перемѣнить имя малолѣтняго Али, но любовь матери превозмогла: Али былъ переименованъ въ *Шамиля*, съ удержаніемъ впрочемъ и перваго имени: *Шамиль-Али*.

Когда я спрашивалъ имама, помогло ли это средство его болѣзни, онъ призадумавшись отвѣчалъ двусмысленно: «я выздоровѣлъ скоро, но не знаю отъ перемѣны ли имени».... отвѣтъ вполне современный....

Намъ неизвѣстны подробности жизни Шамиля до начала его поприща (1833, года); краткость времени его пребыванія въ Петербургѣ и позднее мое знакомство съ нимъ не позволили мнѣ узнать отъ него о всѣхъ мелочахъ его моло-

*) Это соперничество и народная ненависть въ первое время ислама произвели то, что въ мечетяхъ явно и всенародно предавали Али проклятію единственно за то, что шиты втайнѣ проклинали первыхъ трехъ халифовъ. Въ 99 году гижры, то есть въ 717 году Рождества Христова, этотъ обычай былъ уничтоженъ настояніемъ Омара бинъ-Абдуль-Азиза, IX халифа умейядской династии.

дыхъ лѣтъ. Знаю только, что Шамиль-Али вступилъ въ школу, когда ему было двѣнадцать лѣтъ, учился тамъ грамматикѣ и предметамъ первоначальнаго тамошняго образованія. Когда ему минуло двадцать лѣтъ, онъ уже кончилъ курсъ *мукаддамата*, т. е., грамматики, логики и реторики арабскаго языка, и приступилъ къ слушанію высшихъ курсовъ: философіи, толкованія корана, преданій и законовѣдѣнія. Онъ слушалъ лучшихъ преподавателей этихъ наукъ въ Аваріи и окончательно перешелъ къ извѣстному тамъ мистикъ *Хаддису* *), у котораго онъ слушалъ тарыкатъ. Когда ему было двадцать семь лѣтъ, онъ началъ посѣщать лекціи Джемалуд-Дина кумыцкаго, муршида Казы-Муллы, и въ этихъ лекціяхъ онъ былъ порученъ своему будущему имаму, который былъ у муршида въ качествѣ халифа **).

Въ это время Казы-Мулла намѣревался открыть свои дѣйствія. Шамиль не имѣлъ еще никакого значенія въ своемъ отечествѣ, кромѣ того что на него смотрѣли, какъ на ученаго муршида Джемалуд-динова, какъ на молодаго человека съ твердымъ характеромъ, и какъ на очень храбраго земляка, отличавшагося въ нѣсколькихъ случаяхъ между товарищами молодецкими походами. Казы-Мулла, замышлявшій тогда о своемъ будущемъ поприщѣ, замѣтилъ въ Шамилѣ тѣ отличныя достоинства, которыя впоследствии давали ему первенство передъ всѣми почти любимыми муршидами имама, и самъ Шамиль, по собственнымъ его словамъ, съ первыхъ дней знакомства сталъ питать къ Казы-Муллѣ чувство глубокаго уваженія, и впоследствии до такой степени, что предался ему и тѣломъ и душою, въ-особенности когда объявилъ себя его муршидомъ.

Одаренный глубокимъ и честолюбивымъ умомъ, Шамиль лучше всѣхъ долженъ былъ чувствовать переходъ изъ муршидизма обыкновеннаго въ муршидизмъ политическій. У Джемалуд-Дина онъ былъ въ числѣ обыкновенныхъ муршидовъ, какъ и самъ Казы-Мулла, и въ своемъ прадетѣ ограничи-

*) Такого имени на Востокѣ мы не знаемъ; въ первый разъ я слышалъ его отъ Шамиля, который сказалъ: «Хаддисъ отецъ и Хаддисъ сынъ. весьма ученые мистики въ Дагестанѣ.

**) То есть, занимающаго мѣсто муршида; помощника, намѣстника и т. п.

важся чисто духовнымъ значеніемъ этого слова, какъ оно понимается въ ученіи мистиковъ (см. выше о тарыкатѣ); теперь же онъ могъ видѣть, постепенно и довольно осязательно, какія приложенія изъ этого ученія дѣлалъ его муршидъ еще со времени своего халифатства, когда самъ былъ муридомъ общаго ихъ духовнаго учителя Джемалуд-Дина, — какъ онъ точилъ это духовное оружіе фанатизмомъ и куда направлялъ его. Это былъ для Шамиля міръ совершенно новый, очаровательный, полный заманчивыхъ надеждъ; онъ съ восторгомъ слѣдовалъ повсюду за своимъ муршидомъ, потому что въ своемъ званіи ясно видѣлъ новое значеніе, совершенно отличное отъ прежняго, обыкновеннаго, прозаическаго. Наружность Шамиля, его силы физическія и духовныя, при его неописанной преданности Казы-Муллѣ, новому имаму, дали ему мѣсто въ числѣ самыхъ первыхъ муридовъ, а его храбрость, самоотверженіе и успѣшность въ исполненіи повелѣній имама, — возвысили его въ глазахъ всѣхъ окружающихъ. Дѣйствія его всегда имѣли характеръ искренности и безкорыстія какъ въ отношеніи къ имаму, такъ и въ отношеніи къ его подданнымъ.

По паденіи имама Казы-Муалы и по спасеніи Шампли столь дивнымъ, описаннымъ выше, образомъ, Гимрѣ было занято русскими войсками. Муриды разбѣжались въ разныя стороны. Безначаліе произвело вездѣ безпорядки; стали являться претенденты на званіе имама. Два человѣка больше всѣхъ имѣли право на предводительство: одинъ Гамза-Бекъ*) наибъ убитаго имама, по своему свѣтскому значенію; другой Шамиль — по своему значенію духовному. Оба эти соискателя разошлись. Шамиль съ своею партіей отправился въ *Ашильту*, Гамза — въ *Карадахъ*. Надо замѣтить, что послѣ бѣгства при взятіи Гимрѣ русскими, Гамза, въ качествѣ наба, еще распоряжался судьбою муридовъ бывшаго

*) Это имя произносится различно, по причинѣ арабскаго правописанія и различныхъ способовъ чтенія. Латинскими буквами это слово можно точнѣе выразить: *Hamzah*; послѣдній звукъ *h* иногда перемѣняется въ *t*; отсюда, по первому чтенію, слово произносится Гамзагъ, Гамзахъ или обыкновенно Гамза, по второму Гамзатъ или Гамзадъ. Я слѣдовалъ обыкновенному, правильному чтенію.

ямама. Когда извѣстiе о смерти Казы-Муллы разошлось повсюду, на чтѣ нужно было конечно не болѣе двадцати четырехъ часовъ, Гамза-Бекъ разослалъ гонцовъ по ауламъ объявить о своемъ имамствѣ и велѣлъ ученымъ и знатымъ людямъ собираться въ карадахскую мечеть, чтобы выслушать волю умершаго ихъ повелителя. Между тѣмъ муриды Шампиля, добравшись съ нимъ до Ашильты, пораженные его послѣднимъ героизмомъ и чудеснымъ спасенiемъ, единодушно были той мысли, что достойнѣе Шампиля никто не можетъ замѣнить Казы-Муллу: Аллахъ спасъ его такимъ чуднымъ образомъ конечно для этого великаго дѣла, говорили они. Но Шампиль зналъ, что его соперники сильнѣе его въ народѣ, зналъ, что успѣхи его зависятъ единственно отъ разширенiя круга своей популярности. Потому онъ отвергъ предложенiе своихъ приближенныхъ и указалъ на правила, коими руководствовались мусульмане послѣ кончины пророка: «пускай, говорилъ онъ, преемникъ имама изберется изъ среды сопскаателей, изъ вѣрныхъ слугъ Казы-Муллы, изъ лучшихъ опоръ ислама». Смиренныя рѣчи перешли изъ устъ въ уста. Между муридами повсюду начали думать и говорить въ пользу Шампиля; въ аулахъ распространились разныя сказки о томъ, какъ *Шампиль воскресъ изъ мертвыхъ*, какъ *Аллахъ послалъ его второй разъ въ мiръ для защиты ислама...*

Съ другой стороны въ пользу Шампиля послужило поведенiе Гамза-Бека. Какъ мы сказали, этотъ наибъ велѣлъ избраннымъ изъ народа собраться въ карадахскую мечеть. Конечно туда устремились всѣ, кто только могъ. Когда мечеть была полна нетерпѣливо ожидавшихъ услышать завѣщанiе покойнаго имама, Гамза явился во главѣ вооруженной толпы и возвѣстилъ, что, исполняя завѣщанiе Казы-Муллы, предъ смертью избравшаго его своимъ преемникомъ, *объявляетъ себя нынѣ имамомъ и требуетъ общаго повиновенiя*. Не смотря на негодованiе многихъ — ибо хорошо знали, что Гамза спасся бѣгствомъ при взятiи Гимрѣ, и что Шампиль одинъ оставался съ немногими муридами при послѣднемъ издыханiи имама, — обстоятельства не позволяли противорѣчить. Въ это же время появилось письмо Шампиля, разосланное повсюду къ духовнымъ лицамъ разныхъ ау-

ловъ не какъ отъ сонскателя имамскаго достоинства, а какъ отъ духовнаго лица, ищущаго блага горцевъ. Письмо было такого содержания:

«Отъ раба Божія и сподвижника славы ислама, слуги имама Казы-Муллы и славнаго пророка, къ такому-то....»

«Урусъ (Русскіе) торжествуютъ; Гимрѣ взять, имама нашего болѣе нѣтъ. Для поддержанія ислама нужно *единодушіе*. Кто бы ни былъ предводителемъ муридовъ, — внушите народу повиноваться ему покуда; да не будутъ наши горцы подобно собакамъ, прости Господи, да не грызутся они изъза кости властолюбія, тогда какъ кость эта можетъ быть похищена невѣрными. Соединимся всѣ противъ невѣрныхъ новыми силами, призвавъ Аллаха на помощь и *избравъ* одного для исполненія его воли. Такъ дѣлали наши отцы, первые мусульмане. Вотъ и все. Миръ вамъ *)».

Это письмо имѣло сильное вліяніе въ Дагестанѣ. Дѣйствительно, повидимому, всѣ почти дагестанцы повиновались повелѣніямъ Гамза-Бека, и это единодушіе поддержало значеніе горцевъ. Только вѣгънѣ принимали мѣры къ прекращенію внутренняго зла: чтобы занять мѣсто имама, предводитель самъ долженъ быть лицомъ духовнымъ и болѣе имѣющимъ значенія въ народѣ, чѣмъ Гамза-Бекъ. Прошло немного времени — и Гамза-Бекъ былъ убитъ въ *Хунзахъ*. Говорятъ, что онъ былъ умерщвленъ въ самой мечети во время отправленія богослуженія, но въ этомъ я не могъ удостовѣриться. Кто былъ главною пружиною этого заговора — я также не знаю. Шамиль, котораго многіе обвиняютъ въ томъ, что не смотря на дальнее разстояніе его отъ временнаго имама, онъ былъ главнымъ двигателемъ заговора, — совершенно отвергаетъ эту мысль. Конечно, ему можно и не вѣрить, но изъ всего того, что мы слышали объ этомъ отъ Шамиля и его сына, обнаруживается, что единственною причиною этого событія были начавшіеся без-

*) Содержаніе этого письма сообщено мнѣ Хаджи-Мохаммедомъ, однимъ изъ ученыхъ муридовъ Шамиля, предавашагося намъ вмѣстѣ съ имамомъ. Надо замѣтить, что всѣ письма Шамиля, изъ коихъ нынѣ около десяти находится въ музеѣ академіи наукъ, оканчиваются этими словами: «вотъ и все, миръ вамъ».

порядки и неурядица между муридами. Шамиль жилъ тогда въ Ашильтѣ и рѣшительно отвергалъ неоднократно предложеніе муридовъ принять имамство; онъ зналъ навѣрное, что если слѣпо предаться ихъ желанію, то воспослѣдуетъ разъединеніе горцевъ, а это было въ то время, по его мнѣнію, опаснымъ для ислама и для всего Дагестана. Потому онъ настаивалъ прибѣгнуть къ избранію имама, что согласовалось съ закономъ и обычаемъ первыхъ мусульманъ, и что теперь обѣщало успѣхъ Шамилю, избавленному услужливою рукою отъ соперника. При жизни, сила Гамза-Бека была велика, его родственники и друзья были многочисленны, и только народъ не хотѣлъ видѣть его на престолѣ имамата; при такихъ обстоятельствахъ самое избраніе не могло увѣряться успѣхомъ, и Гамза-Бекъ сдѣлался потому жертвою увлеченія тѣхъ, которые желали еднородія и согласія.

Какъ бы то ни было, въ 1834 году, всѣ муриды совокупно предложили Шамилю принять имаматъ и объявили себя его муридами. Съ-тѣхъ-поръ это достоинство оставалось за нимъ безспорно, и онъ своимъ умомъ и распорядительностью, умѣлъ соединить всѣ разъединенныя общества Дагестана въ одно цѣлое, ежегодно увеличивать его и расширять кругъ своей дѣятельности, и достигнуть наконецъ высшаго значенія — званія *главы правопырныхъ, владыки Кавказа*.

Мы не можемъ излагать постепенное развитіе могущества Шамиля въ хронологическомъ порядкѣ. Это дѣло принадлежитъ Военному Сборнику или особой спеціальной статьѣ, которая не иначе можетъ быть составлена, какъ только по вѣрнымъ источникамъ или, по крайней мѣрѣ, по фактамъ, извлеченнымъ изъ исторіи военныхъ дѣйствій на Кавказѣ съ 1834 по 1858 годъ. Объяснимъ только нѣкоторыя стороны геронической и административной жизни этого удивительнаго чело-
вѣка.

Всѣ дѣянія Шамиля, сколько можно видѣть изъ его распоряженій, изъ его переписки съ наибями и другими муридами (такія письма, числомъ около шестидесяти, хранятся въ музеѣ академіи наукъ), свидѣтельствуютъ о его высокомъ умѣ, меткомъ взглядѣ на вещи и чрезвычайно твердомъ характерѣ. Новое поприще онъ началъ такъ, какъ началъ свое

Мохаммедъ, пророкъ правовѣрныхъ; Шамиль во всемъ подражалъ ему и сообразно съ этимъ расположилъ свои дѣйствія.

Поприще Мохаммеда открылось бѣгствомъ его изъ Мекки въ Медину; это бѣгство называется *иджретъ*, сокращенно — *иджра*, и съ него начинается лѣтосчисленіе мусульманъ. Шамиль также называетъ свое переселеніе изъ Гимрѣ въ Ашильту послѣ смерти Казы-Муллы — бѣгствомъ, тѣмъ же техническимъ словомъ *иджретъ*, и начало своего имамства считаетъ съ этой эпохи, потому что на временное управленіе Гамза-Бека онъ смотритъ какъ на самовольство человѣка, не приготовленнаго быть имамомъ. Всѣ тѣ приверженцы Мохаммеда, которые сопутствовали ему въ бѣгствахъ, удостоены были почетнаго имени *мугаджиретъ* (ед. *мугаджиръ*), при чемъ обѣщано имъ было неописанное блаженство въ будущей жизни. Шамиль сдѣлалъ тоже, и еще болѣе: онъ почетное это названіе распространилъ и на тѣхъ, которые *бѣжали отъ несправедливости* и искали его покровительства, и обѣщавъ имъ блаженныя жилища на небесахъ вмѣстѣ съ мугаджирами пророка. Въ дѣяніяхъ его къ подвластнымъ русскому правительству мусульманамъ, онъ и его набы между прочимъ писали: бѣгите, ради Аллаха, дабы вы могли причислиться къ мугаджирамъ! — Это было всегда однимъ изъ вѣщайшихъ соблазновъ, привлекавшихъ легкомысленныхъ мусульманъ къ грозному Шамилю, который въ противномъ случаѣ, въ случаѣ неповиновенія Аллаху, въ его лицѣ, угрожалъ имъ лишеніемъ имущества, дѣтей и жизни въ этомъ мірѣ и адскими муками въ будущемъ. — Мохаммедъ называлъ жителей Медины, куда онъ бѣжалъ въ началѣ своего поприща, почетнымъ именемъ *ансаръ*, т. е., помощники, сподвижники, потому что они его приняли и содѣйствовали его видамъ. Шамиль сдѣлалъ тоже. Жителей Ашильты и всѣхъ, которые безусловно принимали его, онъ называлъ *ансаръ*. Это слово, по своему религіозному значенію, равносильно слову мугаджиръ. Вотъ что говоритъ коранъ объ нихъ. «Что касается до мугаджировъ и ансаръ... то Аллахъ доволенъ ими, и они будутъ довольны имъ: онъ уготовалъ имъ сады райскіе, по которымъ текутъ ручейки... Въ другомъ мѣстѣ: «Богъ уже очи-

стиль грѣхи пророка, мугаджировъ и ансаръ». На эти стихи и на другіе въ томъ же родѣ Шамиль часто дѣлалъ ссылки во всѣхъ письмахъ своихъ къ тѣмъ, которыхъ онъ приглашалъ къ муридизму, къ джигаду. — Шамиль давалъ имя асхабъ (ученики, компаніоны) близкимъ къ себѣ муридамъ, называя всѣхъ остальныхъ общимъ именемъ муридъ.

Всѣ эти и подобныя тонкости придавали Шамилю высокое значеніе въ глазахъ его подданныхъ; въ-особенности онъ пользовался уваженіемъ различныхъ легковѣрныхъ обществъ Дагестана, которыя смотрѣли на него, какъ на намѣстника пророка.

Мохаммедъ диктовалъ свой коранъ отрывками, которые писались на лоскуткахъ кожи и коры древесной. Шамиль передавалъ свою волю муридамъ и наибамъ на самыхъ маленькихъ лоскуткахъ бумаги. Я никогда не видѣлъ, чтобы его письма имѣли болѣе трехъ вершковъ длины и двухъ вершковъ ширины. Это также была одна изъ утонченностей въ подраженіи пророку, которыми Шамиль привлекалъ къ себѣ народъ.

Первое наименованіе, подъ которымъ онъ явился на сценѣ, было имамъ, какъ назывался и Казы-Мулла; потомъ онъ принялъ титулъ *амируль-му'минина* — повелитель правовѣрныхъ. Въ точности не знаю, когда онъ принялъ это названіе, но видѣлъ его въ письмахъ еще до 1848 года. Вотъ какъ начинались его письма: «отъ повелителя правовѣрныхъ и имама мусульманскаго Шемуиля»...

Здѣсь кстати замѣтить, почему Шамиль перемѣнилъ свое второе имя на Шемуиля. Поводъ къ этому также основанъ, по моему мнѣнію, на подражаніи и на видахъ благочестія. Извѣстно, что пророкъ сперва назывался *Ахмадъ* *), потомъ Мохаммедъ, потомъ Махмудъ, хотя остался извѣстнымъ подъ вторымъ своимъ именемъ. Шамиль поступилъ также; конечно второе имя можетъ быть случайно было дано ему въ замѣнъ Али, какъ мы говорили выше; но это не мѣшаетъ

*) См. Коранъ, 61 гл. (Ас-саффъ), ст. 6, въ которомъ говорится, что Спаситель будто бы сказалъ израильтянамъ, что послѣ него придетъ пророкъ, которому имя будетъ *Ахмадъ*, то есть, Мохаммедъ.

намъ думать, что еслибъ этого случая и не представилось, и его имя не было измѣнено, какъ онъ говоритъ, его матерью, — то онъ самъ нашель бы къ тому случай, лишь бы имѣть во всемъ сходство съ пророкомъ. Впрочемъ Шамиль рѣзко сказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, по какому поводу онъ переимѣнилъ Шамиля въ Шемуиля (и рассказанное похоже во всемъ на измѣненіе Мохаммеда въ Махмудъ). Еще до имамства, когда Шамилю было лѣтъ двадцать шесть, онъ встрѣтилъ на дорогѣ изъ одного аула въ другой еврея. Случилось имъ ѣхать по одному направленію. Въ разговорѣ еврей спросилъ у своего спутника, какъ его зовутъ, и тотъ отвѣчалъ — меня зовутъ Шамиль. «Какъ! воскликнулъ еврей, развѣ у васъ, у мусульманъ, есть такое имя? вѣдь это наше имя, іудейское!» Дѣйствительно евреи произносятъ имя Самуиль — *Шемуиль*, а въ скороговоркѣ *Шамуль*, *Шамиль* и т. п. Это открытіе сдѣлало такое впечатлѣніе на строгаго мусульманина, каковымъ былъ нашъ Шамиль, что онъ рѣшился во-что бы то ни стало переимѣнить это имя. «Въ книгахъ я читалъ, говорилъ мнѣ имамъ, что есть имя Шемуиль въ числѣ древнихъ пророковъ и патриарховъ, потому я предпочелъ его жидовскому имени и сталъ подписываться имъ». Конечно имамъ хорошо зналъ, что настоящее еврейское имя и есть Шемуиль, которое дагестанскіе евреи исказили въ Шамиль, Шамиль, но *) зналъ также, что это не простое имя, а имя чтимаго священною исторіею пророка; потому съ самаго начала своего имамата онъ пачалъ подписываться этимъ именемъ. Съ-тѣхъ-поръ стали такъ называть его и всѣ муриды. Но въ устахъ народа, въ-особенности у сосѣдей, онъ постоянно назывался Шамилемъ; вѣроятно и въ исторіи Дагестана онъ останется съ этимъ именемъ.

Между именами Шамиль и Шемуиль нѣтъ никакого отношенія въ этимологіи. Первое есть арабское слово и одно изъ ста одного имени Бога, значитъ *всеобъемлющій*, и я никогда не слыхалъ, чтобы его употребляли какъ имя соб-

*) Исторія пророковъ и патриарховъ у мусульманъ есть искаженная священная исторія, хотя часто мы встрѣчаемъ у нихъ и довольно вѣрное изложеніе послѣдней. Такъ исторія Самуила почти вѣрна съ повѣствованіемъ Библии. Въ нѣкоторыхъ исторіяхъ Шемуиль пишется Ишмуиль.

ственное, хотя многіе, и даже большая часть именъ Божіихъ, употребляются у мусульманъ какъ собственные имена. Второе (Шемуиль, Шемуель) есть имя еврейское, употребляемое у арабовъ только какъ собственно еврейское имя: оно значить *выпрошенный у Господа* и дано Самуну потому, что мать его Анна (по еврейски Ганна) со слезами просила Бога о дарованіи ей сына, и Богъ услышалъ ея молитву (1 Книга Царствъ, гл. I, стихи 11 и 20). Стало быть сходство между этими именами совершенно случайное.

Я кажется объ этомъ предметѣ слишкомъ распространялся, но это потому, что меня часто спрашивали, что значить Шамиль, что значить Шемуиль, и почему Шамиль подписывается послѣднимъ именемъ.

Четыре года Шамиль имѣлъ главное мѣсто своего пребыванія въ Ашильтѣ. Въ 1837 году онъ переселился въ *Черикатъ* и *Кесту*, гдѣ онъ пробылъ два года. Тутъ онъ составилъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій своихъ. Въ 1840 году онъ уже былъ силенъ до того, что его имя становилось страшнымъ. До-сихъ-поръ имамъ дѣйствовалъ дипломатически: снискивалъ къ себѣ разположеніе духовныхъ лицъ и сильныхъ бековъ и владѣльцевъ, — но тутъ, увидѣвъ себя достаточно сильнымъ, онъ сбросилъ съ себя личину смиренія и кротости и сталъ дѣйствовать *самовластно*: отъ него стало зависѣть рѣшеніе всякаго дѣла, религіознаго и политическаго. Онъ началъ безъ всякаго совѣщанія съ учеными, что онъ дѣлывалъ прежде, жечь и истреблять цѣлые аулы, жители которыхъ въ чемъ-нибудь ему измѣняли или не принимали его да'вата. Приложенное къ этой статьѣ подъ № 3, письмо Шамиля къ обществу чохскому, отличавшемуся преданностью Россіи, можетъ дать понятіе читателямъ нашимъ, какъ грозный имамъ приглашалъ къ себѣ горцевъ, ему непокорныхъ, какъ онъ ихъ убѣждалъ и какъ грозилъ имъ. Дѣйствительно, какъ онъ писалъ, такъ и сдѣлалъ въ этомъ случаѣ, и также поступалъ во всѣхъ подобныхъ: Чохъ былъ разоренъ и совершенно уничтоженъ, зимой 1847—1848 года, и мурнды соорудили тамъ сильное укрѣпленіе. Такіе примѣры застрашала непокорныхъ Шамилю горцевъ, и въ скоромъ времени онъ началъ получать письма отъ мелкихъ владѣльцевъ и ду-

ховныхъ лицъ Табассарана, Каракайтаха и другихъ подвластныхъ Россіи обществъ съ предложеніемъ ошастливитъ ихъ принятіемъ въ число мугаджировъ и для этого поспѣшить къ ихъ спасенію отъ настоящей власти. Въ 1844 году предается ему и елсуйскій султанъ, владѣтель 22,500 душъ горцевъ, Даніель-Бекъ, который находился у насъ на службѣ. Такъ годъ отъ году силы Шамиля увеличивались, не смотря на нѣкоторыя неудачи противъ нашихъ кавказскихъ героевъ.

Чтобы поддержать свое значеніе и упрочить его, Шамиль, еще съ самаго начала появленія своего на сценѣ, прибѣгнулъ къ обычному средству, на Востокѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо почитаемому, — къ кровнымъ родственнымъ связямъ. Не знаю на комъ онъ былъ сперва женатъ, но двухъ дочерей своихъ выдалъ за двухъ сыновей уважаемаго во всемъ Дагестанѣ Джималуд-Дина, своего бывшаго муршида, а сына своего Казы-Мохаммеда позже женилъ на дочери Даніель-Бека. Въ нашихъ газетахъ пишутъ, что онъ самъ былъ женатъ на дочери Джемалуд-Дина, но, по мусульманскому закону, это противорѣчитъ замужству его дочерей.

Сосредоточивъ въ себѣ такимъ образомъ всю власть духовную и свѣтскую, Шамиль умными и обдуманными распоряженіями и своимъ поведеніемъ успѣлъ расширить границы своего имамата. Стоитъ только обратиться къ газетамъ минувшихъ лѣтъ, съ 1834 по 1857, чтобы понять, до какой степени власти и значенія дошелъ этотъ знаменитый владыка горъ кавказскихъ. Даже и этого не надо: обратите только вниманіе на возраставшее постепенно число нашихъ войскъ на Кавказѣ съ 1833 года по сіе время, и сравните армію лѣваго фланга съ числомъ войскъ всего кавказскаго корпуса въ 1833 году, — и вы оцѣните значеніе той враждебной силы, которая вызывала противъ себя такія полчища, — почувствуете, какою опасностію угрожало имя Шамиля всѣмъ племенамъ этого края. Здѣсь невольно повторить: слава русскому оружію на Кавказѣ! слава князю Барятинскому!

Я спросилъ Шамиля, до какой цифры доходило число его войскъ въ самое счастливое время? Онъ, немного по-

думавъ и рассчитавъ съ своимъ сыномъ, отвѣчалъ: до шестидесяти тысячъ въ разныхъ пунктахъ его владѣній; когда онъ пошелъ на Грузію, было только двѣнадцать тысячъ. Артиллерія у него доходила до ста орудій.

Вся военная сила Шамя дѣлилась на кавалерію, которая называлась по арабски *феварисъ* (единственное число *фарисъ*), и на пѣхоту *мешшатъ*. Числительное отношеніе пѣхоты къ кавалеріи было какъ пять къ семи. Каждый полкъ у него состоялъ изъ тысячи человекъ, *альфъ*, и заключалъ въ себѣ два батальона или дивизіона по пятисотъ человекъ, *хамса-міа*; въ каждомъ батальонѣ или дивизіонѣ было пять ротъ или эскадроновъ по сту человекъ, *міа*; рота дѣлилась на два взвода по пятидесяти человекъ, *хамсинъ*; и каждый взводъ на пять капральствъ, *амара*. Полковой командиръ назывался *раисуль-альфъ*, т. е., начальникъ тысячи, или тысячникъ; дивизіонный или батальонный *раису-хамса-міа* — пятисотникъ; ротный командиръ *раисуль-міа* — сотникъ; взводный *раису-хамсинъ* — пятидесятникъ, капралъ; *раису-амара* — десятникъ. Эти чины имѣли знаки отличія, какъ читатель можетъ видѣть ихъ въ № 5 приложенія къ сей статьѣ. Знаки полковаго и дивизіоннаго командировъ (смотри приложеніе № 5, фиг. 1 и 2) состояли изъ круглой серебряной доски, раздѣленной на три отдѣленія. Въ первомъ отдѣленіи помѣщена кругомъ доски надпись, арабское двустипшіе: «если ты предаешься войнѣ, то малодуііе въ сторону. Терпи всѣ ся невзгоды: нѣтъ смерти безъ назначенія (т. е., кому не назначено, тотъ не умретъ)». Эти же стихи мы находимъ на нѣкоторыхъ знаменахъ шамилева войска. Во второмъ кругѣ этой доски изображены первые два символа мусульманской вѣры: «нѣтъ Бога кромѣ Аллаха; Мохаммедъ — его пророкъ»; эти слова размѣщены въ четырехъ противоположныхъ мѣстахъ круга, какъ мы этотъ порядокъ находимъ на нѣкоторыхъ саманидскихъ и другихъ древнихъ монетахъ. Въ центральномъ кругѣ изображалось званіе командира, т. е., начальникъ ли онъ тысячный или пятисотенный.

Знакъ сотеннаго командира состоялъ изъ серебряной доски, имѣющей видъ полулунія, нижняя часть котораго имѣла

видъ выгнутой линіи или лука. На одной сторонѣ этой доски изображалось званіе командира (смотри тамъ же, 3).

Подобную же надпись имѣлъ знакъ пятидесятника — серебряная трехугольная доска съ тупыми, вогнутыми углами (смотри тамъ же, 4).

Знакъ капрала (5) состоялъ изъ мѣднаго продолговатаго четырехугольника, съ оконечностями въ родѣ фестона.

Кромѣ того Шамиль учредилъ знаки награды для отличившихся своихъ муридовъ. У меня нѣтъ въ рукахъ рисунка этихъ орденовъ. Одинъ изъ нихъ находится въ музеѣ академіи наукъ и состоитъ изъ серебрянаго полукруга съ надписью: «кто думаетъ, о послѣдствіи, тотъ никогда не можетъ быть храбръ». Эта надпись научаетъ слѣпому, отчаянному самоотверженію, и характеризуетъ муридовъ; что имамъ приказалъ, то священнослужно быть исполнено, — что называется по-нашему — менсатуру кденія. Не могу не привести здѣсь анекдота, дошедшаго до насъ отъ временъ первыхъ крестовыхъ походовъ, который отлично характеризуетъ слѣпое повиновеніе муридовъ своему имаму и отзывается полной истиной. Предводитель французской партіи въ Палестинѣ графъ шампанскій Генрихъ, преемникъ Конрада, путешествовалъ по Палестинѣ и заѣхалъ между прочимъ въ горный замокъ Мезъедъ къ одному изъ ассассинскихъ наѣстниковъ Синану. Синана окружали муриды, носившіе тогда названіе *федеси* (т. е., готовые на жертву), въ бѣлыхъ одеждахъ, съ чалмами на головѣ и кинжалами въ рукахъ. Намѣстникъ спросилъ Генриха: у васъ, у франковъ, я думаю, нѣтъ такихъ послушныхъ молодцовъ, какъ у меня? — и затѣмъ пробормоталъ что-то, сдѣлавъ знакъ головою мурিদамъ. Не успѣлъ Генрихъ оглунуться, какъ двое муридовъ бросились головою въ пропасть, на краю которой собесѣдники находились. — Вотъ такъ, сказалъ имамъ, повинуются имѣмон муриды — эти одѣтые въ бѣлыя платья; если хочешь, я прикажу, и всѣ они бросятся, какъ тѣ двое... — Нѣтъ, нѣтъ, поспѣшилъ отвѣтить Генрихъ, не хочу, и вѣрю, что твои муриды слѣпо и безъ разсужденія повинуются тебѣ... При этомъ Генрихъ увѣрилъ Синана, что между франками нѣтъ ни у одного монарха такихъ отчаянныхъ слугъ.

Какъ Шамиль, такъ и его муриды на парады одѣвались въ бѣлыя платья, въ которыхъ мы видѣли ихъ и здѣсь, въ Петербургѣ. Во время сраженія муриды его шли въ атаку, напѣвая хоромъ стихи, собственно для этого сочиненные на арабскомъ языкѣ самимъ Шамилемъ. Переводъ этихъ стиховъ мы помѣстили въ четвертомъ ~~приложеніи~~ къ нашей статьѣ.

Паденіе Шамиля и водвореніе мира въ мѣстахъ, гдѣ впродолженіе слишкомъ двадцати трехъ лѣтъ не было покоя, уже извѣстны нашимъ читателямъ. Его путешествіе въ Петербургъ, пребываніе здѣсь и нѣкоторые эпизоды изъ его новой, страннической жизни также не безъизвѣстны. Мы желали въ нашей статьѣ рывѣзвать, сколько могли, о томъ только, чего читатели жара. И не могли еще знать о Шамилѣ въ подробности; вначальни не говорилъ я, иначе какъ мимоходомъ, о тѣхъ фатаलों, которыя съ большею или меньшею подробностью сообщены читающей публикѣ періодическими изданіями. Теперь мнѣ остается рассказать такимъ же образомъ кое-что о пребываніи Шамиля въ Петербургѣ.

Всякому любознательному человѣку простиительно желаніе видѣть такого своеобразнаго мудреца, такого героя, каковъ Шамиль. Это совершенно понятное любопытство выразилось во всѣхъ слояхъ нашего общества, у большихъ и малыхъ. Конечно, и я оченъ желалъ видѣть его, а главное — познакомиться, говорить съ нимъ. Это мнѣ удалось неожиданно. Шамиль слыхалъ обо мнѣ и самъ заявилъ желаніе видѣть меня. Первое свиданіе наше было 3-го октября, въ полдень, у меня на квартирѣ, въ которую пріѣхалъ Шамиль съ своимъ сыномъ Казы-Мохаммедомъ и свитой. Послѣ обычныхъ привѣтствій имамъ сказалъ мнѣ: «я хотѣлъ и началъ-было писать къ тебѣ, адресуясь такъ: о ты, котораго я не видѣлъ еще, но котораго знаю, — миръ тебѣ»... — «Благодарю тебя, знаменитый имамъ, котораго знаетъ по имени почти весь свѣтъ», отвѣчалъ я ему; «многіе именитые люди позавидовали бы теперь мнѣ, бесѣдующему съ такимъ гостемъ....»

Послѣ восточныхъ комплиментовъ, все мое вниманіе было обращено на черты и выраженіе лица имама. Представленная

газетами описанія его костюма, роста, осанки и манеръ, — вѣрны, и я ихъ повторять не стану. Меня болѣе всего поразила въ немъ — любовь къ разговору о наукахъ, конечно, такихъ, которыя доступны дагестанскимъ ученымъ. Шамилъ съ своимъ сыномъ, почти столько же, какъ онъ, свѣдущимъ въ восточной мудрости, по-переменно спрашивали меня о различныхъ мусульманскихъ ученыхъ, объ ихъ сочиненіяхъ, о томъ, какими книгами я руководствуюсь въ моемъ преподаваніи; учу ли толкованія корана, извѣстны ли студентамъ мохаммеданскіе законы, по изданному ли мною курсу юриспруденціи я читаю свои лекціи, и т. п. Были и такіе странные вопросы, какъ напримѣръ: знаютъ ли русскіе арабскую грамматику, знаютъ ли они реторику, логику и просодію, и проч. Конечно, всѣ эти вопросы были сдѣланы не для того, чтобы показать свою ученость, а скорѣе для того, чтобы испытать, знаю ли я номенклатуру восточныхъ наукъ и извѣстны ли эти науки русскимъ. Хотя Шамилъ пріѣзжалъ ко мнѣ, желая, по его словамъ, посѣтить «ученаго, знающаго восточныя науки», о чемъ свидѣтельствовали мои сочиненія и изданія, — но, кто знаетъ, можетъ быть онъ думалъ: испытаю, онъ ли именно написалъ эти сочиненія, понимаетъ ли онъ изданныя имъ книги? Какъ бы то ни было, но почти все время пребыванія имама у меня было проведено въ чтеніи и въ ученомъ разговорѣ.

Изъ книгъ моей восточной бібліотеки его наиболѣе занимало сочиненіе на арабскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Мизануш-Ша'ран*. Авторъ этого сочиненія принадлежитъ къ ученымъ мистикамъ Востока и считается однимъ изъ знатоковъ мусульманской юриспруденціи. Въ своемъ сочиненіи авторъ хотѣлъ доказать, что между ученіями четырехъ законоучредителей суннитскаго исповѣданія, между сектами а'замидовъ, шаф'итовъ, ханбилидовъ и маликидовъ — существенной разницы нѣтъ, что мнимое различіе только во внѣшнихъ формахъ одной и той же истины; потому онъ и сдѣлалъ полный сводъ пунктовъ разногласія между этими ученіями и старался подвести ихъ подъ одно примиряющее заключеніе, въ чемъ и заключается главное достоинство этого сочиненія. Но въ глазахъ Шамиля и его ученыхъ муридовъ

это сочиненіе имѣеть еще другую прелесть. Авторъ въ своемъ предисловіи, желая объяснить и доказать, что *вся ученія истины ведутъ къ одной главной и абсолютной истинѣ, изъ которой они все истекаютъ*, — далеко вдается въ область фантазій, и игра его воображенія переноситъ его то изъ вещественнаго міра въ духовный, то на оборотъ, то наконецъ ведетъ его къ сочетанію этихъ двухъ началъ въ одну фантастическую идею. Для нагляднаго объясненія, онъ изображаетъ кистью источникъ или начало истины, изъ котораго вытекаютъ ученія четырехъ имамовъ; потомъ сливаетъ эти истины въ одну съ абсолютной предвѣчной истиной. Затѣмъ истина ведетъ его къ блаженству, что представлено изображеніемъ рая. Въ раю обозначены инстанціи всѣхъ святыхъ, во главѣ которыхъ имѣеть мѣсто пророкъ Мохаммедъ съ своими друзьями. Все это нарисовано подъ диктовку мусульманской фантазій, конечно, рукою несравненно болѣе смѣлой, чѣмъ искусной.

Шамиль долго разсматривалъ эти рисунки и толковалъ по-аварски своему сыну и муриду Хаджи-Мохаммеду главный смыслъ каждаго изображенія. Когда дошли до страницы, на которой размѣщены пророки и святые въ разрисованномъ раю, Шамиль, увидѣвъ мѣсто и положеніе Мохаммеда, важнымъ имамскимъ тономъ сказалъ своему сыну и муриду: «клянусь Богомъ — это вѣрно: я такъ видѣлъ его послѣдній разъ» (конечно, въ воображеніи или во снѣ, хотя имамъ то или другое, вѣроятно, принимаетъ за откровеніе).

Шамиль фанатикъ, и дѣлаетъ и дѣлалъ все по убѣжденію. Между тѣмъ у него много добраго и готовности къ добру. Притворства въ немъ я не замѣтилъ. Главную черту его характера я понялъ такъ: исполненіе всего того, что внушало ему убѣжденіе, онъ подчинялъ правиламъ, диктованнымъ холоднымъ умомъ съ малымъ участіемъ сердца, если не все безъ этого участія. Содержаніе всѣхъ его писемъ, приказовъ, надписей на знакахъ отличія и пѣсней, имъ сочиненныхъ, — все это вмѣстѣ доказываетъ твердость его характера и его фанатизмъ. Хотя онъ вовсе не изъ сантиментальныхъ, но часто онъ вздыхалъ при воспоминаніи о прошедшемъ. Два раза меня поразила его глубокой вздохъ.

Первый разъ у меня, когда при обзорѣ моей восточной библиотеки онъ вспомнилъ, что и у него также была большая библиотека, которую совершенно разграбилъ его муриды. Второй разъ — у него, когда онъ описывалъ смерть своего старшаго сына, Джемалуд-Днна, который умеръ «отъ боли въ груди и кашля» (чахотки), по-арабски *силль* *). Въ первомъ случаѣ, хотя не было въ немъ притворства, однакожь можно думать, что онъ вздыхалъ не столько о потерѣ книгъ, сколько о потерѣ своихъ муридовъ и объ ихъ поступкахъ противъ него въ послѣднее время. Можетъ быть, еще онъ хотѣлъ показать намъ, что лишеніе книгъ было тяжелѣе для него, чѣмъ лишеніе власти. Уѣзжая отъ меня, Шамиль просилъ посѣщать его, покуда онъ здѣсь. По краткости времени я могъ быть у него только два раза, вечеромъ 3-го и 7-го октября. Въ первый разъ я просидѣлъ у него болѣе трехъ часовъ. Постороннихъ никого не было. Принять былъ я весьма радушно. Горцы сидѣли вокругъ своего имама, и не видя никого посторонняго возлѣ себя, конечно, могли на мигъ забыть, что они въ плѣну. Шамиль сидѣлъ на диванѣ и читалъ исторію Египта, манускриптъ, который я послалъ ему въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, по его желанію, выраженному въ письмѣ ко мнѣ отъ 6-го октября. Они, повидимому, меня ждали, ибо только что я вошелъ и сѣлъ возлѣ имама, по его приглашенію, какъ онъ, послѣ привѣтствія, сказалъ мнѣ: «я приготовилъ для тебя вопросъ». Вопросъ этотъ былъ о затмѣніи солнца и луны, о чемъ онъ только что прочиталъ въ упомянутой книгѣ. Тамъ сказано было, что во время управленія одного изъ халифовъ фатимійскихъ въ одномъ и томъ же году было затмѣніе солнца и луны, что предвѣщало несчастіе. Здѣсь не могу не замѣтить о склонности Шамиля читать болѣе о тѣхъ историческихъ лицахъ, которыя составили себѣ имя путемъ тарыката. Такъ въ настоящемъ случаѣ онъ былъ заинтересованъ судьбою счастливаго искателя приключеній и честолюбца *Убейдуллы-а.и.-Межди*, основателя

*) Слово это было неизвѣстно Шамилю, равно какъ и самая болѣзнь въ извѣстномъ у насъ значеніи, потому что въ Дагестанѣ этой болѣзни не бываетъ.

фатимійской династіи, начавшаго свое поприще проповѣдью тарыката. Шамиль любилъ читать о подобныхъ эпохахъ страстей человѣческихъ вѣроятно для того, чтобы вспомнить и повѣрять свои дѣйствія тамъ, гдѣ онъ видѣлъ успѣхи самозванцевъ, и искать утѣшенія тамъ, гдѣ онъ видѣлъ ихъ пораженіе. Последнее было, конечно, чаще.

Дѣло шло о затмѣніи. Шамиль спросилъ, знаютъ ли русскіе, отчего бываютъ затмѣнія? вѣрять ли они небесному предзнаменованію? Я началъ свои объясненія на арабскомъ языкѣ, безъ котораго нельзя говорить объ ученыхъ предметахъ съ мусульманами. Я спросилъ бумаги и карандаша и нарисовалъ солнце, землю и луну въ ихъ относительныхъ положеніяхъ во время обоихъ затмѣній; они поняли очень ясно; но всякій разъ, когда я говорилъ: земля въ своемъ кругообращеніи.... — Шамиль поправлялъ меня: «нѣтъ, не земля, а солнце.» Тутъ я замѣтилъ, что я не ошибаюсь; прежніе философы думали, что солнце и все небо вертится вокругъ земли, а новые доказываютъ ясно, что земля вертится вокругъ солнца, — но это все равно въ отношеніи къ затмѣнію. Шамиль объясненія мои понималъ хорошо, но призадумался немного. Казы-Мохаммедъ съ большою любознательностію слушалъ насъ, и въ лицѣ его можно было замѣтить удовольствіе и готовность вѣрить, что земля вертится вокругъ солнца; то же я замѣтилъ въ ученомъ муридѣ Хаджи-Мохаммедѣ. Но физиономія ихъ перемѣнилась, когда ямакъ снявъ очки и положивъ книгу, началъ имъ говорить на аварскомъ языкѣ. Онъ говорилъ довольно долго; я не понимаю этого языка, но изъ ссылокъ на коранъ и другія религіозныя книги, изъ которыхъ онъ цитировалъ тексты по арабски, понятно было, что ямакъ замѣтилъ готовность своего сына и мурیدا усвоить плоды новой школы, и не хотѣлъ, чтобы они отступили отъ древняго ученія, освящающаго кораномъ и предписывающаго вѣрить, что земля неподвижна. Я повторилъ, что въ отношеніи къ затмѣнію рѣшительно все равно, вертится ли земля вокругъ солнца или наоборотъ, — такимъ образомъ, я видѣлъ *преподающаго* ямама! Любопытно было смотрѣть на вниманіе слушателей его. Глаза и лица, исполненныя любопытства

предъ тѣмъ, когда я нарисовалъ на бумагѣ астрономическую задачу, теперь такъ серьезно были обращены къ имаму, что, кажется, никто изъ нихъ даже не моргнулъ во все время толкованія Шампля о неподвижности земли.

Второй вопросъ, сдѣланный мнѣ, относился къ фотографіи. Только что наканунѣ были сняты съ Шампли и его свиты фотографическіе портреты, въ первый разъ въ ихъ жизни. Вопросъ былъ возбужденъ Казы-Мохаммедомъ, который сперва обратился на аварскомъ языкѣ къ отцу и потомъ, съ его дозволенія, ко мнѣ. Тутъ ничего предосудительнаго не могло быть: о фотографіи нѣтъ положенія въ Коранѣ. Трудно было мнѣ рѣшить этотъ вопросъ безъ предварительнаго объясненія нѣкоторыхъ понятій о законахъ оптики и химіи, но и этого объясненія нельзя было сдѣлать, на языкахъ, на которыхъ эти науки вовсе не разработаны. Мнѣ пришла въ голову удачная мысль, съ помощію которой я могъ угодить Шамплю и въ-особенности его сыну.

Я взялъ за руку Казы-Мохаммеда и поставилъ его предъ зеркаломъ.

— Видите свое изображеніе въ зеркалѣ, спросилъ я у него.

— Вижу во весь ростъ и очень ясно.

— Какъ мы видимъ себя въ зеркалѣ? продолжалъ я; отчего это происходитъ? что это значитъ? — всѣ эти вопросы относятся до науки, называемой у арабовъ *ильму-ру'етъ*, по нашему оптика. Нынѣ другая наука, называемая химія, по арабски *химія*....

Только что я прознесъ химія, Казы-Мохаммедъ подхватилъ: древніе философы посредствомъ химіи дѣлали золото изъ всякихъ металловъ.... Шамплъ, повидимому, не вѣритъ этому; скорѣе онъ вѣритъ, что философы-мистики въ древности дѣлали золото изъ ничего, — но не посредствомъ химіи, а посредствомъ знанія, принадлежащаго наука *буква* и *квадратовъ*. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понялъ, когда онъ отвѣчалъ сыну: это чрезъ *хуруфъ* и *аукафъ* дѣлали золото....

Я не противорѣчилъ имъ, только сказалъ, что химія у арабовъ была то же, что химія у насъ, но эта наука тогда далеко не была такъ разработана, какъ теперь, и притомъ

тогда она, мало-по-малу, въ понятіи народа и ученыхъ исключительно стала считаться средствомъ дѣлать золото, во вредъ дѣйствительному ея назначенію. Объяснивъ затѣмъ, къ чему у насъ служить химія, я продолжалъ: наука химія научила насъ нынѣ найти средство, чтобы изображеніе наше, которое мы видимъ въ зеркалѣ или во всякомъ полированномъ металлѣ, оставалось тамъ навсегда или, по крайнѣй мѣрѣ, на долгое время. «А! я понялъ! я понялъ! сказалъ Казы-Мохаммедъ съ непритворнымъ восторгомъ,—какъ это умно!» — «Кто открылъ это средство? спросилъ Хаджи-Мохаммедъ, — мусульманинъ?—Нѣтъ, отвѣчалъ я, открылъ его одинъ изъ французовъ, не очень давно.»

Сынъ Шамиля при всякомъ подобномъ замѣчаніи удивлялся, какъ это европейскіе ученые, столь глубоко изучившіе и знающіе все, до-сихъ-поръ еще не мусульмане! Они безпрестанно выражали это удивленіе между собою, говорили миѣ люди, ихъ посѣщавшіе. Хотя подобное явленіе и показываетъ присутствіе въ нихъ сильнаго убѣжденія въ превосходствѣ и прелести ислама, тѣмъ не менѣе это можетъ послужить первымъ шагомъ къ свободному изслѣдованію истины, особенно для ума свѣжаго и любознательнаго. Дѣлающему чаще такіе вопросы самому себѣ, если они искренни и основаны на истинномъ любознаніи, предостоятъ въ его собственной головѣ одинъ изъ двухъ отвѣтовъ: «они (европейцы) слишкомъ ослѣплены, чтобы видѣть простую истину», или — «они вѣрно не признаютъ исламъ истиннымъ путемъ къ небу и насъ считаютъ въ заблужденіи.» Первый можетъ быть внушенъ фанатизмомъ, второй будетъ простой силлогизмъ. Каждый изъ нихъ, положимъ, представлялъ бы крайность; возьмемъ середину, наиболѣе легкую для всякаго умозаключенія, — и безъ сомнѣнія, размышленіе и хладнокровное изслѣдованіе различныхъ предметовъ европейской жизни и науки можетъ просвѣтить не одинъ азіатскій умъ, облеченный въ грубую оболочку мусульманскихъ предразсудковъ, но не совершенно еще подавленный ими.

Казы-Мохаммедъ — молодой человекъ съ способностями и любознаніемъ; и то и другое въ немъ гораздо сильнѣе,

чѣмъ многіе видѣвшіе его могли заключить изъ его фязіономіи. Онъ родился въ 1833 году, ровно чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ убіенія Казы-Муллы. Отецъ назвалъ своего новорожденнаго сына въ честь своего муршида его именемъ, какъ назвалъ перваго своего сына въ честь перваго своего муршида Джемалуд-Диномъ. Казы-Мохаммедъ очень походитъ на своего отца и ростомъ, и окладомъ лица, и холоднымъ и неподвижнымъ взглядомъ. Но какъ тотъ, такъ и другой, особенно Шамиль, принимаютъ другой характеръ фязіономіи въ бесѣдѣ, занимающей ихъ; въ такихъ случаяхъ глаза ихъ оживляются и выраженіе лицъ безпрестанно измѣняется. Въ спокойномъ состояніи они кажутся безжизненными, вялыми.

Шамиль вообще мало выказывалъ удивленія при видѣ всего того, чему не могутъ не дивиться даже тѣ, которые ежедневно любятъ изяществомъ, роскошью и разными диковинками столицы. Онъ говорилъ обо всемъ довольно хладнокровно, конечно отдавая полную справедливость предприимчивости русскихъ и изяществу ихъ вкуса. Но одинъ предметъ сильно тревожилъ въ немъ чувство удивленія: это нашъ Кронштадтъ, наши военные корабли, которые, по понятной аналогіи, напоминали ему кавказскія ущелья и неприступныя скалы. Объ этомъ онъ часто поговаривалъ съ непритворнымъ участіемъ. Это конечно свидѣтельствуешь о его высокомъ военномъ геніѣ.

Уѣзжая отсюда, Шамиль написалъ ко мнѣ письмо, прося прислать ему нѣсколько арабскихъ книгъ изъ моей бібліотеки, для того, чтобы дѣлить съ ними свою скуку въ Калугѣ. Письмо это очень чувствительное и учтивое; переводъ его я прилагаю къ концу этой статьи, подъ № 6. Я не только исполнилъ желаніе Шамиля, но и прибавилъ къ числу просимыхъ манускриптовъ еще нѣсколько другихъ.

Шамиль и его свита очень довольны своею судьбою и кажется счастливы, въ-особенности милостію Монарха, о которой безпрестанно говорятъ, и пріятнымъ вниманіемъ всѣхъ русскихъ; все это они въ значительной степени приписываютъ великодушію и благородству своего побѣдителя, князя Барятинскаго. Вообще поведеніе Шамиля, впродолже-

ніе его пребыванія въ Петербургѣ, отличается замѣчательнымъ тактомъ и дѣлаетъ честь его уму, что и оцѣнено достойно нашей публикой.

Приложенія *).

№ 1.

Рѣчь, или проповѣдь (хутбэ), произнесенная въ мечети Казы-Муллою аварцамъ, съ приглашеніемъ ихъ къ джигаду, предъ самымъ днемъ его возстанія и объявленія себя имамомъ.

«Слава Богу, творцу небесъ и земли, создавшему тьму и свѣтъ! Такому Богу невѣрные мнятъ имѣть подобіе! **)

Вѣрую въ то, что нѣтъ Бога кромѣ Аллаха единого, которому нѣтъ товарища; вѣрую въ то, что Мохаммедъ его рабъ и имъ посланный пророкъ. Да будетъ благословеніе Божіе и миръ надъ нимъ, его семействомъ и надъ всѣми его учениками.

Рабы Божіи! приглашаю сперва и васъ и себя къ страху Божію. Бойтесь его, повинуйтесь ему, ибо Господь говоритъ: поистинѣ Богъ пребываетъ съ тѣми, которые его боятся, и съ тѣми, которые суть добродѣтельны.

Слушатели! гдѣ времена, когда мусульмане дѣлали джигадъ на пути Божіемъ? гдѣ они! Гдѣ времена, когда мусульмане разсѣкали выи враговъ Божіихъ? гдѣ они! Гдѣ времена, когда мусульмане поступали по предписанію корана? гдѣ они!

Защита! защита! о пророкъ Аллаха! Слава тебѣ, о честнѣйшій изъ пророковъ! Народъ твой отвергъ твои обычаи (джигадъ), о владыко всѣхъ мудрыхъ! Онъ предпочелъ рѣчи несчастныхъ богоотступниковъ; онъ противорѣчитъ слову благочестивыхъ проповѣдниковъ; онъ обратилъ спину къ слову пречестнѣйшаго, великаго Бога....

*) Всѣ письма и записки этихъ приложеній доставлены мнѣ, въ 1852 году, весьма образованнымъ и любознательнымъ человѣкомъ, Керимъ-Беемъ, моимъ тогда корреспондентомъ въ Дербендѣ.

**) Это начало 6-й суръ корана: Мохаммедъ говоритъ о многобожій.

Пощада! пощада! о пророкъ Аллаха! мусульмане стали коварны, вѣроломны, притѣснители и явные отверженцы вѣры (мусульмане, подданные Россіи). Неужели приблизилась времена вѣчности (т. е., воскресенія мертвыхъ, когда *деджалъ-антихристъ*, по преданію мусульманскому, долженъ придти и овладѣть міромъ).

Пощада! пощада! о пророкъ Аллаха! Невѣжды пзъ мусульманъ не принимаютъ наставленія улемовъ (духовныхъ), а улемы терпятъ притѣсненіе отъ князей: они въ постоянномъ недоумѣніи: къ однимъ (т. е. къ русскимъ) не пристали, отъ другихъ (отъ ревностныхъ мусульманъ) отстали *).

Защита! защита! о пророкъ Аллаха! мусульмане забыли, что они залогъ смерти, что міръ сей, которымъ прельщаются они, клонится къ разрушенію. Они забыли, что въ день пригласенія на джигадъ они должны возстать.

Пощада! пощада! о пророкъ Божій! нынѣ отстали отъ употребленія меча противъ невѣрныхъ, отстали отъ проклятія безбожныхъ: клянусь Аллахомъ — пришло бѣдствіе правовѣрнымъ!

Пощада! пощада! о пророкъ Божій! Улемы попали въ сѣти невѣждъ, благочестивые приводятся въ искушеніе богоотступниками. Настало царство порока и порочныхъ, миновало царство духовное и духовныхъ.

Пощада! пощада! о пророкъ Божій! Молящіеся пренебрегаютъ своимъ молитвами; дѣлающіе добро лицемѣрятъ; когда просятъ у нихъ помощи, они отказываютъ.

Пощада! пощада! о пророкъ Аллаха! Гдѣ кающіеся изъ грѣшныхъ? гдѣ благочиніе въ это время, когда беззаконіе и порча нравовъ такъ сильно распространились!... Мы Божій и къ Богу обратимся **). Пощади, пощади, о пророкъ Божій!

*) Слова корана, сурѣ 4, ст. 142, о лицемѣрахъ мусульманахъ первой эпохи, которые наяву исповѣдывали исламъ, а втайнѣ предавались наущеніямъ невѣрныхъ.

**) Призывъ къ покаянію. Въ стихѣ 152, 2 гл. корана, сказано: мусульманнѣ во время бѣдствій долженъ сказать: мы Божій и къ Богу обратимся. Казы-Мулла представляетъ, что мусульмане, убѣжденные его воззваніями, каются и обращаются къ Богу. Тутъ онъ снимаетъ свой мечъ, а съ нимъ и все прочіе.

Такъ говоритъ Господь Богъ всеславный, всеблагій и всесвятій: праведники будутъ (въ раю) пить изъ чаши, которой питье изъ *кафура* *); этимъ питьемъ будутъ наслаждаться рабы Божіи, и по ихъ желанію оно будетъ течь по всѣмъ направленіямъ **)

Да сподобить меня и васъ Господь Богъ дѣль праведниковъ! да проститъ онъ мнѣ и вамъ грѣхи наши. Онъ всепрощающій и долготерпѣливый!»

Мечи были сняты, присяга произнесена. На другой день Казы-Мулла, во главѣ муридовъ, началъ дѣлать свои нападенія, сперва на неповинующихся ему горцевъ, а потомъ и на русскія селенія. Вскорѣ онъ осадилъ крѣпость Дербендъ.

№ 2.

Письмо, писанное Казы-Муллою къ жителямъ Дербенда въ то время, когда онъ шелъ на эту крѣпость. Оно обращено къ мусульманамъ, совершенно предавшимся русскимъ, и къ такимъ, которые внутренно признавали права Казы-Муллы. Послѣднихъ, конечно, было только весьма незначительное число авантюристовъ. Дербенцы тогда отлично защищались и разбили Казы-Муллу.

«Во имя Бога всемилостивѣйшаго, милосерднаго. Онъ творецъ и покровитель! Мы торжествуемъ. Мы, рабы Божіи, не смотря на великія опасности, будемъ торжествовать надъ всякимъ сильнымъ врагомъ. Пишемъ во-первыхъ врагамъ честнаго Шаріата, которые противодѣйствуютъ обычаямъ праведныхъ. Обращаясь къ нимъ, мы посылаемъ привѣтствіе тѣмъ только, которые внемлютъ слову, поступаютъ по благому и исповѣдуютъ исламъ.

Послѣ привѣтствія, знайте вы, поганые страстями люди, что мы, предпринявъ сей походъ, жертвуемъ своею жизнію

*) Имя воды въ раю, бѣлѣе камфоры, слаще сахара.

***) Красота смысла понятна только арабамъ, безводнымъ жителямъ Хиджаза. Въ ухахъ мусульманъ сѣверныхъ сладки только звуки стиха.

ради славы Божія слова; мы умерщвляемъ свои страсти, ради угожденія Аллаху. Прпмите свои мѣры, если достанетъ вашего лукавства, по дѣйствуйте такъ, чтобы ваши поступки не привели васъ къ раскалянню. Вы не успѣете оглянуться, какъ мы налетимъ на васъ; тогда ужасно будетъ нападеніе на васъ, которыхъ мы предупредили (изъ корана).

Если вы останетесь въ мирѣ, то вамъ принадлежитъ все, что ваше, никто васъ притѣснять не будетъ и вы останетесь въ покоѣ; если же нѣтъ, то когда весна сниметъ съ себя плащъ мороза и лѣто одѣнется въ яркія свои розы, — мы явимся къ вамъ съ арміею, противъ которой вы не устоите; мы вытѣснимъ васъ несчастныхъ пзъ вашихъ жилищъ, и вы будете плѣнниками. Мы угостимъ васъ мученіемъ малымъ, не говоря о мученіи великомъ, ожидающемъ васъ: можетъ быть вы обратитесь къ истинѣ прежде того. (Все пзъ корана; послѣдній періодъ нѣсколько передѣланъ).

Мы вышли противъ людей, которые дѣлаютъ безчестіе правовѣрнымъ, хотя и честь невѣрнымъ: мы вышли для того, чтобы дать помощь нашимъ правовѣрнымъ братьямъ, спасающимся и благочестивымъ, къ которымъ и обращаемся, говоря:

Миръ вамъ, друзья! миръ вамъ до конца міра. Послѣ привѣтствія, честные братія, — терпите и переносите все съ взаимнымъ одобреніемъ, ждите всего въ готовности и бойтесь Бога, — скоро, можетъ быть, вы будете счастливы. Есть надежда, что Богъ возбудитъ страхъ въ невѣрныхъ: ибо Богъ не устроитъ дѣла возмутителей. Итакъ терпите до нашего прибытія и не послѣдуйте примѣру злыхъ. Не бойтесь, не безпокойтесь. Вы стоите высоко предъ Богомъ, выше чѣмъ другіе. (Все пзъ корана). Миръ вамъ.

Если мы найдемъ между вами такихъ, которые не знаютъ *фатыхъ*, *ташеххудъ* и другихъ членовъ намаза (т. е. положенныхъ пятивременныхъ молитвъ), и не понимаютъ смысла символа вѣры, и самой вѣры, и значенія ислама, и проч. и проч., то такихъ мы накажемъ достойно ихъ вины. Миръ вамъ».

№ 3.

Письмо Шамиля къ обществу селенія Джуххъ (Чохъ).

«Къ Богу прибѣгаемъ за помощью. Отъ смиреннаго факира Шамиля *), Кытмира **), обществу селенія Джухохъ: миръ благовѣстія милосердаго Бога!

Послѣ привѣтствія знайте, что весеннее солнце не успѣетъ въ нынѣшнемъ году освѣжить вершины горъ, какъ блескъ нашихъ булатовъ извѣститъ васъ о нашемъ внезапномъ прибытіи. Братія! вотъ давно уже вы оставили своихъ правовѣрныхъ собратьевъ. Вспомните, что вы намъ братья по племени и окружены мусульманами, намъ послушными, преданными. Между тѣмъ, оставивъ насъ, вы предаетесь народу, съ которымъ Богъ всевышній повелѣлъ намъ воевать. Вотъ что говоритъ всесвятой, всеславный Аллахъ: «ступай на джигадъ противъ невѣрныхъ, нечестивыхъ, и будь жестокъ съ ними. Убивайте многобожниковъ, гдѣ бы вы ни застали ихъ; берите ихъ, полоните ихъ.» А вы ежегодно употребляете оружіе противъ своихъ братьевъ раскаявшихся (т. е., перешедшихъ на сторону мурдизма), благочестивыхъ и совершенно исправленныхъ. Предаются вы обманчивымъ словамъ нечестивыхъ, коварныхъ, и чрезъ то отвращаетесь отъ слова преславнѣйшаго, пречестнѣйшаго Бога и ввергаете себя добровольно въ вѣчную погибель, въ вѣчное несчастіе.

Развѣ вы не знаете, что всякій поднимающій оружіе противъ истины, поднимаетъ его на свою погибель? Развѣ вы не знаете, что кто ѣстъ хлѣбъ путемъ неправды, тому лучше бы питаться прахомъ. Вотъ я пишу вамъ второй разъ мои наставленія и увѣщанія, зову васъ къ повнове-

*) Въ копіи этого письма, доставленнаго мнѣ въ 1852 году, написано *Шамиль* (не Шемуиль), можетъ быть по ошибкѣ переписчика.

**) Этнмъ именемъ зовутъ собакъ «семи товарищей нещеры», о которыхъ упоминаютъ въ Коранѣ, гл. 18, ст. 8. Сафевидскіе государи называли себя «собаками порога Алія», какъ читаемъ мы на ихъ монетахъ. Шамиль называлъ себя тѣмъ же въ отношеніи къ святымъ, скрипящимъ въ *пещерѣ*. Аналогія ясная.

нiю благому. Если вы примете ихъ и будете повиноваться, то васъ ожидаетъ пощада и спокойствiе. На землѣ вы будете пользоваться нашимъ благословенiемъ и земнымъ счастиемъ, на небесахъ же васъ будетъ ожидать вѣчное блаженство. Если же пѣтъ, то мы хлынемъ на васъ съ неожиданнымъ вами числомъ войскъ, разоримъ ваши дома, обрушимъ на васъ всѣ ужасы, поставимъ ваше селенiе вверхъ дномъ, и васъ постигнетъ ужасное мученiе (изъ ко-рада). Тогда не пѣняйте на насъ: воля въ рукахъ вашихъ. Миръ тѣмъ, которые держатся истины.»

Примѣчанiе.

Джуххинцы отвергли и это предложенiе Шамиля; за то онъ и сдержалъ слово. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этого большаго аула не существовало. Я здѣсь передамъ сокращенный переводъ письма ко мнѣ моего корреспондента въ Дербендѣ, Керимъ-Бека, заслуживающаго полнаго довѣрiя, который въ 1852 году доставилъ мнѣ доступную для него переписку Шамиля.

Жители селенiя Джуххъ, сосѣдственнаго Аварiн, были въ полномъ искреннемъ повиновенiи русской власти, потому и не обращали вниманiя на разбойничьи угрозы. Они неотступно были съ нами во всѣхъ нашихъ экспедицiяхъ противъ муридовъ, завладѣвшихъ сосѣдними аулами.

Джуххъ было огромное селенiе; въ немъ было шесть сотъ домовъ. Жители всегда отличались умомъ, хорошимъ поведенiемъ и любовью къ промышленности, потому были богаче всѣхъ другихъ обществъ. Они славились единодушiемъ въ вѣрности русскимъ, потому муриды и не могли склонить ихъ на свою сторону, и не повредили бы имъ, еслибы не измѣнили акушницы.

Зимою 1847 года, послѣ того, какъ второе письмо Шамиля оставалось безъ отвѣта, и джуххинцы твердо отвергли его предложенiе, неожиданно пришли муриды въ огромномъ числѣ и обложили селенiе. Тогда, по причинѣ снѣговъ — зимою на Кавказѣ невозможно дѣлать экспедицiй — русскiя войска не могли придти на помощь этимъ вѣрнымъ джуххинцамъ, и они оставались одни, безъ помощи. Акушницы приняли было

на помощь, но скоро измѣнили. Не смотря на то, жители Джухха дрались и отстаивали свои жилища цѣлую недѣлю. Наконецъ силы ихъ истощились, ничего не оставалось, какъ оставить свои пожитки и въ темную ночь бѣжать изъ аула. Такъ и сдѣлали. Голодные муриды ворвались въ селеніе, ограбили и разорили все. Прекрасный аулъ былъ дѣйствительно поставленъ вверхъ дномъ. Жители джуххскіе бродягъ съ-тѣхъ-поръ въ Казы-Кумыкѣ и Табассаранѣ между муридскими жителями этой страны, а беки ихъ содержатся напимъ правительствомъ.

Мѣстность Джухха была очень выгодна для удержанія порывовъ необузданныхъ горцевъ, потому мы нѣсколько разъ пытались отнять ее у Шамиля; но всякое стараніе оказалось безплоднымъ. Селеніе это укрѣплено очень сильно, и быстрая рѣка Койсу много препятствуетъ намъ».

Теперь конечно это анахронизмъ, но я помѣстилъ этотъ рассказъ Керимъ-Бека потому только, что онъ приходится очень кстати при письмѣ Шамиля.

№ 4.

Пѣсни на арабскомъ языкѣ, составленныя Шамилемъ. Ихъ поютъ муриды, вступающія въ сраженіе.

Рабы Божіи, люди Божіи!
Помогите намъ, ради Бога *),
Окажите намъ помощь вашу,
Авось успѣемъ милостію Бога.
Для Аллаха, рабы Божіи,
Помогите намъ, ради Бога.

Вы *актабы*, вы *аудаты*,
Вы *абдали*, вы *асяды* **),

*) Обращеніе къ духамъ «святыхъ (ауліи)». Въ тарыкатѣ имъ много именъ (см. примѣчаніе 2); всѣхъ называютъ общимъ именемъ риджалюл-лахъ — Божіи люди.

**) *Актабъ* значить полюсы, *аудатъ* — связи, звѣзды, и т. п. Имя *абдали* въ тарыкатѣ дается семидесяти избранныкамъ Божиимъ изъ числа достигшихъ совершенства (см. это слово въ объясненіи тарыката въ первой части этой статьи). Безъ нихъ міръ не можетъ существовать, то есть, они управляютъ невидимымъ духовнымъ міромъ, въ отношеніи къ которому

Помогите намъ, помогите намъ
И заступитесь предъ Богомъ,
Для Аллаха, и проч. ■

Къ кому поидемъ мы, кромѣ васъ?
У насъ никого нѣтъ, кромѣ васъ,
Отъ васъ однихъ мы ждемъ блага,
Святые вы, Божіи люди,
Для Аллаха, и проч.

Умоляли мы святыхъ Божіихъ,
Увеличивали они мученіе врага,
Они истинная дверь пути,
И мы ищемъ этой двери.
Для Аллаха, и проч.

Боже, ради святыхъ твоихъ,
Устрой нашу желанную цѣль,
Чтобы намъ счастье улыбулось,
Чтобы намъ покоиться въ Богѣ *).
Для Аллаха, и проч.

О Боже нашъ, о Боже нашъ!
Помощникъ ты нашъ, круѣикій ты нашъ!
Удали печаль нашу,
Причисли насъ къ людямъ твоимъ.
Для Аллаха, и проч.

О Тахи, о Ясинъ,
О Хамимъ, о Тасынъ **)!)

физическій есть лишь одно безмолвное выраженіе. Сорокъ абдаловъ полагаются на часть одной Сиріи, на остальные части свѣта — остальные тридцать. Число семьдесятъ всегда должно быть полное для блага міра. Это — буддійское вѣрованіе, перешедшее въ формы ислама. Никто изъ мусульманъ не понимаетъ его и только вѣрять ему бессознательно. Характеръ Далай-Ламы болѣе опредѣленъ, болѣе ясенъ, потому-что буддизмъ, господствуя въ центральной Азій, не проявляется во второстепенныхъ формахъ. Кто не вѣрять бреднямъ факировъ и дервишей, тотъ не перестаетъ быть мусульманомъ; большинство даже опровергаетъ ихъ; Далай-Ламъ же въ Тибетѣ нельзя не вѣрять. Абдала иногда являются въ характерѣ нашихъ юродивыхъ.

*) Это имѣеть двойное значеніе: чтобы мы, достигши цѣли, прославляли Бога въ мирѣ и тишинѣ, или — чтобы мы, падши на пути Божіемъ, упокоились на лонѣ святыхъ.

**) Двадцать девять главъ корана начинаются мистическими буквами,

Мы несчастны, рабы твои,
Тебѣ одному возсылаемъ славу.
Для Аллаха, и проч.

Услышали, Боже, твою волю, —
Вотъ и желаніе, вотъ и цѣль.
Твое имя девизъ нашъ,
Слава тебѣ, оружіе наше!
Для Аллаха, и проч.

О нуждахъ нашихъ просили мы васъ,
Теперь мы къ вамъ за полученіемъ,
Къ вамъ опять, о святые!
Умоляйте Бога, молитесь Богу,
Ради имени и атрибутовъ,
Ради существа высочайшаго,
Ради святыхъ, ради пречестныхъ,
Ради пророковъ, ради ихъ подвиговъ!
Для Аллаха, и проч.

Ради Таха, міровъ владыки *),
Ради Алія пресвятаго,
Вы, свѣтъ очей истины,
Ведите насъ къ желанной цѣли.
Для Аллаха, и проч.

Именемъ Господа, васъ избравшаго,
Свѣточъ вамъ даровавшаго,
Силу въ міръ вамъ давшаго,
Идите, идите, помогите!
Для Аллаха, и проч.

До-сихъ-поръ ибнъ относилась къ святымъ столпамъ тарыката, далѣе Шамиль обращаетъ ее къ муридамъ.

составляющими довольно часто цѣлыя слова безъ всякаго смысла, какъ приведенныя въ ибнѣ. Мусульмане не позволяютъ себѣ толковать ихъ и высказывать объ нихъ рѣшительное мнѣніе; многие видятъ въ нихъ таинственное значеніе. Впрочемъ, нѣкоторые толкованія объясняютъ ихъ сланикомъ просто, значеніемъ: о человѣкъ! внимай, о человѣкъ! о Мохаммедъ! и т. п. Мистики вообще любятъ толковать буквы и имѣютъ объ этомъ цѣлыя книги, называемыя *ильмуль-турруфъ*, наука буквъ. Только на этомъ основаніи приведены эти буквы или слова въ ибнѣ Шамиля, тѣмъ болѣе, что они освящены кораномъ.

*) То есть, ради пророка Мохаммеда. См. примѣчаніе 4.

Обнажите мечъ, народъ,
 На помощь идите къ мамъ,
 Проститесь со сномъ и покоемъ,
 Я зову васъ именемъ Бога!
 Ради Бога, и проч.

На помощь, сердечные,
 Идите, покорите,
 Покорите, други,
 Покорите, избранники!
 Ради Бога, и проч.

Зейнуль-абидинъ *) межъ нами,
 Вотъ онъ стоитъ у дверей,
 Онъ дрожитъ отъ вашей нетвердости
 И молится Богу единому.
 Ради Бога, и проч.

Вы двери къ Иеговѣ,
 Идите, спасайте, торопитесь,
 Заблудшіеся отстали,
 Отстали отъ людей Божіихъ.
 Ради Бога, и проч.

Не разъ мы покоряли,
 Не разъ мы молились съ друзьями **),
 Не разъ кругомъ ходили между нами чаши ***),
 Не разъ мы пивали изъ нихъ, вспоминая имя Аллаха.
 Ради Бога, и проч.

Мы дѣлали обходы, мы успѣвали,
 Мы совершали пелеринажи, мы обращались,
 Мы спасали людей повсюду,
 Мы находили же Божіихъ людей.
 Ради Бога, и проч.

*) Это собственное имя четвертаго имама шиитовъ, имѣющее большое значеніе въ мистицизмѣ.

**) То есть, мы покорили отпадшихъ братьевъ мусульманъ, покорившихся русскимъ, и молились съ ними и радовались о ихъ спасеніи.

***) Подъ *чашию* разумѣется, какъ у Хафиза, по толкованію мистиковъ, любовь. Вино у нихъ запрещается, и Шамиль не пьетъ его.

.....
 (Пропущено три куплета, потому что мы не могли разобрать ихъ.)

Зейнуль-абидинъ впускаетъ вамъ,
 Онъ стоитъ у дверей вашихъ,
 Боже, сохрани отъ отступленія.
 Ну! сподвижники въ дѣлѣ Божіемъ!...

№ 5.

(Рисунки знаковъ отличія, на особомъ листкѣ.)

№ 6.

Письмо Шамля ко мнѣ, предъ его отъѣздомъ изъ Петербурга.

«Отъ смиреннаго раба, несчастнаго и на чужбинѣ пребывающаго Шемуня, ученому и проч. и проч. Каземъ-Беку миръ и привѣтствіе на всегда.

«Послѣ привѣтствія, прошу тебя уступить мнѣ на время пятнадцать сочиненій изъ твоей библіотеки, по приложенному списку, и позволить мнѣ взять ихъ съ собой въ Калугу, чтобы онѣ служили мнѣ тамъ утѣшеніемъ. Ты знаешь, что кромѣ всевышняго Аллаха тамъ для меня нѣтъ никого, кто могъ бы быть моей отрадой. Между тѣмъ это не такія книги, чтобы такой человѣкъ, какъ ты, нуждался въ нихъ. Если же тебѣ трудно уступить ихъ всѣ, то я могу довольствоваться и нѣкоторыми, какія ты мнѣ отпустишь. Я же съ своей стороны вышлю ихъ назадъ къ тебѣ тотчасъ по востребованіи.

Миръ тебѣ.»

Мѣсто печати.

Желаніе почтеннаго гостя вполне исполнено мною, какъ я сказалъ выше.

МИРЗА АЛЕКСАНДРЪ КАЗЕМЪ-БЕКЪ.

۱۷۵

نسخه

I.

НА ПУТИ.

За туманами потухъ
Свѣтъ зари вечерней;
Раздражительнѣ слухъ,
Сердце суевѣрнѣй.

Миѣ грозить мой путь глухой
Злою встрѣчей, битвой;
Но душа полна тобой —
Какъ святой молитвой.

II.

НѢСНЯ МИНИОНЫ.

(Изъ Гёте.)

Ты знаешь ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтуть,
Гдѣ въ темной листьѣ померанецъ горитъ золотистой,
Гдѣ съ неба лазурнаго нѣгою вѣетъ душистой,
Гдѣ скромно такъ мирты, гдѣ гордо такъ лавры растутъ?
Ты край этотъ знаешь?

Туда бы! туда
Съ тобою, мой милый, ушла навсегда!

Ты знаешь ли домъ? Его кровля на стройныхъ столбахъ,
 И зала сіяетъ, и мраморъ блеститъ на стѣнахъ,
 И статуи рядомъ стоятъ и глядѣтъ вопрошая:
 «Ахъ, что съ тобой, бѣдная? что съ тобой случилось, родная?»
 Ты домъ этотъ знаешь?

Туда бы! туда

Съ тобою, родной мой, ушла навсегда!

Ты знаешь ли гору? Тропинка за тучи ползетъ,
 И мулъ средь тумановъ тамъ, тяжело ступая, идетъ,
 И старыя гнѣзда драконовъ въ ущельи таятся,
 И рушатся скалы, и съ ревомъ потоки клубятся:
 Ты гору ту знаешь?

Туда бы! туда

Путемъ тѣмъ, отецъ мой, уйти навсегда!

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ПОЛГОДА ВЪ АЛТАѢ.

II.

Въ Алтаѣ нѣтъ большихъ дорогъ; есть только проселочныя. Алтай — закоулокъ, или, какъ говорятъ сами жители, «украина». Потому домашняя жизнь отличается большею простотой и гостепріимствомъ, чѣмъ на равнинѣ; Алтай во всемъ, въ образованіи и культурѣ, идетъ позади окрестнаго міра; въ немъ дольше сохраняются прежнія черты, какъ напримѣръ великорусскій бытъ, недопускающій дѣлности семейства. Въ одной казачьей станицѣ, бобровской, я зналъ семейство, состоявшее изъ двадцати трехъ членовъ, жившихъ въ одномъ домѣ. Вся такая большая семья имѣетъ одну общую пашню и сообща производитъ работы; если въ домѣ находится три снохи, то онѣ чередуются въ своихъ домашнихъ занятіяхъ; когда одна сноха исполняетъ *стряпную*, другая *скотскую*, а третья находится въ *кульной*, т. е., ничѣмъ не занимается для общаго хозяйства и обыкновенно посвящаетъ это время своему индивидуальному хозяйству, тчетъ свой холстъ или шьетъ на своихъ дѣтей. Подобное устройство производитъ въ здѣшнихъ жителяхъ такую наклонность къ семейственности, что посторонній человѣкъ, какъ напримѣръ работникъ, весьма легко дѣлается членомъ семейства въ нравственномъ отношеніи. Не болѣе какъ черезъ недѣлю, я обратился въ настоящаго члена семейства Петра Маркыча; во мнѣ уже искали участія къ семейнымъ ис-

удачамъ и повѣряли мнѣ тайны. Я подчинился вѣшнимъ условіямъ деревенской жизни; не клалъ хлѣба за обѣдомъ нижней коркой къ верху, потому что зналъ, что ему будетъ отъ этого тяжело; заходилъ за столъ не иначе, какъ по солнцу, потому что въ противномъ случаѣ у меня умерли бы всѣ мои крестники. Вставали мы обыкновенно въ четвертомъ часу; въ это время старушка Палагея Ивановна только что начинала затоплять печь; Петръ Петровичъ зажигалъ фонарь и уходилъ изъ деревни на мельницу, Петръ Маркычъ помѣщался на печкѣ и просиживалъ тамъ, пока разсвѣтетъ, рассказывая мнѣ о соболнномъ промыслѣ. До самаго восхода происходило стряпанье; къ этому времени возвращался Петръ Петровичъ, поднимались дѣти и всѣ члены семьи усаживались кругомъ стола пить чай *). Иногда, еще до чаю, Петръ Петровичъ съ женой, пятнадцатилѣтней дочерью и одиннадцатилѣтнимъ сыномъ, уходили на цѣлый день на ближайшій сѣнокосъ, Петръ Маркычъ уѣзжалъ на пасѣку, и въ цѣломъ домѣ оставалась одна Палагея Ивановна, потому что и я уходилъ или въ ближайшее ущелье или взбирался на ближайшую гору, съ которой можно было видѣть весь амфитеатръ горъ, окружающій долину; внизу зеленое дно долины, въ видѣ горизонтальной площади, на которой въ видѣ ломаной линіи тянется узкая полоса лѣса черемухъ и ивъ, которая означаетъ течение рѣки и покрываетъ ея берега и острова; самой рѣки не видно; только мѣстами, то подъ утесомъ на лѣвой

*) Чай въ сельскомъ населеніи въ Сибири болѣе распространенъ, чѣмъ въ Россіи, но не всѣ части Сибири одинаковы въ этомъ отношеніи. Такъ въ томской губерніи, въ частяхъ, прилегающихъ къ рѣкѣ Иртышу, всѣ пьютъ его до самыхъ бѣдныхъ семей, особенно у казаковъ, живущихъ по этой рѣкѣ. Самые бѣдные, за неимѣніемъ самоваровъ, варятъ чай въ мѣдныхъ, такъ-называемыхъ *черныхъ* чайникахъ; а въ деревняхъ долины рѣки Бухтармы эти чайники замѣняются глиняными кувшинами, въ видѣ чугуновыхъ кувшиновъ, которые употребляются съ тою же цѣлью въ Киргизской степи и называются, какъ у киргизовъ, такъ и у крестьянъ, *куманами*. Въ долинѣ Чарыша чай менѣе распространенъ, чѣмъ на равнинѣ, какъ и всѣ другіе продукты, которые распространяются только вмѣстѣ съ разширеніемъ торговыхъ сношеній. Однакожъ и въ чарышской станицѣ всѣ пьютъ чай если не настоящій, то мѣстные его суррогаты, особенно бадакъ, *Saxifraga crassifolia*, и бѣлоголовникъ, *Spiraea Ulmaria*.

сторонѣ, то подъ утесомъ на правой сторонѣ, сверкаютъ небольшіе просвѣты воды. Влѣво, между рѣкой и горой въ долинѣ видна, какъ въ планѣ, станица, всего съ тремя прямыми улицамп, отъ нея къ рѣкѣ тянутся огороды въ видѣ разнообразныхъ трапецій и сплетаются съ курьями или пересохшими рукавами рѣки. Кругомъ станицы, на зеленыхъ поляхъ, видно множество бѣлыхъ пятенъ, — это лежатъ табуны гусей. Безпрестанно снизу слышится громкій крикъ ихъ, но нельзя различить, изъ которой стаи онъ вырвался. Коровы бредутъ ниткой черезъ курью на островъ, медленно передвигая поги въ водѣ; иногда загремитъ по каменистой дорогѣ, вьющейся подъ самыми ногамп, телѣга съ спящимъ мужикомъ; за ней долго можно слѣдить, какъ она потихоньку переѣзжаетъ небольшую рѣчку, поднимается на горку, въѣзжаетъ въ улицу и даже въ свой дворъ. Все такъ лѣнливо, безопасно, спокойно и счастливо снаружи!

За обѣдомъ въ лѣтнее время рѣдко бываетъ вся семья въ сборѣ, но иногда собирались всѣ, отъ стариковъ до младшаго поколѣнія. При этомъ Петръ Маркычъ рассказывалъ своей семьѣ или о сходкѣ, которая была утромъ, или шутилъ надъ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей. Такъ, напримѣръ, особенно доставалось его одиннадцатилѣтнему внуку, который уже началъ приучаться къ полевымъ работамъ.

— Не знаешь ли ты, — спрашивалъ меня Петръ Маркычъ, — чья это дѣвочка принесла намъ сегодня коромысло воды?

— Нѣтъ, не знаю! отвѣчалъ я.

— Вотъ добиваюсь цѣлый день, кто бы мнѣ сказалъ это.

При этомъ одинъ изъ молодыхъ членовъ семейства, слѣвшихъ за столомъ, начиналъ краснѣть, и, наконецъ, когда насмѣшки Петра Маркыча доходили до крайности, сноха прерывала его: «Да полно ты дразнить ребенка! что за бѣда, что онъ принесъ коромысло воды. Это я ему велѣла, неужто матерп не слушаться?»

О сельскомъ воспитаніи слѣдуетъ замѣтить, что оно начинается въ описываемой мною мѣстности не ранѣе, какъ съ пятнадцатилѣтняго возраста; тогда начинаются серьезные наставленія; до того же времени обязанность матерей

состоитъ только въ томъ, чтобъ унимать дѣтей отъ слезъ и мирить, если они ссорятся между собою, а отцы смотрятъ на нихъ, какъ на забаву; особенно меня поражало обращеніе Петра Петровича съ самымъ маленькимъ своимъ сыномъ, Алешкой, который только что начиналъ учиться говорить. Этотъ ребенокъ удивлялъ всѣхъ своимъ сильнымъ характеромъ; съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ для ребенка онъ переносилъ нѣсколько сильныхъ ударовъ ремнемъ по тѣлу, которые отсчитывалъ ему отецъ, чтобъ только показать этотъ фокусъ гостямъ, или, чаще, для собственной своей забавы, только такъ, какъ это дѣлаютъ охотники, поднимая за уши своихъ собакъ. Алешка даже улыбался послѣ перваго удара; затѣмъ, какъ будто задумывался, шутка ли это, и наконецъ уже падалъ на полъ и начиналъ кататься и кричать; но вскорѣ онъ снова поднимался и снова готовъ былъ съ улыбкой переносить удары. Петръ Маркычъ не позволялъ себѣ этихъ шалостей, но только вѣроятно потому, что не имѣлъ права, такъ какъ это былъ не его собственный сынъ; напротивъ Петръ Петровичъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ, и даже мать ограничивалась только легкимъ замѣчаніемъ, не смѣя рѣшительно отнять ребенка, какъ будто право отца на жизнь дѣтей осталось здѣсь въ прежней силѣ.

Иногда вся рабочая часть семьи уѣзжала на цѣлую недѣлю или на пашню, или на дальній сѣнокосъ; тогда дома оставалась только одна Палагея Ивановна съ младшей внучкой, Даркой. Иногда и Палагея Ивановна уѣзжала на пашку во время роенья; тогда дома оставалась одна десятилѣтняя Дарка, которая, не смотря на такой ранній возрастъ, сама приносила воды изъ колодца, кормила птицъ, когда онѣ возвращалась съ поля, доила коровъ и запирала ихъ, и, наконецъ, смотрѣла еще за своими маленькими братьями. — Приученіе къ работѣ и хозяйству здѣсь начинается весьма рано, особенно въ женскомъ полѣ. На сѣнокосахъ и пашняхъ употребляютъ уже такихъ мальчиковъ, что для того, чтобъ поднять ихъ съ постели, нужно прибѣгать къ какой-нибудь уловкѣ; напримѣръ, кладутъ ребенку въ головы два испеченныхъ яйца и говорятъ: «вставай, Петя, курочка въ головахъ тебѣ два яичка снесла».

Я провелъ въ семьѣ Петра Маркыча полгода, именно лѣто 1856 года, съ мая мѣсяца до ноября. Въ это время я успѣлъ, на сколько былъ въ состояніи, ознакомиться съ деревенскою жизнью въ Алтай, описанію которой во внутреннемъ ея содержаніи хочу посвятить остальные главы. Въ первое время жизни въ семьѣ Петра Маркыча я видѣлъ передъ собою только безконечную идиллію. Не смотря на грубость взаимнаго обращенія, казалось, что всѣ были довольны другъ другомъ и счастливы; старики часто отзывались кому-нибудь съ похвалою и даже удивленіемъ о покорности своего сына; сынъ и сноха часто говорили, что имъ съ своими стариками очень можно жить. Иногда старики высказывали неудовольствіе по какому-нибудь поводу, но всегда такъ мягко, что имъ свободно возражали, и общее согласіе не нарушалось.

Черезъ нѣсколько недѣль я долженъ былъ, по настоянію Петра Маркыча, познакомиться съ однимъ семействомъ, которое имѣло значеніе въ станицѣ. Это былъ домъ вахтера, смотрителя казеннаго хлѣбнаго магазина. Петръ Маркычъ говорилъ мнѣ: «это добрый мужикъ! Ты сходи къ нему, а то онъ обидится. И Трифоновна у него тоже добрая баба.» Такимъ образомъ, по настоянію Петра Маркыча я принужденъ былъ отправиться къ вахтеру. Это былъ въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно скромный человекъ, и уважался потому, что принадлежалъ къ числу весьма немногихъ грамотныхъ людей въ околоткѣ. Аграфена Трифоновна, напротивъ, была разбитная женщина и первая подала мнѣ руку, когда я вошелъ въ комнату. Не смотря на этотъ признакъ цивилизаціи, Аграфена Трифоновна нисколько не отличалась отъ горныхъ крестьянокъ и не уступала имъ, развѣзжая верхомъ по окрестностямъ за малиной. *) Дѣтей у нихъ не было. Приходъ мой обрадовалъ ихъ, какъ будто это была звоха въ ихъ жизни. Тотчасъ начали угощать меня всевоз-

*) Здѣшнія женщины также хорошо ѣздятъ верхомъ, какъ и мужчины, потому что прямыя дороги на сѣнокосы и пашни неудобны для телегъ. Здѣшнія дѣвушки скачутъ по горнымъ стремнинамъ, какъ лучшіе наѣздики, и сохраняютъ такую бодрость силъ до старости. Даже есть шести десятилѣтнія старухи, ѣздящія еще верхомъ въ горы за малиной.

возможными средствами, и спрашивать, хорошо ли мнѣ здѣсь жить, доволенъ ли я семействомъ Петра Маркыча, и начали пересчитывать хорошіе дома въ станицѣ, въ которые я могъ бы перемѣститься. Я отвѣчалъ, что я не хочу перемѣнять дома, и что семейство Петра Маркыча мнѣ нравится, потому что счастливѣе его я не находилъ семейства въ мірѣ.

— Да о старикахъ нечего говорить, сказала Аграфена Трифоновна; это здѣсь первые люди. И сынъ у нихъ такая скромница! А вотъ сноха-то не совсѣмъ хороша.

— Я ничего не замѣтилъ.

— Да еще рано замѣтить. Она всю семью портитъ; вѣдь ужъ было стыда старикамъ изъ-за нея. Мы бы совѣтовали вамъ не оставлять свою шкатулку не запертою; мы говоримъ это вамъ, какъ новому человѣку; вамъ нужно побаваться. А стариковъ мы сами уважаемъ.

— Но я ни какой ссоры не слышалъ въ семействѣ.

— Да и не услышите. Эти старики не любятъ шумѣть; Петръ Маркычъ если осердится, то только молчитъ. Они теперь вѣрно сторожатъ ваши вещи отъ снохи болѣе, чѣмъ свои собственные. Они и сами не знаютъ, что дѣлать. Говорятъ будто, что они дожидаются только, когда подрастутъ дѣти, и хотятъ уѣхать къ одной изъ замужнихъ своихъ дочерей. Недавно была исторія. По старинной дружбѣ у Петра Маркыча остановился торгующій татаринъ; старики какъ-то сами просмотрѣли, татаринъ и поймалъ сноху съ узломъ—вишь, хотѣла перебросить его черезъ заборъ, а за заборомъ-то стояла мать ея. Вмѣстѣ съ матерью и воруютъ, сноха-то крадетъ у свекора, да таскаетъ къ матери; вотъ отчего и обѣднѣлъ Петръ Маркычъ. Не приведи Господь никому на такую жену наткнуться; правду говорятъ: мужъ хоть носи въ домъ мѣшками, жена выносить горшками.

Я ушелъ отъ Аграфены Трифоновны изумленный. Дѣйствительно, я сталъ потомъ замѣчать, что въ жизни этого семейства нѣтъ полной гармоніи. Палагея Ивановна стала проговариваться, что она не будетъ здѣсь долго жить; у снохи также вырывались выраженія, что старуха любитъ только своихъ дочерей и больше никого на свѣтѣ.—Съ те-

ченіемъ времени я совершенно узналъ секретную часть жизни этого семейства.

Въ Алтаѣ, какъ я уже сказалъ, семьи не дробятся, а дѣти мужескаго пола живутъ вмѣстѣ съ отцами, хотя уже женаты и имѣютъ дѣтей. Но это единство только внѣшнее; хотя семья старика и семья женатаго сына живутъ въ одной избѣ и пашутъ одну пашню; но въ то же время въ сокровенной глубинѣ ихъ отношеній уже таится стремленіе къ раздѣлу; это стремленіе не высказывается; даже можетъ быть, не сознается, и выражается только безсознательнымъ противодѣйствіемъ. Впрочемъ, всѣ статьи хозяйства, кромѣ хлѣба, уже ведутся обѣими семьями отдѣльно; такъ, на-примѣръ, на одномъ дворѣ живутъ двѣ стаи гусей; одна принадлежитъ свекрови, другая снохѣ. Драка гусаковъ между собою часто ведетъ къ ссорѣ между свекровью и снохой. Сноха кидается изъ избы съ кочергой бить гусака, принадлежащаго свекрови; свекровь бѣжитъ бить сноху. Ленъ также воздѣлывается отдѣльно. Снохи обыкновенно имѣютъ общій ленъ съ своими матерями; мужъ ея сѣетъ ленъ, потомъ оба они дергаютъ и сушатъ, затѣмъ сноха трепетъ его и относитъ къ своей матери прясть; когда та нарядетъ пряжи, сноха начинаетъ ткать холстъ, изъ котораго она шьетъ рубашки на своего мужа, дѣтей, на свою мать и отца, такъ, что если у послѣднихъ есть также сынъ и сноха, то эти дѣлаютъ холстъ опять отдѣльно, въ соединеніи съ матерью снохи. Если у стариковъ дочери не замужемъ, то старикъ самъ сѣетъ свой ленъ, а обрабатываютъ его и ткутъ холстъ дочери, а прядетъ старуха. Это-то обыкновеніе дочерей имѣть общій холстъ съ своими родителями и удерживаютъ онѣ, когда выходятъ замужъ. Иногда пере-сылка холста и пряжи дѣлается изъ одной станицы въ другую, на сто верстъ. Пчелы также отдѣляются; отецъ отсчитываетъ нѣсколько колодокъ въ наслѣдство сыну, отмѣчаетъ ихъ, но, впрочемъ, онѣ остаются въ той же пасѣкѣ, такъ что старикъ самъ ухаживаетъ за ними; это онъ обязывается дѣлать вѣроятно потому только, чтобъ имѣть пай въ пашнѣ, хотя самъ большаго участія уже не можетъ принять въ ея обработкѣ. Количество отдѣляемыхъ сыну коло-

докъ не бываетъ значительно; такъ, напримѣръ, Петръ Маркычъ отдѣлилъ Петру Петровичу только четырнадцать колодокъ (ульевъ) изъ четырехъ сотъ; это, конечно, не былъ окончательный раздѣлъ; передъ смертью Петръ Маркычъ вѣроятно еще отдѣлилъ бы ему часть пасѣки. Пчеловодство остается единственной опорой стариковъ; оно дешево, прилично для нихъ, и даетъ имъ такія деньги, что они могутъ существовать независимо отъ семьи своихъ сыновей; на эти деньги они покупаютъ все то, въ чемъ не имѣютъ пая съ сыновьями, такъ, напримѣръ, старики, неимѣющіе дочерей, и слѣдовательно неимѣющіе своего льна, покупаютъ вмѣсто него ситецъ на рубашки. Но если пчеловодство стариковъ разстраивается, тогда положеніе ихъ часто дѣлается печальнымъ; они дѣлаются поневолѣ непродизводительными членами семьи своего сына, и нерѣдко бываютъ принуждены переносить безпрестанныя оскорбленія; а иногда и такъ бываетъ, что сынъ выгоняетъ отца изъ дома, который получилъ отъ него въ наслѣдство и который, можетъ быть, построены самимъ старикомъ. Такой случай рассказывали мнѣ въ сосновской станицѣ. Почему отецъ теряетъ право на домъ, который былъ прежде его собственнымъ, я не знаю; но только мнѣ кажется, что такое обыкновеніе принимается всѣми, потому что и Петръ Маркычъ хотѣлъ уѣхать на жительство къ одной изъ своихъ дочерей, безвозмездно оставя свой домъ сыну. Здѣсь, какъ будто, не только общественная, но и семейная жизнь не получила еще полнаго развитія; это напоминаетъ то состояніе общества, когда отцы доставляли дѣтямъ жизнь, забывали ихъ, и одиноко оканчивали жизнь, всегда обезпеченные только своими собственными силами. Петръ Маркычъ, не смотря на лѣта, еще старался сколько-нибудь пожать или покосить, чтобъ и его часть была хлѣба или сѣна, чтобы, какъ онъ говорилъ, «все таки свой хлѣбъ ѣсть» *).

*) Кстати замѣтить здѣсь о правахъ на приданое. Если умретъ мужъ, то жена отходить къ отцу съ своимъ приданымъ; если она имѣетъ дѣтей, то, съ согласія свекора, она беретъ съ собой и имущество своего мужа, которое было ему выдѣлено свекромъ при женитьбѣ; кромѣ того свекоръ нерѣдко еще сверхъ этого надѣляетъ отходящую сноху. Если сноха остается

Поэтому дочери дѣлаются подъ старость своихъ родителей ихъ пѣстунами, шьютъ на нихъ, моютъ ихъ бѣлье; естественно, что между ними и стариками завязывается любовь, которую онѣ сохраняютъ и во время замужней жизни. Напротивъ, семья сына тяготѣетъ болѣе къ тещѣ, а къ семьѣ дѣда питаетъ недовѣріе. Это объясненіе показываетъ, что семейное разъединеніе Петра Маркыча съ своимъ поколѣніемъ было весьма обыкновенно въ описываемой странѣ. Палагея Ивановна, какъ всякая здѣшняя старушка, болѣе любила своихъ дочерей и съ нетерпѣніемъ ждала времени переѣхать къ нимъ на постоянное житъе. На сноху и ея дочерей она смотрѣла безъ участья. Сноха, въ свою очередь, не любила Палагею Ивановну, обижалась ея хладнокровіемъ къ своимъ дочерямъ, старалась привязать ихъ болѣе къ бабушкѣ Шестачихѣ, т. е., къ своей матери, и смотрѣла на хозяйство свекора, какъ на совершенно чужое. Она исподволь старалась перетаскивать его къ своей матери, и такое передаванье меда было очень чувствительно для стариковъ. Объявить прямую войну старикамъ она не смѣла, потому-что отъ стариковъ зависѣло еще окончательно падѣлить ихъ пчелиными колодками.

Затѣмъ я сдѣлался даже самъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ сценъ. Однажды я сидѣлъ въ одной комнатѣ со снохой; въ комнату вошла младшая дочь ея, и сказала, что тетка какая-то ждетъ ее на дворѣ и проситъ чашку меда. Старики держали свой медъ въ амбарѣ и ключъ носили съ собой, но медъ собранный съ собственныхъ колодокъ Петра Петровича стоялъ въ подвалѣ подъ той самой комнатой, въ которой мы сидѣли. Сноха взяла большую чашку, спустилась въ подвалъ и наложила въ нее своего меда; но она не смѣла передать еѣ пришедшей теткѣ, потому-что во дворѣ въ это время была Палагея Ивановна и разговаривала съ гостьей. Нужно замѣтить, что старики строго слѣдили, чтобъ сноха не раздавала своей матери и своимъ подругамъ свой соб-

дома, то надѣлъ еще увеличивается. Если умерла жена и бездѣтною, то тещъ возвращаетъ себѣ ея приданое, отбираетъ всю скотину, иногда ящикъ съ вещами, но постель никогда не имѣетъ права возвратитъ.

ственный медъ и ленъ, такъ что она не могла даже нанять себѣ помощницы трепать ленъ или прясть; по здѣшнему, хозяйка всегда должна сама обрабатывать весь свой ленъ, не прибѣгая къ найму; наемъ работницъ объяснялся только лѣнностью и рассматривался какъ вредный городской элементъ, какъ стремленіе сдѣлаться бѣлоручкой. Я уже говорилъ прежде, что домъ Петра Маркыча принадлежалъ, по свойству хозяйства, къ чисто сельскимъ. Чтобъ передать медъ пришедшей бабѣ, сноха употребила такую уловку: младшая дочь должна была вынести медъ на улицу черезъ дверь, прямо ведущую изъ комнаты; а сама мать вышла черезъ дворъ сказать гостѣ, что у самихъ былъ нынче худой сборъ, потомъ проводила ее до воротъ *), и, отворяя ей ворота, послала её къ тому мѣсту, гдѣ ждала ее съ чашкой маленькая дочь.

Въ другой разъ мы были съ Петромъ Маркычемъ въ огородѣ, гдѣ въ это время сноха съ дочерями собирала капусту; съ наполненной вилками телѣгой мы отправились домой, а сноха съ дѣтьми осталась въ огородѣ. Когда мы проѣзжали мимо избы бабушки Шестачихи, она вышла на крыльцо и покивала мнѣ пальцемъ. Я подошелъ.

— Милый сынъ! сказала она мнѣ. (Такъ всегда здѣшня старухи обращаются къ молодымъ). Когда придетъ сноха домой, скажи ей, милый сынъ, что я ей принесла полный подолъ картофеля и ссыпала подъ крыльцомъ. Да смотри, не расскажи старпку; это не нужно ему знать. Самый крупный картофель отобрала для нея.

Я обѣщалъ исполнить ее просьбу, но далъ себѣ слово молчать. Мы приѣхали къ своей избѣ, Петръ Маркычъ сталъ искать въ щеляхъ крыльца ключъ отъ двери и увидѣлъ подъ крыльцомъ кучу крупнаго картофеля. Онъ не утерпѣлъ и подтолкнулъ меня.

— Смотри, смотри! прошепталъ онъ. — Вѣдь это теща натащила нашей снохѣ. Что будешь дѣлать? у своей снохи

*) Здѣсь существуетъ обыкновеніе провожать каждаго гостя до воротъ, знакомаго и незнакомаго. Мужчинъ провожаютъ мужчины, а женщинъ женщины.

воруетъ и къ намъ таскаетъ, а наша опять у насъ воруетъ да къ ней носитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, теща и сноха занимались такимъ мелкимъ воровствомъ; впрочемъ этому воровству не слѣдуетъ придавать значенія большаго преступленія. Старикки старались изолировать свою семью въ экономическомъ отношеніи, ограничить ея потребности только собственными ея произведеніями; такимъ образомъ, если въ ихъ домѣ не родилась рѣпа или картофель, то уже не слѣдовало ни мѣнять своихъ произведеній на рѣпу или картофель, ни покупать, а жить до будущаго урожая безъ этихъ продуктовъ; исключеніе дѣлалось только въ пользу гороха, который никто не сѣялъ для запаса и всѣ покупали на зиму у сосѣднихъ крестьянъ. Поэтому старикки не позволили бы никакого обмѣна между своимъ домомъ и домомъ старухи Шестачихи; воровство послѣдней и ея дочери было преимущественно только тайнымъ обмѣномъ, запрещеннымъ торгомъ, контрабандой. Это была борьба новаго порядка съ старымъ, стремленіе къ свободному обмѣну произведеній, которое, при абсолютизмѣ стариковъ, должно было проявиться въ видѣ злоупотребленія.

Въ горахъ, при неудобствѣ сообщеній, разъединенность сельскихъ капиталовъ сохраняется долѣе; но такіе характеры, какъ бабушка Шестачиха и ея дочь, съ врожденнымъ духомъ спекуляціи, не могутъ не стараться замѣнить медвѣжье усердіе, на которомъ основано сельское хозяйство, взворотливостью сношеній. О Шестачихѣ Палагея Ивановна отзывалась, что эта старуха смолоду не вила гнѣзда, и теперь не вьетъ, а разъѣзжаетъ верхомъ за малиной, не смотри на свою сѣдину. Свиванье гнѣзда было главной задачей жизни стариковъ; а основано оно было на стараніи какъ можно больше производить, ничего не покупать, а излишекъ своихъ произведеній продавать. Впрочемъ, въ продажу позволялось обращать только предметы, получаемые отъ вспомогательныхъ производствъ: пчеловодства, звѣроловства и собранія дикихъ плодовъ; продукты же земледѣлія должны потребляться въ хозяйствѣ, которое должно производить все то, что можетъ производить. Поэтому старикки на сборъ кедровыхъ орѣховъ и малины смотрятъ непріязненно; по ихъ

понятію, всѣ рабочія руки и рабочіе дни должны быть употреблены на пашню; на сборъ же орѣховъ и малины позволяется употребить только тѣ дни, которые остаются лишними отъ полевыхъ работъ. И дѣйствительно за орѣхами и малиной парни и бабы ѣздятъ по воскресеньямъ; добываніе этихъ двухъ продуктовъ для продажи считается невѣрнымъ, и старики позволяютъ собирать ихъ только для своего употребленія; имъ было бы стыдно, еслибъ пришлось изъ-за орѣховъ прикупить хлѣба для дома. Здѣсь съ презрѣніемъ смотрятъ на условія жизни въ тѣхъ деревняхъ, которыя находятся на большихъ дорогахъ, и въ которыхъ жители несутъ на продажу такія мелочи, за которыя бы здѣшній крестьянинъ ни за что не взялъ бы платы; туесъ картофеля, корчага яицъ, кринка молока — все это тамъ экономно скопляется для продажи; еще болѣе страннымъ кажется для здѣшняго крестьянина предназначать въ продажу свой лучшій холстъ и самую бѣлую муку, а себѣ оставлять исGREбы и охвостину. Напротивъ, здѣшній крестьянинъ самое лучшее оставляетъ себѣ и продаетъ только то, что себѣ не нужно. Дѣлать долги, и задавать впередъ за работу, какъ дѣлала украдкой сноха Петра Маркыча, по мнѣнію стариковъ, значило подвергать хозяйство непредвидимымъ случайностямъ, и такое веденіе хозяйства считали либеральнымъ и крайне опаснымъ. А между тѣмъ духъ спекуляціи распространяется вмѣстѣ съ другими городскими предметами и по всюду видны слѣды этого вторженія. Такъ, напримѣръ, въ той же чарышской станицѣ былъ богатый казакъ, который занимался торговлей и снабжалъ весь околотокъ рыночными предметами. Этотъ торговецъ, какъ мнѣ говорили, началъ развитіе своего капитала съ очень страннаго промысла: вытапливанія и продажи листовичной сѣры. Замѣчательно, что этотъ купецъ былъ родной братъ снохи Петра Маркыча. Онъ оставилъ всѣ другіе сельскіе промыслы и сталъ въ большихъ размѣрахъ топить сѣру изъ листовичной коры; можетъ быть это казалось сначала всѣмъ деревенскимъ рутинерамъ забавнымъ, однакожь результаты оказались очень удачными. Это былъ въ своемъ родѣ революціонеръ; онъ не остановился не только передъ общимъ убѣжденіемъ, но

и на своемъ первомъ изобрѣтеніи, и укрѣпивши свой капиталъ, оставилъ приготовленіе листовничной сѣры, пустился въ другія предпріятія — и теперь онъ главный скупщикъ меду, воску и масла въ чарышской долинѣ, и служить пока единственнымъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ этой долины съ Ирбитью. Такимъ образомъ проникаютъ городскіе элементы въ сельскій Алтай.

Надѣюсь, что если мои рассказы, о домашней жизни, одной алтайской семьи не богаты романтическимъ элементомъ, то не лишены всякаго интереса. Жизнь въ Алтай такъ скромна, безцвѣтна, что въ ней трудно найти что-нибудь необыкновенное; съ перваго взгляда она отличается безконечно-идиллическимъ характеромъ, и начинающему наблюдателю кажется, что онъ попалъ въ рай, гдѣ нѣтъ противрѣчій, гдѣ интересы одного всегда согласны съ интересами другаго; и только, когда онъ присмотрится къ жизни одного какого-нибудь семейства, первоначальное впечатлѣніе мало-по-малу исчезаетъ и оказывается, что у каждаго семейства есть что-нибудь такое, что сталкиваетъ разнородныя силы и производитъ броженіе въ сельской жизни.

Въ городѣ экономическія отношенія представляютъ такую взаимную связь, что ошибка одного распространяется на многихъ; въ деревнѣ ошибки не имѣютъ обширныхъ послѣдствій; онѣ падаютъ на отдѣльныя хозяйства, потому-что каждое семейство имѣетъ свой неприкосновенный капиталъ — пашню, на который никакія экономическія бури не имѣютъ вліянія; притомъ, каждое хозяйство существуетъ уединенно, потому ненормальныя явленія и отражаются только въ его собственной жизни, и если бываютъ они, то легко исправляются. Если умерла мать, тотчасъ же высватываютъ другую; банкротство, неурожай, неурловъ — все это только на годъ; черезъ годъ хозяйство снова такое же. Эта невозмутимость деревенской жизни усыпительно дѣйствуетъ на душу; въ то время, какъ въ городской жизни все случайности, жизнь измѣнчива, времена года сглаживаются, въ деревнѣ жизнь каждый годъ возвращается къ однимъ и тѣмъ же формамъ; каждую весну крестьянинъ налаживаетъ свою соху точно также, какъ и во все прошлыя. Это постоянство

формы проникаетъ всѣ стороны сельской жизни, и даже производитъ вліяніе на языкъ. Фраза однажды созданная не теряется, потому что вскорѣ встрѣчается опять то же явление, которое произвело ее, и она снова употребляется. Оттого въ сельской жизни сохраняются много пословицъ, а еще болѣе стереотипныхъ фразъ. Разговоръ двухъ крестьянъ какъ будто сочиненъ заблаговременно, потому что онъ весь составленъ изъ выраженій, сложенныхъ еще прежде и составляющихъ общее достояніе. Эти избранныя выраженія придаютъ разговору крестьянъ, особенно женщинъ, изящную отдѣлку, но онъ не кажется отъ этого искусственнымъ, потому что трудно съ перваго раза отличать оригинальныя выраженія отъ стереотипныхъ. У нѣкоторыхъ здѣшнихъ женщинъ, какъ напримѣръ, у Палаген Ивановны, я замѣтилъ даже способность говорить съ рифмами и очень долго считалъ это за ея индивидуальную способность. Но потомъ я оставилъ это предположеніе. Собрать эти выраженія нѣтъ возможности, потому, во-первыхъ, что они рѣзко не отграничены отъ оригинальныхъ, а вторыхъ потому, что существованіе ихъ ограничивается иногда не только одной деревней, но даже однимъ семействомъ и можетъ быть только немногими генерациями. Изъ этихъ-то выраженій создается народная пѣсня; человѣку, хранящему въ своей памяти множество отборныхъ выраженій, стоитъ только увлечься, чтобъ произнести цѣлый монологъ, исполненный изящества и силы. Потому и импровизація, такъ часто встрѣчаемая на низшихъ ступеняхъ культуры человѣческаго рода, можетъ быть объяснена постоянствомъ формъ домашней жизни.

Я провель въ Алтай только лѣто, и слѣдовательно, не видѣлъ алтайскихъ жителей въ зимнее время, а зимнее время здѣсь особенно не походитъ на лѣто. Я уже сказалъ, что въ сельской жизни, сильно подчиненной природѣ, времена года рѣзко разграничены въ образѣ жизни поселянъ. Я остался подъ одностороннимъ впечатлѣніемъ алтайскаго лѣта: всѣ семьи заняты въ это время полевыми работами, уходятъ

и уборкой хлѣба, сѣна, овощей и ичель, припасаніемъ дровъ, рыбной и отчасти звѣриной и птичей ловлями; въ короткое алтайское лѣто некогда совершать праздниества; притомъ дождливый климатъ, такъ благопріятный для земледѣлія, не благопріятствуетъ отправленію праздниковъ; нѣрѣдка на улицѣ составятся хороводъ и то не иначе, какъ по случаю чьей-нибудь помочи; со всѣмъ не то, напримѣръ, въ бухтарминской долинѣ; эта долина лежитъ въ западной части Алтая, и открывается своимъ устьемъ почти на югъ; горы безлѣсны, состоятъ изъ гранитныхъ скалъ, климатъ имѣетъ болѣе общаго съ сухимъ климатомъ монгольской степи; здѣсь я также провелъ нѣсколько недѣль; каждое воскресенье здѣсь составляется нѣсколько хороводовъ, и притомъ безъ всякаго другаго повода, кромѣ того, что день праздничный; а мѣстомъ для хоровода служитъ обыкновенно улица у воротъ той дѣвушки, которая царицей въ хороводѣ. Праздникъ Пасхи также вяло празднуется въ чарышской станицѣ; кажется все ограничивается тѣмъ, что женщины, одѣтыя въ лучшее платье, взбираются на ближайшія, только что зазелѣвшіяся, горы, и бродятъ по нимъ. Съ осени начинается молотьба хлѣба, которая производится такъ дѣятельно, что къ Рождеству весь снятый хлѣбъ бываетъ вымолоченъ. Молотятъ съ ранняго утра, задолго до восхода солнца, такъ что можно справедливо сказать, что работаютъ въ это время день и ночь; ночью подъ навѣсомъ, которымъ прикрыта дольня, разводятъ огонь изъ смоляныхъ полѣньевъ, положенныхъ на широкую каменную плиту. До Рождества вся семья поголовно занята работой; отъ Рождества до Пасхи однѣ только женщины ткуть холсты; въ это время наступаютъ праздники, святки и масляница, которые проводятся въ Алтаѣ, если не шумнѣе, то, по крайней мѣрѣ, съ меньшимъ шумомъ, какъ въ остальной Сибири. На масляницѣ по станицѣ разѣзжастъ лодка съ гребцами, стрѣльцами и другими комедіантами, и въ этой процессіи участвуетъ почти вся станица. Въ это время, вѣроятно, восполняется въ жизни здѣшнихъ поселянъ тотъ недостатокъ увлеченій, который чувствуется въ продолженіе лѣта. Впрочемъ, я не видѣлъ чарышской станицы въ такое время.

Впродолженіе лѣта алтайскія деревни почти пусты; пашни не близки, и потому семейства уѣзжаютъ въ поле на цѣлые мѣсяцы, возвращаясь только по воскресеньямъ; тѣ семейства, которыя не имѣютъ старпковъ, даже запираютъ свои избы, а куръ увозятъ съ собой на пашню. Это сблѣжаетъ ихъ съ полукочевымъ образомъ жизни башкировъ, которые имѣютъ зимнія и лѣтнія жилища. Пашня для простолюдина, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ звѣроловства уже нѣтъ, такая школа, въ которой онъ изучаетъ природу. Цѣлые мѣсяцы проводитъ онъ подъ открытымъ воздухомъ и ни одно явленіе, отъ пробужденія птицъ до свертыванія цвѣтовъ, отъ вывода птенцовъ до отлета птицъ на югъ, не проходитъ не замѣченнымъ. Здѣсь еще онъ продолжаетъ наблюдать за звѣздами, какъ наблюдалъ во время пастушеской жизни. Если мы встрѣчаемъ въ крестьянниѣ знакомство съ правами разныхъ мелкихъ звѣрковъ и птичекъ, такое знакомство съ свойствами и формами множества дикихъ растений, что онъ въ горсти хлѣбныхъ зеренъ отличаетъ сорныя сѣмена, которыя изъ нихъ принадлежатъ жабрею, которыя куколю или, наконецъ, рыжику, то всѣ эти свѣдѣнія приобрѣтаются на пашнѣ.

Алтай, въ отношеніи къ почвѣ, можно раздѣлить на двѣ части; чертой дѣленія можетъ служить рѣка Иня, впадающая слѣва въ Чарышъ. Къ западу отъ нея почва глинистая, къ востоку черноземная; это дѣленіе, какъ увидимъ, имѣетъ большое значеніе въ способѣ обработки полей *); черноземъ въ чарышской станицѣ называется *кроторойникомъ*, потому что осенью скаты горъ покрываются кучами свѣжаго чернозема, выкиданнаго изъ норъ маленькими звѣрками, которые называются въ Алтаѣ кроторойниками **). Изъ этихъ кучъ берутъ черноземъ здѣшнія цвѣточницы въ свои банки. Онъ

*) Въ западной части, въ глинистомъ грунтѣ водится червякъ, который называется здѣсь *щуромъ*; это, кажется, обыкновенный дождевой червь; по рассказамъ жителей, въ ненастное время щуры высовываютъ изъ норъ одни задніе концы и соединяются по два, но никогда не оставляютъ своихъ норъ совершенно.

***) Это обыкновенные хомяки.

отличается пріятнымъ, мягкимъ чернымъ цвѣтомъ и такою вязкостью, что послѣ дождя свертывается на поверхности въ небольшіе комки. Кроторойниковыхъ кучъ не видно въ западной части Алтая; впрочемъ, въ большей или меньшей степени, черноземъ распространень по всему Алтаю. Называютъ черноземъ также *материчной землей*; слово же «черноземъ» здѣсь не употребляется. Какъ та, такъ и другая часть Алтая рѣзко отличаются по силѣ своей растительности отъ прилегающей къ подошвѣ равнины; въ Алтаѣ есть черноземъ, но за то нѣтъ солонцовъ; потому, какъ говоритъ народъ, здѣсь «пресныя травы», «большетравье», «листовникъ». Всѣми этими словами народъ старается характеризовать свою однолѣтнюю флору; дѣйствительно, здѣшнія травы отличаются отъ равнинныхъ ростомъ и густотой, сочностью, разнообразіемъ листа и соединеніемъ многихъ породъ на одномъ полѣ; травы, которыя служатъ лучшимъ кормомъ здѣшняго скота принадлежатъ къ разнымъ ботаническимъ семействамъ, къ сложноцвѣтнымъ, бобовымъ и другимъ. На равнинѣ, напротивъ, скотскіе корма исключительно состоятъ изъ злаковъ съ пустымъ стволемъ, всегда узкимъ листомъ, рѣдкимъ и при томъ однороднымъ засѣвомъ. Эти травы простой народъ называетъ солеными, собственно потому, что они любятъ почву, проникнутую солью. — Для обработки поля въ Алтаѣ употребляютъ соху и плугъ; во всей восточной части, и на равнинѣ, вѣ Алтая, употребляютъ соху; въ западной, начиная съ небольшой рѣки Бѣлой, впадающей въ Иню, пашутъ плугомъ; такимъ образомъ границы употребленія плуга и сохи совпадаютъ съ сѣбяннымъ нами разграниченіемъ Алтая на черноземный и глинистый. Область употребленія плуга при-
 мыкаетъ къ рѣкѣ Иртышу и распространяется по ней до устья рѣки Убы, а на югѣ до китайской границы. Въ бухтарминской долинѣ, входящей въ эту область, по рассказамъ жителей, первый сталъ употреблять плугъ коммандантъ Брандтъ. Можетъ быть плугъ распространился отсюда на сѣверъ до Убы и Бѣлой; замѣчательно, что плугъ, также, какъ другое позднѣйшее нововведеніе въ Алтаѣ, пчеловодство, основаніе котораго приписывается полковнику Аршеневскому, составляютъ неотъемлемую принадлежность особенной коло-

низации Алтая, известной под именемъ *поляковъ* *). Поляки непременно пахутъ плугомъ, даже распространили его и на равнинѣ, и ни у кого въ Алтай нѣтъ такихъ большихъ пашекъ, какъ у нихъ. Я даже думаю, не они ли первые принесли въ Алтай плугъ и улей.

Земледѣльскія орудія алтайскихъ жителей, какъ и все остальное, находятся на болѣе низкой степени совершенства, чѣмъ у жителей равнины. Недавно только введена въ употребленіе въ Алтай литовка, то есть, прямая коса съ длинной рукояткой, посредствомъ которой можно косить стоя. До нея же косили траву горбушей, кривой косою съ короткой рукояткой, которой можно было дѣйствовать только согнувшись. Замяненіе горбуши литовкой было чрезвычайно выгодно, потому что меньше стало нужно луговъ для сѣнокосовъ, такъ какъ литовкой можно косить и короткую траву, которая прежде оставалась некошеною; потому литовка быстро распространилась по Алтаю. Впрочемъ, и до настоящаго времени еще есть старики, которые продолжаютъ косить горбушей. Соха здѣшняя простаго устройства, состоитъ изъ двухъ половинокъ, изъ которыхъ одна половинка, съ загнутымъ краемъ, называется *мужичкомъ*, другая прямая *женкой*. Они насаживаются на нижній конецъ криваго бруса, на верхнемъ концѣ котораго устроена рукоятка, или *роаль*. Этотъ брусъ, называемый *разсохой*, посредствомъ двухъ брусевъ — *тяги* и *стрѣлы* прикрѣпляется къ колесной оси. На разсохѣ, надъ сошниками, прикрѣплена для отвала на сторону подрѣзаннаго пласта доска, которая называется *шабалой*.

На высокихъ мѣстностяхъ Алтая земледѣліе не можетъ быть очень успѣшно; подъ пашню нужно очищать лѣсъ, да и тогда, послѣ усиленныхъ трудовъ, пріобрѣтается земля на

*) Поляками въ томской губерніи называются колонисты изъ Бѣлоруссіи, переведенные сюда при Екатеринѣ. Они доселѣ сохраняютъ въ обычаяхъ и языкѣ черты полѣшуконъ. Къ сожалѣнію, о числѣ ихъ и нынѣшнемъ состояніи ничего не извѣстно, равно какъ о другой, тоже незначительной, но также интересной колонизации *каменьщиковъ* въ верхнихъ частяхъ бухтарминской долины. Поляки живутъ въ нѣсколькихъ деревняхъ около змѣиногорскаго рудника, а именно: въ Секисовской, Бобровской, Быструхѣ и Убинкѣ.

половину состоящая изъ каменной почвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ бѣлорѣцкой станицѣ, главное вниманіе земледѣльцевъ обращено на картофель, служащій основою ихъ пищи, а хлѣбъ покупается въ болѣе низкихъ мѣстностяхъ. Нѣкоторыя семейства снимаютъ до сто пудовъ. Здѣшніе жители съ насмѣшкой отзываются о своемъ земледѣліи и говорятъ, что они пахутъ «кукишкой».

Породы хлѣбовъ, которые засѣваются на поляхъ, слѣдующія: рожь, ячмень, и алая пшеница. Рожь уважается за ея постоянство; она менѣе другихъ хлѣбовъ подвергается неурожаемъ и потому алтайцы говорятъ: «рожь не ложь». Здѣшняя пшеница, красноватаго цвѣта *), рѣзко отличается отъ пшеницъ, которыя сѣются въ песчаной равнинѣ, лежащей къ сѣверу отъ Алтая. Пшеницы этой песчаной полосы извѣстны подъ названіемъ *дороихъ*; онѣ всѣ средне-азіатскаго происхожденія, отличаются крупнымъ зерномъ, бѣлой мукой и большимъ урожаемъ, но хлѣбы изъ этой муки скоро черствѣютъ. Напротивъ у алыхъ пшеницъ зерна не такъ крупны, колосья не такъ многозернисты, и мука не такъ бѣла, но за ея свойство долго удерживать въ себѣ влажность, мука ея на змѣиногорскомъ рынкѣ предпочитается мукѣ изъ дорогой пшеницы, и продается двадцатью процентами дороже. Дорогія пшеницы свойственны только степямъ; онѣ не успѣваютъ на высотахъ Алтая; нѣкоторые здѣшніе хозяева пробовали засѣвать ими свои поля; но дорогія пшеницы, любящія жаркое и сухое лѣто, тянулись отъ алтайскихъ дождей все въ вышину и, достигши до необыкновеннаго роста, не успѣвали созрѣть до перваго инея. По простонародной классификаціи, эти пшеницы слѣдуетъ отнести къ разряду соленыхъ травъ.

Впрочемъ, съ недавняго времени, съ востока, отъ города Бійска, начинаетъ вторгаться въ Алтай особенная порода, отличающаяся отсутствіемъ ости; эта порода называется *красношуркой*. Она, кажется, прямо вывезена изъ Россіи въ бійскій

*) Когда пшеница поспѣваетъ, она начинаетъ измѣнять блѣдножелтый цвѣтъ на красносѣрый; объ этомъ обыкновенно говорятъ: «къ пшеницѣ начинаетъ краска прилипать.»

окрыть новыми колонистами, которые стали засѣвать ее на равнинѣ. По своимъ свойствамъ, краснотурка приближается къ степнымъ породамъ, потому-что простирается на корнѣ безрѣлюю болѣе, чѣмъ алая пшеница, но все-таки поспѣваетъ до пшеевъ, слѣдовательно удовлетворяетъ двумъ требованіямъ разомъ: урожайности и краткости срока созрѣванія. Она видимо подвигается по Алтаю на востокъ параллельно по его подошвѣ, и достигла уже въ настоящее время яровской станицы (между рѣками Чарышемъ и Иней). Ярица, то есть яровая рожь *) сѣется только въ самыхъ нижнихъ частяхъ Алтая; такъ, напримѣръ, со стороны города Бійска, по дорогѣ изъ этого города, проходящей по Алтаю параллельно его подошвѣ, самая дальняя станица, въ которой сѣютъ ярицу — Моральи Рожки; выше — ярицы уже нѣтъ во всемъ Алтаѣ вплоть до Иртыша, и уже тамъ, не ближе, какъ отъ устья рѣки Убы, снова начинается воздѣлываніе ярицы, а рожь исчезаетъ. Прежде рожь не спускалась и на востокъ, и за Моральими Рожками на равнинѣ воздѣлывали одну ярицу, но въ послѣднее время рожь, по неизвѣстной причинѣ, сталъ воздѣлывать и ниже Рожекъ, такъ что въ настоящее время рожь распространилась не только до Бійска, но и до Кузнецка. Къ сѣверу отъ Алтая, на песчаной полосѣ, перерѣзанной сосновыми борамп, воздѣлывается исключительно ярица и дорогія пшеницы, а за нею, на самомъ сѣверѣ томской губерніи, опять ярица и русскія пшеницы. Изученіе неправильной линіи, представляющей это новое столкновеніе и ея передвиженіе, было бы поучительно для тѣхъ, кто занимается географіей растений.

Всѣ здѣшнія пашни расположены на высокихъ мѣстахъ, особенно тѣ, на которыхъ сѣютъ пшеницу, такъ что онѣ находятся при самомъ основаніи каменистаго, обрывистаго обнаженія, которымъ завершается почти всякая значительная возвышенность. Эти мѣста подвержены постоянному теченію воздуха, и потому возвышенныя мѣста менѣе осаждаютъ паровъ, чѣмъ долины рѣчекъ; поэтому течение это здѣшніе жители называютъ *сугоросомъ*; мѣста, подверженныя сухо-

*) Подъ словомъ «рожь» здѣшніе жители разумѣютъ только озимую рожь.

росу и обращенныя къ югу, обыкновенно выбираются подъ поскѣвъ пшеницы, чтобъ обезпечить ее отъ вымерзанія; мѣста эти всегда бывають покрыты растеніемъ *морковникъ*, почему и называются *морковными*. Въ низинахъ же, по которымъ текутъ рѣчки, растительность скорѣе подвергается опасности быть захваченой морозомъ, потому что температура постоянно понижается вліяніемъ протекающей по низинѣ рѣчки, росы бывають чаще, чѣмъ на возвышенности, и потому иней падаетъ на нихъ раньше. Напротивъ, рожь на морковныхъ мѣстахъ не можетъ успѣвать, потому что въ зимнее время они подвергаются выдувамъ, и потому рожь можетъ быть обнажена изъ-подъ снѣга; подъ рожь употребляются сѣверныя покатоности горъ, занесенныя глубокими снѣгами, и если еще съ осени была гололедица, такъ что озими покрыты ледяной покрывкой, то урожай совершенно обезпеченъ; въ противномъ случаѣ, когда глубокіе снѣга долго лежать весной на протаявшей почвѣ, рожь подопрѣваетъ.

На пашняхъ также сѣютъ ленъ, коноплю, макъ, картофель, рѣдьку, морковь, рѣпу и горохъ. Впрочемъ, послѣдній сѣется не для запаса на зиму, а весь сѣдается во время лѣта, пока семья живутъ на пашняхъ; для запаса же горохъ всегда покупается у окрестныхъ крестьянъ. Потому горохъ рветъ всякій, кто только ѣдетъ мимо, не спрашивая, чей онъ. Точно также смотрятъ и на хрѣнъ, который такъ хорошо растетъ здѣсь, что превратился въ сорную траву здѣшнихъ огородовъ; его никто не разводитъ, а роютъ его осенью въ томъ огородѣ, въ которомъ онъ самъ выросъ, не спрашивая хозяйна.

Для уборки хлѣба приходятъ наниматься киргизы изъ-за Иртыша; этотъ народъ расходится осенью почти по всей томской губерніи и состояніе земледѣлія этой губерніи находится въ большой зависимости отъ степени личной свободы этихъ людей. По мѣрѣ удаленія отъ Иртыша рабочія руки становятся все болѣе и болѣе дороже; такъ на самомъ Иртышѣ, около города Семиполатинска, за сжатые десятны платятъ семь, восемь и девять рублей ассигнаціями; внутрь страшы, въ крестьянскихъ деревняхъ, эта цѣна уже воз-

вышается до десяти и двѣнадцати рублей; а въ чарышской долинѣ жнуть по два рубля овинъ, то есть, по шестнадцати и двадцати рублей за десятину пшеницы. Кромѣ поденщины, хлѣбъ убирается и посредствомъ помочей, которыя дѣлаются или «въ ручь», то есть, съ уплатой въ тотъ же день, или въ долгъ, съ отсрочкой на нѣкоторое время. Уплата, какъ и вездѣ, состоитъ изъ пирушки, сопровождаемой скрипкой, пѣснями, ужиномъ, пивомъ и дракой. Такія же помочи, только подъ особенными названіями, существуютъ и для уборки другихъ продуктовъ; помочь для рубки капусты называется *капусткой*; для мятя льна *копотухой*; для пряденья — *су-прядками*.

Пчеловодство составляетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ промысловъ южной части томской губерніи; географическіе предѣлы его опредѣляются характеромъ флоры, и именно оно требуетъ той флоры, которую здѣшніе жители отличаютъ подъ именемъ «большетравья» или «чернотравья». На Иртышѣ пчеловодство не распространяется къ сѣверу далѣе убинской станицы (51° широты), находящейся при впадении р. Убы въ Иртышъ; напротивъ, на востокъ томской губерніи, на Оби, оно существуетъ въ окрестностяхъ Барнаула (53° широты), а на Томи достигаетъ до города Томска (56° широты). Это неравенство распредѣленія происходитъ оттого, что сѣверо-востокъ томской губерніи возвышенъ, потому климатъ въ этой части болѣе влаженъ и обуславливаетъ разнообразную флору, необходимую для пчелнаго взятка. На югѣ развитіе этого промысла ограничивается предѣлами русской колонизаціи, которая поднимается въ алтайскія долины до горизонтали хвойныхъ лѣсовъ, или, по здѣшнему, черни. По долинѣ рѣки Убы, въ которой колонизація проникла далѣе чѣмъ въ долину Чарыша, пчеловодство распространилось еще прежде колонизаціи. Въ прибрежныхъ ущельяхъ этой рѣки, нигдѣмъ необитаемыхъ, находится много пасѣкъ, принадлежащихъ обитателямъ чарышской станицы, такъ что хозяева этихъ пасѣкъ сами живутъ въ восьмидесяти верстахъ отъ своихъ заведеній; они завозятъ туда съ осени сухарей, и закрываютъ пчелъ на всю зиму до весны, а весной, когда еще снѣга не сошли съ горъ,

но пчелъ уже начинаютъ выставлять, они на лыжахъ, безъ всякой ноши, спѣшать на Убу и проводятъ тамъ первое время лѣта. Эти отдаленныя пасѣки основываются случайно. Долина Убы для жителей чарышской долины представляетъ какую-то общественную поземельную собственность; сюда изъ чарышской долины ѣздятъ на звѣриный промыселъ и каждый чарышскій крестьянинъ знаетъ убинскую долину, какъ окрестности своей деревни. Во время этихъ посѣщеній случается найти въ лѣсу до десяти дуплъ съ дикимъ медомъ, это и служитъ основаніемъ пасѣки; на слѣдующій годъ десять колодокъ даютъ новые рои и число колодокъ удваивается. — Кромѣ того хозяинъ умножаетъ ихъ колодками, вновь находимыми въ лѣсу; въ лѣсахъ Алтая въ настоящее время водятся множество дикихъ пчелъ; нѣкоторые крестьяне сдѣлали даже особенный родъ промысла изъ отысканія днаго меда; дикія пчелы живутъ въ естественныхъ дуплахъ исключительно листовичныхъ стволовъ; рѣдко дупла эти бываютъ уютны; по большей части жилище пчелъ со всѣхъ сторонъ дыривато и подвержено дѣйствию вѣтровъ; но обиліе меда позволяетъ имъ развивать въ себѣ такую животную теплоту, что онѣ легко перезимовываютъ. Запасы меда у дикихъ пчелъ бываютъ такъ велики, что изъ одного дупла промышленники нарѣзываютъ сполна обѣ половины въючныхъ переметныхъ сумъ, т. е., около четырехъ пудовъ. Отысканіе пчелъ производится или ранней весной, когда только что разцвѣлъ кандыкъ, на который они тогда слѣтаются, или во время полнаго взятка. Въ послѣднемъ случаѣ промышленникъ запасается туесомъ съ соленою жидкостью, которую онъ разливаетъ гдѣ-нибудь въ лѣсу; это быстро привлекаетъ дикихъ пчелъ; нагрузившись, онѣ летятъ такъ тихо въ свое дупло, что ихъ легко можно слѣдить глазами; найденное дупло затыкаютъ, обрубаятъ сверху и снизу, везутъ въ пасѣку и тамъ пересыпаютъ пчелъ въ искусственную колодку.

Появленіе пчелы въ Алтаѣ относятъ къ концу прошлаго столѣтія; именно, рассказываютъ, что полковникъ Аршеневскій первый основалъ пасѣку около Усть-Каменогорска. Такимъ образомъ перенесеніе пчелы приписывается культурѣ;

но Словцовъ говоритъ, что мысль къ заведенію пасѣки подали Аршеневскому дикія пчелы, прилетавшія въ окрестности русскихъ поселеній; слѣдовательно, пчелы уже были въ Алтаѣ; притомъ, въ одномъ историческомъ документѣ семнадцатаго столѣтія, найденномъ мною въ областномъ архивѣ въ Омскѣ, именно въ одномъ монгольскомъ письмѣ Зайсанга чарышскихъ калмыковъ Онбо къ ближайшему русскимъ начальникамъ, заключается просьба запретить русскимъ промышленникамъ ходить въ Алтай на соболыный промыселъ, а позволить собирать только дикій медъ. Впрочемъ, древнему существованію пчелы противорѣчитъ отсутствіе въ языкѣ алтайскихъ инородцевъ собственнаго слова «пчела», потому что они называютъ пасѣкомое очевидно заимствованнымъ изъ русскаго языка словомъ: «бчеля». При томъ распространеніе дикой пчелы въ лѣсахъ Алтая продолжается еще доселѣ; въ тайгѣ, къ югу отъ города Кузнецка, она распространилась не болѣе, какъ лѣтъ сорокъ назадъ.

Въ двухъ округахъ томской губерніи бійскомъ и кузнецкомъ считалось, въ 1851 году, по официальнымъ даннымъ до 190,000 ульевъ, или колодокъ. Въ этомъ числѣ еще не считаются ульи, принадлежащіе казакамъ девятаго и восьмага полковъ, которые также находятся внутри этихъ округовъ. Кромѣ того, есть еще значительная часть пасѣкъ въ барнаульскомъ и томскомъ округахъ; въ послѣднемъ опѣ распространены даже къ востоку отъ города Томска, по крайней мѣрѣ, до села Колыона *), сколько мнѣ извѣстно. Въ остальныхъ частяхъ Сибири пчеловодства или нѣтъ, или оно является только въ видѣ временныхъ попытокъ; такъ, на примѣръ, къ югу отъ города Омска, въ семипадной станицѣ, одинъ поселянинъ имѣлъ незначительную пасѣку; производились также опыты основанія пчеловодства въ русской колоніи въ Киргизской стени, въ каркаралинской станицѣ. Въ городѣ Тарѣ также было когда-то пчеловодство, обязанное своимъ началомъ кушцу Пяткову; послѣдніе результаты этихъ попытокъ мнѣ неизвѣстны **).

*) Въ ста верстахъ отъ Томска на постокъ, по большой дорогѣ въ Иркутскъ.

**) Я слышала, что пчеловодство заведено въ вершинахъ рѣки Тартаса,

Уходъ за пчелами здѣсь самый несовершенный. Все искусство и обязанность пчеловода заключаются въ томъ, чтобы во время роенія поймать новый рой и покорить его, т. е., приучить къ улью. Во всей губерніи нѣтъ ни одной пасѣки съ усовершенствованными ульями *); простая колода изъ листовичнаго, березоваго или тополеваго дерева, выбранная внутри, служитъ лѣтнимъ жилищемъ для пчелъ; въ послѣднее время, вмѣсто рациональнаго усовершенствованія, пчеловоды чарышской долины какъ будто отступили еще назадъ, и струганныя колодки замѣнили естественными дуплами листовицъ, которыя они находятъ въ лѣсу, вырубаяютъ и очищаютъ рукой отъ гнилой внутренности; это нововведеніе сдѣлано изъ подражанія природѣ, потому-что въ дикомъ состояніи пчелы живутъ въ утлыхъ дуплахъ съ незакупоренными отверстіями. На этомъ основаніи здѣшніе пчеловоды даже стали дѣлать колодки безъ дна, затыкая ихъ только снизу соломой. Такимъ образомъ жизнь домашнихъ пчелъ не многомъ лучше, чѣмъ жизнь дикихъ пчелъ; пасѣчникамъ неизвѣсны мѣры исправленія или устраненія разныхъ несчастій пчелиныхъ семействъ; промыслъ поддерживается единственно богатствомъ флоры, благопріятнымъ климатомъ и патриархальнымъ бытомъ крестьянъ, позволяющимъ, при недѣлности семействъ, старшему уединяться на все лѣто на пасѣкѣ. Пчелы берутъ взятку съ дикихъ растений, летая иногда за семь верстъ отъ пасѣки, потому-что искусственнаго разведенія медоносныхъ растений въ Алтаѣ не существуетъ; потому и вкусъ меда бываетъ различенъ, смотря по господству растительныхъ видовъ; медоносная флора лучшихъ мѣстностей состоитъ изъ кипрея, дягиля, осота, медунки и бѣлоголовника. Двѣ мѣстности считаются самыми лучшими по качеству меда: долина Бухтармы и долина Чарыша; онѣ даютъ благовонный и бѣлый медъ, который съ теченіемъ времени

падающаго въ Омь, и начинается распространяться въ этой пустынной и отдаленной странѣ, но не знаю, вѣрить ли этому.

*) Недавно только одинъ горный чиновникъ устроилъ въ вершинахъ Томи пасѣку изъ многояжныхъ ульевъ, которые роздалъ потомъ крестьянамъ; неизвѣстно, распространится ли это усовершенствованіе по губерніи; ближайшіе крестьяне приняли его съ большою охотой.

сгущается до такой плотности, что его можно откалывать кусками; въ остальныхъ мѣстностяхъ меда болѣе или менѣе отзываются смолой хвойныхъ деревьевъ, особенно пихты, желтымъ цвѣтомъ, жидки и иногда совсѣмъ не имѣютъ способности сгущаться. По теченію рѣки Чарыша бѣлые меда получаютъ только съ той части, которая лежитъ вверхъ по рѣкѣ отъ деревни Харловой; ниже меда уже бываютъ красные.

Состояніе погоды оказываетъ большое вліяніе на пчеловодство; медовыя росы, которыя составляютъ главное условіе для обилія пчелинаго взятка, бываютъ въ долинахъ Алтая въ такое лѣто, когда дожди умѣренны, а на равнинѣ, на оборотъ, когда лѣто отличается дождливостью. А такъ какъ умѣренность дождей въ Алтаѣ или, какъ здѣсь говорятъ, въ «камню», соотвѣтствуетъ засухѣ въ равнинѣ, то и бываетъ, что если лѣто сухое, то на равнинѣ мало медовъ, а въ Алтаѣ въ это время урожай; если же лѣто мокрое, то на равнинѣ урожай, а въ Алтаѣ дурной сборъ меда. Кромѣ того, ненастная погода не позволяетъ пчеламъ своевременно отроиться, дни самага обильнаго цвѣтенія бываютъ пропущены за уходомъ дѣтвы, сборъ меда начинается тогда, когда цвѣтеніе уже кончится, и пчелы и пчеловодъ остаются на зиму безъ меда. Лѣто 1856 года было чрезвычайно дождливо; изъ ста семидесяти восьми сутокъ, съ 1-го мая по 8-е октября, было шестьдесятъ дождливыхъ дней, двадцать восемь пасмурныхъ и шестьдесятъ четыре ясныхъ. Матки зацѣли было въ колодкахъ весьма рано, но внезапно наступило ненастье и матки были высѣчены, такъ что роенье было недѣлей позже, чѣмъ бываетъ оно обыкновенно *) и продолжалось до поздней осени, такъ что въ концѣ августа еще цѣли въ нѣкоторыхъ колодкахъ молодыя матки. Пасѣки располагаются по мелькимъ рѣчкамъ въ мѣстахъ, поросшихъ высокими кустарниками черемухъ и явь; по срединѣ пасѣки ставится погребъ, или «омшаникъ», въ который складываютъ

*) Роенье въ чарышской станицѣ совпадаетъ съ цвѣтеніемъ гороховника, *Robinia sagapana*: въ 1856 году гороховникъ зацвѣлъ 24-го мая, а роенье началось 30-го.

ся колодки на зиму; на одной сторонѣ его дверь, или лучше, дѣра, въ которую можно только пролѣзть; надъ этой лицевой стороной омшаника дѣлается навѣсъ, подъ которымъ можно работать въ жаркій день; щели и пазы этой стороны утыканы множествомъ маточниковъ и чумашекъ, орудій, употребляемыхъ при роеніи. Тутъ же нерѣдко воткнута бываетъ прялка съ куделью, если пасѣчникомъ старуха, что не рѣдко бываетъ, и виситъ мѣдный образокъ. Внутри омшаника непременно поселилось на лѣто для вывода дѣтей нѣсколько ласточекъ. Вокругъ омшаника, въ густой травѣ, стоятъ, подпертыя палками, деревянные колодки, прикрытыя сверху отъ дождя лоскутомъ бересты, который придавленъ камнемъ. Впрочемъ не во всѣхъ частяхъ Алтая колодки располагаются стоя; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ большемъ обыкновеніи лѣжаки. Пасѣка считается священнымъ мѣстомъ; въ нее нельзя войти нечистымъ **). Сама пчела отличается отъ другихъ насѣкомыхъ; всѣ насѣкомые: комаръ, муха, оводъ называются здѣсь *тусомъ*, но пчела не причисляется къ нимъ, потому что это насѣкомое не только служитъ человѣку, но даже и Богу, потому-что изъ воска дѣлаются церковныя свѣчи. Потому и говорить о смерти всякаго насѣкомаго слѣдуетъ: «пропало», а о пчелѣ: «умерла».

Хотя здѣшніе пчеловоды и употребляютъ выраженія: «боровыя пчелы», «каменные пчелы», но не разумѣютъ подъ этимъ особенныхъ породъ. Можетъ быть, столѣтняя культура пчелы уже успѣла образовать породы въ томской губерніи, но я не могъ получить никакихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пчелы отличаются большею плодливостью, чѣмъ въ другихъ. Въ чарышской долинѣ одна колодка даетъ до семи роевъ, изъ которыхъ самый первый даетъ еще рой, называющійся *аромъ*; въ Усть-Каменогорскѣ больше двухъ новыхъ матокъ изъ одной колодки не бываетъ, и рассказы о семи рояхъ считаются басней.

*) Сибиряки сохранили обыкновеніе обливаться водой послѣ часовъ, проведенныхъ въ любви; во время свадьбы этотъ обычай составляетъ часть обряда; необлившійся считается нечистымъ и не можетъ входить въ пасѣку.

При ежегодномъ возвышеніи цѣнъ на всѣ предметы и при стояніи пчеловодства на одной степени, равновѣсіе доходовъ пчеловода съ его расходами нарушается; а такъ какъ пчеловодъ не можетъ произвольно возвысить цѣну своего продукта, потому что она зависитъ отъ запроса, то пчеловоды, чтобъ покрыть свои расходы, стараются какъ можно болѣе парѣзать меду, все болѣе и болѣе ограничиваютъ зимній запасъ въ ульяхъ, что производитъ сильную смертность между пчелами. Это уже признаки упадка промысла, который, къ счастью, еще не достигъ до безнравственнаго обычая умерщвлять пчелъ осенью, какъ это дѣлается въ Малороссіи. Впрочемъ, нѣкоторые пчеловоды обратились къ наукѣ. Въ краснорѣчнскомъ селѣ, государственный крестьянинъ Иванъ Латышевъ, съ успѣхомъ занимается пчеловодствомъ по научной системѣ и образовываетъ даже учениковъ. Также около Бійска въ селѣ Тырышкиномъ какаля-то печатная книжка произвела въ одномъ семействѣ пзмѣненіе въ образѣ ухода за пчелами. Это свидѣтельствуетъ о восприимчивости нашего народа; чтобъ распространить въ немъ науку, не достаетъ только удешевленія руководствъ и облегченія способа покупки ихъ, потому-что пока выписыванье книгъ изъ столицъ соединено для крестьянина съ большими трудами и рискомъ. Знакомство же съ научными системами пчеловодства произвело бы большую народную экономію; оно единственное средство отъ упадка пчеловодства, потому-что послѣднее растранивается оттого собственно, что пчеловоды не разсматриваютъ своего хозяйства, какъ многолѣтнее, которое даетъ прибыльные вознагражденія только черезъ нѣсколько лѣтъ, а хотять, чтобъ каждый годъ давалъ непременно столько, сколько нужно для содержанія семьи.

Медъ изъ томской губерніи отправляется на ярбитскую ярмарку по различнымъ путямъ; медъ бухтарминской и сосѣднихъ съ нею долинъ сплавляется по Иртышу осенью до Омска, а также и гужомъ отвозится по дорогѣ, идущей по правому берегу Иртыша; медъ чарышской долины идетъ гужемъ черезъ Баркаулъ и Каинскъ. Бадьи, въ которыхъ медъ отвозится на ярмарку, дѣлаются въ сорокъ пять пудовъ; онѣ дѣлаются изъ сосноваго дерева; медъ вѣшаютъ

въ бадьяхъ и вѣсъ дерева не вычитаютъ изъ вѣса меда съ бадьей; прежде, напротивъ, вычитали и платили за одинъ медъ столько, сколько нынче платятъ за медъ съ деревомъ. Слѣдовательно медъ подорожалъ на процентъ дерева. При продажѣ бывають злоупотребленія, впрочемъ, только въ мѣстностяхъ съ красными медами; къ меду подмѣшиваютъ муку, чтобъ придать ему болѣе бѣлизны и густоты. Цѣны бывають различны; въ сентябрѣ 1856 года въ чарышской станицѣ медъ стоилъ одиннадцать рублей ассигнаціями пудъ, воскъ сорокъ два рубли ассигнаціями, а въ городѣ Барнаулѣ, въ то же время, пудъ меду двѣнадцать рублей ассигнаціями, пудъ воску сорокъ пять рублей ассигнаціями. Въ Усть-Каменогорскѣ, въ окрестностяхъ котораго тогда былъ урожай и чрезъ который проходитъ медъ бухтарминской долины, какъ чрезъ Барнауль проходитъ медъ чарышской долины, — медъ былъ дешевле, по восьми рублей ассигнаціями.

Самые главные продукты, которые отправляетъ чарышская долина на ирбитскую ярмарку, имѣютъ начало, хотя и посредственное, въ ея «чернотравьи». Эти продукты — воскъ, медъ и масло. Первые два производятся чрезъ пчелу, послѣдній чрезъ корову. Пчела и корова, это двѣ реторты, посредствомъ которыхъ «чернотравье» превращается въ питательные для человѣка продукты. Кромѣ того изъ Алтая вывозятъ кедровые орѣхи, бѣлокъ, отчасти соболей и скотскія кожи. Воскъ и масло отправляются въ видѣ чалпановъ, т. е., въ видѣ кусковъ, которые имѣютъ форму посуды, въ которой они были заморожены; для приготвленія восковыхъ чалпановъ употребляется въ Чарышѣ плоская глиняная посуда, которая называется *колыванкой*, а чалпаны масла замораживаються просто въ кадушкахъ. Оба эти продукта завертываются въ обозѣ въ сырыя кожи, которыя, по раскупоркѣ, также продаются въ Ирбити, откуда онѣ идутъ на кожевенные заводы, которыхъ особенно много въ тюменскомъ округѣ. Масло просто завертывается въ кожи и обвязывается веревками, а воскъ, какъ болѣе цѣнный товаръ, сначала завязывается въ холщевые мѣшки и потомъ уже укупоривается въ кожи. Кожи для укупорки употребляются

еще влажные, или нарочно размоченныя, и застываютъ уже на морозѣ, такъ что представляютъ для товара безопасный ящикъ; впрочемъ, это обыкновеніе не хозяйственно по той причинѣ, что много кожъ портится и къ концу дороги оказывается много негодныхъ къ продажѣ. Точно также закупоривается въ кожи сало, которое въ большомъ количествѣ отправляется изъ окрестностей Бійска въ Барнаулъ; здѣсь сало и не продается иначе, какъ вмѣстѣ съ кожей, и одинъ пудъ сала и кожа называются въ торговлѣ *пѣрами*.

Бѣлки и соболи чарышской долины скупаются преимущественно торговымъ казакомъ Шестаковымъ; онъ ежегодно вывозитъ въ Ирбитъ около 5,000 бѣлокъ и до двадцати соболей.

Кромѣ этихъ произведеній Алтая, идущихъ за предѣлы томской губерніи, есть такія, которыми снабжается только равнина томской губерніи, именно чагырскій чай и чеснокъ. Подъ первымъ разумѣется приготовленное растение *Saxifraga crassifolia*, которое замѣняетъ на всемъ югѣ томской губерніи китайскій чай. Онъ растетъ на сѣверныхъ каменистыхъ обрывахъ по всему Алтаю, отъ Иртыша до Ануя; верѣдко горы, на которыхъ это растение встрѣчается въ особенномъ изобиліи, носятъ названія *чайныхъ сопокъ*; такъ, на примѣръ, чайная сопка находится близъ антоньевской станицы надъ рѣкой Ануемъ, также у тулатинской станицы, у тигеревской и феклистовской; кромѣ того, онъ растетъ и въ нарымскомъ хребтѣ, къ югу отъ рѣки Бухтармы; на югѣ отъ Иртыша онъ встрѣчается еще въ калбинскомъ хребтѣ и его западныхъ отрогахъ, находящихся внутри киргизской степи, именно на возвышеннѣйшихъ частяхъ горъ Аркатъ; но это уже его южная предѣльная линія. Далѣе онъ, кажется, не встрѣчается *). Растеніе это извѣстно у здѣшняго на-

*) На Аркатѣ его иногда собираютъ мимоходомъ татарскіе караваны, идущіе изъ китайскаго города Кульджи въ Семиполатинскъ. У киргизъ есть опять свой суррогатъ чая, — это небольшая, степная, похожая на тминъ, травка, которая растетъ въ семирѣчнскомъ краѣ и называется тамъ *макрушка*. Этотъ суррогатъ извѣстенъ и у татаръ казанской губерніи подъ тѣмъ же именемъ, какъ и у киргизъ, а названіе его указываетъ на

рода подъ названіемъ *чагыра*, *бадана* и просто *широкаго* листа *). Оно растеть сплошными засѣвами и притомъ чрезвычайно густо, такъ что въ нѣсколько слоевъ закрываетъ почву своими круглыми листьями; собираютъ его трехгодовальмиъ, когда онъ приметъ черный цвѣтъ; въ первую зиму его сочные листья сохраняютъ подъ снѣгомъ зеленый цвѣтъ, въ слѣдующее лѣто они начинаютъ краснѣть, и уже во вторую зиму чернѣютъ; только что сойдутъ снѣга послѣ этой зимы, женщины алтайскія отправляются на горы и собираютъ его цѣлыми мѣшками; потомъ собранные листья моютъ, размачиваютъ каждый листъ отдѣльно, прессуютъ его въ кулакѣ, пока онъ не сдѣлается мягкимъ, и расправивъ, кладутъ на поднось или картузную бумагу и сушатъ въ печи; просушивши, снова вспрыскиваютъ водой и дѣлаютъ листья мягкими, рѣжутъ, какъ лапшу, даютъ испариться, и складываютъ въ мѣшки уже для продажи. Въ началѣ мая собираютъ цвѣты этого растенія, замариваютъ ихъ, т. е., даютъ на печи подвинутъ, потомъ кладутъ въ горшокъ, завязываютъ сверху бумагой и ставятъ въ печь; когда они совершенно просохнутъ, ихъ вываливаютъ въ блюдо, и заваривъ въ чайникѣ самаго крѣпкаго китайскаго чаю, обливаютъ цвѣты бадана, мѣшая ихъ до-гѣхъ-поръ, пока цвѣты не впитаютъ въ себя всего вылитаго на нихъ настоя. Послѣ этого ихъ ссыпаютъ въ банку, которую завязываютъ бумагой и ставятъ на печь; по временамъ ее перевертываютъ вверхъ дномъ, чтобъ броженіе распредѣлялось равномерно, и наконецъ сушатъ ихъ окончательно на вольномъ воздухѣ. Чай изъ цвѣтовъ чагыра считается выше кирпичнаго, но онъ не готовится для продажи; чай же изъ листьевъ,

русское происхожденіе его. Капорскій чай, извѣстный также подъ именемъ Ивагъ-чая, не употребляется нигдѣ въ томской губерніи, хотя самое растеніе подъ разными именами, то кипрей, то коневника, распространено по всѣмъ влажнымъ мѣстностямъ томской губерніи.

*) Первое названіе, кажется, заимствовано изъ языка чарышскихъ калыковъ, отъ которыхъ вѣроятно алтайскіе жители приняли и самое употребленіе его вмѣсто чая; у нихъ же, по всей вѣроятности, заимствовано употребленіе другихъ растений вмѣстѣ съ названіями, какъ напримѣръ *калбы* (чеснока) и *кандыка*.

несмотря на длинную процедуру, еще сохраняет столько въ себѣ паркотическихъ веществъ, что нужно два раза сливать настой его, и уже третій только можно пить, какъ чай; первые же два бываютъ очень горьки. При завариваніи ба- дана, въ чайникъ опускаютъ иногда кусокъ *пакли* или *березовой губы*, что сообщаетъ алтайскому доморощеному чаю аромать, котораго у него не достаетъ. Подъ паклей, или березовой губой, разумѣютъ здѣсь березовую камедь, т. е., кристаллизовавшійся во внутреннихъ щеляхъ березы богатый съ сахаромъ сокъ, извѣстный весной подъ именемъ березовки. Пакля весьма рѣдко попадаетъся.

Употребленіе чагыра не ограничивается одной его родиной, а распространяется и на равнинѣ, по Иртышу до Семиполатинска, а по Оби до Барнаула. Купцы, скупающіе въ Алтаѣ меда, берутъ также и этотъ продуктъ; весной 1855 года чагыръ продавался въ Семиполатинскѣ по три копейки серебромъ фунтъ, а когда вздорожалъ кирпичный чай, то и чагыръ поднялся въ цѣнѣ до шести копеекъ серебромъ, или до двадцати копеекъ ассигнаціями. Въ чарышской долинѣ, въ 1855 году, чагыръ продавался по одному рублю ассигнаціями пудъ, а въ Барнаулѣ въ тоже время скупищики продавали по одному рублю серебромъ пудъ. О количествѣ всего вывоза чагыра изъ Алтая миѣ неизвѣстно, по цифра эта была бы очень любопытна. Можетъ быть, современемъ наука въ состояніи будетъ еще улучшить приготовленіе этого чая, и тѣмъ доставить возможность бѣдному населенію томской губерніи удовлетворять своей потребности съ меньшими расходами. Бѣдное населеніе постоянно стремится здѣсь замѣнить китайскій чай другимъ, болѣе дешевымъ продуктомъ; такимъ образомъ, въ степныхъ мѣстахъ около Иртыша пьютъ настой шалфея, жерновника, лабазника и другихъ. Въ Алтаѣ лабазникъ, или бѣлоголовникъ, также употребляютъ вмѣсто чая, что также заимствовано у казмыковъ. Последніе, отправляясь на соболиный промыселъ, всегда запасаются сушеными листьями бѣлоголовника. Русскіе въ Алтаѣ готовятъ его очень просто: когда мечутъ на лугахъ стога сѣна, то внутрь ихъ закладываютъ узелки изъ тряпичы съ свѣжими листьями бѣлоголовника; зимой, когда сѣно

стануть вывозить съ луговъ въ деревню, ищутъ эти узелки, развязываютъ и получаютъ готовый чай. Нѣкоторые считаютъ чай изъ бѣлоголовника пріятнѣе, чѣмъ изъ чагыра, но онъ не пользуется популярностью послѣдняго и въ продажѣ его нѣтъ, можетъ быть и потому, что онъ растетъ повсюду. Иногда въ Алтаѣ вмѣсто чая пьютъ еще ревенный борщъ, т. е., кислый паваръ изъ стеблей алтайскаго ревеня.

Чеснокъ растетъ повсемѣстно въ долинахъ Чарыша и Ануя. Барнаульское мѣстное начальство посылаетъ въ Алтай мастеровыхъ съ казенныхъ заводовъ для собиранія этого чеснока въ запасъ для барнаульскаго лазарета; крестьяне изъ окрестностей Барнаула также отправляются въ Алтай, покупаютъ у тамошнихъ жителей чеснокъ гуртами, вывозить въ свои деревни и продаютъ сосѣдямъ въ продолженіе зимы врозницу. Такъ, напримѣръ, въ 1858 году, я встрѣтилъ крестьянина деревни Наумовой, къ сѣверу отъ Барнаула, который вывезъ на парѣ лошадей цѣлый возъ чеснока изъ алтайской деревни Улавы, счетомъ 13,500 пучковъ, или связокъ, купивши его на мѣстѣ отъ одного рубля двадцати копеекъ до рубля пятидесяти копеекъ за тысячу. Въ Алтаѣ собранный чеснокъ сначала мочатъ и замариваютъ въ корчагѣ въ печи, потомъ крошатъ и сушатъ. Кромѣ того, алтайскіе жители собираютъ по мочагамъ въ черни другую породу чеснока, извѣстнаго подъ именемъ *калбы*, или черемши; этотъ продуктъ заквашиваютъ здѣсь въ кадкахъ, какъ капусту, и берегутъ до Великаго Поста, когда соленая калба составляетъ основную пищу здѣшнихъ жителей.

Зимой, по застывшимъ рѣкамъ, изъ долинъ Алтая вывозятъ излишекъ хлѣба, но вѣроятно не въ значительномъ количествѣ.

Въ свою очередь, Алтай, кромѣ мануфактурныхъ издѣлій, привозимыхъ съ прѣитской ярмарки, получаетъ нѣкоторыя сельскія произведенія равнины, которыхъ не имѣетъ самъ, какъ, напримѣръ, мыло, табакъ, соль и сальныя свѣчи. Мыло и свѣчи въ Алтай привозятъ изъ Семиполатинска, гдѣ производится значительная торговля киргизскимъ скотомъ и

многіе татары занимаются домашнимъ приготовленіемъ мыла и свѣчь. Алтайскій скотъ не бываетъ жиренъ; овцы у русскихъ въ Алтай не курдючной, а русской породы, притомъ меньше, чѣмъ овцы той же породы у подошвы Алтая, и даютъ очень не много внутренностнаго сала. Табакъ вовсе не растетъ въ Алтай, и потому алтайскіе жители по большей части не употребляютъ его *); только въ настоящее время онъ начинаетъ исподоволь распространяться, и между молодежью рѣдкіе не курятъ. У самой подошвы Алтая разводится лучшій табакъ въ томской губерніи; именно въ западномъ Алтай, при выходѣ изъ него Иртыша, около города Усть-Каменогорска, особенно занимаются разведеніемъ табака станицы барашенская, убинская и пьяноярская; по имени первой и табакъ называется *барашенскимъ*; здѣсь также воздѣлываютъ и виргинскій табакъ подъ именемъ *ахтырскаго*. Отсюда табакъ расходится внизъ по Иртышу и вверхъ по Алтаю, даже до калмыковъ, которые спускаются за нимъ съ вершинъ Чарыша въ Змѣевъ и Колывань. Въ восточномъ Алтай, при выходѣ Катунн, всѣ окрестности города Бійска заняты воздѣлываніемъ табака, который также идетъ въ вершины алтайскихъ рѣкъ Чарыша и Ануя, къ калмыкамъ.

Соль также привозится въ Алтай съ равнины, потому что въ Алтай нѣтъ ни соленыхъ озеръ, ни солонцовъ. Въ томской губерніи двѣ мѣстности доставляютъ соль: Коряковское озеро, лежащее въ тридцати верстахъ отъ Иртыша, и Бурлинскія озера, находящіяся къ югу отъ города Каннска. Первое снабжаетъ сѣверозападную часть томской губерніи и всю тобольскую губернію; соль послѣднихъ, известная въ продажѣ подъ названіемъ *идоловской*, расходится по восточной части губерніи; а южная часть, т. е., Алтай, снабжается солью преимущественно изъ озера Карабаша, которое лежитъ въ пятидесяти верстахъ отъ рѣки Иртыша,

*) Неупотребленіе табака можно было бы приписывать раскольниковству, но казаки въ Алтай не раскольники. Обыкновеніе это имѣетъ своимъ основаніемъ тотъ экономическій принципъ, о которомъ я уже говорилъ: не потреблять того, чего не производить свое хозяйство.

въ киргизской степи, противъ долонской станицы. За солью спускаются въ чарышскую долину ясачные крестьяне изъ деревни Уймонъ, которая находится въ вершинахъ рѣки Катунн.

На югъ изъ Алтая идетъ одна торговая дорога въ вершины рѣки Чуи, куда русскіе купцы возятъ желѣзныя ловушки, топоры и проч., а оттуда вывозятъ китайскіе товары и въ томъ числѣ *чуйскіе киртчи*, которые длиннѣе и толще семиполатинскихъ, такъ что въ первыхъ бываетъ четыре съ половиною фунта чаю, а во вторыхъ одинъ съ четвертью фунта, рѣдко два. Первые, въ 1856 году, продавались въ Чарышѣ по два рубля серебромъ, вторые по одному рублю серебромъ. Изрѣдка привозятъ съ Чуи и *столбовый чай*, который въ Кульдѣ извѣстенъ подъ татарскимъ названіемъ *атбашъ* *), а у русскихъ приказчиковъ получилъ прозвище *бревни-чая*. Это также кирпичи, но только величиной съ полѣно. Кромѣ этихъ чаевъ, привозятъ изъ Семиполатинска въ алтайскія деревни бахчевый чай, обыкновенный кирпичный и фу-чай. Впродолженіе лѣта разъѣзжаютъ по здѣшнимъ деревнямъ татары изъ Семиполатинска съ чаемъ, дабами (хлопчато-бумажными матеріями изъ средней Азіи) и армяками; дабы покупаются только тѣми, у которыхъ выбило градомъ ленъ и они не могутъ имѣть въ тотъ годъ своего холста. Армяками называется верхнее платье, которое готовится въ киргизской степени изъ верблюжьей шерсти; они въ большомъ количествѣ идутъ изъ степи и почти вся губернія одѣвается въ нихъ, предпочитая своедѣльнымъ *шабурамъ*, которые ткутся изъ овечьей шерсти на половину съ ниткой, отчего они называются также *политками* **).

Торговля и промышленность Алтая нуждаются въ важныхъ улучшеніяхъ. Во-первыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на дороги; алтайскія дороги не проведены, а только протоптаны; лѣтомъ онѣ представляютъ богатый матеріалъ для живо-

*) Т. е., лошадиная голова.

**) Употребленіе армяковъ распространилось въ позднѣйшее время; это — начало вліянія киргизскаго народа на хозяйство томской губерніи, которое, вѣроятно, будетъ постоянно возрастать.

писца; березы, образующія своими вершинами куполъ надъ дорогой, развалившійся на половину мостикъ, спускающаяся съ горы телѣга, которую мужикъ подпираетъ плечомъ, чтобъ она не скатилась подъ косогоръ — въ такомъ ансамблѣ рисуется алтайская дорога тому, кто проѣхалъ по ней лѣтомъ въ ясную погоду; но во время дождя на дорогѣ течетъ цѣлый ручей воды, мягкій грунтъ превращается въ болото, и грязь наматывается на колеса, особенно безъ желѣзныхъ шинъ, а телѣги мѣстныхъ жителей по преимуществу съ неоконными колесами. Еще хуже дороги бываютъ зимой; снѣга въ горахъ бываютъ такъ высоки, что нѣкоторыя деревни заноситъ снѣгомъ выше крышъ; деревня, такимъ образомъ занесенная, представляетъ самую неправильную смѣсь снѣжныхъ бугровъ, которые соответствуютъ улицамъ, и глубокимъ ямъ, въ которыхъ находятся избы, очищаемыя отъ снѣга послѣ каждаго паденія его. При такомъ глубокомъ снѣгѣ дороги не могутъ быть широки и ровны; онѣ узки и глубоки, въ видѣ корыта; сани всегда катятся по нимъ бокомъ, одинъ полозъ по дну корыта, а другой поверху; отъ этого положеніе человѣческаго тѣла въ саняхъ бываетъ не вертикально, а наклонно, и потому ѣзда по здѣшнимъ зимнимъ дорогамъ чрезвычайно утомительна; къ этому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ присоединяются опасности отъ *оплывинъ*, или снѣжныхъ лавинъ, которыя скатываются съ горъ послѣ бурановъ и перегораживаютъ узкія ущелья высокими баррикадами, а иногда погребаютъ подъ собою путниковъ; такія оплывины бываютъ особенно часты въ ущельѣ рѣчки Пихтовки, по дорогѣ изъ Усть-Каменогорска въ Бухтарму; въ зиму съ 1855 на 1856 годъ здѣсь скатилось въ одну ночь на пяти верстахъ семнадцать оплывинъ.

Нѣкоторыя дороги исправляются по распоряженію начальства, но только тѣ, которыя имѣютъ специальное административное значеніе, какъ напримѣръ, дорога, по которой провозится руда изъ риддерскаго рудника въ Змѣиногорскъ, или дорога, соединяющая казачьи станицы 9-го полка. Дорога, по которой отправляется медъ и другія произведенія Алтая, не слишкомъ пряма; она идетъ сначала на Каинскъ, и потомъ уже на Иртышъ; по прямой же линіи отъ Чарыша

къ переправѣ чрезъ Иртышъ лежатъ еще необитаемые и даже неизвѣстные пески, сосновые боры и займища; разумѣется, не навсегда же оставаться этой мѣстности пустынею; когда-нибудь она будетъ населена, и тогда дорога изъ Алтая на Омскъ можетъ быть выпрямлена.

Другое условіе, имѣвшее до настоящаго времени большое вліяніе на развитіе промышленности въ Алтай, заключается въ томъ, что онъ принадлежитъ къ большому округу крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ серебряннымъ заводамъ; все русское народонаселеніе Алтая, за исключеніемъ немногочисленныхъ *каменьщиковъ* и *малолытковъ* *), принадлежитъ къ несвободному состоянію; сложность раскладки повинностей произвела много ненормальныхъ явленій общественной жизни, которыя разстроиваютъ гармонію въ естественномъ порядкѣ промышленныхъ отправленій страны.

Впрочемъ, при всѣхъ измѣненіяхъ къ лучшему, главные успѣхи будутъ принадлежать по преимуществу той части томской губерніи, которая прилегаетъ къ Алтаю; самъ же Алтай всегда будетъ оставаться скромнымъ участникомъ общей торговли и общественной жизни. Онъ всегда будетъ сравнительно болѣе сельскимъ, чѣмъ другія части томской губерніи, всегда будетъ служить стѣнами для защиты и сохранения этого элемента и всегда будетъ вести упорную борьбу съ хозяйственными и социальными революціями, которыя будутъ вторгаться къ нему изъ городовъ и равнины.

Алтай, по свойству своей природы, долженъ снабжать томскую губернію медомъ, коровьимъ масломъ, сыромъ,

*) *Каменьщиками*, или *ясашными* крестьянами, называются русскіе колонисты верховьевъ Бухтармы; они живутъ въ деревняхъ Сѣнной, Бѣлой, Язовой, Печакъ, Кдобиныхъ, Фыкалкъ, Большенаарымской и Мяконкой. Последнія двѣ приписаны къ заводамъ. Кромѣ того, ясашные живутъ по нѣскольку дворовъ въ подзаводскихъ деревняхъ, какъ, напримѣръ, въ Огневой, Солоновкѣ и Кайтаракѣ. Въ вершинахъ Катуня есть еще двѣ ясашныя деревни: Кокса и Уймакъ. Каменьщики удалились сюда около половины прошлаго столѣтія, жили нѣсколько времени независимо общиною, потомъ прибѣгали подъ цокровительство китайскаго императора, не были приняты, и въ 1791 году снова обратились въ подданство Россіи и были обложены ясакомъ наравнѣ съ инородцами, почему и называются ясашными.

овечьей шерстью, льномъ, пенькой, льнянымъ масломъ и сельдью. Скотоводство въ Алтаѣ и теперь уже отличается отъ скотоводства на равнинѣ тѣмъ, что здѣсь рассчитываютъ получать отъ рогатой скотины болѣе молока, чѣмъ мяса; здѣшній скотъ не великъ сравнительно съ степнымъ, киргизскимъ, но киргизская корова мало даетъ молока сравнительно съ здѣшной. По мнѣнію здѣшнихъ жителей, въ долинахъ рогатый скотъ и не можетъ быть жиренъ, потому-что нѣтъ солонцовъ, которые для этого необходимы. Почва здѣшнихъ дворовъ и улицъ, получая въ себя соли отъ организмовъ вмѣстѣ съ ихъ экскрементами, представляетъ единственную солесодержащую землю въ Алтаѣ, такъ что скотъ съ жадностью грызетъ ее, когда приходитъ съ поля въ деревню. Рогатый скотъ пасется здѣсь на вогѣ, не стѣсняемый присмотромъ пастуха; чтобъ онъ не проходилъ на пашни, окрестности деревни версты на шесть обгорожены *поскотинной*; по мнѣнію здѣшнихъ жителей, при такой свободѣ въ выборѣ мѣста для своей пастбы, молоко коровъ бываетъ гуще, и даетъ больше масла. Молочные скопы, какъ мы уже видѣли, такъ значительны, что составляютъ, въ видѣ масла, отдельную вѣтвь торговли Алтая; къ этому, впоследствии, можно будетъ присоединить приготовленіе сыра. Что касается до овцеводства, то я не знаю, можно ли улучшить ту породу, которую разводятъ русскіе колонисты, и какія могутъ произойти оттого выгоды; та же порода, которая водится на вершинахъ Алтая у калмыковъ, при хорошемъ воспитаніи, могла бы давать шерсть высокаго достоинства.

Признакомъ здороваго развитія хозяйства могутъ служить видъ крестьянской телѣги и крынки. Чѣмъ хлѣбопашество ниже, тѣмъ хуже у крестьянина телѣга; чѣмъ ниже скотоводство, тѣмъ хуже молочная посуда. У тѣхъ киргизъ, которые вовсе незанимаются хлѣбопашествомъ, вовсе нѣтъ никакихъ экипажей; у киргизъ, живущихъ около Семиполатинска и Усть-Каменогорска есть хлѣбопашество и потому есть уже экипажъ, но весьма еще несовершенный; онъ состоитъ изъ двухъ жердей, въ передніе концы которыхъ впрягается лошадь, а задніе тащутся по землѣ; къ среднѣмъ жердей привязывается грузъ; этотъ экипажъ называется

сойрютки; русскіе называютъ его *волокушами*; онъ употребляется для перевоза тяжестей во время лѣта на всѣхъ сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, и также въ вятской губерніи у вотяковъ, у которыхъ хлѣбопашество и во многомъ другомъ напоминаетъ его младенческое состояніе.

За этимъ экипажемъ слѣдуетъ *таратайка*, киргизская двухколесная *арба*; этотъ экипажъ повсемѣстенъ въ китайской имперіи. Наконецъ наша телѣга съ четырьмя колесами и съ свободнымъ движеніемъ на передней оси. Послѣднія телѣги могутъ еще представлять множество степеней различной прочности и легкости; на Иртышѣ, наиримѣръ, гдѣ хлѣбопашество ничтожно, или даже его вовсе нѣтъ, телѣги дѣлаются такія непрочныя, что сами жители называютъ ихъ таратайками и тѣмъ, какъ будто, низводятъ ихъ на степень двухколесныхъ киргизскихъ телѣгъ; всѣ скрѣпленія ихъ сдѣланы изъ прутьевъ, вмѣсто желѣза; къ югу телѣга улучшается, и въ Семиполатинскѣ встрѣчаются даже обитыя снизу желѣзомъ; въ окрестностяхъ этого города производится лучшее хлѣбопашество. Въ Алтаѣ, гдѣ хлѣбопашество хотя и составляетъ непремѣнный промыселъ каждой семьи, но тѣмъ не менѣе стоитъ ниже семиполатинскаго, — телѣги опять болѣе приближаются къ низшей степени культуры.

Такую же постепенность, хотя и съ меньшимъ разнообразіемъ формъ, можно замѣтить и надъ молочной посудой, которая, какъ мы сказали, опредѣляетъ состояніе скотоводства. У киргизъ, у которыхъ скотоводство находится на самой первоначальной степени развитія и скорѣе предоставлено самой природѣ, посуда — кожаная; шкура ягненка, снятая въ видѣ мѣшка и зашита съ одного конца, представляетъ самый первоначальный типъ этой утвари; затѣмъ слѣдуетъ шитая кожаная посуда; всѣ ея сорта отличаются нечистотой, и въ складкахъ нерѣдко встрѣчаются черви. У лѣсныхъ народовъ выдѣлка посуды начинается съ деревянной и потомъ переходитъ къ глиняной; прочная и гибкая березовая кора, или береста, имѣетъ большое значеніе въ подѣлкахъ сѣверныхъ и восточныхъ сибирскихъ инородцевъ; ею покрывается на сѣверѣ лѣтнее жилище остяка; ею обтягивается остовъ

лодки на Енисеѣ и Амурѣ; изъ бересты жители Амура дѣлаютъ даже свои шляпы; она же послужила первымъ матеріаломъ для посуды. Первоначальный типъ берестяной посуды есть *чумань*, т. е., такая чашка, которую можно приготовить изъ бересты простыми руками въ одну минуту; для этого на ровномъ листѣ бересты дѣлается складка, такъ что всѣ остальные края его заворачиваются внутрь и представляютъ коническій сосудъ *). Затѣмъ мы встрѣчаемъ болѣе замысловатую, плетеную изъ бересты, но все еще грубую, посуду для молочныхъ скоповъ у инородцевъ, которые живутъ по берегамъ лѣсистой рѣки Чулыма, къ сѣверу отъ городовъ Томска и Ачинска, и которые разводятъ уже рогатый скотъ, но въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ; берестяной туесъ (буракъ), оставшійся у русскихъ свидѣтелемъ отдаленнаго состоянія ихъ культуры, есть только усовершенствованная чулымская крынка. Потомъ слѣдуетъ точеная деревянная посуда, которая господствуетъ въ Сибири и въ настоящее время, и наконецъ глиняная. Русскіе, вѣроятно со времени

*) Слово *чумань* представляетъ весьма интересныя явленія для филолога. Первоначальное его значеніе — описанный выше коническій сосудъ изъ бересты; его можно всегда сдѣлать въ лѣсу, если только можно найти бересту; рыбаки въ Алтаѣ обыкновенно въ такихъ берестяныхъ чашкахъ скопляютъ икру во время самой рыбалки, если не взято съ собой деревянной посуды. Въ такихъ чуманяхъ алтайскіе звѣроловы иногда готовятъ супъ, если нѣтъ съ собой котелка; они наливаютъ въ чумань воды и опускаютъ въ нее накалинные камни до-тѣхъ-поръ, пока вода не вскипитъ; потомъ опускаютъ въ нее мясо и приправы, соль и дикій лукъ, который можно найти въ Алтаѣ на каждомъ шагу. Если чумань сдѣлать небольшой и ущемить его въ разщепленную палку, — то получится ложка, которая обыкновенно у звѣровщиковъ замѣняетъ въ черни деревянную крашеную ложку. Такія ложки прошиваются для большей крѣпости и употребляются пчеловодами для пересыпанья пчелъ изъ роаяльни въ улей; въ такомъ видѣ чумань получаетъ названіе *чуманки*. Отсюда вѣроятно произошла *чумидка*, уполовникъ въ приволжскихъ губерніяхъ. У киргизъ уполовникъ также носитъ близкое названіе: *чумышъ*. *Чумакомъ* называется инструментъ, состоящій изъ берестянаго чумана и стержня; такимъ орудіемъ всегда бываетъ вооруженъ одинъ изъ участниковъ масляничной процессіи, которая бываетъ по деревнямъ, и посредствомъ его онъ бросаетъ въ пародъ довольно мѣтко комки снѣга. Лѣтній шалашъ остяка, имѣющій видъ обороченнаго внизъ основаніемъ конуса, и обшитый берестяными пластянами, слѣдовательно представляющій опрокинутый чумань, называется *чумъ*.

водворенія своего въ Сибири, стали уже готовить глиняную посуду; но глазированная глиняная посуда употребляется только городскими молочницами; въ деревняхъ же повсюду встрѣчаются только черныя, кривыя, часто однобокія крынки, особенно въ Алтаѣ, который, кажется, самъ ихъ не дѣлаетъ, а получаетъ съ равнины.

Усовершенствованія сельскаго хозяйства могутъ проходить въ Сибирь двумя путями: посредствомъ миграцій земледѣльческаго класса изъ Россіи и чрезъ земледѣльческіе города. Дѣйствительно, миграціи имѣютъ важное значеніе для промышленности Сибири; къ сожалѣнію южная половина томской губерніи, самая богатая въ ней, исключена отъ свободной колонизаціи, которая проходитъ только черезъ сѣверную часть губерніи. Миграціи, напримѣръ, принесли въ томскую губернію новый родъ пшеницы, краснотурку, о которой я уже говорилъ, кошеніе хлѣба, которое укоренилось даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Алтая; около Бійска новоселамъ обязано своимъ началомъ бахчеводство, которое быстро распространяется тутъ. Если новоселы отличаются отъ старожиловъ неопытностью, несовершенствомъ своихъ избъ и печи, за то ихъ хозяйство отличается отчетливостью, сплестемой, которой у сибирскаго крестьянина нѣтъ, какъ мы уже показали, описывая пчеловодство. Деревни новоселовъ отличаются отъ деревень старожиловъ присутствіемъ хлѣбныхъ кладей, стоящихъ по нѣсколько лѣтъ нетронутыми. Это происходитъ оттого, что сибиряки распродаютъ свой урожай въ ту же зиму; русскій крестьянинъ, напротивъ, не продаетъ своихъ излишковъ до-тѣхъ-поръ, пока не наступитъ особенная дороговизна хлѣба; эта черта рѣзко различаетъ оба хозяйства. Впрочемъ, сибиряки заимствуютъ у новоселовъ только техническія улучшенія; что же касается до образа веденія хозяйства, то сибирское воззрѣніе на него, отличающееся быстротой и успѣшностью операціи и отсутствіемъ осторожности, беретъ перевѣсъ надъ «русскимъ».

Другой путь, которымъ приходятъ въ сибирское хозяйство улучшенія, достигнутыя въ Россіи, какъ я сказалъ, хозяйство земледѣльческихъ городовъ. Города въ Сибири

еще въ началѣ своего существованія дѣлились на хлѣбные и нехлѣбные; то есть на такіе, которые производили свой хлѣбъ, и такіе, которые только потребляли доставленный изъ хлѣбныхъ городовъ. Въ настоящее время большая часть городовъ томской губерніи занимается производствомъ хлѣба; особенно южные города ея: Семиполатинскъ, Усть-Каменогорскъ, Бійскъ и Кузнецкъ скорѣе можно назвать обширными селами, чѣмъ городами. Осенью въ Семиполатинскѣ нерѣдко случается видѣть, по срединѣ главной площади или въ улицахъ, на застывшихъ лужахъ, какъ вѣютъ хлѣбъ. Нѣкоторые семиполатинскіе купцы, особенно татары, накапливаютъ до ста десятинъ. Впрочемъ, есть и въ Томскѣ купцы, которые занимаются хлѣбонашествомъ на земляхъ, принадлежащихъ селамъ. Эти производители также оказываютъ вліяніе на развитіе земледѣлія; особенною охотой къ улучшеніямъ отличаются семиполатинскіе татары. У нихъ введена англійская упряжь и встрѣчаются попытки замѣнить ручное сѣяніе машиннымъ. Главная роль этого проводника въ будущемъ, когда истинное образованіе проникнетъ и въ массу народа, и въ классъ богатыхъ земледѣльцевъ; въ настоящее же время, какъ тѣ, такъ и другіе, съ недовѣріемъ смотрятъ на науку и сомнѣваются, чтобъ въ книгѣ можно было найдти помощь и замѣну собственнаго опыта.

Итакъ, улучшеніе хозяйства будетъ зависѣть отъ развитія грамотности и образованія; средства, которыми для этого владѣтъ теперь томская губернія, чрезвычайно несовершенны. Семиполатинскіе татары, то есть, передовые земледѣльцы томской губерніи, получаютъ образованіе въ двухъ или трехъ частныхъ школахъ, находящихся при мечетяхъ, гдѣ они научаются только читать и писать. Устройство большаго учебнаго заведенія для татаръ въ Семиполатинскѣ, мнѣ кажется, должно быть въ настоящее время для мѣстнаго населенія вопросомъ первой важности; вмѣсто этого, семиполатинскіе татары болѣе всего заинтересованы постройкой каменной мечети въ этомъ городѣ. Сельское населеніе томской губерніи не имѣетъ никакихъ школъ; въ этой губерніи, можетъ быть, болѣе школъ, чѣмъ въ какой-либо другой, но всѣ они имѣютъ одностороннюю цѣль; такъ,

напримѣръ, большая школа въ городѣ Барнаулѣ предназначена исключительно къ приготовленію горныхъ урядниковъ; школы при заводахъ, а также въ станщахъ сибирскаго казачьяго войска — къ образованію писарей и другихъ низшихъ должностныхъ лицъ. Были когда-то заведены школы и для крестьянъ, но и тѣ съ исключительною цѣлью образованія волостныхъ писарей. Этихъ школъ уже нѣтъ болѣе.

Впрочемъ, умноженіе школъ еще не составляетъ полнаго рѣшенія задачи народнаго образованія; надобно, чтобъ послѣднее соотвѣтствовало своему великому назначенію совершенствованія челоуѣчества. До настоящаго времени учили только для того, чтобъ дать должность; потому народъ смотрѣлъ на науку, какъ на ремесло чиновниковъ; вмѣшательство послѣднихъ въ частное хозяйство произвело въ немъ даже ненависть ко всякимъ нововведеніямъ; сближеніе науки съ жизнью должно быть непремѣнно принято въ соображеніе при основаніи сельскихъ школъ; въ нихъ необходимо развивать любовь и довѣріе къ наукѣ, и тѣмъ возвратитъ послѣдней право быть единственной покровительницей людей.

Въ недавнее время, для облегченія торговыхъ сношеній алтайскихъ жителей учреждено въ южной части томской губерніи нѣсколько ярмарокъ; двѣ изъ нихъ, въ станицѣ Антоновской и деревнѣ Притышной, бываютъ осенью; оба эти селенія находятся на рѣкѣ Ануѣ, на равнинѣ, при подошвѣ Алтая, изъ котораго сюда свозятся медь и другіе продукты. Такъ какъ эти селенія очень близки одно къ другому, то было бы удобнѣе одну ярмарку перенести въ деревню Бѣлоглазову, на рѣкѣ Чарышѣ, потому что эта деревня служитъ узломъ нѣсколькихъ дорогъ, выходящихъ изъ Алтая; черезъ нее проходятъ обозы изъ чарышской долины въ Каинскъ; сюда также съѣзжаются купцы наивнимать возчиковъ для этихъ обозовъ; однимъ словомъ, эта деревня лежитъ въ центрѣ торговаго округа. Впрочемъ, ярмарка самое капризное явленіе; она всегда тамъ развивается, гдѣ нѣтъ условій для развитія торговыхъ сношеній; такъ, напримѣръ, городъ Тюмень стоитъ внутри самаго промышленнаго округа тобольской губерніи, на сухопутной

дорогѣ изъ Сибири и при началѣ водянаго пути — и между-тѣмъ тюменская ярмарка ничтожна, а Ирбитъ, въ которомъ ярмарочный оборотъ простирается до тридцати милліоновъ, или Ишимъ, ярмарка котораго ежегодно увеличивается вдвое, находятся въ сторонѣ отъ торговыхъ дорогъ. Положеніе ярмарки зависитъ болѣе отъ сельскихъ производителей; слѣдовательно алтайскія ярмарки должны быть расположены такъ, чтобъ каждая долина могла удобно принять участіе въ нихъ; поэтому, при выходѣ чарышской долины (въ Колывани) и на Алеѣ также должны быть основаны ярмарки, и начинаться почти одновременно, тотчасъ послѣ уборки медовъ.

Еще чего можно желать — это, открытія южныхъ воротъ Алтая, то есть, выходовъ изъ него въ Китай. Двѣ дороги ведутъ изъ Алтая въ Китай, или въ Монголію; одна черезъ долину Бухтармы, другая черезъ долину Чуи. На послѣдней прежде существовала безошлинная торговля. На вершинахъ, какъ той, такъ и другой, существуетъ и теперь еще обмѣнъ русскихъ издѣлій на китайскія; но послѣднія состоятъ изъ тѣхъ только предметовъ, которые составляютъ жалованье окрестныхъ военныхъ поселенъ, а именно, изъ кирпичнаго чая и бумажныхъ матерій. Въ вершинахъ Бухтармы каменщики мѣняють желѣзные канканы, топоры, ножи, юфти, соль и муку на кирпичный чай, дабы, шапку, иногда фанзы, и на монгольскій скоть. Можетъ быть эта торговля по неудобству сообщеній, — такъ какъ на сѣверѣ лежитъ Алтай, а на югѣ пустынная степь, — никогда не получить большаго развитія; но она можетъ имѣть мѣстное значеніе, какъ обмѣнъ произведеній русскаго Алтая на произведенія монгольской степи. Монгольскій скоть можно бы было выводить въ большомъ количествѣ на сѣверную равнину, и на оборотъ, русскій хлѣбъ могъ бы имѣть большой сбытъ въ Монголіи. Мѣрою же къ развитію этой торговли должно быть позволеніе русскимъ и китайскимъ подданнымъ безпрепятственно, безъ особенныхъ формальностей, влѣзжать въ предѣлы сосѣдняго государства. Въ нижнихъ частяхъ бухтарминской долины прежде была также торговля съ китайскими подданными, которые размѣнивали свое жалованье въ городѣ Хобдѣ на дабы и привозили ихъ въ казачьи ста-

вицы для обмѣна на муку и барановъ; та часть Монголіи, которая прилегаетъ съ южной стороны къ Алтаю, бѣдна, обитаема народомъ Халха, неопытнымъ и стоящимъ на низшей степени образованія, такъ что русскія стапщцы были единственнымъ мѣстомъ, откуда они могли получать муку; но человѣколюбивое китайское правительство запретило и эту торговлю. Въ бухтарминской долинѣ и теперь еще рассказываютъ объ ней и о китайскомъ купцѣ Долонтаѣ, превратная судьба котораго напоминаетъ патриархальность восточныхъ пастушескихъ народовъ. Долонтай шелъ изъ Пекина; онъ былъ человѣкъ бѣдный и его лошадь устала; онъ сѣлъ при дорогѣ на свой дорожный мѣшокъ. Въ это время мимо него ѣхалъ одинъ нойонъ и спросилъ его, куда онъ ѣдетъ? «Иду на границу искать пропитанія», отвѣчалъ Долонтай. Нойону понравилась такая предприимчивость и онъ подарилъ Долонтаю три койтюяка, то есть, полтора фунта серебра. Съ этими деньгами Долонтай пріѣхалъ на границу и сталъ торговать такъ, что по нѣскольکو сотенъ гонялъ барановъ съ русской границы въ Хобду. Однажды гналъ онъ въ Хобду шестьсотъ барановъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ получилъ отъ нойона три койтюяка, встрѣтилъ того же самаго нойона. Нойонъ сидѣлъ усталый и бѣдный и не узналъ Долонтая. Но Долонтай подѣхалъ къ нему. «Кто ты такой?» спросилъ нойонъ. «Я тотъ самый китаецъ, которому ты далъ на этомъ самомъ мѣстѣ три койтсыяка», отвѣчалъ Долонтай. «Я вижу, что ты сталъ бѣденъ, а я послѣ того разбогатѣлъ; но богатство мое произошло отъ твоего подарка, потому ты можешь взять изъ него, сколько хочешь; теперь со мной ничего нѣтъ, кромѣ барановъ, а имѣнье мое въ Хобдѣ. Поѣдемъ въ Хобду». Такимъ образомъ Долонтай заплатилъ свой долгъ. Здѣсь, кажется, судьба нарочно раззоряетъ людей, чтобы только доставить случай другимъ подать милостыню. Впослѣдствіи Долонтай поссорился съ другимъ нойономъ, который сталъ его такъ притѣснять, что онъ долженъ былъ удалиться изъ этой части Монголіи и умеръ въ бѣдности. Теперь изъ бухтарминской долины ходятъ татары съ небольшими караванами въ китайскій городъ Чугучакъ, мимо озера Зайсапа, чрезъ который протекаетъ Иртышъ.

Если Алтай заключаетъ въ себѣ условія, препятствующія легкому доступу въ него съ равнины, за то природа какъ будто обезпечила его независимость разнообразіемъ и плодородіемъ своихъ произведеній. Горный здоровый климатъ, часто очищаемый грозами, множество цѣлебныхъ травъ, употребляемыхъ простонародными лѣкарками, меда, овощи, разводимые въ большомъ количествѣ на папняхъ, постоянный урожай (потому что какъ бы лѣто ни было засушливо, въ Алтай все таки бываетъ довольно дождей), множество дикихъ растений, особенно луковичныхъ, употребляемыхъ въ пищу, и дичи, какъ напримѣръ, козъ и тетеръ, замѣняющихъ убой скота и птицы *) — дѣлаютъ Алтай самымъ благодатнымъ краемъ томской губерніи. Въ маленькихъ избахъ алтайскихъ жителей живетъ такое довольство, какое болѣе нигдѣ не встрѣчается въ томской губерніи. Одинъ медъ вдвое улучшаетъ пищу здѣшняго крестьянина; медъ идетъ здѣсь всюду, и вмѣстѣ съ чаемъ, вмѣсто сахара, и даже вмѣстѣ съ квасомъ, вмѣсто отдѣльнаго кушанья. Если въ домѣ есть молодая дѣвушка, то на зиму непременно бываетъ набрано множество ягодъ и приготовлено варенье изъ черной и красной смородины, крыжовника, малины, клубники и лепестковъ розы. Кромѣ такого большаго присутствія сахара, пища алтайскаго крестьянина отличается еще обиліемъ растительной ея части. Не говоря объ овощахъ, грибахъ и ягодахъ, здѣшніе жители въ продолженіе цѣлаго лѣта что-нибудь приносятъ съ полей изъ съѣдобныхъ дикихъ растений; такъ, напримѣръ, весной прежде всего начинаютъ ѣсть сахаристыя луковичы кандыка, потомъ листья слизины, также луковаго растенія: затѣмъ поспѣваютъ стебли дягиля и ревеня, а въ другихъ мѣстахъ шкырдовника; всѣ эти продукты истребляются сырые; впрочемъ, изъ кандыка можно дѣлать кашу, изъ слизины дѣлаютъ щи, а стебли ревеня распариваются въ печи и съѣдаются съ медомъ, или идутъ въ начинку пироговъ, или варятся и даютъ ревенный борщъ; кромѣ того поспѣваетъ еще нѣсколько лу-

*) Мнѣ говорили, что, лѣтъ тридцать назадъ, здѣшніе жители ни одной скотины не убивали, а все питались мясомъ лосей, мораловъ и дикихъ козъ.

ковичныхъ: чеснокъ, калба, осиновый лукъ*), лукъ ботунъ**), горный лукъ ***) и сарана. Если сюда отнести еще настоящихъ травъ, молотую черемуху, изъ которой дѣлають въ Алтаѣ пироги, и масла маковое, кедровое и льняное, то ясно будетъ важное вліяніе на пищу туземцевъ, разнообразія здѣшней флоры или, такъ называемаго, «болышетравья».

VI.

Въ одинъ темный осенній вечеръ, когда вѣтеръ шумѣлъ на вершинахъ горъ, а въ долинѣ была мертвая тишина, мы уже легли спать, какъ въ концѣ улицы зазвенѣлъ маленькій колокольчикъ, который обыкновенно подвѣшиваютъ въ горныхъ деревняхъ надъ шею осѣдланной лошади. Черезъ нѣсколько минутъ сталъ слышенъ конскій топотъ, и какой-то побѣздъ остановился у нашего дома. У крыльца зазвенѣло кольцо и кто-то закричалъ: отвори! Такъ какъ я былъ всѣхъ ближе къ крыльцу, то я всталъ и спросилъ: «кого нужно?»

*) Осиновый лукъ растетъ на бѣлакахъ, отличается голубоватымъ и высокимъ перомъ.

**) Лукъ ботунъ растетъ въ черни на мочагахъ вмѣстѣ съ калбой.

***) Горный лукъ самое оригинальное растение Алтая. Онъ растетъ на такихъ крутыхъ скалахъ, которыя обыкновенно называются *отстоями*, потому что на эти скалы собаки загоняютъ мараловъ во время охоты; зѣбри боятся спрыгнуть со скалы, останавливаются и дѣлаются добычей охотниковъ. Чтобы достать луковницы этого лука, нужно бываетъ иногда спускаться на веревкѣ. Впрочемъ, на Теплой горѣ, въ долинѣ Чарыша, и во многихъ мѣстахъ долины Убы этотъ лукъ растетъ на мѣстахъ, доступныхъ для проѣзда лошади. Онъ нисколько не отличается отъ домашняго, также какъ и алтайскій чеснокъ; онъ имѣетъ такую же толстую луковницу въ видѣ византійскаго купола, которая бываетъ ущемлена въ щель между камнями; перья внутри пустыя; среднее перо несетъ на своей вершинѣ эпитикъ цвѣтовъ; только перо его нѣсколько грубѣе и толще, и весь лукъ отличается гигантскими размѣрами; діаметръ пера бываетъ три линіи, а окружность одинъ дюймъ; вкусъ луковницы нисколько не отличается отъ домашняго, такъ что соболевцики никогда не брали съ собой домашняго лука; они находили возлѣ своего стана дикій лукъ, рыли его и употребляли для приправы, а также дѣлали изъ него луковницу на коровьемъ маслѣ. Можно предполагать, что нашъ домашній лукъ произошелъ отъ этого, и что Алтай есть родина нашего лука.

— Маркычъ дома?

— Дома.

— Пусти почевать!

Я разбудилъ Петра Маркыча и ночные гости, три крестьянина и молодая дѣвушка вошли въ избу; это была бѣглая свадьба изъ ближайшей деревни, прїѣхавшая въ чарышскую станицу вѣнчаться. Бѣглыя свадьбы весьма обыкновенное явленіе въ томской губерніи; я не могъ узнать, какія условія общественной жизни произвели и поддерживаютъ это явленіе, потому-что оно не ограничивается Алтаемъ, но распространено и въ равнинѣ, которую я мало знаю. Если только отецъ и мать не соглашаются отдать дочь за юношу, который за нее сватался, а сама дочь согласна выйти за него, то женихъ съ помощью своихъ родственниковъ воруетъ невѣсту; конечно при этомъ онъ лишается своей невѣсты, и еще сверхъ того съ своей стороны приплачивается, когда послѣ вѣнца станетъ мириться съ ея родными; впрочемъ, мировыя легко заключаются и вознагражденіе со стороны жениха не бываетъ велико: нѣсколькихъ ведеръ пива да новыхъ сапоговъ для брата невѣсты достаточно, чтобъ успокоить ея семью. Часто бываетъ такъ, что родные съ намѣреніемъ отказываютъ сватамъ, чтобъ не давать за невѣстой приданаго.

Прїѣздъ гостей поднялъ весь домъ. Какъ оказалось, женихъ былъ дальній племянникъ какого-то знакомаго Петру Маркычу крестьянина, котораго Петръ Маркычъ раза два, не больше, видѣлъ во всю жизнь. Здѣсь достаточно посмотрѣть на человѣка, чтобъ потомъ ужъ на всегда считать себя знакомымъ съ нимъ и дѣлать рекомендаціи. Пока сноха ставила самоваръ, одинъ изъ провожатыхъ побѣждалъ къ священнику — свадьбу хотѣли въ эту же ночь кончить. Въ его отсутствіе разговорился о цѣнѣ за вѣнчанье и съ нетерпѣніемъ стала ждать, какъ разрѣшится этотъ вопросъ. Ворота стукнули.

— Кажись, бѣжитъ мужикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ избу вошелъ уходившій крестьянинъ.

— Ахти, бѣда! сказалъ онъ, сѣвши на лавку. Не вѣнчаешь. Говорить, что въ бумагѣ чего-то недостаетъ, и нужно сѣздить въ Калыванъ, къ благочинному. Отъ него, вишь, зависить. Надо сейчасъ ѣхать, не мѣшкаявши. Хорошо еще, что мы взяли съ собой побольше денегъ.

— Надо, однако, мнѣ торопиться, сказалъ крестьянинъ, стараясь скорѣе закончить чашку чаю. Гдѣ у васъ нынче брѣда черезъ Чарышъ? Все тамъ же, у Крутой рѣчки. Мы какъ-то давно переѣзжали тутъ еще съ покойнымъ батюшкой.

— Э, ужъ на пятомъ мѣстѣ съ-тѣхъ-поръ. Нынче мы ѣздимъ больше пониже Козлятина Быка; помнишь, за тальниками было прежде настругано голешника?

— Ну, будто помню.

— Такъ теперь бульжнику ужъ нѣтъ, все смылъ Чарышъ. Такъ вотъ-тутъ сажень сто подашься ниже, да и ступай съ Богомъ; только все ниже держись, до самого конца.

— А глубокой бродъ?

— Да подъ потники. А есть другой, получше этого, такъ тебѣ большой крюкъ будетъ, и къ обѣду въ Калыванъ не приѣдешь. Это за Коровьимъ....

— Ухъ, куда! Нѣтъ, ужъ я поѣду ближнимъ.

Напившись чаю, крестьянинъ сѣлъ на свою лошадь и въ бурную ночь поѣхалъ въ незнакомый путь черезъ рѣку, которую онъ разъ только переѣзжалъ можетъ быть десять лѣтъ назадъ.

Молодые остались у насъ ждать его возвращенія. На другой день, въ обѣдъ, мы узнали, что въ погоню за свадьбой приѣхалъ изъ деревни братъ невѣсты. Невѣста, какъ только узнала объ этомъ, объявила, что она хочетъ идти къ брату и воротиться съ нимъ къ матери. Ее стали уговаривать, но она упрямилась.

— Какъ же ты хочешь уйдти отъ насъ, голубушка, увѣщевалъ ее одинъ крестьянинъ. Вѣдь ты сама же согласилась чтобъ увезти, а теперь и трѣкаешься. Ино дѣло, кабы мы тебя силой принуждали на коня садиться. Сама взлѣзла.

— Потому и взгѣзла, что знала, что сама не сяду, такъ посаждать.

— Мы, пожалуй, отпустимъ тебя. Для-че не отпустить? Только ты заплати намъ неустойку да и ступай. Вотъ теперь мужикъ убѣжалъ въ Калыванъ; одинъ конобой чего стоять.

— Что хочешь, то и дѣлай, а я не хочу прогнѣвить свою матушку.

— Можетъ быть ты думаешь, что мы тебя обманули, что обѣщали купить тебѣ на сарафанъ. Може ты сумнѣваешься въ этомъ, такъ поидемъ, хотъ сейчасъ, къ купцу.

— Не надо мнѣ ничего твоего. Я къ брату пойду.

Между тѣмъ ея братъ, вбѣжавъ на нашъ дворъ, встрѣтился съ Петромъ Маркычемъ, и закричалъ на него, что онъ укрываетъ у себя воровъ. Дѣвушка быстро выпрыгнула изъ-за стола и проскользнула въ двери. На дворѣ поднялся шумъ; дѣвушка обняла своего брата, который потащилъ ее къ воротамъ, но мужики не допустили его и стали отнимать дѣвушку: одинъ сталъ держать руки брата, другой разнимать руки дѣвушки; борьба затянулась надолго; группа борющихся то приближалась къ воротамъ, то отодвигалась отъ нея; наконецъ братъ дотащилъ сестру до воротъ, ухватился за вереву и сталъ употреблять усилія, чтобъ отворить калитку; но женихъ и его товарищъ налегли на ворота своими спинами. Со всего селеня сбѣжался праздный народъ, старухи и дѣти, смотрѣть на эту сцену; дворъ набился полный, но всѣ проходили въ него черезъ сѣни, а не въ ворота, потому-что боялись нарушить равновѣсіе шансовъ въ борьбѣ, и такъ уважали права личности, что никто не позволялъ себѣ даже на словахъ вмѣшательства въ это произшествіе. А между тѣмъ почти всѣ съ жадностью слѣдили за каждымъ измѣненіемъ борьбы, всѣ внутренно раздѣлились на партіи. Въ избѣ, повидимому, спокойно занимались стряпаньемъ, какъ будто на дворѣ ничего не было необыкновеннаго; иногда сноха пробралась сквозь толпу въ ледникъ за капустой и снова возвращалась въ избу. Только дѣти безпрестанно шмыгали изъ избы и въ избу, и передавали

въ подробности положеніе борьбы; сноха принимала живое участіе въ женихѣ, и, изъ одного противорѣчія ей, Палагея Ивановна была на сторонѣ брата невѣсты. Наконецъ, кто-то вбѣжалъ изъ дѣтей и живо рассказалъ, что братъ усталъ и уже только изъ одного упрямства держится еще за скобку у воротъ. Сноха не утерпѣла, и сказала: «наша взяла!»

Палагея Ивановна молча надѣла на плечи коромысло, и хотя во все не нужно было воды, или, по крайней мѣрѣ, можно было выйдти на улицу черезъ сѣни, нарочно пошла черезъ ворота. «Пустите, пустите!» говорила она, проталкиваясь съ ведрами. Крестьяне, упиравшіеся въ ворота, отступили, братъ ускользнулъ вслѣдъ за Палагеей Ивановной и быстро сталъ увлекать всю группу и толпу зрителей вдоль по улицѣ. Такимъ образомъ Палагея Ивановна отомстила торжество снохи.

Впрочемъ, въ воротахъ квартиры брата встрѣтились опять запертыя ворота, и тутъ онъ совершенно изнемогъ, дѣвушку вынули изъ его объятій, и утащили, но уже не возвращались къ намъ. Поступкомъ Палагеи Ивановны были недовольны, и нашли гдѣ-то другую квартиру. Въ тотъ же день, одинъ изъ крестьянъ отправился къ брату договариваться о цѣнѣ за мировую; прѣніе о количествѣ пива и вина было не короче физической борьбы; наконецъ сошлись, кажется, на двухъ ведрахъ пива; въ тотъ же вечеръ видѣли жениха съ невѣстой въ лавкѣ, покупающихъ ситецъ, шаль и серьги, а потомъ крестьяне угощали брата виномъ, и въ свою очередь сами пошли къ нему въ гости. Къ вечеру пріѣхалъ третій крестьянинъ изъ Колывана; молодые были обвѣнчаны, и всѣ, впятеромъ, женихъ, невѣста, братъ ея и трое провожатыхъ, верхомъ на лошадяхъ, съ звѣнящими колокольчиками, уѣхали въ горы.

Le malheur ne vient jamais seul.

То глѣто, которое я прожилъ въ домѣ Петра Маркыча, было изъ несчастнѣйшихъ въ его жизни; онъ вытерпѣлъ нѣ-

сколько неудачъ разомъ. Исторія Іова безпрестанно повторяется. Семейство какъ будто давно уже носить внутри себя разрушеніе, и если оно въ одномъ мѣстѣ обнаружится, то вдругъ обнаруживается повсемѣстно; бѣда, какъ вода подъ платину, долго подрывается, облегчая себѣ побѣду, и потомъ въ одинъ годъ разноситъ все до основанія.

Сначала Петръ Маркычъ потерялъ свою лучшую лошадь. Лошадь для крестьянина составляетъ такой интересъ, что сосѣди знаютъ лошадей другъ у друга на перечетъ. При мнѣ всю чарышскую станицу занимала участь одной бѣдной лошади, принадлежавшей бѣдному и лѣнливому казаку. Онъ никогда не отпускалъ ее въ табунъ, а отгородилъ за станицей небольшое пространство земли и заперъ въ немъ, такъ-что лошади въ половинѣ лѣта нечего было тутъ ѣсть. Всѣ были обрадованы, когда онъ продалъ ее; «можетъ быть въ хорошія руки попадется, такъ бѣдной лучшее житье будетъ», говорили старушки. Когда пала лошадь у Петра Маркыча, извѣстіе объ этомъ распространилось по всѣмъ окреснымъ деревнямъ, и я, возвращаясь въ то время въ чарышскую станицу, услышалъ объ этомъ за сто версть.

Съ этого начались неудачи Петра Маркыча. Къ неурожаю меда присоединилось то обстоятельство, что онъ потропился и слишкомъ дешево продалъ свой медъ. Потянулись козлы въ горы, всѣ стали постоянно привозить козлиныя туши, а Петръ Петровичъ, сколько не хлопоталъ, не могъ ни одной убить; прежде, въ осеннюю рыбалку, Петръ Петровичъ былъ всѣхъ богаче рыбой; а въ эту осень онъ едва наловилъ одну торбочку.

Но все это еще были только передовыя тучи. Выпалъ снѣгъ. Время стало приближаться къ филиповкамъ, самому тяжелому времени по увѣренію алтайскихъ жителей. Въ это время начинаются здѣсь горячки, отъ которыхъ многіе умираютъ. Какая причина этихъ повѣтрій, неизвѣстно. Можетъ быть это имѣетъ связь съ теченіемъ воздуха съ вершинъ Алтая, которое въ это время начинается. Именно, во время филиповокъ, начинаются южные вѣтры въ долинѣ Тигерена, отличающіеся такой свирѣпостью, что въ тигерецкой станицѣ должны подвязывать крыши, или подвѣшивать къ нимъ

тяжести, чтобъ ихъ не снесло. Одна изъ дочерей Петра Петровича простудилась, простоявши съ бѣльемъ нѣсколько часовъ въ рѣжкѣ босыми ногами; на другой день она слегла въ постель; хотя всѣ признавали простуду за главную причину болѣзни и припоминали при этомъ, что осенняя вода опаснѣе весенней, что весенняя только ноги ломить, а осенняя въ кости идетъ, но при всемъ томъ прибавляли, что все это ничего бы, если бъ какая-то баба, также полоскавшая бѣлье, не сказала заболѣвшей: какая ты здоровая и полная! Молодость однакожь побѣдила; черезъ недѣлю дѣвушка стала выздоравливать, но заболѣлъ отецъ, а черезъ нѣсколько дней мать; потомъ слегли всѣ дѣти; домъ сталъ походить на лазаретъ: на лавкахъ и на полу лежали больные, закутавшіеся въ шубы; принялись лѣчить, но лѣченіе было самое простое; больному только уменьшали боль прикладываніемъ ко лбу капустныхъ листовъ, намоченныхъ въ теплой гущѣ или въ квасу; кромѣ того, для очищенія воздуха, курили вересковой хвоей и порохомъ. Для этого изъ пороху дѣлали тѣсто, слѣпивали пирамидку и зажигали ее сверху; влажный порохъ не вспыхивалъ разомъ, а сыпался вверхъ искрами въ видѣ маленькаго фейерверка. Въ простомъ народѣ есть замѣчательныя лѣкарки, вылечивающія грыжу, глазную болѣзнь и другія болѣзни, но онѣ рѣдки; ихъ нужно доставать за сто или болѣе верстъ; въ Чарышѣ не было тогда ни одной серьезной лѣкарки, но всякая приходившая баба давала какой-нибудь совѣтъ.

— А пробовали вы голубиную соль давать? спрашивала одна.

— Нѣтъ.

— А она шибко пользительна. Вы бы, право, достали; у тетки Сидорихи она есть.

Тотчасъ посылали къ теткѣ Сидорихѣ за голубиной солью; больную заставляли принимать лѣкарство; но приходила другая баба и совѣтовала какую-то траву, которую въ прошломъ году пила ее племянница отъ какой-то болѣзни и выздоровѣла; «попробовать бы, говорили они, не будетъ-ли легче». Она сама и траву приносила. Голубиную соль оста-

вляли, и начинали поить больную неизвѣстной травой; раза два больная принимала, потомъ говорила, что ей нисколько не становится легче, и это лѣкарство также клали въ ящикъ, пока не придетъ случай въ свою очередь предложить ее кому-нибудь отъ какой-нибудь болѣзни.

Такимъ образомъ ящикъ превращается со временемъ въ цѣлую аптеку; разнообразную коллекцію лѣкарственныхъ снадобій, можно найти въ каждомъ домѣ; тутъ находятся: камфора, иногда сулема, деревянное масло, ртуть, морская пѣна, голубиная соль, кровавикъ, росный ладанъ, калганъ, инбирь, иногда даже мамонтовъ зубъ и какой-то камешекъ, который попадается въ чайныхъ кирпичкахъ. Почти всѣ эти припасы покупаются въ лавкѣ; кровавикъ привозится съ рѣки Чуи. Кромѣ того, тутъ находится запасъ разныхъ цѣлебныхъ травъ, которыя самъ Алтай производитъ въ большомъ количествѣ. Лѣчение въ Алтай состоитъ изъ смѣси суевѣрныхъ обрядовъ съ дѣйствительнымъ знаніемъ таинственныхъ силъ природы. Отъ всѣхъ болѣзней живота пьютъ всякую траву, которая не вредна; лихорадку лѣчатъ такими лѣкарствами, которыя противны для больного; такъ, напримѣръ, варятъ медъ съ сѣменными коробками мака, изъ чего составляется очень приторное лѣкарство, или вѣшаютъ на грудь больного сушеную летучую мышь. Нѣкоторыя лѣкарства употребляются, кажется, только по созвучію; такъ, напримѣръ, печьячмень лѣчится ячменемъ, золотуха — водой съ золота, лошадиная болѣзнь молосникъ — молокомъ, лошадиная же болѣзнь нокоть (извѣстный въ Россіи подъ названіемъ чемера) ногтемъ, перелой, т. е., дѣтскій поносъ болотной травой перелойкой, надсада, или срываніе съ пупа, — пупникомъ (скабіозой). Кромѣ того, употребляется множество наговоровъ и суевѣрныхъ обрядовъ; то обливаютъ больного по три раза въ хлѣбѣ подъ куринымъ сѣдаломъ, то кладутъ его на порогѣ избы животомъ внизъ, а на спину кладутъ вѣникъ и рубятъ его слегка топоромъ. Нѣкоторыя болѣзни, какъ лихорадка и сибирская язва, олицетворяются; послѣдняя представляется въ видѣ огромнаго, покрытаго шерстью, человѣка съ конскими копытами, который живетъ въ алтайскихъ горахъ и выходитъ изъ нихъ,

когда его гдѣ-нибудь позовутъ, т. е., гдѣ ругаются: язвы — те, трафи — те, пятнай — те. Это самая обыкновенная брань въ Сибири; она именно заключаетъ въ себѣ желаніе противнику получить тѣ признаки, которыми отличается сибирская язва, т. е., пятна или язвы. Также думаютъ, что она приходитъ на свистъ; чтобъ не впустить ее въ свое селеніе, жители стрѣляютъ въ поле изъ ружей, и однажды даже было отъ начальства отпущено пороху для отстрѣливанья отъ нея и оффиціально было запрещено по станицамъ свистѣть.

О лихорадкахъ Петръ Маркычъ передалъ мнѣ слѣдующій рассказъ: всѣхъ ихъ двѣнадцать тетокъ; двѣнадцатая, *нутренняя*, которая давитъ сердце, самая опасная. Всѣ онѣ сидятъ на цѣпи и весною срываются, по соизволенію Божию. Однажды, онѣ шли въ городъ полемъ, на которомъ пахалъ мужикъ, и разговаривали между собою. Одна говорила: въ городѣ есть купецъ; я нападу на него, немножко помучу да и оставлю. А злая, внутренняя отвѣчала ей: а я такъ сдѣлаюсь мухой, постараюсь упасть въ кашу, и когда онъ проглотитъ меня, я задавлю его. Мужикъ тотчасъ же побѣжалъ въ городъ, къ купцу, къ которому шли лихорадки, и рассказалъ ему, что слышалъ. Купецъ сѣлъ обѣдать; только онъ зачерпнулъ каши, въ ложку ему упала муха. Онъ тотчасъ же завернулъ ее вмѣстѣ съ кашей въ тряпку, завязалъ узелкомъ и повѣсилъ надъ «дымникомъ». Тогда еще «дымники» были, а печей не было. На другой годъ тотъ же мужикъ и на томъ же полѣ опять пахалъ и увидѣлъ лихорадокъ. Онѣ шли и разговаривали. Одна говорила: я немножко помучу и оставлю; меня за это будутъ любить и кормить. А внутренняя отвѣчала: нѣтъ я въ этотъ городъ и не зайду; вишь какъ тутъ меня самое измучили; одинъ только «чаръ» остался.

Обѣ эти болѣзни мало свойственны Алтаю. Сибирская язва не проникла еще въ Алтай далѣе города Усть-Каменогорска; лихорадки сдѣлались часты, по увѣренію жителей, только въ послѣднее время; прежде, вмѣсто ихъ, въ Алтай свирѣлствовали кори и сыпи *).

*) Алтай подвергается вторженію изъ равнины лихорадки, табаку, корсукъ и краснотурки. Можетъ быть, эти вторженія могутъ быть объясняемы

которая не встрѣчается на равнинѣ — это *келчукъ*, нарывъ въ родѣ вереда, на спинныхъ позвонкахъ, который набивается у охотниковъ отъ ношенія ружья за спиной. Другія болѣзни, какъ, на примѣръ, лошадиная болѣзнь чильчаги, бываетъ на равнинѣ, но не встрѣчается въ Алтаѣ, по крайней мѣрѣ въ чарышской долинѣ.

Наши больные всё стали подниматься, исключая матери; ея положеніе становилось все хуже и хуже. Петръ Маркычъ спросилъ однажды больную: «жаль тебѣ дѣтей?»

— Жаль, да не шибко, отвѣчала мать.

— Умреть! сказалъ тихо Петръ Маркычъ. Если больному опостыло земное, то ужъ это не жилецъ.

Къ этому присоединились другія предсказанія. Въ это время Петру Маркычу подарили собаку; она была привязана на дворѣ и со скуки постоянно выла. Это также приписывали тому, что она слышитъ покойника.

Наконецъ нельзя было сомнѣваться, что больная скоро умретъ. Ее перенесли съ постели подъ образа на лавку, покрытую одной простыней. На перинѣ, здѣсь думаютъ, грѣшно умирать. Въ деревнѣ Чечулихѣ, къ югу отъ чарышской станицы, кончина бываетъ еще суровѣе; тамъ умирающаго для кончины выносятъ на дворъ, хотя бы это случилось зимой въ сильнѣйшій морозъ.

Вокругъ умирающей собралось нѣсколько старухъ; всё молчали или перешептывались потихоньку; одна держала подъ передникомъ ладанъ и курильницу съ горячими углями. Съ каждой минутой всё становились внимательнѣе; наконецъ одна произнесла: «умерла!» и начала кадить надъ ртомъ умершей. Всё остальные повернулись другъ къ другу лицомъ и заплакали навзрыдь.

Въ похоронныхъ обычаяхъ простаго народа осталось еще столько языческаго, какъ, на примѣръ, это отчаянне родственниковъ, смѣняющееся иногда совершеннымъ спокой-

тѣмъ, что климатъ Алтая отъ вырубанія лѣсовъ измѣняется, дожди становятся скуднѣе, небо яснѣе, и эта ясность возвышаетъ температуру.

ствиѣмъ, что трудно не заподозрить участниковъ въ недостаткѣ чистосердечности. Но чувства сильны; только они заключены въ формы, которыя отнимаютъ у нихъ наружные признаки глубины. Въ извѣстные часы слѣдуетъ быть спокойнымъ, въ другіе допускается отчаяніе; это не мѣшаетъ отчаянью быть искреннимъ.

Послѣ этой сцены мнѣ стало грустно и я ушелъ къ Аграфенѣ Трифоновнѣ.

— Да жаль, сказала она, услышавъ отъ меня о покойницѣ. Мы постоянно жили съ ней въ ладахъ. Бойкая была баба. Ну, я думаю Петръ Петровичъ женится къ великому посту. Какъ оставаться такому большому хозяйству безъ хозяйки; дочери небольшія, а Палагея Ивановна не захочетъ на себя взять домъ. Вѣдь столько дѣтей.

Потомъ въ заключеніе прибавила: «надо и мнѣ завтра побывать, посмотрѣть, какъ дочь плачетъ; вотъ съ годъ назадъ у нашихъ сосѣдей тоже умерла сноха, такъ дѣвушка голосила столь хорошо да жалобно, что такъ бы вотъ все стояла и плакала.»

Голосѣба надъ умершей превращается здѣсь въ артистическое наслажденіе; посторонніе приходятъ не просто поглазѣть, а пострадать немножко, какъ въ городѣ ходятъ слушать трагедію. Поэтому голосѣба дѣвушки получаетъ высокое значеніе; дѣвушка становится лирикомъ; ея обязанность своимъ пѣньемъ растрогать толпу, подмытъ сердца, возбудить участіе къ судьбѣ своего семейства. Дочь Петра Петровича, сколько я помню, пригѣвала такъ, обращаясь къ своей отсутствующей родственницѣ:

Родная моя сестричка,
 Миленькая Оленька,
 Живешь ты отъ насъ далекошенько,
 Ничего не знаешь, не вѣдаешь.
 Улетѣла наша мамонька,
 Твоя крестная матушка,
 Оставила меня одну одишеньку,
 Съ своими малыми пташками.

Такова наружная форма этих пѣсенъ. Чѣмъ онѣ оригинальнѣе, чѣмъ въ нихъ больше свободы и творчества, тѣмъ болѣе въ нихъ поэзіи и потому глубже впечатлѣніе; я думаю даже, что иногда похоронная пѣсня рисуетъ будущія отношенія дѣтей къ матерямъ, и смѣло задѣваетъ самыя нѣжныя чувства стоящихъ у гроба. Въ этомъ ея главное достоинство.

ГРИГОРІЙ ПОТАНИНЪ.

ВЪ РИНСКИХЪ РАЗВАЛИНАХЪ.

(Л. А. Мю.)

Спать въ такія ночи стыдно,
Посмотри, весь городъ видно.
Скрой же личико плащемъ;
Глазъ ревнивыхъ избѣгая,
Мы съ тобою, дорогая,
Форумъ древній перейдемъ.

И туда, украдкой, двое
Проберемся, гдѣ въ покоѣ
Спать торжественъ старый Римъ.
Другъ, вѣдь тамъ любовь вѣнчали;
Жить умѣли, цѣну знали
Всѣмъ мгновеньямъ дорогимъ.

Вотъ и кесарей чертоги,
Вотъ и храмы тѣ, гдѣ боги
Чтились здѣсь вселенной всей.
Посмотри, — и вотъ забытый,
Словно золотомъ облитый,
Блескомъ луннымъ Колизей.

Вѣрь мнѣ, нѣчто есть живое
Въ ихъ торжественномъ покоѣ.
Есть залюги бытія.
Тѣни прошлыхъ поколѣній,
Въ этомъ мірѣ разрушеній
Весь въ безсмертье вѣрю я.

Вѣрю я, что въ часъ урочный
Въ часъ, когда луной полночной
Міръ руинъ осеребренъ,

Духи праотцевъ порою
Невидимою толпою
Бродятъ въ сумракѣ колоннъ.

Словно пхъ я вижу лпки.
«Хлѣба, зрѣлицъ!» слышу клики,
Буйной черни ярый гнѣвъ.
Слышу плески сатурналий,
Гдѣ патрици ласкали
Сладострастныхъ римскихъ дѣвъ.

Не вчера ль еще Попея,
Знойной страстью пламениа,
Пронеслась по мостовой?
Не вчера ль рукоплескала
Ей толпа, какъ покрывало
Вплось съ плечь ея долой?

Не вчера ль еще, — но что же
На насмѣшку такъ похоже
Улыбнулась ты, другъ мой?
И мнѣ пальчикъ твой лукаво
Кажеть что-то тамъ на право?
А! французскій часовой.

Понялъ все! Безъ сожалѣнья,
Ты разсѣяла видѣнья,
Поэтическихъ красотъ.
Вновь бессмысленное рабство!
Подъ тiarой дряхлой папства,
Издыхающій народъ!

Ты права, — уйдемъ отсюда,
Глазъ лазутчика покуда
Нась съ тобой не подсмотрѣлъ.
Но руины покидая,
О, Италия святая,
Скажемъ: жалокъ твой удѣлъ!

Н. КРОЛЬ.

Римъ, 2-го (14-го) марта 1858.

РАЗЛУЧНИЦА.

ПОВѢСТЬ.

И подъ издранными шатрами
Живуть мучительные сны...
ПУШКИНЪ.

I.

Соборный колоколъ ударилъ къ вечерни; первый ударъ разнесся громко и отчетливо по уѣзду городу Малояворцу, а вслѣдъ за нимъ загудѣло и понеслось безчисленное множество звуковъ, сливаясь одинъ съ другимъ и призывая добрыхъ горожанъ къ молитвѣ. Въ рѣдкомъ сѣромъ домишкѣ съ мезониномъ, какими по преимуществу украшается Малояворецъ, не поднялось въ эту минуту суматохи. Тамъ старушка торопливо подпрятывала трясущимися руками свои сѣдые волосы подъ коричневую косынку, нашептывая: «Господи многомилостивый, помилуй мя грѣшную!» Тамъ—красная дѣвица кидалась по горенкѣ, въ попыхахъ отыскивая то платочекъ, то ленточку, безъ чего не полонъ былъ бы ея нарядъ; тамъ—глава семейства требовалъ палку и шляпу; а въ иномъ мѣстѣ, наконецъ, и просто ватага ребятишекъ, этихъ всегдашнихъ охотниковъ пошумѣть и посуетиться, кричала и толкалась безъ всякой надобности и безъ всякаго толку... Всѣ горожане, за исключеніемъ немощныхъ и тѣхъ, развѣ, кому не на кого было оставить домъ да грудныхъ ребятишекъ, собирались къ вечерни.

Когда замерь, словно гдѣ-то вдали, послѣдній гулъ призывнаго звона, на соборной улицѣ появились богомольцы. Протащился извѣстный всему городу смиреніемъ и кротостью почтмейстеръ Гусиковъ, Степанъ Степановичъ, на клячонкѣ, у которой ноги путались и подгибались отъ старости, и на такихъ дрожкахъ, которыя, своими развинтившимися гайками и другими расклепавшимися принадлежностями, давали знать о себѣ по крайней мѣрѣ за четверть версты. Прошла съ казачкомъ, извѣстная щеголиха судиха Шаповалова, въ платьѣ цвѣта *масака* и въ желтой шляпкѣ; *самъ*, т. е., судья, Григорій Петровичъ, никогда не ходилъ къ вечерни. Прошелъ, ковыляя, Елисей Елисеевичъ Кубиковъ — первый купецъ и хлѣбосоль Малояворца. Проѣхала на парныхъ дрожкахъ городничиха Поборова, управлявшая и мужемъ и цѣлымъ городомъ. Прошелъ начальникъ инвалидной команды, съ такими длинными усами, что усами этими пугали въ Малояворцѣ дѣтей: — «А вотъ уже *усы* придутъ и возьмутъ тебя!» — говорили матери расплакавшимся ребятамъ и ребята утихали въ одну минуту.... Прошло много старушекъ-мѣщанокъ; прошло многое множество молодыхъ, замужнихъ мѣщанокъ и дѣвицъ, разряженныхъ, набѣленныхъ и разрумяненныхъ, безъ чего, какъ извѣстно, горожанки не обходятся. Прошло немало и мѣщанъ-щоголей, съ крѣпко насаленными волосами и молодецкими ухватками.... Словомъ: по соборной улицѣ прошло въ это время чуть не полгорода, а городъ былъ не маленькій. Двѣ стороны его выходили на рѣку, которая дѣлала здѣсь крутой поворотъ; другія двѣ примыкали къ пустопорожнимъ мѣстамъ и огородамъ. Между послѣдними тянулась большая дорога въ губернской городъ. Четыре улицы, расходясь радиусами отъ небольшой площадки у моста, прорѣзывали вдоль весь Малояворецъ, пересѣкаясь не малымъ количествомъ переулковъ. Главная улица, носившая довольно звучное и громкое названіе «соборной», украшалась нѣсколькими каменными зданіями и щеголяла даже пріятной пестротой. Пріятная пестрота эта была слѣдствіемъ вотъ какого обстоятельства: однажды, передъ проѣздомъ губернатора, судья Шаповаловъ, по настоятельному требованію своей

жены, поставилъ у себя надъ домою красный флагъ; городиничиха, сильно разсердившись и не желая уступить какой-нибудь судыхи, приказала поставить у себя — два: красный и желтый. Домъ Шаповалова былъ окрашенъ, по желанію судыхи, въ самый свѣтлый, зеленый цвѣтъ, городиничиха приказала выкрасить свой густою темнозеленою краскою. Такимъ образомъ эти два враждебные палаццо, посреди казенныхъ желтыхъ и частныхъ, по большей части, сѣрыхъ домовъ, придали соборной улицѣ довольно своеобразный видъ. Въ Малояворцѣ бывали изрѣдка ярмарки, на которыя собиралось множество окрестныхъ помѣщиковъ; есть преданіе, что когда-то сюда заѣзжала даже трупна странствующихъ артистовъ... Коренныхъ жителей въ Малояворцѣ, по оффиціальнымъ документамъ, считалось до трехъ тысячъ.

Почти половина этого-то населенія двигалась теперь густыми толпами къ собору, вѣроятно, съ исключительно-благочестивымъ намѣреніемъ помолиться.

На углу соборной улицы и вдовьяго переулка, въ довольно красивомъ и большомъ домѣ, разумѣется сѣромъ и съ мезониномъ, у раствореннаго окна стоялъ молодой мѣщанинъ, лѣтъ подъ тридцать, хозяинъ дома, Иванъ Сидоровичъ Сидоровъ. Это былъ мужчина средняго роста, блѣлый, съ блѣднымъ, довольно умнымъ и пріятнымъ лицомъ, съ большими, сѣрыми и живыми глазами и нѣсколько крупными губами. Длинный сюртукъ тонкаго коричневаго сукна, бархатный клѣтчатыи жилетъ, старательно вычищенные сапоги, поверхъ панталонъ, такъ называемые *вытяжные* или *чюковые* сапоги, и синий платокъ, повязанный на шеѣ красивымъ бантомъ — показывали, что Иванъ Сидоровъ былъ богатъ, любилъ щеголять и желалъ нравиться. Въ наружности его и въ нѣсколько нервныхъ, порывистыхъ движеніяхъ видѣлось какое-то тоскливое безпокойство, ожиданіе чего-то такого, что занимало и тормозило его сильно. Сидоровъ не отходилъ отъ окна; уставивъ глаза на проходящихъ богомольцевъ, онъ не замѣчалъ что творилось позади его. Въ углу большой розовой комнаты, украшенной по стѣнамъ пожелтѣвшими отъ времени гравюрами, предста-

вляющими известныя похождения блуднаго сына, миръ Европы, судъ Париса, изгнаніе Адама и Евы изъ рая и т. п., дѣвочка четырехъ лѣтъ, старшая дочь Ивана Сидорова, и трехлѣтній братецъ ея стригли котенка, заливаясь радостнѣйшимъ смѣхомъ. Изъ сосѣдней комнаты доносился плачъ годовалаго ребенка, смѣшанный съ однообразнымъ и известнымъ наивомъ матери:

Щиплетъ, ходючи, траву
На зеленомъ, на лугу...

Ничего не видѣлъ и не слышалъ Иванъ Сидоровъ; все безпокойное вниманіе его было поглощено прохожими. Многіе изъ нихъ привѣтливо и радушно кланялись Ивану Сидоровичу; онъ отдавалъ имъ поклоны машинально, едва ли сознавая кому кланяется. Нѣкоторые говорили Сидорову:

— Здравствуйте, Иванъ Сидоровичъ, какъ поживаете?

Другіе спрашивали:

— Чтожъ къ вечерни-то не идешь, Иванъ Сидоровичъ?

Сидоровъ ничего не слышалъ, онъ не замѣчалъ даже, какъ нѣкоторые добрыя кумушки, было ихъ не мало въ Малояворцѣ, пристально приглядывались, словно желая пролѣзть въ душу молодого человѣка, толковали потомъ между собой, безпрестанно оглядываясь, вплоть до соборной паперти, не до кумушекъ было Сидорову.

— Чтой-то съ нимъ? — говорила здоровенная, краснощекая мѣщанка своей спутницѣ, рыжей и невзрачной, минуя домъ Сидорова. — Не узнать его супротивъ прежняго; словно сглазили... Этакій парень былъ развеселый да разудалый, и что изъ него стало.

— Что стало? женили!

— Чего женили; вѣдь ужъ пять годовъ жепать и не былъ такой-то. Помнишь въ прошломъ году какъ гулялъ съ ребятами? Любо-дорого было взглянуть на него; а те-переча словно водой облить... Съ чего бы кажись? Денегъ отецъ оставилъ, что и куры не клюютъ; опять же и за ней сколько взялъ; торгуетъ на славу: во всемъ Богъ благословилъ....

— Ну его, перебила рыжая мѣщанка, весьма благоразумно — чужая душа — потемки! Пойдемъ-косъ скорѣе, а то

опосля, не протолкаешься, не увидишь и народу-то да и платье оборвутъ.

Прошелъ старикъ какой-то, сѣдой какъ лунь, не то кунецъ, не то мѣщанинъ, поглядѣлъ на Сидорова, помоталъ головой и крикнулъ. Изъ толпы молодыхъ мѣщанъ, валившей довольно шумно, кто-то крикнулъ:

— Полно глазѣть-то, пойдемъ въ соборъ.

Солдатъ инвалидной команды пожелалъ Ивану Сидоровичу добраго здравія съ хозяйшкой и съ дѣтками... Все это мелькнуло передъ Сидоровымъ въ какомъ-то туманѣ, видѣлъ онъ все это и не видѣлъ, слышалъ и нѣтъ....

Улица, наконецъ, опустѣла, всѣ добрые люди были уже въ соборѣ. Сидоровъ опустился на кожаный стулъ, подлѣ окна, оперся головой на руки и сильно пригорюнился. Блѣдное лицо его выражало и тоску обманутой надежды и горькое отчаяніе.

— Эхъ, прощенталъ: — видно опять въ монастырь пошла....

Въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты, гдѣ не задолго передъ тѣмъ замолкли плачь и убаюкиванье, вышла женщина лѣтъ двадцати пяти, не высокаго роста, полная, расплывшаяся, краснощекая, съ жидкими желтоватыми волосами на головѣ и не большими свѣтло-голубыми глазками. Это была Матрена Ермолаевна, жена Сидорова, баба, въ которой не было, казалось, ничего, кромѣ мяса. Движенія ея отличались вялостью и неуклюжествомъ, какъ и все ея нравственное существо. Едва ли встрѣчалась на бѣломъ свѣтѣ натура, болѣе апатическая, болѣе не возмутимая и безстрастная. Матрена Ермолаевна была доброй женой, въ томъ смыслѣ, что не дѣлала, да и не могла бы сдѣлать ничего въ противность своей обязанности; точно такимъ же образомъ была она и доброю матерью и хорошею хозяйкою. Ни одно сильное желаніе, не только какая-нибудь страсть, не возмущало, казалось, да и не могло возмутить душу Матрены Ермолаевны, можно было усумниться даже, есть ли, полно, въ этой женщинѣ душа, есть ли въ ней какая-нибудь нравственная сила. Она никогда не сердилась, ни чему особенно не радовалась, ни чѣмъ не огорчалась. Тѣло ея, бѣлое и мягкое, развивалось,

заливая жиромъ всякую нравственную силу и превращая обыкновенную человѣческую жизнь въ прозябаніе.

Лѣтъ пять тому назадъ Матрена Ермолаевна была недурна, но современи замужства до того распустилась, что теперь не понравилась бы и самому сластолюбивому старикашкѣ, которые, какъ, извѣстно, падки на женщинъ, развивающихся преимущественно тѣломъ.

Ивану Сидорову, человѣку по натурѣ довольно страстному, живому, со многими поэтическими задатками и наклонностями, охотнику почитать и помечтать кое о чемъ, сильно претпала въ послѣднее время Матрена Ермолаевна и при ней становилось ему какъ-то неловко. Матрена Ермолаевна, разумѣется, не замѣчала этого, какъ не замѣчала она многое. Это бѣсило Ивана Сидорова и не разъ во хмѣлю онъ, ни съ того ни съ другаго, даже привязывался къ женѣ.

— Что тебя несеть-то во всѣ стороны? Гляди какъ заплыла жиромъ; скоро лопнешь.

— За чѣмъ лопнуть, отвѣчала смиренно Матрена Ермолаевна: — сохрани Господи!

— Да съ чего тебя преть-то?

— Съ чегожь мнѣ и сохнуть; все, слава Богу, хорошо, всѣмъ довольна.

— А я вотъ гуляю, подразнивалъ Иванъ Сидоровъ: — и стану гулять пуще...

— Это твое дѣло, не мое; ты хозяинъ, твоя и воля.

Иванъ Сидоровъ только плюнетъ съ сердцовъ и, отвернувшись, захрапитъ во всю пвановскую.

Ни съ кѣмъ въ Малояворцѣ не сходилась Матрена Ермолаевна; родныхъ у нея тутъ ни кого не было: Иванъ Сидоровичъ женился на ней въ губернскомъ городѣ; такимъ образомъ въ сплетни общія она не путалась и никогда ихъ не слышала. Самыя любопытныя и проникательныя малояворскія кумушки не знали семейныхъ отношеній Ивана Сидоровича и толковали только о кое-какихъ грѣшкахъ его внѣ дома.

— На сторонѣ посмотри-ко на него, болтали ядовитыя кумушки: — то-то семейный человѣкъ, можно полюбоваться, можно изъ подъ ручки на него поглядѣть!

Насколько справедливы были эти толки — рѣчь объ этомъ впереди.

Съ появленіемъ Матрены Ермолаевны въ розовую комнату, несчастный котенокъ, получивъ свободу, прыснулъ со всѣхъ ногъ изъ угла въ дверь, а дѣти, затаивъ смѣхъ, припрятали ножницы.

— Что же ты Иванъ Сидоровичъ, къ вечерни-то не сходишь, проговорила Матрена Ермолаевна, подходя вяло и нѣсколько переваливаясь съ ноги на ногу, къ мужу.

— Да, отвѣтилъ тотъ разсѣянно: — я пойду...

— Пора, коли идтить, вечерня вѣдь не долго идетъ, гляди скоро кончится.

— Да, повторилъ Иванъ Сидоровичъ: — ладно, я пойду.

— Чай-то готовить? спросила Матрена Ермолаевна, когда Иванъ Сидоровъ взялъ уже шапку и направился къ двери.

— Нѣтъ, не надо, сказалъ онъ, тряхнувъ волосами: — я тутъ, къ одному человѣку, по дѣлу зайду, тамъ и чаю нальюсь.

И тяжело вздохнувъ, Иванъ Сидоровъ вышелъ изъ дому.

II.

Лѣтъ за шесть до того времени, съ котораго начинается рассказъ нашъ, на крутомъ берегу рѣки, не подалеку отъ моста, перекинутаго къ Малояворцу, стоялъ большой и красивый господскій домъ. Онъ былъ одноэтажный, каменный, съ мезониномъ въ три окна и балкономъ, съ котораго глазу открывался великолѣпнѣйшій видъ. Прямо лежалъ широко разбросанный городъ; слѣва бѣлѣлся сосѣдній монастырь среди густой дубовой рощи; а справа виднѣлись живописно раскиданныя деревушки, съ полями и огородами, и прихотливо извивающаяся рѣка. Задній фасадъ дома выходилъ въ большой садъ, съ темными кленовыми аллеями, съ цвѣтниками, бесѣдками, мостиками, прудами и другими затѣями стариннаго русскаго барства. Домъ этотъ съ тремя, близъ лежа-

щями деревнями достался по наслѣдству генералу Борису Михайловичу Щепанову.

Шестидесяти лѣтъ пріѣхалъ Щепановъ изъ Петербурга въ свое помѣстье и зажилъ въ немъ такъ, какъ въ пору бы зажить человѣку молодому, зажилъ очень весело. Сосѣди стали съѣзжаться къ нему на шпы и обѣды, въ Малояворцѣ открылся вишній погребъ и что-то въ родѣ столчной фруктовой лавки; изъ губернскаго города, версть за шестьдесятъ, то и дѣло приходили къ Борису Михайловичу подводы съ разными съѣстными припасами, не рѣдко даже выписывался цѣлый оркестръ музыкантовъ. Малояворскія власти и ихъ супруги считали за особенную честь быть приглашенными въ хлѣбосольный домъ Щепанова. Помѣстье, въ которомъ поселился онъ, и изрядный капиталъ въ ломбардѣ давали ему возможность жить такъ, какъ хотѣлось. Борисъ Михайловичъ былъ довольно пустъ, но добръ и общителенъ. Онъ любилъ поцѣловать дамскую ручку, вернуть въ разговоръ французское словечко, накормить и напоить гостей и слушать ихъ льстивыя рѣчи. Привычка къ веселой, даже разгульной, жизни обратилась въ натуру Бориса Михайловича, а лѣта нисколько не охладили его горячей крови. Щепановъ, избалованный въ молодости, словно забылъ, что прожилъ уже полвѣка слишкомъ, что пора бы ему и честь знать и ломался передъ дамами, какъ ломаются столичные чиновники и гвардейскіе офицеры, попавшіе случайно въ провинцію. Онъ носилъ форменный сюртукъ и даже шпоры, перетягивался въ рюмочку, пописарски, закручивалъ усы колечками и расшаркивался съ дамами съ тою изумительною ловкостью и развязностью, которыя дались только господамъ военнымъ. Выпивъ за ужиномъ лишній стаканъ шампанскаго, Борисъ Михайловичъ пускался даже въ мазурку и при этомъ выдѣлывалъ такія хитрыя штуки, о какихъ имѣютъ понятіе только офицеры, стоявшіе когда-нибудь въ Польшѣ.

Многія изъ дамъ, что грѣха таить, весьма нѣжно поглядывали на Щепанова, не замѣчая, казалось, что остатокъ волосъ его былъ выкрашенъ, а ноги нѣсколько тронуты подагрой. Двѣ малояворскія аристократки и львицы, городни-

чиха Юлія Семеновна Поборова и судьяха Вѣра Павловна Шаповалова, даже поссорились на всю жизнь за генеральскія развалины. Юлія Семеновна сначала повела было атаку очень искусно, такъ-что Борисъ Михайловичъ уже не разъ, при удобномъ случаѣ, чмокнулъ ее въ плечико и въ шейку и увѣрялъ, что онъ такой душки не видѣлъ и въ Петербургѣ.... Но, явилась Вѣра Павловна, которая, надо правду сказать, была покрасивѣе и по свѣжѣе, да заговорила по французски: — старый грѣхпроводникъ и растаялъ. Въ первыя минуты негодованія и злобы, городничиха поклялась отомстить судьхѣ.

— Чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться, говорила Юлія Семеновна сама себѣ: — если я не откушу носа этой проклятой вертихвосткѣ; или носъ откушу или очерню на всю губернію.

Перваго она конечно не сдѣлала, а въ исполненіи втораго обѣщанія таки приложила старанія. Впрочемъ, и Вѣра Павловна въ долгу не осталась. Не ограничиваясь тайными козлыми, соперницы боролись и явно. Вѣра Павловна, напричѣтъ, въ пику городничихи, безпрестанно говорила съ Щепановымъ по французски; а Юлія Семеновна очень часто, съ ядовитою улыбкою толковала о томъ, что замужней женщинѣ не прилично ходить *слишкомъ декольтэ и съ голыми руками*. Не рѣдко соперницы, разгорячившись, касались служебныхъ дѣлъ своихъ мужей; городничиха, закатывая глаза, говорила съ жалобнымъ о *несчастныхъ* преступникахъ, такъ *долго* томнящихся въ острогѣ; а судьяха жаловалась на *страшную* нечистоту въ городѣ. Двѣ эти прелестныя дамы воевали, однакожъ, съ мельницами; Щепановъ ухаживалъ за всѣми одинаково, не увлекаясь особенно ни одной. Правда, Вѣра Павловнѣ онъ оказывалъ нѣкоторое преимущество; но и тутъ дѣло ограничивалось невинными поцѣлуями. Многое множество особъ прекраснаго пола замышляло было женить Бориса Михайловича; но планы эти рушились, какъ рушатся карточные домики; Борисъ Михайловичъ былъ неприступенъ съ этой стороны.

— Я, mesdames, говаривалъ онъ неоднократно тѣмъ, кто отваживался хотя издали, тончайшими намѣками, склонять

его къ брачнымъ узамъ: — не гожусь въ мужья, я вѣтрея и непостояненъ; я слишкомъ уважаю женскую красоту вообще, чтобы сложить сердце у ногъ одной красавицы и не восхищаться уже другими. Я хочу свободы, независимости. Вотъ теперь, напримѣръ, я ухаживаю за всѣми вами, а женись я на одной изъ васъ, вѣдь ужъ мнѣ этого не позволять, вѣдь ужъ меня свяжутъ по рукамъ и по ногамъ. Что же будетъ со мной? Да вѣдь и вы, mesdames, станете скучать тогда.... не такъ-ли?

Вѣра Павловна, кокетливо улыбаясь, говорила:
— Certainement, certainement!...

Юлія Семеновна блѣднѣла съ досады и мысленно повторяла клятву: откусить носъ счастливой соперницѣ или очернить ее на всю губернію.

Щепановъ заливался нѣсколько дребезжащимъ смѣхомъ; смѣялись и дамы, обманутыя въ своихъ надеждахъ, и, мало-по-малу, отказывались отъ намѣренія женить богатаго старичка. Рѣшили, что онъ должно быть не можетъ влюбиться, что онъ уже *черезчуръ* старъ и способенъ только волочиться и любезничать.... Дамы ошибались; Борису Михайловичу суждено было на закатѣ своей бурной жизни влюбиться такъ, какъ влюбляются только юноши или люди уже отживающіе свой вѣкъ.

У садовника, женатаго, но бездѣтнаго, росла, подкинутая ему, сиротка — Таня. Когда Щепановъ увидѣлъ Таню, это случилось мѣсяцевъ черезъ пять послѣ его приѣзда изъ Петербурга, — ей только что минуло восемнадцать лѣтъ. Все, что могла дать судьба сироткѣ безъ званія и безъ средствъ, въ замѣнъ отнятыхъ у нея родительскихъ ласкъ, заботъ и любви, все дано было Танѣ. Она была высокаго роста, стройна и гибка. Шея, плечи и грудь ея поражали глазъ безукоризненностью формы и бѣлизною. Сквозь необыкновенно вѣжную и прозрачную кожу можно было, казалось, пересчитать всѣ жилки. Богъ знаетъ почему и рука и нога были у Тани такія, какимъ позавидовала бы любая барышня. Черные глаза, большіе и выразительные, съ сильнымъ блескомъ, тонкія, точно нарисованныя брови, нѣсколько рашзренныя ноздри и маленькій ротикъ съ яркомалиновыми губами, дѣлали

Таню совершенною красавицею, какія встрѣчаются рѣдко. Что-то гордое, строгое и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельное было во всей наружности садовниковой воспитанницы.

Самъ старикъ Михайло смотрѣлъ на свою питомицу съ невольнымъ уваженіемъ и никогда не оскорбилъ ее ни однимъ жестокимъ словомъ. Она выросла у него въ холѣ и нѣгѣ, выучилась грамотѣ, умѣла шить и никакихъ трудныхъ работъ не исполняла. Подругъ у Тани не было; большую часть времени она проводила за шитьемъ, дома, иногда гуляла по барскому саду, да изрѣдка хаживала съ своими воспитательнями въ монастырь и въ соборъ, въ городъ.

Однажды, случайно какъ-то, поднявшись чрезвычайно рано, Щепановъ вздумалъ пройтись по саду и подышать утреннимъ, свѣжимъ воздухомъ. Утро было превосходное, какого можетъ быть никогда не видѣлъ Борисъ Михайловичъ. Отъ смоченной росой и блестящей травы, вмѣстѣ съ легкимъ паромъ, подымалось благоуханіе; кленъ дрожалъ своими красивыми листьями и качалъ верхушками; цвѣты, словно просыпаясь, подымали и распускали свои чашечки; птицы то чиркали, весело перекликаясь, то заливались звонкими и до безконечности разнообразными трелями. Воздухъ былъ тепелъ и свѣжъ; надъ прудами клубился бѣлый туманъ, ежеминутно рѣдѣя; солнце подымалось весело и величественно надъ пробуждающеюся природою. Чувство наслажденія, охватившее Щепанова, было до того ново и велико, что онъ задышался; оно походило нѣсколько на то пріятное замираніе, которое испытываетъ человѣкъ, утомленный невыносимымъ зноемъ, идя въ прохладную воду. Новыя силы разливались вмѣстѣ съ кровью по жиламъ Бориса Михайловича; онъ стапавился бодрѣе, словно съ плечъ его свалилась значительная тяжесть; казалось самыя мысли вдругъ просвѣтлѣли у него и Щепановъ отъ всей души удивился: какъ это онъ прожилъ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ и до-сихъ-поръ не зналъ наслажденія встать рано, подышать этимъ благоуханнымъ и живительнымъ воздухомъ и полюбоваться пробуждающеюся природою?!

Въ такомъ-то, особенно-пріятномъ, настроеніи духа встрѣтилъ Щепановъ Таню и она показала ему чѣмъ-то сверхъ-

естественнымъ. Простое ситцевое платье нисколько не портило впечатлѣнія, какое произвела въ первое же мгновеніе красота Тани на Бориса Михайловича. Онъ невольно остановился передъ дѣвушкой; остановилась и она, покраснѣвъ и опустивъ свои длинныя рѣсницы. Какъ ни старъ былъ Щепановъ, но въ одно мгновеніе пылъ овладѣло пріятное волненіе и онъ почувствовалъ, что по всему тѣлу его пробѣжала дрожь. Онъ едва счумѣлъ овладѣть собой, и голосомъ нѣсколько дрогнувшимъ, но возможно нѣжнымъ, спросилъ:

— Кто вы?...

Боязливо взглянувъ на Щепанова, Таня отвѣтила:

— Воспитанница садовника Михайлы, ваше превосходительство.

— Развѣ вы меня знаете, а? спросилъ Борисъ Михайловичъ, уже оправившись нѣсколько и начиная ломаться.

— Знаю - съ.

— Какъ же васъ зовутъ?

— Татьяной.

— Хорошенькое имячко, да, впрочемъ, вы и сами хорошенькая.... а гдѣ же ваши родители?

— У меня нѣтъ родителей, ваше превосходительство.

— А!...

Странныя мысли забродили въ головѣ его превосходительства и, должно сознаться, лицо его, на которомъ отразились отчасти эти мысли, было въ эту минуту весьма не красиво. Щепановъ, теряя всякое сознаніе, лихорадочно придвинулся къ Танѣ и протянулъ дрожащую руку къ ея подбородку. Таня наклонила ниже свою хорошенькую головку.

— Что же, развѣ вы боитесь меня? спросилъ Борисъ Михайловичъ, самъ не понимая что спрашиваетъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Таня, взглядывая на него: — я не боюсь.

— Такъ за чѣмъ же вы опускаете ваши прекрасныя глазки?

— Такъ-съ...

— Такъ-съ, передразнилъ ее Щепановъ: — видите, какая вы не добрая, не хотите и посмотрѣть на меня.

Генераль легко и нѣжно потрепалъ сиротку по щекѣ;

она смѣло взглянула на него; Борисъ Михайловичъ не видагь такихъ чудныхъ глазъ. Оправляясь, мало-по-малу, отъ смущенія, Тая стала глядѣть прямо въ глаза его превосходительству и его превосходительство сконфузился какъ мальчишка.

— Вы теперъ куда же идете? спросилъ Щепановъ, чтобы сколько-нибудь выйдти изъ неловкаго положенія.

— Домой, ваше превосходительство.

— А!.. ну, такъ прощайте; приходите ко мнѣ въ гости; прошу любить и жаловать, прибавилъ Щепановъ, раскланиваясь, какъ раскланивался онъ обыкновенно съ дамами.

— Прощайте, шепнула Тая и пошла.

На поворотѣ въ другую аллею она оглянулась; оглянулся и Борисъ Михайловичъ, сдѣлавъ ей ручку и возвратился домой въ самомъ великолѣпнѣйшемъ расположеніи духа.

Весь день провелъ онъ въ необыкновенномъ волненіи; нѣсколько разъ заглядывалъ въ садъ и, наконецъ, вечеромъ потребовалъ къ себѣ садовника Михайлу. Щепановъ долго толковалъ съ нимъ, запершись въ кабинетѣ. Любопытная дворня была въ недоумѣніи и пристала было съ распросами къ Михайлѣ; но, въ отвѣтъ на всѣ распросы, онъ только махнулъ рукой и сказалъ:

— Ничего, отвяжитесь!..

III.

Садовникъ Михайло былъ человекъ добрый; но тридцать лѣтъ онъ прожилъ въ дворовыхъ, успѣлъ нѣсколько оподлѣться и принять за правило, что противъ рожна прать нельзя. Тая ему не дочь, а баринъ — все-таки баринъ.

— Что тутъ толковать, рѣшилъ Михайло по дорогѣ домой: — оцъ господинъ, его и воля, можетъ и осчастливить. Конечно, прибавилъ онъ, какъ бы отвѣчая на шевельнувшееся чувство: — дѣвку жаль, жаль дѣвку, нечего и говорить; а и то можетъ быть, что тутъ ей и счастье.

Михайло пришелъ домой озабоченный и пасмурный; за ужиномъ сидѣлъ молча и пасупившись. Надо будетъ, думалъ

онъ, потолковать прежде съ хозяйкой, бабы эти дѣла лучше знаютъ, пусть она поговорить съ Таней. Дѣло это круто не сломишь — испортишь; а повести его надо исподволь. Дѣвка молода, дѣло непривычное; пожалуй, на первыхъ порахъ, заартачится... Пускай баба-то ее урезонитъ по маленьку.

Когда Татьяна ушла въ свою коморку. Михайло обратился къ своей женѣ:

— Подь-ко, Авдотья, на крыльцо; надо мнѣ съ тобою слова два перемолвить.

— Что это за мода такая нонича вышла: на крыльцо? чай и здѣсь можешь сказать, коли что надо?

— Не надо, а иди, когда говорятъ, сказалъ Михайло довольно сурово, выходя изъ комнаты.

Авдотья поплелась за нимъ, повторяя:

— Вотъ модникъ, прости Господи, право, модникъ.. ишь ты моду какую вздумалъ — на крыльцо!

Михайло сѣлъ, потупился и, не подымая глазъ на Авдотью, началъ такъ:

— Дѣло выходитъ такое, что либо барину угодить, либо себѣ бѣду нажить... Конечно, дѣвку жаль, жаль дѣвку, нечего и говорить, а можетъ опять, тутъ ей и счастье.

— Да что городишь-то? я ничего въ толкъ не возьму; и про бариша и про дѣвку, и про бѣду и про счастье, наплелъ съ три короба, а путемъ ничего не сказалъ.

— Путемъ ничего не сказалъ! повторилъ сердито Михайло: — у тебя, видно, волосъ-то дологъ, а умъ-то коротокъ. Путемъ ничего не сказалъ... Генераль къ себѣ требовалъ, ну, понимаешь?

— Понимаю.

— То-то, путемъ ничего не сказалъ. Ну, потребовалъ къ себѣ; такъ и такъ, говорить, Михайло; ты, говорить, меня знаешь и долженъ понимать; я тебя, говорить, могу счастливымъ на всю жизнь сдѣлать... Вотъ тебѣ и путемъ сказано.

Авдотья стояла разиня ротъ, ничего не понимая.

— Просто надо сказать, продолжалъ Михайло: — при-

глянулась ему наша Татьяна; я, говорить, хочу ее осчастливить, а ты, говорить, долженъ ее уговорить; вотъ и все.

Авдотья только головой покачала.

— Ахъ, ты, грѣхи какіе, Господи!

— Грѣхи-то грѣхи, да вѣдь что же, вѣдь онъ баринъ.

— Ахъ, святые угоднички!

— Опять и такъ думается, что можетъ и дѣвкѣ къ благополучію.

— Ахъ, мои родненькіе, чтожъ это такое будетъ?..

— Съ непривычки-то, извѣстно, не покажется; надо уговорить.

— Ахъ, ты попущеніе.....

— Коего чорта ты разахалась?! вскрикнулъ Михайло; онъ не столько разсердился на ахавшую Авдотью, сколько былъ вообще въ злобномъ расположеніи духа и желалъ, какъ говорится, сорвать на комъ-нибудь свое зло; — чего тутъ ахать; надо дѣло говорить.

— Да какое тутъ дѣло? что это за дѣло? этакихъ дѣловъ я и отродясь не знаю.

— А дѣло такое, сказалъ Михайло внушительно: — что самъ-то говорить: или упеку тебя, говорить, или, говорить, вотъ тебѣ вольная на всѣ четыре стороны и капитала триста рублей: вотъ дѣло какое!

— Какъ же тутъ быть-то? спросила Авдотья, видимо тронутая мыслью о вольной и капиталѣ въ триста рублей: — Вѣдь печетъ, коли не тово... вѣдь намъ не совладать.

— Извѣстно, замѣтилъ Михайло: — сила солону ломить.

— Гдѣ-жъ намъ совладать, продолжала Авдотья: — мы люди маленькіе, подначальные... И какъ же это, такъ и сказалъ: вольную и триста рублей?

— Такъ и сказалъ, а нѣтъ, говорить, такъ живаго съѣмъ и хозяйкой, говорить, твоей закушу! пугнулъ Михайло.

— Ишь ты дѣло какое!

— То-то и есть.

— Какъ же это намъ быть-то?

— Да какъ быть; я думаю, надо тебѣ сперва поговорить съ Татьяной; такъ, знаешь, исподволь, шутками что ли, а тамъ я и самъ скажу ей.

— Что ей говорить-то?

— Что говорить — эка глупая! ну, что вотъ молъ баринъ нашъ... генераль... можетъ осчастливить тебя.

— Да какъ же это приступить-то? допрашивала опять Авдотья.

Михайлѣ стоило не мало труда растолковать, какъ приступить и что говорить; и Авдотья понимала плохо, да и самъ-то Михайло затруднился, хоть и старался скрыть это, изъ самолюбія. Кое-какъ, однакожь, дѣло уяснилось и положено было завтра же поговорить съ Татьяной. Авдотья долго вертѣлась на кровати, долго передумывала такъ и такъ о предстоящемъ объясненіи и его послѣдствіяхъ; Михайло заснулъ очень скоро, успокоивъ себя извѣстною половицею: гдѣ чортъ не сможетъ, бабу пошли.

На утро Михайло ушелъ въ садъ, Таня усѣлась къ открытому окну за какую-то работу, и Авдотья истопила печь, поставила горшки, приготовила все, что нужно было къ обѣду и, будто прибирая избу, стала вертѣться около своей воспитанницы. Маневры Авдотьи походили нѣсколько на обыкновенныя маневры кошки, когда та вздумаетъ полакомиться птичкой; она то отходила, мурлыкая, въ противоположный уголъ избы и оттуда поглядывала пскоса, незамѣтно, на Таню; то приближалась къ ней съ твердымъ намѣреніемъ завести рѣчь; но первое слово не сходило съ языка и она снова отступала.

— Экое мудреное дѣло, думала Авдотья: — никакъ не подступитъ. Только бы, кажется, сказать слово, а тутъ словно у тебя въ горлѣ перехватило и молчишь.

Она уже отчаявалась и готова была рѣшительно отказаться отъ объясненія; но сама Татьяна вывела ее изъ затруднительнаго положенія.

— Вотъ, сказала она, взглянувъ въ окно: — гости пріѣхали къ нашему барину.

— А! замѣтила подходя Авдотья: — Да вѣдь что же; вѣдь они, поди, рады ѣздить къ такому-то барину, какъ нашъ.

— Извѣстно рады; поить, кормить, чего имъ еще?

— Вѣдь опъ, надо правду сказать, подхватила Авдотья:

— заправскій баринъ; первое дѣло, что генераль, второе дѣло — душа; ну, и умѣть принять и угостить... Что толковать, по всей губерніи слава идетъ.

— Да, подтвердила Таня.

— А вѣдь весело жить господамъ! заговорила Авдотья:— Въ горницахъ свѣчей зажгутъ видимо-невидимо, потомъ оять этихъ лампъ, — свѣтло, словно въ день бѣлый; въ музыку начнутъ играть; барыни эти самыя расфуфырятся, платья-то шелковыя, длинныя да широкія, идутъ-шумятъ; а ѣдятъ-то какъ, ѣдятъ... поглядишь на все это, просто дыханье замираетъ и глаза разбѣгутся... Вотъ бы намъ съ тобой туда, прибавила она шутливо и вкрадчиво: — а? намъ бы въ эти шелки-то нарядиться, да и пройтись по самымъ этимъ горницамъ!...

Татьяна засмѣялась; Авдотья продолжала:

— Я бы сейчасъ, кажись, къ притолкѣ, или бы въ уголь куда-нибудь, ей Богу, испужалась бы... А то мнѣ и совсѣмъ не надо; куда ужъ мнѣ на старости лѣтъ... Тебѣ-бы вотъ, Таня, а? вѣдь ты и глядишь барышней. Нарядили бы тебя королевой, и пошла бы ты тамъ ходить по горницамъ, а вокругъ тебя господа, все господа!

— Ну, вотъ еще выдумали! сказала Таня, неволью улыбаясь.

— Что выдумала? продолжала Авдотья, уже ободренная и развернувшаяся: — Да тебѣ, съ твоей красотой, только бы и жить, что въ барскихъ палатахъ... А вѣдь хорошо, ей Богу, хорошо!.. Ну, вотъ, скажу такъ, къ примѣру: случись что приглянулась бы ты нашему генералу и сказалъ бы онъ тебѣ: такъ и такъ, Татьяна, хочешь быть барыней и жить со мной въ хоромахъ — пошла бы ты?

— Что это такое вы говорите, Авдотья Сергѣевна?

— Да нѣтъ, ты скажи: пошла бы?

— Что за неволя такая идти, мнѣ и здѣсь хорошо.

— Ахъ ты какая, право; вѣдь тамъ-то ты была бы барыня; всего въ волю, жизнь веселая...

— Богъ съ нимъ и съ весельемъ-то съ этимъ, мнѣ и такъ весело.

— Вотъ затвердила свое: мнѣ и здѣсь хорошо, мнѣ и

здѣсь весело; здѣсь хорошо, а тамъ лучше, здѣсь весело, а тамъ вдвое!

— Ну, и пускай лучше; мнѣ какое дѣло.

— А такое дѣло, что вотъ ты теперѣ сирота, и нѣтъ у тебя ничего, а у генерала-то жила бы ты, какъ у Христа за пазухой.

— Да что вы, Авдотья Сергѣевна, точно и вправду сватаете меня?

— А еслибъ и вправду?

— Вправду? спросила Таня довольно серьезно.

Авдотья нѣсколько опѣшила.

— Чтожъ, отвѣтила она смиренно: — вѣдь я для твоего же счастья. Хорошо такъ — мы теперь живы, а безъ насъ-то что же съ тобой будетъ?... а тамъ, по крайности, на всю жизнь счастлива.

Таня оставила работу.

— Да вы что же это, Авдотья Сергѣевна, завелъ такія рѣчи, къ чему это?

— А къ тому, отважилась сказать Авдотья: — что я заподлинно знаю, что ты приглянулась нашему барину.

— Какая это сорока вамъ на хвостѣ принесла?

— Не сорока принесла, а сказали добрые люди.

— Ну, и чтожъ?

— Ну, вотъ я къ тому и спрашиваю тебя, какъ думаешь объ этомъ дѣлѣ.

— О какомъ дѣлѣ?

— Да все объ этомъ же, отвѣтила Авдотья, нѣсколько сконфузившись: — барину ты приглянулась; онъ хочетъ тебя счастливой сдѣлать... Такъ, какъ ты на счетъ этого; потому твоя воля; какъ знаешь, такъ и дѣлай.

Татьяна молча принялась за работу; лицо ея разгорѣлось яркимъ румянцемъ; на глазахъ задрожали слезы. Авдотья перевела духъ и, послѣ минутнаго молчанія, начала:

— Я вѣдь для тебя же, для твоего же счастья....

— Да полноте, сказала Таня дрожащимъ голосомъ: — Какъ вамъ не стыдно, Авдотья Сергѣевна? какое это счастье?... Вы меня выннчили, вы меня выростили, какъ родную дочь, а теперь толкаете на экое дѣло.

Слезы потекли по щекамъ Тани, Авдотья совсѣмъ потерялась.

— Что же это, Господи? заговорила она: Вѣдь я не отъ себя выдумала; вѣдь я для тебя же, для твоего счастья...

— Не нужно мнѣ такого счастья, сказала Таня: — пусть оно другимъ достается, кто его ищетъ, а я не хочу.

— Ну, не хочешь, такъ нечего и говорить... ну, нечего и плакать, эка глупенькая; не хочешь и ладно... Какъ знаешь, твое дѣло; я не неволю. Чего же плакать?

— Вы меня обидѣли, Авдотья Сергѣевна, грѣшно вамъ.

— Ахъ, Господи! ахъ, святые угодники! Вотъ не думала, не гадала. Да полно ты, добавила Авдотья, дергая за рукавъ Татьяну: — полно ты надрывать мое сердце... вѣдь вотъ и я разхныкалась.

И Авдотья дѣйствительно заплакала, такъ что Татьянѣ, въ свою очередь, пришлось утѣшать воспитательницу.

— Ну, перестаньте же вы, говорила она: — вѣдь я перестала; бросимъ все это дѣло, ну его!...

Такимъ образомъ попытка Авдотьи кончилась совершенно безуспѣшно. Не рада она была что и взялась-то за это дѣло.

Когда Михайло воротился домой, Авдотья возилась съ горшками, а Таня прилежно наклонилась надъ работой. Михайло кинулъ пристальный взглядъ на воспитательницу; но видно ничего не угадалъ и подошелъ къ женѣ.

— Говорила? спросилъ онъ вполгоса.

— Не рада, что и начала, отвѣтила шепотомъ Авдотья.

— А что?

— И руками и ногами... плачетъ.

— Это одна самодуръ и больше ничего! рѣшилъ Михайло: — Я самъ поговорю. Ну, прибавилъ онъ громко — скоро ли обѣдать, мы съ Таней проголодались.

— Садитесь, сейчасъ подаю, отвѣтила Авдотья.

На столѣ явился горшокъ со щами, отъ которыхъ подымался густой паръ, и, помолясь, всѣ усѣлись обѣдать. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Первый заговорилъ, разумѣется, Михайло.

— Встрѣлся сегодня съ Григоріемъ Онуфричемъ, началъ онъ, не обращаясь собственно ни къ кому: — Ревмя

реветъ старикъ. Лучше бы, говорить, мнѣ умереть, нежели глядѣть на дочернее горе да убиваться. Вотъ, говорить, такъ зятекъ попался, экаго лиходѣя поискать на бѣломъ свѣтѣ, сушить онъ, говорить, мою Машутку, сосеть лютый змѣй ея кровь, не знаетъ она ни покою, ни радости, слезъ не осушаетъ съ раннаго утра и до поздней ночи.... Такъ жалился, что и-и-и! вѣда мнѣ горько стало.

— Что же такъ? спросила Авдотья.

— Да такой злобный человѣкъ намырнулся — объяснилъ Михайло: — у отца-то жила, не знала что и горемъ зовется; а вотъ вышла замужъ, такъ и на свѣтъ Божій безъ слезъ не взглянетъ. Мужъ-то тиранствуетъ и передышки не даетъ. Я у тебя, говорить, красоту-то эту изведу; перестанешь барыней глѣдять; мнѣ, говорить, красоты твоей не надо, а ты покоришься да по сторонамъ не зѣвай.... А чего по сторонамъ, такой-то тихой да честной бабы ищи-ненайдешь. Отецъ было вступился, сталъ уговаривать, такъ куды тебѣ. Оставь, говорить, не твое совсѣмъ дѣло; былъ ты ей отецъ, а теперь, говорить, я должонъ ею заправлять, такъ и въ писаніи показано.

— Что же матушка-то? — спросила опять Авдотья.

— Что; реветъ да терпитъ.

— Экая доля, подумаешь; ни за-дай ни за-вынеси пропадетъ человѣкъ.

— Вотъ то-то и есть; а наши-то дуры, дѣвки, зарятся, какъ бы скорѣй замужъ; вотъ тебѣ и замужъ — замѣтилъ Михайло, поглядывая на Татьяну, — и вѣдь шла по своей охотѣ.

— Такъ чего жъ она глядѣла? сказала Таня.

— Чего глядѣла? повторилъ Михайло — нешто человѣка-то вдругъ узнаешь? Думала — хорошо будетъ, да и втюрилась; теперь и терпи.

— Неволя тоже терпѣть, замѣтила бойко Татьяна — я бы давно убѣжала.

— Такъ и убѣжала бы, передразнилъ ее Михайло. — Эка приткая! Далеко убѣжпшь; поймають, постегаютъ да къ нему же приведутъ. Лучше будетъ?

— Какъ убѣжать, добавила Авдотья: — что ты, Таня? Вѣдь ужъ коли въ законѣ живешь, такъ убѣжать нельзя.

— Да, подтвердилъ Михайло: — ужъ тутъ не убѣжишь.... А мы лучше съ тобой, продолжалъ онъ, подшучивая: — замужъ не пойдемъ; а? какъ думаешь, Таня, не пойдемъ!

— Богъ съ нимъ, и съ замужествомъ, сказала Таня.

— Вотъ люблю! Мы съ тобой не такъ заживемъ.... Хочешь я тебѣ такую штуку хорошую скажу, что и нѣмцу не выдумать? сказалъ весело Михайло.

— Какую такую? спросила Татьяна, уставивъ на него широко-раскрытыя глаза.

— Такую, отвѣтилъ Михайло: — что, коли не будешь дура, заживешь такъ, что попадья позавидуетъ! И тебѣ будетъ хорошо, и намъ за тобой.... Ну, хочешь?

— Да про-што вы говорите?

— Да про-то, что тебѣ въ руки ползеть само счастье, только бери его. Нашъ баринъ....

— А! перебила Татьяна, горько и желчно улыбувшись: — и вы то же.

— Что то же? спросилъ Михайло.

У Тани навернулись слезы и задрожалъ голосъ.

— Я вамъ вотъ что скажу, произнесла она рѣшительно: — я скорѣй руки на себя наложу, а не пойду на этакій страмъ.

— Дура, дура и есть, замѣтилъ Михайло: — какой страмъ? Вѣдь онъ нашъ баринъ, онъ хочетъ тебя счастливой сдѣлать.

— Не надо мнѣ этого счастья.

— Да ты послушай, что я тебѣ скажу....

— Не хочу и слушать.

— Да слушай, говорятъ тебѣ! крикнулъ Михайло, сильно ударивъ кулакомъ по столу: — Вотъ тебѣ дѣло прямо, какъ есть: будешь ты умна, станешь жить барыней, генералъ для тебя ничего не пожалѣетъ; заупрямишься, житья тебѣ не будетъ, отдадутъ за Митьку пастуха и пропадешь за дуракомъ; да за тебя и меня со свѣта Божьяго сгонять, и Авдотью упекутъ.

— Да что же мнѣ... начала Татьяна, прерывающимся отъ слезъ голосомъ.

— Что тебѣ?! крикнулъ Михайло: — Такъ ты этакъ-то платишь намъ за хлѣбъ за соль? Этакъ-то намъ за то, что выростили тебя да на ноги поставили? Все забыла? То Михайло Васильичъ былъ отецъ родной, Авдотья Сергѣевна — мать родная; а какъ пришло къ дѣлу, такъ наплевать на нихъ. Отецъ родной пропадай, мать родная по міру ступай?... Ай-да дочка! ай-да родная!

— Господи! Господи! проговорила Татьяна, рыдая: — такая мука-мученическая!...

Михайло и самъ опомнился; досадно ему стало, что съ языка у него сорвался попрекъ. Онъ растерялся совершенно; всталъ изъ-за стола, надѣлъ шапку и вышелъ изъ избы, сказавъ только:

— Ну, Богъ съ тобой!...

IV.

Борисъ Михайловичъ Щепановъ, со встрѣчи съ Татьяною чувствовалъ какое-то безпокойство, постоянное волненіе, что-то въ родѣ лихорадки; старческая кровь разыгралась въ немъ не на шутку. Чтобы ни дѣлалъ, чтобы ни говорилъ Борисъ Михайловичъ, передъ глазами его повсюду стояла свѣженькая и красивая Таня, и словно его поддразнивала. Вѣра Павловна, съ своимъ соблазнительнымъ *декольтэ*, блѣднѣла и уничтожалась въ сравненіи съ молодымъ и чуднымъ образомъ, поглотившимъ теперь все воображеніе Щепанова. Напрасно пестрила Вѣра Павловна, съ особенною щедростью, свой разговоръ французскими фразами, когда-то такъ плѣявшими Бориса Михайловича; напрасно прибѣгала она ко всевозможнымъ женскимъ маневрамъ, чтобы выказать-то, что было у нея сколько-нибудь хорошо; всѣ усилія пропадали даромъ. Щепановъ былъ какъ-то непростительно разсѣянъ и не замѣчалъ ничего. Дѣло дошло до того, что Вѣра Павловна, подозрѣвая козни городничихи, рѣшилась объясниться съ Борисомъ Михайловичемъ и возвра-

тять, если можно, эту заблудшую овцу на путь истинный. Щепановъ получилъ записочку такого содержанія:

«Милой Борисъ Михалычъ!

«Я нездорова и прошу васъ, если можно и если вы няня любите немношка приежайти ко мнѣ мужа ни будить дома

ваша на всегда!

Вера Шаповалова».

Записочка эта, не смотря на ея орфографическія несовершенства, тронула Щепанова и онъ отправился къ больной, тѣмъ охотнѣе, что одолеваящее его безпокойство подымало его къ нѣкоторой подвижности и перемѣнѣ мѣста.

Вѣра Павловна рѣшилась встрѣтить измѣнника во всеоружіи. По зрѣломъ размысленіи, она выбрала для этого соблазнительнѣйшее дезабилье и помѣстилась на широкомъ турецкомъ диванѣ въ такой позѣ, что если бы увидѣла ее городничиха, быть бы бѣдѣ. Вѣра Павловна устроила все такъ ловко, что и ножка была видна немножко повыше, чѣмъ видна она обыкновенно, и руки были открыты почти до плеча, и шея выказывалась на столько именно, что отбройся она еще нѣсколько, такъ, кажется, самый желѣзный человѣкъ, какой-нибудь библіофилъ или нѣмецъ-философъ, и тотъ погибнетъ. Въ комнатѣ были опущены сторы и накурено до того, что благоуханіе раздражало нервы. Всѣ эти грѣшныя приготовленія взволновали и раздражили Вѣру Павловну и придали не мало новой красоты всѣмъ ея прелестямъ. Изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ глаза сверкали у ней какимъ-то особеннымъ, задорнымъ блескомъ, сухія губы дрожали, грудь подымалась сильно и роввно.

Прислугѣ было отдано приказаніе принять генерала Щепанова безъ доклада. Вся Вѣра Павловна превратилась въ ожиданіе и петерпѣніе; она напоминала въ эти минуты тугонатянутую струну, которая, при первомъ прикосновеніи къ ней, готова задрожать и издать полный, громкій звукъ.

Тихо, почти не слышко, раздвинулъ Борисъ Михайловичъ драпри и остановился въ дверяхъ. Вѣра Павловна зажмурилась и почувствовала во всемъ тѣлѣ легкую дрожь.

Еслибы Григорій Петровичъ Шаповаловъ, бросивъ дѣло о бѣжавшемъ изъ острога мѣщанинѣ, перенесся какнѣмъ-нибудь чудомъ въ это мгновеніе къ себѣ домой, онъ увидѣлъ бы прелестнѣйшую картину: супруга его въ соблазнительнѣйшемъ видѣ дрожала на турецкомъ диванѣ, а въ дверяхъ, раздвинувъ и придерживая обѣими руками драпри, стоялъ перетянутый и подкрашенный отставной генералъ Щепановъ.... Но, увы! бѣжавшій изъ острога мѣщанинъ умѣлъ такъ искусно скрыть слѣды своей ловкости, что Григорій Петровичъ, забывъ весь міръ, тщетно слялся оправдать чѣмъ-нибудь мѣстное начальство.....

Вѣра Павловна рѣшилась притвориться задремавшею и Щепановъ имѣлъ достаточно времени увлечься разставленнымъ ему соблазномъ и нанюхаться курева, отъ котораго у него закружилась голова. На цыпочкахъ подкрался онъ затѣмъ къ турецкому дивану и, стараясь затанць одышку, нагнулся и поцѣловалъ одну изъ обнаженныхъ и небрежно закинутыхъ ручекъ Вѣры Павловны. Вѣра Павловна не открывала глазъ и не шевелилась. Щепановъ, вытянувъ шею, бросилъ жадный взглядъ на нѣсколько открытую ножку и въ головѣ его завертѣлись мысли, о которыхъ говорится обыкновенно, что онѣ отъ діавола.

Съ такими мыслями онъ простоялъ довольно долго и рѣшился даже коснуться слегка соблазняющей его ножки; тогда Вѣра Павловна открыла глаза и прилично ахнула.

— Ахъ, это вы, сказала она, нѣсколько оправляясь: — а я только что было забылась.

— Что съ вами? спросилъ Щепановъ, цѣлуя руку Вѣры Павловны: — вы нездоровы?

— Да, что-то немножко разхворалась, садитесь, вотъ кресло.

— Нѣтъ, ужъ лучше позвольте мнѣ присѣсть поближе къ вамъ, на диванѣ.

И не дожидаясь позволенія, Борисъ Михайловичъ присѣлъ подлѣ мнимой-больной, сладко засматриваясь на ея шею и руки.

— Какъ вы добры, сказала Вѣра Павловна, протягивая

Щепанову руку:—вы не отказались исполнить капризъ больной; я вамъ очень благодарна.

— Помилуйте, я счастливъ, что вы вспомнили обо мнѣ.

— Да, вотъ, видите: я вспоминаю своихъ друзей, а вы ихъ забываете.

— О! нѣтъ, нѣтъ; никогда, ни на одну минуту! увѣрялъ Борисъ Михайловичъ, цѣлуя и поглаживая руку Вѣры Павловны:—Никогда, ни на одну минуту, мое божество!

— Прежде я этому вѣрила...

— А теперь?

— Теперь, извините.

— Почему же, мое божество?

— Потому, что съ нѣкотораго времени у васъ, вѣроятно, явилось новое божество, а на старое вы и вниманія не обращаете; таковы вы всѣ мужнины! сказала Вѣра Павловна, стараясь придать себѣ видъ капризнаго и надувавшегося ребенка. Но, сказать правду, ей не совсѣмъ удалось это. Щепановъ почему-то вдругъ вспомнилъ Таню. Въ головѣ его мелькнуло сравненіе, онъ взглянулъ на Вѣру Павловну уже нѣсколько равнодушиѣ; открытая ножка, обнаженные руки и шея, все это взволновавшее его за минуту такъ сильно, было забыто; на Щепанова словно вылили ковшъ холодной воды и онъ сказалъ:

— Напрасно вы такъ думаете; но сказалъ это такъ вяло, что Вѣра Павловна не могла этого не замѣтить.

Въ одну минуту воображенію ея предсталъ ненавистный образъ городничихи, окруженный гнусными кознями, котормя, по всей вѣроятности, сблнн съ толку *этого глупаго старичишку* — такъ мысленно названъ былъ отставной генераль Щепановъ. Вѣрѣ Павловнѣ представилось вдругъ, съ необыкновенною ясностью, что вотъ, можетъ быть, точно такъ же на диванѣ лежала и городничиха передъ Щепановымъ и, пожалуй, открыла еще больше свои ноги... Она, безстыдница, подумала Вѣра Павловна, готова на все, лишь бы сдѣлать мнѣ на зло. Это было совершенно вѣрно: городничиха дѣйствительно рѣшилась бы на многое, чтобы только нагадить противной Шаповалихѣ; но не представлялось удобнаго случая и, такимъ образомъ, черныя предположенія

Вѣры Павловны были ложны, а подозрѣнія не справедливы. Борисъ Михайловичъ нѣсколько дней и въ глаза не видалъ Поборову, да и во всякомъ случаѣ предпочелъ бы ей Вѣру Павловну. Но Вѣра Павловна не знала этого и кипѣла неутомимой злобой къ ненавистной соперницѣ. Она, можетъ быть, продолжала думать Вѣра Павловна, чертъ знаетъ въ какомъ видѣ показывалась этому старому болвану, она, можетъ быть.... На этомъ нить грустныхъ размышленій была порвана; Щепановъ взглянулъ на часы и, подымаясь съ турецкаго дивана, сказалъ:

— Однако я не смѣю утомлять васъ долѣе своимъ присутствіемъ. Къ тому же ко мнѣ, я думаю, уже съѣхались гости.

Вѣра Павловна упрашивала гостя посидѣть еще хоть нѣсколько минутъ, но Щепановъ увѣрялъ, что никакъ не можетъ, откланялся съ обычною развязностью и исчезъ за драпри. Шаповалова была поражена окончательно. Каждый легко можетъ представить себѣ ея отчаяніе и досаду; каждый легко можетъ представить себѣ какіе некрасивые эпитеты посылались въ обилии на головы Щепанова и Поборовой; каждый легко догадается, что досталось, въ чужомъ пиру похмѣлье, и Григорію Петровичу, когда онъ воротился домой... Словомъ: досталось всѣмъ, кромѣ виноватаго.

V.

Послѣ извѣстной уже читателю сцены, въ избѣ садовника Михайлы все глядѣло мрачно и печально. Такъ глядитъ мѣстность послѣ бури. Буря прошла; но живы слѣды ея: вотъ вырвало съ корнемъ молодую березу; вотъ на другомъ деревѣ обожгло грозой всю зелень; вотъ погнулся и треснулъ старый дубъ; градомъ и дождемъ прибило пышную и высокую траву, вѣтромъ повалило изгороды; все исковеркано и попорчено; все глядитъ иначе....

Михайло, если бывалъ дома, молча и насупившись, стругалъ палочки для цвѣточныхъ куртинъ или разбиралъ семена; Авдотья совала горшки въ печь съ какинь-то озлобле-

нѣмъ, словно горшки провинились въ чемъ-нибудь; Татьяна, съ заплаканными глазами, копошилась за работой и тайкомъ вздыхала. Молчаніе нарушалось только трескомъ пылающихъ дровъ да какимъ-нибудь печальнымъ звукомъ унавшаго, напримѣръ, ухвата или брошенной лучины; слышно было журчаніе безчисленнаго множества мухъ. За столомъ положеніе этихъ трехъ лицъ, когда-то дружныхъ, довольныхъ и веселыхъ, становилось еще тягостнѣе; они сидѣли, востъ къ носу, за однимъ горшкомъ щей или каши, избѣгая взглянуть другъ на друга и храня мертвое молчаніе. Татьяна и Авдотья почти не дотрогивались до кушанья; самъ Михайло, охотникъ поѣсть, ѣлъ теперь вяло и мало. День тянулся безконечно длительно да и ночь не приносила уже прежняго, здороваго, освѣжающаго и подкрѣпляющаго, сна. Всѣмъ было равно тяжело и неловко; никто изъ тропхъ не рѣшался нарушить этой гробовой тишины, надъ каждымъ тяготѣла извѣстная мысль.

Михайло былъ, что называется, между двухъ огней. Особенно жаль стало ему Тани съ той минуты, какъ сорвался у него съ языка неловкій упрекъ. Михайло припомнилъ, день за днемъ, все время, какъ Таня сироткой двухъ лѣтъ была взята въ домъ и росла потомъ кроткой и ласковой дѣвочкой. Онъ видѣлъ въ этомъ ребенкѣ особенное благословеніе Божее; не разъ даже говаривалъ объ этомъ Авдотѣ:

— Это вѣдь милость Божія послана намъ въ Танѣ-то, ты посмотри-ко на нее что это за дѣвочка — любо взглянуть, лучше всякой родной.... Да въ избѣ-то, гляди, въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать, все при ней идетъ ладно.

— Да, нечего Бога гнѣвить, подтверждала Авдотья.

— А посмотри на нее, какая она ласковая да привѣтливая!...

Все это пришло теперь въ голову Михайлѣ.

— Какъ же такъ? рассуждалъ онъ самъ съ собою: — почиталъ я ее вмѣсто родной дочери и вдругъ, теперичи, попрекнулъ хлѣбомъ-солью. И за что? не идетъ на дурное дѣло.... Эхъ, ты жизнь-то нашинская! Вотъ, что тутъ станешь дѣлать? Баринъ хочетъ, гдѣ-жъ мнѣ противъ ево что нибудь.... А дѣвка плачетъ.

И сколько ни думалъ Михайло, ничего не могъ придумать утѣшительнаго; только спльнѣе хмурились у него брови и тоскливѣе становилось на душѣ. Какъ ни раскидывалъ онъ умомъ-разумомъ, все выходило неладно. Рѣшился Михайло, покорясь волѣ Божіей, ждать что будетъ и скорѣй вынести барскую немилость, чѣмъ хотѣть заикнуться еще разъ Танѣ объ этомъ дѣлѣ. Какъ знаетъ, такъ пусть и дѣлаетъ.

Таня страдала не менѣе. Упрекъ Михайлы не давалъ ей ни на минуту покоя; за нее потерпѣть тѣ, кто выкормилъ и вырастилъ ее, тѣ, кого привыкла она считать родными, кому обязана всѣмъ своимъ существованіемъ. Съ другой стороны, голосъ врожденной чести громко говорилъ противъ того положенія, какое предлагалось ей отъ имени генерала. Ошибается тотъ, кто думаетъ, что въ простомъ человѣкѣ пѣть этого голоса. Таня не могла безъ ужаса представить себѣ той минуты, когда позоръ ея сдѣлается гласнымъ, когда она не будетъ смѣть взглянуть въ глаза добрымъ людямъ.

— Да ужъ если бы, говорила Таня самой себѣ, выносить такой стыдъ ради милаго человѣка, котораго бы любила я всей душою, а то вѣдь придется мнѣ связать свою жизнь съ старикомъ не милымъ и отдать ему все мое богатство, честь, красоту и молодость!... Рядить меня станеть? да вѣдь сраму-то подъ шелкомъ не спрячешь!..

Чистая душа неспорченной Тани еще не сознавала, что лишь

.... Сквозь рубище худое

Порокъ ничтожный ясно видѣнъ глазу,

Подъ шубой парчевою вѣтъ порока!

И Татьяна, какъ и Михайло, путаясь въ гнетущихъ ея мысляхъ, представляла развязку всего дѣла судьбѣ.

Авдотья играла въ этой нѣмой драмѣ самую безцвѣтную роль и была мрачна и печальна, потому что другія мрачны и печальны. Ей, конечно, жаль было и Татьяну, жаль было и Михайлу; о вольной и трехъ-стахъ рублехъ она забыла и вообще на все это дѣло глядѣла довольно легко, — перемелется, мука будетъ, да многого и не понимала.

Влюбленный старикъ, генералъ Щепановъ, былъ увѣ-

рентъ, что семья эта должна радоваться изъявленному имъ желанію осчастливить Таню.

— Какъ имъ не радоваться? полагалъ Борисъ Михайловичъ: — Старикамъ вольная и деньги, а дѣвчонка станетъ жить барыней.... Я удивляюсь, отчего Михайло до-сихъ-поръ не является съ отвѣтомъ; я сказалъ ему, что долго ждать не намѣренъ.... А дѣвочка мнѣ очень нравится, прибавлялъ онъ: — смѣшно было бы упустить изъ рукъ такой лакомый кусочекъ.

Послѣ описаннаго уже визита къ Вѣрѣ Павловнѣ, потерпѣвшей на турецкомъ диванѣ такое пораженіе, Щепачовъ особенно возновался при мысли о Танѣ и потребовалъ къ себѣ Михайлу.

Садовникъ и его семья сидѣли за обѣдомъ, когда маленькій казачокъ просунулъ гладко выстриженную голову въ отворенное окно и тоненькимъ голоскомъ пропищалъ:

— Михайло Васильчъ, генералъ васъ зоветъ, идите скорѣй!

Тоненькій голосокъ казачка словно громомъ грянулъ въ садовниковой избѣ. Михайло понялъ очень хорошо, за чѣмъ гребуетъ его генералъ; Татьяна почему-то догадалась, словно кто шепнулъ ей, а Авдотья перепугалась и сама не знала отчего. Медленно поднялся Михайло пзъ-за стола, помолился и сказалъ Авдотѣ:

— Дай-кошь новый сюртукъ да чистый фартухъ.

подавая и то и другое, Авдотья спросила:

— За чѣмъ это зовутъ тебя къ спералу-то?

— За чѣмъ? за дѣломъ, отвѣтилъ очень сурово Михайло.

Авдотья подшерла рукой щеку и задумчиво качнула головой.

— Ну, Татьяна, обратился Михайло къ воспитанницѣ: — не плачь, худа не будетъ. Я тебя укорилъ и винюсъ въ томъ; за то, теперичи, не выдамъ тебя, будь что будетъ.... Я для тебя же сперва думалъ, не хочешь, не веволю.

Одѣвшись и оправившись, онъ помолился на передній уголъ, кивнулъ головой Авдотѣ и вышелъ изъ избы.

Таня, блѣдная и дрожащая, кинулась за нимъ.

— Михайло Васильчъ! прошептала она, догоняя Михайлу на крыльцѣ.

Михайло обернулся въ недоумѣніи.

— Я передумала.... Я согласна.

— Какъ? заговорилъ тронутый Михайло: — ты?... нѣтъ, нѣтъ, не надо!... Миѣ вѣдь ничего, головы съ плечь не съметъ, ничего, все обойдется.... Не надо.

Но Татьяна настаивала на своемъ:

— Я передумала, я согласна. Коли вы не скажете ему, я сама пойду; лучше ужъ вы скажите.

— Да какъ же это, Татьяна? бормоталъ Михайло: — Вѣдь это какая же жизнь тебѣ будетъ?...

— Ничего, свыкнется, слюбится. Не хочу я, чтобъ вамъ слово худое сказали за меня, а миѣ ужъ видно такая судьба; можетъ и къ лучшему.

Михайло воротился въ избу и опять уговаривалъ Таню:

— Да полно, ты, перестань, не надо совѣмъ этого; по сердится да и перестанетъ.

Уговаривала ее и ничего непонимающая Авдотья, но Таня была непреклонна, никакія уговариванья на нее не дѣйствовали.

— Моя добрая воля, сказала она рѣшительно: — я согласна!... Не томите меня по напрасну, идите и скажите ему, что я согласна!

Михайло пожалъ плечами и прошепталъ:

— Будь твоя воля, Господи!

Отправился къ генералу съ благопріятнымъ для него отвѣтомъ.

VI.

Черезъ нѣсколько дней, къ удивленію всей дворни, садовникъ Михайло съ женой отпущенны на волю и куда-то уѣхали, а Таня, приписанная къ малояворскому мѣщанству, поселилась въ мезонинѣ барскаго дома. Его превосходительство приказали почитать ее какъ барышню и называть Татьяной Михайловной.

Неизвѣстно какими путями, но очень скоро всѣ знакомыя Щепанова узнали объ его *романъ*, такъ выражались дамы. По цѣлому уѣзду и даже по губерніи разнеслись самыя разнообразныя и неправдоподобнѣйшія басни. Одни увѣряли, что къ Щепанову пріѣхала изъ Петербурга цыганка, что она стара и безобразна, другіе утверждали, что это итальянская пѣвица, на которой онъ давно уже женатъ, и что она удивительно хороша. Кто-то рассказывалъ даже, что *таинственная красавица*, проживающая у Щепанова не кто иная, какъ извѣстная вафельница, выписанная имъ изъ Петербурга. Тонкіе сарказмы, называемые въ Малояворцѣ и его окрестностяхъ, *штильками* и *крючками*, отпускались сначала смѣлѣйшими по поводу генеральскаго романа, но Щепановъ притворился, что не понимаетъ ихъ, а двухъ-трехъ господъ, которые сунулись было уже слишкомъ нахально толковать объ этомъ, онъ пугнулъ такъ, что всѣ прикусили язычекъ. Дамы, я долженъ сказать это, сгарали любопытствомъ увидѣть таинственную красавицу, но Борисъ Михайловичъ и тутъ былъ на сторожѣ. Больше всѣхъ, конечно, суетилась Вѣра Павловна; она изъ себя выходила, какъ бы заглянуть за кулисы домашней жизни этого сквернаго старичишки, — послѣ пораженія на турецкомъ диванѣ другаго названія Щепанову и не было. Хотѣлось ей этого, во-первыхъ, для того, что бы вывести сквернаго старичишку на свѣжую воду; во-вторыхъ просто изъ любопытства: кто эта красавица, и въ-третьихъ: сильно боялась она, чтобы, Боже сохрани, прежде ее не узнала всей подпоготной ненавистная городничиха. Городничиха съ своей стороны принимала довольно рѣшительныя мѣры къ открытію генеральской тайны и несказанно радовалась, что противная Шаповалиха осталась съ носомъ.

Пока толки эти и басни то замирали, то съ новою силою вспыхивала и бродили по губерніи; пока, наконецъ, любопытнѣйшіе и проникательнѣйшіе сосѣди добрались до истины, генераль Щепановъ вынесъ не мало. Приходилось ему вести и войну оборонительную, противъ осаждающаго его любопытства, и войну наступательную. И въ той и другой потерпѣлъ онъ неудачу. Малояворскія амазонки взяли,

наконецъ, крѣпость, и бойкая Таня, очень скоро освоившись и сознавъ безсиліе влюбленнаго генерала, увертывалась отъ него съ необыкновеннымъ геройствомъ и искусствомъ. Сколько разъ подбодрившійся Щепановъ стучалъ въ двери верхняго отдѣленія и сладкимъ голосомъ упрашивалъ:

— Пусти же меня, милочка, я только на минуту, только взгляну на тебя, ей Богу, только взгляну, пусти, моя душечка.

— Нѣтъ, знаю я васъ, говорила Таня: — васъ пусти, такъ съ вами и не сладись. Вы ужъ показали себя; я вамъ больше не вѣрю.

— Ну, дружочекъ мой, мой ангельчикъ, конючилиъ Щепановъ: — пусти на одну минуту, только на одну минуту.

— Ни за что въ свѣтѣ, твердила Таня: — ни за что въ свѣтѣ.

— Сжался надо мною, не мучь меня.

— Полноте Лазаря-то пѣть, идите лучше спать.

— Да я сейчасъ уйду, только дай мнѣ взглянуть на тебя.

— Нельзя, я раздѣлась.

Щепановъ нагибался и смотрѣлъ въ замочную скважину. Боги! что дѣлалось съ нимъ, когда Таня въ самомъ дѣлѣ стояла передъ дверью въ одной рубашкѣ, такъ соблазнительно драпирующей ея красивыя формы! Какъ била его лихорадка, когда онъ впивался жаднымъ взоромъ въ розовую ножку Тани или въ открытое плечо. Какимъ сладострастьемъ дрожалъ его безпрестанно обрывающійся голосъ, когда онъ почти шепотомъ снова молилъ Таню:

— Таничка... пусти меня... я для тебя все сдѣлаю, все что хочешь... Таничка... пусти только на минуту.

— Нѣтъ, нѣтъ — идите спать, твердила Таня.

— Да послушай, Таничка, вѣдь я только на одну минутку... Душечка, вѣдь видишь, какъ я тебя хорошо прошу.

— Вамъ сказано, я раздѣлась.

— Да ничего, вѣдь я сейчасъ уйду.

И Щепановъ снова глядѣлъ въ замочную скважину и

снова просилъ нустить его только на одну минуту, а Тани, попрежнему, твердила :

— Нѣтъ, нѣтъ.

Разъ какъ-то Щепановъ, выведенный изъ терпѣнія упорствомъ Тани, разсердился не на шутку и погрозился позвать людей и выломать двери.

— Надѣлаю шуму и осрамлю тебя, а завтра выгоню изъ дому! сказалъ онъ внѣ себя.

— А! если вы такъ со мной, подхватила бойко Тани: — такъ берите на свою душу грѣхъ... Кричите людей, ломайте двери, а я брошусь въ окно... Ну, что жъ вы молчите? прибавила она, возвышая голосъ: — Или духу не хватаетъ, хотите я крикну? Ну, хотите?

Безхарактерный и влюбленный генераль уступилъ.

— Ну, перестань дурачиться, заговорилъ онъ весьма мягко: — Я такъ только попугалъ тебя... Вѣдь мнѣ обидно.

— А мнѣ развѣ не обидно?.. Вы чтó говорили, когда и пришла къ вамъ?

— Ну, полно, перестань...

— Нѣтъ, вы скажите: чтó говорили? Я тебѣ даю полную волю, я тебя не стану принуждать... А теперь чтó? А какъ я на себя руки наложу, тогда хорошо будетъ?

— Ну, перестань, не сердись; ну, Богъ съ тобой, прощай... вотъ видишь: я уйду, не сердись, уйду, прощай...

Пробовалъ иногда Щепановъ, послѣ безплоднаго стука въ запретныя двери, надуться утромъ и выказать такимъ образомъ Танѣ свое неудовольствіе; но Тани подходила къ нему, заглядывала кокетливо ему въ лицо и съ улыбкой говорила:

— Ай, какой сердитый!... Фу, какъ не хорошо сердиться, никто любить не станетъ, никто не поцѣлуетъ... Ну, вы еще сердитесь?.. Ну такъ прощайте, я уйду.

Сердце Бориса Михайловича смягчалось, онъ бѣжалъ за Таней и въ ту же минуту заключался миръ.

Убѣдившись, что угрозы и прозбы бесполезны, Щепановъ сталъ задаривать свою капризную любимицу; но и тутъ Тани, уже очень хорошо понявшая свою роль, медленно, только шагъ за шагомъ, уступала исканіямъ влюбленнаго

старца. Въ домѣ она сдѣлалась полновластною хозяйкою; ея воля, даже капризы, стали закономъ всему дому, начиная съ обезумѣвшаго генерала до послѣдняго казачка его дворни. Долѣ всѣхъ косился на Таню старый камердннеръ который, разумѣется, терялъ теперь все значеніе въ глазахъ всей дворни, но и онъ принужденъ былъ, наконецъ, покориться генеральской фавориткѣ и сталъ даже угрожать ей.

Распоряжаясь Щепановымъ и его деньгами, какъ своею собственностью, Таня щедро осыпала дворню подарками и милостями. У кого только была какая-нибудь надобность и просьба къ Щепанову, тотъ шелъ прямо къ Татьянѣ Михайловнѣ и рѣдко получалъ отказъ. Многіе изъ крѣпостныхъ Бориса Михайловича получили свободу, благодаря Танѣ. Падетъ ли лошадка или коровка у мужиковъ, сгоритъ ли избѣнка — во всякой бѣдѣ поможетъ Татьяна Михайловна. Слава о ея добротѣ росла и разносилась по уѣзду; по отчего жъ не сказать правду, главнѣйшимъ побужденіемъ ея щедрости было просто тщеславіе. Влюбленный Щепановъ, разумѣется, не разбиралъ причинъ и побужденій, а только восхищался каждымъ поступкомъ Тани и съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе подчинялся ея самовластію. Напрасно увѣрялъ онъ когда-то, что не можетъ сложить сердце у ногъ одной красавицы и, затѣмъ, уже не восхищаться другимъ; сердце фривольнаго генерала лежало теперь подъ башмакомъ Тани, и всѣ другія красавицы были забыты.

Бывшая воспитанница садовника, перепменованная въ Татьяны Михайловны, не сдѣлалась барыней, хотя туалету ея позавидовала бы сама Шаповалова. Пользуясь своимъ значеніемъ, она нисколько и не заботилась объ этомъ, даже не старалась измѣнить своихъ манеръ; напротивъ, манеры ея пріобрѣли нѣкоторую нахальную развязность, которую могъ не замѣтить только влюбленный генералъ Щепановъ. Да и гдѣ было Танѣ, у кого перенять хорошія манеры? Кто могъ внушить ей желаніе образоваться и стать дѣйствительно барыней? Наконецъ, къ чему повело бы это?...

Время проводила она довольно однообразно. Когда у Щепанова не было гостей, онъ безвыходно спдѣлъ въ ме-

зоннѣ, щедро разсыпая любезности и нѣжности. Таня слушала и принимала ихъ довольно холодно, не стараясь даже скрывать это отъ Щепанова. Иногда они ѣздили вмѣстѣ кататься или ходили гулять. Таня бѣгала, поддразнивая безсильнаго старичка и заставляя его догонять себя.

— Ловите меня, вскрикнетъ бывало Таня, пускаясь по аллеѣ сада: — Ловите, если любите!

Охая и задыхаясь Щепановъ съ трудомъ семенить большими ногами и падаетъ въ совершенномъ изнеможеніи гдѣ-нибудь на скамью, а Таня хлопаетъ въ ладоши и заливается звонкимъ смѣхомъ.

— Ну, шепчетъ Борисъ Михайловичъ, едва переводя духъ: — поди-же ко мнѣ плутовка... Поди сюда, поди ко мнѣ.

— А что мнѣ будетъ за это?

— Все, что хочешь, говоритъ Щепановъ, любуясь разгорѣвшимся личикомъ Тани и высоко поднимающеюся грудью: — Все, что хочешь, только поди ко мнѣ.

И Таня выпрашиваетъ что ей вздумается.

Въ тѣ дни, когда къ Щепанову собирались гости, Таня не выходила изъ своей комнаты. Тайкомъ, изъ-за занавѣски, поглядывала она въ садъ, если дѣло было лѣтомъ; а зимой лежала на диванѣ, дремала или прислушивалась къ музыкѣ и шумному говору гостей. Вообще она скучала и, не смотря на всю внимательность Щепанова, не смотря на окружавшій ея избытокъ, была недовольна своимъ положеніемъ. Скоро ей надоѣли и гости и пиры, въ которыхъ она не могла принять участія; ей стало досадно, зачѣмъ она не можетъ явиться въ роли хозяйки, зачѣмъ ей должно прятаться. Особенно непріязненно глядѣла она на дамъ, понимая, что онѣ-то именно и составляютъ главнѣйшую причину ея затворничества, и рѣшилась, наконецъ, потребовать отъ Щепанова, чтобы онъ измѣнилъ обычный родъ жизни. Какъ-то, подъ хорушую руку, когда Борисъ Михайловичъ былъ особенно нѣженъ, Таня приступила прямо къ дѣлу. Закручивая усы Щепанову, что чрезвычайно нравилось ему, Таня сказала:

— А вѣдь вы все врете, что любите меня...

— Почему ты это думаешь? спросил Щепановъ, по-смѣиваясь и заигрывая съ Таней.

— А вотъ почему, отвѣчала она, кокетливо увертываясь: — Вы обо мнѣ совсѣмъ не думаете; вы веселитесь съ гостями, увиваетесь за этими противными барынями, а обо мнѣ и думать забыли. У васъ тамъ внизу—пиръ горой, а я сижу здѣсь, какъ въ острогѣ, носа не смѣю высунуть, просто одурь беретъ.

— Полно, полно, моя красавица, не грѣхъ ли тебѣ такъ говорить?

— А вамъ, небойсь, не грѣхъ волочиться за барынями..

— Ты развѣ ревнуешь? сказалъ Щепановъ, самодовольно улыбаясь и охорашиваясь.

Таня устала на него изумленные глаза и самымъ наивнымъ образомъ спросила:

— Какъ ревнуешь?

— То есть боишься, пояснилъ Борисъ Михайловичъ: — что я промѣняю тебя на одну изъ этихъ барынь.

— Вотъ ужъ ни сколько; а просто терпѣть ихъ не могу; онѣ мнѣ надоѣли, я не хочу ихъ видѣть и если вы въ самомъ дѣлѣ любите меня такъ, какъ говорите, вы должны подумать обо мнѣ....

— То есть, какъ подумать о тебѣ?

— А такъ подумать, что не звать къ себѣ больше этихъ барынь, а то я васъ любить не стану.

— Ахъ, ты плутовка, право, плутовка! говорилъ Щепановъ, стараясь поймать Таню за талию.

— Да вы прежде говорите дѣло, а не съ глупостями приставайте.

— Въ чемъ же дѣло-то?

— Въ томъ, что мнѣ надоѣли ваши гости; мнѣ скучно, я не стану и смотрѣть на васъ, и не подходите ко мнѣ, слышите ли, и не подходите ко мнѣ никогда.

Желаніе Таня было, разумѣется, исполнено. Домъ Бориса Михайловича Щепанова закрылся для гостей, къ общему негодованію; исключеніе было сдѣлано только въ пользу небольшого кружка самыхъ близкихъ пріятелей Щепанова, которымъ онъ представилъ свою любимицу. Новая

роль правилась Танѣ. Она сдѣлалась даже снисходительнѣе и ласковѣе къ Щепанову. Пріятели его, молодыхъ людей между ними не было, приходили въ восхищеніе отъ прекрасной Татьяны Михайловны и вмѣстѣ съ Щепановымъ глядѣли ей въ глаза. Таня зажила припѣваючи и, мало-по-малу, совершенно свыклась со своимъ положеніемъ.

VII.

Только четыре года прошло съ того дня, какъ воспитанница садовника поселилась въ барскомъ домѣ; но измѣнилось въ немъ многое. Щепановъ замѣтно дряхлѣлъ и опускался. Онъ сталъ часто хворать, ноги отказывались уже служить ему, затряслись голова и руки, шампанское замѣнилось микстурами и каплями, словомъ, пришла пора подумать о смертномъ часѣ. Ясно было, что силы его въ эти четыре года окончательно надорвались; но любовь къ Танѣ не уменьшалась, она обратилась въ какое-то безсознательное благоговѣніе. Такіе старцы уносятъ въ гробъ свою послѣднюю любовь.

Таня хоть и морщилась порой, но ухаживала, однакожъ, за недужнымъ старпкомъ довольно внимательно; не рѣдко приходилось ей даже кормить этого отживающаго ребенка.

Странную и не совсѣмъ пріятную картину представляла эта красавица, полная огля и жизни и этотъ дряхлый, больной и слезливый старикъ. Оба лица были одинаково жалки и тяжело было смотрѣть на нихъ вмѣстѣ. Щепановъ, окутанный и обвязанный, сидѣлъ обыкновенно въ высокомъ креслѣ. Потухшіе и безцвѣтные глаза его слезливо блуждали по комнатѣ; онъ дышалъ тяжело, охаль и безпокойно егосилъ въ креслѣ, Таня то вертѣлась около него, подавая ему лѣкарство, то, присѣвъ у окна, шла что-нибудь, мурлыкая въ полголоса пѣсенку. Въ домѣ была тишина страшная, посреди которой явственно раздавался мѣрный, однообразный стукъ старинныхъ стѣнныхъ часовъ и слышалось тяжелое дыханіе больнаго.

— Танюша, говаривалъ иногда Борисъ Михайловичъ раз-

битымъ и жалобнымъ голосомъ: — Милая моя Танюша! отведи ты мнѣ душу, спой ты, Христа ради, что-нибудь съ гитарой.

Таня неохотно брала гитару и, побрячавъ нѣсколько, запѣвала тихимъ, но приятнымъ голосомъ какую-нибудь русскую пѣсню, до которыхъ былъ такой охотникъ Щепановъ. Пѣсня уносила его въ прошедшее, въ давно прожитое; зажмурившись и съ затаеннымъ дыханіемъ вслушивался Борисъ Михайловичъ въ чудный, густой голосъ Тани, голосъ этотъ лился прямо въ душу больного чѣмъ-то невыразимо отраднымъ и живительнымъ. Передъ Щепановымъ вставали знакомыя лица, оживали давно забытые случаи, приходило на память отрывки бурной молодости, вся веселая, шумная жизнь и, наконецъ, то прелестное утро въ саду, когда онъ встрѣтилъ первый разъ Таню. Въ эти минуты въ старикѣ вспыхивала угасающая жизнь; но вслѣдъ за минутнымъ оживленіемъ слабѣли нервы и онъ начиналъ плакать. Тогда Таня сердито бросала гитару и говорила:

— Ну, разныкались опять, я никогда пѣть не стану.

Испуганный Щепановъ умолялъ ее не сердиться, просилъ извиненія, силился удержать свое хныканье, какъ дѣлаютъ это расплакавшіяся дѣти, которыхъ вдругъ пристрашаетъ мать, и измученный, обезсиленный засыпалъ въ креслѣ.

Бывали дни, когда Борису Михайловичу становилось лучше; Таня не любила этихъ дней. Влюбленный старикъ, чувствуя въ себѣ нѣкоторую бодрость, возвращался къ своимъ привычкамъ.

— Таня! объявлялъ онъ торжественно, стараясь придать веселый и приятный видъ своему изнеможенному лицу: — мнѣ сегодня лучше!

— Очень рада, говорила Таня весьма равнодушно.

— Я совсѣмъ здоровъ, ей Богу, совсѣмъ здоровъ!.. вотъ только проклятыя ноги отказываются служить, а то гулять бы пошелъ.

— Ну, ужъ будетъ и того, что поговорите о гуляньѣ.

— Да, нечего дѣлать.... Поди хоть ты ко мнѣ, моя кошечка, дай мнѣ хоть за ручку тебя подержать.

— Ну, пошли выдумки! говорила Таня: — потомъ опять хуже будетъ.

— Ничего, душечка, ничего, милочка, упрасивалъ Щепановъ: — поди на минуточку.

Таня подходила къ нему съ неудовольствіемъ. Щепановъ бралъ ее за руку, жалъ и цѣловалъ ее, занскивающимъ взглядомъ смотрѣлъ Танѣ въ лицо, обнималъ ее за талию, волновался и млѣлъ, и такимъ образомъ опять истрачивалъ возвратившіяся было на мгновеніе силы. Послѣ сценъ этихъ ему дѣлалось обыкновенно хуже, а Таня глядѣла на него съ большимъ отвращеніемъ.

Такимъ образомъ шла жизнь этихъ двухъ существъ, такъ сгранно связанныхъ между собою. Танѣ она становилась невыносима. Не разъ изъ этой душевной комнаты, пропитанной запахомъ лѣкарствъ, воображеніе уносило Таню на свѣтлую лужайку, гдѣ такъ часто бѣгала и играла она, маленькой дѣвочкой, подъ яркими и знойными лучами солнца, посреди душистыхъ цвѣтовъ, окруженная цѣлымъ моремъ дивныхъ и разнообразныхъ звуковъ, отъ скромнаго жужжанія пчелы до переливной пѣсни жаворонка. Подъ однообразный стукъ стѣнныхъ часовъ и тяжелое дыханіе Щепанова, Таня задумывалась, и мысли, безтолково цѣпляясь одна за другую, тянулись безконечною вереницею, путая настоящее съ прошедшимъ. То сидѣла Таня въ простой избѣ за азбукой и повторяла за Михайломъ:

— Глаголь, есть — ге, нашъ, есть — не, рцы, азъ, лоди, ерь — ралъ, ге-не-ралъ.

То краснѣла и потуплялась передъ генераломъ, который дрожа и задыхаясь душилъ ее старческими объятіями и покрывалъ мокрыми поцѣлуями... То молилась Таня, рядомъ съ Авдотьею, передъ ярко-освѣщенной иконой, въ дорогомъ окладѣ, подъ звуки стройнаго монастырскаго напѣва; то въ ухахъ ея дребезжалъ разбитый, старческой голосъ, рассказывающій ей скандалезныя похождения въ Парижѣ. Съ быстротою, какая дана только человѣческой мысли, Таня въ нѣсколько минутъ переживала годы. Воспоминанія дѣлили ея жизнь на двѣ части; въ одной росла и разпывалась Таня чистымъ и невнимнымъ созданиемъ, подъ вліяніемъ простыхъ, но добрыхъ лю-

дей; въ другой — все ея нравственное существо заражалось, мало-по-малу, тонкимъ ядомъ испорченной натуры, и пстѣ-вало. Таня не сознавала зло, которое сдѣлалъ ей Щепановъ, но онъ надоѣлъ, опротивѣлъ ей и не разъ, вглядываясь въ эти разбитые остатки генерала, укутанные и стенищце, она грѣ-шила и думала, что пора бы имъ успокоиться.

Самъ Щепановъ скоро, казалось, почувствовалъ это и объявилъ однажды Танѣ, что пора ему покаяться и подумать о своей душѣ.

— Видѣлъ я сонъ, рассказывалъ Борисъ Михайловичъ: — сижу будто бы я въ темной, претемной пещерѣ — зги Бо-жіей не видно, а кругомъ меня копошатся гады, разные гады и чудища... И такъ мнѣ стало страшно, что даже сердце перестало биться; хочу крикнуть — голоса нѣтъ, хочу руку поднять — рука не шевелится, сижу какъ прикованный и дрожу, какъ осиновый листь.. И вдругъ входитъ въ эту пе-щеру старикъ, серьезный такой и красивый, сѣдой какъ лунь, и говоритъ мнѣ: — Что ты, говоритъ, Борисъ, не поду-маешь о смертномъ часѣ и о страшномъ судѣ Божиѣмъ? Посмотри, говоритъ, кругомъ; видишь этихъ гадовъ и чу-дищъ? это, говоритъ, твои грѣхи скверные. Покайся, пока еще есть время! Велики, говоритъ, твои прегрѣшенія, но велико и неизрѣченное милосердіе Божіе. Уповай, говоритъ и кайся!... Сказалъ это старикъ и пропалъ; съ этимъ я и проснулся... Знаешь, Таня, думаю я: не послать ли мнѣ за отцомъ-игуменомъ? Онъ старецъ благочестивый, побесѣдо-вать бы съ нимъ и посовѣтоваться...

— Что жъ, можно послать, если хотите, сказала Таня.

— Пошли, Танюша, пошли, дорогая моя. Такъ и прикажи сказать, что вотъ, молъ, Борисъ Михайловичъ Щепановъ прислали и приказали просить къ себѣ отца-игумена.

Таня послала за отцомъ-игуменомъ.

— За отцомъ-игуменомъ-то мы послали, спохватилась она: — а въ цѣломъ домѣ ни одной лампадки нѣтъ передъ святыми иконами.

— Ахъ, ты Господи! вѣдь и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни одной! подтвердилъ Щепановъ: — пошли, ради Христа, въ городъ, какъ можно скорѣй пошли.

Верховый былъ посланъ въ Малояворецъ за лампадой. Таня затеплила ее въ комнатѣ больнаго.

— Ну, теперь, слава Богу, все въ порядкѣ.

Когда доложили о приѣздѣ отца-игумена, Таня ушла къ себѣ на верхъ и занялась приготовленіемъ чая и закуски.

Отець-игумень, мужчина лѣтъ пятидесяти, но еще живой и бодрый, не высокаго роста, блѣдный и худощавый, вошелъ въ комнату тихую, мягкою поступью; помолился иконѣ и скромно поклонился больному.

— Миръ вамъ и дому вашему, сказалъ отецъ-игумень, выколачивая каждое слово.

— Извините, что не встаю, прохрипѣлъ Щепановъ: — прошу садиться; силъ нѣтъ встать.

— Не беспокойтесь, не тревожьте себя.

— Болѣзнь одолеваетъ.

— Воля Божія, воля Божія! замѣтилъ поучительно отецъ-игумень: — Творецъ нашъ многомилостивый испытуетъ человѣка; нерѣдко и самая болѣзнь обращается въ благо намъ многогрѣшнымъ. Священное писаніе... вы конечно читаете священное писаніе?...

Щепановъ промычалъ что-то не явственно.

— Священное писаніе, продолжалъ отецъ-игумень, не разслушавъ отвѣта: — представляетъ намъ множество поучительныхъ примѣровъ. Изъ дѣяній святыхъ отцовъ видно, какъ спасительны бываютъ самыя немощи; онѣ, такъ сказать, служатъ горниломъ, въ которомъ очищается грѣховный человѣкъ.

— Много, отецъ мой, грѣшилъ я, сказалъ глубоко вздыхая Щепановъ: — очень много; всю жизнь свою грѣшилъ.

— Богъ милосердъ, утѣшалъ отецъ-игумень: — онъ приметъ раскаяніе грѣшниковъ и прощаетъ. Извѣстно вамъ, что блудница, блудница покаявшаяся, и та была прощена. Требуется только полное раскаяніе и совершенное отреченіе отъ всего мірскаго...

Въ эту минуту подали закуску.

— Не прикажите ли? спросилъ Щепановъ.

— Благодарю, государь мой... Семейства вы не имѣете?

— Нѣтъ.

— А родные есть?

— Никого нѣтъ.

— Ну, государь мой, добрые люди станутъ молиться о вашемъ здравіи, а вы воздерживайтесь отъ пищи тѣлесной, насыщайтесь духовной и уповайте.

— Признаться сказать, отецъ мой, у меня и книги-то не одной нѣтъ въ домѣ; не можете ли вы одолжить мнѣ?

— Извольте, извольте, съ удовольствіемъ.... Прекрасный балыкъ у васъ.... Чтеніе святыхъ отцевъ укрѣпляетъ духъ человѣка, да, укрѣпляетъ.... Грибки домашняго соленья?

— Домашняго, отецъ мой.

— Прекрасные грибки.... А вы давно изволили захворать?

— Да вотъ ужъ съ полгода.

— Что дѣлать. Воля Божія, на все воля Божія! Безъ нея, сказано, не падеть ни единый волосъ съ головы человѣческой, и это вѣрно!... Конечно, болѣзнь тяжка, но судьбы Господа неисповѣдимы, все дѣлается къ лучшему. Человѣкъ не долженъ роптать; ему слѣдуетъ, покоряясь воиѣ Всевышняго, думать о жизни будущей; она есть главная цѣль всѣхъ человѣческихъ подвиговъ и стремленій.

Отецъ - игумень долго бесѣдовалъ съ кающимся грѣшникомъ, сильно и краснорѣчиво наставлялъ его на путь истинный, убѣдительно доказывалъ ему, что мірскія блага суть тлѣнь и прахъ, обѣщалъ, что, если суждено Борису Михайловичу перейти въ міръ лучшій, то онъ, отецъ - игумень, и вся братія будутъ молиться о спасеніи его души. Щепановъ остался весьма доволенъ посѣщеніемъ отца-игумена, а отецъ игумень далъ слово завтра же пріѣхать опять къ больному.

— Ну, что? спросила Таня, когда отецъ-игумень уѣхалъ.

— Славный человѣкъ! сказалъ Щепановъ: — умный человѣкъ! Говоритъ, какъ пишетъ. Душу мнѣ облегчилъ, утѣшилъ и много сказалъ поучительнаго.... Вся наша жизнь, сонъ, всѣ блага здѣшней жизни: — тлѣнь и прахъ!... Завтра опять пріѣдетъ.

— Вотъ какъ.

— Да, стану книги священныя читать; пора покаяться,

а то не сегодня-завтра явима *туда*, отвѣтъ надо будетъ дать, пора объ этомъ подумать.

— Давно пора! замѣтила Таня.

— Да, да, подтвердилъ Щепановъ, погружаясь въ задумчивость.

Посѣщеніе отца-игумена не осталось безъ послѣдствій. Борисъ Михайловичъ, въ тѣ минуты, по крайней мѣрѣ, когда онъ приходилъ въ самосознаніе, каялся, повидимому, искренно. Гитара была перенесена въ мезонинъ, пѣсни Тани смѣнились чтеніемъ душевспасительныхъ произведеній, которыми надѣлалъ больнаго добрый отецъ-игумень. Щепанова стали посѣщать многіе изъ монашествующей братіи; одинъ изъ нихъ даже, съ разрѣшенія отца-игумена, совсѣмъ поселился въ домѣ больнаго и ухаживалъ за нимъ вмѣстѣ съ Танею. Отецъ-игумень, увидѣвъ ее однажды, спросилъ:

— Кто эта молодая дѣвица?

Щепановъ назвалъ ее своей воспитанницею. Отецъ-игумень очень ласково разговаривалъ съ Танею и нашелъ, что она очень хорошая дѣвица. Посощренная такимъ милостивымъ отзывомъ, Таня болѣе уже не пряталась отъ отца-игумена и оставалась подлѣ больнаго.

День-ото-дня Щепанову становилось хуже. Быстро двигался онъ къ мирному пристанищу своего бурнаго странствованія; уже обнаружались всѣ несомнѣнные признаки близкой смерти: уши генеральскія поблѣднѣли и получили какую-то особенную прозрачность, носъ вытянулся и заострился, глаза провалились и только изрѣдка оживлялись лихорадочнымъ блескомъ. Щепановъ окончательно терялъ память и самосознаніе.

Не смотря на это состояніе, онъ, однакожь, нѣсколько разъ, оставаясь на единѣ съ Таней, что случалось весьма рѣдко, собирался что-то сказать ей; но всегда что-нибудь мѣшало этому. Наконецъ, разъ, ночью, когда рѣшительно весь домъ, не исключая и приставленнаго монаха, спалъ, Борисъ Михайловичъ пальцемъ поманилъ къ себѣ Таню, сидѣвшую по обыкновенію у окна; не безъ страха подошла она къ постели больнаго.

— Таня, прошепталъ старикъ:— скоро мнѣ придется уме-

реть.... слушай, слушай и не перебивай меня, продолжалъ онъ боязливо оглядываясь: — Не умерь бы я спокойно, еслибъ не удалось сказать тебѣ два слова.... Я тебя не вижу, гдѣ ты? спросилъ Щепановъ, съ трудомъ вытягивая свои изсохшія руки.

— Я здѣсь, отвѣтила Таня, нагибаясь къ больному.

— Слушай, я распорядился: крестьянъ и дворовыхъ отпускаю на волю, пусть помолятся за меня грѣшнаго; лѣса и всю свою землю принесъ въ даръ монастырю, я ужъ сказалъ отцу-игумену; а тебѣ оставлю домъ этотъ, съ садомъ и со всѣми службами, и деньги....

Таня хотѣла поцѣловать руку больнаго, но онъ обнялъ и поцѣловалъ ее въ голову.

— Не кляни меня, dokonчилъ онъ едва слышно: — не кляни меня, прости и помолись обо мнѣ; чувствую я, что приходитъ смерть моя....

И къ утру дѣйствительно пришла смерть и похитила старика, который пожилъ-таки и покутилъ на своемъ вѣку довольно.

VIII.

Въ положенный закономъ срокъ, вскрыто было духовное завѣщаніе покойнаго генерала Щепанова. Крестьяне и дворовые отпускались на волю, лѣсъ и вся господская земля приносились въ даръ монастырю, а домъ съ прилежащими къ нему службами и садомъ переходилъ въ вѣчное и потомственное владѣніе малояворской мѣщанкѣ, дѣвицѣ Татьянѣ Михайловой. Денегъ, по разнымъ обстоятельствамъ, за расходами на похороны, досталось Татьянѣ Михайловнѣ тысячь двадцать ассигнаціями. Мѣстныя власти разобрали кое-какія вещицы на память о многоуважаемомъ покойникѣ и законнымъ порядкомъ, въ извѣстное время, утвердили и привели въ исполненіе его духовное завѣщаніе. Родныхъ у Щепанова не было никакихъ и потому дѣло покончилось мирно, безъ спора, тѣмъ болѣе, что Татьяна Михайловна не пожалѣла, такъ называемой, благодарности.

Сдѣлавшись владѣтельницею барскаго дома, съ садомъ и службами, и значительнаго капитала, Татьяна Михайловна сильно задумалась:

— Что мнѣ дѣлать съ такимъ богатствомъ?

Долгое время ей даже не вѣрилось, что и этотъ огромный домъ, и службы, и садъ, и оранжерей, все это — ея полная, неотъемлемая собственность. Она ходила по комнатамъ съ какимъ-то страннымъ чувствомъ; смотрѣла на *свою* мебель, на *свои* драгоценныя и не драгоценныя вещи и не вѣрила собственнымъ глазамъ. Вонъ тамъ, у сада, изба, въ которой она росла сиротой, та самая изба, гдѣ Михайло говорилъ ей четыре года тому назадъ:

— Будешь умна, будешь барыней.

И вотъ теперь она барыня, у нея такой домъ, какого нѣтъ у городничаго: она свободна, независима: можетъ дѣлать, что ей вздумается. Но что ей дѣлать—она рѣшительно не знаетъ. Нашлось, разумѣется, много совѣтниковъ и совѣтницъ; но вѣрить ли имъ? Явилась бездна предложеній, но принять ли ихъ?...

Въ одно прекрасное утро, извѣстный малояворскій богачъ, купецъ Кубиковъ прислалъ къ Татьянѣ Михайловнѣ своего сына.

— Тятинька прислали меня къ вамъ, сказалъ этотъ молодой человѣкъ, сильно краснѣя и конфузясь.

— Что вамъ угодно? спросила Татьяна Михайловна. Молодой Кубиковъ, пораженный красотой хозяйки, растерялся окончательно и не скоро собрался съ духомъ отвѣтить:

— На счетъ дома-съ.... Такъ какъ теперь.... они полагаи, не продадите ли его, такъ они желали бы купить,

— Нѣтъ, я не продаю дома, отвѣтила Татьяна Михайловна.

— Такъ-съ, сказалъ Кубиковъ, а они думали, что продадите. Кубикову не хотѣлось уйдти и онъ рѣшился какъ можно продлить свое посѣщеніе. — У васъ садъ отмѣнный-съ, заговорилъ онъ, поглядывая на террасу.

— Да, порядочный, не хотите ли посмотрѣть? спросила Татьяна Михайловна.

— Съ моимъ удовольствіемъ, если не обезнокою васъ.

— Нисколько.

Хозяйка повела своего гостя по саду, показывая ему оранжереи, бесѣдки и прочія достопримѣчательности. Кубиковъ нѣсколько оправился и развернулся, Татьяна Михайловна очень поправилась ему и онъ рѣшился даже сказать ей любезность.

— Вы, началъ онъ, краснѣя и улыбаясь: — точно царевна здѣсь, вотъ какъ я въ книжкѣ недавно читалъ.

— Отчего же? спросила Татьяна Михайловна.

— Да такъ-съ; садъ.... и все это.... и вы царевной глядите.

— Будто-бы?

— Ей Богу, я вотъ какъ вамъ скажу: я такой красоты не видывалъ.

Татьяна Михайловна улыбнулась самодовольно, лестью молодыхъ людей она не была избалована. Ободренный Кубиковъ продолжалъ:

— Я этта какъ-то съ тятинькой былъ въ городѣ (рѣчь шла о губернскомъ городѣ), такъ и тамъ, скажу вамъ, на счетъ женскаго пола, супротивъ васъ нѣтъ ни одной.

— Ну, ужъ это неправда, замѣтила кокетливо Татьяна Михайловна.

— Вотъ сейчасъ умереть, сказалъ горячо Кубиковъ, сущая правда!

Гость очень долго пробылъ у красивой хозяйки, не смотря на то, что порученіе его кончилось, какъ мы видѣли, въ двѣ минуты. Татьяна Михайловна просила Кубикова быть знакомымъ и посѣщать ее; молодой человѣкъ ушелъ отъ нее совершенно влюбленный. Отецъ встрѣтилъ его вопросомъ:

— Ну, какъ дѣло?

Сынъ отвѣчалъ:

— Онѣ, тятинька, не продаютъ-съ.

— Не продаетъ?

— Нѣтъ-съ, не желаютъ.

— Чего-жъ ты тамъ сидѣлъ такъ долго?

— Я то-съ?

— Да, ты-то-съ.

— Да я.... осматривалъ садъ и службы-съ.

— На кой же прахъ было ихъ осматривать, коли не продаются.

— Для порядка-съ, отвѣтилъ молодой Кубиковъ, нѣсколько покраснѣвъ.

— Ты смотри у меня, для порядка, не заглядывайся на что не слѣдуетъ.

— Помилуйте, тятинька, за чѣмъ же; я себя всегда соблюдаю и пустыми дѣлами не хочу замѣшкаться, увѣрялъ молодой человѣкъ.

На другой день, однакожь, онъ не выдержалъ и вернулся къ плѣннвшею его вдовушкѣ.

Не мало было охотниковъ изъ сосѣдняго дворянства купить домъ, принадлежавшій покойному генералу Щепанову, но Татьяна Михайловна рѣшительно отказалась продать его. Явилось нѣсколько аферистовъ къ богатой наследницѣ съ предложеніями употребить доставшееся ей богатство на очень выгодное и вѣрное предпріятіе; но Татьяна Михайловна была благоразумна и осторожна. Неизвѣстно, какъ долго протянулось бы это неопредѣленное положеніе новой капиталистки, еслибъ не надоумила ее малояворская просвирня, съ которой она случайно познакомилась въ монастырѣ. Просвирня Анна Терентьевна, была баба бывалая, бойкая, цѣлупая и предпримчивая.

— Жаль только, говорила она: — что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ; будь у меня ваши деньги, Татьяна Михайловна, я бы и Кубикова за поясъ заткнула.

— Какъ можно! замѣчала Татьяна Михайловна.

— А такъ можно, возражала Анна Терентьевна: — что на вашъ капиталъ можно сто оборотовъ сдѣлать.

— И! что вы, матушка.

Анна Терентьевна предложила, между прочимъ, Татьянѣ Михайловнѣ открыть заѣзжій домъ.

— Богомольцевъ много пріѣзжаетъ и приходитъ, поясняла она: — вы въ два года разбогатѣете.

— Да гдѣ-жь мнѣ справиться? сказала Татьяна Михайловна: — я вѣдь совсѣмъ этого дѣла не знаю.

— Да что тутъ знать-то? замѣтила Анна Терентьевна: — Пакупить разной посуды, тюфяковъ да подушекъ, бѣлья...

ну, тамъ, всего, что слѣдуетъ; вотъ и конецъ! Эка мудрость!... Да хотите, я съ вами вмѣстѣ стану хозяйничать.

Татьяна Михайловна поблагодарила услужливую просвирню; совѣтъ показался ей дѣльнымъ. Подумавъ и поразсудивъ хорошенько, Татьяна Михайловна послушалась добраго совѣта; но рѣшилась одна попытать счастье. Она наняла дворника и работницу и дѣло пошло, слава Богу, хорошо и безъ Анны Терентьевны. Въ два года новая хозяйка успѣла совершенно освоиться съ своимъ дѣломъ и жила, возбуждая зависть многихъ малояворцевъ.

Такимъ-то образомъ бывшій господскій домъ, гдѣ такъ часто пировали малояворскія власти и окрестное дворянство, превратился въ заѣзжій домъ, а бывшая воспитанница генеральскаго садовника, въ разбитную, богатую и красивую мѣщанку. Въ то время, съ котораго начался разсказъ нашъ, ей было двадцать пять лѣтъ.

IX.

Иванъ Сидоровъ шелъ къ собору опустивъ голову и крѣпко задумавшись. Мысль уносила его въ прошедшее. Завтра минетъ ровно годъ съ того дня, который ожилъ въ эту минуту передъ Сидоровымъ и который не забыть ему во всю жизнь. Все такъ ясно въ его памяти, какъ будто случилось только вчера....

День стоитъ свѣтлый и теплый. Послѣ проливнаго, но непродолжительнаго дождя, который шелъ утромъ, небо къ полудню прояснилось; воздухъ освѣжился и благоухаетъ; каждый листокъ на деревѣ, каждая травка ожили и блестятъ на солнцѣ яркою, изумрудною зеленью. За рѣкой, въ монастырской рошѣ гуляютъ горожане, празднуя день апостоловъ Петра и Павла, во имя которыхъ сооруженъ малояворскій соборъ.

На полянѣ разбитъ шатеръ, гдѣ продаются разные разности; на столикахъ, раскиданныхъ здѣсь и тамъ, стоитъ квасъ, лежатъ булки, баранки, ягоды, апельсины, пряники и лица. Въ сторонкѣ, вокругъ дымящихся самоваровъ, сидятъ

мужчины, женщины и ребяташки. Молодые парни ходятъ толпами со штофомъ подъ мышкой, съ балалайкой или гармоникой въ рукахъ. Изъ рощи доносятся громкія пѣсни, ауканье, звонкій смѣхъ и звуки гармоники. Дѣвки голосятъ и заводятъ хороводы. Подгулявшіе старички обнимаются и неизвестно почему плачутъ. Монастырская роща кипитъ жизнью и непринужденнымъ веселіемъ. Городское дворянство и чиновничество съ должнымъ презрѣніемъ поглядываетъ на этотъ мѣщанскій разгулъ, чванливо и съ нѣкоторою досадою осматривая дорогіе наряды богатыхъ горожанокъ.

Иванъ Сидоровъ гуляетъ, окруженный толпою молодыхъ пріятелей и товарищей. Его удаля, мастерство пѣть, умѣнье кутнуть и готовность выручить товарища изъ бѣды кулакомъ или деньгами, пріобрѣли ему давно уже громкую известность и уваженіе между молодыми мѣщанами. Старшіе любили Ивана Сидорова по памяти о честномъ и богатомъ отцѣ его и хотя за глаза и замѣчали, что не слѣдъ бы Сидорову, какъ человѣку женатому, гулять такъ съ холостыми ребятами, но обходились все-таки съ нимъ ласково и пріятливо. Къ тому же, надо правду сказать, Иванъ Сидоровъ хоть и любилъ гулять съ ребятами, но пьянъ до безобразія не напивался, дома и дѣлъ своихъ не бросалъ. Вотъ и теперь выпилъ онъ ради праздничка святаго; но выпилъ въ мѣру, такъ только, что стало ему весело и тепло.

— Что мы шатаемся, словно жида окаянные, говоритъ онъ своимъ пріятелямъ: — Встанемъ-косъ, тутъ вотъ у шатра, въ кружокъ, да затынемъ пѣсенку.

— Ладно, ладно! соглашаются пріятели: — запѣвай, за нами дѣло не станеть; а не поешь ты, такъ и у насъ, пѣсельниковъ, горло замазано.

Пѣсельники становятся въ кружокъ, пустивъ въ середину удалаго запѣвалу. Иванъ Сидоровъ бросаетъ шапку на землю, подумалъ не много, тряхнулъ волосами и высокимъ теноромъ затынулъ:

Что ты сердце такъ уныло и вздохнуло тяжело....

Говоръ и шумъ стихаютъ вокругъ пѣвца, пѣснь его, заунывающая, тоскливая, хватающая за сердце, звонко разносится по полянѣ. Сидоровъ поетъ смѣло и хорошо; голосъ

его то растеть и крѣпчаетъ, то сладострастно слабѣеть на безконечно-длинныхъ нотахъ, переливаясь и замирая. Все, что было поэтическаго и теплаго въ богатой натурѣ Ивана Сидорова, все отражается въ его безыскусственномъ, но увлекательномъ пѣніи. Густая толпа слушателей окружилъ пѣвца и, кажется, боится проронить малѣйшую нотку. Сидоровъ поеть не замѣчая, повидимому, общаго вниманія, потому что самъ увлекается собственнымъ пѣніемъ.... Но, вдругъ, посреди только что затянутой высокой нотки, отъ которой у многихъ слушателей сперло дыханье, голосъ его словно порвался и онъ смолкъ къ крайнему изумленію окружающаго его толпы.

— Будеть, говоритъ Иванъ Сидоровичъ, неловко подымая съ земли свою шапку: — будеть горло-то драть, пойдемте, ребята, гулять.

Съ недоумѣніемъ раздвигается толпа слушателей, съ недоумѣніемъ идутъ за Сидоровымъ его пріятели. На всѣ распросы Иванъ Сидоровъ отвѣчаетъ обыкновенными, ничего не выражающими словами:

— Такъ... ничего....

И пѣть больше не хочетъ. Вообще онъ становится разсѣянъ и грустенъ до того, что наводитъ тоску и на своихъ пріятелей. Побродивъ немного по роцѣ, онъ прощается съ ними.

— Я братцы, домой пойду; что-то мнѣ не можется.

— Что такъ? спрашиваютъ пріятели.

— Да дакъ, не можется, пойду домой, твердятъ Иванъ Сидоровъ.

Пріятели не удерживаютъ Сидорова, потому что наружность его приняла такой видъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ему занедужилось. Сидоровъ бредеть въ городъ, словно водой облитый, печальный и задумчивый. Неотвязно стоитъ передъ его глазами чудная красавица, высокая и статная. съ черными сверкающими глазами, и нѣтъ силъ у Сидорова не думать о ней. Она бросилась ему въ глаза изъ огромной толпы слушателей; красота ея такъ поразила восторженнаго пѣвца, что въ одно мгновение у него словно порвался голосъ и вотъ теперь не отходитъ этотъ страшный, но уже

нильшій образъ, не отходить отъ Сидорова ни на минуту. Помнить Сидоровъ, слышалъ онъ въ сказкѣ про горе: «увязалось горе за добрымъ молодцомъ, не отстаеетъ отъ него, не покидаетъ его; идетъ добрый молодецъ въ темный лѣсъ — лихое горе за нимъ плетется, добрый молодецъ вышелъ въ чистое поле — горе за нимъ бѣжитъ; идетъ добрый молодецъ во царевъ кабакъ — лихое горе и тамъ съ нимъ, со сна чарки на него глядитъ...» Ни дать ни взять теперь эта красавица, что горе лихое, увязалась за Сидоровымъ и не идетъ отъ него прочь. Ушелъ Сидоровъ отъ соблазна, ушелъ съ гулянья, пробирается по пустымъ улицамъ и вездѣ мерещится ему красавица; снѣ зажмурить глаза — красавица, словно живая, стоитъ передъ нимъ; хочетъ Сидоровъ забыть, подумать о чемъ-нибудь — первая на мысль приходитъ вся та же красавица... Только горе было не мило добродушному молодцу, а красавица уже любя Сидорову, хоть онъ еще и не знаетъ ее. Вѣруеть Сидоровъ въ Бога, боится грѣха, знаетъ что женатъ и всею душою радъ бы забыть о красавицѣ, но не идетъ она съ ума, не идетъ изъ сердца, ничѣмъ отъ нея не отвяжешься.

— Что жъ это? разсуждаетъ Сидоровъ: — Околдовала она меня, что ли? Господи, Господи! не померещилось ли мнѣ? не дьяволъ ли смущаетъ меня на грѣхъ? Кто она такая? Гдѣ родилась такая красавица?...

И снова воображеніе рисуетъ ему эту красавицу; снова глядятъ на него ея чудныя блестящія глаза, снова мерещатся ему: ея открытое, нѣжное и милое лицо, ея густые, черные съ синимъ отливомъ волосы, ея маленькая бѣленькая рючка, ея высокая, развитая грудь. Чего бы не сдѣлалъ Сидоровъ по слову этой красавицы, чего бы не отдалъ за одно ея ласковое слово?.. А за любовь?.. за любовь ея онъ готовъ былъ бы загубить и жизнь и душу свою христіанскую....

Напрасно гонять онъ отъ себя мысль грѣха и соблазна, напрасно старается думать о своихъ дѣтяхъ, и они, эти ангельскіе образы, не въ силахъ закрыть образа прекрасной колдуньи. Сидоровъ торопится домой, словно хочетъ убѣжать отъ собственной мысли, сказывается больнымъ, при-

чится отъ всѣхъ, ложится въ постель, закутываетъ одеяломъ голову; но развѣ убѣжишь отъ колдовства?..

Въ жизни человѣка бываютъ дни, даже часы или минуты, которыя вдругъ потрясаютъ его все существо и даютъ такой сильный и неожиданный толчекъ всей грядущей судьбѣ человѣка, что или разобьется онъ въ дребезги и пропадетъ ни за грошъ или подыметъ на высоту, о которой и не мечталъ. Такимъ днемъ былъ для Сидорова день апостоловъ Петра и Павла, и о немъ-то и вспомнилъ онъ, идучи въ соборъ.

Прошелъ годъ, но какой мучительный, какой убійственно-тяжелый годъ для Сидорова. Какъ истомилъ его этотъ годъ, сколько унесъ у него здоровья и жизни, сколько отнялъ спокойствія и веселости, какую страшную печать положилъ на все его существованіе.

Увидѣвъ разъ красавицу, Сидоровъ нылъ и мучился желаніемъ увидѣть ее еще и еще, видѣть ее каждый день, каждую минуту. Красавица эта, какъ догадается вѣроятно самый непроницательный читатель, была уже знакомая намъ мѣщанка Татьяна Михайловна.

Сидоровъ ходилъ всюду, гдѣ только была малѣйшая надежда встрѣтить Татьяну Михайловну. Она скоро замѣтила Сидорова, замѣтила и его любовь, какая же женщина не замѣтитъ, что ее любятъ, и открытіе это пріятно польстило ея самолюбію. Она стала чаще и снисходительнѣе поглядывать на своего поклонника, даже при встрѣчѣ съ нимъ какъ будто улыбалась. Это ободрило Сидорова и въ одинъ прекрасный день онъ, выходя отъ обѣдни, не смѣло поклонился ей и поздравилъ съ праздникомъ — это было въ воскресенье.

— Очень благодарна, отвѣтила Татьяна Михайловна: и васъ также.

Сидоровъ дрожалъ, вслушиваясь въ ея голосъ, и въ замѣшательствѣ потупился.

— Я давно васъ знаю, проговорилъ онъ, едва переводя духъ: — Вы не осердитесь, это я, такъ только, къ слову сказалъ.

— И я васъ давно знаю, конетливо отвѣтила Татьяна

Михайловна, съ улыбкою прикусывая губы: — Только вы гордецъ...

— Чѣмъ же я гордецъ, помилуйте, я кажется не заслуживаю этихъ словъ, а напротивъ...

— А тѣмъ вы гордецъ, продолжала красавица, медленно спускаясь по ступенямъ панерти: — что никогда не хотите зайти ко мнѣ на чашку чаю.

Сидоровъ не вѣрилъ ушамъ своимъ; не вѣрилъ своему счастью.

— Да я... началъ онъ путаясь и захлебываясь отъ волненія: — я... какъ же я могъ?.. я не смѣлъ... а есл...

— А если вы не гордецъ, такъ приходите ко мнѣ, вотъ хоть теперь откушать чашку чаю.

Сказавъ это въ полголоса, Татьяна Михайловна рванулась впередъ и замѣшалась въ пеструю толпу народа, идущаго изъ церкви. Сидоровъ, разумѣется, воспользовался приглашеніемъ и такимъ образомъ знакомство было сдѣлано. Но знакомство это, какъ мы увидимъ ниже, не было еще желанною пристанью несчастному влюбленному.

Х.

Войдя въ соборъ, Иванъ Сидоровъ безпокойно, украдкой оглядѣлся во всѣ стороны и сталъ креститься; но ни голова его, ни сердце не молились; онъ думалъ: — итѣе ея! Тяжело и неловко было ему стоять передъ святыми иконами, озаренными множествомъ яркоразгорѣвшихся свѣчей; словно стыдно было взглянуть и на народъ православный. Онъ какъ-то бессмысленно уставилъ глаза въ каменный полъ и, разсматривая безсознательно щели между камнями и нѣсколько десятковъ каблуковъ, переходилъ отъ одной мысли къ другой. Давно уже не отводилъ онъ души горячею, искреннею молитвою, грѣшная любовь, разрастаясь въ немъ съ каждымъ днемъ, охватила сердце и умъ; не было мѣста ни какой посторонней мысли, ни какому другому чувству. Знакомство и сближеніе съ Татьяною Михайловною только разжи-

гали въ Иванѣ Сидоровѣ страсть, которая вспыхнула въ немъ съ первой встрѣчи.

— Завтра праздникъ, пришло на мысль Ивану Сидорову; онъ скрестилъ руки и зажмурился: — завтра ровно годъ, какъ я ее увидѣлъ. Цѣлый годъ вижу я ее и не наглажусь, говорю съ нею и не наговорюсь; все милѣе и милѣе становится она мнѣ; жить не могу безъ нее... Господи, Господи! чтожь мнѣ дѣлать?.. Вотъ и тутъ, въ храмѣ Божиѣмъ, все она да она идетъ мнѣ на мысль. Вотъ она, вижу ее...

И, вздрогнувъ, Сидоровъ открываетъ глаза, смотритъ на святыя иконы, смотритъ на народъ; но видѣніе не отходитъ, грѣшная мысль неотвязно лѣзетъ ему въ голову. Вся служба звучитъ какъ-то не ясно въ ухахъ Сидорова, онъ и слышитъ и не слышитъ ее. Безотрадная, невыносимая тоска щемитъ его сердце и выжимаетъ слезы.

Только стала отходить вечерня, Иванъ Сидоровъ вышелъ изъ собора прежде другихъ. Скорыми и большими шагами прошелъ онъ половицу соборной улицы, свернулъ въ переулокъ на лѣво и спустился къ рѣкѣ.

Мѣсто было довольно глухое; сюда выходили только сараи, погреба и амбары; но у берега стояла однакожь лодка, которою пользовались всѣ, кому надо было на ту сторону и кто не хотѣлъ идти на мостъ, что составляло съ четверть версты лишней дороги. Сидоровъ остановился у лодки, перевелъ духъ и взглянулъ черезъ рѣку, на дорогой и страшный ему домъ. Сколько любви, сколько мучительной тоски и безотраднаго отчаянія было въ этомъ взглядѣ!..

Отвязавъ лодку, Сидоровъ вскочилъ въ нее и оттолкнулся сломаннымъ весломъ отъ берега. Сильнымъ теченіемъ лодку понесло нанскось. Черезъ нѣсколько мнута Сидоровъ уже подымался по извилистой тропинкѣ, на крутой противоположный берегъ, къ дому Татьяны Михайловны.

Весь нижній этажъ, т. е., главная часть дома, равно какъ и бывшія службы, были заняты нумерами для пріѣзжающихъ и общемою комнатою для проходящихъ. Сама Татьяна Михайловна жила въ мезонинѣ, въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, куда вошла она когда-то, по прихоти избалованнаго старикашки, не тѣмъ будь онъ помянутъ, вошла неопытной

и неспорченной дѣвушкой. Домъ нѣсколько пообвѣтшалъ и позагрязнился; видъ изъ оконъ въ садъ поиспортился, потому что запущенный садъ дичалъ и гложь подъ высокою и густою травою, бесѣдки и мостыки покривились, пруды подергивались тиною, цвѣтники исчезали.

Въ мезонинѣ было всего три комнаты: одна, большая, съ балкономъ къ рѣкѣ, двѣ другія, поменьше, окнами въ садъ. Комната съ балкономъ играла роль парадной и официальной пріемной Татьяны Михайловны. Стѣны, расписанныя масляными красками, представляли фантастическіе ландшафты съ небывальными деревьями, странными домиками и овецками, похожими на свиней. Мебель краснаго дерева, крытая черною волосяною матеріею, отличалась необычайною массивностью: стулъ поднять — руки отломить, а диванъ не сдвинешь и съ мѣста. Въ обоихъ простѣнкахъ, между дверью на балконъ и окнами, стояли шкафы съ стеклянными дверцами, биткомъ набитые различною посудою, хрусталемъ, серебромъ и даже, въ небольшомъ количествѣ, золотомъ. Все это кидалось въ глаза посѣтителю или посѣтительницѣ и во многихъ, по всей вѣроятности, возбуждало нѣкоторую зависть. Въ красивыхъ клѣткахъ надъ окнами весело залпывали канарейки. Два стола передъ диванами, направо и налево отъ входа, были покрыты извѣстными цѣлому міру красными салфетками, съ хитрыми, бѣлыми узорами.

Одна изъ комнатъ, обращенныхъ окнами въ садъ, служила спальнею и была отдѣлана, еще при жизни Щепанова, особенно роскошно. Стѣны были оклеены дорогими обоями, выписанными изъ Петербурга, что составляло тогда порядочную рѣдкость; во весь полъ лежалъ настоящій персидскій коверъ, а на окнѣ и дверяхъ висѣли тяжелые драпри. Кровать краснаго дерева, съ узорчатыми, рѣзными украшениями, прикрывалась великолѣпнымъ матерчатымъ пологомъ; туалетъ былъ заваленъ красивыми флаконами и дорогими вещами. Видно было, что надъ убранствомъ и отдѣлкою этой комнаты влюбленный генералъ потрудился съ особеннымъ стараніемъ и сдѣлалъ все, что могъ. Комната рядомъ съ спальнею была и столовой и гостинной; здѣсь покойный Борисъ Михайловичъ сживалъ обыкновенно послѣ обѣда,

здѣсь обыкновенно Таня выпрашивала у него многое. Стѣны украшались картинами довольно не ценсурнаго содержанія, до которыхъ покойный генераль былъ большой охотникъ; посреди комнаты стоялъ круглый, массивный столъ, а кругомъ помѣщались широкіе, мягкіе, турецкіе диваны. Въ этой комнатѣ Татьяна Михайловна принимала теперь своихъ избранныхъ знакомыхъ, весьма немногихъ; женщинъ между ними не было, Татьяна Михайловна женщинъ не любила.

— Отъ нихъ только сплетни да пересуды, говорила она: — чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ лучше.

Да и положеніе-то ея было таково, что иначе она и не могла разсуждать: такія женщины, съ которыми Татьяна Михайловна могла бы сойтись, сами этого не желали; тѣхъ же, которыя записывали въ ней, она считала далеко ниже себя. Обыкновенными посѣтителями ея были: во-первыхъ, Лазарь Елисеичъ Кубиковъ, тотъ самый, которому отецъ совѣтовалъ не заглядываться на что не слѣдуетъ и который, плѣнившись Татьяною Михайловною, хаживалъ къ ней очень часто; потомъ выгнанный изъ службы поручикъ Андрей Степановичъ Напоръ-Куликовскій; растриженный попъ Аркадій; знакомый намъ Иванъ Сидоровичъ Сидоровъ и странникъ Семень, по прованію Юла, явившійся неизвѣстно откуда и помѣстившійся у Татьяны Михайловны, яко бы для прсмотра за порядкомъ и тишиною въ домѣ, въ случаѣ многочисленнаго стеченія богомольцевъ.

Кубиковъ отличался скромностію, даже нѣкоторою робостію и довольно пошленькою наружностію; онъ былъ темнорусъ, одутловатъ и румянтъ. Сильно влюбленный въ Татьяну Михайловну, онъ краснѣлъ передъ нею и болшему частію молчалъ, развертываясь только послѣ нѣсколькихъ стакановъ вина. Ему сильно покровительствовалъ выгнанный поручикъ Напоръ-Куликовскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ училъ его пить водку, одну водку, утверждая, что во всѣ вина, кромѣ хлѣбнаго, подмѣшивается ядь. Напоръ-Куликовскій представлялъ своею особою рѣзкую противоположность смиренному купеческому сыну, какъ по наружности, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Онъ былъ высокаго роста, непомерно толстъ и ухарски развязенъ; лицо

его представляло кусокъ краснаго мяса, на которомъ рѣзко выдѣлялись огромные черные усы и почти синій носъ. По нравственнымъ качествамъ это былъ безсовѣстѣйшій хвастунъ и нахаль. Растрижанный попъ Аркадій, блѣдный и довольно красивый брюнетъ, щеголялъ смиреніемъ и уступчивостью, нападая, однакожь, въ тоже время на нравственное растлѣніе всего человѣчества, и сильно былъ занятъ своею наружностью. Каждому онъ льстилъ и, уступая первое мѣсто, умѣлъ сдѣлаться необходимымъ и пріятнымъ. Странникъ Семенъ бросался въ глаза сухощавою маленькою фигуркою, измятою наружностью, по которой никакъ нельзя было угадать: сколько ему лѣтъ, и необычайною вертлявостью и суетливостью. Семенъ хлопоталъ постоянно, не оставаясь ни минуты на одномъ мѣстѣ, бѣгалъ по дому, по двору, заглядывалъ всюду и, между тѣмъ, ничего ровно не дѣлалъ. Говорилъ онъ много и скоро; но въ рѣчахъ его не было ни какого толку..... Таково было общество, окружавшее почти ежедневно Татьяну Михайловну, съ которымъ мы познакомимся со временемъ покороче.

Хозяйство Татьяны Михайловны, устроенное уже разъ и несложное, шло само собою очень успѣшно, не требуя отъ хозяйки слишкомъ большаго вниманія и особенной дѣятельности. Дворникъ и кухарка вели дѣло принятымъ порядкомъ, а Татьяна Михайловна была совершенно свободна; утромъ она еще сколько-нибудь мѣшалась въ хозяйственные распоряженія, но съ обѣда занятія ея по дому уже прекращались; она шла что-нибудь для себя же или бралась за гитару, а тамъ, вечеркомъ, собирались къ ней обычные гости.

Изъ нихъ болѣе всѣхъ нравился Татьянѣ Михайловнѣ—Иванъ Сидоровъ, но она вела себя осторожно, не упуская изъ виду, что, пожалуй, при извѣстномъ умѣнии повести дѣло, можно было бы выйти за мужъ, хоть, напримѣръ, за молодаго Кубикова. Куляковскаго принимала она ласково, какъ человѣка, умѣющаго занять и оживить общество. Аркадій втерся лестью и угодливостью. Надъ Семеномъ Татьяна Михайловна любила посмѣяться..... Въ Малояворцѣ говорили, что у Татьяны Михайловны бываетъ еще много

такихъ гостей, которыхъ, никто, кромѣ ея, не видитъ и что они-то и приносятъ ей главнѣйшій доходъ; но гдѣ же доказательства?...

Домъ Татьяны Михайловны стоялъ внѣ городской черты и потому малояворскихъ властей она не боялась, отецъ-игумень благоволилъ къ воспитанницѣ щедрога покойника, а становой заѣзжалъ къ ней чуть не каждую недѣлю и, повидимому, былъ съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Павелъ Николаевичъ Зарубинъ, нѣкоторымъ образомъ гроза въ своемъ станѣ, смягчался передъ Татьяною Михайловною и въ ея домѣ обыкновенно пускался въ шуточки.

— Къ тебѣ, къ тебѣ, моя красота писаная! кричалъ бывало зычнымъ голосомъ Зарубинъ, пыхтя и тяжело подымаясь по лѣстницѣ: — Только что отодралъ одну шельму и къ тебѣ, моя невѣста, сердце залить.

— Милости просимъ, милости просимъ, Павелъ Николаевичъ, говорила Татьяна Михайловна: — рады дорогому гостю.

— Рада не рада, а настоячкой попой, отведи душу, усталъ, вѣдь, шутка сказать, восемьсотъ влѣпилъ, просто въ глазахъ зарябило! фу, измаялся!..

И Зарубинъ со всего размаха кидался на диванъ; только такая прочная мебель, какая была въ официальной приемной Татьяны Михайловны, могла выдержать подобную безцеремонность и тяжесть. Черезъ нѣсколько минутъ странникъ Семень, по знаку Татьяны Михайловны, вносилъ огромный подносъ съ разнообразнѣйшими закусками и величайшимъ графиномъ настойки.

— А! пріѣтствовалъ обыкновенно Зарубинъ низко раскланивавшася Семена: — Странникъ! Вольная птичка! за тобой, братецъ, пріѣхалъ; пора тебѣ въ клѣточку, да, пора! Ужъ мѣсто приготовлено и браслеты припасены.... Будеть, погулялъ, Божій человекъ, пора и честь знать.

— Шутить изволите, ваше высококородіе, шутить изволите, нашъ настыръ и благодѣтель; орелъ нашъ свѣтлоокій! гарантилъ Семень, цѣлуя Зарубина въ плечо, шутка эта, съ небольшими варіаціями повторилась обыкновенно и уже нисколько не пугала странника.

— Какія шутки, собачій сынъ! прикрикивалъ Павелъ Николаевичъ, опорожнивая стаканчикъ любимой настойки: — Приѣхалъ взять тебя въ острогъ; вѣдь ты безпашпортный, ну, говори, безпашпортный?

— Смѣю ли я, червь малый, разинуть свою пасть недостойную въ вашемъ высококомъ присутствіи? говорилъ Семень, корчась и гримасничая.

— Кто ты? спрашивалъ Зарубинъ, снова принимаясь за настойку: — говори: что ты за человѣкъ?

— Я принцъ! отвѣчалъ Семень, подбоченившись.

— Какой ты принцъ?

— Принцъ сиволдайскій, изъ кабацкаго королевства!

— Гдѣ твой народъ?

— Мой народъ на заднемъ дворѣ реветъ, изъ помойной ямы коренья деретъ.

— А сиволдайки желаете?

— Желаемъ, ваше превосходительство, за ваше здравіе и долгоденствіе, и за здравіе и долгоденствіе хозяйшки..

— Дать ему? спрашивалъ Зарубинъ Татьяну Михайловну.

— Пусть выпьетъ, говорила хозяйка.

— Ну, поди поцалуй ножку хозяйкину.

— Да зачѣмъ это, Павелъ Николаевичъ, замѣчала Татьяна Михайловна.

— Надо, надо, настаивалъ Зарубинъ: — Ну, цалуй!

Семень цѣловалъ ногу Татьяны Михайловны.

— Ну, теперь бери, принцъ.

Семень бралъ стаканчикъ и зацѣвлялъ:

*Чарочка моя,
Серебряная!
Кому чарку пить,
Кому выпивать?
Выпивать ее
Принцу сиволдайскому!*

— Ну, а кто не пашетъ, не сѣетъ, а хлѣбъ собираетъ?

— Его высокородіе, господинъ становой перваго стана, Павелъ Николаевичъ Зарубинъ.

— Такъ шельма, такъ! на, еще вышей!

Шутки эти кончались обыкновенно тѣмъ, что странникъ Семенъ падалъ гдѣ-нибудь мертвецки-пьяный и засыпалъ, а Павелъ Николаевичъ мазалъ ему лицо сажей и уѣзжалъ въ веселомъ расположеніи духа, клятвенно увѣряя Татьяну Михайловну, что онъ для нее радъ перепороть всю губернію.

— Ты мнѣ только покажи, говорилъ онъ часто:—какая bestія осмѣлится тебѣ кривую рожу сдѣлать, я изъ этой анаомы всю душу выхлещу.

XI.

Иванъ Сидоровъ медленно поднялся по хорошо-знакомой ему лѣстницѣ и остановился у двери въ гостинную Татьяны Михайловны. Оттуда неслись звуки гитары и пѣніе. Иванъ Сидоровъ словно приросъ къ полу и, притаивъ дыханіе, сталъ прислушиваться. Не въ первый разъ слышитъ онъ этотъ голосъ, но всегда съ новымъ наслажденіемъ; есть въ этомъ голосѣ что-то раздражающее, отъ чего бросаетъ Сидорова то въ жаръ, то въ холодъ. Этотъ голосъ пѣжить и ласкаетъ его слухъ и льется ему прямо въ душу. Сидоровъ закрылъ глаза и съ сладкимъ трепетомъ слушалъ пѣніе; но удовольствіе это было непродолжительно: къ чудному голосу Татьяны Михайловны присоединился вдругъ не въ тонъ сильный голосъ поручика Напора-Куликовского. Мало-по-малу, этотъ не прощенный помощникъ развернулся и наконецъ заревѣлъ такую нескладницу, что у Ивана Сидорова въ ушахъ зазвенѣло и лопнуло терпѣніе. Онъ съ сердцемъ распахнулъ двери и вошелъ въ комнату.

Татьяна Михайловна сидѣла съ гитарой на диванѣ, передъ столомъ, на которомъ красовался извѣстный огромный графинъ настойки, окруженный тарелками съ разными закусками. Съ одной стороны хозяйки помѣщался смиренно Аркадій, съ другой — уже пѣсколько раскрасѣвшійся Кубиковъ; у окна стоялъ скорчившійся Семенъ; а прямо противъ Татьяны Михайловны сидѣлъ, раскачиваясь на стулѣ, красный какъ піонъ, Напоръ-Куликовскій.

— А! заоралъ онъ при входѣ Сидорова, растопыривая и простирая къ нему руки, какъ бы намѣреваясь обнять его. — Драгоценнѣйшій и налюбознѣйшій Иванъ Сидоровичъ! Какъ васъ Господь перевертываетъ?

— Слава Богу, по-немножку, живемъ вашими молитвами. Какъ ваше здравіе? обратился онъ къ Татьянѣ Михайловнѣ.

— Слава Богу, ничего; прошу садиться.

— Стой! стой! крикнулъ Напоръ-Куликовскій: — слѣдуетъ по-христіански дѣло дѣлать. Не угодно ли освѣжиться?

И наливъ стаканчикъ настойки, онъ подаль его Ивану Сидорову, но когда тотъ протянулъ было руку, Куликовскій самъ выпилъ настойку; потомъ налилъ стаканчикъ снова и подаль его гостю, сказавъ:

— Теперь можете безъ опаски.

Выпей сей стаканъ вина,

Выпей, другъ, его до дна!

Если есть стаканъ съ виномъ,

Мы довольны и поемъ!

Сидоровъ выпилъ за здравіе всей честной компаніи и присѣлъ на придвинутый ему Семеномъ стулъ.

— А я сейчасъ изъ собора, началъ Сидоровъ: — народу что было — страсть!

— Ахъ, господи! вскрикнула Татьяна Михайловна, бросивъ гитару: — у меня изъ головы вонъ, завтра такой праздникъ большой; вотъ, согрѣшила грѣшная; а это все вы, прибавила она, обращаясь къ Напору-Куликовскому: — вы меня смутили, пристали: спойте да спойте, — у меня и изъ ума вошь, что канунъ такого праздника.... Ахъ, ты, Боже мой, грѣхъ какой; добрые люди Богу молятся, а мы тутъ за пѣсни....

— Ничего, Богъ проститъ, вѣдь вы неумышленно, заиѣтилъ Напоръ-Куликовскій. — Не такъ ли, ты, Божій человекъ, правду я говорю?

— Сущую правду, отвѣтилъ Семень: — неумышленное дѣло въ грѣхъ не поставляется.

— Ну, значить, я суда на него нѣтъ, рѣшилъ Напоръ Куликовскій. — А между тѣмъ, больше мы пѣть не станемъ, будемъ бесѣдовать; бѣса смутителя съ носомъ оставимъ,

наплевать ему въ харю; чорта-то, я говорю, съ носомъ оставимъ.

— Ахъ, какія вы слова говорите, сказала Татьяна Михайловна: — какъ это можно?

— Да что же, Татьяна Михайловна, заговорилъ Напоръ Куликовскій: — вѣдь я чорта-то не боюсь, честное слово; я вѣдь ужъ не разъ училъ его, благородное слово. Разъ, въ Хохландіи мы стояли съ полкомъ, такъ верхомъ на чортѣ проѣхалъ по цѣлому городу.

— Какъ же это такъ? спросилъ Аркадій.

— Да такъ, просто, проѣхалъ на чортѣ, весь городъ знаетъ, отвѣтилъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Напоръ Куликовскій; Аркадій всегда сомнѣвался и часто конфузилъ отчаяннаго болтуна.

— Это любопытно, замѣтилъ недовѣрчиво Аркадій.

— Экъ, любопытно! возразилъ Напоръ-Куликовскій: — это что!... Я разъ вѣдьму отодралъ, честное слово, вотъ, спросите у Семена, помнишь Семень?

Семень ничего подобнаго не помнилъ, но боялся Куликовскаго и привыкъ подтверждать его вранье, за что тотъ напавалъ его водкой, не своей, разумѣется.

— Семень, помнишь? повторилъ Напоръ-Куликовскій.

— Помню, помню, какъ не помнить?... отодрали, точно, отодрали.

— Гдѣ же это было? спросилъ опять Аркадій.

— Да тутъ, сказалъ неопредѣленно и съ неудовольствіемъ Напоръ-Куликовскій. — Вѣдь вотъ, напримѣръ, онъ обратился къ Татьянѣ Михайловнѣ, — слышали вы одну замѣчательную штуку?

— Какую штуку?

— А такую, отвѣтилъ Напоръ-Куликовскій, — что одинъ старецъ изловилъ чорта.

— Нѣтъ, не слышала, сказала Татьяна Михайловна.

— Ну, такъ я вамъ расскажу.

Онъ выпилъ стакашъ настойки, поподчивалъ Кубикова, Сидорова и странника Семена, прокашлялся и съ нѣкоторою важною началъ:

— Былъ, знаете, одинъ благочестивый старецъ и жилъ

онъ въ глухомъ лѣсу, удалившись отъ мірскаго соблазна; жилъ хорошо много лѣтъ. Вотъ чорту и стало досадно; давай, думаетъ, пойду и смущу этого благочестиваго старца. Хорошо-съ, взялъ чортъ, да вотъ въ этакую тоже пору и отправился туда, къ этому старцу-то, въ келію. Старца на то время не было дома; вотъ чортъ глядитъ кругомъ: куда спрятаться? все крещеное, все святой водой окроплено. Вдругъ, глядь — умывальникъ, онъ туда и бултыхъ, только печистые пузырья поднялись къ верху. Сидитъ тамъ, вѣдь ему, окаянному, все равно, гдѣ сидѣть: въ огнѣ, такъ въ огнѣ, въ водѣ, такъ въ водѣ. Сидитъ онъ тамъ часъ или болѣе и ждетъ, и наконецъ приходитъ старецъ домой, помолился, какъ слѣдуетъ, святымъ иконамъ и сѣлъ за божественную книгу. Сидитъ себѣ и читаетъ, а чортъ-то изъ кувшина и шепчетъ ему разные соблазны....

— Вотъ, говоритъ, теперь ты усталъ, хорошо бы тебѣ выпить рюмочку, да подкрѣпить себя мяснымъ; а тамъ бы, говорить, того....

Ну, извѣстно, дьяволъ сталъ нашептывать такія штуки, что старца инда въ жаръ кинуло. Но тотъ, не будь просто, давай креститься:

— Сгинь, шепчетъ, пропади, окаянный смутитель!

Сталъ читать молитвы; чортъ присмирѣлъ. Наконецъ вспомнилъ старецъ, что на утро надо рано къ заутрени; дай-ко, думаетъ, помолюсь да лягу, сосну. Такъ и сдѣлалъ: помолился и легъ. Только нѣтъ сна; чуть станетъ дремать, а смутитель тутъ какъ тутъ, разныя скверныя видѣнія ему представляетъ; то, извините, Татьяна Михайловна, то, говорю я, женщина предстоить во всей наготѣ, то еще что-нибудь хуже.... Маялся, маялся сердечный старецъ, глядитъ: ужъ и свѣтъ забрезжиль. Всталъ онъ, подошелъ къ умывальнику, да и перекрести его.... смотритъ, вода ключемъ, ключемъ такъ и зашѣлилась. Завертѣлся чортъ, словно карась на сковородѣ и взмолился:

— Помилуй, отецъ, пусти меня; что хочешь, сдѣлаю, только прости и выпусти.

Вотъ старецъ тутъ и догадался, кто ему спать мѣшалъ. Хорошо же, думаетъ, я тебя проучу.

— Ну, говорить, окаянный, вотъ что я тебѣ скажу: надо мнѣ къ заутрени и хочу я ѣхать въ Иерусалимъ; све-зешь туда и доставишь меня обратно къ ранней обѣднѣ — выпущу тебя; а нѣтъ — сиди тутъ на вѣки-вѣчныя.

— Трудновато, отвѣчаетъ ему чортъ, — однако, дѣлать нечего, изволь.

Вотъ старецъ разбилъ кувшинъ и выпустилъ чорта. Чортъ посадилъ этого старца себѣ на спину, махнулъ въ окно и пошелъ махать шибче птицы, только шапку держи!...

Куликовскій перевелъ духъ и выпилъ настойки.

— Однако, продолжалъ онъ: — старецъ не удержалъ своей шапки, сшибло ее вѣтромъ. Стой! кричить старецъ чорту, — стой! шапку потерялъ! Чортъ ему отвѣчаетъ:

— Поздно; пока, говорить, ты сказалъ это, мы ужъ десять тысячъ верстъ отмахали! Такъ, дѣлать нечего, старецъ и въ Иерусалимъ прилетѣлъ безъ шапки.... Ну, отстоялъ старецъ въ Иерусалимѣ заутреню и къ ранней обѣднѣ домой воротился.... Да-съ, заключилъ торжественно Напоръ Куликовскій, — вотъ, какія чудеса бываютъ, а не то, что вѣдьму какую-нибудь отодрать. Вѣдьма что? Вѣдьма дрянь, и больше ничего!... У насъ вѣдьму за полкомъ три года водили!...

Отпустивъ такую штуку, завравшійся рассказчикъ и самъ, повидимому, спохватился, что *хватилъ уже черезчуръ*, но слово было сказано. Аркадій улыбнулся ядовито и спросилъ:

— Какой же видъ имѣла эта вѣдьма?

— Которая?

— Вотъ что за вашимъ полкомъ-то водили.

— Какой видъ? Напоръ-Куликовскій нѣсколько замаялся, придумывая отвѣтъ: — Да такой, бормоталъ онъ неохотно: — простой видъ... собачій, да, она имѣла собачій видъ... мы ее воровкой кликали.

— Чудеса! замѣтилъ Кубиковъ, простодушно увѣровавшій въ истину рассказа.

Напоръ-Куликовскій, ободренный этимъ, опять было началъ:

— А то, вотъ, у насъ случилось еще, не къ ночи сказать....

Татьяна Михайловна перебила его :

— Будетъ вамъ все такое говорить на ночь.... Лучше пусть Семень новую сказку скажетъ : знаешь новую сказку ? спросила она странника.

— Знаю, для васъ могу, Татьяна Михайловна.... только дозвоьте горло промочить.

— Ну, выпей, садись и рассказывай.

Семень выпилъ, сѣлъ и сталъ рассказывать :

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили себѣ да поживали графъ и графиня. Вотъ, честные господа, и роди эта графиня двойню : сына и дочь. Только графъ этотъ и идетъ къ королю и просить его быть воспріемникомъ. Такъ и такъ, говорить, ваше королевское величество, родила у меня супружница двойню : сына и дочь и очинно бы, говорить, желательно мнѣ было, чтобы ваше королевское величество окрестили ихъ. Король даетъ свое согласіе ; но королева какъ услышала самыя эти слова, стала говорить королю : — Не ходи, говорить, мой милый супругъ, крестить, потому, коли бы эта графиня была одному мужу жена, такъ не могла бы, говорить, она родить двойню. Графъ и такъ и этакъ, я, говорить, знаю мою жену очинно хорошо и вы, говорить, ваше королевское величество, напрасно ее обижаете. Но только нѣтъ, что онъ не говорилъ, а королева свое, охаяла графиню, сдѣлала ее послѣднею изъ послѣднихъ. Графъ опечалился и пошелъ къ себѣ и рассказалъ все какъ было графинѣ. Та, извѣстно, поплакала и потомъ говорить : — Ну, Богъ съ ней!... Позвольте Татьяна Михайловна, я за ваше здравіе?...

Семень выпилъ стаканъ настойки и продолжалъ :

— Вотъ хорошо-съ ; прошло много ли, мало ли времени и вдругъ королева родить тройню ; родила тройню и испужалась. — Какъ же, говорить, такъ стану я теперь глядѣть въ глаза королю ? Охаяла, говорить, я графиню за двойню, а теперь сама родила тройню. Что тутъ дѣлать ? Вотъ, думала, думала и призвала къ себѣ свою приближенную дѣвицу и говорить ей : — возьми двухъ дѣтей и брось, говорить, ихъ въ море. Дѣвица взяла этихъ дѣтей и пошла къ морю.

Только, вдругъ, встрѣлся ей монахъ-перигримъ.... Татьяна Михайловна, дозвоьте.

— Смотри, замѣтилъ Напоръ-Куликовскій: — ты такъ наздравствуешься, что и до конца сказки не доведешь.

— Напрасно, никогда этого не будетъ. — Семень опять выпилъ настойки. — Вотъ-съ монахъ.... да, монахъ-перигримъ и спрашиваетъ: — что ты несешь, красная дѣвица? А та отвѣчаетъ: щенячь; а онъ говоритъ: — иѣтъ, врешь, не щенячь, а королевскихъ дѣтей; дай, говоритъ, мнѣ, я ихъ воспитаю. Вотъ монахъ этотъ и взялъ дѣтей и назвалъ онъ мальчика — Иваномъ Перигримовичемъ, а дѣвочку — Марьей Перигримовной и сталъ ихъ воспитывать.... Татьяна Михайловна, дозвоьте за ваше здравіе....

— Не много ли будетъ.

— Нѣтъ, помилуйте, я ничего, а только веселѣй рассказывать.

Семень начиналъ уже сильно хмѣлѣть, но все-таки выпилъ еще настойки и сталъ путаться:

— Монахъ-перигримъ сдѣлалъ имъ шашки... вотъ шашки, что играютъ... сдѣлалъ шашки и выучилъ ихъ играть... играть... Только вдругъ поднялся вихоръ и буря... и приплылъ корабль подъ черными флагами... Царевна даритъ ему кольцо... здравствуй младъ царевичъ Иванъ Перигримычъ... а потомъ въ индійское царство... постой, что это, качается... Ничего, я все помню... Марья Перигримовна беретъ его за бѣлыя руки... а мельница... стой, братъ, не вались... дозвоьте.

Семень покачнулся, вытянулъ руки и рухнулъ со стула.

— Назюзился, Божій человекъ, замѣтилъ Напоръ-Куликовскій.

— Наз-зюз-зился, прошепталъ съ разстановкою Семень: больше языкъ не повиновался ему.

Напоръ-Куликовскій тоже подпилъ значительно и сталъ такъ закираться, что Татьяна Михайловна сказала:

— Однако, спать пора, завтра праздникъ, надо къ обѣдѣ.

Куликовскій выпилъ еще настойки и, переплетая ногами, отправился домой. За Куликовскимъ ушелъ и Кубиковъ: остались только Сидоровъ и Аркадій. Такъ бывало почти всякій вечеръ: Семень свалится бездыханный, Кубиковъ

сѣштитъ домой, не заругалъ бы отецъ, Напоръ-Куликовскій навретъ съ три короба, напьется, и едва добредетъ до дому; а Сидоровъ останется — хочетъ переговорить съ Татьяною Михайловною, но Аркадій, словно нарочно, сидитъ какъ пришитый, и переговорить не удается. Такъ вотъ ужъ почти годъ томится Иванъ Сидоровъ... То кажется ему, что Татьяна Михайловна глядитъ на него ласково и привѣтливо, то, будто дразнитъ его, льнетъ къ Кубикову или къ Аркадію. Сидоровъ уходитъ домой опечаленный и еще сильнѣе влюбленный, а Татьяна Михайловна будто ничего не замѣчаетъ.

Случилось такъ и въ этотъ вечеръ; посидѣлъ, посидѣлъ Иванъ Сидоровъ, Аркадій не уходитъ, взялъ Сидоровъ шапку и простился съ хозяйкой, поднялся и Аркадій... Уходя, однакожь, Иванъ Сидоровъ успѣлъ на этотъ разъ шепнуть Татьянѣ Михайловнѣ:

— Надо мнѣ переговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ. Завтра гулянье въ рошѣ... придете?

— Ладно, сказала Татьяна Михайловна.

Сидоровъ ушелъ, по крайней мѣрѣ, съ надеждою.

— Пропадай моя голова! думалъ онъ пробираясь домой: — все скажу завтра; одинъ конецъ!...

ХІІ.

На другой день, въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, Татьяна Михайловна, побывавъ въ соборѣ и отобѣдавъ, подъ вечеръ, стала наряжаться. Не мало была она взволнована, собираясь по данному слову въ монастырскую рошу. Иванъ Сидоровъ, какъ уже сказано, правился ей и не прочь бы она предпочесть его всѣмъ своимъ поклонникамъ, да та бѣда, что Сидоровъ женатъ... Конечно, слѣдовало бы попоинить объ этомъ Татьянѣ Михайловнѣ и прежде, но школа покойнаго генерала Щепанова не развила въ ней особенно строгихъ правилъ добродѣтели. Какъ-бы то ни было, Татьяна Михайловна рѣшилась объясниться съ своимъ обожаемъ на чистоту, не забывъ, однакожь, принарядиться покетливѣе — таково сердце женское. Накинувъ маленькій

платочекъ на голову и уже совершенно собравшись выйти изъ дому, Татьяна Михайловна оглядѣла себя въ зеркало и потомъ кликнула странника Семена. Онъ былъ уже нѣсколько веселъ и не твердъ на ногахъ:

— Здѣсь я, матушка Татьяна Михайловна, отозвался онъ весело: — здѣсь передъ вами, какъ листъ передъ травой; въ одно ухо влѣзь, въ другое вылѣзь и сталъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, а взапой вытолкать можно... Что прикажете? я для васъ — въ огонь и въ воду!

— Ты ужъ, кажется, хлѣбнулъ? замѣтила улыбаясь Татьяна Михайловна.

— Хлѣбнулъ, матушка, отвѣтилъ Семень: — для праздника хлѣбнулъ малую толку, не хочу таиться.. Сегодня вѣдь разрѣшеніе вина и елѣя.

— У тебя каждый день разрѣшеніе вина и елѣя.

— По слабости, по слабости... А дѣло всякое могу справиться...

— Ну, смотри же, я въ рошу пойду, сказала Татьяна Михайловна: — а ты пригляди за домомъ да больше не пей; я скоро ворочусь, тогда отпущу тебя на всѣ четыре стороны.

— На всѣ четыре вѣтра! подхватилъ Семень: — будьте покойны, до-тѣхъ-поръ умру тутъ, не выйду.

— А хорошо я одѣлась? спросила Татьяна Михайловна: красива ли я?

Семень руками сплеснулъ и, отскочивъ, произнесъ важно:

— Королевна! Королевна какъ есть!.. берутъ за бѣлыя руки и ведутъ въ золотой дворецъ и сажаютъ на первое мѣсто!.. Лопни мои глаза, коли есть на свѣтѣ Божіемъ краше васъ. Я много исходилъ; я былъ въ Кіевѣ, я былъ...

Татьяна Михайловна уже не слышала окончанія Семеновъ рѣчи. Сердце ея билось, какъ бьется оно у школьника, когда грозный учитель говоритъ ему: — А поди-ко сюда, любезнѣйшій, на расправу!

На крыльцѣ до слуха Татьяны Михайловны уже донесся нестройный, смѣшанный гулъ криковъ, смѣха, доморощенной музыки и пѣсенъ.

Въ монастырской рошѣ опять, какъ ровно годъ тому назадъ, гуляли малояворцы. Тѣ же самовары, окруженные и старыми и малыми. Тѣ же звуки гармоникки, взвизгиванья дѣвокъ, смѣхъ и пѣсни. Тотъ же разгулъ, то же веселье. Одинъ Иванъ Сидоровъ, уже давно отшатнувшійся отъ гуливой молодежи, бродилъ по рошѣ, опустивъ голову, избѣгая всякой встрѣчи и сильно задумавшись. Гулъ общаго веселья окружаетъ его, но Сидоровъ, чужой на праздникѣ родномъ, глухъ и слѣпъ ко всему, что творится въ монастырской рошѣ. Мысли унесли его далеко отъ дѣйствительности; передъ нимъ проходитъ, день за днемъ, цѣлый годъ. Сколько вынесъ онъ, сколько выстрадалъ съ того времени, какъ въ первый разъ увидѣлъ Татьяну... Сначала, казалось Сидорову, Татьяна Михайловна замѣтила его любовь и принимала ее не безъ удовольствія; но, потомъ, чѣмъ болѣе сближался онъ съ нею, тѣмъ холоднѣе становилась къ нему красавица.. И этого мало; она, будто нарочно, будто поддразнивая влюбленнаго Ивана Сидорова, любезничала въ его присутствіи съ Кубиковымъ и съ другими гостями, избѣгая всѣми мѣрами объясненія, о которомъ старался не разъ Сидоровъ. Если случалось, что онъ, измученный ревностью, приходилъ въ отчаяніе и рѣшался лучше совсѣмъ не видѣть своей возлюбленной, чѣмъ смотрѣть на ея ласки къ другимъ, тогда Татьяна Михайловна, при первой же встрѣчѣ, такъ привѣтливо улыбалась Сидорову, такъ мило попрекала ему, что онъ забываетъ ее, что Сидоровъ прощалъ все своей ненаглядной и опять шелъ къ ней, словно побитая и потомъ опять приласканая собаченка.

— Не спроста все это дѣлается, рассуждалъ часто Иванъ Сидоровъ: — приворожила она меня, а сама только насмѣхается надо мною.... Приворожила, тутъ и сумѣнія нѣтъ, приворожила всего, какъ есть; и душа у меня по ей изныла, и въ головѣ только одна она. Дѣло всякое изъ рукъ валится; не вижу ее, такъ тошно мнѣ, самъ я не свой. Не сводилъ бы съ нея глазъ; слушалъ бы только ее одну, а тамъ все пропадай, все огнемъ гори мнѣ и горюшки мало!..

Легко можно себѣ представить съ какимъ трепетомъ ожидалъ Сидоровъ свиданія, которое должно было опредѣ-

лить, наконецъ, такъ или иначе, его отношенія къ Татьянѣ Михайловнѣ. Не удаляясь слишкомъ въ глубь рощи и не показываясь на поляну, Сидоровъ ходилъ взадъ и впередъ, пристально вглядываясь сквозь деревья, не идетъ ли Татьяна Михайловна. Пестрыя толпы непрерывно мелькали передъ его глазами и казалось бы трудно отличить кого-нибудь въ такомъ множествѣ народа, но глазъ влюбленнаго зорокъ. Едва показалась желанная, Сидоровъ уже стоялъ, словно окаменѣлый, и слѣдилъ за ней и съ радостью и со страхомъ — для него наступала минута рѣшительная!

Татьяна Михайловна обошла вокругъ поляны и, замѣтивъ, наконецъ, Ивана Сидорова, свернула въ рощу. Сидоровъ спѣшилъ къ ней на встрѣчу; но ноги его путались и подкашивались, онъ дрожалъ, будто промокнувшій подъ осеннимъ дождемъ и такъ растерялся, что едва могъ выговорить:

— Добраго здорovia, Татьяна Михайловна, проздравляю васъ съ праздникомъ.

— И васъ также, отвѣтила Татьяна Михайловна.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ въ совершенномъ молчаніи.

— Вы хотѣли что-то сказать мнѣ, начала Татьяна Михайловна.

— Да-съ, отвѣтилъ смущенный Сидоровъ: это точно, я хотѣлъ.

— Что же это за дѣло такое? спросила Татьяна Михайловна, прикидываясь, что не догадывается, о какомъ дѣлѣ собирается говорить ея поклонникъ.

— Я, Татьяна Михайловна, ей Богу... всякой смыслъ потерялъ, т. е., вѣрите ли, вотъ хочу вамъ слово сказать и духъ у меня захватываетъ, языкъ не поворачивается и страхъ на меня напалъ...

— Отчего же страхъ на васъ напалъ, Иванъ Сидоровичъ? спрашивала ободрительно Татьяна Михайловна: — Чего же вамъ бояться?

— Да я, Татьяна Михайловна, боюсь того, чтобы вы не осерчали.

— За что же мнѣ сердиться на васъ, я совсѣмъ ничего не знаю, вы ничего худаго мнѣ не сказали.

— И не бойтесь, ничего худого и не скажу... хотѣлъ бы я только открыть вамъ всю мою душу.. Не осердитесь?

Татьяна Михайловна опустила глаза и голову и почти шопотомъ отвѣтила:

— Нѣтъ.

— Я вѣдь васъ, Татьяна Михайловна, полюбилъ всей моей душою, сказалъ робко Иванъ Сидоровъ, не смѣя взглянуть на свою спутницу: — полюбилъ такъ, что просто жить не могу безъ васъ.... Вся моя душа изныла по васъ. Безъ васъ мнѣ и солнышко красное не грѣеть и не свѣтитъ... Какъ увидѣлъ я васъ въ прошедшемъ году, вонъ, тамъ, на полянѣ, такъ съ той съ самой поры словно вы меня къ себѣ приворожили...

— За чѣмъ же я стану привораживать? замѣтила, жеманясь, Татьяна Михайловна: — развѣ я колдунья какая?

— Да вѣдь я такъ только говорю, поправился Иванъ Сидоровъ: — я, т. е., не въ дурную сторону, а говорю только, что полюбилъ вы мнѣ крѣпко съ перваго взгляду... и словно взяли да и вынули мое сердце... Нѣтъ мнѣ ни покою ни радости съ той поры. Только и дышу, какъ гляжу на васъ или слушаю ваши слова. Какая моя теперича жизнь?! Хожу какъ окаянный, нигдѣ себѣ мѣста не найду; не глядѣлъ бы на Божій свѣтъ! Мучаюсь, мучаюсь, добавилъ Сидоровъ, сквозь слезы: — и конца не вижу своимъ мукамъ.

— Я этому, Иванъ Сидоровичъ, не причинна, сказала Татьяна Михайловна, и не могу.....

— Знаю, перебилъ се Иванъ Сидоровъ; — знаю, Татьяна Михайловна, все знаю.... да вѣдь одно ваше словечко можетъ снять съ меня муку....

— Какое же это словечко, я васъ не понимаю.

— Да скажите мнѣ одно: любъ я вамъ али нѣтъ? только этого мнѣ и надо. Коли любите меня....

— Я васъ не могу любить, сказала Татьяна Михайловна, потуляясь: — потому, вы женатый человекъ, какая же это будетъ любовь?

— Да что мнѣ жена, Татьяна Михайловна, вѣдь я васъ люблю больше всего на свѣтѣ; вѣдь я ни о чемъ больше и не думаю.

— Какъ же вы такъ говорите, Иванъ Сидоровичъ?... Котя бы я и любила васъ, такъ, все таки... не въ законѣ... не согласна.... Сами подумайте: что же скажутъ, послѣ этого, про меня и про васъ добрые люди?....

— Да вѣдь я, Татьяна Михайловна, люблю тебя.... какъ люблю? я по одному твоему слову на всякій грѣхъ пойду. Я для тебя душу свою загублю! Коли я тебѣ по сердцу — я ничѣмъ не подорожу, все брошу; коли я тебѣ по сердцу: — что намъ добрые люди; плюю я на все, мы въ другое мѣсто уйдемъ....

— Нѣтъ, повторила рѣшительно Татьяна Михайловна: — Я такъ-то, не въ законѣ, никакъ не согласна.... Прощайте, на насъ глядятъ — шепнула она и торопливо вышла на поляну.

— Ахъ, ты злодѣйка, злодѣйка! сказалъ Иванъ Сидоровъ, хватаясь обѣими руками за голову: — что ты со мной надѣлала?! За что ты мнѣ голову съ плечъ сняла?!

XIII.

Татьяна Михайловна въ страшно-дурномъ расположеніи духа. На кухарку и на дворника съ утра и до поздняго вечера сыплется брань; ничѣмъ нельзя угодить недовольной хозяйкѣ. То сидитъ Татьяна Михайловна по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, уставивъ глаза на какую-нибудь фигурную ножку стола или на уголъ печи, и не промолвитъ словечка, то подыметъ и пойдетъ бродить по дому.... Все не такъ; тамъ лѣстница дурно выметена, тамъ кастрюли невычищены, то дворникъ ничего не дѣлаетъ.

— Чего торчишь цѣлый день на кухнѣ? кричитъ на него Татьяна Михайловна — нѣтъ, чтобы за дворомъ приглядѣть....

Выйдетъ дворникъ изъ кухни — новая бѣда: Татьяна Михайловна кричитъ:

— Куда все шляешься, чего здѣсь не сидишь?

Напрасно кухарка добросовѣстнѣйшимъ образомъ лѣзетъ изъ кожи, чтобы исполнить свои обязанности, какъ слѣдуетъ,

Татьяна Михайловна недовольна, Татьяна Михайловна рветъ и мечеть; все не такъ, все дурно. Странникъ Семень попробовалъ было подъѣхать къ разгнѣванной хозяйкѣ, съ шуточкой, но былъ такъ безжалостно оборванъ, что съежил-ся и притихъ, какъ дитя, которому пригрозили розгой.

Вечернія собранія также не клеятся; Аркадій сумраченъ и золъ, онъ какъ-то странно поглядываетъ на задумывающуюся Татьяну Михайловну и немилосердно преслѣдуетъ Наворъ-Кулпковскаго, такъ, что тотъ теряетъ, наконецъ, всякую охоту врать, какъ вралъ обыкновенно и уходитъ домой очень рано. Кубиковъ конфузится при общемъ молчаніи, а странникъ Семень забивается въ темный уголъ и не смѣетъ пикнуть. Такъ дѣло тянется вотъ уже ровно три недѣли, съ праздника апостоловъ Петра и Павла.

Ровно три недѣли у Татьяны Михайловны не видать Ивана Сидорова; странникъ Семень давно уже намоталъ себѣ на усъ это обстоятельство и только выжидаетъ удобнаго случая, убѣдиться въ своей догадкѣ, а потомъ, если возможно, поправить дѣло. Странникъ Семень шелъ къ заданной себѣ цѣли весьма осторожно и благообразно.

— Кажется, рѣшилъ онъ про себя: — я попалъ на слѣдъ; а все лучше еще посмотрѣть да пообождать, не попасть бы въ просакъ, не дать бы маху. Можетъ такъ, а можетъ и не такъ. Коли угадаю, можно будетъ кое-что заработать. Погожу еще денекъ.

Пропустивъ такимъ образомъ нѣсколько деньковъ и продолжая изъ темнаго угла зорко наблюдать за своей хозяйкой, Семень убѣдился, наконецъ, что предположеніе его справедливо. Пора было дѣйствовать. Улучивъ минуту, когда Татьяна Михайловна проводила своихъ обычныхъ гостей и сидѣла, печально опустивъ голову и уставивъ глаза на позолоченную баранью голову, служащую ручкою кресель, Семень смиренно выступилъ на сцену.

— Матушка, Татьяна Михайловна! — сказалъ онъ, склонивъ голову на правое плечо.

— Что тебѣ? — спросила весьма сурово Татьяна Михайловна.

— Матушка, Татьяна Михайловна! повторилъ также

унижено Семень — не гнѣвайтесь, хочу повеселить васъ, дозвоьте!.... Ну, вотъ, ударьте меня, только дозвоьте повеселить васъ.

Онъ сдѣлалъ такую забавную гримасу, что Татьяна Михайловна невольно улыбулась и спросила:

— Чѣмъ же напрымѣрь?

— Да хотъ, напрымѣрь, сказку вамъ скажу такую, что животикъ надорвете.... Нѣтъ, не хотите?

— Не хочу.

— Ну, пѣсенку спою, про наука да про муху, какъ паукъ муху въ острогъ посадилъ.... То же не хотите?

— Не хочу.

— Ну, поворожить могу, я вѣдь, матушка, Татьяна Михайловна, кудесникъ дошлый! — сказалъ Семень, уже нѣсколько ободренный — я ворожить отлично умѣю.... Не вѣрите? Ей Богу, умѣю. Дозвоьте поворожить вамъ на карточкахъ, я вамъ всю подноготную расскажу, про что только пожелаете.

— Ну, пожалуй: — сказала Татьяна Михайловна, уступая невольно разгорѣвшемуся въ ней любопытству.

Семень вытащилъ изъ кармана колоду засаленныхъ картъ.

— Задумайте, на что пожелаете, матушка, задумайте и потасуйте карточки....

Татьяна Михайловна перетасовала карты.

— Ну-съ, теперича извольте прислушать....

Семень сталъ раскладывать карты; Татьяна Михайловна со вниманіемъ и любопытствомъ глядѣла на гадателя и не безъ волненія ожидала, что онъ скажетъ.

— Въ довольствѣ, началъ Семень, какъ бы про себя: — въ довольствѣ и всякомъ изобиліи живетъ трефовая королева.... Все есть, домъ — полная чаша, только бы, кажись, жить да веселиться.... а тутъ нѣтъ, все не мило, пала ей на сердце печаль.... да, печаль.... и виноватъ тутъ, чтобъ ему шкнулось посильнѣй, виноватъ какой-то.... кажись, такъ?... да, точно....

Семень замолчалъ и сталъ разглядывать карты.

— Ну, говори же, произнесла съ нетерпѣніемъ Татьяна Михайловна.

— Виновать король, сказалъ Семень.

— Да какой? — спросила хозяйка.

— Да какъ будто бу-био-вый: — отвѣтилъ странникъ, взглянувъ на Татьяну Михайловну; она покраснѣла. — Да, точно, бубиновый: — продолжалъ онъ — и знаете что вамъ скажу: голубка тоскуетъ по голубѣ, а голубъ убивается по голубкѣ.... стоитъ между ними стѣна, да что стѣна?.... Взмахнулъ крыломъ голубъ, такъ и стѣнь-какъ не бывало!.... Экія карточки-то славныя легли вамъ! смотрите, смотрите.... радость, исполненіе желанія, большой интересъ.... и кончится все великимъ удовольствіемъ!

— Что же еще? спросила Татьяна Михайловна.

— Да больше ничего, отвѣтилъ Семень: — вѣдь на картахъ-то не разгуляешься; вѣдь онѣ показываютъ только, на примѣръ, какъ что есть и какъ сбудется, тутъ ужъ не моя власть; вѣдь это не то, что тамъ какая-нибудь другая ворожба.

— А ты развѣ и другую ворожбу знаешь?...

— Я-то, Татьяна Михайловна?

— Да.

— Какъ мнѣ не знать; исходилъ я по бѣлому свѣту не мало, не мало навидѣлся и паслышался отъ добрыхъ людей.... Я, то есть, не то чтобы хвалить себя хотѣлъ, а истинную правду говорю, я могу многое сдѣлать, и лѣчить могу.... зубы заговаривать знаю.... могу приворожить.

— То есть, какже это приворожить? спросила Татьяна Михайловна.

— Да вотъ, на примѣръ, пожелаю я, чтобы какой-нибудь человѣкъ, значить, любовь ко мнѣ имѣлъ.

— Ну?

— Ну, такъ могу приворожить, что просто изсохнетъ по мнѣ, истаетъ какъ свѣчка.

— Будто?

— Вѣрно.... Ей Богу, могу!... Вотъ это ворожба, а карты что? карты это такъ, больше для забавы.... Оно, конеч-

но, карты говорятъ правду, да все ужъ онѣ власти никакой не имѣютъ; а тамъ я что захотѣлъ, то и сдѣлаю!

— А для другаго можешь? спросила не смѣло Татьяна Михайловна.

— Могу.... оно, конечно, трудноато, одначе могу и для другаго, отвѣтилъ Семень.

Въ эту минуту Татьянѣ Михайловнѣ казалось, что она любитъ Ивана Сидорова, что все ея свирѣпствованіе втеченіе трехъ недѣль есть прямое слѣдствіе любви. Она была убѣждена, что въ ней говоритъ не просто уколотое самолюбіе, а истинная любовь къ Ивану Сидорову. Онъ не приходитъ вотъ уже три недѣли, слѣдовательно у Татьяны Михайловны нѣтъ уже надъ нимъ прежней силы, которая заставляла его переносить терпѣливо все и смотрѣть въ глаза своей ненаглядной. Семень владѣетъ средствомъ приворожить человѣка, не воспользоваться ли этимъ? Татьяна Михайловна задумывалась не долго.

— Знаешь? сказала она Семену: — Я заплачу тебѣ дорого, я дамъ тебѣ десять, пятнадцать, двадцать рублей... научи меня, какъ приворожить одного человѣка.

— Извольте, Татьяна Михайловна! отвѣтилъ Семень, съ самоувѣренностью: — Я для васъ готовъ!

— Когда же?

— Да хоть сію минуту.... захочу и сдѣлаю!

— Ну, научи.

Татьяна Михайловна весело вскочила съ дивана.

— Укажите мнѣ только въ какой сторонѣ живетъ тотъ человѣкъ и какъ его звать, сказалъ Семень.

Татьяна Михайловна нѣсколько задумалась.

— Безъ этого нельзя, увѣрялъ Семень: — никакъ нельзя. Дѣлать нечего; Татьяна Михайловна рѣшилась.

— Живетъ этотъ человѣкъ, сказала она, указывая рукою по направленію къ Малояворцу, вонъ, въ той сторонѣ, а зовутъ его: — прибавила она по-тише и съ нѣкоторою робостью — Иваномъ....

— Рабъ Иванъ, рабъ Иванъ, повторилъ странникъ, отлично выдерживая свою роль; теперь, вотъ что, матушка: выйдемте со мной на крылечко, тамъ и дѣло покончимъ.

— За чѣмъ же это?

— Надо, надо!... рабъ Иванъ, рабъ Иванъ, рабъ Иванъ...

Татьяна Михайловна накинула платокъ на голову и вышла за странникомъ на крыльцо.

На дворѣ было темно; изъ монастырской рощи доносился слабый шелестъ листьевъ, перебираемыхъ небольшимъ вѣтеркомъ; за рѣкой въ городѣ мелькали огоньки; кое-гдѣ лаiali собаки. Все это было очень обыкновенно, и не разъ доводилось Татьянѣ Михайловнѣ выходить объ эту пору на крыльцо своего дома; не разъ сиживала она на этомъ крыльцѣ, не разъ глядѣла и на эту темную рощу и на огоньки, мелькающіе за рѣкой; не разъ прислушивалась она и къ шелесту листьевъ и къ собачьему лаю.... Но теперь, все это приняло въ ея глазахъ иной видъ. Роща, казалось, придвинулась къ дому, городъ будто откинуло далеко отъ берега; собаки не лаютъ а воютъ какъ-то жалобно... Страхъ напалъ на Татьяну Михайловну; она вдругъ вспомнила, что недалеко и кладбище и почувствовала какъ по всему тѣлу побѣжали, такъ называемыя, холодныя мурашки. Дрожащимъ голосомъ она окликнула Семена, хотя тотъ былъ подлѣ нее.

— Семень! Я боюсь....

— Чего, матушка, бояться? Вы у себя дома; вотъ, пожалуйста, сюда.... встаньте, вотъ такъ, къ той сторонѣ.

— Ну?

— Говорите теперь за мной. Семень прокашлялся и съ приличною торжественностью началъ:

«Стану я, раба Татьяна, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточной сторонѣ стоятъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается! Бѣлый свѣтъ красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня бы, рабу Татьяну, дожидался, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть; ни на утренней зорѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ матери, безъ материна молока, безъ материна чрева, не можетъ жить, такъ бы рабъ Иванъ, безъ рабы Татьяны, не могъ бы жить,

ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зорѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ; ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, вѣдайся тоска въ грудь, въ сердце, во весь животъ рабу Ивану, разростись и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабѣ Татьянѣ.

Дрожащимъ голосомъ повторяла Татьяна Михайловна слова Семена.

— Теперь сказалъ странникъ, возьмите горсточку земли.

— Взяла.

— Бросьте ее на вѣтеръ, въ ту сторону.

— Бросила.

— Амнь! воскликнулъ Семень торжественно: — Теперь проздравилю, все покончили!

Татьяна Михайловна вскочила на крыльцо и поспѣшно взбѣжала по лѣстницѣ въ свою комнату. Нескоро заснула она въ эту ночь; за то встала на утро веселая и уже не бранила кухарку и дворника. Странникъ Семень проснулся подъ лѣстницею; какъ онъ попалъ туда, этого онъ никакъ не могъ припомнить. Взглянувъ на мѣсто своего почлега онъ замѣтилъ только:

— Ишь-ты куда качнуло!...

XIV.

На углу соборной улицы и вдовьяго переулка, въ знакомомъ уже намъ домѣ, дѣло шло очень не ладно. Иванъ Сидоровъ съ самаго праздника не выходилъ изъ дому и мѣтался изъ угла въ уголъ, словно больной или сглаженный. Даже Матрена Ермолаевна вышла изъ своей обычной апатіи и не разъ принималась спрашивать:

— Что съ тобой, Иванъ Сидоровичъ?

— Ничего, отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Сидоровъ.

— Какъ ничего, приставала Матрена Ермолаевна: — вѣдь ты на себя не похожъ. Гляди-но, какъ исхудалъ да исчахъ, краше въ гробъ кладутъ.

— Да отстань ты отъ меня! вскрикивалъ Иванъ Сидоровъ: — Чего пристала? Надоѣла! Не трогаю тебя, не тронь и ты меня; оставь, отвяжись, отойди отъ грѣха!

Ничего не понимала Татьяна Ермолаевна, качала только головой и уходила къ дѣтямъ или по хозяйству.

Иванъ Сидоровъ твердо рѣшился не ходить больше къ Татьянѣ Михайловнѣ.

— Что я стану надрывать себѣ попусту сердце? рассудилъ онъ: — Не пойду больше къ ней, не стало моей мочи. Пусть по крайности не видѣтъ моей муки и не можетъ надо мною надсмѣяться.

Но не легко было Ивану Сидорову исполнять свое благоразумное рѣшеніе. Онъ мучился, какъ рыба безъ воды; какой-то невидимой силой тянуло его къ Татьянѣ Михайловнѣ; каждую минуту такъ и подмывало его, хотъ пройдтись мимо дома да взглянуть въ окна, и надо было много силы воли, чтобы устоять противъ этого ежеминутнаго искушенія... А дома, между тѣмъ, все становилось съ каждымъ днемъ неавистиѣе. Собственный домъ сталъ ему теперь хуже тюрьмы; каждый уголъ глядѣлъ на хозяина неприязненно и угрюмо, крикъ кукушки въ часахъ раздавался въ ушахъ его какъ-то особенно хрипло, тоскливо и неприятно. На Матрену Ермолаевну не могъ смотрѣть Иванъ Сидоровъ спокойно, она одинаково бѣсила его: и разговоромъ и молчаніемъ, и походкою и наружностью. Даже ласкающихся дѣтей нерѣдко отгалкивалъ онъ отъ себя — не до нихъ было ему, терзаемому одною безотвязною мыслью о Татьянѣ Михайловнѣ. Самая тишина, водворившаяся въ домѣ, раздражала Ивана Сидорова и не разъ онъ кричалъ на Матрену Ермолаевну.

— Да что это? хоронятъ меня, что ли?... Погоди еще, прибавлялъ онъ, злобно улыбаясь: — дай пожить... Посидишь еще нагуляться и натѣшиться въ волю. Нечего загодя хоронить меня; погоди, пока самъ умру.

— Что ты, Иванъ Сидоровичъ, возражала Матрена Ермолаевна: — Господь съ тобою! кто тебя хоронить.

— А чего жъ всѣ шепчутся, да по угламъ прячутся?

— Да ты же прогналъ отъ себя дѣтей, ну, вотъ они, извѣстное дѣло, и присмирѣли, боятся.

— Чего боятся? Звѣрь я что ли какой? Ну, они глупы, не понимаютъ; а ты-то чего глядишь? Ты, не бойсь, рада этому; давай пужать дѣтей отцомъ роднымъ.

— Полно ты, Иванъ Сидоровичъ, что ты такое несообразное говоришь? Стану ли я эки дѣла дѣлать; за что ты только клепешь на меня...

— А, да отстань отъ меня, уйди ты съ глазъ моихъ!

Матрена Ермолаевна ломаетъ голову, что такое случилось съ Иваномъ Сидоровичемъ и конечно никакъ не можетъ разрѣшить эту трудную загадку. Любилъ прежде Иванъ Сидоровъ книжки читать; пробуетъ онъ и теперь найдти въ нихъ хоть минутное развлеченіе; но нейдетъ на умъ и чтеніе, умъ занять другимъ; буквы мелькаютъ въ глазахъ какимъ-то бессмысленными каракульками, уцѣпившись одна за другую и вытянувшись въ ряды; и, между тѣмъ, воображеніе рисуетъ Ивану Сидорову соблазнительный образъ Татьяны Михайловны. То въ глазахъ ея столько любви и привѣта, что Иванъ Сидоровъ отдалъ бы ей охотно свою жизнь; то стоитъ она передъ нимъ и глядитъ на него такъ насмѣшливо, что у бѣднаго Ивана Сидорова сердце обливается кровью. Иванъ Сидоровъ бросаетъ книжку, ходитъ по комнатѣ, ложится, опять встаетъ, опять ходитъ — нигдѣ нѣтъ ему мѣста, ни въ чемъ нѣтъ забвенія; мысль о Татьянѣ Михайловнѣ не отстааетъ, не отвязывается.... Такимъ образомъ день тянется годомъ, а ночь придетъ — еще хуже, еще длиннѣе, еще мучительнѣе. Ляжетъ Иванъ Сидоровъ и притворится спящимъ, чтобы отдѣлаться отъ докучливыхъ распросовъ и разговоровъ Матрены Ермолаевны.

— Спишь? спроситъ она въ полголоса: — Иванъ Сидоровичъ, спишь?

Иванъ Сидоровичъ притаился — молчитъ.

— Господи, Иисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя грѣшную! скажетъ Матрена Ермолаевна крестясь и, закутавшись въ одѣяло, погрузитъ свою слабую голову въ мягкія подушки. Пройдетъ минутъ пять, зѣвнетъ раза два Матрена Ермолаевна, потомъ притихнетъ, а тамъ захранить

ровнымъ, здоровымъ, богатырскимъ храпомъ. Иванъ Сидоровъ откроетъ глаза... Прямо въ лицо ему бьетъ свѣтъ лампы, отражающійся въ серебряной ризѣ большого образа Богоматери. Сидоровъ смотритъ на кіоту безсознательно, съ тѣмъ тупымъ чувствомъ разсѣянія, которое искажаетъ передъ человѣкомъ видимые предметы, придавая имъ разнообразныя, неясныя и порой фантастическія формы... Иванъ Сидоровъ лежитъ въ томъ состояніи, въ которомъ человѣкъ на вопросъ: о чемъ онъ думалъ, отвѣчаетъ обыкновенно: *ни о чемъ*. Только какая-нибудь особенно рѣзкая нотка въ храпѣ Матрены Ермолаевны, лай собаки или другой какой звукъ пробуждаетъ Ивана Сидорова. Онъ осторожно подымается съ кровати, набрасываетъ на себя халатъ и выходитъ въ другую комнату. Тамъ онъ открываетъ окно, садится на подоконникъ и глядитъ то на темную улицу, то на небо... А безотвязная мысль, все одна и та же, сверлитъ его буравомъ, не давая ему ни на минуту отдыха. Чего, чего не приходитъ Ивану Сидорову въ голову. Нервы раздражены и подняты до того, что Иванъ Сидоровъ, словно явистутка, пугается малѣйшаго шороха и вздрагиваетъ. Едва передъ утромъ, измученный и обезсиленный, онъ успѣетъ заснуть часа на два и встанетъ нисколько не освѣженный на новую муку цѣлаго дня.

Только здоровая и сплная натура могла выдержать такое неестественное положеніе; но и Иванъ Сидоровъ, однакожь, ослабѣлъ замѣтно. Казалось немного надо было, чтобы ему свернуться окончательно; но на другой день послѣ описанной ворожбы Татьяны Михайловны къ Ивану Сидорову врачомъ явился странникъ Семень. Иванъ Сидоровъ сидѣлъ задумавшись у отвореннаго окна, Семень подошелъ, напѣвая какую-то пѣсенку.

— А! Семень! вскрикнулъ Иванъ Сидоровъ, поднявъ голову.

— Много лѣтъ здравствовать! сказалъ Семень, раскланываясь: — сто милліоновъ и кулъ червонцевъ на мелкіе расходы!

— Много будетъ.

Отд. I.

25

— Много, да хорошо; какъ поживаете, Иванъ Сидоровичъ?

— Худо, братъ Семень, неможется.

— Дѣло не хорошее, да поправное.

— Богъ развѣ поправитъ, возразилъ печально Иванъ Сидоровъ.

— Съ помощью Божіею можетъ и я это сдѣлаю.

— Нѣтъ, Семень, не по тебѣ это дѣло.

— Почемъ знать, чего не знаешь. Я самъ съ усамъ! на всѣ руки гораздъ! Въ одно ушко влѣзь, въ другое вылѣзь и сталь дохтуръ.

— Хорошь дохтуръ!

— А чѣмъ худъ?... Заплати, вылѣчу.

Иванъ Сидоровъ улыбнулся.

— Чего ухмыляешься, сказалъ Семень: — заплати, вылѣчу... Не пожалѣй синюху, такъ такое словечко молвлю, что всѣ суставчики заговорять.

— Богъ тебя разбереть, что ты толкуешь.

— Да вотъ то и толкую, что пріѣхалъ кулъерь изъ дальней сторѣнки, съ радостной вѣсточкой отъ миленькаго дружка... Только и прошу синичку, не велика птица, а даромъ ни-ни! и думать не моги; ротъ на замокъ и поворачивай оглобли.

— Не въ синичкѣ дѣло, замѣтилъ Иванъ Сидоровъ нѣсколько заинтересованный: — а сказывай толкомъ.

— Эка ты ловкій человѣкъ; такъ вотъ ему и сказывай сейчасъ... Сухая-то ложка ротъ дереть, не подмазанное колесо скрыпить, слышали это?.. Ну, вотъ, такъ-то и языкъ у меня безъ подмазки толкомъ не поворачивается.. Ты хошь не давай въ руки, а посули, я на слово твое положусь.

— Ну, тизволь.

— Вотъ ладно; по рукамъ! Теперь извольте слушать. Семень подвинулся ближе къ окну и началъ говорить тише: — Чего вы тутъ сидите-то, голову повѣсимпи? Чего къ намъ не заглянете?... Вѣдь тамъ ждуть-недождутся.

— Полно ты врать, — сказалъ Иванъ Сидоровъ, боясь повѣрить своему счастью.

— Что врать. Вчера.... только вы смотрите, меня не выдайте. Я вамъ все до слова расскажу.

— Говори, небойсь, не выдамъ.

— Вчера сама со мной, говорила объ васъ.

— Что ты?

— Вотъ тѣ Христось! Что это, говорить, долго не видать Ивана Сидоровича; я, говорить, очинно скучаю безъ нихъ, они, говорить, должно быть сердятся на меня, а я, говорить, что же? только грѣха боюсь. Я же, знаете, говорю ей: — какой же молъ грѣхъ; и въ писаніи сказано: — возлюби ближняго твоего.

— Что-жь она?

— Ухмыльнулась.... ну, извѣстно, женское дѣло, стыдится. Мой совѣтъ идтить вамъ къ намъ, ей Богу.

— Да какъ же? Вѣдь она ничего не сказала?

— Какъ не сказала? сказала: желаю, говорить, очинно, чтобы они пришли; поди, говорить, ты Семень, только, говорить, отъ себя, и упроси Ивана Сидоровича придтить къ намъ.... вотъ я и пошелъ.

— Неужто она сама тебя просила?

— Сама просила, подтвердилъ Семень. — Вотъ лопни мои глаза, сама просила.

— О! коли такъ, вотъ тебѣ синенькая, воскликнулъ Иванъ Сидоровъ. — Я приду, сегодня же вечеромъ приду!

— Ну, смотрите-жь!

Семень отправился домой, завернувъ по дорогѣ въ ресторацію и кутнувъ тамъ порядкомъ. Иванъ Сидоровъ ожилъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ вечера.

XV.

Сильно удивилась Матрена Ермолаевна, когда Иванъ Сидоровъ часу въ седьмомъ вечера одѣлся и вышелъ изъ дому, сказавъ по обыкновенію.

— Я къ одному человѣку, по дѣлу.

Иванъ Сидоровичъ разумѣется не обратилъ никакого вниманія на ея удивленіе и отправился за рѣку. Не совѣмъ

спокойно поднялся онъ по лѣстницѣ, не совсѣмъ спокойно отворилъ двери и остановился трепещущій и смущенный передъ вспыхнувшею Татьяною Михайловною. Наноръ-Куликовскій привѣтствовалъ вошедшаго громогласнѣйшимъ восклицаніемъ и кинулся на него съ распростертыми объятіями. Кубиковъ также весьма радушно поздоровался съ Иваномъ Сидоровичемъ. Странникъ Семень заболталъ радостно и руками и ногами. Только Аркадій встрѣтилъ гостя холодной и даже, на пристальный взглядъ, нѣсколько злой улыбкой, какъ-бы говоря: — А! такъ пожаловалъ!

— Что съ вами? Гдѣ пропадали? — заревѣлъ Наноръ-Куликовскій. — Мы васъ хоронить сбிரались. Безъ васъ и дѣло не шло на ладъ.

— Совсѣмъ забыли насъ, — добавила Татьяна Михайловна, оправившись уже нѣсколько отъ перваго смущенія.

Иванъ Сидоровичъ сослался на болѣзнь. Послѣ объясненій и нѣкотораго замѣшательства, общество пришло въ прежній порядокъ и никогда еще не были всѣ, за исключеніемъ Аркадія, такъ оживлены и веселы, какъ въ этотъ вечеръ. Нѣтъ надобности прибавлять, что оживленіе это сообщалось всѣмъ отъ Татьяны Михайловны. Она не умѣла, а можетъ быть и не хотѣла скрывать свое отличное расположеніе. На столѣ явилась закуска разнообразіе обыкновеннаго; къ настоекѣ прибавилась отличная наливка. Семень бѣгалъ и суетился за четверыхъ. Наноръ-Куликовскій выказывалъ невѣроятную храбрость, осаждая настойку, и завелъ рѣчь о своихъ похожденіяхъ, какъ военныхъ такъ дон-жуановскихъ.

— Пришло мнѣ на мысль, заговорилъ онъ, осушивъ стаканчикъ наливки: — какъ я разъ, это было въ персидскую компанію, наполнивъ этакой наливкой одну персидскую клянку; вотъ вышла потѣха! Взяла она чоугуръ да какъ пошла отклячивать, такъ я вамъ скажу у меня духъ захватило; смотрю и глазамъ своимъ невѣрю; думаю себѣ: человѣкъ ли это или дьяволъ?

— Какъ же это попала къ вамъ персидская клянка, спросилъ вѣчно сомнѣвающейся Аркадій.

— Такъ, понала, отвѣтилъ съ неудовольствіемъ Напоръ-Куликовскій — наши солдаты въ плѣнъ ее взяли и привели ко мнѣ: — Вотъ, говорятъ, негодно ли купить, ваше благородіе, персидскую княжну!.... А она стоитъ, бѣдненькая передо мною, глаза опустила въ землю и дрожитъ. Я, знаете, сейчасъ къ ней: — Что вы, говорю, прекрасная княжна, такъ дрожите? — Я, говоритъ, боюсь васъ. — Напрасно, говорю, боитесь, я не звѣрь и не кусаюсь.... Сталь, знаете, вслѣски ее ободряетъ, она по немногу, по немногу осмѣлилась, подняла голову, просто красавица писанная!.... Я солдатамъ червонецъ и осталась эта княжна у меня, сама пожелала. Я спрашивалъ ее: — Не хотите ли, говорю, я васъ къ тятенькѣ вашему доставлю? — Нѣтъ, говоритъ, не желаю, тятенька мой, говоритъ, тиранствуетъ, а я по любила васъ съ перваго взгляда и хочу остаться при васъ.... Такъ при мнѣ и осталась; со мною и въ Россію пришла.

— Какъ же вы съ ней разговаривали? — спросилъ опять Аркадій.

— Да такъ, просто, разговаривалъ.

— Да какъ же это?

— Ахъ, ты Господи, вотъ привязались — горячился Напоръ-Куликовскій — вѣдь говорю вамъ: просто, такъ... ну, пальцами, пантомимой.... Ну, махнулъ рукой и спрашиваю: туды къ тятенькѣ *якши*? а она трясетъ головой, говоритъ: *нѣтъ якши*, а руку приложила подъ сердце да на меня показала и говоритъ: *вотъ это якши!*

— Такъ по русски и сказала?

— Э! отвяжитесь!

Напоръ-Куликовскій махнулъ рукой и съ ожесточеніемъ выпилъ настойки, потомъ наливки и потомъ опять настойки, сказавъ:

— Вашу паливочку, Татьяна Михайловна, въ настойку завернулъ, чтобы не простудилась.

— Кушайте на здоровье, сказала хозяйка. — А вы что же, Иванъ Сидоровичъ, не отвѣдаете моего пздѣлія.

— Я съ удовольствіемъ, за ваше здоровье.

— Ну, такъ и я за ваше вынью.

— Урра! крикнулъ Напоръ-Куликовскій. — Только позвольте — прибавилъ онъ, когда Татьяна Михайловна, чокнувшись съ Иваномъ Сидоровымъ, выпила рюмку наливки: — слѣдуетъ по христіански: кто чокается, тотъ чмокается.

— Что вы глупости говорите, возразила Татьяна Михайловна, жеманясь.

— Непремѣнно, неpremѣнно! — настаивалъ Напоръ-Куликовскій — это законъ!

— Какъ же? сказалъ Иванъ Сидоровъ, робко подымаясь съ своего мѣста: — вѣдь ужъ коли законъ такой, значить слѣдуетъ исполнить.

— Экіе выдумщики, право, замѣтила Татьяна Михайловна, улыбаясь и краснѣя, и протянула свое хорошенькое личико.

Иванъ Сидоровъ страстно поцѣловалъ подставленные ему губки и почувствовалъ что-то до того невыразимо пріятное, чего не испытывалъ еще ни разу въ своей жизни.

— Ну, теперь должны со мной чокнуться и чмокнуться, сказалъ Напоръ-Куликовскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! отговаривалась Татьяна Михайловна; но Напоръ-Куликовскій не отставалъ и, дѣлать нечего, пришлось чокнуться и съ нимъ. Затѣмъ и Кубиковъ осмѣлился предъявить свои права. Такимъ образомъ Татьяна Михайловна выпила три рюмки наливки. Общество оживилось еще болѣе, когда Татьяна Михайловна взяла давно забытую гитару и, послѣ нѣсколькихъ акордовъ, запѣла. Мало-по-малу лицо ея разгорѣлось яркимъ румянцемъ, носдри разширились, глаза засверкали лихорадочнымъ, страстнымъ блескомъ. Всѣ движенія ея были полны какой-то нѣги и той особенной граціи, которая проявляется въ женщинѣ только подъ вліяніемъ страсти и волненія. Въ самомъ голосѣ ея звучала страсть. Иванъ Сидоровъ, блѣдный и задыхающійся, не сводилъ глазъ съ чудной пѣвицы. Она поражала его своей красотой, не той чистой, святой красотой, которая наполняетъ душу человѣка отраднымъ, спокойнымъ чувствомъ благоговѣнія, а красотой, волнующей кровь и помрачающій умъ человѣка, красотой, которую благочестивые люди называютъ красотой сатаны.

Отецъ Аркадій глядѣлъ изъ подлобья и грызъ ногти; странникъ Семень прослезился, чему, конечно, способствовало порядочное количество выпитой имъ настойки. Кубиковъ сидѣлъ, склонивъ голову на плечо и разинувъ ротъ; самъ Напоръ-Куликовскій забылъ о настойкѣ и даже не рѣшался подтянуть, по обыкновенію, своимъ хриплымъ басомъ. Общее вниманіе, повидимому, ободряло Татьяну Михайловну; она пѣла съ одушевленіемъ и самоувѣренностью; въ пѣніи ея отражались попеременно: то восторгъ, то грусть, то страсть, то слезы. Она пѣла довольно долго; наконецъ, голосъ ея сталъ слабѣть и она остановилась.

— Урра! крикнулъ Напоръ-Куликовскій: — Вотъ такъ одолжили! Позвольте за ваше здоровье хватить.

— И мнѣ... доз...воль...те, пропицалъ жалобно растроганный странникъ.

Иванъ Сидоровъ молчалъ, въ ушахъ его все еще звучалъ чудный голосъ красавицы-пѣвуны.

— Истинно можно сказать, произнесъ Кубиковъ: — райское пѣніе!

— Теперь бы веселенькую, обратился Напоръ-Куликовскій къ хозяйкѣ: — Такую, чтобъ всѣ косточки заговорили!...

— Налейте мнѣ наливки, сказала Татьяна Михайловна Ивану Сидорову: — Ну, а себя-то забыли?

Иванъ Сидоровъ исполнилъ ея желаніе, налилъ ей и самъ выпилъ.

— Ну, давайте веселую! произнесла Татьяна Михайловна, выпивъ наливку и принимаясь опять за гитару: — Подтягивайте мнѣ всѣ.

И живая, удалая пѣснь раздалась въ бывшей диванной генерала Щепанова. Татьяна Михайловна, перебирая искусно струны, залилась звонко и весело, гости подтянули хоромъ.

— Эй! ходи! завопилъ Напоръ-Куликовскій, вскакивая со стула: — Становись, Божій человѣкъ, становись противъ меня! Катай, выписывай!

Странникъ Семень, не долго думая, подобралъ фалды своего балахона и сталъ выкидывать ногами самыя уморительныя штуки. Напоръ-Куликовскій подбоченясь, подергивалъ

только плечами и, выбивая ногами дробь на мѣстѣ, вскрикивалъ :

— Валяй! ходи браво! жарь, милый человѣкъ!

Оба плясуна, обливаясь потомъ и задыхаясь, бѣсновались до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ нихъ, и именно странникъ Семень, не шлепнулся на полъ, при общемъ хохотѣ.

— Ой! батюшки! смерть! кричалъ Семень: — матушка, Татьяна Михайловна, дозвоьте освѣжиться.

— Выпей, вышей, сказала ласково развеселившаяся хозяйка.

Она то и дѣло подчивала своихъ гостей; даже мрачный Аркадій, подгулявъ порядочно, сталъ веселѣе и общительнѣе. Сама Татьяна Михайловна дѣлалась съ каждою рюмкою наливки смѣлѣе и развязнѣе; она чаще и чаще посматривала на Ивана Сидорова, который млѣлъ и дрожалъ подъ этими взглядами.

— Садитесь сюда, сказала ему Татьяна Михайловна, указывая на диванъ, подлѣ себя: — Споемте что-нибудь вмѣстѣ.

Иванъ Сидоровъ, разумѣется, не заставилъ повторять этого приглашенія. Они спѣли нѣсколько пѣсень вдвоемъ; за тѣмъ Напоръ-Куликовскій потребовалъ опять плясовую.

— Сдѣлайте милость, кричалъ онъ, снимая сюртукъ: — сдѣлайте Божескую милость — плясовую! Я вамъ покажу, какъ плясала персидская княжна!

Слабое перо мое не можетъ описать того свирѣпаго бѣшенства, съ которымъ Напоръ-Куликовскій представилъ персидскую княжну — зрители покатались со смѣху. Общій смѣхъ удвоился, когда странникъ Семень не выдержалъ и пустился плясать вмѣстѣ съ Напоромъ-Куликовскимъ... Въ эту минуту, Иванъ Сидоровъ почувствовалъ, что очаровательная сосѣдка тронула его за колѣно. Все общество такъ было занято пляскою, что не замѣтило ни взгляда Ивана Сидорова, на который Татьяна Михайловна отвѣтила улыбкою, ни того, что Иванъ Сидоровъ успѣлъ, въ свою очередь, коснуться колѣна прекрасной хозяйки. Какъ кружилась голова счастливица, сколько заронилось въ ней сладостныхъ надеждъ, какимъ влѣчемъ кипѣла молодая кровь, какъ трепетало любя-

щее сердце.... Между тѣмъ пиръ шелъ горой. Скоро оказалось, что настойка и наливка вышиты.

— Матушка, Татьяна Михайловна! заголосилъ Напоръ-Куликовскій: — Караулъ! Радости нѣтъ больше!

— А вотъ я сейчасъ принесу, сказала Татьяна Михайловна: — Иванъ Сидоровичъ, посвѣтите мнѣ, я въ шкафъ схожу.

Шкафъ былъ на лѣстницѣ, Иванъ Сидоровъ со свѣчою вышелъ за хозяйкой; когда они остались одни, онъ взялъ ее за руку.

— Татьяна Михайловна... Таня!... любишь ты меня? спросилъ Иванъ Сидоровъ.

Татьяна Михайловна взглянула на него ласково и грустно и, вздыхая, сказала:

— Ахъ, Ваня!... еслибъ у тебя не было жены...

Подсвѣчникъ вынулъ изъ рукъ Ивана Сидорова. Татьяна Михайловна ахнула и хотѣла бѣжать въ комнату, но Иванъ Сидоровъ хватилъ ее за талию, крѣпко сжалъ въ своихъ объятіяхъ и сталъ цѣловать.

— Пустите, пустите, идуть! воскликнула Татьяна Михайловна и, собравъ всѣ свои силы, оттолкнула обезумѣвшаго Ивана Сидорова. Она торопливо сбѣжала внизъ и явилась оттуда съ зажженною свѣчею. Иванъ Сидоровичъ, казалось, успѣлъ опомниться; по крайней мѣрѣ онъ спокойно посвѣтилъ хозяйкѣ, пока та осматривала запасную бутылъ, которая, увы, оказалась также пустою.

— Вотъ тебѣ разъ! воскликнула Татьяна Михайловна: — И въ запасѣ нѣтъ ничего.

— Я сбѣгаю въ городъ, вызвался Иванъ Сидоровъ и, не дожидаясь отвѣта, безъ шапки, какъ былъ, побѣжалъ внизъ.

— Деньги-то, по крайности, возьмите, крикнула ему Татьяна Михайловна.

— Не надо, отвѣтилъ Иванъ Сидоровъ: — Я на свои куплю.

Гости, томимые жаждою, были утѣшены надеждою.

— Сейчасъ Иванъ Сидоровичъ принесетъ, сказала Татьяна Михайловна, возвратившись въ комнату: — Побѣжалъ въ городъ.

— Ну, и прекрасно, замѣтилъ Напоръ-Куликовскій: — сегодня выдался такой славный вечерокъ, какого я давно не помню. Вотъ даже Божій человекъ до-сихъ-поръ держится на ногахъ.

— Потомъ выходитъ хмѣль, объяснилъ Семень.

— И я сегодня веселюсь, проговорилъ Кубиковъ, улыбаясь глупѣйшимъ образомъ.

— Смотри, сказала Напоръ-Куликовскій: — отецъ узнать — выпоретъ.

— Ну, ужъ это надо обождать... Что мнѣ тятенька? Я никого не страшусь и дѣйствую, значить, по своему, по благо-раз-смо-три-тель-ству — едва выговорилъ Кубиковъ, стукнувъ кулакомъ по столу — я желаю пѣть... Татьяна Михайловна! можете ли вы меня понимать, то есть, какъ я чувствую, а я желаю вамъ спѣть.... Подъиграйте мнѣ на гитарѣ.

— Какую же вамъ? спросила Татьяна Михайловна.

— Я желаю спѣть благородную: *гусаръ на саблю опираясь*.

Гитара забрянула, и Кубиковъ высокимъ фальсетомъ запѣлъ *благородную*. Къ концу романса онъ разчувствовался до того, что сталъ плакать. Слушатели разразились дружнымъ смѣхомъ. Такимъ образомъ прошло съ полчаса.

— Что же Иванъ Сидоровъ не идетъ такъ долго! хлопоталъ Напоръ-Куликовскій: — Пора бы ему давно вернуться.

— Да вѣдь заперто, замѣтилъ Семень: — пока отопрутъ, пока что...

— Эхъ, жаль, что я не пошелъ, сказала Напоръ-Куликовскій: — Я бы тамъ по военному распорядился, въ единый моментъ. Со мной много не наговоришь. Тарарахъ! и ставни долой! Тарарахъ! и стекло вонъ!

Къ слову Напоръ-Куликовскій сталъ рассказывать о своихъ похожденияхъ въ Польшѣ; это была такая тема, которую онъ могъ варьировать безконечно долго и слушая его общество не замѣтило какъ пролетѣло еще полчаса. Наконецъ Иванъ Сидоровичъ явился, притащивъ и водку и бу-

тыжку наливки. Лицо его было блѣдно и встревожено; но, разумѣется, никто этого не замѣтилъ.

— А! душенька! голубушка! закричалъ радостно Напоръ-Куликовскій: — пріѣхала дорогая! За ваше здравіе, Иванъ Сидоровичъ!.. А вотъ это можно и вамъ отвѣдать, прибавилъ онъ, наливая въ рюмку Татьяны Михайловны наливку.

Татьяна Михайловна выпила, выпилъ и Иванъ Сидоровичъ... Словомъ: опять началась попойка, смѣхъ, пляска и пѣсни. Посреди общаго гама и шума, раздавались громогласныя восклицанія Напора-Куликовского: — Вотъ такъ! вотъ люблю! веселись душа!

Странникъ Семень уже сильно качался; Аркадій обнималъ Кубикова; Татьяна Михайловна хохотала и лукаво поглядывала на Ивана Сидорова, который все еще былъ блѣденъ, хотя и шилъ водку, стаканъ за стаканомъ, съ очевиднымъ желаніемъ охмѣлѣть. Вдругъ двери распахнулись и въ комнату пирующихъ явился дворникъ съ перепуганной и заspanной рожею.

— Что тебѣ нужно? спросила сердито Татьяна Михайловна.

— Тамъ, въ городѣ, пожаръ! отвѣчалъ дворникъ.

Въ ту самую минуту, какъ гости, пораженные извѣстіемъ, прптихли, соборный колоколъ ударилъ въ набать. Все общество кинулось на крыльцо. Сильное зарево разливалось по небу надъ городомъ; не подалеку отъ собора подымался высокій столбъ дыму и пламени. Иванъ Сидоровъ побѣжалъ въ городъ; за нимъ ринулся Напоръ-Куликовскій, охотникъ до всякой суматохи; черезъ нѣсколько минутъ туда же отправилось и все остальное общество.

XVI.

Успѣшнымъ и усерднымъ дѣйствіемъ малояворской пожарной команды, говорилось въ официальномъ донесеніи губернатору, пожаръ прекращенъ. Это было совершенно справедливо; но изъ виду упущено только то обстоятельство, что прекратился пожаръ, истребивъ четыре дома по соборной

улицѣ да тринадцать по вдовьему переулку. На другой день къ вечеру странникъ Семень, бѣгавшій въ городъ, сообщилъ Татьянѣ Михайловнѣ, что пожаръ начался съ дома Ивана Сидоровича и что и жена его Матрена Ермолаевна и трое дѣтей найдены сгорѣвшими. Трудно было отгадать по лицу Татьяны Михайловны, какія чувства возбудило въ ней это извѣстіе... Извѣстно только то, что съ этого дня вечернія собранія прекратились у нея, какъ-то сами собой, и ни съ кѣмъ, кромѣ странника Семена, не приходилось Татьянѣ Михайловнѣ толковать о несчастіи, постигшемъ Ивана Сидорова. Когда же Семень заводилъ объ этомъ рѣчь, Татьяна Михайловна говорила обыкновенно :

— Да, жаль, очень жаль!

И только.

По городу носились странные слухи; говорили о поджогахъ, о странномъ убійствѣ, но преступленіе было такъ ужасно, что многіе не хотѣли и вѣрить.

Между тѣмъ вотъ какая сцena происходила въ большомъ деревянномъ сараѣ, на берегу рѣки, куда сваливался обыкновенно хлѣбъ, которымъ торговалъ Иванъ Сидоровъ. На сколоченныхъ кое-какъ козлахъ стояли четыре гроба: одинъ большой, три поменьше; сарай освѣщался довольно слабо тремя погребальными свѣчами и лампадкой, передъ иконой въ углу; въ ногахъ у покойниковъ, Иванъ Сидоровъ, заплаканный и блѣдный, читалъ слабымъ голосомъ: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и т. д.

Почти весь сарай былъ, какъ говорится, биткомъ набитъ зрителями и зрительницами. Тутъ было не мало дворянства и чиновничества, не лишенныхъ извѣстной женской добродѣтели, были купцы и купчихи и, наконецъ, тутъ перебывали чуть ли не всѣ малояворскіе горожане и горожанки. Одни, поглазѣвъ и поболтавъ съ сосѣдомъ или съ сосѣдкой, уходили, на ихъ мѣсто являлись тотчасъ другіе. Мужчины озирались довольно равнодушно, женщины выказывали болѣе мягкія и чувствительныя сердца, у многихъ изъ нихъ можно было даже замѣтить мокрые глаза и покраснѣвшіе носки. Нѣсколько праздныхъ старушонокъ, этихъ по преимуществу страстныхъ любительницъ всякихъ процессій и зрѣлищъ,

шепталось въ отдаленномъ и темномъ углу, считая непремѣннымъ долгомъ принять самый печальный видъ и даже, если возможно, прослезиться.

— Говорятъ, шептала одна изъ старушонокъ: — самого-то не было дома.

— Не было, матушка, не было, и я такъ слышала, отвѣчала другая.

— Какъ загорѣлось-то, говорятъ, такъ онъ прибѣжалъ, какъ помѣшанный; туды-сюды мечется, лица на немъ нѣтъ. Гдѣ, кричитъ, моя жена, гдѣ мои дѣтки милыя? Добрые люди, говоритъ, кто въ Бога вѣруетъ, помогите мнѣ, спасите мою жену и моихъ дѣтокъ малыхъ!... Помяни Господи....

— Такъ и кричалъ?

— Такъ и кричалъ, мать моя.

— Эко дѣло-то; ахъ ты Господи!..

— Ну, извѣстно, на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, выискались, мать моя, такіе угары, что и огонь ни почемъ, значить такіе отчаянные, и кинулись они въ домъ, а дверь-то, мать моя, запѣрты, спутри-то, запѣрты...

— Запѣрты? Ишь ты грѣхъ какой!

— Ужъ не говори.

— Какъ же сдѣлали?

— Да какъ сдѣлали; дверь выломали.

— Ну?

— Ну, выломали, а тамъ, мать моя, ужъ горницы-то полны дыму, полымя-то такъ и пышетъ, такъ и пышетъ, и не пройтить.

— А!

— Да, полымя-то такъ дерма и дереть!.. Вотъ туды-сюды, какъ быть? думаютъ да гадаютъ.... А тѣмъ временемъ самъ-отъ, не сталъ раздумывать, выбилъ окно да и махнулъ въ горницу. Долго ли коротко ли тамъ былъ ужъ незнаю; только говорятъ, вынесъ всѣхъ трояхъ ребятъ.... а жену-то потомъ выгнали — вся, мать моя, обгорѣла, и лица нѣтъ, и образа человѣческаго не видать.

— Вотъ горе-то, вся семья.

— Вся семья... Помяни Господи....

— И махонькихъ-то, и тѣхъ Господь прибралъ.

— Прибралъ, мать моя, прибралъ... Помяни Господи....

— Самъ-ать, видать, сильно убивается; поди, жаль?

— Какъ же не жаль, вѣдь своя утроба и жена, ишъ глаза-то какъ всплаканы... Святый Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный помилуй насъ!... .

Пожилой мѣщанинъ, въ синей чуйкѣ, высокій и безобразный, обратился къ своему сосѣду съ вопросомъ:

— А слыхалъ ли ты, Андрей Петровичъ, чтó народъ-то толкуеть?

— Что?

— Не слыхалъ?

— Нѣтъ.

— Толкуеть, братецъ, такъ, что дѣло не чистое; говорить, тутъ безпремѣнно поджогъ... Говорять, Митрій Стяпановъ видѣлъ, какъ оттелева, отъ Сидорова-то дома, чело-вѣкъ безъ шапки пробѣжалъ.

— Что ты?

— Это вѣрно; Митрій Стяпановъ своими глазами видѣлъ.

— Да вѣдь тотъ, поди, и совретъ съ пьяныхъ-то глазъ, не дорого возьметъ.

— Оно, конечно, онъ нетверезый чело-вѣкъ, зашибается... а вѣдь можетъ, и то надо сказать, можетъ и правда.

— Можетъ и правда.... только чевожъ онъ ево не ловилъ?

— Эка ты чуда-къ чело-вѣкъ, какъ же ево ловить?.. Это, таперь кто побѣжить по улицѣ, такъ значить его и хватай... Эка, братецъ, ты брякнулъ! никакого разума въ словахъ твоихъ нѣту... Эка выдумалъ: чевожъ онъ ево не ловилъ!.. Чудной ты, право... Чего не ловилъ? Вотъ, право... Вотъ чудной... чудной и есть...

И долго мѣщанинъ въ синей чуйкѣ моталъ головой и повторялъ:

— Вотъ, право... вотъ чудной.... Отчево не ловилъ?... вотъ брякнулъ!...

Какал-то молоденькая мѣщанка спрашивала у своей матери:

— А что, мамонька, какъ они жили съ покойницей, хорошо аль нѣтъ?

— Да кто-жъ ихъ знаетъ, родная, отвѣтила благоразумно старуха: — За ноги да за руки не держала я ихъ, почему мнѣ знать?

— Ну, да какъ люди сказываютъ?

— Да извѣстно, какъ люди сказываютъ: одинъ такъ, а другой иначе; одинъ по вѣтру, а другой противъ... Послушай людскія рѣчи, такъ и толкъ потеряешь!.. Одинъ говорить, что жили въ миру да въ ладу; а иной, что была у нихъ драная грамота. Кому хошь, тому и вѣрь!

— А жалко ево.

— Жалко, родная, жалко; впшь, плачетъ все пуще да пуще; смотри, какъ плачетъ.

Дѣйствительно въ это время голосъ Ивана Сидорова задрожалъ, слезы полились по щекамъ и чтеніе стало прерываться тихими, сдержанными рыданіями; нѣсколько старухъ захныкало, почти всѣ принялись креститься. Сидоровъ закрылъ лицо руками и теряя, казалось, силы подъ гнетомъ овладѣвшаго имъ горя и отчаянія, упалъ предъ налоемъ на колѣпа, приклонилъ къ землѣ голову и громко зарыдалъ. Мертвая тишина, водворившаяся вдругъ въ сараѣ показала, если не сочувствіе, по крайней мѣрѣ, общее вниманіе къ страданіямъ мужа и отца. Рыданія Ивана Сидорова раздались громче; онъ стоналъ, билъ себя въ грудь, рвалъ на себѣ волосы и, наконецъ, сталъ вскрикивать:

— Ой! тошно мнѣ!... Господи!... Одинъ остался!.. Дѣтки мои милыя!.. Матренушка! и т. п.

Мало-по-малу эти отрывочныя и безсвязныя восклицанія, среди воцарившейся въ сараѣ мертвой тишины, начали сглаживаться и сливаться въ одну непрерывную рѣчь, которую слушалъ, ежеминутно прибывающій народъ, притаивъ дышанье.

— Все у меня отнято! говорилъ Иванъ Сидоровъ, стоя на колѣняхъ: — Все пропало! Отняли у меня подуши съ женой моею милой, отняли и всюю съ моими дѣтками дорогами! Отняли васъ у меня и остался я на семь свѣтъ спротою и бездомникомъ! Легче было бы мнѣ, кабы взяли меня,

да живова въ землю зарыли или на мелкія кусочки мое тѣло бы изрѣзали; только бы вы остались невредимы и живы! Родненькія мои, миленькія мои, зачѣмъ вы меня покинули?! За что мнѣ, грѣшнику, такая тягота послана отъ Господа Бога?!.. Матренушка, Матренушка моя хорошая и вы мои дѣтки милыя, ангелы Божіи! встаньте изъ гробовъ своихъ, взгляните на мои слезы горькія, взгляните, какъ я убиваюсь!.. Скажите мнѣ по Божьей ли волѣ или по Божьему поущенію, худымъ человѣческимъ дѣломъ, ушли вы отъ меня?! Встаньте, покажите мнѣ того злодѣя!.. Пусть бы уголь мой жогъ, пусть бы рубаху послѣднюю отнялъ у меня; только бы васъ, мои золотыя, мои рѣдныя, не трогалъ!.. Братцы! кричалъ въ изступленіи Иванъ Сидоровъ, оборотившись лицомъ къ народу: — Братцы! Отцы родные! Кто мой злодѣй?! Кто поджогъ мой уголь? кто загубилъ мою семью? Я не суда нищу человѣческаго, я хочу суда Божьего! Сжальтесь надо мною; нищъ я и семьи лишень; что же я стану дѣлать?!..

И громко рыдая, Иванъ Сидоровъ опять повалился на землю.

— Весь народъ, наполнившій сарай, былъ тронуть этою рѣчью, этимъ изступленнымъ отчаяніемъ и этими горькими рыданіями. Многие плакали, нѣкоторые кинулись поднимать и утѣшать страдальца; почти всѣ, вслѣдъ за старикомъ Кубиковымъ, стали кидать на него деньги и уходили глубоко потрясенные и взволнованные.

Мало-по-малу сарай опустѣлъ, было уже около девяти часовъ вечера, время, когда по крайней мѣрѣ три четверти малояворскаго населенія уже зѣваетъ во весь ротъ и помышляетъ о безгрѣшномъ успокоеніи отъ дневныхъ трудовъ, заботъ и огорченій. Сидоровъ остался одинъ, заперъ сарай и опять принялся за отчитываніе. Кто бы ни взглянулъ на него, какъ-нибудь тайкомъ, въ щель, — каждый увидѣлъ бы тѣ же слезы, то же горе и страданіе.... Только передъ самымъ утромъ, несчастный мужъ и отецъ, совершенно обезсилѣвъ, присѣлъ у палоя на землю и заснулъ. Но едва разсвѣтъ глянулъ въ щели и не большія отдушники сарая, Иванъ

Сидоровъ опять уже стоялъ у наоя и отчитывалъ свою семью, обливаясь слезами.

Черезъ три дня Матрена Ермолаевна и трое дѣтей были схоронены; Иванъ Сидоровъ помѣстился въ небольшой комнатѣ у глухаго понамаря Власьева. Власьевъ, охотникъ поболтать, рассказывалъ всѣмъ и каждому:

— А мой жилецъ, Господи прости мои согрѣшенія, жилецъ мой убивается... а?.. истинно убивается. Мало ѣсть, Господи прости мои согрѣшенія, и каждую, то есть, рѣшительно каждую ночь ходитъ на кладбище... а? на могилку къ своимъ, Господи прости мои согрѣшенія, на могилку.... Пойдетъ туда скучной такой... а?... сумрачной, а оттелева придетъ — какъ будто повеселѣтъ.... а?.. повеселѣтъ, Господи прости мои согрѣшенія...

XVII.

.... Прошло три года.

Въ три года, какъ извѣстно, можетъ утечь много воды. Нѣсколько достойнѣйшихъ дворянъ, оправдавъ довѣріе своихъ избирателей, успѣвають заложить и перезаложить свое родовое и благопріобрѣтенное, другіе благопріобрѣтаютъ п ставаются отцами нѣсколькихъ сотъ крестьянъ.... Горе исчезаетъ какъ дымъ, радости обращаются въ горе; друзья ставаются врагами, враги мирятся, многое забывается, о многомъ и помнунъ нѣтъ... Такъ дѣлается вездѣ, такъ было и въ Малояворцѣ съ его окрестностями. Уголь соборной улицы и вдовьяго переулка застроился новыми домами, въ заѣзжемъ домѣ, за рѣкой, кромѣ прежней хозяйки явился хозяинъ.

На вопросъ: кто былъ этотъ хозяинъ? читателю, я думаю, также легко отвѣтить, какъ бывало когда то легко мнѣ и моимъ школьнымъ товарищамъ отвѣчать на вопросы одного изъ бывшимъ нашихъ учителей. Добродушнѣйшій старикъ дѣлалъ намъ обыкновенно такіе вопросы:

— А скажите мнѣ: во Франціи не Парижъ ли главный городъ?

— Парижъ! отвѣчали мы дружнымъ хоромъ.

— Такъ, подтверждалъ нашъ почтенный наставникъ.

Уже годъ, какъ Иванъ Сидоровъ женатъ на Татьянѣ Михайловнѣ. Онъ достигъ того счастья, о которомъ только робко мечталъ когда-то, онъ владѣеть сокровищемъ, за которое готовъ былъ заплатить своею жизнью и совѣстью; но не похожъ Иванъ Сидоровъ на человѣка счастливаго.... Лицо его, блѣдное и исхудалое, бросается въ глаза выраженіемъ страданія и безпокойства; каждое движеніе, каждое слово Ивана Сидорова отзываются необыкновенною раздражительностью и какимъ-то затаеннымъ чувствомъ, которое, не смотря на все усилія скрыть и подавить его, пробивается и высказывается ежеминутно. Иванъ Сидоровъ то сидитъ глубоко задумавшись и понуривъ голову, ничего не видитъ и не слышитъ, то, какъ бы желая заглушить все, что волнуетъ и терзаетъ его, опъ съ необычайнымъ рвеніемъ принимается за дѣло, опъ торгуетъ хлѣбомъ. Иногда Иванъ Сидоровъ съ ожесточеніемъ бросается на вино и напивается пьянъ. Въ такомъ видѣ опъ становится безобразенъ и страшенъ: глаза, налитые кровью, смотрять злобно и грозно, блѣдное лицо дергается судорогамъ. Иванъ Сидоровъ ходитъ по дому бѣдой и бурей, языкъ его поварачивается только для ругательствъ и проклятій; все дрожитъ передъ нимъ. Посуда, мебель, все, что ни попадется подъ руку пьяному хозяину разбивается въ дребезги и летитъ за окна. Нерѣдко Иванъ Сидоровъ доходитъ до такого неистовства, что изрываетъ себѣ лицо и руки, разбиваетъ голову и падаетъ гдѣ-нибудь въ совершенномъ безчувствіи. Въ такія минуты Татьяна Михайловна или бѣжитъ изъ дому или прячется гдѣ-нибудь и только съ ужасомъ прислушивается къ страшному шуму, неистовымъ крикамъ, ругательствамъ и проклятіямъ. На другой день Иванъ Сидоровъ, проснувшись изломанный и разбитый и смутно припоминая свои неистовства, впадаетъ въ уныніе, запирается въ одной изъ комнатъ, не ѣстъ, не пьетъ цѣлый день, сидитъ или ходитъ, мрачный и озлобленный. Никто не знаетъ о чемъ думаетъ въ это время Иванъ Сидоровъ; никому неизвѣстно, какія мученія бичуютъ его; но каждый такой день кладетъ новую печать страданія на

лицо этого мученика... Рѣдкая ночь приноситъ Ивану Сидорову облегченіе и успокоеніе; рѣдко благодатный сонъ даетъ ему возможность хоть на часъ забыть свое несчастіе. Положеніе Татьяны Михайловны становится съ каждымъ днемъ невыносимѣе и опаснѣе.

Въ одно прекрасное утро Иванъ Сидоровъ, уже нѣсколько дней не пившій, собрался куда-то въ отъѣздъ. Совершенно уже одѣтый, онъ зашелъ къ жепѣ.

— Ну, прощай, Татьяна, сказалъ онъ ей: — Миѣ надо дна на три въ городъ (губернскій); со мной поѣдетъ Семень.

— Ладно, отвѣтила Татьяна: — прощай.

Иванъ Сидоровъ вышелъ изъ дому; у крыльца уже стояла телѣжка, а на облучкѣ егосилъ странникъ Семень.

— Поплетемся, Сеня, говорилъ Иванъ Сидоровичъ, стараясь прикнуться веселымъ: — Гдѣ нашъ конь борзый приста-нетъ, мы сами потащимъ,

— А коня въ телѣжку посадимъ, добавилъ странникъ Семень.

— Такъ, такъ, подтвердилъ Иванъ Сидоровичъ, усаживаясь: — Ну, трогай во всѣ лопатки.

— Эхъ, вы сударыня! крикнулъ Семень, шлепнувъ кнутомъ кляченку, которая вслѣдствіе такого поощренія пустилась небольшою рысцою, по большой дорогѣ, мимо кладбища.

Вечеромъ, когда уже стемнѣло совершенно, Татьяна Михайловна, принарядившись, поставила на окно зажженую свѣчу и стала ходить по комнатѣ. На красномъ лицѣ ея выражалась безпокойство и нетерпѣніе. Татьяна Михайловна нисколько не перемѣнилась въ три года; она была хороша по прежнему; черные глаза ея горѣли тѣмъ же блескомъ и одушевленіемъ, свѣжій румянецъ также переливался на щекахъ; тѣ же черные и густые волосы украшали ея голову. Видно было, что если съ одной стороны странное поведеніе мужа могло бы подѣйствовать не совѣмъ благопріятно на Татьяну Михайловну, то съ другой стороны она съумѣла найти утѣшеніе, которое не мало услаждало ея горькое, повидимому, положеніе. Татьяна Михайловна оста

повилась передъ зеркаломъ и не безъ удовольствія глядѣла на себя, когда кто-то легонько постучалъ въ двери.

— А! иди, иди! — сказала Татьяна Михайловна быстро оборачиваясь.

Въ комнату вошелъ старинный знакомецъ нашъ, Аркадій. Татьяна Михайловна кинулась къ нему на шею, цѣловала его, гладила его волосы и осыпала его самыми нѣжными именами.

— Дружочекъ мой! Голубчикъ! Желанный мой! Ненаглядный! Золотой! Дорогой!....

И конца бы этому, казалось не было, еслибъ Аркадій не остановилъ ее вопросомъ:

— Гдѣ твой скоть?

— Уѣхалъ въ городъ, отвѣтила радостно Татьяна Михайловна: — и знаешь ли: на три дня?

— Неужто?

— Да, мой дружочекъ!

— Отлично!.... Однако запри двери да дай-ко мнѣ завѣтной наливочки; я чертовски усталъ....

— Сію минуту, сію минуту.

Татьяна Михайловна заперла на ключъ двери, и вынувъ изъ печки бутылку наливки и стаканчикъ, поставила ихъ на маленькій столикъ у кровати.

— Вотъ и наливка, сказала она, потрепавъ Аркадія по щекѣ: — А вотъ, прибавила она вытаскивая изъ шкафика подъ образами тарелку съ кускомъ пирога — закуска; вотъ еще, на столикѣ явились соленые грибки — вотъ еще, она вытащила кусокъ телятины — на столѣ нѣтъ мѣста, мы ее на окно; ну, теперь садись, вотъ сюда, на кровать, я подлѣ тебя, пей и кушай на здоровье.

Аркадій помѣстился на указанномъ ему мѣстѣ и съ большимъ жаромъ принялся за предложенныя наливку и закуску.

— Шутка сказать, говорилъ онъ попивая и закусывая: — шутка сказать, а вѣдь я двѣ недѣли сряду приходилъ сюда каждый вечеръ.... Перелѣзу черезъ заборъ, проберусь

къ дому, гляжу-гляжу на окно, нѣтъ свѣчи.... Жду, жду, нѣди зло меня возьметъ, плюну и плетусь домой....

— Ахъ, ты мой бѣдненькій, сказала Татьяна Михайловна, цѣлуя своего гостя.

— То-то, бѣдненькій.... тебѣ-то хорошо сидѣть съ своимъ скотомъ.

— Ну, ужъ хорошо, полно ты, грѣхъ тебѣ говорить это, хорошо!.... такъ хорошо, что у меня все сердце изныло.

— Полно такъ ли?

— Видишь ты какой обидчикъ, я тебѣ всю душу свою отдала, а ты все меня Иваномъ попрекаешь.

— Какъ же не попрекать-то? вѣдь ты охотой пошла за него!.... Ну, что-жъ молчишь? вѣдь охотой?

— Глупа была, ужъ не разъ говорила тебѣ, съ глупости и пошла...

— Эхъ, вы! у васъ все съ глупости....

— Ну, полно же, упрасивала Татьяна Михайловна, ласкаясь къ Аркадію: — перестань! что было, о томъ и толковать нечего, вѣдь теперь ты видишь, какъ я тебя люблю.

— То-то, люблю, егоза ты этакая! сказалъ Аркадій, смягчаясь нѣсколько и обнимая засмѣявшуюся Татьяну Михайловну. — На-ко выпей наливки; я люблю, какъ ты такъ, не мношко подшефе!....

— Изволь! Татьяна Михайловна выпила.

— Ну, еще.

— Изволь! Татьяна Михайловна выпила еще.

— А помнишь, какъ ты чмокалась?

— Ты опять!

— Ну, ну, не стану.... обними-ко меня покрѣпче да поцалуй такъ, чтобы губы загорѣлись.

— О! сколько хочешь!

— Любишь ты меня? спросилъ Аркадій сильно повеселѣвшій.

— Такъ люблю, отвѣтила Татьяна Михайловна: — что и сказать не умѣю. А ты?

— Я?... и я тебя люблю, ты баба, хоть куда! Ишь ты какая гладкая! замѣтилъ Аркадій, ущипнувъ Татьяну Михайловну: — хочешь — прибавилъ онъ — сказки страшныя слушать?

Татьяна Михайловна засмѣялась.

— Значить, сказала она: — свѣчку надо потушить, чтобъ страшнѣе было.

— Ну, ужъ разумѣется, подтвердилъ Аркадій, заигрывая съ Татьяной Михайловной.

Въ ту самую минуту, какъ Татьяна вырываясь изъ объѣтій Аркадія и смѣясь, говорила ему: — Ну, перестань же, пусть, дай свѣчу задуть! — дверь изъ сосѣдней комнаты, которую забыла запереть неосторожная хозяйка, распахнулась и оттуда явился блѣдный, дрожащій Иванъ Сидоровъ.

Кто возьмется опредѣлить картину, которую составили три дѣйствующія лица, это страшной, поражающій умъ и сердце, драмы? Кто расскажетъ ужасъ и грознаго судьи и застигнутыхъ въ расплохъ преступниковъ? Кто сумѣетъ передать все потрясающее подобной сцены, въ которой дѣло не обходится и безъ комическаго?....

Татьяна Михайловна, съ одурѣвшимъ лицомъ и безмысленно уставленнымъ на мужа глазами, шевелила руками, желая привести въ порядокъ и приличный видъ свой растрепанный парядъ; яркій румянецъ на щекахъ въ одно мгновеніе смѣнился смертною блѣдностью, руки, ноги и все тѣло, обливаясь холоднымъ потомъ, тряслись, губы шевелились, волоса, казалось, поднялись на головѣ щетинной. Аркадій бессознательно, руководимый инстинктомъ самосохраненія, кинулся было къ запертой двери; но Иванъ Сидоровъ остановилъ его:

— Не бѣжи, не бѣжи, сказалъ онъ охрипшимъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ: — Не бойсь, не трону ни тебя, анаоема-разстрига, ни твою поганую полюбовницу, сами околѣете, самихъ солицемъ сожжетъ и вѣтромъ изсушить, будьте вы прокляты!... Я только вотъ ей слова два скажу.

Онъ обратился къ Татьянѣ. Татьяна, опустивъ глаза въ землю, тряслась такъ, что слышно было какъ стучали у нея зубы.

— Что? продолжалъ Иванъ Сидоровъ, грозно и презрительно глядя на свою жену: — затрясло тебя, гадину?... Ну-ко, взгляни на меня! взгляни не бойсь.... Взгляни, я приказываю! — крикнулъ онъ такимъ голосомъ, что Татьяна невольно подняла глаза. — Мужъ я тебѣ или нѣтъ?... Говори, поскудная!....

— Мужъ, прошентала Татьяна Михайловна.

— А знаетъ ли твой полюбownikъ, какъ я тебѣ въ мужья достался?... Не знаетъ?... Ну, такъ я ему скажу. Слушай ты, разстрига, я вотъ за эту.... твою полюбownицу убилъ тронхъ дѣтей и жену!.... Слышалъ?... Четыре души загубилъ!.... А она, видѣлъ ты, какое спасибо мнѣ говоритъ, видѣлъ?... видѣлъ? закричалъ изступлено Иванъ Сидоровъ.

— Вижу, отвѣтилъ Аркадй.

— Вотъ какъ любилъ ее, продолжалъ Иванъ Сидоровъ: — Четыре души загубилъ... А ты что сдѣлала?... Разлучница!...

Иванъ Сидоровъ размахнулся и ударилъ Татьяну въ лицо такъ сильно, что она, крикнувъ, грянулась на полъ.

— Эка змѣя! прибавилъ онъ, ткнувъ ее ногою и вышелъ изъ комнаты.

XVIII.

Григорій Петровичъ Шаповаловъ сидѣлъ въ присутствіи скромно, по прилично своему судейскому званію, углубившись въ необычайно толстое дѣло, продолжающееся вотъ уже десять лѣтъ, о побѣгѣ какого-то мѣщанина изъ острога. Должно сознаться, что дѣло это онъ читалъ не потому, чтобы оно было слишкомъ важно и занимательно, а потому болѣе, что привыкъ къ нему. Безъ этого дѣла Григорій Петровичъ, казалось, не могъ просидѣть въ судѣ урочное время и разстроился бы на цѣлый день, такъ что досталось бы ему, пожалуй, отъ бойкой Вѣры Павловны, когда-то, не надолго, плѣннвшеі покойнаго генерала Щепанова. Къ дѣламъ серьезнымъ, важнымъ и требующимъ скорого исполненія, Григорій

Петровичъ Шаповаловъ прикасался только въ томъ смыслѣ, что подписывалъ приготовленное уже рѣшеніе, а все свободное время, то есть, все время, которое проводилъ Шаповаловъ въ судѣ, посвящалось исключительно дѣлу о мѣщанинѣ, бѣжавшемъ изъ острога. Этимъ дѣломъ были заняты всѣ его мысли, все его воображеніе. Не мудрено, что когда Григорію Петровичу доложили:

— Какой-то мѣщанинъ желаетъ васъ видѣть.

Онъ съ волненіемъ вскрикнулъ:

— Неужели?...

Ему пришло въ голову, что явился мѣщанинъ, бѣжавшій изъ острога.

— Зови, сказалъ Григорій Петровичъ, подымая очки на лобъ и откладывая въ сторону свое фаворитное дѣло.

Въ комнату вошелъ Иванъ Сидоровъ и упалъ судѣ въ ноги.

— Что тебѣ? спросилъ Шаповаловъ.

— Пришелъ объявить, отвѣчалъ Иванъ Сидоровъ.

— Что такое? .

— На себя объявить... Не могу больше стерпѣть, сказалъ Иванъ Сидоровъ: — Совѣсть замучила.

— Что же ты сдѣлалъ?

— Убилъ тронхъ дѣтей и жену... и поджегъ домъ...

Только теперь смѣкнулъ Григорій Петровичъ, что передъ нимъ не тотъ мѣщанинъ, о которомъ онъ читаетъ въ продолженіе десяти лѣтъ.

— Откуда ты и какъ тебя зовутъ?

— Я здѣшній мѣщанинъ, Иванъ Сидоровъ, отвѣтилъ преступникъ.

— Такъ какъ же, братецъ, вѣдь надо законнымъ порядкомъ?...

— Я готовъ, какъ вамъ будетъ угодно, я во всемъ повинюсь. .

Григорій Петровичъ позвалъ секретаря и дѣло повели законнымъ порядкомъ.

— Я былъ женатъ, показалъ Иванъ Сидоровъ на допросѣ послѣ обычныхъ отвѣтовъ на вопросы: какъ зовутъ, какого

званія, сколько лѣтъ отъ роду, какого вѣроисповѣданія бывае ли ежегодно у святаго причащенія и т. д. — было у меня трое дѣтей; дѣтей я любилъ, а жену не очень. Одна увидала я здѣшнюю мѣщанку Татьяну Михайлову и такъ полюбилась она мнѣ, что и спалъ и видѣлъ только ее. Бывае у ей часто и смущался; путалъ, значить, меня дьяволъ много разъ; но она всячески соблюдала себя, хоша и не гнала меня отъ себя, а только говорила, что не желаетъ жить со мной не въ законѣ, а другое бы, говоритъ, дѣло было, коли бы ты не былъ женатый человѣкъ... Все это только твердила... Вотъ разъ сидѣлъ я у ней въ гостяхъ; выпили мы много, а она тутъ мнѣ ласки всякія стала оказывать... Я, голова у меня идетъ кругомъ, къ пей, она опять за свое, а тутъ за водкой понадобилось идти, я и пошелъ... Вышелъ на улицу, а дьяволъ такъ и шепчетъ мнѣ въ уши: убей да убей жену и дѣтокъ — вольный казакъ будешь... а въ глазахъ словно живая стоитъ эта самая Татьяна Михайлова и такой красоты она неописанной, что разумъ у меня мутится и ничего, кажется, не пожалѣлъ бы, чтобы только, значить, съ ней жить не раставаться...

Иванъ Сидоровъ перевелъ духъ.

— Ну, продолжай, сказалъ Шановаловъ.

— Ну, пришелъ я домой, въ сѣняхъ взялъ топоръ и пошелъ въ горницы... Сначала встрѣлись мнѣ двое старшенькихъ, спали на полу, я ихъ топоромъ, одно и другаго... Ну, пошелъ дальше, къ женѣ, тоже спала, той голову разсѣкъ, а за ней и самого махонькаго прихлопнулъ... навалилъ разнаго тряпья и хламу подъ кровать, зажегъ... замкнулъ двери... и пошелъ въ кабакъ; купилъ тамъ водки и наливки, а съ этимъ къ Татьянѣ Михайловой...

Иванъ Сидоровъ опять остановился.

— Что же дальше? спросили его.

— А дальше, то, отвѣтилъ онъ: — что спустилъ мѣсяца два, а потомъ сталъ по ночамъ, тайкомъ, ходить къ этой... къ Татьянѣ Михайловой... Такъ прожили мы съ ней два года... Я все, значить, опаску имѣлъ... Ну, а тутъ женился...

— Что принудило тебя сознаться? спросили Сидорова.

Иванъ Сидоровъ задумался на минуту.

— Ну, что же?

— Да совѣсть замучила, сказалъ онъ, опустивъ глаза.

— А жена твоя, то есть, Татьяна, не знала о твоёмъ преступленіи?

Иванъ Сидоровъ поднялъ голову, тряхнулъ волосами и бойко отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ничего не знала.

ЕГОРЪ МОЛЛЕРЪ.

1858.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ
СОФІА АЛЕКСѢВНЫЯ И В. В. ГОЛИЦЫНА.

1689.

(Посвящается Н. П. Дурову.)

Мудрости бо ти нми подадеса,
Грекомъ Софія мудрость наречеса!...

(Стих. къ царевѣ Софіи 1685 года.)

Во второмъ томѣ исторіи царствованія Петра I, г. Устряловъ упоминаетъ о современномъ портретѣ царевны Софіи Алексѣвны.

Въ приложенномъ альбомѣ къ вышедшимъ томамъ его сочиненія нѣтъ этого портрета; намъ положительно извѣстно, что онъ не будетъ напечатанъ и въ дальнѣйшихъ сборникахъ гравюръ и снимковъ, прилагаемыхъ къ исторіи царствованія Петра. Вотъ почему мы рѣшились напечатать его съ нѣкоторыми объясненіями, и поговорить при этомъ случаѣ *о характерѣ и наружности Софіи Алексѣвны.*

Гравюра эта (нынѣ чрезвычайная рѣдкость), подарена намъ Н. П. Дуровымъ, которому и приносимъ нашу полнѣйшую благодарность. Надѣюсь, что читатели не безъ любопытства взглянутъ на современное, едва ли не вѣрнѣйшее изображеніе столь знаменитой въ русской исторіи Софіи Алексѣвны.

Отъ перваго брака (16-го января 1648 года) царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильиничной Милославской было двѣнадцать дѣтей. Шестымъ ребенкомъ по порядку рожденія была Софія.

Царевна Софія Алексѣевна родилась 17-го сентября 1657 года ¹⁾.

Въ книгѣ Выходовъ русскихъ царей 1634 — 1682, изданныхъ Строевымъ ²⁾, о Софій упоминается каждый годъ подъ числомъ 17-го сентября:

Такъ въ 1659 году: «въ день именинъ и рожденія государыни царевны и великія княжны Софія Алексѣевны слушалъ государь (Алексѣй Михайловичъ) всеношную въ церкви преподобной мученицы Евдокѣи, что въ Верьху, въ томъ же платьѣ, въ чемъ слушалъ вечерни; подножье суконное. Тогожь дни слушалъ государь обѣдню у Благовѣщенія пречистыя Богородицы, что въ Верьху на Сѣнехъ. А на государѣ было платья: опошень, зуфъ ³⁾ бруснична; фerezи ⁴⁾, тафта ала, исподъ черева бѣлы; зипунъ, тафта бѣла съ меньшою обнизью, что съ городы; шапка, бархатъ червчетъ съ душкою, петли низаны съ жемчюгомъ. Посохъ индѣйской съ костью, подножье суконное. Того-жь дня жаловалъ государь именинными пирогами ⁵⁾ боярѣ и околничихъ, и думныхъ, и комнатныхъ людей... Стола у государя не было» ⁶⁾.

1) Карамзинъ ошибочно говоритъ, что Софія родилась въ 1656 году. (Пантеонъ російскихъ авторовъ 1801 года, изд. Бекетова.) Бѣллевъ въ «Описаніи кабинета Петра I» означаетъ также ошибочно день рожденія 7-го сентября, вмѣсто 17-го.

2) 1842. Москва.

3) Ткань шерстяная, камлотъ.

4) Кафтавъ.

5) Со времянъ Михаила было обыкновеніе у нашихъ царей въ дни именинъ ихъ родныхъ и дочерей жаловать боярѣ и царедворцевъ пирогами. Съѣдали ли ихъ бояре въ государевыхъ *палатахъ*, или уносили съ собой, неизвѣстно. Монахамъ и властямъ раздавали коврижки. Выходы. 1842 года. стр. 70.

6) Стр. 314. Подобнымъ образомъ записано въ Выходахъ и другіе дни рожденія Софіи. Варианты весьма незначительны; только день рожденія Софіи въ 1674 году отпразднованъ великолѣпнымъ столомъ у государя и то потому, что въ этотъ день былъ *объявленъ* царевичъ Федоръ наследникомъ престола. Стр. 584.

Не только стола и именинныхъ пиროговъ, но очень часто и выхода къ обѣднѣ въ день ангела Софіи не бывало. Безъ сомнѣнія, тоже случалось въ дни рожденій и именинъ другихъ царевенъ ⁷⁾. Съ царствованія же Ѳедора именинные пироги и столы вовсе прекращаются; по крайней мѣрѣ они не записаны въ *Выходахъ* царскихъ ⁸⁾.

Всѣ эти мелкія подробности важны для насъ въ томъ отношеніи, что они показываютъ всю ничтожность роли, какая выдавалась царевнамъ съ самыхъ малѣйшихъ лѣтъ. Дни рожденія ихъ встрѣчались безъ всякихъ торжествъ и празднествъ, да и чему было радоваться: съ рожденіемъ дочери прибавлялась только новая инокиня, судьбою, вѣковымъ обычаемъ обреченная на уединенную, тихую жизнь, вдали отъ всего, что такъ сладостно въ жизни; вдали отъ печалей и радостей жизни общественной.

Ни какой монастырь не могъ быть скромнѣе и благочестивѣе царскихъ теремовъ. Въ глубокомъ уединеніи, частію въ молтвѣ и постѣ, частію въ занятіяхъ рукодѣліемъ и въ невинныхъ забавахъ съ сѣшными дѣвушками проводили дни свои дочери царя Алексѣя. Никогда посторонній взглядъ не проникалъ въ ихъ хоромы: только патріархъ и ближніе сродники царицы могли имѣть къ нимъ доступъ. Самые врачи приглашались только въ случаѣ тяжкаго недуга, но и они не должны были видѣть лица больной царевны. Такъ былъ строгъ полу-азіатскій обычай, игравшій роль придворнаго этикета.

Въ церковь царевны выходили скрытыми переходами, становились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ были никѣмъ не видимы. Если же отправлялись въ монастыри, внѣ дворца, для молтвы, или въ окрестныя дворцовыя села, что случалось, впрочемъ рѣдко, то выѣзжали въ колымагахъ и рыдванахъ, отовсюду закрытыхъ, съ завѣшанными тафтою стеклами ⁹⁾.

⁷⁾ Стр. 339, 368, 386, 426, 503, 560, 605.

⁸⁾ Стр. 628, 646, 665, 876 и т. д.

⁹⁾ Такъ повѣствуютъ Корбъ (въ своемъ дневникѣ 1699 года), Котошикинъ (стр. 12, 14, 16), на свидѣтельство которыхъ основываетъ свой рассказъ Устряловъ, т. I, стр. 25—36.

Не было при дворѣ ни одного праздника или торжества, на которыя являлись бы царевны. Только погребеніе матери или отца вызывало ихъ изъ терема: они шли за гробомъ, въ непроницаемыхъ покрывалахъ. Народъ зналъ ихъ единственно по имени, возглашаемому въ церквахъ, при многолѣтн царскому дому, также по щедрымъ милостынямъ, которыя они приказывали раздавать нищимъ. Ни одна изъ нихъ не испытала радостей любви, и всѣ они умирали безбрачными, большею частью въ лѣтахъ преклонныхъ. Выходить царевнамъ за подданныхъ запрещалъ обычай¹⁰⁾, выдавать ихъ за принцевъ иноземныхъ мѣшали многія обстоятельства, въ-особенности различіе вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ отшельницы міра, съ самого младенчества, недоступны никакимъ надеждамъ или желаніямъ, выходившимъ изъ круга повседневной жизни, нисколько незнакомыя ни съ семейнымъ, ни съ общественнымъ бытомъ, ни тѣмъ менѣе съ жизнью государственной, царевны увядали въ своихъ недоступныхъ свѣтлицахъ.

Если объ отроческомъ возрастѣ преобразователя Россіи, при всѣхъ тщательныхъ поискахъ нашихъ историковъ, собраны весьма скудныя извѣстія, то не мудрено, что ихъ вовсе не сохранилось о юности царевны Софіи.

Живя общею жизнью своихъ прабабушекъ, бабушекъ, матери, тетокъ, сестеръ, царевна была недоступна взору наблюдательнаго иностранца. Въ чемъ состояло ея воспитаніе? Нѣтъ сомнѣнія: въ чтеніи книгъ церковныхъ религіознаго содер-

10) Обычай этотъ былъ нарушенъ, если не ошибаюсь, впервые, Прасковіей Ивановной, дочерью царя Ивана Алексѣевича, младшею сестрою императрицы Анны Ивановны. Въ своей книгѣ *Materialien zu der russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peter des Grossen* Шмитъ Фиссальдекъ разсказываетъ, что Прасковья Ивановна была тайнымъ образомъ обвѣнчана съ генераломъ Мамоновымъ, который скоропостижно умеръ въ 1730 году; что она сердечно оплакивала его, и что о немъ вообще всѣ сожалѣли, какъ объ искусномъ военномъ чловѣкѣ и свѣдущемъ въ гражданской части, почему пользовался онъ особенною любовью Петра I. Дѣйствуя при избраніи на царство Анны Ивановны въ дѣлѣ ограниченія ея самодержавной власти, Мамоновъ, по супругѣ своей, не впалъ въ немилость. Прасковья Ивановна умерла въ 1731 году.

жанія, въ вышиваньи ¹¹⁾, въ затверживаньи вѣсколькихъ молитвъ и слушаніи множества фантастическихъ сказокъ, которыя она слушала отъ своихъ нянюшекъ и по которымъ она могла узнать о другой лучшей жизни, украшенной радостями любви, могла иногда робко мечтать о прекрасныхъ царевичахъ и о всякаго рода невѣдомыхъ для нея наслажденіяхъ.

Въ послѣдніе годы жизни смиреннаго и хвораго Федора, царица рѣшилась выдти изъ душевной свѣтлицы ¹²⁾, и на двадцать четвертомъ году своей жизни, нарушеніемъ вѣковаго обычая выявила характеръ твердый, непреклонный и смѣлый. Переступая порогъ своей кельи, Софья уже этимъ самымъ рѣзко отдѣлплась отъ своихъ предшественницъ и подругъ-царевенъ, которыя безропотно переносили свое заточеніе.

Начавъ посѣщать Федора, смѣлая сестра его, по свидѣ-

11) О способности Софій въ этомъ дѣлѣ можно судить по сохранившейся ковру ея работы. Ковръ этотъ разостланъ на полу, подлѣ царскихъ вресель, въ московскомъ теремѣ Алексѣя Михайловича. Сколько помню, тамъ же показываютъ Евангеліе: чистая, четкая рукопись, автографъ Софій. Въ селѣ Новоспаскомъ (Дѣдово-тожъ), подъ Москвою, селѣ, принадлежащемъ Головиннымъ, хранится много вещей, подарокъ правительницы Софій П. А. Головину, псковскому воеводѣ. Таковы шесть иконъ, на которыхъ изображены по срединѣ Эммануилъ, а по сторонамъ архангелы Михаилъ и Гавріилъ. Серебряныя, вызолоченные два кубка, пожалованные Софіей Головину въ 1686 году, при отпускѣ его на воеводство. Кокосовая братина, перламутровая чарочка, хрустальная рюмка, оправленные серебромъ и украшенные лхонтами и бирюзой, кошелекъ съ золотыми и серебряными монетами, украшенный жемчугомъ — все это Софья Алексѣевна положила на зубокъ крестной своей дочери, княжнѣ М. В. Мещерской. Оловянная тарелка съ славянскою надписью: *келейная тарелка плоская лощатая Софій*. Грамоты ея же пожалованныя Головиннымъ и другимъ боярамъ.

12) По словамъ автора Житія Петра I (Москва, изд. 1788 года, стр. 47); царица Софья, не будучи довольна пребываніемъ въ монастырѣ, старалась всякимъ образомъ вырваться оттуда, на что и получила увольненіе выйдти оттуда подъ предлогомъ, якобы для посѣщенія брата своего, царя Федора Алексѣевича, во время послѣдней его болѣзни. И какъ показался ей вольный воздухъ двора царскаго предъ утѣшеніемъ монастырскимъ гораздо пріятнѣе, то приняла намѣреніе не возвращаться уже отнюдь въ монастырь. А чтобъ не показалось страннымъ пребываніе ея при дворѣ, то уговорила и другихъ царевенъ, какъ сестеръ, такъ и тетокъ своихъ, оставить монастырское житіе, и перейти въ царской домъ.»

тельству современника Матвѣева, обнаружила необыкновенное умѣнье въ заискиваньи любви и довѣренности отъ того, отъ кого ей было это нужно: она не отходила отъ одра своего брата, плакала, подавала ему лѣкарства, утѣшала его сладкими рѣчами. Вотъ любопытный разсказъ де-ла-Невиля о мудрой тактикѣ царевны, о томъ какъ обдуманно совершень ею былъ поступокъ смѣлый: оставленіе монастырской кельи: «Показывая брату своему, царю, любовь самую искреннюю, сердечную, дружбу самую нѣжную, Софія, притворно или истинно, но жаловалась на обычай, который обрекаетъ ее на разлуку съ братомъ, лишаетъ возможности видѣть его свѣтлые очи и ухаживать за нимъ, какъ за другомъ, здоровье котораго ей безцѣнно. Ежеминутно посылала она узнавать о здоровьи страждущаго, о ходѣ его болѣзни, не упускала ни малѣйшаго случая передать царю свою нѣжную къ нему любовь и отчаяніе, которому предается она, не имѣя возможности быть подлѣ него и окружать своими заботами. Искусно подготовивши такимъ образомъ умы царедворцевъ, она вышла изъ монастыря, повидимому съ единственною цѣлью видѣть умирающаго. Первый шагъ былъ сдѣланъ. Она осталась у братниаго одра. Всѣ заботы о немъ приняла на себя, безъ ея вѣдома никто къ нему не приближался, она подавала ему лѣкарства и утѣшала его. Эта умная царевна хорошо разсчитала чѣмъ и какъ можно пріобрѣсти любовь, дружбу и признательность Ѳедора. Въ самомъ дѣлѣ, она не только спискала любовь брата, но возбуждала къ себѣ уваженіе со стороны каждаго изъ вельможъ. Умѣя обойтись съ каждымъ, она привязала къ себѣ вельможъ, удивляла ихъ своимъ умомъ, своими свѣдѣніями, льстила ихъ самолюбію; привязала и народъ простой своимъ благочестіемъ, щедростію. Тѣ и другіе были преданы ей, любили и уважали Софію и досадовали, что обычай воспрещаетъ ей показываться въ публику. Честолюбивая царевна не замедлила выполнить какъ ихъ, такъ и свое задушевное желаніе: она оставила монастырь! ¹³⁾»

13) Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye. 1699. 16-я ч. 1., стр. 152—155, въ разсказѣ: Causes des revolutions.

«Нѣтъ сомнѣнія, пишетъ Устряловъ, что она участвовала въ послѣднихъ распоряженіяхъ Ѳедора.» Последнее особенно удивительно. Невольно рождается вопросъ подъ чьимъ руководствомъ, подъ чьимъ вліяніемъ могли развиться познанія Софіи въ дѣлахъ государственныхъ, познанія, которыми она, по свидѣтельству историка, удивляла П. М. Милославскаго, В. В. Голицына, Хованскаго и другихъ лицъ? На это отвѣтить можно только предположеніемъ:

Симеонъ Полоцкій, уроженецъ нынѣшнихъ западныхъ губерній нашихъ, получившій воспитаніе отличное отъ того, которое обыкновенно получали русскіе духовные, принесшій съ собой ко двору московскому любовь къ литературѣ и ученію, не онъ ли развилъ гибкій умъ и богатія способности Софіи? Астрологъ, духовный писатель, поэтъ и ораторъ, Полоцкій есть весьма замѣчательное лице при дворѣ царя Алексѣя. Государь любилъ его, приблизилъ къ своей особѣ и допустилъ до короткости, какою не пользовались весьма многіе, несравненно высшіе его именемъ и званіемъ. Будучи домашнимъ человѣкомъ во дворцѣ, онъ имѣлъ случай видѣть и короче ознакомиться съ царевной Софіей. Онъ могъ открыть, пишетъ Щебальскій и дѣйствительно открылъ ¹⁴⁾ предъ нею обширный міръ мысли. Царевна съ жаромъ, свойственнымъ пылкой ея природѣ, предалась чтенію, ученію, поэзіи.... ¹⁵⁾.

Даже во время погребенія Ѳедора, Софія нашлась чѣмъ обратить на себя вниманіе народа. Она пришла въ церковь, вопреки обычаю, одна изъ всѣхъ царевенъ, присутствовала

14) Правленіе царевны Софіи, соч. П. Щебальскаго. Москва. 1856 года стр. 11.

15) Ея наставникъ читалъ ей свои произведенія и даже ставилъ нѣкоторые изъ нихъ на сцену, въ собственныхъ ея комнатахъ. Первые шаги Софіи, вѣдь стези обыкновенныхъ женщинъ того времени, имѣли литературное направленіе, казалось, она должна была стать Меценатомъ рождавшюся въ Россіи просвѣщенія.

16) По словамъ очевидца Матвѣева: «Софія впервые публикъ себя оказала 17-го мая 1682 года, въ часъ убіенія Ивана Кириловича Нарышкина.» Изд. Туманскаго. Спб. 1787 года, ч. VI, стр. 44.

при обрядѣ до самаго конца и народъ съ умилеи́емъ смотрѣлъ на благочестивую любовь сестры ¹⁶⁾.

Ръшительность, смѣлость главныя черты характера Софіи рѣзко обозначились съ первымъ же ея выступлеи́емъ на общественное и политическое поприще. Въ ея характерѣ мало было женскаго. Она съ удивительнымъ *равнодушиемъ* слушала стоны и вопли жертвъ, ею обреченныхъ кровавымъ истязаніямъ необузданныхъ злодѣевъ. *Она не отступала ни предъ какими средствами* и по трупамъ Матвѣева, Долгоруковыхъ, Нарышкиныхъ и другихъ неуклонно шла къ развѣ опредѣленной цѣли.

Софія шла впереди движенія ея начатаго. Освобожденіе русской женщины, столь смѣло предпринятое ею, немедленно было принято, вслѣдъ за нею, остальными царевнами. Всѣ онѣ стали показываться въ публичку, за что, по словамъ современника, Софія Алексѣевна, «во всѣхъ произволахъ ихъ и во всякомъ избытїи нерушимо всегда соблюдала» ¹⁷⁾. По свидѣтельству Невилля, пропитательная Софія потому еще благоволила къ царевнамъ, покинувшимъ монастыри, что она опасалась рано или поздно возбудить недовольство поборниковъ старины за ея самоосвобожденіе. Теперь же, когда затворничество было оставлено почти всѣми ея сестрами и тетками, она не опасалась говора недовольныхъ ¹⁸⁾.

Читая описаніе стрѣлецкихъ бунтовъ 1682 года, невольно удивляешься *ловкости, твердости, изворотливости, изобрѣтательности и гибкости ума* Софіи. Съ искусствомъ опытнаго интригана и политическаго дѣятеля она разсѣваетъ благоприятныя для ея видовъ слухи, возбуждаетъ къ мятежу стрѣлецкія полчища, смѣлою рукою направляетъ толпы убійцъ на людей, смерть которыхъ опредѣлена ею, утишаетъ во время пламя бунта, а по окончаніи его достигаетъ главной цѣли: стрѣльцы просятъ ее принять бразды правленія!

17) «Собраніе записокъ къ исторїи Петра I», изд. Туманскаго. Спб., ч. VI, стр. 52.

18) De crainte que les raisons et la coutume qu'elle pourrait leur alleguer pour les en empêcher, ne retombassent sur elle même... etc. Relation, стр. 182.

Воля стрѣльцовъ, нечего и говорить, была закономъ. Царя, царицы, патріархъ и бояре обращаются съ просьбой къ Софія принять на себя бремя правленія. Царевна тутъ дѣйствуетъ необыкновенно благоразумно; она долго отказывается, наконецъ, какъ бы противъ воли, соизволяетъ людямъ думнымъ видѣть свои пресвѣтлыя очи и докладывать себѣ о всѣхъ дѣлахъ государственныхъ; «для совершеннаго же во всемъ утвержденія и постоянной крѣпости» повелѣваетъ во всѣхъ указахъ имя свое писать съ именами царей, не требуя впрочемъ, на этотъ разъ, другаго титула кромѣ: великой государыни, благовѣрной царевны и великой княжны ¹⁹⁾.

Въ мятежѣ раскольническомъ Софія явила тѣ-же черты характера *своеобычнаго, безстрашнаго*, способнаго управлять толпою, въ страшныя минуты всевозможныхъ неурядиць. Въ то время, когда неистовые вопли мятежниковъ оглашаютъ Кремль, когда улицы и площадь волнуются массами свирѣпыхъ фанатиковъ, когда уstraшенные патріархъ и съ нимъ всѣ духовныя власти не рѣшаются идти въ грановитую палату *на богословскій споръ* съ раскольниками, одна безстрашная Софія рѣшительно говоритъ: «не оставлю Церкви и пастыря нашего; если преніе необходимо, быть Собору въ грановитой палатѣ. Я иду туда, и кто хочетъ, да послѣдуетъ за мною» ²⁰⁾.

Съ твердостью и удивительною смѣлостью выговаривала Софія изступленнымъ фанатикамъ, укоряла, грозила, и во время останавливала ихъ дикіе порывы. Любопытно, что въ рѣшительную минуту, когда раскольники, не смотря ни на что, продолжали волноваться, Софія рѣшилась прибѣгнуть къ оригинальной мѣрѣ. Она рѣшилась подѣйствовать на любовь простонародья къ ней и вообще къ царствующему дому. «Намъ ничего болѣе не остается, сказала она, сходи съ трона, какъ оставить царство». — Зная хорошо духъ русскаго народа, правительница вполне была увѣрена, что возбудить этими словами мольбы, слезы, что мятежники

19) Устряловъ, I, стр. 44.

20) Записки С. Медвѣдева, въ изд. Тумаскаго, ч. VI, стр. 57.

зачнутъ укорять другъ друга въ запальчивости и проч. Но на этотъ разъ царевна ошиблась. Въ мятежной толпѣ заговорили: «полно государыня, давно вамъ въ монастырь пора. полно-де царствомъ мутить; мамъ бы здорово царя-государя были, а безъ васъ-де пусто не будетъ».....

Какъ бы то ни было, все сказанное, хорошо знакомить насъ съ характеромъ правительницы.

Сохранилось два преданія о томъ, какъ *снисходительна*, но выраженію Голикова, и *прилежна* къ дѣламъ была Софія:

Ихала она въ великой постъ, въ дѣвичій монастырь и увидѣла челоуѣка, плачущаго и держащаго въ рукахъ челобитную. Правительница остановилась, подозвала къ себѣ и спросила о причинѣ его слезъ? «Я бѣдный и разоренный дворянинъ, отвѣчалъ тотъ, билъ челоуѣкъ судьѣ Беклемшеву, но тотъ не только ее не принялъ, но съ ругательствамъ повелѣлъ меня *выбить* изъ приказа.» Царевна пришла въ негодованіе, послала приказъ судьѣ: немедля явиться въ монастырь, а челобитчику приказала слѣдовать за ея каретой. Трепеща отъ страха явился Беклемишевъ. Царевна, *по обычаю своему*, заговорила о должности судьи, о правосудіи ко всѣмъ, и о защитѣ бѣдныхъ. Лишь только дѣло дошло до настоящаго случая, судья поспѣшилъ представить ей, что проситель Полозовъ великій ябедникъ, что у него болѣе десяти тяжбеу въ разныхъ приказахъ, дѣла запутываетъ, занимается для веденія другихъ тяжбеу. наконецъ въ службѣ никогда не бывалъ.

— Для чего-жъ ты не въ походѣ и имѣешь ли помѣстье? спросила царевна.

Полозовъ отвѣчалъ, что хотя помѣстье имѣеть, но въ службѣ не былъ за своими разореніями и убожествомъ.

«Когда ты Богу и намъ не вѣренъ, и за данное тебѣ помѣстье служить не хочешь, отвѣчала Софія, то ты ни въ чемъ ни грѣха, ни стыда не знаешь; счастливы ты, продолжала правительница, что я нынче говѣю, а то бы сей же часъ велѣла бы тебя нещадно наказать на площади.»

Дьяку Семенову приказано было навести справки сколько тяжбеу у Полозова. Семеновъ донесъ, что ихъ насчиты-

вается въ разныхъ судахъ болѣе тридцати. Царевна запретила Полозову входить въ суды и велѣла записать его въ стрѣльцы. За нарушенія запрета приказано было безъ доклада бить Полозова плетѣми. Распоряженіе это сильно разохотило ябедниковъ шляться по приказамъ; два главнѣйшіе ябедники тогда же сосланы въ заточеніе.

Одинъ помѣщикъ, говоритъ другое преданіе, билъ челомъ на сосѣда, что его мельница затопила его луга и что плотина эта причинила ему убытку на тысячу рублей. По приказу царевны плотина была спущена, земля измѣрена и когда оказалось, что только полдесятины было потоплено и то осоки, а скота въ три года пало двѣ овцы, да корова, тогда вышелъ указъ: съ отвѣтчика взять изъ его луговъ вдвое противъ потопленнаго и отдать челобитчику, а съ челобитчика за ябедничество *доправя* весь искъ, отдать отвѣтчику ²¹⁾.

Всѣ современники единогласно говорятъ, что царевна Софія обладала необыкновеннымъ искусствомъ въ управленіи государствомъ. Украшенная по словомъ ея приверженцевъ семью дарами духа, семью добродѣтелями: *мудростью, цѣломудріемъ, правдолюбіемъ, благочестіемъ, щедростью, великодушіемъ и чуднымъ даромъ слова*, она не уступала ни Семiramидѣ вавилонской, ни Елисаветѣ британской, ни Пульхеріи греческой дѣлами славы, гремѣвшими во всѣ концы вселенной ²²⁾. Въ грамотѣ своей въ Москву, въ 1686 году, патріархъ іерусалимскій Досифей называетъ Софію: «образцемъ добродѣтелей, отческаго благородія пребываніемъ; царской державы строительницею, апостольской вѣры защитницею и поборницею.» — «Тишайшая, православнѣйшая, Богомъ вѣнчанная, защитительница христіанскаго народа, милостию Божіею царевна, великая княжна московская, госпожа Софія Алексѣвна самодержица всея великія, малыя и

21) Голиковъ, изд. 1837 года, ч. I, стр. 65—66.

22) Отголоскомъ современниковъ былъ Мехвѣдевъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій и въ надписи къ портрету правительницы, о которой мы скажемъ ниже.

бѣлыя Россіи, многихъ государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчична, дѣдична, наследница и обладательница, дщерь о Христѣ Исусѣ возлюбленная, отъ глубины сердца возжеласмая, такъ писалъ къ ней патріархъ цареградскій Діонисій, въ 1686 году,» рѣдко самаго благого мужа украшаютъ четыре главныя добродѣтели: *теплая въри, разумъ, мудрость, цѣломудріе*, ты обладаешь ими всеми. Теплую вѣру дѣлами показуешь, разумъ явила въ истязанія, приснопамятномъ (въ преніи съ раскольниками), мудростью ты предсѣдательствуешь и именовъ, и самымъ дѣломъ, какъ вторая Марфа, а *дѣвство* сохраняешь, по примѣру пяти цѣломудренныхъ дѣвъ, съ ними же вгрядешь въ радость жениха.....»

По словамъ Матвѣева ²³⁾ «царевна Софія была исполнена *высокоуміемъ и хитростію*. *Зависть*, явнсе яблоко сластолюбія и *любочестія* вкоренены были ея высочеству и зѣло лакомо усладили ее. По властолюбивому снискательству величія ея царевнина любочестія неукротимое намѣреніе принуждало возвыситься на царское достоинство, по древнему примѣру восточнаго греческаго императора Θεодосія, при которомъ сестра его царевна Пульхерія самовластвовала больше того, самаго цесаря, подъ его именовъ, о чемъ исторія царства греческаго точнѣе объявляетъ; тай то же, то реченное, властолюбіе неусыпно возбуждало Софію Алексѣевну, чтобы скипетромъ самодержца править...» «Въ древніи роды чудодѣйствуя жены мудрыя, благоволилъ господь, пишеть другой современникъ Медвѣдевъ, послати въ пособіе правленія царства великаго князя Петра Алексѣевича, въ юныхъ его лѣтѣхъ воздвиже сестру его, царевну Софію Алексѣевну. Ей же данъ *чудный смыслъ* и *сужденіе* неусыннымъ сердца своего окомъ, непрестанно творяще къ россійскому народу велий трудъ ²⁴⁾.

23) Записки его въ изданіи Туманскаго, ч. VI, стр. 11, 12. Невиль, знавшій Матвѣева, такъ отзывается объ немъ (въ *Rélation curieuse*, стр. 30): Андрей Артемоновичъ имѣлъ большой умъ, хорошо зналъ латинскій языкъ, любилъ чтеніе, интересовался всеми политическими событіями въ Европѣ и имѣлъ обширное знакомство съ просвѣщенными иностранцами.

24) Записки Медвѣева въ изд. Туманскаго, ч. VI, стр. 82.

«Эта принцесса съ честолюбіемъ и жаждою властолюбія, нетерпимая, пылкая, увлекающаяся, съ твердостью и храбростью соединяла умъ обширный и предприимчивый ²⁵⁾» Подобнымъ же образомъ изображаютъ ее и позднѣйшіе писатели. Всѣ они, находя въ правительницѣ много недостатковъ, тѣмъ не менѣе единогласно отдають справедливость ея уму и многостороннимъ способностямъ :

«Принцесса Софія, пишетъ Вольтеръ, ума столь же превосходнаго, замѣчательнаго, сколько опаснаго.... возымѣла намѣреніе стать во главѣ имперіи: она хотѣла въ послѣдніе годы жизни царя Оедора возобновить роль, которую играла нѣкогда Пульхерія съ императоромъ Оеодосіемъ, своимъ братомъ. Правительница имѣла много ума, сочиняла стихи на родномъ языкѣ, писала и говорила хорошо, съ прекрасною наружностью соединяла много талантовъ; всѣ они были помярочены громаднымъ ея честолюбіемъ ²⁶⁾»

«Сія царевна, при красотѣ и стройности тѣла, обогащена была не меньшими и душевными дарованіями: имѣла разумъ острый и пронизательный, духъ вознесенный и неустрашимый; была цѣломудренна, снисходительна, и въ дѣлахъ неутомима ²⁷⁾»

«Софія, пишетъ другой историкъ, была злѣю хитра и остроумна ²⁸⁾» «Дѣятельная, предприимчивая, она соединяла съ граціею и прелестями красоты тѣлесной умъ способный къ совершенію великихъ дѣлъ и честолюбіе, которое преодолевало всѣ препятствія къ разъ предполагаемой цѣли. Она управляла дѣлами государственными съ замѣчательною мудростью и лица, свѣдущія въ дѣлахъ политическихъ, воздають хвалу ея правленію. Она не только одарена была способностями государственными, но любила и занималась литературой, почти неизвѣстной въ Россіи ²⁹⁾. Любители рѣдкихъ вещей сохранили ея трагедію, которую она сочинила,

25) *Rélation curieuse*, стр. 38, 116, 118.

26) *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*. 1765, т. I, стр. 109, 117, 118.

(27) Голицковъ, ч. I, стр. 65. Изд. 1837 года, стр. 11.

28) *Житіе Петра I*, изд. 1788 года, стр. 42.

29) *Histoire de Russie par M. Levesque*, 1783, т. IV, стр. 166, 184—189.

въ то время, когда интриги и заговоры, ею же устроенные, предали столицу Россіи въ руки буйныхъ стрѣleckихъ полчищъ».

Надо отдать справедливость Софѣ, сказано въ l'Antidote, она управляла государствомъ съ такимъ благоразуміемъ и умомъ, которое только можно было бы желать и отъ того времени, и отъ той страны, гдѣ она царствовала именемъ двухъ своихъ братьевъ ³⁰⁾.

Царевна Софія, по увѣренію Бѣляева ³¹⁾, была одарена умомъ, которому вполне соответствовала ея блестящая красота.

Вотъ что пишетъ Карамзинъ ³²⁾ въ Пантеонѣ Русскихъ Авторовъ: «здѣсь не мѣсто описывать характеръ Софіи, которая есть одна изъ величайшихъ женщинъ, произведенныхъ Россіею. Скажемъ только, что она по уму и свойствамъ души своей достойна была называться сестрою Петра Великаго; но ослѣпленная властолюбіемъ, хотѣла одна повелѣвать, одна царствовать, и наложила на историка печальный долгъ быть ея обвинителемъ. Софія занималась и литературою; писала трагедіи, и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея драмъ, и думаемъ, что царевна могла бы сравняться съ лучшими писательницами всѣхъ временъ, есть ли бы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ ³³⁾».

30) 186—187 стр., изд. 1771. Амстердамъ. Сочиненіе, приписываемое Еккатеринѣ II.

31) Кабинетъ Петра I, описаніе О. Бѣляева. Спб. 1793, стр. 160, ч. II.

32) Сочиненія Карамзина. Москва. 1820 года, ч. VII, стр. 293.

33) Во время малолѣтства Петра I, рассказываетъ Голицовъ, играны были комедіи въ законоспаскомъ монастырѣ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, переведенныя съ французскаго на славянскій языкъ, какъ-то: «Врачъ противъ воли» и друг. Царевна Софія съ благородными дѣвками и мужчинами сама играла въ комедіяхъ и есть ея творенія одна трагедія. Надо думать, что она участвовала въ представленіяхъ еще при отцѣ своемъ (Дѣянія Петра I, изд. 1842 года, т. II, стр. 9. XIII, стр. 102.)

Вообще о театральныя представленія, бывшихъ въ комнатахъ Софіи, и о пьесахъ, ею сочиненныхъ, почти нѣтъ никакихъ извѣстій. Вотъ почему для насъ важно и устное преданіе, сохранившееся въ родѣ Головиныхъ. — Вотъ какъ передаетъ это преданіе П. Казанскій въ описаніи села Новоспасскаго (Москва, 1847 г. 8 д. л., стр. 93—95). «Однажды (?) 17-го сентября,

Отзывъ Карамзина варьируется всѣми позднѣйшими русскими компиляторами. Такъ, напримѣръ, по словамъ Полеваго: Софія превосходила своихъ сестеръ *умомъ и образованностью*. Двадцати-четырёхъ лѣтъ, *прекрасная собой*, любившая чтеніе и письмо, даже сама писавшая стихи, она омрачила себя необузданнымъ *властолюбіемъ*.

Дальнѣйшіе выписки были бы излишни.

Дѣла и событія того времени далеко не соотвѣтствуютъ, по строгому приговору Н. Г. Устрялова, высокому понятію о талантахъ Софіи въ искусствѣ государственнаго управленія. Въ актахъ, изданныхъ въ семи-лѣтнее господство ея, Устряловъ не находитъ *ничего замѣчательнаго*. Въ подтверж-

въ день именинъ царевны Софіи, Марья Васильевна Головина, бывши еще княжною, вмѣстѣ съ своею матерью, комнатною боярынею, княгинею Мещерскою, пріѣхала во дворецъ поздравить царевну съ днемъ ея ангела. Въ это время, въ теремахъ царевны, происходило представленіе: *Обрученіе святыя Екатерины*, которое сочинила, какъ говорятъ, сама царевна. Княжна Марья Васильевна, по молодости лѣтъ, *лицедѣляла* одну изъ прислужницъ *Премудрой дѣвы, озарившейся светомъ христіанскаго богопознанія*. Во время представленія царевна Марья Алексѣевна, бывшая съ ней почти однихъ лѣтъ, положила ей за манишку большаго чернаго таракана, котораго она до того испугалась, что во всю свою жизнь имѣла къ нимъ сильное и непреодолимое отвращеніе, и даже подъ старость, лишившись умственныхъ способностей, главнымъ образомъ пожѣшалась на черныхъ тараканахъ: она ихъ вездѣ видѣла безпрестанно ползающими....

Далѣе г. Казанскій говоритъ много о тараканахъ и ничего о *премудрой дѣвѣ, озарившейся светомъ христіанскаго богопознанія*... «Сумасшедшая, капризная и безпокойная княгиня М. В. Головина на старости лѣтъ безпрестанно перемѣняла себѣ квартиру и ни въ одной изъ нихъ не находила покоя, повторяя одно и тоже: «Ахъ, Боже мой, тараканы! вездѣ ползутъ тараканы!» Въ Новоспаскомъ было нарочно для нея выстроено нѣсколько домовъ на скорую руку. Въ Москвѣ также, кромѣ собственныхъ двухъ, она имѣла пребываніе въ нѣсколькихъ монастыряхъ, а въ новодѣвичьемъ приняла даже рясофорное постриженіе. Царица Авдотья, во инокинѣхъ Елена, отиѣнно любила Марью Васильевну и подарила ей для малаго пострига, монашескую камелавку, рясу, апостольникъ, четки и парамонъ....»

Любопытно, что родной племянникъ М. В. Головиной, страдалицы за таракана, князь Иванъ Михайловичъ Мещерскій, духовно грамотою, 7-го января 1718 года, отказалъ большую часть своего громаднаго имѣнья великой княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ (см. выше ея шалость съ тараканомъ) и сдѣлалъ ее душеприкащицею своего завѣщанія, ровно за мѣсяцъ до арестованія великой княжны Марьи Алексѣевны, по дѣлу царевича Алексѣя Петровича.

деніе своихъ словъ онъ разбираетъ законы и указы, изданные Софіей относительно внутренняго управленія Россіи. *Не блистательныя, по его мнѣнію, была и вышняя политика Россіи....*

Серьезная, ученая критика рѣшить вполнѣ ли справедливъ приговоръ историка царствованія Петра ³⁴). Но какъ бы то ни было: по своему времени, по тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыя была поставлена Софія, наконецъ по кратковременному періоду своего правленія, знаменитая дочь царя Алексѣя явила образецъ ума, не совсѣмъ обыкновеннаго. Въ этомъ отдаетъ справедливость ей и г. Устряловъ). Мы готовы согласиться, что у правительницы, вопреки сказаніямъ позднѣйшихъ историковъ, едва ли была мысль о преобразованіи Россіи, о полномъ просвѣщеніи своихъ соотчичей; да и откуда могли развиваться въ ней эти планы, у женщины, двадцать два года проведенной въ заточеніи, за канвой, за часословомъ, въ молитвахъ и болтовнѣ съ нянюшками?

Съ *властолюбіемъ, честолюбіемъ, предприимчивостью, хитростью и смѣлостью* Софія соединяла еще *тщеславіе*. Въ этомъ недостатокѣ упрекаетъ ее г. Устряловъ, указывая на пышные манифесты ея о неудачныхъ крымскихъ походахъ. Изъ тщеславія она поручала своему резиденту въ Варшавѣ хлопотать о напечатаніи и разсылкѣ въ Европѣ пышныхъ реляцій *о побѣдительствахъ русскаго воинства, какихъ издавно не бывало*. Но не нужно хвалить одного на счетъ другой: замѣтимъ, что характеръ Петра въ тщеславіи сходилъ съ нравомъ его сестры.

Впослѣдствіи, великій государь дѣятельно хлопоталъ о распространеніи въ Европѣ доброй молвы о своихъ дѣланіяхъ. Нарочно посылалъ Гюйсена (въ 1704 году) въ Германію, чтобы тотъ своими собственными сочиненіями, наймомъ

34) Т. I, стр. 98—101, 161, 240—242. II. стр. 27. См. рецензіи на сочиненіе г. Устрялова: *Зерина* (Библиотека для Чтенія 1858—1859 года), *Соловьева*, въ Атенѣ (1858 года), *Костомарова* въ «Современникѣ» (1858 года), въ Московскомъ критическомъ обзорѣніи 1859 года, книжка I и друг.

тамошнихъ литераторовъ способствовалъ къ разсѣянію доброй славы «о его дѣлахъ и побѣдительствахъ».

Съ властолюбіемъ и тщеславіемъ Софія соединяла сладоустрасть: имъ, по словамъ Устрялова, «пылала грудь правительницы. Предметомъ ея любви былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ». Эта личность заслуживаетъ вниманія. Сынъ боярина Василя Андреевича, онъ родился въ 1633 году и получилъ воспитаніе, необыкновенное по своему времени: онъ зналъ греческій, латинскій и нѣмецкій языки. Любопытны замѣтки де-ла-Невиля, лично знавшаго В. В. Голицына. «Являсь на аудіенцію къ нему, пишетъ французъ, вообще чрезвычайно скупой на похвалы, я думалъ, что явился къ какому нибудь италіянскому герцогу, все блистало въ домѣ Голицына великолѣпіемъ и вкусомъ. Впродолженіе бесѣды, на латинскомъ языкѣ, онъ спрашивалъ меня о войнѣ императора и его союзниковъ съ королемъ французскимъ, о революціи англійской и другихъ европейскіихъ событіяхъ. Предлагалъ мнѣ различныхъ сортовъ вина и водки, но самъ вовсе не пилъ ³⁵⁾. Нѣтъ сомнѣнія В. В. Голицынъ человекъ самый образованный, вѣжливый, самый великолѣпный изъ всѣхъ сановниковъ московскихъ. Онъ хорошо говоритъ полатыни, чрезвычайно благоволитъ къ иностранцамъ, не заставляетъ ихъ пьянствовать (подобно двоюродному брату своему Б. А. Голицыну, фавориту царя Петра, онъ его презираетъ за пьянство) и самъ вовсе не употребляетъ ни вина, ни водки. Всѣ его удовольствія заключаются въ умной бесѣдѣ.

Онъ презираетъ знатныхъ родомъ и слѣдовательно тупыхъ

35) Relation curieuse, стр. 15—18, 55—56, 63—68, 87, 157, 181. Де-ла-Невиля, агентъ французскаго правительства, былъ присланъ въ Россію съ секретнымъ порученіемъ развѣдать о переговорахъ нашего двора съ шведскимъ. Онъ жилъ въ Москвѣ подъ видомъ гонца польскаго, съ конца іюля до половины декабря 1689 года. Извѣстія, сообщаемыя имъ, весьма интересны. Онъ много наблюдалъ самъ, много узналъ отъ другихъ резидентовъ и, частью изъ разсказовъ, частью изъ собственныхъ наблюденій, составилъ небольшое, но въ высшей степени замѣчательное сочиненіе о Москвитинѣ. Переводъ этой рѣдкой книги (экземпляръ въ публичной библиотекѣ), къ сожалѣнію, съ выпусками напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841, т. III и IV. Любопытно примѣчаніе объ авторѣ брошюры, сдѣланное переводчикомъ.

умомъ, выводитьъ людей, хотя изъ низкаго званія, но пригодныхъ какъ по способностямъ, такъ и по преданности къ нему. Зная основательно три иностранныхъ языка, онъ изучаетъ нынѣ французскій. Скорѣе великій политикъ и кабинетный человекъ, нежели воинъ, В. В. Голицынъ, по словамъ Невилля, блисталъ яркою звѣздою между его соотечественниками грубыми, жестокими, «sodomiste, gourmans, avares, gueux, politrons, tous esclaves».... онъ вмѣстѣ съ княземъ Sirkache (Черкасскимъ) и Harthe monorich (Андрей Артемовичъ Матвѣевъ) стояли неизмѣримо выше москвичей, по словамъ иноземца: fort grossiers, et même brutaux. Произнося такой строгой приговоръ надъ русскими, Невиль тѣмъ охотнѣе отдаетъ справедливость В. В. Голицыну и прямо говоритъ, что у него было: *plus d'esprit que toute la Moscovie ensemble!* ³⁶⁾. Дѣла его оправдываютъ справедливость отзывовъ Невеля. Голицынъ выписалъ изъ Греціи докторовъ и множество книгъ; убѣждалъ бояръ, чтобы они обучали дѣтей своихъ, отправляя ихъ въ Польшу и другія государства и приглашая къ себѣ иностранныхъ наставниковъ; не возбранялъ иноземцамъ имѣть свободный вѣздъ въ Россію и выѣзжать изъ государства, по собственному ихъ желанію; намѣревался содержать министровъ при главнѣйшихъ дворахъ европейскихъ, населить степи, обогатить нищихъ, превратить хижины въ каменные палаты, просвѣтити людей и образованныхъ, хотѣлъ ввести свободное вѣроисповѣданіе, бесѣдовалъ съ иезуитами, которыхъ изгнали изъ Москвы на другой день его паденія, съ запрещеніемъ впредъ впускать въ Россію. Онъ способствовалъ къ развитію торговли съ персіанами и голландцами. Далекое простирая свои виды, Голицынъ собралъ записки о состояніи и образѣ правленія разныхъ государствъ; онъ предполагалъ *улучшить бытъ крестьянъ* своихъ, съ тѣмъ, чтобы доставить имъ средство свободно обогащать себя трудолюбіемъ. Заботился, и во мно-

36) Какъ далеко былъ, напримѣръ, по образованію своему отъ В. В. Голицына главнѣйшій изъ любимцевъ петровыхъ, Б. А. Голицынъ, можно видѣть изъ слѣдующей замѣтки о немъ Невилля: «на аудіенціи со мной онъ выпилъ нѣсколько ковшей водки и вся бесѣда его состояла только въ питьѣ. Я ничего не могъ добиться de cet urogne», стр. 18.

гомъ улучшилъ, пути сообщенія Россіи. Украсилъ Москву многими каменными зданіями, построилъ чрезъ Москву-рѣку каменный мостъ, при чемъ архитекторомъ его былъ, по словамъ Невилля, какой-то польскій монахъ.

Все это вмѣстѣ съ славными дѣяніями его на дипломатическомъ поприщѣ приобрѣло ему отъ иноземцевъ наименование *великаго* ³⁷⁾. Еслибъ я хотѣлъ рассказать о всѣхъ заслугахъ и геніальныхъ планахъ его, пишетъ Невилль, то никогда бы не кончилъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать много истинно великаго, но краткость времени, замыслы честолюбія, къ тому же плохое исполненіе въ областяхъ Россіи, его предписаній и повелѣній, по случаю общей неурядицы, все это воспрепятствовало ему привести въ исполненіе свои геніальныя предназначенія.

Итакъ В. В. Голицынъ, былъ достоинъ страстной, пылкой любви Софіи. А что любовь эта была именно такова, доказываютъ два изъ уцѣлѣвшихъ писемъ правительницы, писанныя цифирью къ своему фавориту во время похода его въ Крымъ. «Свѣтъ мой, братецъ Васенька, писала въ одномъ изъ нихъ Софія, здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта! А мнѣ, мой свѣтъ, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, когда въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего увижу.... Ей, всегда прошу Бога, чтобы свѣта моего въ радости видѣть».... ³⁸⁾. Въ другомъ письмѣ (1689 года), буквально переданномъ Устряловымъ, мы встрѣчаемъ новыя ласкательныя имена, коими она щедро осыпаетъ своего свѣта, ненагляднаго своего душеньку, Васеньку. «Свѣтъ мой батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! радость моя, свѣтъ очей моихъ! Мнѣ не вѣрится, сердце мое, чтобы тебя, свѣта моего, видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ былъ,

37) Relation curieuse, стр. 19. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. 1836 года, ч. II, стр. 70—75. Б. Каменскаго. Histoire de Russie Вольтера. 1765 года, т. I, стр. 122. Histoire de Russie, Левека, 1787 года, т. IV, стр. 188. Энциклопедическій лексиконъ, изд. Плюшара. 1839 года, т. XIV, стр. 387. Родословный сборникъ Долгорукова, изд. 1840 года, стр. 109, 112, 122.

38) Устряловъ, т. I, стр. 62, 225, 237—239, т. II, стр. 86. Читенія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ. 1858 года. Москва, книга I, стр. 1—339.

когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою.... Брѣла я пѣша изъ Воздвиженска (сто одиннадцать верстъ отъ троицкой-сергіевской лавры) только подхожу къ монастырю Сергія чудотворца, а отъ тебя отписки о бояхъ. Я не помню, какъ взшла; чла, идучи!....»

Языкъ любви всегда и вездѣ одинаковъ: изъ обнародованныхъ нынѣ писемъ Авдотьи Ѳеодоровны Лопухиной, инокини суздальскаго монастыря къ ея возлюбленному, маіору С. Б. Глѣбову видно, что содержаніе писемъ, языкъ, нѣжные, страстные эпитеты чрезвычайно напоминаютъ письма Софіи ³⁹⁾.

Замѣчательно, что князь Голицынъ, владѣя сердцемъ царевны, былъ уже не въ первой порѣ молодости: въ 1689 году ему было сорокъ восемь лѣтъ! Мало того, онъ имѣлъ жену Авдотью Ивановну Стрѣшневу, которая любила его и была взаимно имъ любима. Имѣлъ сыновей и внуковъ, но Софія любила его страстно, такъ что въ Москвѣ носилась молва, что онъ убѣдилъ жену свою удалиться въ монастырь. Вотъ какъ рассказываетъ Невиль объ отношеніяхъ Голицына къ правительницѣ. «Se voyant en état de tout entreprendre, Софья Алексѣевна voulut pour la sûreté de sa conscience changer le commerce scandaleux, qu'elle avait avec son favori, en sacrement de mariage. «Вся трудность исполненія сего намѣренія состояла въ томъ, что Голицынъ былъ женатъ. На удаленіе жены онъ не могъ рѣшиться во-первыхъ, какъ

39) Кстати замѣтимъ важныя ошибки, вкравшіяся въ нашъ *біографическій очеркъ*: «Авдотья Ѳеодоровна Лопухина». (Русскій Вѣстникъ 1859 года, № 111.) Ошибки эти указалъ намъ Н. Г. Устряловъ: «Никифоръ Вяземскій — казенъ въ Москвѣ.» *Чит.*: не казенъ, а сосланъ въ Архангельскъ. «Протопопъ Пуственной — казенъ въ С. Петербургѣ.» *Чит.*: казенъ въ Москвѣ. «Царевна Марья Алексѣевна умерла въ Шлиссельбургѣ.» *Чит.*: умерла въ С. Петербургѣ. «Любовникомъ А. О. Лопухиной, инокини Елены — былъ генераль-маіоръ Глѣбовъ.» *Чит.*: маіоръ Глѣбовъ. Смѣемъ думать, что никто не упрекнетъ за наши промахи. Печатныя сочиненія, изъ которыхъ мы беремъ наши факты, приведены въ примѣчаніяхъ; невозможность провѣрять эти данныя *рукописными, подлинными* документами, вводитъ иногда въ ошибки.

человѣкъ благородный, во вторыхъ какъ мужъ, имѣющій за нею большія имѣнья, прижившій съ нею уже взрослыхъ дѣтей, которыя lui étaient plus chers, que ceux, qu'il avait de la princesse, qu'il n'aimait, que par rapport à sa fortune. Но пылкая, любящая Софія уговорила своего министра убѣдить жену постричься въ монахини, затѣмъ испросить дозволеніе у патриарха и жениться на ней. Добрая жена Голицына не прекословила, не протпвилась, и правительница была вполне увѣрена, что ничто не помѣшаетъ исполненію ея намѣренія. Гроза, разразившаяся надъ нею и ея наперстникомъ разрушила ея надежды ⁴⁰⁾. Странно, что авторъ исторіи царствованія Петра I ничего не говоритъ о цѣлой коллекціи писемъ В. В. Голицына, напечатанныхъ въ «Временникѣ». Всѣ они чрезвычайно важны для обстоятельнаго и вѣрнаго сужденія о жизни и дѣятельности В. В. Голицына: Такъ въ пятой книжкѣ, въ шестой и послѣдующихъ до пятнадцатой напечатано до двухсотъ писемъ, различныхъ лицъ къ В. В. Голицыну. Чаше другихъ встрѣчаются письма матери его, княгини Татьяны Ивановны. По прочтеніи столь обширной корреспонденціи князя, выносишь о немъ самое пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ превосходный семьянинъ. Страстно любилъ мать, которая по ея собственному выраженію, въ немъ души не чаяла; заботился о воспитаніи своихъ дѣтей, о порядочномъ веденіи домашняго хозяйства, о здоровьи и удобствахъ жизни жены своей Авдотьи Ивановны; радѣлъ и заботился о тестѣ, тещѣ, сестрахъ, дядяхъ и другихъ своихъ родственникахъ. Его частая переписка, громадная по тому времени, когда вообще не жаловали отписокъ другъ къ другу о дѣлахъ домашнихъ, а тѣмъ болѣе не жаловали женщины, большею частью съ трудомъ разбиравшія церковныя книги, переписка эта свидѣтельствуетъ о большой развитости въ образованіи его свойственниковъ, съ другой стороны обнаруживаетъ обширную дѣятельность Василья Васильевича.

Въ этой коллекціи, напечатанной нашимъ трудолюбивымъ ученымъ И. Д. Бѣляевымъ, мало нашли мы писемъ отъ князя

40) Relation curieuse, стр. 155—160. Родословный сборникъ Долгорукова, стр. 79.

Гориса Алексѣевича Голицына; съ нимъ далеко не въ ладахъ былъ Василій Васильевичъ.

Теща князя Василя, Н. И. Стрѣшнева, безъ сомнѣнія, зная чѣмъ угодить ему, неоднократно писала: ⁴¹⁾ «что сынъ его, князь Алешанька слова выписалъ, а въ самый Кузьмы и Демьяна день началъ писать склады.» Мать и жена въ самыхъ пѣжныхъ выраженіяхъ просятъ своего ненагляднаго свѣта, князь Василя, беречься отъ всякой скорби, хранить свое здоровье, шлютъ къ нему доктора.... «Ты, свѣтъ мой, писала между прочимъ Татьяна Ивановна, вѣдаешь самъ каковъ ты мнѣ надобенъ, дороже души моей грѣшной.... не плошай свѣтъ мой, прибѣгни къ Спасу и пресвятой Богородицѣ, и преподобному отцу Сергію и помолись имъ съ вѣрою, и попроси у нихъ милости. А се попомни свѣтъ, мое рожденіе, о чемъ я тебѣ приказывала, держись свѣтъ мой чистоты душевной и *тѣлесной*, знаешь и самъ какъ то *Христу* *любо*....»

Въ сентябрѣ 1689 года, когда уже Голицынъ сосланъ былъ на отдаленный сѣверъ Россіи ⁴²⁾, страстно любившая его Софія, сама уже состоя подѣ строгимъ надзоромъ, нашла случай и успѣла обрадовать своего любимца собственноручнымъ письмомъ, значительною суммою денегъ, до триста шестидесяти червонныхъ, и надеждою на скорую свободу. Письмо и деньги тайно передалъ въ Вологдѣ комнатный стольникъ Михайло Кропоткинъ, который пробрался къ В. В. Голи-

41) Вся переписка относится, по времени, къ царствованію Федора Алексѣевича.

42) Его обвинили во многомъ, главное же въ приверженности къ Софіи и неудачахъ крымскихъ походовъ. Голицынъ только и спасся отъ эшафота, ради тщеславія своего двоюроднаго брата Б. А. Голицына, который не хотѣлъ запятнать честь своего рода позорною казнью, почему и вымолилъ ему прощенье отъ смерти. Наперсникъ Софіи былъ сосланъ въ Яренскъ, вологодскую губернію, умеръ въ Пинегѣ подѣ строгимъ карауломъ въ 1718 году, марта 13-го, на семидесятомъ году отъ рожденія. Старшій сынъ его, вслѣдствіе бѣдствій тюрьмы и ссылки, впалъ въ глубокую задумчивость. Внукъ, Михаилъ Алексѣевичъ, друхъ лѣтнимъ ребенкомъ отправленный въ заточеніе съ дѣдомъ и отцомъ, былъ впослѣдствіи шутомъ при дворѣ Анны Ивановны. Ради свадьбы сего князя съ шутихою Бужениновою строены были ледяной домъ. См. статью мою: «О шутахъ и забавахъ при дворѣ Анны Ивановны».

ныну, передалъ ему посылку и успѣлъ обмануть бдительнаго пристава ⁴³).

Поступокъ Софіи показываетъ какую пламенную, пылкою душою надѣлена была она, какою спльною любовью, съ ка-кимъ самоотверженіемъ привязывалась она къ безцѣнному для нея человѣку!

Въ борьбѣ съ своимъ братомъ, правительница до послѣдней минуты паденія являетъ характеръ *сильный, волю непреклонную, умъ изворотливый, даръ слова*, сильно дѣйствовавшій на толпу: назвавъ себя самодержицею ⁴⁴), думая и мечтая о томъ, какъ бы вѣнчаться на царство, чтобы священнымъ обрядомъ освятить въ глазахъ народа свою власть, и тѣмъ утвердить свое господство. Софія быстро шла къ своей цѣли. Веѣмъ извѣстно на какія ужасныя мѣры рѣшалась она, чтобы завладѣть вѣнцомъ Мономаха. Когда счастье спасло Петра, когда паденіе Софіи было несомнѣнно, когда самые рьяные ея приверженцы, одинъ за другимъ, спѣшили въ лавру съ повинною къ юному монарху, она не терпела бодрости, все еще надѣялась на побѣду, все еще боролась съ карающей ея судьбою. Увѣщевала, грозила, просила стрѣльцовъ. Полковнику Нечаеву, привезшему въ полки стрѣлцкіе грамоты царя Петра, велѣла отсѣчь голову. Суровое повелѣніе было бы исполнено немедленно, но къ счастью Нечаева, не нашлось палача. Этотъ фактъ ярко выставляетъ жестокость, какъ одну изъ важныхъ чертъ характера правительницы. Пожертвовать жизнью человѣка для своихъ цѣлей было ей вничемъ. Преобразователь Россіи напоминалъ въ этомъ отношеніи свою знаменитую сестру: за доказательствомъ ходить не далеко, стоитъ только прочесть стрѣлцкіи розыскъ въ сочиненіи г. Устрялова.

43) Устряловъ, т. II и III.

44) Въ VI части собранія записокъ Туманскаго помѣщена любопытная выписка изъ статейныхъ книгъ о пріѣздѣ въ Москву грека съ афонской горы, архимандрита Исаія, въ 1689 году. Ему поручено было ходатайствовать у вселенскаго патріарха о дозволеніи правительницѣ титуловаться и короноваться вмѣстѣ съ братьями. А также во время божественной службы поминать ее на эктеньяхъ, вкупѣ съ именами великихъ государей, царей и великихъ князей Ивана и Петра Алексѣевичей. См. стр. 255—259.

Долго и упорно отстаивала Софія *дружно* своего наперсника О. Л. Шакловитаго. Его почти силою исторгли из убѣжища, куда она его укрывала.

Наконецъ дошла очередь и до нея-самой. Петръ въ письмѣ къ брату Ивану настаивалъ на отнятіе у ней власти правительницы. «А теперь, государь братецъ, писалъ онъ, настить время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли самп въ мѣру возраста своего, а третьему *ззорному* лицу, сестрѣ нашей Софѣ съ нашими двѣмя, мужскими особами, въ титлахъ и въ расправѣ быти не изволяемъ.... Срамно, государь, при нашей совершенномъ возрастѣ, тому *ззорному* лицу государствовати владѣть мимо насъ!» Царскимъ указомъ (12-го сентября 1689 года) повелѣно было исключить имя Софіи изъ всѣхъ актовъ, гдѣ оно доселѣ упоминалось вмѣстѣ съ именами обонхъ государей. Боярину Троекурову поручено было просить объ удаленіи Софіи изъ кремлевскихъ чертоговъ въ новодѣвичій монастырь, волею Петра, назначенный для нея жилищемъ. Царевна и тутъ обнаружила твердость своего характера. на этотъ разъ перешедшею уже въ бесполезное упрямство; она долго не соглашалась исполнить приказъ брата и только 28-го сентября, по настоятельному требованію посланнаго боярина, которому поручено было волею или неволею вывести ее изъ дворца, она удалилась въ монастырь новодѣвичій. Невиль рассказываетъ, что Софія думала скрыться въ Польшу, но царь свѣдавъ о ея намѣреніи, послѣшилъ приказомъ начальнику стрѣлецкихъ (Estrelles) полковъ привести ее *de gré ou de force* въ назначенный монастырь, строго сторожить всѣ выходы изъ него и никого къ ней не допускать ⁴⁵⁾.

Въ *тѣсномъ* своемъ заточеніи Софія не упала духомъ, все еще надѣялась поколебать могущество брата и изъ своей кельи зоркимъ и пытливымъ окомъ слѣдила за событіями. Вліяніе ея на сестеръ, на окружающихъ ее прислужницъ было необыкновенно. Всѣ онѣ мыслили такъ, какъ мыслила Софья, всѣ онѣ пылали ненавистью къ Петру. Не смотря на всю строгость надзора, она не упускала случая *разсѣвать*

45) Relation curieuse, стр. 147.

неблагопріятные для Петра слухи въ слободахъ стрѣлецкихъ. Какъ женщина, искусившаяся въ заговорахъ и смутахъ государственныхъ, она чрезвычайно искусно умѣла кстати сказать нѣсколько словъ, которыя быстро разлетались по полямъ стрѣлецкимъ и ободряли ихъ къ возстанію. Наконецъ, найдя удобный случай, она рѣшилась на поступокъ, чрезвычайно смѣлый въ ея положеніи: она написала воззваніе къ ялтежникамъ.

Царевна и тутъ не увлеклась самонадѣянностью и тутъ ея знаніе людей, съ которыми она имѣла дѣло не обманули ее. Она хорошо знала, что стрѣльцы преданы ей безусловно, что они въ буквальномъ смыслѣ готовы положить за нее голову, прежде нежели ей измѣнятъ. Такъ и случилось. Когда Шейнъ разсѣялъ толпу инсургентовъ у Воскресенскаго монастыря, предалъ сотню важнѣйшихъ заговорщиковъ истязаніямъ пытокъ, желая узнать: почему наущенію и ради какихъ видовъ они начали возстаніе, ни одинъ изъ шестидесяти казненныхъ и ста пятидесяти перепоротыхъ нещадно кнутомъ, ни одинъ не заикнулся о воззваніи Софіи, двукратно слышанномъ ими отъ стрѣльца Маслова. Всѣ съ необыкновенною твердостью съ пытокъ и въ мученіяхъ на огнѣ твердили, что никакой присылки съ Москвы къ нимъ не было.

Подобное умѣнье завладѣть умами простолudinновъ, привязать ихъ къ себѣ любовью, способною дѣлать людей безчувственными ко всѣмъ мученіямъ, не обнаруживаетъ ли въ Софіи умъ истинно необыкновенный, самую судьбою назначенный стать во главѣ народнаго движенія? Впослѣдствіи, когда Петръ сталъ *скасовывать* ⁴⁶⁾ стрѣльцовъ, когда послѣ новыхъ, превышающихъ всякое описаніе адскихъ мученій, несчастные стрѣльцы обнаружили участіе въ заговорѣ Софіи, государь ѣздилъ ее допрашивать и ставилъ предъ нею на очную ставку стрѣльцовъ ее оговорившихъ. Царевна рѣшительно отперлась въ взводимыхъ на нее обвиненіяхъ. Каждые изъ приближенныхъ къ ней были преданы пыткамъ... Для насъ важенъ вопросъ: не была ли подвержена *розыску* Софія, а

46) Журналъ или подневная записка Петра I съ 1698 до 1721 года. Изд. Щербатова. Спб. 1770 года, ч. I, стр. 2.

слѣдовательно любопытно было бы знать не упала ли она духомъ въ эти ужасныя минуты? Объ этомъ умалчиваютъ подлинныя документы. Но что она могла быть предана лютому розыску въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Великій преобразователь Россіи, какъ мы видѣли изъ подлинныхъ документовъ, напечатанныхъ Н. Г. Устряловымъ, не пощадилъ своего роднаго сына.

Подтвержденіемъ же нашего предположенія о пыткѣ Софіи служить слѣдующій рассказъ фельмаршала князя Н. Ю. Трубецкаго, записанный Штелиномъ и повторенный съ его словъ многими писателями ⁴⁷⁾: При свиданіи съ сестрою Петръ въ присутствіи двѣнадцати-лѣтней царевниной прислужницы, съ сверкавшими отъ гнѣва глазами, уличалъ грознымъ голосомъ сестру въ умыслѣ на жизнь его. Требовалъ чистосердечнаго признанія. Софія отвѣчала съ свойственною ей смѣлостью и гордостью; колко и зло смѣялась надъ Петромъ. Вспылчивый государь въ минуту страшнаго гнѣва, съ словами: «Только смерть твоя доставитъ мнѣ безопасность», выхватилъ мечъ изъ ноженъ: «умри злодѣйка!» воскликнулъ онъ, устремляясь на царевну, которая и тутъ не измѣнила свосму *безстрашію*.

Къ счастью, малолѣтняя прислужница, подобно другимъ, слѣпопреданная Софіи, бросилась къ ногамъ Петровымъ и, ухватясь за нихъ, воскликнула: «Что дѣлаешь ты, государь? Вспомни, она родная сестра тебѣ!» Воплъ малютки образумилъ властелина ⁴⁸⁾.

На сколько справедливъ рассказъ Трубецкаго неизвѣстно, по крайнѣй мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ передалъ его Штелинъ, онъ не противорѣчитъ всему сказанному о характерѣ Софіи Алексѣевны.

47) Любопытныя сказанія о Петрѣ I, собранныя Я. Штелинымъ. Изд. второе. Сиб. 1787, стр. 32—34. Словарь Б. Каменскаго. 1836 года, ч. II, стр. 378—379. Дѣянія Петра I, соч. Голикова. 1843 года, ч. XV, стр. 9, 10. Устряловъ умалчиваетъ объ этомъ случаѣ.

48) Послѣ смерти царевны Софіи, спасительница ея, служанка, спустя нѣсколько лѣтъ, постриглась въ монахини, наречена Евфросиней. Она скончалась въ глубокой старости, въ 1791 году.

21-го Октября 1698 года правительница навсегда умерла для свѣта. Постриженная въ монахини новодѣвичьяго монастыря, подъ именемъ инокини Сусанны ⁴⁹⁾, она скончалась въ тѣсномъ заключеніи, подъ надзоромъ многочисленнаго караула, въ 1704 году, іюля 3-го, имѣя сорокъ шесть лѣтъ, девять мѣсяцовъ, шестнадцать дней.

Последнія шесть лѣтъ своей затворнической жизни Софья провела въ молитвахъ, перечитываньи священныхъ книгъ, въ работѣ рукодѣльной и, наконецъ, въ перепискѣ разныхъ любопытныхъ для нея рукописей. Писала она хорошо, и эта работа доставляла ей не мало удовольствія. Въ головинскомъ селѣ Новоспаскомъ хранится *Октоихъ* нотнаго пѣнья, отлично писанный полу-уставомъ, золотомъ и красками — *инокинею Сусанною* — царевною Софьею Алексѣвною.

Изъ всего сказаннаго, изъ нашего бѣлаго взгляда на жизнь правительницы можно вывести заключеніе, что при общирномъ, природномъ умѣ, при многостороннихъ способностяхъ, Софья какъ бы рождена была для управленія государствомъ: что она имѣла всѣ качества нужныя для верховной власти: смѣлость, предприимчивость, полное присутствіе духа, умѣнье выдержать свое достоинство всегда и вездѣ, даръ слова, умъ гибкій, способность привязать къ себѣ толпу, управлять всѣми, не подчиняясь никому, любить страстно, но не до самозабвенія, дорожить выгодами страны... одного въ ней не доставало: добраго сердца и главное — образованія надлежащаго! Будучи женщиною замѣчательною, Софья все-таки носила на себѣ слѣды вѣка, духа времени, общаго невѣжества русскихъ; такъ, наиримѣръ, при всемъ умѣ своемъ она вѣрила юродивымъ, колдунамъ, волхвамъ и прорицателямъ. Обыкновенно, для освидѣтельствованія мудрости, отсылала ихъ къ Сильвестру Медвѣдеву, который въ свою очередь также платилъ дань вѣку, гадалъ по звѣздамъ и предсказывалъ будущее. Въ числѣ волхвовъ, пользовавшихся довѣренностью Софьи, былъ какой-то полякъ Симеонъ,

49) Новодѣвичій монастырь, находящійся въ предмѣстьѣ Москвы, построенъ при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ, въ 1524 году. Смотри Примѣчанія на исторію г. Леклерка генераль-маіора Ивана Боатина. Изд. Сиб. 1788, ч. I, стр. 482.

вызванный ею въ 1686 году изъ Польши лѣчить своимъ искусствомъ болѣзненные глаза царя Ивана Алексѣевича. Онъ года три жилъ въ кельи Медвѣдева, увѣрялъ, что умѣетъ глядѣть въ солнце, угадываетъ по немъ, что кому будетъ, заговариваетъ грыжу, пособляетъ женѣ и мужу, лѣчитъ отъ животной болѣзни; пользовалъ многихъ, въ томъ числѣ князя В. В. Голицына, шушалъ ему животъ и нашелъ въ немъ одну только болѣзнь, что онъ любитъ чужбинну, а жены своей не любитъ ⁵⁰⁾.

Правительница, при обширномъ умѣ, не владѣла геніемъ и дальновидностью преобразователя Россіи и, при всемъ томъ, нельзя не повторить словъ Карамзина: что по уму, характеру и своимъ способностямъ Софія Алексѣевна есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, какихъ когда-либо произвела Россія!

Познакомившись съ характеромъ и умомъ знаменитой дочери царя Алексѣя, взглянемъ на ея наружность.

Вышеприведенныя выписки изъ различныхъ историковъ достаточно показываютъ, что какъ наши, такъ и иноземные писатели привыкли воображать себѣ Софію какимъ-то юнымъ и прелестнымъ созданіемъ. Вопреки общему мнѣнію г. Устряловъ, основываясь на свидѣтельствѣ современника-очевидца, говоритъ, что правительница была далеко не красавица; съ пестройнымъ станомъ, излишне тучнымъ, съ лицомъ суровымъ она казалась нѣсколькими годами старѣе, чѣмъ была въ дѣйствительности, и въ двадцать пять лѣтъ смотрѣла пожилою женщиною.... Вотъ подлинныя слова де-ла-Невиля: волненія, которымъ подвержена въ настоящее время (т. е., въ 1689 году), Россія и которыя могутъ случиться впредь, всѣ происходятъ отъ интригъ принцессы Софін; уму, способностямъ и достоинствамъ ея не соотвѣствуетъ *la difformité de son corps; étant d'une grosseur monstrueuse avec une tête large, comme un boisseau, du poil au visage, des loups aux jambes et au moins 40 ans.* ⁵¹⁾ Но безобразіе тѣлесное, продолжаетъ Невиль, замѣнялъ умъ проникательный, утон-

50) Устряловъ, т. II, стр. 100—150.

51) *Rélation curieuse*, стр. 151.

ченый и, не читавъ никогда Макиавеля, она отъ природы одарена была всѣми его правилами.

Шлейзингъ, также современникъ очевидецъ, бывшій въ Москвѣ въ 1684 и 1685 годахъ, подтверждаетъ въ главномъ слова Невилля. Правительница, говоритъ онъ, не отличается ни красотой лица, ни стройностью стана; но держитъ себя съ исто-царскимъ достоинствомъ. Ея умъ и внутреннія достоинства соотвѣтствуютъ тому званію, которымъ она облечена.... ⁵²⁾.

Достойно также замѣчанія, что самый жаркій приверженецъ Софін, Сильвестръ Медвѣдевъ, сочинявшій ей похвальные стихи, въ надписи къ ея портрету, исчисляя всѣ ея добродѣтели и дары душевныя, *ни слова* не говоритъ о красотѣ ея. Красавицею впервые, по свидѣтельствѣ Устрялова, назвали Софію капитанъ Перри и извѣстный Штраленбергъ ⁵³⁾. Ни тотъ, ни другой не видали царевны и оба писали по слуху.

Какъ кажется, замѣчанія Устрялова совершенно справедливы. Одного взгляда на напечатанный здѣсь портретъ Софін достаточно, чтобы убѣдиться въ справедливости описанія ея, сдѣланнаго Невиллемъ. Что же касается до достовѣрности гравюры, до сходства ея съ оригиналомъ, то и въ этомъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе. Вотъ любопытная исторія портрета Софін.

«Не теряя надежды со временемъ украсить свою голову короной, правительница хотѣла приготовить умы, и вскорѣ, какъ въ Москвѣ, такъ и за-границею, появились ея портреты (въ 1688 году) въ полномъ царскомъ облаченіи, съ пышною надписью, гласившею о ея царственныхъ добродѣтеляхъ. По окончаніи крымскаго похода, пріѣхалъ въ Москву ахтырскій полковникъ Иванъ Перекрестъ съ двумя сыновьями, тщательно воспитанными и хорошо образованными. Представленные вмѣстѣ съ отцемъ ко двору, они сказали обомъ

52) Newent deck tes Sibyrrien. Jena, 1690, стр. 11. —

53) The state of Russia. London, 1716, стр. 148. Der nord- und östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, стр. 222. Устряловъ, т. II, стр. 273—274.

государямъ рацію или поздравительную рѣчь, и по требованью Шакловптаго, чрезъ нѣсколько дней сочинили привѣтствіе и для царевны; она допустила ихъ къ рукѣ, слушала ихъ высокопородную рацію и была очень довольна. Это обстоятельство внушило Шакловитому мысль, при содѣйствіи учителя дѣтей Перекрестовыхъ, Яна Богдановскаго написать панигирикъ царевнѣ.

«Онъ призвалъ Богдановскаго и велѣлъ ему сочинить: «панигу къ похвалѣ великой государынѣ».—«Какую же похвалу написать?» спросилъ учитель. «Такую похвалу напиши, отвѣчала Шакловитой, что она великая государыня бунтъ утишила, монастыри строитъ, къ людямъ милостива и премудра». Богдановскій не отказывался, но для большаго блеска совѣтывалъ напечатать похвалу съ портретомъ царевны, давъ знать, что персона ея уже вырѣзана на мѣдной доскѣ старшемъ полковника Перекреста, и въ Черниговѣ есть мастеръ, нѣкто Тарасевичъ, который умѣетъ персоны печатать. За нимъ немедленно послали. Онъ пріѣхалъ въ Москву, и привезъ съ собою двѣ мѣдныя доски въ три четверти аршина: на одной было изображеніе обоихъ царей и царевны, съ двумя внизу всадниками, представлявшими, какъ изъяснялъ Перекрестъ, князя Голицына и гетмана Самойловича; на другой былъ какой-то скачущій молодецъ ⁵⁴⁾

О доскахъ этихъ Сильвестръ Медвѣдевъ въ розыскомъ дѣлѣ 7198 года (1690) показалъ: въ прошломъ-де въ 197 году, въ великій постъ пріѣзжалъ къ Ѳедкѣ ⁵⁵⁾ Шакловитому на дворъ ахтырскій полковникъ Иванъ Перекрестъ, а съ нимъ черкасы два человекъ, а привезли они на дворъ двѣ

54) Устряловъ, къ сожалѣнію, не привелъ ни одной выписки изъ подлиннаго розыскаго дѣла о Шакловитомъ, изъ того громаднаго свитка, гдѣ дѣло идетъ о портретѣ царевны Софіи. Къ счастью для насъ, въ Москвитинѣ за 1843 годъ, въ X номерѣ, въ отдѣлѣ матеріаловъ для русской исторіи, напечатанъ отрывокъ изъ этого дѣла, и именно тотъ, гдѣ дѣло идетъ о произведеніи Тарасевича съ товарищами.

55) Въ Московіи есть обычай, пишетъ Невиль, что по открытіи кого-нибудь въ участіи въ какомъ-нибудь политическомъ и иномъ преступленіи, не называютъ уже того *Fiedor* или *Théodore*, но даютъ ему кличку уменьшительную, что выражаетъ полное презрѣніе къ человеку. Relation 138.

доски мѣдныя, мѣрою четверти по-три аршинныхъ, да описание тѣхъ досокъ, книжекъ съ десять въ дестевыхъ тетрадахъ, а письмо тое книжки бѣлорусской печати, а на тѣхъ доскахъ вырѣзано: на первой въ началѣ отецъ и сынъ и святой духъ, а шже того персоны государей Ивана и Петра Алексѣвичей и сестры ихъ великой государыни Софїи Алексѣвны, а шже того персоны-жъ многихъ людей, а чьи, того не подписано, а на де доскѣ чловѣкъ на лошади, а другой съ заступомъ ⁵⁶⁾, и ныя персоны, а на низу написано: тца-нїемъ Даница да Якова Ивановыхъ дѣтей Перекрестовъ.

«А печатаны де тѣ листы, говорилъ самъ Перекрестовъ, на бумагѣ и на атласѣ, и на тафтѣ.» Пять листовъ изъ нихъ, напечатанные на атласѣ, вмѣстѣ съ книжкой поднесены были его сыновьями царевнѣ, за что и были допущены къ рукѣ. Старый полковникъ, по собственному сознанию, говорилъ Шакловитому, что изображеніе рѣзаны и печатаны старанїемъ не дѣтей его; «дѣти дѣлать того не умѣютъ, а пусть подпишетъ свое имя Юсифъ Богдановскій, ибо онъ старался о печатанїи ихъ.» На это Шакловитой отвѣчалъ: «тому учителю тѣхъ листовъ подписать не надѣбно для того, что онъ чловѣкъ незнатной, а дѣти его Перекреста хотя и не умѣютъ печатать, только де имъ пристойно подписать для того, что де они по немъ полковникѣ знатны.»

Всѣ напечатанные листы отданы были Тарасевичемъ и Богдановскимъ Шакловитому, который роздалъ ихъ (какъ показываетъ Медвѣдевъ), князю В. В. Голицыну, околицному С. Ѳ. Толочанову, ризничему Акиноу и другимъ, а кому, про то ни Перекрестовъ, ни Медвѣдевъ не упомянуть.

Правительница желала видѣть свою персону не вмѣстѣ съ братьями, а отдѣльно, и притомъ съ пышною арматурою: «у цесаря де римскаго, говорилъ Шакловитый, седмь курфистовъ рисуется вокругъ его портрета, тако на подобїе сего,

56) «Вырѣзано было, признавалъ къ ратному строю, и князь Василій Голицынъ на лошади, да бывшїй гетманъ Самойловичъ... и тѣми досками печатаны листы на бѣлгородскомъ подворьѣ, что въ Китаѣ, а сколько тѣхъ листовъ было напечатано, того онъ не упомянуть, только тѣхъ листовъ было напечатано меньше сотни.» (Показанїе Перекрестова.)

виѣсто семи курфирстовъ надобно сдѣлать семь даровъ, сирѣчь добродѣтелей великой государыни ⁵⁷⁾».

Объ этомъ Медвѣдевъ тайно переговаривалъ съ Ѳ. Шакловитымъ, наконецъ послѣдній повелѣлъ украинцамъ, привезеннымъ полковникомъ Перекрестовымъ, приняться за дѣло. Тарасевичъ съ товарищами дѣятельно трудились на загородномъ дворѣ наперсника Софіи, подъ Дѣвичьимъ полемъ. Они приготовили двѣ мѣдныя доски. На одной изъ нихъ представлена была Софія въ коронѣ, съ державою, скипетромъ и пышною вокругъ надписью. Она составлена была, по приказу Шакловитаго, Медвѣдевымъ. Передаемъ ее здѣсь, буквально, списывая съ нашей гравюры: *«Софія Алексѣевна Бжгію млітію Блгочестивѣйшая І вседержавнѣйшая великая ГдРня црвна І великая княжна, вся великія малыя и бѣлыя росіи сомодержица: московская киевская володимерская, новгородцкая, цРвна Астраханская цРвна сибирская: ГдРня псковская и великая княжна смоленская тверская юрская пермская ятцкая болгарская, и иныхъ, ГдРня І великая княжна по всі Города низовскихъ земель черниовская Резанская Ростовская Ярославская Белоозерская удоРская Обдорская кондинская, І вся сѣверныя стРаны повелительница, и ГдРня шверскіе земли каРталинскихъ и Грузинскихъ црей и кабардинские земли чеРкаскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отечественныхъ дпдичествъ ГдРни и наследница и обладательница.»*

Вокругъ надписи, Медвѣдевъ по просьбѣ Шакловитаго, придумалъ семь аллегорическихъ изображеній даровъ духа или добродѣтелей царевны: *«разумъ. целомудріе. правда. надежда Бжественная. великодушіе. щедрота. Благочестіе.»* Символь разума особенно замѣчательнъ: въ рукѣ, держащей свѣточъ сдѣланъ глазъ!

Впизу портрета тотъ же изобрѣтательный и даровитый, по своему времени, Медвѣдевъ сочинилъ витіеватую, папы-

57) Показанія на ахтырскаго полковника на Ивана Перекрестова, да на дѣлка, на Андрея Виніюса, Севьки Медвѣдева, что былъ старецъ Селиверстко.

щенную надпись, въ двадцати-четырехъ виршахъ или стихахъ ⁵⁸⁾. Приводимъ ее буквально.

Какова в црскомъ лицы премудрость сняетъ,
 Какова честь во чесѣхъ и вустѣхъ блистаетъ.
 Та твоимъ О россія: царствомъ обещанна,
 Отъ древнихъ дѣдовъ тебе защищать созданна.
 Та имени твоего крѣпкая защита,
 Вне о раннѣй варвару землѣ знакомита,
 Клятво преступныхъ знаменъ полки преломивша.
 И неукрощаемыхъ бордца умягчивша,
 Вначалѣ ея тріе монархи случились
 Садриакимъ звомъ вкрѣпки рати ополчились,
 Благочестье, надежда в Божіей десницы,
 Ту крайно: прославляютъ дѣвнчестін лицы,
 Правдодержанна сердцемъ велико желанна;
 И крѣпки рати вполе вести немотчанна,
 Ибо ревнителенъ смыслъ, и побѣдоносенъ.
 Дорованьми своимъ збѣю чюдоносенъ,
 Великодушна тцанья мраморы являютъ.
 Щедрю руку зданные храмы прославляютъ,
 Такова семирамись У ефрата жила.
 Яже вѣки памятно дѣло сотворила,
 Елпсавефъ Британска скипетро держащи.
 Пулхерія таковымъ Умомъ бѣмыслящи,
 Россіо: Аще царствы многими почтенна:
 Пред Благочестивою есп умаленна.

На другой доскѣ было вырѣзано, безъ всякаго сомнѣнія, въ честь Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго, изображеніе святаго мученика Ѳедора Стратилата, съ воинскою въ ногахъ сбруею, съ литаврами, знаменами, копьями и другимъ оружіемъ ⁵⁹⁾.

58) Въ сочиненіи надписи онъ самъ сознается въ розыскомъ дѣлѣ. Москвитянинъ, 1843 года. № X, стр. 388.

59) Показанія Медвѣдева, № 10, Москвитянинъ, стр. 388, 391. Показанія Перекрестова, стр. 392. Извѣстно, какъ кончилъ жизнь второй любовникъ Софін! Желябужскій такъ записалъ его смерть: Въ 1689 году пытанъ и казненъ вѣдомый поръ и *подыскатель* московскаго всего государствъ, «бывшій окольничій Ѳедька Шакловитой». Изд. 1840. Спб., стр. 22.

Съ обѣихъ досокъ печатались въ одно время оттиски на атласѣ, тафтѣ, объяри (плотной шелковой ткани), также и на бумагѣ. Они розданы по экземпляру, околышечему А. П. Ржевскому, В. С. Нарбскому и инымъ, разнымъ людямъ, имена которыхъ Медвѣдевъ и Перекрестовъ *запомнили* въ своихъ показаніяхъ.

Мы можемъ назвать одного изъ этихъ *запомненныхъ*, это былъ исковской воевода Петръ Алексѣевичъ Головинъ. Въ ризницы церковной, селѣ Дѣдновѣ, сохраняется между другими портретами современный портретъ Софій. Описывая этотъ портретъ, Казанскій приводитъ стихи Медвѣдева. называетъ портретъ *весьма замѣчательнымъ* и замѣчаетъ, что онъ былъ подаренъ Головину лично Софіей Алексѣевной ⁶⁰).

Правительница, очень довольная своимъ изображеніемъ, повелѣла Шакловитому щедро вознаградить Тарасевича и Богдановскаго съ ихъ товарищи. При отпускѣ ихъ изъ Москвы. наперсникъ царевны далъ имъ по сто рублей денегъ (на нынѣшній курсъ сто червонныхъ), да объярь, да атласъ, да по двѣ пары штукъ сукна, да по двѣ пары собольихъ шкуръ. Награждены были и ихъ челядинцы каждый (изъ трехъ человѣкъ) по три рубля *въ бумажкахъ*. Отдавая награды, Шакловитый объявилъ, что это имъ дано государево жалованье.

Желая исполнить тайное намѣреніе Софій, въ тоже время стараясь, по собственному сознанію, чтобы слава о великой государынѣ и за моремъ, и въ иныхъ государствахъ была бы великая, Шакловитый одинъ оттискъ портрета царевны послалъ въ Голландію къ амстердамскому бургомистру Николаю Витсену, съ просьбой снять съ него копію и надписать полное наименованье царевны вмѣстѣ съ виршами на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; стихи были сочинены Сплвестромъ Медвѣдевымъ.

Дьякъ Андрей Виніусъ, по собственному показанію, учп-

60) Смолр. соч. П. Казанскаго: «Село Новоспаское и родословная рода Головиныхъ». Москва, 1847 года, стр. 56—58. Книжка напечатана въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ.

пенному 5-го октября 1690 года: «опасаяся гнѣва великой государыни, царевны, а отъ него Оедьки какова нибудь зла, исполнилъ возложенное на него порученіе и образцовый листъ послать за море. Николай Витсенъ скоро прислалъ, отпечатанную имъ сотню портретовъ Софіи Алексѣвны ⁶¹⁾».

Чтобы покончить съ исторіей нашей гравюры замѣтимъ, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1841 годъ, томъ третій, помѣщена была о ней небольшая статейка. Такъ какъ немного было писано о произведеніи Тарасевича и это немногое указано нами, то нельзя умолчать и о статейкѣ 1841 года. «Намъ случайно попался портретъ Софіи, пишетъ Н. Полевой (?), портретъ, о которомъ дондѣшъ нигдѣ не встрѣчалъ мы извѣстія. *Полагаемъ*, что первоначально онъ былъ гравированъ за-границею.... работа обличаетъ руку искусную, а равно и тогдашнюю западную манеру гравировки. Экземпляръ портрета Софіи, находящійся у насъ, гравированъ уже въ позднѣйшее время въ Россіи, подъ нимъ вырѣзано имя гравера: «Гравировалъ Пятова воз: учен: А. Афанасьевъ.» По имени сего копировщика можно отыскать время перегравировки. Работа грубая, но манера и расположеніе «стампа не русскіе.»

Далѣе Полевой описываетъ портретъ, приводитъ стихи Медвѣдева, не зная впрочемъ, что они Медвѣдева, обращаетъ вниманіе на *полный царскій титулъ* Софіи, догадывается, что портретъ дѣланъ въ послѣдніе годы ея правленія, когда она, какъ увѣряетъ Полевой, «не знала мѣры гордости!» Статейка оканчивается слѣдующей выходкой автора: «Софію не могли удивить похвалы поэта. Поэты славли милосердіе Ауренгзеба, кротость Тамерлана. Кто-то сказалъ: что какими огромными кусками не подавайте лести — все проглотятъ.»

Не будемъ же удивляться и мы: болѣе полстолѣтія послѣ Софіи Алексѣвны, другая женщина далеко не столь замѣчательная, но гораздо счастливѣе первой, Елисавета Пе-

61) Показанія Сильвестра Медвѣдева, Федора Шаковитова, Лаврентія Блаженцова, и Андрея Виниуса. Москвитининъ 1843 года, № 10, стр. 386, 389, 395.

тровна слушала со слезами умиленія, лестъ архіереевъ, архимандритовъ, академиковъ, діаконъ, поповъ и другихъ. лестъ, предъ которою стихи Медвѣдева не болѣе какъ простой комплиментъ (см. Русское Слово 1859 года, № 2, 6 и 8).

Судя по портрету, слова де-ла Невилля совершенно справедливы. Наружность Софіи была далеко не привлекательна. Надо думать, что Тарасевичъ съ товарищи употребили все свое *тщаніе*, чтобы сдѣлать портретъ сходнымъ; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что они во многомъ старались польстить правительницѣ, сдѣлать ее лучше, нежели та была на самомъ дѣлѣ.

Если послѣдняя догадка справедлива, то какова же была Софія на самомъ дѣлѣ, когда на портретѣ фигура ея крайнѣ тучна, голова относительно плечъ безобразно широка, волоса жидки; кромѣ суровости, нѣтъ ни малѣйшаго выраженья въ ея лицѣ ума гибкаго и необыкновеннаго. Черты фізіономіи грубы.... Если вполнѣ вѣровать въ искусство граверовъ и печатниковъ того времени, и если судить по сдѣланному ими портрету, то Софія была даже коса, недостатокъ, о которомъ не упоминаютъ ни одинъ изъ современныхъ и позднѣйшихъ писателей.

Въ кабинетѣ Петра Великаго, по словамъ Бѣльева. висѣлъ портретъ Софіи; судя по немъ, царица, пишетъ Бѣльева, кромѣ ума отличалась еще красотою. Портретъ этотъ, писанный масляными красками и висящій въ петровской галлерей, вовсе не показываетъ, по нашему мнѣнію, чтобы правительница была красавицею; впрочемъ она изображена на немъ лучше, нежели на нашей гравюрѣ. Надо думать, что портретъ писанъ гораздо позднѣе смерти Софіи съ гравюры, и, по заведенному обычаю, нещадно украшенъ живописцемъ, у котораго не поднялась кисть, чтобы сдѣлать царицу, сестру его величества, такъ какъ она была на самомъ дѣлѣ ⁶²⁾.

62) Кабинетъ Петра Великаго, соч. О. Бѣльева. Сиб. 1793 года, стр. 160. Въ академической библіотекѣ, въ читальной залѣ, виситъ копія съ ея портрета, масляными красками.

Въ Пантеонѣ россійскихъ авторовъ, изданія П. Бекетова⁶³⁾, помѣщенъ портретъ Софін, гравированный Н. Розонымъ; она представлена въ вѣнцѣ и горностаевой шубѣ. Лицо пріятно, черты лица довольно тонки и правы, весь бюстъ пропорціаналенъ и статенъ. Нечего и говорить, что этотъ портретъ произведеніе фантазіи, какъ и большая часть портретовъ въ этомъ изданіи, гдѣ, напримѣръ, вы найдете даже портреты Ольги, бабки св. Владиміра, лѣтописца Нестора и имъ подобныхъ *русскихъ авторовъ*.

Съ гравюры Тарасевича, снята была копія въ царствованіе Екатерины II. Подъ гравюрой подпись: «Гравировалъ Пятова воз. учен. А. Афанасьевъ.» Копія эта была отпечатана въ самомъ небольшомъ числѣ экземпляровъ; о нейто говорятъ Полевой; подобный же экземпляръ хранится въ публичной бібліотекѣ. Экземпляръ, намъ принадлежащій, безъ всякаго сомнѣнія, также копія Афанасьева, имя его оторвано съ нижнимъ лоскуткомъ бумаги.

Остановимся на *копін* съ гравюры Тарасевича, равно и на копировальникѣ *Афанасьевъ*⁶⁴⁾. Афанасій Афанасьевичъ

63) Москва, изданіе 1801 года, стр. 17.

64) Пользуемся въ этомъ случаѣ запиской, доставленной намъ П. И. Петровымъ. У Петра Николаевича извлечены изъ дѣлъ архива академіи художествъ, также и изъ другихъ источниковъ извѣстія о сотнѣ отечественныхъ художниковъ; изъ этого числа почти половина граверовъ, о которыхъ не упоминалось нигдѣ. Мы читали составленную г. Петровымъ весьма интересную біографію Е. Чemezова, славнаго гравера временъ Елизаветы. Біографія эта явится въ ближайшей книжкѣ Русскаго Слова. «Евграфъ Петровичъ Чemezовъ, рассказываетъ поэтъ нашъ Державинъ въ своихъ запискахъ, какъ известно всѣмъ, былъ первый, славнѣйшій граверной художникъ въ имперіи. Онъ принималъ меня весьма ласково, ради ободренія молодого человѣка, хвалилъ мои рисунки, которые на дѣлѣ были сухая дрянь, всячески поощрялъ трудиться, приказалъ ходить къ себѣ чаще, обѣщавъ чрезъ И. И. Шувалова дать мнѣ возможность упражняться въ наукахъ. Но такъ какъ при Петрѣ III (1762 годъ) были безпрестанно ротвыя да батальонныя ученія, никому отъ команды отлучаться было нельзя (Державинъ былъ солдатъ преображенскаго полка), то я и не имѣлъ времени посѣщать Чemezова; покровители же, который бы могъ выхлопотать мнѣ увольненіе у ротнаго командира, не имѣлъ. Вотъ почему я и долженъ былъ, хотя и не хотѣлъ, выкинуть изъ головы науку» и т. д. Академикъ Чemezовъ умеръ въ 1765 году. Записки Державина, ч. I, стр. 17. *Русская Бесѣда*. 1859, № 1.

Афанасьевъ сынъ солдата команды зимняго дворца, Афанасья Васильева, родился 16-го февраля 1758 года. Шести лѣтъ поступилъ въ первой возрастъ учениковъ академіи художествъ, въ 1764 году. Съ переходомъ въ четвертый возрастъ, поступилъ, въ 1773 году, въ гравировальный классъ, гдѣ и пользовался уроками талантливаго Эрикеса (Benoi Louis Henriquez, ученикъ Charles Dupuis, р. 1732—1806 года). Въ 1775 году Эрикесъ, расходясь во многомъ съ тогдашними академиками, оставилъ Россію и его мѣсто занялъ, только что пріѣхавшій изъ Парижа, пансіонеръ академіи Степанъ Ѳадѣевичъ Ивановъ (ученикъ Ламперёра). Подъ руководствомъ Иванова, Афанасьевъ исполнилъ (въ 1775 году) «дѣвочку съ куклою» съ *Греза*, и потомъ портретъ царевны Софіи, скопировалъ его для упражненія въ искусствѣ владѣть рѣзцемъ (въ 1777 году). Эстампъ выполненъ au-burin на мѣди, къ годовичному экзамену и на выставкѣ того года (съ 28-го іюня по 8-го іюля) продавался по тридцати копеекъ за экземпляръ. Портретъ Софіи копированъ не съ голландскаго, а московскаго оригинала Тарасевича, это видно изъ того, что копія Афанасьева во многихъ мелочахъ расходится съ голландскимъ подлинникомъ, надпись расположена не такъ, притомъ титулъ вокругъ портрета видимо копированъ съ славянской надписи 1689 года, а не съ латинскаго перевода.

Въ 1779 году, съ аттестатомъ художника и серебряной медалью Афанасьевъ вышелъ изъ академіи. Послѣдующія работы мало извѣстны, притомъ и ходъ ихъ не послѣдователенъ. Послѣ 1809 года имъ исполненъ портретъ И. А. Навылина, учредителя старообрядческой богадѣльни въ Москвѣ (умеръ 1809 — пунктиромъ). Какъ бы то ни было, но старецъ Афанасьевъ былъ еще живъ въ 1832 году; имъ исполнено пунктировкой изображеніе святителя Митрофана воронежскаго. Тотъ же Афанасьевъ работалъ при Московскомъ Телеграфѣ: имъ гравированы копіи съ разныхъ картинъ въ очеркахъ, прилагавшіяся къ книжкамъ сего журнала.

Что касается до голландскаго изданія гравюры Тарасевича, которое можно видѣть въ витринѣ Лариской залы.

въ публичной библіотекѣ, то вотъ что сказано объ немъ въ одномъ изъ новѣйшихъ изданій ⁶⁵⁾ каталога Миллера:

Sophie impératrice, par Bloteling: Sophie Alexiovna: à mi-corps, vue en face, tournée a gauche, tenant le sceptre dans la main droite, le globe en main gauche. Elle est représentée la couronne sur la tête, revetue d'un riche manteau, orné de pierreries, derrière elle une gardine; dans le lointain les murailles du Kreml. En ovale, dont le bord contient une ample inscription latine de 3 lignes, contenant tous les titres de Czarienne, commençant: *Sophia Alexiovna, Dei gratia.... Magna Domina Carevna ac Magna Kniazna:.. paternarum hereditatum et Domina Successorq, dominatrix*. En haut de l'ovale le soleil et deux Anges; autour de l'ovale 7 médaillons, qui représentent les emblèmes des 7 vertus capitales: Magnanimitas, Liberalitas, Pietas, Prudentia; Puticitia, Justitia, Spes Divina. Sous le cercle se trouvent 24 vers latins en lettres cursives, en 2 colonnes, commençant: «*Qualis in Augusto fulget Sapientia vultu* et finissant: *Augusta minor et inferiorque tua*, par A. Bloteling. folio. Très belle copie à la plume de cette planche presque unique, двадцать талеровъ. Ce beau portrait est sous plusieurs de rapports une des planches les plus curieuses, qui existent....»

«Царевна Софія, продолжаетъ Миллеръ, послѣ комплеяціи о жизни правительницы, во время высшаго могущества своей власти велѣла награвировать свой портретъ, считая себя въ уровень съ братьями, императрицей. Оригиналъ съ стихами и надписью, переведенною на латинскій языкъ посланъ былъ изъ Москвы въ Амстердамъ, откуда все изданіе голландское, безъ сомнѣнія въ полномъ составѣ, отправлено въ Россію, гдѣ и роздано было важнѣйшимъ сановникамъ. Петръ, принявъ власть въ свои руки, не медля позаботился объ уничтоженіи ненавистнаго для него портрета: его искали съ большимъ усердіемъ, отбирали вездѣ съ большимъ тщаніемъ, отчего и происходитъ необык-

65) Essai d'une bibliographie Néerlandaise-Russe. Amsterdam. F. Muller. 1859, въ 8-ю д. л. VI отд. Portraits et planches. N° 2, supplément N° 183, стр. 167.

новенная рѣдкость этой гравюры. Мы ее не могли нигдѣ пріобрѣсть и только найдя одинъ экземпляръ въ драгоценной коллекціи J. T. Bodel Nyenhuis въ Leide, воспользовались его позволеніемъ и сняли копію. Le prince A. Labanoff de Rostoff владѣетъ двумя экземплярами: голландскаго и русскаго изданія». Эти-то экземпляры и пожертвованы княземъ въ публичную бібліотеку.

Еще разъ назвавъ Афанасьева, мы вспомнили слѣдующій фактъ, дающій понятіе о томъ, съ какою небрежностью общаются у насъ иногда историческія и бібліографическія замѣтки. Г. Кукольникъ, компилируя отрывочныя извѣстія о русскихъ граверахъ стараго времени изъ книги *Фіорилло*, говоритъ слѣдующее ⁶⁶⁾: *Афанасьевымъ наравированъ портретъ какого-то русскаго государя, окруженный семью маленькими аллегорическими сценами, очень посредственная гравюра*. Эта очень посредственная гравюра и этотъ государь — царевна Софья Алексѣевна.

Вотъ главнѣйшіе портреты Софін, находящіеся въ коллекціи публичной бібліотеки.

1) Портретъ чернымъ манеромъ. Поясное изображеніе въ овалѣ, голова въ лѣвую сторону; волосы надъ правымъ ухомъ подобраны подъ корону. Корона съ крестомъ, съ волнистыми прорѣзами, тулья выпуклая. На шеѣ подъ самымъ подбородкомъ ожерелье, высокій и косой воротъ вдвое обшитъ позументомъ. Костюмъ усыпанъ жемчугомъ и камнями. Подъ пьедесталомъ подпись:

Царевна Софія Алексѣевна
дочь Государя Царя
Алексѣя Михайловича.

Та же подпись начертана на французскомъ языкѣ.

2) Другой портретъ, тоже позднѣйшей гравировки, и именно P. Cathelin, сдѣланъ подобно предъидущему въ овалѣ. Голова обращена въ правую сторону, въ коронѣ. Самая корона гораздо простѣе, яблочко, вѣнчающее обручи короны, не украшено крестомъ. Волоса густые, роскошными

66) Художественная газета 1888 года. № 15, стр. 471—472.

волнами ниспадають по плечамъ. Лицо полное, необыкновенно красивое, особенно хороши глаза темные, большіе, выразительные. Брова густыя, костюмъ довольно схожій съ тѣмъ, который изображенъ на гравюрѣ работы Тарасевича. Подпись у Р. Cathelin: «Софія Алексѣевна царевна и великая княжна всероссійская.»

Гравюра Cathelin послужила оригиналомъ для многихъ портретовъ Софіи, помѣщенныхъ въ различныхъ изданіяхъ: таковы гравюры *Розонова* въ Пантеонѣ Бекетова, какого-то француза въ исторіи Россіи Леклерка 1787 года, парижское изданіе и проч. Портретъ, помѣщенный Фридебургомъ въ изданіи: «Царствующій домъ Романовыхъ» въ пятнадцатой и шестнадцатой тетрадяхъ, Санктпетербургъ, 1853 года, изображаетъ Софію необыкновенною красавицею. Хотя подъ нимъ и подписано, что онъ снятъ съ портрета, находящагося въ московскомъ новодѣвичьемъ монастырѣ, но онъ весьма сходенъ съ произведеніемъ Р. Cathelin и во всякомъ случаѣ далекъ отъ подлинника ⁶⁷⁾.

Обращаюсь къ гравюрѣ Тарасевича. Нарядъ въ которомъ представлена здѣсь Софія, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ, въ которые она обыкновенно облачалась въ торжественные дни приѣма пословъ и тому подобное. Такъ, напримѣръ, въ 1684 году при приѣмѣ шведскихъ пословъ «царевна сидѣла въ своемъ *государскомъ* мѣстѣ, въ креслахъ оправныхъ, съ запанамъ алмазными; она была въ вѣнцѣ, низанномъ изъ жемчуга съ запанамъ и въ шубѣ оксамитной (парчевой, бархатной или атласной) золотной, опушенной соболями, обложенной большимъ кружевомъ» и т. д. ⁶⁸⁾.

67) Изъ записки, сообщенной о портретахъ Софіи П. Н. Петровымъ.

68) Въ архивѣ оружейной палаты, въ Москвѣ, И. М. Снегиревымъ найдена слѣдующая опись всего костюма царевны Софіи Алексѣевны: Шапка ласья, горлатная, опашни сукно скорлать алый, круживо и нашивка золота веревчата, подушка тафта ценнина безъ пуговиць, а въ 7183 году на этотъ опашень нашиты пятнадцать пуговиць золотыхъ съ яхонтики червчаты, въ закрѣпкахъ искорки алмазные. Ел шубки бархатная венецйская цю червчатой землѣ, травы и рѣки золоты, подкладка тафта ала. Сверхъ того, шубокъ атласныхъ два; обьяринныхъ золотныхъ четыре; лѣтниковъ обьяринныхъ и атласныхъ девять; атласныхъ и камчатныхъ семь; холодныхъ обьяринныхъ, атласныхъ и камчатныхъ шестнадцать; одѣялъ теплыхъ два,

Странное сочетаніе портретовъ царевны съ изображеніемъ великомученика Федора, встревожило князя В. В. Голицына. Онъ опасался, чтобы любовь къ нему Софія не остыла. При всемъ своемъ умѣ и образованіи суевѣрный, преданный предразсудкамъ своего времени, онъ прибѣгнулъ къ чародѣйству; одинъ изъ его крестьянъ, знавшій тайную силу травъ, давалъ ему коренья, которые онъ клалъ: для *прилюбленія* въ кушанья, подносимыя царевнѣ. Дорого заплатился колдунъ за свое знанье и усердіе: князь, по свидѣтельству Медвѣдева, свидѣтельству подтвержденному другими лицами, велѣлъ сжечь знахаря въ банѣ, чтобы не было отъ него *проносу*.

Вообще Голицынъ былъ чрезвычайно суевѣренъ, вслѣдствіе чего фанатически преслѣдовалъ мнимыхъ чародѣевъ. Такъ, напримѣръ, онъ слѣпо вѣровалъ въ *выниманіе слѣда*, въ одно изъ безумнѣйшихъ изъ всѣхъ суевѣрій, которое къ сожалѣнію существуетъ еще и нынѣ, между простымъ народомъ. Операция эта производится такимъ образомъ: чловѣкъ имѣющій непримиримаго врага, старается подмѣнить слѣдъ его, который вырѣзавъ ножомъ, скрываетъ подъ *матцу*, или князекъ. В. В. Голицынъ вполне раздѣлялъ убѣжденіе народа, что отъ сего врагъ начнетъ сперва тосковать, а потомъ сохнуть, а ежели слѣдъ будетъ сожженъ въ глухую полночь въ банѣ, то онъ неминуемо умретъ.

холодныхъ два. (Памятники московскихъ древностей. Москва, 1842 года, стр. 297.)

Между прочими замѣчательными вещами въ петровской залѣ, въ эрмитажѣ, сохраняется очень дорогой, изъ слоновой кости туалетъ царевны Софіи, съ зеркаломъ, множествомъ ящичковъ и т. п. принадлежностей. Все это показываетъ, что не смотря на свою наружность, болѣе нежели прекрасную, правительница была *щеголиха* своего времени.

Въ оружейной палатѣ въ Москвѣ хранится между другими портретами одно изъ древнѣйшихъ изображеній Софіи Алексѣевны. Въ академической библіотекѣ также вывѣшенъ большой портретъ, масляными красками писанный Виткиндомъ въ началѣ минувшаго вѣка.

Описывая такъ называемый потѣшный дворецъ въ Москвѣ, И. М. Сегиревъ (Памятники московскихъ древностей, стр. 308—311) сообщаетъ интересные подробности о драматическихъ представленіяхъ прошлаго времени и соучастіи въ нихъ Софіи. О томъ же смотр. у *Туманскаго*: Собраніе записокъ къ исторіи Петра I. Спб. 1787, ч. VII, стр. 299; въ *Древней Вавлюемкѣ*, ч. VIII и IX.

Въ 1689 году, по челобитью суетѣрнаго князя, въ земскомъ приказѣ преданъ истязаніямъ пытки, рванъ на огнѣ, П. П. Бунаковъ за то, что онъ вынималъ у него слѣдъ. Несчастный, обливаясь кровью, говорилъ, что упалъ онъ, идя въ свитѣ за княземъ потому, что его хватилъ утипъ (родъ падучей болѣзни), а землю взялъ онъ и завязалъ въ платокъ потому, что и прежде это дѣлалъ во время припадковъ, думая что это помогаетъ ⁶⁹⁾.

Приближенные къ князю, зная и вполнѣ раздѣляя его суетѣріе, доносили ему о всѣхъ предсказаніяхъ и проч. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ грамотки къ нему приказчика его Матвѣя Боева, помѣщенной во «Временникѣ». Августа 8-го, доноситъ Боевъ, по указу царя Ѳедора Алексѣевича, приведенъ былъ Иванъ Кириловъ Нарышкинъ въ городъ къ рундуку, что предъ грановитою палатою, и около его сотникъ съ стрѣльцами. Читалъ вины его думной В. Семеновъ: «говорилъ-де ты, Иванъ, держальнику своему Ивашкѣ Орлу про царское величество, при лѣкарѣ Давыдкѣ: ты де Орелъ старый, а молодой де Орелъ на заводи ходитъ; и ты его убей изъ пищали, а какъ ты убьешь, и ты увидишь къ себѣ отъ государыни Натальи Кириловны великую милость, и будешь взыскашь и отъ Бога тѣмъ, что у тебя и на умѣ нѣтъ; и держальникъ твой Ивашка Орелъ тебѣ говорилъ: убилъ бы, да нельзя, лѣсъ тонокъ, а заборъ высокъ, и Давыдко въ тѣхъ словахъ пѣтанъ и клещами, и огнемъ жженъ многожды..... и за такія твои страшныя вины и ворворство тебя бить кнутомъ, и огнемъ, и клещами жечь, и смертію казнить и проч.»

Въ румянцовскомъ музеумѣ хранится весьма любопытное рукописное сочиненіе А. Малиновскаго, поднесенное имъ въ 1816 году императору Александру Павловичу: «Біографическія свѣдѣнія о управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министровъ. Въ листъ. — Странно, что это весьма любопытное сочиненіе не было напечатано. Отрывокъ изъ помѣщенной здѣсь біографіи Василія Васильевича напеча-

69) Записки Желябужскаго, 1840 года, стр. 21, 22, 259, 260. Разсказъ его повторенъ многими историками.

танъ въ седьмой части: «Труды и лѣтописи общества исторiи и древностей руссiйскихъ.» Москва, 1837 года стр. 65—85. Въ рукописи Малиновскаго мы находимъ слѣдующій рассказъ о суетвѣри Голицына. «Когда огласилось въ Москвѣ странное ученiе выѣхавшаго въ Россiю извѣстнаго мечтателя Квирина Кульмана, то князь самъ пришелъ его допрашивать. Вдругъ Кульманъ впалъ въ изступленiе, началъ пророчествовать и возглашать свои откровенiя, угрожалъ миллионами ангеловъ мстителей, если только его предатутъ истязанiямъ..... Перепуганный князь приказалъ съечь его нещадно батогами и едва живаго поспѣшилъ публично сжечь на Болотѣ, въ Москвѣ.» Затѣмъ, говоритъ Малиновскiй, разославъ были пограничнымъ воеводамъ строгiя повелѣнiя, чтобы они безъ судебного приговора и, не испросивъ особеннаго царскаго указа, не впускали бы въ Россiю ни единаго иностранца.»

Послѣднее извѣстiе, не подтверждаемое другими изслѣдованiями, и вовсе не согласное съ тѣмъ, что повѣствуетъ о В. В. Голицынѣ его современники, не заслуживаетъ вѣроятiя.

Владѣя портретомъ Софiи, копия съ Тарасевича ⁷⁰⁾, мы, къ сожалѣнiю нигдѣ и никакъ не могли отыскать его же работы изображенiя Василя Васильевича Голицына, о портретѣ котораго мы говорили выше. Къ счастью А. Малиновскiй поручилъ съ имѣвшагося у него подлинника Тарасевича снять копию. Литографiя картины Тромшина и была приложена къ статьѣ Малиновскаго въ 1837 году, часть VII. «Труды и лѣтописи общества исторiи.» Какъ свидѣтельствуетъ самъ Малиновскiй, копия снята съ строжайшимъ соблюденiемъ всѣхъ мелочей подлинника ⁷¹⁾.

Такъ какъ изданiе «Трудовъ общества исторiи» прежнихъ годовъ положительно неизвѣстно большинству публики, то мы и рѣшились подлѣ достовѣрнѣйшаго портрета Софiи, помѣстить столь же достовѣрное изображенiе ея знамени-

70) Въ публичной библиотекѣ есть современная копия, съ него дѣланая, какъ мы уже говорили, въ Амстердамѣ, Anton von Blooteling.

71) Тарасевичъ былъ ученикъ *Килтона*, вмѣстѣ съ нимъ трудился въ Аугсбургѣ, въ 1655 году, при изданiи *Rosarium Beatae Mariae Virginis* (Nagler's Künstler-Lexikon).

таго любовника, князя Василія. Его лицо полное ума, выразительности, красоты и предприимчивости невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Вотъ его титулъ, помѣщенный на рамкѣ: «царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель и намѣстникъ новгородскій, ихъ царскаго величества ближній бояринъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ.»

Подъ портретомъ его, къ гербу, изображающему всадника, скачущаго на конѣ, напечатано въ два столбца восьмистишіе; по словамъ Малиновскаго, сочиненное Софіей Алексѣвной:

На Пречестный Клейнотъ Гербовный Князей
Голициновъ.

Камо бѣжиши воинне избранный,
Многажды славнѣ честію вѣнчанный,
Трудовъ сиевыхъ, и воинской брани,
Вѣчно ти славы дотекше престани.
Не ты, но образъ князя преславнаго,
Во всякихъ странахъ, здѣ начертаннаго,
Отнынѣ будетъ славою сіяти,
Честь Голициновъ вездѣ прославляти.

Какъ извѣстно, Голицынъ былъ очень богатъ. При конфискаціи его имѣнія найдено было въ его погребѣ, въ землѣ, 100,000 червонныхъ, болѣе 100 пудовъ серебряной посуды. Онъ имѣлъ двѣ булавы: одна отнята имъ у гетмана Дорошенки, получившаго ее въ даръ отъ турецкаго султана Солимана XVIII, а другая пожалована ему царями Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами при отправленіи его въ Крымъ.

Съ одной изъ этихъ булавъ онъ изображенъ на портретѣ. У бедра виситъ мечъ, послѣ торжественнаго освященія, подаренный ему царями.

При рукописи Малиновскаго приложенъ этотъ же портретъ превосходно скапированный перомъ, но безъ арматуры, титла и стиховъ ⁷²⁾.

72) Портретъ В. В. Голицына былъ снятъ съ изданія Малиновскаго и приложенъ къ весьма немногимъ экземплярамъ изданій г. Сергеевскаго: «За-

Нужно замѣтить, что всадникъ, или *полюя*, до нынѣ составляетъ фамильный гербъ Голицыныхъ, заимствованный, по происхожденію ихъ отъ Гедимина. «Перестань скакать, остановись, достигнувши славы воинской послѣ столькихъ трудовъ: не ты, но образъ славнаго всюду князя, здѣсь начертанный, будетъ сіять отнынѣ славою и прославлять Голицыныхъ, которымъ не нужны послѣ сего княжескіе гербы», вотъ что хотѣла сказать Софія, если точно она писала сіи стихи. Любопытно, что Полевой, сомнѣваясь въ *стихотворическомъ* дарованіи Софіи, утверждаетъ, что и портретъ Голицына первоначально былъ гравированъ за границую, ибо чѣмъ иначе, спрашиваетъ Полевой, если не незнаніемъ русскаго языка, объяснить ошибку въ имени *Голицыновъ*?

Въ заключеніе нашей статьи скажемъ: если наружность Софіи не возбуждала никакихъ похвалъ со стороны, ея современныхъ почитателей, за то умъ ея, о которомъ мы такъ много говорили, вызывалъ самыя восторженныя похвалы. Для насъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно важенъ отзывъ Сильвестра Медвѣдева: отъ природы краснорѣчивый, исполненный ума остраго, обогащеннаго чтеніемъ, ученикъ Симеона Полоцкаго въ дѣлѣ стихотворства, любимецъ царя Ѳедора, съ которымъ онъ переписывался и зачастую проводилъ время въ бесѣдахъ; другъ Шакловитаго, довѣренное лицо Софіи, онъ кромѣ богословскихъ сочиненій составилъ: лѣтописную «книгу о правленіи царевны Софіи съ 7190 года» ⁷³⁾, Созерцаніе краткое лѣтъ 7190 — 7192, въ

писки о родѣ князей Голицыныхъ. 1652 года.» Экземпляры эти были разосланы, если не ошибаюсь, только членамъ фамиліи, и мы приобрѣли одну книгу (съ портретами) за пятнадцать рублей серебромъ.

73) Словарь историческихъ писателей духовнаго чина, соч. митрополита Евгенія. Изд. 1827 года, т. II, стр. 42—44. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей. Москва, 1846 года. № 3, стр. 1—33. О Медвѣдѣвѣ, статья Ундольскаго. Словарь достопамятныхъ людей *Б. Каменскаго*, 1836 года, т. II, стр. 56—74. 1847 года изд., стр. 264 въ III т. Древняя Россійская Библиотека *Н. Новикова*. Изд. 1788, т. VI, стр. 390—397. Le père Silvestre, moine Polonois, grec de religion est homme tres habile, приобрѣлъ общее уваженіе и почетъ. Получа званіе патріарха, которое отъ него недалеко, онъ думаетъ присоединить церковь православную къ католической. Relation curieuse, 1689 года, стр. 162. Невиля.

нихъ же что содѣялся въ гражданствѣ. «Сочинялъ разные стихи: брачное привѣтствіе царю Теодору, плачь и утѣшеніе Россіи о кончинѣ сего государя, эпитафію Симеону Полоцкому, вырѣзанную на его камнѣ надгробномъ и эпистолу царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ, при поднесеніи ей, въ 1685 году, на утверженіе устава московской академіи, сочиненнаго Симеономъ Полоцкимъ ⁷⁴).

Человѣкъ умный, онъ естественно могъ цѣнить умъ, способности и благое стремленіе къ просвѣщенію въ Софіѣ Алексѣевнѣ. Вотъ почему похвалы его въ этомъ отношеніи исполнены сердечной теплоты и едвали не вполне вѣрны. Приведемъ для любопытства нѣсколько стиховъ изъ двухъ сотъ тридцати четырехъ строчной эпистолы историка, богослова, поэта и перваго русскаго библіографа Медвѣдева къ Софіѣ Алексѣевнѣ, эпистолы напечатанной въ VI томѣ древней россійской Вивлюэнки :

«Вѣру, надежду, любовь сохраняешь» говоритъ Медвѣдевъ въ своемъ посланіи къ Софіи,

Милость, правду, судъ цѣло соблюдаешь ;
 Мудрость, мужество и мѣрность имѣешь,
 И духомъ святымъ въ благодати спѣешь.....
И совершенства усердно желаешь,
 Въ добродѣтелѣхъ выну поступаешь.....
 По имени ты жизнь твою ведешь,
 Дивная речеши, мудро дѣяши,
 Слично Софіи выну мудрой жити,
 Да вещь съ именемъ точна можетъ быти.
 Премудростью во вселеннѣй славна,
 Въ милосердіи ко всѣмъ намъ прехвальна.
Мудрыхъ и блажхъ ты любительница,
 Милостію всѣхъ снабдительница.
 Сама ты Богомъ самимъ умудренна,
 Премудростью свыше предпочтена.

74) «Вѣдомой воръ Сенька Медвѣдевъ, по градскому закону, въ 1691 году огнемъ и бичами и прочими испытаньями истязанъ и за многая бо зло дѣйственная своя умышленія главоотсѣченъ бысть на площади, февраля 11-го. Современное сочиненіе, напечат. Москвитиниъ 1843 года, № IX, стр. 145—147. Записки Желябужскаго, стр. 26.

Яже мудрость ты учить божественнымъ,
 Сущимъ духовнымъ выше естественнымъ.....

Слѣдующія строки особенно замѣчательны:

Яко же Ольга свѣтъ вѣры явила,
 За еже небо вѣчно уллучила ;
 Тако и ты свѣтъ наукъ лвити
Хочешь въ Россіи, и въ небѣ въ вѣкъ жити.
 Вѣдяще яко безъ пищи пребыти,
 Не съѣтъ безъ тока водѣ исходити,
 Или безъ очесъ ясный день свѣтъ зрѣти,
 Безъ души убо живу кому быти :
Тако разумну бытъ безъ ученья,
И безъ прильжна всѣмъ попеченія!.....
 надъ нами чужеземцы смпются,
Яко безъ свѣта сущимъ ругаются!....
 Мнози въ Россіи прежде тебя быша,
 Веліи князи и цари пожиша ;
 Монастыри и иная создаху,
 И тѣмъ тѣ славу си приобрѣтаху,
 Но ни едину той даръ Богъ подати
 Изволилъ, мудрость россамъ показати,
 Аще и много тщаніе твориша
 О томъ, а въ дѣлѣ того не явиша.....
Тобою перва здѣ мудрость явился,
Тобою мудрость весьма возлюбися.
 Тоя отъ тебе свѣтъ нача сіяти,
Въ Москвѣ невѣжества темность прогоняти!!....

МИХАИЛЬ СЕМЕВСКІЙ.

1859, октября 16-го.

АВСТРІЯ СО ВРЕМЕНИ РЕВОЛЮЦІИ 1848 ГОДА.

Статья вторая.

IV.

Если станемъ принимать безусловно видимые факты, не обращая вниманія на ихъ послѣдствія, то политика австрійскаго правительства въ восточномъ вопросѣ была самымъ счастливейшимъ моментомъ въ новой исторіи этого государства. Съ 1848 года вѣнскій кабинетъ, осажденный страшными революціями, поддерживаемый своимъ, преимущественно славянскимъ населеніемъ, спасенный окончательно славянскою державою, успѣлъ также счастливо пзвернуться и въ Италіи и въ Германіи отъ временныхъ неудачъ, постигшихъ его такъ неожиданно.

Но это временное торжество Австріи въ восточномъ вопросѣ было не полно: она тяготилась великодушною помощію сосѣда, на которую смотрѣла какъ на упрекъ своимъ замысламъ относительно дунайскихъ княжествъ.

Положеніе Австріи, которое заняла она въ началѣ восточнаго вопроса, было для нея не предвидѣннымъ. Она сама, если вспомнимъ, находилась не совсѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Турціей, христіанское населеніе которой, угнетаемое мѣстными властями, не однократно вызывало посредничество Россіи. Въ эпоху же посольства князя Меншикова случилось обстоятельство, которое не могло не удивить южныхъ славянъ, привыкшихъ смотрѣть на Австрію, какъ на отъявленную гасительницу славянскихъ народностей.

Странный случай этотъ, какъ мы видѣли, состоялъ въ томъ, что Австрія безкорыстно приняла сторону черногорцевъ, какъ бы предупреждая на этомъ пути тоже самое намѣреніе со стороны Россіи. Но это доброжелательство австрійскаго двора къ горсти славянскаго племени, и еще православнаго, не вдругъ обрисовалось вполнѣ, а постепенно, и не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно высказалось сначала, а между Дунаемъ и Прутомъ, въ румынскихъ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, куда вступили уже наши войска послѣ формальнаго разрыва съ Турціей.

Одновременно съ военными дѣйствіями на Дунаѣ, не менѣе дѣятельно развивалась и кипѣла другая война, война дипломатовъ, главнымъ проводникомъ которой была австрійская полтика. Она съ изумительнымъ умѣньемъ двигала и направляла движеніями западныхъ державъ, содѣлалась необходимою посредницею между Россіей и союзными правительствами и всѣ свои дѣйствія сѣумѣла направить къ тому, что бы занять наше мѣсто въ княжествахъ, которыя спасти отъ ея вліянія можно было посредствомъ весьма серьезныхъ мѣръ.

Не станемъ останавливаться на подробностяхъ конференцій, бывшихъ въ Вѣнѣ, на трактатахъ Австріи съ Пруссіей и Портой Оттоманской и на обмѣнѣ дипломатическихъ нотъ съ Франціей и Англіей. Вся эта дипломатическая дѣятельность австрійскаго правительства клонилась къ одной неизбѣжной цѣли, — къ скорѣйшему занятію Молдавіи и Валахіи. Главный шагъ ея къ этому занятію былъ сдѣланъ протоколомъ 9-го апрѣля 1854 года, который окончательно сблизилъ ее съ западными державами. Австрія этимъ неограничилась. Принимая нужныя мѣры, чтобы занять княжества, она старалась также склонить на свою сторону Пруссію, чтобы, въ случаѣ занятія княжествъ, оградить границы свои отъ вторженія русскихъ войскъ. Это было причиною заключенія между ею и Пруссіей оборонительнаго и наступательнаго союза, подписаннаго въ Берлинѣ 20-го апрѣля 1854 года. Въ этомъ трактатѣ Австрія, только въ такомъ случаѣ предполагала возможность прямаго разрыва съ Россіей, когда эта послѣдняя держава, отказавшись очистить

княжества, двинетъ войска свои къ Балканамъ. Тогда только Австрія имѣла намѣреніе начать свои наступательныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого тайнаго трактата, вынужденнаго, какъ послѣ оказалось, у прусскаго кабинета, графъ Буоль предложилъ петербургскому двору, *во имя германскихъ интересовъ*, очистить княжества, не назначая впрочемъ срока выступленія оттуда войскъ нашихъ. Не ожидая рѣшительнаго отвѣта на это предложеніе, вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ заключить съ Турціей особенный трактатъ (отъ 14-го іюня), для временнаго занятія княжествъ. Полки ея готовились уже перейти границу Трансильваніи, когда Пруссія первая воспротивилась этому вторженію и грозила, въ случаѣ занятія княжествъ, разорвать трактатъ, заключенный въ Берлинѣ. Угроза эта, только на весьма короткое время отсрочила австрійское вторженіе въ княжества. Войска Австріи продолжали стягиваться къ трансильванскимъ границамъ, а вѣнское правительство открывало внутри имперіи заемъ въ триста шестьдесятъ милліоновъ гульденовъ, чтобы быть въ состояніи поддержать предстоящую войну, къ которой оно такъ энергически готовилось. Австрія старалась увѣрить, что, занимая княжества, она дѣлала это единственно для того, чтобы стать вооруженною посредницею между Россіей и союзными державами. Роль эту совѣтовала ей принять Пруссія; но вѣнскій кабинетъ, имѣя, быть можетъ, тоже намѣреніе, понялъ однакожь, что оно было невозможно въ настоящемъ случаѣ. Желаніе Австріи было сохранять миръ, и только путемъ мира поставить Россію въ невозможность вредить ей. Желая разрѣшить окончательно вопросъ о свободѣ плаванія по Черному морю и Дунаю, и объ отмѣненіи протекторства надъ дунайскими княжествами, Австрія не замедлила схватиться обѣими руками за этотъ случай, достаточный, чтобы обезсмертить правленіе молодаго ея императора. Это самое было предметомъ новой поты 8-го августа 1854 года, которою обмѣнялся вѣнскій кабинетъ съ Франціей и Австріей, безъ содѣйствія Пруссіи. Вскорѣ австрійскія войска, сосредоточенныя въ Трансильваніи, стали подвигаться къ театру войны и грозить тылу нашей арміи. Впрочемъ эта угроза вовсе не предвѣщала прямого нападе-

нія. Не смотря на первый отказъ Россіи относительно очи- стки княжествъ, Австрія, къ всеобщему удивленію, не рѣ- шилась начать военныхъ дѣйствій, такъ храбро провозгла- шенныхъ въ берлинскомъ трактатѣ.

Послѣднему занятію княжествъ австрійцами, уже издавна предшествовало систематическое подготовленіе къ ихъ завос- ванію, или присоединенію къ имперіи, подобно тому, какъ была присоединена Буковина *). Объ этомъ самомъ обстоя- тельствѣ неизлишне будетъ упомянуть здѣсь, тѣмъ болѣе, что оно или вовсе не было доселѣ извѣстно, или мало обра- щало на себя вниманіе историковъ и публицистовъ.

Еще не давно общее вниманіе Европы было устремлено на то обстоятельство, какъ Австрія противилась всѣмъ мѣ- рамъ, клонившимся къ установленію благосостоянія дунай- скихъ княжествъ. Не менѣе удивлялись упорству, съ какимъ она держала въ 1856 году войска свои въ княжествахъ и скрытно увеличивала ихъ, вмѣсто того, чтобы уменьшать, или окончательно вывести ихъ оттуда, не смотря на то, что Франція и Англія не однократно протестовали противъ этого. Австрія заняла румынскія княжества подъ благовид- нымъ предлогомъ защищать ихъ отъ нападенія русскихъ, а между тѣмъ сама не хотѣла ихъ оставить. Это очевидное нарушеніе парижскаго трактата возбудило къ ней недоувѣ- ріе. Въ ея отговоркахъ нельзя было не видѣть тайныхъ за- мысловъ ея. Всѣ ея дѣйствія отъ начала войны, повторяемъ, были направлены къ тому, чтобы присоединить дунайскія княжества къ остальнымъ областямъ имперіи.

Если мы разсмотримъ ея дѣйствія одно за другимъ, если прослѣдимъ исторію австрійскаго дома, то всѣ наши сомнѣ- нія легко разрѣшатся. Въ настоящее время Австрія не же- лаетъ, чтобы благоденствіе, тишина и единство царствовали въ дунайскихъ княжествахъ, потому что это самое въ со- стояніи утвердить ихъ существованіе и ускорить моментъ, въ который будутъ онѣ наслаждаться полною самостоятель- ностію. Вѣнскій дворъ всегда искалъ жертвъ. Честолюбіе движетъ его къ увеличенію своей территоріи. Онъ стре-

*) См. *Румынскія государства Валахія и Молдавія*. Спб. 1859 года.

мится приосѣнить и молдаво-валахскій народъ тѣмъ же *отеческимъ* покровомъ, подъ которымъ онъ держалъ еще такъ не давно Италію. Занятіе дунайскихъ княжествъ не есть впрочемъ для Австріи, какъ мы сказали, новое явленіе. Она еще за восемьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ высказывала подобныя намѣренія, сохранившіяся въ официальномъ документѣ, изъ котораго мы намѣрены сдѣлать краткое извлеченіе. Въ 1771 году, во время занятія княжествъ русскими войсками, Марія-Терезія безцеремонно овладѣла Буковиной. Это былъ первый удавшійся шагъ къ болѣе обширнымъ приобрѣтеніямъ. Но императрица не хотѣла довольствоваться такою малюстію, поэтому она послала на лѣвый берегъ Дуная комиссію, которой было поручено изслѣдовать страну во всѣхъ подробностяхъ и опредѣлять какія можно будетъ извлечь выгоды изъ ея завоеванія. Члены комиссіи были офицеры главнаго штаба, что доказываетъ, какую важность придавали этому порученію. Инструкція, данная этой комиссіи, состояла изъ пяти пунктовъ, въ видѣ вопросовъ, на которые экспедиція должна была представить категорическіе отвѣты. Два первыхъ вопроса заключали въ себѣ обзорніе мѣстности для дороги, которую предполагалось провести чрезъ оба княжества, и замѣчательно, что Австрія говорила объ этомъ, какъ о приобрѣтеніи уже совершившемся. Другіе пункты не менѣе важны; мы приведемъ ихъ здѣсь въ подлинникѣ.

Пунктъ третій. Австрійская монархія, присоединивъ, съ Божіею помощію, такъ или иначе, эти провинціи, и если она найдетъ въ нихъ для себя существенныя выгоды, то надобно будетъ исчислить пространство, народонаселеніе и осмотрѣть свойство почвы. Надобно будетъ также опредѣлять на деньги стоимость всей страны, для того, чтобы можно было знать, какія необходимыя издержки потребуются для ея приобрѣтенія.

Пунктъ четвертый. Если бы Австрія послѣ этого изслѣдованія рѣшилась овладѣть странною, то надобно узнать, полезно ли будетъ это приращеніе территоріи для какой-либо изъ ея провинцій, принесетъ ли выгоду цѣлой имперіи, и въ чемъ будутъ состоять тѣ выгоды, которыя она извлечетъ изъ нихъ.

Пунктъ пятый. Какой вредъ причинить Турціи и Россіи потеря этихъ провинцій, если бы заставить ту и другую державу отказаться отъ нихъ? Наконецъ, въ какомъ расположеніи находятся жители: показываютъ ли они привязанность или нерасположеніе австрійскому правительству?

Вопросы эти, какъ видно, довольно послѣдовательны, а поэтому и отвѣты офицеровъ главнаго штаба были таковы-же. Обнародованные въ первый разъ Шлецеромъ въ 1781 году, они съ неопровержимостію документа даютъ намъ возможность представить все это обстоятельство въ свѣтѣ, не подлежащемъ никакому сомнѣнію, и не прибѣгая ни къ какимъ предположеніямъ *). Но отвѣты австрійскихъ офицеровъ представляютъ слишкомъ обширный документъ, такъ что мы здѣсь не можемъ сообщить ихъ во всей подробности, а намѣрены представить возможно-полное ихъ содержаніе, ограничиваясь выпискою однихъ только важныхъ мѣстъ. Изъ отчета видно, что изслѣдованія комиссіи простирались до самаго Днѣстра, поэтому видно, что и Бессарабія постоянно возбуждала честолюбивые замыслы австрійскаго дома. Что же касается самого свойства почвы, то одна только третья ея часть казалась годною къ воздѣлыванію. Бесплодныя горы, болота, ровныя пространства, которыя въ продолженіе зимы бывають покрыты водой, составляютъ остальную часть означенной мѣстности. Комиссія оцѣнила ее въ двадцать милліоновъ гульденовъ. «Если бы захотѣли денежнымъ образомъ опредѣлить народонаселеніе этихъ областей, то принявъ во вниманіе то обстоятельство, что жители ихъ состоятъ въ подданствѣ великой Порты, можно было оцѣнить каждое семейство среднимъ числомъ въ пятьдесятъ флориновъ, — цѣна за которую трансильванскіе дворяне постоянно продають своихъ рабовъ. Та-

*) Съ 1781 года Шлѣцеръ началъ издавать свои *Staats-Anzeigen*. Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, напечатанъ въ первой тетради этого временнаго изданія подъ заглавіемъ *Bukowina*. Въ началѣ этого документа между прочимъ сказано: *Es sind demnach zwei Stabs-Officiere von dem grossen General-Stab dahin (то есть, въ Молдавію и Валахію) abgesandt worden, die Gegend zu recognosciren, und über diese fünf vorgelegten Fragen den Bericht zu erstatten.*

кимъ образомъ все населеніе этой страны стояло бы не болѣе какъ двадцать одинъ милліонъ пять сотъ тысячъ гульденовъ».

Что же касается выгодъ, которыя можно получить отъ присоединенія дунайскихъ княжествъ къ имперіи, то коммиссія ихъ раздѣляетъ на три рода: въ отношеніи военномъ, финансовомъ и торговомъ. Агенты австрійскіе, какъ люди военные, обращали преимущественно вниманіе на стратегическія выгоды, которыя представляетъ Молдавія и Валахія, въ отношеніи защиты имперіи со стороны Востока. «Въ этомъ направленіи, говорятъ они, трансильванскія горы раздѣляютъ на двѣ части австрійскія границы. Вѣнскій дворъ владѣетъ ихъ западнымъ склономъ, другая же часть, обращенная въ противоположную сторону, принадлежатъ Турціи». Но австрійскіе комиссары ссылаются на то, что эта позиція весьма не удобна, если смотрѣть на нее съ точки стратегической. Армія расположенная у подошвы горы, или на ея отлогостяхъ, и которой аванпосты занимаютъ вершины, не въ состояніи защитить эту позицію отъ непріятельскаго вторженія. Даже патрули въ этомъ случаѣ не могутъ принести большой пользы; потому что множество ущелий и горныхъ долинъ, прорывающихъ эту горную мѣстность, легко могутъ служить непріятелю во время его вторженія, и онъ не замѣтно можетъ пройти этимъ путемъ, устроеннымъ самою природой. «Чтобы защищать Австрію съ востока нужно овладѣть восточнымъ склономъ горъ, которыя составятъ тогда точку опоры для австрійской арміи и въ случаѣ потери сраженія можетъ облегчить ея отступление. Вершины горъ будутъ служить обсерваціоннымъ мѣстомъ, откуда можно будетъ наблюдать за непріятелемъ и слѣдить за всѣми его движеніями. Обезпечивъ такимъ образомъ тылъ, можно будетъ выступить за настоящія границы и держаться вѣкъ ихъ до самой минуты пораженія. Молдавія и Валахія вполнѣ удовлетворятъ продовольственнымъ потребностямъ войска, чего нельзя встрѣтить въ горахъ, чрезъ которыя необходимо будетъ перевозить съѣстные припасы, что можетъ стоить огромныхъ издержекъ. Посему необходимо разширить къ востоку границы имперіи.

Чтобы достигнуть этого, не лучше ли будетъ раздвинуть границы во время мира при помощи трактата или другимъ какимъ-нибудь образомъ, чѣмъ дожидаться послѣдней минуты? *Одно передвиженіе столбовъ недостаточно, почему и необходимо употребить средства болѣе дѣйствительныя* *).

«Владѣніе Молдавіей будетъ имѣть особенную важность. Оно приведетъ въ прямое сообщеніе съ Трансильваніею недавно пріобрѣтенныя провинціи Галиціи и Ладомиріи. Армія будетъ проходить изъ одной области въ другую гораздо скорѣе и удобнѣе. Нѣкоторые горные проходы будутъ служить удобнымъ путемъ для артиллеріи и тяжелой кавалеріи. Войска, набранныя въ этой странѣ, будутъ во время войны прикрывать движенія главной арміи. Хотя Молдавія и Валахія не принесутъ государственной казнѣ значительныхъ доходовъ, но онѣ будутъ имѣть особенную важность въ торговомъ отношеніи. — Вся торговля Турціи съ Польшей, Украиною, Россіей, Германіей въ настоящее время производится чрезъ Букарестъ и Яссы. Съ завоеваніемъ этихъ областей, торговый путь измѣнитъ свое направленіе, и пойдетъ чрезъ Трансильванію, что гораздо удобнѣе и быстрѣе. Букарестъ обратится въ складочное мѣсто, откуда товары пойдутъ на Терцбургъ, Кронштатъ, Быстричъ или же на Германштатъ, Черновичъ и Сіатинъ. Валахія и Молдавія кромѣ того обилуютъ богатыми мѣдными рудниками, которыхъ жилы не скрыты въ глубинѣ земли, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно распознать ихъ по цвѣту земной поверхности. Если они

*) *Staats-Anzeigen*. Отвѣтъ на четвертый вопросъ. Стр. 47. Здѣсь мы должны объяснить это передвиженіе межевыхъ столбовъ, которое едва ли не было исключительнымъ изобрѣтеніемъ австрійской политики. Мирабо въ сочиненіи своемъ *De la monarchie Prussienne sous Frédéric le Grand*, напечатанномъ въ Лондонѣ (т. VI, 1788), приводя въ переводѣ документъ Шлѣпера, указываетъ на то обстоятельство, что Австрія, еще до своего коварнаго изслѣдованія дунайскихъ княжествъ, стала употреблять совершенно новый способъ разграниченія, именно то, что почью переставляла тайно столбы на отмежеванномъ уже пространствѣ, что приводило въ совершенно недоумѣніе турецкихъ и румынскихъ комиссаровъ. *Cette poussée des aigles*, — замѣчаетъ Мирабо, — *pour marquer les limites en avant, s'est-elle faite secrettement, et à l'insu des voisins? Cela serait fort étrange; mais sous ce rapport même et pour donner à connoître l'esprit du cabinet de Vienne, cette pièce est très-curieuse*. Ib. p. 287.

до-сихъ-поръ не были разработываемы, какъ слѣдуетъ, и если господа и бояре скрывали отъ турокъ ихъ существованіе, то это было по той причинѣ, что не хотѣли привлекать жадности мусульманъ. Кромѣ того дунайскія княжества владѣютъ еще каменно-соляными копями и многочисленными соляными озерами. Они снабжаютъ ими палатинскія и брацлавскія равнины, часть очаковского уѣзда, почти всю Молдавію, Валахію и Болгарію. Нѣкоторые округа княжествъ производятъ прекрасное вино. На ихъ плодоносныхъ степяхъ плодятся многочисленные стада лучшихъ породъ. И эти-то торговыя выгоды, мѣдные рудники и соляныя копи, должны преимущественно обратить вниманіе нашего правительства».

«Если принимать во вниманіе съ какой стороны Австрія наиболѣе подвержена несприятельскому нападенію, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что восточная ея сторона наиболѣе другихъ требуетъ быть укрѣпленною. Такимъ образомъ, Австрія будетъ со временемъ въ состояніи расширить свои владѣнія даже по ту сторону дунайскихъ княжествъ, и еще болѣе увеличить свою территорію. Потому что, если Россія вздумаетъ овладѣть оттоманскою имперіей, наводнитъ ее своими войсками и разгромить ея береговыя укрѣпленія флотомъ, долженствующимъ для этого обогнуть почти всю Европу прежде достиженія цѣли своей, мы, какъ сосѣди, втеченіе одного только дня въ состояніи распространить власть свою отъ Орсовы до Силистріи. Если отъ этого послѣдняго мѣста протянуть боевую линію къ Варнѣ, на Черпомъ морѣ, и затѣмъ отъ впаденія рѣки Подгорцы въ Днѣпръ, до устья послѣдняго, мы легко можемъ и съ большей для насъ выгодною овладѣть западнымъ берегомъ Чернаго моря».

Удовлетворивъ честолюбивыя мечты Австріи, комиссія показываетъ затѣмъ, какія невыгоды произойдутъ какъ для турокъ, такъ и для русскихъ, когда она утвердится въ дунайскихъ княжествахъ, и на берегахъ Чернаго моря. Вопросъ этотъ не представляетъ особеннаго интереса, и мы не нахѣрены входить въ дальнѣйшія объясненія по этому предмету, изложенныя въ донесеніи г.г. офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба.

Остается узнать, какое расположеніе имѣютъ жители

этихъ провинцій къ Австріи. Агенты этого государства раздѣляютъ народонаселеніе княжествъ на три класса: на духовенство, дворянство и земледѣльцевъ. «Нужно предполагать, — говорить донесеніе, — что первое изъ этихъ сословій должно чувствовать сильную антипатію къ австрійскому владычеству, и причины этому заключаются въ различіи религій, въ безпокойствѣ касательно ихъ имуществъ, и въ страхѣ потерять отчасти вліяніе, которое они имѣютъ на народъ. Всѣ эти причины могутъ внушать имъ одно отвращеніе къ Австріи. Даже счастливыя слѣдствія новыхъ преобразованій не въ состояніи не только ихъ тронуть, но даже не могутъ быть понятими ихъ полудикимъ состояніемъ. Бояре въ одно и тоже время и боятся, и желаютъ австрійскаго завоеванія. Они боятся его, потому что этимъ окончится ихъ произвольное владычество надъ земледѣльцемъ, судьба котораго совершенно зависитъ отъ ихъ произвола. Однимъ словомъ они также подвержены страху, который чувствуетъ и духовенство».

Жители деревень, болѣе расположены къ намъ. Не зная до настоящей войны соразмѣрнаго платежа податей, не имѣя средствъ приносить свои жалобы и не надѣясь пользоваться плодами своего труда, не имѣя даже въ виду доставить благосостояніе своимъ семействамъ, они усердно желали занятія княжествъ русскими, всегда надѣясь, что какова бы ни была перемѣна, судьба ихъ все-таки улучшится. Но въ настоящее время, видя что и русское занятіе для нихъ тягостно, они болѣе расположены къ намъ, и не смотря на сопротивленіе духовенства, зываютъ къ Австріи, потому что наконецъ поняли, какъ у насъ покровительствуютъ земледѣльцевъ, взимаютъ съ нихъ самыя умѣренныя подати и доставляютъ имъ жизнь спокойную, и во всѣхъ случаяхъ поступаютъ съ ними законно и справедливо».

Мы увѣрены, что убѣжденіями и объясненіями можно будетъ склонить самое духовенство въ нашу пользу, которое въ свою очередь въ состояніи образумить и бояръ. Поэтому необходимо объяснить имъ, что притѣсняя земледѣльцевъ, они уменьшаютъ тѣмъ источники ихъ собственнаго богатства, отчего можетъ пострадать общественное благоденствіе,

упадокъ котораго поведеть рано или поздно, къ конечному раззоренію».

«Когда же, такимъ образомъ, свѣтъ истины проникнетъ въ различные классы народа, то онъ съ радостію и любовію припадетъ къ скипетру нашихъ государей, славящихся своею гуманностію и правосудіемъ.»

Кажется ничего яснѣе и положительнѣе не можетъ быть, какъ этотъ документъ. Онъ весьма понятенъ и вѣнскій дворъ вовсе не думаетъ скрывать своихъ замысловъ. Мы сказали, что Буковина была первымъ шагомъ австрійскаго двора къ расширенію своихъ владѣній на востокѣ, который выжидаетъ только удобнаго случая, чтобы осуществить планъ Маріи-Терезіи касательно присоединенія Молдавіи и Валахіи.

Во время занятія въ 1854 году этихъ княжествъ, Австрія думала, что настало наконецъ время исполнить давно-ожиданное, и почти на цѣлое столѣтіе отсроченное ея намѣреніе. Тайные ея замыслы возрастали все болѣе и болѣе и она упорно держалась въ княжествахъ, не смотря на неоднократныя напомнанія со стороны европейскихъ державъ въ 1856 году очистить ихъ. Надѣялась ли Австрія, что Франція, Великобританія и Россія дадутъ ей полное право на это владѣніе? не думала ли она, что вся кровь, пролитая этими державами, всѣ милліоны, которые растратили онѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ, послужатъ единственно къ удовлетворенію честолюбія габсбурговъ? И не ужели эта война столь кровопролитная и столь дорогая, долженствовала доставить только австрійскому дому прямыя выгоды, а мощныхъ дѣлателей этой неслыханной брани обратить въ орудіе завистливыхъ стремленій австрійской державы? Нѣтъ сомнѣнія, что вѣнскій кабинетъ почти на вѣрное рассчитывалъ временное занятіе княжествъ, обратить въ постоянное владѣніе, и только настоятельныя требованія западныхъ державъ заставили Австрію отказаться отъ своей добычи. Но и съ-тѣхъ-поръ она не переставала дѣйствовать двусмысленно въ отношеніи этихъ княжествъ, потому что, когда наступила минута организаціи Молдавіи и Валахіи, когда эти господарства громко выразили желаніе имѣть собственную администрацію и одного владѣтельнаго князя, вѣнскій дворъ употребилъ всѣ свои

средства, все свое вліяніе, чтобы не допустить осуществиться сліянію обоихъ княжествъ, въ страхѣ, чтобы это соединеніе не дало бы имъ возможности возродить національную жизнь румынскаго народа. Но Австрія никогда не откажется отъ своей политики, потому что ей хочется, рано или поздно, овладѣть дунайскими княжествами, какъ хотѣлось завладѣть всею Италіею отъ Альповъ до Тарентскаго залива, стремленіе приостановленное, и Богъ вѣсть, не отсроченное-ли только, — послѣднею войною. Она упорно слѣдуетъ по старому пути и никогда габсбургскій домъ не удовольствуется своими владѣніями; никогда онъ не теряетъ изъ виду своего падежнаго девиза: *Austriae est imperare orbi Universo!*

V.

Рядомъ съ стремленіемъ къ централизаціи, Австрія выступила въ государственной своей дѣятельности еще съ другою мѣрою, не менѣе первой подтверждающую собой то непреложное обстоятельство относительно неизмѣнной вѣрности ея къ традиціональной своей политикѣ, о которой мы неоднократно говорили въ предшествовавшихъ главахъ. Новая мѣра эта состояла въ возстановленіи духовнаго владычества со всѣмъ его фанатическимъ произволомъ, вызваннымъ въ формѣ извѣстнаго *конкордата*. Мы приведемъ ниже то дѣйствіе, которое этотъ конкордатъ произвелъ въ Германіи; но предупреждаемъ, что только въ Германіи, преимущественно протестантской, произвелъ онъ глубокое впечатлѣніе; у насъ же въ Россіи, онъ не обратилъ на себя надлежащаго вниманія, прошелъ почти незамѣченнымъ, и кромѣ летучихъ газетныхъ извѣстій, не вызвалъ никакихъ особенныхъ, спеціальныхъ сужденій. Не большая книга, вышедшая въ Вѣнѣ и озаглавленная: *Studien über das oesterreichische Conkordat*, уже по одному своему появленію въ столицѣ Австріи не могла быть принята безусловно. Это мѣра австрійской дипломатикки есть верхъ торжества ея административной дѣятельности на пути гражданской и политической пивеліровки народностей, обитающихъ въ предѣлахъ этого государства.

Но этотъ пресловутый конкордатъ не есть новое явленіе въ государственной жизни, или вѣрнѣе, въ государственномъ броженіи Австріи. Предшествовавшая историческая его судьба такъ любопытна, что не излишне будетъ посвятить ей нѣсколько страницъ предварительнаго разбора. Очевидна тайная его связь съ бывшимъ владычествомъ іезуитовъ, но связь эта совершенно была разорвана новыми идеями французской политики, — которыя начали проникать въ Австрію уже современн Іосифа II. Не смотря на усилія этого государя преобразовать Австрію, онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ сильную оппозицію, такъ что и предъ смертью своею онъ ясно видѣлъ, какъ его лучшіе планы разрушаются одинъ за другимъ, какъ его самыя спасительныя мѣры не приводятся въ исполненіе. Еще Леопольдъ II поддерживалъ нѣкоторыя изъ его преобразованій, но скончавшись въ 1792 году, онъ оставилъ наслѣднику своему Францу II и канцлеру Тугуту свободный просторъ возстановить прежнюю политику. Изгнанные изъ имперіи іезуиты оставили послѣ себя свою систему, которая и во время ихъ отсутствія продолжала управлять народами, обязанными ей своею грубостію, и, руководствовать высшими классами, которые она такъ легко успѣвала развращать. Съ возстановленіемъ ихъ вліянія, вначалѣ нашего вѣка, іезуиты могли съ гордостью сказать, что труды ихъ не погибли. Дѣло шло здѣсь о томъ, чтобы во-что бы ни стало снова завладѣть властію и для этой цѣли они не пренебрегали никакими средствами. Усилія ихъ были увѣнчаны полнымъ успѣхотъ. Они господствуютъ и въ настоящее время подъ австрійскимъ покровительствомъ, они заставили его подтвердить религіозный договоръ 1855 года, — возбудивъ этимъ Австрію противъ Піемонта, потому что Сардинія изгнала 25-го августа 1848 года и конфисковала все ихъ недвижимыя имуществва *).

Разсмотримъ этотъ рядъ грустныхъ событій духовнаго преобладанія, начиная съ 1780 года до времени введенія конкордата. Подписанный 18-го августа, обнародованный 5-го

*) Можно сравнить, по этому случаю, манифестъ папы, изданный противъ Піемонта въ 1855 году.

ноября 1855 года, австрійскій конкордатъ имѣлъ слѣдствіемъ возбужденіе въ Германіи богословскихъ страстей. Страна Іоанна Гусса, Лютера и Меланхтона снова была возмущена, какъ бы приближающеюся грозою, конецъ которой нельзя было ни предвидѣть, ни измѣрить всю силу ея опустошенія. Протестанты, кальвинисты, и другія секты, порожденныя реформаціей, начали сильно волноваться.

Кровавыя воспоминанія о тридцати-лѣтней войнѣ возникли снова въ воображеніи германскихъ народовъ; потому что австрійскій конкордатъ, служилъ непреложнымъ доказательствомъ самой униженной покорности, какую только могъ получить напскій престолъ отъ свѣтской власти. Со времени жестокой зимы 1077 года, когда ледъ покрывалъ Рейнь отъ ноября до апрѣля, и когда императоръ Генрихъ IV провелъ цѣлыхъ три дня, стоя босыми ногами, въ одной покаянной рубахѣ, безъ пищи, на дворѣ замка Каносса, испрашивая себѣ прощенія у фанатическаго Григорія VII, — съ-тѣхъ-поръ міръ не видалъ ничего подобнаго этому конкордату. Приверженцы его не только не стараются скрыть, но даже не умаютъ и ослабляютъ его громаднаго значенія. Въ упомянутой выше брошюрѣ, изданной въ Вѣнѣ безъ имени автора, носящей однакожъ всѣ признаки оффиціального голоса, находимъ эти замѣчательныя строки: «пространно изложенные конкордаты, касающіеся самыхъ существенныхъ вопросовъ, опредѣлили въ 1851 году духовныя дѣла Испаніи и Тосканы; но австрійская конвенція 18-го августа сего года имѣетъ совершенно другой смыслъ и есть, по всей справедливости, единственная въ своемъ родѣ. Она совершенно уничтожаетъ тѣ притязанія свѣтской власти, которыя возбуждены были въ Германіи примѣромъ галликанской церкви и возвращаетъ католицизму его прежнія права, находившіяся столь долго въ униженіи *)».

Появленіе этой брошюры не менѣе было любопытнымъ и внѣ Австріи. «Конкордатъ есть актъ, — сказано далѣе, — которому суждено занять не послѣднѣе мѣсто въ нашей исторіи. Императоръ и папа съ одинаковымъ удовольствіемъ

*) Studien über das österreichische Concordat. 1856. Wien, p. 41.

подписали его; потому что онъ утвердилъ миръ и спокойствіе, устранивъ тѣмъ большія недоразумѣнія».

«Императоръ имѣлъ поводъ быть довольнымъ. Онъ составилъ актъ единодушнаго равенства, память о которомъ будетъ служить ему славнымъ вѣнцомъ до послѣднихъ нашихъ потомковъ, и который поставилъ его на ряду съ *Константиномъ* и *Карломъ-Великимъ*, прославившимися въ исторіи своимъ покровительствомъ православной церкви, въ чемъ и заключается все ихъ истинное величіе *).

«Верховный первосвященникъ также имѣетъ причину быть довольнымъ. Онъ долженъ надѣяться, что изъ этого новаго сѣмени родится и произрастетъ лучшее будущее для Австріи. Чего добивался Пій VI въ своемъ замѣчательномъ и трудномъ путешествіи, то, по милости небесной, досталось въ удѣлъ Пію IX. Если бы конкордатъ 1848 году, былъ также радикальнымъ, то, быть можетъ, мнимая реформа не взволновала бы цѣлый міръ своими ужасными переворотами и кровавыми слѣдствіями».

Явленіе конкордата болѣе всего произвело волненіе въ Пруссіи. Здѣсь увидѣли въ немъ ловушку для протестантизма, въ которую онъ неминуемо долженъ попасть, по крайней мѣрѣ въ областяхъ австрійской имперіи. И не для однихъ протестантовъ Австріи раскинуты эти предательскія сѣти; онѣ равно угрожаютъ и православному населенію этого государства, которое неминуемо подпадетъ подъ торжествующій католицизмъ апостольской державы. Даже въ самой Австріи слышатся жалобы. Множество людей, какъ свѣтскаго такъ и духовнаго чина, остались вѣрными церковнымъ правиламъ, введеннымъ Іосифомъ II и распространеннымъ въ сѣверной Германіи втеченіе его двадцатилѣтняго царствованія. Николай Гонтгеймъ викарій архіепископа трирскаго, издалъ въ 1763 году безъимянное сочиненіе **) подъ заглавіемъ: «О состояніи церкви и законномъ владычествѣ римскаго первосвященника», въ одной книгѣ, изданной Іустиномъ Феброніемъ.

*) Worin wesentlich ihre ganze Grösse wurzelt. Ibid.

**) Justini Febronii, De statu Ecclesiae et legitima potestate Pontificis, liber singularis.

Это имя, какъ видно, было псевдонимомъ, но оно сохранилось въ его послѣдователяхъ, которые сдѣлались пзвѣстны въ Германіи подъ именемъ Феброніанъ. Въ основаніи системы Феброніа лежатъ слѣдующія начала: *во-первыхъ*, совершенная независимость государей въ дѣлахъ свѣтскихъ; главы церкви не могутъ отрѣшати ихъ ни прямо, ни косвенно, ниже освобождать ихъ подданныхъ отъ повиновенія имъ. *Во-вторыхъ*, высшая власть соборовъ, долженствуетъ быть утверждена на соборѣ константскомъ, котораго правила были одобрены самимъ папою. Правила эти заключали въ себѣ то, что если бы папа, или какое-либо другое лицо, оказываютъ неповиновеніе опредѣленіямъ соборовъ, *то таковыя послушники должны подвергнуться наказанію, соразмѣрному ихъ винѣ и должны быть наказаны такъ, какъ они заслуживаютъ того. А въ случаѣ недостаточности каноническаго права для пріисканія послушникамъ заслуженныхъ наказаній, можно будетъ прибѣгать къ уголовнымъ законамъ. Въ-третьихъ*, хотя папа и имѣетъ прямое вліяніе на дѣла вѣры, но рѣшенія его не могутъ имѣть силы, если онѣ не утверждены всею церковью. *Въ-четвертыхъ*, апостольская власть не можетъ преступать законовъ вдохновенныхъ Святымъ Духомъ и освященныхъ общечеловѣческимъ къ нимъ благоговѣніемъ, такъ что постановленія и обычаи, принятые въ христіанскихъ державахъ, должны оставаться неизмѣнными. Таковы были постановленія католической церкви въ 1682 году, что произвело нѣчто въ родѣ демократическаго переворота въ ея нѣдрахъ. Великій первосвященникъ, съ потерю своей безусловной власти былъ устраненъ отъ вліянія на свѣтскія дѣла, и принужденъ былъ ограничиться одною церковною властію.

Феброніанизмъ уменьшилъ власть папъ къ великой радости протестантовъ, видѣвшихъ въ этомъ сближеніе католицизма съ ихъ идеями. Князья-архіепископы майнцкій, трирскій, кельнскій и архіепископъ зальцбургскій нашли это согласнымъ съ ихъ желаніемъ; потому что этимъ они сами освобождались отъ римскаго владычества. Въ 1786 году они имѣли въ Эмсѣ совѣщаніе по этому предмету, слѣдствіемъ котораго было окончательное принятіе ученія Феброніа.

Ученіе это нѣсколько лѣтъ волновало всю Австрію. Едва

только взошелъ на престолъ Іосифъ II, въ 1780 году, какъ тотчасъ пожелалъ внести въ свое государство начала, распространенныя мыслителями XVIII вѣка, и поэтому случаю онъ успѣшилъ издать эдиктъ вѣротерпимости, возстановлявшій равенство вѣроисповѣданій. Протестанты, доселѣ гонимые, приобрѣли право проповѣдывать свое ученіе публично. Іосифъ позволилъ имъ даже воздвигать свои храмы. Евреи были допущены ко всѣмъ государственнымъ должностямъ. Что же касается католиковъ, то они по возможности были отдѣлены отъ римскаго престола. Императоръ велѣлъ закрыть семь-сотъ монастырей и употребилъ ихъ доходы на пользу блага духовенства. Онъ возложилъ на монахинь благотворительныя труды, запретилъ продажу индульгенцій и аммулетокъ, однимъ словомъ, число лицъ низшаго духовенства въ его царствованіе уменьшилось до тридцати тысячъ. Наконецъ онъ велѣлъ исключить изъ служебника молитву папы Григорія VII, которая такъ долго напоминала униженіе Генриха IV.

Такія нововведенія, приведенныя въ дѣйствіе тотчасъ по ихъ обнаруженіи, сильно потрясли римскій дворъ. Папа посылалъ письмо за письмомъ, но его увѣщанія не произвели никакого дѣйствія. Тогда Пій IV рѣшился лично отправиться въ Вѣну. Каносское событіе повторилось снова, но уже на оборотъ: въ XI вѣкѣ свѣтская власть преклонялась предъ надменностію власти духовной; теперь же католичество было вынуждено предстать униженнымъ просителемъ предъ императорскимъ престоломъ.

Іосифъ II, подобно Григорію VII, былъ неумолимъ. Папа былъ принятъ вѣжливо, со всѣми знаками глубокаго уваженія, но тѣмъ не менѣе онъ ничего не выигралъ. Рѣшеніе монарха-философа оставалось неизмѣннымъ, и ни французское вторженіе, ни вѣнскій конгрессъ, ни послѣдующія за тѣмъ три десятилѣтія не уничтожили созданія Іосифа II. Оно составило церковный кодексъ, въ которомъ помѣщены были церковныя постановленія отъ начала имперіи до 1849 года, и только рескриптомъ теперешняго государя 23 апрѣля 1850 года былъ нанесенъ первый ударъ церковнымъ постановленіямъ Іосифа II. Но послѣ семидесятилѣтняго существованія постановленія эти не могутъ же совершенно погибнуть, не

оставивъ послѣ себя слѣдовъ. Фебронизмъ или іозефизмъ, какъ его еще называютъ, имѣеть и до-сихъ-поръ въ австрійскихъ владѣніяхъ многочисленныхъ послѣдователей, порицающихъ конкордаты. Правительство не можетъ пренебрегать ихъ возраженіями, потому что они основываются на началахъ достойныхъ уваженія и освященныхъ уже временемъ. Полемика поднятая по этому случаю въ Австріи, нужно признаться, ведется съ большимъ знаніемъ дѣла и весьма осторожно. Низшее духовенство не могло читать безъ явнаго опасенія трактатъ, заключенный съ римскимъ престоломъ. Этотъ трактатъ защищаетъ всѣ права и интересы высшаго духовенства, но не заключаетъ въ себѣ ничего въ пользу клира; онъ не оставляетъ ему никакой защиты отъ своеволія высшихъ духовныхъ властей. Эти власти имѣютъ полное право давать своимъ подчиненнымъ самыя прибыльныя мѣста, оставлять ихъ отъ должностей, наказывать, подвергать заключенію, однимъ словомъ распорядиться ими по собственному произволу. Въ числѣ недовольныхъ конкордатомъ находится и Брукъ, министръ финансовъ. Огромныя уступки, сдѣланныя напскому правительству, устроили и этого государственнаго мужа. Не только для него, но и для нѣкоторыхъ другихъ конкордаты предзнаменуетъ ужасную грозу, не смотря на то, что вѣнскій дворъ, по ихъ мнѣнію, находится въ какомъ-то роковомъ самообольщеніи. Францъ-Іосифъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ недовольныхъ, допустилъ въ своихъ владѣніяхъ господство такой власти, которая неминуемо пересилитъ его собственное могущество или, по крайней мѣрѣ, станетъ оспаривать у него первенство власти. Близкая борьба неизбѣжна. Какіе важныя перевороты могутъ произойти отъ подобнаго столкновенія! Еще въ апрѣлѣ 1856 года раздавались первые раскаты грома. Императоръ созвалъ соборъ, на которомъ предсѣдательство предполагалъ отдать вѣнскому архіепископу; между тѣмъ Пій IX собралъ тотъ же соборъ, но не упомянулъ ничего о министерскомъ циркулярѣ, а что касается до архіепископа Отмара, то этотъ святитель долженствовалъ явиться не какъ предсѣдатель, а какъ членъ церкви. Мы приводимъ это для того, чтобы показать, какъ, даже въ самой Австріи смотрѣли и еще смотрятъ на безусловное возста-

новленіе духовной власти въ формѣ конкордата. Не говоримъ уже о томъ смятеніи, которое произвелъ онъ въ народномъ образованіи, въ литературѣ и семейномъ быту. Всѣ эти явленія гражданской жизни должны подчиниться епископской власти и ея рѣшеніямъ. Австрійское правительство съ своей стороны не оставляетъ безъ вниманія ни возраженій, ни жалобъ; напротивъ, оно отвѣчаетъ на нихъ въ журнальныхъ статьяхъ и брошюрахъ, тщательно обработанныхъ. Эти сочиненія объясняютъ смыслъ конкордата, показываютъ намѣренія Австріи, выставляютъ ея планы и проекты. Чтобы понять ихъ, для этого не требуется особеннаго усилія. Они доказываютъ, что настоящій договоръ есть одинъ изъ самыхъ важныхъ современныхъ явленій, какъ въ мірѣ умственномъ, такъ и въ политическомъ.

Нельзя не удивляться, какъ дѣтски вѣруетъ Австрія въ зданіе, которое слится построитъ на конкордатѣ. Мечты ея въ этомъ отношеніи такъ странны, такъ наивны, что не могутъ не составлять замѣчательнаго явленія въ современной ея политикѣ. Послѣ тридцати вѣковаго опыта, послѣ столькихъ событій, запечатлѣнныхъ кровію и слезами, неужели можно еще обольщаться подобными несбыточными мечтами? Простаго взгляда достаточно, чтобы убѣдиться, какъ онѣ ничтожны, какое разочарованіе готовятъ онѣ вѣнскимъ дипломатамъ. Однакожъ постараемся продолжать наше безпристрастное повѣтствованіе, посмотримъ, какъ наяву бредятъ австрійскіе публицисты, какія надежды возлагаютъ они на конкордатъ, на который смотрятъ какъ на предвѣстника золотого вѣка, но который въ сущности есть скорѣе предвѣстникъ военныхъ смуть, угрожающихъ Европѣ.

Преобразования, произведенныя габсбургскимъ домомъ, со времени побѣды, одержанной императорской партіей, не могли обойтись, говорятъ приверженцы конкордата, безъ того, чтобы не подорвать и не сокрушить множество зданій въ существующемъ порядкѣ государственной жизни. Нужно сознаться, говорятъ они, что подобныя преобразования не обходятся безъ жертвъ и сотрясеній; но договоръ 18-го августа предупредитъ могущія произойти катастрофы. Съ его введеніемъ установится единство во всемъ внутреннемъ

управленіи. Всѣ мѣры, всѣ повелѣнія истекающія отъ верховной власти, не будутъ однимъ пустымъ голосомъ, но множество трудолюбивыхъ дѣятелей, разсѣянныхъ повсюду, однимъ словомъ множество духовныхъ лицъ, будутъ всегда готовы осуществлять мысль и намѣреніе своего государя. Нечего страшиться, говорятъ приверженцы конкордата, тѣхъ преимуществъ, которыя предоставлены римскому престолу трактатомъ 18-го августа. Предоставляя римской духовной власти ближайшее и свободное общеніе съ австрійскимъ духовенствомъ, нельзя думать, чтобы Римъ употребилъ во зло это сближеніе. Все это послужитъ только къ благоденствію Австріи, послужитъ къ тому, чтобы исправить и сдѣлать болѣе правственнымъ ея духовенство. Преемникъ святаго Петра имѣетъ своей первою нуждою, чтобы всѣ пастыри были образцами добродѣтели? Тогда только онъ можетъ рассчитывать на ихъ повинновеніе и преданность; тогда только будетъ въ состояніи управлять этимъ вопиющимъ Церкви. Такимъ образомъ папа будетъ бодрствовать надъ духовенствомъ Австріи, онъ свяжетъ его строгою дисциплиною и поведетъ стезею правды, а епископы и священники Австріи обратятся въ ангеловъ чистоты и самоотверженія.

Но, спросятъ, — какія выгоды можетъ найти народъ въ этомъ религіозно-политическомъ договорѣ? Какую пользу можетъ доставить конкордатъ тѣмъ различнымъ національностямъ, которыя сгруппированы вокругъ престола Франца Иосифа? На это австрійскіе дипломаты даютъ слѣдующій отвѣтъ: что никогда, ни какое постановленіе не было такъ счастливо для народа какъ конкордатъ, который одинъ въ состояніи разлить потоки милостей на населеніе всей страны. Отвѣтъ ихъ, какъ видно, чрезвычайно оригиналенъ. Если вѣрить этимъ господамъ, то австрійскій конкордатъ пропитанъ весь либеральными идеями, есть нѣчто въ родѣ свободной хартіи австрійской имперіи. Но если внимательно присмотреться, такъ эта свободная хартія 18-го августа выгодна не для одной Австріи. Она подобно древнему Янусу двулична и обращена одной стороною внутрь государства, а другою къ державамъ, гдѣ католицизмъ владычествуетъ

во всей своей силѣ. Вызвавшись быть верховнымъ протекторомъ католицизма при помощи полумилліона штыковъ, голосъ австрійскаго монарха далъ знать Риму, что Церковь Запада нашла наконецъ въ немъ могущественнаго защитника, способнаго во всякомъ случаѣ поддержать ея вліяніе и защитить ея интересы. При этомъ неожиданномъ извѣстіи вся протестантская Германія пришла въ движеніе. Необходимо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи господствующая религія народа не соотвѣтствуетъ исповѣданію верховной власти. Эта разница вѣры между народомъ и государями, появилась со времени вѣнскаго конгресса, который подчинилъ нѣкоторыя католическія княжества протестантскимъ владѣтелямъ и обратно. Съ-тѣхъ-поръ явилось постоянное стремленіе приверженцовъ реформы тайно подкапывать въ своихъ владѣніяхъ католичество, чтобы достигнуть единства вѣрованій. Теперь, когда католическіе подданные этихъ государствъ видятъ въ Австріи вооруженную защитницу своего вѣроисповѣданія, они не покорятся ни какимъ угрозамъ и не поддадутся ни какимъ хитростямъ. По сему надобно будетъ, въ случаѣ если они не измѣнятъ своихъ намѣреній, употребить противъ нихъ силу. Надобно будетъ, какъ объ этомъ говорилъ недавно Франкфуртскій журналъ, изгнать епископовъ изъ ихъ епархій и конфисковать ихъ имущество. Но въ такомъ случаѣ Австрія, чувствуя свою силу, воодушевленная духомъ католицизма, потребуетъ исполненія условій вестфальскаго мира *). «Тѣмъ лучше! вос-

*) Вестфальскій миръ (1646), окончившій знаменитую тридцатилѣтнюю войну, утвердилъ, какъ извѣстно, въ Европѣ систему политическаго равновѣсія, которое держалось въ продолженіе почти полутора столѣтій, до времени Французской революціи. Когда на этомъ конгрессѣ были улажены вышнія политическія отношенія Германіи, приступили къ обсужденію важнѣйшаго пункта, то есть, къ религіи, которая была, если не единственною причиною, то главнымъ поводомъ, главнымъ предлогомъ и конечно одною изъ сильнѣйшихъ внутреннихъ пружинъ тридцатилѣтней войны. Дипломаты, составлявшіе конгрессъ, при всемъ своемъ искусствѣ, совсѣмъ не выполнили своего высокаго призванія. Религіозный вопросъ вестфальскаго мира такъ важенъ, что заставляеть насъ войти въ нѣкоторыя подробности по этому предмету. Стоя въ важномъ дѣлѣ, какъ религіозная свобода совѣсти, члены конгресса обсудили поверхностно, рѣшили на скорую руку. Положено было возвратиться къ аугсбургскому миру 1555 года, съ тѣмъ только распростра-

кликаетъ панигиристъ австрійскаго конкордата, «слава и торжество орламъ императора, если онъ вынужденъ будетъ обнажить мечъ свой!» Подобное объясненіе понятно; не прямая ли это угроза, не явный ли вызовъ цѣлой Европѣ, и преимущественно лютеранамъ и кальвинистамъ? Вотъ какъ вы задушевныя мысли Австріи, и тѣ плоды, которые она обѣщаетъ принести своимъ договоромъ съ Римомъ. Все это ясно изложено въ ея полуоффиціальныхъ книгахъ по этому предмету изданныхъ, а также и въ окружной грамотѣ ар-

пеніемъ, что и реформаты признаны были въ равныхъ правахъ съ лютеранами. Для рѣшенія, гдѣ какое вѣроисповѣданіе должно считаться господствующимъ, назначенъ былъ 1624 годъ, какъ нормальный. Земли, которыя въ началѣ этого года были католическими, признаны и теперь такими же; что жъ касается до взаимнаго разграниченія лютеранъ и реформатовъ, то оно произведено было независимо отъ нормального года на основаніи современнаго состоянія. При господствующемъ вѣроисповѣданіи два прочія пользовались большею или меньшею терпимостью, смотря уже по мѣстнымъ учрежденіямъ, независимо отъ общаго порядка. Такимъ образомъ свобода совѣсти, въ собственномъ смыслѣ, предоставлена была только политическимъ частямъ имперіи и ихъ владѣтелямъ; народъ долженъ былъ пользоваться ею, не какъ личнымъ правомъ, но какъ случайнымъ преимуществомъ страны, или какъ милостью правительства. Взаимное отверженіе и презрѣніе другъ къ другу съ обѣихъ сторонъ не прекратились; этого нельзя было сдѣлать посредствомъ протокола. По крайней мѣрѣ, съ-тѣхъ-поръ права и повинности гражданъ признаны были независимыми отъ различія вѣроисповѣданій. Въ равныхъ обстоятельствахъ, при равныхъ условіяхъ всѣ одинаково подлежали суду и милости закона. Для подворенія совершеннаго равновѣсія въ этомъ отношеніи, положено было во всѣхъ коллегіальныхъ собраніяхъ допускать по равному числу членовъ всѣхъ трехъ признанныхъ вѣроисповѣданій. Что же касается до имперскаго сейма, гдѣ подобное равенство не могло имѣть мѣста, то не только во всѣхъ собственно религіозныхъ совѣщаніяхъ, но и всегда, какъ только голоса дѣлались по религіознымъ партіямъ, рѣшеніе опредѣлялось уже не простымъ большинствомъ голосовъ. Все это было рассчитано очень искусно и повидимому обезпечивало религіозную независимость. Но, во-первыхъ, самая эта искусственность въ приложеніи подавала поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ; во-вторыхъ, это была не живая организія, а машина, которая, при всей хитрости своего устройства, отъ перваго случая могла повредиться и разрушиться. Впрочемъ, и слѣдствіемъ отчасти этой механики, отчасти общаго направленія умовъ, котораго она сама была выраженіемъ, религіозный энтузіазмъ вскорѣ охладѣлъ до такой степени, что зданіе вестфальскаго мира въ этомъ отношеніи не испытало никакой опасности. Нельзя сказать, чтобы тридцатилѣтняя война была послѣднимъ заревомъ религіознаго фанатизма; вотъ почему протестантскіе публицисты предугадываютъ въ стремленіяхъ австрійскаго конкордата возстановить условія вестфальскаго мира.

хієппскопа Отмара. Какимъ же образомъ государственные люди, посѣдѣлые въ дѣлахъ, могутъ обольщать себя подобными мечтами, могутъ обманывать себя такими несбыточными надеждами?

Всѣ эти мечты, всѣ эти пустыя надежды имѣютъ въ основаніи ту дѣтскую мысль, будто бы эти новыя права, и новыя преимущества данныя австрійскому духовенству, поставятъ народъ, аристократію, самого императора и духовныя лица, выше всякой человѣческой природы; что все это поведетъ къ уничтоженію пороковъ, къ искорененію честолюбивыхъ и другихъ преступныхъ желаній; что граждане и ремесленники украсятся всевозможными добродѣтелями, и самое дворянство содѣлается болѣе воздержнымъ, послушнымъ, благочестивымъ. Поэтому Австрія въ скоромъ времени содѣлается обѣтованною землею, гдѣ золотой вѣкъ покажетъ всѣ свои чудеса, и тѣ, которымъ не суждено будетъ родиться на берегахъ Дуная, Дравы или Тиссы, стануть жаловаться на свою судьбу, отказавшую имъ въ этомъ блаженствѣ.

Неужели есть люди, которые будутъ утверждать, что католическіе священники находились доселѣ въ совершенной зависимости, что они постоянно занимали самое низшее положеніе въ государствѣ? Лѣтописи среднихъ вѣковъ повѣствуютъ совершенно противное. Лѣтъ двѣсти тому назадъ католическое духовенство владѣло тѣми же привилегіями, которыми снова его жалуютъ. Виродолженіе многихъ вѣковъ оно господствовало въ Европѣ, неоднократно заставляя царей преклонять предъ нимъ свои колѣни. Неоднократно поднимало оно во имя Христа цѣлыя народы, самовластно господствуя надъ умами и совѣстію сильныхъ міра сего. Но въ этой безусловной власти своей сохранило ли оно безкорыстіе, милость, правоту? Убіиства альпгойцевъ, варфоломеевская ночь, казни совершенныя Филиппомъ II, Борджин, тридцатилѣтняя война, инквизиція, іезуиты, нантскій эдиктъ, гоненія воздвигнутыя французами и австрійцами на протестантовъ, — все это доказываетъ противное, все это обнаруживаетъ горькую истину, что привилегіи не облагородили тѣхъ, которые ими владѣли. Всего лучше доказываетъ

это внутренняя исторія католическаго духовенства. Въ средніе вѣка развращеніе нравовъ было столь велико, что съ каждымъ днемъ оно все болѣе и болѣе виѣдрялось въ самые монастыри. Это всеобщее растлѣніе вызывало чрезъ каждыя пятнадцать или двадцать лѣтъ новыя преобразованія. Петръ Даміани, италіанскій епископъ XI вѣка, написалъ цѣлую книгу, въ которой подробно изображены нравы духовенства, заставляющіе краснѣть даже людей самаго легкаго поведенія. Папа Викторъ II принялъ мѣры для исправленія этого всеобщаго разврата, но возбудилъ противъ себя всѣхъ римскихъ пастырей, составившихъ противъ него заговоръ. Одинъ иподіаконъ влилъ ему въ чашу вино, смѣшанное съ отравой, но не будучи въ состояніи сохранить присутствіе духа во время оскверненія святыни, онъ самъ измѣнилъ себѣ, былъ обличенъ въ преступленіи и сложилъ голову свою на плахѣ. Церковная власть Запада не только что охватила огромное пространство еврейской территоріи, она не только что показывала ненасытную алчность, склонность къ безумной роскоши и запретнымъ удовольствіямъ, владѣя, вопреки Евангелію, толпою рабовъ, но она еще стремилась ступить ногою на главу вѣнчаныхъ кесарей. Требования эти были заявлены папами еще со времени IX вѣка. Григорій IV и Николай I открыли тотъ путь, на который ихъ преемники должны были выступить въ торжественной колесницѣ. Григорій VII, установивъ въ цѣдрахъ церкви неограниченную власть, добился всемірнаго владычества и виѣя предѣловъ. Иннокентій III упрочилъ начатое его предшественниками, а Бонифацій VIII увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ дѣло, начатое двумя Григоріями. Знаменитая папская булла, *In coena Domini* *), — изданная въ 1568 году, пока-

*) Буллы *in coena Domini* принадлежали къ разряду буллъ, такъ называемыхъ, *экскоммуникаціонныхъ* (отлучительныхъ), противъ еретиковъ и преступниковъ, противъ морскихъ разбойниковъ, оскорбителей прелатовъ, возмутителей и противниковъ духовной власти, которыхъ всѣхъ проклинали. Буллы эти провозглагошались въ *чистый четвергъ* кардиналомъ діакономъ, въ присутствіи папы и конгрегаціи; оттого и получали онѣ наименованіе буллъ *in coena Domini*. Этотъ всенародный соблазнъ былъ прекращенъ въ 1770 году Климентомъ XIV.

зала, что папы никогда и не думали отказываться отъ своихъ стремленій къ религіозно-политическому преобладанію надъ міромъ. Триста лѣтъ минуло съ-тѣхъ-поръ и содержаніе конкордата показываетъ, что надменный геній Григорія VII не переставалъ воодушевлять Церковь Запада.

Пора теперь изложить и самое содержаніе конкордата, который, какъ мы неоднократно упоминали, былъ окончательно заключенъ съ римскимъ дворомъ въ 1855 году. Ознакомившись достаточно съ тѣмъ положеніемъ, въ какое было поставлено австрійское духовенство съ конца прошедшаго столѣтія, мы ясно видѣли, что Ватиканъ смотрѣлъ на іозефизмъ, какъ на величайшаго своего врага. Законы императора Иосифа II, не произведя въ положеніи Церкви въ Австріи столь радикальной перемѣны, какую революція произвела во Франціи, крайне однако стѣснили сношенія членовъ католическаго духовенства въ Австріи, какъ между собою, такъ и съ римскимъ дворомъ; а общее положеніе Церкви въ австрійской имперіи, было для папы постояннымъ предметомъ скорби и жалобъ. Измѣнить это положеніе было тѣмъ труднѣе, что государство находило въ немъ свою выгоду, и что само духовенство легко уживалось съ нимъ, вслѣдствіе той независимости, которую оно давало ему относительно римскаго двора. Наконецъ та и другая сторона свыклись съ этимъ порядкомъ вещей, который, будучи освященъ временемъ, казался тѣмъ болѣе прочнымъ, что былъ въ духѣ современныхъ идей. Но событія 1848 года произвели въ Австріи глубокое впечатлѣніе, можетъ быть еще большее, чѣмъ въ остальной Европѣ. Философскія ученія, стремившіяся разрушить общества и измѣнить карту Европы, заставили искать защиты въ религіозномъ авторитетѣ, какъ самомъ прочномъ основаніи порядка и самомъ могущественномъ консервативномъ средствѣ. При томъ молодой императоръ, воспитанный вѣнскимъ архіепископомъ, вступая на престолъ, обнаружилъ особенную склонность къ религіознымъ идеямъ. Самая излишняя подозрительность въ предосторожностяхъ, принятыхъ для охраненія преимуществъ государства въ отношеніяхъ его къ Церкви, оправдывая мысль преобразованія этихъ законовъ, облегчала всякую попытку

къ переговорамъ съ Римомъ объ этомъ предметѣ. Переговоры между обоими правительствами начались, какъ мы указали съ 1850 года, и уже тогда императоръ Францъ-Иосифъ увѣрилъ папу въ своемъ намѣреніи условиться съ нимъ въ измѣненіи положенія католической Церкви въ Австріи, измѣненіи болѣе сообразномъ съ желаніями сего святѣйшества.

Это важное порученіе было возложено папою на кардинала Віале-Преля, самаго замѣчательнаго въ настоящее время представителя римской дипломатіи; со стороны же Австріи былъ назначенъ вѣнскій архіепископъ Раушеръ. Переговоры эти, хранившіеся въ глубокой тайнѣ до времени своей развязки, ускользаютъ въ настоящее время отъ гласности, и потому мы должны ограничиться изложеніемъ ихъ результатовъ. Конкордатъ былъ подписанъ 18-го августа 1855 года. Этотъ трактатъ, обнимающій всѣ отношенія Ватикана, какъ къ австрійской церкви, такъ и къ государству, состоитъ изъ 36 статей, написанныхъ вообще коротко, афоризматически. Нельзя было сказать, что католическая церковь будетъ государственною религіею, такъ какъ австрійская имперія заключаетъ въ своихъ обширныхъ провинціяхъ различныя національности, исповѣдующія не одну католическую вѣру. Это затрудненіе было искусно обойдено. Статья 1-я постановляетъ, что католическая, апостольская и римская религія будетъ постоянно хранима на всемъ протяженіи австрійской имперіи и во всѣхъ провинціяхъ ее составляющихъ, въ совершенномъ согласіи со всѣми правами и преимуществами, которыми она должна пользоваться въ силу порядка, установленнаго Богомъ и каноническими законами. Статья 2-я уничтожаетъ воздвигнутыя Иосифомъ II преграды между папою и австрійскимъ духовенствомъ. Она говоритъ, что такъ какъ римскому первосвященнику принадлежитъ по божественному праву первенство юрисдикціи во всей церкви, то взаимныя сношенія епископовъ, и духовенства съ Ватиканомъ во всемъ, что касается духовныхъ дѣлъ, не будутъ подчинены необходимости получать утвержденіе высшей власти и будутъ совершенно свободны. Точно также, по статьѣ 3-ей, архіепископы или епископы и прочій клиръ, могутъ свободно сообщаться, для исполненія своей пастырской обязанности, съ духовен-

ствомъ и народомъ своихъ епархій. Они безпрепятственно могутъ обнародывать свои инструкции и предписанія въ церковныхъ дѣлахъ. Статья 4-я даетъ архіепископамъ и епископамъ право рукополагать священниковъ и благословлять на служеніе низшій церковный причтъ по предварительномъ свесеніи съ его императорскимъ и королевскимъ величествомъ, учреждать, соединять или раздѣлять приходы, созывать областные соборы и епархіальные синоды, равно какъ и обнародывать ихъ акты. Статья пятая, касающаяся народнаго образованія, имѣетъ большое значеніе. Она постановляетъ, что образованіе всего католическаго юношества во всѣхъ школахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, будетъ сообразно съ ученіемъ католической церкви. Епископы, сообразно съ обязанностями ихъ пастырской должности, будутъ руководить религіознымъ воспитаніемъ во всѣхъ общественныхъ и частныхъ учебныхъ и ученыхъ заведеніяхъ, и съ величайшею бдительностію должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ преподаваніи не было ничего противнаго католической вѣрѣ и ея догматамъ. По статьѣ шестой, выборъ профессоровъ богословія и все къ нимъ относящееся предоставлено епископамъ. Статья седьмая, объясняетъ подробнѣе пятую. Въ гимназіяхъ и среднихъ школахъ, назначенныхъ для католическаго юношества, профессорами или учителями будутъ избираемы только католики, и общій порядокъ преподаванія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ юниться къ тому, чтобы вселять въ сердцахъ юношества законы христіанской жизни. Епископы, условившись между собою, рѣшатъ, какія книги должны быть употребляемы въ школахъ для религіознаго обученія. Что касается до выбора учителей закона Божія въ общественныхъ гимназіяхъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то мудрыя постановленія, начертанныя по этому предмету, останутся во всей своей силѣ. Статья восьмая, примѣняетъ тѣ-же постановленія къ элементарнымъ школамъ. Всѣ учителя элементарныхъ школъ, назначенныхъ для католиковъ, будутъ подчинены церковному надзору. Императоръ будетъ назначать инспекторовъ епархіальныхъ школъ изъ числа лицъ, предложенныхъ епархіальнымъ епископомъ; еслибы случилось, что въ этихъ шко-

лахъ не было обращено нужнаго вниманія на религіозное образованіе, то епископъ имѣетъ полное право назначить духовное лицо для обученія дѣтей катихизису. «Чтобы имѣть надзоръ за дѣтми, говоритъ таже статья, необходима чистая вѣра. Кто совратится съ истиннаго пути, тотъ будетъ устраненъ.» Статья девятая, дополняетъ предыдущую, постановляя, что архіепископы или епископы и всѣ мѣстные священники будутъ безпрепятственно пользоваться принадлежащимъ имъ правомъ клеймить свою ценсурою книги, опасныя для религіи и добрыхъ нравовъ, и отвращать вѣрныхъ отъ чтенія этихъ произведеній. Съ своей стороны правительство позаботится о томъ, чтобы подобныя книги не распространялись въ имперіи и приметъ надлежащія къ тому мѣры. Статьи 10, 11, 12, 13 и 14 посвящены опредѣленію юрисдикціи епископовъ въ дѣлахъ церковныхъ и ограниченію власти трибуналовъ въ гражданскихъ дѣлахъ, въ которыя замѣшаны духовныя лица. Сообразуясь съ обстоятельствами, говоритъ статья 13-я, его святѣйшество соглашается, чтобы гражданскія дѣла клириковъ, какъ напримѣръ, контракты, долги, наслѣдства, принадлежали вѣдомству свѣтскихъ судей. По той же причинѣ, прибавляетъ статья 14-я, папскій престолъ не противится тому, чтобы преступленія и проступки духовныхъ лицъ, подлежащія наказанію, предписанному законами имперіи, были разсматриваемы гражданскимъ судьей, съ условіемъ, чтобы послѣдній увѣдомлялъ немедленно епископа. Сверхъ того, при арестованіи виновнаго будутъ соблюдены всѣ формы, налагаемыя уваженіемъ къ духовному его сану. Если противъ духовнаго лица будетъ пропнесень смертный приговоръ или тюремное заключеніе, превышающее пятилѣтній срокъ, то въ обоихъ случаяхъ судебные акты должны быть представлены епископу, который имѣетъ право выслушивать виновнаго до-тѣхъ-поръ, пока будетъ нужно, чтобы быть въ состояніи опредѣлить церковное наказаніе, которому послѣдній долженъ подвергнуться. Тоже будетъ имѣть мѣсто по просьбѣ епископовъ, когда будетъ опредѣлено и менѣе важное наказаніе. Мѣста тюремнаго заключенія духовныхъ лицъ должны быть отдѣлены отъ мѣстъ заключенія мірянъ. Если первые будутъ осуждены только за

проступокъ или нарушение законовъ, то будутъ заключаемы въ монастырь или другой церковный домъ. Въ эту статью вовсе не вошли тѣ случаи, которые были разсмотрѣны тридентскимъ соборомъ. Святѣйшій отецъ и его апостольское величество, въ случаѣ необходимости, озаботятся ихъ разсмотрѣніемъ. Статья 15-я подтверждаетъ льготы храмовъ. — Статья 16-я, касается уваженія, которое должно быть оказываемо священникамъ, какъ со стороны служебныхъ лицъ имперіи, такъ и со стороны народонаселеній. Статья 17-я, отдаетъ семинаріи подъ исключительное управленіе епископовъ; если оклады этихъ учрежденій окажутся недостаточными, то они будутъ увеличены въ нужной пропорціи. По статьѣ 18-ой, папа предоставляетъ себѣ право учреждать новыя епархіи, назначать имъ границы, сносясь предварительно по этому предмету съ правительствомъ. Въ своемъ выборѣ епископовъ, императоръ долженъ спрашивать мнѣнія другихъ епископовъ, въ-особенности провинціальныхъ (статья 19-я). Статья 20-я, заключаетъ формулу присяги, которую должны давать императору митрополиты и епископы предъ вступленіемъ ихъ въ управленіе своими епархіями. По статьѣ 21-ой, духовныя лица, умирая, могутъ располагать своимъ имуществомъ за исключеніемъ церковныхъ украшеній; въ этомъ отношеніи они слѣдуютъ святымъ канонамъ, которые одинаково должны быть соблюдаемы и законными наслѣдниками, наслѣдующими *ab intestat*. Во всѣхъ митрополичьихъ или архіепископскихъ церквахъ, его святѣйшеству будетъ принадлежать право жаловать первый санъ, если только послѣдній не находится подъ частнымъ свѣтскимъ покровительствомъ, въ каковомъ случаѣ папѣ будетъ принадлежать право жаловать второй санъ. Слѣдующія статьи относятся къ назначенію на мѣста канониковъ и священниковъ, что, смотря по обстоятельствамъ, зависитъ отъ епископовъ, патроновъ и императора. Статья 25-я, опредѣляетъ положеніе монаховъ наиболѣе своеобразнымъ образомъ съ принципами церкви. Лица чернаго духовенства, говоритъ эта статья, которыя, по уставамъ ордена, подчинены генеральнымъ начальникамъ, имѣющимъ пребываніе при римскомъ дворѣ, будутъ управляемы самими этими начальниками, согласно съ правилами,

начертанныхъ уставовъ ихъ ордена, за исключеніемъ власти епископовъ, какъ этого требуютъ каноническія постановленія и въ-особенности декреты тридентскаго собора. Такимъ образомъ генеральные начальники могутъ свободно сносятся съ своими подчиненными во всемъ, что касается ихъ должности; имъ также принадлежитъ право визитировать своихъ подчиненныхъ. Впрочемъ, монахи могутъ безпрепятственно наблюдать правила своего ордена, института или конгрегаціи, и принимать послушниковъ и профессоровъ, сообразуясь съ предписаніями Ватикана. Всѣ эти постановленія должны быть одинаково наблюдаемы и въ отношеніи монахинь, на сколько они могутъ быть примѣнимы къ послѣднимъ. Архіепископы и епископы имѣютъ право, основываясь на канонахъ, учреждать въ подвѣдомственныхъ имъ епархіяхъ ордена или религіозныя конгрегаціи; въ этомъ случаѣ они, однако, сообщаютъ о своихъ намѣреніяхъ правительству. Статья 29-я, даетъ церкви право пріобрѣтать всякимъ законнымъ путемъ новыя имущества. Собственность, принадлежащая ей въ настоящее время, или которую она пріобрѣтетъ впослѣдствіи, будетъ торжественно за нею обезпечена. Что касается до старыхъ или новыхъ церковныхъ учреждений, то они не могутъ быть соединяемы или учреждаемы безъ согласія папскаго двора, за исключеніемъ правъ, даруемыхъ епископамъ тридентскимъ соборомъ. Статьи 30, 31, 32 и 33-я, посвящены примѣненію этихъ постановленій къ различнымъ родамъ интересовъ, которыхъ онѣ касаются. Статья 34-я, постановляетъ, что все относящееся къ церковнымъ лицамъ и вещамъ, и о чемъ не было упомянуто въ предъидущихъ статьяхъ, будетъ опредѣляемо и управляемо согласно съ ученіемъ церкви и съ нынѣ дѣвствующею дисциплиною, одобренною Ватиканомъ. Слѣдующая статья дополняетъ эти постановленія, объявляя недействительными всѣ прежніе несогласные съ ними законы. Наконецъ, послѣдняя 36-я статья относится къ обмѣну ратификацій.

Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвело появленіе этого акта въ Европѣ и особенно въ Германіи. Тѣже опасенія обнаружались и въ Италіи, странѣ по преимуществу католической. Тоскана, вслѣдствіе сношеній по этому предме-

ту съ римскимъ дворомъ, отчасти отказывалась отъ леопольдовыхъ законовъ; но во всякомъ случаѣ она не пошла такъ далеко, какъ Австрія относительно іосифизма, и аналогія положеній заставляла думать, что великогерцогское правительство пойдетъ по этому же пути.

Въ Ломбардіи, впрочемъ, нѣкоторые прелаты, именно миланскій архіепископъ, обнаружили неумѣрную ревность, которая въ началѣ поселила опасенія въ самомъ австрійскомъ правительствѣ. Эти неумѣстныя демонстраціи убѣдили обѣ державы, подписавшія конкордатъ, въ необходимости, какъ можно скорѣе условиться о дальнѣйшемъ развитіи заключавшихся въ этомъ конкордатѣ основныхъ положеній. Съ этою цѣлю, было рѣшено созвать собраніе епископовъ подъ председательствомъ вѣнскаго архіепископа и апостольскаго кардинала-нунція. Созваніе это послѣдовало со стороны графа Туна и нунція, дѣйствовавшаго отъ имени папы, который, впрочемъ, прямо обратился къ австрійскимъ епископамъ, указавъ имъ на тѣ принципы, которыми они должны были руководиться въ своихъ преніяхъ. Циркуляръ графа Туна былъ отъ 25-го января, 1856 года, и опубликованъ 8-го марта въ Вѣнской Газетѣ. Накаунтъ этотъ официальный журналъ также объявлялъ приказъ, составленный въ духѣ конкордата и относившійся къ соблюденію воскресеній и праздничныхъ дней въ Вѣнѣ и округахъ подвѣдомственныхъ полиціи этого города.

Другой не менѣе важный вопросъ былъ поднять предписаніемъ вѣнскаго кардинала-архіепископа относительно погребенія мертвыхъ. Чинъ отдѣльнаго погребенія католиковъ и протестантовъ, заключающійся въ этомъ предписаніи, въ сущности нельзя оспаривать. Самые ревностные протестанты едва ли стануть отрицать его справедливость. Дѣйствительно, было бы не послѣдовательно съ ихъ стороны требовать погребенія на одной землѣ съ католиками, послѣ того, какъ они жили по обрядамъ особой религіи; но собственно затрудненія являются въ примѣненіяхъ этого принципа. Въ Австріи кладбища вообще не составляютъ собственности церквей: онѣ принадлежатъ общинамъ. И потому одному духовенству не можетъ принадлежать право раздѣ-

лять ихъ на разныя части, назначать одну часть для погребенія католиковъ, а другую для погребенія протестантовъ; логика требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ они дѣйствовали въ согласіи съ общинною властію. Съ другой стороны, такъ какъ принципъ общаго погребенія преобладалъ со времени царствованія Юсифа II, то понятно, что фамилные склепы приобрѣли права, которыя должны быть уважены государствомъ и церковью. Австрійское правительство не могло не понять этого, и, какъ видно, оно, дѣйствительно, рѣшилось сохранить вездѣ *statu quo* до-тѣхъ-поръ, пока духовенство и общинныя власти не условятся о назначеніи различными вѣроисповѣданіямъ отдѣльных мѣстъ для погребенія.

- Собраніе епископовъ, съ перваго же засѣданія, рѣшилось принять названіе епископской конференціи. Это было сдѣлано въ угоду правительству, которое не безъ сожалѣнія согласилось бы на созваніе настоящаго національнаго собора. Что касается до вопроса о предсѣдательствѣ, который по мнѣнію печатныхъ органовъ, долженъ былъ подать поводъ къ столкновеніямъ, то онъ былъ разрѣшенъ какъ нельзя удовлетворительнѣе для обѣихъ сторонъ. Такъ какъ нунцій долженъ былъ присутствовать на засѣданіяхъ, касавшихся общихъ вопросовъ, то и предсѣдательствовалъ на нихъ. Въ остальныхъ же случаяхъ предсѣдателемъ избирался одинъ изъ трехъ австрійскихъ кардиналовъ. Засѣданія эти остались въ глубокой тайнѣ. До-сихъ-поръ извѣстны только рѣчи аграмскаго архіепископа и нунція, произнесенныя въ послѣднемъ засѣданіи (17-го іюня). Судя по словамъ двухъ прелатовъ, видно, что собраніе это выполнило возложенное на него порученіе къ обоюдному удовольствію государства и церкви. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать важности этого акта, такъ прямо идущаго на перекоръ духу нашего времени. Оппозиція его движенію тѣхъ идей, которыя начались пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, очевидна, и австрійское правительство, жертвуя папскому престолу твореніемъ Юсифа II, ошибается, если думаетъ этимъ путемъ влить жизненный токъ въ устарѣвшія жилы своего государственнаго организма.

VI.

Событія, пережитыя Австрією въ знаменательную для нея эпоху послѣ революціи 1848 года и до парижскаго конгресса, преимущественно касались двухъ главныхъ стремлений ея преобладанія: релігіознаго, выраженнаго въ конкордатѣ, и политическаго, проявившагося въ постоянныхъ ея усиліяхъ удержать за собою верхнюю Италію и въ попыткѣ овладѣть дунайскими княжествами. Виѣстѣ съ послѣднимъ обстоятельствомъ тѣсно былъ связанъ, такъ называемый, восточный вопросъ, въ которомъ Австрія приняла столь дѣятельное участіе.

Какъ не важенъ былъ конкордатъ, заключенный съ Римомъ 18-го августа, онъ менѣе обратилъ на себя вниманіе Европы, чѣмъ переговоры, начавшіеся съ великими державами по поводу восточнаго вопроса. Положеніе Австріи до прекращенія вѣнскихъ конференцій было, такъ сказать, пассивное. Не нужно было употреблять большихъ усилій, чтобы заставить эту державу отдѣлиться отъ Россіи. Хотя Вѣна и дала свое имя нотамъ, заключавшимъ первую формулу четырехъ гарантій, трактата 2-го декабря 1854 года, и послѣдовавшимъ затѣмъ конференціямъ; хотя этотъ городъ и былъ мѣстомъ переговоровъ съ самаго начала европейскаго кризиса, тѣмъ не менѣе инициатива послѣдовала со стороны Франціи. Парижскій кабинетъ, руководимый Друэнъ-де-Люисомъ, игралъ во всѣхъ случаяхъ главную роль. Какъ скоро былъ заключенъ союзъ съ Англіей, французское правительство употребило всѣ свои усилія для присоединенія къ этому союзу и Австрію. Очевидно, что Друэнъ-де-Люисъ съ этимъ намѣреніемъ постановилъ условіями будущаго мира четыре пункта, изъ которыхъ два были особенно благоприятны для Австріи и должны были необходимо заинтересовать ее и въ успѣхѣ и остальныхъ двухъ, имѣвшихъ болѣе общую цѣль. Эти четыре условія, составленные такъ, чтобы принять все развитіе, совмѣстное съ разиѣрами, которые могла принять война, сдѣлались основаніемъ договора 2-го декабря, котораго подписаніе, настойчиво требуемое отъ Вѣны

Францією, было въ нѣкоторой степени навязано ею въ Лондонѣ, гдѣ сначала не хотѣли признать его.

Во время вѣнскихъ конференцій счастливая идея была введена въ истолкованіи третьяго пункта, именно идея нейтрализаціи Чернаго моря; она была подана тоже Францією; ее принесъ въ Вѣну самъ Друэнъ-де-Люисъ, и первые слѣды ея мы видимъ въ одномъ изъ протоколовъ этой конференціи. Сдача Севастополя способствовала ея принятію; но положеніе войны было не рѣшительно, и Австрія не полагала возможнымъ съ своей стороны присоединиться къ столь радикальной комбинаціи, заставляя перваго французскаго уполномоченнаго искать въ искусно задуманномъ тройственномъ трактатѣ тѣхъ гарантій, которыхъ онъ сначала требовалъ для уничтоженія всякаго морскаго укрѣпленія на Черномъ морѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ вѣнскія конференціи были прерваны. Австрія объявила, что не сдѣлаетъ шагу болѣе впередъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ, распустила около 60,000 человекъ своей наличной арміи. Такимъ образомъ между союзниками 2-го декабря произошли большія несогласія; но узы, соединившія ихъ, были сильнѣе этихъ несогласій, а именно, это были четыре пункта, основанные на общихъ интересахъ, и которые оставались неприкосновенными. Съ общаго согласія было объявлено, что трактатъ самъ сохраняетъ всю свою обязательную силу. Для будущихъ переговоровъ было готово прочное основаніе, и тѣмъ болѣе прочное, что оно переживало этотъ кризисъ. Эти четыре пункта могли бы принять болѣе обширные размѣры въ день сдачи Севастополя, и тогда идея нейтрализаціи, столь испугавшая Австрію, но о которой послѣдняя помнила, хотя и не съ ея стороны послѣдовала инициатива, естественно дѣлалась въ этомъ случаѣ возможною.

Во всякомъ случаѣ унорство австрійскаго кабинета, который не желалъ видѣть причины къ войнѣ въ несогласіи, выраженномъ Россією относительно ограниченія своихъ силъ на Черномъ морѣ, доставило германскимъ правительствамъ и особенно Пруссіи, случай отказаться отъ прямаго вмѣшательства и оставаться внѣ всякой борьбы. Австрійскому дво-

ру не трудно было замѣтить вредныя послѣдствія принятаго имъ образа дѣйствій. Онъ также могъ убѣдиться, что общественное мнѣніе, какъ Франціи, такъ и Англии было раздражено противъ него, и что это раздраженіе должно было отразиться и на правительствахъ двухъ націй.

Вслѣдствіе этого, вѣнскій кабинетъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отклонить тѣ пересуды, предметомъ которыхъ могло сдѣлаться его поведеніе, какъ въ Германіи, такъ и у державъ, подписавшихъ трактатъ 2-го декабря 1854 года. Не желая войны, потому что не надѣялся съ успѣхомъ выдержать ее до сдачи Севастополя, онъ искренно желалъ, чтобы результаты непріязненныхъ дѣйствій были какъ можно благопріятнѣе. У всѣхъ еще въ памяти, какъ обрадовалась Австрія сдачѣ Севастополя, и въ новыхъ предложеніяхъ мира, инициатива которыхъ принадлежитъ ей вмѣстѣ съ Франціею и Англіею, она старалась дать четыремъ гарантіямъ возможно большую обширность.

Дѣйствительно эти предложенія, посланныя въ Парижъ и Лондонъ въ ноябрѣ 1855 года, налагали на Россію обязательства, изъ которыхъ даже нѣкоторыя были совершенно неожиданны. Такъ, въ статьѣ, касающейся княжествъ, эти предложенія не только устраняли исключительный протекторатъ Россіи, но и уничтожили всякое частное вмѣшательство въ ихъ внутреннія дѣла.

Окончательному устройству этихъ княжествъ была предоставлена возможно большая свобода; въ основаніи ея положено было только три совершенно законныя условія: на первомъ планѣ была инициатива Турціи, какъ державы-владительницы этихъ княжествъ, далѣе согласіе гарантирующихъ державъ, и наконецъ желаніе народонаселеній этихъ княжествъ. Вѣнскій кабинетъ устанавливалъ также основной принципъ защитительной системы для Молдаво-Валахін, освободивъ его отъ всѣхъ преградъ, которыя полагали ему трактаты и обычаи. Цѣль Австріи состояла въ томъ, чтобы сдѣлать изъ этихъ княжествъ первый оплотъ оттоманской имперіи, и мѣры эти, принятія въ отношеніи защитительной системы княжествъ, примѣнялись также и къ ея собственнымъ границамъ. Постановляя, что несбыкновеннымъ мѣ-

армъ защиты, къ которымъ княжества могутъ обратиться для отраженія всякаго вѣшняго нападенія, не будетъ оказано никакихъ препятствій, Австрія нѣкоторымъ образомъ обезоруживала самое себя, чтобы тѣмъ свободнѣе напасть на Россію въ случаѣ неминуемаго разрыва съ этой державой. Притомъ предложенія вѣнскаго кабинета вводили новую и весьма важную идею, идею новаго разграниченія княжествъ.

Освобожденіе Дуная должно было быть гарантировано учрежденіемъ европейской комиссіи и присутствіемъ сторожевыхъ судовъ или брандвахтъ различныхъ морскихъ державъ въ устьяхъ этой рѣки. Съ другой стороны территоріальная ректификація дѣлала, плаваніе по дельтѣ, образуемой тремя устьями рѣки Дуная, волюнѣ нейтральнымъ. Что касается до третьяго пункта, то Австрія приняла также нейтрализацію Чернаго моря.

Четвертый пунктъ тоже былъ рѣшенъ въ смыслѣ предложенія австрійскаго кабинета весьма удовлетворительно. Въ Константинополѣ открылись между Портою и ея союзниками конференціи для опредѣленія положенія христіанъ. Было признано, что эти конференціи окончатъ свой трудъ до заключенія мира, такъ что Россія, подписывая послѣдній, изъявила бы только свое согласіе касательно устройства положенія христіанъ, предмета, о которомъ она и прежде трактовала съ Портою безъ всякаго участія западныхъ державъ.

Наконецъ вѣнскій кабинетъ, согласно съ положеніями трактата 2-го декабря, принималъ оговорку, сдѣланную Франціею и Англіею, и состоявшею въ составленіи, для обще-европейской пользы, особыхъ условій сверхъ четырехъ гарантій. Эти предложенія, утвержденныя и точнѣ опредѣленныя въ нѣкоторыхъ пунктахъ Франціею и Англіею, были представлены въ видѣ ультиматума русскому двору австрійскимъ посланникомъ, графомъ Эстергази. Въ то же время императоръ Францъ-Иосифъ приглашалъ Пруссію и нѣкоторые изъ главныхъ второстепенныхъ государствъ Германіи поддержать этотъ ультиматумъ въ видахъ сохраненія мира. Германія сильно желала мира, но видя, что въ числѣ условій, постановленныхъ Австріею, находится уступка терри-

торіи, стала сильно опасаться за пріемъ ихъ въ Петербургѣ. Многія правительства ясно выразили въ своихъ мнѣніяхъ, что эти предложенія были несогласны съ достоинствомъ Россіи, и нѣкоторые прямо сказали, что не берутся совѣтовать русскому кабинету принять ихъ. Тѣмъ не менѣе австрійское правительство осталось вѣрно обязательствамъ, даннымъ своимъ союзникамъ: не допускать никакихъ переменъ въ этихъ условіяхъ, и требовать подъ страхомъ разрыва, простаго и полного принятія ея ультиматума втеченіе трехъ недѣль, начиная съ того дня, когда онъ былъ врученъ канцлеру имперіи. Дѣйствительно, измѣненія въ ультиматумѣ, предложенныя Россіею, не были приняты вѣнскимъ кабинетомъ. Австрія дѣйствовала въ этомъ случаѣ съ расчетомъ, показывая видъ, что готова разорвать съ Россіей послѣднія связи и объявить ей войну, съ другой же стороны она ловко скрывала предъ западными державами ту опасность со стороны славянскихъ народностей, Венгріи и Италіи, которыя одни и были причиною, удерживавшею ее отъ открытыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Видя съ этой стороны неудачу, она хотѣла разыграть, если не первую, то по крайней мѣрѣ, дѣятельную роль въ предстоящихъ вреніяхъ по случаю заключеннаго мира. Такимъ образомъ согласно съ мнѣніемъ Англии и Россіи, или лучше сказать, съ мнѣніемъ всей Европы, Австрія избрала Парижъ мѣстомъ будущаго конгреса. Изъ протоколовъ засѣданій этого конгреса образъ дѣйствій обоихъ австрійскихъ уполномоченныхъ, какъ въ положеніяхъ парижскаго трактата, такъ и въ послѣдовавшихъ затѣмъ спорахъ, почти во всемъ согласовался съ дѣйствіями представителей другихъ державъ. За исключеніемъ вопроса о соединеніи при-дунайскихъ княжествъ, въ которомъ графъ Буоль выразилъ мнѣніе противное мнѣнію графа Валевскаго, оба представителя Австріи во всемъ касавшемся до условій мира дѣйствовали постоянно за-одно съ прочими уполномоченными. Дѣйствительно, мы не видимъ несогласія въ возраженіяхъ, сдѣланныхъ вначалѣ графомъ Буолемъ относительно примѣненія принципа свободнаго плаванія на всемъ протяженіи Дуная. Первый австрійскій уполномоченный не замѣдлилъ присоединиться къ мнѣнію, выра-

женному Франціею объ этомъ предметѣ. Во время преній, послѣдовавшихъ по заключеніи мира, австрійскіе уполномоченные еще разъ были поставлены въ довольно щекотливое положеніе, изъ котораго, впрочемъ, они умѣли искусно выпутаться. Графъ Буоль не былъ смущенъ рѣчами лорда Кларендона и графа Кавура объ итальянскихъ дѣлахъ. Онъ согласился, однако, съ первымъ французскимъ уполномоченнымъ въ необходимости возможно-скорѣйшаго очищенія папскихъ владѣній, какъ австрійскими, такъ и французскими войсками. Независимо отъ большихъ выгодъ, которыя Австрія извлекла изъ мира, согласно съ ея желаніямъ, она должна была радоваться скрѣпленію союза, доставившаго ей эти результаты. Еще во время вѣнскихъ конференцій, Австрія добивалась у Франціи и Англіи обѣщанія заключить между собою отдѣльный трактатъ. Она не упустила изъ виду этого проекта, и важный актъ, основаніе которому было положено въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1855 года, былъ подписанъ въ Парижѣ 15-го апрѣля 1856 года. Этотъ трактатъ, который не былъ обнародованъ ни во Франціи, ни въ Австріи, но былъ сообщенъ англійскимъ кабинетомъ парламенту, имѣлъ цѣлю опредѣлить образъ дѣйствій державъ, подписавшихъ трактатъ, въ случаѣ нарушенія условій парижскаго мира. Статья первая говорила, что договаривающіяся державы гарантируютъ независимость и цѣлость оттоманской имперіи, освященной парижскимъ трактатомъ. Въ силу второй статьи, державы, подписавшія этотъ трактатъ, всякое нарушеніе условій парижскаго трактата будутъ почитать какъ *casus belli* — поводомъ къ войнѣ. Онѣ имѣютъ условиться съ высокою Портою о принятіи мѣръ, сдѣлавшихся необходимыми и о назначеніи ихъ морскихъ и сухопутныхъ военныхъ силъ. Этотъ тройственный договоръ, предложенный Австріей въ видахъ строгаго соблюденія условій парижскаго трактата можетъ служить новымъ доказательствомъ двусмысленной политики габсбургскаго дома въ отношеніи къ Россіи. Послѣ этого мира, Австрія рѣшилась возвести бывшего уполномоченнаго въ дѣлахъ при парижскомъ дворѣ барона Гюбнера на степень посланника точно также, какъ и Наполеонъ съ своей стороны, отмѣнивъ французскую лега-

цію въ Вѣнѣ, назначилъ туда посланникомъ барона Буркене. Но эти обоюдные знаки дружбы и уваженія врядъ ли могли служить хорошимъ предзнаменованіемъ для вѣдшихъ отношеній обѣихъ державъ. Не смотря на то, что очень недолгое время спустя, молодой принцъ австрійскаго дома, великій герцогъ Максимилианъ, братъ императора Франца-Иосифа, прибылъ въ Парижъ для заключенія личныхъ отношеній между обоими дворами, общая молва предсказывала уже непрочность этой дружбы. Горестное состояніе Ломбардо-Венеціи, обязательства Франціи въ отношеніи къ Сардиніи и Піэмонту стояли выше всѣхъ изъявленій дружескихъ чувствъ австрійскаго правительства, которое не въ состояніи было своимъ двуличнымъ дипломатизмомъ отстранить вмѣшательство Франціи въ дѣлахъ сѣверной Италіи.

Съ своей стороны вѣнскій кабинетъ внимательно слѣдитъ за спорами, возникшими въ піэмонтскомъ парламентѣ по поводу итальянскихъ дѣлъ. На него произвели весьма дурное впечатлѣніе рѣчи графа Кавура о взаимномъ положеніи другъ къ другу Австріи и Піэмонта со времени мира. Онъ отправилъ по этому случаю къ остальнымъ государствамъ полуострова циркуляръ, въ которомъ протестовалъ противъ намѣренія туринскаго кабинета подымать голосъ отъ имени Италіи.

Парижскому конгрессу оставалось еще рѣшить другой вопросъ, вопросъ объ устройствѣ дунайскихъ княжествъ, который весьма замедлилъ бы мирные переговоры. Нужно было позаботиться объ этомъ. Вѣнскій кабинетъ тревожно смотрѣлъ на всеобщее желаніе, которое высказывалось въ пользу соединенія этихъ княжествъ. Имѣя въ виду племенное единство, существующее между Молдаво-Валахією и трансильванскими румынами, австрійскій дворъ думалъ, что его выгоды требовали не поддерживать въ этихъ княжествахъ національнаго чувства, а напротивъ, по возможности, ослаблять его въ пользу турецкаго господства. Мы видѣли уже подъ влияніемъ какихъ идей была Австрія, когда вмѣсто того, чтобы показать первый примѣръ соблюденія условій парижскаго трактата, она медленно и нехотя отзывала войска свои изъ румынскихъ княжествъ. Ополченія воевавшихъ державъ давно уже очистили мѣста, бывшія театромъ ихъ враждеб-

ныхъ столкновений, одна Австрія, не пролившая ни капли крови въ этой гигантской войнѣ, вышла отсюда послѣдняя, и то, какъ мы это видѣли, послѣ неоднократныхъ напоминаній.

VII.

Административныя реформы Австріи, которыя мы въ самомъ началѣ представили въ ихъ общемъ очертаніи, требуютъ теперь ближайшаго ознакомленія. Событія, ознаменовавшія 1848 годъ, ни въ одной странѣ, быть можетъ, не имѣли столь важнаго значенія, какъ въ Австріи. Держава эта, бывшая дотогѣ олицетворенною неподвижностію, въ мірѣ политическомъ, слѣпо держалась рутинѣ и прежнему порядку, вытѣсненному давно изъ политической и гражданской жизни прочихъ народовъ Европы. Хотя противъ воли, но Австрія должна была приступить къ преобразованіямъ, иначе она бы не выдержала натиска народныхъ движеній, зашевелившихся въ ея нѣдрахъ. Доказательство этому она ясно видѣла въ томъ всеобщемъ разрушеніи имперіи, которое было порождено вспыхнувшей революціей въ Венгріи. Такимъ образомъ весь прежній порядокъ вещей былъ устраненъ и на очищенномъ отъ прежнихъ учреждений пространствѣ было построено новое общественное зданіе Австріи. 1848 годъ рѣзко отдѣлилъ двѣ системы управленія и въ политическомъ и въ судебно-административномъ отношеніи. Если верховная власть, ослѣвивъ революціонное движеніе, снова вошла въ прежнія свои права, она все-таки не рѣшилась воспротивиться новымъ стремленіямъ. Послѣдующія ея преобразованія носятъ въ себѣ ясныя слѣды, которые показываютъ, что переворотъ 1848 года не былъ однимъ переходнымъ торжествомъ переходныхъ идей, но что онъ былъ для Австріи началомъ новой эры и въ администраціи и политикѣ, отрицательное проявленіе которой съ каждымъ днемъ становилось яснѣе.

Почти всѣ учрежденія, лежащія въ основаніи современнаго состава австрійской имперіи понесли радикальное измѣненіе, и тотъ, кто желаетъ ближе познакомиться съ этими

учрежденіями, необходимо долженъ изучить три совершенно отдѣльные другъ отъ друга періоды ихъ измѣненій, а именно: состояніе Австріи до 1848 года, переходное время революцій, и преобразованія вызванныя этимъ послѣднимъ переворотомъ. Мы обратимъ преимущественно вниманіе на эти послѣднія; но чтобы уяснить и легче понять ихъ явленіе, скажемъ нѣсколько словъ о двухъ первыхъ. Положеніе Австріи до 1848 года болѣе или менѣе извѣстно. Области, составляющія въ настоящее время Австрію, подпавшія ея владѣнію въ слѣдствіе наслѣдственныхъ правъ, завоеванія или произвольнаго завладѣнія, сохранили большею частію свои національныя особенности. Ихъ историческія преданія, права и законы были столь же многообразны, какъ и племена, которыя вошли въ составъ этой монархіи. Государство это въ своемъ разнородномъ составѣ не имѣло даже имени въ эпоху когда Іосифъ II далъ ему титулъ австрійской монархіи.

Области племенъ германскаго и чешскаго происхожденія имѣли свое представительное правленіе. Въ Венгріи, напротивъ, штаты составляли родъ законодательнаго собранія. Въ Галиціи представительное правленіе было введено современи присоединенія этой области къ Австріи. Въ ломбардо-венціанскомъ королевствѣ конституція 1815 года, образовала провинціальныя общины, бывшія представителями народа. Остальныя провинціи, какъ напримѣръ Далмація и Военная Граница, не имѣютъ сеймовъ.

Административныя власти были также многообразны, какъ и провинціальныя управленія. Комитаты въ Венгріи и Трансильваніи были подъ управленіемъ комиссій (*municipien*), избравшихся на извѣстное время. Области нѣмецкія, иллирійскія, итальянскія, чешскія и польскія имѣли почти тоже управленіе. Чиновная ихъ іерархія ограничивалась тремя степенями: областнымъ правителемъ, начальникомъ округа и уѣзднымъ судьей. Эти провинціальныя власти имѣли свое средоточіе въ Вѣнѣ, гдѣ находилась канцелярія народнаго суда Венгріи, другая канцелярія для Трансильваніи и такъ называемыя *Hofstelle* для остальныхъ выше поименованныхъ провинцій. Однимъ словомъ Австрія представляла нѣчто въ

родѣ федераціи различныхъ племенъ, управляемыхъ господствующимъ нѣмецкимъ племенемъ. Не смотря, однакожъ, на этого рода политическую независимость, какую, повидимому, пользовалась отдѣльная народности Австріи, области ея вовсе не были довольны своимъ положеніемъ. Идеи провинціальной независимости и племеннаго равенства были давно возбуждены въ областяхъ не германскаго происхожденія и правительство не рѣшалось явно идти на проломъ этимъ стремленіямъ, изъ опасенія, чтобы самое зданіе имперіи не поколебалось.

Насталъ наконецъ переломъ 1848 года. Въ одно мгновеніе пламя возстанія охватило Австрію съ одного конца до другаго, и племенной вопросъ выступилъ на первый планъ народныхъ притязаній, и уже недостаточна была для нихъ областная свобода въ управленіи: они требовали племеннаго равенства на равнѣ съ правами народа властелина. Статистическія таблицы быстро разнесли числительное преимущество народныхъ племенъ предъ племенемъ нѣмецкимъ и мы видѣли уже, какимъ образомъ законъ племеннаго равенства, или равноправности, — *Gleichberechtigung*, обозначивъ характеръ революціи, положилъ начало новому царствованію.

Мы видѣли также, какимъ путемъ шло преобразование Австріи при князѣ Шварценбергѣ, котораго смерть вовсе не остановила начатыхъ реформъ и весь 1852 годъ былъ посвященъ предварительной обработкѣ новой организаціи. Францъ-Иосифъ принялъ, какъ было сказано, въ свои руки дѣла имперіи и посѣтивъ нѣкоторыя изъ ея областей, чтобы самому удостовѣриться, въ какомъ состояніи онѣ находились, успѣшилъ издать въ январѣ 1853 года новое уложеніе, опредѣлившее политическую и административную организацію всѣхъ областей Австріи, за исключеніемъ ломбардо-венеціанскаго королевства.

Общій составъ провинціальныхъ учрежденій состоитъ изъ правителя области — *Statthalter'a*, или президента, — *Landespräsident*, изъ окружныхъ начальниковъ и изъ уѣздныхъ судей.

Штатгалтерство составляетъ высшую административную власть края, состоя въ прямой зависимости отъ министер-

ства внутреннихъ дѣлъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ сносятся съ другими министерствами.

Главные мѣста правленія суть слѣдующія: *Вьна* для нижней Австрій, *Линцъ* для верхней, *Инсбрукъ* для Тироля и Форарлберга, *Грѣцъ* въ Штиріи, *Триестъ* для триестинскаго округа, *Истрия* и для графствъ Горца и Градиска. *Зара* для Далмаціи, *Агра* или *Загребъ* для Кроаціи и Славоніи, *Прага* для Богеміи, *Брюннъ* для Моравіи, *Лембергъ* для Галиціи, *Темесваръ* для Баната и Сербской Воеводины, и наконецъ *Германштадтъ* для Трансильваніи. Всего двѣнадцать областныхъ управленій.

За исключеніемъ областеначальника или штатгалтера, находятся — одинъ вице-президентъ, надворный совѣтникъ, совѣтники штатгалтерства, секретари и канцеляристы.

Губернаторы эти, или штатгалтеры, получаютъ казенную квартиру и содержаніе отъ шести до восьми тысячъ гульденовъ, а иногда добавочнаго жалованья отъ четырехъ до восьми тысячъ гульденовъ. Вице-президентъ штатгалтерства получаетъ пять тысячъ гульденовъ; надворный совѣтникъ четыре тысячи гульденовъ; совѣтники, двѣ тысячи, двѣ тысячи пятьсотъ и три тысячи гульденовъ; секретари тысяча двѣсти и тысяча четыреста гульденовъ.

Штатгалтеръ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи исполнительную часть, которая поручается ему или императоромъ или министерствами. Присягу онъ приноситъ императору, а остальные чиновники штатгалтерства приносятъ ему въ свою очередь таковую. Полиція области находится въ прямой отъ него зависимости и онъ обязанъ слѣдить за порядкомъ и общественнымъ благосостояніемъ. Для предупрежденія или прекращенія беспорядковъ, онъ можетъ требовать содѣйствія другихъ властей и даже прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Онъ обязанъ также давать подробный отчетъ высшимъ властямъ обо всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, случающихся въ его области и такимъ образомъ ставить высшее правительство въ возможность имѣть немедленныя свѣдѣнія, гдѣ и что именно происходило.

Кромѣ того онъ обязанъ слѣдить за произведеніями литературы, за коммерческими предпріятіями, театрами, паспор-

тами и иностранцами. Отъ него идетъ дозволеніе на открытіе типографій, книжныхъ лавокъ, музыкальныхъ магазиновъ и проч. Отъ него зависить также назначеніе гражданскихъ чиновниковъ во вѣренной его управленію области, за исключеніемъ окружныхъ начальниковъ, комиссаровъ и чиновниковъ уѣзднаго суда. Онъ же выдаетъ отпуска подвѣдомственнымъ ему чиновникамъ и можетъ утверждать и выдавать награды, не превышающія сто гульденовъ.

Въ штатгалтерѣ сосредоточена высшая власть относительно публичныхъ работъ, содержанія дорогъ и общественныхъ зданій. Наконецъ онъ можетъ рѣшать дѣла первой и второй инстанціи, и тогда только можно апеллировать уѣздному судѣ или начальнику округа.

Кругъ дѣятельности каждаго штатгалтерства ограничивается слѣдующими дѣлами:

1) Политическая администрація области во всемъ ея объемѣ. Обнародованіе провинціальныхъ законовъ, пересмотръ и рѣшеніе въ высшей инстанціи тѣхъ дѣлъ, которыя получили рѣшеніе въ низшей. Слѣдствія по поводу самозваннаго дворянства. Попечительство о тюрьмахъ и смиренныхъ домахъ.

2) Дѣла духовнаго вѣдомства и народнаго образованія.

Landespräsident имѣетъ одинаковую власть съ штатгалтеромъ и находится въ прямой зависимости отъ министерствъ и центральныхъ властей. Главнѣйшія мѣста провинціальныхъ президентовъ находятся: въ Клагенфуртѣ для Каринтіи, въ Лейбахѣ для Карніоліи, въ Троицау для Силезіи, въ Зальцбургѣ, въ Черновцахъ для Буковины и въ Краковѣ для западной части Галиціи и краковскаго округа. Эти шесть провинцій вмѣстѣ съ двѣнадцатью вышеназванными областями составляютъ восемнадцать областей австрійской монархіи.

Начальники округовъ, подвластные штатгалтерству, назначены въ свою очередь уѣзднымъ судьямъ. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы объѣзжать какъ можно чаще уѣзды, или разсылать по разнымъ направленіямъ своихъ чиновниковъ, чтобы имѣть возможность доставлять высшему начальству подробныя свѣдѣнія о состояніи округа. Непол-

средственному ихъ вѣдѣнію принадлежитъ надзоръ за рекрутскими наборами, равно также и надзоръ за станціями, постоянными солдатъ и ихъ отпусками. Ихъ вѣдѣнію подлежатъ также дозволенія, даваемыя на построеніе дорогъ, мостовъ и каналовъ; на орошеніе полей, устройство прудовъ, или проведеніе водъ; устройство мельницъ, фабрикъ, шлюзъ, и вообще всѣ постройки относительно водной системы края. Дозволеніе объ устройствѣ дорогъ въ границахъ управляемаго округа, получается не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника округа; но если дорога должна проходить и чрезъ другіе округи или же примкнуть къ границѣ государства, начальники обязаны испросить на то разрѣшеніе высшихъ властей. Касательно же постройки церквей, приходовъ, училищъ и проч., начальники округовъ входятъ въ сношеніе съ духовнымъ вѣдомствомъ, чтобы сообщая съ нимъ начертать планъ и слѣдить за его исполненіемъ.

Они обязаны также строго наблюдать, чтобы организація общины не противорѣчила ихъ уставу. Споры относительно размежеванія общинныхъ земель начальники округовъ рѣшаютъ въ первой инстанціи.

Они имѣютъ также наблюденіе за взиманіемъ прямыхъ налоговъ; производятъ ревзію кадастра, поземельнаго налога и вообще строго слѣдятъ за своевременнымъ взиманіемъ податей и другихъ налоговъ.

Во главѣ уѣздовъ находятся уѣздный судья и его помощники. Содержаніе ихъ слѣдующее: судья получаетъ тысячу, тысячу сто, а иногда тысячу двѣсти гульденовъ, и сверхъ того казенную квартиру. Помощники его, по усмотрѣнію, получаютъ въ сложности отъ семи до восьми тысячъ гульденовъ. Судья обнародываетъ по своему уѣзду государственные законы. Слѣдить за общественнымъ порядкомъ и имѣть надзоръ за общинами, находящимися въ его уѣздѣ. Въ случаѣ пожара, наводненія или голода онъ обязанъ всѣми средствами стараться уменьшить или прекратить эти несчастія, вспомошествовать болѣе пострадавшимъ, изслѣдовать причины породившія эти несчастія, предать виновныхъ суду и проч. Онъ слѣдитъ также за исполненіемъ законовъ и предпи-

саней касающихся земледѣлія, лѣсничества, рыболовства и охоты.

Ближайшему и особенному его надзору подлежатъ мѣры полиціи исполнительныя. Въ вѣдѣніи его также состоятъ народное образованіе, экономическая часть зданій, принадлежащихъ общественному просвѣщенію, и обо всемъ этомъ онъ даетъ подробный отчетъ высшему начальству.

Вотъ вкратцѣ обязанности и кругъ дѣйствій провинціальныхъ властей въ ихъ трехъ главнѣйшихъ ступеняхъ, постановленныя новой административной организаціей австрійской имперіи. Разница между этой организаціей и главными положеніями конституціи 1849 года, состоитъ въ совершенной независимости провинціальныхъ властей, которыя находятся въ прямой отвѣтственности только передъ центральной властью, между тѣмъ какъ прежде, провинціальные сеймы, собраніе округовъ и уѣздовъ обязаны были ревизовать и даже контрлировать дѣйствія остальныхъ властей провинціи.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ 1853 года, образовались въ областяхъ австрійской имперіи особыя коммисіи подъ предсѣдательствомъ штатгалтеровъ или ихъ представителей. Коммисіи эти, снабженныя особенными инструкціями, составились изъ одного чиновника по финансовой части и изъ одинаковаго числа членовъ гражданской и судебной части. Цѣлью этихъ коммисій было размежеваніе и разграниченіе уѣздовъ и округовъ и назначеніе мѣстопребыванія для начальниковъ области. Далѣе, опредѣленіе пужнаго числа чиновниковъ, и вообще штатовъ касательно ихъ содержанія. Такимъ образомъ внутренній составъ современной Австріи вслѣдствіе новой ея организаціи легко можно обозрѣть въ отдѣльныхъ ея частяхъ. Начнемъ съ эрцгерцогства.

1) *Австрійское эрцгерцогство.* Вмѣстѣ съ Тиролемъ и Зальцбургомъ оно составляетъ ядро нѣмецкаго населенія имперіи. Такимъ образомъ естественная связь его и привязанность къ верховной власти были причиною, что эрцгерцогство не подверглось особымъ измѣненіямъ въ управленіи. Область эта издревле была въ непосредственномъ вѣдѣніи центральной власти.

Раздѣленное еще до 1848 года на верхнюю или нижнюю Австрію, — *ob der Enns* и *unter der Enns*, — эрцгерцогство сохранило это раздѣленіе и во время новаго провинціального размежеванія до 1849 года. Мы видѣли, что правительство первымъ условіемъ ослабленія вопроса о національностяхъ положило безконечное ихъ раздробленіе на части. Не довѣряя въ этомъ отношеніи и чисто германскому элементу, оно начало примѣнять систему подраздѣленій и къ чисто нѣмецкой части имперіи, а вмѣсто того, чтобы образовать изъ нея одно австрійское эрцгерцогство, правительство удержало разграниченіе Эннса. Оно не удовольствовалось этимъ и отдѣлило герцогство Зальцбургское отъ эрцгерцогства, не смотря на то, что племенное отличіе обоихъ населеній, не требовало этого подраздѣленія.

Нижняя Австрія, имѣя пространство въ триста сорокъ семь квадратныхъ миль и населеніе въ 1.095,959 душъ, прежде была раздѣлена на четыре округа. Императорскимъ приказомъ 4-го августа 1849 года она подраздѣлилась на семнадцать *Bezirks-hauptmannschaften*, и находится доселѣ въ этомъ подраздѣленіи. Новая организація, данная этой области въ ноябрѣ 1853 года, возстановила прежнее раздѣленіе 1848 года. Такимъ образомъ нижняя Австрія состоитъ теперь изъ слѣдующихъ четырехъ округовъ: 1) округъ *Unter-Wienerwald*, съ главнымъ городомъ Винеръ — Нейштатомъ, подраздѣленный на восемнадцать уѣздовъ. 2) Округъ *Ober-Wienerwald* съ главнымъ городомъ Сан-Полтенъ, подраздѣленный также на восемнадцать уѣздовъ. 3) Округъ *Unter-Manhartsberg*, съ главнымъ мѣстомъ Корнейбургъ, имѣетъ пятнадцать уѣздовъ. 4) Округъ *Ober-Manhartsberg* съ главнымъ городомъ Кремсъ, подраздѣленный на девятнадцать уѣздовъ. Вѣна же вмѣстѣ съ городской землей составляетъ средоточіе верховной власти и мѣстопребываніе высшаго областного начальства.

Верхняя Австрія, — *ob der Enns*, — заключаетъ въ себѣ пространство въ двѣсти восемь квадратныхъ миль съ населеніемъ 697,454 души. До 1848 года она раздѣлена была на четыре округа: Мюлкрейсъ, Гаусруккрейсъ, Траункрейсъ и Иннкрейсъ. Съ 4-го же августа 1849 года, она была также

подраздѣлена на двѣнадцать *Bezirkshauptmannschafte*, съ четырьмя округами, а именно: 1) Округъ Линца или Мюлкрейса съ пятнадцатью уѣздами. 2) Округъ Рьда или Иннкрейса съ девятью уѣздами. 3) Округъ Штейера или Траункрейса съ девятью уѣздами. 4) Округъ Вельсъ или Гаусрукрейса, съ тринадцатью уѣздами. Мѣсто пребыванія штатгалтерства заключается въ Линцѣ.

Герцогство Зальцбургское, составлявшее прежде округъ верхней Австріи, съ 1849 года раздѣлено на четыре *Bezirkshauptmannschafte* съ двадцатью уѣздами.

II. *Венгрія*. — Королевство это, болѣе нежели другія области Австріи долженствовало подвергнуться, вслѣдствіе послѣдней революціи, значительнымъ измѣненіямъ относительно его территоріальнаго размежеванія. Въ административномъ отношеніи оно было раздѣлено на верхнюю и нижнюю Венгрію, Крoацію и Славонію. Нижняя Венгрія подраздѣлялась на два округа, расположенные по ту и по сую сторону Дуная, которые въ свою очередь подраздѣлялись на комитаты, *Gespanschafte*, т. е., *жупанства*. Округъ по сую сторону Дуная содержалъ въ себѣ комитаты: Пресбурга, Нейтра, Треншинъ, Арва, Липтау, Цоль, Турочъ, Барсъ, Грашь, Гроссъ-Гантъ, Пестъ, Нейградъ, Бачъ, округъ малой-Куманіи, и батальонъ чайкпстовъ. Округъ же по ту сторону Дуная заключалъ въ себѣ комитаты: Виссельбургъ, Эденбургъ, Эйзенбургъ, Саладь, Веспримъ, Раабъ, Коморнъ, Штулвайссенбургъ, Толнъ, Симегъ, и Барани. Каждый изъ этихъ комитатовъ подраздѣлялся еще на *Stuhlrichterämte*, что соотвѣтствуетъ уѣздамъ — *Bezirksämte* — другихъ провинцій.

Верхняя Венгрія раздѣлена была также на два округа, по сую и по ту сторону Тиссы. Комитаты по сую сторону этой рѣки были слѣдующіе: Цинсъ, Сарось, Землинъ, Унгваръ, Берегъ, Аба-Уйваръ, Гёмёръ, Торна, Борсодъ, Левесъ и округъ Языговъ. По ту сторону Тиссы расположены были комитаты: Мармарошъ, Угочъ, Сатма, Саболчъ, Бигаръ, Бекесъ, Шонградъ, Шанадь, Арадъ, Крамовъ, Темесваръ, Торонталь, Солнокъ, Крассо и Зарандъ, затѣмъ

слѣдовали города Гайдуковъ, округъ Кеваръ и генералатъ Баната.

Наконецъ Кроація была раздѣлена на комитаты: Аграмскій, Крейтскій и Варадинскій: на генералаты: Карлштата, Варадина и Бана, и на уѣздъ Побережье или Küstenland. Въ Славоніи находились комитаты: Воровичъ, Посѣгъ и Спрмія, и военныя поселенія или полки — Петерварадина, Брода и Граднска.

Таковъ былъ составъ Венгріи до 1848 года, изъ котораго видно, что она обладала кромѣ теперешней ея территоріей, частію Трансильваніи и пятью провинціями, составляющими въ настоящее время особыя управленія, а именно: Кроацію, Славонію, Сербское воеводство, Темешскій Банатъ и Военную Границу. Мы уже видѣли, каково было ея политическое состояніе и господствующій духъ въ народѣ и магнатахъ. Сознавая свою національную гордость, мадяры едва признавали императорскую власть. Они сознавали надъ собою только власть *короля Венгріи*, и хотя сама страна была частію австрійской имперіи, но мадяры въ самообольщеніи старались увѣрить себя, что она не имѣетъ ничего общаго съ владѣтельнымъ домомъ Австріи. Событія 1848 года показали ясно, какъ сильно была присуща свобода войнолюбивому сердцу мадяра. Это самое было причиной, что лишь только революція была прекращена силою оружія и Венгрія снова возвращена имперіи, какъ правительство признало необходимымъ сильнѣе стянуть связи, соединяющія ее съ Австріей. Такимъ образомъ Венгрія понесла наказаніе за свою дурно разсчитанную попытку тѣмъ, что она лишена была преобладанія надъ славяно-румынами, входившими въ составъ ея управленія. Слѣдствіемъ этого, какъ мы сказали, было новое раздѣленіе Венгріи. Комитаты красковскій, средне-Солнокъ, Зарандъ и округъ Кеваръ отошли къ Трансильваніи, отъ которой были отдѣлены въ 1835 году. Комитаты: Бачъ, Бодрогъ, Торонталь, Темесь и Крассо составили Воеводину и Темешскій Банатъ. Наконецъ въ Кроаціи образовались комитаты Аграма, Крейтца, Вородина, Побережья и часть Салада. Славонія прибрѣла комитаты Посѣгу, Воровичъ и часть Спрміи.

Оставались сорокъ два комитата, которые были раздѣлены въ 1850 году на сорокъ пять. Раздѣленіе это было утверждено новою организаціей Австріи.

По примѣру прежнихъ временъ высшая власть Венгріи сосредоточивалась въ лицѣ одного изъ эрцгерцоговъ австрийскаго дома, который носитъ званіе гражданскаго и военнаго губернатора страны, и по своему личному значенію стоитъ выше штатгалтеровъ прочихъ областей имперіи.

По новому устройству Венгрія раздѣлена на пять большихъ округовъ — *Verwaltungsgebiete, Stadthalterei-Abtheilungen*, — главные мѣста которыхъ находятся въ Пестѣ, Пресбургѣ, Оденбургѣ, Кашау и Гроссварадинѣ. Эти пять округовъ подчинены пяти отдѣльнымъ правителямъ, которые, имѣя равносильную штатгалтерамъ власть, находятся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ гражданскаго и военнаго губернатора. Округи эти раздѣлены на комитаты, или жупанства, по-венгерски *Isran*, по-нѣмецки *Gespanschaft*, — начальники которыхъ, именуемые *президентами*, имѣютъ тотъ же самый кругъ дѣятельности, какъ и прочіе начальники округовъ. Та же самая форма чиновначалія существуетъ и въ низшей администраціи Венгріи. Въмѣсто уѣздныхъ судовъ комитаты имѣютъ, такъ называемые *Stuhlbezirke*, начальники которыхъ тѣ же уѣздные судьи, какъ и въ прочихъ областяхъ австрийской имперіи. Они носятъ названіе *Stuhlrichter*'овъ или *Vice-Gespan*'овъ, то есть, вице-жупана.

Округъ Офенъ-Пестъ заключаетъ въ себѣ девять комитатовъ: Борсодъ, Шонградъ, Гранъ, Хевэсъ, Языгію и Куманію, Пестъ-Пилисъ, Пестъ-Солтъ, Штулвейссенбургъ и Солнокъ. Они занимаютъ пространство въ 620 квадратныхъ миль съ 1,653,034 душами населенія.

Пресбургскій (Поссони) округъ имѣетъ пространство въ 599 квадратныхъ миль при 1,612,203 душъ населенія и раздѣленъ на одиннадцать комитатовъ: Пресбургъ, Оберъ-Нейтра, Унтеръ-Нейтра, Тренчинъ, Арва, Лаптау, Барсъ, Гонтъ, Шейградъ, Юлъ и Коморнъ.

Округъ Оденбурга заключаетъ девять комитатовъ: Оденбургъ, Венсельбургъ, Раабъ, Эйзенбургъ, Веспримъ, Халадь,

Толна, Сомоги и Барани, обнимаетъ пространство въ 615 квадратныхъ миль и имѣетъ 1,782,658 жителей.

Округъ Кашау (Cassovia) состоитъ изъ восьми комитатовъ: Ципса, Гомора, Саромъ, Абани-Торна, Унгвара, Землина, Бегерь-Огоць и Мармарошъ. Пространство его 683 квадратныхъ миль съ 1,410,463 жителями.

Наконецъ округъ Гроссварадинскій, или Nagy-Varad по-венгерски, заключаетъ въ себѣ шесть комитатовъ: Сатмаръ, Саболчь, Унтеръ-Бигаръ, Оберъ-Бигаръ, Арадъ и Бекесь-Шанадь. Пространство его 613 квадратныхъ миль, жителей: 1,459,119 душъ.

Таково раздѣленіе и составъ современной Венгріи. Всѣ пять частей этой огромной области, бывшаго прежде королевства, управляются по новому устройству съ августа 1853 года, когда начальники комитатовъ вступили въ отправление своихъ должностей по новому уложенію.

III. *Чехія* или *Богемія*. По новѣйшимъ статистическимъ извѣстіямъ королевство это населено двумя третями славянъ и одной третью нѣмцевъ, что представляетъ въ общей сложности 4,432,474 души его населенія. Область эта, бывшая также нѣкогда независимымъ королевствомъ, въ настоящее время можетъ почитаться средоточіемъ славянскаго населенія Австріи. Такимъ образомъ уполномоченные депутаты чешскіе кремсіерскаго съѣзда явились въ 1848 году самыми горячими приверженцами славянской партіи въ пользу федерализма и свободы національностей Австріи. Они требовали присоединенія Моравіи къ Чехіи, что однакожь не послѣдовало.

Чехія была прежде раздѣлена на шестнадцать округовъ, а съ 1849 года на семь. Прежніе шестнадцать округовъ были: Какониць, Бераунъ, Каурзунъ, Бунгланъ, Бидшовъ, Кениггрець, Хрудимъ, Чаславъ, Таборъ, Будвейсъ, Прагнъ, Клатау, Пильзенъ, Альбогенъ, Зааць и Лейтмервиць. Семь же теперешнихъ округовъ составляющихъ Чехію, суть: Пражскій, Будвейсъ, Пардубецкій, Гищинецкій, Бемишъ-Лейпна, Эгерскій и Пильзенскій. Каждый округъ управляется особымъ штатгалтеромъ, и при каждомъ изъ нихъ состоятъ комиссары перваго, втораго или третьяго разряда, смотря по зна-

чительности круга ихъ занятій. Подобно какъ и въ другихъ областяхъ чешскіе округи подраздѣлены также на уѣзды.

IV. *Моравія*. Маркграфство это имѣетъ населеніе въ 1,828,880 душъ, чисто славянскаго племени при незначительномъ числѣ нѣмцевъ. Область эта, находившаяся въ нѣкоторой зависимости отъ Чехіи, была, не смотря на желаніе кремсіерскаго сейма, совершенно отдѣлена въ 1849 году. Прежнее ея раздѣленіе на шесть округовъ (Брюнскій, Градишскій, Иглау, Ольмюцъ, Прерау и Знаймъ), было отмѣнено, и теперь Моравія состоитъ изъ семи округовъ, то есть, къ поименованнымъ шести прибавленъ еще одинъ — Нейтечинскій.

V. *Галиція*. Области Галича и Владиміра, или какъ теперь называютъ ихъ, Галиція и Лодомірія, прежде были раздѣлены на девятнадцать округовъ, въ число которыхъ входила также Буковина. Къ нимъ былъ причисленъ въ 1846 году и вольный дотолѣ городъ Краковъ. Галиція въ настоящее время имѣетъ 4,875,200 жителей, большей части вѣтви русской и польской, и это племенное отличіе было причиною, что вѣнское правительство предприняло болѣе стѣснительныя мѣры въ организаціи этой области. Въмѣсто сейма Галиціи предоставлены были, такъ называемые, *Landtagskurie*, засѣдавшіе въ Лембергѣ, Краковѣ и Станиславѣ, и которые избирали членовъ *провинціального совѣта*, *Landesausschuss*. Атрибуты и кругъ дѣйствій этихъ членовъ бывали гораздо ограниченнѣе нежели другихъ провинціальныхъ сеймовъ, а въ сентябрѣ 1850 года Галиція и Лодомірія, герцогства Аушвицъ, Затаръ и Краковъ, были раздѣлены въ отношеніи политической администраціи на три главныя части. Собственно великое герцогство краковское подраздѣлилось на семь округовъ, а именно: Краковъ, Водовичъ, Сандецъ, Торновъ, Бохня, Жечовъ и Ясло. Всѣ они состоятъ подъ управленіемъ *Landespräsident'a*, подчиненнаго губернатору Галиціи. Галиція же и Лодомірія имѣетъ въ своемъ составѣ двѣнадцать округовъ: Пшемысль, Лембергъ, Жолкевъ, Злочовъ, Бжезань, Тарнополь, Чартовъ, Коломея, Стрый, Станиславовъ, Самборъ и Санокъ. Тотчасъ послѣ этого новаго устройства Галиціи, губернаторомъ ея

былъ назначенъ братъ императора, эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, который имѣетъ мѣстопробываніе свое въ Лембергѣ.

VI. *Буковина*, составлявшая прежде округъ Галиціи, была, какъ сказано выше, отдѣлена отъ нея въ 1849 году, и вмѣсто того, чтобы причислить ее къ прочимъ валахскимъ округамъ, правительство образовало изъ нея новую провинцію, подраздѣливъ ее на шесть округовъ. По новой организаціи округи эти имѣютъ пятнадцать уѣздовъ и управляются на общемъ провинціальномъ основаніи.

VII. *Трансильванія*. Область эта, въ предшествовавшемъ составѣ ея новой организаціи, была раздѣлена на три части: на *земли мадаръ* съ одинадцатью комитатами и двумя округами, *земли секлеровъ* съ пятью Stuhle, и на *земли саксоновъ* съ девятью Stuhle и двумя округами. Императорскимъ декретомъ 12-го мая 1851 года было образовано въ Трансильваніи пять округовъ съ тридцатью шестью Bezirkshauptmannshafte. Новое разгранпченіе Трансильваніи было утверждено императоромъ, а въ настоящее время область эта состоитъ изъ десяти округовъ съ слѣдующими городами: Германштагтъ, Кронштатомъ, Удварели, Марошъ-Васарели, Быстричъ, Деесъ, Силаги-Сомлю, Клаузенбургъ, Карлсбургъ и Броссъ. Трансильванія имѣетъ населеніе въ 2,071,645 жителей, раздѣленныхъ на три отдѣльные племена — румыновъ, мадаръ и саксоновъ.

VIII. *Воеводина*. Сербское воеводство вмѣстѣ съ темешскимъ банатомъ состояли до 1849 года изъ комитатовъ: Темесвара, Крассо, Торонталь, Бачъ-Бодрогъ и Сирміи. Жители преимущественно Сербы, числомъ въ 1.454.635 душъ. Въ 1848 году они первые возстали противъ венгровъ, за что, конституціей 4-го марта имъ была обѣщана свобода вѣроисповѣданія и народности. Въ ноябрѣ слѣдующаго года вмѣсто того, чтобы соединить ихъ съ кроатами, правительство образовало изъ нихъ новую провинцію. Воеводина заключаетъ въ себѣ въ настоящее время пять округовъ: Темесварь, Лугось, Гросе-Бешкерекъ, Зомборъ и Нейзацъ.

IX. *Кроація*. Австрійское владычество застало въ Кроаціи и Славоніи нѣсколько венгерскихъ комитатовъ, которые явились въ этой странѣ еще во время независимости Вен-

грин. Мы видѣли въ предъидущихъ главахъ какую роль играла Кроація во время правленія бана Иеллачича и послѣдняго венгерскаго возстанія. Кроація заключаетъ въ себѣ до 950,000 жителей илирійской вѣтви, слѣдовательно чистыхъ славянъ. Если Чехія, какъ мы выразились выше, составляетъ средоточіе сѣверныхъ славянъ въ Австріи, то Кроація имѣетъ тоже значеніе для славянъ южныхъ. Въ 1849 году область эта раздѣлена была на шесть комитатовъ, а именно: аграмскій, (загребскій), варадинскій, Крейцъ и Фіуме, Эссекъ и Посѣга. По новой организаціи число комитатовъ уменьшено однимъ, потому что Крейцъ отнесенъ къ Фіуме; прочіе же остались тѣ же. Комитаты эти подраздѣлены на сорокъ три уѣзда. Прежнее названіе Banalregierung, т. е., банское управленіе, замѣнено теперь званіемъ штатгалтерства, которое кромѣ того, состоитъ изъ одного вице-штатгалтера, пяти совѣтниковъ и шести секретарей.

Х. *Далмація.* Не смотря на то, что еще до 1848 года кроатскій сеймъ выразилъ твердое намѣреніе соединить Далмацію съ Кроаціей, правительство упорно стояло на томъ, чтобы провинція эта осталась въ прежнемъ своемъ положеніи относительно внутренней своей организаціи. Раздѣленіе ея на семь префектуръ осталось тоже. Префектуры этѣ носятъ названіе городовъ, гдѣ онѣ сосредоточены, а именно: Зара, Себенико, Сѣня, Спалатро, Макарска, Рагуза и Каттаро. Одно только и было сдѣлано измѣненіе, что правительство образовало новыя три префектуры:—Кистанъ, Бержораць и Бизано.

Намъ еще неизвѣстно положительно, въ какой мѣрѣ долженъ разрѣшиться вопросъ объ итальянскихъ провинціяхъ австрійской имперіи. Ломбардо-Венеція, вслѣдствіе новой организаціи Австріи, вызванной революціей 1848 года, представляла одиннадцатую область имперіи, которая впрочемъ не подвергалась новому устройству на равнѣ съ другими областями Австріи. Чтобы дополнить рядъ этихъ областей въ современномъ ихъ составѣ, въ какомъ засталъ ихъ парижскій трактатъ 1856 года, представляемъ въ нѣсколькихъ словахъ и положеніе ломбардо-венеціанскаго королевства. Ломбардія, бывшая послѣ ея пораженія на строгомъ воен-

номъ положеніи, была исключена изъ числа общихъ преобразованій 1849—1850 года. Страна эта, находясь въ постоянной зависимости отъ центральной власти, мало знакомая съ началомъ политической свободы, не возвысила, подобно славянамъ и мадярамъ своего голоса, чтобы наравнѣ съ ними, потребовать новыхъ преобразованій. Положеніе ея до 1853 года, т. е., до времени снятія военной осады, было самое печальное: военно-гражданское губернаторство Радецкаго всею силой тяготѣло надъ этой несчастной страной. Да и послѣ 1853 года положеніе ея ничуть не улучшилось.

До 1848 года, равно какъ и послѣ этой эпохи, Ломбардо-Венеція была раздѣлена на двѣ провинціи, управляемыя особыми губернаторами, имѣвшими пребываніе въ Миланѣ и Венеціи. Каждый изъ нихъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ нѣсколько *делегатовъ*—*delegati*, завѣдывавшихъ отдѣльными округами, которые назывались и называются еще *delegationi*. Эти *delegationi* венеціанской области занимаютъ пространство въ четыреста четырнадцать съ половиною квадратныхъ миль и имѣютъ населеніе въ 2,321,625 душъ. Округи ихъ носятъ названіе городовъ, въ которыхъ сосредоточено окружное правленіе, т. е., Венеція, Падуа, Виченца, Верона, Тревизо, Удино, Ровинго и Беллуно, всего восемь. Что же касается территоріальнаго раздѣленія Ломбардіи, то оно послѣ новѣйшаго раздѣленія, еще не совсѣмъ извѣстно. Пространство этой послѣдней области заключаетъ въ себѣ площадь въ триста семьдесятъ пять квадратныхъ миль, и населеніе ея простирается до 2.774.907 душъ, заключающихся въ девяти округахъ: Миланѣ, Бергамо, Брешии, Мантуѣ, Кремонѣ, Комо, Лоди и Крема, Павіа и наконецъ Сандріо. Каждый изъ этихъ округовъ обѣихъ областей былъ подраздѣленъ на уѣзды, управлявшіеся комиссарами. Всѣхъ же уѣздовъ было сто два. Таково было территоріальное положеніе Ломбардо-Венеціи, когда застала его послѣдняя война Австріи съ Сардиніей.

До общаго преобразованія имперіи, Австрія находилась въ постоянномъ болѣзненномъ разслабленіи. Время 1848 года было для нея страшнымъ, почти смертельнымъ переломомъ, изъ котораго эта держава вышла далеко не такъ

невредимою, какъ это обыкновенно полагали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, потому что вся временная выгода ея новаго положенія была только на сторонѣ ея чисто-нѣмецкой части. Высшая власть встрѣтилась тогда лицомъ къ лицу съ живыми развалинами породныхъ племенъ, и употребила всѣ усилія устроить ихъ частный и общественный бытъ, не упуская впрочемъ изъ виду своего безусловнаго права. Нужно сказать, что и до 1848 года Австрія чувствовала необходимость преобразованій, и если бы она тогда же приступила къ веденію новой реформы, то навѣрное успѣла бы отстрочить, быть можетъ, на долго, страшный переворотъ такъ неожиданно павшій на ея голову.

Но централизація, къ которой Австрія такъ настоятельно стремится, согласуется ли съ самимъ составомъ этого государства? Многіе рѣшали этотъ вопросъ отрицательно, таково же и наше рѣшеніе, потому что эта форма правленія въ Австріи менѣе нежели въ какой-либо другой странѣ удобопримѣнима. Централизація, какъ сказано выше, при условіи разнородныхъ элементовъ, составляющихъ государство, невозможна; чтобы обратить ее въ непремѣнный законъ, необходимо единство нравовъ и обычаевъ, единство духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ народовъ. Прошло нѣсколько лѣтъ усидчиваго, упорнаго труда австрійской политики къ достиженію этой цѣли, и между тѣмъ далеко не видать еще времени, когда славянинъ, мадьяръ, румынъ и итальянецъ станутъ сознательно называть себя австрійцами

С. ПАЛАУЗОВЪ.

Сентябрь. 1859 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О ДРЕВНѢЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

«Молодость и незрѣлость историческаго изученія нашей древней поэзиі лучше всего доказывается тѣмъ, что, несмотря на множество разныхъ изслѣдованій и замѣчаній о «Словѣ о полку игоревѣ», до-сихъ-поръ исторія литературы не воспользовалась, какъ слѣдуетъ, точными указаніями этого знаменитаго памятника для исторіи русской поэзиі XI и начала XII вѣка». Такими словами начинается разсужденіе г. Буслаева о Русской поэзиі XI и начала XII вѣка». (Лѣтописи литературы и древностей 1859 года N° I.). Всякій знакомый съ дѣломъ согласится, что они совершенно справедливы. Самое это разсужденіе лучше всего даетъ намъ понятіе о томъ далеко неисчерпанномъ богатствѣ историческаго матеріала, которое содержитъ въ себѣ «Слово о полку игоревѣ».

Въ статьѣ своей авторъ, на основаніи почти одного «Слова», пытается возсоздать характеристику древнѣйшей русской поэзиі, и дѣйствительно проливаетъ на нее замѣчательный свѣтъ. Главные результаты, которые можно вывести изъ его разсужденія, заключаются въ двухъ пунктахъ:

Во-первыхъ, «Слово» не есть произведеніе единственное въ своемъ родѣ или что-то совершенно отдѣльное, чѣмъ оно до-сихъ-поръ представлялось обыкновенно въ историческихъ обзорахъ нашей литературы. Напротивъ: *это произведеніе*

составляет не больше как отрывокъ изъ русскаго историческаго эпоса. Мысль — впрочемъ не въ первый разъ высказанная печатно. Такъ, напримѣръ, г. Пыпинъ въ своемъ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» между прочимъ замѣтилъ: «Если явленія литературы обыкновенно совершаются въ извѣстной постепенности, имѣютъ свои причины и слѣдствія, то легко придти къ заключенію, что подобный памятникъ (т. е., «Слово») едва-ли могъ образоваться такъ-уединенно, какъ представляется намъ теперь. Ему предшествовало извѣстное литературное развитіе, и оно сдѣлало возможнымъ появленіе такого факта». Предположеніе, высказанное здѣсь, у г. Буслаева является уже развитымъ до очевидности.

Второй выводъ относится собственно къ личности Бояна. *На это лицо можно смотреть какъ на представителя русскихъ поэтовъ XI и первой половины XII вѣка.* «Какъ мы привыкли приписывать Киришѣ Данилову многія народныя пѣсни, конечно не имъ сложенныя, — замѣчаетъ г. Буслаевъ — такъ и для автора «Слова о полку игоревѣ» знаменитое имя Бояна покрывало собою цѣлую толпу неизвѣстныхъ пѣвцовъ».

Эти два вывода на столько убѣдительно, что по нашему мнѣнію смѣло могутъ перейти въ научныя положенія. Въ статьѣ г. Буслаева есть много и другихъ замѣчательныхъ догадокъ и сближеній, имѣющихъ большую или меньшую степень вѣроятности; особенно интересно раскрываются здѣсь мифологическіе элементы въ русскомъ историческомъ эпосѣ. Не касаясь другихъ подробностей разсужденія, мы остановимъ вниманіе читателя только на слѣдующемъ мѣстѣ, которое находится въ прямой связи съ двумя означенными пунктами.

«Кто бы ни былъ *пѣснотворцемъ Святославовымъ*, Боянъ или кто-другой, во всякомъ случаѣ вѣрно то, что въ XI вѣкѣ былъ уже на Руси княжій *пѣвецъ*, и безъ сомнѣнія не одинъ. Конечно это не были придворные, княжескіе поэты, сочинявшіе по заказу; это были тѣ же первобытные народные пѣвцы, представители эпической дѣятельности цѣлаго народа: но все же въ ихъ пѣсняхъ древніе интересы, обнима-

шіе нѣкогда весь бытъ народа, всѣ его вѣрованія и преданія, должны были такъ сказать сократиться, сосредоточившись къ отдѣльнымъ личностямъ князей» (21 стр.).

Можно ли утвердительно сказать, что вѣщій Боянъ, самъ неизвѣстный авторъ «Слова о полку игоревѣ» и подобные имъ пѣвцы не были придворные, княжескіе поэты? Можно ли ихъ назвать поэтами собственно народными? Вотъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые заставили насъ задуматься при чтеніи статьи о «Русской поэзіи XI и начала XII вѣка».

Не беремъ на себя полное рѣшеніе этого вопроса. Мы намѣрены только представить по поводу его нѣсколько соображеній.

Обратимся къ самому «Слову».

Въ началѣ поэмы, какъ извѣстно, авторъ вспоминаетъ о Боянѣ, *соловьѣ стараго времени*, и между прочимъ говоритъ:

«Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пуцаше, но своя вѣщія персты на живая струны вкладаше, они же сами княземъ славу рокотаху».

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что Боянъ исключительно воспѣвалъ князей, и пѣсни свои сопровождалъ звуками струннаго инструмента. Далѣе нѣкоторыя мѣста «Слова» даже указываютъ, какимъ князьямъ онъ слагалъ пѣсни, а именно: Ярославу, храброму Мстиславу, Святославу Ярославичу, красному Роману и Олегу Святославичу *). Ясно, что Боянъ прославлялъ по преимуществу Святослава, его отца дядю и сыновей; а въ одномъ мѣстѣ онъ прямо называется *пѣснотворецъ Святославоу*, (какъ доказываетъ г. Буслаевъ, отрицая противоположное мнѣніе г. Шевырева). Слѣдовательно, содержаніе его поэзіи ограничивалось извѣстною отраслю княжескаго дома. Авторъ же «Слова» воспѣваетъ внуковъ Олега Святославича (*Ольгово хороброе имъздо*), т. е., ту же самую княжескую отрасль, и къ членамъ этой отрасли обнаруживаетъ явное предпочтеніе и даже пристрастіе. Отсюда можетъ быть понятна его связь съ Бояномъ, и отчас-

*) Изъ «Слова», по нашему мнѣнію едва ли можно заключить, чтобы Баянъ *воспѣвалъ* особенно — Всеслава Полоцкаго.»

ти объясняется, почему послѣдній явился у него образцемъ старыхъ поэтовъ.

Теперь возьмемъ слова, которыми заканчивается поэма:

«Пѣвша пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти. Слава Игорю Святославича, буйтуру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганья полки. Княземъ слава, и дружинѣ. Аминь»

По нашему мнѣнію это не что иное какъ общее мѣсто: оно сильно отзывается *обычнымъ* припѣвомъ, которымъ заканчивались подобнаго рода пѣсни. Авторъ восклицаетъ: «да здравствуютъ князья (такіе-то)!» и притомъ раздѣляетъ ихъ, говоря: спѣвши пѣснь старшимъ князьямъ, потомъ надобно пѣть и молодымъ, т. е., сыновьямъ. И тѣхъ и другаго онъ называетъ по имени. «Да здравствуютъ князья и дружина!» прибавляетъ онъ. «Слава князьямъ и дружинѣ!» Такое окончаніе «Слова» не можетъ ли служить намекомъ, что поэтъ пропѣлъ его именно въ присутствіи тѣхъ князей и дружины, въ честь которыхъ сложена пѣсня?

Далѣе въ пользу того мнѣнія, что авторъ «Слова» и подобные ему пѣвцы были собственно придворно-княжескіе, а не народные поэты, служатъ слѣдующія обстоятельства:

Во-первыхъ, подробное и отчетливое знакомство автора съ современнымъ ему и предъидущимъ политическимъ состояніемъ Руси, со всѣми главными князьями и ихъ взаимными отношеніями. Такое знакомство могло быть доступно только лицу, состоявшему при одномъ изъ княжескихъ дворовъ. Только находясь подлѣ князя, слушая рассказы его дружинниковъ, присутствуя (вѣроятно) при его совѣтахъ съ дружиною (а можетъ быть побывавъ уже при нѣсколькихъ княжескихъ дворахъ), могъ онъ знать всѣ подробности политическихъ событій. Что авторъ не былъ духовное лицо, подобно лѣтописцамъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; по всей вѣроятности онъ самъ принадлежалъ къ членамъ дружины.

Во-вторыхъ, составныя части поэмы показываютъ, что не только ей предшествовало значительное развитіе героической (собственно: княжеской) поэзіи, но что были уже разработаны извѣстные приемы для пѣсенъ подобныхъ «Слову»,

т. е., извѣстные обороты и поэтическія выраженія, разумѣется съ различными вариантами. Кромѣ приведеннаго выше *обычнаго* окончанія поэмы, сюда можно отнести слѣдующія мѣста: «Братіе и дружино! лудежъ потяту быти, неже полонену быти» *). «Хочу главу свою приложити, а любо *испити шеломомъ Дону*», и «ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а *Донъ шеломомъ выльяти*». Далѣе: «скачутъ (воины Буй-Тура Всеволода) аки сѣрыи волци въ полѣ, *ищучи себѣ чти, а князю славу*», и въ другомъ мѣстѣ: «Русичи великая поля червлеными щиты прегородиша, *ищучи себѣ чти, а князю славы*». И тому подобныя выраженія, которыя скорѣе всего могли быть усвоены поэтомъ дружинникомъ.

Наконецъ, самый личный интересъ автора, то горячее участіе къ князьямъ и дружинѣ, которое разлито по всему «Слову», ясно могутъ указывать намъ на тѣсную связь между поэтомъ и героями его пѣсни. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, едва ли можно допустить подобную духовную связь между народомъ и князьями, т. е., искать ее внѣ предѣловъ дружины. Были ли князья и дружина ихъ на столько популярны, чтобъ какой-нибудь (сравнительно) ничтожный походъ Игоря Святославича могъ вдохновить поэта, непринадлежавшаго къ княжескому двору — это еще вопросъ. До насъ дошли отголоски народной героической поэзіи того времени въ пѣсняхъ о Владимірѣ Красное Солнышко и его богатыряхъ. Какая огромная разница между ними и «Словомъ о полку игоревѣ»! Но замѣчательно, что мноюлогическая часть и тамъ и здѣсь носитъ на себѣ общія славянскія черты. Разумѣется, если авторъ «Слова» не можетъ быть названъ пѣвцомъ собственно народнымъ, (мы здѣсь подъ именемъ «народъ» понимаемъ то, что не входило въ составъ «дружины»), тѣмъ не менѣе онъ очевидно былъ южно-русскій славянинъ.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ сдѣлать сближеніе между Бояномъ, подъ вѣщими перстами котораго живыя струны

*) Не напоминаетъ ли это выраженіе извѣстный отрывокъ изъ поэтического преданія о битвѣ Святослава съ греками: «Да не посраимъ землѣ рускѣ, но ляжемъ костью», и пр.? Да и гдѣ могли сохраниться подобныя поэтическія преданія, какъ не при княжескихъ дворахъ, откуда они и перешли потомъ въ лѣтописи?

сами рокотали славу князьямъ, и слѣдующимъ мѣстомъ изъ «Житія Θεодосія, игумена Печерскаго»:

Однажды Θεодосій пришелъ во дворець къ князю (Святославу), и «се видѣ многыя играющы предъ нимъ, овы гуслиныя гласы испущающе, другыя же органныя гласы поюще, и инѣмъ замарныя писки гласящемъ, и тако всѣмъ играющимъ и веселящемъся, *якоже обычаи есть прѣдъ князьемъ*». Игуменъ сѣлъ подлѣ князя и поникъ головою. Потомъ онъ спросилъ: «будетъ ли также и на томъ свѣтѣ»? Князь умилился словамъ блаженнаго, прослезился немного и велѣлъ перестать. Съ-тѣхъ-поръ онъ каждый разъ, заслышавъ приходъ Θεодосія, приказывалъ перестать тѣмъ, которые забавляли его музыкою и пѣніемъ.

Пусть специалисты разсудятъ, на сколько основательно наше предположеніе о существованіи на Руси придворно-княжеской поэзіи, этого обычнаго явленія средневѣковой Европы?

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

Б Р П Т И К А.

О повѣстяхъ г-жи Кохановской.

(И. А. Придорогину.)

Въ послѣднее время интересы литературные снизошли на второй планъ, уступивъ свое мѣсто другимъ, важнѣйшимъ, говорятъ, интересамъ, интересамъ общественнымъ. Но дѣйствительно ли общественные интересы выше литературныхъ, а если выше, то чѣмъ и на-сколько? — По нашему мнѣнію, бесполезно бы и поднимать эти вопросы, бесполезно отдѣлять то, что по существу своему не мыслимо одно безъ другаго, — а въ такомъ отношеніи находится литература къ жизни. Но у насъ о многомъ еще не бесполезно повторять зады.... Сверхъ того, самое наше теперешнее положеніе, обуславливающее литературное равнодушіе, требуетъ если не оправданія, то объясненія.

Жизнь, сильно потрясенная въ своемъ основаніи, приходитъ въ состояніе броженія, кипитъ, волнуется, прежде чѣмъ полетѣтъ ровнымъ, спокойнымъ потокомъ, по которому, съ полною надеждою на успѣхъ, можетъ плыть художникъ для отысканія себѣ добычи. Слѣдовательно, съ одной стороны такая жизнь не удобна для художественной обработки: при такомъ ея состояніи, литература всегда находится въ выжидающемъ, непродводительномъ положеніи, хотя бы она и была богата талантами; а съ другой стороны, при такомъ состояніи жизни и литературы, заинтересованнымъ въ броженіи не до послѣдней. — Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы общественный застой представлялъ благоприятнѣйшія условія для литературной производ-

тельности: гдѣ жизнь, тамъ и литература, какъ вѣрное ея отраженіе. Примѣры прошлаго ничего не доказываютъ. Недавнее прошлое, предпоследнее десятилѣтіе, дѣйствительно можно назвать по преимуществу литературнымъ; но почему? Потому, что это была блистательная эпоха дѣятельности и вліянія Гоголя, подвигнувшего на полстолѣтіе впередъ общественное сознаніе; это была блистательная эпоха дѣятельности Бѣлинскаго, его истолкователя, воспитавшаго гуманно и эстетически наше, теперь дѣйствующее, но готовящееся къ смѣнѣ поколѣніе. Въ эту эпоху нашихъ незабвенныхъ учителей, подготовившихъ насъ къ необходимости современныхъ реформъ, понятно, интересы литературные стояли на первомъ планѣ. Но такіа эпохи, не смотря на ихъ великую и историческую важность, не повторяются, да и повтореніе ихъ, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онѣ существовали, нисколько не желательно. Нѣтъ! пусть лучше жизнь идетъ нормальнымъ путемъ, хотя бы литературѣ и не пришлось забѣгать ей впередъ. Все это говоримъ не въ защиту современнаго равнодушія къ литературнымъ интересамъ, но въ защиту самой литературы. Изящная литература не можетъ жить тою лихорадочною, порывистою жизнію, которою живетъ общество въ извѣстныхъ эпохи. Произведенія искусства не созрѣваютъ на почвѣ вулканической; онѣ нуждаются въ покоѣ: въ почвѣ сформировавшейся, въ воздухѣ тепломъ, въ солнцѣ, непомяченномъ облаками. Если бы искусство не имѣло ничего, или весьма мало общаго съ жизнію, какъ такъ называемое чистое, абсолютное искусство; тогда бы другое дѣло. Но мы не признаемъ нормальности существованія такого искусства: оно существуетъ только въ воображеніи тѣхъ, которымъ во что бы ни стало хочется доказать его существованіе. Не будучи служивымъ рабомъ жизни, искусство не можетъ обойти ея интересовъ, не можетъ имъ не сочувствовать, не можетъ ихъ не отражать въ своихъ произведеніяхъ. Самостоятельное и независимое, подобно наукѣ, подобно же послѣдней оно должно находиться въ одинаковыхъ съ нею отношеніяхъ къ дѣйствительной жизни. Средства ихъ различны, но цѣль одна и та же: во-первыхъ, въ нихъ самихъ, какъ въ истинѣ и красотѣ; во-вторыхъ, въ отношеніи къ жизни: послѣдняя, подходя къ наукѣ, изучается, подходя къ искусству — наслаждается, хотя и видитъ, что элементы этой истины и этой красоты находились и находятся въ ней самой. У насъ поборники чистаго искусства ссылаются на примѣръ Пушкина, какъ на такъ называемаго, ху-

художника по преимуществу. Но нельзя забывать тѣхъ условий, при которыхъ развился гений нашего великаго поэта, условий, гибельныхъ для всякаго дарованія, каковы: нелѣбое французское воспитаніе, узкость ультра-аристократическихъ тенденцій, самая среда, въ которой онъ вращался, среда глухая и безчувственная къ общественнымъ интересамъ. Да притомъ можно ли одними общественными интересами, понимая ихъ въ обыкновенномъ, матеріальномъ смыслѣ, объяснить отношеніе искусства къ жизни? Развѣ идеи, идеалы, мечты, все, что вамъ угодно, все, что занимаетъ духовную дѣятельность данной эпохи, даннаго народа — не общественные интересы, хотя положимъ, и не имѣютъ характера насущности? Выставляющіе Пушкина за образецъ только художника приводятъ знаменитую его тираду:

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ;
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!

(Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Анненкова, т. II, стр. 466.)

Но это тирада независимо отъ причинъ, на которыя мы указывали, могла вырваться изъ души поэта въ минуты, подобныя тѣмъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ Пущинъ, посѣтившій своего друга въ Михайловскомъ (смотри *Атеней* 1859 годъ, № 8, стр. 530—536).

Но хотя искусство вообще не обходитъ и не можетъ обойти интересовъ общественной жизни (какъ оно это дѣлаетъ?— другой вопросъ, разрѣшеніе котораго мы считаемъ здѣсь неуѣстнымъ); хотя наше русское искусство едва ли не болѣе другихъ чувствительно къ ея интересамъ; хотя, наконецъ, мы нѣсколько оправдываемъ современное къ нему равнодушіе: но оправдать равнодушія безусловнаго мы не можемъ. Самое существованіе художественнаго индиферентизма есть фактъ во всякомъ случаѣ печальный, который только и можно объяснить недостаткомъ эстетическаго воспитанія.

Въ послѣднее время явился на литературномъ поприщѣ писатель, отмѣченный первокласнымъ талантомъ, сочиненія кото-

раго въ эпоху Бѣлинскаго были бы встрѣчены горячимъ сочувствіемъ, между тѣмъ, какъ въ настоящее время, мы убѣждены, большинство публики едва ли съ нимъ знакомо: мы говоримъ о г-жѣ Кохановской, появленіе которой привѣтствовала только «Русская Бесѣда»,

Если не ошибаемся, г-жа Кохановская написала всего три повѣсти: 1) *Любила*, маленькая исторія (въ *Библиотекѣ для Чтенія* 1858 года, № VI), 2) *Посль Обѣда въ Гостиляхъ* (*Русскій Вѣстникъ* 1858 года № 16) и 3) *Изъ Провинціальной Галлерей Шортретовъ*. Выдержка на пробу. (*Русскій Вѣстникъ* 1859 года № 5); по крайней мѣрѣ, намъ не извѣстны другія произведенія этой писательницы. Желая познакомить нашихъ читателей съ замѣчательнымъ талантомъ г-жи Кохановской, мы могли бы ограничиться разборомъ только двухъ послѣднихъ ея повѣстей, въ которыхъ дарованіе автора ярко обозначилось; но для полноты нашего очерка скажемъ нѣсколько словъ и о первой повѣсти.

Содержаніе повѣсти *Любила* слѣдующее:

Катерина, молоденькая дѣвушка, дочь богатой барыни-аристократки, Настасьи Николаевны, является въ первый разъ на балъ, на *свой первый балъ*. Катерина — институтка, только что покинувшая заведеніе, слѣдовательно, наивная до *non plus ultra*. На балѣ Катерина увидѣла мужчину «прекраснаго роста съ благородной осанкой». Мужчина этотъ былъ нѣкто *Богомолловъ*, оставной полковникъ и лиценстъ, слѣдовательно, питомецъ Марса и Аполлона, что можно видѣть изъ словъ управляющаго имѣніемъ Настасьи Николаевны:

— Простота, какъ есть простота; только книгъ очень много: по всѣмъ *всюдамъ* книги разложены, ну и оружіе тоже разное есть: въ кабинетѣ отличнѣйшая черкесская винтовка и шашка висятъ.... турій рогъ большой (значитъ, т. е. тура, на Кавказѣ звѣрь такой есть), обдѣланъ по концамъ въ серебро съ чернью и на серебряной цѣпи вздѣтъ.... (Библиотека для Чтенія, страница 6).

Богомолловъ занялъ праздное вниманіе сосѣдей своей исторіей съ *Стряпчихой*, женщиной, жившей съ нимъ вмѣстѣ, покинутой мужемъ и старшей его лѣтъ на десять. Стряпчиха — Вѣра, какъ оказывается, была доджинная баба, вѣрившая въ чары и заговоры; тѣмъ не менѣе, Михаилъ Ивановичъ Богомолловъ, не имѣлъ съ ней ничего общаго, не покидалъ ее и даже публично и нѣсколько торжественно являлся съ нею въ обществѣ.

Понятно, слѣдовательно, та внутренняя борьба, которая кипѣла въ осанистомъ ех-полковникѣ; понятно, что это кипѣніе не могло не отразиться и во всей фигурѣ Богомолова, придавъ ему что-то величавое и трагическое; понятно также и то, что молоденькая, но живая Катись не могла не обратить вниманіе на такую трагическую фигуру. Богомоловъ долженъ былъ произвести на нее сильное впечатлѣніе, потому что рассказы о немъ не могли не дойти до Катерины и должны были возбудить ужасъ въ институтскомъ сердцѣ дѣвушки. Впечатлѣніе усилилось въ послѣдствіи времени отъ одного случая, сблизившаго героевъ: на одной свадьбѣ Катерина какъ-то позамѣшкалась въ церкви, между тѣмъ молодые уѣхали, гости также; зрители хлынули къ дверямъ.... нѣтъ выхода! Катерину спасаетъ отъ неизбежныхъ толчковъ Богомоловъ. Спасеніе по истинѣ геройское, тѣмъ болѣе, что пошелъ проливной дождь и т. д. Словомъ: Катерина уже *любила*. Исторія этой любви скрытнаго, подземнаго свойства. Какова была ея сила? Въ чемъ и какъ она проявлялась? Эти вопросы рѣшить читателю довольно трудно. Первое, совершенно случайное свиданіе Михаила Ивановича съ Катериной на берегу рѣки, или вѣрнѣе, катанье на лодкѣ представлено авторомъ съ единственною цѣлью оправдать *краску стыда*, появившуюся на лицѣ Богомолова въ домѣ священника, гдѣ онъ былъ съ Вѣрою и гдѣ находились также и Катись съ своей аристократической мамашей (чужакомъ! а то гордился передъ всѣми своей стряпчихой!), и доказать, что душа Михаила Ивановича давно и безвозвратно отвергла *ее*, что онъ не принадлежитъ этой женщинѣ «ни мыслью, ни желаніемъ, ни помышленіемъ, ни одною частицею существа своего (очень мило)! Но эта женщина принадлежитъ мнѣ, какъ узнику принадлежатъ оковы, какъ несмываемое пятно принадлежитъ тому, кто наложилъ его на себя.... Бросить, оставить эту женщину ея позору, и самому укрыться подъ снисходительные законы общества, прощающіе мужчинѣ все? Богъ видитъ, я не могъ этого.... Да, не могъ. Эта женщина пожертвовала мнѣ всѣмъ. Для меня ли, черезъ меня ли, но она оставила своего мужа; у ней была дочь; — лишившись матери, живя у отца, дѣвочка рано ознакомилась съ жизнью, бѣжала изъ отцовскаго дома и умерла.... И смѣлъ ли я послѣ того оставить ее? Пойдемъ, сказалъ я ей, понесемъ вмѣстѣ опозоренную судьбу нашу. Ты ли, я ли болѣе виноватъ въ томъ, — разбирать нечего: мы оба виновны. Пойдемъ, какъ братъ и сестра, связанные родствомъ одного и того же позора

(страница 44)». Читатель догадывается, что Катерина уже *любила*, но любилъ ли ее Богомоловъ? — едва ли: онъ только добивался отъ нея отвѣта и рѣшенія вопроса: можетъ ли онъ оставить стряпчиху?

— Не можете потому, что вы слишкомъ благородны, *полковникъ*.

Между тѣмъ Настасья Николаевна умираетъ. Катерина живетъ теперь съ братомъ, погруженная въ самое себя, чуждая всему ее окружающему. Жизнь ея проходитъ въ совершенномъ уединеніи; прогулки и катанье на лодкѣ — любимое ея занятіе. Она даже покидаетъ родительской домъ и живетъ въ какой-то башнѣ, выстроенной братомъ на берегу рѣки. Такъ проходитъ пять лѣтъ. Разъ былъ балъ въ домѣ брата, на которомъ Катерина не присутствовала, а только находилась въ числѣ зрителей, смотрящихъ изъ саду на танцующихъ. Тутъ ее увидѣлъ Богомоловъ, бывший въ числѣ гостей, и подошелъ было къ ней; но Катерина, испуганная незнакомою тѣнью, поспѣшила къ своей башнѣ; тѣнь за нею. Наконецъ произошло свиданіе, заключающее повѣсть, въ которомъ Богомоловъ объявилъ, что *она умерла*, а Катерина, что она въ эти пять лѣтъ — *любила*.

Повѣсть задумана очень не дурно. Мысль представить челоуѣка подѣ влияніемъ одного изъ тѣхъ *необдуманныхъ шаговъ*, которые, какъ злое *fatum*, отравляютъ жизнь нашу, и въ то же время ъ-бокъ поставить существо чистое и симпатичное — необыкновенно счастливая мысль. Но, увы! все ограничивается прелестію одного замысла, а не исполненія. Богомоловъ — фантомъ, а не живой глубоко-трагическій образъ. О борьбѣ его только намекается, разсуждается, а самой борьбы нѣтъ: однѣ слова, слова, слова! Авторъ даже ни разу не потрудился ввести насъ въ сферу жизни Богомолова, представить его въ отношеніи къ Вѣрѣ—недостатокъ, рѣшительно ученической. Все вниманіе автора сосредоточилось надъ отдѣлкою личности Катерины. Но, не говоря о психологическомъ промахѣ, состоящемъ въ томъ, что авторъ заставляетъ дѣвушку полюбить осанистаго полковника за одну наружность (трагическое положеніе его Катерина не знала и знать не могла до объясненія на лодкѣ), самый образъ Катерины хорошъ только тогда, когда мы видимъ ее на балѣ, когда еще не закралась въ душу ея любовь къ Богомолову. Въ этотъ моментъ она необыкновенно удалась автору: не смотря на нѣкоторую скуку, которая является какъ

неизбѣжный результатъ панегириковъ институтской наивности и аристократическимъ замашкамъ, образъ Катерины вышелъ милъ и граціозенъ. Еслибы не предстояли намъ впереди длинныя выписки, мы готовы бы были заимствовать изъ повѣсти прекрасную картину: Катерину въ бальномъ платьѣ, съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ на головѣ, гуляющую съ своей кузиной Юліей въ саду, великолѣпно иллюминированномъ, гдѣ она встрѣтилась впервые съ Богомоловымъ; мы могли бы указать и на другія, мастерски набросанныя картины; но.... въ повѣсти на однихъ картинахъ не выѣдешь. Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа Катерина является блѣднѣе и хуже. Ея индифферентное состояніе, отчужденіе отъ міра и молчаливость, не совсѣмъ рельефно представленныя, возможны бы были какъ результатъ сильной борьбы, борьбы на жизнь и смерть; но такой борьбы не было, а подавленіе чувства, ибо *любила* Катерины есть не что иное, какъ подавленная любовь, не могло нанести глубокихъ ранъ душѣ ея: подавленное, при самомъ зародышѣ, чувство непременно и скоро оживаетъ. Мы не говоримъ о другихъ лицахъ повѣсти: всѣ онѣ блѣдны и сотни разъ рисовались другими. Бѣдная анализомъ, построенная на устарѣлыхъ пружинахъ, повѣсть *Любила*, обличая въ авторѣ проблески таланта и нѣкоторую оригинальность въ языкѣ, въ цѣломъ—слабое, ученическое сочиненіе, не имѣющее ничего общаго съ двумя послѣдними его произведеніями. Мы убѣждены, что эта піеса принадлежитъ къ первымъ опытамъ г-жи Кохановской, хотя она только нѣсколькими мѣсяцами предупредила появленіе въ свѣтъ второй ея повѣсти—*Посль Обьда въ Гостязь*, къ которой мы и обращаемся.

Какъ небо отъ земли отстоитъ эта повѣсть отъ *Любила*: подумаешь, что она принадлежитъ совсѣмъ другому автору и что длинный рядъ годовъ, годовъ неуспѣшнаго художественнаго труда отдѣляетъ одно произведеніе отъ другаго! Мы точно также были пріятно изумлены при чтеніи *Посль Обьда*, какъ и рецензентъ Русской Бесѣды г. К. Аксаковъ. Но прежде всего спѣшимъ указать на капитальный недостатокъ этого граціознаго созданія. Не понимаемъ, зачѣмъ угодно было автору представить послѣ-обѣденную картину въ домѣ предводителя и помѣститъ на ней свою фигуру и фигуру разсказчицы, сдѣлавшейся героиней повѣсти, но представленной на этой картинѣ живой, болтливой барыней-помѣщицей, бѣдной вдовой, ожидающей отъ предводителя великой и богатой милости? Картина эта нари-

сована, правда, на рамкахъ; но тѣмъ не пріятнѣ видѣть ее, когда на самомъ полотнѣ красуется художественное изданіе. Содержаніе Послѣ Обѣда весьма не многосложно: это — печальная, но обыкновенная исторія замужства по принужденію, замужства безъ всякихъ внѣшнихъ приключеній, безъ кинжаловъ и крови, даже почти безъ слезъ. Любовь Архиповна, въ героиняхъ Любаша, была дочь бѣдной уѣздной горожанки, вѣроятно, ех-чиновницы, проживающей трудами рукъ своихъ съ тремя дочерьми. Любаша была дѣвушка живая, веселая, вполне неразвита, но глубоко поэтическая натура. Эта поэтичность выражалась въ ней тѣмъ молодымъ разумомъ, который такъ способна возбудить русская пѣсня въ душѣ того, кто близокъ еще къ первобытной непосредственности. Но въ слѣдствіе ли молодости, или той же непосредственности (этого авторъ не объясняетъ), еще много живаго не проявилось въ героини, даже лучъ любви, безъ котораго не проживетъ ни одно женское существо, не коснулся души ея. Въ такомъ состояніи ее отдають силою замужъ за какого-то комиссіонера. Любаша *покоряется* своей участи почти безъ протеста на словахъ; но на дѣлѣ былъ протестъ ужасный: бѣдная дѣвушка впадала въ какое-то окаменѣлое, летаргическое состояніе, при которомъ человѣкъ становится равнодушнымъ ко всему окружающему и только чувствуетъ непримиримую ненависть къ тому, кого прежде бы только не любилъ. Такую ненависть питала Любаша къ своему мужу *Никанору Семеновичу*. Никаноръ Семеновичъ оказался добрымъ человекомъ, очень любилъ жену свою и съ изумительнымъ *смирениемъ* переносилъ ея отвращеніе, котораго она нисколько не скрывала, хотя отвращеніе это выражалось только несокрушимымъ молчаніемъ. Домъ и все окружающее мужа до того стало ненавистно Любашѣ, что она почти ничего не ѣла, питаясь скудною пищею, которою съ ней дѣлилась какая-то богомолка, изрѣдка ее навѣщавшая и принявшая горячее участіе въ ея горькомъ положеніи. Такъ прошло года два. Наступилъ Свѣтлый праздникъ. Кризисъ, подготовленный къ разрѣшенію участіемъ *Аводьюшки* (имя богомолки), видимо приближался къ концу: торжественность дня подѣйствовала на Любашу; поздравительный поцѣлуй мужа лишилъ ее чувствъ; стоя въ обѣднѣ, она чувствуетъ какое-то лихорадочное состояніе. Послѣ обѣда супруги отправляются въ Куянку, къ матери.

«Душно мнѣ въ брчкѣ сидѣть, и будто я сержусь, и сама не знаю, на кого сержусь. Стали мы подѣзжать къ Куянкѣ,

прилучился намъ на дорогѣ мосточекъ.» Дай, говорю, хоть выйду, пройду, перейду этотъ мосточекъ.» Онъ велѣлъ остановить лошадей, и мы вышли. Только онъ, матушка, хотѣлъ меня взять подъ руку, чтобы перевести, значить, черезъ мостокъ (дурно было идти), я какъ отшатнусь отъ него, и прямо съ размаху упала подъ мостокъ, не удержалась на краю. Я перепугалась, а онъ бросился ко мнѣ, лица на немъ нѣтъ. «Боже мой! всплеснуть руками, долго ли еще это будетъ? «Я стала подниматься, матушка, и какъ-то мнѣ пришлось, что я прямо глянула глазами на него; а онъ, бѣлый какъ полотно, стоитъ надо мною, и мнѣ его, матушка, жалко стало....»

«Сѣли мы, опять поѣхали, а мнѣ все его жалко. Ушибиться я вовсе не ушиблась: упала мягко на прошлогоднюю траву и даже не замарала ничего.... а какъ подумаю, а мнѣ жалко его. Дай, говорю себѣ, погляжу на него. Поглядѣла я, матушка, а онъ сидитъ какъ словно окаменѣлый: въ лицѣ ни кровиночки нѣтъ; протянулъ руки, сложилъ ихъ себѣ на колѣно и сидитъ, хотя бы онъ двинулся или пошевелинулся; даже у него глаза будто остановились. Я хочу позвать и не знаю, какъ. Позабыла я, не знаю, какъ моего мужа зовутъ. Тронула его за рукавъ, онъ не слышитъ. Я и не знаю, что дальше со мною стало. Только я, матушка, упала ему на руки, ухватилась за него, говорю: «Прости меня! я больше не буду!» Онъ даже задрожалъ весь. «Не будешь?» Наклонился ко мнѣ и глядитъ на меня быстро глазами, что мнѣ даже страшно стало. «Посмотрю я, какъ ты не будешь? Поцѣлуй меня.» И вотъ тебѣ, какъ Богъ святъ, родная моя, откажись я въ ту минуту поцѣловать его, онъ бы, кажется, тутъ же убилъ меня.... Я закинула ему руки кругомъ шеи, крѣпко обняла его, и какъ я своимъ поцѣлуемъ поцѣловала его, да и не оторвусь отъ него.... Какъ зарыдаю я, какъ польются у меня слезы — и вотъ, матушка, когда пришелъ истокъ имъ!» — (Стр. 685 — 686).

Этотъ истокъ спасаетъ бѣдную женщину, «съ тѣхъ моихъ слезъ,» продолжаетъ расказница, «я словно вновь на свѣтъ родилась..... И мы, родная моя, послѣ того девять лѣтъ прожили вмѣстѣ, мы другъ другу косаго взгляда не показали.» (Ibid). Этимъ собственно оканчивается повѣсть, хотя авторъ дагѣе, на цѣломъ печатномъ полулистѣ, ведетъ дополнительные рассказы объ *Авдотьюшкѣ*, явившейся орудіемъ спасенія для *Любаши*, о *Черномъ*, пѣвцѣ-чародѣѣ, пѣснями котораго восхи-

щалась когда-то не одна героиня повѣсти, и, наконецъ, о Любовѣ Архиповнѣ, какъ уже знакомой читателю по началу разсказа личности, причѣмъ объясняется, зачѣмъ она попала въ домъ предводителя, какъ, въ досадѣ на послѣдняго, велѣла подавать своему Серѣгѣ лошадей и простилась съ авторомъ.

Изъ нашего бѣглаго очерка, конечно, нельзя заключить ни о достоинствахъ, ни о недостаткахъ *Посль Обьда въ Гостялѣ*, такъ какъ интрига, основа сочиненія, очень мало значить въ дѣлѣ искусства. Г-жа Кохановская, сочиняя эту повѣсть, имѣла въ виду представить: картину уѣздной жизни, образъ дѣвушки, принадлежащей къ кругу, занимающему средину между простымъ народомъ и образованнымъ обществомъ, и анализъ самой глубокой психической болѣзни. Что касается до первой цѣли, то, не взирая на то, что читателя безпрестанно тревожитъ то Любовь Архиповна, то личность самого автора, выглядывающія съ рамокъ, картина уѣздной жизни вышла превосходна. Дѣйствіе происходитъ, какъ надобно думать, въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на сколько объ этомъ можно судить по патриархальности изображаемаго быта, патриархальности, давно и вездѣ не существующей, даже въ самыхъ отдаленныхъ городскихъ захолустьяхъ. Авторъ беретъ эту жизнь съ самой свѣтлой, поэтической стороны; это — жизнь молодежи, жизнь, которую еще не подавила нужда, жизнь незатѣйливая, бѣдная содержаниемъ, но богатая силами. Этотъ избытокъ силъ выражается тѣмъ дѣтско-радостнымъ чувствомъ, которое плѣняетъ насъ въ сочиненіяхъ Гомера; у нашего автора этотъ избытокъ выражается пѣснію. Г-жа Кохановская съ неподражаемымъ мастерствомъ успѣла схватить характеръ этой жизни. Какой смѣлый пошибъ кисти, и какъ полносочна, если можно такъ выразиться, эта кисть! Какимъ послушнымъ орудіемъ явилась въ рукахъ талантливаго поэта русская пѣсня! Русская пѣсня!... «Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за душу? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца?» Хоть разъ въ жизни раздастся подобный звукъ — и гдѣ бы и когда бы онъ ни раздался: въ деревнѣ ли, въ полѣ ли, или ночью среди мгновенной тишины шумнаго города, — не разъ въ жизни прозвенитъ онъ въ вашей душѣ, и вы, усталый и утомленный, бодро встрепенетесь, посылавъ его вѣщій звонъ! «Что ни шумитъ, что ни звенитъ далече равно передъ зорями?» спрашиваетъ праотецъ русскихъ поэтовъ, неизвѣстный авторъ *Слова о Полку Игоревѣ*, конечно, хорошо по-

нижавшій очарованіе звуковъ родной пѣсни. Но какъ уловить эти звуки, какъ подвергнуть ихъ мертвому критическому разсѣченію? Какъ схватить и заставить ихъ застынуть, чтобыгодились они для художественнаго представленія? До-сихъ-поръ на представленіе всего неуловимаго былъ мастеръ авторъ слѣдующихъ грамматически-неправильныхъ стиховъ :

Шопоть, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица ;
Въ блѣдныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтара,
И лобзаніе и слезы,
И заря, заря!...

Великимъ, неподражаемымъ мастеромъ на изображеніе неизобразимаго-русской пѣсни и пѣвца-поэта является разбираемый нами авторъ. Мы не знаемъ ничего превосходнѣе слѣдующей высоко-поэтической сцены: это — разсказъ о смерти *Чернаго*, *подсудка*, который, хотя молча, любилъ героиню повѣсти :

«Черный, послѣднее время, почитай, половину города просто на привязи за собою водилъ.... За послѣднее время объявился у него, у Чернаго, новая пѣсня, да вѣдь какая пѣсня! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду не слыхивали той пѣсни, и какъ за-поеть онъ своимъ заливымъ голосомъ ту протяжную пѣсню, просто душу у тебя силой беретъ, да и все тутъ! Отецъ протопопъ, старый же человекъ и степенный, что ему пѣсня? — а онъ сидѣлъ подъ окномъ и слушалъ да слушалъ, какъ не далеко Черный пѣлъ; а далѣе опомнился, а у него, у отца протопопа, борода въ слезахъ (сама матушка протопопша говорила), такъ онъ даже перекрестился. «Господи Иисусе Христе! сказалъ, вотъ пѣсня...» она будто не ни-вѣсть какая и не мудреная, и всей-то ее, матушка, видѣтъ нечего :

Воздохну, Дунай всколыхну,
Всколыхну ли я Дунай-рѣку.
Что не къ морю вода подымалася,
По желтымъ пескамъ расплескалася,
По зеленыхъ лугахъ разливалася :
По дѣвушкѣ душа востосковалася...

«Пѣсня-то и вся тутъ, — да что сидѣло въ той пѣснѣ, какъ Черный ее протяжно да переливно, идучи по городу, пѣлъ, по вечерней зарѣ. И еще какъ надойдетъ надъ гору и станетъ на ней, — а внизу рѣка въ половодьи разлилася, шумить, — и онъ стоитъ, матушка, и поетъ: *расплескалася, разливалася*, просто, говорили люди, отца и мать бы забылъ и все слушалъ его!...»

«Какъ же, родная моя! Черному проходу не стало по городу. Купцы какъ завидятъ его, изъ лавокъ выбѣгаютъ на встрѣчу. «Ваша милость, отецъ родной! *Воздохну*... Что хочешь изъ лавки бери, спой только *Воздохну*». — «Чтожь, братцы! говорилъ Черный, — не продажная. Самому дорого стоитъ. Удастся вамъ послушать случаемъ, ваше счастье, а не удастся, не погнѣвайтесь». Такъ вотъ, чтобы удалось это счастье, за Чернымъ по сту глазъ смотрѣли. Чуть онъ заложилъ руки назадъ и пошелъ по городу, тотчасъ со всѣхъ сторонъ присядая и пригинаясь подъ плетнямъ, за нимъ слѣдомъ и потянуло человѣкъ пятнадцать или двадцать. У хозяевъ надъ рѣкою всѣ плетни по огородамъ осаждали, лазя черезъ нихъ, затѣмъ, что, значить, эти мѣста облюбилъ Черный и уже заливался тутъ своимъ *Воздохну*. И тутъ же ему, матушка, и напасть его приключилася... Мужикъ потопалъ. Черный увидѣлъ съ горы и бросился на помощь. Вытащилъ, матушка, мужика, спасъ его отъ смерти; а тамъ еще лошадь его осталася, бьется, потопаетъ совсѣмъ. Народъ сбѣжался, стоитъ на берегу, смотритъ... Жалко бѣдной скотины, да что ты ей сдѣлаешь? Своя душа дороже. Черный не стерпѣлъ. «Эхъ, сердечная! вымолвилъ, какъ она бьется!» и бросился опять къ рѣкѣ. Его было хотѣли силою удержать, такъ удержишь его? Онъ какъ двинулъ плечами, всѣ отъ него, какъ лѣстья, посыпались... И уже онъ бился съ тою лошадью, говорятъ, съ часъ мѣста промаялся съ нею, пока наконецъ возжами напнулся ей мертвый оселъ на шею и вытащилъ изъ воды. Да еслибы онъ послѣ того въ баню сходилъ, или бы напился горячаго чего: ахъ бы Господь помиловалъ и прошло бы даромъ все. А то дѣло было съ утра; Черный только на службу шелъ, какъ увидѣлъ, что потопаетъ мужикъ, и онъ одѣлся послѣ въ сухое и опять пошелъ на службу. А оно и не прошло даромъ. Недѣлю цѣлую разламывала болѣзнь, да онъ все не поддавался; а потомъ уже она какъ осилила его, такъ онъ на десятый день только въ память свою пришелъ. И только, матушка, пришелъ въ себя, глѣнулъ глазами, и говоритъ шепотомъ хозяйкѣ, чтобы она священника позвала. И голоса-то его заливнаго не стало у него!

А хозяйкѣ не зачѣмъ было далеко идти, потому что отецъ протопопъ отъ обѣдни мимо оконъ шелъ. Она его въ окна и позвала. Отецъ протопопъ, спасибо ему, даже въ домъ къ себѣ не зашелъ, а воротился прямо въ церковь, взялъ ковчежецъ со святыми дарами, выисповѣдалъ и запричастилъ больного...

«И вотъ, родная моя, что я тебѣ скажу: сама хозяйка божи-лась послѣ, сказывала мнѣ... Пока, знаешь, священникъ у боль-ного святыню творилъ, а она, женщина догадливая, послѣшила самоваръ поставить. Одно то, — что, можетъ статься, больной, принявши Св. Тайнъ, захочетъ чаю выкупать; а другое — что хозяйка сама же знала и видѣла, что и отецъ протопопъ еще не кушалъ чая. Какъ только тамъ окончили со святынею, она сейчасъ внесла самоварчикъ и начала готовить чай. Отецъ протопопъ не далечко на стулкѣ сидѣлъ, а больной лежалъ съ от-крытыми глазами; только онъ, видно, не замѣчалъ хозяйки; мало-по-малу сталъ подниматься и сѣлъ. «Батюшка! говорить, такимъ тихимъ да твердымъ голосомъ говорить: — я вамъ не все на исповѣди сказалъ. Я Любовь Архиповну крѣпко, какъ свою душу, любилъ». Батюшка отецъ протопопъ тоже всталъ къ нему. «Ни-чего, говорить, и Богъ насъ всѣхъ любить». Съ этимъ словомъ Черный легъ, повернулся къ стѣнкѣ, и будто онъ заснулъ, да уже и не просыпался болѣе.

«И какъ хоронили его! Вотъ, моя родная, прекрасно его хо-ронили! И теперь поѣзжай въ Купянку, спроси, помнятъ люди, какъ Черного хоронили. Оно и забыть нельзя. Такъ свѣтло да радостно никого будто въ жизни не хоронили, ни большого, ни малаго! Купцы какъ услышали, что померъ Черный, они ему по-несли всего: отъ свѣчей и ладону до всего, матушка, что нужно для гроба, и сами взялись гробъ сдѣлать, и парчей володою Чер-ного накрыли. Барышни ему подъ голову кисейную подушку спи-ли, розовою тафтой подложили, изукрасили ее лентами, что ни есть лучше. Онъ себѣ безродный былъ, ни отца, ни матери, гдѣ-то далеко сиротою взросъ. Кажись, и гробу-то его пустѣе да сиротѣе должно бы было; а вышло нѣтъ, родная моя! На-родъ къ нему валомъ валитъ, большіе и малые, словно ихъ по-сылалъ кто: «иди, моля, иди, поклонися Черному!» И весь го-родъ шелъ — просто, говорили, какъ рѣка текъ. Въ среду на вечерню его вынесли въ церковь, а на утро-то, значитъ въ чет-вергъ, какъ хоронить его, отецъ протопопъ соборомъ обѣдню служилъ (одно то — что Черный его прихода былъ, а другое — что и купцы просили). И, знаешь, дни праздничныя, въ храмѣ

Божіемъ свѣтлость такая, царскія двери отворены, пѣніе радостное на обѣднѣ льется, и Черный просто неузнаваемъ въ гробу лежалъ; сказывали сестрицы. Большой такой, да хороший; болѣзнь съ него черноту сняла, и онъ, матушка, побѣглый, обложился своими черными волосами, вотъ живъ заснулъ, высоко на разубранной подушкѣ въ красотѣ лежитъ! Отпѣли погребеніе, и какъ пришло это время, что *дадимъ послѣднее цѣлованіе*, отецъ протопопъ первый приступилъ проститься съ усопшимъ; наклонился онъ, и, видно, Господь внушилъ ему такую мысль: «Христось воскресе!» сказалъ онъ и трижды, какъ христосуясь, поцѣловалъ Чернаго. А тутъ не далечко у самого гроба женщина съ дитятею на рукахъ стояла, и дитя забавлялось, держало въ ручкѣ красное яйцо. «Дай мнѣ, дитя, твое янчко», сказалъ отецъ протопопъ. И малютка такъ ему съ ручкою и протянула яйцо. Отецъ протопопъ взялъ красное яйцо и положилъ его въ гробъ къ Черному, и при этомъ онъ слово такое хорошее сказалъ: пусть дескать и въ самое нѣдро земли онъ снесетъ съ собою благовѣстіе Христово. Итакъ, матушка, за протопопомъ весь народъ не прощаться, а христосоваться съ Чернымъ сталъ. Всякій подойдетъ къ усопшему, и прежде чѣмъ цѣлованіе мертвецу дастъ, «Христось воскресе!» скажетъ ему, какъ живому. Приступили къ выносу, такъ народъ толпами толпился, чтобы понести гробъ, и какъ понесли его, день такой прекрасный въ полуднѣ сіяетъ, хоругви развѣваются, парча золотая на гробъ, какъ жаръ горитъ, и откуда ни возьмись, двѣ ласточки вьются да щебечутъ надъ самымъ гробомъ, въ удивленіе привели народъ. Просто, сладость такая святая умлила людей, какъ стали заколачивать гробъ; заколачиваютъ его, опускаютъ въ могилу, а тутъ, матушка, поютъ: *Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ*. Не одинъ, не два человекъ, а цѣлые десятки ихъ, святымъ словомъ: ей Богу! говорили, что они съ радостію бы легли и заняли мѣсто Чернаго.... Вотъ такую Богъ судьбу Черному далъ: что онъ и пѣсней своею и смертію, какъ силой какою, подвигалъ за собою людей». (Русск. Вѣсти. 1858 г. № 19. Стр. 689—692).

Мы воздерживаемся отъ всякихъ восклицаній: пусть самъ читатель судить о грандіозности образа и о силѣ художественной концепціи нашего автора. Мы только замѣтимъ какъ объ этомъ поэтическомъ отрывкѣ, такъ и о цѣлой картинѣ уѣздной жизни, что авторъ поступилъ съ истинно-художественнымъ тактомъ,

излагая свой рассказъ характеристическимъ языкомъ героини повѣсти: иначе бы не удалось ему изобразить съ такою прелестью задуманныя идеи. Еще болѣе оконченно, хотя менѣе очаровательно нарисованъ г-жею Кохановской образъ Любаши — дѣвушки. Передъ читателемъ встаетъ этотъ образъ, насквозь проникнутый жизнію, въ неподражаемомъ поэтическомъ свѣтѣ. Но нигдѣ съ такою полнотою и художественною оконченностію не является онъ, какъ въ слѣдующей сценѣ, изображающей прощаніе Любаши съ подругами передъ отъѣздомъ въ домъ мужа:

«... Вышла я къ нимъ (барышнямъ и молодымъ людямъ) разраженная, какъ подъ вѣнцомъ была, кланяюсь имъ всѣмъ. «Спасибо вамъ, говорю, барышни мои милыя, голубочки мои сизокрылыя, и вамъ, птицы вольныя, сокола ясные, господа наши веселье! что всѣ вы ко мнѣ сошлись, слетѣлись, не добычу добывать, не пшеницу клевать, а мой послѣдній пиръ пировать, мою дѣвичью долю поминать». Низко я имъ всѣмъ поклонилась, и они мнѣ низко, какъ одинъ, всѣ поклонъ отдали. И такая тишина стала между нами чудная, что я того и жду, или я зарыдаю, или изъ нихъ кто-нибудь голосомъ зарыдаетъ. «Ну, говорю я: что жъ мы это попримолкли да приуныли:

Со вечера буень вѣтеръ уставалъ,
Широки мои ворота растворялъ,
Широки мои, не заперты,
Подворотня не подложена была,

да съ этимъ словомъ :

Сѣра утица съ двора сошла...

я какъ пошла въ танокъ, какъ зашлпсь всѣ мы голосами, такъ словно душа у насъ всѣхъ разомъ дрогнула, и углы тѣ глухіе и нѣмые голосомъ отозвались намъ. «Во дворъ!» говорю я. Допѣла пѣсню, поднесла всѣмъ по стакану меду и уподчивала своихъ гостей всѣмъ, что у матушки было дорогаго да завѣтнаго. «Во дворъ!» говорю :

Свѣти, свѣтель мѣсяцъ,
Ты свѣти посвѣтлѣе,
Чтобъ гулять веселѣе...

«А я нигдѣ такъ не любила гулять, какъ любила на дворѣ, на морозѣ да при мѣсяцѣ. Снѣгъ бѣлый подъ ногою хруститъ, морозъ въ веряхъ скрипомъ скрипитъ; мѣсяцъ на тебя, молодую, словно молодецъ, глядитъ, и вся ты сама не знаешь, не то жар-

ко тебѣ, не то холодно. Будто жаръ тебя пробираетъ морозомъ, и морозъ тотъ словно по тебѣ огнемъ въ крови разливается....

«Вышли мы, родная, во дворъ: на небѣ ясно, вызвѣздило, ступдено стоитъ, словно душу тебѣ морозъ крѣпить. Я какъ глянула на небо и потомъ глянула на землю, что вся она отъ морозу пскрами по снѣгу разгорается, душа у меня пыломъ, какъ огнемъ, прошла. Эхма! лютое горе, не круши меня. Жива буду, не позабуду; умирать стану, тебя вспомяну! Не откуплюсь я отъ тебя звѣздами ясными, не отсыплюсь снѣгами сыпучими, морозы лютые не скуютъ тебя, дай же я отпоюсь отъ тебя моею пѣсней веселю, разудалою! И какъ залилась я, матушка:

Внизъ по рѣчущкѣ гоголушка плыветь,
Выше берега головушку несеть....

какъ всѣ мы понеслись разомъ въ круговой танокъ, сплелсь межъ собою руками, наши молодцы какъ приударили о морозную землю, Черный свистнулъ переливнымъ посвистомъ, и все вокругъ насъ словно затихло, занѣмѣло и одна та наша пѣсня, отзывнымъ посвистомъ, пошла гулять по поднебесью!....

«Я подъ собою земли не слыхала. Никогда въ жизни, ни прежде, ни послѣ, я звонче не пѣвала и не плясала такъ... Я будто и приустану немного, и хороводъ словно начнетъ ослабѣвать у насъ, такъ пѣтъ! Черный какъ заляется, засвиститъ съ-стиха и громче своимъ голосомъ — и словно онъ силою какою могучею двинетъ насъ! Опять хороводъ ожилъ, встрепенулся, и я пошла съ нимъ, съ Чернымъ, въ одиночку плясать....

«Наконецъ, матушка, отплясала я всѣ свои пляски и перепѣла всѣ мои пѣсни. Начала было эту послѣднюю:

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго
Вылетало стадо лебединое;
А другое — гусиное.
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду ко сѣрыхъ гусей....

И тамъ дальше: что отставала такая-то прочь отъ красныхъ дѣвухекъ и приставала она къ молодымъ молодущкамъ, я, матушка, не кончила. «Будетъ! говорю, пѣсня кончена.... Попрощаемся, мои барышни, на разставаньи. Гдѣ я съ вами пѣла и плясала, тамъ вы меня обнимите и отпустите отъ себя, мои бѣлыя лебедушки! «И словно съ меня силу мою всю какъ рукой сняло.

Прислонилась я къ дереву, чтобъ устоять мнѣ.... И дерево это, я какъ сейчасъ помню, большая верба у матушки среди двора была. Мы ее сколько разъ охватывали въ хороводъ, и еще плясать подъ нею такъ чудно было. Вѣтки большія всѣ въ инеѣ, наклономъ наклонились; мы какъ двинемъ подъ нихъ хороводъ и заьемся нашею пѣснію, такъ вся верба шорохомъ шорохается и сверху инеежъ осыпаетъ насъ.... Такъ вотъ къ вербѣ-то своей я прислонилась, матушка, и стою, не двигаюсь. Барышни всѣ, одна по одной, подошли ко мнѣ, подѣловали меня и всякая мнѣ низко поклонилась. Я имъ слова никакого не молвлю, стою, поглядѣла вокругъ: по одну сторону онѣ отошли, стоятъ, мои голубочки, по другую сбился въ кучку наши добрые молодцы.... «Ну-те, а вы же что? говорю, развѣ я вамъ не хорошо пѣсни пѣвала, или не весело плясала съ вами, что, таковы молодцы, вы и попрощаться со мной не хотите? Черный, матушка, слова не сказалъ, подошелъ первый ко мнѣ; наклонился, крѣпко подѣловать меня, а слезы у него какъ брызнуть, такъ и задали мнѣ лицо.... Я посмотрѣла ему вслѣдъ. «Прощай, добрый молодецъ!» говорю, онъ и не оборотился; пошелъ прямо къ воротамъ и только назадъ рукою махнулъ. Такъ они всѣ подошли ко мнѣ и попрощались со мною. Философу нашему (семинаристу) послѣднему пришелъ чередъ. Онъ и приступилъ ко мнѣ; но видно, взглянувши на меня поближе, какъ всплеснетъ руками: «Ах!, братцы мои, сестрицы голубочки! завопилъ голосомъ: Любовь Архиповна совѣмъ умираетъ». — Не бось, сказала я, — еще поживу, и пошла отъ него въ домъ». — (Ibid. стр. 669—671).

Что касается до анализа той душевной болѣзни, которую испытала Любаша въ первые годы замужства и которая, какъ мы сказали, была почти единственнымъ ея протестомъ противъ материнскаго самовластия, то.... Но мы прежде должны замѣтить, что съ этими психическими анализами надобно обращаться съ большою осторожностію. Часто авторы, берущіеся за подобную работу, вдаются въ такія мелочи, погружаютъ свой анатомическій ножъ такъ глубоко, что совершенно забываютъ и читателей и искусство: этимъ господамъ представляется не разнообразная публика, а клиническая зала и безмолвные слушатели, собравшіеся для изученія анатоміи и психіатріи. — Г-жа Кохановская сумѣла избѣгнуть этого капитальнаго недостатка: тонко и съ необыкновеннымъ искусствомъ, обличающимъ женскую руку, изслѣдуетъ она душевную болѣзнь, разсыпая на пути своего изслѣдованія роскошныя цвѣты поэзіи, образчики которыхъ мы ви-

дѣл выше. Страшно становится за судьбу этого молодого, глуповаго созданія и чѣмъ-то гробовымъ вѣетъ отъ той жизни, которую вела Любаша въ домъ своего мужа! Хоть бы что-нибудь проявляло жизнь! Мужъ какой-то туманный, страдающій призракъ; авторъ не надѣлилъ его жизнью, не придать ему ни какой страсти, никакого эффекта.... Хорошо анализъ, но.... и это не одно *но*: читатель спрашиваетъ: почему драма (а она предполагается и по началу замужства и по исходу болѣзни) разрѣшается сномъ? Почему пробужденіе воспослѣдовало черезъ какую-то Авдотьюшку, при имени которой невольно приходятъ на память щедриновскіе очерки? Почему спящая красавица не пробудилась къ жизни жизнью (страстію ли какою? — Хоть гнѣвомъ со стороны мужа, или воспоминаніемъ о звукахъ чудныхъ пѣсенъ Чернаго)? Почему толчекъ пробужденія былъ такой пассивный, въ которомъ не было ни капли жизни, если только не называть жизнью крайняго проявленія аскетизма? Но на эти вопросы мы теперь не отвѣчаемъ, отлагая ихъ рѣшеніе къ концу нашей статьи, гдѣ они будутъ умѣстиѣе. — Вообще повѣсть *Посль Обьда въ Гостиахъ*, обличая въ авторѣ высокое дарованіе, есть не что иное, какъ сборникъ мастерскихъ этюдовъ, не соединенныхъ между собою въ одно стройно-художественное цѣлое. — Недостатокъ во всякомъ случаѣ капитальный, что бы ни говорили защитники художественной распущенности.

Въ повѣсти *Изъ Провинціальной Галлерей Портретовъ* авторъ вводитъ насъ также въ міръ старины, «время очаковскихъ и покоренья Крыма», только старина эта другаго рода, — не уѣздная, а барская. Картины прошлаго быта нарисованы тою же смѣлою кистью, изукрашены такими же цвѣтами поэзіи: тѣ же приемы, тотъ же стиль. Но мы лучше расскажемъ въ чемъ дѣло:

Портретъ взятъ изъ галлерей того же предводителя, *Посль Обьда* котораго послужило рамкою для повѣсти этого имени. Авторъ превосходно рисуетъ портретъ бабушки предводителя, *Анны Гавриловны III** съ котикомъ на колѣнахъ и съ маленькимъ столикомъ подлѣ, на которомъ лежала рогулечка слоновой кости и связка снурковъ. Анна Гавриловна представлена столѣтней старушкой, отъ которой вѣетъ чѣмъ-то отраднымъ и успоковающимъ; видно, что эта благодушная, распространяющая вокругъ себя миръ старость была завершеніемъ свѣтлой, невозмутимой жизни, полной сладкаго очарованія. И это въ самомъ

дѣлѣ такъ: представивъ граціозный образъ старушки съ свойственною ему художественностію, авторъ вводитъ насъ въ міръ этого сладкаго очарованія. И какъ бы для того, чтобы примирить маловѣріе читателя съ возможностью существованія такого міра, авторъ называетъ свой разсказъ сказкою. Въ сказкѣ представляется картина старинной барской жизни, на первомъ планѣ которой рисуются: Анна Гавриловна и отецъ ея *Гаврила Михайловичъ* съ неизмѣннымъ своимъ спутникомъ *Комариной Силой*, чѣмъ-то въ родѣ холопа-наперника, жалкое изчадіе спѣсиваго и дикаго барства. Картина нарисована тѣми же красками, какъ и въ предыдущей повѣсти, впрочемъ, краски эти еще ярче. Въ бѣдной жизни уѣзднаго городка взята одна дѣйствительно поэтическая сторона — избытокъ молодости и жизни; за ней остается нужда и бѣдность. Въ *Галлерей* берется жизнь пѣпкомъ и все, что ни есть въ этой жизни, поэтизируется: поэтизируется дѣвичья жизнь Анны Гавриловны; поэтизируется хозяйственная *порядня*, которую умѣла держать Анна Гавриловна такъ превосходно, что привела бы въ восторгъ поца Сильверста, научавшаго ей своего сына, если бы только пощъ этотъ жилъ не въ XVI, а въ XVIII столѣтіи; поэтизируется Комариная Сила, даже стоптанная туфля Гаврилы Михайловича и т. п. Читатель, конечно, догадается, какая сила выручаетъ автора изъ этого стремленія къ такому всеобщему опозитизированію? Сила эта — народная пѣсня. Но, увы! въ изображаемой картинѣ народная пѣсня не сослужила автору такой же службы, какъ въ *Посль Обьда*: тамъ, повторяемъ, жизнь свѣтлая, и міръ звуковъ придаетъ ей необыкновенную прелесть. Здѣсь, не смотря на всѣ усилія автора, свѣтлая сторона жизни исчезаетъ передъ тѣмъ мрачнымъ образомъ, который самъ собою встаетъ изъ-за картины, — образомъ чудовищнаго деспотизма, обратившаго въ скотовъ эту безразличную толпу съ собачьими кличками: *Комариныхъ Силъ*, *Настей Подбритыхъ*, *Софей Мазаныхъ*. Нѣтъ! не смотря ни на какой талантъ, съ русскою пѣснью надо обходиться осторожно: на этомъ капризномъ инструментѣ нельзя разыгрывать что угодно, какъ воображаютъ нѣкоторые. Впрочемъ, послушаемъ, что говоритъ авторъ о значенія русской пѣсни въ эпоху, имъ изображаемую:

«...мы не будемъ имѣть настоящаго понятія ни о барскихъ утѣшеніяхъ Гаврилы Михайловича, ни о шумной веселости Анны Гавриловны и подругъ ея, если мы позабудемъ припомнить, что лежало въ основѣ ихъ. Лежала русская пѣсня. Родной на-

пѣвъ ея, сильный и могучій, былъ еще совершенно близокъ людямъ, которые по одной внѣшности — только по своему французскому кафтану и исподнему платью — *торопились вступить на общечеловѣческой путь европейскаго развитія, а на самомъ дѣлѣ они оставались все тѣми же простыми русскими людьми.*

Фиолетовый кафтанъ,
 Парчевой камзолъ,
 Чулки шелковые,
 Пряжки съ искорками

не перерождали, а только переряжали русскаго барина. И чтобы видѣть, какъ это заморское переряженіе русскаго барина было не много чѣмъ болѣе маскарадной шутки, надобно было только заливному напѣву простой русской пѣсни коснуться его барскаго слуха. Какъ конь боевой, индѣ почувувъ звуки кавалерійской рыси, съ минуту весь перерождается, уши сторожатъ, глазъ горитъ; онъ будто осыпается на заднихъ ногахъ и вытягиваетъ передними, еще минута, и уже онъ хвостъ и гриву на разметъ, несется, давал слышать вокругъ свой полумсуганный храпъ и веселое ржаніе: такъ точно, безъ натяжки можно сказать, звуки русской пѣсни перерождали нашего барина, по всему будто офранцузившагося; и коса сзади виситъ, и завержетъ взбитъ; но что значить коса и парикмахерскій завержетъ, когда всю душу насквозь пронимаетъ живая сила роднаго напѣва? Баринъ, какъ конь, чуть не вставалъ на дыбы; онъ истинно ржалъ отъ вѣстныхъ чувствомъ своей богатѣйшей гряди, слышавшей могучіе звуки, въ которыхъ вольною волею могла разгуляться душа. Синій кафтанъ на плеча, сапоги съ серебряными подковами, черная шляпа пуховая съ павлинымъ перомъ, и вотъ бурно, неистово вносился онъ въ хороводъ. Онъ заплясывался до упада, и могло ли что-либо хотя нѣсколько приманное удержаться здѣсь, не осыпаться, какъ осыпались бы всѣ до одной блестящей французскаго кафтана въ этомъ разгулѣ дебелии силы, въ этомъ топотѣ и свистѣ, который прорѣзывалъ воздухъ какъ стрѣла, а подъ могучими ногами трещалъ и подавался дубовый полъ, и земля выбивалась на полчетверти» (?) (Русскій Вѣстникъ, 1859 г. N 5, стр. 85—86). —

Все это, конечно, — такъ; но все это еще не даетъ права прославлять героевъ ради любви къ родной пѣснѣ и во имя любви къ ней все поэтизировать. И, Боже мой! кто не любитъ родной пѣсни! Мы увѣрены, что Калининъ и Зубатовъ собираютъ толпы пѣсельниковъ, сыпятъ имъ если не золото, то

мелочь.... но къ дѣлу. Значеніе подчеркнутыхъ нами словъ объяснится въ концѣ статьи нашей.

Что касается до лицъ, представленныхъ на картинѣ, то первое мѣсто между ними занимаетъ Гаврила Михайловичъ, истинный боевой конь, могучій старикъ, какъ не разъ называетъ его авторъ. Гаврила Михайловичъ — настоящий герой повѣсти, лицо, необыкновенно рельефно представленное г-жею Кохановской. Образъ Анны Гавриловны — дѣвушки, туманится вслѣдствіе живаго представленія (отъ котораго читателю трудно отдѣлаться); образа Любаши и картинъ, напоминающихъ *Домострой* пона Сильверста; впрочемъ, читателю, незнакому ни съ Любашей, ни съ Домостроемъ, конечно, и Анна Гавриловна предстанетъ живымъ существомъ. Нашъ авторъ истинный художникъ, едва ли имѣющій соперниковъ въ поэтической концепціи: за что ни возьмется онъ, все выходитъ изъ-подъ пера его живымъ, а не призрачнымъ: жива и Анна Гавриловна — дѣвушка, и матушка сестрица генеральша, ея тетка, и Марко Петровичъ. Къ нашему автору вполне можно примѣнить его же слова: «какъ не много нужно потъ, чтобы создать гармонию, и какъ мало требуется сыраго жизненнаго матеріала для высоко-художественнаго произведенія, т. е., для такого, которое собою наполняетъ душу и пробуждаетъ въ ней тѣ завѣтные и святыя челевѣческіе инстинкты, которыми богатѣетъ наша душа. (Русскій Вѣстникъ. N 5 стр. 70).» Само собою разумѣется, что только въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа всѣ лица, обрисованныя поэтомъ, получаютъ окончательную отдѣлку.

Обожая дочь, хотя и тая это въ душѣ, Гаврила Михайловичъ ни за что не хотѣлъ отдать ее замужъ, запуганный несчастнымъ замужествомъ старшей дочери, вышедшей за него-дая. Но на бѣду его, Анну Гавриловну увидѣлъ въ хороводѣ *Марко Петровичъ III**, владѣлецъ четырехъ тысячъ душъ, «Друцкой княгинѣ свойственникъ, Трубецкаго князя Илью дядей зоветь, Ширинскіе ему своя семья, да и бабушка тожъ двоюродная, Анфиса Петровна, челоуѣкъ въ случаѣ, вельможъ за уши дереть», капитанъ гвардіи, не выѣзжая изъ своей деревни, — увидѣлъ и полюбилъ. Но, не смотря на посредничество матушки-сестрицы генеральши, не смотря на личное предложеніе Марка, Гаврила Михайловичъ твердилъ свое: не отдамъ!»

— Покаралъ меня Господь Богъ на одной дочери, не отдамъ другую! Пусть она дѣвкой свѣкуеть у отца; и уже ни одинъ

смердовъ сынъ не будетъ больше величаться да паругаться надъ моею дочерью! (стр. 97—98.)

Эти слова сказаны были Марку Петровичу на пасекѣ въ присутствіи многихъ гостей и самой Анны Гавриловны. Но Марка не сробѣлъ, а тутъ же похвалился, что, если такъ, такъ онъ украдетъ Анну Гавриловну. Послѣ этой похвальбы, неугомонному жениху поднесли на подносѣ серебряную стопу съ виномъ и связанный *пукъ розогъ* — символъ будущаго наказанія, ожидавшаго молодца въ случаѣ удачной и неудачной попытки. Но Марка Петровичъ и тутъ не приунылъ: опъ выпилъ вино, бросилъ горсть золота пѣсельникамъ, и, уходя, сказалъ невѣстѣ:— Извините, Анна Гавриловна, а я васъ украду. — Удальствомъ, удальствомъ при объясненіи съ Гаврилой Михайловичемъ, удальствомъ при совершившейся дѣйствительно покражѣ авторъ рисуетъ Марка. Вотъ какими чертами рисуется это удальство:

«По свойству его, по родству, по богатству... Марка Петровичъ молодецъ молодецъ былъ! Умно слово сказать и шутку пошутить, и уже *баринѣмъ себя показать такимъ, какъ есть настоящей тысячный баринъ*, не у другихъ спрашивалъ, а самъ умѣлъ Марка Петровичъ. У него одного «половинчатая» коляска была, то-есть, такъ она называлась, что верхъ у нея откидывался на двѣ половины: напередъ и назадъ. И какъ ѣдетъ Марка Петровичъ, народъ старыи и малыи за ворота выбѣгаютъ: «Марка Петровичъ ѣдетъ! Марка Петровичъ ѣдетъ!» а барышни къ окнамъ бросаются. Оно и было чего, не одной половинчатой коляски, посмотрѣть. Истинно сказать, на славу себѣ подобралъ Марка Петровичъ четырехъ въ маслѣ бурыхъ жеребцовъ (благо, что отцовскіе табуны степи крыли), и, то-есть, какъ подобралъ? Ни примѣтинки, ни отмѣтинки, ну вотъ какъ въ сказкахъ говорится: и голосъ въ голосъ, и волосъ въ волосъ, и ногами ровно ступаютъ, и нога въ ногу высоко поднимаютъ! И такихъ молодецковъ нечего было думать на поводахъ сдержать: такъ вмѣсто ремней, они серебряными цѣпями скованы были, настоящими серебряными, и серебряныя удила грызли въ прахъ. И вотъ уже страхъ и любо было посмотрѣть, какъ четверкой въ рядъ неся въ своей половинчатой коляскѣ Марка Петровичъ, ахти мнѣ! Стонъ за нимъ и передъ нимъ на двѣ версты по землѣ шелъ. Ни мостовъ, ни переправъ Марка Петровичъ не держалъ изъ благоразумной осторожности, что тогдашніе мосты и переправы не сдержали бы наступа его си-

лачей и безопаснѣе было махнуть рукою и поискать броду. «Черти бурые!» говорилъ Гаврила Михайловичъ, когда эти бурья, испытавши броду у него подъ садомъ, подносились къ крыльцу и, остановясь, могуче встряхивались такъ, что серебряныя цѣпи звономъ звенѣли, и вода струями сочилась съ длинныхъ гривъ и отекающихъ хвостовъ: «черти бурые!» повторялъ онъ. Но даже Гаврила Михайловичъ поднимался съ своего дивана, чтобы взглянуть на этихъ бурыхъ чертей» (Ibid. стр. 93—94).

Нельзя сказать, чтобы подобныхъ чертъ было достаточно для созданія извѣстнаго образа, — и ихъ дѣйствительно недостаточно. Марка Петровичъ, какъ представитель болѣе молодого поколѣнія, конечно, не то, что Гаврила Михайловичъ; но это различіе представлено не довольно ярко: конечно, Гаврила Михайловичъ — мужъ былъ иной, чѣмъ мужъ — Марка; но, безъ всякаго сомнѣнія, первый точно также бы укралъ невѣсту, точно также бы ѣздилъ въ *половичатой* коляскѣ. Но мы опять опередили рассказъ.

Похищеніе дочери, совершившееся, не смотря на всѣ строгія, даже деспотическія мѣры предосторожности со стороны Гаврилы Михайловича, не смотря на то, что Настя Подбритая, сопровождавшая свою барышню въ прогулкахъ по саду, падала ницъ передъ нею, если Анна Гавриловна рѣшалась заглянуть въ рощу, и вопила, «что развѣ наступивши на нее, пройдетъ сударыня Анна Гавриловна! Пусть она раздавитъ ее *своею* *ножкою сахарною*, а поколева жива Настя Подбритая, не сойдетъ она, не встанетъ, не подвинется съ мѣста того, по приказу батюшки Гаврилы Михайловича!» (стр. 101), — похищеніе дочери, говоримъ, вывело Гаврилу Михайловича изъ его спокойнаго, величаво-барскаго состоянія. Старикъ воспрянулъ при этомъ извѣстїи. — Розогъ! было первое его слово. Не столько опасеніе за судьбу дочери (въ любви Марка къ Аннѣ Гавриловнѣ онъ былъ увѣренъ, о любви дочери, можетъ быть, также догадывался, какъ мы), сколько досада, что Марка сдержалъ свое слово, воздвигла Гаврилу Михайловича необычайной силой. Старикъ отправился въ погоню. Сломя голову поскакалъ онъ по пути къ матушкѣ-сестрицѣ, на полдорогѣ перемѣнилъ лошадей у одного знакомаго, при чемъ едва согласился дать вздохнуть людямъ (последніе на вопросъ хозяина: ѣли-ли они? — Богъ дастъ, отвѣчали охотники *этимъ чуднымъ отвѣтомъ русскаго чловѣка, которымъ онъ покрываетъ свою нужду*), прилетѣлъ къ сестрицѣ

генеральшѣ, разбранился съ нею, отправился потомъ къ какому-то Власу Никандровичу, изчадію стариннаго подъячества, лѣтописцу событій того околотка, въ которомъ царилъ герой нашъ; но всѣ эти поиски ровно ни къ чему не привели: Марка такъ ловко укралъ Анну Гавриловну, что всѣ концы канули въ воду. Какъ совершилась эта покража, какъ возвратился ни съ чѣмъ домой взволнованный старикъ, какъ проспалъ онъ цѣлыя сутки, какъ отправился на охоту, какъ «къ чести нашего стариннаго домоводства» похищеніемъ Анны Гавриловны нисколько не разстроилась *домашняя порядня*; — объ этихъ предметахъ мы не намѣрены распространяться. Скажемъ только, что картина поисковъ Гаврила Михайловича, его одинокая жизнь, возвращеніе Анны Гавриловны въ родительскій домъ, крещеніе ея младенца, свиданіе съ отцемъ и объясненія тестя съ зятемъ написаны рукою великаго мастера. Образъ Гаврилы Михайловича вырастаетъ до истинно-драматическаго величія: забываешь самовластнаго барина, забываешь все, что выступаетъ изъ-за картины, видишь человѣка могучей натуры, потрясеннаго до глубины души разлукою съ дочерью, человѣка, вдругъ освѣтившагося свѣтомъ любви глубокой и нѣжной. Выписываемъ слѣдующую превосходную картину:

«На другой день Воздвиженья, когда всякій гадъ земной, какъ гласить повѣрье, подвинулся на зимовню, въ это знаменательное время Гаврила Михайловичъ изволилъ опочивать послѣ обѣда, и вдругъ онъ слышитъ во снѣ, будто Марка Петровичъ говоритъ ему: «Что это вы, батюшка, заспались такъ? Вставайте внука Гаврила крестить. Попъ въ ризахъ ждетъ». Не опамятовавшись, въ полуснѣ, Гаврила Михайловичъ поднялся и сѣлъ на кровати; но когда онъ открылъ глаза — сонъ у него былъ въ рукахъ. На когѣняхъ у Гаврила Михайловича, на розовой атласной подушкѣ, въ кисеѣ и кружевахъ, лежалъ младенецъ и копался маленькими ножками и ручонками, какъ майскій жукъ, перекинутый на спину. Если бы земля разступилась и издала мертвецовъ своихъ, Гаврила Михайловичъ не удивился бы болѣе, какъ онъ удивился явленію этого младенца. Его пораженная мысль остановилась на одномъ: украдена Анна Гаврилова! Къ этой мысли приливалась вся горечь тоскующаго отцовскаго чувства и вся оскорбленная гордость Гаврилы Михайловича. Но далѣе, что должно было слѣдовать за этою кражею, о томъ Гаврила Михайловичъ никогда не думалъ, и, въ совершенномъ пораженіи, онъ неподвижно глядѣлъ на это явное доказатель-

ство, что Анна Гавриловна была не только украдена, а что она была жена и мать, и это ея первенец копошился на когбняхъ у Гаврилы Михайловича и морщился, собираясь заплакать! Гаврила Михайловичъ неподвижно глядѣлъ и не слышалъ, что въ загѣ уже священникъ возгласилъ: «Господу помолимся». Онъ неотступнымъ взоромъ разсматривалъ младенца и его густые темные волосенки, и теперь уже замѣтно очерченныя брови и смуглота ребенка явственно убѣждали Гаврилу Михайловича, что это именно сынъ того вора, Марка Петровича»....

«— Пожалуйте младенца ко оглашенію, сказалъ священникъ, показываясь во всемъ облаченіи въ дверяхъ кабинета.»

«Гаврила Михайловичъ смутился, какъ онъ смущался развѣ тогда, когда въ дѣтствѣ могли застать его надъ банкой варенья, не выпрошеннаго у ключницы: такъ теперь смутился могучій старикъ, что его застали въ прилежномъ разсматриваніи его внука».

— Сей-часъ, батюшка! послушно и робко, какъ женщина, отвѣчать Гаврила Михайловичъ. — Сила! сказалъ онъ....

«И Комариная Сила держалъ уже наготовѣ новый богатый шафрокъ, привезенный вмѣстѣ съ младенцемъ; но Гаврила Михайловичъ не замѣчалъ того.»

«Поспѣвая одѣться, онъ хотѣлъ было ребенка положить на постель, потомъ думалъ было передать его Комариной Силѣ; но никому не передалъ, никуда съ своихъ рукъ не сложилъ.»

— Давай! протянулъ онъ одну руку Комариной Силѣ, чтобы всадить ее въ рукавъ шафрока; а другою рукою Гаврила Михайловичъ придерживалъ у груди своей младенца. Натянувъ рукавъ на одну руку, Гаврила Михайловичъ перемѣнился ребенкомъ на другую; потомъ приподнялъ обѣ свои руки и далъ Комариной Силѣ запахнуть шафрокъ и подпоясать себя. Гаврила Михайловичъ не зналъ, въ какія туфли вступалъ онъ, и неся свою драгоценную ношу, онъ выступилъ въ залу. Тамъ, разяряженная, въ высокомъ чепцѣ и въ желтой робѣ венеціанскаго атласа, предстояла передъ святою купелью кума Гаврилы Михайловича, и кума это была не кто иная, а матушка сестрица-генеральша; но Гаврила Михайловичъ, кажется, и этого не замѣтилъ.... Или, ибѣтъ! Когда, послѣ погруженія младенца, совершивъ уже крещеніе и готоваясь къ святому муропомазанію, священникъ отъ купели передалъ дитя на руки кумѣ:

— Сестра, дай мнѣ! задыхающимся шепотомъ сказалъ Гаврила Михайловичъ.

— Возьмите, батюшка-братецъ, съ умиленнымъ вздохомъ передала братцу младенца матушка-сестрица. — Возьмите, Богъ съ вами! добавила и прослезилась она.» (Ibid.) стр. 127 — 128).

Этою сценою слѣдовало бы окончить повѣсть, потому что здѣсь кончается драма; къ сожалѣнію, авторъ растянулъ разговоръ почти на два печатныхъ листа. Автору хотѣлось представить состязаніе въ молодечествѣ двухъ героевъ, Гаврилы Михайловича и Марка Петровича, или, какъ выразился критикъ г-жи Кохановской, *взаимно-любовный обменъ оскорбленій*, представить картину прошлой жизни въ болѣе широкомъ размѣрѣ, такъ какъ теперь, по случаю замужества Анны Гавриловны, жизнь эта приняла нѣсколько иной характеръ, и въ концѣ концовъ нарисовать образъ русской женщины—хозяйки. Читатели, познакомившіеся изъ нашего очерка съ талантомъ г-жи Кохановской, конечно, повѣрятъ намъ на слово (выписокъ не дѣлаемъ, и такъ довольно), что изъ-подъ пера ея не выходитъ ничего посредственнаго, что она съ необыкновеннымъ искусствомъ одолеваетъ, повидимому, неподъемныя для художника трудности: доказательство — поэтизированія *рози*: Гаврила Михайловичъ, исполняя обѣщаніе, отхлесталъ зятя «не шутя, такъ, какъ бы отхлесталъ за провинность какую Фильку или Оомку какого, только не своею барскою рукою (стр. 135)». Но, не смотря на обычное мастерство автора, мы должны замѣтить слѣдующее: въ сценѣ состязанія въ удалствѣ героемъ все-таки является Гаврила Михайловичъ; удалство (или *ширь* натуры) Марка ограничивается однимъ похищеніемъ и рѣшпмостью быть выпороннымъ:

— Сѣки, отецъ! (Не правда ли, это нѣчто въ родѣ гоголевскаго: *Слышу!* въ Тарасѣ Бульбѣ?) Сказалъ онъ. — Больно сѣки.... — (Стр. 164).

А въ дальнѣйшемъ разсказѣ Марка совершенно ступевывается, впрочемъ, и Гаврила Михайловичъ то же; героинею выступаетъ Анна Гавриловна, какъ женщина, мать и хозяйка. Авторъ рисуетъ дополнительную картину *домашней порядки*, съ которой онъ познакомилъ читателя въ началѣ своей сказки; впрочемъ являются въ этой картинѣ такія черты, о которыхъ не смыслилъ и попъ Сильверстъ: Анна Гавриловна пляшетъ передъ гостями за часъ какой-нибудь до родовъ, а черезъ два-

три часа является къ нимъ снова «въ томъ самомъ нарядѣ, какъ она плясала, и держитъ въ рукахъ серебряный подносъ; а Марка Петровичъ, рядомъ съ нею, наливаетъ въ серебряную стопу вино....»

— Гости наши милые, гости наши дорогіе, любимые! Начала, кланяясь, Анна Гавриловна — не взыщите на такомъ часѣ, что мы васъ привѣтомъ не привѣтили, а безпокойствомъ обезпокоили.» (Стр. 155).

Читатель готовъ вѣрить автору, что такая жизнь и такой образъ преобразили Анну Гавриловну, въ ту очарованную старушку, портретъ которой онъ рисуетъ вначалѣ своей повѣсти.

Въ *Послѣ Обѣда въ Гостиныхъ*, какъ мы замѣтили, кромѣ русской пѣсни, для цѣлей автора превосходно послужилъ своеобразный языкъ разсказчицы; въ Портретной Галлерей авторъ мѣстами и отъ себя говоритъ тѣмъ же самымъ языкомъ, среднимъ между литературнымъ и языкомъ народной поэзіи. Этимъ языкомъ г-жа Кохановская владѣетъ мастерски. Но, не смотря на это, мы отъ души ей совѣтуемъ быть осторожнѣе: воссозданіе всего арханческаго (а таковъ языкъ народной поэзіи) — работа для какого бы то ни было дарованія въ высшей степени трудная и не всегда благодарная. Художественный инстинктъ автора, при безпристрастномъ вниманіи къ самому себѣ, найдеть промахи (на нихъ мы не указываемъ) противъ духа языка, промахи, состоящіе въ излишней и мѣстами просторной пѣвучести. — Что касается до механической композиціи, до расположенія фигуръ на картинѣ, то въ Портретной Галлерей замѣтны еще большіе недостатки, чѣмъ въ *Послѣ Обѣда въ Гостиныхъ*. Последняя повѣсть во всякомъ случаѣ выше первой — и по уровню содержанія, и по оригинальности приемовъ, и даже по самому умѣнью пользоваться собственными средствами.

Г-жа Кохановская заявила свое дарованіе двумя повѣстями, изображающими прошлой нашъ бытъ, бытъ уѣзднаго горожанства и деревенскаго барства. Уже по одному своему содержанію, эти повѣсти имѣютъ важное современное значеніе, важное потому, что вопросъ о самобытности и народности вообще и особенно въ литературѣ никогда не потеряетъ своего интереса, а въ настоящее время, время самопознанія, онъ важнѣе болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Впрочемъ, говоря о народности, по поводу сочиненій нашего автора, надобно понимать не простонародность, а художественную объективность представленія той

жизни, которую изображаетъ авторъ, представленія весьма труднаго, потому что жизнь эта до-сихъ-поръ не поддавалась анализу. Г-жа Кохановская блистательно одолѣла эти трудности. Хвала и честь ей! Побѣда сдѣлалась возможною потому, что авторъ превосходно знаетъ изображаемую имъ жизнь, сжился съ нею, вѣроятно, воспитанъ ея преданіями. Изображеніе жизни, не смотря ни на какой талантъ, будетъ всегда не полнымъ, *сочиненнымъ*, если авторъ знакомится съ этою жизнію совершенно внѣшнимъ образомъ, à priori, по книгамъ. Но ни единенія съ изображаемою жизнію, ни высокой степени таланта еще не достаточно для того, чтобы изображаемая картина вышла вполне художественною, поэтической картиною. Для послѣдней цѣли нужно нѣчто, чего не дастъ ни единеніе, ни талантъ: это *нѣчто* — отношеніе художника къ изображаемой жизни, отношеніе, конечно, не безстрастное, но исключющее всякую заднюю дидактическую мысль. Собственно говоря, ни одно художественное произведеніе не можетъ обойтись безъ личныхъ убѣжденій, безъ лиризма; даже объективность представленія не спасаетъ отъ нихъ, ибо что такое идея, которая встаетъ изъ-за картинъ, объективно представленныхъ, какъ не лиризмъ художника? Но только убѣжденія общечеловѣческія, гуманныя, какъ бы и гдѣ бы онѣ ни проводились, не выдаютъ автора. Изъ всѣхъ убѣжденій отличаются скоропроходящностію убѣжденія партіи, кружка, по-колику онѣ расходятся съ первыми. Такія убѣжденія губельны для художника, потому что онѣ мертвятъ, а не животворятъ талантъ его: горестный примѣръ этого представляетъ гибель великаго дарованія, потерю котораго до-сихъ-поръ мы оплакиваемъ; эти парціальныя убѣжденія выдаютъ головою и самое произведеніе, въ которомъ онѣ проводятся.

Г-жа Кохановская совершенно пристрастно подошла къ жизни, которую она намѣревалась изобразить, подошла съ заранѣе задуманною, нѣжно любимую мыслию — *идею безусловнаго совершенства, даже прелести нашей старинной жизни*, идею, которая уже замѣтна въ послѣдней части *Посль Обьда въ Гостиахъ* и необыкновенно ярко рисуется въ *Портретной Галлерей*, заключающая собою такую крупную фигуру, какова личность Гавриила Михайловича.

Въ *Посль Обьда* эту идею объясняется пробужденіе отъ сна Любаши, пробужденіе, гласящее: вотъ-де героя была и

побита, и зашлена, и страдала; но какую награду за то получила за *безмолвное страданіе*! Отдали ее замужъ насильно; конечно она на первыхъ порахъ возненавидѣла мужа, но то же *безмолвное страданіе* и Авдотьюшка спасли ее, и потомъ — какъ она любила своего Никанора Семеновича! Боже! какъ любила! — только русская женщина и можетъ такъ любить! — Нѣтъ, уважаемый авторъ, смѣемъ васъ увѣрить, что если драма Любашини и можетъ разрѣшиться сномъ, то пробужденіе никакъ не можетъ разрѣшиться такою пламенною любовью: спросите у нашей жизни, у нашей народной поэзіи и у вашего художественнаго и женскаго инстинкта. Вы можете указать на неотразимость фактовъ дѣйствительно существующихъ и, слѣдовательно подтверждающихъ вашу идею; но вы, художникъ, должны внимать не случайности факта, часто неразумнаго и преходящаго, а вѣчному глаголу святой правды, вѣчнымъ требованіямъ божественной природы человѣка. Вы — художникъ, творецъ; вы можете, вы должны пройти молчаніемъ все, противорѣчащее этой правдѣ, все случайное, а не возводить его на степень идеала; если же оно остановитъ васъ, — то казните его во имя той же вѣчной правды, той же божественной нашей природы. — Не понимаемъ къ чему явилась въ *Послѣ Обѣда* Авдотьюшка? Для спасенія тенденцій автора? — Это другое дѣло. Сколько мы знаемъ Любашину, натура ея до такой степени была свѣтла, что ничто фантастическое и мистифирующее не могло ужиться съ нею. Но автору, во что бы то ни стало, хотѣлось умиротворить большую, гордую и, слѣдовательно, *грѣховную* душу Любашини, — и вотъ явился идеалъ возможнѣйшаго *смиренія*, каковымъ и предполагается Авдотьюшка.

Уже однѣ сдѣланныя нами выписки и подчеркнутыя слова доказываютъ, что *Портретная Галлерей* есть ничто иное, какъ роскошный поэтический днѣирамбъ, прославляющій наше старинное барство.... Но теперь мы должны обратиться къ статьѣ г. Г—ва, написанной по поводу послѣдней повѣсти г-жи Кохановской и помѣщенной въ третьей книгѣ *Русской Бесѣды* за этотъ годъ, въ отдѣлѣ смѣсп. Статья г. Г—ва отличается какимъ-то *иллюзионнымъ* характеромъ и до *pes plus ultra* отеческимъ отношеніемъ къ автору, какъ къ нѣжно любезному дѣтищу. Впрочемъ, статья обличаетъ въ критикѣ знатока дѣла и человѣка со вкусомъ, хотя и съ тѣми же тенденціями, которыя такъ рельефно проводятся въ послѣдней повѣсти г-жи Кохановской. Г. Г—въ имѣетъ цѣлю указать на достоинства таланта нашей молодой

писательницы, въ чемъ мы съ нимъ безусловно соглашаемся, и оправдать рациональность ея идей. Въ послѣднемъ позволяешь себѣ не согласиться. И такъ какъ критикъ и авторъ во всеѣ сходятся, то, возражая первому, мы кстатіи выскажемъ послѣднему все то, что такъ желалъ отъ души сказать ему даже послѣ прочтенія первой его повѣсти.

Г. Г-въ говоритъ, что г-жа Кохановская не повторяется (Русская Бесѣда. Кн. III. Смѣсь. Стр. 66). Изъ нашего разбора слѣдуетъ противное: тѣ же тенденціи, тѣ же приемы. Критикъ поздравляетъ себя, что мы будемъ избавлены отъ скуки видѣть новаго *специалиста* — художника, въ родѣ гг. Григоровича, Щедрина, Островскаго. По двумъ произведеніямъ еще этого нельзя сказать; что будетъ дальше? — посмотримъ. Но и въ этихъ двухъ произведеніяхъ мы замѣтили *специальность* — прославленіе старинной жизни. Далѣе критикъ говоритъ: что *литература наша все-таки не наша*; что нашъ литературный языкъ удался отъ народнаго со стороны этимологической и синтаксической и что возрожденіе его совершится съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права; что повѣсти г-жи Кохановской представляютъ зарю ожидаемаго возрожденія литературы; что у автора *Изъ Провинціальной Галлерей Портретовъ* очень много родственнаго съ С. Т. Аксаковымъ, по положительному-художественному направленію (Ibid. Стр. 67 — 68). Останавливаемся. Не дѣлаемъ ни какпхъ возраженій на мысль: *литература наша все-таки не наша*, считая ее не болѣе, какъ остроумный парадоксъ; сверхъ того, по поводу вопроса о народности въ литературѣ, мы говорили въ предыдущей статьѣ нашей. Не разъ также говорено было намп о недостаточности нашего современнаго языка и о необходимости оживленія его струею народнаго говора, — мысли, совершенно совпадающія со взглядомъ критика г-жи Кохановской. Мы не расходимся также во взглядѣ съ г. Г-вымъ и на то, что оживленіе это начнется съ окончательнымъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и съ распространеніемъ въ народѣ образованія, т. е., съ того момента, когда необходимо должна пошатнуться въ своихъ основаніяхъ жизнь нашего простонародья. А пошатнется она, пошатнется и строй народнаго языка и, кто знаетъ! быть можетъ, онъ приметъ въ себѣ тѣ элементы уродливости, которыми изобилуетъ языкъ низшаго грамотнаго горожанства, солдатъ, лакеевъ и т. п. Въ настоящее время языкъ простонародья застылъ въ своей неподвижности; остаться въ такомъ состояніи онъ не можетъ; слѣдовательно странно судить à priori

о взаимномъ воздѣйствіи его и теперешняго литературнаго нарѣчія, болѣе чѣмъ странно, для оправданія своихъ гипотезъ, ухватиться за какого-нибудь любимаго писателя и выставить языкъ его моделью несомнѣннаго будущаго преуспѣянія. Мы раздѣляемъ мнѣніе критика о достоинствѣ языка г-жи Кохановской: эта писательница превосходно воспользовалась языкомъ народной поэзіи въ своихъ эпическихъ разсказахъ; элементы его искусно проводятся даже въ немногихъ лирическихъ мѣстахъ *Посль Обьда* и *Портретной Галлерей*, и все это очень естественно, потому что г-жа Кохановская истинный художникъ. Но всего этого еще слишкомъ недостаточно, чтобы на этихъ достоинствахъ основывать надежды на неизвѣстное будущее. Еще посмотримъ, какъ заговоритъ г-жа Кохановская въ слѣдующихъ своихъ произведеніяхъ, взятыхъ изъ другой сферы: по крайней мѣрѣ, въ *Любила* мы видимъ ту же *пошлую обстриженность современнаго литературнаго языка* (стр. 83), о которой такъ нецеремонно выражается г. критикъ. Странный вы человекъ, г. критикъ! Обстриженность языка, кисти, рѣзца у истиннаго художника дѣло не мыслимое: обстриженность значить смерть, тщедушіе, худосочиѣ; скажите, возможно-ли оно въ произведеніи, которое *вы сами* не можете не назвать художественнымъ? По вашему, обстриженностію отличается языкъ Тургенева, Гончарова, Костомарова? — *Посль Пушкина* нашъ литературный языкъ далеко ушелъ впередъ въ дѣлѣ сближенія съ народнымъ; значитъ, языкъ Пушкина есть *наиболѣе обстриженный*? Смѣемъ увѣрить почтеннаго г. Г-ва, что не только языкъ современныхъ нашихъ художниковъ, что не только языкъ Пушкина, но даже языкъ Карамзина, даже языкъ фонъ-Визина не обстрижены. Если писатель съ истиннымъ талантомъ, если при актѣ творчества душа его трепещетъ, какъ *пробудившійся орелъ*, то, какъ бы ни были скудны лингвистическіе средства, повѣрьте, закричитъ каждая буква. О бездарности мы не говоримъ: къ чему ни прикоснется она, все отзывается мертвечиной. Филологическія разсужденія не такъ-то легко писать, какъ думаетъ критикъ, полагая, что для объясненія удачныхъ словъ и выраженій, употребленныхъ г-жею Кохановскою «нужно бы цѣлое филологическое разсужденіе». — Г. Г-въ называетъ повѣсти г-жи Кохановской зарю ожидаемаго возрожденія литературы. Какого? — Положительное отношеніе къ жизни, отвѣчаетъ критикъ. Но положительное отношеніе къ жизни во все не новость въ нашей литературѣ: положительно относился къ ней Пушкинъ, положительно

относился Гоголь въ Тарасъ Бульбѣ, положительно относится Тургеневъ. Но критикъ подъ именемъ жизни, конечно, понимаетъ жизнь народа (онъ говоритъ: «Родникъ, откуда течется содержаніе повѣстей г-жи Кохановской.... это—народная жизнь». Барство тоже народная жизнь!) и, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что ни Пушкинъ, ни Гоголь, ни Тургеневъ не знаютъ такъ эту жизнь, какъ знаетъ г-жа Кохановская; можетъ быть и такъ; но родникъ жизни еще не значитъ сама жизнь, и знаніе и исполненіе не одно и тоже. Вѣдь и Аксаковъ, съ которымъ критикъ сближаетъ нашу писательницу, также не изображалъ въ своихъ сочиненіяхъ народной жизни, а потому, значитъ, точно также не народенъ, понимая народность въ исключительномъ смыслѣ критика, какъ Пушкинъ, Гоголь и Тургеневъ. Литературные перевороты суждено производить геніямъ, а послѣдніе являются вслѣдствіе временныхъ потребностей; мы же идемъ себѣ ни шатко, ни валко. Что можетъ сказать новаго геній о нашей жизни? На насущные вопросы въ современной литературѣ есть кому подать голосъ. При всемъ нашемъ сочувствіи къ произведеніямъ автора *Семейной Хроникѣ*, мы никакъ не можемъ считать его реформаторомъ въ дѣлѣ литературы. Аксаковъ былъ художникъ-этнографъ, художникъ-натуралистъ, какъ Маколей художникъ-историкъ, но никакъ не геніальный художникъ-поэтъ, который только и можетъ произвести литературную реформу. Странное понятіе о литературныхъ реформахъ! Странна реформа, желающая видѣть свѣтъ во тьмѣ и тьму въ свѣтѣ!

Далѣе г. Г.—въ защищаетъ г-жу Кохановскую отъ упрека, что она нигдѣ не осудила громогласно крѣпостнаго права и, въ оправданіе автора, приводитъ немногія мѣста, гдѣ дѣйствительно осуждается крѣпостное право. Читатель видѣлъ, что упрекъ нашъ даровитому автору не въ этомъ. Упрекъ нашъ—въ высочайшемъ опозтизированіи барскаго быта, поддерживаемаго, конечно, крѣпостнымъ правомъ и дикимъ самовластіемъ. Согласны, что есть намеки на осужденіе; но какъ они ничтожны съ двоямбическимъ тономъ поэмы! Чѣмъ болѣе сыплеть авторъ роскошныхъ цвѣтовъ поэзіи, чѣмъ ярче онъ обнаруживаетъ художественность своего дарованія, достигнувшую въ созданіи Гаврилы Михайловича до высоты, не многимъ доступной, тѣмъ сильнѣе выступаетъ задняя мысль. Читатель чувствуетъ, что этотъ боевой конь, или лучше, эти кони топчутъ все, бѣшено мча свои половинчатыя коляски, и что отъ копытъ ихъ, что отъ слѣда колесницъ ихъ туго и жалко растутъ подблѣкая трава.

Прославляется эпоха въ лицѣ ничтожнаго меньшинства представителей, которымъ, конечно, хорошо было жить на свѣтѣ, — отсюда и ширь натуры и здоровье; прославляется эпоха, близкая къ той, когда отмѣчали въ календаряхъ: «такого-то числа подчищали ногти у меня бѣднаго и ихъ изуродовали», когда за поведеніемъ боярскихъ кошекъ наблюдали особо назначенныя крѣпостныя гувернантки, подвергавшіяся за дурную нравственность своихъ питомцевъ «нещадной сѣкуціи» *), Нѣтъ! Картины Семейной Хроники не таковы: мы любимъ старика Багрова, но мы положительно знаемъ, что онъ былъ деспотъ; при немъ, какъ необходимое допозненіе, является порабощенное существо *Арины Васильевны* и блѣдныя личности членовъ его семейства; для полноты же картины красуется отвратительная фигура Куролосова. А здѣсь, въ Портретной Галлерей, цѣлый хоръ героевъ, такъ блистательно воспѣвающій прелесть быта, никакъ не могшаго быть прелестнымъ, потому что онъ поддерживался безнравственнымъ учрежденіемъ. Оправдать (если только можно) относительно разумность этого учрежденія дѣло не искусства, какъ воображаетъ г. Г—въ, а науки, исторіи.

Всего забавнѣе аргументъ критика, что темные поступки героевъ Портретной Галлерей «оправдываются тѣми самыми лицами, которымъ приходится отъ нихъ терпѣть. Дѣйствія самыя насильственныя, самыя, повидимому, оскорбительныя для нравственнаго чувства свободы, переносятся оскорбленными не только терпѣливо, но охотно и добровольно: мало того, — за эти оскорбленія, и именно за нихъ(?!!) оскорбленный еще болѣе любитъ того, кто оскорбилъ. Тутъ (то есть, въ стараніи автора оправдать темные поступки) такая художественная черта, до которой достигнуть удастся весьма немногимъ» (страница 71—72). Мы увѣрены, что послѣдняя похвала должна глубоко оскорбить г-жу Кохановскую. Вы, г. критикъ, утверждаете, что Комариныя Силы, Подбитыя и Мазанныя Настя и Софья любятъ heroesъ г-жи Кохановской за оскорбленія и что любовь ихъ возрастаетъ пропорціонально этимъ оскорбленіямъ. Что мудренаго! можетъ быть, вы и правы: еще старикъ Гомеръ сказалъ:

*) См. превосходную статью г. Семейскаго: «Первые годы царствованія Елизаветы Петровны», Русское Слово, августъ 1859 года, стр. 349—350, прилѣжаніе 169.

Тягостный жребій печальнаго рабства избравъ челоѣку,
Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ *).

Вѣроятно, не всѣ кошачьи гувернантки у того барина, которому подчищали ногти, небрежно исполняли свою должность: безъ сомнѣннй, были и такія, которыя съ наслажденіемъ предавались этой профессіи. Дѣйствительно, вы правы, г. Г—въ, а о вкусахъ не спорять.

Представляя характеристику изображаемаго г-жею Кохановскою быта, критикъ говоритъ: «При этомъ, пока еще вѣшнемъ отношеніи къ чуждымъ формамъ жизни, естественно *поколѣніе еще не успѣло измельчать*, что бываетъ обыкновенно при такомъ вліяніи двухъ стихій, когда обѣ взаимно отказываются отъ своего существа и своей самобытности; пустоты еще не явилось, *натура была цѣла*. Изображеніе этой-то, еще *свѣжо сохранившейся чисто русской натуры* и т. д... составляетъ существо новой повѣсти г-жи Кохановской» (страница 75). А! вотъ оно куда пошло! Вотъ въ чемъ дѣло! Вотъ она заря-то какая! Это, читатель, камешекъ въ нашъ огородъ. Измельчаніе поколѣній! цѣлостность натуры! русская натура! Съ смпреніемъ примемъ на себя эту пронию почтеннаго критика мы, натуры мелкія, сломанныя, нерусскія. Съ смпреніемъ отступимъ и дадимъ дорогу князю Юрію (герою «Старыхъ Годовъ»), старику Багрову, Куролесову, Гаврилу Михайловичу съ зятемъ, Калиновичу, Рогоулѣ, Зубатову. Куда намъ, пигмеямъ, тягаться съ этими богатырями, съ этими свѣжо сохранившимися натурами! Но вы, г. Г—въ, плохой психологъ и, вслѣдствіе этого маленькаго недостатка, клевете на наше поколѣніе. Мы согласны съ вами, что поколѣнія мельчаютъ, когда составляющія ихъ стихіи отказываются отъ своего существа, своей самобытности; но подобное абсолютное отрицаніе бываетъ только при совершенномъ разложеніи обществъ, при политической агоніи. Отдѣлившись отъ народа, вслѣдствіе петровской реформы, мы, то есть, наши лучшіе люди со времени Новикова и Радищева, понимаютъ необходимость сближенія съ нимъ и въ горячей любви къ нему никому не уступаютъ. Дѣйствительно, пустота есть необходимый результатъ этого разединенія, но пустота временная, не всеобщая: какъ скоро начинается сближеніе, какъ скоро проявляется любовь, — пустоты, о которой говорите вы, уже не бываетъ. Какъ хотите называйте

*) Одиссея въ переводѣ Жуковскаго. Пѣсь XVII, томъ IX, стр. 170.

вашихъ могучихъ богатырей, только не русскими. Мы имѣемъ смѣлость не согласиться съ вами, особенно если эти герои подумянены и быть ихъ изукрашенъ. Мы называемъ русскими не ихъ, вашихъ героевъ, а Бельтовыхъ, Тентетниковыхъ, Гамлетовъ щигровскаго уѣзда, Рудиныхъ, Лаврецкихъ. Вы, конечно, посмѣетесь надъ ними, посмѣетесь надъ мелкотою ихъ. Что дѣлать! Мелковаты и поломаны; но хорошо вашимъ героямъ, этимъ соколамъ, у которыхъ крылья ни чѣмъ не были связаны и пути имъ не заказаны! Но...

Жизнь хороша, когда мы въ мирѣ
Необходимое звѣно,
Со всѣмъ живущимъ за-одно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ....

мудрено уцѣлѣть и не сломаться, если только въ груди вашей
не камень, а сердце, тогда когда

толпа, съ тобою розно,
Себѣ поздвигнувъ божество,
Слѣдить съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидя далеко, —

Такъ по вашему, намъ могутъ возразить, выходить, что не слѣдуетъ изображать въ искусствѣ быть, подобный тому, какой представила въ послѣдней своей повѣсти г-жа Кохановская? — Почему нѣтъ? Изображайте, но безъ задней мысли, такъ какъ изобразилъ прошлый бытъ С. Т. Аксаковъ въ Семейной Хроникѣ. Если же авторъ увлекается поэтической стороною прошлаго быта (а ее, эту поэтическую сторону, мы не отрицаемъ: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія), то онъ лучше сдѣлаетъ, если возьметъ эпоху отдаленнѣйшую, менѣе знакомую, менѣе возмущающую читателей: въ такомъ случаѣ, съ помощію художественныхъ средствъ, онъ имѣетъ возможность нѣсколько освѣтить темныя мѣста своей картины и очаровать читателя оптическимъ обманомъ поэзіи, — условіе, необходимое для историческаго романа или повѣсти.

Если бы мы, подобно г. Г—ву, не уважали высоко таланта г-жи Кохановской и не считали его *художественнымъ и дорогимъ талантомъ*, то никогда бы не рѣшились высказать того и

съ такою полною откровенностію, что сказали въ этой статьѣ. — Пожеланія наши почтенному автору будутъ совершенно инныя, чѣмъ г. Г—ва. Мы отъ души желаемъ, чтобы наша талантливая писательница исполнила то, о чемъ именемъ Божиимъ умоляетъ ее забыть критикъ: «вникните въ ваши достоинства и недостатки, приведите въ исполненіе» — мы не скажемъ: *наши*, но — совѣты великихъ наставниковъ и жрецовъ искусства, *которые упивались гармоніей и обливались слезами надъ вымысломъ.*

МИХАИЛЪ ДЕ-ПУЛЕ.

Воронежъ. 26 сентября 1859 г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стихотворенія О. Б. Миллера. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Книга первая. М. 1860. Въ 8-ю д. л. 270 стр.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, по поводу изданія «Шиллера» г. Гербея, мы имѣли случай сказать нѣсколько словъ о г. Миллерѣ, какъ добросовѣстномъ и старательномъ переводчикѣ. Теперь лежатъ передъ нами первая часть полнаго собранія его стихотвореній. Собственно говоря, большая часть этихъ стихотвореній не *его*, а Шиллера, Гете, Гейне, Уланда и проч. Г. Миллеръ только перевелъ ихъ. Въ этой первой книжкѣ заключаются лишь лирическія пьесы, которыя г. Миллеръ довольно произвольно раздѣлилъ на два отдѣла, на 1) баллады и романсы, и 2) лирическія стихотворенія и смѣсь. Вѣдь и баллады, и романсы принадлежатъ тоже къ лирическимъ произведеніямъ, хотя и съ эпическимъ оттѣнкомъ. Притомъ и въ этомъ подраздѣленіи классификація г. Миллера не совсѣмъ вѣрна. Отчего, напримѣръ, чисто описательная пѣса Фрейлиграта: *Подъ пальмами* попала въ число балладъ, и такія же стихотворенія, хотъ бы *Утренній жалобы* Гете или *Жалоба Цереры*, попали во второй отдѣлъ? Вовсе не балладами кажутся намъ также три сатирическія пьесы Гейне: *Незнакомка*, *Подземный міръ* и *Тамбурмажоръ великой арміи*. Первыя двѣ помѣщены, правда, и въ нѣмецкомъ изданіи въ циклѣ *Romanzen*; но это не вѣрно: и та и другая скорѣе юмористическія шутки. Ужъ если было распредѣлять всѣ стихотворенія, то слѣдовало бы и пьесы втораго отдѣла не мѣшать такъ хаотически, а тоже сгруппировать по родамъ. А то эпиграммы мѣшаются тутъ съ идилліями, романтическія пѣсни съ классическими элегіями, и т. д. Не понравилась намъ также манера обозначать, что стихотвореніе переводное и взято изъ

такого-то иностраннаго поэта, только въ оглавленіи, а не въ заглавіи пьесъ. Это манера не новая, слѣдовать ей началъ Жуковский, а за нимъ и большая часть поэтовъ его и пушкинской школы: Козловъ, Баратынскій и проч. Жуковский вѣроятно потому избѣгалъ обозначеній источниковъ при своихъ переводахъ, что русская публика была еще слишкомъ молода и незнакома съ иностранными литературами: чуждое имя, можетъ быть, отвратило бы ее отъ желанія прочесть надписанную этимъ именемъ пьесу, и образцовыя переложенія Жуковского не усвоились бы у насъ, какъ произведенія оригинальныя. Другіе поэты, слѣдуя манерѣ Жуковского, не имѣли къ тому такихъ побудительныхъ, какъ онъ, причинъ. Одно изъ большихъ неудобствъ этого обычая указывать лишь въ оглавленіи, что пьеса переводная, заключается въ томъ, что мало-по-малу эти указанія исчезаютъ въ послѣдующихъ изданіяхъ. Стараясь перепечатать вѣрнѣе текстъ, никто не старается сохранять старыя оглавленія. Такимъ образомъ въ послѣднемъ изданіи Козлова не разберешь, что у него въ стихахъ свое, что чужое. Мы подозрѣваемъ, что г. Миллеръ сдѣлалъ такое распредѣленіе и обозначеніе пьесъ лишь для того, чтобы втасовать въ свои переводы нѣсколько оригинальныхъ своихъ стихотвореній. Мы говоримъ: оригинальныхъ, но въ сущности слѣдовало бы сказать: имъ самимъ сочиненныхъ. Оригинальности въ нихъ нѣтъ ни на грошъ. Это жалкіе, дѣтскіе стишки, печатать которые и разъ-то совѣстно, а перепечатывать въ третій разъ, какъ дѣлаетъ это г. Миллеръ, и совѣстно и смѣшно. Развѣ гимназістъ перваго или втораго класса можетъ придавать какую-нибудь цѣну подобнымъ несчастнымъ рѣмованнымъ строчкамъ, какъ наприимѣръ слѣдующія :

•На черныя локоновъ кольца,
 На черныя очи твои,
 Я часто безмолвно люблюсь
 Съ тоской непонятной въ груди,
 И думаю: локонь блестящій!
 Кто будетъ тобою играть?
 Вы, чудныя, черныя очи,
 Ахъ! кто-то васъ будетъ лобзать?•

или, еще лучше, слѣдующей смѣшной до наивности пѣсенкѣ:

•Нѣтъ, не забуду я
 Черныхъ очей,
 Свѣтлыхъ, привѣтливыхъ,
 Милой моею!

«Мрачной полуночи
Цвѣтъ ихъ чернѣй,
Утра весенняго
Взглядъ ихъ яснѣй,» и т. д.

Всѣ собственныя стихотворенія г. Миллера такого достоинства, не исключая и торжественной оды въ концѣ книги, годной можетъ быть въ свое время для какихъ нибудь «Вѣдомостей», но рѣшительно ни для кого не интересной теперь. Источники вдохновенія г. Миллера вообще очень не глубоки; онъ вдохновляется не только «внутренними извѣстіями» изъ газетъ, но и географіей даже. Такъ онъ сочинилъ (вирочемъ отчасти въ подражаніе Шиллеру) длинную пьесу: *Русскія рѣки*, въ которой каждая рѣка говоритъ о томъ, чѣмъ она замѣчательна. Наивность, отличающая вообще г. Миллера, доходитъ тутъ до невѣроятнаго. Какъ вы думаете, что говоритъ о себѣ, напримѣръ, хоть бы сѣверная Двина? А вотъ что:

«Плодъ сочетанья двухъ рѣкъ — прекрасной Сухоны и Юга,
Въ Бѣлое море я шлю съ грузомъ богатымъ суда!»

Ну, не краткая ли это географія Арсеньева? Лена отвѣчаетъ съ паосомъ, достойнымъ пространной географіи того же Арсеньева:

«Рѣки! вы славны, не спору; но я исполнить передъ вами:
Въ устьѣ обширномъ моемъ сотни лежатъ острововъ.»

Нѣкоторыя пьесы, не обозначенныя въ заглавіи, что онѣ переводныя, тѣмъ не менѣе переводы. Можетъ быть это типографскій недосмотръ, но онъ былъ возможенъ только при усвоенной г. Миллеромъ манерѣ расположенія и обозначенія стихотвореній. Такъ не обозначено, что *Надежда* переведена изъ Шиллера, *Алексисъ и Дора* изъ Гете, *Плачь Ярославны* изъ Слова о Полку Игоревомъ, что *Водопадъ* есть подражаніе Штольбергу, а *Волна* — Тидге.

Последнее указаніе извлекли мы изъ перваго изданія стихотвореній г. Миллера, гдѣ пьесы были расположены по авторамъ. Такой порядокъ имѣетъ смыслъ вообще, а у г. Миллера больше, чѣмъ у кого нибудь. У него рѣшительно нѣтъ самостоятельнаго поэтическаго таланта, нѣтъ и особаго поэтическаго направленія. Выбирая пьесы для перевода, онъ руководствуется не полнымъ согласіемъ подлинника со своимъ собственнымъ настроеніемъ, а — если можно такъ выразиться — большею или меньшею *переводимостью* пьесы. Оттого такое разнообразіе въ выборѣ. Жуковскій, напримѣръ, едва ли бы взялся послѣ Шил-

лера и Гете переводить Гейне и Фрейлиграта. Г. Миллеръ беретъ и за тѣхъ и за другихъ. Мало того — онъ переводитъ и восточныхъ поэтовъ, и древнихъ классиковъ, и романтиковъ, и произведенія народной поэзіи. Большая часть его переводовъ теряютъ свое значеніе для читателя именно отъ этой неопредѣленности въ выборѣ и притомъ отъ этого, какъ мы уже сказали, истинно хаотическаго смѣшенія въ книгѣ всевозможныхъ направленій, замѣчательнаго съ мелкимъ, риторическаго съ простымъ, и проч. и проч. Самыя незначительныя пьесы Шиллера, Уланда, выиграла бы, если-бъ были поставлены рядомъ съ другими, замѣчательными. Не смотря на свою незначительность, онѣ служилъ бы тогда болѣе или менѣе къ характеристикѣ поэта. Теперь же, затерянные между чуждыми и часто совершенно враждебными имъ звуками, мелкія пьесы эти и не прочтутся, и не будутъ замѣчены. Не понимаемъ, почему г. Миллеръ не удержалъ въ своемъ собраніи методы, которой слѣдовалъ въ первомъ изданіи своихъ стихотвореній. Если имъ руководило соображеніе, которое мы предположили выше, за него нельзя похвалить автора.

Въ книгѣ г. Миллера есть нѣсколько переводовъ изъ восточныхъ поэтовъ, и ими могъ бы онъ лучше всего начать свое собраніе, если-бъ расположилъ его хронологически. Переводы эти (большею частью афористическаго свойства) ничѣмъ не замѣчательны, кромѣ гладкаго стиха, и вѣроятно никто не прочтетъ ихъ въ собраніи г. Миллера. Неопредѣленное названіе: *Изображенія Восточнымъ*, никого не заинтересуетъ. Всякой предположить, что это фантазіи въ восточномъ родѣ самого г. Миллера, какихъ у насъ въ литературѣ не оберешься. Но укажи г. Миллеръ, откуда, изъ какихъ восточныхъ поэтовъ отрывки, имъ переведенные, многихъ заинтересовало бы узнать хоть по нѣсколькимъ строкамъ индѣйскаго Бгартригери или арабскаго Лебида.

Дѣлая эти повидимому мелкія замѣчанія, мы имѣемъ въ виду возстановить въ книгѣ г. Миллера значеніе, котораго онъ самъ необдуманно лишилъ ее. Эти замѣчанія не придирки; изъ того, какъ внимательно прослѣжена нами вся книга, авторъ не можетъ увидать, кажется, ничего, кромѣ симпатій къ его труду. Можетъ быть для будущаго изданія ему пригодятся наши замѣтки, а потому мы будемъ продолжать классификацію всѣхъ переведенныхъ г. Миллеромъ пьесъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ желали бы видѣть ихъ въ книгѣ.

Кромѣ помянутыхъ «Подраженій восточнымъ» да небольшого *Изреченія Конфуція* къ первому отдѣлу нечего отнести. Затѣмъ, въ хронологической послѣдовательности, идутъ переводы изъ древнихъ классическихъ поэтовъ.

Въ нынѣшнемъ изданіи мы встрѣчаемъ только одну классическую вещь, а именно: семь элегій Тибулла, которымъ г. Миллеръ далъ общес названіе: *Церинтъ и Сульпиція*; но ею одной не ограничивается отношеніе г. Миллера къ древнимъ классикамъ. Въ первомъ изданіи его стихотвореній былъ помѣщенъ переводъ поэмы греческаго поэта конца V или начала VI вѣка, Колуѳа: *Похищеніе Елены*. Она вѣроятно будетъ помѣщена г. Миллеромъ въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ, но мѣсто ея въ нашемъ идеальномъ распредѣленіи было бы рядомъ съ элегіями Тибулла. Какъ элегіи эти, такъ и поэма заслуживаютъ вниманія уже и потому, что являются въ первый разъ на русскомъ языкѣ. Нельзя же считать вольныхъ подражаній Тибуллу Дмитріева и Милонова! Семь элегій римскаго поэта, изъ которыхъ каждая составляетъ какъ бы монологъ, поочередно произносимый то Сульпиціей, то Церинтомъ, образуютъ въ нѣкоторомъ родѣ небольшую поэму, начинающуюся съ первой вспышки страсти и кончающуюся союзомъ любовниковъ. Элегіи эти очень хорошо переведены г. Миллеромъ, какъ большая часть пьесъ, гдѣ его не стѣсняла рима. Для любителей Гете и его прелестныхъ «Римскихъ элегій» Тибулловы элегіи должны быть особенно любопытны. Не проглядывая въ «Римскихъ элегіяхъ» мысль и личность новаго человѣка, можно бы любую изъ нихъ вставить, не нарушая общаго тона, въ книгу элегій Тибулла, точно также, какъ любая элегія Тибулла была бы гармоническимъ звѣномъ у Гете. Далекое не такъ замѣчательна, но не лишена интереса поэма Колуѳа: «Похищеніе Елены». Не смотря на явную подражательность Гомеру, на нѣкоторую сухость и недостатокъ поэзіи, она любопытна, какъ одинъ изъ остатковъ древняго стихотворства, отъ котораго дошло до насъ такъ немного. Оттого Колуѳомъ занималось множество ученыхъ, оттого переводили его на всѣ языки, и даже одинъ испанецъ, ибкото Scio di San-Miguele, занялся неблагодарнымъ и совершенно излишнимъ трудомъ перевода «Похищенія Елены» въ латинскіе quasi-классическіе стихи. Переводъ г. Миллера, по незнанію имъ греческаго языка, сдѣланъ съ подстрочнаго латинскаго переложенія при помощи французскаго и нѣмецкаго переводовъ въ прозѣ. Онъ отличается большою стройностью и гладкостью; за

вѣрность его ручается намъ добросовѣтностью г. Миллера. Поэму Колуѳа прочли мы въ первый разъ въ его книгѣ, и были до тѣхъ поръ знакомы съ нею только по имени; да и теперь у насъ нѣтъ подъ руками ни подлинника, ни одного изъ многочисленныхъ переводовъ. Содержаніе поэмы не обширно. Она начинается довольно краткимъ описаніемъ свадьбы Пелея, на которой пируютъ всѣ боги. Не позвана только Эрида, богиня раздора, и чтобы отметить за такое пренебреженіе, она бросаетъ среди чертога пирующихъ знаменитое яблоко, безъ котораго не было бы ни Илиады, ни Одиссея. Гера, Паллада и Киприда спорятъ объ немъ, и Зевсъ рѣшаетъ, чтобы судьбою избрать Париса —

«чтобъ изрекъ онъ богинямъ,
По красотѣ ихъ очей и бровей сочетанію, судъ свой.»

Дѣло происходитъ, какъ извѣстно изъ cadaго курса мифологии, очень просто. Гермѣсъ, съ золотымъ гесперидскимъ яблокомъ въ рукахъ, летитъ къ Троѣ, и съ нимъ три богини. Всѣ три стараются плѣнить прекраснаго пастуха; противъ двухъ еще можно было устоять, но какъ остаться нечувствительнымъ къ третьей?

«... Раскинувъ хламиду на волю игривыхъ Зефировъ,
Лоно свое, не красѣя, тогда обнажила Киприда,
И, распустивши свой поясъ волшебный, оковы Эротовъ,
Персей своихъ обольстительныхъ дивную прелесть открыла.»

Въ нѣсколькихъ довольно сухихъ и вялыхъ стихахъ рассказано Колуѳомъ самое похищеніе Елены. Это, если хотите, и не похищеніе вовсе, а просто немедленное согласіе прекрасной супруги Менелая ѣхать съ Парисомъ на чужой берегъ, въ чужую страну. Лучшее мѣсто поэмы, по нашему мнѣнію, плачь дочери Елены объ исчезновеніи матери съ отеческаго ложа. Тутъ есть и движеніе, и чувство, которыхъ нечего искать въ остальныхъ эпизодахъ и сценахъ. Пока Эрміона плачетъ, судно съ Еленой и Парисомъ причаливаетъ къ берегу Трои.

«Съ воплемъ, густые волосы разбросавъ, растерзала одежды,
Съ башни высокой завидѣвъ чету молодую, Кассандра.
Но, привѣтно врата отворивъ величавая, Трои
Въ стѣны свои приняла виновника бѣдствій грядущихъ.»

Этими стихами оканчивается поэма. Очень сожалѣемъ, что только на двухъ этихъ произведеніяхъ древней поэзіи оставался г. Миллеръ. Онъ прекрасно владѣетъ гекзаметромъ, и

умѣетъ хорошо передавать спокойное и ровное теченіе древняго эпическаго стиха.

За тѣмъ въ книгѣ г. Миллера слѣдуютъ переводы изъ новѣйшихъ англійскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ. Изъ англійскихъ переведено немного, всего три стихотворенія; но всѣ три являются за то въ первый разъ на русскомъ языкѣ, и одно изъ нихъ чрезвычайно замѣчательно по своей дикой, но тѣмъ не менѣе истинной поэзіи. Это *Старый матросъ*, баллада или, скорѣе, поэма Кольриджа. Сумасшедшій старикъ рассказываетъ въ ней гостю, идущему на свадьбу, свое плаваніе по разнымъ морямъ. У моряковъ есть повѣрье объ одной морской птицѣ, именно альбатросѣ, что она, слѣдуя за кораблемъ, благопріятствуетъ его плаванію. Старикъ этотъ убилъ альбатроса; раздраженный экипажъ повѣсилъ трупъ птицы на шею убійцы, приписывая всѣ неудачи плаванія этому поступку, и для убійцы слѣдуетъ рядъ фантастически грозныхъ бѣдствій, которыми мститъ за смерть любимой своей птицы «могучій духъ полярныхъ странъ». Картины, смѣняющіяся передъ вами въ безумномъ разсказѣ стараго матроса, сквозь фантастическій колоритъ свой просвѣчиваютъ правдой, и вы слѣдите за дѣйствительными бѣдствіями фрегата, который только сумасшествіе истомившагося въ ужасномъ по трудностямъ странствіи матроса рисуетъ вамъ въ преувеличенно-грозномъ видѣ. Единственный изъ всего экипажа спасается онъ и заключаетъ свой разсказъ такъ:

«Прощай! пора къ молитвѣ мнѣ;
Запомни, другъ, одно:
Что тотъ лишь молится вполнѣ,
Кто любить всѣхъ равно —

«Людей, звѣрей и птицъ, и все
Созданіе Творца;
Имъ дышетъ все, Онъ любитъ все
Любовію Отца.»

Чтобы дать понятіе о сумрачныхъ картинахъ поэмы, мы выйдемъ разсказъ моряка о явленіи на океанѣ во время безжизненнаго затишья корабля Смерти. «Проходятъ дни», разсказываетъ сумасшедшій:

«Проходятъ дни. У всѣхъ гортань
Засохла, запеклась!
Глаза, какъ будто изъ стекла,
● глядятъ, остановясь.

«Проходить дни. Но вдругъ вдали,
Гдѣ слился океанъ
Со сводомъ неба, что-то мнѣ
Мелькнуло сквозь туманъ.

«Сперва — какъ бѣлое пятно;
Все ближе, все растеть;
Вотъ стало облакомъ оно,
И прямо къ намъ идетъ.

«Въ лицѣ кровинки нѣтъ у насъ,
Нѣтъ голоса давно;
Въ душѣ надежды лучъ угасъ,
Отчаянье одно!
Какъ тѣни бродимъ мы кругомъ,
И только смерти, смерти ждемъ!

«Хотѣлось мнѣ ихъ ободрить,
Но не достало силъ:
Языкъ не могъ ужъ говорить!
Я руку прокусилъ,
Напился крови — и тогда
Вскричалъ: «корабль идетъ сюда!»

Всѣ въ первую минуту обрадовались; у всѣхъ глаза увлажнились слезами. Но не на долго. Показавшійся корабль плыль къ нимъ безъ малѣйшаго дуновения вѣтра. Сердце у всѣхъ сжалось тоскою предчувствія. Это плыла къ нимъ сама жданая, но все-таки ужасная Смерть.

«Вечернимъ заревомъ облить
Закатъ. Дымится паръ.
Спускаясь медленно, горитъ
Кровавый солнца шаръ.

«Но, заградивъ его собой,
Средь неподвижныхъ водъ,
Фрегатъ, какъ призракъ роковой,
Темнѣеть и растеть.

«И мачты черныя стоятъ,
Какъ будто рядъ тѣней,
Багровымъ пламенемъ горятъ
Всѣ скважины снастей.

«И ужась обуняя меня:
По дремлющимъ водамъ —
Я вижу — остовъ корабля
Плыветъ все ближе къ намъ.»

Такими картиннами полна вся балада Кольриджа. По выпискѣ нашей читатели могутъ судить и о переводѣ г. Миллера. Въ немъ довольно силы, хотя и нѣтъ того отрывистаго и могучаго стиха, какимъ отличается подлинникъ. Во всякомъ случаѣ, «Старый матросъ» въ переводѣ г. Миллера замѣчательно прекрасное стихотвореніе. Эпическій характеръ пьесы, рѣдко переходящій въ лиризмъ, переводчикъ могъ усвоить легче, чѣмъ чисто лирическіе мотивы другихъ переведенныхъ имъ стихотвореній. Мы уже сказали разъ и повторимъ снова: г. Миллеру слѣдуетъ браться за переводы драматическіе или эпическіе, и навсегда проститься съ желаніемъ переводить лирическія вещи, на чтò онъ рѣшительно неспособенъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно перечестъ собранные въ этой книгѣ переводы мелкихъ пѣсень Гейне. Это, если хотите, Цыгановъ, Дельвигъ, и подчасъ даже Нелединскій-Мелецкій, но ужъ никакъ не авторъ «Лирической интермедіи».

Двѣ другія пьесы, переведенныя г. Миллеромъ съ англійскаго, много слабѣе «Стараго матроса». Старинная балада *Исповѣдь королевы Элеоноры* испорчена небрежнымъ концомъ, въ которомъ слишкомъ замѣтно стараніе о рѣмѣ; а баладу Соути: *Ничкапскій рифъ*, по нашему мнѣнію, и переводить не стоило. Безобразное и вовсе не поэтическое содержаніе не выкупается въ ней внѣшними достоинствами гладкости и звучности стиха, исчезшими притомъ почти вполне въ переводѣ г. Миллера.

Вообще мы не можемъ особенно похвалить г. Миллера и за выборъ нѣкоторыхъ пѣсень для перевода изъ нѣмецкихъ поэтовъ. Такъ у Гете не стоило брать длинной, однообразной элегіи *Алексисъ и Дора*, въ которой нѣмецкій сентиментализмъ такъ не вяжется съ классическою формою, у Уланда странно было остановиться на романтически-католической пѣснѣ *Монахъ и Пастухъ*, у Фрейлиграта на риторическихъ и холодныхъ пьесахъ: *Труженникъ*, *Алло Domini*...., у Рюккерта на ничтожныхъ и по вымыслу и по изложенію баладахъ: *Кубъ Алрумъ* и *Бухарское Посольство*. Также риторична и ничтожна пьеса Фердинанда Штолле: *Сыны Франціи*, которую перевелъ очень плохо и Жуковский, да не лучше и г. Миллеръ, какъ можно судить по слѣдующимъ стихамъ:

«Народъ отца могилу слезами орошалъ,
И Dieu donné названье его младенцу далъ....

.

Но лѣтъ прошло немного — и въ чуждой сторонѣ
Скитается, забытый, изгнанникъ Dieu donné.»

Изъ всѣхъ переводовъ съ нѣмецкаго, кромѣ Гете и Шиллера, которые тоже очень удачны, лучше всего удался г. Миллеру переводы изъ Фрейлиграта. А между-тѣмъ переводить этого поэта, по нашему мнѣнію, не легко. Онъ отличается большою двѣтностію языка, изысканностію картинъ и выраженій. Въмѣстѣ съ Рюккертомъ, Фрейлигратъ считается утонченнѣйшимъ виртуозомъ между германскими поэтами нашего времени. Онъ переводилъ много изъ французскихъ и англійскихъ поэтовъ, и въ переводахъ своихъ становится часто рѣшительнымъ соперникомъ подлинника. Въ послѣднее время преимущественно на такого рода труды обращена дѣятельность Фрейлиграта, и едва ли онъ не правъ. Послѣ первыхъ стихотвореній своихъ, отличавшихся главнымъ образомъ своею картинностію и почти пейзажною живописью, онъ обратился къ политической и социальной лирицѣ; но тутъ успѣхъ его былъ очень сомнителенъ. Въ немъ не было, кажется, достаточнаго проникновенія тѣми идеями, глашатаемъ которыхъ онъ вздумалъ явиться. Поэтъ не сливался въ немъ съ человѣкомъ, и эта разорванность положила печать холодности и риторизма на его Zeitgedichte, и все-таки изъ произведеній его лучшими остаются первыя вещи, доставившія ему извѣстность. Изъ нихъ-то выбралъ для перевода г. Миллеръ нѣсколько балладъ и описательныхъ стихотвореній, а именно пьесы: *Пиратъ*, *Мищеніе цыгмтовъ*, *Воздушный караванъ*, *Подъ пальмами*, *Погрѣбіеніе разбойника*, *Разсказъ ласточекъ* и *Мауританскій клязь*. Послѣдняя пьеса пользовалась огромною популярностью за яркіе образы и блестящія краски, хотя вымыселъ ея черезъ-чуръ ужъ изысканъ. Негръ, бывшій дома царькомъ, взять въ плѣнъ, попалъ въ Европу и вмѣстѣ съ тѣмъ въ балаганъ, гдѣ даются конныя представленія; тутъ онъ бьетъ въ барабанъ, когда скачутъ въ аренѣ наѣздики и наѣздицы. Въ одно изъ такихъ представленій, плѣнный негръ предается воспоминаніямъ о своемъ далекомъ краѣ....

И вспоминалъ онъ степи родныхъ береговъ,
Гдѣ часто травилъ онъ и тигровъ, и львовъ,
И вспомнилъ, какъ разъ, отираваясь на бой,
Простился съ подругой своею молодой;

Какъ дѣва шатерь для него убрала,
Какъ жемчугомъ кудри свои обвила...

Онъ плачетъ, глаза покрываетъ туманъ —
И лопнулъ подъ сильной рукой барабанъ.

Въ вымыслѣ этомъ, дѣйствительно, патетическое граничитъ съ смѣшнымъ, и Гейне былъ отчасти правъ, пародируя на всѣ лады этого негра съ барабаномъ въ своемъ «Атта Тролѣ». Послѣ этой пародіи трудно находить серіозныя красоты въ «Мавританскомъ князѣ», и мы не мало удивились, что г. Миллеръ вздумалъ перевести эту пьесу. Надо замѣтить однакожь, что она переведена не дурно, хотя далеко не такъ блестяща въ переводѣ, какъ въ подлинникѣ. Остальныя пьесы Фрейлиграта переведены не только лучше этой, но и вообще очень хорошо, за исключеніемъ «Мщенія цвѣтовъ», которое вышло недостаточно граціозно.

Auf des Lagers weichem Kissen
Ruht die Jungfrau, schlafbefangen,
Tiefgesenkt die braune Wimper,
Purpur auf den beissen Wangen.

Въ этихъ первыхъ стихахъ баллады прекрасны и образъ и выраженіе. Есть въ нихъ что-то очень милое и нѣжное. Напротивъ у г. Миллера и самый образъ грубъ, и стихъ прозаиченъ, чтобы не сказать пошлъ. Приведенные нами четыре стиха переведены у него такъ:

На подушкахъ на пуховыхъ
Дѣва сладко почиваетъ;
Тѣнь рѣсницъ ея шелковыхъ
Щечки нѣжно осыплетъ....

Изъ другихъ переводовъ г. Миллера съ нѣмецкаго нельзя не остановиться съ большимъ удовольствіемъ на *Проклятіи пльца*, грандіозной балладѣ Уланда, на *Дарахъ Клеффа* Анастасія Грюна (подражаніи новогреческимъ клефтскимъ пѣснямъ), на *Королевичѣ*, балладѣ тоже Уланда, и на пьесахъ Гейне: *Несвольниій корабль* и *Рамсенштагъ*. Всѣ онѣ переведены прекрасно. Мы указываемъ только на болѣе объемистыя вещи въ первомъ отдѣлѣ. Во второмъ же почти безукоризненно переведены всѣ антигопическія пьесы, также, какъ двѣ патриотическія пѣсни Кернера. Вотъ на примѣръ граціозная пьеса Гете: *Ночь*.

Жаль мнѣ васъ, несчастливый звѣзды!
Вы прекрасны, свѣтите привѣтно
Мореходцу на пути далекомъ
Безвозмездно отъ боговъ и смертныхъ:
Никогда любви вы не знавали!

Вашъ удѣлъ — во вѣки непрерывно
 Странствовать въ эфирѣ безпредѣльногъ.
 О, какой вы путь уже свершили!
 Между тѣмъ, какъ я, въ объятяхъ милой,
 Васъ и полночь часто забываю!

Къ сожалѣнію мы не можемъ обратиться съ такою же похвалою къ переводамъ лирическихъ пѣсень Гейне. Въ подтвержденіе высказаннаго выше сужденія объ этихъ переводахъ лучше всего сопоставить хоть одну изъ нихъ съ подлинникомъ. Выбираемъ для этого XXIII нумеръ на стр. 170 въ книгѣ г. Миллера. Это одна изъ самыхъ потрясающихъ лирическихъ пѣсень, написанныхъ Гейне въ его послѣдніе страдальческіе годы. Она полна темнаго, почти безвыходнаго отчаянія. Вотъ и подлинникъ и переводъ:

Ein Wetterstrahl, beleuchtend plötzlich
 Des Abgrunds Nacht, war mir dein Brief;
 Er zeigte blendend hell, wie tief
 Mein Unglück ist, wie tief entsetzlich.

Selbst dich ergreift ein Mitgefühl,
 Dich, die in meines Lebens Wildniss —
 So schweigsam standest, wie ein Bildniss
 So marmorschön und marmorkühl.

O Gott! wie muss ich elend sein!
 Denn sie sogar beginnt zu sprechen,
 Aus ihrem Auge Thränen brechen,
 Der Stein sogar erbarmt sich mein!

Erschüttert hat mich, was ich sah!
 Auch du erbarm' dich mein und sende
 Die Ruhe mir, o Gott, und ende
 Die schreckliche Tragödia!

Какъ молніи внезапный свѣтъ
 Мракъ черной бездны озаряетъ:
 Такъ мнѣ твой дружескій привѣтъ
 Мое несчастье открываетъ.

Возможно ль это? даже ты
 Ко мнѣ питаешь состраданье!
 Я зналъ тебѣ, — какъ изваянье,
 Какъ хладный образъ красоты.

О Боже! видно жалокъ я,
 Что и она заговорила,
 И обо мнѣ слезу сронила...
 Что даже камню жаль меня!

Умилосердись, о Творецъ,
И ты надъ участію несчастной!
Пошли покой мнѣ и конецъ
Моей трагедіи ужасной!

Альфредъ Мейснеръ, прочитавъ это и еще два пѣзъ предсмертныхъ стихотвореній Гейне у одра больнаго поэта, не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: «Какіе стихи! какіе звуки! Не только вы никогда не писали такихъ стпховъ, но и никогда не слыхивалъ я ничего подобнаго!» — «Не правда-ли? (отвѣчалъ Гейне) не правда-ли? Да, я знаю, что это прекрасно, страшно прекрасно! Это какъ-бы стонъ изъ могилы; это какъ-бы вопль заживо погребеннаго, слышимый въ ночи, или даже вопль трупа, вопль самой могилы. Да, да! такихъ стоновъ еще не слышалось въ нѣмецкой лирикѣ, да и не могло слышаться, потому-что еще ни одинъ поэтъ не былъ въ такомъ положеніи».

И дѣйствительно, всякой, кто прочтетъ приведенное нами стихотвореніе, согласится съ опредѣленіемъ самого поэта. Для передачи подобной пьесы на чужой языкъ съ равною силой нуженъ и равносильный талантъ, да едва-ли не равносильное если не страданіе, то расположеніе къ страданію: вѣдь и страдать не всѣ способны. Понятно, что пьесы Гейне нельзя узнать въ переводѣ г. Миллера, хотя, кажется, она переведена довольно вѣрно. Намъ кажется, даже подстрочный, почти буквальный прозаическій переводъ способенъ дать больше почувствовать силу и мрачную поэзію подлинника. Такой переводъ мы представляемъ для незнакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ читателей.

Вотъ пьеса Гейне слово въ слово. Тире обозначаютъ у насъ переходы изъ стиха въ стихъ.

«Лучомъ грозы, озаряющимъ внезапно — ночь бездны, было мнѣ твое письмо; — ослѣпительно-ясно показало оно, какъ глубоко — мое несчастіе, какъ глубоко ужасно!

«Даже тебя проникло состраданіе, — тебя, которая въ путьяѣ моей жизни — такъ безмолвно стояла, словно изваянье — мраморно-прекрасна и мраморно-холодна.

«О Боже! какъ жалокъ долженъ я быть! — Даже она начинаетъ говорить, — пѣзъ ея глазъ вырываются слезы, — камень даже сжался надо мной!

«Потрясло меня, что я видѣлъ! — И ты сжался надо мною и дай — покой мнѣ, Боже, и окончи — страшную трагедію!»!

Письмо, замѣненное въ переводѣ «дружескимъ привѣтомъ», это нѣмое изваянье среди пустыни жизни, мраморно-прекрасное

п мраморно-холодное, превращенное въ какой-то «хладный образъ красоты», разводяненіе стиховъ вставками и длиннотами вродѣ: «возможно ль это?» или «надѣ участію несчастной» и т. п. все это совершенно губить пьесу на русскомъ. Или г. Миллеръ не понялъ всей поэзіи подлинника, что рѣшился такъ исказить его, или слишкомъ понадѣялся на свои силы? Намъ кажется болѣе вѣрнымъ второе предположеніе. Именно имъ объясняемъ мы большую часть неудачныхъ его переводовъ. Въ лирическомъ стихотвореніи передать только смыслъ — еще не все; а г. Миллеръ лишь этимъ и ограничивается, какъ будто пренебрегая отѣнками, отъ которыхъ часто главнымъ образомъ и зависитъ впечатлѣніе.

Намъ остается упомянуть о недурномъ переводѣ *Альнутары* изъ «Конрада Валленрода», и затѣмъ пожелать г. Миллеру, въ придачу къ его старательности и добросовѣстности, выбора для перевода пьесъ, наиболѣе согласныхъ съ характеромъ его дарованія, преимущественно спокойно-эпическихъ, безъ лирическихъ порывовъ, или драматическихъ съ тѣмъ ровнымъ и спокойнымъ тономъ, какимъ отличается, напримѣръ, переведенный имъ изъ Уланда отрывокъ: *Нормандскій Обычай*.

М. Л.

Фаустъ. Трагедія Гёте. Переводъ *Н. Гркова*. Спб. 1859. Вл. 8-ю д. л. 152 стр.

Въ бесѣдахъ своихъ съ Эккерманомъ Гёте говорилъ: «Я никогда не былъ неискрененъ въ своей поэзіи. Чего я не пережилъ, что само не просилось у меня подъ перо, того я и не воспѣвалъ, не высказывалъ». *Фаустъ* вполне подтверждаетъ эти слова. Въ драматической поэміи своей, которую Гёте не совсѣмъ точно назвалъ трагедіей, онъ представляетъ намъ всего себя, всю свою внутреннюю жизнь. Это, такъ сказать, поэтическая исторія развитія его могучаго, неустанно-стремившагося впередъ духа. Но однимъ этимъ нельзя еще ограничить значеніе «Фауста». Гёте былъ однимъ изъ величайшихъ представителей не только своего времени и своей страны, но и всего человѣчества во всѣхъ вѣкахъ. Понятно, что въ символическомъ изображеніи своихъ собственныхъ стремленій и страданій онъ далъ намъ картину стремленій и страданій человѣка вообще. Высокій поэтический тактъ Гёте указалъ ему на народное лицо Фауста, какъ на героя, которому поэтъ могъ придать всю глубину своей мысли и своей страсти. Въ средневѣковой легендѣ вы-

сказалось все тревожное и неутолимое алканіе знанія, врожденное человѣку, и вся скорбь по собственному несовершенству, выраженная лишь въ намекѣ пословицею: *ars longa, vita brevis*. Въ своей поэмѣ Гёте воспользовался лишь главнымъ характеромъ и нѣкоторыми существенными чертами преданія, не обративъ вниманія на многія мелочи. Да и самыя фигуры Фауста и Мефистофеля являются въ твореніи Гёте значительно измѣненными. Поэтъ самъ сознавался, что не только мрачные, неудовлетворимые порывы Фауста, но и насмѣшка и грубая иронія Мефистофеля, взяты или изъ глубины своего собственнаго духа. Мы видимъ главное значеніе «Фауста» лишь въ первой части, и, не смотря на всѣ старанія нѣмецкихъ комментаторовъ, не можемъ видѣть въ запутанномъ символизмѣ второй части того поэтическаго и философскаго смысла, который непремѣнно хотятъ открыть въ ней. По нашему мнѣнію, раздѣляемому и всѣми почти иностранными критиками, хотя все еще чуждому критикѣ германской, первая часть «Фауста» заключаетъ въ себѣ такое полное и законченное цѣлое, что продолженія ему и не нужно, и вторая часть представляется какимъ-то неорганическимъ, постороннимъ приростомъ. Правда, судьба Фауста, какъ она проектирована въ «Прологѣ въ небѣ» и какъ можно подозревать ее по сценѣ договора Фауста съ Мефистофелемъ, не кончается первою частью; но читатель лучше готовъ остаться при предположеніяхъ, пробужденныхъ въ немъ помянутымъ прологомъ и сценою, чѣмъ слѣдить за Фаустомъ въ безднѣ темныхъ, непонятныхъ и повидимому вовсе не нужныхъ сценъ до развязки, которую онъ предчувствовалъ съ перваго появленія передъ нимъ и съ первыхъ словъ Фауста. Надо особенное терпѣніе и особенную любовь къ поэту «Вертера», чтобы читать со вниманіемъ вторую часть «Фауста», и во множествѣ лишихъ и темныхъ страницъ отыскивать страницы, отмѣченныя дѣйствительно поэтическимъ достоинствомъ. Между тѣмъ первая часть равно интересуетъ и увлекаетъ какъ требовательнаго критика, такъ и самаго простаго читателя. На ней же останавливались до-сихъ-поръ и всѣ русскіе переводчики «Фауста», Губеръ, Вронченко, г. Струговщиковъ и нынѣ г. Грековъ. Въ первой части намъ кажется только совершенно излишнею интермедія: *Сонъ въ Вальпурисеву ночь, или Золотая свадьба Оберона и Титанія*. Современные намеки ея давно устарѣли и потеряли всякой интересъ; къ содержанію «Фауста» она не имѣетъ ровно никакого отношенія, и мы думаемъ, что пере-

вода «Фауста» не цѣликомъ, т. е. не обѣ его части, и притомъ безъ всякихъ объясненій, примѣчаній и комментариевъ, не сгѣдуетъ вовсе братья за переводъ «Сна». Особенно удивило насъ, что интермедія переведена г. Грековымъ, а между-тѣмъ столь существенныхъ для «Фауста» страницъ, какъ *Прологъ отъ Театра* мы не находимъ въ его переводѣ. Нѣтъ въ переводѣ г. Грекова также и *Посвященія*.

Еще недавно, при разборѣ «Сочиненій Губера», говорили мы о русскихъ переводахъ «Фауста» и отдали между всѣми при преимуществе переводу покойнаго Вроченки, не смотря на нѣкоторую устарѣлость и прозаичность языка. При томъ же мнѣнii остаемся и теперь, послѣ прочтенія новаго перевода, изданнаго г. Грековымъ. Г. Грековъ поэтъ довольно даровитый; само собою разумѣется, въ переводѣ его не можетъ не быть мѣстъ удачныхъ; но эти мѣста такъ рѣдки и такъ малы, а общій характеръ и тонъ такъ неудовлетворительны, что нечего и говорить о нихъ.

Намъ кажется, г. Грековъ приступилъ къ своему труду безъ опредѣленнаго взгляда на задачу переводчика при передачѣ такого образцоваго творенія, какъ «Фаустъ». Онъ взглянулъ на это дѣло слишкомъ легко, безъ того уваженія къ великому подлиннику, котораго мы вправѣ требовать отъ переводчика Гёте. Будь «Фаустъ» нѣчто продѣ драмъ Гюго, мы признали бы за г. Грековымъ великія достоинства; онъ могъ бы выбрать для перевода какого-нибудь «le Roi s'amuse» или «Кромвеля» любые размѣры, преимущественно, разумѣется, тѣ, которые для него наименѣе представляютъ трудностей, съ римами или безъ римовъ, какъ ему угодно, и мы не подумали бы даже упрекать его. Но когда онъ воображаетъ, что также произвольно можно обращаться съ вѣчными произведеніями искусства, какъ съ мимолетными явленіями беллетристики, мы глубоко негодуемъ, и самыя достоинства перевода теряютъ половину своей цѣны при такомъ неуваженіи переводчика къ великому подлиннику.

Въ художественномъ произведеніи форма постоянно обуславливается содержаніемъ, въ ней не можетъ быть ничего произвольнаго. Мы говоримъ какъ о формѣ въ обширѣйшемъ смыслѣ, т. е. о постройкѣ всего произведенія, о согласіи между идеей и образомъ, являющимся для нея воплощеніемъ, такъ и о формѣ въ болѣе тѣсномъ, но чрезвычайно важномъ значеніи, а именно объ языкѣ, о стихѣ, о метрѣ. Неважнымъ является размѣръ только въ художественно-слабыхъ произведеніяхъ, гдѣ

содержаніе не вполне продумано и прочувствовано, и потому не нашло себѣ вполне соотвѣтственнаго выраженія. Мы не можемъ вообразить себѣ «Евгенія Онягина» въ александрійскихъ стихахъ, «Казачьей колыбельной пѣсни» Лермонтова въ размѣрѣ гейневой «Deutschland». Такъ разнообразный, безпрестанно чередующійся размѣръ «Фауста» всюду такъ-сказать срастается съ содержаніемъ, и эта измѣнчивость мотивовъ, безпрестанные переходы изъ тона въ тонъ, могутъ казаться только человѣку, остающемуся холоднымъ къ произведенію Гёте, произвольными. Напротивъ это-то разнообразіе составляетъ въ цѣломъ полную и величавую гармонию «Фауста». Если пѣснь архангела не укладывается въ переводѣ на чужой языкъ въ четырехстопный ямбъ, а пѣсня Гретхенъ: «Es war ein König in Thule» въ трехстопный хорей, это еще не значитъ, что Гёте выразилъ для нихъ не тотъ размѣръ, какой слѣдовало, и что переводчикъ можетъ распорядиться по своему. Это доказываетъ одно: что переводчику подлинникъ не по силамъ, и что ему не слѣдовало за него браться. Намъ могутъ возразить, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ такой сжатости какъ въ нѣмецкомъ, и что то, что помѣщается въ одномъ нѣмецкомъ стихѣ, часто не можетъ вмѣститься и въ двухъ русскихъ стихахъ. Это кажется лишь съ перваго разу. Поэтъ, у котораго въ полномъ распоряженіи языкъ, сумѣетъ быть и сжатымъ и не отступить отъ подлинника. Сотни примѣровъ могли бы мы привести, не говоря уже о Жуковскомъ, и изъ менѣе даровитыхъ русскихъ переводчиковъ. Переводчикъ, распоряжающійся такъ произвольно метромъ подлинника, какъ г. Грековъ, похожъ въ нашихъ глазахъ на музыканта, разыгрывающаго скерцо изъ симфоніи Бетховена темпомъ адажіо, а адажіо темпомъ скерцо. Пѣсня ищцаго, пѣсня солдатъ, пѣсня поселянъ въ сценѣ за городскими воротами, шуточные пѣсни въ ауэрбаховомъ погребкѣ про крысу и про блоху, пѣсня Мефистофеля съ гитарой подъ окномъ Гретхенъ — всѣ они переведены размѣрами, не похожими на размѣръ подлинника. Г. Грековъ не пощадилъ даже пѣсень Маргариты о королѣ въ Туле и «Meine Ruh' ist hin» которыя для всякаго любителя «Фауста» такъ нераздѣльно сливаются съ чудными мелодіями Линдпайтнера. Остановимся на первой изъ этихъ пѣсень. Какъ та, такъ и другая — произведенія несравненныя по поэтической простотѣ. Баллада «Es war ein König in Thule» не имѣетъ себѣ равныхъ ни въ одной литературѣ. Только со страхомъ и трепетомъ можно приступить къ ея переводу.

Что же дѣлаетъ г. Грековъ? Онъ переводитъ ее съ плеча, словно это стихи какого-нибудь Гейбеля или Редвица. Перечитавши нѣсколько разъ переводъ этой пѣсни г. Грекова, нельзя не подумать, что онъ вовсе не понялъ прелести ея, и взглянулъ на нее, какъ на весьма неважную вставку въ «Фаустъ». Напротивъ, баллада эта написана исключительно для роли Гретхенъ. Прелестная пѣсня вышла не сразу у Гёте такъ удивительно художественна; онъ много надъ нею работалъ. Для знатоковъ нѣмецкаго языка мы представляемъ первую редакцію ея, которой нѣтъ ни въ одномъ собраніи сочиненій Гёте, и укажемъ на позднѣйшія измѣненія. Въ 1781 году она была напечатана такъ съ музыкою Зеккендорфа:

Es war ein König von (in) Thule,
 Einen gold'nen Becher er hätt'
 Empfangen von seiner Buhle
 Auf ihrem Todesbett *).
 Den Becher hätt er lieber,
 Trank draus bei jedem Schmaus **);
 Die Augen gingen ihm über,
 So oft er trank daraus.
 Und als er kam zu sterben,
 Zählt er sein' (seine) Städt' und (im) Reich,
 Gönnt alles seinen (seinem) Erben,
 Den Becher nicht zugleich.
 Am hohen (Er sass beim) Königsmahle,
 Die Ritter um ihn her,
 Im alten (Auf hohem) Vätersaale
 Auf seinem (Dort auf dem) Schloss am Meer,
 Da sass (Dort stand) der alte Zecher,
 Trank letzte Lebensgluth,
 Und warf den heil'gen Becher
 Hinunter in die Fluth.
 Er sah ihn sinken und (stürzen) trinken
 Und stürzen (sinken) tief ins Meer,
 Die Augen thäten ihm sinken,
 Trank keinen (nie einen) Tropfen mehr.

*) Въ позднѣйшихъ изданіяхъ эти три стиха читаются такъ:

Gar treu bis an das Grab,
 Dem sterbend seine Buhle
 Einen goldnen Becher gab.

**) Нынче:

Es ging ihm nichts darüber,
 Er leert ihn jeden Schmaus....

Этотъ любопытный вариантъ мы извлекли изъ популярнаго объясненія первой части «Фауста», изданнаго въ 1856 году г-мъ Заупе («Göthe's Faust, erläutert von Ernst Julius Saupе», Leipzig). Если самъ Гёте работалъ такъ много надъ пѣсней о царѣ Оулескомъ, если онъ измѣнялъ и переставлялъ выраженія и слова въ каждомъ почти стихѣ, чтобы довести ее до того художественнаго совершенства, въ какомъ она является теперь; то какже не требовать еще большаго старательности, еще большаго вниманія отъ переводчика при передачѣ ея на другой языкъ?— Чтѣ же сдѣлалъ г. Грековъ? На тему Гёте онъ сочинилъ свое собственное произведеніе, съ гладкими стихами, но безъ всякаго старанія сохранить чудно-поэтическія черты подлинника.

«Былъ въ Оулѣ царь; онъ до могилы
 Былъ вѣренъ пламенной душой.
 Предсмертный даръ отъ дѣвы милой,
 Хранилъ онъ кубокъ золотой.»

Откуда и для чего эта «пламенная душа»? Разумѣется для рѣзкы, потому что смысла въ ней нѣтъ. Что это за «милая дѣва», когда въ подлинникѣ говорится о любовницѣ, Buhle? Хороша дѣва! «Предсмертный даръ» совершенно измѣняетъ простой, почти простонародный характеръ пьесы. «Умирая, его любовница дала ему золотой кубокъ», говорится у Гёте.

Мы не станемъ слѣдить строка за строкой весь переводъ этой пѣсни у г. Грекова. Довольно посмотрѣть еще на двѣ окончательныя строфы. «Стоялъ тутъ старый бражникъ, выпилъ послѣдній пылъ жизни, и бросилъ священный кубокъ внизъ, въ волны». Всякая простота исчезла изъ этихъ стиховъ у г. Грекова. «Стараго бражника» нѣтъ, вмѣсто «священнаго кубка» явился «священный металлъ»(1), и присочинена ни къ селу ни къ городу, единственно рѣзкы ради, «невыразимая тоска».

«И вотъ онъ, выпивъ кубокъ полный
 Съ послѣдней, жизненной струей,
 Металлъ священный бросилъ въ волны
 Съ невыразимою тоской.»

Ничего подчеркнутаго у насъ — въ подлинникѣ не находится.
 Не лучше и послѣдній куплетъ:

Когда жъ за мутною волною
 Онъ скрылся, бездной поглощенъ,
 Глаза царя покрылись тьмою,
 И ужъ ни капли не пилъ онъ.»

Есть ли тутъ хоть искра поэзіи, хоть искра пониманія подлинника? Всякой добросовѣстный переводчикъ скорѣе отказался бы отъ труда переводить вещь, которая ему не по силамъ, чѣмъ безобразить, искажать подлинникъ. Будь хоть одно примѣчаніе при переводѣ, хоть одна замѣтка о томъ, что такое-то мѣсто переводчикъ не могъ передать потому-то и потому-то, а что въ подлинникѣ читается оно такъ-то, мы еще могли бы примириться съ невѣрностями. Но г. Грековъ и не думаетъ оговариваться. По видимому онъ вполне доволенъ своимъ трудомъ. Послѣдній куплетъ особенно презестенъ въ подлинникѣ; тутъ опять та-же простота народной пѣсни, какъ и во всей пьесѣ. А у г. Грекова натянутость, словечка не сказано въ простотѣ, «мутная волна», «поглощенъ бездною», «покрылись тьмою» — все это пригодно для перевода Шатобриана и Ламартина, но ужъ никакъ не Гёте. У Гёте говорится: «Онъ (царь) видѣлъ, какъ онъ (кубокъ) падаль, захлебывался и пошелъ глубоко въ море; глаза у него смежились: не пилъ ужъ больше ни капли».

И у Губера, и у Вронченки (о переводѣ г. Струговщикова нельзя говорить серьезно) пѣсня Гретхенъ переведена тоже не совсѣмъ вѣрно, хотя гораздо вѣрнѣе, чѣмъ у г. Грекова, но зато у того и у другого гораздо болѣе сохраненъ тонъ ея и характеръ.

Въ предисловіи къ своему переводу, покойный Вронченко чрезвычайно вѣрно опредѣлилъ задачу переводчика такого произведенія какъ «Фаустъ». Слова его слѣдовало бы заучить болѣе части нашихъ поэтовъ, берущихся какъ-то безсознательно за подобные труды. Вотъ что говоритъ Вронченко о своемъ трудѣ: «При переводѣ обращалось вниманіе: прежде всего на вѣрность и ясность въ передачѣ мыслей, потомъ на силу и сжатость выраженія, а потомъ на связность и послѣдовательность рѣчи, такъ что забота о гладкости стиховъ была дѣломъ не главнымъ, а послѣднимъ. Разумѣется, что это общее правило, принятое переводчикомъ вслѣдствіе внимательнаго изученія подлинника, не могло остаться безъ исключеній: иногда выраженіе умѣстное предпочтено сильному, но несообразному съ характеромъ говорящаго лица; иногда бойкости оборота или стиха пожертвовано формою мысли, если, то есть, мысль не измѣнилась чрезъ то въ своей сущности; иногда, наконецъ, хотя и рѣдко, вѣрность поэтическая признана важнѣйшею, нежели близкая передача подробностей. Въ примѣчаніяхъ обозначены какъ подобнаго рода отступленія, такъ и мѣста, которыя въ подлинникѣ

неясны и могутъ быть поняты иначе, нежели какъ они выражены въ переводѣ. Во всемъ, что касается до размѣра стиховъ и рѣзмы, образцомъ служилъ подлинникъ; только встрѣчающійся въ немъ кое-гдѣ старинный нѣмецкій размѣръ (Knittelverse), похожій на нашъ народно-сказочный, замѣняетъ ямбомъ, да въ стихахъ вольныхъ опредѣленіе числа стопъ предоставлялось случайностямъ смысла и выраженій».

Иной системы при передачѣ на чужой языкъ замѣчательнаго художественнаго произведенія мы не понимаемъ; не понимаемъ, стало быть, и системы г. Грекова, которая во всемъ составляетъ совершенную противоположность приемамъ Вронченки. Г. Грековъ не потрудился намъ дать (какъ и г. Струговицковъ) ни одного объясненія, какъ онъ смотритъ на «Фауста» Гёте, какъ приступилъ къ своему труду, что предположилъ себѣ цѣлью, въ какой мѣрѣ изучилъ подлинникъ и что заставило его исправлять и передѣлывать Гёте. Мы не знаемъ другаго названія отступленіямъ переводчика отъ оригинала.

Изъ каждой строки перевода г. Грекова ясно, что онъ прежде всего заботился о гладкости стиха; о силѣ и сжатости выраженія нягдѣ нѣтъ и помину. Вронченко говоритъ, что онъ лишь иногда бойкости оборота или стиха жертвовалъ *формой* мысли, и притомъ лишь въ такомъ случаѣ, если мысль не измѣнялась чрезъ то въ своей сущности. Но и такія мѣста все указаны имъ въ примѣчаніяхъ. Г. Грековъ самыя мысли, разумѣется, сохраняетъ; иначе вѣдь это былъ бы ужъ и не «Фаустъ» вовсе. Но о *формѣ*, данной мысли Гёте, онъ вовсе не заботится: вездѣ на первомъ планѣ у него гладкость, плавность и текучесть своихъ собственныхъ стиховъ. Правда, въ стихахъ г. Грекова болѣею частью нѣтъ что-называется ни сучка ни задоринки; да толку-то отъ этого мало. Намъ хотятъ знакомить съ Гёте, а выставляютъ впередъ свою собственную личность. Это ужъ даже просто не деликатно.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Возвращаясь въ свою ученую келью съ прогулки за городомъ, Фаустъ говоритъ у г. Грекова:

Спустилась ночь и мракъ свой въ небесахъ
И на землѣ повсюду разстилается,
И въ душу намъ вселяи тайный страхъ,
Какія-то въ ней думы пробуждаетъ.
Заснули все стремленія страстей,
Угмонивъ дневныхъ заботъ тревогу,

И къ ближнему любовь опять сильнѣй
Горить въ душѣ съ благоговѣньемъ къ Богу.

Стихи очень гладки, но ничего похожаго на подлинникъ въ нихъ нѣтъ.

«Оставляя я поля и луга (говорить Фаустъ у Гёте), которая кроетъ глубокая ночь, и вѣщимъ священнымъ страхомъ пробуждаетъ въ насъ *лучшую душу*. Заснули дикіе порывы къ буйнымъ дѣламъ; пробуждается любовь къ ближнему; любовь къ Богу пробуждается.»

Какъ разводянены эти краткія и опредѣленные слова въ длинныхъ и рутинныхъ стихахъ г. Грекова, кажется, нечего доказывать.

Сами по себѣ, напримѣръ, очень хороши стихи въ разсказѣ Гретхенъ Фаусту (сцена въ саду Марты); но это опять-таки Гёте, пересказанный на свой ладъ. Изъ *двѣнадцати* стиховъ подлинника у г. Грекова вышло *дѣльныхъ двадцать одинъ* стихъ. Вотъ этотъ отрывокъ:

«За-то перенесла я много и труда:
Подчасъ и рукъ отъ колыбели
Не отведешь, бывало, прочь;
Бывало, колыбель ея всю ночь
Такъ и держу я у постели;
Пошевелинется ли она,
Или заплачетъ, изъ случится,
Что такъ ребенку не поспится,
Или бѣдняжка голодна, —
Тутъ поневолѣ просыпаюсь
И, хоть не хочется, встаю,
То покормлю, то мапою,
То положу къ себѣ, то съ ней таскаюсь,
А ночь идетъ, а тамъ стоишь
Ты у корыта на разсвѣтѣ;
Потомъ на рынокъ побѣжишь,
Хлопочешь въ кухнѣ объ обѣдѣ:
И каждый Божій день одно —
Не очень весело оно!
За то и радости тогда бывали чаще,
И ѣлось и спалось мнѣ слаще!»

Повторяемъ, стихи прекрасные; но, намъ кажется, мы были бы довольнѣе и не столь изящными стихами, если бы они передавали каждое выраженіе подлинника, а не распространяли ихъ и не замѣняли образы Гёте своими образами. «Было не мало и трудныхъ часовъ (говорить у Гёте Маргарита). Люлька малютки

стояла ночью у моей постели; бывало, чуть пошевелинется, я и проснусь; то напой, то съ собой положи, а какъ не стихаетъ, встань съ постели да ходи съ ней приплясывая взадъ да впередъ по горницѣ...» и т. д.

Въ переводѣ г. Грекова и тоже, да не тоже. Гораздо лучше для насъ хоть и не столь плавные стихи Вронченки въ началѣ этого монолога. Онъ перевелъ слова Гретхенъ и почти буквально вѣрно, и въ тоже время поэтично:

«Но и до слезъ нерѣдко доходило.
Бывало, лягу спать, а возлѣ — колыбель;
Случись дитяти шевельнуться,
И я должна проснуться:
Корми его, клади къ себѣ въ постель,
А какъ расплачется, вставай
Да съ нимъ по комнатѣ гулай....»

Данный стихъ не такъ удаченъ, хотя во всякомъ случаѣ вѣрнѣе стиховъ г. Грекова.

Приведемъ еще одинъ примѣръ амплификаціи изъ новаго перевода. Для сравненія выпишемъ это мѣсто изъ перевода г-на Вронченки, такъ какъ оно отличается тутъ почти literalною вѣрностью.

Фаустъ говоритъ въ пещерѣ:

«Могучій Духъ! ты далъ мнѣ, далъ мнѣ все,
О чемъ просилъ я — ты ко мнѣ не тщетно
Склонилъ свой ликъ во пламени: далъ въ царство
Весь этотъ міръ прекрасный; далъ способность
Природу чувствовать, природой наслаждаться.
Не равнодушно только ей дивиться
Ты позволяешь, но глубоко въ грудь ей
Проникнуть взоромъ, какъ бы въ сердце друга.
Ты предо мной ведешь ряды живущихъ
И научаешь въ воздухѣ, въ водахъ
И тихихъ рощахъ находить собратій;
Когда въ лѣсу реветъ и свищетъ буря,
И дубъ могучій, падала стремглавъ,
Дробить стволы и вѣтви древъ сосѣднихъ,
И звучно вторять ихъ паденью холмы,
Ты шлешь меня въ уютную пещеру....» и т. д.

У г. Грекова Фаустъ декламируетъ слѣдующимъ образомъ, гораздо звучнѣе и ритмичнѣе:

«Всесильный Духъ! ты все мнѣ испослалъ,
О чемъ къ тебѣ молюсь я возсылалъ.

Мнѣ ликъ свой въ пламени являя ты не напрасно ;
 Природу *дивную* ты отдалъ въ царство мнѣ,
 Даль чувствовать ее и *всѣмъ, что въ ней прекрасно,*
 Мнѣ наслаждаться даль *сполнить.*
 Не ограничишь ты *мой разумъ* позволеньемъ
 Лишь *созерцать ее* — ты далъ мнѣ проникать
 Въ глубь *нѣдръ* ея *могучимъ размышленьемъ,*
 И, какъ въ душѣ у друга, *въ ней читать.*
 Ты рядъ живыхъ существъ проводишь предо мною,
 Ты учишь *познавать меня душою*
Ихъ свойства въ воздухѣ, *на сушѣ* и въ водахъ.
 Когда жъ гроза бушуетъ *въ небесахъ,*
 И лѣсъ *дрожитъ отъ бури грозной,*
 И съ *трескомъ* падаютъ *столѣтнія* въ немъ сосны,
 И эхо вторить ей въ горахъ —
 Ты въ *мракъ* пещеръ меня ведешь,» и т. д.

Все, отмѣченное курсивомъ, какъ можно видѣть даже по переводу Вронченки, или вновь сочинено, или передѣлано г-мъ Грековымъ. Онъ черезъ-чуръ ужъ погнался за гладкостью, и изъ симфоніи Гёте сдѣлалъ нѣчто въ родѣ польки Гунгя.

Въ этомъ отрывкѣ можно видѣть и еще одну интересную замашку г. Грекова. Сцена въ пещерѣ начинается у Гёте пятистопнымъ ямбомъ безъ рнѣмъ, и стало бытъ представляеть болѣе возможности къ вѣрному переводу, если оставить тотъ же метръ. Но г. Грекову это показалось ужъ очень просто. Чтò за стихи безъ рнѣмъ? Дай лучше перерпную ихъ, и перещеголяю Гёте. Видно онъ этого сдѣлать не умѣлъ. Не утерпѣлъ г. Грековъ, чтобы не починить неправильности Гёте и въ сценѣ въ соборѣ. Чтò это, въ самомъ дѣлѣ, за стихи :

«Grimm fasst dich!
 Die Posaune tönt!
 Die Gräber beben!
 Und dein Herz,
 Aus Aschenruhl',
 Zu Flammenqualen
 Wieder aufgeschaffen,
 Bebt auf!»

Это какъ будто и не стихи вовсе. Надо ихъ поправить. Непремѣнно поправить!

И г. Грековъ поправляетъ :

«Гнѣвъ Божій падъ тобою!
 Ты слышишь : огласилось все трубою!
 Жилище мертвыхъ содрогнулось,
 И въ этотъ мигъ проснулася»

Отъ мира и покоя
Твоя душа и, какъ изъ пепла
Вся въ трепетѣ возникла
Для вѣчной муки ада!»

Прелестно! какъ жаль, что г. Грековъ не перерисовалъ и послѣднихъ четырехъ стиховъ! Тогда Гёте былъ бы окончательно убитъ.

Добросовѣстность — великое дѣло въ переводчикѣ. Она ставитъ высоко и не сильныя дарованія; тогда какъ безъ добросовѣстности и хорошіе стихотворцы падаютъ очень, очень низко.

Вѣрность перевода такъ много значитъ, что въ грубоватыхъ стихахъ Вронченки вы чувствуете Гёте, тогда какъ въ изящныхъ речахъ г. Грекова чуть слышенъ его духъ.

Приведенное мѣсто Вронченко перевелъ такъ:

«Насталъ часъ кары!
Звучитъ труба,
Вскрываются гробы,
И ты,
Возсздана снова
На лютую муку,
Изъ праха могилы
Стеналъ встаешь!»

Съ точки зрѣнія г. Грекова это вѣроятно никуда не годится. Слѣдовало бы все это размазать вставками: «жилище мертвыхъ», «и въ этотъ мигъ» и т. д.

Изъ всѣхъ, сдѣланныхъ нами замѣчаній мы позволяемъ себѣ вывести заключеніе, что г. Грековъ не только не уважаетъ подлинника, за переводъ котораго взялся, но и не понимаетъ его. Мы разумѣемъ, конечно, не буквальное пониманіе, то есть, знаніе нѣмецкаго языка и умѣнье узнать настоящій смыслъ фразы и выраженія Гёте, а то пониманіе, которымъ открывается духъ и поэзія великихъ твореній. Промахи переводчика происходятъ не отъ недостатка таланта, не отъ неумѣнья совладѣть съ русскимъ языкомъ, а отъ небрежности, отъ узкаго взгляда на трудъ, требующій прежде всего любви и широкаго сочувствія. Неужто мы дожили до такого времени, что переводъ Гёте считается такимъ же пустымъ дѣломъ, какъ переводъ какого-нибудь пустаго французскаго романа? Пожалуй, это можно было бы подумать, глядя на фабричныя переводы «Юліевъ Цезарей», «Отелло», «Мазеппъ», «Конрадовъ Валленродовъ», которыя явились у насъ въ послѣдніе годѣ. Но вспомнимъ, что, рядомъ съ

этимъ печальнымъ неуваженіемъ къ великимъ писателямъ, идти и серьезное ихъ изученіе, которому мы обязаны такими прочными, серьезными и высоко-даровитыми трудами, какъ шекспировскіе переводы г. Дружинина и переводы Данта, Крабба и Шиллера, г. Мина. Жалѣемъ только, что примѣръ ихъ находить себѣ мало послѣдователей.

Намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ объ одной особенноти гётева «Фауста», которую все болѣе и болѣе обѣгаютъ переводчики, можетъ быть оттого, что первая попытка усвоить ее, сдѣланная Губеромъ, вышла не совсѣмъ удачна. Это Knittelverse, простонародные стихи въ нѣкоторыхъ монологахъ. Дѣйствительно, у Губера нельзя похвалить стиховъ въ родѣ слѣдующихъ :

«И вотъ источникъ моихъ страданій,
О чемъ я плачу каждый часъ!
Хоть я и умѣю, тѣмъ эти пустыя
Магистры, судьи и писцы — дурачье,
Хоть въ суевѣры не гоюсь,
Чертей и ада не страшусь», и т. д.

Но стихи эти плохи по своей неестественности въ выраженіяхъ, а не по метрическимъ неправильностямъ. Это, если хотите, и не совсѣмъ Knittelverse, которыя Вронченко справедливо находятъ похожими на нашу народно-сказочный размѣръ. Knittelverse — нѣчто совершенно одинаковое съ тѣми стихами, какими написана у Пушкина «Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ».

«Стало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе;
Началъ онъ глядѣть на Балду по смѣлѣе.
Вотъ онъ кричитъ: «Поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда!»

Не та-же ли это манера, что въ стихахъ Гёте:

«Damit ihr seht, dass ich eurer Pein
Will förderlich und dienstlich sein,
Wollen wir keinen Augenblick verlieren,
Will euch noch heut' in ihr Zimmer führen.»

Намъ кажется, переводчику «Фауста» не слѣдуетъ пренебрегать этимъ отгѣнкомъ въ подлинникѣ, тѣмъ болѣе, что его можно передать совершенно согласно съ духомъ русскаго языка. Въ поэмѣ Гёте такіе стихи являются обыкновенно въ простой рѣчи, и оттого лирическія мѣста, слѣдующія за ними и написанныя правильными стихами, особенно сильно дѣйствуютъ на читателя.

Но даже и въ метрическихъ стихахъ Гёте попадаются часто неправильности или, лучше сказать, уклоненія отъ метра, и эти уклоненія не только не нарушаютъ ихъ гармоніи, но даже представляютъ особенную прелесть простоты и непринужденности. Что русскому переводчику и въ этомъ случаѣ нечего стѣсняться, блистательнымъ доказательствомъ можетъ служить переводъ г-на Тургенева сцены въ тюрьмѣ.

Что можетъ быть неправильнѣе и въ тоже время проще и мелодичнѣе, напримѣръ, хоть стиховъ г. Тютчева изъ Уланда:

«О, не кладите меня
Въ землю сырую:
Скройте, заройте меня
Въ траву густую.
Пусть дыханье вѣтерка
Шевелитъ травою —
Свирѣль поетъ издалека,
Свѣтло и тихо облака
Плывутъ надо мною!»

Переводъ г. Грекова напечатанъ въ видѣ приложения къ «Отечественнымъ Запискамъ».

М. Л.

Сочиненія В. Бѣлинскаго. Часть третья. Изданіе К. Салдатенкова и Н. Щепкина. Москва. 1859 года.

Сочиненія Бѣлинскаго уже много разъ были у насъ предметомъ разбора. Почти каждый изъ нашихъ современныхъ критиковъ пользовался случаемъ высказать объ нихъ свое мнѣніе, высказывая такимъ образомъ и свой взглядъ на литературу. И дѣйствительно, разнообразіе вопросовъ, которыхъ касался въ своихъ статьяхъ Бѣлинскій, представляетъ безконечный матеріалъ для разсужденія: кромѣ того, *художественная* критика обработана имъ съ такою полнотою и ясностію, такъ мѣтко и живо умѣлъ онъ обозначить въ этомъ отношеніи характеръ главнѣйшихъ нашихъ писателей, что невозможно обойти его при изслѣдованіи художественнаго развитія нашей новой литературы. Вновь перечитывая Бѣлинскаго, мы не разъ думали, отчего бы не выбрать лучшія мѣста изъ его критическихъ статей и не составить изъ нихъ родъ учебника для классовъ: это, безъ сомнѣнія, былъ бы лучший курсъ практической теоріи словесности, въ которой такъ нуждается наша бѣдная педагогика. Бѣлинскій, какъ во многомъ другомъ, такъ и въ учебномъ дѣлѣ, уже двад-

цать лѣтъ тому назадъ предъявилъ свѣтлый взглядъ, который нынѣ защищали вновь, какъ что-то новое, въ безчисленныхъ статьяхъ по части педагогики. Намъ пріятно обратить особенное вниманіе на эту сторону въ знаменитомъ критикѣ. По поводу двухъ незначительныхъ сказокъ Гофмана. (Часть третья, стр. 483), Бѣлинскій пишетъ цѣлое разсужденіе о воспитаніи дѣтей. Ярко обозначивъ двѣ противоположныя стороны нашего домашняго воспитанія: совершенный произволъ или безмысленную дрессировку, состоящую въ усвоеніи приличій, вслѣдствіе котораго дѣвушка «скорѣе согласится тысячу разъ умереть, нежели одинъ разъ въ жизни показаться смѣшною», т. е., открыто выразить искреннее, благородное чувство, — авторъ подробно объясняетъ, въ чемъ состоитъ истинная обязанность родителей. Любовь, одна любовь должна руководить ихъ. Но что же такое любовь?— Это жизнь, это духъ, свѣтъ луча: безъ нея все—смерть при самой жизни; все—матерія, при самомъ органическомъ развитіи; все—мракъ при самомъ зрѣніи. Любовь есть высшая и единая дѣйствительность, внѣ которой все—призраки, обманывающіе зрѣніе, формы безъ содержанія, пустота въ кажущихся границахъ». Позонъ этой благородной любви, Бѣлинскій и возстасть противъ наказаній, которыя «растлѣваютъ сердца дѣтей подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства». Сюда, конечно, относятся: ручная расправа, вѣчныя розги, отъ торжественнаго употребленія которыхъ все еще не въ силахъ отказаться многіе педагоги, подобно доброму барину, согласно своей барской морали, сѣкущему тѣхъ, кого особенно любятъ,—наконецъ начальническій страхъ, возбуждаемый звѣрообразнымъ видомъ и рыканьемъ. Какія же наказанія предлагаетъ авторъ? «Суровый взглядъ, холодно *въжливое* обращеніе, *косвенный* упрекъ, *деликатный* намекъ, и уже много-много, если откажъ *въ проку* съ собою, въ участіи *слушать повесть* или сказку, которую будетъ читать или разсказывать отецъ или мать; наконецъ, *арестъ въ комнату*», а ужъ никакъ не карцеръ съ его мракомъ, мышами и зловоніемъ. Есть-ли надежда, чтобъ когда нибудь исполнилась эта добрая мечта? Конечно, *но...* эта частица останавливаетъ насъ на каждомъ шагу; однако мы не скажемъ: «слѣдуетъ принять во вниманіе испорченность нашихъ нравовъ, недостатокъ педагогическихъ средствъ къ ихъ исправленію и проч.»—мы скажемъ только, что слѣдуетъ намъ по возможности и на дѣлѣ быть такими, какими представляемъ себя на словахъ. Бѣлинскій пишетъ здѣсь въ виду домашнее воспи-

таніе: можно ли и общественное устроить на тѣхъ же началахъ? Странно было бы думать, что въ общественномъ воспитаніи, по причинѣ нѣкоторыхъ его особенностей, должна господствовать одна мертвая дисциплина, убивающая всякое развитіе; педагоги, такъ думающіе, готовятъ обществу не людей, а развѣ жалкихъ формалистовъ - чиновниковъ. Справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ: «пусть дитя будетъ безразсудно, опрометчиво — лишь бы оно не было глупо и тупо: мертвенность же и безжизненность хуже всего» (стр. 520).

Развивая дагѣ свои мысли, Бѣлинскій съ величайшей опредѣлительностью указываетъ, какое чтеніе прилично дѣтскому возрасту. Возставая противъ пошлой, сладенькой морали дѣтскихъ книжекъ, онъ въ числѣ другихъ произведеній, съ которыми необходимо знакомить дѣтей, назначаетъ и русскія народныя пѣсни. Мы не во всемъ согласны съ авторомъ, что касается его безусловной хвалы ужъ черезъ-чуръ фантастическимъ сказкамъ Гофмана; но условія, какія опредѣляетъ онъ для образованія дѣтскаго писателя, вполне разумны. По его словамъ, для этого нужны: «душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная, умъ возвышенный, образованный, взглядъ на предметы просвѣтленный, и не только живое воображеніе, но и живая, поэтическая фантазія, способная представить все въ одушевленныхъ, радужныхъ образахъ». Мы не даромъ прежде всего остановились на этихъ сужденіяхъ Бѣлинскаго: онъ самъ въ полной мѣрѣ обладалъ тѣми качествами, которыхъ требуетъ отъ воспитателя юношества. Хотя его критики писаны не дѣтскимъ языкомъ и не для дѣтей, въ нихъ все полно искренняго одушевленія, происходящаго отъ глубоко-нравственнаго чувства. Въ нынѣ изданномъ третьемъ томѣ укажемъ хоть-бы разборы романовъ Лажечникова, стихотвореній Полежаева, комедій: Горе отъ ума, сочиненій Марлинскаго. Каждому разбору предшествуетъ самое подробное теоретическое изложеніе какого-нибудь вопроса объ искусствѣ, возникающаго изъ содержанія разбираемой книги. Здравыя идеи всего дороже автору, и часто книга, во-все не стоящая вниманія, служитъ только поводомъ, чтобы ихъ высказать. Тутъ съ жаромъ самаго неутомимаго педагога просвѣщаетъ Бѣлинскій современное ему молодое поколѣніе, отчаянно враждуя противъ закоснѣлаго упорства старцевъ. Въ каждомъ словѣ его видна именно та любовь, о которой такъ часто говоритъ онъ въ своихъ разсужденіяхъ; отъ того и самая рѣзкая полемика смягчена у него особеннымъ

чувствомъ приличія. Между тѣмъ вѣра въ неспорченный, природный инстинктъ, выражаясь пылкимъ протестомъ противъ узкихъ, схоластическихъ теорій, иногда достигаетъ въ немъ чуть не до фатализма. Отсюда происходятъ, какъ хорошія стороны, такъ и недостатки Бѣлинскаго. Впослѣдствіи времени во многомъ измѣнился его взглядъ; но теперь мы имѣемъ дѣло еще съ критикомъ 1839 и 1840 годовъ. Съ одной стороны, основывая свои сужденія на непосредственномъ воспріятіи, на природномъ чувствѣ, какъ источникѣ истины, онъ прямо вводитъ васъ въ свѣтлый міръ изящнаго, очищая путь отъ всякаго хлама схоластики; онъ какъ нельзя болѣе способствуетъ къ пробужденію этого чувства въ другихъ, потому что каждое его слово идетъ прямо къ сердцу. Въ этомъ отношеніи онъ и дорогъ для юношества. Съ другой стороны, возставая противъ грубаго фатализма, онъ самъ, въ своемъ обожаніи непосредственнаго чувства, впадаетъ въ тотъ утонченный фатализмъ, который во имя абсолютной идеи наконецъ проповѣдуетъ всякое уничтоженіе личности. Этому направленію способствовало вліяніе нѣмецкой философіи, особенно Гегеля, котораго идеи вошли въ сокъ и въ кровь нашего автора. Нѣкогда, Полевой, смѣясь надъ этимъ увлеченіемъ Бѣлинскаго, говорилъ о Московскомъ Наблюдателѣ 1839 года: «вѣроятно, интеллектуальный конкретизмъ выведетъ индивидуальное Я наблюдателя въ реальное Я не Я, изъ безусловнаго абсолютизма, въ какомъ находился онъ въ прошедшемъ году». Въ этихъ словахъ, конечно, нечего болѣе искать, кромѣ плоской шутки. Отвѣчая на грубую статью Полеваго, Бѣлинскій говоритъ, что онъ, молодой литераторъ, не хочетъ отказать себѣ въ удовольствіи «дать старому, почетному и знаменитому литератору урокъ въ вѣжливости и хорошемъ тонѣ». (Стр. 101, 102). Но и другіе нападали на Бѣлинскаго за употребленіе новыхъ въ то время словъ: «абсолютный, субъективный, объективный, реальный». Надо замѣтить, что онъ употребляетъ эти слова очень рѣдко, да и то сопровождаетъ такими объясненіями, чрезъ которыя смыслъ ихъ становится вполне понятнымъ. Въ наше время они уже усвоены ученому языку, и объ употребленіи ихъ болѣе не спорятъ. Кромѣ того идеи Гегеля у Бѣлинскаго высказываются яснѣе чѣмъ у самого творца ихъ. Но для насъ важно здѣсь то, что онъ повели въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ слишкомъ отвлеченному, идеальному воззрѣнію на жизнь и на искусство. Такъ, въ своей статьѣ о Менделѣ (Отечественныя Записки. 1840 года), рѣзко осуждая мертвое ре-

зонерство французовъ и филистерскія затѣи, такъ называемой, юной Германіи, Бѣлинскій не придаетъ однако почти никакого значенія общественной литературѣ, потому что искусство должно «питать духъ возвышенными впечатлѣніями и благородными помыслами благаго и истиннаго» (стр. 303). Онъ нападаетъ (въ другомъ мѣстѣ) на сопоставленіе именъ Расина и Шекспира, и между-тѣмъ самъ подводитъ подъ одну параллель Мольера и Буало, Гюго и Дюма, называетъ романы Жоржъ Зандъ «одниъ другаго незгѣше и возмутительнѣе», а про Мицкевича говоритъ: «какой-то Мицкевичъ» (стр. 311), и видитъ въ немъ одно «ограниченное чувство политической ненависти». Такія сужденія встрѣчаешь рядомъ съ самыми здравыми и дѣльными мыслями. Но тамъ, гдѣ общественное начало проведено согласно съ идеями Бѣлинскаго объ искусствѣ, какъ въ комедіи Гоголя «Ревизоръ» и въ романѣ «Герой нашего времени», критикъ не знаетъ мѣры похваламъ; онъ блистательно отставиваетъ всякій новый талантъ отъ нападковъ жалкихъ моралистовъ, требовавшихъ во всемъ приторной добродѣтели и лицемерныхъ о ней возгласовъ. Онъ первый съ восторгомъ привѣтствовалъ и достойно оцѣнилъ Кольцова, Гоголя и Лермонтова. Въ самой статьѣ о Менцелѣ съ необыкновенною вѣрностью объяснено значеніе нравственнаго въ искусствѣ: критикъ находитъ его въ тождествѣ съ художественнымъ и прекраснымъ — и это лучшая часть статьи. Напротивъ, безусловныя похвалы Гете составляютъ ея слабую сторону. Какъ ни великъ Гете и какъ ни незѣпа большая часть нападковъ на него Менцеля, все же нельзя не замѣтить, что германскій поэтъ, утвердившій не одно міровое, но и общественное свое значеніе такими произведеніями, каковы: Вертеръ, Гетцъ, Эгмонтъ, Фаустъ, — во второй періодъ своей жизни дѣйствительно писалъ піесы, очень бѣдныя содержаніемъ.

Вліяніе абсолютныхъ идей Гегеля отразилось также въ понятіяхъ Бѣлинскаго объ обществѣ и государствѣ. Разсужденіе по поводу Очерковъ бородинскаго сраженія, Глинки (Отечественныя Записки, 1839 года), показываетъ до какихъ крайностей можно было дойти въ этомъ отношеніи. Вся цѣль автора опровергнуть мнѣнія философовъ XVIII-го вѣка, основывавшихъ государство на договорѣ. Чуждаясь этого односторонняго взгляда, онъ на основаніи своего первороднаго чувства впадаетъ въ другую односторонность. Вотъ его главнѣйшія мнѣнія: «Исходный пунктъ жизни каждаго народа скрывается въ географическихъ, этнографическихъ, геологическихъ и климатическихъ условіяхъ».

«Народъ тогда только дѣлается государствомъ, когда законность, освященная временемъ, приобретаетъ *формальность*». «Государство есть разумное, а потому и *священное явленіе*; что его начало скрывается въ *естественно-семе́йственномъ родствѣ людей*, перешедшемъ потомъ въ родство племенное и наконецъ въ народное». «Коренныя постановленія не бываютъ *закономъ*, *изреченнымъ отъ человека*, но являются, такъ сказать, *доверменно*, и только выговариваются и сознаются *человѣкомъ*». «Человѣческіе уставы могутъ быть полезны, а не священны: только *непосредственно* Богомъ явленное священно». «Мистическая и священная идея отца-родоначальника была живымъ источникомъ истекшей изъ нея идеи царя». «Человѣчество не помнить, когда преклонило оно колѣни передъ царскою властію, потому что эта власть была не его установленіемъ, а установленіемъ Божіимъ». Отъ того и высочайшая идея Наполеона, равная всѣмъ его побѣдамъ и подвигамъ, состоитъ въ томъ, что онъ «сочетался бракомъ съ дочерію цезарей (австрійскихъ) изъ древняго рода». Намъ кажется, что Бѣлинскій совершенно неудачно защищаетъ идею государства, основывая его только на первобытныхъ, патриархальныхъ условіяхъ родоваго быта, на непосредственномъ откровеніи еще младенческаго чувства. Должно же было сколько нибудь измѣниться общественное устройство послѣ этого полудикаго состоянія. Уже географическія, этнографическія и другія условія, которыя признаетъ авторъ, вели къ самостоятельному развитію личности, и родъ возсталъ на родъ, семья на семью, такъ что нерѣдко нужна была новая, совсѣмъ чуждая власть къ водворенію порядка. Государство началось *завоеваніемъ*. Точно также «мистическія и священные идеи» вели во-все не къ утверженію царской власти, а къ еократизму, къ аристократическому преобладанію одной касты жрецовъ, которая первоначально была самымъ заклятымъ врагомъ абсолютно-монархической формы. Только, когда военное сословіе взяло перевѣсъ, идея царя постепенно развилась изъ идеи военачальника. Такъ, но крайней мѣрѣ, образовались новыя государства на Западѣ, но авторъ, какъ намъ кажется, имѣлъ въ виду преимущественно Востокъ. Сочиненія Бѣлинскаго, конечно, нельзя разбирать кратко, и мы только указываемъ на заключающіяся въ нихъ идеи. Настоящій томъ очень богатъ содержаніемъ: его можно раздѣлить на двѣ части: къ первой относятся критики, писанныя для Московскаго Наблюдателя и Литературныхъ Прибавленій къ Рускому Инвалиду; ко второй — критики, помѣщенные въ Отече-

ственныхъ Запискахъ 1839 и 1840 годовъ. Въ первой особенно замѣчательны статьи: Ледяной домъ и Басурманъ, И. Лажечникова, Казьянъ и Арфа, А. Полежаева; разборы журналовъ и альманаховъ, гдѣ поочередно выступаютъ передъ вами: Современникъ, еще полный воспоминаніями о Пушкинѣ, со своими дѣльными, порою невѣдомо откуда заимствованными статьями, и тощенькой библиографіей, которой никто не читаетъ; Библиотека для Чтенія, подъ редакціей Сенковского, всегда одинаково шутовская и важная, ученая и глумящаяся надъ ученостью, со своей чудной механикой, перерабатывающей статьи такъ, что самъ сочинитель не узнавалъ свое дитя; Сынъ Отечества, который доживалъ вѣкъ, злобясь въ своемъ беззубомъ старцествѣ; Отечественныя Записки, еще юныя, полныя надеждъ, въ то время уже начинавшія привлекать молодые таланты; Сто Русскихъ Литераторовъ, которые возбуждали сомнѣніе Бѣлинскаго: отчего ихъ не тысяча, не сто тысячъ; Новогодникъ Кукольника, дешевый сборникъ всякаго хлама, и т. д. Любопытно узнать это время борьбы за новыя идеи, когда такъ блистательно зачалась заря Гоголя, Лермонтова и Кольцова послѣ закатившейся звѣзды Пушкина; когда совсѣмъ почти вымеръ дряхлый классицизмъ, и туманный романтизмъ потерялся въ идеальныхъ высотахъ своихъ; когда все тянуло къ ясному и разумному сознанію дѣйствительной жизни; любопытно видѣть въ этой борьбѣ такого борца, какъ Бѣлинскій, съ его вѣрою и сомнѣніемъ, съ его истинно русскимъ здравымъ смысломъ и увлеченіями таланта, еще не во-всемъ ясно опредѣлившаго свое призваніе. Въ первой половинѣ книги замѣчательны еще разборы театральныя пьесъ, гдѣ Бѣлинскій чрезвычайно мѣтко характеризуетъ игру Каратыгина и Мочалова, представляя живую картину петербургскаго и московскаго театровъ. Чиновно-художественный Петербургъ, которому «послѣ официальныхъ бумагъ всякій слогъ хорошъ», и распушенная Москва, гдѣ нѣтъ ровности въ характерѣ, гдѣ «то гора или холмъ, то совершенная плоскость», описаны имъ съ чрезвычайно тонкой наблюдательностью. Вторая половина книги заключаетъ статьи большаго объема, на которыя мы уже прежде указывали. Такимъ образомъ, по случаю комедіи «Горе отъ ума» авторъ сначала дѣлаетъ краткій обзоръ всей исторіи поэзіи, излагая притомъ разныя теоріи, въ ней господствующія; потомъ объясняетъ значеніе слова: поэзія, ея раздѣленіе на эпосъ, лирику и драму, различіе трагическаго и комическаго, выводитъ свои опредѣленія изъ разбора разныхъ по-

вѣстей Гоголя и, наконецъ, подробно разсмотрѣвъ комедію Ревизоръ, приступаетъ уже къ разбору комедіи Грибоѣдова. Точно также разсужденіе о романѣ Лермонтова занимаетъ болѣе 110 стр. мелкой печати. Мы видимъ, что авторъ здѣсь серьезнѣе принимается за дѣло, сводя въ одно цѣлое всѣ свои сужденія объ искусствѣ.

Бѣлинскій весьма подробно объясняетъ сущность творческаго созданія, состоящую въ органическомъ сліяннн идеѣ съ образомъ, и потому возстаетъ противъ всякой искусственной, вышнимъ образомъ приданной формы. Онъ жалеетъ, что Лажечниковъ изобразилъ клеветовъ Бирона съ рыжими волосами, съ ртами до ушей. «Злодѣйство и порокъ, говоритъ онъ, безобразны, только не въ этомъ смыслѣ. Одинъ художникъ нарисовалъ дьявола красавцемъ, но самъ сошелъ съ ума, взглядывшись въ ужасное безобразіе этой красоты». Стихотворное ораторство и риторическая шумиха возбуждаютъ сильнѣйшее его неудовольствіе. Въ одной статейкѣ Марлинскаго о романтизмѣ онъ видитъ «истинное вавилонское смѣшеніе понятій, мыслей, безмыслия, безмыслицы словъ — борьбу Лагарпа и Баттѣ съ Московскимъ Телеграфомъ». При разборѣ сочиненій этого писателя, столь славнаго въ свое время, Бѣлинскій безъ всякой пощады казнитъ ложную манеру его творчества, хотя и отдаетъ справедливость нѣкоторымъ блесткамъ его ума, какъ, напримѣръ, въ замѣткѣ объ уступчивости русскаго боярина: «Онъ пилъ кумысъ съ ханамъ Золотой Орды; онъ носилъ кунтушь при самозванцѣ. За бороду, правда, онъ спорилъ долго, будто бы она приросла у него къ сердцу; но разъ въ мундирѣ, онъ грудью погѣлъ въ нѣмцы». Общія мѣста и истертые пружины; языкъ чувства, весь склеенный изъ азбучныхъ афоризмовъ, ходячихъ сентенцій и вычитанныхъ остротъ; безличныя лица и безхарактерныя характеры; возгласы напоминающіе то исторію Кайданова, то трагедію Расина; неистовыя звѣрскія страсти и дикій надутый языкъ — вотъ въ какихъ словахъ характеризуетъ онъ повѣсти Марлинскаго. Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ, замѣчаетъ онъ, никакъ не разгадаете, кто говоритъ — морской офицеръ, дикій черкесь, ливонскій рыцарь, русскій князь времени междоусобія, русскій бояринъ XV или XVI вѣка, мужчина или женщина, старикъ или юноша, Амалатъ-Бекъ или будочникъ-ораторъ!.. «Талантъ Марлинскаго чисто *опытный*, не изъ мысли создающій образы, а изъ матеріи выдѣлывающій красивыя вещи; это вдохновеніе, но не то *внутреннее* вдохновеніе, которое, не-

ожиданное, безъ воли человѣка, озаряетъ его разумъ *внезапнымъ откровеніемъ истины*, вдохновеніе тихое и кроткое, широкое и глубокое, какъ море въ ясный и безвѣтренный день». Подобно этому, при своемъ строго-художественномъ направленіи, Бѣлинскій считаетъ совершенно неестественнымъ, дѣланымъ характеръ Чацкаго въ комедіи: «Горѣ отъ ума», и отъ всей души восхищается Печоринымъ Лермонтова за его отвращеніе къ риторикѣ. Про Грушницкаго онъ замѣчаетъ, что для его характеристики прибавилъ бы отъ себя одну черту: подобные ему люди всегда говорятъ фразами изъ сочиненій Марлинскаго.

Согласно своему взгляду, Бѣлинскій безъ малѣйшаго исключенія возстаеъ противъ всей французской поэзіи, древней классической и новой романтической; его идеалы-образцы: Гомеръ, Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Шиллеръ и Гёте. Въ сужденіяхъ объ этихъ гениальныхъ поэтахъ онъ проникаетъ въ самую глубину ихъ творчества, но недостатокъ историческаго изученія препятствуетъ ему оцѣнить ихъ въ связи съ другими явленіями литературы. Зная отлично современную ему русскую литературу, Бѣлинскій не всегда является достаточно приготовленъ, гдѣ нужно рѣшать общіе вопросы. И вообще его историческій взглядъ довольно страненъ. «Въ произведеніи искусства, говоритъ онъ, должно искать соблюденія художественной, а не исторической истины. Что за важность, что Шиллеръ пѣзъ Карлоса, непокорнаго сына и дурнаго человѣка, сдѣлалъ идеалъ возвышеннаго, благороднаго человѣка?» (стр. 9). Мы спросимъ, такъ ли думалъ Вальтеръ-Скоттъ, у котораго учились понимать историческую жизнь писатели, подобные Гизо и Тьерп? Далѣе, однако, здравый смыслъ беретъ свое, и Бѣлинскій рѣзко осуждаетъ русскихъ романистовъ, изображающихъ нашу жизнь по эклогамъ Виргилія (стр. 21). При всемъ томъ онъ не видитъ ошибки Лажечникова, который избралъ историческимъ героемъ лице, по словамъ же критика еще не разгаданное въ его время; онъ прямо говоритъ: «до историческаго Волынскаго намъ нѣтъ дѣла».

Недостатокъ историческаго изученія особенно замѣтенъ въ сужденіяхъ о средневѣковой, романтической поэзіи, въ которой авторъ больше ничего не видитъ, кромѣ вліянія идей христіанскихъ. «Духу надо было явиться только духомъ, отвлеченно отъ слитнаго явленія», говоритъ онъ (стр. 347). «Отсюда вышли: обѣты цѣломудрія, отрѣшеніе отъ благъ земныхъ, от-

пелльничество и т. д.». Если это такъ, то чѣмъ же отличить средневѣковую поэзію отъ индѣйской? Греческое творчество называетъ онъ прекраснымъ примиреніемъ духа и природы, и въ новѣйшемъ искусствѣ также видитъ примиреніе романтическаго и классическаго элемента. Намъ кажется, что если взять хоть китайское искусство, то и тутъ будетъ какое-нибудь примиреніе, потому что поэзія всегда есть отраженіе жизни. Но такими общими, отвлеченными чертами нельзя опредѣлить характеръ искусства въ данную эпоху. У Бѣлинскаго однако надо удивляться необыкновенному дару провидѣнія, съ которымъ онъ, при крайней бѣдности данныхъ, нерѣдко угадываетъ сущность предмета. Такъ, онъ превосходно обсуживаетъ одинъ романъ Купера по самому плохому его переводу (стр. 83).

Критическіе приемы автора вообще чрезвычайно вѣрны и прямо достигаютъ цѣли. «Похвала, хоть сколько-нибудь превышающая истинное достоинство произведенія, не возвышаетъ, а унижаетъ его» (стр. 36) — вотъ главное его правило — и Бѣлинскій добросовѣстно выкажетъ во всѣ подробности разбираемаго творенія, чтобъ не сказать чего-нибудь лишняго или опрометчиваго. Такъ, долго не рѣшается онъ произнести рѣшительнаго суда о романѣ Лажечникова, «Ледяной домъ», потому что этотъ романъ то казался ему выше всего на свѣтѣ, то совсѣмъ ничтожнымъ (стр. 8). Прочитавъ первый разъ драму Пушкина: «Донъ Жуанъ», онъ «изнемогаетъ подъ тяжестію невыносимаго восторга». «Мы увидѣли даль безъ границъ, глубь безъ дна, — и съ трепетомъ отступили назадъ... Да, мы еще только изумлены, пріятно испуганы, и потому не въ силахъ даже себя отдать отчетъ въ собственныхъ ощущеніяхъ... Что такъ изумило насъ? — Мы не знаемъ этого, а только предчувствуемъ это, — и отъ этого предчувствія дыханіе занимается въ груди нашей, и на глазахъ дрожатъ слезы трепетнаго восторга... Пушкинъ, Пушкинъ!.. И тебя видѣли мы... Неужели тебя? Великій, неужели безвременная смерть твоя непременно нужна была для того, *чтобы мы разгадали, кто былъ ты?..*» Прочитавъ эти строки, какъ не сказать, что Бѣлинскимъ глубоко было прочувствовано все, о чемъ ни судить онъ! Онъ, конечно, могъ иногда ошибаться; но и въ ошибкахъ его та же искренность сердца. Чтобы выказать нелѣпость какой-нибудь пьесы, Бѣлинскій употреблялъ очень остроумныя средства. Иногда пишетъ онъ пародію на стихи, лишенные содержанія, но кажущіеся очень звучными:

«Что же намъ дѣлать, Анета?... Поѣдемъ къ святой Женевѣ!»

— Ваше величество, это не близко, — сказали старушки.

Есть особый обрядъ для поѣздокъ въ Нантеръ; мы не смѣемъ.

«Если нельзя, такъ поѣдемъ гулять въ Сень-Жермень.» — Невозможно!

Этимъ стихамъ изъ поэмы Кукольника, авторъ противопоставляетъ свои собственные гекзаметры, и дѣйствительно, трудно рѣшить, которые лучше:

«Здравствуй, мой другъ! Каково поживаешь? Что твой кашель?»

— Слава Богу! все хорошо. — «Да скажи мнѣ, пожалуй, —

Гдѣ ты бываешь? Дома тебя никогда не застанешь.

Былъ я вчера у тебя: отобѣдать хотѣлъ я съ тобою.

Вечеромъ вѣстѣ въ театръ — Дѣву Дуная давали....»

Иногда просто перелагаетъ онъ стихи въ прозу, и безсвязная чепуха, первоначально заглушенная звонкими римами, выказывается въ полной силѣ. Приведши начало стихотворенія кн. Мещерскаго:

Нѣтъ, ты меня не понимаешь!

Клянусь, небесная моя,

Ты задрожешь, когда узнаешь,

Кто я таковъ, откуда я!...

авторъ восклицаетъ опасливо: Не читайте дальше, господа, — страшно!...» (стр. 67, 68). Приведемъ еще примѣръ этой остроумной краткости, совершенно противоположной многосложному глумленію Сенковскаго: «Повѣсть безъ названія» — какая-то и чья-то фантастическая бессмыслица, герой которой есть какой-то фантастическій офицеръ и кавалеръ ордена «Сѣверной Пчелы» (стр. 76).

Любопытно было бы собрать отдѣльно остроумныя замѣтки, любимыя выраженія нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей. Книга подобныхъ афоризмовъ, искусно выбранныхъ, служа лучшей характеристикой извѣстнаго направленія, въ тоже время сама по себѣ была бы очень занимательна, какъ соединеніе всего, созданнаго умомъ, опытностію, вѣрнымъ чувствомъ, или предразсудками вѣка, странностями личнаго взгляда. Сочиненія Бѣлинскаго представляютъ особенно богатый матеріалъ оригинальныхъ замѣтокъ. Выбираемъ наудачу нѣсколько мыслей изъ настоящаго тома:

«Мысль великая мерцаетъ въ таинственномъ сумракѣ царства фантастическаго (стр. 43).»

«Нѣтъ ничего безплоднѣе, какъ поддѣлки подъ народность съ искусственными и новѣйшими приправами (стр. 71).»

«Въ дѣлѣ творчества единичность творящей силы всего необходимо (стр. 112).»

«Признакъ разумности всякаго явленія есть его необходимость, тогда какъ, на оборотъ, признакъ безсмысленности всякаго явленія есть его случайность (стр. 136).»

«Общество есть высшая дѣйствительность, а дѣйствительность или требуетъ полнаго мира съ собою, полнаго признанія себя со стороны человѣка, или сокрушаетъ его подъ свинцовою тяжестью своей исполинской длави (стр. 229).»

«Безпристрастіе — добродѣтель сухая, мертвая, чиновническая (стр. 253).»

«Чѣмъ страшнѣе, чѣмъ нелицѣе, чѣмъ безсмысленнѣе явленіе, тѣмъ больше уваженія оказываетъ ему суевѣріе (стр. 259).»

«Для насъ, русскихъ, нѣтъ событій народныхъ, которыя бы не выходили изъ живаго источника высшей власти (стр. 265).»

«Долгъ нашего вѣка ни надъ чѣмъ не смѣяться, но все сознать объективно, всему указать свое мѣсто въ ряду явленій, всему отдать должную справедливость (стр. 277).»

«Тонъ «забавной» критики непремѣнно долженъ быть рѣзкій, наглый, нахальный: иначе толпа не будетъ вамъ вѣрить (стр. 290).»

«Вдохновеніе художника такъ свободно, что самъ онъ не можетъ повелѣвать имъ, но повинуется ему, ибо оно въ немъ, но не отъ него (стр. 306).»

«Доказать, что произведеніе искусства положительно-безнравственно, — значитъ, доказать, что оно положительно-нехудожественно (стр. 317).»

«Все, что есть, то необходимо, разумно и дѣйствительно (стр. 327).»

«Чѣмъ глубже натура человѣка, тѣмъ глубже и его паденіе и его заблужденіе, его противорѣчія и отрицанія, тѣмъ рѣзче его переходы отъ одного убѣжденія къ другому (стр. 334).»

«Частное явленіе отрицанія жизни возбуждаетъ одно отвращеніе и есть призракъ; но какъ идея, какъ необходимая сторона жизни, призрачность получаетъ характеръ дѣйствительности и, слѣдовательно, можетъ и должна быть предметомъ искусства (стр. 369).»

«Дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости (стр. 606).»

В. ВОДОВОЗОВЪ.

Юридическія Записки. Томъ III. Изд. II. Рѣдкимъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. Спб. 1859.

Г. Рѣдкинъ десять лѣтъ тому назадъ оставилъ кафедру, которую онъ занималъ со славою въ московскомъ университетѣ; до-сихъ-поръ слушатели его, къ которымъ имѣлъ честь и пользу принадлежать и пишущій эти строки, не могутъ вспомнить его имени безъ сердечной благодарности. Мы помнимъ лишь послѣдній годъ его кафедральной дѣятельности — 1848: болѣе двухъ сотъ молодыхъ людей съ жадностью слушали его сильное слово; онъ еще болѣе выросъ въ ихъ глазахъ послѣ того, когда они увидѣли, что его замѣнило..... Во время своего профессорства г. Рѣдкинъ издалъ два тома Юридическихъ Записокъ, послѣдній въ 1842 году. Оба тома были превосходно составлены; въ нихъ помѣщены были капитальныя статьи, къ которымъ и теперь часто обращаются. Казалось, что съ прекращеніемъ профессорской дѣятельности г. Рѣдкинъ получитъ возможность усилить литературную; но надежды эти не сбылись. Вдругъ, неожиданно является книга съ заглавіемъ — «Юридическія Записки, томъ третій.» Недоумѣніе съ перваго разу овладѣваетъ читателемъ. Что это за изданіе съ перерывами въ семнадцать лѣтъ? Вѣдь очевидно, что словомъ «томъ третій» издатель ставитъ изданную теперь книгу въ родственную связь съ прежними. Но въ эти семнадцать лѣтъ много воды утекло, явилось много новыхъ интересовъ. Въ 1842 году занимали читающую публику статьи юридико-теоретическія, юридико-психологическія, разработка виѣшней исторіи русскаго права; послѣ того гг. Кавелинъ и Соловьевъ положили живыя начала разработкѣ внутренней исторіи русскаго права; г. Чичеринъ пошелъ далѣе, приложивъ къ разсмотрѣнію быта старей Россіи политическую философію; въ настоящее время—другой интересъ стоитъ на первомъ планѣ, интересъ, вызванный практическими потребностями Россіи и надеждой ихъ осуществленія: изученіе юридическаго быта и въ частности судебныхъ учреждений западной Европы и критическое изученіе дѣйствующаго законодательства. Такимъ образомъ, между вторымъ и третьимъ томомъ «Юридическихъ Записокъ» лежитъ цѣлыхъ три періода развитія русской мысли; если третій томъ современенъ, то необходимо должно произойти въ изданіи отсутствіе внутренней связи.

Но таковъ ли онъ? Отчасти онъ удовлетворяетъ новымъ

потребностямъ, а большей частію относятся къ сороковымъ годамъ.

Еще одно затрудненіе испытываетъ мы при отчетѣ. Какъ смотрѣть на «Юридическія Записки»? Что это такое: юридическій журналъ, или сборникъ статей, какъ напримѣръ «Юридическій Сборникъ», изданный въ 1855 году, въ Казани, покойнымъ профессоромъ Мейеромъ? Вопросъ этотъ очень важенъ при оцѣнкѣ книги. Требования отъ сборника несравненно строже, нежели отъ журнала. Сборникъ непременно долженъ состоять изъ самостоятельныхъ большихъ трудовъ; мелкія статьи, замѣтки, критика, библіографія, хроника — не могутъ входить въ сборникъ, потому что онѣ имѣютъ значеніе только тогда, когда ведутся регулярно, какъ это и дѣлается въ журналахъ, гдѣ каждый номеръ поддерживаетъ и дополняетъ предшествовавшій, и въ свою очередь дополняется послѣдующими; въ журналахъ — этого рода статьи составляютъ главную часть. Изданіе г. Рѣдкина, конечно, есть сборникъ, когда между частями проходитъ много лѣтъ; а по составу — третья книжка есть номеръ журнала. Если къ ней приложить требованія сборника, то и говорить не о чемъ: нѣтъ ни одной статьи, которая бы представляла ученый трактатъ. Итакъ, волею и неволею, мы должны смотрѣть на третій томъ Юридическихъ Записокъ, какъ на книжку журнала.

Но и при такомъ выгодномъ для издателя взглядѣ, книга неудовлетворительна; — другими словами: общее содержаніе статей не удовлетворяетъ требованіямъ спеціальнаго юридического журнала. Первая статья — о французскихъ присяжныхъ — г. Яневича-Яневскаго написана очень живо. — Но по обработкѣ она рѣшительно не годится для спеціальнаго юридического изданія. Авторъ даже не коснулся весьма важныхъ сторонъ дѣятельности присяжныхъ въ опредѣленіи смягчающихъ обстоятельствъ, въ признаніи сознательности или безсознательности дѣянія; почти ничего не сказалъ объ отношеніи ассизнаго и кассационнаго судовъ къ приговору присяжныхъ: въ какихъ случаяхъ эти суды могутъ приостанавливать исполненіе приговора, передавать дѣло новому рѣшенію, и проч. Наконецъ, коренной вопросъ: чѣмъ ограничиваются во Франціи присяжные по закону — сужденіемъ о чистомъ фактѣ или по его юридическомъ значенію (вопросъ права)? — вовсе не тронуть авторомъ. Да притомъ, и въ томъ немногомъ, что сказалъ авторъ о французскихъ присяжныхъ, находятся крупныя ошибки, которыя

тѣмъ поразительнѣе, что въ изложеніи постоянно виденъ чело-
вѣкъ хорошо знакомый съ дѣломъ. Возьмемъ, напримѣръ, 38-ю
страницу, гдѣ авторъ говоритъ о числѣ голосовъ, необходимомъ
для составленія присяжнаго приговора: «Число голосовъ, необ-
ходимое для постановленія присяжными приговора, подвергалось
съ 1791 года весьма частымъ перемѣнамъ. По примѣру Англіи
и сѣверной Америки, существовало даже во Франціи правило
на счетъ единогласнаго приговора. Но ни единогласія, ни близкаго
къ нему большинства голосовъ десяти противъ двухъ На-
полеонъ не призналъ удобнымъ для отправленія суда въ томъ
смыслѣ, какъ онъ разумѣлъ этотъ судъ. Онъ находилъ, что
жизнь челоувѣка не стоитъ того, чтобы объ ней долго рассу-
ждать; что будутъ ли нѣсколько невинныхъ осуждены напрасно,
или виновные возвращены въ общество, въ этомъ большой бѣды
нѣтъ, лишь бы дѣло шло скорымъ военнымъ шагомъ. Поэтому
признано имъ достаточнымъ для обвиненія простое большин-
ство голосовъ, т. е., семи противъ пяти присяжныхъ, которое
ближе всего соотвѣтствовало его цѣли: *la promptitude de la
justice*. Это простое большинство (*majorité simple*) составляетъ
и нынѣ коренное правило въ рѣшеніяхъ французскаго суда при-
сяжныхъ. По закону 7-го мая 1833 года, присяжные постано-
вляютъ, на основаніи этого правила, какъ обвинительные, такъ
и признающіе существованія обличительныхъ обстоятельствъ
приговоры.»

Но Наполеонъ вовсе не виновенъ въ томъ, въ чемъ обви-
няетъ его г. Яневичъ-Яневскій и исторія количества голосовъ
присяжныхъ вовсе не такая, и значеніе придаваемое авторомъ
большинству десяти противъ двухъ, совершенно противно ре-
зультатамъ исторіи и мнѣніямъ криминалистовъ. Начало едино-
гласія никогда не было признано необходимымъ во француз-
скомъ законодательствѣ. Въ 1791 году введено правило, что
для обвиненія необходимо согласіе, по крайней мѣрѣ, десяти
присяжныхъ, а если за обвиненіе было менѣе десяти присяж-
ныхъ, напримѣръ девять, то обвиняемый считался оправдан-
нымъ. И эту систему г. Яневичъ-Яневскій считаетъ близкой къ
единогласной англійской! По англійской системѣ для обвиненія
нужно единогласіе двѣнадцати присяжныхъ, но то же самое
единогласіе необходимо и для оправданія, слѣдственно требованіе
законодателя логично, одинаково для обвиненія и оправданія, два
интереса—общественный и частный поставлены на одну ногу,—
а по французской системѣ 1791 года для оправданія достаточно

было три голоса изъ двѣнадцати, а для обвиненія необходимо было десять! Эта система величайшая нелѣпость, какая только существовала въ устройствѣ уголовного суда, гдѣ даже начала арифметики были забыты, и постановлено законодательствомъ, что три болѣе девяти! Послѣдствія этой нелѣпой системы, въ которой г. Яневичъ-Яневскій нашелъ по непонятной или, лучше сказать, очень понятной причинѣ сходство съ англійской, были чрезвычайно печальны. Поэтому при Наполеонѣ, въ 1811 году, это постановление было измѣнено, но вовсе не такъ, какъ говоритъ авторъ. По проекту наполеонова кодекса требовалась англійская система, но какъ это было признано неудобнымъ, то принята другая — весьма оригинальная. Наполеонъ до такой степени былъ противъ абсолютнаго большинства (семи противъ пяти присяжныхъ) для обвиненія, что въ кодексѣ было постановлено: Обвиняемый считается оправданнымъ, если въ его пользу составится большинство абсолютное или даже половина голосовъ (шесть противъ шести), но для обвиненія недостаточно абсолютнаго большинства, — и если составится таковое (семи голосовъ), тогда судьи (ихъ было въ то время пятеро) ассизовъ должны также подавать голосъ, и ихъ голоса прикладываются къ голосамъ присяжныхъ, — и только такое сводное большинство рѣшало участь подсудимаго. Эта система, гдѣ смѣшаны были двѣ различныя власти — присяжныхъ и судей, была уничтожена закономъ 4-го марта 1831 года, по которому для обвиненія требовалось большинство, по крайней мѣрѣ изъ восьми голосовъ, и только закономъ 9-го сентября 1835 года установлено было абсолютное большинство (семь противъ пяти); законъ этотъ былъ отмѣненъ временнымъ правительствомъ 1848 года, и восстановленъ въ 1853 году 10-го іюня. (См. напримѣръ у Boitard, *Leçons sur les codes pénal et d'instruction criminelle*. 7 édit. 1856. § 899).

Такіе же недосмотры встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ сочиненія г. Яневича-Яневскаго. Замѣтимъ еще, что авторъ часто вводитъ въ текстъ значительныя, по объему, выписки изъ французскихъ писателей — безъ перевода. Мы рѣшительно не понимаемъ этого неслыханнаго нововведенія, которое очень не выгодно для автора, потому что статья его имѣетъ интересъ — главнымъ образомъ только для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности читать по французски.

Единственная превосходная статья третьяго тома Юридическихъ Записокъ принадлежитъ самому издателю, г. Рѣдкнну.

Очень ошибутся тѣ, которые по ея заглавію: «Обозрѣніе Юридической Литературы по Римскому праву», подумаютъ, что это библиографическая статья, годная для однихъ специалистовъ. Напротивъ того, — г. Рѣдкинъ слѣдитъ въ ней движеніе юридической мысли, развитіе понятія о правѣ и объ его отношеніи къ жизни, которое всего рельефнѣе выражается въ исторіи школъ римскаго права. Обширная начитанность автора, высота идей, популярное и блестящее изложеніе, умѣніе посмотреть на дѣло сквозь призму русскихъ потребностей, все это дѣлаетъ статью по истиннѣй образцовою. Авторъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ выраженій, намѣренъ въ томъ же духѣ изложить и литературу другихъ юридическихъ наукъ. Цѣль этихъ статей — показать, какъ долженъ русскій юристъ изучать римское право и другія юридическія науки. Въ обширномъ введеніи г. Рѣдкинъ справедливо замѣчаетъ, что юридическое образование въ нашихъ университетахъ лишено всякаго практическаго значенія, или, лучше сказать, имѣетъ для большинства студентовъ одно практическое значеніе — полученіе чина, связаннаго съ университетскими учеными степенями, — и для этой только цѣли и изучается римское право и много другихъ наукъ, какъ изучалось бы китайское право, еслибъ оно стояло въ росписаніи факультетскихъ предметовъ. Таково положеніе юридическаго образованія, — а положеніе юридической практики еще хуже. По мнѣнію автора — есть одно средство избавиться отъ этого двойнаго зла, средство самое легкое, которое, какъ онъ выражается, заключается въ одномъ почеркѣ пера, — это созданіе у насъ сословія юристовъ по примѣру Запада. Приводимъ это прекрасное, горячо написанное мѣсто (стр. 253 — 258).

«Создадимъ сословіе юристовъ, сословіе судей и адвокатовъ, и все пойдетъ своимъ стройнымъ ходомъ. Явится истинное правосудіе, юстиція — этотъ внутренній оплотъ нашей безопасности и нашего благосостоянія, — важный никакъ не менѣе вѣшняго оплота — войска, флота и т. п. Преобразуются юридическіе факультеты согласно требованіямъ этой юстиціи. Развѣется наше законодательство на твердыхъ началахъ народной самобытности, переставъ быть выраженіемъ минутныхъ требованій и переходящихъ случайностей. Наконецъ созрѣетъ наука и практика отечественнаго права, опирающаяся, съ одной стороны, на результаты, добытые всѣмъ человѣчествомъ, а съ другой стороны — на особенныхъ обычаяхъ и нравахъ, на своеобразной жизни, вообще на разумной дѣйствительности.

«Не будемъ извиняться тѣмъ, что создать у насъ сословіе юристовъ чрезвычайно трудно или даже рановременно. Вѣдь мы же не затруднялись создать сословіе врачей: довольно будетъ, на первый разъ, если мы хоть скопируемъ, для новаго сословія юристовъ, уже существующія издавна постановленія о старомъ сословіи врачей, а тамъ само дѣло укажетъ на необходимыя модификаціи. Вѣдь давно же признали своевременнымъ требованіе, чтобъ, безъ званія медицины, научнаго и практическаго, никто не осмѣливался, подъ страхомъ наказанія, лечить не только человѣка, но и скотину. Неужели имущество гражданина, — эта вещественная основа его нравственнаго благосостоянія; неужели честь — это «нетронь меня» всякаго благороднаго человѣка; неужели, наконецъ, самая жизнь, со всѣми ея существенными принадлежностями, — это безусловное условіе всякаго бытія; неужели, говорю, все это ниже того, что мы ввѣряемъ врачамъ, или, правильнѣе, неужели между здоровьемъ, жизнью, честью и имуществомъ мы не замѣчаемъ такой же неразрывной связи, какая существуетъ между тѣломъ и душою человѣка, между его физическимъ и нравственнымъ бытомъ, и, съ другой стороны, между сословіями врачей, юристовъ, духовенства, вообще между всѣми сословіями, всѣми гражданами въ государствѣ?»

«Послѣднее возраженіе, употребляемое обыкновенно противъ сословія юристовъ, и, повидимому, самое сильное, то, что существованіе его несогласно съ нашимъ образомъ правленія и вообще ведетъ къ переворотамъ, скажемъ прямо — къ революціи. Но это опасеніе такъ нелѣпо, что не стоило бы труда и говорить объ немъ, еслибъ не находилось у насъ людей, довольно, такъ сказать, вліятельныхъ, которые задерживаютъ этимъ пугаломъ введеніе въ наше судопроизводство гласности и устности, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, учрежденіе независимыхъ отъ администраціи судовъ и организованнаго корпуса адвокатовъ. Стыдно намъ, еще недавно находившимся въ интимныхъ связяхъ съ Неаполемъ, не знать, что все это есть даже въ этой прелестной странѣ, о которой уже никакъ нельзя сказать, чтобъ она отличалась хоть тѣнью какого-нибудь либерализма.

«Объѣхавъ всю западную Европу, я вездѣ нашелъ болѣе или менѣе процвѣтающимъ сословіе юристовъ, со всѣми принадлежностями этого учрежденія. Даже могу сказать, что если въ какомъ-нибудь Неаполѣ терпится народомъ все невыносимое, то это приписывать слѣдуетъ въ-особенности тому обстоятельству, что

по крайней мѣрѣ юстиція устроена тамъ прочно: каждый тяжущійся, каждый преступникъ, конечно не политическій, находятъ себѣ защиту въ судахъ, въ адвокатахъ, въ сословіи юристовъ, въ устности и публичности судопроизводства. Не будь в этого, не будь обезпечено правое дѣло каждаго, не будь ограждены жизнь, честь и имущество гражданина, не только отвѣченными законами, но самую юридическую практикою — гласностью, публичностью и устностью судопроизводства, и сопряженнымъ съ тѣмъ сословіемъ юристовъ — судей и адвокатовъ, то подобное отсутствіе всякаго обезпеченія давно бы уже повело Неаполь въ самое дѣлѣ къ государственному перевороту. Существованіе сословія юристовъ и задерживаетъ переворотъ тамъ, гдѣ, казалось бы, часъ его давно пробилъ. Да, и въ самомъ дѣлѣ, существенная отличительная особенность юристовъ и юриспруденціи есть не революціонизмъ, а напротивъ, консерватизмъ; скорѣе можно обвинить юристовъ въ задержаніи естественнаго развитія государства, чѣмъ въ революціонномъ направленіи, какъ дѣйствительно и обвиняли иногда тѣхъ юристовъ, которые по преимуществу заслуживаютъ этого названія, — юристовъ римскихъ, во времена императоровъ, власть которыхъ они будто поддерживали и утверждали.»

Мы не можемъ согласиться съ г. Рѣдкннимъ только въ мнѣніи о какомъ-то отдѣльномъ бытіи хорошихъ судебныхъ учреждений; оно — ложно и теоретически и исторически. Юридическая свобода (= хорошія судебныя учрежденія) и политическая — двѣ стороны одного и того же жизненнаго начала, одна безъ другой не можетъ жить. Правда, случается, что въ нѣкоторыхъ обществахъ, напримѣръ, такъ было въ Римѣ или отчасти теперь въ Неаполѣ, и по смерти политической свободы — юридическая продолжаетъ жить еще нѣсколько времени, — также какъ бываетъ, что ноги нѣкоторыхъ животныхъ движутся, когда голова отрублена: юридическая сторона болѣе живуча, нежели политическая, — но все таки она долго не можетъ жить безъ послѣдней. Мы просимъ автора вспомнить, напримѣръ, исторію французскаго суда: когда судъ присяжныхъ извращался, ограничивался, когда адвокатура стѣснялась — при Наполеонѣ. Все это — вещи обще-извѣстныя, — и вѣроятно состороны автора это только адвокатскій маневръ. Но намъ кажется, что этотъ маневръ безплоденъ съ одной стороны, — и вреденъ съ другой: значеніе разумныхъ судебныхъ учреждений унижено, сведено на степень шоссе и желѣзныхъ дорогъ. Будемъ лучше

говорить прямо; а картиной судебныхъ льготъ Исаюля нпкого не прельстимъ.

Статей, или лучше сказать замѣтокъ, юридико-практическаго характера четыре: «О судебныхъ издержкахъ» И. Владиславлева, «Объ основаніяхъ для опредѣленія цѣнности земель» В. Тарновскаго, «Объ указныхъ знакахъ» и «Объ аппелляціяхъ и жалобахъ по дѣламъ уголовнымъ» — К. Яневича-Яневскаго. Г. Владиславлевъ обратилъ вниманіе на весьма важный недостатокъ нашихъ гражданскихъ законовъ: отсутствія положеній о правильномъ вознагражденіи оправданной стороны. Во французскомъ правѣ ученіе объ ущербахъ и убыткахъ развито съ величайшей полнотой не только въ гражданскомъ, но и въ уголовномъ правѣ; о чемъ бы нибылъ процессъ: объ имуществѣ, обязательствахъ, объ оскорбленіи чести, лишеніи жизни и проч. и проч., оправданная сторона немедленно получаетъ сверхъ возстановленія своего права денежное вознагражденіе, количество котораго не опредѣлено закономъ, но зависитъ вполне отъ усмотрѣнія суда. У насъ эта сторона весьма слабо развита. Наше законодательство удержало до-сихъ-поръ постановленія уложенія о проѣздахъ и волокитахъ: по шести копескъ серебромъ въ день въ дѣлахъ о недвижимыхъ имуществвахъ и по три копейки въ дѣлахъ о движимыхъ! Эти цифры, бывшія довольно значительными во время Уложенія, когда заработная плата равнялась въ хорошее время одной копейкѣ въ день, теперь смѣшны. Г. Владиславлевъ справедливо замѣчаетъ, что въ Сводѣ Законовъ слѣдовало бы эту цифру перевести на нынѣшній денежный языкъ, тогда вознагражденіе было бы удовлетворительно, т. е., покрывало бы издержки тяжущагося, хотя на содержаніе во время процесса. Что касается до другихъ издержекъ тяжущагося, кромѣ проѣстей, — на наемъ повѣреннаго, путешествія и проч., то объ нихъ надобно вчинать новый процессъ, — иначе ничего нельзя получить!

Г. Тарновскій доказываетъ, что единственный удобный способъ опредѣлить цѣнность земель — обратиться къ актамъ о продажахъ пмѣній въ каждомъ уѣздѣ и сообразить эту цѣну съ наемной платой; напримѣръ по актамъ продажи въ такомъ-то уѣздѣ десятина стоитъ сорокъ рублей, а въ то же время извѣстно, что тамъ же десятина нанимается по два рубля серебромъ, — слѣдовательно рента въ уѣздѣ составляетъ пять процентовъ. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ при нынѣшнемъ положеніи крестьянскаго дѣла.

Въ нашемъ Уложеніи о Наказаніяхъ, до-сихъ-поръ сохранилось безчеловѣчное правило клейменія на лицѣ преступниковъ простаго званія (впрочемъ, за исключеніемъ женщннъ): Императоръ Александръ I объявилъ особому комптету, что «тѣлесныя наказанія кнutomъ и рваніе ноздрей съ постановленіемъ знаковъ, будучи безчеловѣчною жестокостію, которой усиленіе зависить отъ произвола палача, слѣдовало бы отмѣнить», а потому соизволилъ повелѣть: войти въ разсмотрѣнія какимъ образомъ можно бы было замѣнить означенное наказаніе другимъ, которое, не имѣя въ себѣ ничего безчеловѣчнаго, не менѣе того удерживало бы преступленіе, и служило для другихъ предохранительнымъ примѣромъ». Комтетъ, принявъ, между прочимъ, въ соображеніе, что состояніе нравовъ въ томъ вѣкѣ, когда введено было это наказаніе, различно отъ настоящаго; что исторія нашихъ уголовныхъ законовъ представляетъ постоянное смягченіе жестокости наказаній, нѣкогда безмѣрной, и что отъ сего не только не возрастало число преступленій, но даже уменьшалось, признавъ и съ своей стороны отмѣну упомянутаго наказанія возможною, тѣмъ болѣе, что мысль о жестокихъ терзаніяхъ не будетъ смущать вниманія зрителей, не будетъ, вмѣсто омерзенія къ преступленію, производить сожалѣніе чрезвычайному страданію преступника; вслѣдствіе сего 25-го декабря 1817 года послѣдовалъ именной указъ, въ которомъ изображено: «Производимая до сего времени надъ преступниками, осужденными вмѣсто смертной казни въ каторжную работу рваніе или вырѣзываніе ноздрей, какъ видно изъ прежнихъ узаконеній, было учреждено для того, чтобы, при исторженіи преступника изъ среды общества, наложить на него неизгладимый знакъ его преступленія, и чтобы сія печать отверженія, возбраняя ему паки возвратиться въ общество, лишила его навсегда способовъ избѣжать присужденнаго ему закономъ мѣстопребыванія. Находя, при нынѣшнемъ устройствѣ внутренней стражи, на которую возложено вѣрное препровожденіе колодниковъ, таковое усугубленіе наказанія излишнимъ, Мы отмѣняемъ оное, яко безчеловѣчнымъ истязаніемъ сопровождаемое, и симъ Нашимъ указомъ повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы съ полученія сего указа, надъ преступниками рванія или вырѣзыванія ноздрей нигдѣ не производить, и впредь о томъ въ приговорахъ не упоминать». Основываясь на разумѣ сего указа, нѣкоторые прокуроры, именно псковскій и рязанскій протестовали и противъ на-

ложенія клеймъ, но сенатъ не уважилъ этихъ протестовъ. Въ 1824 году, при вторичномъ обсужденіи этого вопроса, государственный совѣтъ почти единогласно принялъ мнѣніе, уже предварительно утвержденное высочайшею волею, объ уничтоженіи кнута и клейменія. Замѣчательна причина, почему въ упомянутомъ указѣ не сказано ничего ни о той, ни о другой мѣрѣ. Члены комитета, въ Москвѣ учрежденнаго, опасались, что «если отмѣна этого наказанія будетъ объявлена въ отдѣльномъ указѣ, то народъ, по недоразумѣнію, легко можетъ вообразить, будто и всякое уголовное наказаніе съ симъ вмѣстѣ отмѣняется, тогда какъ въ Уложеніи, напротивъ, сія переѣна будучи обнародована вмѣстѣ съ другими исправленіями нашихъ уголовныхъ законовъ, не можетъ дать повода къ толкамъ сего рода».

Эти интересныя свѣдѣнія, о штемпельныхъ знакахъ и кнутѣ заимствованныя изъ оффиціального источника: «Обозрѣнія хода работъ по составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ», приведены въ статьѣ г. Яневича-Яневскаго: «Объ указныхъ знакахъ». Въ новомъ уголовномъ уложеніи, изданномъ въ царствованіе Николая I неприняты начала, высказанныя самимъ императоромъ Александромъ I и высшимъ государственнымъ учрежденіемъ Россіи двадцать лѣтъ назадъ. Отмѣненіе кнута и клеймъ, которое казалось возможнымъ въ 1824 году, оказалось неудобнымъ въ 1845. Впрочемъ, эти ужасныя наказанія подверглись большой реформѣ: вмѣсто кнута введена плеть (съ гораздо большимъ числомъ ударовъ, чѣмъ при прежнемъ кнутѣ), а клейменіе буквами В на лбу, О на одной щекѣ, Р на другой, — замѣнено буквами К, Т, Р (каторжный). Авторъ статьи выводитъ справедливыя заключенія: 1) что клейменіе есть не предупредительная мѣра (противъ побѣговъ), а наказаніе, и притомъ самое ужасное, 2) что оно противно не только началамъ науки права и человѣческому чувству, но и исторіи нашего положительнаго права. Замѣтимъ, что въ нынѣшнемъ году отмѣненъ одинъ родъ указныхъ знаковъ, хотя не такой ужасный, какъ клейменіе, но также позорный и вредный для здоровья — бритые половины головы у арестантовъ. Пойдетъ ли современное законодательство относительно этого вопроса путемъ Александра I, путемъ уничтоженія, — или путемъ реформъ Николая I, — это покажетъ время.

Переводныхъ статей и компилацій въ третьемъ томѣ Юридическихъ Записокъ пять: О Римскомъ Колонатѣ по Савинью,

два уголовные процесса изъ Criminal-psychologische Denkwürdigkeiten, von Fr. Nöllner, и двѣ публичныя лекціи мюнхенскаго профессора Блаунчи о правѣ, отличающіяся отвлеченностью, сухостью и непопулярностью изложенія. Наконецъ, слѣдуетъ баластъ и притомъ весьма грубый: перечень на многихъ страницахъ лекцій, читаемыхъ въ юридическихъ факультетахъ германскихъ университетовъ — даже безъ означенія, что эти свѣдѣнія касаются только одного семестра, — обозначенія необходимаго, иначе читатель можетъ подумать, что въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ вовсе не преподаются важнѣйшія юридическія науки. Еще худшаго качества другой баластъ: перечень новыхъ и замѣчательныхъ юридическихъ книгъ вышедшихъ въ прошломъ году на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Составитель, какъ кажется, не только не читалъ, но и не видѣлъ большей части этихъ книгъ, — иначе онъ бы не помѣстилъ, напримѣръ, пустой брошюры Піетра Санта о тюрьмѣ Мазасъ въ числѣ замѣчательныхъ юридическихъ книгъ. Вообще этотъ перечень составленъ крайне безобразно: одна голая номенклатура по книгопродавческимъ каталогамъ и объявленіямъ.

Мы познакомили читателей съ содержаніемъ всѣхъ статей изданія г. Рѣдкина, указали на ихъ достоинства и недостатки, поэтому читатель самъ можетъ вывести заключеніе на сколько удовлетворяетъ третій томъ Юридическихъ Записокъ современнымъ требованіямъ. Намъ кажется, что въ настоящее время еще нѣтъ возможности издавать трехъ юридическихъ журналовъ, а потому нельзя не пожелать соединенія Юридическихъ Записокъ, Архива г. Калачова и Журнала Министерства Юстиціи въ одно изданіе.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

Врачъ, совѣтникъ и руководитель для супруговъ и вообще для молодыхъ людей, содержащій въ себѣ: анатомическое описаніе мужскихъ и женскихъ производительныхъ частей, ихъ развитія, предназначенія и сообразнаго съ природою измѣненія. Исполненіе половыхъ отпращиваній. Брачная жизнь. Любовь внѣ брака. Несовершенное приготовленіе сѣмени, безсиліе, бесплодіе, расслабленіе нервъ, бѣли, неправильныя мѣсячныя очищенія и поллюціи, съ показаніемъ средствъ къ отвращенію этихъ недуговъ и къ сохраненію производительной силы до глубокой старости, а также къ уничтоженію губельныхъ по-

слѣдствій онанизма и къ доставленію истощившимъ себя этимъ порокомъ прежняго цвѣтущаго здоровья. Сочиненіе доктора медицины *Вейса*. Москва. 1859. in-8°. Стр. 258.

Единственная книга во всей русской медицинской литературѣ, начинающаяся словомъ «ахъ» — *«Ахъ, две души живутъ въ груди моей, и одна хочетъ отдѣлится отъ другой»*, говоритъ Гёте.

Сѣрая московская спекуляція на развращенное воображеніе, на самую наивную и простодушную, едва ли не идиотическую неопытность относительно того, что касается производительныхъ инстинктивныхъ побужденій; спекуляція, можетъ быть, и на безденежье какого-нибудь бѣднаго труженника, вынужденнаго компилировать за горсть мѣди такую книгу или, по крайней мѣрѣ, отдать на обертку ея свою степенную нѣмецкую фамлію съ многозначительнымъ эпитетомъ доктора. Мы полагаемъ, что гну-Вейсу возможно извинить свое соучастіе въ изданной подъ фамліею его сѣровой книжицѣ единственно совершенною исключительностію своего положенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, и самое заглавіе книги это доказываетъ, что она написана не для врачей; порывшись въ ней, на что насъ обязывало къ несчастію званіе рецензента, мы убѣдились, что она не содержитъ въ себѣ удовлетворительныхъ медицинскихъ указаній, которыя сдѣлали бы излишнимъ вмѣшательство медика; вездѣ только и рѣчи, что о воздержаніи, употребленіи холода и необходимости обратиться къ врачу въ случаѣ надобности. Совѣты очень напыные, но, по крайней мѣрѣ, безвредные. Къ несчастію, нельзя сказать того же о видимомъ спекулативномъ направленіи изданія. За исключеніемъ послѣднихъ восьмидесяти восьми страницъ, на которыхъ излагаются краткія фзіологическія свѣдѣнія самымъ сухимъ и грубымъ схоластическимъ языкомъ и безъ всякаго практическаго примѣненія къ домашней гигиенѣ, — большая половина книги, страницы 68—170, посвящена изложенію вредныхъ послѣдствій того неестественнаго удовлетворенія производительнымъ побужденіямъ организма, которое такъ часто прокрадывается въ учебныя заведенія, не смотря на всю кажущуюся строгость надзора со стороны фаланги гувернеровъ, надзирательей и дядекъ. Но въ этой части книги нѣтъ ничего новаго, ни въ описательномъ родѣ, ни въ дидактическомъ; чистѣйшій Тиссо въ новой оберткѣ. А между тѣмъ, заглавіе книги налагаетъ на совершенно иное назначеніе ея; и тутъ уже спекуляція становится самою грязною. Есть ли возможность предположить, что

жертводатели Гименея, при всей своей неопытности относительно спальной физиологии, не попадутъ, безъ вмѣшательства нѣмецкаго доктора, на мысль обратиться, когда встрѣтится надобность, къ совѣтамъ послушницъ или жрецовъ Эскулапа? Допустить такое предположеніе значило бы предположить въ восторженной четѣ уже идіотическое состояніе ума, при которомъ и самая книга доктора была бы недоступна уразумѣнію. Предполагаемое авторомъ, и весьма справедливо, цѣломудренное замѣшательство брачной четы въ нѣкоторыхъ казусныхъ случаяхъ, нисколько не устраняется дидактическимъ отдѣломъ его книги, котораго главный *refrain* — обратитесь къ доктору. Къ чему послѣ этого всѣ эти грязныя анатомическія подробности? Онѣ могутъ быть полезны только въ такомъ случаѣ, если изучать ихъ; но помѣститъ ихъ съ этою цѣлію значитъ вызывать молодую чету на такое употребленіе ея близкихъ взаимныхъ соотношеній, которое отняло бы у брачныхъ мистерій цѣломудренность, возводящую эти соотношенія на степень великаго таинства природы. А тамъ, гдѣ дѣло касается порока, къ чему, клеймя его, излагать и соблазнительную процедуру его, изображеніе которой можетъ завлечь въ преступленіе прежде, нежели убѣжденіе въ печальныхъ послѣдствіяхъ неосторожнаго шага удержитъ отъ послѣдняго. Наконецъ, чѣмъ оправдаетъ авторъ или издатель подробное изложеніе содержанія книги на заглавномъ листѣ ея? Неужели тотъ или другой изъ этихъ господъ рѣшительный неочитъ въ дѣлахъ житейскихъ, и не понимаетъ, что при такомъ заглавіи, сопровождаемомъ такимъ лирическимъ вдохновеннымъ объявленіемъ, какое мы встрѣтили въ № 213 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, книга попадетъ именно въ руки тѣхъ, которые въ ней не нуждаются, и которыхъ разгоряченное и развращенное воображеніе, гуляя по восточнымъ гаремамъ, ожидаетъ найдти себѣ новую пищу въ предполагаемомъ, по заглавію книги, подробномъ изложеніи того, что скрываютъ за собою занавѣски алькова. Не правда ли, читатель, что все это очень грязно? Такъ и видится въ какомъ-нибудь грязномъ переулкѣ грязный домъ, а на немъ свернувшаяся на сторону грязная желтая вывѣска съ надписью: «*Входъ въ заведеніе*».

Картинны послѣдствій разврата или разрушительное влияние природы на людей, предающихся любострастію. Настольная книга для врачей и воспитателей, содержащая въ себѣ: анатомію и физиологію половыхъ органовъ, описаніе муж-

скаго безсилія и женскаго бесплодія, поллюцій или ночных истеченій сѣмени, слабости сѣменниковъ, гонорреи, венерической болѣзни и тайныхъ причинъ *оманизма* (рукоблудія) въ дѣтскомъ возрастѣ, съ показаніемъ способовъ лѣченія этихъ болѣзней и отвращенія слѣдствій злоупотребленія ртурія. Сочиненіе доктора *Ламерта*. Переводъ съ пятьдесятъ третьяго оригинальнаго изданія съ XII картинами. Москва. 1859. in-8°. Стр. 272.

Еще московская сѣрая спекуляція, расчитывающая на легковѣріе и на развращенное воображеніе; еще обманъ, и самый безсовѣстный; еще вывѣска, но вывѣска, которая грязнѣе предъидущей. Распространяться далѣе о такомъ грязномъ произведеніи Первопрестольной было бы неприлично, непристойно, если бы мы не имѣли въ виду обратить вниманіе тѣхъ, до которыхъ дѣло касается, на то, что появленіе такой книги незаконно по нашему миѣнію; незаконно, потому что книга явно безнравственна. Вотъ причина, которою можно, какъ кажется, извинить нагѣреніе наше, занять на нѣсколько минутъ вниманіе читателей этою рецензіею.

Правы мы или нѣтъ, утверждая, что книга безнравственна, этотъ вопросъ разрѣшить не трудно, какъ скоро будетъ предварительно разрѣшенъ другой вопросъ: дѣйствительно ли эта книга назначена для врачей, какъ показываетъ заглавіе ея, или нѣтъ? Изъ шести главъ, на которыя раздѣлено сочиненіе *Ламерта*, три — первая, пятая и шестая, повидимому медицинскаго содержанія, но по изложенію предмета онѣ очевидно назначены для людей, незнакомыхъ съ медициною. Вторая глава, заключающая въ себѣ анатомію и физиологію органовъ размноженія, рассматриваетъ этотъ предметъ такъ поверхностно, что нельзя допустить тутъ и малѣйшихъ притязаній на вниманіе со стороны врачей, и статья безъ всякаго сомнѣнія назначена для неслѣдующихъ въ медицинѣ: съ какою цѣлью, это другой вопросъ. Въ пятой главѣ, о различныхъ болѣзняхъ мочевыхъ органовъ, авторъ, не сообщивши способовъ лѣченія бѣгло перечисленныхъ имъ болѣзней, говоритъ, страница 246: *«Пусть тѣ изъ моихъ читателей, которые не знаютъ медицины, не воображаютъ, что это описаніе гонорреи и ея послѣдствій помѣщено съ тою цѣлью, чтобъ сдѣлать для нихъ доступною методу лѣченія. Пусть при первыхъ признакахъ болѣзни обращаются они къ медику....»* Далѣе, на той же страницѣ, сказано: *«вмѣсто того, чтобъ почерпать соловы въ книгахъ, мочу щипать только сбить съ толку незнающаго анатоміи, онъ долженъ*

обращаться къ медику, въ особенности къ такому, который специально занимается изученіемъ болѣзней половыхъ органовъ». Въ шестой главѣ, содержащей столь же поверхностное описаніе нѣкоторыхъ болѣзней половой системы, авторъ говоритъ, страница 271: «такъ какъ слѣдствія этой болѣзни очень тяжелы, то мы рекомендуемъ прибѣгать немедленно къ совѣтамъ искуснаго врача; тогда больной избежитъ самъ жестокихъ страданій и спасетъ отъ заразной болѣзни своихъ дѣтей». Всего этого кажется достаточно для подтвержденія нашего мнѣнія, что собственно медицинскій отдѣлъ книги назначенъ вовсе не для врачей, а для людей, незнакомыхъ съ медициною, для тѣхъ, которые на заглавномъ листѣ книги названы воспитателями. Иначе и быть не можетъ. Для кого, если не для нихъ, могутъ быть назначены другія три главы, говорящія объ онанизмѣ и гибельныхъ послѣдствіяхъ его, три главы, къ которымъ прочія три даны, очевидно, въ придачу. Но и въ этихъ трехъ главахъ — первой, третьей и четвертой, обманъ, чистѣйшій обманъ ожидаетъ читателя. Говоря объ ужасныхъ послѣдствіяхъ онанизма, авторъ не упоминаетъ главнаго, не говоритъ о причинахъ, подающихъ поводъ къ этому пороку и поддерживающихъ его; не говоритъ объ относительной пользѣ тѣхъ средствъ къ прекращенію зла, которыя находятся въ распоряженіи воспитателей. Тогда какъ именно эти вопросы должны бы, кажется, составлять главную, основную тему статьи, посвященной такому грустному предмету. Въ этомъ отношеніи гениальный авторъ только что разсмотрѣнной нами книги, докторъ Вейсъ, далеко оставляетъ за собою Ламерта.

Итакъ, книга назначена не для врачей, но для воспитателей, которые точно также, какъ и врачи, увидятъ себя обманутыми, не нашедши въ книгѣ необходимаго для нихъ, и ни въ какомъ случаѣ не останутся благодарны за медицинскій хламъ, набросанный авторомъ въ трехъ главахъ. Но какъ бы то ни было, все, что мы до-сихъ-поръ сказали, доказываетъ только одно, — что издатель книги имѣлъ въ виду — обмануть публику. Обманъ, самъ по себѣ составляющій уже важное нарушеніе нравственнаго закона, становится преступленіемъ, когда дѣло касается науки и народной нравственности. Однакожъ, какъ ни позорна улика въ обманѣ, ея недостаточно, чтобы назвать самую книгу безнравственною. Книга безнравственна по заглавію своему. Къ чему это подробное перечисленіе того, что способиѣ всего возбудить праздное любопытство, развращенное воображеніе? Если бы въ

заглавіи была обозначена сущность содержанія книги, если бы въ заглавіи стояли, напримѣръ, только два слова, «*объ онаии*», то этого было бы достаточно, чтобы обратить на книгу вниманіе тѣхъ, которые по званію своему, или по какимъ-нибудь инымъ причинамъ, заинтересованы этимъ предметомъ. При такомъ заглавіи не измѣнилось бы, конечно, содержаніе книги, обманъ остался бы обманомъ, но, по крайней мѣрѣ, издатель не подпалъ бы другому важнѣйшему обвиненію. Тогда какъ теперь нельзя иначе смотрѣть на заглавный листокъ изданной имъ книги, какъ на вывѣску разврата, а такія вывѣски не допускаются ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ. Если надпись «*литерный домъ*» и возбуждаетъ въ насъ непріятное чувство, рисуя воображенію нашему довольно безнравственныя сцены, то при всемъ томъ вывѣска сама по себѣ не безнравственна, потому что прикрываемыя ею картины порочнаго разгула преслѣдуются закономъ, и если существуютъ, то единственно по благодушію господъ блюстителей благочинія. Конечно, издатель книги можетъ сказать, что опущенныя красныя занавѣски или шторы въ двухъ, трехъ окнахъ, ярко освѣщенныхъ въ глухую ночную пору, составляютъ своего роду вывѣску разврата, не воспрещаемую закономъ. Къ сожалѣнію, это правда, но правда и то, что такая вывѣска понятна только дилетантамъ практической натуральной школы; тогда какъ заглавіе книги говоритъ во всеуслышаніе: «приходите, господа, посмотрите», и показываетъ читателю двѣнадцать картинъ, изъ которыхъ половина по содержанію своему рассчитана на глубокую безнравственность или праздное любопытство покупателя.

Книга безнравственна по приложеннымъ къ ней картинамъ. Положимъ, что изъ этихъ картинъ, приложенныхъ съ тою цѣлію, чтобы дать ясное понятіе объ анатоміи и физиологій мужскихъ половыхъ органовъ тѣмъ изъ читателей, которые не знаютъ медицины (страница 3), пятая, девятая, десятая, одиннадцатая и двѣнадцатая, изображающія человѣческія физиогноміи, испещренныя пятнами, то есть, сыпью, могутъ имѣть цѣлію возбудить отвращеніе къ порочной страсти, влекущей за собою подобное безобразіе. Положимъ, что первая картина, вторая и шестая, изображающія въ разрѣзѣ внутреннее строеніе мочевого и половыхъ органовъ, не могутъ принести вреда, хотя онѣ и бесполезны, сообщая наглядное понятіе о предметахъ, не имѣющихъ прямой связи съ тѣми свѣдѣніями, которыя необходимы господамъ воспитателямъ юношества. Эти картины по крайней

мѣрѣ безвредны относительно нравственности, потому что едва ли самое пылкое воображеніе въ состояніи поэтизировать анатомическія подробности внутренняго строенія тѣла. Остаются еще четыре картины, которыхъ помѣщеніе въ этой популярной книгѣ, назначенной для практическаго употребленія (страница 57), не оправдывается ни назначеніемъ ея, ни содержаніемъ. Эти картины изображаютъ цѣлую галлерсею различныхъ видовъ того символа плодородной силы природы, который въ древнія времена съ торжествомъ разносили при празднествахъ Діонисія. Въ тѣ времена человекъ, не посвященный еще научнымъ путемъ въ таинства природы, стоялъ къ ней гораздо ближе; понималъ ее сердцемъ и весь преданный идеѣ, онъ не замѣчалъ странности или оригинальности матеріальной формы, подъ которою онъ олицетворялъ свою идею для лучшаго, ближайшаго ея уразумѣнія. Но времена измѣнились, и теперь эта портретная галлерсея Приапа была бы неумѣстна, какъ совершенно бесполезная, даже въ медицинской книгѣ, выказывая въ авторѣ особенную, уже предосудительную или педантическую страсть къ этому отдѣлу пластической природы. Не думаемъ, чтобы у издателя, если бы онъ рѣшился сказать слово въ свою защиту, достало духу утверждать, что эти картины, эти изображенія необходимы для господъ воспитателей, несвѣдущихъ въ медицину. Если можно допустить кое-какъ такое извиненіе относительно изображенія внутренняго анатомическаго строенія пластическаго символа умноженія, то нельзя сказать того же объ изображеніи наружныхъ подробностей, потому что самому наивному господину воспитателю достаточно было бы, для нагляднаго уразумѣнія текста, уединиться съ своимъ кабинетѣмъ и представиться самому себѣ *in naturalibus*.

Повторяемъ, помѣстить эти картины въ книгѣ, и притомъ популярной, значитъ расчитывать явно, гласно на безнравственность и *содѣйствовать* ей. Мы читали въ какой-то книгѣ, что законъ преслѣдуетъ распространеніе безнравственныхъ изображеній, и полагаемъ, что эта запретительная статья какъ нельзя болѣе приложима къ книгѣ Ламерта. Впрочемъ, очень можетъ быть, что мы ошибаемся, что мы не поняли смысла прочитанной нами статьи или не понимаемъ благодѣтельнаго назначенія картинъ; даже вѣроятно всего, что мы ошибаемся, потому что иначе эта книга не явилась бы въ Москвѣ на свѣтъ съ санктпетербургскою резолюціею на законное существованіе. Но не ошибаемся мы въ одномъ, именно въ томъ, что кромѣ узаконеннаго цензур-

нымъ комитетомъ числа экземпляровъ, эта книга разойдется въ незаконномъ числѣ экземпляровъ по всѣмъ ярмаркамъ Великой и Малой и Бѣлой Россіи. Это можно считать совершившимся фактомъ. Грустно и отвратительно.

О питательныхъ веществахъ и о важнѣйшихъ способахъ раціональнаго ихъ приготовленія, сбереженія и открытія въ нихъ примѣсей. Сочиненіе *Александра М. Наумова*. Съ 37 политипажами. Санктпетербургъ. 1859. in-8°. VII и 619 стр.

Заглавіе утверждаетъ, что въ книгѣ все раціонально, и потому странно было бы предполагать, чтобы предисловіе автора, дающее читателямъ общее понятіе о томъ, что содержится въ сочиненіи его, объ источникахъ, которыми онъ руководствовался, и о значеніи его ученаго произведенія въ отечественной литературѣ, странно было бы предполагать, чтобы это предисловіе было не раціонально. Къ несчастію, это чудовищное повидимому предположеніе оказывается грустнымъ фактомъ.

«Избравъ пищу человѣка предметомъ настоящаго разсужденія, мы намѣрены представить здѣсь питательность важнѣйшихъ родовъ пищи, показать нѣкоторые способы раціональнаго ихъ приготовленія, затѣмъ объяснить, значеніе нѣкоторыхъ питательныхъ веществъ въ народномъ продовольствіи и описать нѣкоторые важнѣйшіе способы сбереженія пищи. Чтобы облегчить читателя, при чтеніи этого разсужденія, мы старались всѣ данныя, привести въ возможно строгую систему; избѣгали во многихъ мѣстахъ мелочныхъ подробностей и наконецъ, сочли нужнымъ представить въ краткихъ чертахъ, нѣкоторыя предварительныя понятія, которыя конечно не будутъ излишни для тѣхъ изъ читателей, которые не знакомы съ химическимъ составомъ тѣлъ.» Итакъ, судя по словамъ автора, сочиненіе его — трудъ капитальный, для совѣстливаго исполненія котораго необходимо предположить со стороны автора: основательныя, если не обширныя, свѣдѣнія по химіи, физиологіи и другимъ отраслямъ естествознанія; основательную и обширную начитанность по литературѣ излагаемаго имъ предмета; строгій выборъ между громаднымъ количествомъ научнаго матеріала, основанный на глубокомъ знаніи предмета и ясномъ сознаніи предположенной цѣли изданія; строгое распределеніе избранныхъ фактовъ въ систематическомъ порядкѣ съ примѣненіемъ

предмета къ индивидуальностямъ русской жизни, русскаго быта, и къ степени образованія предполагаемыхъ читателей сочиненія. Всѣ эти требованія какъ нельзя болѣе раціональны, но не раціонально со стороны г. Наумова приводитъ въ собственномъ своемъ предисловіи доказательству тому, что большая часть исчисленныхъ нами предположеній совершенно неосновательна. Доказывать собственное свое незнаніе, свою несостоятельность (incompetance) относительно излагаемаго имъ предмета, значить налагать на самого себя руки, и составляетъ что-то въ родѣ самоубійства.

Сказавши, что *человѣчскій организмъ составляетъ собою матерію*, т. е., что матерія состоитъ изъ человѣческаго организма, и обогативши такимъ образомъ, или, сказать вѣрнѣе, ошеломивши за одинъ разъ и физику и химию и физиологію такимъ великолѣпнымъ открытіемъ, авторъ говоритъ, что разсматривая внимательно физическую дѣятельность живаго организма, мы замѣчаемъ, что организмъ, получивъ извнѣ матерію, видоизмѣняетъ ее, усволяетъ себѣ извѣстныя части ея, и что такого рода дѣятельность его называется *питаніемъ*. Итакъ, по словамъ автора, *питаніе* — явленіе *физической дѣятельности* организма. *«Эта дѣятельность составляетъ достояніе всѣхъ организованныхъ существъ, которою они и отличаются отъ такъ называемыхъ веществъ неорганическихъ»*. Автору показалось пошлымъ дѣлать тѣла природы на организованныя, органическія и неорганическія; взобравшись, какъ сочинитель, на высшую точку зрѣнія, онъ говоритъ намъ о *существахъ организованныхъ*, допуская, *eo ipso*, категорію *существъ неорганизованныхъ*, къ которымъ приходится, разумѣется, отнести всѣ неорганическія и органическія вещества, такъ какъ въ руководствѣ его не можетъ быть рѣчи о безплотныхъ, неорганизованныхъ существахъ, — духахъ и привидѣніяхъ. Съ этой точки зрѣнія автора, и кусокъ мяса и полѣно и полоса желѣза — все это неорганизованныя *существа*, и не понимаетъ онъ, повидимому, что, говоря объ организованныхъ существахъ, ему придется говорить о бѣлой бѣлизнѣ, о черной чернотѣ. — «Упомянутыя видоизмѣненія матеріи», продолжаетъ г. Наумовъ, «носятъ на себѣ характеръ химическихъ явленій, и по этому-то тѣло человѣка, также какъ и тѣло всякаго другаго организованнаго существа, можно разсматривать какъ химическую *лабораторію*, въ которой приготовляются, какъ составныя части организма, такъ и вещества для выдѣленій.»

И такъ, по словамъ автора, питаніе — явленіе *химической дѣятельности* организма. «Человѣческое тѣло», говоритъ наконецъ, г. Наумовъ, «какъ химическая *лабораторія*, должно быть наполнено (?) сообразно съ цѣлю его и снабжено запасомъ, необходимымъ для потребленія; или иначе пища, предлагаемая нашему тѣлу, должна заключать въ себѣ извѣстные условія, необходимые для органической его дѣятельности. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что питаніе есть явленіе *органической дѣятельности* человѣческаго тѣла? Авторъ попалъ, какъ видно, на распутье; и тутъ и тамъ мелькаетъ вдали передъ его глазами истина, но не знаетъ онъ по которой тропинкѣ пуститься ему, чтобы выйти на чистую, торную дорогу.

Мы считаемъ не рациональнымъ со стороны автора опровергать предположеніе наше относительно обширности начитанности его. Онъ говоритъ (стр. V), что при *составленіи этого сочиненія*, онъ пользовался, какъ пособіемъ, весьма многими *иностранными* и отечественными трудами; но изъ приложеннаго имъ списка главнѣйшихъ источниковъ видно, что иностранная литература его ограничивается единственно *французскою*. Мы не имѣемъ права осуждать въ авторѣ незнанія другихъ языковъ, но въ правѣ сѣтовать, что не обладая большими средствами онъ замечталъ подарить отечественную литературу капиталнымъ, замѣчательнымъ *составленнымъ сочиненіемъ*. Parturient montes.....

«Заключимъ наше предисловіе», говоритъ довольно не рационально г. Наумовъ, «слѣдующимъ замѣчаніемъ: до сихъ поръ, въ русской литературѣ, не было ни одного сочиненія о питательныхъ веществахъ, напечатаннаго отдѣльною книгою и въ такой формѣ, какую мы придали нашему труду. Отчасти это обстоятельство, а отчасти и польза распространенія свѣдѣній о питательныхъ веществахъ, побудили насъ написать предлагаемый трактатъ (!)». Замѣчаніе г. Наумова не рационально по двумъ причинамъ; во первыхъ, приводимое авторомъ обстоятельство могло бы извинить или объяснить появленіе его книги и придать ей цѣну въ такомъ только случаѣ, если бы сочиненіе отличалось какими-нибудь внутренними достоинствами; во вторыхъ, замѣчаніе автора совершенно ложно, потому что въ 1846 году была издана небольшая книжка: «*О полезныхъ и вредныхъ свойствахъ пищи и напитковъ*. Соч. Д.—ра Гайна», и если бы г. Наумову угодно было, то онъ могъ бы легко убѣдиться,

что его *трактатъ*, по исключеніи изъ него всѣхъ излишнихъ и непонятныхъ подробностей, не далеко ушелъ отъ цитированной нами книжки. — «За исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, почти цѣликомъ заимствованныхъ изъ различныхъ сочиненій, и вообще фактовъ, составляющихъ трудъ вѣковъ», — вона, вона, вона, куда пошло! слышится намъ голосъ Христофора Петровича Бурдюкова, — «все остальное, т. е., выборъ самыхъ фактовъ, способъ ихъ изложенія, объясненія и критика», — замѣчайте! замѣчайте! — «принадлежать намъ» — А? слышите ли вы это? — «и обработаны самостоятельно», — вона! замѣчайте! вонъ тутъ настоящій типунъ! — «въ чемъ конечно каждый, знакомый съ трактуемымъ нами предметомъ, можетъ удостовѣриться».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякому, сколько нибудь знакомому съ предметомъ, не трудно будетъ указать, въ какихъ именно мѣстахъ объясненія, изложеніе и то, что авторъ называетъ критикою, принадлежать г. Наумову. Эти мѣста слишкомъ рельефны, слишкомъ оригинальны чтобы допустить ошибку; и потому мы считаемъ не рациональнымъ со стороны г. Наумова вызывать знатоковъ дѣла на анализъ сочиненія и оцѣнку ученой самостоятельности автора.

Предисловіе рѣшительно не въ пользу рациональности книги и автора; однакожь, мы не позволимъ себѣ судить о г. Наумовѣ только по платью, и потому обратимся къ самому *трактату* его. Мы надѣемся доказать, что авторъ написалъ свое сочиненіе безъ всякой системы, принимая это слово въ научномъ его значеніи, а не въ смыслѣ дѣленія книги на отдѣлы; что онъ бралъ матеріалы гдѣ ни попало и какъ ни попало, не подвергая ихъ строгой научной критикѣ, пускаясь въ подробности, частію излишнія, частію смѣшныя, и разнообразя всю эту компиляцію *сочиненными* имъ *открытіями* по разнымъ отраслямъ естествознанія. — Начнемъ съ *предварительныхъ понятій*, которыми авторъ угощаетъ читателей, незнакомыхъ съ химическимъ составомъ тѣла, и потому безъ сомнѣнія незнакомыхъ и съ физиологіею. Читатель конечно ожидаетъ, что авторъ, давши общее понятіе о простыхъ и сложныхъ тѣлахъ, сообщитъ въ систематическомъ порядкѣ характеристику главныхъ, ближайшихъ составныхъ частей органическихъ тѣлъ, и потомъ изложитъ, хотя вкратцѣ, процессъ пищеваренія, опишетъ переходъ видоизмѣненіемъ, дѣятельностію желудка и кишекъ, пищи въ кровь, окисленіе ея потомъ кислородомъ воздуха при посредствѣ легкихъ,

и обращеніе ея, наконецъ, въ составныя части самаго организма. Послѣ такого вступленія читателю сдѣлалось бы очень понятно дѣленіе питательныхъ веществъ, съ точки зрѣнія Либиха, на вещества дыхательныя и пластическія, дѣленіе, основанное на различномъ, по виду и степени, соучастіи этихъ веществъ въ питаніи организма. Само собою разумѣется, что такое введеніе, ознакомивши читателя съ тѣми основаніями, изъ которыхъ выводится характеристика и значеніе питательныхъ веществъ, сдѣлало бы сочиненіе г. Наумова общедоступнымъ для весьма значительнаго круга читателей. Но авторъ иначе понялъ свое дѣло, и желая сдѣлать свой трактатъ общепонятнымъ, посвящаетъ этой важной цѣли цѣлыхъ девять страницъ разгонистой печати, ограничиваясь единственнымъ почти перечисленіемъ главныхъ составныхъ частей организма. Читатели, прочтавшіе эти девять страницъ, останутся при тѣхъ же свѣдѣніяхъ, при которыхъ они взялись за книгу, и не поймутъ разсѣянныхъ по ней техническихъ словъ и терминовъ, не смотря на старанія автора привлечь вниманіе читателя и расширить сферу его понятій замѣчаніями въ родѣ того, что стебли и листья нѣкоторыхъ растений, напримѣръ полыни, горьки по причинѣ находящагося въ нихъ горькаго вещества; что сокъ нѣкоторыхъ плодовъ представляется на вкусъ кислымъ, потому что содержитъ въ себѣ различныя кислоты и соли; что ягоды винограда, морковь весьма сладки отъ содержащагося въ нихъ сахара (стр. 5). На этихъ девяти страницахъ авторъ говоритъ о клеѣ, вывариваемомъ изъ костей и хрящей, называетъ его глютенемъ и хондриномъ, но забываетъ, — какъ тутъ, такъ и далѣе въ спеціальной статьѣ объ этомъ предметѣ, — обмозвиться по-русски и произнести слово студенина.

Тутъ-же, наконецъ, все на этихъ же девяти страницахъ, г. Наумовъ открываетъ *мясные мускулы!* — Правда, что авторъ помѣстилъ подъ конецъ своей книги «общія замѣчанія о правильномъ питаніи человѣческаго организма (стр. 512—541)», но эти замѣчанія нисколько не поясняютъ дѣло и сообщенныхъ авторомъ предварительныхъ понятій, тѣмъ болѣе, что г. Наумовъ часто не въ ладу съ самимъ собою. Вотъ, напримѣръ, обращеніе его логики: сказавши, что жиръ и другія дыхательныя вещества *вовсе не служатъ къ строенію нашего тѣла*, онъ говоритъ, что *осъ* эти вещества, окислившись обращаются въ углекислоту и воду, и *кромъ того нѣкоторыя изъ нихъ, отлагаясь въ тѣлѣ*

слонянн служатъ къ образованію естественныхъ подушекъ. *Ergo*, жиръ, образуя эти естественныя подушки, участвуетъ въ стресснн тѣла и придаетъ его наружнымъ линіямъ именно ту изящную округлость, которою такъ восхищается ваятель Щербинны въ своей натурщицѣ. *Ergo*, повторяемъ, авторъ самъ себѣ противорѣчить. Большая часть этихъ *обиклы замѣчаній* состоитъ въ вычисленіяхъ, которыми г. Наумовъ въ состояніи совершенно оглушить читателя, незнакомаго съ тонкостями химической теоріи органическаго метаморфоза. Ученость автора показала бы неподготовленному читателю изумительною, еслибы килограммы, граммы и центиграммы, которыми пересыпаны цифры, не доказывали, что если *самостоятельная* ученость автора и скрывается гдѣ-нибудь, то по крайней мѣрѣ не въ этой статьѣ, вовсе не говорящей въ пользу рациональныхъ понятій сочинителя о ясности изложеніи начальныхъ основаній физиологін, относящихся къ предмету его книги. — Намъ, можетъ быть, замѣтять, что мы до сихъ поръ основывали сужденіе наше о книгѣ на разборѣ предисловія и введенія, и что, можетъ быть, самое сочиненіе выкупааетъ первыя промахи автора. Мы находимъ это замѣчаніе справедливымъ и обращаемся къ первой статьѣ трактата — «о молокѣ».

Одно изъ двухъ: или эта статья, какъ серьезный ученый трактатъ о молокѣ, разсматриваетъ этотъ предметъ народнаго продовольствія съ научной точки зрѣнія, или она написана съ тою цѣлію, чтобы популяризировать здравыя понятія объ этомъ предметѣ между любознательными людьми средняго образованія. Но съ какой бы точки зрѣнія ни приготовился читатель смотрѣть на статью, онъ ошибется въ своихъ ожиданіяхъ. Онъ найдетъ тутъ множество самыхъ вычурныхъ и смѣшныхъ подробностей, узнаетъ, что въ молокѣ есть кислоты каприновая и капроновая, съ которыми даже иному химикъ никогда не случилось пить дѣла; читатель узнаетъ, что молоко образуется иногда въ сосцахъ самцовъ, хотя это случается весьма рѣдко; что оно портится вообще скорѣе лѣтомъ, нежели зимою. Авторъ говоритъ, что къ причинамъ измѣненія молока, въ чемъ можно убѣдиться чрезъ *ближайшій анализъ существа дѣла*, принадлежатъ *зловонныя газы*, которые растворяясь въ молокѣ сообщаютъ ему неприятный вкусъ и запахъ; что *пыль, попадая въ молочную жидкость (?) придаетъ ей весьма непривлекательный видъ*; что молоко употребляется или въ сыромъ или въ проквашенномъ ви-

дѣ. Мы увлечены искусствомъ автора перелывать изъ пустого въ порожнее и продолжаемъ со своей стороны. Да будетъ вамъ извѣстно, читатели, что молоко употребляется иногда парнымъ, что одни покупаютъ его съ устоемъ, а другіе безъ устоя; что къ причинамъ измѣненія молока слѣдуетъ отнести мухъ и таракановъ, залетающихъ и заползающихъ въ худо покрытые горшки съ *молочною жидкостью* г. Наумова; что одною изъ самыхъ частыхъ причинъ окисанія молока въ домашнемъ быту бываетъ нерадѣніе кухарокъ, отправляющихся въ попыхахъ по утрамъ на рынокъ за бутылкою молока, не выполоскавши посуды и не удостоверившись, что она не отзывается квасомъ, которымъ была налита наканунѣ. Что вы скажете на это, г. Наумовъ? Признаться, такъ намъ очень жаль, что мы не предупредили васъ и не предложили, прежде вашего, нашихъ услугъ гг. компаніонамъ-издателямъ; мы убѣждены, что въ теченіи какихъ-нибудь шести недѣль мы настроили бы имъ трактатъ, не чета вашему, не въ 619 страницъ, а въ 1238, и оставили бы васъ на бобахъ. Но нѣтъ, нѣтъ!

О честолюбіе, оставь меня въ покоѣ —

Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣля ты пустое *)

Нѣтъ, мы принуждены смиренно признаться, что вовсе не способны на такое великолѣпное фитохимическое открытіе, какимъ г. Наумовъ увѣковѣчилъ двадцать шестую страницу своего трактата, утверждая, что *морковь, брюква, свекловица и т. п., картофель и другія растенія богаты содержаніемъ крахмала и жира!* — «Присутствіе щелочей», говоритъ авторъ (стр. 13), «какъ-то: кали, натра и прочее, въ жидкостяхъ узнается посредствомъ обмакиванія въ нихъ, такъ называемой *пробирной бумаги*, получаемой погруженіемъ лакмусовой бумаги въ слабый растворъ какой-либо кислоты и высушиваніемъ ея, которая, при этомъ, принимаетъ синій цвѣтъ.» Не ясно ли, что лакмусовая бумага, по словамъ автора, отъ погруженія въ кислоту принимаетъ *синій цвѣтъ*. Изъ дальнѣйшихъ словъ автора приходится заключить, что неклеенная бумага, погруженная въ растворъ лакмуса, принимаетъ *красный цвѣтъ*. Авторъ рѣшительно не упоминаетъ въ открытіяхъ и погоняетъ одно открытіе другимъ.

*) Воздушные замки, комедія Н. И. Худяковскаго.

Гдѣ же та строгая критическая разборчивость, которою такъ хвалился г. Наумовъ? Пускаясь въ мелочи, онъ упустилъ изъ вида многія важныя обстоятельства, дѣйствительно общепользныя. Описывая химическія и физическія свойства различныхъ видовъ молока, и находя нужнымъ коснуться состава женскаго, онъ не упоминаетъ признаковъ, по которымъ можно было бы, хотя приблизительно, узнать доброту молока кормилицы; почему не разобралъ онъ критически различные способы, предложенные къ распознаванію хорошей дойной коровы? Почему не указалъ онъ различные и лучшіе способы приготовленія закваски для сыра; почему не вывелъ средняго количества молока, получаемаго при извѣстныхъ условіяхъ съ коровы, и не показалъ отношенія между стоимостью этого продукта и содержаніемъ животнаго. — Аналитическія таблицы, числомъ семьдесятъ двѣ, занимая пропасть мѣста, болѣе печатнаго листа, ни къ чему не служатъ, потому что или читатель довѣряетъ выводимымъ изъ нихъ, авторомъ, результатамъ, и въ такомъ случаѣ онѣ излишни; или читатель, не полагаясь на автора и таблицы, принужденъ повѣрять ихъ на дѣлѣ, и онѣ бесполезны. Цитаты, имена ученыхъ, которыми усѣяна вся книга (приложенный къ ней списокъ содержитъ въ себѣ сто пятьдесятъ именъ), имѣютъ мало значенія, потому что по ограниченности источниковъ, указанныхъ авторомъ, надобно заключить, что большую часть этихъ цитатъ г. Наумовъ заимствовалъ не изъ первыхъ рукъ, но взялъ ихъ готовыми, полагаясь на добросовѣстность третьяго лица. Мишурная ученость автора рѣшительно нестерпима. Коровье масло, говоритъ онъ, содержитъ въ себѣ слѣдующія жирныя вещества: олеинъ, стеаринъ, пальмитинъ, бутанинъ, бутиринъ, капринъ, капроинъ, каприлинъ и миристинъ. Къ чему эта ученость въ нападку, эти термины, съ которыми авторъ не въ состояніи связать ни малѣйшаго практическаго вывода? А открытія, сдѣланныя авторомъ!

Кровь — *резервуаръ*, въ которомъ обращаются растворимыя части тѣла (стр. 118); въ южной части Польши ѣдятъ мясо дикихъ лошадей, которыхъ убиваютъ на охотѣ (стр. 105); чтобы получить *затвердѣлыя сливки*, ставятъ только заключить сливки въ полотняныя мѣшки и зарыть послѣдніе, т. е., мѣшки, на пятьдесятъ сантиметровъ глубины. По прошествіи двадцати пяти дней отвердѣвшія сливки вынимаются... (стр. 153). Масло *плавится*, по автору, но мы этому не вѣримъ, при 36° Ц. (стр. 157):

кумысь заквапивается иногда поваренною солью (стр. 446). Къ второстепеннымъ мѣрамъ, ограничивающимъ пьянство, принадлежить п слѣдующая: *допущеніе устройства кабаковъ съ цѣлюю продать въ нихъ вина...* (стр. 499).

И довольно. Изъ того, что мы сказали видно, что книга г. Наумова не можетъ имѣть ни малѣйшихъ притязаній на названіе и значеніе ученаго *трактата*; что она не можетъ служить учебнымъ руководствомъ. Встрѣчающіяся урывками судорожныя попытки популярничать по ученому отдѣлу книги обличаютъ, — въ авторѣ и гг. компаніонахъ-издателяхъ, приобрѣтшихъ это *небывалое*, по мнѣнію автора, — сочиненіе, желаніе представить публикѣ общедоступное, общепонятное изложеніе одной изъ важнѣйшихъ отраслей народной діететики; но книга не выполняетъ ни одного изъ условій, существенно необходимыхъ во всякомъ популярномъ сочиненіи. Это обстоятельство, при отсутствіи всякой системы, при отсутствіи всякой критики въ выборѣ фактовъ, низводитъ книгу на степень жалкой компиляціи и, слѣдовательно, спекуляціи. А спекуляція г. Наумова тѣмъ замѣчательнѣе, что она предполагаетъ со стороны читателей самое безграничное добродушіе и терпѣніе, какъ видно изъ послѣднихъ строчекъ предисловія автора: *«не можемъ не упомянуть здѣсь о томъ, говоритъ онъ, что послѣдностью, съ которою печаталось это сочиненіе, была причиною большого списка опечатокъ, который встрѣтитъ читатель при концѣ нашей книги; надѣемся, что важнѣйшія опечатки замѣчены и исправлены.* (стр. vii).» Не вѣрится глазамъ, читая это заключеніе, и видя до какой степени доходитъ безцеремонное обхожденіе господъ сочинителей съ публикою. Да кто-же просилъ васъ, г. Наумовъ, торопиться печатаніемъ вашей книги? Неужели нетерпѣніе русской публики увидѣтъ ваше произведеніе напечатаннымъ было такъ велико, что всякое замедленіе съ вашей стороны угрожало какою-нибудь катастрофою? Или этимъ невниманіемъ публики обязана торопливости гг. компаніоновъ-издателей? Или, наконецъ, вы сами боялись не дожить до великаго событія увидѣтъ себя въ печати? Но если бы оно не совершилось, это великое событіе, то мы получили бы, не сегодня, такъ завтра, переводъ какого-нибудь дѣльнаго сочиненія и, разумѣется, были бы не въ проигрышѣ. Напрасно же вы торопились, г. Наумовъ, и забыли драгоценное правило Горация: . . . *Non sumque prematur in aulam* (*Epist. ad Pisones. 388*). Не даются компаніонамъ-издателямъ популярныя книги!

Питательныя вещества и напитки. Лекціи изъ *тѣны и діатетики*. Доктора А. А. Соколовскаго, ординарнаго профессора врачебнаго вѣществословія при императорскомъ казанскомъ университетѣ. Казань. 1859. in-8°. Стр. 215.

Эта книга, перепечатанная изъ одиннадцатой книжки Ученыхъ Записокъ за 1859 годъ, приводитъ насъ въ нѣкоторое недоумѣніе и большое замѣшательство. Не смотря на положительность факта, заявляемаго заглавіемъ, намъ какъ-то не вѣрится, что мы имѣемъ передъ собою лекціи г-на профессора въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ живую рѣчью раздавались съ кафедръ, очищенныхъ, можетъ быть, только относительно нѣкоторыхъ неправильностей въ слоги, позволительныхъ въ разговорномъ языкѣ, но преслѣдуемыхъ печатью. Сжатость, краткость при обилии матеріаловъ, правильная соразмѣрность между данными болѣе важными, и потому изложенными болѣе подробно, и мелочными фактами, упомянутыми только слегка, и, ко всему этому, отсутствіе именно той живости, той теплоты изложенія, которая, привлекая вниманіе слушателей къ кафедрѣ, составляетъ какъ бы душу чтеній, — всѣ эти характеристическія черты сочиненія г-на Соколовскаго даютъ намъ право смотрѣть на книгу его, какъ на хорошо составленный профессорской конспектъ. И вотъ, именно обстоятельство, которое привело насъ въ замѣшательство. Какъ сказать г-ну профессору, что мы надѣялись заочно познакомиться съ нимъ, прочитавши его лекціи, которыя, будь онѣ тѣмъ, чѣмъ бы онѣ должны быть, олицетворили бы предъ нами личность г-на Соколовскаго, — и что мы обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ, убѣдившись на дѣлѣ, что заглавіе книги обѣщаетъ то, чему не соотвѣтствуетъ содержаніе ея. Изъ этого, однакожь, нисколько не слѣдуетъ, чтобы книга не имѣла своихъ достоинствъ. Она будетъ полезна, хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ожидали, полагаясь на заглавіе; она облегчитъ студентамъ, бющимъ въ эминенты, составленіе записокъ со словъ профессора; а тѣмъ, которые не въ состояніи приобрѣсти себѣ или составить такія записки, или которые думаютъ только о томъ, чтобы сдать какъ бы то ни было экзаменъ, лишь бы не провалиться, — этимъ господамъ книга можетъ замѣнить самыя записки. Заслуга не маловажная, понятная только тѣмъ, которые сами испытали, какъ трудно составлять хорошія записки со словъ профессора, и въ какомъ находишься затрудненіи передъ экзаменомъ, не имѣя подъ рукою спасительныхъ тетрадокъ. Мы увѣрены, что

гг. студенты останутся благодарны г-ну профессору за напечатанный конспект преподаваемого имъ предмета.

Наука о сохраненіи и продолженіи здравія и жизни. Сочиненіе *Вильдберга*. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1859. in-8°. Часть первая: III и 301 стр. Часть вторая: 214 стр.

Случилось молодому пустынноику, говоритъ легенда, услышать пѣніе райской птицы и онъ заснулъ подъ ея чудные перелвы; спалъ онъ казалось, не долго, но когда онъ проснулся, онъ увидѣлъ себя дряхлымъ старцемъ. Мы не знаемъ, какія райскія птицы навѣяли сонъ на издателя этой книги, но дѣло въ томъ, что этотъ господинъ, проснувшись въ одно прекрасное утро нынѣшняго года, вообразилъ себѣ, что онъ еще въ 1833 году, и не замѣтивъ своей ошибки вздумалъ сдѣлать сюрпризъ русской публикѣ перепечаткою новой, по его мнѣнію, книги, переведенной въ 1833 году съ изданія 1827 года. Не мудрено послѣ этого, что въ этой книгѣ все звучитъ и представляется какъ-то дико. *«Кто хочетъ произвести благодѣтельное вліяніе воздуха на свое здоровье, гласитъ § 85 первой части, тотъ ни въ одно время года не долженъ бояться воздуха умѣренно колеблемаго, но съ осторожностію долженъ подвергаться сильно волнующемуся воздуху; а особливо не скоро и напротивъ вѣтра, еще менѣе бѣжать; колыми же паче при умѣренной ходьбѣ противъ сильнаго вѣтра по временамъ останавливаться и переводить дыханіе»*. Мы беремъ, на выдержку, § 617 второй части и читаемъ: *«Положеніе на спинѣ легко причиняетъ храпѣніе, сновидѣнія и при томъ ленитъ отъ полнокровія и когда ноги разведены, и отъ того многія мускулы находятся въ дѣятельности. Слогъ, какъ видитъ читатель, дикій и древній; но при всемъ томъ мы совѣтовали бы г. Наумову заглянуть въ эту гигиену или гигиастыку, какъ называютъ ее авторъ и переводчикъ, прочесть въ ней стр. 68—274, и убѣдиться, что книга, писанная за 32 года и переведенная за 26 лѣтъ, содержитъ въ себѣ гораздо болѣе полезныхъ и практическихъ свѣдѣній о питательныхъ веществахъ, нежели небывалое его сочиненіе. Самое изложеніе предмета, не смотря на сіи и оныя, разящіе слухъ и зрѣніе въ книгѣ Вильдберга, гораздо толковитѣе текста г. Наумова. Единственное преимущество, которое мы признаемъ за послѣднимъ, относится къ слогу, но и это достоинство едва ли можно вѣнчать въ заслугу г-ну Наумову, потому что слогъ отчасти дѣло времени»*.

НЕБЕСНЫЯ СВѢТЛА ИЛИ ПЛАНЕТНЫЯ И ЗВѢЗДНЫЯ МІРЫ. Популярное изложеніе великихъ открытій и теорій новейшей астрономіи. Сочиненіе О. М. Митчелла, директора цинцинатской обсерваторіи. Перевелъ съ англійскаго Андрей Минъ. Москва. 1859. in-8°. Стр. 428.

Если у васъ, читатель, теплая душа, незамкнутое горячее сердце, если у васъ въ виду какое-нибудь сѣшное дѣло, то берегитесь этой книги, потому что взявшись разъ за чтеніе ея вы оставите ее только тогда, когда дочитаете или когда почувствуете, что при всемъ желаніи вашемъ читать далѣе немощное тѣло ваше не въ состояніи вынести механической процедуры чтенія. Часы пройдутъ за часами, и вы не замѣтите теченія времени въ созерцаніи великолѣпной картины, раскрытой авторомъ предъ вашими глазами. Картина вдвойнѣ великолѣпная, рисующая и необъятность вселенной, подавляющую всякое воображеніе и величіе человѣческаго ума. Увлекаемый врожденнымъ ему стремленіемъ возвыситься, хотя бы мыслію, до источника всякой жизни, изслѣдованіемъ законовъ этой жизни даже въ громаднѣйшихъ, вселенныхъ формахъ ея проявленія, этотъ умъ вступилъ въ борьбу съ представлявшимися ему, новидному, неподолжными препятствіями, и поправъ, наконецъ, самую невозможность, падаетъ ницъ передъ Творцомъ въ сознаніи и своей ничтожности и своего величія.

«Начертить усилія человѣческаго ума въ этой долгой и упорной борьбѣ, изобразить его надежды и опасенія, говоритъ авторъ, представить долгіе годы его терпѣливыхъ наблюденій, минуты его отчаянія и часы его торжества, раскрыть средства, съ помощію коихъ было положено глубокое основаніе прочно выстроенной пирамидѣ наукъ, и прослѣдить, какъ она медленно изъ вѣка въ вѣкъ достигала своей стройной формы, и какъ вершиною коснулась неба, — вотъ задачи, которыя предстоятъ мнѣ къ разрѣшенію и на нихъ-то я обращаю теперь ваше неуклонное вниманіе. Задачи эти необычайно трудны. Тутъ ума нашего не очаровываетъ разгулъ фантазіи при содѣйствіи музыки, стиховъ, краснорѣчія и пластическихъ искусствъ. Правда, тутъ есть музыка, но она слышится въ глубокой и торжественной гармоніи сферъ. Есть и поэзія, но она читается въ свѣтлыхъ письменахъ, начертанныхъ на темномъ покровѣ ночи. Есть и зодчество, но въ колоссальномъ зданіи солнць и свѣтлзъ, звѣздныхъ группъ и вселенныхъ. Есть и краснорѣчіе, но оно безъ словъ, безъ

рѣчи, и голосъ его не слышенъ; а между тѣмъ насъ увлекаетъ неотразимое теченіе мощныхъ періодовъ вращающихся міровъ.»

Но не смотря на трудность задачъ, представляемыхъ уму строеніемъ и законами бытія вселенной, многія изъ нихъ уже разрѣшены, и авторъ, стараясь избѣгать всякой попытки на научныя доказательства, понятныя только специалистамъ, излагаетъ тѣ процессы и тотъ порядокъ мышленія, которыми были вызваны великія истины. Слѣдуя за авторомъ, невольно переносимся мыслію въ тѣ до-историческія времена, когда пытливые, великіе, но утраченные для исторіи человѣчества, умы открыли первые истины, послужившія основою современному состоянію науки. Переходя съ авторомъ отъ одного открытія къ другому, дивишься все постигающему, все разрѣшающему человѣческому уму, предъ которымъ, хотя и въ долгой шестидесяти лѣтней борьбѣ, теряютъ наконецъ свою силу и время и разстояніе. Сторожевыя башни науки покрываютъ теперь всю землю, и часовые бодрствуютъ на нихъ повсюду. Для нихъ никогда не закатывается ни звѣзда, ни звѣздная группа, ни созвѣздіе; ибо не успѣютъ они избѣгнуть анализирующихъ взоровъ одного астронома, какъ уже встрѣчены не менѣе проникательнымъ глазомъ другаго. Востокъ и западъ, сѣверъ и югъ гласятъ, со сторожевыхъ башенъ всѣхъ частей свѣта, одинъ торжественный призывъ — *впередъ!*

Сдѣлавши обзоръ всѣмъ вопросамъ, которые предлагаетъ ему торжественное величіе видимаго нами неба, авторъ замѣчаетъ, что исходною точкою всѣхъ астрономическихъ открытій служило разрѣшеніе задачи — отличить *дѣйствительное* движеніе предметовъ небеснаго свода, безъ исключенія подвижныхъ, отъ *недѣйствительнаго* и только *кажущагося*, — и представивъ въ связи всѣ прочіе вопросы, переходитъ, во второй лекціи, къ *открытіямъ первыхъ вѣковъ*. Ставши мысленно подлѣ первобытнаго наблюдателя, перенесенный въ допотопный міръ исторіи, въ среду халдейскихъ пастуховъ, этихъ первобытныхъ астрономовъ юной земли, читатель видитъ въ какомъ порядкѣ тайны звѣзднаго міра медленно уступали долготу и настойчивому изслѣдованію человѣка. Движеніе луны, неподвижность полярной звѣзды, мѣра года, *первая планета* — были безъ сомнѣнія первыми дорожными камнями на длинномъ пути астрономическихъ открытій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ. И дѣйствительно, мы находимъ, что у всѣхъ древнихъ народовъ, у халдеевъ, пер-

Совѣ, индѣйцевъ, китайцевъ и египтянъ, семь дней недѣли были во всеобщемъ ходу, и, что еще замѣчательнѣе, каждый изъ этихъ народовъ называлъ дни недѣли именами семи планетъ, считая солнце и луну въ числѣ послѣднихъ. Сверхъ того оказывается, что порядокъ наименованія дней не согласовался со степенью скорости, блеска и разстоянія планетъ, и что первымъ днемъ недѣли былъ не одинъ и тотъ же день у разныхъ народовъ, хотя порядокъ, однажды установленный, неизмѣнно сохранялся всѣми. Если предположить, что такое совпаденіе случайно, то вѣрность этого предположенія будетъ относиться къ невѣроятности его, какъ единица къ миллиону. Поэтому остается заключить, что открытіе планетъ, раздѣленіе недѣли на семь дней и самое наименованіе этихъ дней сдѣлано какимъ-нибудь первобытнымъ народомъ, отъ котораго преданіе перешло уже, хотя и не вполне, къ послѣдующимъ поколѣніямъ. — Съ открытіемъ удивительнаго халдейскаго періода, *зароса*, въ теченіи котораго, въ восемнадцать лѣтъ и одиннадцать дней, солнечныя затмѣнія повторяются въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ онѣ повторялись въ предшествовавшей подобный же періодъ времени, — въ астрономіи наступаетъ по видимому періодъ застоя, но крайней мѣрѣ относительно открытій. И причиною тому была чрезвычайная трудность вопроса, до котораго дошла наука, а не отсутствіе могучихъ умовъ. Эпоха открытій при посредствѣ одного только наблюденія приблизилась къ концу. Представившаяся теперь задача состояла уже въ томъ, чтобы соединить всѣ факты, сохраненные древностію, всѣ роды движеній, проявляющіяся на небѣ, и привести ихъ къ простотѣ и единству. Первые попытки къ разрѣшенію этой задачи выпали на долю смѣлыхъ, утонченныхъ и пытливыхъ грековъ, которыхъ философы, начиная отъ Платона и кончая паденіемъ послѣдней философской школы, сознавали въ этомъ истинную цѣль науки и старались достигнуть ея съ энергіей и настойчивостію, достойными величайшаго удивленія. Теоріи и гипотезы возникали одна за другою и точно также одна за другою падали предъ невозможностію согласить съ ними то или другое явленіе, то или другое изъ новыхъ открытій. Задачи передавались отъ школы къ школѣ, отъ народа къ народу, пока, наконецъ, Коперникъ попалъ на мысль перенестись умственно на солнце и разсмотрѣть оттуда, въ какомъ видѣ ему представятся тѣ самыя небесныя явленія, которыя были такъ хорошо знакомы глазу его въ то время, когда онъ смотрѣлъ на нихъ съ земли.

Онъ смотритъ, и великая истина раскрылась; все, что было путаннаго, сложнаго, противорѣчиваго, непонятнаго въ явленіяхъ небесныхъ, представилось теперь яснымъ и простымъ слѣдствіемъ предположенной неподвижности 'солнца. Неодолима сила, которою бываетъ вооружена всякая истина; а потому истина, лежавшая въ основаніи коперниковой теории, сокрушила древнее философское и астрономическое ученіе, не смотря на то, что даже Церковь, подавая примѣръ глубокаго уваженія къ древней философіи, признавала ученіе Птолемея согласнымъ съ откровеніями священнаго писанія и грозила всѣмъ ужасами своего гоненія тѣмъ, которые вздумали бы посягнуть на его святость. — Но *круговая* линія не объясняла всѣхъ видимыхъ орбитныхъ движеній небесныхъ тѣлъ. Употребивши восемь лѣтъ на непрерывныя вычисленія, чтобы доказать ложность девятнадцати гипотезъ, которыми объясняли эти движенія, *Кеплеръ* открылъ наконецъ *эллиптическую* орбиту. Одаренный умомъ смѣлымъ и возвышеннымъ, онъ ни о чемъ такъ много не мечталъ, какъ о братствѣ міровъ, о громадной и величавой семьѣ широко вращающихся небесныхъ свѣтилъ. Онъ понималъ, что солнечная система не какое-нибудь простое скопленіе отдѣльныхъ планетъ, вращающихся вокругъ общаго центра, но что въ этой системѣ, въ высшей степени стройной, существуютъ какіе-то общіе связующіе узлы, которые будучи однажды найдены, представятъ ее въ новомъ и истинномъ свѣтѣ. Послѣ долгаго и обдуманнаго взвѣшыванія этого вопроса Кеплеръ рѣшилъ наконецъ, что наибольшая вѣроятность склонялась на сторону таинственной соединительной связи между планетными разстояніями и періодами ихъ обращенія. Истощивши всѣ простыя отношенія между періодами и разстояніями планетныхъ тѣлъ, онъ, нисколько не колебавшись въ своей твердой увѣренности, продолжалъ испытывать всѣ возможныя отношенія между квадратами періодовъ и разстояніями; но все съ такимъ же малымъ успѣхомъ.

«Ничѣмъ неустрашимый, онъ приступилъ къ изслѣдованію возможныхъ отношеній между кубами періодовъ и разстояніями. Здѣсь новая неудача — законъ не обнаруживался. Вѣчно бодрый, онъ повелъ новое наступленіе и началъ рядъ испытаній, обнимавшихъ отношенія между простыми періодами и квадратами разстояній. Тутъ лучъ надежды освѣтилъ его темный путь. — Хотя при этомъ также не оказалось никакого точнаго отношенія, однакожъ обозначилось нѣкоторое сближеніе, весьма малое, но все-таки достаточное для того, чтобы возбудить въ

немъ надежду. Затѣмъ онъ испытываетъ простыя произведенія періодовъ и квадраты разстояній; но все тщетно. Наконецъ, оставивъ простыя періоды и разстоянія, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію отношеній между квадратами этихъ же самыхъ количествъ. Ничего не выправъ и здѣсь, онъ восходитъ еще выше, — къ кубамъ періодовъ и разстояній, и все безуспѣшно, пока наконецъ не испытываетъ отношенія, существующаго между квадратами періодовъ, въ которыхъ планеты совершаютъ свои обращенія, и кубами ихъ разстояній отъ солнца. Здѣсь-то заключалась великая тайна. Но увы! при производствѣ вычисленій, ошибка, вкрашаяся въ его выкладки, исказила результаты, и, болящій сердцемъ, истомленный трудомъ, философъ съ отчаяніемъ отбросилъ отъ себя бумагу въ тотъ самый моментъ, когда онъ уже былъ готовъ, такъ сказать, схватиться рукою за одно изъ величайшихъ открытій, когда либо сдѣланныхъ человекомъ. — Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и великій умъ Кеплера, по какому-то непостижимому влеченію, снова возвращается къ своему послѣднему предположенію. Какъ бы руководимый какимъ-то добрымъ гениемъ, сочувствіе котораго было возбуждено неутомимымъ рвеніемъ смертнаго, онъ обращается къ своимъ оставленнымъ вычисленіямъ; съ волнующею грудью и трепещущимъ сердцемъ отыскиваетъ въ нихъ числовую ошибку и начинаетъ трудъ свой снова. Квадратъ періода юпитерова обращенія относится къ квадрату періода сатурна такъ, какъ кубъ юпитерова разстоянія къ неизвѣстному четвертому члену, который, какъ надѣялся и желалъ Кеплеръ, долженъ быть кубомъ сатурнова разстоянія. Трепещущею рукою пробѣгаетъ онъ всю путаницу своихъ выкладокъ — четвертый членъ опредѣленъ; онъ сравниваетъ его съ кубомъ сатурнова разстоянія — и они равны. Кеплеръ едва вѣрнѣе собственнымъ своимъ глазамъ. Онъ страшится, чтобы какой-нибудь демонъ искуситель не посмѣялся надъ нимъ. Онъ снова и снова пересматриваетъ свой трудъ и беретъ слѣдующее отношеніе; квадратъ періода юпитера къ квадрату марсова періода, какъ кубъ юпитерова разстоянія къ четвертому члену, въ которомъ и находитъ кубъ разстоянія марса. Тогда только полное убѣжденіе озаряетъ его умъ; онъ достигъ своей цѣли; борьба семнадцати долгихъ годовъ окончена; Господь умилостивился надъ нимъ, и философъ въ пылкомъ увлеченіи восторга восклицаетъ:

«Ничто не удерживаетъ меня. Я увлеченъ священнымъ восторгомъ. Если ты простишь мнѣ — я возрадуюсь; если прогнѣвишься —

я вынесу это. Кости брошены, книга написана. Прочтутъ ли ее теперь, или прочтеть потомство, — мнѣ все равно. Она можетъ ждать себя читателя цѣлое столѣтіе, ибо и Господь шесть тысячъ лѣтъ ждалъ наблюдателя!»

«Богѣ двухъ столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ Кеплеръ обнародовалъ свои великія открытія. Тайны вселенной разступались предъ всепроницающими изслѣдованіями богоподобнаго ума. Владычество его распространялось все шире и шире. Новыя планеты одна за другою присоединялись къ нашей системѣ; даже глубокая пучина, отдѣляющая насъ отъ неподвижныхъ звѣздъ, была пройдена, и усмотрѣны многія тысячи солнцъ, быстро летящихъ и величественно вращающихся въ тѣсныхъ странахъ пространства. Законы Кеплера связываютъ все это вмѣстѣ; спутники съ своими планетами, планеты съ своими солнцами, солнца съ своими системами — все стройно и въ безмолвномъ величіи прославляетъ открытіе этого героя — философа.»

Съ тѣмъ же увлекательнымъ краснорѣчіемъ, полнымъ любви къ ясно сознаваемому предмету, авторъ передаетъ и послѣдующія открытія астрономовъ, и доходитъ, въ шестой лекціи, до изслѣдованія предложеннаго астрономіи вопроса: сотворена ли планетная система на то, чтобы рано или поздно сама собою разрушиться. На этотъ вопросъ наука отвѣчаетъ отрицательно: всѣ данныя, всѣ вычисленія приводятъ къ одному великому, необычайному результату: что въ организаціи громадной планетной системы не заключается элементовъ ея распаденія. Колебаніе и измѣненіе встрѣчаются въ ней повсюду; все находится въ движеніи; орбиты то расширяются, то сжимаются, плоскости орбитъ колеблются то вверхъ, то внизъ, ихъ перигелии и узлы вращаются въ противоположныхъ другъ другу направленіяхъ вокругъ солнца; но всѣмъ этимъ перемѣнамъ положены предѣлы, переходъ за которые невозможенъ. По прошествіи громаднаго періода времени, равнаго многимъ милліонамъ лѣтъ, свершится полный рядъ колебаній, и вся система, всѣ ея планеты, орбиты, наклоненія, эксцентрицитеты, перигелии и узлы снова приобрѣтутъ свои первоначальныя величины и положенія, и тогда, можно сказать, колоколъ вѣчности прозвучитъ *первый часъ*.

Въ седьмой лекціи, посвященной открытію новыхъ планетъ, Митчель описываетъ между прочимъ свое первое астрономическое наблюденіе, и именно надъ прохожденіемъ Меркурія, въ

1845 году, чрезъ солнце, вычисленною по новымъ таблицамъ Леверрье, и съ скромностію ученаго проситъ извиненія въ краткомъ разсказѣ объ этомъ обстоятельстве. «Увидѣвши съ удовольствіемъ установку одного изъ величайшихъ и самыхъ совершеннѣйшихъ инструментовъ въ мірѣ (рефракторъ цинцинатской обсерваторіи), «я привелъ» говоритъ онъ, «въ порядокъ и вывѣрилъ его сложный механизмъ, тщательно вычислилъ точку солнечнаго диска, въ которой планета должна была сдѣлать съ нимъ свое первое соприкосновеніе, опредѣлилъ моментъ этого соприкосновенія по таблицамъ старымъ и по новымъ таблицамъ Леверрье, и съ чувствами, которыя нужно испытать самому, чтобы совершенно понять ихъ, занялъ, за пять минутъ до вычисленнаго момента соприкосновенія, мѣсто при телескопѣ и началъ сторожить приближеніе ожидаемой планеты. Послѣ нѣкотораго ожиданія, показавшагося мнѣ невыносимо продолжительнымъ, я спросилъ у товарища сколько прошло времени, и услышалъ отъ него, что изъ пяти минутъ медленно протекла только еще одна томительная для меня минута. Наблюденіе мое возобновилось. Долго и терпѣливо оставался я на своемъ мѣстѣ; но вынужденъ былъ опять спросить, много ли остается времени? и получилъ въ отвѣтъ, что недоставало еще цѣлыхъ *двухъ минутъ* до вычисленнаго момента соприкосновенія. Съ напряженнымъ глазомъ и трепещущимъ сердцемъ, опять было возобновлено наблюденіе. Послѣ нескончаемаго ожиданія, я уловилъ наконецъ разрывъ, произведенный на яркомъ солнечномъ кругѣ темнымъ тѣломъ планеты. «Вотъ она!» воскликнулъ я. *Шестнадцатью секундами* позднѣе вычисленнаго момента, планета коснулась солнечнаго диска именно въ той самой точкѣ, въ которой теорія назначила ей первое соприкосновеніе. Планета прошла солнце совершенно круглая, черная и рѣзко очерченная.»

Послѣ прекрасной лекціи о кометахъ, Митчель разсматриваетъ въ девятомъ чтеніи *масштабъ, по которому построена вселенная*. Мѣриломъ измѣреній въ предѣлахъ солнечной системы — радіусъ земной орбиты — служитъ достаточною единицею; но какъ ни велика эта единица, а въ ней 95,000,000 миль, она уже недостаточна въ изслѣдованіяхъ, относящихся до огромнаго размѣра видимой нами вселенной. Въ этомъ пространствѣ эллипсисъ земной орбиты, въ 200,000,000 миль въ діаметрѣ, превращается въ ничтожную точку, и мѣриломъ разстояній становится скорость свѣта, пробѣгающаго въ секунду времени 192,000 миль. Не смотря на эту скорость, ужающую воображеніе, лучъ его,

прилетающей съ отдаленнѣйшихъ странъ нашей планетной системы, съ Нептуна на землю, въ *четыре часа* времени, летятъ въ теченіи *десяти миль*, чтобы перейти разстояніе, отдѣляющее солнце отъ шестдесятъ первой звѣзды Лебеда. Вооруженный такимъ масштабомъ, Гершель возымѣлъ идею о возможности измѣрить млечный путь, рассыпающийся въ полѣ телескопа на милліоны звѣздъ, опредѣлить его размѣры и грани, дать ему очертаніе и предѣлы.

Наблюденія показали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толща млечнаго пути такова, что въ ней находилось не менѣе *пяти-сотъ звѣздъ*, одна позади другой, размѣщенныхъ въ линію и раздѣленныхъ одна отъ другой пространствомъ, равнымъ тому, которое отдѣляетъ солнце отъ ближайшей къ нему неподвижной звѣзды (шестдесятъ первой звѣзды Лебеда). Изъ этого слѣдуетъ, что свѣтъ, для прохожденія своего чрезъ діаметръ этого громаднаго звѣзднаго скопленія, требуетъ нѣсколько тысяча-лѣтій, не смотря на то, что онъ пролетаетъ, какъ сказано выше, *190,000 миль въ одну секунду*.

«Если возможно проникнуть предѣлы млечнаго пути, говорить Митчелъ, и пройти насквозь въ области пространства, за нимъ лежація, то рождается вопросъ — что же тамъ представляется взору? Что лежитъ за этими могучими предѣлами? Однимъ ли этимъ великимъ звѣзднымъ скопленіемъ заканчивается твореніе, и все ли пусто за его предѣлами? — На это телескопъ снова отвѣчаетъ намъ. Когда мы перейдемъ отъ нашего собственнаго солнца и по прямой линіи перенесемъ съ звѣзды на звѣзду до тѣхъ поръ, пока оставимъ позади себя въ величественной перспективѣ рядъ пяти сотъ солнцевъ, то мы будемъ стоять на грани собственнаго нашего звѣзднаго скопленія. Позади насъ все пылаетъ свѣтомъ безчисленныхъ міровъ, рассыпанныхъ въ грозномъ величіи; а передъ нами — глубокая, непроницаемая, неперемежающаяся тьма. Никакой человѣческой глазъ не въ состояніи проникнуть этой мрачной бездны. Но, призвавъ на помощь телескопъ, пойдемъ съ нимъ далѣе въ громадномъ путешествіи нашемъ по пространству, и вотъ, на далекомъ разстояніи мы едва-едва открываемъ слабую туманность свѣта, малѣйшее свѣтящееся облако, выступающее къ намъ на встрѣчу, и къ тому предмету направимъ полетъ свой. Позади себя мы оставляемъ блестящіе милліоны собственнаго нашего великаго звѣзднаго скопленія. Звѣзды его отодвигаются отъ насъ и по-

меркають; размѣры его суживаются. Оно когда-то занимало все небо, а теперь мриады его блестящихъ міровъ какъ будто бы могутъ быть захвачены *одною горстью*. Но взгляните впередъ. Новая вселенная въ дивномъ величїи вдругъ открывается предъ взоромъ. Облако видѣннаго нами свѣта разрослось и раздвинулось, и милліоны солнць снова наполняютъ все небо. Мы достигли новаго скопленія милліона звѣздъ. Взгляните на право — нѣтъ предѣла; взгляните на лѣво — нѣтъ конца. Вверху, внизу, солнце возстаетъ надъ солнцемъ, система надъ системою въ безконечной и неизмѣримой перспективѣ. Предъ нами новая вселенная, столь же величественная, столь же слабая, какъ и наша собственная, новый *мелкій путь*.....»

Мы кончаемъ эту увлекательною страницю обзоръ разбѣраемой нами книги, напомнившей намъ тѣ блаженныя минуты, которыя мы провели за чтеніемъ «Космоса» Гумбольдта. Но дѣлая это сравненіе, мы опасаемся, не испугали ли мы нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей, вообразившихъ, можетъ быть, что сочиненіе Митчеля требуетъ для уразумѣнія его такихъ же ученыхъ приложений, какъ и сводъ человѣческой мудрости, представленный величайшимъ ученымъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Нисколько; для чтенія популярной книги Митчеля достаточно самаго поверхностнаго знанія математической географіи, да и это знаніе будетъ уже роскошью со стороны читателя. Десять лекцій, составляющихъ книгу американскаго астронома, были прочитаны имъ публично въ коллегіи города Цинцинати съ цѣлью испытать до какой степени этотъ ревностный глашатель науки, замыслившій соорудить въ упомянутомъ городѣ большую астрономическую обсерваторію, могъ надѣяться на сочувствіе своихъ согражданъ къ осуществленію своей идеѣ. Попытка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, такъ, что вслѣдъ за открытіемъ подписки, въ февралѣ 1845-го года, большой рефракторъ благополучно прибылъ въ Цинцинати, а въ мартѣ было окончено зданіе для помѣщенія его.

Переводъ книги, какъ доказываютъ сдѣланныя нами выписки, выполненъ хорошо и со знаніемъ дѣла. Изъ книгъ приложено нѣсколько статей (о телескопѣ, обсерваторіи, календарѣ и проч.), заимствованныхъ изъ «*Небесной Механики*» Демисона Олмстеда, профессора астрономіи въ іельской (Jale) коллегіи. Книга украшена прекрасными политипажами, между которыми особенно замѣчательны изображающіе шесть туманныхъ пятенъ.

разсмотрѣнныхъ въ телескопъ Росса, огромнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ снарядовъ этого рода.

Мы советуемъ гг. компаніонамъ-издателямъ присмотрѣться къ этой книгѣ, и обратить на нее вниманіе своихъ сотрудниковъ, какъ на образецъ совѣстливаго и хорошаго перевода, и въ примѣръ прекраснаго выбора и вѣрнаго пониманія истинныхъ потребностей образованной русской публики.

В. ХАНКИНЪ.

С М Ъ С Ъ.

Письма изъ Алжира.

I.

21 октября 1859 года.

Съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе познакомить васъ, а, можетъ быть, и публику съ Алжиромъ, этимъ новымъ міромъ туристовъ, для которыхъ Европа становится уже слишкомъ тѣсна. Но не ждите отъ меня тѣхъ преувеличенныхъ похвалъ, которыми французы стараются привлечь сюда и капиталистовъ, и переселенцевъ. Путешественникамъ, гоняющимся только за новыми впечатлѣніями, Алжиръ не можетъ не нравиться своимъ живописнымъ положеніемъ, своей необыкновенной чисто-восточной архитектурой и почти тропической растительностью. Проживая нѣсколько зимнихъ или весеннихъ мѣсяцевъ, какъ англичане, или нѣсколько недѣль, какъ русскіе, у которыхъ недостаетъ терпѣнія долго оставаться на одномъ мѣстѣ, они не успѣваютъ разочаровываться скучною дѣйствительностью, которая таятся подъ розовымъ покрываломъ первыхъ фантастическихъ впечатлѣній. Я долженъ говорить какъ постоянный житель Алжира и, къ сожалѣнію, не могу увлекаться одной поэтической стороной.

Самый отчаянный врагъ моря, т. е., трусъ, чувствующій еще за день до отправленія приближеніе морской болѣзни, переѣзжая лѣтомъ изъ Марсели сюда, не можетъ не восхищаться прекраснымъ Средиземнымъ моремъ, котораго я описывать не стану, потому что до меня уже достаточно говорили о немъ и видѣвшіе и невидавшіе его. Къ сожалѣнію даже лучшіе пароходы,

Отд. III.

1

принадлежаціе обществу подъ жалкою фирмою «Messageries Impériales», далеко не соотвѣтствуютъ требованіямъ нашихъ сѣверныхъ жителей, и вскорѣ мелкія заботы и непріятности разрушаютъ мечты, которымъ вы предались при созерпаніи чисто волшебнаго зрѣлища. Всѣмъ извѣстно, что южные французы столько же отличаются грубостью и не любезностью, сколько сѣверные вѣжливостью и предупредительностью, но прислуга парохода «Tamise», на которомъ мы ѣхали, перещеголяла все, мною видѣнное и слышанное. Разкажу вамъ одинъ примѣръ изъ сценъ, повторявшихся довольно часто во время нашего двухъ-дневнаго плаванія. Въ десятомъ часу вечера перваго дня, проведеннаго нами въ морѣ, нѣсколько пассажировъ, продрогши отъ обильной росы, захотѣли выпить чаю или вина, чтобы согрѣться. Долго хлопотали мы, чтобы найти кого-нибудь изъ прислуги. Наконецъ наткнулись на растянувшагося въ общемъ салонѣ garçon'a, который прехладнокровно отвѣтилъ намъ, не подымаясь съ дивана, что буфетчикъ имѣетъ привычку ложиться спать въ девять часовъ и что намъ надобно подождать до утра. Прибавьте къ этой необходимости еще то, что вся передняя палуба полна солдатъ различныхъ полковъ и даже преступниковъ, которыхъ везутъ въ Алжиръ на работы, и что капитанъ парохода ничуть не заботится о пассажирахъ, въ которыхъ онъ видитъ не болѣе какъ поклажу, приносящую доходъ, и тогда представьте себѣ всю пріятность этого переѣзда. Эти факты, конечно, не прибавляютъ интереса моему разсказу, но они предвѣщаютъ нашихъ путешественниковъ о непріятностяхъ, которыя могутъ имъ встрѣтиться. Что до меня касается, я нашелъ большое развлеченіе въ наблюденіи за десяткомъ католическихъ священниковъ, которые, не выпуская молитвенника изъ рукъ, гуляли по палубѣ и убивали время молитвами, денежными разсчетами и весьма неназидательными анекдотами, сѣшившая все это въ одинъ разговоръ, странно отзывающійся въ одно и тоже время и небомъ и землею.

Къ счастью, все на свѣтѣ имѣетъ конецъ, даже скучное морское путешествіе, и въ одно прекрасное лѣтнее утро передъ нашими глазами зачернѣли гористые берега Африки и показался наконецъ *бѣлый городъ* *), блестящій, при яркомъ освѣщеніи, какъ огромная масса вновь выпавшаго снѣга. Съ моря видъ Алжира очарователенъ. На первомъ планѣ представляется

*) Алжиръ, по-арабски значитъ бѣлый городъ.

европейская часть города, съ широкими улицами, прекрасными площадями и огромными домами, не уступающими ничѣмъ лучшимъ въ европейскихъ столицахъ; съ этой частью нераздѣльно сливается *арабскій городъ*, образующій почти правильныя ступени, поднимающіяся до вершины Сахеля, гдѣ Казба, бывшій замокъ дѣя, на высотѣ 118 метровъ надъ моремъ, вѣнчаетъ эту громадную лѣстницу. Саженьяхъ во ста отъ Казба, на самой возвышенной точкѣ хребта, разбито небольшое укрѣпленіе — Fort l'Empereur, гдѣ маршалъ Бурмонъ подписалъ условія сдачи Алжира; тутъ находится башня, построенная испанцами во время неудачной осады города Карломъ V. Съ этого пункта зрителю открывается видъ, какихъ мало и по красотѣ, и по обширности. На лѣво — городъ правильнымъ амфитеатромъ спускается до просторнаго порта, оживленнаго кораблями всевозможныхъ націй; на право разстпается великолѣпнымъ садомъ плодородная равнина, *мейшуджа*, окаймленная послѣдними отраслями Атласа, постепенно возвышающимися до дальняго горизонта, гдѣ они сливаются со снѣжными вершинами Джурджура; непосредственно впереди, на скатѣ Сахеля, между апельсинными и лавровыми рощами раскинуты сотни бѣлыхъ дачъ въ мавританскомъ стилѣ и за ними безконечною перспективою синяя даль Средиземнаго моря. Алжирскій заливъ, шириною въ восемнадцать верстъ, имѣетъ видъ подковы и съ трехъ сторонъ окаймленъ хребтомъ малаго Сахеля. Съ любой точки этого хребта, при необыкновенной прозрачности воздуха, глазъ обнимаетъ всю панораму. Но Алжиръ живописенъ не только издали (восточные костюмы придаютъ живописность самымъ грязнымъ улицамъ). Съ парходной пристани дорога ведетъ вась прямо на Place du Gouvernement — одну изъ прекраснѣйшихъ площадей въ мірѣ. На крышахъ магазиновъ морскаго вѣдомства сдѣланъ плацъ, окруженный съ трехъ сторонъ шести-этажными великолѣпными домами и открытый съ четвертой стороны, на море. У подножія его, напротивъ католическаго собора, возвышается главная мечеть, какъ-бы для того, чтобы съ перваго шагу напомнить прїѣзжему, что здѣсь кончаются всѣ предрасудки и Европа идетъ подъ руку съ Азією и Африкою. Прекрасная платановая аллея, окружающая площадь, днемъ служитъ биржей, а вечеромъ — мѣстомъ для прогулки; маленькая же роща апельсинныхъ деревьевъ передъ Hôtel de la Regence — обыкновенное rendez-vous нянекъ съ дѣтьми. Вечеромъ здѣсь собирается алжирское общество, чтобы слушать хоръ военной музыки, и рядомъ съ

дамою, одѣтою по послѣдней парижской модѣ, сидитъ арабъ въ бѣломъ бурнусѣ или мавръ въ пестрой чалмѣ и красной курткѣ, а иногда подъ синею чалмою видны смѣлыя, умныя черты африканскаго еврея. — Въ темный осенній вечеръ, когда мерещеть свѣтъ изъ домовъ, когда на темносинемъ небѣ горятъ звѣзды блескомъ невиданнымъ на сѣверѣ, когда ухо поражается, въ одно и тоже время, первобытными гортанными звуками библейскихъ патриарховъ и нѣжными мелодіями Мейера и Россини, прерываемыми глубокимъ, могущественнымъ голосомъ моря, тогда васъ обаяютъ какія-то сладкія, уповательныя мечты, являются какія-то непонятныя стремленія, которыя или поведутъ въ матеріальный рай магометанъ, или заставятъ поднять глаза къ небу и искать соединенія съ Богомъ разума и добродѣтели истинно-человѣческой. Много вечеровъ проводилъ я на этой волшебной, опасной площади, много сладкихъ сновъ видѣлъ я тамъ, но, къ счастью, не поддавался сладострастному вліянію этого обманчиваго блаженства, которое такъ незамѣтно, такъ пріятно пробуждаетъ въ васъ животную натуру. Скажу откровенно, что голосъ муаддина, провозглашавшій часть молитвы съ минарета большой мечети, не разъ вырывалъ меня изъ фантастическаго упоенія и напоминалъ мнѣ, что есть высшая, болѣе чистая цѣль нашего существованія. Такъ легко поизѣжится въ этой атмосферѣ, пропитанной одуряющими благоуханіями. Теперь я понимаю быстрый успѣхъ пророка чувственности и упорство его послѣдователей. Чувствую, какъ трудно вырваться изъ этой идеи, изъ этого міра очаровательныхъ сновидѣній. Но, я вижу, меня мечта увлекла далеко изъ Алжира; да, впрочемъ, ужъ разъ очутившись за городомъ, опишу вамъ la plaine des maoneucres и скачки, отложивъ описаніе общественной жизни Алжира до слѣдующаго письма, за исключеніемъ развѣ только *маврскихъ бань*, которыя я почелъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить тотчасъ же по приѣздѣ, и о которыхъ намѣренъ сказать вамъ здѣсь нѣсколько словъ.

Представьте себѣ нѣчто въ родѣ подвала съ куполомъ и каменнымъ нагрѣтымъ поломъ. Но серединѣ — четырехугольное возвышеніе въ родѣ очага, которое еще больше нагрѣто. Раздѣвшись и надѣвъ деревянные башмаки, я, черезъ открытій корридоръ, вошелъ въ этотъ подвалъ, гдѣ завернувъ предварительно средину тѣла въ полосатое арабское одѣяло, меня разложили подъ паръ на вышеупомянутое возвышеніе, закрывающее нашъ русскій полукъ. Пролежавъ достаточное время въ

жару, я былъ вымытъ мыломъ и водой, какъ у насъ, только на полу и за псключеніемъ среднихъ частей тѣла, которые были оставлены мывшимъ меня арабомъ, согласно правиламъ восточнаго приличія, на собственное мое попеченіе. Когда я оказался достаточно чистымъ, меня свели въ одинъ изъ темныхъ кабинетовъ (т. е., чулановъ въ стѣнѣ), гдѣ разложили на полу и молодой арабъ, становясь колѣнами то на грудь, то на животъ, ломалъ мои члены самымъ немилосерднымъ образомъ. Все это время я задыхался отъ національнаго запаха арабовъ: смѣси мускуса, пота и табаку. — Наконецъ меня выпустили въ другую прохладную комнату, гдѣ, окутаннаго съ ногъ до головы десятками бѣлыхъ платковъ, какъ мумію, положили отдыхать и стыть на тюфякъ, разостланнаго на полу и дали чашку очень хорошаго чаю. Черезъ четверть часа меня распеленали, предварительно выжимавъ (а не вытиравъ) изъ меня воду легкимъ нажиманіемъ руками по всему тѣлу. Во время моего отдыха я замѣтилъ какихъ-то звѣрей въ родѣ таракановъ, гулявшихъ очень спокойно на полу; на вопросъ мой я получилъ хладнокровный отвѣтъ, что это скорпіоны. Можете себѣ представить, какъ я охотно выбрался на уллицу и свѣжій воздухъ, тѣмъ болѣе, что мое платье еще очень долго послѣ этого удовольствія пахло арабомъ. — Ббльшія подробности этого чисто восточнаго учрежденія я сообщу вамъ впослѣдствіи, а теперь спѣшу исполнить свое обѣщаніе, описавъ одно изъ оригинальныхъ и въ то же время великолѣпныхъ зрѣлищъ — арабскія скачки.

Уже самое мѣсто скачекъ — *la plaine des manœuvres* — стоитъ описанія. Представьте себѣ на берегу Средиземнаго моря большое поле, окаймленное аллеею прекрасныхъ платановъ, за которою полукруглою террасой возвышается хребетъ Сахель, покрытый пышною растительностью и сотнями бѣлыхъ загородныхъ домовъ. Потомъ вообразите, что эта терраса, по лѣвую сторону, кончается великолѣпнымъ амфитеатромъ Алжира, имѣющаго видъ громадной лѣстницы изъ бѣлаго мрамора, а по правую сторону гигантскими оконечностями древняго Атласа, покрытыми легкою вуалью синяго прозрачнаго тумана. Для зрителей сдѣланы скамейки подъ досчатымъ навѣсомъ, и тутъ вы, забывая совершенно, что надъ вами горитъ африканское солнце, на прохладѣ наслаждаетесь этою волшебною панорамою. Но вскорѣ ваше вниманіе и ваши взоры обращаются въ другую сторону, привлеченные звуками какой-то необыкновен-

ной музыки — сочетаніе свирѣли съ литаврами и барабанами. Вы невольно оборачиваетесь, — и вотъ идутъ арабы строемъ торжественно, каждое племя составляя отдѣльное цѣлое въ родѣ эскадрона. Впередѣ каждой толпы гарцуетъ, погруженный въ чувство собственной важности, французскій офицеръ, главный администраторъ, или по нашему губернаторъ племени (Chef de bureau arabe), за нимъ слѣдуютъ знамена всевозможныхъ цвѣтовъ съ полулуніемъ или французскими орлами, потомъ музыканты, разыгрывающіе печальные народные напѣвы и наконецъ въ главѣ грязной, полунагой толпы гордо скачутъ аги, кайды и вся туземная знать въ богатыхъ шитыхъ золотомъ костюмахъ и на превосходныхъ арабскихъ лошадяхъ, покрытыхъ шелковыми, серебряными и золотыми тканями. Вотъ первый гудъ посправился съ ложею префекта, вдругъ раздаются сотни выстрѣловъ, съ гикомъ, съ шумомъ помчалась впередъ вся масса и только вдаль вы видите густое облако пыли, въ которомъ пестрыми точками виднѣются бѣлыя чалмы и красные бурнусы. Такимъ образомъ племя за племенемъ дефилируетъ мимо зрителей и, съ переходомъ послѣдней толпы, начинается *фантази*, любимое удовольствіе арабовъ. Сначала по одиночкѣ, потомъ цѣлыми толпами скачутъ они во весь опоръ, стрѣляя на воздухъ, подбрасывая ружья, выхватывая сабли съ крикомъ и шумомъ, какъ бѣшеные. Глаза блестятъ, лица горятъ и вы видите, что дѣти пустыни все еще приходятъ въ азартъ отъ запаха пороха, не смотря на европейское вліаніе. Пороховой дымъ дѣйствуетъ на нихъ, какъ на насъ вино, и вотъ вся масса, нетерпѣливо смотрѣвшая на игру кандовъ, бросается впередъ въ совершенномъ бѣшенствѣ. Въ минуту все поле покрыто скачущими арабами. Пороховой дымъ и пыль застилаютъ отъ васъ все, слышны только крики и выстрѣлы, и вы съ трудомъ убѣждаете себя, что это не настоящій бой, а игра, которая, впрочемъ, не всегда обходится даромъ. Въ первый день скачекъ одинъ арабъ слетѣлъ съ лошади и ушибся до смерти. Во второй день снесли съ поля одного убитого и двухъ тяжело раненыхъ. Впрочемъ, на эти, не совсѣмъ пріятныя слѣдствія скачекъ здѣсь смотрятъ очень хладнокровно и на другой день говорятъ о несчастныхъ жертвахъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ у насъ послѣ охоты объ убитой дичи. Но вернемся къ скачкамъ. Для совершеннаго уподобленія военной жизни въ пустынѣ, подъ прикрытіемъ какого-нибудь племени является на поле съ десяткомъ верблюдовъ, нагруженныхъ

арабскими красавицами, уложенными въ огромныя корзины, покрытыя полосатою матеріею. Изъ корзинокъ слышны веселые крики: го, го, го, похожіе очень на щебетанье гусснятъ или молодыхъ утокъ; вслѣдъ за прибытіемъ на поле этого каравана вся масса остальныхъ арабовъ бросается въ атаку и завязывается мнимою бой, очень похожіи на наши маневры, причемъ другъ другу опаливаютъ бороды съ совершеннымъ увлеченіемъ. Въ заключеніе фантазіи, что, какъ вы видите, по арабски значить военная игра, вся ватага производитъ нападеніе на ложи зрителей и въ честь присутствующихъ дѣлаетъ залпъ. — По окончаніи скачекъ каждое племя проѣзжаетъ по главнымъ улицамъ Алжира со знаменами и музыкою, и тутъ любопытнымъ, выходящимъ на улицу, нерѣдко приходится платить волосами, платьемъ и, довольно часто, собственно физиономіею. Арабская вѣжливость состоитъ въ томъ, чтобы выстрѣлить прямо подъ носъ пріятелю. Передъ нашими окнами одинъ изъ этихъ дикарей, въ видѣ шутки, опалилъ дамѣ лицо и очень изумился, когда его за это свели въ префектуру.

На другой день послѣ скачекъ мы посѣтили лагерь арабовъ и входили въ пышныя палатки двухъ кандовъ. Пріятно было видѣть, съ какою истинно-рыцарскою вѣжливостью эти сѣдые старики ухаживали за нашими дамами, угощали ихъ кофею, показывали имъ горящія золотомъ сѣдла и оружіе. Вокругъ палатки, гдѣ мы сидѣли, собрались тысячи любопытныхъ, смуглыхъ физиономій, чтобы позѣвать на бѣлыхъ, показывали на насъ пальцами и смѣялись. Въ это время ницали передъ палаткою заунывныя мелодіи бедуинской свирѣли и гудѣлъ тамъ-тамъ (tam-tam), и пока мы, подъ звуки этого оригинальнаго концерта, ушивались моккою, водили намъ на показъ осѣдланыхъ, пылкихъ коней. — Увѣряю васъ, я пришелъ въ какой-то странный восторгъ, но, къ сожалѣнію, онъ продолжался недолго. Поблагодаривъ за гостепримство, мы вышли изъ палатки и, въ сопровожденіи почтенныхъ кандовъ, отправились изъ лагеря, какъ вдругъ нашъ слухъ былъ пораженъ страшнымъ шумомъ вокругъ и крикомъ сотни голосовъ. На мой вопросъ, что это значить, одинъ престарѣлый арабъ отвѣтилъ мнѣ: «Вашимъ присутствіемъ, которое отвлекло вниманіе шейховъ, воспользовались, чтобы красть лошадей», и дѣйствительно канды поспѣшили назадъ, возстановить порядокъ и защитить право собственности. Вотъ вамъ и поэзія бедуинской жизни!

Какъ Алжиръ красавъ пѣдали, такъ онъ нехорошъ вблизи.

Идея чистоты, пріятно поражавшая васъ при первомъ взглядѣ на эту массу бѣлыхъ домовъ, скоро превращается въ чувство отвращенія, какъ скоро успѣли пройти по одной или двумъ улицамъ. Самые грязные переулки Марсели кажутся опрятными въ сравненіи съ лучшими нашими улицами. Извѣстная вонь старой марсельской гавани кажется благоуханіемъ послѣ тѣхъ страшныхъ міазмовъ, которые вдыхаютъ жители «блага города» лѣтомъ, а вы, вѣроятно, слышали, что Марсель славится нечистотой по всей южной Европѣ. По распоряженію полиціи, въ девять часовъ вечера изъ каждаго дома выбрасываются нечистоты на улицы, откуда онѣ ночью собираются и увозятся за городъ. Вообразите, какъ пріятно гулять въ это время, и сколько опасностей изъ каждаго окна, изъ каждой двери грозятъ вашей шляпѣ и широкому платью вашей дамы. Между тѣмъ полицейское правило на счетъ вывоза нечистотъ не всегда исполняется. Среди блага дня вы должны пробираться между мусорными кучами, изъ которыхъ знойное солнце Африки извлекаетъ столбы паровъ, такъ что онѣ походятъ на рядъ маленькихъ кратеровъ. Представьте себѣ разряженную по нынѣшней модѣ даму, бѣрящуюся на каждомъ шагу съ этими препятствіями криволиннаго развитія, и вы угадаете, какія смѣшныя сцены утѣшаютъ тѣхъ, которые по-неволѣ проводятъ половину дня на улицахъ, и въ ожесточеніи своемъ призываютъ гнѣвъ неба на полицію и арабовъ, какъ черныхъ, такъ и бѣлыхъ. Сказать вамъ, что такое узкіе, темные проходы, носящіе громкія названія, — Rue Caton, Rue de la liberté, Rue des consuls и т. под., — не могу, потому что описаніе мое преступило бы предѣлы приличія литературнаго слова. Довольно того, что онѣ, обыкновенно, представляютъ крутизну въ 45 или 50 градусовъ, и что постоянно орошаются непрерывнымъ потокомъ жидкой грязи, а осенью обращаются въ быстрые горные ручьи. Прибавьте къ этому, что обыкновенная ширина ихъ полтора аршина, и что въ нихъ толпятся кучи грязныхъ негровъ и арабовъ, которые, съ чисто-восточнымъ хладнокровіемъ толкаютъ васъ въ грязь или лоткомъ сбиваютъ съ васъ шляпу, въ то самое время, какъ грязные, ободранные арабчата, пробираясь между вашими ногами, дѣлаютъ величайшія усилія, чтобы произвести катастрофу, уже давно грозившую вамъ отъ потеряннаго равновѣсія тѣла. Есть, впрочемъ, и исправныя арабскія улицы, по которымъ можно проѣхать въ экипажѣ. Тогда на пути вашемъ всѣ прохожіе спасаются въ ближайшіе дома, ибо концы осей вашей коляски только на нѣ-

сколько дюймовъ недостають до стѣнъ, и смѣльчакъ, дерзнувшій остановиться зѣвать на ваше триумфаторское шествіе, сдѣлается жертвою этой новой джагернаутской колесницы. Но бѣда вамъ, если съ другаго конца улицы въѣхалъ экипажъ на встрѣчу вашему. Тогда только цѣлая толпа рабочихъ можетъ освободить васъ изъ этой необыкновенной темницы. Недавно мнѣ случилось четверть часа просидѣть на одномъ мѣстѣ, потому что улица была загорожена возомъ сѣна, хозяинъ котораго остановился выкурить трубку передъ домомъ своего пріятеля. Всѣ мои увѣщеванія и всѣ угрозы моего кучера вызвали одинъ хладнокровный отвѣтъ: «не я выдумалъ алжирскія улицы.» Эти неудобства лишаютъ алжирскихъ жителей удовольствія гулять по городу и вмѣстѣ съ жаромъ принуждаютъ ихъ къ сидячей жизни взаперти, въ домахъ, и дѣлають ихъ неподвижными и тяжелыми на подъемъ. Между тѣмъ частое движеніе на открытомъ воздухѣ — единственное средство устоять противъ разслабляющаго состоянія постоянно-высокой температуры, и я находилъ, что лучше выходить на воздухъ и постоянно находиться въ движеніи, даже когда дуетъ удушливый, горячій сирокко, чѣмъ сидѣть дома съ запертыми ставнями и предаваться нѣгѣ. За городомъ ущелья Сахеля и прекрасный ботаническій садъ — *Répinière centrale* — съ пальмовыми аллеями представляютъ очаровательныя мѣста для гулянья, но первыя довольно круты, а послѣдній отстоитъ далеко отъ города и дорога, ведущая къ нему, такъ пыльна, что невольно прибѣгаешь къ помощи омнибусовъ. По этой причинѣ большая часть городскихъ жителей и даже пріѣзжающіе на зиму больные предпочитаютъ жить на дачахъ, гдѣ они иногда терпятъ отъ сырости, но избавлены отъ зловонія и несносной известковой пыли.

Европейскіе дома, всѣ выстроенные для спекуляціи, преимущественно жидами, походятъ на казармы и не имѣють ничего общаго съ петербургскими — развѣ только грязныя, темныя лѣстницы. Вездѣ на свѣтѣ домохозяева склонны считать удобства жильцовъ непозволительною роскошью, но нигдѣ не поступаютъ съ бездомными съ такимъ наглымъ пренебреженіемъ, какъ въ Алжирѣ. Дома разгорожены на наибольшее число кѣтокъ съ громкими названіями: *salon*, *salle à manger*, *cabinet pour amis* и т. д., и пять или шесть этихъ комнатъ *en miniature* составляютъ *un grand appartement*, за который спрашиваютъ отъ 1800 до 2000 франковъ въ годъ. Между тѣмъ въ этихъ апартаментахъ полъ каменный или израсцовый, каминныя не закры-

ваются и трубы ведутъ прямо на воздухъ, пропуская въ комнаты и вѣтеръ, и дождь; отовсюду дуетъ и двери можно назвать небольшими кусками досокъ, окруженными громадными щелями; замки же запираются и отпираются, смотря по ихъ капризу. Удобствъ для хозяйства, конечно, нѣтъ, потому что здѣсь принасы покупаются только на день. Погреба для вина не полагаются, потому что еврей-хозяинъ отъ скупости не пьетъ вина, слѣдовательно жильцамъ подавно не слѣдуетъ. Моя гостинная имѣетъ два окна и восемь аршинъ въ ширину и девять въ глубину. Между тѣмъ алжирцы восхищаются этимъ «beau salon», въ которомъ, по ихъ мнѣнiю, можно давать балы. Меня эти похвалы вызываютъ на насмѣшки, точно такъ, какъ названiе «le petit Paris», которымъ французы бросаютъ пыль въ глаза иностранцамъ на счетъ Алжира. Я уже привыкъ къ маленькимъ вещамъ съ громкими именами. Во Францiи все держится на звонкихъ названiяхъ, за которыми навѣрный путешественникъ, привыкшiй слѣдно чтить все иностранное и преимущественно парижское, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ удивленiемъ узнаемъ давнознакомые предметы, носящiе скромныя, обыкновенныя названiя на простодушной его родинѣ. Кто бы подумалъ, что «pommes de terre sautées au beurre» по-русски просто поджаренный картофель. Между тѣмъ это такъ, и точно такъ «un beau salon» не что иное, какъ низенькая, маленькая комната о двухъ окнахъ, очень часто даже безъ передней, такъ что входишь въ галошахъ и пальто, или снимаешь ихъ на лѣстницѣ и относишь въ кухню. Каковы дома, таковъ и образъ жизни. «Друзья» въ Алжирѣ не водятся, бываютъ только «знакомые» и съ этими виднiшься или на улицѣ, или въ кофейныхъ, но очень рѣдко у нихъ въ домѣ. Знакомство между дамами поддерживается утренними формальными визитами, имѣющимъ цѣлью представлять случай показывать новые туалеты, единственное удовольствiе здѣшнихъ дамъ, по крайней мѣрѣ, единственное явное. Общество здѣсь не имѣетъ особаго характера, или, лучше сказать, его совсѣмъ нѣтъ. Чиновниiй миръ, составляющiй «la haute volée», частыми перемѣщенiями постоянно измѣняется и поэтому настоящаго круга составлять не можетъ. Зимой, иногда, высшiя административныя лица даютъ балы, куда собирается весь мундирный народъ, — впрочемъ, не весь, потому что во Францiи даже уличные мальчишки носятъ мундиръ съ галунами или шитьемъ, какъ скоро они поступили въ школу, хотя бы только учиться азбукѣ. На балы собирается весь должностной

народъ и при этомъ надѣваетъ мундиры «rouge faire un beau coup d'oeil». Не смотря на тѣсноту залъ, гдѣ съ трудомъ въ кадрили проталкиваются двѣнадцать паръ, всѣ гости сбираются смотрѣть на танцы и тогда, какъ температура, такъ и химическій составъ воздуха сильно напоминаетъ атмосферу маврскихъ бань. Такъ какъ въ одномъ губернаторскомъ домѣ есть деревянный полъ, то въ другихъ домахъ для баловъ посыпаютъ слишкомъ скользкіе каменные полы отрубями, и не трудно себѣ представить, какъ значительно уменьшается краса «du coup d'oeil» облаками пыли, поднимающимися съ пола. Я, признаться, первый разъ чихалъ во время всего бала, но алжирцы какъ-то умѣютъ удерживаться; правда, они уже на улицахъ привыкаютъ глотать и вдыхать известь. Конечно, немногимъ удастся танцевать по неизмѣннѣ простора, но за то всякому удалось показать свой мундиръ и самому полюбоваться имъ, и надо сказать, что хоть алжирцы весьма неласковы и непривлекательны, но это мундиrole любіе привязываетъ меня къ нимъ. Есть еще у нихъ хорошая черта: это любовь къ лентамъ. Почти каждый лавочникъ носить разноцвѣтную ленточку въ петлицѣ, если не въ знакъ кавалерства медали за спасеніе погибавшихъ при св. Елены, то какъ ярлыкъ какого-нибудь общества, котораго онъ членъ, напримеръ общества разведенія хлопчатой бумаги и т. п. Въ Алжирѣ есть и клубъ, гдѣ можно проигратъся въ карты и на бильярдѣ, и даже читать газеты, если постоянное брячаніе сабель не развлекаетъ вашего вниманія, ибо въ Африкѣ и пѣхотные офицеры носятъ кавалерійскія сабли и поэтому здѣсь вдвое больше брячанія, чѣмъ въ Европѣ.

Трудно свыкаться съ этимъ нестрымъ обществомъ, имѣющимъ всѣ недостатки молодыхъ колоній, но не имѣющимъ обыкновенныхъ ихъ заслугъ — предпримчивости и трудолюбія. Но если люди отталкиваютъ, то природа и климатъ очаровательны. Сегодня, 13-го ноября (новаго стіля), а мы гуляемъ въ лѣтней одеждѣ, термометръ показываетъ пятнадцать съ половиною градусовъ Реомюра въ тѣни и вмѣсто снѣгу является свѣжая новая трава, многіе кусты цвѣтутъ и апельсинныя деревья гнутся подъ бременемъ золотистой ноши. На чистомъ, спнемъ небѣ блестятъ звѣзды, и луна свѣтитъ такъ ярко, какъ въ самую чудную зимнюю ночь на сѣверѣ. Это вознаграждаетъ за многія лишенія и хоть вздохнешь не разъ о пріятеляхъ, оставшихся подъ шестидесятымъ градусомъ широты, все же было бы жалко разстаться съ югомъ и волшебными его ночами. Вы

видите, съ чего ни начинаю, все возвращаюсь къ природѣ. Это единственный пріятель, котораго здѣсь можно любить, которому можно вѣрить. Онъ же и единственная прелесть Алжирѣи.

N.

Alger. Rue d'Isly, N° 23 bis.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА СТАТЬЮ ЭКОНОМИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ.

Въ Экономистѣ, N° 2-й, была помѣщена статья г. В. Долинскаго «О путяхъ сообщенія Россіи съ Среднею Азіею». Въ дѣлѣ, которое представляетъ столько трудностей, какъ проведеніе улучшенныхъ путей сообщенія въ степи, обитаемой кочующимъ народомъ, — въ такомъ дѣлѣ необходимо многостороннее обсужденіе условій успѣха и неудачи. По этому я искренно порадовался и появленію статьи г. Долинскаго и тѣмъ фактамъ, — изъ которыхъ многіе не всѣмъ извѣстны, и которыми онъ подкрѣпилъ свои предположенія и «*печты о счастьями оми будущеми*». Г. Долинскій жалуется самъ на себя, что его статья выходитъ слишкомъ длинна: онъ несправедливъ къ самому себѣ; я бы желалъ, чтобъ она была вдвое или втрое длиннѣе, потому, что нѣкоторыхъ весьма существенныхъ вопросовъ авторъ коснулся вскользь, а между тѣмъ въ нихъ-то и лежитъ узелъ всѣхъ затрудненій. Пусть судятъ читатели.

Изъ приступа г. Долинскаго мы видимъ, что онъ имѣетъ въ виду отъ части полемическую цѣль: опровергнуть мнѣніе г. Черносивцова о невозможности желѣзныхъ дорогъ въ киргизской степи и въ Туркменіи. Не имѣя подъ руками статьи г. Черносивцова, я не берусь защищать ее и готовъ даже согласиться съ г. Долинскимъ, что спускъ р. Аму въ Каспій и соединеніе его съ Азовскимъ моремъ — проектъ гигантскій; что его возможность должны обсудить спеціалисты и что во всякомъ случаѣ это предпріятіе еще не теперь можетъ быть исполнено. Но этимъ положеніемъ г. Долинскій не ограничился, а взялся за перо, «чтобы доказать, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ среднюю Азію не только совершенно возможно, но даже удобно, удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.» Г. Долинскій гдѣ-то упрекнулъ меня въ употребленіи восточнаго краснорѣчія и цвѣтистыхъ гиперболей и потому мнѣ не вѣрится, чтобъ онъ сознательно впалъ въ погрѣшность, въ которой укоряетъ ближняго. А между тѣмъ «*вести желѣзную дорогу въ Туркменіи удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо!*»

Около самой Москвы изслѣдованія производились на половину иностранными инженерами; рельсы выписываются изъ-за границы и обходятся дешевле дѣланныхъ у насъ, дома; почти всѣ желѣзныя подѣлки тоже выписныя; слѣдовательно есть мѣста, гдѣ, относительно одной изъ важнѣйшихъ сторонъ желѣзныхъ дорогъ, а именно желѣзныхъ подѣлокъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ удобнѣе, даже чѣмъ около Москвы. Прибавьте весьма немаловажныя издержки провоза изъ Петербурга, или хотъ изъ Таганрога въ Астрахань, а оттуда на восточный берегъ Каспія, огромныхъ тяжестей, необходимыхъ, чтобъ построить и пустить въ ходъ желѣзную дорогу, усиленныя жалованья бельгійскимъ, французскимъ и даже калужскимъ и другимъ мастеровымъ, чтобъ привлечь ихъ къ работѣ въ странѣ почти невѣдомой — и навѣрное придете къ заключенію, что устройство такой дороги въ Туркменіи не можетъ быть удобнѣе, чѣмъ около Москвы.... Воля ваша, и фразу г. Долинскаго, которую я не хочу принять за цвѣтистую гиперболу, я долженъ принимать за обмолвку. Къ расчетамъ, здѣсь вкратцѣ изложеннымъ, я однакожь принужденъ буду вернуться еще разъ.

Не раздѣляя мрачнаго взгляда г. Черносвистова на всѣхъ безъ исключенія степныхъ обитателей *), мы ежедневно можемъ однакожь убѣждаться, что ладить съ этими кочевниками весьма нелегко; особенно же съ пограничными съ средней Азіей. Припнейные уже оцѣнили выгоды мира; скрѣпя сердце, они болѣею частью отказались отъ баранты, воспитываютъ тысячи барановъ и, торгуя ими на мѣновыхъ дворахъ, мало-по-малу сближаются съ русскими. Но думать, что это сближеніе уже невозвратное — значитъ увлекаться оптимизмомъ вопреки фактамъ.

Любовь киргизовъ къ г. Генсу, дѣйствительно замѣчательному человѣку, справедливо восхваляемому г. Долинскимъ, не помѣшала неистовствамъ Кени-Сары и его дѣтей и мятежу Исета Кутебарова. (Въ скобкахъ замѣчу, что за этого послѣдняго миѣ такъ досталось отъ г. Долинскаго; но объ этомъ послѣ). Точно также и любовь къ мирнымъ занятіямъ, къ скотоводству, торговлѣ, отчасти и къ земледѣлію, гдѣ оно существуетъ, не помѣшаетъ киргизамъ увлечься болѣе легкимъ средствомъ нажитья, хотя и болѣе рискованнымъ, а именно — грабе-

*) Повторю еще разъ, что не имѣю статьи г. Черносвистова подъ руками и разбираю лишь тѣ ея части, которыя подверглись критикѣ г. Долинскаго.

жемъ. Туркмены еще промышленнѣе, но и еще болѣе охотники грабить. Преслѣдовать ихъ грабежи — главная цѣль нашей астрабастанской станціи и не всегда достижимая, безъ помощи сильныхъ десантовъ. Съ 1855 года около Хивы и на Усть-Уртѣ грабежи и убійства не прекращаются. Торговля возможна въ этихъ странахъ, но только подъ покровительствомъ военной силы, достаточно грозной, чтобъ страхъ, ею внушаемый, преодолѣлъ вѣковыя привычки къ безначалію; въ противномъ случаѣ эта торговля будетъ зависѣть отъ произвола легкомысленныхъ кочевниковъ и потому врядъ ли достигнетъ значительнаго развитія.

Замѣтимъ кстати, что для паровыхъ судовъ на Сырѣ и Аму и въ Аральскомъ морѣ опасности, хотя и встрѣчаются (на Сырѣ только выше форта Перовскій), но несравненно менѣе, чѣмъ какимъ подвергались бы паровозы. Чтобъ разграбить поѣздъ желѣзной дороги, достаточно снять пару рельсовъ, а ограбить пароходъ, на которомъ хотя не большая, но энергическая команда, дѣло едва ли возможное для прибрежныхъ жителей, у которыхъ для подобнаго предпріятія есть только лодки, идущія на греблѣ.

Не буду слѣдовать за г. Долинскимъ въ данныхъ, которыя онъ представляетъ относительно средней Азіи. Эти данныя не полны, въ чемъ вѣроятно со мной не будетъ спорить и самъ авторъ. Вниманіе правительства уже обращено на ихъ дополненіе; къ изслѣдованію Туркменіи и теченія р. Аму приступлено въ нынѣшнемъ году и по окончаніи этихъ важныхъ работъ будетъ легко обсудить положеніе г. Долинскаго на счетъ видовъ будущей нашей торговли и на счетъ мѣстности, имъ избираемой для желѣзной дороги; подождемъ также этихъ извѣстій, чтобъ рѣшить весьма спорный вопросъ о бывшемъ теченіи р. Аму въ Каспій. Что, прорвавъ плотины, которыя тотчасъ принимались чинить, Аму доходилъ лишь до озера Сары-Камышъ — это ничего недоказываетъ, именно потому, что за починку плотинъ принимались тотчасъ; но мнѣ кажется, что г. Долинскій нѣсколько поторопился, повѣривъ свѣдѣніямъ, будто «все пространство между морями Аральскимъ и Каспійскимъ, потому направленію, гдѣ туркмены указываютъ прежнѣе русло р. Аму, составляетъ ровную плоскость, изобилующую прѣсною водою, удобною не только для проведенія желѣзной дороги, но даже для роскошныхъ поселеній.» Эту фразу авторъ поясняетъ такъ: «когда представится возможность орошать эту плоскость посред-

ствомъ канавъ изъ р. Аму.» Это положеніе я плохо понимаю. Если упоминаемая плоскость *уже изобилуетъ* прѣсной водою, къ чему послужить дорого стоящее орошеніе. Если она *будетъ изобиловать* лишь послѣ проведенія этого орошенія, то зачѣмъ говорить положительно, какъ о существующемъ, о томъ, что еще гадательно, по признанію самого автора, какъ увидимъ ниже. Если же это изобиліе воды состоитъ изъ ничтожныхъ родниковъ и изъ колодцевъ, то... Неужели и это цвѣтистая гипербола? Не можетъ быть!

Нѣсколькими строками выше, г. Долинскій, говоря о запруженномъ рукавѣ рѣки Аму, направляющемся къ Каспійскому морю и о прорывѣ имъ плотинъ, прибавляетъ: «все это не подтверждаетъ возможности пропустить въ Каспійское море рѣку Аму и увѣренности, чтобъ она могла быть на этомъ протяженіи судоходною, не теряя притомъ главнѣйшаго своего качества — орошать прилегающія къ ней мѣстности.»

Совершенная правда! и прибавимъ: до-сихъ-поръ, что ни говори объ этомъ рукавѣ р. Аму — все будетъ не полно и сбивчиво. Русло его было видѣно лишь въ не многихъ мѣстахъ нашими путешественниками, въ прочихъ же мѣстахъ оно на картахъ нанесено гадательно, по разспросамъ, да, и въ самой плоскости, гдѣ г. Долинскій проводитъ роскошныя поселенія и желѣзную дорогу, намъ извѣстны пока два-три маршрута, берега и не большой уголокъ между заливомъ Карабугазъ и Усть-Уртомъ; этотъ уголокъ и южный Усть-Уртъ, по съемкѣ 1858 года; этого слишкомъ мало, чтобъ судить о возможности торговыхъ путей и серьезной колонизаціи.

Пусть будетъ произведена съемка этой плоскости, нивелировка помянутаго рукава, да исчисленіе, сколько воды можетъ онъ нести въ Каспій, и дойдетъ ли онъ до Каспія, — тогда будемъ судить на положительныхъ основаніяхъ, а не увлекаться догадками, хотя бы даже и весьма правдоподобными, но безсильными возбудить желаніе тратить огромные капиталы на проведеніе желѣзной дороги въ 500 верстъ въ степи, гдѣ даже нѣтъ осѣдлости *). Спѣшу прибавить, что огромные, добросовѣстные труды топографовъ оренбургскаго корпуса уже направлены къ

*) А если эти догадки возбуждаютъ желаніе рискнуть большими капиталами, принявшись за дѣло на авось, прежде его изученія, — то это будетъ явленіемъ вообще весьма печальнымъ, а для участниковъ даже и раззорительнымъ.

югу. Съ ними связаны работы еще болѣе важныя, о цѣли и направленіи которыхъ правительство не публиковало во всеобщее свѣдѣніе. Жаль, что прежніе труды топографовъ не публиковались: они дають нѣкоторыя драгоцѣнныя данныя о степи и приносятъ величайшую честь труженникамъ, ихъ предпринявшимъ, и окончившимъ во имя долга, безъ надежды на славу и среди многочисленныхъ лишеній и опасностей...

(Меня упрекнулъ г. Долинскій, что я не могъ не знать этихъ трудовъ. Упрекъ напрасный, какъ будетъ доказано ниже.)

Вернемся однако къ вопросу о желѣзной дорогѣ въ Туркменіи. Инженеры вообще признають, что въ странахъ мало производительныхъ и не очень населенныхъ выгодны только весьма дешевыя желѣзныя дороги. Этой дешевизны можно достигнуть лишь тамъ, гдѣ весьма дешево желѣзо и каменный уголь. *Жельза* въ киргизской степи много, но оно не разрабатывается, благодаря невѣжеству киргизовъ и отсутствію у нихъ капиталовъ; а русскіе за желѣзомъ въ степь не пойдутъ, имѣя свое, отличное на Уральскомъ хребтѣ, гдѣ и добыча легче и дешевле, и сбытъ удобнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ въ степи; *каменнаго угля въ степи нѣтъ вовсе*, есть лигниты; но еще до-сихъ-поръ не найдено средство приспособлять ихъ къ топкѣ паровозовъ. (Пароходы ими можно топить, если въ этихъ лигнитахъ мало или вовсе нѣтъ сѣры: такіе лигниты вообще рѣдки; но ихъ довольно много въ степи).

Г. Долинскій упоминаетъ о проектѣ желѣзной дороги по сѣверному склону Усть-Урты: она прошла бы черезъ залеганіе лигнита, открытое г. Сѣверцовымъ во время путешествія, которое, какъ справедливо думаетъ г. Долинскій, не могло мнѣ не быть извѣстнымъ. Предположеніе этой дороги дѣйствительно не можетъ быть исполнено. Авторъ помянутаго проекта*), не зная о лигнитѣ устьуртскомъ, разсчитывалъ на мангшлакскій, однако горный офицеръ, изслѣдовавшій сей послѣдній, положительно указывалъ на его плохое достоинство и вообще слабѣйшая сторона этого проекта есть слишкомъ поверхностное разрѣшеніе вопроса о топливѣ. Но какое топливо будетъ употребляться на дорогѣ, проектируемой г. Долинскимъ? Не только донской антрацитъ, но даже

*) Не знаю, объ одномъ ли и томъ же проектѣ мы говоримъ; во всякомъ случаѣ я разумю здѣсь не проектъ г. Иванина, столь основательно опровергнутый по порученію покойнаго графа Перовскаго. Проектъ, на который я указываю, принадлежитъ г. Л. Х.

усть-уртскіе лигниты обойдутся такъ дорого перевозкой, что дешевыя цѣны за провозъ товаровъ по желѣзной дорогѣ сдѣлаются невозможны, а съ ними вмѣстѣ и полученіе значительныхъ барышей для предпринимателей этой дороги. Въ угоду г. Долинскому разберемъ цифру стоимости одной версты желѣзной дороги, которую онъ полагаетъ въ 15.000 рублей сер. Въ Россіи, среднимъ числомъ верста обойдется около 50.000 руб., благодаря привознымъ рельсамъ и машинамъ, которыя своей дороговизной у насъ сравнительно съ западной Европой, почти уравниваютъ въ Европѣ огромную, а у насъ почти всегда маловажную издержку на покупку земель, занимаемыхъ желѣзной дорогой. Земли въ Туркменіи не будутъ стоить ничего, но содержаніе военной силы для того, чтобъ оберегать линію дороги, обзаведеніе поселенцевъ по этой линіи, защита ихъ отъ кочевниковъ, которые сначала не могутъ не быть имъ враждебны, какъ захватившимъ чужія земли; болѣе же всего работа, дѣлаемая выписными рабочими, потому что туркмены и понятія не имѣютъ о техническомъ совершенствѣ, необходимомъ въ работахъ на желѣзной дорогѣ; — вотъ траты, которыя связаны съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ средней Азіи и поднимаютъ цѣнность сихъ послѣднихъ до цифръ, которыхъ достоверно исчислить нельзя. А во-что обойдется въ Куныя-Ургенчѣ путь англійскихъ рельсовъ? А русскіе рельсы, которые и въ Нижнемъ дороже англійскихъ и уступаютъ послѣднимъ въ отдѣлкѣ, разумѣется и въ Куныя-Ургенчѣ съ ними не могутъ соперничать.

Можетъ быть, г. Долинскій и не постоитъ за цифру 15,000 рублей (за версту), столь важную въ разбираемомъ дѣлѣ, и дороговизну постройки полагаетъ покрыть значительностью выручки. Раздѣляя въ настоящемъ, общее, слишкомъ основательное мнѣніе о бѣдности нашей торговли съ средній Азіей, авторъ съ любовію останавливается на данныхъ, показывающихъ возможность развитія этихъ сношеній и ожидаетъ многого отъ мирныхъ торговыхъ связей въ будущемъ. Я позволю себѣ пока не раздѣлять этихъ утѣшительныхъ, но, увы, обманчивыхъ ожиданій. На развитіе нашей торговли съ средній Азіей въ теперешнихъ обстоятельствахъ нюха надежда. Кровавыя, непрестанныя междоусобія въ Коканѣ и Хивѣ, воинственность бухарскаго эмира, безжалостные грабежи среднеазіятской администраціи; стремленіе хановъ захватить въ свои руки монополію торговли, небезопасность лицъ, неуваженіе правъ собственности, — вотъ

въ какихъ условіяхъ находится средняя Азія! Пока она изъ нихъ не выйдетъ, — не процвѣтетъ ни наша, ни чья бы то ни было торговля въ этомъ краѣ. Онъ производитъ мало и плохо, не смотря на дары, которыми надѣлила его природа, потребляетъ еще меньше. Не понимаю, что противъ этого глубокаго упадка народовъ, среди которыхъ исчезаютъ даже и воспомнанія о бывшемъ величій средней Азіи, что тутъ можетъ сдѣлать русская компанія. Прежде всего надо водворить безапасность, переимѣнить администрацію, направить въ среднюю Азію потокъ русскихъ переселенцевъ.... но на это нужны десятки лѣтъ энергической дѣятельности сверху и сочувствія ей въ массахъ народа. А масса у насъ скорѣе направится на дешевыя и удобныя новоселья средней и особенно большой орды, въ Капалъ, въ укрѣпленіе Вѣрнос, — въ край, который, судя по словамъ видѣвшихъ его, дѣйствительно великолѣпенъ, щедро надѣленъ и безопасенъ отъ вторженій грабителей; пойдетъ и на Амуръ, на другую дѣвственную почву, которую ожидаетъ блестящая будущность; но на Сыр-Дарью чигирями черпать воду, чтобы поливать клочки въ одну четверть десятины, рискуя чрезъ два года на третій ничего не собрать, благодаря саранчѣ, — на это вы въ массѣ русскихъ поселенцевъ не найдете сочувствія; на это надо глубокую нищету и безконечное терпѣніе киргизскаго байгуша. Это вѣроятно остановило преемниковъ генерала Обручева слѣдовать данному имъ примѣру и переводить, правительственными распоряженіями, колонистовъ на вновь занимаемыя ими мѣстности по Сыр-Дарьѣ. Безъ орошенія на этихъ мѣстахъ ничего не родится; орошеніе теперешнее — такая огромная трата силъ для ничтожнаго вознагражденія, что на нее не рѣшится переселенецъ; а орошеніе рациональное требуетъ огромныхъ гидравлическихъ работъ, частью для осушки мѣстъ, ежегодно заливаемыхъ, частью для проведенія каналами воды, туда, гдѣ ея нѣтъ.

На такую работу нужны огромные свободные капиталы и расчетъ на очевидные барыши въ будущемъ: этихъ барышей не предвидѣтся еще потому, что на Сыр-Дарьѣ нѣтъ рукъ, слѣдственно успѣхъ всякой важной работы сомнителенъ. И оттого не заманите на нее и капиталы. Слѣдовательно, вотъ тотъ безвыходный кругъ, въ которомъ мы должны обращаться: поселеніе невозможно безъ капиталовъ, а капиталамъ нечего дѣлать безъ переселенцевъ. Если направить послѣднихъ на Сыр-Дарью насильно, то они пользы большой не приприсутъ и не

привлекуть къ себѣ денегъ изъ Россіи. Остается ждать — или пока въ Россіи умножатся свободные капиталы и тѣснота народонаселенія, или пока не мирнымъ путемъ, а завосваніемъ или хоть военнымъ занятіемъ, мы дойдемъ до мѣстъ болѣе привольныхъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать общее правило, что въ каждой странѣ капиталы обращаются сперва на близкое, вѣрное, потомъ на отдаленное и рискованное; по этому главную помощь промышленныя предпріятія находятъ въ мѣстныхъ капиталахъ. Едва ли кто изъ знающихъ торговлю практически, будетъ со мною спорить, что московскій, напримѣръ, купецъ предпочтетъ 10% на свой капиталъ въ Москвѣ, 15% въ Енисейскѣ, даже если бы обѣ выручки были одинаковы вѣрны. Милліонное предпріятіе въ степи врядъ ли найдетъ поддержку въ мѣстныхъ капиталахъ, сосредоточенныхъ въ немногихъ рукахъ, названныхъ мною монополистами мѣновыхъ дворовъ. Г. Долгинскій раздѣляетъ мою мысль, что для этихъ монополистовъ выгодно скрывать отъ Россіи богатства степи: слѣдовательно они явятся противниками, а не приверженцами желѣзной дороги. Заслуженный авторъ проекта, на который я ссылаюсь (а можетъ быть и г. Долгинскій), оставилъ проведеніе желѣзной дороги неблизкой цѣлью составляемой имъ компаніи, которой ближайшая задача должна быть торговля, заведеніе факторій и разработка естественныхъ богатствъ въ средней Азій: дай Богъ успѣха этой компаніи, и если дѣла ея пойдутъ хорошо, то лѣтъ черезъ тридцать подумаемъ, можетъ быть, и о желѣзной дорогѣ, когда теперешнія условія переменятся, что есть *conditio sine qua non*. А теперь мы еще не справились съ дорогой изъ Москвы въ Саратовъ и изъ Рыбинска къ Петербургу, съ этими капитальными артеріями Россіи, — намъ ли думать о желѣзныхъ дорогахъ въ Хиву? Ошибусь ли я, утверждая, что самое пароходство по рѣкамъ Сыру и Аму теперь возможно только, какъ предпріятіе правительственное, военно-политическое, а не торговое? Сколько мнѣ извѣстно, никому изъ частныхъ лицъ не мѣшаютъ строить тамъ пароходы и ни одному изъ торговцевъ, кредитующихъ Бухару на сотни тысячъ рублей, не пришло въ голову завести торговое пароходство по упомянутымъ водамъ, не смотря на сочувствіе, которое было бы возбуждено въ правительствѣ подобнымъ предпріятіемъ.

Недостатокъ ли это предпріимчивости или недостатокъ знанія? Не берусь рѣшить. Знаю только, что частыя сношенія Оренбурга съ Самарой и аральская флотилія близко ознакомили

оренбургское купечество съ дѣломъ пароходства, а что въ краѣ есть предпримчивость, доказываетъ прошлогодняя попытка купца Журавлева, едва дождавагося окончанія работъ по изученію рѣки Бѣлой и смѣло подаваго примѣръ взводнаго пароходства по ней.

Пароходству по Аму мѣшаетъ, по моему мнѣнію, недостатокъ топлива и еще болѣе — отдаленность и небезопасность береговъ, подверженныхъ наѣздамъ туркменъ и грабительству хивинцевъ.

Не Аральскому морю чета озеро Балхашъ, котораго всѣ берега наши, куда впадаетъ рѣка Илп, — на которой стоятъ города съ десятками тысячъ жителей, — Балхашъ, по берегамъ котораго стремится потокъ нашихъ колонистовъ въ копальскій и семирѣчинскій округи — въ эдемы западной Сибири! Однако люди, много лѣтъ жившіе въ Сибири, увѣряли меня, что пароходы, заведенные было на Балхашъ, остаются въ совершенномъ бездѣйствіи.

Съ легкой руки сѣверной Америки, проводящей желѣзныя дороги въ необитаемыя территоріи съ цѣлью колонизаціи послѣднихъ и у насъ убѣждены, что стоитъ провести желѣзную дорогу и край процвѣтетъ. Оно пожалуй и такъ, только вести эти дороги намъ труднѣе, чѣмъ сѣвернымъ американцамъ, да и колонисты наши ничего общаго съ янки не имѣютъ, какъ мы съ англичанами. Живое доказательство — петербургская желѣзная дорога. Она — артерія, связь нашего главнаго порта и нашего промышленнаго центра: гдѣ-же многолюдные города, гдѣ цвѣтушія села, на ней воздвигутся современіе ея открытія? А годовъ прошло довольно, чтобъ въ Америкѣ образоваться штату, уже мечтающему о томъ, что онъ самъ будетъ посылать колонистовъ, туда — въ дальній западъ. У насъ же во многихъ ли мѣстахъ окрестные жители насыпали шоссе для удобства подвоза дровъ? Ждутъ первыхъ шаговъ отъ правительства... Ну, и пенять нечего, что правительство откладываетъ удовлетвореніе мѣстныхъ интересовъ впредь до удовлетворенія болѣе общихъ ожиданій. А все оттого, что мы не сѣверная Америка, гдѣ правительство и знать не хочетъ о желѣзныхъ дорогахъ и шоссе, развѣ чтобъ ими пользоваться, да въ нѣкоторой мѣрѣ контролировать ихъ прочность.

Г. Долинскій нѣсколько разъ упоминаетъ о мнрномъ пути колонизаціи и торговли, указанномъ генераломъ Обручевымъ, безъ выстрѣла и безъ потери людей, обширнаго края при Араль-

скомъ морѣ и по рѣкѣ Сыру, почти на половину ея теченія. Здѣсь есть искаженіе фактовъ. Зачѣмъ отнимать должное у умершихъ и забывать подвиги, потерявшіеся конечно въ послѣдующихъ громаднѣхъ событіяхъ восточной войны, но тѣмъ не менѣе поддержавшихъ славу нашего отечества и честь нашихъ знаменъ въ глазахъ средне-азіатцевъ: взятіе съ Я Ак-Мечети, дѣло при Кум-Суатѣ, дѣло при Ак-Мечети? За генераломъ-отъ-инфантеріи Обручевымъ честь постройки аральскаго укрѣпленія и занятія *перваго* пункта на рѣкѣ Сырѣ, (въ скоромъ времени однако атакованнаго хивинцами, слѣдовательно и здѣсь дѣло было далеко не такъ мирное, какъ пишетъ г. Долинскій); за графомъ Перовскимъ слава распространенія этого начала и указанія лучшаго пути для нашей будущей дѣятельности. Громадныя событія на Западѣ остановили нашу дѣятельность на востокѣ Оренбургскаго края, но причина ли это чтобы забывать человѣка, уважаемаго цѣлымъ краемъ? Г. Долинскій даже не назвалъ графа Перовскаго. Что-же касается до начала колонизаціи, положеннаго генераломъ Обручевымъ, то число тридцати восьми семействъ, переселенныхъ въ Раймъ *) — съ-тѣхъ-поръ не увеличилось; поселенцы занимаются болѣе мелкою торговлею и свойства страны не привлекутъ новыхъ, по причинамъ, уже изложеннымъ мною.

Боже меня сохрани сказать что-либо противъ нашихъ переселенцевъ вообще! Большею частью ихъ гонить вдаль малоземельность родныхъ селъ, гдѣ, съ размноженіемъ населенія, оскудѣваетъ по-дѣдовски обрабатываемая почва и гдѣ возрастающая дороговизна и откупъ затрудняютъ составленіе мелкихъ капиталовъ. Все это, хотя въ другихъ формахъ и въ связи съ другими условіями мѣста, повторяется, пожалуй, и среди переселяющихся въ Америку. Но нашъ переселенецъ и въ Сибирь несетъ свой идеалъ сельской организаціи, общину, потому что переселяется бѣдный, которому она нужна, какъ опора. Переселенецъ же въ Америку разрываетъ всякую связь съ общественными идеалами своей родины, ищетъ опоры лишь въ себѣ самомъ, да и въ край идетъ такой, гдѣ другой опоры ему не дождаться. Оттого наши переселенцы, пожалуй, и нравственнѣе, но далеко не имѣютъ ни той энергіи, ни той инициативы, какъ

*) Киргизское и болѣе употребительное названіе аральскаго укрѣпленія; точно также говорятъ Казала вмѣсто Фортъ № 1, и Ак-Мечеть вмѣсто Фортъ Перовскій.

американскіе; оттого даже и процвѣтающіе наши новоселки далеко отъ кипучей торговой дѣятельности, и отъ лихорадки спекуляцій, явленій общихъ всей сѣверной Америкѣ и въ-особенности ея молодымъ городамъ.

Наши лучшіе новоселки — это богатые села, какъ двѣ капли воды похожія на великороссійскія, т. е., живущія дома и стремящіяся ни въ комъ не нуждаться: это даетъ намъ, кажется, право заключить, что, еслибъ даже потокъ нашихъ переселенцевъ предпочелъ скудную Сыр-Дарью роскошному Амуру, то и тогда не съ этими нуждами переселенцы могутъ поддерживать желѣзныя дороги, и ошибется тотъ строптель послѣднихъ, который будетъ разсчитывать на перевозъ и будущую торговлю переселенцевъ. Подспорье они — хорошее, но и только.

Вторая разница наша съ сѣверной Америкой относительно желѣзныхъ дорогъ: у насъ нѣтъ системы Миссиссипи, которая отъ долготы озера Эриодюкти до скалистыхъ горъ представляетъ сѣтъ водяныхъ сообщеній и плодороднѣйшихъ пространствъ. У насъ рѣчныя системы раздѣляются безводными волоками, что не можетъ не затруднить колонизацію.

Но главное различіе — это основаніе проведенія этихъ дорогъ, уже указанное нами выше. Въ Америкѣ каменный уголь и желѣзо очень дешевы, у насъ перваго почти нѣтъ, оттого и дорого второе; оттого огромная разница въ стоимости желѣзной дороги и движенія по ней. Всякая дорога въ необитаемомъ мѣстѣ, съ промышленной точки зрѣнія — рискъ, который долженъ искупаться доходомъ выше нормальнаго коммерческаго процента. Едва ли ошибемся, полагая сей послѣдній въ 12% для Оренбургскаго края. Что же должна дать желѣзная дорога, стоящая въ степи (какъ, надѣюсь, уже доказано) много болѣе постройкой, чѣмъ въ сѣверной Америкѣ, и еще невыгоднѣйшая по издержкамъ движенія по ней?

Американцы въ своихъ дорогахъ въ дальній западъ весьма часто не разсчитываютъ на доходъ съ самой дороги, полагая себя счастливыми, если онъ покроетъ расходы; главный же расчетъ на то, что они вдоль дороги скупаютъ земли до ея проведенія, по дешевой цѣнѣ, а послѣ его продаютъ съ барышамъ колонистамъ, разсчитывающимъ на желѣзную дорогу для сбыта своихъ произведеній. Говоря о будущихъ поселеніяхъ въ Туркменіи, не имѣлъ ли г. Долинскій въ виду этого разсчета? Если имѣлъ, то этотъ расчетъ едва ли приложимъ къ средней Азіи.

Сѣверо-американскій западъ — пустыня только отъ недо-

статка обитателей: природа же сдѣлала многое, и ретивому работнику, даже и одному, есть чѣмъ быть сыту. Колонія трапперозъ, — нѣсколько семей разсѣявшихся по лѣсу или въ саваннѣ, — можетъ жить, не безъ тревогъ, но безъ неотвратимыхъ опасностей. Дикія племена, уступившія свои земли, малочисленны *).

Въ средней Азіи обитатели и не думаютъ уступать свои земли, земель лишникъ у нихъ не много; эти племена многочисленны, — ихъ считаютъ милліонами душъ: колоніи трапперовъ тутъ невозможны. Земли, если ихъ уступить компаніи, надо будетъ взять съ бою; а переселенцамъ съ бою же водвориться и защищаться оружіемъ. Слѣдовательно колонизація теперь можетъ быть только военная, особенно сначала; а опытъ Алжира доказалъ, какая непроезводительная трата огромныхъ капиталовъ военная колонизація!

Зналъ ли все это г. Долинскій?

Приводя слова Флоріо-Беневски опъ соглашается, что Востокъ изъ одного страха оказываетъ благорасположеніе. Страхъ, какъ впечатлѣніе, притупляется, особенно когда, съ занятіемъ угодій переселенцами, вспыхнетъ вражда интересовъ. Страхъ надо будетъ поддержать оружіемъ, а тогда придется или по справедливости заставить новопоселенныхъ въ странѣ, которой обработка требуетъ затраты и труда и денегъ — помогать еще лично или денежными жертвами содержанію необходимой для ихъ безопасности военной силы. Это можно сдѣлать введеніемъ казачества или съ обязательной личной службой или съ предоставленіемъ права содержать наемныхъ казаковъ (какъ въ уральскомъ войскѣ **). Юная колонія этого бремени не вынесетъ.

Или надо будетъ издержку военного охраненія колоніи взять на счетъ казны. Но тогда за что же масса русскаго народа будетъ платить дорого за невыгодныя поселенія въ средней Азіи, когда имѣеть возможность дешевыхъ и выгодныхъ населеній по рѣкамъ Или и Амуру?

. Сведите приходъ съ расходомъ и вы убѣдитесь, что увеличеніе торговыхъ оборотовъ не вознаградитъ издержекъ необходимаго военного занятія.

*) Въ индійскихъ территоріяхъ и Калифорніи индійцевъ не болѣе одинадцати душъ на квадратную милю; въ прочихъ мѣстностяхъ пять человекъ и менѣе. (Petermann's geographische Mittheilungen. 1855, V, стр. 132.)

**) Размѣръ денежныхъ жертвъ казака въ замѣнъ личной службы по одинаковъ; но на душу приходится до сорока рублей серебромъ.

Да не подумаетъ ни г. Долинскій, ни читатели, что я отрицаю будущность этой торговли и нашихъ сыръ-дарьинскихъ и туркменскихъ предпріятій. Но будущность эта не такъ близка, и доступнѣйшее теперь къ достиженію не тамъ, гдѣ думаетъ г. Долинскій. Прежде заселенія пустыни, заселеніе мѣстъ плодородныхъ — таковъ естественный порядокъ вещей; посему колонизирующей дѣятельности на бесплодныхъ низовьяхъ рѣки Сыра или въ пустыняхъ киргизской степи *), должны предшествовать русскія поселенія на склонахъ коканскаго Каратау, соединеніе сыръ-дарьинской линіи съ новозанятыми мѣстами большой орды и укрѣпленіемъ Вѣрнымъ; словомъ — созданіе мѣстныхъ пособій поселенцамъ относительно лѣсу, топлива, металловъ и даже, на первый случай, хлѣба; что все надо вести теперь изъ Оренбурга за тысячу верстъ, а ближе и найти нельзя, нельзя даже и создать. Среднюю Азію надо колонизировать и образовывать съ востока; потому что на западѣ насъ отъ нея отдѣляетъ пустыня, Сагара русская, которую я однажды, къ великому негодованію г. Долинскаго, сравнилъ съ Сагарой великой.

Позволено ли мнѣ будетъ безпристрастно разобрать опроверженія г. Долинскаго противъ моего мнѣнія о пустынности степи?

Г. Долинскій допускаетъ мое право употреблять цвѣтистыя гиперболы, но эту считаетъ уже непозволительною по ея невѣроятности, и указываетъ мнѣ на Левшина. Левшина я читалъ; но и степь я прошелъ отъ Оренбурга до форта Перовскій, и обратно, черезъ уральское и оренбургское укрѣпленія. Кому мнѣ было вѣрить, Левшину или своимъ глазамъ **)?

Гдѣ я видѣлъ хорошую почву, зародили хлѣбопашества, т. е., по Илеку и Исенбаю, я говорилъ объ нихъ. За Эмбой же, повторяю, пустыня, не лучше, а хуже Сагары, и не на одномъ Усть-Уртѣ, а за исключеніемъ Липоджарскихъ долинъ все пространство на югъ отъ Эмбы и Иргиза, и между впаденіемъ Тургай и Сыръ-Дарьей, т. е., половина степи, тысячи квадратныхъ миль. Рѣкъ съ постояннымъ теченіемъ здѣсь нѣтъ; родники рѣдки, маловодны и большей частью горьковаты или со-

*) То есть, въ тѣхъ весьма немногихъ мѣстахъ южной ея части, гдѣ это возможно. О сѣверо-восточной части, лежащей внѣ пути въ среднюю Азію, не говорю, но эта послѣдняя часть на южную не похожа.

***) Сколько мнѣ извѣстно, г. Долинскій въ степи не былъ и поэтому не могъ своими глазами видѣть, кто правъ, Левшинъ или я.

лонцоваты, также какъ и колодцы. Въ пескахъ есть грунтовая вода, довольно близко и сносная; — ея много и въ Сагарѣ, почти повсюду. Но у насъ до этой воды недороешься, какъ скоро выйдешь пзъ песковъ: наша транспортная дорога (будущій путь колонистовъ, еслибъ они были въ рѣкѣ Сырѣ), идущая вдоль этихъ песковъ, вовсе безводна, какъ и ~~и~~ обились; транспорты и команды, не смотря на трудность слѣдованья по сыпучимъ каракумскимъ пескамъ въ удушающій жаръ, должны сворачивать съ дороги на колодцы, находящіеся только въ пескахъ, гдѣ хотя, правда, не трудно вырыть колодцевъ, хоть пятьдесятъ въ одной квадратной верстѣ, но не трудно и черпать ихъ.

Въ Сагарѣ африканской издревлѣ существуютъ артезіанскіе колодцы. Они, можетъ быть, возможны и въ нашей степи; но все же ихъ нѣтъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ и ихъ благотворнаго вліянія; тамъ всюду, гдѣ существуютъ эти колодцы, есть и земледѣліе, и финиковыя рощи; и связь между колодцемъ и земледѣіемъ такъ неразрывна, что въ оазисахъ, гдѣ французы вновь вырыли артезіанскіе колодцы, тотчасъ появилось и земледѣіе. У насъ въ степи....

Есть лѣса и боры, говоритъ г. Долинскій. Да, дѣйствительно есть, но гдѣ? между Илекомъ и Ураломъ; по системѣ Тобола, по верховьямъ сѣверныхъ протоковъ Тургая. Эта половина степи и по характеру отличается отъ прочихъ частей; судить объ нихъ по ней, значить впадать въ добровольную ошибку.

Внѣ указанныхъ мною предѣловъ лѣса нѣтъ, есть березовой кустарникъ въ Мугоджарахъ, да нѣсколько одинокихъ деревьевъ при ключахъ; деревьевъ, извѣстныхъ наперечетъ. Въ путешествіи, простиравшемся почти на три тысячи верстъ, мы ихъ встрѣтили, кажется, четыре. Оазы киргизской Сагары — это камыши на поемныхъ мѣстахъ и оржаникъ въ тѣхъ мѣстахъ песковъ, гдѣ грунтовая вода ближе и почва не солонцовата.

За что же г. Долинскій укоряетъ меня въ непростительной гиперболѣ? *)

Не могъ не знать г. Нёрдлихъ, говоритъ г. Долинскій, что степь снята гг. офицерами корпуса топографовъ, съ ббльшею

*) Ужъ благо пошло на сравненіе киргизской степи съ Сагарой, припомнимъ, какъ рѣдки и скудны дожди въ нашей степи; напротивъ, въ степи туареговъ одинъ сильный дождь препратилъ сухую долину въ стремительный потокъ, въ двѣ тысячи ярдовъ ширины, судя, по словамъ Барта, бывшаго очевидцемъ.

вѣрностію, г. Людвигъ Нёрдликъ отъ уральскаго укрѣпленія до орской крѣпости на пространствѣ триста девяносто пяти верстъ прокатился на почтовыхъ, почти съ такимъ же удобствомъ, какъ по степямъ саратовской губерніи.

Откуда г. Долинскій знаетъ мой маршрутъ? Пусть не вѣрять онъ впрочемъ этому источнику: по орско-уральской дорогѣ я сдѣлалъ не триста девяносто пять, а всего тридцать верстъ: всю поѣздку въ степь я сдѣлалъ верхомъ, и если были у насъ удобства, что я не отрицаю, то благодаря запасамъ, взятымъ генераломъ Катеннымъ изъ Оренбурга. Г. Долинскій, укоряющій меня въ гиперболахъ, видѣлъ ли станціи орско-уральской дороги и сравнивалъ ли ихъ съ саратовскими? Станціи степи, которыя мнѣ пришлось осматривать, были весьма хороши для степи, гдѣ постоянныхъ жилищъ нѣтъ. Въ буранную ночь онѣ покажутся, пожалуй, раемъ; но для зрителя хладнокровнаго — онѣ мазанки и сравнивать ихъ съ станціями нашихъ почтовыхъ дорогъ — нужна смѣлость. Позволю себѣ вопросъ по поводу приведенныхъ возраженій: развѣ снятіе на планъ пустыни или проведеніе въ ней почтовой дороги, мѣшаютъ ей быть степью и пустыней? Въ своей Сагарѣ французы проводили даже, по военнымъ соображеніямъ, телеграфическія линіи; не довольствовались, какъ мы, по необходимости довольствуемся, проложеніемъ колесныхъ слѣдовъ, чтобъ сдѣлать дорогу: они возводили и искусственныя сооруженія на своихъ дорогахъ въ пустынѣ, и она осталась Сагарой и останется ею, даже если по ней проведутъ желѣзныя дороги.

Екатерина Великая, говоритъ г. Долинскій, признала возможнымъ распространить на степь Учрежденіе о Губерніяхъ. Это ровно ничего не доказываетъ, развѣ, что эта мѣра оказалась несостоятельной, почему и была отмѣнена.

Все это не опровергаетъ сходство киргизской степи съ Сагарой и не оправдываетъ негодованіе г. Долинскаго. Мнѣ остается еще оправданіе, и не легкое. Какъ я смѣлъ сравнить Исета Кутебарова съ Абд-Эль-Кадеромъ и экспедиціи противъ него съ войнами противъ кафровъ?!

Смиренно замѣчу сначала, что несчастное это сравненіе и окружилъ оговорками о несходствѣ помянутыхъ лицъ и о томъ, что общаго у нихъ только то, что оба національные герои, имѣющіе огромное вліяніе на соотечественниковъ.

Объ Исетѣ г. Долинскій говоритъ:

«Этотъ господинъ участвовалъ въ убійствѣ одного изъ сво-

ихъ киргизскихъ начальниковъ, скрывался потомъ отъ законнаго преслѣдованья, пока не получишь прощенія; по этому дѣйстви-тельно ли сходство Исета Кутебарова съ Абд-Эль-Кадеромъ.»

Въ этомъ видѣ изложенія дѣла — сходства дѣйствительно нѣтъ. Но вѣрно ли это изложеніе?

Не имѣю права излагать всю исторію Исета; она такъ связа-на съ правительственными распоряженіями по управленію степи и даже съ нашими дипломатическими сношеніями съ сред-ней Азіей, что опубликована можетъ быть лишь съ согласія правительства, о чемъ я не считаю нужнымъ хлопотать въ по-лемической статьѣ. Замѣчу только, что участіе Исета въ убій-ствѣ, о которомъ такъ положительно говоритъ г. Долинскій, сам-имъ Исетомъ постоянно опровергалось съ негодованіемъ п юри-дически еще не доказано. Изъ немногихъ словъ, сказанныхъ г. Долинскимъ, казалось-бы, что Исеть бѣжалъ и скрывался, какъ темный убійца и съ немногими сообщниками. Огромное личное вліяніе Исета, плодъ его чисто національныхъ качествъ, дало этому бѣгству характеръ несходный съ словами г. Долинскаго. Съ Исетомъ было до двухъ тысячъ человѣкъ, способныхъ но-силь оружіе; въ Хивѣ Исеть поддерживалъ равновѣсіе силъ хи-винцевъ и туркменъ; помощь и сочувствіе онъ находилъ въ по-ловнѣ обитателей степи. Отсылаю г. Долинскаго къ своей ста-тѣ въ Русскомъ Инвалидѣ за подробностями дѣйствій исето-выхъ приверженцевъ, потому что ничто не можетъ быть такъ скучно, какъ повторять свои слова. Но уже изъ сказаннаго, ка-жется видно, что Исеть былъ не темный убійца.

Что же касается до сравненія между блескомъ войнъ съ ка-рами или въ Алжирѣ съ блескомъ и интересомъ нашихъ степ-ныхъ экспедицій, — то да позволено мнѣ будетъ поправить маленькую недомолвку: я говорилъ не объ Абд-эль-Кадерѣ, гла-вѣ магометанскаго возстанія алжирскихъ жителей, располагав-шемъ и бедуинами и каблами; а о томъ періодѣ его жизни, ко-гда, вытѣсненный и изъ Алжирѣ и изъ Марокка въ пустыню, онъ скитался съ приверженцами своими по бедуинскимъ племе-намъ и не могъ быть постигнутъ. Въ этомъ періодѣ сходство войны французовъ съ ними и нашихъ экспедицій противъ Исета поразительно. То-же отсутствіе сраженій, та-же система нака-занія племенъ (у насъ ауловъ), помогавшихъ преслѣдуемому, та-же безуспѣшность преслѣдованія. Прибавить ли, что сдавшійся Абд-эль-Кадеръ живетъ точно также спокойно, какъ явившійся съ повинной и помплованный Исеть?

Что же касается до войнъ съ кафрами, то въ первый разъ мнѣ приходится слышать, чтобъ этотъ размѣнъ грабежей съ одной стороны и насилій съ другой, имѣлъ бы какой-нибудь блескъ.

Мнѣ кажется, что личной защитѣ я далъ слишкомъ много мѣста: да извинятъ меня и читатели и г. Долинскій за это невольное увлеченіе. Я уже болѣе не отдамся ему въ настоящей статьѣ.

Изложенное выше надѣюсь, достаточно доказываетъ, что наша киргизская степь оренбургскаго вѣдомства не есть удобный путь ни для торговли, ни для колонизаціи, и что будущность нашихъ дѣйствій въ средней Азій далеко не такъ блистательна и не такъ легко достижима, какъ думаетъ г. Долинскій, и къ несчастію не онъ одинъ. Эта страна не Индія и дѣйствія въ ней и трудны и дурно вознаграждаются, даже при успѣхѣ. Не въ распространеніи англійскаго господства изъ Мадраса и Калькутты, а скорѣе въ разширеніи французскаго владычества изъ Алжира и Константины должны мы искать сравненій для нашихъ дѣйствій въ средней Азій; да и то сравненіе весьма рѣдко бываетъ хорошимъ доказательствомъ.

Что намъ за дѣло до мнѣологическихъ (sic!) подвиговъ Вакха и Геркулеса, и до историческихъ—Кира и Александра? мы идемъ съ сѣвера, они съ юга; они завоевывали и, дойдя до киргизской пустыни, ставили жертвенники на этой крайней границѣ ихъ предпріимчивости; дошедши до пустыни, они возвращались и александрова имперія простиралась отъ пустыни, окружающей оазисъ Юпитера Аммосона, до двѣнадцати жертвенниковъ, воздвигнутыхъ на Сыр-Дарьѣ въ нынѣшнихъ коканскихъ предѣлахъ.

Чтобъ намъ ступить на эту почву древнеисторической дѣятельности, надо сперва перешагнуть черезъ пустыню, остановившую Александра-Великаго. Это уже сдѣлано, по малымъ снамъ, съ которыми невозможно думать о всемірно-историческихъ задачахъ.

Я понимаю, что въ среднюю Азію стремился Александръ-Великій, если она была сплошнымъ садомъ, если въ нѣсколько недѣль можно было собрать продовольствій на десять армій: но теперь, когда въ ней плодородныя мѣста смѣняются пустынями, когда жители быстро вымираютъ, а бѣднѣютъ еще быстрѣе; когда армію, тамъ дѣйствующую, надо-бы снабжать необходимѣйшими вещами изъ Оренбурга, употребляя, какъ въ бѣдствен-

ную хивинскую экспедицію, тысячи верблюдовъ.... Не было бы даже громкой, хотя безплодной славы побѣдъ, потому что получасоваго огня батальона застрѣльщиковъ не выдержать ни одна среднеазиатская армія; главный врагъ — дороговизна содержанія армій, болѣзни и лишенія.

Г. Долинскій на Россію возлагаетъ задачу возстановить древнее благосостояніе этого края: многія тысячелѣтія создали это благосостояніе; зѣтъ шестьсотъ надо было, чтобъ его разрушить; почему мы знаемъ, какими естественными вліяніями сопровождался этотъ упадокъ? Россіи ли, и въ настоящее ли время, рисковать цвѣтомъ своего населенія и своими трудовыми деньгами, чтобъ возстановлять благосостояніе страны, гдѣ для достиженія этой цѣли потребны десятки, или вѣрнѣе, сотни лѣтъ.

Для памяти только упомянемъ, что ни Хива, ни Коканъ, ни Ак-Мечеть не находятся въ предѣлахъ гѣкогда цвѣтущей Согдіаны и Трансоксианы и не могли находиться. Согдіана, помнится, простиралась до Яксарта или Сыр-Дарьи, а на западъ не могла, по пустынности Кизиль-Кумовъ, ходить до Аральскаго моря. Низовья дельты Сыр-Дарьи были обработаны болѣе теперешняго, но остающіеся слѣды этой обработки не показываютъ еще особаго процвѣтанія страны, которая по солонцоватости грунта, всюду, гдѣ онъ не оплодотворяется разливомъ рѣкъ, врядъ ли и способна къ процвѣтанію.

Для памяти то-же скажу, что Александру-Великому, предводителю грековъ, столь склонныхъ къ заведенію колоній и къ жизни въ городахъ, легко было заводить колоніи въ отдаленнѣйшихъ странахъ. Русскіе напротивъ несклонны къ жизни въ городахъ и потому вторая Александрія при устьяхъ Аму-Дарьи, врядъ ли обѣщаетъ скорое процвѣтаніе и имъ, во всякомъ случаѣ, будетъ одолжена не русскимъ, какъ не имъ одолжены Одесса, Таганрогъ и другіе молодые черноморскіе города блестящимъ своимъ положеніемъ.... И если Кирополисъ и Александрія-первая не оставили слѣдовъ, то вторая Александрія можетъ быть и не возникнетъ въ странѣ, гдѣ все растетъ такъ туго, а разрушается такъ быстро.

Переходя къ другимъ соображеніямъ г. Долинскаго, — о будущности саратовской желѣзной дороги и продолженіи ея на востокъ; о выгодныхъ проектахъ г. Никольскаго на счетъ снабженія сыр-дарьинской линіи, — о томъ что казачество на линіи уже устарѣло и составляетъ преграду развитію оренбургскаго края, — скажу однимъ словомъ, что эти вопросы едва

затронуты авторомъ, а между тѣмъ, по своей сложности и важности, въ двухъ словахъ и многоходомъ затронуты быть не могутъ. Г. Долинскій ихъ едва коснулся, я оставлю ихъ пока все безъ разсмотрѣнія.

Въ заключеніе не могу не выразить сожалѣнія, что люди, вообще обладающіе основательными свѣдѣніями, извѣстными своими полезными трудами, безкорыстно служащіе общему благу, — люди, къ числу которыхъ, зная г. Долинскаго, я не могу его не причислить, — жаль, говорю я, что такіе люди иногда увлекаются мечтами, можетъ быть и утѣшительными, но бесполезными. Если бы мечты сохранились въ портфель автора, то никто не могъ бы сказать про нихъ ни слова; но напечатанныя, съ прибавленіемъ неоспоримыхъ данныхъ, онѣ могутъ сбить съ толку публику и распространить ложныя свѣдѣнія, которыя, въ дѣлѣ промышленнаго предпріятія, могутъ довести довѣрчивыхъ людей до дѣлъ рискованныхъ и незрѣлообдуманныхъ, слѣдовательно, и до раззоренія. Миліонными расчетами шутить опасно и въ подобныхъ случаяхъ соображенія и свѣдѣнія, не подвергнутыя глубокой критикѣ, ложатся, какъ опасная ложь, на совѣтъ автора, ихъ распространившаго. Особенно же осмотрительнымъ надо быть въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ напримеръ, относительно средней Азіи, самые тѣ, кто знаетъ предметъ, должны были узнавать его по отрывочнымъ даннымъ, и гдѣ повѣрка свѣдѣній требуетъ особеннаго труда и способовъ, не всякому доступныхъ.

ЛЮДВИГЪ НЕРДЛИХЪ.

1 августа.

ТУДА И ОБРАТНО.

IV.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Берлина я замѣтилъ весьма оригинальную, характеристическую черту берлинской жизни, свидѣтельствующую о любви къ музыкѣ жителей этого города. Въ первой половинѣ іюня (новаго стѣня) жары стояли такіе, что даже и ночью иногда было душно. Я жилъ на Шпре, и каждый день, раннимъ утромъ, прямо съ постели, отправлялся купаться (за полторы копейки серебромъ!) Въ Духовъ день, въ воскресенье, я всталъ ранѣе обыкновеннаго, въ началѣ пятого;

смотрю: съ разныхъ сторонъ, но все по одному направленію, идетъ много весьма порядочно одѣтаго народу обоюга пола. Мнѣ очень хотѣлось узнать, откуда и куда идутъ эти люди, и вотъ я останавливаю одного господина.

«Извините мое любопытство, но скажите, ради Бога, куда это идутъ такъ рано всѣ эти господа и дамы? куда идете вы сами?»

«За городъ, въ концертъ», отвѣчалъ онъ очень хладнокровно, какъ будто-бы дѣло шло о томъ, что его зовутъ Карломъ или Адольфомъ.

«Какъ! въ пятомъ часу утра въ концертъ?»

«Да. У насъ лѣтомъ, въ праздники, въ хорошую погоду, загородные концерты начинаются въ четыре часа утра».

За этимъ любитель музыки на-скоро раскланялся со мною и поспѣшилъ за своими дамами, оставивъ меня совершенно озадаченнаго. Я не зналъ, что и подумать о такомъ странномъ для насъ явленіи. Вотъ если бы этотъ господинъ отвѣчалъ на мой вопросъ, что всѣ они идутъ домой съ кутежа или съ картежной игры, такъ это русскому человѣку было бы понятно; а то помилуйте: подняться ни свѣтъ, ни заря, чуть не съ пѣтухами и тащиться за городъ наслаждаться, извольте видѣть, природою и музыкой! на что это похоже? ну ужъ нѣмцы, просто какіе-то антиподы.

Я не повѣрилъ этому господину, остановилъ другаго, обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ и получилъ такой же отвѣтъ. Наконецъ спросилъ о томъ же у сторожа при купальнѣ, и тотъ отвѣчалъ то же самое. Кажется, показанія вѣрны, а все не вѣрится, такъ странно; точно снилось. — Слѣдовало бы самому тотчасъ же отправиться на этотъ диковинный концертъ, но я уже условился съ моими знакомыми ѣхать въ Потсдамъ посмотрѣть на Санъ-Суси. А если правду сказать, такъ вовсе и не слѣдовало туда ѣздить; ничего тамъ нѣтъ особенно интереснаго, кромѣ того, чего намъ нельзя было видѣть, потому что въ замкѣ, сохранившемъ такія свѣжія воспоминанія о Фридрихѣ II и Вольтерѣ, жилъ въ это время король. Но такъ уже участь русскаго, который въ первый еще разъ попалъ въ чужіе края: ему какъ будто надо видѣть не только все интересное, но и все слишкомъ извѣстное, знаменитое. Къ тому же подвернется иногда какой-нибудь услужливый мѣстный патріотъ, которому все свое кажется необыкновенно замѣчательнымъ: распышетъ вамъ, размажетъ, ну и ѣдешь смотрѣть,

дѣлать нечего, не хочется, а ѣдешь какъ на барщину. Такъ въ Гамбургѣ одинъ такой господинъ пристагъ ко мнѣ какъ съ ножомъ къ горлу: поѣзжай да и только на Бланке-незе. Одно изъ восхитительнѣйшихъ мѣстъ, говоритъ, въ Европѣ и очень близко. Видишь, что нанесешь страшную обиду, если не поѣдешь, да и вандаломъ, пожалуй, сочтеть. Ну вотъ я и поѣхалъ тотчасъ послѣ обѣда, въ самомъ легкомъ сертучкѣ, потому что было очень жарко. Ъхалъ я, правда, мимо великолѣпныхъ виллъ гамбургскихъ богачей, все по высокому берегу Эльбы, заходилъ въ знаменитый садъ г-на Буда, изъ котораго привозятъ цвѣты даже и къ намъ въ Петербургъ; но до пресловутаго Бланке-незе добрался только къ восьми часамъ. Что же это такое? Небольшая песчаная горка, съ которой открывается обширный видъ на изгибающуюся между болотистыми лугами Эльбу, и на безконечныя поля, лежащія за нею. Конечно такая мѣстность хороша для жителя плоской сѣверной Германіи, изъ окрестностей люнебургскаго лѣса, извѣстнаго своимъ печальнымъ безобразіемъ; но для путешественника, только что побывавшаго въ Швейцаріи, этотъ видъ не заслуживаетъ никакого вниманія, а я потерялъ для него полдня и чуть не простудился на обратномъ пути въ Гамбургъ.

Садъ и фонтаны Санъ-Суси далеко уступаютъ петергофскимъ; видъ съ королевскаго бельведера, построеннаго на холмѣ Pfingstberg, очень хорошъ, но не лучше вида съ бабьяго-гона. — Въ русской колоніи еще доживаютъ свой вѣкъ двое русскихъ солдатъ. Мы вошли въ избу къ одному изъ нихъ; онъ стоялъ возлѣ печки и возился около какого-то горшка. Нашъ приходъ и русская рѣчь нисколько не удивили и не обрадовали его; онъ понималъ насъ хорошо и отвѣчалъ на наши вопросы понятнымъ русскимъ языкомъ, но какъ-то странно, безучастно; родной языкъ въ его устахъ казался заученными непонятными словами, произносимыми бессознательно. Дряхлое лице его было печально, онъ смотрѣлъ какимъ-то ідіотомъ; онъ даже не поблагодарилъ и ничѣмъ не выразилъ удовольствія, не смотря на его бѣдность, когда мы дали ему нѣсколько серебряныхъ монетъ. На вопросъ нашъ, какъ они сюда попали, онъ отвѣчалъ, что они были пѣвчіе, хорошо пѣли, понравились прусскому королю, государю Александръ Павловичъ ихъ и уступилъ ему: это было въ 1815 году.

Подъ грустнымъ впечатлѣніемъ этого свиданія мы отправились въ Берлинъ и попали на пресвѣтлый и великолѣпный ба-

летъ Фликъ и Флокъ. Жаль, если онъ не будетъ поставленъ на нашей сценѣ. Вотъ вкратцѣ его содержаніе.

Фликъ, сынъ алхимика, приноситъ поздравленіе и подарки своей бабушкѣ, дряхлой старушкѣ Мартѣ, въ день ея рожденія; п съ нимъ вмѣстѣ крестница ея Нелла. Молодые люди, разучѣтся, влюблены другъ въ друга. Собираются гости и начинается сельскій праздникъ съ танцами. Между простыми гостями находится важная особа — бургомейстеръ, непріятный старикъ, крѣпко ухаживающій за Неллою, которая оказываетъ ему явное пренебреженіе. Вся молодежь надъ нимъ смѣется. Онъ сердится; вынимаетъ изъ кармана бумагу и грозитъ Мартѣ выгнать ее изъ дому и описать всю ея мебель за какой-то долгъ. Эта угроза возбуждаетъ всеобщее негодованіе, вслѣдствіе котораго бургомейстеръ долженъ былъ убраться поскорѣе по добру по здорову домой. Расходятся и прочіе гости. Старушка плачетъ; Фликъ и Нелла утѣшаютъ ее. Вдругъ входитъ Флокъ, странствующій музыкантъ, другъ дѣтства Флика. Онъ узнаетъ о бѣдѣ, которая угрожаетъ Флику и его бабушкѣ; оба они придумываютъ разные средства помочь горю. Но вотъ входятъ полицейскіе и забираютъ вещи бѣдной старушки. Одинъ изъ нихъ хочетъ снять со стѣны портретъ фликова отца, алхимика, но этотъ портретъ, какъ живой, бросается на дерзкаго и придавляетъ его къ землѣ; прочіе полицейскіе служители разбѣгаются отъ страха.

На томъ мѣстѣ, гдѣ висѣлъ портретъ, молодые друзья замѣтили большое отверстіе, ведущее внизъ, въ подземелье; они смѣло вошли въ него и очутились въ царствѣ гномовъ. Необыкновенный блескъ и великолѣпіе поражаютъ ихъ; всюду изумруды, топазы, яхонты и всюду безобразные, большеголовые, коротконогіе, зеленоватые и сѣроватые гномы. Тутъ они переходятъ отъ одного чуда къ другому; царь гномовъ хочетъ казнить ихъ, но они спасаются отъ смерти чудомъ. Во второмъ актѣ они являются на морѣ, въ страшную бурю, на обломкахъ корабля, съ которыми и погружаются въ бездну. Черезъ минуту мы видимъ ихъ во дворцѣ Амфитриды, окруженныхъ нерендами, тритонами и другими морскими жителями; изъ нихъ необыкновенно хороши и въ высшей степени интересны были раки. Непостижимо, до какого искусства дошла, въ наше время театральная костюмировка! Является Амфитрида, окруженная всѣмъ блескомъ царственнаго величія въ морскомъ вкусѣ. Фликъ проситъ ее указать ему мѣсто, гдѣ бы онъ могъ найти свое

счастіе. Амфитрида, какъ царца водъ, показывасть ему пять рѣкъ, и передъ зрителями проходятъ великолѣпныя подвижныя картины Дуная съ Вѣною, Темзы съ Лондономъ, Сены съ Парижемъ, Невы, покрытой льдомъ и снѣгомъ съ видомъ биржи и части дворцовой набережной и наконецъ Шпре и съ Берлиномъ. И каждая изъ этихъ картинъ сопровождалась національными танцами. Наша русская пляска вышла какъ-то манерна, черезъ-чуръ театральна, за то казачекъ былъ превосходенъ и вѣренъ натурѣ. Берлинская публика всеѣмъ этимъ картинамъ и танцамъ аплодировала, кромѣ французскихъ.

Сокращу разсказъ содержанія балета, чтобы не наскучить читателю. Друзья возвращаются на родину и Фликъ женится на Неллѣ. Повторяю: по великолѣпію и блеску декораций и костюмовъ балетъ этотъ чрезвычайно хорошъ. Театръ былъ полонъ. Съ трудомъ можно было достать билетъ.

Здѣсь вмѣсто афишъ продають въ театрѣ газету Theater-Zwischenakts-Zeitung, которую и читають во время антрактовъ. Она стоитъ одинъ грошъ, т. е., съ небольшимъ три копейки серебромъ. Въ ней вы найдете во-первыхъ все то, что содержится въ нашей афишѣ; потомъ, подъ рубрикою Theater-Confest, слѣдуетъ собраніе небольшихъ статей разнаго, болѣе или менѣе занимательнаго для мѣстныхъ жителей, содержанія; а нынѣ статейки интересны и для всякаго. Вотъ на примѣръ одна изъ такихъ: изъ *Швейцаріи*. Между швейцарскими нѣмцами господствуетъ разладъ касательно современнаго вопроса. Меньшая часть изъ нихъ, именно живущая во французской Швейцаріи, сочувствуетъ теперешней дѣятельности Наполеона и требуетъ, чтобы Германія осталась въ пассивномъ положеніи. Но большая часть швейцарскихъ нѣмцевъ желаетъ отъ всей души, чтобы нѣмецкая нація (deutsches Vaterland) приняла на себя третейскій судъ въ этомъ дѣлѣ и воздала бы должную справедливость каждой изъ тяжущихся сторонъ. Лозунгъ этой партіи: «не за Габсбургцевъ, а противъ Наполеона; не противъ Италіи, а за «Германію!» Съ 1848 года Германіи не представлялся столь удобный случай для достиженія внѣшняго могущества и внутренняго единства, котораго столь пламенно желаетъ каждый истинный и благородно мыслящій патріотъ.

Подобная театральная газета въ Парижѣ въ настоящее время такъ пуста и ничтожна въ сравненіи съ берлинскою, что ту и скучно и досадно читать.

А вотъ и забавный анекдотецъ, который слѣдуетъ тотчасъ

за извѣстіемъ, о страшномъ убійствѣ, помѣщенный съ видимою цѣлью успокоить нервы и развеселить огорченного читателя. Что за психологи нѣмцы. Какой-то англичанинъ застраховалъ въ одномъ акціонерномъ обществѣ 1000 штукъ сигаръ. Черезъ нѣсколько времени, выкуривъ ихъ, онъ потребовалъ за нихъ страховую сумму. Общество отказало; онъ подалъ жалобу. Судъ обвинилъ затѣйливаго англичанина въ поджигательствѣ. Вотъ образецъ нѣмецкаго остроумія. Но воля ваша, французское — своею пустотою подъ часъ бываетъ несноснѣе. — Затѣмъ слѣдуетъ цѣлыя три страницы промышленныхъ объявленій, которыя пробѣжишь также не безъ интереса.

На другой день я расстался съ Берлиномъ, который произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе.

V.

На переѣздѣ изъ Берлина въ Дрезденъ меня поразило удивительно рѣзкій переходъ изъ однообразной песчаной равнины Пруссіи, въ живописную и плодородную Саксонію. У станціи Ризы дорога развѣтвляется по тремъ направленіямъ: на право — въ Лейпцигъ, прямо — въ Хемницъ, налево — въ Дрезденъ. Отсюда начинается другая природа. Мы мчались по каштановымъ и вишневымъ аллеямъ; сучья вишенъ ломались подъ тысячами спѣлыхъ багровыхъ ягодъ; и это у самой дороги, такъ близко, что, казалось, протянувъ изъ вагона руку, можно было мигомъ захватить ихъ цѣлую пригоршню, сочныхъ и вкусныхъ, даже вкуснѣе тѣхъ, которыя у насъ въ это время года красуются на окнахъ милютинскихъ лавокъ и продаются десятками за безумную цѣну. Поодаль разстилались разноцвѣтныя полосы пшеницы, мансу, овса, картофеля, проса. На лугахъ крестьянки, въ круглыхъ соломенныхъ шляпкахъ съ огромными полями, граціозно поднимали охапки зеленого сѣна на исполинскую телегу, запряженную четверней бодрыхъ и красивыхъ лошадей цугомъ. Ароматическій запахъ полей пробивался по временамъ въ вагоны и на минуту освѣжалъ обоняніе, страдавшее отъ сигарочнаго дыму, которымъ обкуривали меня очень пріятные впрочемъ собесѣдники. Слова: Маджента, Mobil-Machung, Наролеоп — раздавались почти каждую минуту во всѣхъ углахъ вагона. Жара была утомительная, но на каждой станціи къ окнамъ вагоновъ подходили женщины съ подносами, установленными, блюдечками съ персиками, абрикосами, вишнями; высокими ста-

канами съ холоднымъ пивомъ, съ лимонадомъ, съ вишневою водою и съ простою ключевою съ сахаромъ. Возьмешь такой стаканчикъ съ длинной деревянной ложечкой, для размѣшиванія огромныхъ кусковъ рафинату и освѣжаешься исподволь, не горясь, потому что нѣтъ надобности тутъ же возвращать стаканъ; выпивши воду, можно поставить его подъ скамейку, на которой сидишь; онъ самъ потомъ найдетъ свою хозяйку. Вѣдь, кажется, пустяки, а пріятно, видишь заботу объ удобствахъ публики. И все это такъ дешево, что даже становится иной разъ какъ-то совѣстно, хотѣлось бы прибавить, да боишься, что осмѣютъ.

Въ Дрезденъ пріѣхали я около пяти часовъ вечера и тотчасъ отправился на знаменитую брюлевскую террасу, гдѣ собирается все здѣшнее общество слушать Ладе (за 2½ гроша!) и любоваться превосходнѣйшимъ видомъ на Эльбу и на лежащія за нею поля и горы. Народу было множество. Мужчины съ сигарами въ зубахъ, нѣкоторые изъ дамъ съ работою въ рукахъ, сидѣли за маленькими зелеными столиками и пили лимонадъ, кофе, а болѣе всего пиво. Дамы были одѣты большею частію очень просто, даже — по нашему — бѣдно, но это не мѣшало имъ нисколько вести оживленный разговоръ и раздражаться по временамъ самымъ простодушнымъ смѣхомъ. Концертъ продолжался до десяти часовъ.

На другой день мы рѣшились воспользоваться отличною погодою и отправиться на пароходъ вверхъ по Эльбѣ въ Саксонскую Швейцарію. Насъ было трое. Въ Пильницѣ, гдѣ лѣтомъ живетъ обыкновенно король, мы взяли проводника и пошли пѣшкомъ на Börs-Berg. Гора эта невысока — всего 1,100 футовъ, но видъ съ нея очарователенъ. Въ Пильницѣ мы возвратились уже поздно вечеромъ усталые и голодные, и очень хорошо почувствовали, что вкусный ужинъ и покойныя постели занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду предметовъ, отъ которыхъ зависитъ наше благополучіе.

На другой день въ шесть часовъ утра мы опять поплыли по Эльбѣ; въ городкѣ Велекъ вышли на берегъ, и отсюда собственно началась наша прогулка по Саксонской Швейцаріи. Въ три дня мы всю ее исходили и извѣздили. Возвратясь въ Петербургъ, я перечиталъ статью Жуковскаго «Путешествіе по Саксонской Швейцаріи» и удивился вѣрности и изяществу его описаній; это чтеніе отбило у меня всякую охоту описывать мои собственныя впечатлѣнія этой прогулки. Со времени Жу-

ковскаго измѣнилось только то, что въ состояніи измѣнить неугомонная дѣятельность человѣка. Въмѣсто досчатыхъ хижинокъ его времени, гдѣ можно было найти обѣдъ и встрѣтить арфистовъ, теперь стоятъ большія и красивыя гостиницы, гдѣ играетъ уже цѣлый оркестръ музыкантовъ; на Бастей окраины сто-саженныхъ отвѣсныхъ обрывовъ окаймлены желѣзными перилами; опершись на нихъ, вы можете безопасно смотрѣть внизъ на мутную Эльбу, которая желтою лентою изгибается подъ ногами вашими, и любоваться видомъ живописныхъ деревень, которыя, подобно карточнымъ домикамъ, тянутся по ея берегамъ. Природа же по прежнему сіяетъ своею вѣчною красотою; формы скалъ такъ причудливо разнообразны, узкія долины между ними такъ уютны и милы, что, право, для одной только Саксонской Швейцаріи стоило бы нарочно пріѣхать сюда изъ Петербурга. А переѣздъ такой скорый (съ небольшимъ три дня), удобный и дешевый. Онъ стоилъ бы развѣ не многимъ чѣмъ больше того, сколько иной господинъ издержитъ на полдюжины ужिनновъ въ какомъ нибудь *Monde brillant*.

Въ концѣ нашей прогулки мы перешли австрійскую границу и тотчасъ же почувствовали, что идемъ по землѣ изувѣрства и деспотизма; на каждомъ поворотѣ, на каждомъ изгибѣ тропинки, при началѣ подъема, въ концѣ спуска, вездѣ насъ осаждали нищіе разнаго рода, пола и возраста. Въ Саксоніи въ одномъ только мѣстѣ просили у насъ милостыни. Но какъ? Я долго буду вспоминать объ этомъ съ удовольствіемъ: мы ѣхали изъ Шандау къ Кушталю по прелестной долинкѣ. Вдругъ къ намъ въ коляску съ обѣихъ сторонъ посыпались розы; смотримъ — толпа крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, съ разкраснѣвшимися личиками съ развѣвающимися русыми кудрями, съ розанами въ подолахъ ихъ рубашенокъ — бѣжитъ возлѣ самыхъ колесъ экипажа и кидаетъ въ насъ цвѣтами. Это они просили милостыни! Нѣкоторые изъ австрійскихъ нищихъ придумываютъ довольно замысловатые способы получить отъ васъ нѣсколько пенниговъ или грошей, смотря по степени возбужденнаго ими состраданія: вотъ, напримѣръ, подъ навѣсомъ скалы стоитъ съ поникшею головою слѣпой старикъ; вѣтеръ раздуваетъ пряди сѣдыхъ волосъ его; незрячіе глаза устремлены на васъ съ мольбою: костлявыми пальцами своими онъ опирается на костыль. Возлѣ него блѣдная и худая, но миловидная дѣвочка, вѣроятно внучка, играетъ на арфѣ. На скалѣ, подъ которой стоитъ эта пе-

чальная группа, крупными буквами написаны стихи, содержаніе которыхъ почти слѣдующее: «въ молодости, говорить, я служилъ вѣрою и правдою, проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь за императора и отечество»,—ну, а если онъ чехъ, за какое же отечество проливалъ онъ свою кровь, да и что за отечество у австрійскаго солдата?—«а теперь нахожусь въ нуждѣ безпомощнымъ слѣпцомъ.»

И это написано такъ трогательно; звуки арфы такіе жалобныя, видъ миловидной дѣвочки дышетъ такой проникающей грустью, что рука сама собою, безъ приказанія головы, лѣзетъ въ карманъ за грошами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ самыхъ узкихъ проходахъ, двѣ дѣвочки становятся по обѣ стороны тропики и протянутою поперегъ лентою заграждаютъ вамъ дорогу — извольте платить выкупъ. А то и просто, какъ у насъ, нищій протянетъ руку и безъ всякихъ затѣй просить милостынку ради Христа. Но вотъ что меня удивило: вѣдь это было въ Богеміи, если не всѣ эти нищіе, то большая часть изъ нихъ, безъ сомнѣнія, были чехи; а между тѣмъ кого изъ нихъ я ни спрашивалъ, не чехъ ли онъ, всѣ мнѣ отвѣчали, что они не чехи, а нѣмцы. Проводникъ нашъ говорилъ, что они скрываютъ свою національность для того, чтобы имъ больше подавали. Неужели это правда, неужели австрійское управленіе стужало довести ихъ до того самоуниженія!?

По прелестной долинь, вдоль шумящаго свѣтлаго ручья, изгибающагося между живописными скалами, мы пришли въ маленькій богемскій городокъ Геринскретченъ на Эльбѣ. Тутъ мы нашли цѣлое общество туристовъ, ожидающихъ парохода, который долженъ былъ отвезти насъ въ Дрезденъ. Всѣ мы точно изъ земли очарованій, со свѣтлаго праздника природы, вдругъ очутились среди сѣренькой, грязненькой, глупенькой дѣйствительности — среди австрійскихъ чиновниковъ, которые принялись осматривать наши паспорта. Богемскіе нищіе служили самымъ естественнымъ переходомъ, какъ отъ явленій къ причинамъ, къ этимъ тяжелымъ тормазамъ всякаго свободного развитія жизни. Австрійскіе осмотрщики паспортовъ передали насъ въ руки саксонскимъ оффиціальнымъ охотникамъ рыться въ чужихъ чемоданахъ. Одинъ изъ этихъ господъ съ лицомъ самой топорной работы (отчего это у подобныхъ господъ лица всегда топорной работы?) съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ наше бѣлье и бритвенные снаряды. Казалось онъ прочелъ въ нашихъ глазахъ сомнѣніе въ дѣльности его настоящаго занятія и ему

хотѣлось къ чему-нибудь придаться и тѣмъ заявить необходимость подобнаго осмотра. — Было досадно и грустно. Сама природа, казалось, не могла весело смотрѣть на это безобразное явленіе. Едва мы отплыли отъ Герникретчена, какъ подулъ холодный вѣтеръ и пошелъ мелкой дождь; точь-въ-точь какъ пной разъ на Финскомъ заливѣ при переѣздѣ изъ Кронштадта въ Петербургъ.

VI.

По возвращеніи изъ Саксонской Швейцаріи я пробылъ въ Дрезденѣ три дни и употребилъ ихъ на посѣщеніе музея и одного весьма извѣстнаго пансіона для дѣвицъ, г-жи Юнгъ; всѣ другія учебныя заведенія по случаю Pfingstferien были закрыты. Этотъ пансіонъ составляетъ рѣшительный контрастъ съ училищемъ, видѣннымъ мною въ Берлинѣ. Мнѣ хочется сказать о немъ нѣсколько словъ. Впрочемъ, если васъ не интересуетъ нисколько вопросъ о воспитаніи, если вы не убѣждены въ великой его важности, — пропустите эти страницы — онѣ будутъ для васъ скучны. Мы же напротивъ думаемъ, что, кромѣ воспитанія, нѣтъ другаго, столь вѣрнаго и прочнаго, средства внести разумныя начала въ людскія отношенія, улучшить общественную нравственность, облагородить жизнь, очистить ее отъ пошлости, которая сопровождаетъ насъ отъ школы до могилы. Намъ кажется, что еслибы правительства ежегодно отдѣляли на разумное воспитаніе народныхъ массъ одинъ процентъ, одну сотую часть съ капитала, который они издерживаютъ на средства къ борьбѣ съ пороками этихъ массъ, къ ихъ обузданію, — черезъ самое короткое время они бы почувствовали возможность постепенно уменьшать громадную цифру этого капитала, сообразно распространенію просвѣщенія въ народѣ. Если литературный журналъ принимаетъ на свои страницы статьи самаго разнообразнаго содержанія, то почему же ему не открыть ихъ и для статей, въ которыхъ затрогиваются вопросы о воспитаніи.

Воспитанницы г-жи Юнгъ раздѣляются на полныхъ пансіонерокъ и полу-пансіонерокъ. Первые живутъ въ заведеніи и платятъ триста пятьдесятъ талеровъ въ годъ; вторыя приходятъ въ заведеніе въ восемь часовъ утра, остаются въ немъ до восьми часовъ вечера и платятъ за это двѣсти пятьдесятъ талеровъ. Но кромѣ этой, уже весьма значительной для Дрездена платы, идетъ еще длинный аптекарскій счетъ:

на подарки слугамъ къ Рождеству по	2	талера съ дѣвицы
на жалованье врачу	8	«
за фортепяно	6	«
за постель	8	«
за письменныя и рисовальныя принадлеж- ности	8	«

Кромѣ этого каждая пансіонерка должна принести съ собою: серебряный сервизъ, шесть простынь, шесть наволочекъ, шесть салфетокъ, шесть полотенецъ, дватцать четыре носовые платка и проч. и проч. Разумѣется, всѣ эти вещи, по выходѣ воспитанницы, остаются въ пользу заведенія. Кромѣ того, для музыки надобно нанять учителя отъ себя, за особенную плату. Итакъ содержаніе дѣвицы въ этомъ пансіонѣ стоитъ никакъ не менѣе пятисотъ талеровъ; а эта сумма для Дрездена едва ли не больше, чѣмъ одна тысяча рублей серебромъ для Петербурга. Но что за бѣда; за то какое утонченное воспитаніе получается въ этомъ образцовомъ пансіонѣ, какія деликатныя манеры приобрѣтаютъ воспитанницы. Самая дороговизна платы должна заманивать многихъ извѣстнаго рода родителей, потому что въ такомъ дорогомъ пансіонѣ дочь ихъ не подвергается опасности сидѣть рядомъ съ какою-нибудь плебейкою и перенять отъ нея — Боже упаси — какія-нибудь плебейскія манеры; а кто-жъ не знаетъ, что извѣстнаго рода родители объ этомъ болѣе всего заботятся въ дѣлѣ воспитанія своихъ дочерей. И дѣйствительно (по словамъ г-жи Юнгъ) пансіонъ ея извѣстенъ въ цѣлой Европѣ, что я говорю въ Европѣ, — во всемъ свѣтѣ! въ немъ есть представительницы чуть ли не всѣхъ національностей: и венгерки, и польки, и русскія, и американки, и все знатныхъ фамилій — графини, княжны, баронессы, капиталистки. Г-жа Юнгъ сама отдаетъ полную справедливость своимъ педагогическимъ способностямъ; она высказала мнѣ откровенно высокое мнѣніе о своемъ пансіонѣ, который, по ея словамъ, всѣ государи Европы принимаютъ за образецъ для женскихъ воспитательныхъ заведеній въ ихъ государствахъ; ея самое приглашали, просили неотступно принять мѣсто начальницы въ одномъ изъ институтовъ въ Петербургѣ, но она отказалась, не желая стѣснять себя никакою зависимоію; — программы, ея составленныя, можно найти въ кабинетѣ многихъ государей и у всѣхъ министровъ народнаго просвѣщенія. Не удивляйтесь такой наивной хвастовнѣ г-жи Юнгъ: она истая французженка, и ея пансіонъ есть экзотическій цвѣтокъ; онъ нисколько не по-

хожъ на туземныя растенія, отличающіяся грубо-здоровыми соками, плебейски-румяными плодами. Нѣтъ, онъ пересаженъ съ деликатной почвы береговъ Сены, и потому походилъ болѣе на тафтяное издѣліе, приготовленное тонкими, розовыми пальчиками парижской цвѣточницы, чѣмъ на настоящее растеніе; въ немъ есть все: и красота, и грація, и нѣжность, нѣтъ только жизни; и въ этомъ его существенное достоинство; зачѣмъ ему жизнь: въ ней такъ много грубаго.

М-ме Юнгъ смотритъ свысока на современную германскую педагогичку и дидактику, въ которыхъ такъ много и съ такимъ педантизмомъ говорится о какомъ-то развитіи духовныхъ силъ, и почти ничего о хорошемъ тонѣ, хорошихъ манерахъ, на чемъ — какъ извѣстно — стоятъ французскіе пансіоны. Въ воспитаніи она руководствуется еще священными версальскими преданіями, въ дидактикѣ еще господствуетъ понятія блаженнаго времени Бате и Лагарпа. Въ ея знаменитой программѣ (которую можно найти въ кабинетахъ многихъ государей Европы и всѣхъ министровъ народнаго просвѣщенія), красуются еще безъ зазрѣнія совѣсти, риторика и пинтика, да еще какъ! — *Rhétorique française, poétique française!* Дѣвицы учатъ писать сочиненія не только прозою, но и стихами. А сколько проходится наукъ! минералогія, ботаника, зоологія, физика, астрономія, эстетика, исторія, географія, статистика, исторія литературъ: нѣмецкой, французской, англійской, — Господи, чего-чего нѣтъ въ программѣ этого удивительнаго пансіона! Религіозно-нравственное образованіе, по словамъ г-жи Юнгъ, стоитъ у ней на первомъ планѣ: дѣвицы пріобщаются святыхъ тайнъ по крайней мѣрѣ три раза въ годъ; а естественныя науки и астрономія только для того и преподаются, чтобы показать дѣтямъ премудрость и величіе Божіе въ его твореніи. У ней и учитель географіи и статистики долженъ непременно въ своемъ преподаваніи проводить религіозно-нравственную идею, не говоря уже о преподавателяхъ исторіи и литературы. Все это превосходно; но вотъ что удивительно: когда я слушаю эти разглагольствованія г-жи Юнгъ, на пзящнѣйшемъ языкѣ, какой когда-либо мнѣ случалось слышать, и особенно, когда я осмотрѣлъ все заведеніе и побывалъ въ классахъ, — у меня нѣсколько разъ промелькнула въ воображеніи фигура гоголевскаго городничаго Сквозника-Дмухановскаго, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ укоряетъ судью въ вольнодумствѣ и хвалится, что твердь въ вѣру и ходитъ къ обѣднѣ всякое воскресенье. Черезъ пять дней послѣ бесѣды съ г-жею

Юнгъ я присутствовалъ на урокъ Закона Божія въ Вейсенфельсѣ. Молодой преподаватель безъ всякихъ претензій, своимъ простымъ, но душевнымъ изложеніемъ до того растрогалъ меня, что я, при слабости моихъ нервъ, чуть было не прослезился. А тутъ всё краснорѣчивыя рѣчи о религіозномъ воспитаніи звали только образъ гоголевскаго городничаго. Отчего это?

Матеріальная сторона въ этомъ пансіонѣ превосходная, даже роскошная; особенно спальныя и туалетныя комнаты — прелесть: для каждой дѣвицы особенной ящикъ, въ которомъ лежатъ туалетныя принадлежности, весьма разнообразныя: тутъ и одеколонъ, и духи, и помада разныхъ сортовъ, и фиксауаръ и многое другое, только нѣтъ, кажется, бѣлизъ да румянъ. — Въ столовой тотъ же камфортъ, та же роскошь; ну, и кормятъ, вѣроятно, не дурно. Прибавьте къ этому непомѣрно хвастливую программу наукъ, краснорѣчивыя и для многихъ веселыя убѣдительныя рѣчи г-жи Юнгъ, чрезвычайно ловкой и хитрой женщины, которой очень хорошо извѣстны взгляды на воспитаніе и на жизнь тѣхъ людей, съ какими ей всего выгоднѣе имѣть дѣло, — и вы поймете, почему въ этотъ пансіонъ богатые люди изъ Польши, Россіи и Америки отдають своихъ дочерей.

Въ Лейпцигѣ, *Bürgersehule* я забылъ непріятное впечатлѣніе, которое произвелъ на меня пансіонъ, осмотрѣнный мною въ Дрезденѣ. Директоръ этого заведенія Фогель (отецъ знаменитаго путешественника, который еще такъ недавно погибъ во внутренней Африкѣ жертвою ненасытной любви къ знанію), прекрасная симпатичная личность, типъ чистой, свѣтлой природы человѣка, всею душою преданнаго своему призванію. Лицо его дышетъ добротой и привѣтливостію, большіе голубые глаза полны ума и кротости. Онъ принялъ меня съ самымъ искреннимъ радушіемъ и готовностію быть полезнымъ; такъ принимаетъ онъ, вѣроятно всѣхъ, желающихъ ознакомиться съ его заведеніемъ. Онъ прочелъ мнѣ почти цѣлую лекцію о своемъ взглядѣ на воспитаніе и о составѣ училища. Его занимаетъ болѣе всего первоначальное обученіе; онъ придаетъ ему величайшую важность. По его мнѣнію, позднѣйшее развитіе и образованіе мальчика главнымъ образомъ зависитъ отъ того, какъ начали его учить, разумно или негѣно.

Я обратилъ особенное вниманіе на методу нагляднаго первоначальнаго обученія, которымъ занимается въ восьмомъ приготовительномъ классѣ докторъ филологій и богословія — Фатеръ. Онъ учитъ дѣтей читать, писать, считать, — впрочемъ нѣтъ,

не тому: онъ учитъ ихъ слушать, видѣть, вникать и разсуждать, и учитъ такъ, что дѣти, вѣроятно, во все и не думаютъ, что учатся, — имъ кажется, что они играютъ, забавляются. Приемы учителя весьма разнообразны, изобрѣтательность его для поддержанія вниманія неистощима.

Когда онъ замѣчалъ, что дѣти начинали утомляться послѣ пятнадцати или двадцати минутнаго напряженнаго вниманія, онъ заставлялъ ихъ дѣлать легкія гимнастическія эволюціи: вытягивать руки въ разныя стороны, поворачиваться на скамейкахъ и т. п. Это необыкновенно оживляло дѣтей, и они снова готовы были слушать со вниманіемъ умнаго и добраго преподавателя. Каждое прочитанное ими слово они не только умѣютъ написать, но и нарисовать тотъ предметъ, который оно обозначаетъ. Кроме этого, для каждаго предмета есть два стишка, которые они тутъ же со словъ учителя и выучиваютъ наизусть, а потомъ распѣваютъ ихъ всѣмъ классомъ вмѣстѣ съ учителемъ; да не какъ-нибудь, а стройно, мило, такъ что любо слушать. Выучатся, напримѣръ, дѣти читать и писать «Vogel»; учитель скажетъ имъ кое-что о птицахъ, чѣмъ они отличаются отъ звѣрей и какихъ бывають родовъ; потомъ нарисуетъ какую-нибудь пташку, а вслѣдъ за нимъ нарисуютъ и всѣ дѣти, и выходитъ очень порядочно. А тамъ и начнутъ распѣвать хоромъ, да такъ складно:

Wir haben Federn und können hübsch singen
Und hoch uns in die Lüfte schwingen.

Вотъ еще, напримѣръ, стишокъ для яйца:

Weisses und Gelbes ist inwendig,
Und was herankommt ist lebendig.

Три дня я посѣщалъ это училище и почти все время проводилъ въ классѣ у Фатера. Весело было смотрѣть на его умное преподаваніе. Но это отрадное чувство было возмущаемо каждый разъ, когда изъ далекаго прошедшаго мнѣ представлялась картина совершенно другаго рода: возлѣ полусоннаго учителя съ сердитымъ выраженіемъ лица лежатъ розги, а толпа зану-ганыхъ, бѣдныхъ мальчиковъ, для которыхъ ученіе и мученье — понятія тождественныя, глянетъ какимъ-то усыпительнымъ и вмѣстѣ страдальческимъ тономъ: буки арцы азъ-ра бра, вѣди арцы азъ-ра вра. Боже мой! думалъ я, видя, съ какимъ искусствомъ и съ какою любовію къ своему дѣлу этотъ почтенный педагогъ занимался пятьюдесятью дѣтьми, съ какимъ весельемъ, можно сказать, одушевленнымъ вниманіемъ всѣ эти ма-

лютки слушали его и какую обнаруживали умственную дѣятельность, имъ возбужденную, — Боже мой! Что если бы у насъ, въ нашихъ приходскихъ училищахъ, обучали дѣтей такимъ же образомъ! Вѣдь черезъ какіе-нибудь пятнадцать, двадцать лѣтъ нашъ даровитый, умный народъ увидѣлъ бы свѣтъ Божій; отвратительныя наросты невѣжества многихъ вѣковъ спали бы съ него отъ прикосновенія волшебнаго жезла разумнаго обученія, результаты котораго у насъ были бы значительнѣе, нежели въ самой Германіи, потому что русскій крестьянинъ несравненно даровитѣе нѣмецкаго.

И какъ бы, кажется, просто можно было ввести у насъ это настоящее, основное улучшеніе народнаго быта, безъ котораго всѣ другія мѣры будутъ недостаточны и недѣйствительны; стоило бы только поручить это великое, святое дѣло людямъ знающимъ, благонамѣреннымъ и чуждымъ всякаго рода предрасудковъ, а главное: понимающимъ настоящимъ образомъ духъ христіанства и смотрящимъ на религію болѣе съ внутренней, жизненной стороны, нежели съ виѣшней, мало примѣпимой къ истинно-христіанской дѣятельности.

Простившись съ почтеннымъ Фогелемъ и поблагодаривъ его за радушный пріемъ, я шелъ по прекрасному саду, который широкою аллею, мѣстами двойною и тройною, въ родѣ тверскаго бульвара въ Москвѣ, опоясываетъ весь Лейпцигъ. Перебирая въ памяти видѣнное мною, я остановился вотъ на какой мысли: какъ бы интересно было познакомиться покороче съ здѣшнимъ народомъ и посмотреть, какое вліяніе производятъ на его нравственность такія превосходныя училища. Но для этого нужно прожить здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, внимательнѣе всмотрѣться въ семейную и общественную жизнь, въ народныя удовольствія и развлеченія; рассмотреть статистику преступленій и сравнить ее съ статистикою народа, у котораго первоначальное обученіе еще въ младенческомъ состояніи. Результаты этихъ наблюдений были бы въ высшей степени интересны и поучительны. А то проживши три или четыре дня въ городѣ, можно замѣтить развѣ какія-нибудь двѣ, три черты. Такъ, наприимѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сада, по которому я шелъ, я видѣлъ надпись: *die Anlagen stehen unter dem Schutze des Publicum's*; кромѣ этой надписи городская полиція не принимаетъ никакихъ мѣръ для сбереженія этихъ садовъ, и вы можете быть увѣрены, что никому, даже ни одному уличному мальчишкѣ, не придетъ въ голову сломать что-нибудь въ этомъ саду или срѣзать прутикъ.

Этимъ же уваженіемъ къ общественной и чужой собственности объясняется и то, замѣчательное для насъ, явленіе, что въ Саксоніи по всѣмъ дорогамъ тянутся аллеи вишневыхъ деревьевъ, усыпанныхъ ягодами, ничѣмъ не огороженныхъ и — разумѣется — ни кѣмъ не сторожимыхъ.

Но вотъ еще болѣе замѣчательная черта народной нравственности, которую мнѣ случайно удалось замѣтить. Каждый день два раза я ходилъ купаться на Плейсу. Купальни устроены въ саду (кажется, Schwägerischen Garten); посредникъ сада — небольшой павильонъ. Въ немъ сидитъ дѣвушка лѣтъ восемнадцати, прехорошенькая, ловкая и очень мило одѣтая. Она здѣсь одна одинешенька; продаетъ билеты, просушиваетъ и какаетъ купальное бѣлье, отпираетъ нумеръ купальни не только дамамъ, но и мужчинамъ, даже очень молодымъ людямъ; и дѣлаетъ все это такъ просто и естественно, съ такимъ достоинствомъ, что только самому дерзкому и безнравственному господину прійдетъ въ голову позволить себѣ съ нею что-нибудь неприличное — двусмысленное слово, нескромную шутку. Я самъ былъ свидѣтелемъ и любовался, какъ вѣжливо, даже почтительно обращаются съ нею молодые люди. Одинъ разъ я засталъ ее одну; при входѣ моемъ въ павильонъ, она отложила въ сторону читанную ею книгу. Я посмотрѣлъ, — это была Шиллера «Марія Стюартъ».

— Вотъ какія вещи читаете вы!

— Отчего же нѣтъ?

— И нравится?

— Очень.

— Гдѣ вы учились?

— Я кончила курсъ въ городскомъ училищѣ, у Фогеля.

Безъ всякаго сомнѣнія и тѣ молодые люди, которые такъ вѣжливо обращались съ милою дѣвушкою, также кончили курсъ въ городскомъ училищѣ. Вотъ откуда бьетъ чистый ключъ народной нравственности.

Но гдѣ же берутъ пѣмцы такихъ отличныхъ учителей? Для этой цѣли во многихъ мѣстахъ Германіи основаны спеціальныя заведенія, называемыя учительскими семинаріями. Я посѣтилъ одну изъ нихъ въ Вейсенфельсѣ, на полтора часа ѣзды отъ Лейпцига по желѣзной дорогѣ въ Веймаръ. Позвольте рассказать вамъ, какъ одинъ изъ семинаристовъ, въ учрежденномъ при семинаріи училищѣ, преподаетъ Законъ Божій, предметъ болѣе всѣхъ другихъ производящій благотворное вліяніе на

нравственность, когда онъ излагается человѣкомъ съ теплою душою и съ глубокими христіанскими убѣжденіями.

Выслушавъ превосходную лекцію педагогика, которую читаетъ самъ директоръ Кречель, я изъявилъ желаніе послушать самихъ семинаристовъ, которые преподаютъ по очереди въ элементарной школѣ, находящейся при семинаріи и состоящей изъ трехъ классовъ. Мнѣ хотѣлось присутствовать на урокъ Закона Божія. Директоръ познакомилъ меня съ молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати пяти, который впрочемъ уже три года, какъ окончилъ здѣсь курсъ и состоитъ учителемъ въ старшемъ классѣ элементарной школы. Я вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ классъ, гдѣ сидѣло сорокъ семь мальчиковъ отъ четырнадцати до пятнадцати лѣтъ. Они были одѣты весьма разнообразно, нѣкоторые изъ нихъ — бѣдно, но неряшества не было замѣтно. Одинъ изъ нихъ поднесъ учителю букетъ цвѣтомъ. Учитель сталъ на кафедру, началъ нюхать цвѣты, поглядывалъ на окна, на учениковъ. Это продолжалось такъ долго и показалось мнѣ такъ страннымъ, что я началъ беспокоиться и подумалъ, ужъ не смущаю ли я своимъ присутствіемъ молодаго, неопытнаго преподавателя. Я посмотрѣлъ на мальчиковъ; они сидѣли свободно, но совершенно прилично: ни шопота, ни улыбки; у всѣхъ на лицахъ изображалось ожиданіе чего-то важнаго. Наконецъ учитель положилъ букетъ на кафедру и сложилъ руки на молитву; ученики встали, сдѣлали то же самое и вмѣстѣ съ нимъ запѣли громко и стройно какую-то церковную пѣснь. Пѣніе заключалось общимъ громогласнымъ чтеніемъ молитвы Господней. Затѣмъ начался урокъ. Изъ отвѣтовъ учениковъ я увидѣлъ, что имъ хорошо извѣстно Евангеліе; они знаютъ изъ него наизусть почти всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ заключается сущность христіанскаго ученія и христіанской нравственности. и почти всѣ ихъ отвѣты состояли изъ евангельскихъ текстовъ. Изложенія учителя отличаются ясностію, простотою и теплотою искренняго чувства. Онъ говоритъ пріятно, можно сказать увлекательно; въ чемъ можно было убѣдиться, смотря на мальчиковъ, которые слушали его съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ умиленіемъ. Къ концу класса онъ объяснилъ имъ значеніе молитвы и заключилъ это объясненіе фразою, которая, въ устахъ человѣка холоднаго и не проникнутаго религіознымъ убѣжденіемъ, показалась бы риторическою, а у него она видимо растрогала юныхъ слушателей. Вотъ эта фраза: молитва есть біеніе пульса духовной жизни человѣка.

Я вышелъ изъ класса, убѣжденный, что подобное преподаваніе религіи будетъ имѣть благотворное вліяніе на всю жизнь этихъ мальчиковъ, которые, казалось мнѣ, сами понимаютъ, какъ они счастливы, имѣя такого превосходнаго учителя.

А. П...НѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ ПРИЕМНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ.

Въ № 192 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей помѣщенъ отчетъ о результатахъ приемныхъ экзаменовъ въ студенты санктпетербургскаго университета. Изъ отчета видно: 1) что экзамены производились не по примѣру прежнихъ лѣтъ, самими профессорами университета, а подъ наблюдениемъ ихъ, учителями пяти санктпетербургскихъ гимназій, и 2) что изъ числа триста двадцати восьми молодыхъ людей, явившихся на испытанія, всего семьдесятъ три человѣка удостоены принятія въ университетъ, слѣдовательно $\frac{7}{10}$ общаго числа желавшихъ получить право на посѣщеніе университетскихъ лекцій, на правахъ студентовъ, не удостоены этого права.

Сначала упустивъ изъ виду всѣ выводы, которыя позже мы невольно сдѣлали изъ сближеній этихъ двухъ совпадающихъ обстоятельствъ: персонала экзаменуемыхъ и несоразмѣрности пропорцій пріема, мы съ перваго же взгляда были поражены самою этою пропорціею.

Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе, что многіе изъ молодыхъ людей, подвергшихся испытанію, пріѣхали для поступленія въ университетъ изъ отдаленныхъ городовъ и губерній, что многіе изъ нихъ употребили на пріѣздъ сюда и проживаніе въ столицѣ послѣдній грошъ свой, или трудовыя деньги родителей; что, если нѣкоторыхъ изъ невыдержавшихъ экзамена и влекли въ университетъ одни лишь служебныя выгоды, сопряженныя съ аттестатомъ, то между этими молодыми людьми, вѣроятно, много и такихъ, у которыхъ на первомъ планѣ стремленій было желаніе — проникнуть въ храмъ науки, котораго преддверіемъ служить университетъ; наконецъ, что для многихъ изъ этихъ молодыхъ людей поступленіе въ число студентовъ составляетъ необходимую гарантію въ возможности безпрепятственно и благопріятно достигнуть окончанія курса, — результатъ этихъ репрессивныхъ экзаменовъ и самое существованіе

ихъ, при общей просвѣщенной тенденціи правительства, является грустнымъ и неосуществимымъ фактомъ.

Грустнымъ, потому что въ немъ, прежде всего, страдаетъ значеніе и характеръ университета, въ которомъ всѣ привыкли видѣть пѣжную мать (alma mater), заботливо пекущуюся о воспитаніи общества, готовую принять на свое лоно всѣхъ прибѣгающихъ къ ней за маломъ знанія дѣтей, и который здѣсь является какою-то завистливою корпораціею, старающеюся уединиться отъ остальнаго общества, ставящую свою цѣль въ какомъ-то отрѣшенномъ отъ общественныхъ интересовъ знаніи и допускающею въ сонмъ своихъ адептовъ только небольшое число избранниковъ, побѣдоносно прошедшихъ сквозь тяжкій искусь. Грустнымъ является этотъ фактъ еще и потому, что воображенію невольно представляется бѣдный юноша, которому иногда большаго труда стоило убѣдить своихъ родныхъ въ полезности и необходимости ему продолжать свое ученіе, которому, наконецъ, съ большими хлопотами и лишеніями, удалось добиться родительскаго благословенія и трудового гроша на проѣздъ въ университетъ, и который вдругъ, со стыдомъ, пустымъ кошелькомъ и безъ диплома, возвращается въ невѣжественную среду, осмѣивающую его благородную жажду знанія. Грустнымъ и неосуществимымъ является этотъ фактъ и потому, что, при недавно-заявившейся зарѣ безпрепятственнаго стремленія къ истинному образованію у насъ, такіе экзамены могутъ только останавливать ходъ просвѣщенія, ибо кромѣ того, что лишаютъ государство большей половины того числа людей съ университетскимъ образованіемъ, которые не поступили въ число студентовъ — еще, на будущее время, убиваютъ охоту и энергію въ той молодежи, которая, не будь этого, пустилась бы въ университетъ и, еслибы не вся пріобрѣла дипломы, по крайней мѣрѣ, большею частью прониклась бы духомъ университета.

Уже и безъ того, для многихъ изъ числа этой молодежи поступленіе въ университетъ — подвигъ не маловажный. Кромѣ того, что многіе изъ иногородныхъ съ большимъ трудомъ добраются до университетскаго города, самая жизнь своекоштнаго студента, на которую они обрекаютъ себя, полна лишеній и шансовъ неизвѣстности. Бѣдному человѣку надо добывать себѣ хлѣбъ уроками, которые не всегда еще и найдешь, или надо быть въ тягость роднымъ, тогда какъ они считаютъ себя вправѣ требовать помощи отъ возвращеннаго и воспитаннаго пни, съ огромнымъ трудомъ, молодаго человѣка, который, начавъ служить въ

какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ, тотчасъ же могъ бы получать хоть небольшое жалованье; а между тѣмъ, ради желанія кончить курсъ въ университетѣ, рѣшается ждать и заставляя ждать родныхъ отъ четырехъ до пяти лѣтъ. Наконецъ, кромѣ всего этого, бѣдный молодой человѣкъ долженъ, при поступленіи въ университетъ, взвѣсить всѣ шансы того, что непредвидѣнныя обстоятельства могутъ отвлечь его отъ окончанія курса, и лишитъ всѣхъ служебныхъ и матеріальныхъ выгодъ, сопряженныхъ съ университетскимъ дипломомъ.

И вдругъ, когда онъ рѣшился побѣдить всѣ трудности, когда, пренебрегши всѣми сомнѣніями, сильный вѣрою въ свои силы, въ звѣзду свою и познанія, онъ пускается въ путь, самъ университетъ бросаетъ ему подъ ноги новое бревно: перспективу неудачи на пріемномъ экзаменѣ, представляющей къ вѣроятію пріема въ пропорціи девять къ двумъ, пропорціи могущей испугать хоть какую рѣшимость.

«Университетъ, сказано въ разбираемомъ нами отчетѣ: университетъ, какъ высшее учебное заведеніе, дастъ молодымъ людямъ средство оканчивать свое образованіе, не только общее, но и научно-спеціальное, такъ, чтобы они были готовы къ самодѣтельному, отчетливому труду и самоусовершенствованію на избранномъ пути.»

Изъ этого опредѣленія назначенія университета, по нашему мнѣнію, съ очевидностью слѣдуетъ, что университетъ признаетъ даваемое имъ образованіе почти необходимымъ условіемъ для приготовленія молодыхъ людей «къ самодѣтельному, отчетливому труду и самоусовершенствованію на избранномъ пути». Если кромѣ этого признанія важности своей задачи самимъ университетомъ, еще и правительство почитаетъ образованіе, какъ общее, такъ и научно-спеціальное, одною изъ самыхъ производительныхъ силъ въ государствѣ, то чѣмъ больше является молодыхъ людей, желающихъ воспользоваться университетскимъ образованіемъ, тѣмъ большее число университетъ можетъ приготовить къ самодѣтельному, отчетливому труду и самоусовершенствованію на избранномъ пути, слѣдовательно тѣмъ больше будетъ его благотворное вліяніе на общество. Какъ же изъ этого объяснить себѣ потребность университета въ репрессивныхъ пріемныхъ экзаменахъ? Посмотримъ, чѣмъ эта потребность оправдывается въ отчетѣ.

«Университетъ, продолжаетъ отчетъ: не можетъ принимать въ число студентовъ всѣхъ желающихъ этого, не обратя вни-

манія на степень ихъ приготовленности.» И далѣе: «Онъ (университетъ) можетъ быть *только полезенъ* только тѣмъ молодымъ людямъ, которые предварительно приготовлены къ разумному усвоенію передаваемыхъ знаній».

Въ несомнѣнной истинѣ послѣдняго изъ этихъ двухъ положеній никто, конечно, не можетъ сомнѣваться, но вытекаетъ ли изъ него съ необходимостью первое? Что слушаніе университетскихъ лекцій можетъ быть *только полезно* только тѣмъ молодымъ людямъ, которые обладаютъ всѣми познаніями, которыя профессора вправѣ предполагать въ нихъ, это иначе быть не можетъ, но изъ этого слѣдуетъ одно то, что молодымъ людямъ, не обладающимъ такимъ предварительнымъ приготовленіемъ, университетскія лекціи могутъ быть только *неполно* полезны. А всякая репрессивная мѣра должна бы имѣть цѣлью предупрежденіе зла. Какое же зло въ томъ, что университетскія лекціи нѣкоторымъ молодымъ людямъ, слушающимъ ихъ, будутъ не *вполнѣ*, а только отчасти полезны?... Вѣдь, отъ этого они еще не будутъ вредны имъ. Какъ же объяснить себѣ, что университетъ, на основаніи того, что нѣкоторымъ молодымъ людямъ не можетъ быть *только* полезенъ, не хочетъ быть *отчасти* полезнымъ? Можетъ быть, университетъ почитаетъ совершенное незнаніе предпочтительнымъ полузнанію, и приписывая этому послѣднему положительный вредъ, противоборствуетъ ему именно репрессивными экзаменами?

Но предохраняя отъ полузнанія молодыхъ людей, желающихъ поступить въ число студентовъ, къ какому же разряду людей, избѣгшихъ этого вреда, университетъ причисляетъ ихъ: къ счастливымъ, обладающимъ совершеннымъ невѣдѣніемъ, или къ адептамъ какой-то другой науки, снабженнымъ полнымъ цикломъ завершенныхъ, законченныхъ знаній? Ни того, ни другаго не можетъ прійти въ голову людямъ, которые очень хорошо знаютъ, что на университетскіе приемные экзамены является только молодежь, окончившая курсъ въ гимназіяхъ или приготовившаяся на дому изъ такого объема наукъ, какой проходится въ гимназическомъ курсѣ. Такихъ молодыхъ людей нельзя причислить ни къ одной, ни къ другой изъ вышеприведенныхъ категорій. Если же гимназическій курсъ или, что должно бы, по настоящему, быть все равно, кругъ познаній, требуемыхъ на приемномъ университетскомъ экзаменѣ, также отдаленъ отъ совершенной непробужденности мысли въ области науки, какъ и отъ *отъ* полного, законченнаго образованія, то развѣ

неполное, но гораздо уже полнѣйшее образованіе, доставляемое малоподготовленному слушателю университетскими лекціями, не гораздо предпочтительнѣе полуобразованія, которое онъ вынесъ изъ гимназій или домашняго обученія?

Въ наше время наука все болѣе популяризуется, старается стать общедоступною, а тутъ замѣтно явное намѣреніе затруднить доступъ къ ней, придать ей характеръ доступности для немногихъ, обладающихъ многосложнымъ приготовленіемъ.

До сихъ поръ, для такого приготовленія къ поступленію въ университетъ почиталось совершенно достаточнымъ удовлетворительное окончаніе курса въ гимназій, и гимназическій аттестатъ безирепятственно отворялъ дверь въ университетъ. Теперь и этого мало: воспитанники губернскихъ гимназій, получившіе аттестаты для полученія права на поступленіе въ число студентовъ, подвергаются приѣмному экзамену наравнѣ съ прочими претендентами на званіе студентовъ. Странную роль играютъ въ этомъ случаѣ губернскія гимназій: аттестаты выдаваемые ими, ни отъ кого не смуть вѣры. Мало того: учителя губернскихъ гимназій, директора и инспекторы ихъ контролируются въ своихъ дѣйствіяхъ уже не профессорами университета, встарину на приѣмномъ экзаменѣ впервые знакомившимся со своими будущими слушателями, а учителями петербургскихъ гимназій, подъ наблюденіемъ профессоровъ университета. Не похожи ли эти утонченности на перегонку жидкости сквозь разные вещества для полученія нѣсколькихъ капель чистѣйшей жидкости? Только, къ сожалѣнію, тутъ эта операція производится надъ обществомъ и перегоняемая масса состоитъ изъ страждущихъ отъ насилія лицъ.

Прежде всего приходитъ въ голову: для чего и на какомъ основаніи экзаменаторамъ сдѣланы, на мѣсто профессоровъ университета, учителя петербургскихъ гимназій?

Цѣль тутъ, какъ можно полагать, та, чтобы экзаменъ, будучи произведенъ людьми, у которыхъ гимназическій курсъ, по каждой наукѣ въ-особенности, свѣжѣе въ памяти, нежели у профессоровъ университета, не представлялъ возможности проскочить въ число студентовъ ни одному лишнему молодому человѣку, у котораго въ познанія закрались и малѣйшіе пробѣлы или недосмотры, аккуратность, могущая сдѣлать честь любому германскому университету, еслибы въ нихъ допускалась хоть тѣнь приѣмныхъ экзаменовъ и вообще репрессивныхъ мѣръ противъ просвѣщенія. Но какъ объяснить себѣ такое нарушеніе университетомъ сословныхъ

приличіи подверганіемъ губернскихъ гимназій контролю учителя петербургскихъ гимназій? Или, можетъ быть, университетъ думалъ, что неприличіе этой мѣры будетъ сглажено наблюденіемъ профессоровъ за ходомъ экзамена? По нашему мнѣнію, это наблюденіе составляетъ еще новый признакъ недовѣрія и къ учителямъ петербургскихъ гимназій и слѣдовательно также неприлично. Странно будетъ, если, видя подобное оскорбительное недовѣріе къ себѣ, гимназическіе совѣты будутъ продолжать, по прежнему, выдавать воспитанникамъ гимназій аттестаты, которымъ нѣтъ даже наружной вѣры. Странно будетъ, если они не будутъ протестовать противъ такого оскорбленія, наносимаго всему ученому сословію университетомъ, который, напротивъ, долженъ былъ бы показывать уваженіе къ званію учителя и учительскому сословію, будучи связанъ съ ними узами самой тѣсной солидарности: учителя гимназій, которыхъ мнѣнія и оцѣнка нынѣ ставится университетомъ ни во что, сами когда-то сидѣли на университетскихъ скамьяхъ, и удостоены отъ университета ученыхъ степеней; многіе изъ профессоровъ университета сами прошли черезъ званіе учителей губернскихъ гимназій; наконецъ многіе изъ нынѣшнихъ учителей губернскихъ гимназій, современемъ, можетъ быть, займутъ кафедры въ университетѣ. Наконецъ, странно было бы, если бы недовѣріе къ аттестатамъ губернскихъ гимназій осталось безъ вреднаго вліянія на общественное мнѣніе объ ученомъ сословіи вообще. Каковы же должны быть эти господа, когда ужъ въ своемъ сословіи не встрѣчаютъ ни малѣйшей вѣры?

И, повторяемъ, для чего же все это? Для того, чтобы въ число студентовъ не было принято нѣсколько молодыхъ людей, которымъ университетъ не можетъ быть *вообще* полезенъ, но непременно будетъ *отчасти* полезенъ, потому что «степень ихъ подготовленности» не можетъ быть такъ низка, чтобы они вовсе ничего не поняли въ университетскихъ лекціяхъ, а весь недостатокъ приготовленія заключается у большей части въ незнаніи нѣкоторыхъ подробностей въ наукахъ гимназическаго курса, незнаніи, не могущемъ имѣть такого разрушительнаго вліянія на пользу отъ слушанія лекцій и легко могущемъ быть пополненнымъ въ теченіе курса. «Университетъ даетъ средства оканчивать свое образованіе», говорятъ вы. Но сколько изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые были, на основаніи нынѣшнихъ приемныхъ экзаменовъ, признаны «предварительно приготовленными къ разумному усвоенію передаваемыхъ знаній», не будутъ въ состояніи

или не захотятъ окончить свое образованіе. Сколько, между ними, такихъ, которые, поступивъ въ университетъ съ цѣлями, совершенно чуждыми стремленій къ тому, чтобы приготовиться «къ самодѣятельному, отчетливому труду и самоусовершенствованію на избранномъ пути», а именно: съ единственною цѣлью составить служебную карьеру, окончивъ курсъ, вовсе не будутъ готовы къ «самодѣятельному, отчетливому труду и самоусовершенствованію», а окажутся просто чиновниками, очень бойко разсуждающими на основаніи *высшихъ* взглядовъ, и между тѣмъ обдѣлывающими свои мелкія дѣлишки подъ вліяніемъ самыхъ *низкихъ* побужденій. И съ другой стороны, сколько изъ тѣхъ, которые по экзаменамъ признаны неприготовленными, вступивъ въ стѣны университета и прослушавъ нѣсколько лекцій, которыя не вполне поняли бы по причинѣ недостатка предварительныхъ знаній, сколько изъ нихъ не спали бы ночей и не успокоились бы, пока не пополнили бы этихъ пробѣловъ въ своемъ приготовленіи. Неужели университетъ не имѣетъ на столько вѣры въ проникающій его духъ научной инициативы, или неужели этотъ духъ такъ слабъ въ немъ, чтобы онъ не придалъ молодому человѣку энергію нужную для пріобрѣтенія нѣсколькихъ приготовительныхъ знаній, если въ груди этого молодаго человѣка, при поступленіи его въ университетъ, была человѣческая душа, а не вицеундирная пуговица? Пусть лекціи будутъ ему не *вполнѣ* полезны; да если въ университетѣ вѣетъ духъ благородныхъ, безкорыстныхъ стремленій въ наукѣ и жизни, а въ молодомъ человѣкѣ бьется воспримчивое сердце, то развѣ онъ, даже не понимая многихъ лекцій, не пріобрѣтетъ и не принесетъ гораздо болѣе дѣйствительной пользы, проникнувшись духомъ университета, нежели вицеундирный юноша, который отлично понимаетъ всѣ лекціи, для того, чтобы понятое, впоследствии, употребить, какъ средство для надуванія начальства и общества? Никакимъ экзаменомъ нельзя опредѣлить — какое употребленіе молодой человѣкъ сдѣлаетъ изъ науки, которую пріобрѣтетъ въ университетѣ: броситъ ли онъ, на другой же день по полученіи диплома, всѣ книги подъ столъ и примется за очень положительное наживаніе денегъ и выхаживаніе себѣ по переднимъ карьеры, или, сохранивъ благодарственную память о своей *alma mater*, весь проникнутый этой памятью, будетъ всю жизнь сочувствовать всему доброму, и держаться на пути честности. Но и безъ экзаменовъ можно положительно утверждать, что всякій порядочный университетъ, независимо отъ массы знаній, пріобрѣтаемыхъ въ

немъ слушателями, въ большинствѣ ихъ возбудить то, что важнѣе всѣхъ фактическихъ знаній, просвѣщенное человѣчески, нравственное чувство.

Университетъ готовитъ для жизни, а въ ней не столько нужно количество фактическихъ знаній, которыя примѣнить удастся только тому, кто избересть ученую дорогу; гораздо важнѣе для жизни инициатива истины, добра, честности, которую народъ можетъ получить только изъ горнила образованія и благородныхъ стремленій. Идеаль университета и народа состоялъ бы въ томъ, чтобы весь народъ прошелъ бы сквозь сѣнь университета. Чѣмъ въ университетѣ болѣе учащахся, тѣмъ онъ ближе къ своему идеалу. На сколько всякій изъ слушателей воспользуется университетскими лекціями, это дѣло самого слушателя, который жертвуетъ для посѣщенія университета временемъ, денежными средствами, а иногда и самымъ здоровьемъ, слѣдовательно не можетъ быть равнодушенъ къ результату своихъ занятій. Окончательный экзаменъ рѣшить — воспользуется ли молодой человѣкъ служебными выгодами, связанными съ дипломомъ, или, по недостатку фактическихъ знаній, долженъ будетъ вычеркнуть изъ своей служебной карьеры эти четыре-пять лѣтъ, проведенные на студенческой скамьѣ и начать ее съ тѣхъ низшихъ степеней служебной іерархіи, которыя открыты были для него и за четыре-пять лѣтъ. Но ни окончательный экзаменъ, ни что-либо другое, кромѣ его внутренняго сознанія, не въ состояніи опредѣлить потеряны ли для него эти годы студенчества, или на сколько пользы они принесли ему? Такіе вопросы рѣшаются только строемъ и характеромъ цѣлой жизни человѣка.

Ужъ если быть логическимъ въ этомъ экзаменаторскомъ рвеніи, такъ надо бы и въ императорской библіотекѣ требовать отъ входящихъ читать, экзаменовъ въ томъ — способны ли они понять книгу, которую хотять прочесть. Въ такомъ случаѣ, не худо бы, что бы и въ каждомъ книжномъ магазинѣ сидѣлъ экзаменаторъ, который, по нѣсколькимъ вопросамъ, сдѣланнымъ покупателю, опредѣлялъ бы — можно ли продать ему книгу, которую онъ желаетъ имѣть.

Просвѣщеніе имѣетъ эпидемическія свойства и университетъ напрасно думаетъ, что именно въ стѣнахъ его просвѣщеніе утрачиваетъ эти свойства и приобретаетъ характеръ какого-то размѣренного по циркулю вліанія. Если бы это было такъ, то знало бы, что университетъ отсталъ, на разстояніе среднихъ

вѣковъ, отъ общества, которое уже сказало свой приговоръ мертвой, отрѣшенной отъ жизни, наукѣ.

Но мыѣ могутъ сдѣлать одно возраженіе, повидимому совершенно основательное: что пріемные экзамены устроены для однихъ желающихъ поступить въ число студентовъ и что репрессивный характеръ этой мѣры, будучи направленъ противъ непомѣрнаго размноженія лицъ, за которыя отвѣчаетъ университетское начальство, нисколько не препятствуетъ всѣмъ невыдержавшимъ экзамена записаться въ университетъ вольнослушающими. Пусть это и такъ, но 1) почему бы, вмѣсто этой обоюдоострой мѣры, университету не отказаться лучше отъ наблюденія за поведеніемъ своекоштныхъ студентовъ, внѣ университетской ограды? или 2) если это неудобносполнимо, то слѣдовало бы, въ видахъ удобнѣйшаго полицейскаго надзора за своекоштными студентами, сохранить прежній или установить новый комплектъ имъ. Здѣсь цѣль достигалась бы прямѣе и не могло бы быть недоразумѣній. Дѣлать же изъ науки, изъ испытаній средство для достиженія административныхъ и полицейскихъ цѣлей, какъ хотите — недостойно ни науки, ни университета, ни экзаменовъ!

Что же касается того, что невыдержавшіе экзаменовъ на званіе студентовъ могутъ поступить въ число вольнослушающихъ въ университетѣ, то, конечно, не могло бы быть и рѣчи о репрессивномъ характерѣ пріемныхъ экзаменовъ, если бы вольнослушающіе были во всѣхъ правахъ, исключая мундира и университетскаго полицейскаго надзора, уравниены со студентами, какъ въ отношеніи учебныхъ пособій и участія профессоровъ къ ихъ занятіямъ, такъ и въ отношеніи окончательныхъ экзаменовъ на степень. Но этого-то и нѣтъ, и потому молодой человѣкъ далеко не можетъ быть равнодушнымъ, будетъ ли онъ принять въ число студентовъ или будетъ принужденъ посѣщать лекціи какъ вольнослушающій. Мало того: для молодаго человѣка, принадлежащаго къ мѣщанскому или крестьянскому сословію званіе студента составляетъ необходимую гарантію въ возможности окончить курсъ; ибо, будучи вольнослушающимъ, онъ никогда не можетъ быть вполнѣ увѣренъ, въ томъ, что общество, къ которому принадлежитъ, вдругъ не потребуетъ его для рекрутчины и пр.

Въ одномъ только случаѣ пріемные экзамены могутъ имѣть цѣль и даже быть необходимы, а именно: въ отношеніи стипендіатовъ и казеннокоштныхъ студентовъ, которыхъ число обусловлено капиталами, на которые они воспитываются. Здѣсь добро-

совѣстный выборъ изъ числа желающихъ — не только право, но и прямая обязанность университета.

Ф. Т.

Замѣтки кievскаго жителя.

Вы желали бы имѣть свѣдѣнія о замѣчательныхъ явленіяхъ общественной и ученой дѣятельности Кіева. Запросъ вашъ такъ широкъ, что вдругъ не могу удовлетворить вашему желанію; подѣлюсь теперь развѣ не многими бѣглыми замѣтками о Кіевѣ и о нашемъ краѣ. Не знаю только, могутъ ли мои провинціальныя замѣтки заинтересовать вниманіе столичнаго жителя, избалованнаго громадною картиною многошумной жизни, непрерывно волнующейся предъ его очами?

Нашъ Кіевъ принадлежитъ къ числу русскихъ городовъ, которыхъ физіономія внутренняя и вѣшная еще не установилась опредѣленно. Извнѣ онъ непрерывно строится и расширяется. Въ немъ образовались уже новыя части города, проведены и проводятся новыя улицы; но и до-сихъ-поръ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, онъ не имѣетъ еще установившагося силуэта. На огромныхъ пустыряхъ появляются по мѣстамъ новыя дома но не видно еще, какими линиями другихъ построекъ они соединятся потомъ между собою? Нѣчто подобное можно замѣтить и въ его внутренней физіономіи, въ его внутренней жизни. Извнутри, Кіевъ все еще только воспринимаетъ матеріалы умственной жизни, — и опредѣленный характеръ его въ этомъ отношеніи, его участіе въ общей внутренней жизни Россіи, будутъ зависѣть отъ того, съ какою твердостью будетъ двигаться далѣе направленіе образованія, котораго широкія основы положены здѣшнимъ университетомъ послѣ тридцатыхъ годовъ. Что причиною этой неопредѣленности, этой зыбкости внутренней физіономіи Кіева? Безъ сомнѣнія главныя причины ея заключаются въ историческихъ и мѣстныхъ этнографическихъ его обстоятельствахъ. Бывши въ старину довольно долго столбомъ русскихъ князей, онъ подвергся потомъ долгое время разнороднымъ стороннимъ вліяніямъ. Сперва раззоряли его монголы, потомъ легла на немъ рука Литвы, и хотя она не могла имѣть на Кіевъ и на всю южную Русь положительнаго вліянія, потому что сама была по вѣрѣ и языку русскою, однакожъ и литовско-русскій періодъ нашей исторіи не могъ остаться безъ слѣдовъ уже по-

тому, что впродолженіе его Кіевъ и вся югозападная Русь не была въ полномъ единствѣ съ сѣверовосточною, а потому и не могло быть между ихъ жизненными силами взаимнаго обмѣна. Но преимущественно вредно было для Кіева, какъ и всей южной Руси, вліяніе Рѣчи Посполитой польской и латинства. Оно перепутало народное самосознаніе, внесло въ него чуждые ему элементы и надолго перепортило узоры, которымъ начало положено на огромной канвѣ всей земли русской въ періодъ древней Руси. Только въ новыя времена возсозидается цѣльный жизненный составъ всей земли русской изъ разрозненныхъ, въ былыя времена, ея членовъ; но общій типъ его — еще далеко въ будущемъ. Отъ этихъ-то историческихъ причинъ, а частію быть можетъ и отъ природнаго настроенія и характера, туземное кіевское народонаселеніе какъ-то не обнаруживаетъ особенной внутренней подвижности, даже въ виду огромныхъ успѣховъ индустріальной жизни. Въ Кіевѣ вы не увидите много примѣровъ, чтобы здѣшніе старинные жители его выдвигались впередъ ремесленными, промышленными и торговыми трудами. По большей части всѣ подобныя занятія въ болѣе широкихъ размѣрахъ находятся въ рукахъ иностранныхъ выходцевъ, или поселившихся здѣсь великорусскихъ промышленниковъ. Но нѣтъ ли тому еще какихъ-нибудь другихъ, ближайшихъ причинъ? Безъ всякаго сомнѣнія первою причиною перевѣса иностранцевъ должно признать болъшую степень ихъ общей развитости и болъшую практическую приготовленность къ своему спеціальному дѣлу. Но и эта причина не единственная; авторитетъ иностранцевъ досихъ-поръ долженъ бы уже значительно уменьшиться, еслибы не было другихъ причинъ поглубже, въ самомъ положеніи нашего низшаго народонаселенія вообще. Въ самомъ дѣлѣ, отъ чего кіевское туземное народонаселеніе непрерывно отодвигается на задній планъ, не развиваетъ своихъ силъ, не улучшаетъ своего быта? Намъ кажется, что общемо и едва ли не самую главную причиною такого неприятнаго явленія служитъ то, что въ нашемъ туземномъ жителѣ нѣтъ развитаго самочувствія, нѣтъ сознанія своего достоинства, своей личности, нѣтъ убѣжденія, что и онъ не только можетъ, но и долженъ усовершенствовать себя и свой трудъ, что и онъ не долженъ обрекать себя на ничтожество, но быть живымъ членомъ общества. Иностранецъ-ремесленникъ пріѣзжаетъ не съ однимъ знаніемъ дѣла и съ готовностію трудиться; въ немъ есть еще не малая доля самосознанія, самоувѣренности и стремленія къ благосостоянію; но въ нашемъ низшемъ народо-

населеніи нѣтъ такого самосознанія, а потому, нѣтъ и движительной силы стремленій къ самообразованію. И нашъ ремесленникъ работаетъ, но въ своей работѣ онъ постоянно повторяетъ прежнее; въ немъ нѣтъ стремленія къ усовершенствованію себя, хотя средства иногда подъ рукою. Его работа и вся ея обстановка еще патріархальны; тогда какъ ремесленникъ-иностранецъ, слѣдя за усовершеніями своего дѣла, умѣетъ употребить еще и такую искусственную обстановку, что за нее иногда по неволѣ платятъ болѣе, нежели за самый трудъ. Приведу примѣръ. Однажды я рѣшился заказать себѣ сапоги сапожнику не изъ нѣмцевъ, а русскому, который былъ долго подмастерьемъ у лучшаго нѣмецкаго мастера и отличался хорошею и прочною работою. Узнавши потомъ, что его квартира не далеко отъ моей, я рѣшился зайти къ нему, спустя нѣсколько дней. Прихожу къ воротамъ двора, вижу вывѣску; вхожу во дворъ, но квартиры моего сапожника не могу отыскать. Наконецъ, какой-то мальчикъ провелъ меня грязнымъ дворомъ и указалъ какую-то вѣтхую лачужку позади сараевъ и почти въ землѣ; тутъ-то квартировалъ мой сапожникъ. Я вошелъ въ комнату, — тѣснота и нечистота страшныя. Поговоривши съ нимъ о заказанной работѣ, я спросилъ, отъ чего онъ живетъ въ такой лачугѣ, въ углубленіи двора, и притомъ такого грязнаго. Вѣдь оттого, прибавилъ я, ты не можешь имѣть большого количества заказовъ, а стало быть и большого дохода. У всѣхъ иностранцевъ, занимающихся однимъ съ тобою ремесломъ, ходъ всегда прямо съ улицы; помѣщеніе у нихъ хотя и не богатое, но всегда чистое. Казалось бы онъ больше твоего теряетъ, потому что квартира и содержаніе стоятъ ему дороже; и однакоже ты очень хорошо знаешь, что у него дохода гораздо болѣе твоего: онъ уже строитъ себѣ и двухъ-этажный каменный домъ. Послушайся моего совѣта. Ты работаешь порядочно, матеріалъ, какъ вижу, имѣешь хорошій; найми же себѣ, хотя бы на послѣднія деньги, опрятную квартиру, съ удобнымъ ходомъ прямо съ улицы и старайся какъ можно лучше и аккуратнѣе выполнять заказы; повѣрь, что доходъ твой очень скоро увеличится. Казалось бы моему собесѣднику можно было убѣдиться моими словами. Но каково было мое изумленіе, когда онъ, почесавши голову, совершенно хладнокровно отвѣчалъ мнѣ, что *это не по нашему; куда намъ?*... Въ этомъ примѣрѣ отражается весь нашъ туземный, сонный челоуѣкъ; такъ бываетъ сплошь и рядомъ. Почти всѣ лучшіе мастеровые — сапожники, портные, мебельщики, обой-

щики — изъ иностранцевъ, между тѣмъ подмастерья у нихъ, начиная отъ мальчишекъ до взрослыхъ парней, всегда почти бываютъ изъ туземцевъ. Отъ чего бы, кажется, этимъ послѣднимъ, выучившись мастерству, не образовать изъ себя новаго поколѣнія образцовыхъ мастеровъ туземныхъ? Но нѣтъ, по большей части они остаются только чернорабочими; имъ и въ голову не приходитъ выработать въ себѣ знаніе своего дѣла и потомъ самостоятельно и систематически принятыя за трудъ. Въ нихъ нѣтъ, какъ я сказалъ самосознанія, нѣтъ никакого понятія о значеніи своего труда, нѣтъ по этому и стремленія лучше воспользоваться своими силами. Какъ ни грустна такая дѣйствительность, но она и не могла быть иною; ей трудно было даже пособить, судя по состоянію нашихъ низшихъ сословій и особенно крестьянъ. Подмастерья и рабочіе даже у лучшихъ иностранныхъ мастеровыхъ бываютъ или изъ крестьянъ, которыхъ отдають къ нимъ въ науку помѣщики, или изъ дѣтей бѣдныхъ мѣщанъ. Но первые не владѣютъ своимъ трудомъ и, принадлежа помѣщику, не могутъ имѣть и охоты къ развитію; скорѣе одолеваетъ ихъ уныніе и страсть къ пьянству; другіе, хотя и свободнѣе, но вовсе не понимаютъ значенія своего труда и несутъ его только какъ необходимую дань злему року. Тѣ и другіе, кромѣ того, не подготовлены никакимъ предварительнымъ низшимъ, общимъ образованіемъ. Отъ этого положенія низшихъ сословій, занятыхъ матеріальнымъ трудомъ, происходитъ у насъ другое, чрезвычайно характерическое, явленіе. Когда торговецъ, или ремесленникъ достигаетъ лучшаго состоянія, то онъ старается вывести своихъ дѣтей въ чиновный людъ, или когда сынъ крестьянина выучится читать и писать, то онъ считаетъ для себя гораздо почетнѣе заниматься составленіемъ ябедническихъ прошеній, притѣсненіемъ и самымъ наглýmъ обманомъ своихъ же собратій, нежели воспользоваться честно своими свѣдѣніями, хотя бы для какого-либо улучшенія и расширенія сельскаго хозяйства. Не въ расѣ, которая отличалась умомъ и доблестями въ періодъ казацкихъ войнъ, но въ рабствѣ, которое было до-сихъ-поръ неразлучнымъ спутникомъ землѣдѣльческаго класса людей, кроется причина такого неутѣшительнаго явленія. Но будемъ надѣяться, что съ высвобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, само собою явится больше уваженія и больше любви къ матеріальному труду. Само собою разумѣется, что одно высвобожденіе крестьянъ не приведетъ еще къ желаемымъ улучшеніямъ самого производства. Необходимо еще нѣ-

которое образованіе, приспособленное къ ихъ спеціальнымъ потребностямъ, дающее имъ въ руки средство къ жизни и къ труду, а для того необходимо бы, кромѣ приходскихъ училищъ, имѣть, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, училища ремесленныя. Ихъ могли бы завести сами же достаточнѣйшіе горожане изъ купечества и мѣщанъ. Вѣдь основана же академія портняжества — въ Дрезденѣ! Кромѣ того, въ селахъ, по крайней мѣрѣ большихъ, необходимы школы для обученія дѣтей крестьянъ церковнославянской и русской грамотѣ, письму и счисленію. Такъ какъ промедленіе въ этомъ случаѣ можетъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія, то лучше ограничиться на первый разъ хотя бы самымъ общимъ первоначальнымъ обученіемъ дѣтей крестьянъ п школами несовершеннымъ, нежели въ ожиданіи совершеннѣйшихъ, отлагать ихъ учрежденія на неопредѣленное время. Довольно и того, если на первый разъ поселяне будутъ видѣть, куда обратиться можно для обученія своихъ дѣтей грамотѣ. Впослѣдствіи времени, къ общему первоначальному обученію можно будетъ присоединять, мало-по-малу, и спеціальное практическое обученіе разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Оно обозначится само собою мѣстными потребностями. Но дабы сельскія школы достигали своей цѣли, слѣдовало бы имъ войти въ вѣдѣніе попечителя учебнаго округа. Того требуетъ не только гармонія всѣхъ ступеней обученія, но и благопріятное вліяніе обученія на поселянъ; потому что въ отношеніи чиновниковъ не-педагоговъ къ крестьянамъ и ихъ дѣтямъ, всегда будетъ преобладать жесткій и презорчивый полицейскій характеръ, такъ какъ педагогическій тактъ имъ вовсе чуждъ и всегда будетъ имъ казаться чѣмъ-то страннымъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ нихъ не будетъ и умѣнья взяться за дѣло. Какова же должна быть идея первоначальнаго обученія дѣтей поселянъ? Полагаю, что при обученіи крестьянъ въ югозападной Руси, нужно идти твердо къ тремъ главнымъ цѣлямъ: во-первыхъ, необходимо обучать главному изъ православнаго христіанскаго вѣроученія, во-вторыхъ — церковнославянской и русской грамотѣ, въ-третьихъ — нужно присовокупить и краткія свѣдѣнія о русской исторіи, изъ которой они могли бы видѣть церковное, историческое и этнографическое единство русскаго народа (см. Русское Слово, августъ, статью «Голосъ изъ югозападной Руси»). Намъ удавалось слышать и другую мысль объ этомъ вопросѣ, а именно, что будто лучше предоставить народное образованіе самому народу; но мы вовсе не раздѣляемъ ее и думаемъ, что

подъ предлогомъ уваженія къ правамъ народа, она скрываетъ другія желанія, и едва ли къ лучшему для самого же народа. Можно бы еще отчасти допустить эту мысль въ отношеніи къ народу, достигшему нѣкоторой степени образованія. Но въ при-мѣненіи къ здѣшнему краю эта, повидному чрезвычайно гуманная, мысль рѣшительно не привела бы къ добру. Югозападная престонародная Русь, особенно теперь, съ освобожденіемъ крестьянъ, будетъ нуждаться въ руководствѣ и самомъ заботливомъ участіи правительства къ ихъ образованію. Впослѣдствіи времени, когда она выйдетъ нѣсколько изъ своего темнаго состоянія, и хотя сколько-нибудь возстановитъ въ себѣ сознаніе о своемъ положеніи, быть можетъ, и не будетъ нужды въ такомъ предупредительномъ удовлетвореніи его умственныхъ потребностей. Что дѣйствительно для блага крестьянъ мало одного высвобожденія ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, видно изъ того, что ихъ обезпечиваютъ еще — въ матеріальномъ отношеніи надѣленіемъ небольшихъ участковъ земли. Почему же не нужно обезпечить его новое существованіе на свободѣ, со стороны нравственной — обученіемъ *), особенно въ такой странѣ, гдѣ въ былыя времена существовала латинская пропаганда?

Разсматривая съ разныхъ сторонъ внутреннюю жизнь нашего Кіева и состояніе юго-западнаго края, тѣмъ сильнѣе сознаешь важное значеніе здѣшняго университета. Подъ знаменемъ науки и образованія, должно совершиться здѣсь гармоническое развитіе народныхъ силъ; подъ вліяніемъ университета, мало-помалу, должно углубиться и расшириться здѣсь русское образованіе и русское слово. Много сдѣлалъ уже на этомъ прекрасномъ поприщѣ здѣшній университетъ; еще болѣе предстоитъ ему дѣланіе впереди. Полагаю, что изъ отчетовъ нашего университета вамъ извѣстна его дѣятельность. Къ чести здѣш-

*) Не слѣдуетъ забывать еще и того, что въ здѣшнемъ краѣ есть множество евреевъ. Много пишутъ и говорятъ теперь въ пользу евреевъ, и кое-что довольно вѣрно; но желательно, чтобы кто-нибудь, какъ можно вѣрнѣе и подробнѣе, изобразилъ еще всѣ средства, которыми евреи подтачиваютъ благосостояніе здѣшняго народа. Вѣдь еврей никогда не займется честнымъ трудомъ земледѣльца и всегда предпочтетъ ему конокрадство, контрабандный промыселъ и всякаго рода искусственный грабежъ, а между тѣмъ постоянно считаетъ себя чѣмъ-то въ родѣ дворянина въ отношеніи къ земледѣльцу. Заботясь о образованіи евреевъ и представляя образованіе земледѣльца на произволъ судьбы, не увеличимъ ли мы наглости однихъ и бѣдствія другихъ, особенно если евреи постараются прибрать къ своимъ рукамъ здѣшнія земли?

ного университета должно присвокупить, что полезная деятельность его постепенно возрастает. И въ послѣдніе два или три года онъ ознаменовалъ ее издавіемъ дѣльныхъ сочиненій. Профессоръ В. Я. Шульгинъ напечаталъ вторымъ изданіемъ значительно дополненное Руководство къ исторіи среднихъ вѣковъ. Достоинства этого руководства уже одѣнены. Г. Ходецкій издалъ Курсъ естественной исторіи. Многіе изъ молодыхъ ученыхъ, ищущихъ ученыхъ степеней, также печатали свои монографіи: г. Цѣхановецкій напечаталъ разсужденіе о значеніи Адама Смита въ исторіи политико-экономическихъ наукъ, Реннекампъ — исторію ученія публицистовъ о правѣ осмотра кораблей во время войны, Славотинскій — историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра Великаго до учрежденія губерній въ 1775 году. Для распространенія реальныхъ свѣдѣній въ публикѣ, профессоръ Фонбергъ постоянно читалъ особенный курсъ публичныхъ лекцій по химіи и технологіи. Публичныя лекціи по механикѣ нѣсколько времени читалъ Рахманиновъ, путешествующій нынѣ въ сѣверной Америкѣ. Съ литературою образованнѣйшихъ европейскихъ народовъ знакомилъ публику публичными лекціями г. Селинъ. Въ прошлый зимній семестръ, благодаря публичнымъ чтеніемъ г. Судовщикова, наша публика могла ближе ознакомиться съ лучшими современными русскими писателями. Почтенный любитель русской словесности объяснялъ общій характеръ каждаго изъ лучшихъ нашихъ новѣйшихъ писателей и читалъ лучшія произведенія ихъ. Вообще должно сказать, что публичныя чтенія о русской словесности имѣютъ здѣсь важное значеніе. Мы душевно желали бы, чтобы подобныя чтенія были и впредь продолжены *). Нельзя не упомянуть еще и объ особенныхъ чтеніяхъ — физиологическихъ профессора Вальтера, которыя были такъ полезны не только приготовляющимся къ медицинской практикѣ, но и многимъ другимъ, имѣвшимъ возможность пользоваться учеными свѣдѣніями профессора, специально знакомаго съ любимою имъ наукою. Кромѣ этихъ чтеній, нашъ Кіевъ не былъ бѣденъ и другими полезными трудами, на сколько позволяютъ сосредоточенныя здѣсь средства. Нѣкоторые ученые члены университета и другія образованныя лица, составляющія временную комиссію для разбора древнихъ актовъ, касающихся

*) Г. Судовщиковъ уже объявилъ, что съ наступающею осенью онъ продолжитъ свои чтенія.

южной и юго-западной Руси, издали теперь четвертый и послѣдній томъ своихъ актовъ. Для дальнѣйшихъ трудовъ своихъ коммиссія и ѣсколько измѣнила программу и будетъ издавать историческіе памятники подъ заглавіемъ: Архивъ Юго-Западной Россіи. Первый томъ Архива уже вышелъ въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году. Коммиссія, существующая здѣсь для статистическаго и физическаго описанія губерній, составляющихъ кievскій учебный округъ, уже издавшая одновременно три тома своихъ трудовъ, печатаетъ теперь четвертый томъ, который и выйдетъ въ свѣтъ, какъ должно полагать, въ нынѣшнемъ же году. Мы позволяемъ себѣ присовокупить только одно скромное желаніе. Въ кievской, подольской и вoлынской губерніяхъ, особенно же въ послѣдней, есть развалины православныхъ церквей, построеніе которыхъ восходитъ ко временамъ лiтовской, а быть можетъ даже и древнѣйшей Руси. Развалины такихъ церквей, болѣе или менѣе сохранившихся, какъ намъ извѣстно, есть въ Острогѣ, въ Луцкѣ, (гдѣ существовало православное братство въ тѣ времена, когда православная южная Русь отстаивала себя отъ напора латинно-польской пропаганды), во Владимірѣ - Волинскомъ. До недавняго времени существовала еще древняя православная каменная церковь князей Вишневскихъ въ мѣстечкѣ Вишневецѣ. Желательно было бы, чтобы кто-нибудь изъ посѣщающихъ эти стороны, составилъ описаніе и рисунки этихъ развалинъ. Быть можетъ, подобное описаніе могло бы войти въ отдѣлъ статистическихъ статей коммиссіи. Ни слова, въ развалинахъ непосредственное наблюденіе не находитъ данныхъ для заключенія о современныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ силахъ народа, но онѣ выражаютъ быую степень силы южно-русскаго народа, и кто знаетъ? Быть можетъ въ обновленной памяти о быломъ, которое заслонилось мрачнымъ пятномъ латинской пропаганды, кроется одна изъ самыхъ могущественныхъ силъ его, въ наступающемъ періодѣ жизни. Можно бы даже употребить средства для сохраненія этихъ памятниковъ православной южно-русской старины отъ дальнѣйшаго разрушенія и сдѣлать на нихъ прочную надпись *). Сохранены же и снабжены приличною надписью золотыя ворота въ Кіевѣ, по вниманію въ Божѣ почившаго императора Николая.

Изъ этихъ немногихъ бѣглыхъ замѣтокъ моихъ можете уже

*) Говорятъ, что нѣкоторыя изъ этихъ полуразрушенныхъ православныхъ церквей можно даже реставрировать.

заклѣчить, что Кіевъ, благодаря дѣятельному вліянію университета, не остается мертвымъ капиталомъ въ общей умственной жизни Россіи. Остается только пожелать, чтобы у насъ основалось, наконецъ, изданіе дѣльнаго журнала. Много обязаны мы нашимъ столичнымъ журналамъ. Каковы бы ни были крайности, въ которыхъ иногда ихъ упрекаютъ, все же достоинства ихъ такъ велики, что намъ остается только радоваться, что они заставили уважать себя даже со стороны тѣхъ, кто прежде не хотѣлъ и заглядывать въ русскія книги. Тѣмъ не менѣе изданіе хорошаго русскаго журнала въ Кіевѣ, могло бы принести огромную пользу; мало-по-малу оно выработало бы туземный южно-русскій элементъ и углубило бы здѣсь русскую мысль и русское слово. Что же препятствуетъ доселѣ такому изданію въ Кіевѣ? — Намъ кажется, что препятствій нѣтъ ни какихъ; было бы только взаимное гуманное уваженіе мнѣній и отсутствіе фанатизма, разумѣется не религіознаго, нѣтъ, но ученаго, или литературнаго. Быть можетъ я выразился неудачно; но въ моемъ выраженіи есть своя доля правды. Положимъ, что въ кіевскомъ журналѣ, который существуетъ пока только въ моемъ воображеніи, и неизбѣжна была бы слабость нѣкоторыхъ частей, общихъ съ столичными журналами, за то онъ могъ бы вознаграждать ее статьями, имѣющими мѣстный интересъ. Нельзя не благодарить гг. издателей Кіевскаго Телеграфа, что они рѣшились издавать въ Кіевѣ свою скромную русскую газету, а не послѣдовали ложному правилу тѣхъ, кто не хочетъ сдѣлать и малаго, потому только, что нѣтъ силъ сдѣлать что-нибудь великое и оригинальное. Вѣдь и большія деревья вырастаютъ изъ малыхъ зеренъ. Что сказать вамъ о нашемъ театрѣ? Состояніе его не завидно. Удивительно особенно то, что въ Кіевѣ досихъ-поръ не можетъ устроиться хорошая русская труппа, не смотря на то, что новое зданіе театра довольно обширно и декорацин сдѣланы со вкусомъ. Два или полтора года назадъ, у насъ появилось было нѣсколько весьма хорошихъ сценическихъ дарованій; но потомъ ихъ не стало. Русскія представленія шли очень слабо; игрались польскія пьесы, хотя огромное большинство публики почти ничего не понимаетъ по польски. Теперь снова появились два любима кіевской публики, г. Никитякъ и г. Ивановъ. Кіевская русская труппа снова начала свои представленія 15-го августа, «Свадьбою Кречинскаго». Надѣмся, что г. Борковскій, завѣдывающій съ нѣкотораго времени кіевскимъ театромъ, успѣетъ со временемъ привлечь больше даро-

вытыхъ русскихъ актеровъ и организуетъ для кievской публики хорошую труппу русскихъ актеровъ. Пора бы уже и другимъ губернскимъ городамъ здѣшняго края—Житомиру и Каменецъ-Подольску обзавестись хорошими труппами русскихъ актеровъ.

Слышно, что здѣшняя духовная академія желаетъ издавать журналъ; но не извѣстно, когда именно начнется это изданіе. Разумѣется, что какъ бы ни было специально это изданіе, оно будетъ примѣнено къ современному образованію и къ его новымъ потребностямъ. Въ настоящее время вошло въ моду, во что бы то ни стало, непремѣнно порицать духовно-учебныя заведенія, не входя въ разсмотрѣніе ихъ назначенія. Нельзя не согласиться, что много есть недостатковъ въ этихъ заведеніяхъ, что въ-особенности академіи не удовлетворяютъ жаждѣ знанія, свойственной духовному юношеству, и не вырабатываютъ такихъ ученыхъ, какихъ бы можно выработать при другомъ положеніи высшихъ духовно-учебныхъ заведеній, куда собираютъ только самыхъ лучшихъ воспитанниковъ семинарій; не смотря однакоже на то, мы были бы рады, еслибы это желаніе почтенныхъ членовъ здѣшней духовной академіи осуществилось. Какъ бы ни было высоко образованіе, сообщаемое въ университетахъ, какъ бы ни было громадно и широкоѣтвисто специальное разработываніе въ нихъ науки, все же нельзя оставить безъ вниманія голосъ представителей образованія, имѣющаго свой особенный оттѣнокъ. Нечего смущаться, что онъ не всегда будетъ согласенъ съ нашимъ взглядомъ. Тѣмъ лучше: прочіе будетъ торжество истины. Въ случающейся иногда полярной противоположности мнѣній, мы даже готовы впдѣть необходимое условіе всякой умственной жизни. Смотря съ такой точки зрѣнія на несогласіе мнѣній, мы не боимся упрековъ въ недоброжелательствѣ; если выразимъ наше искреннее сожалѣніе о томъ, что устройство духовно-учебныхъ академій до-сихъ-поръ не можетъ придти въ состояніе болѣе соотвѣтственное потребностямъ времени. Намъ кажется, что главное препятствіе къ тому, если мы не ошибаемся, состоитъ въ томъ, что ученое сословіе въ духовныхъ академіяхъ, до-сихъ-поръ не выработалось до самостоятельнаго положенія, но остается только переходнымъ; во-вторыхъ, что вспомогательныя науки, напримѣръ, математика, физика, политическая исторія и проч. читаются лицами, которые слушали ихъ также только какъ вспомогательныя, второстепенныя и потому не имѣли возможности подготовиться къ нимъ специально и даже рѣдко занимаются ими постоянно, какъ

главнымъ своимъ предметомъ; а между тѣмъ, чпается ли наука какъ главная, пли какъ второстепенная, вспомогательная, все же преподающій долженъ изучать и знать ее специально. Не лучше ли было бы, еслибы, по крайней мѣрѣ, для преподаванія нѣкоторыхъ наукъ приглашались опытные профессора университетовъ? Какъ бы то ни было, надѣмся, что время выработаетъ возможно-лучшее, и на первый разъ, желаемъ, чтобы в кievская духовная академія издавала, подобно прочимъ академіямъ, свой ученый журналъ. Нынѣшнее *Воскресное Чтеніе*, издаваемое для христіанскаго назиданія, достигая своей цѣли, ясно доказываетъ нѣкоторыми статьями, что наступила потребность и въ другомъ журналѣ, котораго программа была бы шире и болѣе давала бы простора развившимся силамъ.

Среди отраднхъ явленій образованія и свѣтлыхъ надеждъ на прекрасное будущее, тѣмъ страннѣе было слышать, какіе-то глухіе заморскіе толки объ уни. Если гдѣ, то именно здѣсь, въ югозападной Руси, это слово производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Мрачнымъ пятномъ легла она между древнею и новою жизнію русскаго народа; но, благодаря Бога, въ русскомъ народѣ было столько жизненныхъ силъ, что онъ успѣлъ изгладить въ себѣ этотъ болѣзненный наростъ, — и въ членахъ, казавшихся парализованными, теперь снова течетъ одна — свѣжая и добрая мысленная сила.

Я едва не забылъ присовокупить, что одинъ изъ проживающихъ въ Кіевѣ польскихъ литераторовъ, какъ мнѣ сказывали, желаетъ издавать здѣсь польскій журналъ. Кромѣ того, въ Житомирѣ образовалось товарищество изъ трехъ помѣщиковъ: К. Гр. Качковскаго, А. П. Грозы и Л. I. Липковскаго, для распространенія иностранныхъ и особенно польскихъ книгъ. Съ этою цѣлью оно приобрѣло двѣ книжныя лавки Θεофила Гликсберга въ Вильнѣ и Кіевѣ и значительно понизило цѣны на книги. Жаль, что наши кievскіе книгопродавцы, занимающіеся продажей русскіхъ книгъ, не послѣдуютъ этому прекрасному примѣру. Много ли наберется въ Кіевѣ поляковъ, да и что за нужда въ общемъ знаніи польскаго языка въ русскомъ городѣ, а между тѣмъ, съ какою заботливостію они стараются о распространеніи польскихъ книгъ! И не только въ Кіевѣ, но и въ Каменцѣ-Подольскомъ и въ Житомирѣ, давно бы уже слѣдовало намъ имѣть подобныя русскія книжныя лавки и русскія библіотеки для чтенія. Наша литература со дня на день развивается и обогащается многими дѣльными произведеніями. Ни слова, что можно эти книги и

выписывать изъ Москвы или Петербурга; но выписываютъ книгу обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣютъ въ ней крайнюю необходимость; между тѣмъ, если бы существовали книжныя лавки, и притомъ съ удешевленною цѣною, то приобрѣтали бы ихъ гораздо болѣе. Тутъ ненужно было бы ни узнавать адресъ книгопродавца, ни цѣны книги, ни хлопотать съ пересылкою денегъ. Почему бы русскимъ образованнымъ капиталистамъ не употребить хотя малую часть своихъ капиталовъ для распространенія въ нашемъ югозападномъ краѣ русскихъ книгъ, для устройства въ губернскихъ городахъ хорошихъ русскихъ библиотекъ для чтенія, для основанія русскаго журнала въ Кіевѣ и для устройства хорошей труппы русскихъ актеровъ въ Кіевѣ? Въ матеріальномъ отношеніи нашъ Кіевъ, благодаря заботливости правительства и частной предпримчивости, со дня на день приходитъ въ лучшее состояніе. Главное русло Днѣпра, со времени постройки каменнаго моста, стало замѣтно уменьшаться и измѣнять свое направленіе; не знаю, удадутся ли мѣры къ удержанію напора воды въ одномъ изъ рукавовъ, называемомъ Чорторою; до-сихъ-поръ всё успѣло, кажется, еще ни къ чему не привели. По берегу Днѣпра на Подолѣ устроена прекрасная набережная. Открыты базары во всѣхъ частяхъ города, что чрезвычайно важно въ такомъ обширномъ, перерѣзанномъ горами городѣ, какъ Кіевъ. Теперь и сельскіе жители удобнѣе могутъ сбывать свои продукты, и не богатые жители не поставлены въ такое затрудненіе, какъ прежде, посылая за двѣ или три версты прислугу, иной разъ въ ненастную погоду, за покупкою провизіи. Недавно въ Кіевѣ устроены паровая мельница (Глезоромъ) и паровая лѣсопильня (Вальнеромъ). Но послѣдняя не можетъ еще приносить пользы, какой можно было бы ожидать отъ нея; потому что, какъ говорятъ, хозяинъ ея не имѣетъ достаточнаго капитала для оптовой закупки нужнаго матеріала. Жаль только, что цѣны въ паровой мельницѣ были чрезвычайно дороги въ нынѣшнюю засуху. Даже увеличеніе количества и состояніе нынѣшнихъ кіевскихъ гостинницъ, устройство въ окрестности прекрасныхъ дачъ, общественныя загородныя гулянья, изъ коихъ одно было особенно извѣстно нынѣшнимъ лѣтомъ подъ именемъ Тиволи на Кореневкѣ,* можетъ служить доказательствомъ, что нашъ Кіевъ быстро развивается и совершенствуется. Въ заключеніе прибавлю, что, благодаря просвѣщенной щедрости бывшаго кіевскаго гражданскаго губернатора Фундуклея, у насъ скоро откроется женское народное училище. Г. Фундуклей по-

жертвовалъ для этой цѣли двухэтажный каменный домъ и ежегодно 1,200 рублей. Благородное и достойное подражаніе употребленіе богатства! Носятся слухи, что кто-то изъ русскихъ крезовъ желаетъ открыть въ Кіевѣ огромную библіотеку русскихъ книгъ для чтенія; но за достовѣрность слуховъ не ругаюсь.

Сію минуту доставили мнѣ изъ типографіи двѣ книжонки. Выписываю заглавія:

1) Быть помѣщичьихъ крестьянъ, подольской, волынской губерніи и на Украинѣ. Кіевъ, 1859, in-8°.

2) Краткая земледѣльческая химія для чтенія крестьянъ. Составлена въ видѣ опыта Д. Т. Кіевъ, 1859, in-8°.

...кій.

16 сентября 1859 года.

Вѣсти изъ Новгорода.

Одинъ изъ корреспондентовъ Сына Отечества, г. В., въ 41 № его за 1859 годъ, между прочимъ, пишетъ: «Въ послѣдніе годы, къ позору края, пріѣхалъ въ К. московскій выходецъ. Въ Москвѣ онъ былъ на хорошей службѣ, но не служилъ, потому-что въ К. уѣздѣ имѣлъ бѣдную деревеньку, а главное потому, что изъ Москвы за ревностную и полезную службу былъ выгнанъ. Какъ дворянинъ, онъ обратился прямо къ предводителю дворянства, а какъ человекъ пронырливый, отдалъ всего себя въ полное его распоряженіе, чтобъ послѣ распоряжаться другими. Имѣя кой-какое состояніе, завелъ знакомство со всѣми домами, давалъ базы, вечера, пѣлъ, плясалъ, былъ главнымъ представителемъ на домашнихъ сценахъ, шилъ, заводилъ ссоры, буйство, подавалъ изъ-за корыстныхъ видовъ несправедливыя жалобы, и все это шло и сходило съ рукъ по милости задушевной дружбы съ предводителемъ, безъ всякой остановки и едва ли не съ поощреніемъ. Наконецъ, этотъ господинъ вздумалъ издавать въ свѣтъ особаго рода банковые билеты.. Въ началѣ 185... года, бывъ съ Б. въ Петербургѣ, онъ взялъ изъ опекунскаго совѣта нѣсколько билетовъ въ сто рублей, и чтобъ получить съ нихъ лишній процентъ, передалъ въ разныя руки, каждый билетъ за семьсотъ рублей. Получивъ безчестныя барыши безнаказанно и считая свой опытъ удачнымъ, онъ до-сталъ, въ концѣ того же года, еще нѣсколько такихъ же би-

летовъ и сряду передалъ два изъ нихъ купцамъ К., тоже за семьсотъ рублей. Но такъ-какъ онъ билеты отдавалъ съ разными замѣтными уловками и обращался съ ними ко многимъ лицамъ, то нѣкоторые стали въ билетахъ сомнѣваться, показывать другъ другу, и наконецъ открыли, что билеты искусно поправлены, и настоящая ихъ цѣнность не семьсотъ, а сто рублей. Говоръ пошелъ общій, но дѣло кончилось, при помощи предводителя, обратнымъ размѣномъ билетовъ, безъ всякихъ отговорокъ со стороны московскаго выходца и съ увѣреніемъ, что билеты настоящіе, и кончилось бы ничѣмъ, еслибъ не случилось между господами разныхъ мнѣній, разныхъ желаній, и не дошелъ слухъ до губернатора. Сряду предписано было уѣздному судѣ учинить дознаніе, но тотъ, подъ предлогомъ отпуска въ столицу, отъ столкновеній избавился. На его мѣсто назначенъ чиновникъ особыхъ порученій, человѣкъ опытный, но безъ силы и воли. Къ пріѣзду его отведена квартира на одномъ дворѣ съ предводителемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложенъ въ домѣ предводителя готовый столъ, готовые мысли, желанія и дѣйствія, и такимъ образомъ чиновникъ нечаянно попалъ въ западню, въ которой шлъ и Ыль до пресыщенія, а работалъ по указанію. Дѣло шло медленно, отбирались показанія кое-какъ, а больше въ пользу виновнаго; а какъ билеты были въ рукахъ откупщика, управляющаго и кушцовъ, то мудрые изобрѣтатели, обвиняя ихъ въ томъ, что они не объявили ложныхъ билетовъ своевременно, указывали судьямъ на блестящее ихъ золото, а поддѣлку билетовъ приписывали умершему городничему, который долженъ дать отвѣтъ за всѣхъ передъ судомъ Божиимъ, на томъ свѣтѣ. Вотъ вамъ и правда! А если вы хотите знать, чѣмъ все это кончилось — такъ ничѣмъ. Дѣло все еще тянется и протянется до-тѣхъ-поръ, пока московецъ не выдумаетъ, на пользу ближняго, новыхъ продѣлокъ, а предводитель, какъ кривой бѣсъ въ темномъ царствѣ, не научить всей своей команды подобной нравственности».

Точно такіе же билеты и при такихъ же *отчасти* обстоятельствахъ появились было недавно и въ Кпріловѣ, уѣздномъ городѣ новгородской губерніи, но точно также взяты были обратно *авторомъ* ихъ. Объ этихъ билетахъ шибко заговорили было сначала у насъ въ Новгородѣ, не смотря на шестьсотъ верстъ, отдѣляющихъ его отъ Кпрілова; назначено также слѣдствіе, но кончилось ли оно и чѣмъ кончилось, — ничего не знаю; знаю только, что потомъ стали кое-кто поговаривать,

что эти билеты ничто иное, какъ выдумка злонамѣренныхъ людей, чему впрочемъ и удивляться нельзя нѣсколько: при нашей младенческой, едва лепечущей гласности и не такія вещи очень легко обратить въ выдумку злонамѣренныхъ людей.....

Но вотъ новости чисто уже новгородскія.

— Что, батюшка, сказать мнѣ недавно при встрѣчѣ одинъ изъ знакомыхъ мнѣ купцовъ: нынче и у насъ по петербургскому, нынче ужъ мы столицѣ ни въ чемъ не уступаемъ.

— А что такое? спросилъ я.

— Какже-съ вѣдь и у насъ назначена депутація для осмотра ремесленныхъ заведеній!

— А! доброе дѣло.

— Меня тоже втянули въ это доброе дѣло, Богъ съ нимъ! Депутатомъ назначили.

— Поздравляю. А скоро-ль начнете?

— Эва! ужъ почти-что и кончили.

— Чтожъ? много небось нашли всякой всячины?

— А ровно таки ничего.

— Будто?!

— А что развѣ?

— Да какъ же! вѣдь я самъ хорошо знаю, что изъ всѣхъ нашихъ ремесленниковъ найдется можетъ быть три-четыре, которые содержатъ мастеровъ, какъ слѣдуетъ.

— Да и того-то, пожалуй, еще не наберется.

— Ну вотъ видите: такъ какъ же это вы?

— Да помиуйте, батюшка! христіанское ли дѣло обижать своего же брата?

— Гмъ.

— Благородно-ль заводить кляузы?

— Гмъ.

— Да опять же и то: сегодня я депутатъ, а завтра, примѣрно сказать, уже другой; сегодня ты осмотришь, а завтра тебя осмотрятъ. Ну какъ тутъ быть? Не пощадишь, и самого не пощадятъ.

— Это-то правда.

— Извѣстное дѣло: рука руку моетъ.

— Ну хорошо; однако, какъ же вы, скажите: ну, вы приходите въ мастерскую, видите всю гадость, спрашиваете мальчиковъ, какъ ихъ кормятъ, гдѣ они спятъ, какъ съ ними обходятся, ну и чтожъ потомъ?

— Ужъ вы-то, батюшка, думаете, что мы совсѣмъ, то есть, дураки. А *телеграфъ*-то на что жъ у насъ — хе, хе, хе!

— Какъ это телеграфъ? Этотъ, что устраивается у насъ что ли?

— Ну да тамъ какой ни на есть, хоть и этотъ : можно, то есть, и съ вечера вѣсточку, кому нужно, что молъ такъ и такъ, держи, молъ, ухо остро.

— А! вотъ что: понимаю!

— Извѣстно: человѣкъ и приготовить, какъ слѣдуетъ быть; рабочиыхъ, на которыхъ не надѣется, ушлетъ куда-нибудь на весь день, ну дѣло и обойдется мирно, съ удовольствіемъ. Значитъ, и дѣло сполнено и тебя никто не клянетъ.

— Ну да не вездѣ-жъ приготовятся, какъ слѣдуетъ; въ иномъ мѣстѣ нехотя наткнетесь на что-нибудь не хорошее: тутъ какъ?

— А тутъ ужъ, разумѣется, иное дѣло: тутъ ужъ шепнешь ему на ухо, азь и прямо скажешь, коли самъ-на-самъ, что молъ, братъ, не хорошо, этакъ не гоже, ну и исправится, сколько можно.

— Ну, а если не исправится?

— Ужъ это его дѣло. Одначе прощайте, батюшка, заболтался я съ вами, а тутъ вотъ и опять надо идти по мастерскимъ : куча дѣла!

Каковъ депутатъ, читатель? Да въ одномъ ли, полно, Новгородѣ водятся такія депутаціи? А между тѣмъ прочтите-ка въ губернскихъ вѣдомостяхъ напыщенные панегирики этимъ депутаціямъ или, правильнѣе, по поводу ихъ, мѣстному начальству; и ваше сердце переполнится радостію, что такъ много добра дѣлается на святой Руси.... Однако, къ чести Новгорода надо сказать, что эта депутація, вслѣдствіе ли распространившагося слуха о ея «христіанскихъ» побужденіяхъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, въ скоромъ времени замѣнена была другою.

Кстати о новгородскомъ телеграфѣ, на который такъ осторожно намекнулъ господинъ депутатъ. А впрочемъ, нашъ телеграфъ стоитъ того, чтобъ о немъ или, правильнѣе, по поводу его поговорить особо : птакъ, до слѣдующаго раза. Авось къ тому времени и телеграфъ начнетъ наконецъ дѣйствовать....

Н.

Новгородъ, 25 октября 1869 года.

Галлерка дагеротипныхъ портретовъ.

III.

Я былъ еще очень молодъ и бѣденъ, какъ большая часть тѣхъ молодыхъ людей, которые въ простотѣ сердечной покидаютъ отчій кровъ въ провинціи и стремятся въ Петербургъ, словно мухи на сахаръ, съ пріятною надеждою устроить свою карьеру. Матушка моя плакала, прощаясь со мною, и нѣсколько разъ повторяла.

— Ради Бога, Эрастушка, не растеряй бѣлья, записывай, когда будешь отдавать въ стирку, и принимай счетомъ. Не простудись, ходи въ церковь и пиши почаще.

Батюшка далъ мнѣ сто рублей ассигнаціями и запретилъ ходить по трактирамъ и кондитерскимъ. Дочь нашего сосѣда, Лиза, подарила мнѣ шерстяной шарфъ, тогда это было въ модѣ, отрѣзала мнѣ локоны своихъ волосъ и заставила меня поклясться, что я никого не полюблю въ Петербургѣ и, сдѣлавшись важнымъ и богатымъ человѣкомъ, женюсь, все-таки, на ней. Съ этимъ я и отправился....

Пропускаю дорогу, первыя впечатлѣнія Петербурга, сто тысячъ неудачъ, разочарованія, бѣдствія, потерю бѣлья и локона, словомъ, то что случается почти со всею нашею братією, прибывающею изъ провинціи въ Петербургъ для устройства своей карьеры. Помыкавшись по столичнымъ угламъ и понатерпѣвшись и холоду и голоду и всяческихъ униженій, я кое-какъ попалъ въ канцелярскіе чиновники третьяго разряда. Должность эта, какъ извѣстно, не приноситъ особенно громаднхъ доходовъ. Я поселился на петербургской сторонѣ, въ крошечной комнаткѣ, у вдовы брендмейстера. Пилъ, вмѣсто чаю, мяту, и то въ прикуску, съ полубѣлымъ хлѣбомъ, обѣдалъ умѣренно, только по большимъ праздникамъ бывало у насъ два блюда, засыпалъ въ холодной комнаткѣ, закутываясь въ шинель, и самъ крахмалилъ и гладилъ себѣ манишки, которыми щеголялъ въ присутствіи. Фека Герасимовна, такъ звали мою квартирную хозяйку, была очень добрая женщина и, не смотря на одолѣвавшую ее, гнусную бѣдность, дарила мнѣ иногда коленкоровыя манишки. Она постоянно утѣшала и ободряла меня.

— Вотъ, говорила она, послужите еще годокъ, другой, глядишь и жалованье прибавятъ.

Пророчество ея, правда, не сбывалось, но и надѣяться пріятно. Въ видѣ признательности, я писалъ письма и прошенія знакомкамъ Ѳеклы Герасимовны, да однажды и ей самой въ какое-то филантропическое общество, которое мѣсяца черезъ три выдало ей три рубля серебромъ; мы по этому случаю пили кофе со сливками и съ сухарями — было очень весело. Порой у насъ не бывало дровъ, я надѣвалъ шинель, а Ѳекла Герасимовна свой салопишко; иногда не случалось свѣчей — мы раньше ложились спать; не рѣдко выходили неприятности съ лавочникомъ — мы терпѣливо ждали первыхъ чиселъ.... Такъ ползла наша темная, бѣдная жизнь, какъ, вдругъ, фортуна, въ видѣ доморощенной повивальной бабки, постучалась въ мою холодную и грязную коморку.

— Ну, Эрастъ Весильевичъ — сказала эта фортуна — нашла я вамъ теплое мѣстечко, только не зѣвайте.

— Какое же это, матушка Анна Григорьевна?

— А такое, что вы мнѣ должны фунтъ кофію и два фунта сахару!...

— Извольте; говорите только поскорѣе какое мѣсто?

— То есть, такое, что тысячи наживете.

— Но....

— Позвольте.... я вамъ должна сказать, что только для васъ, потому Ѳекла Герасимовна всегда объ васъ отзывается съ хорошимъ одобреніемъ, что вотъ, говорить, у меня жилецъ скромный и не пьющій человекъ и завсегда мнѣ уваженіе дѣлаетъ, хотя и бѣдный и видно что изъ благородныхъ. Я сама у благородныхъ принимала дѣтей и могу судить на счетъ деликатности... Генеральша Зарагаева, на лыборгской имѣетъ свой домъ, и я у нея всегда принята и, могу сказать, обласкана.... Теперь опять у дочери надворнаго совѣтника Лупатова, съ ней знаете случился этакой грѣхъ, жандармскій капитанъ жилъ у нихъ черезъ сѣни, ну, опять-таки я у нихъ принимала. Самъ-то говорить: я на васъ полагаюсь, Анна Григорьевна и, надѣюсь, говорить, что помретъ, между нами.... Вѣрите-ли, приду къ ней, такъ не знаетъ куда посадить, чѣмъ угостить, ей Богу!... Я хотя свѣтскаго образованія не получила, но знаю свое дѣло и въ грязь лицомъ не ударю.... Въ нашемъ званіи надо себя держать умѣючи и не то чтобы хвалить себя или выставять, и могу сказать я очень счастлива и вездѣ принимаютъ меня въ благородныхъ домахъ.... А вотъ недавно такъ одинъ генералъ, весь въ орденахъ, тутъ знаете лента и....

— Анна Григорьевна, — перебилъ я наконецъ, теряя терпѣніе — вѣдь вы меня мучите, что же вы о мѣстѣ-то ни слова не говорите.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, забыла.... Видите, есть тутъ одинъ человекъ, т. е., богачъ, я вамъ скажу, такой, что фу!... Просто счету деньгамъ нѣтъ.... Три каменныхъ дома.... Ёсть на серебрѣ, ну, живетъ припѣваючи... да что толковать, сами увидѣте.... Смотрите только, Эрастъ Васильевичъ, чуръ обѣщанія своего не забывать....

— Да ужъ не забуду, Анна Григорьевна, не забуду — увѣрялъ я — вы скажите: какое же мѣсто?

— А нужно ему, сударь ты мой, управляющаго, т. е., который бы у него дѣлами управлять....

— Да какъ же я явлюсь къ нему ни съ того ни съ другаго, безъ всякой рекомендаціи, такъ, съ улицы?

— Такъ просто и идите....

— Отчего-жъ не попытаться — замѣтила Ѳекла Герасимовна — попытка не шутка, спросъ не бѣда.... Сходите, Эрастъ Васильевичъ....

— Гдѣ же онъ живетъ? спросилъ я нерѣшительно, раздумывая, идти или нѣтъ. Анна Григорьевна сказала мнѣ адресъ. Мысль улучшить свое незавидное положеніе, получить квартиру вмѣсто грязной коморки, а можетъ быть и жалованье, была, конечно, весьма соблазнительна и я, правду сказать, не мало поворочался на своемъ клеенчатомъ и жесткомъ диванѣ и настроилъ таки порядочное количество воздушныхъ замковъ, прежде чѣмъ заснулъ въ этотъ день.

На утро, побуждаемый Ѳеклой Герасимовной, я, принарядившись, сколько могъ, со страхомъ и трепетомъ, отправился по данному мнѣ адресу.

О, счастливые и сильные! вы, которые родились на кружевахъ и батистѣ и шагаете потомъ по приготовленной вамъ широкой и гладкой дорогѣ почестей и богатства; вы, которымъ все улыбается въ жизни; вы, для которыхъ разсыпаны всѣ блага земныя; вы, высокіе и неприступные, поймете ли чувства, волнующія душу какого-нибудь ничтожнаго Эраста Веселкина, пробирающагося по улицамъ великолѣпной столицы съ надеждою получить, можетъ быть, уголокъ по теплѣе и по свѣтлѣе?... Видали ли вы, какъ на задній дворъ крадется тощая, лохматая собака, съ высунувшимся ребрами и поджавши хвостъ, какъ робко оглядывается она во всѣ стороны, страшась и дворника

и дворовыхъ собакъ тѣхъ, у которыхъ есть, по крайней мѣрѣ, пріютъ, кусокъ хлѣба, а порой и вкусная косточка?... Несчастная эта, бездомная и голодная, тварь идетъ къ помойной ямѣ съ слабою надеждою, авось тамъ найдется какая-нибудь хоть обглоданная косточка, брошенная болѣе сытыми и прихотливыми дворняшками.... Но, зачѣмъ я заговорилъ о собакахъ, прочь всякія сравненія, продолжаю мое повѣтствованіе.

Я нашелъ домъ Книпса; спрашиваю у дворника:

— Гдѣ живетъ хозяинъ?

Дворникъ подозрительно осматриваетъ меня съ ногъ до головы и потомъ уже только отвѣчаетъ:

— Вотъ на главный подъѣздъ...

«Ступайте» или «ступай» — онъ не договариваетъ. Я отворяю двери и глаза мои поражаются невиданною мною роскошью; передо мной подымается великолѣпная, широкая, мраморная лѣстница, внизу что-то въ родѣ сада съ крошечными дорожками, усыпанными краснымъ пескомъ. Не успѣлъ я хорошенько рассмотреть всего, что вдругъ представило моему взору, какъ отставной унтеръ-офицеръ, лѣнливо поднявшись со стула, очень сурово спрашиваетъ меня:

— Кого надо?

— Господина Книпса, отвѣчаю я смиренно.

— За деньгами, что ли?

— Нѣтъ, по дѣлу.

— Наверху тамъ доложить, говорить унтеръ-офицеръ, дергая звонокъ.

И онъ, повидимому, избѣгаетъ мѣстоименія, подумавъ я печально, видно наружность моя не представляетъ ничего внушительнаго. Какъ же взглянетъ на меня *самъ* баринъ, если дворникъ и швейцаръ обошлись со мною такъ надменно? Какъ предстану я, ничтожный канцелярскій чиновникъ Веселкинъ, передъ лицомъ обладателя такой великолѣпной лѣстницы? Вижу: Анна Григорьевна сказала правду, что онъ *такой богачъ, что фу!* Вижу, что затесался я, ворона, въ высокія хоромы, и чувствую сильную робость... Поднимаюсь по лѣстницѣ съ такою осторожностью, какъ будто она стеклянная и можетъ треснуть подъ моими неуклюжими сапогами. Почти съ ужасомъ вспоминаю, что сапоги-то мои не больно красивы; за сапогами приходятъ мнѣ на мысль и другія принадлежности моего наряда, кое-гдѣ подштопанныя. Что какъ, чертъ ихъ дерн, думаю я, что-нибудь лопнетъ — вотъ осрамлюсь-то. Хорошъ, скажетъ, звѣрь, лѣзетъ

въ управляющіе, а у самого... Меня просто въ жаръ кинуло! А между тѣмъ вотъ ужъ передо мной франтъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

Этотъ вѣжливѣе, думаю я, ободряясь нѣсколько, и отвѣчаю:

— Я бы желалъ видѣть господина Книпса.

— Подождите, я доложу, говоритъ франтъ, и исчезаетъ за дверью, изъ-за которой мелькнуло мнѣ опять что-то великолѣпное, и я опять чувствую робость.

— Пожалуйте.

Я въ залѣ, которая рѣшительно давитъ меня своимъ изяществомъ и богатствомъ. Напрасно напрягаю я всѣ силы воображенія, чтобы представить себѣ: каковъ долженъ быть господинъ Книпсъ, воображеніе отказывается служить мнѣ... Нѣсколько минутъ проходятъ въ мучительномъ ожиданіи, наконецъ, двери пастежъ и передо мною господинъ Книпсъ. Гаже рожи я не видывалъ. Высокій ростъ и толстота Книпса скрадывались сутуловатостью. Лицо его, чисто жидовское, обрюзглое и желтоватое, висѣло морщинами; только виски были у него прикрыты остаткомъ выкрашенныхъ волосъ; на Книпсѣ висѣлъ, замасленный и вытертый, желтый халатъ.

— Сто вамъ угодно? спросилъ онъ меня дребезжащимъ, звонкимъ голосомъ, не обращая, повидимому, никакого вниманія на мой поклонъ.

— Я слышалъ, что вы ищете управляющаго и желалъ бы занять это мѣсто.

— А кто ви такой? спросилъ Книпсъ.

— Губернскій секретарь Веселкинъ.

— Ну, очень радъ, а я надворный совѣтникъ Книпсъ.

Такъ мы познакомились. Переговоры кончились очень скоро; мнѣ предлагалась квартира и столъ.

— Тамъ послужите, увидимъ, можетъ быть и залованіе получите, сказалъ Книпсъ.

Дѣлать нечего, я согласился. Прощай моя темная и холодная каморка на петербургской сторонѣ, прощай добрая Оекла Герасимовна!

Я переселился въ домъ Книпса; квартира, объяснили мнѣ, готовится, а пока меня помѣстили въ крошечной комнаткѣ, заставленной шкафами и картонками. Въ первый же день, отъ нечего дѣлать, я принялся за бумаги, которыми были набиты

шкафы и картонки. Посмотримъ, думаю себѣ, что за дѣла у господина Книпса? Оказалось, что двѣ трети изъ нихъ были чисто князюзнаго содержанія; увертки отъ платы должныхъ денегъ, жалобы и т. д., все въ этомъ родѣ. А, такъ вотъ ты какой господинъ! И съ этой минуты я сталъ всматриваться въ моего патрона и вотъ, теперь, портретъ его, съ краткимъ біографическимъ очеркомъ, представляется суду почтеннѣйшей публики.

Во время оно, изъ небольшого прусскаго городка Эльбинга бѣжалъ пятнадцатилѣтній жиденокъ Мошка, приговоренный къ розгамъ за воровство. Добравшись кое-какъ до Варшавы, онъ приписался тамъ къ кагалу и сталъ заниматься, по примѣру своихъ собратій, факторствомъ. Получивъ кое-какое образованіе, бойкій и плутоватый жиденокъ, скоро выдвинулся изъ ряду дюжинныхъ плутовъ и приобрѣлъ довѣріе между богатыми купцами-евреями. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему поручались уже довольно большія дѣла, онъ исполнялъ ихъ ловко и удачно, къ полному удовольствію своихъ поручителей, не забывая, конечно, при этомъ и собственнаго кармана. Наконецъ, какая-то злополучная торговая компанія поручила Мошкѣ довольно значительную операцію, довѣривъ ему порядочную сумму денегъ. Мошка, не долго думая, улизнулъ съ этими деньгами. Торговая компанія рвала пейсики, покричала: «вей-миръ» и наконецъ дѣло о похищенныхъ деньгахъ было предано суду Божію...

Черезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ явился Кондратій Михайловичъ Книпсъ, съ супругою Розою Адамовною и съ дипломомъ на какое-то ученое званіе, которое дозволяло ему, при помощи нѣкотораго количества денегъ, поступить на службу. Кондратій Михайловичъ Книпсъ служилъ счастливо, даже получилъ пряжку и какой-то иностранный орденъ, за то, кажется, что въ домѣ его жило какое-то посольство. Утвердившись нѣсколько и приумноживъ свое богатство, достопочтенный Книпсъ пустился въ откупа, завелъ мраморную лѣстницу, роскошно отдѣланную квартиру, лакеевъ въ бѣлыхъ галстукахъ и принялъ, наконецъ, меня губернскаго секретаря Веселкина, въ управляющіе двумя домами.

Только что переселился я къ Книпсу, онъ объявилъ мнѣ, что сверхъ управленія домами, возлагаетъ на меня и обязанность его домашняго секретаря. Хотя это новое званіе отнимало у меня много времени; но я рѣшился испить чашу до дна и приглядѣться къ замѣчательной личности моего патрона. На слѣдующее же утро я уже сталъ заниматься дѣлами. Я сидѣлъ въ кабинетѣ

Книпса и читалъ ему донесеніе повѣреннаго по откупу. Повѣренный этотъ требовалъ между прочимъ денегъ.

— Какія дэнги? спросилъ меня Кондратій Михайловичъ.

— Тутъ перечислено, отвѣчалъ я: — на что именно нужны деньги.

— Ну, процтите, процтите, это весьма любопитно.

Я началъ:

....Для четырехъ кабаковъ требуется купить образа...

— Сто такое образа! вскрикнулъ Книпсъ: — какіе образа? зацѣмъ образа? Въ кабакахъ надо пить, а не молиться... Ну, цитайте дальсѣ, цитайте...

«Требуется разной посуды бѣлаго стекла...»

— Ахъ, Бозе-съ мой, Бозе, сто это за мѹценія, перебилъ меня снова Книпсъ: — Сто за глупости! зацѣмъ бѣлаго стекла, когда можно пить въ зеленомъ. Это все видумки, стобы трапиць только дэнги!

Онъ схватился обѣими руками за голову, скорчился, съежился и зажмурилъ глаза. Я принялся было читать далѣе, но Книпсъ замахалъ обѣими руками и закричалъ:

— Не нузно, не нузно, я вижу, сто все это пустячки и больсе ницего.

Человѣкъ доложилъ, что пришли рабочіе.

— Какіе рабочіе? спросилъ Кондратій Михайловичъ по своему обыкновенію: — Я никакихъ рабочихъ не знаю... Посмотрите, сто тамъ за рабочіе, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я вышелъ въ швейцарскую, тамъ стояло пять мужичковъ.

— Что вамъ надо? спросилъ я.

— Да мы къ Кондратию Михалычу, отвѣтилъ одинъ, почесывая затылокъ: — все на счетъ денегъ... за работу они намъ остались должны.

— За какую?

— Да вотъ эту лѣсенку клали.

Я отправился къ Книпсу и объяснилъ дѣло. Книпса передернуло.

— Ахъ, мѹценіе, мѹценіе съ этими музиками, сказалъ онъ и отправился къ рабочимъ; я послѣдовалъ за нимъ.

— Сто вамъ нузно? спросилъ онъ весьма сердито.

— Да должокъ за вами, Кондратій Михалычъ, заговорилъ тотъ самый мужикъ, который объяснялся и со мною: — времято, таперйча, пришло такое, что оброкъ, значить, нужно посылатъ барину...

— Сто такое оброкъ? завопилъ опять Книпсъ: — какой должокъ? Я ницево не знаю, ницево не знаю.

— Какъ же, батюшка, заговорили всѣ мужики: — вѣдь мы за лѣстницу ничего не получали съ васъ.

— За какую лѣстницу? Сто такое, сто такое? Я ницево не знаю... Я никому не долженъ... ницево не знаю...

— Да побойтесь Бога, Кондратій Михалычъ, сказалъ опять первый мужикъ, какъ видно, старшій: — вѣдь мы къ вамъ вотъ ужъ близко три мѣсяца ходимъ безо-всякаго удовлетворенія. Вѣдь не даромъ же мы работали все лѣто... Вѣдь съ насъ оброкъ спрашивается.

— Сто мнѣ за дѣло до васево оброка? Я ницево не долженъ, ницево, я все заплатилъ...

— Какъ заплатили? повторилъ мужикъ, повидимому, сильно озадаченный такою наглостью: — Братцы! обратился онъ къ товарищамъ: — Что же это такое? вѣдь онъ отпирается... Кондратій Михалычъ! да что же это вы? какъ же это? креста на васъ нѣтъ; вы отъ долга отпираетесь батюшка, да вѣдь мы люди маленькіе, вѣдь вы у насъ послѣднюю копейку хотите отнять... Вѣдь вся ваша дворянѣ знаетъ, мы всѣ пороги отоптали...

— И очень дурно здѣлали, замѣтилъ довольно хладнокровно Книпсъ.

— Кондратій Михалычъ! продолжалъ мужикъ жалобнымъ голосомъ: — Да Бога-то вы побойтесь... вѣдь, почитай, каждый день плачемъ изъ-за васъ... вѣдь эта лѣстница-то ваша вся слезами нашими вымыта...

— Ну, и сто-сь, цисце будетъ.

— Да вѣдь вы должны намъ?

— Ницево не знаю, ницево не долженъ, ницево, ницево не знаю...

— Да вѣдь ты баринъ называешься, началъ мужикъ, уже окончательно выведенный изъ терпѣнія: — Какой же ты баринъ? Ты воръ, грабитель!...

— Сто такое? сто онъ говоритъ? я ницево не знаю, ницево, ницево не знаю и не имѣю время! проговорилъ Книпсъ и улизнулъ въ комнаты.

Изъ толпы рабочихъ посыпался градъ ругательствъ и проклятій; сердце разрывалось у меня на части; я не помню какъ дошелъ до кабинета. Книпсъ спокойно сидѣлъ за письменнымъ столомъ и отрѣзывалъ отъ допесенія повѣреннаго клочка бумаги, оставшіеся не исписанными.

— Слсали? обратился онъ ко мнѣ: — Слсали, слезами всю лѣстницу вымыли... а я говорю: цисци будетъ... а? цисци будетъ...

И Книпсъ засмѣялся, восхищаясь собственнымъ остроуміемъ. Мнѣ гадко стало взглянуть на него и я, не подымая глазъ, сказалъ ему:

— Однако они, вѣроятно, пойдутъ жаловаться.

— Куды заловатця? спросятъ документы... какъ заловатця?

— Если нѣтъ документовъ, они пойдутъ къ присягѣ.

— Ну, тогда въ крайности можно отдать.

— Да вѣдь и деньги-то, вѣроятно, не большія, замѣтилъ я.

— Какъ не большія? воскликнулъ Книпсъ: Сто значить не большія дэнги? Не большіхъ дэнги нѣтъ, всякая дэнги большія.

— Но вѣдь для нихъ эти деньги больше, чѣмъ для васъ.

— Сто мнѣ за дѣло? Каздый долженъ думать о себѣ.

Ай да гусь! подумалъ я. Въ этотъ день, видно, суждено мнѣ было увидать своего патрона во всей, что называется, красѣ. Онъ вспомнилъ, что сегодня первое число.

— А надо заплатить залованье, сказалъ онъ: — я люблю аккуратность... Позовите людей... сначала одного, потомъ другаго...

Я такъ и сбѣжалъ; первый явился тотъ самый франтъ, который докладывалъ обо мнѣ, въ мое первое посѣщеніе.

— Тебѣ слѣдуетъ восемь рублей залованья, сказалъ Книпсъ.

— Точно такъ, подтвердилъ лакей.

— Но тамъ друзоцекъ есть маленькія висканія... за тарелочку надо полтинничикъ...

— Да помилуйте, Кондратій Михайлычъ, вѣдь тарелку не я разбилъ, возразилъ лакей.

— Мнѣ все равно, сказалъ Книпсъ: — какое же мнѣ дѣло, друзоцекъ, разбирать кто разбилъ тарелочку, я вичитаю со всѣхъ, никому не обидно.

— Какъ же это, помилуйте.

— Ахъ, Бозе мой, Бозе! ну, сто я буду съ тобой торговатця за полтинничикъ... Я не имѣю время... Потому ты спалъ въ прошлую субботу очень долго, значить не работалъ, значить не долженъ полуцить и залованья за это время, воте есче полтинничикъ.

Я не помню подробно за что вычиталось по полтинничку, по четвертаку и даже по гривенничку; но дѣло въ томъ, что лакею

пришлось получить, кажется, четыре рубля пять копеекъ. Книпсъ отдалъ ему четыре рубля, сказавъ :

— А пять копеечекъ послѣ.

Лакей обругалъ его и отошелъ. Почти такая же исторія повторялась съ каждымъ изъ прислуги и такъ, объяснили мнѣ, дѣлалось у Книпса обыкновенно. Каждый мѣсяцъ почти вся прислуга, обсчитанная, расходилась, смѣняясь новою. Какой-то поварь, рассказывали мнѣ, бросилъ полученные имъ деньги въ лицо Книпсу, Книпсъ спряталъ эти деньги. Когда раздача жалованья кончилась, Книпсъ съ торжествомъ сказалъ мнѣ :

— Вотъ видите сто значить порядокъ, вотъ въ экономіи у меня осталось восемнадцать рублей пятнадцать копеекъ, а это не сутка! А вы удитесь и називете тысящи, а потомъ миліоны.

— Гдѣ мнѣ нажить миліоны.

— Какъ гдѣ? Бозе мой, всякій мозигъ, кто захоцитъ.

— Да какъ же? развѣ грабежемъ да разбоемъ?

— И грабездомъ и разбоемъ, отвѣтилъ хладнокровно Книпсъ :
— если вы не умѣете инаци.

— Ну, такъ ужъ я навѣрно умру бѣднякомъ.

— И очень дурно здѣлаете... Безъ дѣнги целовѣкъ зить не можетъ.

— И безъ чистой совѣсти также — добавилъ я.

— Сто такое совѣсть? — возразилъ Книпсъ — какая совѣсть, когда нузн назить дѣнги.

Въ передней раздался звонокъ.

— Потрудитесь — сказалъ Книпсъ — посмотрите кто это тамъ еще позаловалъ.

Я вышелъ; ко мнѣ подошелъ старичокъ, одѣтый весьма бѣдно.

— Что вамъ угодно? спросилъ я его.

— Я бы хотѣлъ видѣть Кондратія Михайловича; онъ меня знаетъ; доложите ему, что пришелъ Семеновъ, колежскій секретарь, я у нихъ служилъ прежде и служилъ хорошо, они конечно не забыли этого. Теперь я безъ мѣста, у меня пятеро дѣтей и жена сидятъ безъ куска хлѣба... Не дадутъ ли мѣстечка, тяжело на старости лѣтъ христарадничать.

Я передалъ его слова Книпсу.

— Да, я его помню — сказалъ Книпсъ — но какое же мѣсто, теперь нѣтъ еще мѣста, пускай зайдетъ черезъ мѣсяцъ, можетъ быть и найдется мѣсто.

— Но вѣдь у него семья сидитъ голодомъ.

Отд. III.

— А сто зе мнѣ до этого!

— Нельзя ли помочь ему покуда?

— Цѣмъ помочь?

— Да дать ему скольконибудь денегъ.

— Сто ви, сто ви! — вскрикнулъ Книпсъ — ви раззорить меня хотите.. какія дэнги.. Сто такое? за цѣмъ?

— Хоть скольконибудь дать бы ему — настанвалъ я.

— Дайте ви, если хотите — сказалъ Книпсъ.

Когда я передалъ отвѣтъ Семенову, у бѣднаго старика полились слезы.

— Господи! — проговорилъ онъ жалобно — что я буду дѣлать? Неужто Кондратій Михайловичъ не можетъ одолжить мнѣ хоть въ долгъ... хоть рубль.

У меня только и былъ рубль въ карманѣ, я отдалъ его бѣдняку и онъ упалъ мнѣ въ ноги... Когда я воротился въ кабинетъ Книпсъ шурплъ на меня глаза и улыбался насмѣшливо.

— Ви миллионэръ! — сказалъ онъ мнѣ — миллионэръ! Не можете ли мнѣ одолжить тысяць сто — ви миллионэръ!

Мы принялись опять за дѣла; между прочимъ я прочелъ Книпсу письмо отъ какой-то мѣщанки, вдовы, которая умоляла Кондратія Михайловича, ради ея болѣзни и крайней бѣдности, простить ей пять рублей.

— А! — заговорилъ Книпсъ, радостно потирая руки — значить стали взыскивать... Эти сельми умѣютъ зить на квартирѣ, а платить не хотятъ; ихъ надо учить.

— Она просить — объяснилъ я, пробѣжавъ еще разъ письмо, — чтобы вы хоть подождали, пока она выздоровѣетъ и будетъ въ состояніи заработать эти деньги.

— Какъ подоздать? съ какой стати я стану здать? Дэнги въ оборотахъ растеть, а я зди...

— Да вѣдь она нездорова...

— Сто такое нездорова? И я нездоровъ, ну, и ви нездорови, ну, и всѣ нездорови.. Сто-сь такое? Какое мнѣ дѣло? Мнѣ нузны мои дэнги.. Ніѣтъ, ніѣтъ, ницево не знаю, ни какая нездоровья не знаю.. Я требую мои дэнги, я самъ нездоровъ, ми всѣ нездорови, когда дэнги нѣтъ.

Я посмотрѣлъ на моего патрона съ презрѣніемъ; но онъ не понялъ моего взгляда и торжественно, будто отвѣчая на мой взглядъ, сказалъ мнѣ:

— Да, уцптесь, ви още очень молодой и не знаете цѣна

на дэнги; ви думаете это дрянъ пять рублей; нѣтъ, и одна копейка не есть дрянъ.

Но ужъ ты-то, подумалъ я, страшная дрянъ; удивляюсь какъ земля тебя держитъ, какъ не разступится она у тебя подь ногами и не поглотитъ тебя, этакую скаредную, жидовскую фигуру. Какъ не треснетъ тебя громомъ небеснымъ, за всѣ твои мерзости?!

Человѣкъ доложилъ, что обѣдъ поданъ.

— А! — сказалъ Книпсъ — теперь можно и пообѣдать...

Въ столовой насъ встрѣтили супруга Книпса Роза Адамовна — женщина высокаго росту, съ сильно развитыми формами, довольно красивой наружности, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ ниткою крупнаго жемчуга на бѣлой, пухлой шеѣ, съ браслетами и кольцами на рукахъ, и поджарый франтикъ, тоже изъ жидовъ, молодой человѣкъ, живой и вертлявый, домашній другъ.

— Вотъ, дусецъка — представилъ меня Кондратій Михайловичъ своей супругѣ — насъ управляющій и секретарь.

Я раскланялся, Роза Адамовна кивнула мнѣ величаво головой и мы сѣли за столъ. Обѣдъ былъ довольно сносный, по крайней мѣрѣ, на мои голодные глаза; онъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ; вина за столомъ не было. Книпсъ, впрочемъ, подь конецъ обѣда, не знаю почему, раскутился.

— Кутесь, кутесь — сказалъ онъ, съ усмѣшкою доставая изъ жилетнаго кармана нѣсколько мѣдныхъ пятаконъ и отдавая ихъ человѣку — послы за двѣ бутылки пива!

Когда принесли пиво, онъ пересчиталъ, что принесли ему сдачи и напомнилъ человѣку, чтобы бутылки отнесли и взяли за нихъ деньги. Обѣдъ прошелъ у насъ преимущественно въ молчаніи. Роза Адамовна была такъ полна, что тарелку подносила себѣ подь подбородокъ. Кондратій Михайловичъ и домашній другъ ѣли съ ожесточеніемъ. Признаюсь, и я уписывалъ не безъ аппетита, вспоминая мизерные обѣды Ѳеклы Герасимовны. Въ заключеніе обѣда намъ подали арбузъ, Книпсъ самъ отрѣзалъ всѣмъ по ломтику, а на оставшемся арбузѣ надѣлалъ ножомъ нѣсколько нарѣзокъ. Когда мы встали изъ-за стола Книпсъ собственными руками отнесъ куда-то арбузъ; я рѣшился спросить что значать нарѣзки.

— А вотъ сто — сказалъ мнѣ Кондратій Михайловичъ — я дѣлалъ тузинъ нарѣзка и положилъ арбузъ въ кладовой; завтра арбузъ на столъ — я считаю нарѣзка, тузинъ есть — отлиц-

но, тузину нѣтъ, значить целовѣкъ нюхалъ арбузь, я беру страфъ — зацѣмъ ти нюхалъ арбузь... Порядки, порядки! — добавилъ онъ — я не люблю беспорядки!.

Роза Адамовна уѣхала съ домашнимъ другомъ въ театръ. Кажется другъ этотъ былъ очень близокъ къ супругѣ моего патрона; но Книпсъ не обращалъ на это никакого вниманія. Да и могло ли быть въ его сердце чувство ревности? Онъ смотрѣлъ на жену, какъ на вещь, которая ему нравилась и которой онъ владѣлъ. Онъ наряжалъ ее для себя, для своихъ глазъ; позволялъ ей кое-какія удовольствія, даже тратилъ на это деньги опять-таки для себя: во-первыхъ, чтобы видѣли это другіе, а во-вторыхъ, чтобы Роза Адамовна была съ нимъ поласковѣе. Книпсъ сознавалъ, что онъ очень старъ и что ему надо поукатать женскія ласки.

Оставшись въ двоемъ, мы опять усѣлись за работу. Книпсъ показывалъ мнѣ домовую книгу, т. е., книгу, гдѣ были записаны жильцы, и пояснялъ, что должно строго наблюдать за своевременною платою за квартиры, что съ жильцами бѣда и т. д. Я слушалъ его довольно невнимательно, потому что, признаюсь, уже сильно подумывалъ о томъ, не лучше ли мнѣ перебраться въ грязную и темную каморку на петербургской сторонѣ, гдѣ, конечно нѣтъ ни мраморныхъ лѣстницъ, ни шточной мебели, ни четырехъ блюдъ за обѣдомъ, но гдѣ, по крайней мѣрѣ, не затоптано всякое человѣческое чувство, ради денегъ; гдѣ не грабятъ бѣдняковъ и не насмѣхаются надъ всѣмъ святымъ. Я съ отвращеніемъ взглядыцался въ пасквильную харю этого безжалостнаго и безсовѣстнаго скряги; съ отвращеніемъ прислушивался къ его дребезжащему голосу, звѣнящему и напоминающему тотъ металлъ, въ жертву которому приносилось все, что только есть въ человѣкѣ благороднаго, теплаго и порядочнаго...

Размышленія мои были прерваны докладомъ человѣка:

— Госпожа Теряева желаетъ васъ видѣть.

Книпсъ поморщился, потеръ носъ и запахнувши халатъ сказалъ человѣку:

— Ну, позови... это муценіе, муценіе! прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Въ кабинетъ вошла женщина лѣтъ тридцати, худая и блѣдая, въ ситцевомъ платьѣ и въ весьма поношенной атласной шляпкѣ. Она была очень хороша собой; но, видно, не мало выпало на ея долю горя, нужды и слезъ.

— Вы кажется не узнаете меня? спросила она слабымъ голосомъ, останавливаясь передъ смущеннымъ Книпсомъ.

— Не помню, цестное слово, началъ было онъ.

Теряева перебила его:

— Если вы знаете, что такое честное слово, то, конечно, узнаете и меня.

Книпсъ уже успѣлъ оправиться и смѣло отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я васъ не имѣю цести знать.

— Кондратій Михайловичъ! сказала посѣтительница дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ: — неужели въ васъ нѣтъ ни капли совѣсти... Неужели вы не боитесь ни человѣческаго ни божьяго суда...

— Сто такое?.. Суда бозьяго, целовѣческаго? заговорилъ по обыкновенію Книпсъ, подымая плечи и закрывая глаза — я ницего не понимаю, ницего не понимаю...

— Вы не родственникъ ли этого господина? спросила меня Теряева.

Я успѣшилъ отказаться отъ такой чести.

— Будьте же судьей, продолжала она: — этотъ господинъ пять лѣтъ тому назадъ сѣумѣлъ, какъ дьяволъ, оболстить моего мужа и выманить у него весь нашъ капиталъ, десять тысячъ, на какое-то торговое предпріятіе, насунивъ невѣроятныя барыши и выгоды....

— Сто такое? сто такое? началъ было опять Книпсъ

— Позвольте мнѣ договорить перебила Теряева, и въ этомъ «позвольте» было столько повелительнаго, что патронъ мой прикусилъ язычокъ: — мужъ отдалъ этому господину деньги безъ всякой росписки, мужъ имѣлъ неосторожность повѣрить этому господину и что же? Мужъ мой умеръ, я съ дѣтьми осталась безъ копейки, безъ куска хлѣба, а этотъ господинъ отрекся отъ долга, не узнаетъ меня... Этотъ подлець, продолжала Теряева, сквозь слезы: — отнимаетъ у меня мой единственный кусокъ хлѣба... Боже мой! да неужели вы не боитесь Бога?

— Сто такое Бога? я ницего не знаю....

— Кондратій Михайловичъ! да сжаьтесь надо мною, говорила Теряева, — ну, вотъ, я передъ вами на колѣнахъ, — она дѣйствительно ушла Книпсу въ ноги, — я васъ молю, сжаьтесь надъ голодными сиротами, отдайте намъ хоть половину... я стану молить за васъ Бога, вѣдь мнѣ некуда голову приклонить съ дѣтьми, вѣдь намъ приходится умирать на улицѣ...

сжальтесь надъ нами... Вы наживаете много, отдайте намъ половину того, что вы у насъ взяли....

— Сто я у васъ взялъ? Сто такое? Бозе мой! какая исторія, я рѣшительно ницего не понимаю... оставьте меня позалуи-ста.. я не бралъ никакія дэнги...

Теряева встала блѣдная; она вся тряслась, посянѣвшія губы шевелились у нея судорожно, она силилась сказать что-то, но языкъ не повиновался.... Прошло нѣсколько страшныхъ минутъ.

— Ну, сказала Теряева, дѣлая надъ собой невѣроятное усиліе, голосомъ беззвучнымъ, почти шепотомъ: — дайте хоть что нибудь сиротамъ — она протянула руку....

У меня захватило дыханіе. Никогда, во всю жизнь не забуду я этой ужасной картины. Книпсъ подошелъ къ конторкѣ, долго шарилъ тамъ и, наконецъ, возвращаясь къ Теряевой, подалъ ей *рубль серебромъ!*. Бѣдная женщина упала въ обморокъ. Книпсъ велѣлъ ее вынести.

— А когда оцутцтвуетца, сказалъ онъ лакеямъ: — стоъ я ее не видѣлъ больше... въ сею прогнать... это муценіе, рѣшительно муценіе... только мѣсаютъ заниматца дѣломъ.

И онъ обратился было ко мнѣ съ продолженіемъ начатыхъ поясненій, я перебилъ его, силъ моихъ не хватало оставаться въ этомъ разукрашенномъ вертепѣ.

— Знаете, Кондратій Михайловичъ, сказалъ я Книпсу: — я вижу, что мнѣ нельзя у васъ служить.

— А поцему? спросилъ онъ.

— Потому, сказалъ я, что должность вашего секретаря и управляющаго мнѣ не по силамъ.

— Ви полуците жалованье.

— Нѣтъ, ужъ, благодарю васъ, не нужно и жалованья, мы съ вами никакъ не сойдемся.

— Сто такое не сойдемся? поцему не сойдемся? я ницего не понимаю.

Не знаю понялъ ли Книпсъ почему я отказывался и только притворился или, въ самомъ дѣлѣ, не сознавалъ своей мерзости? Какъ бы то ни было, я рѣшительно отвергъ всѣ его предложенія и со всѣхъ ногъ полетѣлъ на Петербургскую.

Богъ! какимъ раемъ показалась мнѣ моя знакомая коморка; какимъ чуднымъ, неземнымъ существомъ явилась моимъ глазамъ добрая Ѳекла Герасимовна!.. Съ какими удовольствіемъ пилъ я на утро мяту съ полюбѣлымъ хлѣбомъ, рассказывая Ѳеклѣ Герасимовнѣ все видѣнное мною и слышанное вчерашній

день!.. Долго воображенію моему представлялась великолѣпная мраморная лѣстница, облитая слезами и кровью, и подымающійся по ней Кннпсъ. Долго въ ушахъ моихъ звѣнѣлъ его дребезжащій голосъ, долго преслѣдовали меня слова:

— Сто такое, слезами лѣстницу вымыли? цисце будетъ.

Стоить мнѣ только закрыть глаза и предо мной великолѣпный кабинетъ, отвратительный жидъ въ засаженномъ халатѣ и въ ногахъ у него рыдающая женщина.

Ай да Анна Григорьевна! а еще потребовала съ меня фунтъ кофе и два фунта сахару!

ЭРАСТЪ ВЕСЕЛКИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ГЛАВА X.

Римъ. — Русскіе художники. — А. А. Ивановъ и его картина. — Орловъ, Худяковъ. — Портретная живопись Капальти. — Скульпторы. — Розети и его Офелія. — Гибсонъ и его раскрашенная Венера. — Мозаики. — Галандъ.

Римъ пережилъ уже нѣсколько эпохъ своего могущества, своей славы. Онъ былъ и грозенъ, и могучъ, и великъ, и роскошенъ, и изященъ; и все это распалось въ немъ, оставивъ, правда, великія воспоминанія: художественные памятники, — но все же распалось, какъ все распадается на землѣ. Долго еще онъ считался центромъ религіознымъ, какъ бы столицей христіанскаго міра, но и это значеніе мало-по-малу ослабѣвало. Безнравственность папъ и всего римскаго духовенства, стремленіе ихъ къ присвоенію свѣтской власти, ихъ сребролюбіе и скупость, ихъ распутные нравы возмущали многихъ и древній городъ утратилъ и это послѣднее значеніе. Теперь Римъ можетъ считаться только классическимъ городомъ для художниковъ, для всѣхъ любящихъ міръ искусства. Трудно, или лучше сказать, невозможно найдти другой городъ, который заключалъ бы въ себѣ такое собраніе разнородныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнныхъ памятниковъ искусства всѣхъ родовъ. Если Флоренція, Дрезденъ, Парижъ съ своимъ Лувромъ, даже Петербургъ съ своимъ Эрмитажемъ могутъ справедливо гордиться собраніями произведеній лучшихъ художниковъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, все же слава Рима не поблекнетъ нисколько при этомъ сравненіи, и Римъ для

каждаго настоящаго художника все же будетъ не только полезно, но даже необходимо. Нигдѣ, кромѣ Рима, не встрѣтите вы этихъ громаднѣхъ произведеній гениальной кисти Рафаэля, Микель Анжело, Юлія Романо, по которымъ каждый художникъ можетъ изучать главные законы рисунка, главные законы группировки и освѣщенія; притомъ гдѣ еще отыскать мѣсто, въ которомъ сама природа такъ роскошно, такъ изячно вдохновляла бы художника, какъ въ окрестностяхъ Рима, въ Альбано или въ другихъ мѣстахъ? Гдѣ еще возможно отыскать лучшія модели? Какой типъ можетъ сравниться своею чистотою, правильностію своихъ формъ, съ типомъ римскихъ женщинъ, римскаго натурщика?

Вотъ почему Римъ служить теперь постояннымъ сборищемъ для художниковъ всѣхъ странъ, которые поселяются въ немъ, чтобы лучше изучить свое искусство. Они составляютъ между собою какъ бы отдѣльную колонію, которая подраздѣляется на нѣсколько обществъ, по тѣмъ странамъ или государствамъ, къ которымъ принадлежатъ художники. Жизнь художниковъ въ Римѣ можетъ сравниться только съ жизнью студентовъ въ германскихъ университетахъ; они имѣютъ свои обычаи, свои нравы, свои интересы. То, что ихъ занимаетъ, конечно, не обратитъ вниманія простаго путешественника. — Въ тотъ годъ, когда я былъ послѣдній разъ въ Римѣ, въ немъ было очень много русскихъ художниковъ и художниковъ истинно замѣчательныхъ: между ними первое мѣсто, безъ сомнѣнія, занималъ покойный Александръ Андреевичъ Ивановъ. Грустно мнѣ, говоря о немъ теперь; произносить слово: «покойный»; грустно тѣмъ болѣе, что сколько разъ, сидя у меня послѣ обѣда въ гостинной, самъ Ивановъ, съ какимъ-то страннымъ предчувствіемъ, говорилъ мнѣ о предстоящемъ своемъ возвращеніи въ Россію, куда онъ долженъ былъ везти свою картину, и каждый разъ со вздохомъ прибавлялъ: «очень можетъ быть, что я болѣе никогда не увижу Италію». И какъ я ни старался разсѣять его опасенія, онъ все же повторялъ: «нѣтъ, я чувствую, что меня тамъ и похоронятъ». Уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Александръ Андреевичъ былъ какъ-то мраченъ, нелюдимъ, многіе даже приписывали это разстройству мозга, да и самъ Ивановъ постоянно толковалъ о своей болѣзни, которую, впрочемъ, не обозначалъ. Около десяти лѣтъ скрывался онъ отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, постоянно, почти безвыходно жилъ въ своей студіи и занимался одною своею картиною. Никто ее не зналъ, никто ее не видалъ; только

кое-что было извѣстно о ней по краткому описанію Гоголя, когда она была едва начата. Всѣ русскіе художники, жившіе въ Римѣ, ожидали съ нетерпѣніемъ дня открытія студіи Иванова и я былъ очень радъ, что этотъ день былъ назначенъ во время моего пребыванія въ Римѣ. Ивановъ былъ такъ любезенъ ко мнѣ и къ женѣ моей, что пригласилъ насъ наканунѣ этого открытія къ себѣ, чтобы показать намъ свое знаменитое произведеніе и я съ благодарностію воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Вы, конечно, знаете эту картину (Іоаннъ Креститель на Іорданѣ), вы ее видѣли, если не въ Римѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ можете и теперь еще ею любоваться. Вы, конечно, читали также разнородныя сужденія объ этомъ гигантскомъ трудѣ истиннаго художника, слышали и безконечныя похвалы и часто слишкомъ рѣзкіе укоры ему и можетъ быть, также какъ и я, находитесь до-сихъ-поръ въ странномъ положеніи, въ какомъ-то недоумѣніи, какъ опредѣлить настоящее достоинство этой картины. Я, по-крайней-мѣрѣ, съ своей стороны, не смѣю рѣшительно изложить своего личнаго сужденія; не смѣю потому, что не считаю себя достаточно свѣдущимъ въ живописи, чтобы оцѣнить дѣльно это произведеніе, которое, по моему мнѣнію, содержитъ въ себѣ столько же великихъ, несомнѣнныхъ достоинствъ, сколько и недостатковъ.

Главная цѣнность этой картины, по моему мнѣнію, находится въ самой мысли художника, которую онъ старался выполнить, постоянно слѣдуя своимъ искреннимъ душевнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Если бы я даже и не знавалъ лично Иванова, то уже одинъ взглядъ на его картину убѣдилъ бы меня тотчасъ же во всѣхъ душевныхъ и нравственныхъ качествахъ, которыми обладалъ этотъ человѣкъ. Простота чувствъ, истинно христіанская скромность, соединенная съ настоящимъ сознаніемъ своего таланта, полная, безграничная религіозность — все это чрезвычайно ясно выражено картиною. А что же ярче всего отличаетъ истинное художественное произведеніе отъ простаго, на-малеваннаго полотна, какъ не этотъ внутренній смыслъ картины, это нравственное ея значеніе?

Іоаннъ Креститель, собравъ своихъ учениковъ на берегу Іордана, проповѣдуетъ имъ о скоромъ пришествіи Иисуса; въ это время показывается на горѣ самъ Христосъ. Іоаннъ, завидѣвъ его, говоритъ: «Се грядетъ». Всѣ ученики Іоанновы, которые съ этого дня дѣлаются учениками Христа, обращаются къ горѣ, гдѣ показался Спаситель и вы невольно тотчасъ же обращаете

все ваше вниманіе въ эту сторону, вы не можете оторвать своихъ глазъ отъ этого спокойнаго, божественнаго лица, который истинно глядетъ къ вамъ, чтобы спасти родъ человѣческій. Не смотря на то, что правила перспективы заставили художника чрезвычайно уменьшить размѣры самой фигуры Христа, что, казалось бы, могло ослабить впечатлѣніе, которое Ивановъ хотѣлъ вызвать ею, это удаленіе главнаго лица на дальній планъ картины какъ-то особенно нравится мнѣ. Мнѣ кажется, словно самъ ждешь приближенія Спасителя, словно самъ раздѣляешь этотъ трепетъ, это волненіе учениковъ Іоанна, которые только-что успѣли выйти изъ рѣки и, дрожа еще отъ холода, обратились къ Христу, ждуть Его, какъ истиннаго своего Бога. Объ отдѣлкѣ самыхъ лицъ, даже пейзажа, нечего и говорить: можно бы даже упрекнуть Иванова въ слишкомъ тщательной отдѣлкѣ нѣкоторыхъ частностей, которыя нѣсколько вредятъ общему колориту картины.

Всѣ дни, которые были назначены Ивановымъ для выставки его картины, студія его была рѣшительно набита народомъ; тутъ были лица всѣхъ родовъ; были и художники, товарищи Иванова по искусству, желавшіе провѣрить своими глазами все слышанное ими объ этомъ произведеніи, которое такъ долго скрывалось отъ нихъ за толстою неуклюжею дверью, обитомъ зеленымъ сукномъ; были и просто туристы, которые пріѣзжали сюда также точно, какъ они пріѣзжали осматривать большую кофейню Росполи на Корсо; были и соотечественники Иванова, которые съ гордостію желали быть свидѣтелями почета, какимъ пользуется русскій художникъ; были и такіе, которые считали не только своимъ правомъ, но даже обязанностію дѣлать разнородныя, часто весьма странныя замѣчанія самому художнику, находившемуся тутъ же, въ толпѣ посѣтителей, и старавшемуся, по возможности, скрыться въ ней. Эти господа были въ особенности непріятны Иванову; онъ совершенно терялся, когда они обращались къ нему публично или съ похвалою его произведенію, или съ замѣчаніемъ, и только отвѣчалъ: «Да-съ, конечно-съ, ваша правда». И очень часто этотъ отвѣтъ вовсе не соответствовалъ вопросу. — Ивановъ совершенно одичалъ въ продолженіе десятилѣтней затворнической жизни: онъ избѣгалъ всякаго общества, мало даже знавалъ русскихъ художниковъ, живущихъ въ Римѣ. Многіе очень удивлялись тому, что Александръ Андреевичъ такъ часто посѣщалъ меня въ Римѣ и такъ скоро сошелся со мною и съ моимъ семействомъ. Правда, въ первое время до-

волью трудно было и мнѣ и моей женѣ убѣдить Иванова, что ему не предстоитъ никакой опасности бывать у меня чаще, что я вовсе не требую отъ него особо щегольской одежды, что онъ можетъ запросто бывать у меня въ какомъ ему угодно сюртукѣ и что никто не станетъ ни смѣяться надъ этимъ, ни находить этого неприличнымъ; но мало-по-малу онъ привыкъ къ нашему обществу и часто, бывало, зайдетъ ко мнѣ среди дня, потомъ останется обѣдать, послѣ обѣда заснетъ иногда въ креслахъ и только поздно вечеромъ возвратится къ себѣ. Тутъ-то я имѣлъ случай лучше и вѣрнѣе оцѣнить этого человѣка, тутъ-то я узналъ всю его добрую душу, всѣ его истинныя качества.

Холера, къ несчастію, унесла его слишкомъ рано; онъ былъ еще крѣпокъ, въ полной силѣ своего дарованія и мечталъ даже начать новое произведеніе, такое же большое, какъ и это; онъ даже говорилъ мнѣ, что намѣренъ отвезти свою картину въ Петербургъ, а тамъ, окончивъ это дѣло, если здоровье его поправится, запереться еще на десять лѣтъ для новаго труда. Эта жизнь отшельника, въ постоянномъ трудѣ и всегда въ одиночествѣ ему нравилась; общество, шумъ, людскія веселья, напротивъ, его утомляли.

Между многими русскими живописцами, которыхъ я видѣлъ въ Римѣ, съ удовольствіемъ вспоминаю еще о г-нѣ Орловѣ, котораго нѣкоторыя произведенія справедливо были оцѣнены русскою публикою. Между прочимъ г-нъ Орловъ написалъ картину «Любовь разбойника», которую онъ нѣсколько разъ повторялъ въ разныхъ размѣрахъ; сюжетъ этотъ доставилъ художнику случай выказать свое умѣнье владѣть козоритомъ; къ тому же сопоставленіе смуглаго, нѣсколько дикаго лица разбойника съ прелестнымъ выраженіемъ скромной красоты молодой дѣвушки изъ окрестностей Рима, чрезвычайно эффектно и придаетъ какой-то особый, мѣстный, если такъ можно выразиться, колоритъ всей картинѣ. Я замѣтилъ только, что почти во всѣхъ картинахъ г. Орлова встрѣчаются одни и тѣ же лица; это, конечно, не порокъ, но желательно было бы, чтобы художникъ богѣе разнообразилъ избранный имъ типъ красоты, иначе простому наблюдателю все какъ-то кажется, что художникъ держался постоянно одной модели и потому повторялъ ее во всѣхъ своихъ картинахъ. Типъ рафаэлевыхъ мадоннъ тоже почти одинъ и тотъ же во всѣхъ его картинахъ, но все же это не одна и та же женщина, потому что Рафаэль не копировалъ рабски никакого лица, онъ не искалъ въ своихъ картинахъ

вѣрныхъ портретовъ, онъ идеализировалъ — создавалъ, согласно своимъ убѣжденіямъ, своимъ чувствамъ, типъ истинной красоты и ни одна модель не могла узнать себя въ лицѣ какой-нибудь мадонны великаго живописца.

Въ Римѣ я встрѣтилъ еще одного истинно замѣчательнаго русскаго художника. Это — Худяковъ, человѣкъ съ настоящимъ дарованіемъ, общающійся съ рядомъ съ первѣйшими живописцами русскои школы. До-сихъ-поръ онъ успѣлъ сдѣлать всего нѣсколько весьма замѣчательныхъ этюдовъ, нѣсколько мелкихъ картинъ; но онъ принялся теперь за большую картину и я вполне надѣюсь, что это произведеніе поставитъ его разомъ въ число нашихъ знаменитостей въ живописи. Его родъ не чисто классическій, то есть, онъ предпочитаетъ общественную жизнь, всендневныя уличныя сцены историческимъ эпизодамъ; но въ то же время онъ далеко не слѣдуетъ фламандскому *genre*, — онъ болѣе серьезно смотритъ на выбранный предметъ, не довольствуется простой обрисовкой какой-нибудь кабачной сцены, нѣтъ, онъ желаетъ въ этой сценѣ выразить или цѣлую драму, или какую нибудь нравственную, философскую мысль; вотъ почему онъ предпочитаетъ картины большаго размѣра; въ нихъ уже требуется не одна рабская вѣрность съ природою, нельзя уже довольствоваться одною отдѣлкою частныхъ, да и самыя эти частности представляютъ здѣсь болѣе трудностей, чѣмъ въ микроскопической картинкѣ. Начатая имъ картина, Сцена у Остеріи, можно надѣяться, вполне оправдаетъ ожиданія всѣхъ знатоковъ искусства, видѣвшихъ его эскизы.

Говоря о новѣйшей живописи въ Римѣ, я позволяю себѣ сказать слова два объ итальянскомъ художникѣ, г-нѣ Капальти, который преимущественно занимается портретною живописью, и котораго можно смѣло признать однимъ изъ первѣйшихъ портретистовъ нашего времени. Одно изъ его произведеній, было въ нынѣшнемъ году на выставкѣ въ академіи художествъ; не смѣю долго останавливаться на немъ, потому-что это портретъ моей жены, мною заказанный; впрочемъ, русская публика отдавала полную справедливость таланту г-на Капальти, а академія признала его своимъ почетнымъ общникомъ.

Такъ какъ я уже заговорилъ съ вами о новѣйшихъ художникахъ, то кстати передамъ нѣсколько своихъ воспоминаній о другомъ родѣ искусства, а именно, о скульптурѣ. Скульптура въ Италіи съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе развивается; теперь въ каждомъ итальянскомъ городѣ вы найдете нѣсколько

человѣкъ, занимающихся этимъ искусствомъ и сколько я могъ замѣтить, ваяніе почти совершенно замѣнило живопись: въ Римѣ, напримѣръ, несравненно болѣе знаменитыхъ скульпторовъ, чѣмъ живописцевъ. Одни русскіе художники болѣе придерживаются живописи, можетъ быть, отчасти и потому, что первое условіе для скульптуры — самый матеріалъ, мраморъ, а его нѣтъ или почти нѣтъ у насъ въ Россіи, между тѣмъ какъ Италія издревле славится своими мраморами. Достоинство самаго матеріала до того важно въ дѣлѣ ваятеля, что, напримѣръ, извѣстность такого скульптора, каковъ г-нъ *Vienainé*, котораго произведенія украшаютъ дворцы всѣхъ почти государей (одно изъ нихъ находится между прочимъ и въ Петербургѣ), и его извѣстность много пострадала въ самомъ Римѣ оттого, что онъ, считая свою славу упроченною, не заботится теперь о тщательномъ выборѣ мрамора подъ свой рѣзецъ — и тѣ мелкія жплы, которыя пробѣгаютъ по тѣлу какой нибудь наяды его, совершенно искажаютъ красоту его произведеній.

Одинъ изъ славнѣйшихъ скульпторовъ нашего времени, конечно, Тенерани и я съ большимъ любопытствомъ ѣздилъ осматривать его студию, въ которой онъ трудился надъ колоссальной статуей короля Обѣихъ Сипціей *). Къ сожалѣнію статуя была только что поначата, о рѣзцѣ художника судить было невозможно и кромѣ громадной глыбы мрамора, дѣйствительно заслуживавшей удивленія по своей непорочной бѣлизнѣ, я ничего не видѣлъ въ мастерской Тенерани.

Между многими студіями, которыя я объѣздилъ въ Римѣ, ни въ особенности памятна студія г-на Розетти.

Въ Римѣ каждый путешественникъ считаетъ непремѣнно своею обязанностію, осмотрѣвъ главные памятники древности и искусства славнаго города, потаскаться по всѣмъ студіямъ художниковъ, какъ живописцевъ, такъ и скульпторовъ. Не знаю, право, какъ еще гг. художники такъ любезно, такъ снисходительно принимаютъ насъ, туристовъ; я бы, на ихъ мѣстѣ, конечно, не вытерпѣлъ бы, и непремѣнно сказалъ бы докучливымъ этимъ гостямъ, что они мѣшаютъ занятіямъ, — но уже такъ принято въ Римѣ. Возвратимся, однакожъ, къ студіи г-на Розетти. Это художникъ, истинно преданный своему искусству;

*) Извѣстно, что неаполитанскій король ежегодно заказывалъ знаменитѣйшимъ итальянскимъ скульпторамъ свои статуи и украшалъ ими городскія площади въ своемъ королевствѣ.

онъ не довольствуется одною тщательною передачею анатомическихъ подробностей, въ чемъ многіе видятъ окончательную цѣль скульптуры, — нѣтъ, ему нужно придать значеніе этому лицу, нужно придать отблескъ мысли этимъ чуднымъ очамъ, заставить задуматься это высокое, правильное чело, наполнить чудной нѣгой все тѣло этой дѣвушки, которая несетъ въ приподнятой полѣ своего атласнаго платья цвѣты на гробницу отца. И что жъ? Мраморъ, бѣлизны необычайной, словно глыба замерзшаго снѣга въ степи, — мраморъ этотъ, послушный рѣзцу художника, перенимаетъ вполне его мысль и въ съ восторгомъ любуетесь Офеліей, этимъ идеально-чуднымъ произведеніемъ Шекспира, которое воскресаетъ передъ вами; вы не только понимаете это помѣшательство, вы понимаете и всю душевную красоту этого бессознательнаго чувства любви дочери къ отцу. Прибавьте ко всему этому необыкновенно тщательную отдѣлку всѣхъ подробностей: самое платье Офеліи (что всегда чрезвычайно трудно воспроизводится въ скульптурѣ) будто сшито изъ атласа, до того вѣрно переданы складки, до того искусна отдѣлка. Не смѣю долѣе задерживать васъ описаніемъ таланта г. Розетти, совѣтую вамъ только, когда вы будете въ Римѣ, непременно посѣтить его студию; если вы не найдете въ ней описанной мною Офеліи, потому что она теперь въ Россіи, то навѣрное увидите много столь же замѣчательныхъ произведеній.

Какъ я уже имѣлъ честь вамъ сказать, въ Римѣ постоянно собираются художники со всѣхъ странъ; въ особенности очень много въ немъ весьма замѣчательныхъ скульпторовъ; напримеръ, между нѣмецкими артистами г-нъ Вольфъ, который отличается, какъ истинный нѣмецъ, вѣрныи своей народности, простотой, классической формой своихъ статуй, своихъ группъ: все это немного сухо, какъ будто мало жизни во всѣхъ его произведеніяхъ, но за то вѣрность, отчетливость линий всегда заслужатъ ему отъ всѣхъ похвалу. Англичане, народъ любящій во всемъ своеобразие, и въ дѣлѣ художествъ не могутъ слѣдовать общепринятому порядку; есть въ Римѣ, напримеръ, одинъ англійскій скульпторъ, г-нъ Гибсонъ. Онъ вздумалъ воскресить, какъ онъ самъ говорилъ, искусство древнихъ, давно покинутое, по его мнѣнію, и что жъ вы думаете? создавъ изъ мрамора истинно превосходную Венеру, во всей ея классической красотѣ, онъ ее выкрасилъ; сдѣлалъ волосы бѣлокурые, съ золотистымъ отливомъ, глаза голубые, щеки

съ небольшимъ румянцемъ, все тѣло пріятнаго, розоваго цвѣта, а самъ стоитъ передъ своимъ произведеніемъ и любитъся, и каждый день все болѣе и болѣе влюбляется въ свою Венеру. Какъ ни старались увѣрить его, что это варварство портитъ чудное произведеніе его рѣзца, какъ ни объясняли ему, что краски эти только искажаютъ красоту чистаго мрамора, онъ никому не вѣритъ и все повторяетъ: «Древніе всегда раскрашивали свои статуи, потому-что они хорошо знали, что такихъ бѣлыхъ женщинъ, какихъ теперь скульптируютъ, никогда не было и быть не можетъ». Его увѣрили, что, напротивъ того, древніе греческіе скульпторы никогда не позволили бы себѣ такъ варварски испортить свои произведенія, что если мы встрѣчаемъ въ древнихъ лѣтописяхъ примѣры нѣкоторыхъ статуй, которыя были раскрашены, то единственно во время упадка всѣхъ искусствъ.— «Нѣтъ, этого не можетъ быть!» повторяетъ Гибсонъ, и самъ съ любовью смотритъ на свою Венеру и словно впивается въ ея голубые глаза. Но довольно объ этомъ чудака, скажемъ еще нѣсколько словъ объ особенномъ родѣ искусства, принадлежащаго собственно Риму и впоследствии многими перенятому отъ него: это мозаика. Такъ называемая римская мозаика отличается, какъ извѣстно, отъ флорентійской тѣмъ, что въ послѣдней рисунокъ составляется изъ различныхъ камней, искусно подобранныхъ, тогда какъ первая, то есть, римская, составляется всегда изъ равномерныхъ кубическихъ кусочковъ, особенной массы, составъ которой часто готовится самымъ художникомъ и получаетъ не только всевозможныя цвѣта, но и самыя подробнѣйшія оттѣнки, такъ что искусно сдѣланная копія съ картины, писанной масляными красками, почти не отличается отъ нея.

Въ Римѣ вы встрѣтите фабрикантовъ мозаики на каждомъ шагу, а въ *via Babuino* они занимаютъ всю улицу; они же продаютъ разной величины снимки всѣхъ древнихъ развалинъ римскихъ, изъ такъ называемаго, *gouge antique* и *jaune antique*, — камень, который болѣе, какъ увѣряютъ, не встрѣчается уже въ природѣ и эти господа, стало быть, должны доставать его изъ обломковъ старинныхъ статуй, колоннъ и проч.: новое варварство въ пользу художества, — потому что для настоящаго любителя эти обломки были бы несравненно интереснѣе, несравненно цѣннѣе, чѣмъ мелкія издѣлія, выработанныя изъ нихъ.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фабрикантовъ мозаики въ Римѣ, по моему мнѣнію, г-нъ Галандъ, на площади Испаніи. Въ особенности замѣчательна была выставленная у него въ то время

панорама римскаго форума, огромнѣйшая мозаичная картина, которую смѣло можно считать верхомъ совершенства этого искусства.

Но пора прекратить мои сухія воспоминанія о художникахъ новаго Рима, тѣмъ болѣе, что для составленія дѣльнаго и полнаго отчета о состояніи художествъ, нужно было бы написать не одинъ томъ, до того они развиты въ Римѣ; но такого требованія нельзя прилегать къ скромнымъ воспоминаніямъ путешественника. Итакъ смѣло провожу черту подъ этой главой.

ГЛАВА XI.

Римъ. — Нѣкоторые знакомства. — Шахматная игра Филидора. — Опера — Гардонн. — Композиторъ-соотечественникъ. — Карнавалъ въ Римѣ. — Скачка лошадей по Корсо.

Бывали дни, и къ сожалѣнію довольно часто, когда погода такъ испортится, что почти нѣтъ возможности выдти на улицу. Пѣшкомъ гулять нечего и думать, въ каретѣ ѣздить скучно, да и не куда: все, что слѣдуетъ осмотрѣть, все чѣмъ надобно любоваться въ Римѣ, необходимо требуетъ солнца, свѣта. Оставалось, стало быть, маятся день деньской, толкуя съ И. А. Ж.....вымъ о политической будущности Италіи, или о ея французской Исторіи Русскаго Государства. Бывало зайдутъ еще ко мнѣ нѣсколько художниковъ русскихъ, съ ними разберемъ тотчасъ всѣ извѣстнѣйшія произведенія итальянской древней школы, одѣнимъ одного, поговоримъ о другомъ; тутъ встрѣтимъ П.....аго — нѣсколько словъ о поэзіи, перекинутыхъ имъ два-три бѣглыхъ и часто мѣткихъ опредѣленія чувствъ и страстей человѣческихъ тотчасъ же нѣсколько оживятъ разговоръ нашъ и день пройдетъ довольно благополучно. — Въ Римѣ познакомился я съ нѣкоторыми англичанами, весьма любезными во всѣхъ отношеніяхъ. Это были молодые люди чрезвычайно красивые собою, такъ что на гуляньи въ Пинчіо даже совѣстно было ходить съ ними, такъ и заглядываются на нихъ изъ всѣхъ экипажей, такъ и оборачиваются въ нашу сторону всѣ круглыя шляпцы съ широкими полями и съ бѣлымъ или чернымъ перомъ у тульи. Могу сознаться, я рѣдко встрѣчалъ такихъ красивыхъ мужчинъ и хотя красота для мужчины не признается у насъ первою необходимостію (что меня между прочимъ нѣсколько утѣшаетъ), но такая красота правильная, мужественная, истинно должна

обратить на себя вниманіе. Къ сожалѣнію эти англичане почти вовсе не говорили по французски, я же такъ плохо говорю по англійски, что въ первые дни нашего знакомства, мы съ большимъ трудомъ объяснялись между собою; но потомъ, — человѣкъ свывается со всѣмъ, — нѣсколько мимическихъ знаковъ, нѣсколько словъ, взятыхъ изъ разныхъ языковъ, и изъ всего этого, изъ этой смѣси, составилось какое-то своеобразное нарѣчіе, вполне достаточное для нашихъ разговоровъ. Къ тому же одинъ изъ этихъ англичанъ, уже нѣсколько разъ путешествовавшій по Франціи и Италіи, довольно порядочно изъяснялся по французски, такъ что онъ часто служилъ намъ общимъ переводчикомъ.

Я уже имѣлъ случай разъ сказать вамъ, что я довольно страстный любитель шахматной игры. И въ этотъ разъ шахматы были причиною нашего знаншаго знакомства. Одинъ изъ этихъ англичанъ-туристовъ видѣлъ меня играющимъ съ довольно извѣстнымъ игрокомъ, Mr. Dubois (котораго партіи часто печатаются въ разныхъ шахматныхъ журналахъ, между прочимъ и въ нашемъ шахматномъ листкѣ). G. Dubois несравненно сильнѣе меня играетъ, но были однако дни, когда и я могъ похвастаться побѣдою. Туристъ-англичанинъ, тоже страстно любящій эту игру, долго наблюдалъ за нами и наконецъ, когда мы уже готовились разойтись съ г-мъ Dubois, рѣшился самъ предложить мнѣ партію. Онъ игралъ весьма слабо, такъ что мнѣ пришлось теперь разыгрывать роль г-на Dubois въ отношеніи къ нему и удивлять моего партнера своими шахматными соображеніями. Такимъ образомъ мы сблизились; онъ сталъ ѣздить довольно часто ко мнѣ, я его познакомилъ съ моимъ семействомъ и съ моими знакомыми, а онъ предлагалъ мнѣ привезти своихъ сотоварищей по путешествію, и мы вскорѣ совершенно сблизились, стали раздѣзжать общую гурьбою по римскимъ развалинамъ. Меня крайне занимали нѣкоторыя привычки новыхъ моихъ знакомыхъ; они на примѣръ, записывали тотчасъ же въ особый портфель каждое замѣчаніе нашего чичероне о какойнибудь развалившейся колоннѣ, записывали годъ, и если возможно, даже мѣсяцъ и число когда былъ вырытъ этотъ обломокъ, словомъ, старались извлечь изъ этихъ прогулокъ всевозможную пользу.

По выѣздѣ изъ Италіи, я болѣе никого изъ нихъ не встрѣчалъ; но спустя нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я получилъ письмо отъ моего шахматнаго партнера и при немъ маленькую посылку. Это была шахматная игра, весьма просто сдѣланная, но замѣчательная тѣмъ, что она при-

надлежала знаменитому Филидору, который, какъ увѣрялъ меня мой знакомый, постоянно игралъ въ шахматы съ его дѣдомъ и оставилъ ему эту игру по завѣщанію. Конечно нельзя быть любезнѣе: прислать мнѣ эту игру, которая какъ воспоминаніе должна быть непремѣнно очень цѣнна въ его семействѣ. Я бы очень желалъ имѣть случай лично поблагодарить г-на Мансфильда за этотъ очень цѣнный и для меня подарокъ.

Одинъ изъ главныхъ элементовъ итальянской жизни, конечно, музыка. Въ Италіи всѣ болѣе или менѣе музыканты. Да и какъ не быть по крайней мѣрѣ любителемъ музыки при этой природѣ, при этомъ климатѣ? Все такъ гармонически рисуется вокругъ васъ, такъ и навязываетъ вамъ мелодію. Въ мое время опера въ Римѣ была составлена весьма порядочно; между прочимъ теноромъ въ этомъ году былъ Гардони, который уже извѣстенъ въ Петербургѣ. Его голосъ, можетъ быть слабъ для большой залы, но за то рѣдко можно встрѣтить у другаго пѣвца столько граціи и столько задушевныхъ нотъ. — Въ Италіи обыкновенно ставятъ не болѣе двухъ, трехъ оперъ на весь сезонъ и то одна изъ нихъ болѣе нравится публикѣ, а потому повторяется постоянно; такъ было и въ этомъ году: почти безпрестанно давали Травиату Верди, и въ ней Гардони былъ истинно превосходенъ.

Я зналъ уже Гардони въ Петербургѣ, а потому былъ очень радъ его встрѣтить въ Римѣ. Онъ часто забѣжалъ ко мнѣ въ тѣ дни когда не было оперы и тогда по вечерамъ составлялись не разъ маленькіе концерты. Голосъ Гардони въ гостинной выигрываетъ уже тѣмъ, что вы не теряете ни одной ноты изъ его пѣнія.

Эти музыкальные вечера получили нѣкоторую извѣстность въ городѣ и доставили мнѣ случай довольно страннаго знакомства съ не менѣе страннымъ композиторомъ-соотечественникомъ. Изъ скромности пропускаю его имя и передаю вамъ только самый случай. Является разъ ко мнѣ этотъ господинъ, обвѣшанный чрезвычнымъ количествомъ разныхъ медалей и орденовъ, все болѣе иностранныхъ, и объявляетъ мнѣ, что онъ композиторъ (такъ онъ самъ себя назвалъ: удерживаю ему это имя), что онъ уже написалъ нѣсколько симфоній, такъ напримѣръ: Страшный Судъ, Сотвореніе Мира, все, какъ видите, сюжеты высокіе; я его конечно поздравилъ съ тѣмъ, что онъ такъ смѣло идетъ по стопамъ Гайдна, Моцарта, Бетховена и проч., говорю ему, что

вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что его музыка, даже послѣ этихъ великихъ произведеній, заслужитъ истинную похвалу. Композиторъ принимаетъ весьма холодно мой комплиментъ и отвѣчаетъ мнѣ послѣ поклона, которымъ желалъ выразить благодарность свою: «Вы сами услышите, сами оцѣните мою музыку; во всякомъ случаѣ она своеобразна, оригинальна». «Я услышу съ большимъ удовольствіемъ», имѣлъ неосторожность сказать я, и эта простая фраза была причиною цѣлаго ряда самыхъ странныхъ происшествій. Нашъ композиторъ, докончивъ свою чашку чаю, откланялся намъ всѣмъ и на этотъ вечеръ оставилъ насъ въ покоѣ; я уже вполнѣ былъ убѣжденъ, что тѣмъ и окончится наше знакомство съ нимъ, но не тутъ-то было. На другой вечеръ, только что мы вышли отъ обѣда, вдругъ дверь въ переднюю отворяется настежь и въ гостинную валитъ нѣсколько господъ, кто съ контрабасомъ, кто съ огромнѣйшей трубой, кто съ скрипкой, съ кларнетомъ, флейтой и проч., словомъ почти полный оркестръ, за ними я уже вижу нашего композитора, но не одного: онъ ведетъ за руку какую-то довольно сухощавую даму, въ слѣдъ за ней идутъ трое мужчинъ, уже безъ инструментовъ подъ мышкою, а почти каждый со сверткомъ какой-то бумаги. Композиторъ-соотечественникъ представляетъ намъ всѣхъ артистовъ, объясняетъ, что онъ желалъ сдѣлать намъ сюрпризъ и что надѣется вполнѣ на нашъ вкусъ и убѣжденъ, что мы оцѣнимъ достоинство его сочиненій. Мнѣ приходится конечно только раскланиваться со всѣми и казаться весьма довольнымъ этимъ сюрпризомъ. Всѣ садятся на свои мѣста, настраиваютъ свои инструменты съ фортепіано и вотъ начинается симфонія «Страшный Судъ», истинно страшная симфонія. Къ тому же артисты не успѣли за одинъ день вполнѣ сыгратъся, такъ, что какъ они ни старались, а все ладу не было: гамъ, шумъ, пискъ, безпрестанное скрежетаніе самой крупной струны контрабаса, ужасные звуки трубы въ соединеніи пискливостью флейты, все это составило такой содомъ, что я, подъ предлогомъ необходимости отъискать носовой платокъ, вышелъ изъ комнаты и заперся въ спальнѣ, чтобы не слушать эту какофонию. Въ особенности поставило меня въ довольно странное положеніе то, что нашъ любезный композиторъ обѣгалъ съ вчера еще всѣхъ названныхъ пмъ ко мнѣ артистовъ, разбудилъ ихъ, потому что былъ уже двѣнадцатый часъ ночи, заставлялъ ихъ собраться у себя, объявляя, что я самъ придумалъ устроить такой музыкальный вечеръ и что, конечно, не пожалѣю ничего, чтобы вознаградить гг. ар-

тистовъ за такое безпокойство. Послѣ долгихъ усилій онъ наконецъ успѣлъ убѣдить ихъ; мнѣ же пришлось извиняться предъ всѣми, объяснять имъ, что я вовсе не зналъ этого г. композитора до настоящей минуты, и что, какъ мнѣ кажется, онъ немного помѣшанъ, чему, конечно, всѣ тотчасъ же повѣрили.

Самое веселое время въ Римѣ конечно карнавалъ. Тутъ появляется во всемъ своемъ блескѣ итальянскій разгулъ, тутъ все кипитъ, все шумитъ, по всѣмъ улицамъ вы встрѣчаете самыя оригинальныя маски и костюмы. Одинъ привязалъ себѣ необычайной величины бумажный носъ, другой одѣлся туркомъ и составилъ себѣ изъ платья своей сожительницы ситцевый красный тюрбанъ, третій вымазался весь мукою — онъ представляетъ мелника. Вся гурьба стремится къ Корсо, (главная улица въ Римѣ), по обѣимъ сторонамъ которой уже устроены деревянные галереи, а въ окнахъ домовъ уже выглядываетъ бездна народу, всѣ, конечно, въ костюмахъ, этого требуетъ обыкновеніе. Я взялъ для себя и для своего семейства нѣсколько оконъ съ балкономъ на Корсо и помѣстился въ этой новой квартирѣ заранѣе, потому что предъ самымъ началомъ карнавала нельзя было бы подѣхать къ этому дому, до того улица полна народу. Прежде всего проѣзжаетъ вдоль улицы эскадронъ папскихъ драгунъ, которые даютъ знать, что карнавалъ начинается. Тогда изъ всѣхъ домовъ, изъ всѣхъ маленькихъ переулковъ, которые ведутъ къ Корсо, валитъ толпа масокъ и костюмовъ, начинается веселье, появляются колесницы, разукрашенные лентами, цвѣтами и наполненныя замаскированными и костюмированными людьми. Эти маски, если завидятъ на балконѣ хорошенькую женщину, тотчасъ же бросаютъ ей букетъ цвѣтовъ или бонбоньерку, если же, напротивъ, лице женщины имъ не по сердцу, то они обсыплютъ ее такъ называемыми конфетами; это миндаля обсахаренный и раскрашенный на всѣ лады; на такой вызовъ, конечно, слѣдуетъ отвѣтъ съ балкона, кому цвѣты, кому конфеты, кому даже просто мука, которая разлетается по всей улицѣ. Начинается настоящее сраженіе между бѣгающими, ѣдущими по улицѣ и спокойно сидящими на балконахъ у оконъ и на выстроенныхъ галереяхъ вдоль улицы. Многіе, получивъ горсть конфетъ прямо въ лице, или запачкавъ свой дорогой костюмъ въ муку, брошенной сверху, начинаютъ сердиться, посылаютъ различныя, мало избранныя, выраженія въ отвѣтъ на эти карнавальныя шутки, и возбуждаютъ ими общій смѣхъ. Вскорѣ весь Корсо ожив-

ляется, всѣ кричать, смѣются, иные поютъ, другіе пляшутъ на своихъ колесницахъ, что, конечно, доставляетъ общее удовольствіе публикѣ. Между разнородными костюмами я замѣтилъ нѣсколько альбанокъ въ національномъ нарядѣ, который имъ очень идетъ. Черные, какъ смоль, кудри и пара глазъ, точно угольки, чудно выступаютъ изъ подъ бѣлаго вуаля, а цвѣтное короткое платье не скрываетъ ни хорошенькихъ ножекъ, ни правильно сформированную грудь; все это составляетъ весьма пріятный для зрѣнія, весьма изящный костюмъ.

Шумъ и веселье съ часу на часъ все усиливаются, но вотъ слышенъ звукъ трубы, снова драгуны показываются въ концѣ Корсо, всѣ бѣгутъ, всѣ поспѣшно влѣзаютъ на галереи или входятъ въ дома, чтобы не быть задавленными. Корсо пустѣетъ въ одинъ мигъ, а у оконъ болѣе прежняго толпятся зрители, ожидая чего-то.... Это скачка лошадей, пущенныхъ на волю, украшенныхъ лентами, бубенчиками, цвѣтами. Ихъ пускаютъ изъ одного конца Корсо и та изъ этихъ лошадей, которая до скачетъ первая до другаго конца улицы, — выигрываетъ призъ; изъ оконъ, съ балконовъ, во все время бѣга, публика подстрекаетъ ихъ, старается усилить ихъ пылъ: кричать, аплодируютъ, махаютъ платками и бѣдныя животныя, испуганныя всѣмъ этимъ шумомъ, испуганныя уже дребезжаніемъ бубенчиковъ, которыми они обвѣшаны и разноцвѣтными лентами, которыми украшены ихъ головы и которыя постоянно попадаютъ имъ то въ глаза, то въ ноздри, бѣдныя животныя скачутъ какъ съуспешіе все впередъ, и если какая-нибудь лошадь останется назадъ, то вся публика готова освистать ее и съ презрѣніемъ укоряетъ ее въ томъ, что она отстала отъ другихъ.

Этотую скачкою ежедневно оканчиваются карнавальныя увеселенія, а такихъ дней цѣлая недѣля; въ эту недѣлю нѣтъ, я думаю, человѣка во всемъ Римѣ, который согласился бы заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ и пропустить праздникъ Корсо. Чтожь? если правду сказать, мнѣ это нравится. Я всегда люблю встрѣчать въ чемъ бы то ни было, хоть въ мелочи, признакъ народности — своего самостоятельнаго характера.

ГЛАВА XII.

Вмѣсто заключенія.

Начиная свои воспоминанія о путешествіи по Италіи, я только желалъ передать тѣмъ, кто удостоилъ бы чтенія моих скромныхъ замѣтокъ, нѣкоторыя впечатлѣнія, нѣкоторыя наблюденія свои изъ этой, можно сказать, бѣглой прогулки по Италіи. Если я могъ хотя на минуту занять кого либо изъ моихъ читателей, то я вполне достигъ своей цѣли. Въ этихъ воспоминаніяхъ не было опредѣленной, ни политической, ни другой какой-либо цѣли — я только желалъ мысленно проѣхать еще разъ по этому очаровательному берегу Средиземнаго моря, желалъ вспомнить о Генуѣ *la bella*, съ ея садами, съ ея тихо дремлющими портомъ и о Римѣ, цѣликомъ составленномъ изъ историческихъ воспоминаній, наполненномъ рѣдкими остатками древняго міра и столь же рѣдкими произведеніями искусства всѣхъ родовъ. Мнѣ хотѣлось бы дополнить эти воспоминанія разсказомъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя произвелъ на меня Неаполь съ своею чудной панорамой южнаго берега Италіи, съ вѣчно дымящимся Везувіемъ; восхититься еще разъ, хоть на бумагѣ прелестнымъ Соренто, который словно потонулъ въ своихъ садахъ, заросшихъ апельсиновыми деревьями; вспомнить этотъ дивный, ароматическій воздухъ, который непонятенъ тому, кто не бывалъ въ этихъ садахъ, вспомнить терассу въ гостинницѣ Тасса, на которой великій поэтъ Италіи вдохновлялся и писалъ свой «*Gerusalemme liberata*».... И мало ли еще воспоминаній толпится въ моей головѣ! Но долженъ быть предѣлъ всему, а тѣмъ болѣе моимъ путевымъ воспоминаніямъ.

Италія приковываетъ теперь общее вниманіе другими вопросами, вопросами будущаго политическаго устройства этой страны. Простыя замѣтки туриста, искавшаго въ этой поэтической странѣ отдохновенія отъ обыденныхъ своихъ занятій, чтобъ углубиться въ миръ художественный, въ созерцаніе природы, любоваться разнородными произведеніями искусства — всѣ эти замѣтки, эти воспоминанія, теперь совершенно несвоевременны; насъ занялъ другой міръ — и я подчиняюсь этому общему направленію умовъ. Оканчиваю свои воспоминанія и смѣло ставлю точку.

К. Б

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ ОБЪ ОБЩЕСТВѢ РУССКИХЪ ЮРИСТОВЪ.

Въ третьемъ томѣ Юридическихъ Записокъ, изданномъ въ нынѣшнемъ году г. Рѣдкимымъ, въ статьѣ о юридическихъ обществахъ въ западной Европѣ выражена слѣдующая мысль, на которую мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателей: «Неужели у насъ учрежденія и существованія юридическаго общества невозможно? Неужели не найдется въ предѣлахъ обширнаго нашего отечества достаточныхъ для того элементовъ? Неужели и въ этомъ дѣлѣ преградою будетъ юридическій предразсудокъ нашего общества»?....

Мы полагаемъ, что элементовъ для составленія юридическаго общества у насъ слишкомъ достаточно; а преградою какой-то неизвѣстный намъ предразсудокъ нашего общества служить не можетъ, и до-сихъ-поръ преградою у насъ служили не предразсудки общества, — (оно слишкомъ слабо, чтобы соваться съ своими предразсудками) а предразсудки, происходящіе изъ другаго источника. Но отъ чего же не попробовать? У насъ наука права обижена: въ академіи наукъ, гдѣ есть кресла чуть-ли не для тибетскаго языка, разумѣется съ приличными апанажами, нѣтъ ни одного для законовѣдѣнія, хотя по первому уставу Петра Великаго положено было два академическаго юриста, изъ нихъ одинъ для русскаго права. Сколько намъ извѣстно, но кресло было занято только одинъ разъ — французомъ Стрюбъ-де-Шермонъ. Впослѣдствіи, вѣроятно по причинѣ трудностей находить въ Германіи знатоковъ русскаго права, кресло это оставалось вакантнымъ, и потомъ совершенно заглохло. Такъ что теперь академія посылаетъ на рецензію юридическія книги, представляемыя для соисканія на демидовскія преміи, стороннимъ ученымъ. По этому наука права не имѣетъ у насъ и того скуднаго двигателя, которымъ обладаютъ другія. Этотъ недостатокъ съ лихвою вознаградится учрежденіемъ юридическаго общества, цѣль котораго должна быть: 1) распространеніе въ публикѣ правильныхъ юридическихъ понятій, 2) развитіе науки русскаго права и регулярное посредничество между русскими и западными юристами, своевременное ознакомленіе русскихъ ученыхъ съ движеніемъ науки права и юридической практики на Западѣ. Другихъ, болѣе широкихъ цѣлей, общество не можетъ у насъ имѣть до-тѣхъ-поръ, пока система судопроизводства и судоустройства останется въ настоящемъ видѣ. Ко-

нечно, общество для достиженія своей цѣли должно, кромѣ учебныхъ конференцій, издавать журналъ, приглашать членовъ своихъ къ чтенію публичныхъ лекцій и проч. Желательно было бы поэтому, чтобы редакція Юридическихъ Записокъ поддержала свою превосходную мысль въ нашихъ газетахъ и согласилась бы нашихъ профессоровъ права, писателей юристовъ и просвѣщенныхъ практическихъ дѣятелей на составленіе общества.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

Господинъ Якушкинъ и псковскій полиціймейстеръ
Гемпель.

На западѣ Европы существуетъ одно очень умное житейское правило, составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ и юридическій принципъ: «всякій человѣкъ уменъ, честенъ и слова его заслуживаютъ полного довѣрія, пока лицо это не представитъ доказательствъ противнаго, т. е., пока онъ не заставитъ убѣдиться другихъ, что онъ глупъ, безчестенъ и лжець». На основаніи этой очень простой истины, признаваемой даже и русскими во время путешествія своего по Европѣ, западный человѣкъ не считаетъ себя въ правѣ оскорбить кого бы то ни было, потому только, что тотъ кто-нибудь носитъ дырявую блузу, или сюртукъ сшитый по послѣднему парижскому образцу; совсѣмъ другою взглядъ на жизнь и на людей имѣютъ другіе.

Эта замѣтка, страдающая повидимому недостаткомъ логики, можетъ быть доказана *фактически* сравненіемъ двухъ весьма интересныхъ писемъ, помѣщенныхъ въ 239 N° Санктпетербургскихъ Вѣдомостей: — одно писано г. Якушкинымъ, — другое псковскимъ полиціймейстеромъ Валеріаномъ Гемпелемъ. Письмо г. Якушкина есть обвинительный документъ, письмо г. Гемпеля — оправданіе; но оправданіе по сущности, а не по формѣ; это слово человѣка сознающаго внутренно свою неправоту, но неимѣющаго силы сказать — «г. Якушкинъ, вы правы, простите меня!» Лишенное искренности и написанное съ цѣлью оправдаться во что бы то ни стало, письмо г. Гемпеля производитъ совершенно противное дѣйствіе.

Г. псковскій полиціймейстеръ Валеріанъ Гемпель въ своемъ оправданіи, названномъ имъ «Отвѣтъ на статью: Проницательность и усердіе губернской полиціи» не упоминаетъ совершенно о подробностяхъ, приводимыхъ г. Якушкинымъ. Г. полиціймейстеръ

говорить только, что 22-го августа приставъ первой части ~~представилъ~~ ему г. Якушкина, какъ человѣка неимѣющаго законнаго вида, и исправляющій должность начальника губерніи приказалъ задержать г. Якушкина впредь до полученія о немъ справокъ изъ харьковскаго уѣзднаго училища и изъ малоархангельскаго земскаго суда. Послѣ того, 23-го августа, утромъ, полиціймейстеръ зашелъ въ арестантскую и тронутый просьбой г. Якушкина, по «человѣческому чувству» состраданія и не смотря на отвѣтственность, которой подвергался за неточное исполненіе приказаній начальника губерніи, освободилъ г. Якушкина изъ подъ ареста и даже предложилъ ему одинъ рубль серебромъ на дорогу.

Въ объясненіи г. полиціймейстера есть много весьма важныхъ пропусковъ: по словамъ г. Якушкина, его продержали подъ арестомъ два дня, по показанію г. полиціймейстера только одни сутки; но можетъ быть г. полиціймейстеръ не зналъ какъ распорядился частный приставъ? въ такомъ случаѣ виноватъ частный, который не донесъ ему объ этомъ? Дѣло это вышло изъ ряду обыкновенныхъ: — переодѣтый губернской секретарь, фальшивыя бумаги, письмо отъ редакціи «Русской Бесѣды», неужели это такіе дюжинные случаи, что нельзя было доложить объ нихъ полиціймейстеру тотчасъ же? Наконецъ, вѣроятно полиціймейстеръ видитъ частныхъ приставовъ каждый вечеръ, до вечерняго рапорта своего губернатору? Такъ слѣдуетъ думать, потому что отъ полиціймейстера есть строгій приказъ: *не посылать къ нему изъ полиціи никакихъ записокъ*; а самъ полиціймейстеръ ѣздитъ въ полицію только по утрамъ, — когда же видѣть его, если дѣло очень важное, отчего нельзя посылать изъ полиціи никакихъ записокъ, и зачѣмъ держать подчиненныхъ, плохо понимающихъ свои обязанности? Г. Гемпель не дастъ отвѣта ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ письмомъ Якушкина.

Изъ отвѣта г. псковскаго полиціймейстера видно, что въ первый разъ онъ увидѣлъ г. Якушкина 22-го августа, т. е., на другой день ареста, сдѣланнаго по распоряженію *частнаго*, имѣющаго непохвальную привычку сидѣть за присутственнымъ столомъ въ халатѣ, на распашку; видно также что у полиціймейстера есть человѣческое чувство состраданія, что его трогаютъ просьбы и что онъ вѣрнѣе клятвамъ, заставляющимъ его нарушать законъ и не исполнять приказанія губернатора. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ говорить объ *юридичности*, а еще болѣе къ чему

подвергать себя отвѣтственности за неисполненіе закона? Съ такимъ человѣческимъ чувствомъ состраданія, съ такой довѣрчивостью, съ сердцемъ способнымъ трогаться просьбами, г. Гемпель рискуеть многимъ. И къ чему насиловать себя?

Г. Гемпель не объясняетъ также, что побудило его пригласить въ полицію начальника губерніи, но вполнѣ достаточный отвѣтъ на это есть въ письмѣ г. Якушкина. Ясно, что полиціймейстеръ обидѣлся — «а, а! ты хочешь жаловаться, такъ стой же!» и полиціймейстеръ поскакалъ къ губернатору. Гдѣ же тутъ юридичность и человѣческое чувство состраданія, которыми щеголяетъ псковской полиціймейстеръ? Еслибы г. Гемпель находилъ арестъ г. Якушкина справедливымъ, вѣроятно онъ не сказалъ бы ему — прощайте, можете идти куда угодно, — а если онъ видѣлъ въ этомъ несправедливость, такъ какое онъ имѣлъ право освободить г. Якушкина? и чѣмъ же тутъ обижаться? наконецъ, съ какой стати стоять за всякое вздорное распоряженіе, за всякую ошибку частнаго? Все это объясняется очень просто двумя обстоятельствами: 1) г. полиціймейстеръ, чувствуя, что онъ не въ состояніи дать отвѣтъ на всѣ обвинительные пункты, приводимые г. Якушкинымъ, проходитъ половину изъ нихъ молчаніемъ, а 2) что въ полиціи г. Пскова развито сильно чувство полицейской солидарности; оно впрочемъ и не можетъ быть иначе, если для полиціймейстера закономъ дѣйствиі служитъ довѣрчивость и сердце способное трогаться просьбами?

Но самый главный пунктъ, не разъясненный г. Гемпелемъ — имѣлъ ли онъ право арестовать г. Якушкина и за что онъ арестовалъ его? Г. Якушкинъ говоритъ, что онъ отправился въ полицію прописать свой *паспортъ*, но г. полиціймейстеръ объясняетъ, что это не былъ паспортъ, а *копія съ прошенія*, поданнаго г. Якушкинымъ становому приставу орловской губерніи малоархангельскаго уѣзда. Копія, разумѣется, засвидѣтельствованная; въ такомъ случаѣ въ чемъ же недоразумѣніе и на основаніи какой статьи закона г. Гемпель заключилъ г. Якушкина? Если же г. Гемпель дѣйствовалъ по закону, то на основаніи чего онъ выпустилъ Якушкина? а если онъ выпустилъ его тоже на основаніи закона, то на основаніи чего онъ посадилъ его снова?

Вторая половина объясненія г. Гемпеля еще слабѣе: на третій день послѣ втораго освобожденія изъ заключенія, г. Якушкинъ взялъ билетъ, чтобы по чугункѣ ѣхать въ Петербургъ;

но квартальный схватилъ г. Якушкина за воротъ, вытащилъ его изъ вагона и бѣднаго снова посадили въ полицію;—за что же новая бѣда? «За переодѣванье, мой милый!»—объяснилъ полиціймейстеръ. На этотъ разъ г. Якушкинъ просидѣлъ долѣе; на шестой день пришелъ къ нему полиціймейстеръ.

— Что вы здѣсь дѣлаете, мой милый? спросилъ онъ арестанта.

— Помилуйте, полковникъ, отошлите меня въ острогъ; здѣсь быть нельзя, вы сами видите, отвѣчалъ г. Якушкинъ.

— ...а даете ли мнѣ слово выгнать изъ Пскова... нынче же?

— Непремѣнно выгнать.

— Ну, прощайте, мой милый!.. ничего объ немъ не писать, крикнулъ полиціймейстеръ въ канцелярію.

Въ тотъ же день г. Якушкинъ уѣхалъ изъ Пскова.

Что же было причиной такой внезапной переменъ полиціймейстера и откуда вдругъ явилось «человѣческое чувство состраданія», не посѣщавшее г. Гемпеля втеченіе шести дней?— есть очень основательный поводъ думать, что причиной этого было одно изъ писемъ, отправленныхъ г. Якушкинымъ къ одному довольно значительному лицу въ Москвѣ.

Но г. Гемпель говоритъ совсѣмъ другое: онъ заподозрилъ г. Якушкина въ убійствѣ; но почему, какъ?— костюмъ товарища убитаго, имѣлъ большое сходство съ костюмомъ г. Якушкина; что же касается до переодѣванья, послужившаго будто бы поводомъ къ аресту, то причину эту выставляетъ самъ полиціймейстеръ, не хотѣвшій изъ деликатности оскорбить г. Якушкина.

На сколько подозрѣніе въ убійствѣ имѣло смыслъ, видно изъ словъ самого г. Гемпеля; спустя три дня, онъ узналъ отъ директора псковской гимназіи, что г. Якушкинъ дѣйствительно изучаетъ бытъ русскаго народа, и что по этому предмету есть его статья въ «Русской Бесѣдѣ», и г. Якушкина выпустили. Такимъ образомъ подозрѣніе въ убійствѣ вышла полицейская деликатность. Еслибы подозрѣніе это было основано на чемъ-нибудь, то до получения «справокъ» едва ли г. полиціймейстеръ рѣшился бы выпустить арестанта, основываясь только на словахъ директора гимназіи— вѣдь вопросъ былъ не въ томъ, есть ли въ «Русской Бесѣдѣ» статьи за подписью «Якушкинъ», а кто именно арестованный за переодѣванье?—не убійца ли онъ? Въ этомъ случаѣ слова директора ровно ничего не значили, а могли разъяснить дѣло только справки; неужели г. псковскій полиціймейстеръ *человѣкъ обязанный руководствоваться статьями за-*

кона и не отступать отъ нихъ ни на шагъ», узнавъ, что одно письмо было адресовано г. Якушкинымъ къ одному довольно значительному лицу въ Москвѣ, почувствовалъ вдругъ припадокъ нѣжности къ своей жертвѣ и такой сильной, что рѣшительно забылъ на сколько шаговъ онъ отступаетъ отъ закона, выпуская на свободу человѣка заподозрѣннаго въ убійствѣ? По крайней мѣрѣ этимъ легче всего объясняется поступокъ полиціймейстера и въ «Отвѣтѣ» г. Гемпеля нельзя найти ни какихъ данныхъ для составленія другаго заключенія; однимъ словомъ подозрѣніе въ убійствѣ больше ничего какъ шутка; а показаніе директора вставлено здѣсь не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, потому что объ участіи г. Якушкина въ «Русской Бесѣдѣ» г. Гемпель зналъ ранѣе изъ письма редакціи журнала. Но въ чемъ же наконецъ причина всѣхъ этихъ *юридическихъ* дѣйствій, этой игры въ арестованье? «Отвѣтъ» г. Гемпеля не даетъ отвѣта.

До-сихъ-поръ мы видѣли г. Гемпеля какъ лицо оффиціальное:—это полиціймейстеръ—юристъ; но вотъ г. Гемпель какъ человѣкъ. У г. Якушкина не случилось денегъ, ему предлагаютъ и онъ беретъ. Что же въ этомъ предосудительнаго? Не хорошо взять деньги съ тѣмъ, чтобы не отдать; но г. Якушкина нельзя заподозрить въ такомъ намѣреніи; — самъ же г. Гемпель говоритъ, что получилъ изъ Москвы на имя г. Якушкина 50 рублей; — слѣдовательно г. Якушкинъ, занимая, расчитывалъ на эту высылку. Главное тутъ не въ займѣ, а въ тонѣ, которымъ рассказываетъ полиціймейстеръ: «разсмотрѣвъ пошешенный костюмъ Якушкина, я далъ ему на дорогу одинъ рубль серебромъ и г. Якушкинъ не только не отказался, но съ удовольствіемъ принялъ.» Такъ ли это? Неужели г. Гемпель, щеголяющій такъ своимъ мягкимъ сердцемъ и деликатностью, не чувствовалъ, что онъ оскорбляетъ человѣка? Вотъ какъ онъ объясняетъ почему называлъ г. Якушкина «мой милый»: — «Такое выраженіе невольно вырывается у человѣка, когда предъ нимъ стоитъ другой — оборванный, въ нетрезвомъ видѣ и принимающій какъ милость, рубль, три рубля, да еще копейки.» Гдѣ было «человѣческое чувство», когда писаны эти строки? и все это за то только, что г. Якушкинъ подмѣтилъ въ васъ «гвардейскую любезность». Въ этомъ дѣлѣ жертвой былъ г. Якушкинъ, его мучили и оскорбляли, его держали въ арестантской, по какому-то подозрѣнію, созданному вѣроятно разстроеннымъ воображеніемъ, и когда человѣкъ протестовалъ, виноватымъ же прикидывается жертвой, говоритъ о своемъ «человѣческомъ

чувствѣ», увѣряетъ, что поступилъ *юридически* и доказалъ это *фактически*, тогда какъ съ первой до послѣдней строчки «Отвѣтъ» г. Гемпеля подтверждаетъ только вѣрность заключенія г. Якушкина — «что нельзя такъ обращаться съ личностью чело-вѣка.»

Въ какой степени вѣренъ нашъ выводъ, читатель можетъ судить самъ:— вотъ письмо г. Якушкина и отвѣтъ г. Гемпеля, перепечатанные вполне изъ 239 № Санктпетербургскихъ Вѣдомостей.

Н. Ш.

Статья эта была окончена, когда въ 250 № тѣхъ же вѣдомостей мы прочли «Отвѣтъ г. псковскому полиціймейстеру» г. Якушкина; отвѣтъ этотъ нисколько не измѣняетъ нашего вывода и говоря словами г. Якушкина— «поступки полиціи остаются все тѣми же произвольными, а арестантское помѣщеніе при полиціи все также похожимъ на коровій хлѣвъ, или собачью кануру.» Приводимъ вполне и это письмо.

ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ И УСЕРДІЕ ГУБЕРНСКОЙ ПОЛИЦІИ.

(Письмо къ редактору Русской Бесѣды.)

Отъ редакціи Русской Бесѣды. Въ предисловіи къ «Путевымъ письмамъ изъ Новгородской губерніи» (см. IV кн. *Бесѣды* 1859 г.) мы упомянулъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя невѣжество сельскихъ и земскихъ полицій противопоставляетъ всякому этнографическому изслѣдованію, всякому живому изученію народнаго быта. Оказывается, что мы совершенно напрасно поцеремонились относительно городскихъ полицій и говоря о сотскихъ и становыхъ, совершенно несправедливо пощадили гг. квартальныхъ, частныхъ и полиціймейстеровъ. Арестъ г. Якушкина въ Псковѣ служить тому самымъ убѣдительнымъ, и — признаться — возмутительнымъ и вопіющимъ доказательствомъ. — Г. Якушкинъ, по порученію *Русской Бесѣды*, перешелъ изъ Новгородской губерніи (откуда писалъ онъ письма, помѣщенные въ нашемъ журналѣ) въ Псковскую губернію, съ тою же цѣлью, т. е. съ цѣлью изученія особенностей быта крестьянъ Псковской губерніи, собиранія пѣсенъ, сказокъ, преданій, и т. п. Занятія г. Якушкина такого рода, что одѣваться по-русски ему необходимо, а между

тѣмъ — странное и грустное положеніе дѣлъ! Надѣньте нѣмецкое платье — вы становитесь подозрительны народу; надѣньте русское — вы навлечете на себя подозрѣніе полиціи. Русское платье на «губернскомъ секретарѣ» — кажется чѣмъ-то такимъ зловѣщимъ въ глазахъ нашихъ блюстителей порядка, является такимъ диссонансомъ въ гармоніи полицейской, такимъ отступленіемъ отъ полицейскаго идеала благоустройства, что, право, подобнаго рода этнографическія экспедиціи въ русскихъ губерніяхъ требуютъ почти такой же смѣлости и отваги, исполнены чуть ли не такихъ же опасностей, какъ и экспедиціи въ глубь Африки, въ Патагонію, къ дикимъ Новой Голландіи, къ Чирокисамъ или Ботокудосамъ!... Арестовать человѣка безъ всякаго видимаго основанія, продержать его дней десять, Богъ знаетъ въ какомъ гнусномъ и смрадномъ помѣщеніи, не наводя даже объ немъ справокъ, и потомъ выпустить его — также безъ законнаго основанія, — весь этотъ отвратительный произволъ считается у насъ, къ несчастію, такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, такимъ обыденнымъ явленіемъ, что нисколько не смущаетъ совѣсти полицейскихъ властей, и даже, по ихъ мнѣнію, не заслуживаетъ ни порицанія, ни протеста!

Такъ какъ по дѣлу оказывается, что *Русской Вѣстѣ* не приходится услаждать часы полицейскаго досуга въ губерніяхъ (на что, впрочемъ, мы и притязанія не изъявляли), то мы просимъ журналы и газеты, болѣе нашего распространенныя, дать приличную огласку настоящему случаю.

Справедливость требуетъ однакоже замѣтить, что самого губернатора въ это время въ городѣ не было, да и вообще онъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ находится въ отсутствіи по дѣламъ службы. Нѣтъ сомнѣнія, что В. Н. Муравьевъ немедленно положилъ бы предѣлъ ревности своихъ чиновниковъ; тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ обратить его вниманіе на это происшествіе, и надѣмся, что имъ приняты будутъ всѣ необходимыя мѣры, какъ къ предупрежденію подобныхъ беззаконій на будущее время, такъ и къ улучшенію арестантскаго помѣщенія при полиціи, которое, по описанію г. Якушкина, болѣе похоже на коровій хлѣвъ или собачью кануру, чѣмъ на человѣческое жилище....

Моя поѣздка въ Исковскую губернію не удалась по причинамъ совершенно отъ меня независящимъ, и именно по слѣдующимъ.

Разскажу вамъ случившееся со мною, во всей подробности. Досаду, негодованіе, отвращеніе, словомъ всѣ испытанныя мною ощущенія и передавать вамъ не стану, да и некогда. Вы сами хорошо поймете это, и безъ моихъ описаній. Ограничусь однимъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ самого факта.

Обѣздивъ Талабское (по географіямъ Псковское) озеро, обойдя мѣста около Изборска и Печоръ, я 22-го августа пришелъ во Псковъ, гдѣ хотѣлъ дней на пять остаться, потому во-первыхъ, что я немного простудился, а во-вторыхъ потому, что хотѣлъ привести въ порядокъ свои отрывочныя замѣтки.

Хозяева мои, Егоръ Васильевичъ Васильевъ и его супруга, были ко мнѣ очень внимательны; желая ихъ избавить отъ лишнихъ хлопотъ, я самъ отправился въ полицію прописать свой паспортъ.

Это было часовъ въ пять послѣ обѣда.

Въ полиціи дежурный квартальный надзиратель сказалъ мнѣ, что я для прописки своего паспорта долженъ идти въ первую часть.

— Сдѣлайте одолженіе, пропишите мой паспортъ, сказалъ я какому-то чиновнику, входя въ канцелярію первой части.

Чинovníкъ взялъ мой паспортъ, посмотрѣлъ на него, потомъ взглянулъ на меня, — и, кажется, его поразила моя одежда: я былъ одѣтъ по-русски.

— Вы губернской секретарь Якушкинъ? спросилъ онъ, недвѣрчиво смотря на меня.

— Точно такъ.

— Я покажу вашъ видъ частному приставу, сказалъ онъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я.

Этотъ господинъ пошелъ въ присутствіе къ частному приставу, черезъ минуту вернулся и пригласилъ меня идти къ частному, тоже въ присутствіе.

— Что надо? спросилъ меня частный, сидѣвшій за присутственнымъ столомъ въ бѣлой рубашкѣ и въ халатѣ на распахку; его высокоблагородію видимо не хотѣлось сказать мнѣ *вы*, а съ *ты* оно отнестись ко мнѣ не рѣшилось: потому оно благоразумно избѣжало мѣстоименій.

Онъ держалъ мой паспортъ; ему было сказано, зачѣмъ я пришелъ; самъ онъ меня позвалъ въ присутствіе; а потому и вопросъ его показался мнѣ страннымъ.

— Пришелъ просить записать мой паспортъ, отвѣчалъ я.

— Губернскій секретарь, грозно проговорилъ частный: какъ же можно такъ одѣваться?!

— По роду моихъ занятій, отвѣчалъ я, со всевозможною учтивостью, мнѣ необходимъ этотъ костюмъ.

— Какія такія занятія, которыя требуютъ мужикомъ одѣваться?

Я подалъ ему письмо редактора *Русской Бесѣды*, которымъ подробно объяснялись мои занятія, требующія мужицкаго платья.

Всѣ бумаги фальшивыя, сказалъ онъ, прочитавъ письмо, какому-то господину, сидѣвшему за тѣмъ же столомъ. Тотъ господинъ посмотрѣлъ на бумаги, покачалъ головою и ничего не сказалъ.

— Подпиши фальшивыя, бумаги фальшивыя! повторилъ частный, обращаясь ко мнѣ.

— Если фальшивыя подписи, какъ вы думаете, то вы какъ мнѣ кажется, должны меня арестовать.

— Не разговаривать! крикнулъ разгнѣванный частный, такъ что стекла задрожали.

— Я долженъ вамъ сказать, господинъ частный приставъ, что я съ вами, какъ съ *частнымъ человекомъ*, и говорить не хочу; а какъ частному приставу я долженъ вамъ отвѣчать на сдѣланное мнѣ замѣчаніе, и, какъ частный приставъ, вы должны меня выслушать.

— А, какъ!.. пожалуйста, милостивый государь, въ канцелярію... Посмотримъ!..

Въ канцеляріи чиповники, слышавшіе мой разговоръ съ частнымъ, очень недружелюбно на меня посматривали и въ полголоса, однако такъ, чтобъ я слышалъ, поговаривали о фальшивыхъ бумагахъ:

— Да и не фальшивый видъ, заключилъ одинъ: полиціи по одному подозрѣнію можетъ всякаго задержать.

— Не угодно ли *вамъ* немного потрудиться: пойдти съ господиномъ квартальнымъ въ полицію, сказалъ частный, входя черезъ полчаса въ канцелярію, видимо желая поострить на мой счетъ. Угодно, не угодно, а надо было идти, куда приказано, — и я, не говоря ни слова, отправился съ квартальнымъ въ полицію.

— За что васъ арестовали? спросилъ меня, провожавшій меня, квартальный.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Для чего вы одѣваетесь мужикомъ?

Я ему объяснилъ и показалъ письмо отъ редактора *Русской Бесѣды*.

Вѣрно васъ завтра выпустятъ, сказалъ квартальный, прочтавъ письмо.

— Какъ завтра? спросилъ я, не вѣря въ возможность арестовать человека на дѣлую ночь, безвинно, по одной прихотп.

Квартальный не отвѣчалъ: ему было совѣстно исполнять приказаніе частнаго. Я это замѣтилъ, и мы замолчали. Я рѣшился не давать воли своему гнѣву, — да этого требовало и благоразуміе.

— Гдѣ дежурный? спросилъ квартальный, когда мы взошли съ полицію.

— Ушелъ почивать домой, отвѣчалъ солдатъ-десятскій изъ малороссіянъ.

— Позвать ундера!

Пришелъ унтеръ-офицеръ, по видимому лицо въ полиціи значительное, которое солдатъ величалъ Николаемъ Федосѣвичемъ Федосѣвымъ; приведшій меня квартальный шепнулъ ему что-то и — скрылся.

— Пожалуйте въ эту комнату, сказалъ мнѣ господинъ Федосѣвъ, указывая на *дежурную* комнату, или, какъ здѣсь называютъ, на *дворянскую* (арестантскую).

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я ему, входя въ дворянскую, отошлите записку къ полицеймейстеру; — я сейчасъ напишу.

— Извините, отвѣчалъ тотъ, — я этого не могу сдѣлать: отъ г. полицеймейстера строгій приказъ: не посылать къ нему изъ полиціи никакихъ записокъ.

— Я долженъ здѣсь ночевать?

— Должны.

— Не могу-ли я у васъ попросить *Исковскихъ* газетъ? — скучно такъ сидѣть, — стану читать.

— Съ большимъ удовольствіемъ; я вамъ и свѣчку дамъ; читайте.

— Не хотите-ли ужинать? спросилъ меня г. Федосѣвъ, входя ко мнѣ вслѣдъ за тѣмъ съ кипомъ *Исковскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Дневника*.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ я; не хочется.

— Покушайте, настаивалъ Николай Федосѣвичъ, щипу славные! Можетъ у васъ денегъ нѣтъ, робко прибавилъ онъ, такъ денегъ мнѣ не надо: щипу я вылью за окно — все равно, мнѣ ихъ дѣвать некуда.

Какъ ни совѣстно было отказаться отъ такого радушнаго и честно-предложеннаго ужина, — я отказался:

— Можно здѣсь курить? спросилъ я у Федосѣева.

— Курите, сколько хотите! — отвѣчалъ тотъ. — Только я боюсь пожара; такъ я солдата тутъ поставлю.

— Нѣтъ, не беспокойтесь, — я курить въ такомъ случаѣ не буду.

— Курите, пожалуйста, — солдатъ во всякомъ случаѣ тутъ будетъ. — Курите, не курите — солдатъ тутъ обязанъ быть.

Федосѣевъ ушелъ; я закурилъ папирску и сталъ просматривать *Псковскія Вѣдомости*. Въ одномъ номерѣ этихъ газетъ было объявленіе о выходѣ книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ другомъ — *Сына Отечества*: другихъ статей въ литературномъ отдѣлѣ не оказалось; но я никакъ не могъ заснуть: диванъ, на которомъ я сидѣлъ, былъ такъ устроенъ, что на немъ не только лежать, но и сидѣть было довольно трудно; да къ тому же солдатъ, легшій у дверей, довольно сильно оказывалъ свое присутствіе....

— Вы не спите? спросилъ онъ меня часу въ двѣнадцатомъ.

— Да спать нельзя, отвѣчалъ я ему.

— Э! нельзя! тутъ еще можно; вотъ, случается, въ арестантскую запрутъ: тамъ — человекъ и дышать не можно, народу оттуда не выпускають; тамъ и *покудите*; духъ такой — быть нельзя, проговорилъ солдатъ малороссійскимъ выговоромъ и опять захрапѣлъ.

Я снова принялся за *Вѣдомости* и никакъ не думалъ, что мнѣ тотчасъ же придется побывать въ арестантской, въ которой *быть нельзя*, по отзыву солдата. Я захотѣлъ открыть окно; не зная хорошенько полицейскихъ обычаевъ, я опасался разбудить солдата и потому довольно тихо подошелъ къ окну.

— Какъ ты, собачій сынъ? крикнулъ проснувшійся солдатъ: въ окно хочешь выпрыгнуть! Я тебя...

Какъ я ни увѣрялъ его, что я не хочу, да и не могу выпрыгнуть со втораго этажа, — солдатъ не вѣрилъ.

На шумъ пришелъ господинъ Федосѣевъ.

— Вамъ не угодно было тутъ сидѣть! сказалъ онъ, вы хотѣли выпрыгнуть въ окно, — пожалуйста въ арестантскую!

Меня повели въ арестантскую.

Вы знаете, что я хожу по деревнямъ, выбираю избы для ночлеговъ поплоче; стало быть къ грязи присмотрѣлся, но такой грязи, какую я нашелъ въ *арестантской*, не дай Богъ вамъ

видѣть: буквально цѣлую ночь присѣсть не могъ: комната... нѣтъ, не комната, а подвалъ, довольно большой, перегороженный не извѣстно для чего пополамъ, съ мокрымъ поломъ, на которомъ *поскудаютъ* и который никогда не чистятъ; съ однимъ окномъ, въ четверть вышиной и въ аршинъ длиной... И этотъ подвалъ никогда не отворяютъ!

— Ты за что попалъ? спросилъ меня одинъ арестантъ, мальчикъ лѣтъ восемнадцать, какъ я увидалъ на другой день по утру, потому что въ арестантской огня не было.

— Не знаю, братъ!

— Вѣрно стянулъ что?

— Нѣтъ, пока Богъ миловалъ....

— А ты за что? спросилъ я его въ свою очередь.

— Да отъ барина сбѣжалъ; напился пьянъ, да на улицѣ и подняли. Вотъ одиннадцать дней, какъ держать, хоть бы въ баню пустили.

Баня этому мальчику была необходима: каждый волосъ на головѣ буквально былъ усѣянъ извѣстными насѣкомыми.

— Что жъ съ тобою будетъ?

— А приведутъ меня къ господамъ своимъ, тѣ ту же пору половину головы обрѣютъ, выпорютъ, а тамъ черезъ три дни еще выпорютъ; а тамъ еще черезъ три дни выпорютъ — до трехъ разъ, да и оставятъ.

— А развѣ бывало ужъ съ тобою это?

— Въ другой разъ.... Не знаешь ли ты, человѣкъ милый, сказки какой? — спать не хочется.

Я сталъ ему рассказывать исторію Ветхаго Завѣта.

— Однако я вижу, ты изъ книгъ говоришь, сказалъ мужикъ, выходя изъ-за перегородки нашей арестантской, да до того времени тамъ спавшій.

— Вѣрно ты слышалъ, а можетъ и самъ читалъ эти книги? спросилъ я его.

— Попы читаютъ, отвѣчалъ тотъ позѣрливая. Скажи, человѣкъ душевный, за что тебя схватили? спросилъ онъ меня.

— Я не мужикъ, я надѣлъ мужицкое платье; за это и посадили.

— Какъ за мужицкую одежду?

— Да, за мужицкую одежду.

— Да развѣ мужикъ не человѣкъ?

На этотъ вопросъ я не зналъ, что могу сказать, а потому и не отвѣчалъ ему.

— Мужикъ тоже человекъ! убѣдительно говорилъ мой новый товарищъ. Рассказывай, что въ книжкахъ читалъ! прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

Я сталъ продолжать рассказъ исторіи Ветхаго Заѣта. Дѣло дѣло до Іосифа.

— А, другъ любезный, спросилъ меня мужикъ: Іосифа прекраснаго?

— Ну-да, Іосифа прекраснаго...

— Говори, говори, одобрительно проговорилъ мужикъ.

— Сидѣлъ Іосифъ въ темницѣ, въ которой сидѣли также хлѣбодаръ и виночерпій....

— Все равно, какъ мы здѣсь въ тюрьмѣ сидимъ, другъ душевный, — перебилъ меня мужикъ. Присядь да рассказывай; что ты все стоишь? Присядь!

Я отказался отъ его приглашенія: рассказывать мнѣ наскучило, и я спросилъ мужика: за что онъ сидитъ?

— А вотъ видишь ты, другъ душевный, заболѣла у меня губа; пошелъ я, другъ душевный, къ волхвамъ, а тѣ волхвы дали мнѣ траву, — прикладывай, молъ, къ большой губѣ. И разнесло жъ губу — сказать нельзя!... Прихожу къ барынѣ.... а барыня у насъ милосердая.... «Ты, говоритъ, теперь человекъ убогій, — ступай, сажь корми свою душу.» Вотъ въ третьемъ году напился я пьянъ, — завалился на улицѣ; меня поднялъ Архипка... десяткой здѣсь.... переночевалъ. Поутру въ присутствіе, къ полицмейстеру. — «Зачѣмъ пьянъ напился?»... крикнулъ тотъ. — Такъ и такъ: получилъ деньги за работу.... «Посадить!».... Ну, другъ любезный, здѣсь царство небесное; а не приведи тебѣ Господь побывать въ земскомъ судѣ — просто быть нельзя.... Повели меня добраго молодца изъ полиціи въ земскій судъ, продержали тамъ меня ровно двѣ недѣлечки, а тамъ отправили къ становому, въ станъ... У становаго я тебѣ скажу, другъ любезный, сказать нельзя какъ хорошо: выйдешь себѣ на крылечко, закуришь трубочку и сидишь.... Становой мимо пройдетъ, крикнетъ: — «ѣлъ щи?» — Ты ему, самъ разумѣй, скажешь: ѣлъ, не ѣлъ ли. — «Не ѣлъ! дать щей!» — Вотъ, другъ любезный, продержали въ Изборскѣ въ стану дней пять, послали къ барынѣ, а барыня говоритъ: не надо мнѣ его. Меня опять къ становому, отъ него въ земскій судъ, изъ суда въ полицію, а тутъ ужъ выпустили.

— А теперь-то тебя за что взяли? спросилъ я....

— Видишь, другъ любезный, работалъ я у мужика.... переть

нять отъ города.... хлѣбъ убиралъ; хозяинъ привелъ меня въ питейный. Дашьги всё мнѣ отдалъ, да и поплъ на свои.... Было, другъ душевный, вышито не мало!.. Пошелъ я домой, да и зашелъ подъ дилижансы: отыскали тамъ меня, да въ полицію; было восемьдесятъ копеекъ — и тѣ пропали!

— Слава Богу, сказалъ я.

— Какой — слава Богу? Восемьдесятъ копеекъ, говорятъ тебѣ, пропали!

— На восемьдесятъ копеекъ опять бы напился, опять бы взяли, сказалъ я.

— Куда жъ дѣтъ?! напился бѣ.... а пожалуй и взяли бѣ: мнѣ такое счастье! какъ напьюсь, такъ и возьмутъ: и во хмѣлю хорошъ!..

— Опять бы продержали недѣлю, продолжалъ я.

— Ну, нѣтъ! недѣлей не обойдешься; дай Богъ въ мѣсяцъ покончить; да и то еще какъ Богъ приведетъ!

— Теперь же что съ тобой будетъ?

— Теперь опять въ земскій судъ, а тамъ къ становому; становой пошлетъ къ барынѣ; а та барыня опять скажетъ: «а ты мнѣ ненадобенъ». — Опять поведутъ въ станъ въ Изборскъ; а изъ Изборска въ земскій судъ; а изъ того земскаго суда въ полицію. А тутъ увидитъ полковникъ полицмейстеръ, скажетъ собачьяго сына, да и выпуститъ.... Я ничего не боюсь, прибавилъ онъ: сидѣть, по малу случается, скучно бываетъ, а я духу не боюсь!..

Разсвѣло. Было около девяти часовъ, приѣхалъ въ полицію частный приставъ.

— Гдѣ губернской секретарь Якушкинъ? къ частному!

Повели меня вверхъ.

— Какъ вы смѣли надѣвать ордена? спросилъ меня ласковымъ голосомъ частный.

— Какъ ордена? спросилъ я изумившись.

— Его видѣли въ орденахъ въ среду, а онъ не знаетъ! продолжалъ частный.

— Кто же видѣлъ?

— Вотъ кто! сказалъ онъ, указывая на служащаго въ полиціи чиновника, который былъ въ присутствіи.

— Да, я видѣлъ: вы шли отъ собора, заговорилъ чиновникъ: я посмотрѣлъ на грудь, а грудь вся орденами завѣшана.... Я еще подумалъ: какой молодецъ!

— Въ этотъ день вы меня не могли видѣть въ Псковѣ, от-

вѣчалъ я ему. Не только въ орденахъ, но и безъ орденовъ: я въ этотъ день былъ въ Изборскѣ у тамошняго благочиннаго.

— Это мы справимся! сказалъ, улыбаясь, частный.

— Я васъ прошу справиться.

— А какъ вы, милостивый государь, въ окошко хотѣли выпрыгнуть? самымъ любезнымъ голосомъ продолжалъ частный.

Не помню, отвѣчалъ ли я что нѣбудь на этотъ вопросъ. Кажется, нѣтъ.

Приѣхалъ полицеймейстеръ. Съ перваго раза видно было, что онъ человѣкъ, что называется, *добрышій*, съ ловкими, новѣйшими манерами и веселаго нрава....

— Зачѣмъ вы приѣхали въ Псковскую губернію? спросилъ онъ, когда меня снова ввели въ присутствіе.

Я ему вмѣсто отвѣта показалъ письмо отъ редактора *Русской Бесѣды*.

— Гдѣ вы учились?

Я ему сказалъ.

— Да.... вотъ ваши бумаги, возьмите ихъ! Гдѣ вы остановились? спросилъ онъ.

— У Егора Васильевича Васильева, отвѣчалъ я.

— Въ конторѣ рижскихъ длижансовъ.... знаю. Прощайте, можете идти, куда угодно.

— Позвольте, полковникъ, заговорилъ я, немножко обиженный такою милостью: ежели я виноватъ, то долженъ быть наказанъ: я не хочу отъ васъ никакой милости; а ежели по напрасну меня задержали здѣсь цѣлую ночь, то вы должны наказать того, кто меня сюда посадилъ.

— Да чѣмъ же васъ обидѣли? спросилъ меня полицеймейстеръ..

— Какъ чѣмъ? спросилъ я, удивленный этимъ вопросомъ: цѣлую ночь просидѣлъ здѣсь.... Развѣ я подозрительный человѣкъ?

— О, нѣтъ! отвѣчалъ онъ: было бъ хоть мало подозрѣнія, я бъ васъ не выпустилъ! У насъ это не считается за порокъ, продолжалъ любезно полицеймейстеръ; у насъ свои чиновники... и тѣхъ сажаютъ!

— Ваши чиновники могутъ не обижаться.

— Чего вы хотите? прервалъ онъ меня.

— Позвать прокурора и объявить ему это происшествіе.

— А а!.. къ губернатору! крикнулъ полицеймейстеръ.

Квартальный надзиратель съ буточникомъ повели меня, но

не къ губернатору, котораго во Псковѣ въ то время не было, а къ какому-то «начальнику», управлявшему губерніей. Этого начальника на ту пору не было дома. Черезъ четверть часа прѣѣхалъ полицеймейстеръ....

— Его превосходительство ѣдутъ, — торопливо проговорилъ дежурный чиновникъ, взглянувъ въ окно.

Полицеймейстеръ пошелъ въ сѣни, поговорилъ о чемъ-то съ его превосходительствомъ.

Вошло его превосходительство.

— Я думаю послать за справкой въ Малоархангельскъ, въ земскій судъ, сказалъ онъ, просмотрѣвъ мои бумаги.

— Помилуйте, ваше превосходительство, сказалъ я, вспоминая недавніе рассказы о томъ, какъ въ полиціи и земскомъ судѣ скоро дѣла дѣлаются; это долго протянется....

— Довольно долго, а вы посидите въ полиціи!

Меня обратно привели въ дворянскую. Минуть черезъ десять вошелъ ко мнѣ полицеймейстеръ, наговорилъ любезностей, назвалъ меня «мой милый» и ушелъ. Едва успѣлъ онъ уйти, какъ вошелъ старикъ квартальный.

— Что ты задумалъ? закричалъ онъ, — съ самимъ полковникомъ *) (*энергическое слово*)! Да и какъ ты, губернский секретарь, смѣлъ носить мужицкое платье! — Я тебя въ Сибирь упеку (*энергическое слово*)!... Я своему государю подпоручикъ, хоть худенькое платье, да все дворянское....

Вовсе не чувствуя самолюбіе свое оскорбленнымъ квартальнической бранью и не желая перебранкою становиться съ нимъ на одну доску, я ему не отвѣчалъ ни слова, не смотря на то, что эта брань продолжалась болѣе часа. Къ вятшему моему удовольствію этотъ строгій господинъ не позволялъ затворять дверей, и всѣ просители, приходившіе въ полицію, считали долгомъ *подивиться* на меня.

Былъ часъ уже четвертый, а ѣсть мнѣ не хотѣлось, и я снова не могъ не отказаться отъ предложеннаго мнѣ Николаемъ Ѳедосѣвичемъ обѣда.

— Милый мой! проговорилъ полицеймейстеръ, входя ко мнѣ въ дворянскую на другой день поутру. Зачѣмъ вы здѣсь сидите?

— Вамъ угодно было посадить меня.

— Ступайте, сейчасъ же ступайте!

*) Подполковниковъ въ этомъ быту всегда величаютъ полковниками.

Я выпелъ. Разстроенный, не ѣвши и не спавши почти двое сутокъ, я не захотѣлъ ни минуты оставаться во Псковѣ и ушелъ въ г. Островъ. Въ это время я переѣхалъ свою поддѣлку на худенькой кафтанишко. На третій донъ возвратился въ Псковъ, и взялъ билетъ, чтобы по чугункѣ ѣхать въ Петербургъ.

Я былъ уже въ вагонѣ, и очень спѣшилъ уѣхать. Почему то все еще боялся приключеній. Къ несчастію, мои опасенія оправдались. Когда я думалъ: обойдется ли дѣло безъ нихъ, раздался громкій голосъ въ дверяхъ вагона:

— Кто здѣсь въ очкахъ?

Дѣло очевидно касалось меня, — но я промолчалъ.

— Да тутъ нѣтъ въ очкахъ — проговорилъ какой-то мужиченко. Лѣзъ подъ лавку, шепнулъ ому, толкнувъ меня зыктемъ.

— Я не рѣшился на этотъ подвигъ.

— Я его узнаю, сейчасъ же узнаю, кричалъ какой-то квартальный, влѣзая въ вагонъ, и съ этими словами, схвативъ меня за воротъ, вытащилъ изъ вагона.

Этотъ квартальный, какъ послѣ оказалось, имѣлъ удивительныя предчувствія: они, по его словамъ, никогда его не обманывали, — и къ несчастію эти предчувствія заставляли его думать обо мнѣ Богъ знаетъ что.

Здѣсь же былъ и частный.

— Э! — кричалъ квартальный: да ты не простая птица! пять минутъ своими глазами видѣлъ тебя въ плисовой поддѣвкѣ. Ты у меня заговоришь! Зачѣмъ переодѣваешься?

— Пять минутъ вы не могли видѣть меня въ плисовой поддѣвкѣ: гораздо раньше я ее переѣхалъ, отвѣчалъ я.

— Каковъ! продолжалъ квартальный, обращаясь къ частному: своими глазами видѣлъ его въ плисовой поддѣвкѣ; я за нихъ два часа смотрѣлъ.

— Я самъ видѣлъ, рѣшилъ частный.

— Что ты на это скажешь? грозно крикнулъ квартальный.

— Нельзя-ли слово ~~ты~~ выкинуть изъ нашего разговора? сказалъ я.

Квартальный было расходился; но частный его усмиривъ.

Около насъ собралось довольно много мѣщанъ и мужиковъ. Изъ этой толпы слышались слова: «ученаго схватили».... Эти слова были произнесены многими съ замѣтнымъ ко мнѣ сочувствіемъ.

Квартальный съ частнымъ поѣхали къ полицеймейстеру, а меня буточникъ повелъ въ полицію, откуда пріѣхавшіи за мной квартальный повезъ и меня къ полицеймейстеру.

— Здравствуйте, мой милый, сказалъ мнѣ полицеймейстеръ, когда я вошелъ къ нему: какой костюмъ!

— Скажите, полковникъ, — спросилъ я: за что меня схватили.

— За переодѣванье, мой милый!

— Пять минутъ назадъ я видѣлъ его въ плисовой поддевкѣ, проговорилъ, улыбаясь, частный.

— И я тоже, подтвердилъ квартальный: мы его караулили.

Опять повели меня въ полицію, гдѣ я высадѣлъ снова *шесть* дней!... Я хотѣлъ писать въ Петербургъ, въ Москву къ своимъ знакомымъ; но мнѣ не позволили. На третій день мнѣ задали какіе-то *вопросные пункты*: какого я вѣроисповѣданія, женатъ или нѣтъ, есть ли дѣти и гдѣ оныя находятся, знаю ли я грамотъ и т. под. Я тотчасъ же написалъ, что я вѣроисповѣданія православнаго, холостъ, грамотъ знаю, и отдалъ эти *вопросы* квартальному, который мнѣ сказалъ: «напрасно торопились — эти бумаги раньше недѣли никуда не пойдутъ.»

Сидѣли ли вы въ карцерѣ? — скучно сидѣть одному! Но вы не можете себѣ представить, что испытываетъ человѣкъ, когда его не оставляютъ ни на минуту одного, а въ моей комнатѣ постоянно, и день и ночь, сидѣлъ десятскій.

— Христа ради, позвольте мнѣ написать моимъ знакомымъ, нѣсколько разъ говорилъ я полицеймейстеру.

— Пишите, милый мой, пишите, *мечтайте!* обыкновенно отвѣчалъ тотъ.

Но вотъ бѣда: никто не брался отнести мои письма на почту, боясь учинить беззаконіе.

Погода была дурная и довольно холодная; полицію стали оклеивать новыми обоями и всѣ окошки открыли.

— Позвольте мнѣ хоть одну строчку написать въ Москву, сказалъ я полицеймейстеру, когда тотъ, уже на четвертый день, вошелъ ко мнѣ и успѣлъ уже назвать меня «мой милый.»

— Пишите, кому хотите!

— Здѣсь никто не берется отнести мои письма на почту, — прикажите!

— Эй, квартальный! крикнулъ полицеймейстеръ. Я тебя!...

Не помню хорошенько всей фразы, сказанной полицеймейстеромъ къ квартальному; могу только сказать, что эта фраза была очень энергична.

Разумѣется, я воспользовался этимъ позволеніемъ и тотчасъ же написалъ три письма; позволеніе я получилъ въ исходѣ двѣнадцатаго часа, на почтѣ принимаютъ до двѣнадцати часовъ; я торопился, и вѣрно мои письма не совсѣмъ были складно написаны. Одно изъ нихъ было адресовано къ одному довольно значительному лицу въ Москвѣ....

— Скажите пожалуйста, говорили мнѣ потомъ въ полиціи: видно по вашимъ письмамъ, да и сами вы говорите, что вашими занятіями интересуются *такіе* люди; какъ же они допускаютъ васъ до такого положенія?

— Какъ до такого?

— Да помилуйте, худой кафтанишко....

Этимъ господамъ я никакъ не могъ растолковать: для чего я ношу такое платье.

— Что вы здѣсь дѣлаете, мой милый? спросилъ меня полицеймейстеръ, входя ко мнѣ, на шестой день, въ дворянскую.

— Помилуйте, полковникъ, отошлите меня въ острогъ; здѣсь быть нельзя, вы сами видите.

— Въ острогъ хуже.... а даете ли мнѣ слово выѣхать изъ Пскова.... нынче же.

— Непремѣнно выѣду.

— Ну прощайте, мой милый!... ничего объ немъ не писать! крикнулъ полицеймейстеръ въ канцелярію.

Я въ тотъ же день уѣхалъ изъ Пскова.

Какъ ни неприятны мнѣ воспоминанія объ этой исторіи, но и въ ней мнѣ видны свѣтлыя минуты: съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаю участіе, которымъ я пользовался отъ Николая Федосѣевича Федосѣева *), никогда не забуду жены десятскаго, которая приходила ко мнѣ съ предложеніемъ поиграть въ мельники. Трудно представить себѣ, какъ эти добрые люди, видя челоѣка въ несчастіи, искренно, родственно, желали облегчить минуты тяжкаго моего плѣна.

Посылаю имъ привѣтъ, жму руку имъ и десятскому, который заподозрилъ меня и засадилъ въ арестантскую не дворянскую—

*) Унтеръ-офицера полиціи.

съ ней же быть нельзя, и который послѣ совѣстился взглянуть на меня и избѣгалъ со мною встрѣчи!

Долгомъ считаю сказать: 1) что ни Николаю Федосѣвичу, ни кому изъ десятскихъ, ни ихъ женамъ — я не далъ ни копейки, да и никому изъ полицейскихъ чиновниковъ, кромѣ древней серебряной копейки, которую я отдалъ самъ квартальному надзирателю подъ сохраненіе, и которая, я увѣренъ, будетъ мнѣ возвращена.

2) Что никто моихъ бумагъ (у меня другихъ вещей съ собой не было) не осматривалъ: три раза арестовывали безъ допроса; три раза выпускали, и каждый разъ выпускали, говоря, что я человекъ не подозрительный.

3) Обо мнѣ никакихъ справокъ не дѣлали.

Если полиція находила мой видъ незаконнымъ, то не имѣла права меня миловать. Если находила мои бумаги фальшивыми, какъ же меня выпустили? Если свидѣтельство чиновника о надѣванныхъ будто-бы мною орденахъ, и квартальнаго (хвастающаго предчувствіями) о моемъ переодѣванъѣ — уважительны, отчего не было произведено слѣдствіе? Если они ложны, такъ какъ же допускать подобную легкость лжесвидѣтельства и терпѣть такихъ людей въ полиціи? Какъ же можно такъ обращаться съ личностью человекъ? Этотъ произволъ не выкупается ни гвардейскою любезностью полицеймейстера, ни позднѣю учтивостью частнаго пристава.

ПАВЕЛЪ ЯКУШКИНЪ.

Отвѣтъ на статью: «ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ И УСЕРДІЕ ГУБЕРНСКОЙ ПОЛИЦІИ».

Статья г. Якушкина, напечатанная въ октябрьской книжкѣ «Русской Бесѣды» и потомъ перепечатанная въ другихъ московскихъ журналахъ и газетахъ, произвела большой эффектъ въ кругу нашей читающей публики: многіе признали ее даже за образецъ гласности истинной, такой гласности, которая одна можетъ принести благодѣтельные плоды. Но утверждающіе это согласятся, конечно, съ тѣмъ, что гласность только тогда можетъ назваться полною, когда судья, выслушивая обвиняющаго, выслушиваетъ тоже обвиненнаго; вотъ почему я надѣюсь, что прочитавшіе статью г. Якушкина, удѣлять полчаса времени и для этого объясненія, написаннаго человекъ, котораго милое

остроуміе и изящное краснорѣчіе г. Якушкина выставили въ крайне-неблагопріятномъ свѣтѣ.

Вотъ какъ было дѣло:

22-го августа г. Якушкинъ былъ представленъ мнѣ приставомъ 1-й части, за неимѣніемъ законнаго вида, вмѣсто котораго г. Якушкинъ предъявилъ копию съ прошенія, поданнаго имъ ставропольскому приставу орловской губерніи малоархангельскаго уѣзда; въ прошеніи томъ было сказано, что г. Якушкинъ въ 1857 году потерялъ отпускной билетъ, выданный ему изъ харьковскаго уѣзднаго училища, безъ обозначенія числа и мѣсяца, и должности, которую онъ занималъ въ уѣздномъ училищѣ. Это обстоятельство, прямо противорѣчившее закону, по которому никто не можетъ проживать безъ установленнаго вида, заставило меня задержать г. Якушкина и представить, вмѣстѣ съ его видомъ, г. исправляющему должность начальника губерніи. Г. управляющій губерніею напелъ видъ г. Якушкина совершенно незаконнымъ и велѣлъ задержать его впредь до полученія о немъ справокъ, почему я заарестовалъ г. Якушкина при полиціи, въ дежурной комнатѣ, и велѣлъ сдѣлать сношеніе о дѣйствительности его показанія съ харьковскимъ уѣзднымъ училищемъ и малоархангельскимъ земскимъ судомъ. Послѣ того, 23-го августа, утромъ, придя въ полицію, я зашелъ въ комнату, гдѣ находился г. Якушкинъ, и объяснилъ ему какія могутъ быть послѣдствія его оплошности отъ неимѣнія при себѣ законнаго вида, на что г. Якушкинъ сказалъ мнѣ, что онъ уже разъ былъ задержанъ какимъ-то становымъ и потомъ, вслѣдствіе его просьбы, освобожденъ; при этомъ г. Якушкинъ убѣдительно просилъ меня объ его освобожденіи изъ-подъ ареста. Будучи тронутъ просьбою г. Якушкина и по человѣческому чувству состраданія, я повѣрилъ клятвамъ г. Якушкина въ дѣйствительности званія его и въ томъ, что неимѣніе законнаго вида есть одно его незнаніе всѣхъ формальностей, и, несмотря на отвѣтственность, могущую пасть на меня за неточное исполненіе приказанія г. начальника губерніи, освободилъ его изъ-подъ ареста, взявъ съ него честное слово — на другой же день отправиться изъ Пскова. При этомъ, рассмотрѣвъ поношенный костюмъ г. Якушкина, который состоялъ изъ поношенныхъ кучерской плисовой поддѣвки и такихъ же шараваръ, опущенныхъ въ голеніще, я предложилъ ему на дорогу денегъ одинъ рубль серебромъ, отъ котораго онъ не только не отказался, но съ удовольствіемъ принималъ.

25-го августа полиція получила секретную бумагу изъ вер-

ровскаго орднуисъ-герикта, что въ одну корчму заходили двое прохожихъ, и у одного изъ нихъ, при расплатѣ за обѣдъ, замѣчено было нѣсколько депозитныхъ билетовъ. На другой день, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ корчмы, тотъ, у котораго были деньги, найденъ убитымъ. Описанный въ бумагѣ костюмъ товарища убитаго имѣлъ большое сходство съ костюмомъ г. Якушкина. Это возбудило во мнѣ невольное подозрѣнiе на г. Якушкина, и я тотчасъ приказалъ приставу первой части и квартальному надзирателю втораго квартала — разузнать, не находится ли еще въ городѣ г. Якушкинъ. По справкамъ оказалось, что онъ былъ въ одномъ кабакѣ и заложилъ тамъ свою плисовую поддѣвку, и потомъ ушелъ — куда, неизвѣстно. Въ тотъ же вечеръ приставъ и квартальный съ десятскимъ отправились на станцію желѣзной дороги и нашли г. Якушкина, сидѣвшаго въ вагонѣ третьяго класса; замѣтивши квартальнаго, онъ снялъ очки и сталъ прятаться за сидѣвшаго съ нимъ рядомъ мужика; тогда приставъ задержалъ его и представилъ ко мнѣ. Тутъ первое, что бросилось мнѣ въ глаза, было то, что г. Якушкинъ, вмѣсто своей прежней плисовой поддѣвки, былъ теперь переодѣтъ въ сѣрый оборванный полукафтанъ, и находился въ нетрезвомъ видѣ. Онъ началъ мнѣ приносить жалобы, что его задержали, не зная за что; но я былъ столь осмотрителенъ, что, не объясняя ему причины, могущей его оскорбить, сказалъ только, что г. приставъ задержалъ его потому, что, нѣсколько дней тому назадъ, видѣлъ его въ плисовой поддѣвкѣ, а теперь въ изорванномъ сѣромъ полукафтанѣ, что и возбудило его невольное подозрѣнiе. Тутъ же я замѣтилъ г. Якушкину, что онъ въ нетрезвомъ видѣ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что всѣ умные люди любятъ выпить. Послѣ этого, найдя лишнимъ объясняться съ нимъ далѣе, я попросилъ его снова остаться подъ арестомъ, до времени полученiя о немъ справокъ, и велѣлъ унтеръ-офицеру, находящемуся при полиции, исполнять, по возможности, желанiя г. Якушкина, снабжать его обѣдомъ и прислуживать ему. Спустя три дня, я узналъ отъ директора псковской гимназiи, что г. Якушкинъ дѣйствительно изучаетъ бытъ русскаго народа, и что по этому предмету есть его статьи помѣщенныя въ «Русской Бесѣдѣ». Вслѣдствiе этого, я велѣлъ его освободить изъ-подъ ареста, и, попросивъ къ себѣ, объяснилъ ему вторично, что, по письменному виду его, я долженъ бы былъ его задержать впредь до полученiя справокъ, и что это должно продолжаться не менѣе трехъ мѣсяцевъ; но что я согласенъ освобо-

дять его, такъ-какъ получилъ о немъ нѣкоторыя удовлетворительныя свѣдѣнія отъ директора гимназіи. При этомъ я совѣтовалъ ему отправиться прямо въ Москву, для полученія законнаго вида на проживаніе во всѣхъ городахъ.

Г. Якушкинъ, прощаясь со мною, просилъ дать ему еще денегъ; я отдалъ бывшіе при мнѣ въ то время три рубля семь копеекъ серебромъ, и съ того времени не знаю, куда отправился г. Якушкинъ. Спустя нѣсколько дней, я узналъ, что г. Якушкинъ, во время своего ареста, взялъ у унтеръ-офицера Федосѣева, находящагося при полиціи, десять рублей серебромъ, которые я тогда же приказалъ уплатить изъ своего жалованья. А когда получилъ изъ Москвы, отъ г. Аксакова пятьдесятъ рублей серебромъ, для передачи г. Якушкину, то я въ тотъ же день отправилъ ихъ обратно, не упомянувши даже, изъ деликатности, что г. Якушкинъ взялъ у меня четыре рубля семь копеекъ и отъ унтеръ-офицера Федосѣева десять рублей серебромъ, которые и понинѣ, втеченіе болѣе полутора мѣсяца, не возвращены.

Что касается до обвиненія меня г. Якушкинымъ въ томъ, что я посадилъ его въ общую арестантскую, то это объясняется слѣдующимъ образомъ: г. Якушкинъ во время перваго ареста, въ три часа ночи, замѣтивши, что находявшійся при немъ дежурный десятскій задремалъ — отворилъ окно и свѣсплъ ноги, намѣреваясь, вѣроятно, прыгнуть. Десятскій, услыжавъ стукъ, схватилъ его за руки и закричалъ. На крикъ пришелъ унтеръ-офицеръ Федосѣевъ и, побоявшись, чтобы г. Якушкинъ снова не повторилъ своего намѣренія, до моего прибытія посадилъ его въ общую арестантскую.

Таковы были обстоятельства этого дѣла. Правъ ли я *юридически* — пусть судить публика; а что я долженъ былъ поступать *юридически* — въ томъ, надѣюсь, согласится всякій, кто вспомнить, что я лицо официальное, человѣкъ, обязанный руководствоваться статьями закона и не отступать отъ нихъ ни на шагъ. Крайне непредставительная личность г. Якушкина, постоянно нетрезвый видъ его, переодѣванья, сопряженныя съ этимъ другія постороннія обстоятельства, о которыхъ я говорилъ выше, отсутствіе законнаго вида — все это должно было, по неволѣ, возбудить мое подозрѣніе.

Что касается до моей гвардейской любезности, надъ которою такъ мило шутить г. Якушкинъ, то я, право, не могу ручаться, что не называлъ г. Якушкина: «мой милый». Такое выраженіе невольно вырывается у человѣка, когда передъ нимъ стоитъ

другой — оборванный, въ негрезвомъ видѣ и принимающій, какъ милость, рубль, три рубля, да еще копейки. Я бы не упоминалъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, еслибъ г. Якушкинъ не самъ вызвалъ меня на это. Ужъ если онъ началъ говорить о моей любезности, то не мѣшало бы ему прежде упомянуть о той, которая дала ему средство выѣхать изъ Пскова.

Въ заключеніе замѣчу еще одно: въ статьѣ своей г. Якушкинъ, между-прочимъ, посылаетъ поклонъ и дружески жметъ руку полицейскому унтеръ-офицеру Федосѣеву.... Я думаю, что этому человѣку было бы гораздо пріятнѣе получить, вмѣсто теплаго привѣта, десять рублей серебромъ, которыми онъ снабдилъ г. Якушкина и которыхъ этотъ послѣдній до-сихъ-поръ не потрудился выслать. Такое забвеніе уменьшаетъ умиленное впечатлѣніе, производимое дружбою г. Якушкина къ бѣдному унтеръ-офицеру.

Я сказалъ все. Знаю, какъ трудно мнѣ бороться въ печати съ г. Якушкинымъ; на его сторонѣ — талантъ, даръ смѣяться забавно и остро, роль жертвы, всегда возбуждающая сочувствіе, предубѣжденіе публики противъ полиціи, наконецъ, нѣкоторыя ошибки съ моей стороны; въ свою защиту я призыву одну истину, истину, которую подтверждаютъ факты и которую такъ умышленно исказилъ г. Якушкинъ. Положа руку на сердце, могу сказать, что какъ человѣкъ, я выказалъ и доказалъ *фактически* свое сочувствіе къ г. Якушкину, а какъ лицо оффиціальное, не имѣлъ никакого права отступить отъ законнаго порядка. Правда, я нарушилъ этотъ порядокъ тѣмъ, что, изъ снисхожденія, выпустилъ г. Якушкина изъ-подъ ареста до собранія нужныхъ справокъ; но, надѣюсь, никто изъ публики не поставитъ мнѣ этого въ вину, хотя передъ начальствомъ своимъ я и обязанъ отвѣчать за нарушеніе постановленій.

Псковскій полиціймейстеръ ВАЛЕРІАНЪ ГЕМПЕЛЬ.

Отвѣтъ г. псковскому полиціймейстеру.

Г. псковскій полиціймейстеръ, въ отвѣтъ своемъ на мою статью, помѣщенную въ V книгѣ «Бесѣды», старается, оправдывая себя, бросить тѣнь сомнѣнія на справедливость моего разсказа, на мои поступки и даже на поведеніе. Отвѣчаю г. Гемпелю немедленно по прочтеніи его статьи, и разскажу дѣло съ полнымъ чистосердечіемъ.

Совершенно соглашаясь съ г. Гемпелемъ, что мой видъ долженъ былъ ему показаться незаконнымъ (хотя я по немъ проживалъ четыре года сряду), я, къ сожалѣнью моему, никакъ не могу съ нимъ согласиться ни въ чемъ остальномъ.

Г. Гемпель говоритъ, что я былъ ему представленъ 22-го августа, а выпущенъ 23-го; *это невярно*. Я былъ задержанъ 22-го, часу въ 5-мъ или 6-мъ послѣ обѣда, отосланъ въ полицію и несмотря на мои бросьбы, никто не смѣлъ, настолько меня представить къ полиціймейстеру, но даже отнести къ нему отъ меня записку, потому что, какъ мнѣ говорили, отъ г. полиціймейстера былъ строгій приказъ: изъ полиціи никакихъ записокъ къ нему не посылать. Вслѣдствіе этого, меня оставили на ночь, а 23-го, около 12 часовъ, въ «присутствіи», представили меня г. Гемпелю, и онъ, прочитавъ мой незаконный видъ и письмо редакціи «Русской Бесѣды», отпустилъ меня — безъ всякихъ поученій. Когда я не согласился на эту милость и просилъ пригласить г. прокурора, меня повели къ управляющему губерніей, который и приказалъ засадить меня вновь въ полицію. Только уже 24-го числа г. Гемпель выпустилъ меня — но не предлагая одного рубля *на бѣдность*, не говоря наставленій и безъ всякой моей просьбы. Въ ночь съ 22-го на 23-е августа, меня дѣйствительно перемѣстили въ арестантскую; но г. полиціймейстеръ (узнавъ объ этомъ 23-го числа), не повѣрилъ словамъ десятскаго, будто-бы я хотѣлъ выпрыгнуть въ окно со втораго этажа, безъ сапогъ и поддѣвки, которыя я снялъ на ночь. Притомъ, я долженъ замѣтить, что я г. полиціймейстера никакъ не обвиняю въ томъ, что онъ засадилъ меня въ арестантскую: засадилъ меня г. Федосѣевъ, по рассказамъ десятскаго; не обвиняю и десятскаго, который могъ думать, что я дѣйствительно хочу выпрыгнуть въ окно. Одно мнѣ кажется страннымъ: тогда г. полиціймейстеръ, не зная меня, не вѣрилъ въ мое покушеніе выпрыгнуть въ окно; да, еслибы повѣрилъ, то, вѣроятно бы и не выпустилъ изъ-подъ ареста. *Теперь же*, зная обстоятельно, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и что я не бродяга, утверждаетъ, что я «отворилъ окно и свѣсилъ ноги, намѣреваясь, вѣроятно, выпрыгнуть».

Г. полиціймейстеръ по секретной бумагѣ изъ верровскаго орднунгсъ-герихта, могъ, по своей пронидательности, подозрѣвать меня, могъ меня посадить и въ третій разъ въ полицію; но я прошу его припомнить, что я именно ему объявилъ, гдѣ я перемѣнилъ поддѣвку на худой кафтанъ, а именно въ Люботовѣ,

у мужика, а не въ кабацѣ и не въ Исковѣ; какъ же онъ пишетъ: «по справкамъ оказалось, что онъ (г. е., я) былъ въ одномъ кабацѣ и заложилъ тамъ свою плисовую поддѣвку». Эта справка *нелърна*. Я прошу его повѣрить эту *справку*, тѣмъ болѣе, что это, кажется, можетъ повести къ открытію преступленія. Развѣ такимъ образомъ производятся слѣдствія и справки по важнымъ уголовнымъ дѣламъ?

«Тутъ же я замѣтилъ г. Якушкину» пишетъ г. Гемпель, «что онъ въ нетрезвомъ видѣ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что всѣ умные люди любятъ выпить». Этому я не могъ отвѣчать, потому что не получалъ отъ него такого замѣчанія. Вотъ доказательство: когда меня вытаскили изъ вагона, частный приставъ обратился къ начальнику псковской станціи на желѣзной дорогѣ и требовалъ, чтобъ взятый мною билетъ на проѣздъ оставался и на будущее время дѣйствительнымъ; это требованіе не было уважено, билетъ могъ служить на проѣздъ только 26-го августа. Но начальникъ станціи и другіе служащіе на желѣзной дорогѣ могутъ засвидѣтельствовать, что я такого замѣчанія получить не могъ. Оборваннымъ я ходилъ; но когда же видѣлъ меня пьянымъ г. полиціимейстеръ? Въ полиціи я напиться не могъ, а въ другомъ мѣстѣ мы съ нимъ не встрѣчались.

Я бы рѣшительно не скрылъ этого обстоятельства, еслибъ оно только было. По роду моихъ занятій, мнѣ приходится бывать и на свадебныхъ, крестьянскихъ попойкахъ, записывать пѣсни и въ кабакахъ и въ трактирахъ. Да, именно *въ кабакахъ*. Я нѣсколько лѣтъ сряду, по порученію П. В. Кирѣевского, ходилъ по Россіи разнощикомъ, съ коробкою, слѣдовательно подвергался всѣмъ внѣшнимъ неудобствамъ такого грубаго образа жизни; за то былъ вознагражденъ обиліемъ пѣсенъ и сказаній, записанныхъ мною нерѣдко въ какомъ-нибудь темномъ углу кабака или подвала, отъ подпившаго странника или гуляки. Очень часто случалось съ нимъ и выпить.

Когда меня привели къ нему, взявши изъ вагона, г. Гемпель былъ очень-любезенъ, приглашалъ меня выпить у него чаю (отъ чего я отказался) и велѣлъ *выдать на мое содержаніе одинъ рубль серебромъ*, сказавъ, что по закону мнѣ должно выдавать по чину сколько-то копеекъ въ день; этотъ рубль былъ переданъ отъ него Ѳедосѣву. Не объ этомъ ли рублѣ упоминаетъ г. полиціимейстеръ? Этотъ рубль я не замедлю возвратить г. Гемпелю — но я не предполагалъ, что онъ тратилъ деньги на мое содержаніе изъ суммъ наказанныхъ. Если мой послѣдній визитъ къ

г. полиціймейстеру онъ считаетъ за прощальный визитъ, я очень радъ, что онъ ему такимъ показался; къ-несчастію, я не могу не признаться въ истинѣ. Дѣло было вотъ какъ: г. полиціймейстеръ послалъ мой билетъ, когда меня уже выпустили изъ полиціи (на шестой, а не черезъ три дня, какъ увѣряетъ г. Гемпель), на станцію желѣзной дороги, для обмѣна на новый; я остался у унтеръ-офицера Федосѣева ждать посланнаго. Когда присланъ былъ отвѣтъ въ полицію, а оттуда къ полиціймейстеру, я пошелъ къ нему; но вмѣсто новаго билета получилъ — прежній, старый, недѣйствительный. *Никакихъ трехъ рублей семи копеекъ я отъ него никогда не получалъ.* Это даже гвардейски нелюбезно.

Я зналъ, что на рубль серебромъ поить чаемъ, кормить обѣдомъ и ужиномъ нельзя; г. Федосѣевъ меня и кормилъ и поилъ, а потому я считалъ себя обязаннымъ благодарить его: онъ человѣкъ небогатый, и я ему предложилъ выслать изъ Москвы десять рублей, пзъ которыхъ часть просилъ употребить на угощеніе его товарищей. Но такъ-какъ мое обѣщаніе отблагодарить его могло показаться невѣрнымъ и пустословнымъ, ибо я уѣзжалъ совсѣмъ вонъ изъ Пскова, то мнѣ захотѣлось дать г. Федосѣеву, не смотря на его отказы, письменное удостовѣреніе въ томъ, что эти деньги будутъ ему непременно доставлены. Вслѣдствіе этого я оставилъ ему *росписку* въ томъ, что я *долженъ ему десять рублей*, которые обязуюсь отдать къ январю или декабрю, навѣрное не помню. Непонятно, почему г. полиціймейстеръ не упомянулъ *ни слова* объ этой роспискѣ, которая, даже и въ томъ случаѣ, еслибы и дѣйствительно я *взялъ* деньги у Федосѣева, свидѣтельствуетъ, что въ этомъ дѣлѣ не было съ моей стороны никакого затаеннаго, худаго умысла. Напрасно г. полиціймейстеръ заботился объ уплатѣ этихъ денегъ изъ своего жалованья. Деньги г. Федосѣеву высланы мною 31-го октября сего года (слѣдовательно, прежде появленія статьи г. Гемпеля въ *Петербургскихъ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и до истечения срока), въ чемъ имѣется и росписка московскаго почтамта за № 20.

Напрасно также г. Гемпель старается увѣрить, что ему трудно бороться со мною, и выставляетъ свое положеніе какъ бы беззащитнымъ: поле голословныхъ обвиненій обширно, и я болѣе отвѣчать г. Гемпелю не буду.

Предоставляю теперъ самой публикѣ судить, въ какой степени оправданіе г. псковскаго полиціймейстера выдерживаетъ критику. По моему мнѣнію, поступки полиціи остаются все тѣми

же произвольными; справки по уголовнымъ дѣламъ непрестанно опрѣмечивыми; жесвидѣтельство, о которомъ я говорю въ своей статьѣ, возмутительно-легкимъ, а арестантское помѣщеніе при полиціи все также похожимъ на коровій хлѣвъ или собачью конуру.

ПАВЕЛЪ ЯКУШКИНЪ.

6-го ноября 1859 года. Москва.

Р. С. Надѣюсь, что всѣ журналы, помѣстившіе статью г. Гемпеля, перепечатаютъ и мой отвѣтъ ему.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Зима. — Картина издали и вблизи. — Кадриль въ честь императорскаго принца. — Благоразуміе лѣтописца. — Возвращеніе русской миссіи изъ Пекина. — Мандаринъ и остроуміе. — Новая Венера въ Петербургѣ. — Вступительная лекція г. Костомарова. — Публичныя лекціи. — Русское музыкальное общество и его начинающаяся дѣятельность. — Пятидесятилѣтіе корпуса инженеровъ путей сообщенія и его института. — Столѣтіе со дня рожденія Шиллера. — Письмо Н. В. Гербеля въ Марбахъ — Адресъ московскаго комитета для празднованія столѣтней годовщины рожденія Шиллера. — Новое приобрѣтеніе въ императорской публичной библіотекѣ. — О михайловскомъ театрѣ. — Великолѣпная компанія или золотой полу-вѣкъ. — Новыя книги.

Снѣгомъ покрыло всѣ тѣ маленькія уличныя неудобства, за которыя досталось такъ порядкомъ компаніямъ освѣщенія Петербурга и снабженія его водою, и мы убѣждены, что у насъ зима. Нѣтъ сомнѣнія, что пламенное воображеніе жителя какой-нибудь отдаленной губерніи рисуетъ ему петербургскую зиму чѣмъ-то необычайно очаровательнымъ. Онъ видитъ изъ своего далека: тысячныхъ рысаковъ летающихъ по невскому проспекту и дворцовой набережной, чудныхъ красавицъ и величественныхъ джентльменовъ; безконечно длинный обѣдъ въ ярко освѣщенной залѣ, гдѣ сыплется остроуміе, украшая глубокомысленнѣйшіе толки о политикѣ, оперѣ и литературѣ; видитъ великолѣпную сцену, на которой все или изящно, или трогательно, или смѣшно; балъ, гдѣ роскошь споритъ съ красотой, маскарады съ очаровательнѣйшими и умнѣйшими масками, пикники, дружескія ужины у Дюссо и Бореля и т. д... Вблизи, увы! зачѣмъ я долженъ сказать это, — вблизи картина нѣсколько измѣняется. Дѣйстви-

тельно на невомскомъ проспектѣ и на дворцовой набережной встрѣчаются и тысячные рысаки и чудныя красавицы и величественныя джентлмены; но тутъ же плетутся и извозничьи клячи и личности, вовсе не чудныя и не величественныя. Бываютъ обѣды и въ ярко освѣщенной залѣ, бывасть и остроуміе и глубокомысліе; но обѣдаютъ и въ темныхъ углахъ, не обходится дѣло и безъ тупоумія и пошлости. На сценѣ трогательное часто смѣшно, а отъ смѣшнаго хотъ плачь. На балахъ не все красота, попадаются и такія лица, что ой-ой-ой! Маски часто прикрываютъ безобразіе и желаніе хотъ поужинать на чужой счетъ, если нельзя ничего больше, и такимъ образомъ на прелестной и свѣтлой картинѣ, созданной пылкимъ воображеніемъ, много темныхъ пятенъ, такъ много, что петербуржець смотритъ на нее весьма равнодушно... Это не мѣшаетъ, однакожъ, петербургской элитѣ быть все-таки самымъ оживленнымъ временемъ, когда общественная жизнь и всѣ публичныя удовольствія принимаютъ возможно широкіе размѣры. Театры, отъ оперы до коннаго цирка, отворяютъ свои сокровищницы къ общему наслажденію; безчисленное множество бенефисовъ дарятъ публику новыми цвѣтами драматическаго искусства, требуя только вниманія, любви къ изящному, справедливаго суда и... денегъ. Удовольствіе говорить о богатствѣ драматическихъ сокровищницъ я откладываю до слѣдующей книжки, а теперъ лѣтопись моя да наполнится другими фактами. Въ клубахъ балы слѣдуютъ за базами; въ мирѣ полекъ, вальса и кадрили появилась новость, подъ громкимъ названіемъ: *Le Prince Impérial*; новый кадрили этотъ, сочиненный парижскими профессорами танцевъ, прінять уже и у насъ вѣроятно....

Боги! что я дѣлаю?! Я осмѣлился говорить о танцѣ... и когда же? Въ то время, когда каждый гимназистъ занятъ серьезными вопросами объ эмансипаціи, гласности и другихъ болѣе или менѣе важныхъ предметахъ... Говорить о новомъ танцѣ, когда можно было бы, напимѣръ, обличать извозчиковъ, несоблюдающихъ установленную таксу; водовозовъ, которые по невѣжеству и небрежности, обливаютъ и грязнятъ черныя лѣстницы; двухъ джентлменовъ, затѣявшихъ въ Большомъ театрѣ потасовку и проч. и проч. Вижу грозные взгляды, вижу недовольныя лица и, стыдясь собственной фривольности, рѣшаюсь говорить о предметахъ только серьезныхъ.

Въ концѣ октября возвратилась въ Петербургъ изъ Пеклина наша миссія, пробывшая тамъ десять лѣтъ. Кажется, говорятъ

газеты, что ни одна изъ прежнихъ нашихъ миссій не оставила столько своихъ членовъ на русскомъ кладбищѣ, какъ нынѣшняя. Возвратились только архимандритъ Палладій, іеромонахъ Евлампій, студентъ Храповицкій, лѣкарь Базилевскій и живописецъ Чмутовъ. Миссія наша оставила Пекинъ прежде разбитія китайцами англійской эскадры въ Байхэ, а потому не можетъ дополнить газетныхъ извѣстій изустнымъ рассказомъ. Говорятъ однакожь, что Пекинъ разрушается отъ безпечности манчжурскаго правительства, и это равнодушіе чуть ли не предсказываетъ чего-нибудь роковаго.

Надѣюсь, что, сообщивъ моимъ читателямъ такое серьезное извѣстіе, я имѣю право рассказать анекдотъ, доказывающій что и въ Пекинѣ есть очень остроумные люди. Дѣло въ томъ, что въ Пекинѣ издавался каррикатурный журналъ, въ которомъ довольно часто появлялся въ разнообразныхъ видахъ одинъ мандаринъ, надзиравшій за правосудіемъ. Мандаринъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе и пожаловался на издателя каррикатурнаго журнала. Издателя потребовали въ судъ.

— Отчего вы, спросили его, безпрестанно и въ разныхъ видахъ представляете извѣстнаго и заслуженнаго мандарина?

— Я не виноватъ, отвѣчалъ остроумный издатель: что сей многоуважаемый мандаринъ принимаетъ каждое животное, нарисованное въ моемъ журналѣ, за свой портретъ.

Къ свѣдѣнію любителей изящныхъ искусствъ вообще и древней скульптуры въ-особенности, я могу сказать, что въ Петербургъ привезено недавно изъ Италіи замѣчательное произведеніе древняго ваянія — статуя Венеры. Она приобрѣтена, при посредствѣ князя Г. П. Волконскаго, кажется, за сорокъ тысячъ франковъ и помѣщена теперь въ верхнемъ отдѣленіи императорскаго эрмитажа. Мнѣ не удалось еще видѣть это, по отзывамъ многихъ, замѣчательное произведеніе древняго Рима; да еслибъ и удалось, я, все таки, не взялся бы высказать свое мнѣніе, предоставляя это знатокамъ; но во всякомъ случаѣ радуюсь такому приобрѣтенію. Венера *эрмитажная*, какъ называютъ ее нѣкоторые, составитъ новое и отрадное украшеніе императорскаго эрмитажа и займетъ, какъ слышно, весьма почетное мѣсто въ ряду имѣющихся уже у насъ драгоценностей. Дай Богъ по больше такихъ приобрѣтеній.

Съ особеннымъ удовольствіемъ записываю въ свою лѣтопись отрадное явленіе общаго сочувствія къ тѣмъ истиннымъ дѣя-

телямъ и двигателямъ науки, которые служатъ ей и обществу честно и энергично. Н. И. Костомаровъ, опредѣленный въ здѣшній университетъ, профессоромъ на кафедре русской исторіи, читалъ, 20-го ноября, первую, вступительную лекцію. Не разбирая внутренняго содержанія этой прекрасной лекціи, съ которымъ познакомятся сами читатели, я скажу только два слова о неотъемлемыхъ достоинствахъ ея внѣшней стороны. Н. И. Костомаровъ говорилъ мастерски: краснорѣчиво, громко и внятно. Каждое слово было взвѣшено и умѣстно; каждое слово ловилось многочисленными слушателями, наполнявшими всю большую залу здѣшняго университета. Восторгу студентовъ не было границъ; они видѣли, что человѣкъ, составившій уже себѣ громкую и почетную извѣстность своими учеными, историческими сочиненіями, владѣеть прекрасно и живымъ словомъ и слѣдовательно соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія, чтобы сдѣлаться полезнымъ, любимымъ и уважаемымъ руководителемъ молодежи, жаждущей свѣта ученія. Въ этомъ единодушномъ, неподдѣльномъ и горячемъ энтузіазмѣ каждый видитъ, конечно, залогъ будущаго успѣха.

Было время, еще весьма недавно, когда публичная лекція составляла въ Петербургѣ рѣдкость, на которую, по крайней мѣрѣ половина почтеннѣйшей публики смотрѣла почти также, какъ смотрѣла она на какую-нибудь *женщину съ рыбыми зостомъ* или какъ смотритъ теперь на китайскихъ фокусниковъ. Да и лекціи-то, сказать правду, частенько бывали съ грѣхомъ пополамъ. Теперь публичныя лекціи получили у насъ уже прочную гражданственность и истинное значеніе. Даровитѣйшіе профессоры принимаютъ на себя публичныя чтенія, слушателями являются люди искренно желающіе поучиться и въ Петербургѣ открывается цѣлый рядъ публичныхъ лекцій. Кромѣ г. г. Ходнева, Целикана и Ленца, уже пзвѣстныхъ Петербургу по лекціямъ въ пассажѣ, за которыя должно благодарить предпринчивый и во многихъ отношеніяхъ полезный, торговый домъ Водова, Похитонова и Струговщикова, публичныя лекціи будутъ читать г. г. Стасюлевичъ, Благовѣщенскій, Никитенко и Лохвицкій. А. В. Лохвицкій будетъ читать о правдѣ и правосудіи, лекціи такого содержанія пригодятся, конечно, многимъ; содержаніе ихъ составляетъ одинъ изъ живѣйшихъ вопросовъ нашего времени и, по всей вѣроятности, за слушателями дѣло не станетъ. А. В. Лохвицкій уже доказалъ своими юридическими сочиненіями несомнѣнное и яркое дарованіе въ изложеніи и

отличное знаніе своего дѣла, а слѣдовательно смѣло можно про-
рочить ему блистательный успѣхъ.

И въ мірѣ музыкальномъ есть отрадный фактъ стремленія
къ совершенствованію. Недавно учрежденное «Русское Музы-
кальное Общество» уже открыло свою дѣятельность. Вотъ нѣ-
сколько словъ объ этомъ обществѣ. Составляясь изъ артистовъ
и любителей музыки, оно управляется пятью директорами: Гра-
фомъ Віельгорскимъ, В. А. Кологривовымъ, А. Г. Рубинштей-
номъ, Д. В. Каншинымъ и Д. В. Стасовымъ.

«Цѣль общества, говорится въ уставѣ его, высочайше утвер-
жденномъ 1-го мая нынѣшняго года, — развитіе музыкальнаго
образованія и вкуса къ музыкѣ въ Россіи и поощреніе отече-
ственныхъ талантовъ.»

Для достиженія этихъ цѣлей, общество:

а) Исполняетъ, въ возможномъ совершенствѣ, лучшія про-
изведенія музыки инструментальной и вокальной, какъ-то: сим-
фоніи, увертюры, квартеты, тріо, ораторіи, мессы, кантаты и
проч.

б) Доставляетъ отечественнымъ композиторамъ возможность
слышать свои произведенія въ исполненіи.

в) Назначаетъ конкурсы для музыкальныхъ сочиненій и от-
личившимся выдаетъ золотыя и серебряныя медали, похваль-
ныя листы и денежныя преміи.

г) По мѣрѣ развитія своихъ средствъ, оказавшимся особенно
способными, какъ въ музыкальномъ сочиненіи, такъ и въ испол-
неніи (въ пѣніи или игрѣ на какомъ-либо инструментѣ), обще-
ство выдаетъ денежныя и другія преміи, на свой счетъ печатаетъ
замѣчательнѣйшія музыкальныя произведенія русскихъ
авторовъ, по взаимному ихъ соглашенію, посылаетъ за-границу
для усовершенствованія и проч.

д) Для доставленія желающимъ заниматься музыкою возмож-
ныхъ къ тому средствъ, при обществѣ находится музыкальная
библіотека, и выписываются важнѣйшія музыкальныя газеты и
журналы.»

Нѣтъ сомнѣнія, что такое общество встрѣтитъ общее уча-
стіе во всѣхъ концахъ Россіи. Съ прошлаго мѣсяца (23-го ноя-
бря) начались музыкальные вечера, которые и будутъ продол-
жаться постоянно по понедѣльникамъ, въ восемь часовъ вечера,
въ залѣ благороднаго собранія. Желающихъ быть членами об-
щества просятъ адресоваться за билетами, ежедневно, утромъ
до двухъ часовъ: къ директору общества А. Г. Рубинштейну,

на Фонтанкѣ, у семеновскаго моста, въ домѣ Кандаурова; въ музыкальные магазины: Стелловскаго, Бернарда, Бютнера, Брандуса; къ директору общества Д. В. Коншину, на васильевскомъ островѣ, въ загибениномъ переулкѣ, въ домѣ Красильникова. Къ нему же просятъ адресоваться и гг. иногородныхъ.

23-го же ноября, въ понедѣльникъ, было праздновано пятидесятилѣтіе со дня учрежденія корпуса инженеровъ путей сообщенія и его института. Празднество это открылось молебствіемъ въ церкви института въ присутствіи многихъ бывшихъ воспитанниковъ этого заведенія. Послѣ молебствія, въ большой залѣ института были прочтены отчетъ о состояніи института и корпуса инженеровъ путей сообщенія, съ 1809 по 1859 годъ и приказъ о всемилоствѣйшихъ наградахъ разнымъ лицамъ института. Затѣмъ послѣдовалъ завтракъ съ тостами и краткими речами, приличными настоящему торжеству.

Говоря объ этомъ празднествѣ я невольно вспоминаю и о другомъ празднествѣ, имѣвшемъ мѣсто чуть ли не во всѣхъ углахъ Европы, а между прочимъ и въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ двухъ столицахъ, Москвѣ и Петербургѣ. Рѣчь идетъ, какъ догадывается вѣроятно читатель, о празднованіи столѣтія со дня рожденія Шиллера. Въ сравненіе съ празднествами, какія были устраиваемы въ Германіи и даже Лондонѣ, наше, конечно, теряется; дѣло ограничивалось скромнымъ, болѣе семейнымъ вечеромъ въ небольшомъ кружку соотечественниковъ великаго поэта и его почитателей; но и оно показало, что память Шиллера священна и для насъ. Н. В. Гербель, издатель и редакторъ шиллеровыхъ произведеній въ переводѣ русскихъ писателей, отослалъ шесть томовъ своего изданія, въ роскошномъ переплетѣ въ городъ Марбахъ (мѣсторожденія Шиллера) въ комитетъ, образовавшійся тамъ для празднованія помянутаго юбилея, при слѣдующемъ письмѣ:

«Наступающій столѣтній юбилей рожденія Шиллера празднуется всѣми образованными народами Европы. Сочувствіе къ великому поэту отозвалось и у насъ. Мы съ дѣтскихъ лѣтъ учили его стихи, смотримъ на сценѣ его драмы; влияние его на молодую русскую литературу было сильно и благотворно. Въ послѣднее время сдѣлалось возможнымъ издать полное собраніе сочиненій Шиллера въ русскомъ переводѣ. Счастливый трудъ этотъ, въ которомъ приняли дѣятельное участіе наши лучшіе поэты, выпалъ на мою долю. Онъ еще не исполнѣнъ окончень; но вышедшіе доселѣ шесть томовъ я рѣшился переслать вамъ, яв-

лостивые государи, какъ послыную дань моего благоговѣйнаго поклоненія гению Шиллера, и свидѣтельство, что имя его читится и въ Россіи на равнѣ съ націями, опередившими наше отечество въ наукѣ и искусствѣ.

Николай Гербель.»

Кстати, вотъ адресъ, при которомъ посланъ въ Марбахъ рисунокъ колокола, отливаемого комитетомъ шиллеровскаго праздника въ Москвѣ.

«Духовнымъ и свѣтскимъ начальствамъ города Марбаха.

«Милостивые государи! покидая отчизну, нѣмецъ, подобно колонистамъ древней Эллады, уносить съ собой священный огонь роднаго очага, огонь отечественной образованности и нравственности, и завѣщаетъ дѣтямъ и внукамъ тщательно хранить его, какъ свое лучшее достояніе. Гдѣ бы онъ ни поселился, онъ вездѣ хранить и распространяетъ высокое уваженіе къ двумъ гениямъ своего народа, которые, подобно Диоскурамъ, свѣтятъ ему и на чужомъ небосклонѣ. Сегодня исполнилось столѣтіе, съ тѣхъ поръ, какъ возшла въ нашемъ нѣмецкомъ отечествѣ самая блестящая звѣзда этого двойственнаго созвѣдія, съ тѣхъ поръ какъ родился, въ богатой пѣсниахъ Швабіи, самый національный поэтъ нашъ, Фридрихъ Шиллеръ. Восторгъ, потрясающій всю Германію, 10-го ноября текущаго года, одушевляетъ и нѣмецкихъ обитателей древней столицы — Москвы. Желая принести своему кровному отечеству залогъ сердечнаго почтенія, они единогласно рѣшили: вылить колоколъ, воспѣтый поэтомъ, окрестивъ его именемъ «Concordia», и этимъ свидѣтельствомъ своего почтенія украсить тотъ городъ, гдѣ была колыбель Шиллера. Еще не совсѣмъ отлитый, онъ не можетъ исполнить своего перваго назначенія — возвѣститъ о великомъ, всеобщемъ, національномъ праздествѣ. Но хотя онъ дойдетъ къ вамъ и поздно, когда уже умолкнетъ благовѣсть праздника, мы тѣмъ не менѣе просимъ васъ, милостивые государи, радушно принять этотъ даръ нашей любви, и предварительно посылаемъ вамъ рисунокъ, чтобы вы могли вывѣсить его въ самый день праздника, въ томъ храмѣ, который впослѣдствіи украсится колоколомъ, какъ приношеніемъ отдаленныхъ соотечественниковъ. Пусть раздается со временемъ благовѣсть его по благословеннымъ нивамъ отечества, возвѣщая, что благороднѣйшему изъ сыновъ Марбаха, благороднѣйшему изъ пѣвцовъ Германіи, пламенно сочувствуютъ и на дальней чужбинѣ. Пусть

напоминаетъ онъ своимъ именемъ о томъ, чего не достаетъ Германіи,

«— und dauern noch in späten Tagen,
 «Und rühren vieler Menschen Ohr.
 «Sie mög' mit dem Betrübten klagen
 «Und stimmen zu der Andacht Chor.
 «Zur Eintracht, zu herzinnigem Vereine
 «Versammle sie die liebende Gemeinde.»

Поклонъ и радостный привѣтъ нашимъ дорогимъ землякамъ на родинѣ Шиллера!

Московский комитетъ для празднованія столѣтней годовщины рожденія Шиллера.

На рисунокѣ изображено: на одной сторонѣ колокола надпись: «Concordia», подъ нею портретъ поэта, а внизу въ стихахъ надпись: Zur Eintracht, zu herzinnigem Vereine, versammle sie die liebende Gemeine». На другой сторонѣ раскрытая книга со словами: «Vivos vđco, mortuos plango», а подъ нѣмъ надпись: Der Heimath Schillers von seinen Verehren in Moscau, 10. November 1859.

Императорская Публичная Библіотека сдѣлала весьма драгоценное приобрѣтеніе; вотъ нѣсколько словъ по этому предмету, занимающихся мною изъ отчета Библіотеки:

Извѣстный всему ученому міру обширными путешествіями, совершенными по Европѣ и по Востоку, лейпцигскій ученый Константинъ Тишендорфъ, въ прошломъ году предложилъ предпринять, подъ покровительствомъ и на издѣніе русскаго правительства, новую поѣздку на Востокъ, для отысканія въ греческихъ, сирійскихъ, коптскихъ и абиссинскихъ монастыряхъ, равно какъ и въ частныхъ собраніяхъ, древнихъ памятниковъ письменности и, въ случаѣ возможности, для приобрѣтенія ихъ въ собственность Россіи. По принятіи нашимъ правительствомъ этого предложенія, г. Тишендорфъ отправился на Востокъ и, послѣ годового тамъ пребыванія, на дня пріѣхалъ въ Петербургъ. Результаты этой его поѣздки превзошли всѣ ожиданія и должны привлечь на себя общее вниманіе. Нѣсколько дней тому назадъ, почтенный путешественникъ имѣлъ счастье представлять болѣе-замѣчательныя изъ своихъ находкаъ, въ Царскомъ Селѣ, Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Государю Наслѣднику Цесаревичу, а затѣмъ устроена была въ рукописной загѣ Императорской Публичной Библіотекѣ выставка этихъ драгоценностей, къ осмотру которой допускаясь всѣ желающіе ежеднев-

но, отъ 12 до 2 часовъ, безъ билетовъ и безъ всякаго особаго разрѣшенія, до 1-го декабря.

Въ составѣ этой выставкѣ мы назовемъ, сперва, *палим-сесты*, которые, во всѣхъ европейскихъ библіотекахъ, причисляются къ величайшимъ драгоценностямъ. Ихъ здѣсь двѣнадцать и въ томъ числѣ нѣскольکو сирійскихъ, которыхъ стертое коптски-греческое письмо, въ три столбца, свидѣтельствуеъ о ихъ глубочайшей древности.

Греческіе манускрипты тишендорфскаго собранія написаны, частью унциальнымъ (крупнымъ) шрифтомъ, употреблявшимся въ первыя столѣтія по Рождествѣ Христовѣ, частью же позднѣйшимъ, менѣе крупнымъ.

Чрезвычайно важны также *рукописи восточныя*. Нѣскольکو сирійскихъ и коптскихъ написаны тому назадъ болѣе тысячи лѣтъ. Между коптскими очень замѣчательны отрывки на *сасидійскомъ* нарѣчій, изъ житія св. Виктора, найденные въ христіанской мумійскоіи гробницѣ V столѣтія, близъ древняго Мемфиса. Въ числѣ арабскихъ манускриптовъ, одинъ, принадлежащій, по означенному на немъ числу, къ 279 году гижры (892 году по Р. Х.), содержитъ въ себѣ посланія апостола Павла, переведенныя съ древнѣйшаго сирійскаго переложенія. Очень замѣчательна еще дарственная запись, около двадцати аршинъ длиною, выданная, 350 лѣтъ тому назадъ въ Іерусалимѣ, одной мечети на земляныя угодыя.

Сверхъ многихъ *абиссинскихъ, еврейскихъ и армянскихъ* рукописей, которыя почти всѣ на пергаментѣ, обращаютъ на себя особенное вниманіе два листа, также на пергаментѣ, самаританскаго Пятикнижія, приобрѣтенные въ Неаполисѣ (древнемъ Си-кемѣ).

Еще отдаленнѣйшей эпохѣ принадлежатъ происходящія изъ Египта древности. Первое мѣсто между ними два *пальтурские свитка*: одинъ іератическій, другой греческій.

Любопытны также: нѣскольکو небольшихъ, деревянныхъ, греческихъ надгробныхъ памятниковъ, между которыми одинъ былъ поставленъ надъ прахомъ собаки, умершей на шестомъ году; *коптскія* начертанія на камнѣ и *демотическія* на черепкахъ; наконецъ, по всему вѣроятію, единственная своею древностью *греческая астролябія*, едва ли не IV вѣка.

Но мы еще не назвали драгоценнѣйшей жемчужины изъ всего собранія, привезеннаго Тишендорфомъ — древнѣйшей для всего христіанскаго міра, необычайно важной греческой рукописи,

заключающей въ себѣ, сверхъ значительныхъ отрывковъ Ветхаго Завѣта, по переводу семидесяти толковниковъ, весь Новый Завѣтъ.

Эта рукопись, являющаяся, по прошествіи тысячи пятисотъ лѣтъ, живымъ свидѣтельствомъ великаго значенія апостольскаго благовѣтствованія между первоначальными христіанами, предвѣщанна спнайскимъ братствомъ въ даръ Его Императорскому Величеству, какъ покровителю и оплоту православной церкви. Приобрѣтеніе этого сокровища доставляетъ нашей сѣверной столицѣ, безкровную побѣду надъ Римомъ и Лондономъ и Россія, вѣроятно, не случайно избрана хранить въ себѣ эту завѣтную святыню, древнѣйшую хартію священнаго писанія, какъ бы чудомъ промысла пережившую, у подошвы Моисеевой горы, всѣ бури пятнадцати столѣтій.

Михайловскій театръ передѣланъ и отдѣланъ и въ немъ уже отличается наша французская труппа. Но я сказалъ уже — о театрѣ до слѣдующаго раза.

Переходя изъ области науки и искусствъ въ міръ вещественной обыденной нашей жизни, я могу поздравить Петербургъ съ наступающимъ золотымъ вѣкомъ или, по крайней мѣрѣ, съ золотымъ *полувѣкомъ*. Одно изъ злѣйшихъ золъ подсѣкается у самого корня и низвергается въ тартарары, а въ Петербургѣ водворяется спокойствіе и блаженство. Изверги-кухарки, которыя еще такъ не давно подвергались всей тяжести обличенія и горькимъ печатнымъ нарѣканіямъ, эти чудовища, разсердившія сожигательницу одного фельетониста, превращаются въ аркадскихъ пастушекъ и станутъ служить образцами смрненія, доброй нравственности и трудолюбія. Тѣ же, которыя, по упрямству и закоснѣлости, останутся вѣрны своему прежнему, гнѣлому направленію, будутъ изгнаны, посредствомъ полицейскаго жупела, изъ города *dahin, dahin, wo die Citronen....* нѣтъ, не туда; но все равно будутъ изгнаны, слѣдовательно въ Петербургѣ останутся только достойныя. Все сказанное о кухаркахъ примѣняется и къ кучерамъ, поварамъ, горничнымъ и *tutti quanti....* Съ другой стороны будетъ усовершенствована, мало-по-малу, и та половина петербургскаго населенія, которая называется нанимателями, въ просторѣчій: *господами*. Если, напримѣръ, какой-нибудь наниматель или нанимательница окажется, по донесенію трехъ аркадскихъ пастушекъ, недостойнымъ своего великаго званія *господь*, о таковыхъ дѣлается дознаніе!... И

вотъ нѣтъ больше зла на землѣ петербургской! Смотрите г.г. пногородные и поучайтесь!

Къ достиженію такой блестящей будущности нужно принять проектъ *Компаніи взаимнаго соглашенія по присканію прислуги*. Цѣль этой компаніи: 1) доставлять обществу благонадежную прислугу; 2) доставлять прислугѣ мѣста; 3) доставлять прислугѣ помѣщеніе со столомъ, до принсканія мѣста и 4) искоренять въ столицѣ праздношатающихся лицъ низшаго званія.

Для осуществленія своей благой мысли компанія намѣрена выпустить 10,000 акцій, по пятидесяти рублей серебромъ каждая, и такимъ образомъ составить капиталъ въ 500,000 рублей серебромъ.

Сверхъ того компанія будетъ получать слѣдующіе доходы: 1) плата по 5% съ рубля мѣсячнаго жалованья, съ лицъ, отдавшихъ себя (ниже окажется, что *не отдать себя* и нельзя) въ распоряженіе компаніи и имѣющихъ тамъ, во время нахожденія безъ службы, помѣщеніе; 2) плата по 2% съ рубля мѣсячнаго жалованья, съ прислуги, живущей на вольныхъ квартирахъ, но получающей мѣста черезъ компанію; 3) особая единовременная плата съ слугъ, живущихъ на вольныхъ квартирахъ, но получающихъ мѣста черезъ компанію, по двадцати копеекъ серебромъ съ человѣка; 4) плата съ нанимателей прислуги, съ cadaго за годъ впередъ по три рубля серебромъ; 5) штрафы, взыскиваемые съ слугъ за дурное поведеніе и 6) доходъ отъ употребленія въ работы людей, живущихъ въ помѣщеніи компаніи.

Какъ видите, компанія себя не забыла и даже, опасаясь, что, пожалуй, найдется мало охотниковъ воспользоваться ея благодѣяніями, полагаетъ что записку слугъ въ ея контору должно сдѣлать обязательною.... Да и этого показалось ей мало и она предполагаетъ, записавшись въ купцы первой гильдіи, заняться торговлею и завести различныя заведенія: прачешную, швальню, кондитерскую.... Кто знаетъ будущее? Можетъ быть компанія заведетъ трактиры, фабрики, заводы и, наконецъ, такия заведенія, о которыхъ теперь и не вспомнимъ.

Расходы компаніи заключаются въ издержкахъ: 1) по управленію предпріятіемъ и 2) по устройству помѣщеній для прислуги, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, общимъ столомъ, баней и портмоной.

Компанія даетъ прислугу съ ручательствомъ и съ книжкой, за свою печатью, въ которой записывается условія найма и аттестуется поведеніе слуги. Слуга, помѣщенный компанією на

мѣсто не можетъ оставить его раньше года безъ особенно уважительныхъ причинъ. Хорошій слуга получаетъ похвальный листъ и награды двадцать пять рублей серебромъ, если прослужить на одномъ мѣстѣ десять лѣтъ, пятьдесятъ рублей серебромъ, если прослужить на одномъ мѣстѣ пятнадцать лѣтъ и пенсію, равняющуюся годовому жалованью, если прослужить на одномъ мѣстѣ двадцать лѣтъ. Провинившійся въ чемъ-либо платитъ въ первый разъ мѣсячное жалованье, во второй, кромѣ денежнаго штрафованія, отсылается въ полицію, подъ арестъ отъ семи дней до одного мѣсяца, или въ исправительное заведеніе; въ третій отправляется въ земскій судъ для высылки изъ города. Если одинъ и тотъ же наниматель сдѣлаетъ нѣсколько дурныхъ аттестацій и на него поступятъ отъ слугъ жалобы, то компанія дѣлаетъ о такомъ дознаніе.... И за всѣ эти безкорыстныя и великія услуги человѣчеству, компанія проситъ только *приваллеити на пятьдесятъ лѣтъ*. Кухарки могутъ преодолѣть свойственную имъ скромность и, сдѣлавъ приличный книксенъ, поблагодарить новую компанію. Очень хорошая компанія!

Оставляя шутки, свои и новой компаніи, должно сознаться: что мысль улучшить взаимныя отношенія нанимателей и слугъ—мысль благая, но выполненіе ея довольно трудно, если возможно. Желательно было бы, чтобы за него взялись люди, думающіе о пользѣ общей, а не о собственной....

Вотъ перечень книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время:

Шестой томъ *Сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей*, изданіе Н. В. Гербеля.

Землеводные Азіи 2-й томъ. Риттера.

Институты императора Юстиніана.

Начальныя основанія физики. Писаревскаго.

Ботаника. Диппеля.

Итальянскій вопросъ г. Г., изд. Водова, Струговицкова и Пахитонова, съ картою Италіи на двухъ большихъ листахъ.

Е. МОЛЕРЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Публикуя въ 1858 году программу нашего журнала, мы не давали подписчикамъ никакихъ положительныхъ обѣщаній. Тѣмъ не менѣе мы сами чувствуемъ, что благосклонное вниманіе, которымъ публикѣ угодно было встрѣтить наше предпріятіе, не вполне оправдано «Русскимъ Словомъ». Исчисляя причины, препятствовавшія изданію нашему быть тѣмъ, чѣмъ мы сами желали его видѣть, мы считаемъ неумѣстнымъ. вмѣсто не ведущихъ ни къ чему оправданій прошлаго, мы представимъ только перечень мѣръ, принятыхъ для будущаго съ цѣлью сдѣлать намъ журналъ достойнымъ средоточіемъ ученой и литературной дѣятельности нашихъ писателей. Этотъ перечень достаточно объяснитъ и направленіе нашего журнала: имена, извѣстныя и любимыя публикой, говорятъ за себя лучше всякихъ программъ, невозможныхъ въ тѣсныхъ предѣлахъ журнальнаго объявленія.

Съ іюля мѣсяца нынѣшняго года составъ редакціи подвергся коренному преобразованію. Редакція вошла въ непосредственныя сношенія съ лучшими нашими учеными и литераторами, и сотрудничество ихъ упрочено за «Русскимъ Словомъ». Кроме того, за границей редакція имѣетъ нѣсколькихъ корреспондентовъ въ лицѣ извѣстныхъ иностранныхъ писателей. Читатели наши вѣроятно замѣтили возрастающій съ каждымъ мѣсяцемъ объемъ нашего журнала. Не смотря на такое расширеніе объема, приливъ обѣщанныхъ и заготовленныхъ уже для Русскаго Слова матеріаловъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія и надежды редакціи.

Въ числѣ преобразованій мы укажемъ во первыхъ на введеніе въ первый отдѣлъ постоянныхъ статей О ВОСТОКѢ, при содѣйствіи г. профессора мпрызы **А. К. КАЗЕМЪ-БЕКА**, съ 1860 года исключительно участвующаго въ Русскомъ Словѣ; во вторыхъ, на расширеніе критическаго отдѣла отчетами о замѣ-

чательнѣйшихъ явленіяхъ *Иностранной литературы*, при постоянномъ участіи **М. А. МИХАЙЛОВА**, тоже исключительнаго нашего сотрудника, и въ третьихъ, на увеличеніе иностранной корреспонденціи.

Кромѣ помянутыхъ лицъ, исключительное же участіе въ журналѣ принимаютъ **А. В. ЛОХВИЦКІЙ** и **Я. П. ПОЛОНСКІЙ**.

Изъ постоянныхъ сотрудниковъ нашихъ въ 1860 году перечислимъ тѣхъ, статьи которыхъ находятся уже въ рукахъ редакціи:

По ученой литературѣ:

Н. М. Благовыщенскій: «Взглядъ Грота и Моммзена на Александра Великаго.

Г. Е. Благосвѣтловъ: Кольберъ.

В. И. Водовозовъ: Кольцовъ и Народныя русскія пѣсни.

А. И. Георгиевскій: Очеркъ современной исторіи юдаизма.

А. П. Зернинъ: критическая статья: Русскій расколъ старообрядства.

Д. И. Иловайскій. Рядъ статей подъ заглавіемъ: Матеріалы для русской исторіи. — Ему же будутъ принадлежать критическія и библиографическія статьи по русской исторіи.

И. И. Костомаровъ. Съ февраля мѣсяца въ «Русскомъ Словѣ» начнется печатаніе обширнаго его труда: **Русскіе инородцы**.

А. В. Лохвицкій: Критическія и библиографическія статьи юридическаго содержанія. Кромѣ того рядъ статей: **Обозрѣніе европейскихъ конституцій**.

А. И. Налюмбецкій: Объ изслѣдованіи преступленій въ устномъ и гласномъ судопроизводствѣ.

Р. В. Орвинскій: О народности нынѣшнихъ обитателей Греціи. — Византійскія женщины. — Статьи о новѣйшей германской философіи.

И. И. СЕМЕВСКИЙ: Второй годъ царствованія Елисаветы Петровны.

По изящной словесности:

И. С. ТУРГЕНЕВЪ, отъ котораго мы получили положительное обѣщаніе дать намъ свою повѣсть, давно уже имъ начатую.

Находятся въ редакціи:

Повѣсть госпожи **Кохановской.**

Романъ **М. О. Каменской** (рожденной графини Толстой) «Пятьдесятъ лѣтъ назадъ».

Госпожи **Ковяковой,** автора романа: «Послѣдняя казнь», «Семейство Подошвинныхъ», романъ въ двухъ частяхъ.

А. И. Майкова: большое стихотвореніе «Приговоръ».

М. Л. Михайлова: «Сестра Таня», повѣсть; комедія Тетушка и большіе переводы изъ Гейне.

Ф. А. Рабиновича: «Калейдоскопъ», романъ въ двухъ частяхъ.

И. Ф. Хр—новича небольшой романъ «Митневъ».

Кромѣ того намъ обѣщаны повѣсти и статьи: **Д. В. Григоровича,** **И. И. Лажечникова,** **Я. И. Илонскаго,** **Ф. Г. Толля,** **В. Я. Шульгина** (къ марту мѣсяцу будущаго года) и **И. В. Шелгунова.**

Русское Слово издается не съ промышленною цѣлью. Поэтому, смѣемъ увѣрить нашихъ читателей, — всѣ средства, которыя намъ доставитъ подписка, пойдутъ на улучшение журнала: на расширеніе содержанія и объема литературныхъ и ученыхъ приложений, на приглашеніе новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, какъ внутри Россіи такъ и за границей. Кромѣ того, въ случаѣ успѣха подписки, мы смѣемъ въ виду для нашихъ читателей слѣдующія изданія:

1. Подъ редакцію **И. И. Костомарова** — «Памятники древней русской литературы».

Отд. III.

1/8 10

2. Подъ редакцію **Н. М. БЛАГОВЪЩЕНСКАГО** — «Сборникъ статей по классической древности и литературѣ», подобный Пропилеямъ, издававшимся г. Леонтьевымъ.

Редакторъ и издатель графъ Григорій Кушелевъ-Безбородко.

Съ будущаго года почтовое вѣдомство требуетъ двойную плату за пересылку «Русскаго Слова» и его приложеній. Поэтому подписная цѣна на «Русское Слово» въ 1860 году, **СЪ ДОСТАВКОЮ ПО ПОЧТѢ**, не 16 рублей, какъ было прежде объявлено, а 17 рублей 50 копеекъ. Гг. подписчики, внесшіе деньги прежде этого извѣщенія, добавочной платы за пересылку не доставляютъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ: «Обзоръ современныхъ конституцій (Русское Слово, ноябрь)

напечатано :		должно читать :
Стр.	Строка.	
76	32	конструкціоннаго конституціоннаго
77	3	изложена изложена
98	15	полоса государства полное государство
102	25	движеніе дѣленіе.

Въ статьѣ: «Замѣчанія на статью г. Филипова (Русское Слово, октябрь, отдѣлъ критики)

20	34	демократической тимократической.

Въ декабрьской книжкѣ Русскаго Слова, отдѣлъ III,
102 13 цѣликомъ вполнѣ.

Объ изданіи

ГАЗЕТЫ КАВКАЗЪ

ВЪ 1860 ГОДУ.

Въ 1860 году газета «Кавказъ» будетъ издаваться по той же программѣ, съ которою постоянные читатели ея уже успѣли ознакомиться въ теченіи *четырнадцати* лѣтъ существованія этого мѣстнаго изданія въ краѣ, которому суждена теперь столь отрадная и блестящая будущность.

Редакція этой газеты въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ старалась дать своему изданію направленіе болѣе сообразное съ современными потребностями общественной жизни, давая кавказскимъ своимъ читателямъ всѣ политическія и прочія новости, а иногороднымъ сообщая все интересное о Кавказѣ. Двойственная цѣль эта достигается, по возможности, сообразно объему изданія, не превышающаго, по положенію, *ста* листовъ, а доведеннаго теперешнею редакціею до *ста сорока* листовъ четкаго и убористаго шрифта, что составляетъ почти что вдвое, сравнительно прежнихъ годовъ изданія. Цѣль эта достигнута нами не повышая цѣны и мы будемъ стараться вводить еще улучшенія, сообразно съ средствами, которыми можетъ располагать редакція.

По составу своему газета «Кавказъ» раздѣляется на восемь постоянныхъ отдѣловъ:

I. Правительственныя распоряженія. — Сюда же относятся и *всѣ* Высочайшіе приказы по кавказской Арміи, а также по гражданскому вѣдомству. II. Современная лѣтопись Кавказскаго и Закавказскаго края, заключающая въ себѣ вѣсти изъ разныхъ городовъ и мѣстностей края. III. Извѣстія о Россіи. IV. Политическое обозрѣніе. V. Учено-литературный отдѣлъ, или: а) статьи учено-литературнаго содержанія, преимущественно (но не исключительно) относящіяся до исторіи, этнографіи и статистики Кавказскаго и Закавказскаго края; б) статьи по части изящной словесности, какъ-то: повѣсти, рассказы, стихотворенія, сцены, очерки нравовъ, біографіи, военные анекдоты, путешествія, городскія замѣтки, новости изъ міра наукъ, искусствъ, земледѣлія и промышленности; театральная хроника, бібліографія и т. д. VI. Фельетонъ. Извѣстія о зрѣлищахъ въ Тифлисѣ. VII. Метеорологическія наблюденія тифлисской магнитной обсерваторіи, и наконецъ, VIII. Разныя объявленія и извѣстія о приѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ :

- 1) *Отъ тифлисскихъ подписчиковъ*, въ Тифлисѣ, *исключительно* въ Редакціи, что на Александровской площади.
- 2) *Отъ иногородныхъ подписчиковъ*, въ Тифлисѣ, въ Редакціи газеты «Кавказъ».
- 3) Въ С.-Петербургѣ, въ Газетной экспедиціи.
- 4) Въ Москвѣ, въ Газетной экспедиціи и у комисіонера Императорскаго московскаго университета Ѳ. О. Свѣшнікова.
- 5) Во всѣхъ газетныхъ экспедиціяхъ, находящихся при почтамтахъ.

Подписываться также можно и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ; но за исправное и своевременное доставленіе газеты Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только передъ тѣми подписчиками, которые съ требованіями своими адресовались: въ Тифлисѣ, въ редакцію газеты «Кавказъ».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ :

Годовая цѣна. За газету «Кавказъ» (безъ «Вѣстника» или казенныхъ прибавленій), съ доставкою и пересылкою, 9 рублей, безъ доставки на домъ и пересылки 8 рублей 50 копеекъ; за одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ»), съ доставкою 5 рублей 50 копеекъ, безъ доставки 5 рублей; за газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями, съ доставкою 12 рублей 50 копеекъ, безъ доставки 12 рублей.

Полугодовая цѣна. За газету «Кавказъ», съ доставкою, 5 рублей, безъ доставки 4 рубля 50 копеекъ; за одни казенныя прибавленія, съ доставкою, 3 рубля, безъ доставки 2 рубля 50 копеекъ; за газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями, съ доставкою 6 рублей 50 копеекъ, безъ доставки 6 рублей.

* * Само собою разумѣется, что подписываться должно заблаговременно, дабы получать всѣ выходящіе нумера съ новаго года. Независимо отъ того, на газету «Кавказъ» можно подписываться всегда, съ тѣмъ, что годъ будетъ считаться съ того только №, предъ которымъ поступитъ подписка.

Редакторъ Ѳедотъ Гобылевъ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 12.

Записка кн. С. С. Урусова о его играхъ съ А. Д. Петровымъ. — Побѣды кн. Урусова въ Петербургѣ. — Его партія съ И. С. Шумовымъ. — Двѣ партіи В. М. Михайлова съ Беллотти и г-мъ ***. — Партія Колиша противъ герц. Брауншвейгскаго и гр. *** (игравшими по консультаціи). — Новое рѣшеніе задачи А. Д. Петрова. — Двѣ важныя печатки въ XI номерѣ Листка. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Приступая къ изданію Шахматнаго Листка, мы обращались ко всѣмъ русскимъ любителямъ благородной игры съ просьбою сообщать намъ партіи, задачи и всякаго рода шахматныя статьи. Этимъ самымъ мы приняли на себя обязательство печатать доставляемыя намъ статьи даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ выражаются мнѣнія не совсѣмъ согласныя съ нашими собственными. Отвергнуть хорошую статью потому только, что авторъ ея иначе чѣмъ мы смотритъ на тотъ или другой шахматный вопросъ, было бы крайне неосновательно; не надо забывать, что нашъ Листокъ, какъ единственный шахматный журналъ въ Россіи, долженъ прежде всего дать отечественнымъ любителямъ возможность излагать печатно ихъ мнѣнія о различныхъ предметахъ шахматной спеціальности, совершенно свободно, насколько не стѣсняясь взглядами самой редакціи Листка. Такъ въ настоящемъ номерѣ мы съ большимъ удовольствіемъ помѣщаемъ интересную записку, составленную княземъ С. С. Урусовымъ по поводу его недавнихъ состязаній съ великимъ русскимъ игрокомъ А. Д. Петровымъ, хотя и не вполне раздѣляемъ всѣ мнѣнія почтеннаго автора, какъ можно видѣть изъ сдѣланныхъ нами примѣчаній, относящихся впрочемъ только до нѣкоторыхъ подробностей его статьи. О главномъ же ея предметѣ, т. е. объ игрѣ г. Петрова, мы не считаемъ себя вправѣ судить потому

что имѣемъ въ рукахъ лишь небольшое число его партій. Намъ очень хорошо извѣстно, что г. Петровъ имѣетъ совершенно необычайный талантъ къ игрѣ и принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу величайшихъ шахматныхъ игроковъ всѣхъ временъ, но въ чемъ именно заключается особенность его таланта и какъ относится его сила къ силѣ другихъ знаменитостей шахматнаго міра, — этихъ вопросовъ, по недостатку матеріаловъ, мы рѣшить не беремся; все сказанное въ предлагаемой здѣсь статьѣ о характерѣ игры русскаго Филлора принадлежитъ кн. Урусову. Само собою разумѣется, что если г. Петровъ пожелаетъ отвѣчать печатно на эту статью, то мы сочтемъ себя счастливыми помѣстить его отвѣтъ на столбцахъ нашего журнала. Во всякомъ случаѣ надѣемся, что г. Петровъ сообщитъ намъ, по крайней мѣрѣ, партіи выигранныя имъ у кн. Урусова и не записанныя симъ послѣднимъ.

Записка князя С. С. Урусова о его играхъ
съ А. Д. Петровымъ.

3-го Октября утромъ приѣхалъ я въ Варшаву и тотчасъ же отправился къ А. Д. Петрову играть въ шахматы. Въ этотъ день мы сыиграли три партіи, изъ коихъ г. Петровъ выигралъ двѣ, я одну. На другой день мы сыиграли въ вечеръ три партіи и результатъ былъ тотъ же. На третій день мы опять сыиграли три партіи, но я выигралъ двѣ противъ одной. На четвертый день каждый изъ насъ выигралъ по одной партіи. Въ слѣдующіе за тѣмъ три дня игры не было по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ. 10-го числа я сильно простудился и однакожь принять приглашеніе князя Бебутова на шахматный вечеръ. Съ сильнымъ насморкомъ и головою болью не могъ я играть съ должною силою, и потому результатъ сраженій моихъ съ Петровымъ въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ дней былъ весьма не въ мою пользу; изъ 10 партій я выигралъ одну и одна была ничья, всѣ же остальные выигралъ г. Петровъ. И такъ, всего было сыиграно между нами 21 партія, изъ коихъ 14 выигралъ Петровъ, я выигралъ 6 и одна была ничья.

Замѣчу, что мы играли не на пари и безъ всякихъ условій. Въ первый же день свиданія моего съ Петровымъ я предложилъ ему играть на пари, но онъ отказался, сказавъ, что на деньги не играетъ. Это меня крайне раздосадовало, ибо я увидѣлъ, что

въ этотъ разъ, какъ и въ 1853 году, мнѣ не удастся опредѣлить сравнительную нашу силу *). Когда играютъ на пари, или хоти и безъ денегъ, но на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ обыкновенно играютъ спяные игроки, дѣло идетъ о репутаціи; слѣдовательно нѣтъ отговорокъ: кто проигралъ, тотъ слабѣе; между тѣмъ какъ играя безъ строго-опредѣленныхъ условій, для практики или препровожденія времени, играютъ обыкновенно безъ должнаго вниманія, ибо вопросъ о репутаціи остается въ сторонѣ. Такъ случилось въ этотъ разъ. Я пробовалъ различныя рискованныя атаки, для красоты игры жертвовалъ офицерами и даже ферземъ, дѣлалъ дѣтскіе промахи, зѣвки; наконецъ, позволялъ себѣ играть по три, по четыре партіи въ вечеръ во время болѣзни.

Всѣ эти претензіи и оговорки дѣлаю я печатно въ вашемъ Листкѣ съ тою цѣлю, чтобы общественное мнѣніе любителей шахматной игры вызвало г-на Петрова изъ за китайской стѣны, которою онъ оградилъ свою репутацію. Я знаю, что г. Петровъ читаетъ вашъ Листокъ съ большимъ вниманіемъ: можетъ быть, прочтя эти мои строки, онъ приметъ мой вызовъ на матчъ; условія будутъ зависѣть отъ г-на Петрова; я несомнѣнно приму ихъ, лишь бы они согласовались съ тѣми, на которыхъ обыкновенно играютъ матчи; то есть: 1) тишина во время игры, 2) играть по крайней мѣрѣ по одной партіи въ день, считая отъ полудня, 12-ти часовъ, до полуночи, и т. п. (прочтите условія матча между Гаррвитцемъ и Лѣвенталемъ.)

Впрочемъ, приметъ ли г-нъ Петровъ мой вызовъ или нѣтъ, я рѣшился доставить ему и себѣ случай помѣриться съ сильнѣйшимъ игрокомъ нашего времени, Морфи. Если Морфи будетъ въ Россію, приметъ мой вызовъ **), то вслѣдъ за мной несомнѣнно выйдетъ съ нимъ на бой и Петровъ; на это онъ уже изъявилъ мнѣ, при многихъ свидѣтеляхъ, свое согласіе. Я буду держать пари, то есть отвѣчать деньгами, за себя и Петрова;

*) Въ 1853 г. кн. Урусовъ нарочно пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, чтобы сразиться съ А. Д. Петровымъ, находившимся здѣсь нѣкоторое время. Какой именно былъ результатъ ихъ тогдашнихъ состязаній мы навѣрно сказать не можемъ, но, сколько помнится, изъ четырехъ сыгранныхъ партій г. Петровъ выигралъ двѣ, а остальные кончились розыгрышемъ. Но и въ тотъ разъ игралось безъ пари и безъ точно-опредѣленныхъ условій, по этому то кн. Урусовъ и говорить, что эти битвы не опредѣляютъ еще отношенія его искусства къ искусству сильнѣйшаго русскаго игрока. *Примѣч. ред.*

**) Письмо мое къ Морфи, которымъ я вызываю его на матчъ, отправлено уже къ нему по почтѣ.

кромѣ того многіе другіе изъ нашихъ соотечественниковъ несомнѣнно будутъ держать пари за Петрова, и матчъ состоится.

Вызвать нашихъ русскихъ игроковъ изъ неизвѣстности я считаю совершенно необходимымъ, ибо, во 1-хъ, по моему мнѣнію, мы русскіе, опередили нноземцевъ въ отношеніи шахматнаго искусства *): а во 2-хъ, меня поразило странностію, мнѣніе существующее въ Парижѣ объ *инокль* Петровѣ: его считаютъ тамъ мною. По задачамъ и напечатаннымъ партіямъ видно, что какой-то колоссъ живетъ въ шахматномъ мірѣ, но этотъ колоссъ, не смотря на близость его мѣстопребыванія, Варшавы, отъ Бреславля и другихъ европейскихъ городовъ, никогда не рисковалъ своей репутаціей: ни съ кѣмъ изъ знаменитостей не сражался **). Услышавъ этотъ отзывъ отъ знакомыхъ моихъ въ Варшавѣ, я подумалъ: пожалуй придетъ время, что никого изъ русскихъ не будутъ признавать первостепеннымъ игрокомъ. Вотъ почему необходимо кому нибудь изъ нашихъ игроковъ обѣхать шахматный міръ, и я думаю, что мнѣ прежде всѣхъ это удастся.

Жаль однакожъ если только мнѣ это удастся, потому что я болѣе надѣюсь на Петрова, чѣмъ на себя. Вы скажете: стаю быть я признаюсь, что слабѣе Петрова? Нѣтъ, я въ одномъ признаюсь: играю я, конечно, не хуже Петрова, это можете видѣть изъ партій, которыя мы играли и которыя вѣроятно еще будемъ играть, но Петровъ гораздо хладнокровнѣе меня въ игрѣ, и въ этомъ состоитъ его огромное преимущество надомною. Малѣйшій шопоть, въ которомъ слышу я разсужденіе о моей игрѣ, совершенно отвлекаетъ меня отъ игры, а Петрову все ни почемъ. За то полюбуйтесь на тѣ партіи, гдѣ я, въ хорошемъ расположеніи духа, сражался съ Петровымъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, въ тиши, у него на квартирѣ. Но все

*) Нѣтъ сомнѣнія, что многіе русскіе имѣютъ большую способность къ шахматамъ и что нѣкоторые изъ нихъ достигли замѣчательной силы, но при всемъ томъ, едва ли можно сказать, что мы, русскіе, опередили иностранцевъ въ дѣлѣ шахматнаго искусства. Утверждать это можно будетъ только тогда, когда мы одержимъ рядъ блистательныхъ побѣдъ надъ европейскими знаменитостями, а пока еще не только побѣдъ, но и самыхъ битвъ не было. *Примѣч. ред.*

**) Андерсенъ вызывалъ Петрова на игру по перепискѣ, но вызовъ этотъ не былъ принятъ.

таки я сознаюсь, что пока не умѣрю свою раздражительность *) за Петрова скорѣе поручусь чѣмъ за себя, если бы случилось сразиться съ Морфи. Совершеннымъ игрокомъ можетъ быть тотъ, кто при огромныхъ теоретическихъ шахматныхъ знаніяхъ, хладнокровенъ какъ Петровъ, и, при большой практикѣ, смѣлъ какъ Морфи.

Въ теоретическихъ знаніяхъ у меня недостатка нѣтъ. Не то чтобы я изучилъ дебюты изъ книгъ: это доступно всякому; но, какое бы ни было начало, правильное или неправильное, и какая бы ни была разстановка шашекъ въ началѣ партіи, я разверну игру безошибочно. Этого-то умѣнія развертывать игру я не вижу ни въ играхъ Морфи, ни въ играхъ Петрова **). Середина игры, какъ удѣлъ практики, доступна всякому, кто, не трогая шашекъ, умѣетъ разсчитывать, разумѣется вѣрно, послѣдствія нѣсколькихъ ходовъ, то есть нѣсколько варіантовъ разомъ. Этотъ талантъ, вѣрно завязывать и развязывать бой и доводить игру до такъ называемаго *конца игры*, видѣнъ въ играхъ всѣхъ вообще первостепенныхъ игроковъ. Но въ чемъ г-нъ Петровъ сильнѣе всѣхъ мнѣ извѣстныхъ игроковъ, это въ искусствѣ кончить игру. Не то, чтобы у насъ не доставало, сравнительно съ нимъ, знаній или умѣнья соображать, но у него, противъ насъ, большій запасъ хладнокровія. Недостатокъ хладнокровія выражается у меня въ томъ, что когда мнѣ удастся ослабить противника, завладѣть пѣшкой или офицеромъ, перевѣсъ въ силахъ шашекъ на моей сторонѣ даетъ мнѣ излишнюю самоувѣренность и какъ-бы отнимаетъ у меня охоту усидчиво размышлять надъ каждымъ ходомъ; часто дѣлаюсь разсѣянъ и оттого проигрываю. Это происходитъ, я думаю, отъ врожденнаго челоуѣку чувства

*) Необходимо замѣтить, что раздражительность, въ которой обвиняетъ себя кн. Урусовъ никогда не выражается невыгоднымъ или неприятнымъ образомъ для его противниковъ. Во все продолженіе партіи онъ остается, по видимому, совершенно спокоенъ и никогда, ни въ какомъ случаѣ, не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго разсужденія вслухъ о своей или неприятельской игрѣ; вообще въ отношеніи *манеры играть* онъ можетъ служить образцомъ для всѣхъ шахматистовъ и если трудно встрѣтить противника болѣе сильнаго чѣмъ кн. Урусова, то болѣе пріятнаго — рѣшительно невозможно. *Примѣч. ред.*

**) Весьма желательно, чтобы кн. Урусовъ подтвердилъ свое мнѣніе объ игрѣ Морфи анализами его партій; сколько я ихъ ни разсматривалъ, мнѣ все кажется, что побѣдитель Гарртваица и Андерсена въ высокой степени обладаетъ искусствомъ развертывать свою игру. *Примѣч. ред.*

падать слабого; должно однакожъ сознаться, что въ игрѣ это чувство совершенно неумѣстно. У Петрова этого недостатка нѣтъ: чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ старательнѣе играетъ. Петровъ неумимъ, — а это великое достоинство; въ немъ нѣтъ нервозности, какъ напр. у Гаррвитца; онъ не даетъ зѣвокъ, какъ напр. Андерсенъ; словомъ онъ во всемъ подходитъ къ Морфи, но имѣетъ надъ нимъ преимущество лѣтъ. Въ заключеніе я долженъ однакожъ повторить, что Петровъ не рисковалъ еще своей репутаціей; можетъ быть на пари онъ будетъ играть слабѣе, чѣмъ играетъ безъ пари. Я уже испыталъ свои силы въ матчѣ противъ Шумова, и могу сказать, что играю на паръ гораздо лучше чѣмъ для препровожденія времени, но о Петровѣ ничего не могъ сказать. Вотъ почему желательно было бы, чтобы Петровъ принялъ хотя мой вызовъ. Я готовъ заплатить путевыя издержки если бы Петровъ рѣшился пріѣхать въ Петербургъ, но прежде всего желалъ бы, чтобы онъ изложилъ въ вашемъ Листкѣ точно и ясно условія, на которыхъ онъ намѣренъ принять мой вызовъ на матчъ.

Обращаюсь теперь къ анализу нѣкоторыхъ изъ партій игранныхъ мною въ Варшавѣ противъ Петрова. Тѣ изъ партій, которыя мнѣ не удалось записать во время моей болѣзни или потому что я былъ очень занятъ дѣлами, вѣроятно записаны Петровымъ и онъ не преминетъ вамъ ихъ сообщить, если сочтетъ нужнымъ.

Всѣ нечетныя партіи: первую, третью, пятую, и т. д., начиналъ я, четныя начиналъ Петровъ. Только два раза игралъ я дебютъ Лопеца: 1) $\frac{e2-e4}{e7-c5}$ 2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$ 3) $\frac{f1-b5}{}$, всѣ же остальные нечетныя игралъ шотландскимъ гамбитомъ: я выдумывалъ новыя атаки, Петровъ — новыя защиты. Могу сказать, что ни противъ кого еще не употреблялись столь сильныя защиты въ шотландскомъ гамбитѣ какъ противъ меня употребилъ первый Николай Ивановичъ Козляниновъ, а потомъ Петровъ. Дѣло въ томъ, что послѣ ходовъ: 1) $\frac{e2-e4}{e7-c5}$ 2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$ 3) $\frac{d2-d4}{e5-d4}$ 4) $\frac{f1-c4}{f8-c5}$ 5) $\frac{0-0}{}$, защиту, которую въ Европѣ считаютъ худшею, а на дѣлѣ она лучшая, употреблялъ противъ меня г. Козляниновъ, а потомъ Петровъ; я говорю о ходѣ 5) $\frac{0-0}{g8-f6}$. Если потомъ, послѣ пятого хода, защищаться какъ показано въ книгахъ и какъ играютъ иноземцы, то начинающій выиграетъ; надо играть 6) $\frac{e4-e5}{d7-d5}$ *лучш.*

7) $\frac{e5-f6^\circ}{d5-c4^\circ}$ лучш. 8) $\frac{f1-e1+}{g8-f8}$ лучш. (Если 8) $\frac{f6-g7^\circ}{h8-g8^\circ}$ а потомъ 9) $\frac{f1-e1+}{g8-f8}$, то не должно играть, какъ показано въ книгахъ; с8—e6, но с5—e7 и черные выигрываютъ) 8) $\frac{f6-g7^\circ}{h8-g8^\circ}$ вотъ лучший ходъ, котораго нѣтъ въ книгахъ и который употребилъ противъ меня г. Козляниновъ, а потомъ Петровъ *). Петровъ не вдругъ открылъ эту защиту; въ первой партіи онъ игралъ по книжному 8) $\frac{f6-g7^\circ}{h8-g8^\circ}$, и я выигралъ офендера слѣдующимъ образомъ: 9) $\frac{f6-g7^\circ}{h8-g8^\circ}$

10) $\frac{f3-g5}{g8-g7^\circ}$ 11) $\frac{e1-e6^\circ+}{f7-e6^\circ}$ 12) $\frac{g5-e6^\circ}{d8-e7}$ 13) $\frac{e6-g7^\circ+}{e7-g7^\circ}$ 14) $\frac{d1-h5+}{e8-f8}$ и h5—c5°; въ третьей онъ игралъ 5) $\frac{c2-c3}{d7-d6}$ 6) $\frac{c2-c3}{g8-f6}$ 7) $\frac{c3-d4^\circ}{c5-b6}$

8) $\frac{b1-c3}{h7-h6}$ 9) $\frac{a2-a3}{0-0}$ 10) $\frac{d1-d3}{c8-g4}$ 11) $\frac{c1-e3}{g4-f3^\circ}$ 12) $\frac{g2-f3^\circ}{d8-d7}$ 13) $\frac{g1-g2}{c6-e7}$ 14) $\frac{c3-e2}{g8-f8}$ и т. д., какъ въ одной изъ партій Андерсена противъ Стаунтона; эту партію я выигралъ; но въ пятой партіи онъ уже сыгралъ правильно, то есть въ пятый ходъ g8—f6, а въ 8-й e8—f8. — Противъ Козлянинова я тотчасъ же выдумалъ слѣдующія двѣ красивыя но рискованныя атаки: *первая*: 9) $\frac{c1-g5}{g7-f6^\circ}$

10) $\frac{g5-h6+}{f8-g8}$ 11) $\frac{b1-c3}{c5-f3}$ лучш. 12) $\frac{c3-d5}{f3-h6^\circ}$ лучш. 13) $\frac{e1-e8+}{d8-e8^\circ}$ 14) $\frac{d5-f6^\circ+}{g8-f8}$ и выигрываю ферзя за трехъ офицеровъ, но игру проигрываю, ибо перевѣсъ во всѣхъ отношеніяхъ на сторонѣ черныхъ; *вторая*: 9-й, 10-й и 11-й ходы какъ выше, 12) $\frac{f3-d4^\circ}{f8-h6^\circ}$. (Если с6—d4°, то я жертвую ферземъ и выигрываю игру) 13) $\frac{d4-c6^\circ}{d8-d1^\circ}$ 14) $\frac{c6-e7+}{g8-g7}$

15) $\frac{a1-d1^\circ}{c8-e6}$; игра бѣлыхъ очень хорошо развернута, но у черныхъ лишняя пѣшка при двухъ слонахъ. Не зная навѣрно какъ г. Петровъ будетъ защищаться, я игралъ и противъ него на одинадцатомъ ходѣ b1—c3, но онъ именно употребилъ тѣ же ходы какъ г. Козляниновъ и, отдавъ мнѣ ферзя за трехъ офицеровъ, выигралъ. Послѣ этого пораженія въ слѣдующихъ партіяхъ, я атакую уже иначе. Седьмую партію я начиналъ тѣмъ же гамбитомъ но, на 5) $\frac{c1-g5}{g8-f8}$, сыгралъ 6) $\frac{c1-g5}{g8-f8}$ и выигралъ; а въ

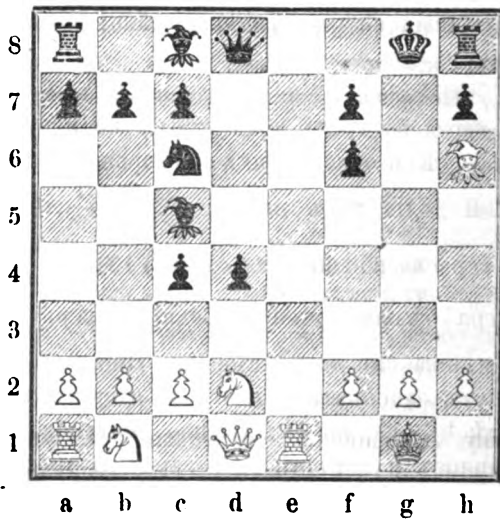
*) Почтенный авторъ ошибается, полагая, что этого хода нѣтъ въ шахматныхъ руководствахъ; г. Ланге довольно подробно разбираетъ его въ своей Kritik der Eröffnungen (гл. 34-ая, стр. 170) и отдаетъ ему рѣшительное преимущество передъ 8) $\frac{f6-g7^\circ}{h8-g8^\circ}$. Примѣч. ред.

13-й партіи хоти и повторилъ ходы 6) $e4-e5$ 7) $e5-f8^\circ$ 8) $f1-e1+$ 9) $c1-g5$ и 10) $g5-h6+$, но въ 11-й ходъ сыгралъ не $b1-c3$, а $f3-d2$. Сила этого хода состоитъ въ томъ, что на ходъ $c5-f8$, я отвѣчаю $d1-h5$, и сверхъ того угрожаю атакой $d1-f3$ и $f3-g3+$. Моя атака очень хороша, но противъ нея есть защита совершенно парализирующая всѣ мои нападенія, и мнѣ странно, что Петровъ ее не видѣлъ и теперь не видитъ. Въ письмѣ къ К. А. Янишу онъ говоритъ, что истинно сознаеть возможность защиты, но опредѣлить ее не можетъ. Конечно не легко тутъ защититься, но вѣдь г. Петровъ выдумываетъ задачи въ сорокъ ходовъ: какъ кажется не найти защиты! Я до времени оставляю Петрову и другимъ читателямъ Листка полезное занятіе анализировать это положеніе, изображенное на діаграммѣ I, со временемъ же покажу истинную защиту.

I.

Положеніе 13-й партіи послѣ 11-го хода бѣлыхъ.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Теперь привожу здѣсь всю 13-ую партію.

Кн. Урусовъ. А. Д. Петровъ.

(Бѣлые.)

(Черные.)

1) $e2-e4$

$e7-e5$

4) $f1-c4$

$f8-c5$

2) $g1-f3$

$b8-c6$

5) $0-0$

$g8-f6$

3) $d2-d4$

$e5-d4^\circ$

6) $e4-e5$

$d7-d5$

7) e5—f6°	d5—c4°	14) f2—f4	e5—g6
8) f1—e1+	e8—f8	15) d1—h5	f5—e4°
9) c1—g5	g7—f6°	16) e1—e4°	e7—f8
10) g5—h6+	f8—g8	17) f4—f5	f8—h6°
11) f3—d2	c6—e5	18) h5—h6°	d8—d5
12) d2—e4	c5—e7	19) f5—g6°	d5—e4°
13) h2—h3	c8—f5	20) g6—g7	Петровъ даетъ

вѣчный шахъ и слѣдовательно сдаетъ игру на ничью. Подобныхъ этой партіи сыграно было еще двѣ: 19-я и 21-я; въ первой изъ нихъ я завоевалъ ладью за три пѣшки, во второй отвоевалъ обѣ пѣшки съ лучшимъ положеніемъ, но въ обѣихъ, вслѣдствіе дѣтскихъ ошибокъ, я проигралъ; я уже сказалъ, что съ 10-го числа игралъ дурно потому что былъ боленъ. Окончательный приговоръ Петрова объ моей атакѣ 11) $\overline{f3-d2}$ былъ тотъ, что защиту истинную онъ не видитъ.

Подобныхъ третьей партіи было еще двѣ: 15-я и 17-я, и тутъ опять возникъ между нами споръ: Петровъ говоритъ что игра черныхъ лучше, потому что при равныхъ силахъ они имѣютъ атаку; я же говорю, что игра бѣлыхъ лучше, потому что они имѣютъ пѣшки въ центрѣ и сильныя оборонительныя средства. Опытъ говорить въ мою пользу: изъ трехъ такихъ партій я выигралъ двѣ, Петровъ одну; но это не убѣдило Петрова. Вотъ 17-я партія.

Кн. С. С. Урусовъ. А. Д. Петровъ,

(Бѣлые.)	(Черные.)
1) e2—e4	e7—e5
2) g1—f3	b8—c6
3) d2—d4	e5—d4°
4) f1—c4	f8—c5
5) 0—0	d7—d6
6) c2—c3	g8—f6.

Брать пѣшку совершенна невозможно, по причинѣ d1—b3, какъ показано у меня въ Руководствѣ, но черные имѣютъ двѣ прекрасныя защиты въ ходахъ 6) $\overline{d4-d3}$ и 6) $\overline{c8-g4}$; послѣдній даетъ столь сильную контръ-атаку, что, по моему мнѣнію, бѣлые отразить ее не могутъ. —

7) c3—d4°	c5—b6
8) b1—c3	c8—g4
9) c1—e3	0—0 Не дуренъ ходъ
9) $\overline{f6-e4}$ °	п 10) $\overline{d6-d5}$

10) d1—d3	g4—f3°	Лучше бы f6—e4°
11) g2—f3°	d8—d7	
12) g1—g2	c6—e7	
13) c3—e2	e7—g6	
14) e3—g5	f6—h5	
15) d3—d2	g8—h8	ошибка.

Петровъ замѣчаетъ, что ему слѣдовало сыграть h7—h6, но я ему на это отвѣчалъ, что не отошелъ бы слономъ, а сыгралъ бы e2—g3.

16) e2—g3	h5—g3°	
17) h2—g3°	f7—f5	ошибка
18) f1—h1	f8—f7	единственное спасеніе.

Замѣчайте теперь какъ Петровъ хорошо выходитъ изъ затруднительнаго положенія.

19) c4—f7°	d7—f7°
20) h1—h2	f5—e4°
21) f3—e4°	a8—e8
22) f2—f3	f7—c4
23) a1—h1	c4—d4°
24) h2—h7°+	h8—g8
25) d2—c2	e8—e5
26) h7—h5	e5—b5
27) g5—f6	g6—e5
28) f6—e5°	d6—e5°
29) b2—b3	b5—c5
30) c2—e2	c5—c3
31) h1—d1	d4—c5
32) d1—d2	c3—c1
33) f3—f4	c5—g1+
34) g2—h3	c1—c6

35) d2—d8+ чернымъ нѣтъ спасенія, ибо на g8—f7 бѣлые даютъ шахъ d8—d7 и, если f7—e8 (лучш.), d7—d1. Эти ходы и были сдѣланы въ дѣйствительности, а за ними Петровъ сдался.

Теперь, оставляя дебютъ Лопеца безъ вниманія, перехожу къ четнымъ партіямъ, которыя начиналъ г-нъ Петровъ. Вторую, четвертую и шестую партіи Петровъ игралъ *giuoco piano*, а я защищался ферземъ 1) $\frac{c2-e4}{e7-e5}$ 2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$ 3) $\frac{f1-c4}{f8-c5}$ 4) $\frac{0-0}{d7-d6}$ 5) $\frac{c2-c3}{d8-e7}$. Изъ этихъ трехъ партій я выигралъ одну противъ двухъ. Привожу 6-ю партію какъ въ высшей степени интересную тѣмъ,

что я пожертвовалъ офицеромъ разсчитавъ впередъ весьма большое число варіантовъ.

А. Д. Петровъ. Кн. С. С. Урусовъ.

(Бѣлые.)		(Черные.)	
1) e2—e4	e7—e5	18) a1—d1	d8—f7
2) g1—f3	b8—c6	19) a3—b5	f7—e5
3) f1—c4	f8—c5	20) h5—e2	e5—f3+
4) 0—0	d7—d6	21) g1—g2	h6—g4
5) c2—c3	d8—e7	22) f1—h1	g4—h2
			вотъ пожертваніе.
6) d2—d4	c5—b6	23) h1—h2°	f4—h2°+
7) h2—h3	c6—d8	24) g2—f3°	h2—h3°+
8) c1—g5	f7—f6	25) f3—f4	h8—f8+
8) g5—h4	g8—h6	26) f4—e5	h3—h2+
10) b1—a3	c8—e6	27) e5—d4	f8—f2°
11) d4—e5°	d6—e5°	28) e2—e3	h2—h5
12) f3—e5°	e6—h3°	29) d1—g1	c7—c5+
13) d1—h5+	e8—f8	30) d4—d3	a8—f8
14) h4—f6°	e7—f6°	31) c4—d5	f2—f3
15) g2—h3°	f6—f4	32) g1—g7°+	e7—d8
16) e5—d7+	f8—e7	33) e3—f3°	f8—f3°+
17) d7—b6°	a7—b6°		

и Петровъ сдался.

Восьмую, десятую, двѣнадцатую и четырнадцатую партіи Петровъ начиналъ точно также, то есть въ 4-й ходъ рокировалъ, но я защищался ходомъ 4) $\frac{\text{---}}{g8-f6}$, считающимся въ Европѣ худшей защитой, а у насъ лучшею. Изъ этихъ 4-хъ партій я одну только послѣднюю проигралъ, оттого что даромъ отдалъ ферзя. Въ 12-й я попробовалъ рискованную контръ-атаку, которая однакожъ мнѣ удалась:

А. Д. Петровъ. Кн. С. С. Урусовъ.

(Бѣлые.)		(Черные.)	
1) e2—e4	e7—e5	5) c2—c3	f6—e4°
2) g1—f3	b8—c6	6) c4—d5	e4—f2°
3) f1—c4	f8—c5	7) f1—f2°	c5—f2°+
4) 0—0	g8—f6	8) g1—f2°	d8—e7
		9) d5—c6°	b7—c6°

я имѣю сильный центръ и ладью съ двумя пѣшками за двухъ офицеровъ. Петровъ слабо игралъ эту партію и потому проигралъ. Восьмую и десятую партіи привожу вполнѣ; послѣдняя интересна тѣмъ, что Петровъ попробовалъ противъ меня атаку шотландскаго гамбита.

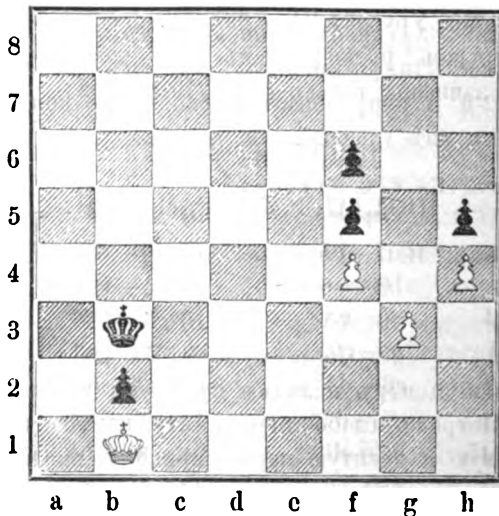
А. Д. ПЕТРОВЪ. Кн. С. С. УРУСОВЪ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	22) c3—b4°	c7—c6
2) g1—f3	b8—c6	23) d2—d8°	e8—d8°
3) f1—c4	f8—c5	24) a2—d2	g7—f6
4) 0—0	g8—f6	25) d2—d8°	b6—d8°
5) c2—c3	f6—e4°	26) f1—e2	d8—e7
6) c4—d5	e4—f6	27) b4—b5	c6—b5°
7) d5—c6°	d7—c6°	28) a4—b5°	f6—e5
8) f3—e5°	0—0	29) e2—d3	e5—d5
9) d2—d4	c5—b6	30) b1—c3+	d5—c5
10) c1—g5	c6—c5	31) f2—f4	e7—f6
11) d4—c5°	d8—d1°	32) c3—d1	f6—d4
12) f1—d1°	b6—c5°	33) h2—h3	h7—h5
13) g5—f6°	g7—f6°	34) b5—b6	f7—f6
14) e5—d7	c8—d7°	35) h3—h4	c5—d5
15) d1—d7°	a8—d8	36) d3—e2	d5—e4
16) d7—d2	f8—e8	37) d1—f2+	d4—f2°
17) g1—f1	f6—f5	38) e2—f2°	e4—d4
18) g2—g3	g8—g7	39) f2—e2	d4—c5
19) b2—b4	c5—b6	40) e2—d3	c5—b6°
20) a2—a4	a7—a5	41) d3—d4	b6—c6
21) a1—a2	a5—b4°	42) d4—c4	b7—b5+
		43) c4—b4	c6—b6 п.т.д.

привожу въ положеніе діагр. II гдѣ бѣлому ходить и онъ долженъ, отдавъ пѣшкѣ g3, пропустить меня въ ферзи и получить матъ.

II.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

А. Д. Петровъ. Кн. С. С. Урусовъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
		10) f3—g5	g8—g7°
1) e2—e4	e7—e5	11) d1—h5	c8—f5
2) g1—f3	b8—c6	12) b1—a3	d8—d5
3) f1—c4	f8—c5	13) h5—h6	g7—g6
4) 0—0	g8—f6	14) h6—h5	0—0—0
5) d2—d4	e5—d4°	15) h2—h4	h7—h6
6) e4—e5	d7—d5	16) g5—f3	g6—g2°+
7) e5—f6°	d5—c4°	17) g1—g2°	f5—h3+
8) f6—g7°	h8—g8	18) g2—h3°	d5—h5°
9) f1—e1+	c5—e7		

Бѣлые сдаются.

Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ дебютировать giuco-riano Петровъ приступилъ къ новому началу. 1) $\frac{e2-e4}{e5-d4}$, 2) $\frac{b1-c3}{c3-d4}$, а въ 20-й партіи игралъ опять giuco-riano, но въ 4-й ходъ $\frac{c2-c3}{g8-f6}$ 5) $\frac{d2-d4}{e5-d4}$ 6) $\frac{c3-d4}{e5-d4}$. Эти партіи были интересны, но въ нихъ я дѣлалъ грубыя ошибки и не записалъ ихъ по причинѣ болѣзни.

Кн. С. Урусовъ.

Изъ Варшавы кн. Урусовъ отправился въ Петербургъ; въ этотъ разъ, какъ и въ прошломъ году, главнымъ противникомъ его былъ здѣсь И. С. Шумовъ; они сыиграли девять партій, изъ которыхъ кн. Урусовъ выигралъ шесть, двѣ — г. Шумовъ и одна окончилась розыгрышемъ. Къ сожалѣнію изъ всѣхъ этихъ партій записана только одна. Вотъ она:

ПАРТІЯ № 77.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЪ.

Кн. С. С. Урусовъ. И. С. Шумовъ.

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	8) g2—g3	h4—g4
2) g1—f3	b8—c6	9) f1—e2	g4—h3
3) d2—d4	c6—d4°	10) c3—b5	a8—c8
4) f3—d4°	e5—d4°	11) b5—a7°	c8—a8
5) d1—d4°	d7—d6	12) a7—b5	a8—c8
6) b1—c3	c8—e6	13) c1—e3	f8—e7
7) f2—f4	d8—h4+	14) c2—c4	g8—f6

15) e1—f2	0—0	29) g3—f3°	d8—d5°
16) d4—d1	f6—e4°+	30) c3—g7°+	f8—f7
17) f2—g1	e4—g3°	31) g7—e5	d5—d3+
18) e3—d4	g3—h1°	32) f3—e2	c8—d8
19) g1—h1°	c7—c5	33) c5—c3	c5—c4
20) d4—c3	f8—d8	34) e1—g1	e7—f6
21) d1—g1	f7—f6	35) c3—a5	d8—d5
22) a1—d1	e6—f5	36) a2—a4	f6—b2°
23) g1—g2	h3—g2°+	37) g1—g3	d3—g3°
24) h1—g2°	f5—e4+	38) h2—g3°	d5—d3
25) g2—g3	g8—f8	39) a5—e1	f7—c6
26) e2—f3	f6—f5	40) b5—c7+	e6—d6
27) d1—e1	d6—d5	41) c7—b5+	d6—d5
28) c4—d5°	e4—f3°	42) b5—c7+	d5—e4

И послѣ еще нѣсколькихъ ходовъ бѣлые сдались.

Кромѣ партій съ Шумовымъ, кн. Урусовъ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ, игралъ только съ двумя любителями: Н. И. Козляниновымъ и мною. Съ первымъ сыгранна была всего одна партія; ее выигралъ Урусовъ. Со мною — шесть и, разумѣется, я былъ разбитъ на голову. Только два раза удалось мнѣ привести игру къ розыгрышу; всѣ остальные четыре партіи я проигралъ. Въ числѣ нашихъ партій были нѣкоторыя весьма интересныя, особенно первая (giuoco piano съ рокировкой на четвертомъ ходѣ), достойна была бы быть напечатана, но къ сожалѣнію, я не записалъ ее, вполне увѣренный, что когда придетъ время печатать, вспомню ее въ цѣлости, а теперь вижу, что совершенно твердо помню только двадцать два хода, а далѣе не могу ручаться за вѣрность въ порядкѣ ходовъ. Это можетъ служить примѣромъ сколь необходимо записывать интересныя партіи немедленно или, по крайней мѣрѣ, какъ можно скорѣе по ихъ окончаніи. Иной разъ кажется, что непременно запомнишь партію во всей подробности, а потомъ оказывается что какой нибудь ходъ испарился изъ памяти, и восстановление партіи дѣлается невозможнымъ; такимъ именно образомъ утратились для любителей нѣкоторыя прекрасныя игры г. Шумова съ кн. Урусовымъ. Кстати моихъ партій; на дняхъ я получилъ изъ Воронежской губерніи письмо, въ которомъ меня упрекаютъ въ томъ, что я почти никогда не печатаю своихъ собственныхъ игоръ. «Я слышалъ, говорить почтенный корреспондентъ, что вы играете очень сильно.» Сколь ни лестно для меня это мнѣ-

нiе, но я долженъ сказать, что оно совершенно ошибочно; я играю не только не очень сильно, но просто весьма слабо и потому то такъ умѣренно печатаю свои партіи. Впрочемъ, чтобъ удовлетворить желанію воронежскаго любителя, помѣщаю здѣсь двѣ игры, въ которыхъ мнѣ удалось успѣшно повести довольно красивыя атаки. Не мѣшаетъ замѣтить, что самому плохому игроку случается иногда сыграть хорошо. Первая изъ предлагаемыхъ партій играна была лѣтомъ 1858 года въ Римѣ, противъ уже извѣстнаго читателямъ синьора Беллотти; вторая, — осенью 1854 г. въ петербургскомъ шахматномъ клубѣ, противъ одного изъ его членовъ, игрока весьма сильнаго, который безъ труда разбивалъ меня всегда когда хотѣлъ и если проигралъ одну партію, то конечно единственно оттого, что, не дорожа слишкомъ легкою побѣдою, игралъ не внимательно.

ПАРТІЯ № 78.

ВЫХОДЪ КОРОЛЕВСКИХЪ СЛОНОВЪ.

(Играна по итальянскимъ правиламъ.)

В. М. Михайловъ. Г-нъ Беллотти.

(Бѣлые.)

(Черные.)

1) e2—e4	e7—e5	8) g1—e2 (5)	d4—d3 (6)
2) f1—c4	f8—c5 (1)	9) e1 ⁰ /g1 (7)	e4—c4° (8)
3) b2—b4 (2)	c5—b4°	10) e2—d4 † (9)	g8—e7
4) c2—c3 (3)	b4—a5 (4)	11) e1—e7° †	e8—e7°
5) d2—d4	e5—d4°	12) a5—e5 †	e7—d8 (10)
6) d1—h5	d8—e7	13) e5—g7°	h8—e8
7) h5—a5°	e7—c4° †	Бѣлые даютъ матъ въ 3 хода.	

Примѣчанія къ партіи No. 78.

(1) Защита конемъ (g8—f6) сильнѣе, но и f8—c5, совершенно правильный ходъ, который, предоставляя обширное поле разнымъ атакамъ, часто порождаетъ партіи весьма интересныя.

(2) Этотъ фланговый гамбитъ довольно рискованъ; противъ сильнаго противника его играть не слѣдуетъ.

(3) 4) $\frac{f2-f4}{f2-f4}$ составило бы такъ называемый двойной гамбитъ Макъ-Доннея, который даетъ очень сильную атаку, если черные возьмутъ пѣшку, но въ томъ то и дѣло, что имъ не надо брать ее, а играть, какъ игралъ Лабурдоне противъ Макъ-Доннея т. е. 4) $\frac{d7-d5}{d7-d5}$ 5) $\frac{e4-d5^\circ}{e5-e4}$ и черные получаютъ превосходство положенія.

(4) Если $b4-c5$, то 5) $\frac{d2-d4}{e5-d4^\circ}$ 6) $\frac{c3-d4^\circ}{c5-b6}$; черные иѣють лишнюю пѣшку, а бѣлые лучшее положеніе и игра довольно равна.

(5) Играя по обыкновеннымъ, а не итальянскимъ правиламъ, слѣдуетъ отходить королемъ на $f1$, но возможность поставить при рокировкѣ ладью на $e1$, совершенно измѣняетъ обстоятельства.

(6) Ошибка; приобрѣтеніе офицера дорого обойдется чернымъ.

(7) Т. е. рокирую такимъ образомъ, что ладья становится на $e1$, а король на $g1$.

(8) Очевидно, что если возьмутъ коня то потеряютъ ферзя.

(9) Теперь чернымъ нѣтъ спасенія; если они отойдутъ королемъ на $f8$, то 11) $\frac{c1-a3+}{d7-d6}$ 12) $\frac{a3-d6^\circ+}{c7-d6^\circ}$ 13) $\frac{a5-d8 \times}{}$, а если на $d8$, то $\frac{a5-e5}{c7-c6}$ $\frac{c1-f4}{}$ и гибель неизбѣжна; по этому заслоняться конемъ самое лучшее средство, но и оно, какъ увидите изъ самой игры, не спасаетъ партіи. Впрочемъ приведенныя здѣсь варианты допускаютъ нѣкоторые измѣненія, нѣсколько замедляющія матъ.

(10) На $e7-f8$ я отвѣтилъ бы $d4-f5$ и матъ не позже четырехъ ходовъ.

ПАРТІЯ № 79. GAMBITTO LUNGO.

В. М. Михайловъ.	Г-нъ ***		
(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) $e2-e4$	$e7-e5$	10) $c4-f7^\circ+$	$e8-f7^\circ(4)$
2) $f2-f4$	$e5-f4^\circ$	11) $f3-e5+$	$f7-e7(5)$
3) $g1-f3$	$g7-g5$	12) $f2-f7+$	$e7-e8$
4) $f1-c4(1)$	$f8-g7$	13) $d1-h5$	$g3-h2^\circ+$
5) $0-0$	$d7-d6$	14) $g1-h1$	$h3-e6$
6) $d2-d4$	$h7-h6$	15) $f7-d7+$	$e8-f8$
7) $c2-c3$	$c7-c6(2)$	16) $d7-d8^\circ+$	$f8-e7$
8) $g2-g3(3)$	$c8-h3$	17) $d8-e8+$	$e7-f6$
9) $f1-f2$	$f4-g3^\circ$	18) $h5-g6 \times$	

Примѣчанія къ партіи No 79.

Гамбитъ королевскаго коня распадается на четвертомъ ходѣ на два главные варианты 4) $\frac{f1-c4}{}$ и 4) $\frac{h2-h4}{}$, которые итальянцы различаютъ названіями gambitto lungo и gambitto grande. Мы

будемъ слѣдовать этой терминологіи, потому что называть, по примѣру французовъ и нѣмцевъ, всякій гамбитъ коня съ ходомъ

4) $\frac{h2-h4}{}$, гамбитомъ Алгайера или Кіезерицкаго слишкомъ не-неправильно, какъ мы имѣли уже случай это замѣтить. Къ тому же принять итальянское слово для означенія дебюта не имѣетъ ничего страннаго; названія: *giuoco piano*, *fanchetto* давно приняты всѣми шахматными писателями.

(2) Слабый ходъ; до него съ обѣихъ сторонъ играно было совершенно правильно.

(3) Сбить непріятельскую пѣшку съ линіи f очень важно въ гамбитныхъ партіяхъ; вотъ что говоритъ объ этомъ Филлдоръ: «Dans l'attaque du gambit, vous ne devez pas ménager vos pions du côté du Roi; il faut même, au besoin, les sacrifier tous, pour le seul pion du Roi adverse, parce que ce pion empêche le fou de votre Dame d'entrer en jeu, et de se joindre aux autres pièces qui forment votre attaque.»

(4) Ошибка, послѣ которой игра черныхъ необходимо проиграна; надо было не брать слона, а уходить королемъ.

(5) На f7—e8, матъ въ два хода, а если 11) $\frac{f7-e6}{}$, то 12) $\frac{d4-d5}{c6-d5^{\circ}}$
 13) $\frac{e4-d5^{\circ}}{e6-e7}$ и за тѣмъ игра продолжается какъ было въ дѣйствительности ибо если 13) $\frac{e6-e5^{\circ}}{}$ 14) $\frac{d1-d4}{}$ ✕.

ПАРТІЯ № 80.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

КОЛИШЪ. ГЕРЦ. БРАУНШВЕЙГ-СКІЙ И ГР. ***			
(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e6	13) c1—g5	e8—e6°
2) d2—d4	d7—d5	14) c4—e6°	d6—h2°
3) f1—d3 (1)	d5—e4°	15) g1—h1	h2—c7
4) d3—e4°	f7—f5	16) e6—f5°	d8—d6
5) e4—d3	g8—f6	17) f2—f4	b8—c6
6) g1—f3	f8—d6	18) b1—d2	a8—f8
7) 0—0	0—0	19) d1—f3	c6—e7
8) f1—e1	e7—c5	20) f5—d3	e7—d5
9) f3—g5	f8—e8	21) d2—e4	f6—e4°
10) d3—c4	c5—d4° (2)	22) f3—e4°	g7—g6
11) g5—e6°	c8—e6°	23) e4—d4° †	d5—f6
12) e1—e6°	g8—h8	24) d4—f2	f6—h5
		25) a1—e1	c7—d8
		26) g5—h6	h5—g7

Отд. IV.

44

27) f2—a7°	d6—d5	34) b7—b4	f8—e8
28) e1—e5	d5—c6	35) d7—f7	g7—e6
29) d3—e4	c6—d6	36) e4—d5	f6—d4+
30) a7—b7°	d8—f6	37) b4—d4°+	и какъ бы черные
31) e5—d5	d6—e6		ни играли, имъ матъ не позже
32) d5—d7	e6—g4 (3)		трехъ ходовъ.
33) h1—g1	g4—h4		

Примѣчанія къ партіи No .

(1) Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что лучшимъ ходомъ въ настоящемъ положеніи признается 3) $\frac{e4-d5^\circ}{}$; прежде игралось всего чаще 3) $\frac{e4-e5}{}$, что же касается до 3) $\frac{f1-d3}{}$, то это совершенно новый варіантъ нормальнаго дебюта, который необходимо подвергнуть теоритическому разсмотрѣнію.

(2) Г. Колишъ замѣчаетъ, что если черные сыиграли бы 10) $\frac{f6-d5}{}$ то 11) $\frac{d1-h5}{l7-h6}$ 12) $\frac{g5-f7}{d8-c7}$ 13) $\frac{f7-d6^\circ}{}$ и бѣлые выигрываютъ.

(3) Угрожая вѣчнымъ шахомъ.

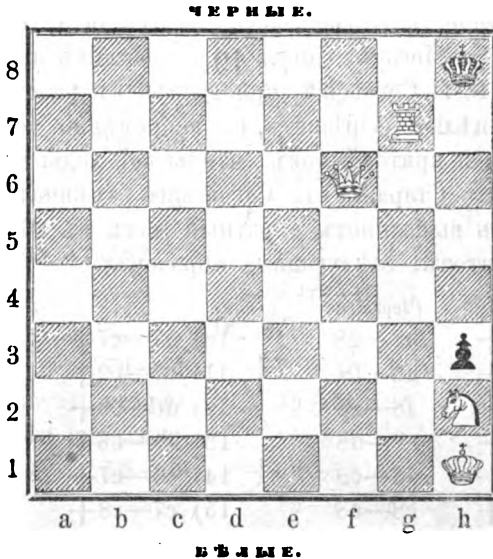
Прежде чѣмъ ноябрьскій листокъ, заключающій послѣднее рѣшеніе придуманное г. Петровскимъ для задачи А. Д. Петрова, полученъ былъ въ Москвѣ, одинъ въ московскихъ любителей шахматной игры, В. Г. Соговскій, приступилъ къ разсмотрѣнію этой проблемы съ цѣлю разрѣшить ее непременно менѣе чѣмъ въ сорокъ ходовъ и притомъ такъ, чтобы всѣ ходы черныхъ были форсированные. Старанія г. Саговскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ выполняетъ обратный матъ въ 36 ходовъ, безъ всякихъ варіантовъ, слѣдующимъ образомъ:

(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) f1—h3+	h8—g8	10) g7—c7+	c8—b8
2) f7—g7+	g8—f8	11) c7—c2+	b8—b7
3) b7—f7+	f8—e8	12) d6—c6+	b7—b8
4) h3—e6+	e8—d8	13) ab—b6+	b8—a7
5) f7—d7+	d8—c8	14) c6—c7+	a7—a8
6) d7—d6+	c8—b8	15) c7—c8+	a8—a7
7) d6—b6+	b8—a8	16) b6—b7+	a7—a6
8) b6—a6+	a8—b8	17) c8—c6+	a6—a5
9) e6—d6+	b8—c8	18) b7—a7+	a5—b4

19) c2—b2+	a1—b3	28) b5—h5	a3—a4
20) a7—b7+	b4—a5	29) h5—h1	a4—a3
21) b7—b5+	a5—a4	30) h1—d1	a3—a4
22) c6—a6+	b3—a5	31) a6—a7	a4—a3
23) b1—d2	a4—a3	32) a7—e7+	a3—a4
24) d5—d4	a3—a4	33) b2—b4+	a4—a3
25) d4—c3	a4—a3	34) b4—c4+	a3—a2
26) c3—c2	a3—a4	35) c4—c2+	a2—a1
27) c2—c1	a4—a3	36) d2—b3+	a5—b3 ^o ×

Въ послѣднемъ номерѣ Листка есть двѣ важныя опечатки
 1) на стр. 310, въ діагр. VIII, на клеткѣ c8 поставлена бѣлая ладья, тогда какъ тутъ не должно находится никакой шашки.
 2) на стр. 323, въ задачѣ No. 26, черный ферзь отпечатанъ такъ блѣдно, что легко можетъ быть принятъ за бѣлаго. Считаемою обязанностью перепечатать здѣсь обѣ диаграммы въ исправленномъ видѣ.

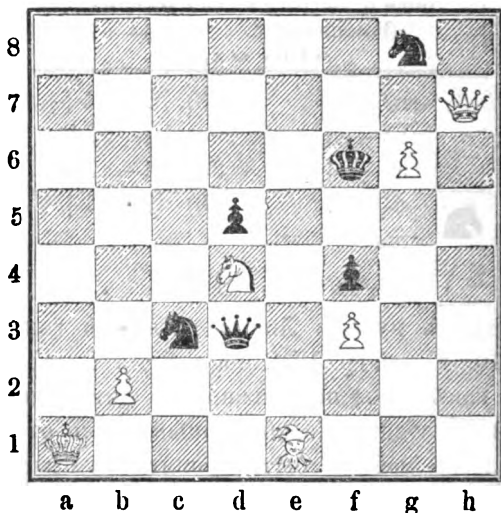
Къ стр. 310.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ.

Къ стр. 323.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 19.

1) h1—g2	a4—a3(A)
2) a8—a4†	b5—-a4°
3) e4—c3°×	

A

1)	ХОДИТЬ СЛОНОМЪ.
2) c2—c4×	

№ 20.

1) d8—b7†	f3—b7°
2) a4—e4	береть ферзя слонѡмъ, ко- немъ или пѣшкой.
3) c7—b5†	d6—d5
4) c3—c4×	

Легко усмотрѣть, что если черные не возьмутъ ферзя на второмъ ходѣ, то матъ будетъ еще скорѣе.

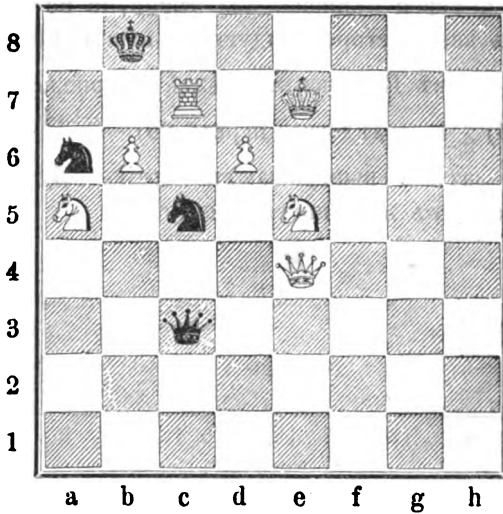
Задачи.

№ 26.

ФОНЪ-ОППЕНА (въ Берлинѣ).

(Посвящается К. А. Яншу.)

ЧЕРНЫЕ.

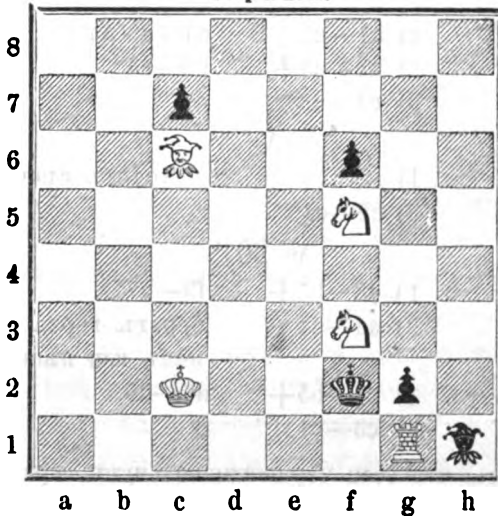
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и въ 6 ходовъ дѣлаютъ матъ тою изъ пѣшекъ, которую чернымъ угодно будетъ заранѣе указать.

№ 27.

КОНРАДА БАЙЕРА.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденція. *В. Г. Саи—му* (въ Москвѣ). Прекрасное Ваше рѣшеніе задачи г—на Петрова напечатано въ настоящемъ Листкѣ. Что же касается до замѣчанія Вашего о задачѣ No. 20, то оно не совсѣмъ вѣрно ибо послѣ хода $a4—c6$, черныя просто возьмутъ ферзя пѣшкой; Вы вѣроятно не обратили вниманія на то, въ какую сторону идутъ черныя пѣшки.

Н. С. Сем—ву (въ Бирючскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи). Послѣ хода 24) $\frac{f6—g7}{f6—g7}$ слѣдовало играть 25) $\frac{a3—b2+}{a3—b2+}$ и бѣлые берутъ коня, а затѣмъ выигрываютъ партію. Двѣ изъ моихъ игоръ напечатаны въ настоящемъ Листкѣ.

ВИЗАНТІЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

ОЕОДОРА И АНТОНИНА.

Съ любовью и вниманіемъ останавливается взоръ историка на тѣхъ періодахъ въ исторіи народа, въ которыхъ видно правильное, органическое развитіе, въ которыхъ безъ труда можно усмотрѣть господство идеи и побѣдоносную борьбу ея съ противоположными стремленіями. Скукою и отвращеніемъ, напротивъ, наполняютъ насъ картины разложенія и разрушенія. Умираетъ ли племя среди судорогъ внутренней бесплодной борьбы, живетъ ли одною животною жизнью, одушевляемое не идеями, а интересами, — мы съ равною разсѣянностію пробѣгаемъ страницы его исторіи, хотя съ наслажденіемъ слѣдили за ея начатками. И тутъ какъ будто дѣйствуетъ тоже чувство, которое заставляетъ насъ любоваться первою зеленью молодого растенія и отталкиваетъ отъ праха и гнили, въ которые оно превращается, окончивъ свое существованіе.—Исторія римской республики намъ гораздо лучше извѣстна, нежели времена императоровъ; Греція, до херонейской битвы, изслѣдована до послѣднихъ вѣнней артерій своихъ; періодъ македонскаго владычества мало и недостаточно извѣстенъ, и глубокая ночь покрываетъ судьбы Эллады послѣ разрушенія Мумміемъ Коринѳа. И множество примѣровъ, свидѣтельствующихъ о врожденной духу нашему чертѣ, можно бы было привести еще.

И нѣтъ ничего естественнѣе такой нравственной идiosингразіи, если можно такъ выразиться. Жизнь и смерть противоположны другъ другу и ничѣмъ примирены быть не могутъ; нелюбовь къ тому, что свидѣтельствуешь о господствѣ смерти есть ничто иное, какъ особый видъ врожденнаго въ каждое живое существо инстинкта самосохраненія.

А между тѣмъ въ исторіи, точно также какъ въ природѣ, нѣтъ смерти — есть только преобразование. Тамъ, гдѣ поверхностный взглядъ встрѣтитъ только упадокъ и предсмертное бorenіе, тамъ болѣе проникательный взоръ найдетъ тысячу зародышей новой жизни — той же самой, только въ новыхъ формахъ. Мефитическое испареніе гнили заглушаетъ благоуханіе свѣжихъ цвѣтковъ, которые по этому вырастаютъ незамѣченные. Часть ихъ гибнетъ, часть преодолеваетъ всѣ препятствія, и вдругъ являются они удивленному взору громадными деревьями, въ тѣни которыхъ мы сами ищемъ прохлады, плодами которыхъ сами питаемся. И потомъ мы спрашиваемъ себя въ недоумѣніи, откуда и тѣни и плоды, откуда взялся новый дѣятель въ жизни человѣчества?

Ни къ чему, быть можетъ, высказаннымъ только что мысли, не примѣняются лучше и полнѣе, какъ къ исторіи восточно-римской имперіи. Ни одно изъ европейскихъ государствъ не было такъ скудно надѣлено историками, какъ Византія. Уже въ школѣ мы какъ-то не хотя останавливаемся на ней, со скукою заучиваемъ имена и годы, которыхъ ни одинъ наставникъ не взялся оживить и оцвѣтить въ нашемъ воображеніи. Судьбы царствующихъ лицъ: ослѣпленіе одного, отравка другаго, низверженіе третьяго, отъ времени до времени выигранная битва или потерянная провинція — вотъ все, что намъ извѣстно, да и то еще куда какъ не полно. О движеніяхъ массы, о внутренней жизни мы не знаемъ почти ничего. Фукидидъ и Тацитъ, по крайней мѣрѣ по наслышкѣ, знакомы каждому образованному человѣку. Византійскіе лѣтописцы и литераторы читаются только специалистами, да и то единственно съ тѣмъ, чтобы повѣрить и опредѣлить по нимъ извѣстные факты. За трудъ возстановить по нимъ картину внутренней жизни не принимался еще ни одинъ изъ нашихъ византологовъ.

И при всемъ томъ, какая разнообразная, многоцвѣтная жизнь кипитъ въ этомъ чумномъ, отравленномъ до самаго основанія, тѣлѣ, которое мы называемъ византійскою имперіею. Въ горахъ Ливадіи и Морей всходятъ сѣмена новой народности — ромейской, между Дунаемъ и Балканомъ, подъ сѣнью православнаго креста, вырабатывается новый общественный бытъ славянъ. На островахъ Архипелага и прибрежьи Чернаго моря полагается начало могущественной колониальной политики итальянскихъ республикъ. Въ степяхъ малой Азіи организуется образцовое въ свое время по устройству государство османозъ. Все это растетъ, прикрытое до поры до времени развалинами новаго Рима, умирая, онъ снабжаетъ молодія растенія необходимымъ для нихъ тукомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ скоро гибнутъ насильственной смертію; другія, исчерпавъ запасъ своей жизненной силы, въ свою очередь приходятъ въ упадокъ и подвергаются гніенію; третьи растутъ еще — медленно, но бодро, и обѣщаютъ богатую будущность.

Эти мысли, быть можетъ, оправдаютъ попытку представить читателю, привыкшему къ жизни и движенію, крадкій эпизодъ изъ исторіи этого разложенія. Если картина, на которую онъ обратитъ свое вниманіе, покажется мрачною и грустною, то онъ успокоится на мысли, что изображаемая ею фаза умиранія была необходима для развитія новой жизни.

Мы просимъ его перенестись теперь въ этотъ «пупъ вселенной» (*ομφαλός της οἰκουμένης*) въ сердце византійской имперіи — въ Константинополь. Мы приводимъ его туда въ началѣ VI вѣка, когда Царьградъ сіялъ еще всѣмъ блескомъ обширнаго и могущественнаго, образованнаго государства. Мраморные дворцы и портики, крытыя золотыми куполами церкви, роскошно и со вкусомъ убраныя магазины занимали пространство, гдѣ въ настоящее время толпятся невзрачныя деревянныя строенія¹⁾. Обширныя площади, съ деревьями и фонтанами, разстилались по пространству, которое теперь разсѣкается лабиринтомъ узкихъ, часто непроходимыхъ, улицъ и проулковъ. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ чудесахъ, поражающихъ взоръ зрителя всюду отъ длинной

стѣны Анастасія²⁾ до угла, занимаемаго теперь сералемъ. Обратимъ вниманіе на одно только зданіе, которое для тогдашнихъ жителей Царьграда имѣло едвали не большую важность, чѣмъ возникшій нѣсколько позже храмъ св. Премудрости. Это зданіе — начатый уже Константиномъ-Великимъ, циркъ или гипподромъ. Оно помѣщалось къ юго-западу отъ нынѣшняго серала (тогдашняго palatium), въ, недалекомъ разстояніи отъ Мраморнаго моря. Еще теперь обширный пустырь, который стоитъ на томъ мѣстѣ, у турокъ называется равносильнымъ греческому слову гипподромъ, пменемъ ат-мейданъ. Расположенный на южномъ скатѣ холмистой равнины, на которой построены Константинополь, циркъ красовался во всемъ великолѣпнн своемъ передъ глазами путника, приближавшагося къ Царьграду изъ Мраморнаго моря. Съ своей стороны зрители, которые находились въ гипподромѣ, наслаждались не только великолѣпными играми, внутри его дававшимися; они могли успокоить утомленные блескомъ представленій взоры на картинѣ лазурной Пропонтиды, для которой рамкою служили, съ одной стороны, цвѣтущіе берега малой Азіи, съ другой, горизонтъ. Циркъ, какъ уже видно изъ названія его, имѣлъ форму продолговатаго круга, котораго двѣ вѣтви съ восточной стороны смыкались царскою ложею (tribunal). Около нея, по обѣимъ сторонамъ, находились ворота для вѣзда колесницъ, которыя собирались на состязанія. Мѣсто, назначенное для игръ, имѣло до 150 саженой въ ширину и вдвое болѣе въ длину. Сѣдалища зрителей окружали арену и возвышались амфитеатромъ въ сорока уступахъ. Подпорою для нихъ служилъ цѣлый лѣсъ мраморныхъ колоннъ, которыя теперь безъ слѣда исчезли. Турецкіе султаны украсили ими свои дворцы и мечети. Впрочемъ, значительная часть матеріала, изъ котораго былъ построенъ гипподромъ, была употреблена уже самими византійцами для другихъ цѣлей. Бастионы, съ которыхъ Константинъ XIII отражалъ приступы турокъ, отчасти построены изъ него.

Окрестности цирка къ сѣверу и востоку соответствовали его великолѣпнн. Тутъ видѣлись дворцы, магазины и казармы³⁾ достойные такого сосѣдства. На югѣ раскинулась роскошь вѣчно синяго моря. Но къ западу взоръ не встрѣ-

чалъ ничего, на чемъ бы можно было остановиться. Тутъ тянулись ряды маленькихъ строеній, мѣстами прерванцые запущенными садами. Тутъ толпилась грязная масса обывателей низшихъ сословій — чернь, которая едва ли не съ большимъ правомъ могла считать себя владыкою Константинополя, чѣмъ проживавшій въ позолоченныхъ хоромѣхъ императоръ.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ гипподрома, къ западу же, находились зданія для дикихъ животныхъ, которыхъ иногда на потѣху публики, спускали цѣлыми сотнями, для взаимнаго растерзанія. Разумѣется, при звѣринцахъ находились и жилища людей, смотрѣвшихъ за ними. Въ одномъ изъ такихъ жилищъ, около 500 лѣтъ ⁴⁾ послѣ Р. Х. родилась Θεодора «высокопочтенная супруга» ⁵⁾ Юстиніана.

Въ ранніе годы лишилась она отца Акакія, который, во время царствованія Анастасія, былъ смотрителемъ медвѣдей (арктотрофомъ ⁶⁾, принадлежавшихъ партіи зеленыхъ. Мать, не имѣя средствъ для прокормленія трехъ дочерей своихъ Комитоны, Θεодоры и Анастасіи, изъ которыхъ второй только что наступилъ седьмой годъ, вышла снова замужъ. Второй мужъ ея вмѣстѣ съ ея рукою получилъ то же самое мѣсто, какое занималъ первый. Но мѣсто смотрителя медвѣдей, хотя не видное, по самому существу своему, было доходное; нашелся сонскатель, который успѣлъ подкупить режиссера (орхестра) партіи зеленыхъ, Астерія, и вытеснить изъ должности семейство Акакія. Мать Θεодоры во время представленія сѣла съ дочерьми своими у входа въ гипподромъ и умоляла проходившихъ мимо зеленыхъ о пощадѣ. Но просьбы ея остались напрасными. Никто изъ знатной молодежи, которая за играми цирка забывала даже о богословскихъ превіяхъ, составлявшихъ, можно сказать, насущный хлѣбъ для жителей Византіи, не обратилъ вниманія на вдову и сиротъ того, кто такъ долго служилъ ея забавамъ. Къ счастью покинутого семейства, у партіи голубыхъ открылась вакансія на такую же должность, въ которую и удалось опредѣлиться отчиму Θεодоры ⁷⁾. Съ-этихъ-поръ, конечно, семейство ея принадлежало голубымъ. Дорого зеленые внослѣдствіи заплатились за жестокой поступокъ Астерія.

Въ памяти семилѣтней дѣвочки глубоко врѣзалось унижительное положеніе, въ которое поставила ее партія, пользовавшаяся услугами ея отца, и не разъ, впоследствии, императрица имѣла случай мстить за оскорбленіе беззащитной сироты.

Мать Θεодоры принадлежала къ самымъ презрѣннымъ существамъ своего пола. Когда старшая дочь ея Комптона ⁸⁾ достигла зрѣлаго возраста, она сама познакомила ее съ порокомъ и начала постыдную торговлю ея прелестями ⁹⁾. Θεодора была неразлучною спутницею сестры своей, и соблазнительный видъ порока рано отравилъ ея сердце. Превеличивающій все Прокопій обвиняетъ ее въ развратѣ еще съ нѣжнаго дѣтства ¹⁰⁾, но къ чести человѣческой природы можно и не повѣрить его рассказамъ. Двуличность и ненадежность его, какъ историческаго свидѣтеля, высказывается въ слишкомъ многихъ противорѣчійхъ, чтобы не могли ему противопоставить отраднаго въ этомъ случаѣ сомнѣнія.

Такъ прошли первые годы молодости Θεодоры; наступило наконецъ время, когда вдова Акакія могла почестъ удобнымъ начатіе ею того же ремесла, которому предалась Комптона. Подробности, въ которыя по этому поводу входитъ Прокопій, превосходятъ все, что мы читаемъ въ знаменитой шестой сатирѣ Ювенала о Мессалпѣ ¹¹⁾. Изъ его же словъ однакожь видно, что Θεодора привлекала къ себѣ обожателей еще болѣе, чѣмъ физическою красотою, необыкновенными умственными дарованіями. Не смотря на то, что она не была ни пѣвицей, ни танцовщицей, ¹²⁾ ни одна изъ прелестницъ цирка не могла сравниться съ нею по живости и остроумію рѣчей ¹³⁾, по глубокому знанію правилъ кокетства. Къ этому надобно прибавить, что Θεодора владѣла замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ и одинаково отличалась какъ трагическая и какъ комическая актриса. Часто жители Константинополя восхищались ея игрою, которая позволяла ей съ полнымъ успѣхомъ пользоваться оружіемъ красоты своей. Имя молодой дѣвушки скоро сдѣлалось предметомъ обожанія для всѣхъ, считавшихъ нравственность и приличіе лишнимъ стѣсненіемъ. Въ тоже время для честныхъ людей, Θεодора стала предметомъ не только презрѣнія и от-

вращенія, но и какого-то таинственнаго страха. Встрѣча съ нею по утрамъ считалась самымъ тяжкимъ предзнаменованіемъ. Словно чумнаго товара боялись честные люди коснуться ея платья ¹⁴⁾ и всѣ вѣровали въ молву, что не одни люди, даже нечистые духи прельщались ею и посѣщали ее въ ночное время ¹⁵⁾.

Толпою собирались обожатели во кругъ пресловутой красавицы, въ глазахъ которой цѣнились, впрочемъ, не личные достоинства, а только золото. Благодаря послѣднему, одному изъ нихъ, Эквиолу, префекту африканскаго города Пентаполя, удалось склонить ее покинуть Константинополь и отправиться съ нимъ въ его префектуру ¹⁶⁾. Но напрасно рассчитывалъ онъ на постоянство купленной любви: Теодора въ провинціи продолжала промышленать тѣмъ, чему выучилась въ столицѣ. Кровь закипѣла въ горячемъ африканцѣ, и купленная дорогою цѣною любовница была лишена всѣхъ пріобрѣтенныхъ богатствъ, и съ позоромъ выгнана изъ Пентаполя ¹⁷⁾. Не могли лишиться се только красоты и безстыдства. Благодаря этимъ свойствамъ, она кое-какъ достигла Александріи и тутъ — въ центрѣ всемірной торговли, куда стекались сокровища Запада и Востока, снова предалась привычной жизни. Но какое-то предчувствіе влекло ее въ столицу. То не было желаніе найти болѣе обширный кругъ для своей позорной дѣятельности; города Востока: Триполь, Александрія и Антиохія, по богатству и развращенности своего населенія, едва ли не превосходили самаго Царьграда и могли насытить золотомъ даже самую корыстолюбивую душу. Теодоръ что-то говорило, что ей предстоитъ высшее, чѣмъ карьера прелестницы. Въ Антиохіи она объясняла одной изъ своихъ пріятельницъ, одинаковаго съ нею права женщинѣ, Македоніи, что ей непременно надобно быть въ Константинополѣ. Вѣщій сонъ, который она видѣла, общалъ ей высшее счастье, какое суждено достигнуть человѣку ¹⁸⁾.

И дѣйствительно, голосъ сердца не обманулъ ее. Теодора возвратилась въ Константинополь не легкомысленною, жадною къ удовольствіямъ дѣвушкою, а женщиною опытною въ познаніи человѣческаго сердца, съ желѣзною волею и красотою вполне разцвѣтшею и развившеюся. Даже враги ее

описываютъ въ ней идеаль женской красоты и, сколько можно судить по монетѣ съ ея изображеніемъ, вычеканенной нѣсколько позже, похвалы эти не преувеличены. Ничто въ наружности ея не обличало необузданности права и темперамента. Въ блѣдномъ лицѣ ея высказывалась невыразимая прелесть, поддержанная совершенною правильностью формъ. Темные волосы отбѣняли его. Только огонь глазъ высказывалъ неукротимую страсть, одушевлявшую ея, съ перваго взгляда, слабое тѣло ¹⁹⁾). Къ этому надобно прибавить, что красота Θεодоры принадлежала къ роду тѣхъ, рѣдко встрѣчаемыхъ, которыя не страдаютъ отъ времени, и въ глубокой старости еще сохраняютъ всю свою заманчивость. Если позволено по словамъ описанія и блѣдному очерку медали отважиться на сравненіе, то мы бы сказали, что изъ современныхъ знаменитостей портретъ Лолы Монтесъ кажется болѣе всѣхъ напоминаетъ характеръ наружности Θεодоры. Столь богатые дары природы ревностно поддерживались искусствомъ туалета. Каждое утро она принимала ванну, въ которой просиживала до самого завтрака и послѣ которой снова отдыхала. За обѣдомъ и ужиномъ употребляла умѣренную по количеству и по качеству пищу. Только въ отношеніи ко сну не знала она мѣры, что, впрочемъ, при ея образѣ жизни и было естественно ²⁰⁾).

Въ Константинополѣ Θεодора снова обратилась къ театру и снова стала идоломъ свѣткой молодежи. Но ей надобны ласки людей, отъ которыхъ она могла ожидать только денегъ, и которыхъ сама душевно презирала. Взоры ея обратились ни на кого иного, какъ на наследника византійскаго престола, и послѣдствія показали, что этотъ дерзкій замыселъ не былъ опрометчивымъ. Ничего не было невозможнымъ въ такое время, когда и самый престолъ былъ добычею перваго смѣльчака, и доставался всякому, у кого только хватало духа для достиженія его не пренебечь никакими средствами.

Оставимъ на время прелестницу съ ея высокоумными планами и взглянемъ на того, кто сдѣлался предметомъ ея искуснаго кокетства — на кесаря, т. е., нарѣченнаго наследника престола, Юстиніана.

Не на берегахъ Фракійскаго Босфора, не среди злато-

главыхъ церквей Царьграда, а далеко за Балканомъ, въ маленькомъ илирскомъ городѣ Таврезіи ²¹⁾ родился онъ въ 482 году по Р. Х. Колыбели его не окружала толпа царедворцевъ и сановитыхъ педагоговъ; а выносила и вскормила его бѣдная илиріанка Бѣглияница и назвала сына своего не чуждымъ уху ея латинскимъ именемъ, подъ которымъ онъ живетъ въ исторіи, а на языкѣ своей родины — Управдой. Въ сосѣднемъ съ Таврезіемъ городѣ Бедеріанѣ жилъ братъ ея Юстинъ, женатый на землячкѣ, которую византійскіе историки вѣроятно не настоящимъ именемъ называютъ Лупциной. Вукъ и Вучица (волчица), какъ извѣстно, и теперь еще часто всрѣчаются между сербами. — Все семейство жило честнымъ трудомъ рукъ своихъ, обрабатывая землю. Незавѣсныя причины побудили его оставить родину и искать счастья на царской службѣ въ Византіи. Около 475 года Юстинъ съ двумя товарищами, Земархомъ и Дитибистомъ ²²⁾, отправился въ Царьградъ и безъ труда опредѣлился въ царскую гвардію, гдѣ исполинскій ростъ и соотвѣтственная физическая сила скоро доставили ему почетное мѣсто. Императоръ тогда былъ Зенонъ, котораго черезъ одиннадцать лѣтъ смѣнилъ Анастасій, человекъ добрый и умный, но уже старый. Вступая на престолъ, который вмѣстѣ съ своею рукою предоставила ему вдова Зенона, Аріядна, онъ былъ уже шестидесяти лѣтъ. Естественно, что онъ поэтому не могъ оправдать надеждъ, которыя возлагались на него византійцами и которыя основывались на безукоризненности его частной жизни. Для удовлетворенія нуждамъ такого государства, каковымъ тогда была восточная имперія, нуженъ былъ человекъ не только съ умомъ и образованіемъ, но и съ непреклонною волею и неутомимою энергіею. — Внутренніе и внѣшніе враги безиокоили царствованіе Анастасія. Въ числѣ послѣднихъ самыми опасными были исавряне и персы. Въ битвахъ съ ними Юстинъ пріобрѣлъ впервые извѣстность. Предводитель византійской арміи Іоаннъ Кривой за какое-то преступленіе заключилъ его въ темницу съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день предать казни. На свидѣніе побудило его освободить заключеннаго ²³⁾, который, съ-тѣхъ-поръ, началъ быстро повышаться. Около 499 года онъ уже является начальни-

комъ отдѣльнаго отряда, а въ 503 году мы встрѣчаемъ его имя въ числѣ пяти полководцевъ, между которыми Анастасій изъ опасенія и недовѣрчивости раздѣлилъ восточную армию. По заключеніи мира въ 505 году, Юстинъ возвратился въ Константинополь и вызвалъ туда же своихъ родственниковъ. Что сдѣлалось съ отцомъ Юстиніана Истокомъ (Востокомъ), котораго греки переименовали въ Савватія, а римляне въ Sol oriens, неизвѣстно. Племяннику же Юстинъ далъ отличное образованіе, въ значеніи котораго онъ убѣдился, хотя самъ до конца жизни оставался грубымъ мужикомъ и не выучился даже писать своего имени ²⁴). Пользуясь протекціей дяди, Юстиніанъ поступилъ въ военную службу. Въ послѣдніе годы царствованія Анастасія покровитель его достигъ высокаго сына магистра-преторіанцевъ, т. е., начальника гвардіи, и, при шаткости византійскаго престолонастѣдія, имѣлъ теперь въ своихъ рукахъ всѣ средства, чтобы овладѣть даже верховною властью. Смерть Анастасія представила удобный случай воспользоваться имъ. Опъ оставилъ трехъ племянниковъ, изъ которыхъ ни одинъ, однакожь, не владѣлъ свойствами, необходимыми для того, чтобы привлечь массу. Какъ Ипатій — старшій изъ нихъ, такъ и два родственника его, Пробъ и Помпей, уже въ 501, 502 и 503 годахъ были назначены консулами. Но народъ, не возлюбившій Анастасія за его приверженность къ эвтихіанской ереси, не хотѣлъ видѣть на престолѣ и родственниковъ его. Этимъ вздумалъ воспользоваться оберъ-гофмаршалъ (comes palatii) Аманцій, для того, чтобы возвести на престолъ друга или родственника своего, Θεокритіана. Самъ онъ будучи эвнухомъ, не могъ думать о царствѣ. Для достиженія этой цѣли, онъ поручилъ Юстину сумму денегъ, чтобы подкупить гвардейцевъ. Но Юстинъ роздалъ ихъ отъ своего собственнаго имени и былъ провозглашенъ императоромъ. Народъ не противился, а Аманцій, съ несчастнымъ Θεокритіаномъ, скрѣпили кровью шаткій еще престолъ новаго государя ²⁵).

У Юстина дѣтей не было; такимъ образомъ племянникъ его возымѣлъ полное право на престолъ, и еще при жизни дяди принялся за дѣла правленія. Мы замѣтили, что Юстинъ былъ человекъ безъ всякаго образованія; но блестящая каръ-

ера, имъ совершенная, доказываетъ, что онъ отъ природы владѣлъ большими способностями, и обличаетъ ложь Прокопія, который называетъ его безпримѣрно глупымъ ²⁶). Какъ бы то ни было, въ государствѣ, подобномъ византійскому, такой человѣкъ былъ хорошъ только какъ исполнитель; душою же правленія долженъ былъ сдѣлаться Юстиніанъ. Тридцатипяти-лѣтній возрастъ даровалъ ему опытность; тщательное образованіе, данное однимъ изъ первыхъ ученыхъ того времени, Теофиломъ, развило въ немъ природныя способности; сверхъ всего этого владѣлъ онъ самымъ важнымъ для государя даромъ — умениемъ отыскивать людей, способныхъ къ исполненію своихъ плановъ. Вслѣдствіе этой-то причины, его царствованіе представляетъ одинъ изъ блистательныхъ періодовъ византійской исторіи, и увѣнчало его славою, которой онъ по личнымъ свойствамъ едва ли былъ достоинъ. Характеръ его опредѣлить въ подробностяхъ трудно; но и въ самыхъ противорѣчійхъ на этотъ счетъ византійскихъ лѣтописцевъ видно, что твердости въ немъ было мало. Юрисконсульты, пораженные безпримѣрнымъ превосходствомъ составленнаго по его приказанію кодекса, воздаютъ ему похвалы незаслуженныя; церковные писатели, напротивъ, большею частью порицаютъ его. Тотъ изъ современниковъ, которому мы обязаны наиболѣе полными извѣстіями о немъ, въ анекдотахъ своихъ представляетъ его демономъ, въ формѣ человѣческой. Въ другомъ сочиненіи его «О зданіяхъ,» Юстиніанъ является образцовымъ правителемъ. При такихъ противорѣчійхъ, самое вѣрное, хотя и не богатое подробностями, заключеніе о немъ можно вывести только изъ его исторіи. На основаніи того, что было совершено Юстиніаномъ, можно сказать безъ пристрастія, что онъ отъ природы былъ кроткаго, человѣколюбиваго нрава, но легко подчинялся чужому вліянію. Оставаясь частнымъ человѣкомъ, онъ заслужилъ бы полное уваженіе; на престолѣ же самыя добрыя качества его причинили болѣе вреда, нежели пороки.

Вотъ на какого человѣка обратились взоры Θεодоры. Женщины съ сильною волею оказываютъ магическое вліяніе на подобные характеры. Увидѣвъ ее впервые на сценѣ, Юстиніанъ былъ пораженъ ея красотою; при болѣе близкомъ

знакомствѣ онъ оцѣнилъ быстрый и вѣрный умъ прелестницы. Чѣмъ болѣе длилось оно, тѣмъ болѣе впутывался онъ въ сѣти хитрой кокетки и, наконецъ, зашелъ такъ далеко, что выпутаться уже не было силы. Съ своей стороны, Θεодора бросила прежній образъ жизни. Наслѣдникъ престола не долженъ былъ имѣть соперниковъ; она хотѣла принадлежать ему одному, но и для себя требовала такой же исключительности. Конечно, до обнаруженія такой претензій она дошла не вдругъ; но исторія не сохранила намъ цѣлаго хода интриги, а знакомитъ только съ результатомъ ея. Этимъ результатомъ было ихъ бракосочетаніе. Уже современникамъ оно казалось столь страннымъ, что для объясненія его они прибѣгали къ чудесному, и полагали, что кесарь привязался къ ней не столько естественными прелестями ея, сколько силою чардейства ²⁷⁾. Впрочемъ, для достиженія цѣли, Θεодорѣ надлежало еще преодолѣть болѣе существенныя препятствія, чѣмъ слабую волю кесаря. Ни Юстинъ, ни жена Евфимія, ни сестра Бѣгляница не хотѣли видѣть въ своей семьѣ женщину, обезславленную въ глазахъ цѣлой Византіи. Къ тому же положительный законъ запрещалъ сенаторамъ и вообще государственнымъ сановникамъ вступать въ бракъ съ актрисами ²⁸⁾. Къ счастью Θεодоры, Евфимія скоро умерла ²⁹⁾, и Юстинъ остался на престолѣ одинъ. Ему тогда было семьдесятъ пять лѣтъ, а въ такомъ возрастѣ твердость характера не рѣдко замѣняется упрямствомъ, которое, при всей видимой самостоятельности, легко подчиняется чужому влиянію. Юстиніанъ уже былъ полнымъ главою государства, и безъ труда могъ располагать въ свою пользу всѣми лицами, которыя окружали его дядю и которыя видѣли въ немъ своего будущаго господина. Такимъ образомъ Юстинъ, убѣждаемый со всѣхъ сторонъ, рѣшился наконецъ уступить желанію Кесаря. По его приказанію, сенатъ съ подобострастіемъ измѣнилъ законъ о неравныхъ бракахъ ³⁰⁾. Θεодора наконецъ увидѣла себя законною супругою Юстиніана, волею котораго она тѣмъ болѣе овладѣла, что мать его Бѣгляница умерла съ досады на позорное поведеніе сына ³¹⁾. Скоро послѣ этого Юстиніанъ былъ провозглашенъ Августомъ и назначенъ соправителемъ своего дяди. Это случилось въ Великій Четвергъ 527 го-

да, а черезъ три дня, въ Свѣтлое Воскресенье, еще при жизни Юстинна, какъ новаго Августа, такъ и его супругу съ торжествомъ вѣнчали на царство. Юстинъ умеръ нѣсколько недѣль спустя, удалившись уже совершенно отъ дѣлъ правленія.

Когда совершилось это событіе, для Θεодоры миновалъ первый цвѣтъ молодости. Мужу ея было сорокъ пять лѣтъ, сама она вѣроятно уже переступила за тридцать. Возвышенная однимъ порывомъ страсти, она не могла разсчитывать удержаться на своей высотѣ одной любовью императора. Безъ болѣе надежной опоры, эта любовь охладѣла бы столь же быстро, какъ и возникла. Притомъ, удовлетворять одной только страсти Юстиніана не было согласно съ ея гордымъ, вовсе не женственнымъ, характеромъ. Ей было необходимо приобрести для него иное значеніе, значеніе поддержки и содѣйствія въ дѣлахъ правленія. Политика поэтому теперь стала стихіею ея, и можно сказать, что пока она оставалась въ живыхъ, въ ней находился центръ тяжести византійскаго правленія. Прежде всего надлежало поразить толпу, которая очень хорошо помнила ея прежнее состояніе и съ ненавистью смотрѣла на супругу кесаря. Для этой цѣли Θεодора, какъ и всѣ люди, обязанные высокимъ положеніемъ не заслугамъ или знатному происхожденію, а игрѣ случая, окружила себя самымъ строгимъ этикетомъ. Если мы вспомнимъ исторію образованія монархической власти въ римскомъ государствѣ, то поймемъ, что въ понятіяхъ народа все еще императорскій санъ былъ болѣе должностью, нежели достоинствомъ. Правда, уже со временъ Діоклеціана императоры стали окружать себя восточнымъ этикетомъ; но все еще атрибутъ *majestas*, дававшійся особѣ императора, означалъ собственно величество всего народа, котораго онъ былъ представителемъ. Императорскій санъ въ Римѣ основывался исключительно на томъ, что теперь привыкли означать выраженіемъ *souveraineté du peuple*. Юстиніанъ первый возвысилъ власть императора на степень истинно верховной, даруемой Божіею милостью, безъ участія подданныхъ. Онъ былъ первымъ истиннымъ самодержцемъ, и нигдѣ права самодержавія не опредѣлены съ такою точностью, какъ въ

составленныхъ его юристами кодексахъ. Такою «Богомъ данною императрицею» хотѣла быть въ глѣзахъ византійцевъ и Θεодора. Никогда придворный церемоніаль не доходилъ до такой строгой систематичности, какъ при ней. По старинному обычаю, духовенство было избавлено отъ многихъ требованій его, между прочимъ отъ именованія императора унизительнымъ для подданныхъ названіемъ dominus. Θεодора распространила обыкновеніе называть себя domina и на высшихъ сановниковъ Церкви. Тогда какъ самъ Юстиніанъ отличался обходительностью, былъ доступенъ людямъ всякаго званія и бесѣдовалъ съ ними о дѣлахъ не только на публичныхъ аудіенціяхъ, но и наединѣ ³²⁾; императрица, напротивъ, принимала не многихъ. Въ душевной прихожей надлежало дожидаться по нѣсколько часовъ тѣмъ, которые являлись къ ней по дѣлу, или для представленія; стояли же они тамъ, по словамъ Проконія, на вытяжку и не смѣли садиться, чтобы не быть замѣченными въ такомъ непочтительномъ положеніи проходившими мимо звнухами ея. Именной списокъ всѣхъ, ожидавшихъ ее, подавался потомъ Θεодорѣ, которая удостоивала чести приѣма не многихъ и то послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ посѣщеній. Вводимые въ кабинетъ ея, падали ницъ и цѣловали ноги. Безъ особаго разрѣшенія никому не дозволялось говорить въ ея присутствіи. И такимъ унизительнымъ требованіемъ повиновался не только простой народъ, но даже сенаторы и первые сановники имперіи ³³⁾.

Но окружая себя этимъ непривычнымъ еще для тогдашнихъ византійцевъ блескомъ, Θεодора не довольствовалась одною почестью; она жаждала и власти. Во всѣхъ замѣчательныхъ распоряженіяхъ Юстиніана она является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и исторія ея, съ-этихъ-поръ, тѣсно связана съ исторіею самой византійской имперіи.

Какъ она, такъ и супругъ ея, были въ полномъ смыслѣ слова выскачками. Игра случая, подобная той, которой они были обязаны своимъ возвышеніемъ на престолъ, могла ихъ и свергнуть съ него. Въ самомъ дѣлѣ, опасность угрожала какъ извнѣ, такъ и изнутри, но послѣдняя, какъ ближайшая, была сильнѣйшая. При господствующемъ образѣ мыслей и склонностяхъ византійскаго народа, самыя важныя затру-

дненія могли возникнуть изъ богословскихъ споровъ, за которые принялись греки послѣ того, какъ философія превратилась у нихъ въ голословную софистику. Извѣстно, какого труда стоило преемникамъ Константина-Великаго справиться съ рационалистическимъ ученіемъ Арія. Его мнѣнія были осуждены Церковью, и вслѣдствіе того, подверглись гоненіямъ также свѣтской власти; но это послужило только къ ихъ распространенію. Бѣжавшіе приверженцы Арія нашли себѣ пріютъ и послѣдователей у германцевъ. Между остъ-готами въ Италиі, вестъ-готами въ Испаніи и вандалами въ Африкѣ, аріанизмъ господствовалъ исключительно, хотя подвластные имъ провинціалы романскаго племени держались православія. Такимъ образомъ вѣра составляла невидимая, но тѣмъ сильнѣшія узы между ними и православнымъ государемъ Востока. Это обстоятельство не могло не отозваться и въ политикѣ Византіи. Завоеваніе Юстиніана въ Италиі и въ Африкѣ болѣе всего зависѣли отъ сочувствія, которое онъ встрѣтилъ въ жителяхъ этихъ странъ, и отъ ихъ ненависти къ иновѣрнымъ властителямъ. — Между тѣмъ, православіе встрѣтило новыхъ враговъ среди своихъ же послѣдователей. Въ началѣ V вѣка распространилось ученіе Эвтихета. Послѣ многолѣтнихъ споровъ, его мнѣнія, наконецъ, въ сорокъ третій годъ царствованія Θεодосія II, на халкедонскомъ Соборѣ были преданы проклятію. Но предать проклятію не значило уничтожить. Мистцизмъ монофизитовъ — такъ назывался приверженцы Эвтихета — какъ нельзя болѣе приходился по вкусу преданному мечтаніямъ и созерцательности Востоку. Въ Сиріи и Египтѣ почти вся масса народонаселенія держалась ученія Эвтихета. Даже въ Константинополь проникла новая ересь, пользуясь покровительствомъ или, по крайней мѣрѣ, равнодушіемъ къ православію Льва I, Зепона и Анастасія. Юстиніанъ понялъ, что византійскій императоръ могъ быть только православнымъ, если не хотѣлъ подвергнуть царства безконечнымъ смутамъ и безпокойствамъ. Еще Юстинъ издалъ по его настоянію эдиктъ, который подвергъ жесточайшимъ гоненіямъ аріанъ, жившихъ въ предѣлахъ восточной имперіи ³⁴). Въ 528 году вышелъ новый эдиктъ уже отъ времени самого Юстиніана, которымъ подтверждались

рѣшенія халкедонскаго Собора ³⁵). Въ силу этихъ рѣшеній, монофизиты были объявлены еретиками и лишены титула православнѣйшихъ, на который претендовалъ Эвтихетъ, такъ какъ ученіе его было діаметрально противоположно ученію Арія. Монофизиты, однакожь, едва ли не составляли большинства подданныхъ византійской имперіи и потомъ населяли тѣ части ея, гдѣ господство императора и безъ того становилось шаткимъ отъ сосѣдства Персіи. Принудить ихъ силою къ признанію догматовъ православной Церкви было, если невозможно, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно опасно. Въ этомъ затрудненіи впервые высказалась политическая дѣятельность Θεодоры, въ томъ видѣ, въ какомъ можно было ожидать отъ нея — въ видѣ интриги. Естественно, что женщина, подобная Θεодорѣ, не имѣла никакихъ положительныхъ религіозныхъ убѣженій. Религія была для нея только маскою, которую надѣвала она, когда считала нужнымъ, и въ той формѣ, которую находила для себя выгоднѣйшею. Тогда какъ Юстиніанъ, имѣя особенно въ виду, какъ кажется, вліяніе на италійскихъ подданныхъ остъ-готовъ, поддерживалъ православіе, Θεодора, напротивъ, съумѣла прослыть защитницею монофизитовъ. Этимъ она удерживала ихъ отъ явнаго возстанія противъ враждебнаго имъ правительства. Что ея образъ дѣйствій дѣйствительно былъ только личиною, видно изъ того, что она никогда не употребляла безграничнаго вліянія своего на императора для того, чтобы склонить его на какую-нибудь дѣйствительно благопріятную монофизитамъ мѣру. Но передъ народомъ она носила ее искусно и не упускала случая высказывать свои мнимыя убѣженія. Она подвергалась за нихъ даже отлученію отъ Церкви со стороны римскихъ епископовъ, которымъ нечего было бояться ея. Такъ предалъ ее проклятію папа Агаптъ и, нѣсколько позже, Вигилій. Но что это мнимое самопожертвованіе вовсе не свидѣтельствовало объ истинной религіозности, видно изъ жестокихъ поступковъ ея съ духовенствомъ, изъ неуваженія къ святынямъ, изъ безпрестанныхъ нарушеній права убѣжища, которымъ пользовались константинопольскія церкви, если къ этому праву вздумалъ прибѣгнуть кто-нибудь изъ враговъ ея. Наконецъ, не мало важно для истинной оцѣнки ея образа мыслей и то обстоятельство,

что привязанность къ ученію Эвтихета и Несторія нисколько не смягчало ея злобы противъ партій зеленыхъ, не смотря на то, что они присвоили себѣ символъ монофизитской секты и считались ея защитниками.

Къ вопросу о вѣрѣ въ византійской имперіи примыкало все остальное. Богословскія пренія представляютъ собою нить, которую должно имѣть въ виду, чтобы не потеряться въ лабиринтѣ ея исторіи. Являлся ли какой-нибудь честолюбецъ съ намѣреніемъ свергнуть съ престола императора, онъ тотчасъ находилъ приверженцевъ, если выставлялъ знамя свое въ пользу какого-нибудь спорнаго ученія, находившагося въ угнетеніи. Вторгался ли въ предѣлы имперіи виѣшній непріятель — онъ всегда могъ рассчитывать на помощь значительной части ея подданныхъ, если только обѣщаль имъ покровительство противъ господствовавшей враждебной имъ догматики правительства. Не мечь Амру и Омара отторгъ отъ Византіи лучшія провинціи — Сирію и Египетъ, а недовольство монофизитовъ господствомъ православія. Феодора понимала это и отсюда происходило сравнительное равнодушіе ея и Юстиніана къ другимъ обстоятельствамъ, которыя могли поколебать ихъ престолъ. Истязанія жителей сборщиками податей, присутствіе претендентовъ на престолъ живыхъ еще родственниковъ Анастасія — даже кровавыя игры въ циркѣ, которыя не разъ уже обуревали столицу ³⁶⁾, не беспокоили ихъ, пока за ними не становилась замѣтною игра богословскихъ партій. Къ счастью, вліяніе богословскихъ преній не простиралось вовсе, или по крайней мѣрѣ весьма мало, на войско. Составленное почти исключительно изъ варварскихъ элементовъ, аланъ, армянъ, псаврійцевъ, готовъ, руссовъ, славянъ, оно не могло принимать въ нихъ участія уже по той простой причинѣ, что въ немъ самомъ господствовали самыя различныя религіозныя убѣжденія. Рядомъ съ аріанномъ-готовомъ молился послѣдователь Несторія — армянинъ, взывалъ къ своему Тору язычникъ варягъ и поклонялся Перуну славянинъ. Притомъ страсть къ разбору величайшихъ богословскихъ тонкостей составляла существенную черту въ народномъ характерѣ однихъ грековъ, которые переняли ее у своихъ языческихъ софистовъ.

Если однакожь войско въ византійской имперіи было только слѣбнымъ орудіемъ, которое въ массѣ не имѣло ни убѣжденій, ни вѣрованій и безусловно повиновалось тому, кто давалъ ему жалованье и содержаніе, то оно именно по своей отчужденности отъ народной жизни угрожало правительству опасностью другаго рода. Оно могло сдѣлаться такимъ же орудіемъ въ рукахъ своего непосредственнаго начальника и открыть ему путь къ престолу, еслибы онъ пожелалъ этого. И чѣмъ болѣе славы стяжалъ себѣ полководецъ, чѣмъ болѣе авторитетъ приобрѣталъ онъ въ глазахъ солдатъ, тѣмъ такое предпріятіе для него дѣлалось легче, тѣмъ онъ законному господину своему становился опаснѣе. Если сверхъ популярности въ войскѣ, предводитель его могъ еще употребить въ свою пользу идеи, двигавшія массами, то успѣхъ его былъ несомнѣненъ, потому что престолъ въ Византіи не поддерживался святостью, которую у новыхъ европейскихъ народовъ приобрѣло понятіе днастин и царской крови. Ни у одного народа исторія не представляетъ такъ часто явленія, что знаменитый полководецъ за всѣ свои заслуги награждается отставленіемъ отъ должности и лишеніемъ сана. Не неблагодарность правительства была причиною этого, а инстинкъ самосохраненія, расчетъ подозрительности, слишкомъ часто, къ сожалѣнію, оправданный событіями.

Правленіе Юстиніана ознаменовано именами многихъ великихъ полководцевъ. Первое мѣсто между ними, не только какъ воинъ, но и какъ человекъ, занимаетъ Велисарій. Ничего бы не стоило ему овладѣть престоломъ, еслибы онъ захотѣлъ этого, или сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ отдаленной провинціи. Предлагали же ему остъ-готы корону Итали³⁷⁾ и на вѣрное поддержали бы его противъ византійскихъ наемниковъ. Но его связывала съ Византіею неразрывная цѣпь, которой одинъ конецъ находился въ рукахъ императрицы. Эту цѣпь составляла жена его Антонина.

Въ одной изъ лѣтописей латинскаго Запада³⁸⁾, мы находимъ слѣдующее извѣстіе объ его отношеніяхъ къ этой женщинѣ: «Юстиніанъ и Велисарій, зашедши однажды вмѣстѣ съ сверстниками въ одинъ домъ, увидѣли тамъ двухъ женщинъ изъ племени амазонокъ, которыя, попавшись въ плѣнъ,

«промышляли своею красотою. Они похитили ихъ и отвели въ свои дома. Одна изъ этихъ женщинъ называлась Θεοδο-
«рой, другая — Антониной. И Θεοдору взявъ къ себѣ Юстп-
«ніанъ, а Антонину—Велисарій.» Этотъ разсказъ бчевидно
вымышленъ, потому что противорѣчитъ всѣмъ показаніямъ
византійскихъ лѣтописцевъ; но онъ прекрасно выражаетъ
сравнительное достоинство и взаимныя отношенія обѣихъ
женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, Антонина была достойною су-
пругою перваго сановника имперіи, въ которой императри-
цею была Осодора. И она происходила изъ тѣхъ слоевъ об-
щества, которымъ принадлежали родители послѣдней. Отецъ
и дядя ея были возницами, промышлявшими своимъ искусствомъ
на играхъ въ Константинополѣ и Фессалоникахъ. Мать тор-
говала собою въ публичныхъ домахъ. Какимъ образомъ по-
знакомился съ нею Велисарій — неизвѣстно, но мы знаемъ,
что и она въ то время шла по слѣдамъ матери и прио-
брѣла себѣ немалую извѣстность между константинополь-
скими прелестницами. Красотою она уступала Θεοдорѣ, но
равнялась ей хитростью, склонностью къ интригѣ и нераз-
борчивостью въ выборѣ средствъ, которыя могли повѣсти
къ избранной цѣли³⁸). «Способнѣйшею изъ смертныхъ найти
выходъ изъ безвыходнаго положенія» называетъ ее Проко-
пій³⁹). Впрочемъ и наружностью она не многимъ уступала
императрицѣ: не было въ ней той чудной, идеальной пре-
лести, которая особенно нравится человѣку съ утонченнымъ
вкусомъ и которая обворожила Юстиніана. За то болѣе чув-
ственная натура вполне удовлетворилась бы этимъ цвѣтущимъ
свѣжестью и жизнію лицомъ, которое осыпали густыя пряди
черныхъ волосъ, этою высоко вздымавшеюся грудью, этими
полными сладострастными формами, которыя приписываетъ
ей Прокопій. — Велисарій не первый увлекся существен-
ными красотою жены своей. Онъ былъ ея вторымъ му-
жемъ. Имени перваго не сохранила намъ исторія, хотя мы
знаемъ, что отъ него осталось у Антонины двое дѣтей, дочь
и сынъ, съ которыми мы еще встрѣтимся въ нашемъ раз-
сказѣ. Кромѣ ихъ у нея было еще множество незакон-
ныхъ и непризнанныхъ дѣтей, не смотря на то, что она
хорошо знала и нерѣдко употребляла средства, чтобы изба-

виться отъ послѣдствій преступныхъ связей. Мать ея подъ старость занималась торговлею этими средствами, которыя къ стыду человѣчества до-сихъ-поръ еще въ такомъ ходу въ Константинополь⁴⁰⁾. Бракъ не отнялъ у Антонины привычки къ прежнему образу жизни. Даже домашніе люди Велисарія становились предметомъ ея страсти. Въ числѣ ихъ находился Θεодосій, сынъ неизвѣстныхъ родителей, который былъ усыновленъ Велисаріемъ. Антонина была крестною матерью его, такъ какъ онъ родился язычникомъ и только на семнадцатомъ году жизни принялъ крещеніе. Даже это священное отношеніе не остановило ея преступныхъ замысловъ. Во время похода въ Африку, куда Антонина сопутствовала своему супругу, дѣло дошло до развязки, потому что она въ безумной и порочной любви своей пренебрегла всякою осторожностью. Велисарій открылъ невѣрность жены своей *in flagrante*, но до такой степени находился подъ ея вліяніемъ, что болѣе повѣрилъ ея оправданію, нежели собственнымъ глазамъ⁴¹⁾. Наконецъ, въ 535 году въ Сициліи, одна изъ служанокъ Антонины успѣла убѣдить его неотразимыми доказательствами, и Велисарій, вмѣсто того, чтобы, какъ совѣтовалъ сослуживецъ и другъ его Константинъ, наказать жену, приказалъ умертвить соблазненнаго ею юношу. Θεодосій узналъ объ угрожавшей ему опасности и спасся бѣгствомъ въ Эфесъ. Антонина еще разъ усыпила подозрѣнія мужа и снова овладѣла его довѣріемъ до такой степени, что онъ даже открылъ ей, кто донесъ ему о ея связяхъ съ Θεодосіемъ и какой совѣтъ былъ данъ Константиномъ. Ужасная участь постигла болтливую служанку. По приказанію Антонины, ей отрѣзали языкъ, руки и ноги, посадили въ мѣшокъ и утопили въ морѣ⁴²⁾. Погубить Константина, начальника отдѣльнаго отряда, ознаменованнаго многими побѣдами, было труднѣе; но и онъ не избѣгнулъ своей участи. Антонина воспользовалась ничтожнымъ предлогомъ, чтобы поссорить его съ своимъ мужемъ. Когда остъ-готскій король Витигесъ готовился отнять у византійцевъ только что завоеванный ими Римъ, то открылось, что одинъ изъ почетнѣйшихъ жителей Равенны, ибѣкто Пресидій, велъ съ Велисаріемъ измѣнническую переписку. Опасаясь мести готскаго короля, онъ бѣжалъ въ

занятый византийцами Сполетъ и спряталъ въ тамошней церкви, взятыя съ собою сокровища. Константинъ, находившійся тогда въ Сполетѣ, присвоилъ себѣ часть изъ нихъ—мечъ, оправленный драгоцѣнными камнями. Пресидій сначала молчалъ; но потомъ вѣроятно ободренный людьми, которые знали нерасположеніе къ Константину жены главнокомандующаго, обратился съ жалобой къ Велисарію. Константина посадили подъ арестъ; но этимъ неудовлетворилась Антонина. Она не отставала отъ Велисарія, пока не вынудила у него приказанія умертвить несчастнаго за преступленіе, которое въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ едва ли даже считалось преступленіемъ⁴³).

Устранивъ все, что могло служить помѣхою для удовлетворенія страсти, Антонина вызвала Θεодосія изъ убѣжища и возобновила свои прежнія къ нему отношенія. Ей даже удалось склонить Велисарія къ назначенію его сборщикомъ податей въ Африкѣ и завоеванной части Италіи. Эта должность въ короткое время доставила ему огромное состояніе. Прокопій говоритъ, что онъ присвоилъ себѣ изъ казенныхъ денегъ громадную сумму въ полтора мильона рублей на наши деньги⁴⁴), но вмѣстѣ съ тѣмъ создала для него новаго врага въ лицѣ Фотія, роднаго сына Антонины. Фотій съ завистью видѣлъ, что чужой пользуется тѣмъ, что онъ считалъ по праву своимъ. Материнскаго чувства въ Антонинѣ не было. Она видѣла въ Фотіи не сына, а противника и тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ легче всякаго другаго могъ открыть глаза Велисарію. Противъ него была теперь направлена таже ненависть, жертвами которой стали Константинъ и несчастная служанка Македонія. И кажется, что на этотъ разъ ея злоба оттолкнула даже самого Θεодосія. Ему самому стала страшна связь съ женщиной, для которой и материнское чувство не имѣло болѣе ничего священнаго. Въ то самое время, какъ Велисарій праздновалъ въ Константинополѣ триумфъ за покореніе остъ-готовъ, Θεодосій снова удалился въ Эфесъ. Развратная жизнь до того надоѣла ему, что онъ принялъ здѣсь схиму⁴⁵).

Антонина была внѣ себя отъ отчаянія. Тотъ, для котораго она опятнала совѣсть свою столькими преступленіями,

самъ покинулъ ее. И до такой степени была сильна страсть въ этой порочной душѣ, что и теперь она даже не почувствовала презрѣнія, которое высказывалось въ поступкѣ ея обожателя. Овладѣть имъ снова, овладѣть во что бы то ни стало, было единственнымъ предметомъ заботы ея. Обстоятельства помогли исполненію этого желанія. Велисарій, въ сопровожденіи Фотія, отправился въ походъ противъ персовъ и далъ ей тѣмъ полную свободу дѣйствовать. Чтобы убѣдить Θεодосіа возвратиться къ ней, она прибѣгла къ помощи императрицы. Θεодора дѣйствительно склонила его оставить эфесскій монастырь, въ которомъ онъ скрывался, и прибыть въ Константинополь⁴⁶). Поддавшись однажды обоятельному влиянію прелестницы, онъ уже не могъ болѣе избавиться и превратился въ слѣпое орудіе ея. Антонина прежде всего заставила его принять мѣры, чтобы на будущее время сдѣлать безвреднымъ Фотія. Θεодосіи подослалъ наемныхъ убійцъ въ армію Велисарія, чтобы умертвить его. Съ своей стороны, Антонина всячески старалась оклеветать его въ глазахъ своего супруга. Но въ этотъ разъ она не успѣла въ своемъ намѣреніи. Пользуясь ея отсутствіемъ, Фотій успѣлъ настроить Велисарія такъ, что онъ вытребовалъ ее изъ Константинополя въ армію, а ему далъ порученіе между тѣмъ погубить Θεодосіа. Никогда, быть можетъ, власть, которую Антонина имѣла надъ своимъ мужемъ, не выказалась яснѣе, какъ въ этихъ обстоятельствахъ. Лишь только онъ узналъ о ея прибытіи въ малую Азію, какъ забылъ о всѣхъ причинахъ, по которымъ имѣлъ право негодовать на нее, забылъ даже о чести и долгѣ. Византійская армія находилась тогда на берегахъ Тигра и занимала такое выгодное положеніе, что могла двухдневнымъ, не связаннымъ ни съ какими опасностями, переходомъ отрѣзать персидскому царю путь къ отступленію и взять въ плѣнъ все его войско. Велисарій, не думая ни о славѣ, ни о побѣдѣ, покинулъ армію и уѣхалъ въ Исаврію, гдѣ Антонина поджидала его⁴⁷). Не удивительно, что въ виду такихъ фактовъ и про него распространилась молва между солдатами, что не любовь связывала побѣдителя готовъ и вандаловъ съ Антониною, а какія-то сверхъ естественныя чары⁴⁸).

Между тѣмъ Фотій достигъ Эфеса, куда по отъздѣ Антонины снова скрылся Θεодосій. Подкупленный эфесскій комендантъ Андрей силою исторгнулъ послѣдняго изъ церкви св. апостола Юаина, гдѣ онъ искалъ убѣжища, и выдалъ его Фотію. Одна смерть противника не удовлетворяла мстительности Фотія. Онъ приказалъ заключить его въ одну киликійскую крѣпость, гдѣ несчастнаго посадили въ душное подземелье и приковали къ стѣнѣ, такъ что онъ не могъ ни сѣсть, ни лечь⁴⁹⁾. Безъ всякаго сомнѣнія Θεодосій погибъ бы въ заключеніи, еслибы за него или, вѣриже говоря, за Антонину, не вступилась императрица. Услышавъ о томъ что дѣлалось на Востокѣ, Θεодора вызвала Велисарія съ женою его въ Византію, куда прибылъ и Фотій съ отнятыми у Θεодосія сокровищами. Безъ труда императрица вывѣдала, гдѣ находился любовникъ Антонины. Узнавъ о мѣстѣ его заточенія, она тотчасъ приказала освободить его, и когда его привезли, даровала ему даже убѣжище въ своемъ собственномъ дворцѣ. Потомъ она пригласила къ себѣ Антонину подъ предлогомъ, что желаетъ показать ей рѣдкой величины жемчужину, и когда та явилась, повела въ ея объятія человѣка, который уже оплакивался ею какъ мертвый⁵⁰⁾. Дѣйствительно, онъ не долго пережилъ свое освобожденіе и умеръ черезъ нѣсколько дней отъ послѣдствій заключенія.

Но услужливость Θεодоры къ своей оберъ-гардеробмейстернигѣ (ἐπισκοπὴ) — такую должность исправляла при дворѣ Антонина⁵¹⁾ — не ограничивалась потворствомъ преступной связи ея. Она оказала ей помощь и въ новомъ преступленіи, которое задумала Антонина, попирая ногами и послѣдніе остатки человѣческаго чувства. Она помогла ей въ совершеніи неестественной мести родному сыну. Фотія схватили и заключили въ темницу, которую Θεодора устроила у себя во дворцѣ. Подъ тѣми же покоями, въ которыхъ вѣнчанная преступница принимала почти божественныя почести, находились страшные подвалы, въ которыхъ каждый день раздавались стоны жертвъ ея мстительности. Не одно заключеніе — истязанія всякаго рода ожидали тамъ несчастныхъ, которыхъ не спасала ни знатность рода, ни заслуги отечеству. Фотію два раза удавалось бѣжать изъ своей тем-

ницы; но напрасно искалъ онъ спасенія, сначала въ храмѣ Богородицы, потомъ въ церкви св. Премудрости. Ни святость мѣста, ни сопротивленіе духовенства, ни даже ожесточеніе толпы, которая съ ужасомъ смотрѣла на оскорбленіе святыни, не удерживали Θεодоры. Въ третій разъ, промучившись цѣлыхъ три года, Фотій успѣлъ избавиться отъ своихъ сторожей и ушелъ въ Иерусалимъ. Сновидѣніе, въ которомъ явился ему святой Захарій, ободрило его утасшія силы на попытку, которая наконецъ увѣнчалась успѣхомъ, вѣроятно потому, что Θεодора уже забыла о немъ⁵²). Въ Иерусалимѣ онъ постригся въ монахи подъ именемъ Фотіана. Въ глубокой неизвѣстности онъ переживалъ тутъ обѣихъ гонительницъ своихъ и уже при Юстинѣ (II) достигъ высокаго церковнаго сана. Григорій Турскій, во время своего путешествія къ святымъ мѣстамъ, видѣлся съ нимъ и говорить, что онъ находился въ большой милости у тогдашней императрицы Софіи⁵³).

Вотъ какими услугами привязывала къ себѣ Θεодора жену своего славнаго полководца. Въ послѣдствіи мы увидимъ, какъ ей въ свою очередь отплатила Антонина.

Мы рассказали только одно событіе, свидѣтельствующее о дружбѣ Θεодоры и Антонины, если только это названіе примѣнимо къ ихъ отношеніямъ. Мы выбрали примѣръ поразительный, но не единственный. Разумѣется, щадить и ласкать Антонину ради ея самой не было никакой нужды Θεодорѣ; она дѣйствовала такъ, чтобы вполне располагать ея мужемъ, который безусловно зависѣлъ отъ нея. И дѣйствительно, императорскому дому нужна была поддержка такого человѣка, каковъ былъ Велисарій. Нужда эта обнаружилась почти въ самомъ началѣ юстиніанова правленія.

Мѣры, принятія Юстиніаномъ для утвержденія власти, не могли не вызвать реакціи. Народъ ропталъ на тягость податей, на преслѣдованія монофизитовъ, на деспотизмъ императрицы. Сначала этотъ ропотъ сдерживался интригами Θεодоры, которая, питая неопредѣленныя надежды монофизитовъ, удерживала ихъ отъ явнаго возстанія. И въ тягости налоговъ обвиняла не столько самого императора, сколько окружавшихъ его министровъ. Юстиніанъ окружилъ себя

людьми въ высшей степени не популярными, чтобы въ случаѣ нужды принести ихъ въ жертву и отстранить отъ себя всякую отвѣтственность. Первые мѣста въ числѣ этихъ министровъ занимали двое: Іоаннъ Каппадокійскій — *praefectus praetorio* (оберъ гофъ-маршалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ министръ финансовъ) и Требоніанъ — *praefectus urbi* (верховный судья), квесторъ и членъ (*assessor*) тайнаго государственнаго совѣта. Оба они мало походили другъ на друга; но были одинаково безчестнаго характера, одинаково корыстолюбивы и одинаково возбуждали ненависть народа. Іоаннъ Каппадокійскій отличался грубостью нравовъ и отсутствіемъ всякаго образованія (онъ едва умѣлъ писать),—но въ тоже время необыкновенною находчивостью и быстротою соображенія. Никто не умѣлъ съ такою легкостью, какъ онъ, разгадать и распутать самое запутанное дѣло, такъ хорошо отыскать средства, чтобы удовлетворить нуждамъ даннаго момента. Но эти необыкновенныя способности служили орудіемъ для самыхъ порочныхъ страстей, унижались величайшею безнравственностью. Ни людей, ни Бога не боялся Іоаннъ. Ради своей корысти, онъ жертвовалъ благомъ цѣлой имперіи, и приобретаемая такимъ путемъ богатства употреблялъ только на удовлетвореніе самымъ низкимъ склонностямъ. Несмѣтныя суммы тратились на столъ его. День раздѣлялся у него на двѣ половины, изъ которыхъ первая посвящалась похищенію чужой собственности, вторая расточенію ея. Послѣ завтрака уже нельзя было застать его въ трезвомъ видѣ, а къ вечеру онъ находился въ совершенномъ безчувствіи. ⁵⁴⁾

Требоніанъ, напротивъ, былъ человѣкъ съ свѣтскимъ и ученымъ образованіемъ. Никто не умѣлъ лучше его вѣжливостью и обходительностью плѣнить просителя, хотя ожидать отъ него дѣйствительнаго участія было нечего. И онъ, подобно префекту преторіи, ради денегъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать. Не только мѣста, судъ и расправа были продажны у него; говорятъ даже, что за деньги онъ нерѣдко издавалъ цѣлыя новыя узаконенія. ⁵⁵⁾

Неудовольствіе, возбужденное въ народѣ такими правителями, ожидало только повода къ обнаруженію. Этимъ поводомъ послужили игры цирка. Уже въ первые времена рим-

ской имперіи, участвовавшіе въ нихъ отличались цвѣтомъ одежды, значковъ и украшеній. Такъ возникли четыре партіи: бѣлыхъ, зеленыхъ, красныхъ и голубыхъ, которыя въ послѣдствіи слились въ двѣ, такъ что красные состязались вмѣстѣ съ зелеными, голубые съ бѣлыми. Но то, что первоначально было только отличіемъ въ игрѣ, скоро стало дѣйствовать какъ поводъ къ несогласіямъ въ самой жизни, когда жизнь пришла въ такой упадокъ, что уже не великіе общественные интересы, а игры и зрѣлища поглощали ее. Въ царствованіе Анастасія, Юстина и Юстиніана вся византійская публика, какъ посѣщавшая, такъ и не посѣщавшая, театры, раздробилась на зеленыхъ и голубыхъ, которые ненавидѣли и преслѣдовали другъ друга болѣе, чѣмъ самыхъ опасныхъ враговъ отечества. Стоило одной изъ этихъ партій принять спорное мнѣніе, высказаться такъ или иначе въ спорномъ общественномъ вопросѣ — относился ли онъ къ догматамъ Церкви, или къ замѣщенію престола, — что бы другая тотчасъ выступила защитницею противоположныхъ идей. Такимъ образомъ, партіи цирка пріобрѣли политическое значеніе и цвѣта одежды стали символами религіозныхъ или политическихъ убѣжденій. До такой степени была уродлива жизнь византійскаго государства, что правительство болѣею частью съ внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣло на бореніе этихъ партій. Когда сенатское правило: *divide est imperes* — нельзя было болѣе употреблять противъ внѣшнихъ враговъ, тогда императоры стали примѣнять его къ своимъ подданнымъ. Естественно, что они поэтому и сами не могли стоять выше партій, и, принадлежа то одной, то другой, не могли сдерживать ихъ борьбы, которая не разъ обогрѣла кровью театры не только Константинополя, но и Антиохіи, Александріи, Эссалоникъ и другихъ городовъ имперіи. При Анастасіи въ 501 гдоу, во время спора между голубыми и зелеными, погибло въ гипподромѣ не менѣе 3,000 человекъ. — Θεодора, какъ мы видѣли въ началѣ разсказа, была смертельно обижена зелеными, на сторонѣ которыхъ при Анастасіи находилось правительство. Этого было достаточно, чтобы со времени вступленія на престолъ Юстиніана сдѣлать ихъ предметомъ гоненій. Всѣ должности

для нихъ стали недоступными; въ тяжбахъ съ голубыми они не могли найти правосудія. Голубые, напротивъ, пользовались все́ми милостями государя и безнаказанно преслѣдовали своихъ противниковъ. Даже на явныя насилія смотрѣли сквозь пальцы. Такъ напримѣръ, однажды въ Киликіи двое изъ голубыхъ были обвинены въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ и простерли наконецъ свою дерзость до того, что убили человѣка передъ глазами самого префекта. Каллиникъ, управлявшій тогда Кпликіею, приказалъ схватить ихъ и предать наказанію. Узнавъ объ этомъ, Феодора тотчасъ отправила въ Киликію наемныхъ убійцъ, которые и умертвили префекта, отважившагося на правосудіе. Юстиніанъ хотя и притворялся, что жалѣетъ о своемъ чиновникѣ, тѣмъ не менѣе довершилъ преступленіе жены своей, отнявъ у семейства Каллиника все его наслѣдство ⁵⁶). Вотъ другой примѣръ ея озлобленія противъ зеленыхъ: однажды Бассіанъ, одинъ изъ главныхъ членовъ этой партіи, имѣлъ неосторожность сказать нѣсколько колкостей на счетъ императрицы. Она узнала, и потребовала его къ себѣ. Зная, какая участь ему угрожала, Бассіанъ вздумалъ воспользоваться правомъ убѣжища церкви св. Архангела Михаила. Но это право не существовало для Феодоры. Его насильно выгнали, и тотчасъ же предали казни. Чувство человѣчества не позволяетъ намъ остановиться на отвратительныхъ мученіяхъ, которымъ подвергся несчастный передъ смертью. Все это совершилось въ присутствіи толпы, которая громогласно требовала его освобожденія ⁵⁷). Не лучше поступила она съ другимъ изъ зеленыхъ — Діогеномъ, не смотря на то, что онъ пользовался личнымъ знакомствомъ и расположеніемъ императора. Обвинивъ его въ противорѣчивыхъ порокахъ, она настояла на томъ, что судъ призналъ законнымъ свидѣтельство двухъ рабовъ, не смотря на то, что по римскому праву рабы не могли свидѣтельствовать въ дѣлахъ своихъ господъ. Къ счастью, свидѣтели оказались несовершеннолѣтними. Чтобы найти другія улики, Феодора приказала привести въ свою темницу одного изъ друзей Діогена. Обѣщаніями и угрозами старалась она склонить его къ ложному свидѣтельству; но все было напрасно. Тогда несчастнаго подвергли пыткѣ: ему стянули кожанными ремня-

ми голову такъ, что глаза выступили изъ своихъ полостей. Тѣмъ не менѣе, онъ предпочелъ мучительную смерть измѣнѣ другу, и на этотъ разъ Діогенъ, за неимѣніемъ уликъ, къ общей радости, избавился отъ несправедливаго приговора ⁵⁸⁾.

Вся злоба, возбужденная подобными поступками правительства, наконецъ вспыхнула. 11-го января 532 года происходила въ гипподромѣ репетиція большого представленія, которое давалось ежегодно 13-го числа того же мѣсяца, въ день, когда удостоивались чести царскаго стола всѣ вновь произведенные чины. Было въ обыкновеніи пользоваться такого рода представленіями для принесенія государю жалобъ на чиновниковъ, и обыкновеніе это, по кодексу Юстиніана, получило даже силу закона ⁵⁹⁾. Когда императоръ вошелъ въ свою ложу, тотчасъ раздались жалобы зеленыхъ на постигшія ихъ отвсюду преслѣдованія. Юстиніанъ гнѣвно велѣлъ имъ молчать, называя ихъ «жидами, манихеями и самаритянами» ⁶⁰⁾. Это оскорбленіе взорвало зеленыхъ: обвинения посыпались на самого императора. Голубые вступились, и дѣло дошло бы тогда же до кровопролитія, если бы вспышка не была, такъ сказать, импровизирована и если бы въ театрѣ находилось оружіе.

Тѣмъ не менѣе она произвела глубокое впечатлѣніе на Юстиніана и, желая хоть разъ показать правосудіе, онъ велѣлъ наказать виновныхъ въ какомъ-то уличномъ скандалѣ, хотя въ числѣ ихъ были и голубые. ⁶¹⁾ Это озлобило и ту партію, которая до-сихъ-поръ пользовалась милостью правительства. Общая ненависть произвела явленіе дотолеъ невиданное: соединила въ одну двѣ партіи, ненавидѣвшія на смерть другъ друга. Совокушною толпою отправились они къ дому начальника полиціи, Эвдемона. Но требованіе — избавить отъ наказанія осужденныхъ голубыхъ и зеленыхъ, не было исполнено ⁶²⁾. Теперь рѣшились они дѣйствовать.

Наступилъ день великаго зрѣлища. Къ общему удивленію голубые и зеленые, вмѣсто того, чтобы осмѣивать другъ друга, братались между собою и за одно оскорбляли императора ⁶³⁾. Юстиніанъ, перепуганный, оставилъ свою ложу и заперся во дворцѣ, который въ случаѣ нужды могъ служить и крѣпостью, тѣмъ болѣе, что случайное прибытіе Велиса-

рія съ войскомъ значительно усилило обыкновенный гарнизонъ Константинополя ⁶⁴). Въ распоряженіи правительства, сверхъ обыкновенной городской стражи и царскихъ тѣлохранителей, было до 5,000 линейнаго войска, и оно тѣмъ болѣе могло опираться на военную силу, что она состояла изъ готовъ, армянъ, славянъ и геруловъ, т. е., людей совершенно равнодушныхъ къ интересамъ византійскаго народонаселенія. Но этихъ силъ все таки было недостаточно для занятія всѣхъ важныхъ пунктовъ такого города, какъ Константинополь. Поэтому ихъ сосредоточили въ самомъ дворцѣ и прилежавшихъ къ нему зданіяхъ, а инсургентамъ предоставили городъ безъ сопротивленія. Они воспользовались этимъ для разграбленія префектуры и домовъ нѣкоторыхъ ненавистныхъ чиновниковъ. Въ Константинополѣ ни одно возмущеніе не обходилось безъ пожара. И теперь смятеніе возрасло отъ поджоговъ, такъ что къ вечеру того же дня значительная часть города была обхвачена пламенемъ. На слѣдующее утро Юстиніанъ рѣшился укротить возстаніе уступками. Іоаннъ Капподокійскій и Требоніанъ были отставлены; на ихъ мѣста назначены пользовавшіеся большею популярностью Фока и Василидъ ⁶⁵). Но эта мѣра опоздала; толпа требовала смерти Юстиніана, и приверженцы династїи Анастасія стали дѣйствовать деньгами и обѣщаніями въ пользу его родственниковъ. Попытка разсѣять мятежниковъ силою не удалась, потому что солдаты, подавленные массою инсургентовъ, должны были отступить и спаслись отъ преслѣдованія только тѣмъ, что зажгли дома въ пройденныхъ ими улицахъ ⁶⁶). Пожаръ усилился и принудилъ обѣ партїи втеченіе всего слѣдующаго дня прекратить враждебныя дѣйствія. 16-го числа были разграблены и сожжены мятежникамъ преторіанская префектура и зданія различныхъ присутственныхъ мѣстъ. При этомъ сгорѣли больницы св. Еввула и Самсона и погибли въ огнѣ цѣлыя сотни большихъ ⁶⁷). Юстиніанъ потерялся. Его пугало особенно то, что Пробъ, племянникъ Анастасія, сумѣлъ подкупить значительную часть тѣлохранителей, такъ что они отказались сражаться противъ народа ⁶⁸). На его сторонѣ оставались, слѣдовательно, только войска Велисарія и другаго генерала — Мунда. Къ сча-

стію, вечеромъ того же 16-го числа, подосіѣли подкрѣпленія съ азіатскаго берега, вызванныя при самомъ началѣ возстанія ⁶⁹⁾. Такимъ образомъ оказалось возможнымъ на слѣдующій день, въ воскресенье, снова перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Но самая удача послужила во вредъ. Наемники, составлявшіе византійскую армію, видѣли въ инсургентахъ не согражданъ, а чужихъ, и убивали все, что ни попадалось имъ на встрѣчу. Ужасное кровопролитіе побудило наконецъ духовенство выступить въ качествѣ посредника и миротворца. Процессія изъ монаховъ и священниковъ, съ крестами, хоругвями и святыми дарами, вышла на встрѣчу неистовавшимъ солдатамъ. Мы замѣтили, что въ числѣ послѣднихъ были готы и герулы, слѣдовательно, аріяне, которые съ радостью воспользовались случаемъ, чтобы нанести оскорбленіе представителямъ православія. Процессія была разогната, священная утварь разбросана ⁷⁰⁾. Это оскорбленіе придадо инсургентамъ силу отчаянія. Къ нимъ примкнули и обыватели, остававшіеся до этой минуты нейтральными; даже женщины бросались въ ряды сражавшихся. Съ крышъ и изъ оконъ бросали въ солдатъ камнями, горящими угольями и т. п.; баррикады воздвигались въ тѣсныхъ улицахъ ⁷¹⁾; пожаръ усилился и обхватилъ всю юго-западную часть Константинополя. Только циркъ, дворецъ и базаръ Константина (forum Constantini) выдавались, подобно островамъ, среди этого страшнаго огненнаго моря. Видя не возможность побѣды, генералы отдали приказъ — отступить. Юстиніанъ снова сталъ помышлять о примиреніи. 18-го числа царскіе глашатаи призывали народъ въ циркъ, съ обѣщаніемъ мира ⁷²⁾. Туда явился онъ самъ, съ повинною головою, самъ принималъ на себя вину всего случившагося и обѣщальъ никого не преслѣдовать за минувшія событія ⁷³⁾. «Пустой болтуиъ, клятвопреступникъ!» ⁷⁴⁾, вотъ что со всѣхъ сторонъ раздалось въ ухахъ его, и насилу только охранныя войска обезпечили отступленіе его во дворецъ. Толпа занялась избраніемъ новаго государя, которымъ въ слѣдующій день избранъ и вѣнчанъ былъ племянникъ Анастасія, Гипатій ⁷⁵⁾. Такимъ образомъ возстаніе получило центръ и точку опоры, и Юстиніанъ имѣлъ право трепетать за престолъ свой.

Но не трепетала Θεодора. — Какъ скоро вѣсть о провозглашеніи новаго императора проникла во дворець, Юстиніанъ собралъ совѣтъ изъ всѣхъ находившихся при немъ сановниковъ, чтобы рѣшить, что дѣлать. Большинство голосовъ было въ пользу бѣгства, забывая, что въ государствѣ съ такою централизаціею, какъ византійская имперія, участь правительства зависѣла отъ обладанія столицей ⁷⁶). Тогда-то съ гордымъ негодованіемъ выступила Θεодора. «Не терпите, по моему миѣнію, говорила она, настоящее положеніе дѣла того, чтобъ кто нибудь упрекнулъ женщину въ томъ, что она между мужчинами разыгрываетъ роль мужчины. Не слѣдуетъ, миѣ кажется, разсуждать, прилично ли ей, или нѣтъ, произносить мужественныя рѣчи передъ трусамп. Чьи дѣла дошли до крайности, тѣ должны думать только о томъ, какъ бы поправить свое положеніе. Что касается меня, то я такого миѣнія: бѣгство, если даже и избавитъ насъ отъ смерти, будетъ для насъ гибельнѣе всякой другой мѣры. Смерть съ неизбѣжною необходимостью предназначена человѣку, который родился на свѣтъ. Но тотъ, кто разъ достигъ власти, не долженъ перенести изгнанія и пережить свое величіе. Клянусь Богомъ, что я не увижу того дня, когда буду лишена этой порфиры и когда встрѣчные не станутъ больше величать меня повелительницами. Если ты хочешь бѣжать, о царь! то исполнить это намереніе ничего не стоитъ: денегъ у тебя достаточно; вотъ корабли, вотъ море! Но смотри, чтобы не пришлось тебѣ за твое бѣгство промѣнять жизнь на позорную смерть. Миѣ болѣе нравится старинная поговорка, что царская порфира лучшее покрывало для мертваго ⁷⁷).»

Эти слова одушевили всѣхъ, и сообщили дѣйствіямъ правительства энергію и единство, тогда какъ въ рядахъ его противниковъ обнаружилось колебаніе и несогласіе. Гпатій не сумѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ: вмѣсто того, чтобы послѣдовать совѣтамъ зеленыхъ и овладѣть входомъ во дворець, или, по крайней мѣрѣ, сохранить въ городѣ оборонительное положеніе ⁷⁸); онъ повѣрилъ нарочно распущенному слуху о бѣгствѣ Юстиніана и Θεодоры ⁷⁹), и думалъ только о томъ, какъ бы воспользоваться почестями

своего новаго достоинства. Забывъ о присутвіи враговъ, онъ назначилъ на 20-е число игры въ циркѣ. Между тѣмъ приверженцы Юстиніана дѣйствовали. Многіе изъ голубыхъ, увлеченные съ самаго начала порывомъ негодованія на измѣнившаго имъ государя, опомнились и сообразили, что избранный новый императоръ былъ приверженцемъ и орудіемъ противной имъ партіи. Духовенство, съ своей стороны, не могло видѣть равнодушно на престолѣ отъявленнаго монофизита, и склонялось въ пользу прежняго правительства. И что было важнее всего, оберъ-каммергеръ Юстиніана, Нарсесъ, вступилъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ возставшихъ, обѣщая имъ царскую милость и богатые дары, въ случаѣ восстановленія прежняго порядка ⁸⁰). Плоды этихъ переговоровъ обнаружались при самомъ началѣ игръ. Среди привѣтствій новому императору, раздались вдругъ клики: «да здравствуетъ Юстиніанъ, да здравствуетъ побѣдитель! Да сохранитъ Богъ императора и императрицу Θεодору!» ⁸¹) Въ одно мгновеніе смятеніе достигло высшей степени. Зеленые кинулись на голубыхъ, которые отстали отъ общаго дѣла. Тѣ оборонялись камнями, обломками сѣдалищъ, чѣмъ попало. Неожиданное появленіе Велсарія вдругъ рѣшило дѣло.

Пока Нарсесъ велъ переговоры, во дворцѣ приготовились къ послѣднему усилію. Раюо утромъ, 20-го числа, когда народъ только что началъ стекаться въ циркѣ, всѣ войска, находившіяся въ распоряженіи Юстиніана были собраны въ Триклиній, — части дворца, которая находилась въ ближайшемъ разстояніи отъ цирка, какъ разъ противъ входа въ царскую ложу. Прежде всѣхъ двинулся Велсарій съ своими герулами и готами. Длиннымъ обходомъ черезъ развалины, достигъ онъ, никѣмъ не замѣченный, западнаго входа въ гипподромъ и ворвался сомкнутыми колонами въ арсену его. Это было въ то самое время, когда завязалась драка между зелеными и голубыми. Ужасъ овладѣлъ безоружною толпою при видѣ солдатъ, которые безъ разбора убивали всѣхъ, и голубыхъ и зеленыхъ. О сопротивленіи нельзя было и думать, потому что никто не ожидалъ нападешя и потому не запасся оружіемъ. Вопли отчаянія погибавшихъ послужили сигналомъ

для остальныхъ отрядовъ юстиніанова войска. Муидъ бросился въ восточныя ворота (такъ называемыя ворота покойниковъ), сынъ его пошелъ по слѣдамъ Велисарія, Нарсесъ штурмовалъ царскую ложу, въ которой находился самъ Гипатій; наконецъ пятый генераль, Констанціоль, съ отборными резервами, открылъ себѣ путь съ сѣвера. Борьба не могла длиться долго при такихъ обстоятельствахъ, и тутъ же, гдѣ вспыхнуло возстаніе, оно было залито потоками крови ⁸²⁾. Лѣтописцы опредѣляютъ число погибшихъ въ этотъ день въ 30, даже въ 40,000 человекъ, такъ что, такъ называемый, мятежъ никатовъ стоилъ едва ли не больше людей, чѣмъ страшное іюньское возстаніе въ Парижѣ ⁸³⁾.

Говоря о византійскихъ женщинахъ, мы должны остановиться на двухъ личностяхъ, представляющихъ отрядное явленіе среди этихъ ужасовъ и всеобщей безнравственности. Когда толпа предложила корону Гипатію, который черезъ день былъ казненъ солдатами Велисарія, тогда жена его, Марія, въ отчаяніи бросилась къ нему на шею и умоляла не принимать гибельнаго предложенія ⁸⁴⁾. Семейное счастье и тишина частной жизни были для нея привлекательнѣе блеска престола. Со слезами просила она друзей воспрепятствовать намѣреніямъ народа; но Гипатія насильно вырвали изъ ея объятій. Черезъ три дня, вопреки запрещенію Юстиніана, она похоронила трупъ своего мужа, выкинутый волнами Мраморнаго моря, въ которое, по приказанію императора, его бросили ⁸⁵⁾. — Другая, жена Помпея, Анастасія, возбудила красотой своею страсть въ Юстиніанѣ и подверглась его преслѣдованіямъ; но, вѣрная памяти своего супруга, она, переодѣтая и одинокая, бѣжала въ Египетъ, оттуда въ Сирію, и нашла, наконецъ, убѣжище въ монастырѣ. ⁸⁶⁾

Подавленное такимъ образомъ возстаніе послужило Юстиніану урокомъ, но только не къ лучшему управленію народомъ, а къ вѣрнѣйшему угнетенію его. Іоаннъ Каппадокійскій и Требоніанъ заняли тотчасъ же прежнія мѣста свои, и продолжали дѣйствовать по прежнему. Первый, съ большею еще наглостью, чѣмъ прежде, сталъ попираетъ ногами всякіе права и законы. До такой степени простиралось его своеволие, что онъ нерѣдко, безъ всякой причины, наносилъ побои встрѣч-

нымъ и сажалъ въ тюрьму богатыхъ людей, чтобы вынудить отъ нихъ выкупъ ⁸⁷⁾. По его же совѣту, вскорѣ послѣ возстанія, Юстиніанъ принялъ мѣру, которая нанесла смертельный ударъ единственному жизненному началу въ византийскомъ народѣ, которое могло даровать ему новыя силы — образованію. Эдиктомъ 534 года, публичные преподаватели, которые находились во всѣхъ значительныхъ городахъ и содержались на казенный счетъ, были лишены жалованья ⁸⁸⁾.

Народъ молча сносилъ всѣ эти поступки, и вѣроятно Юстинъ, подобно Требониану, спокойно дожидъ бы до старости, если бы не вооружилъ противъ себя Θεодору. Его погубилъ первый и единственный правственный поступокъ, который ему приписываетъ исторія — доносъ на Θεодору. Съ годами охладѣлъ жаръ любви въ Юстиніанѣ; онъ даже забылъ, что Θεодора своей рѣшимостью спасла престолъ его. Императоръ началъ вѣрять навѣтамъ своего министра и такъ сильно поддерживалъ его, что даже она не отважилась на явное насиліе ⁸⁹⁾. Антонина помогла ей погубить противника. Юстинъ столько же жаждалъ власти, сколько любилъ деньги, и вѣрилъ въ слышанное отъ кого-то предсказаніе, что ему предназначено облечься въ одѣяніе Августа ⁹⁰⁾. Этимъ воспользовалась жена Велисарія. Познакомившись съ дочерью его Евфиміею, дѣвушкою неопытною и обожасемою отцомъ своимъ, она въ короткое время успѣла овладѣть ея довѣріемъ. Въ дружескихъ разговорахъ съ нею, она часто касалась политики, жаловалась на бѣдственное положеніе Византіи, на неблагодарность правительства въ отношеніи къ Велисарію, на пристрастіе судовъ и своеволие императрицы. Съ послѣднимъ не могла не согласиться и Евфимія, видя безпрестанныя безпокойства и опасенія, которыя возбуждала въ отцѣ ненависть Θεодоры. «Вы виновники всего этого, сказала она, «потому что, имѣя въ рукахъ всѣ средства, располагая войскамъ, не хотите воспользоваться ими для общаго блага». Антонина подхватила эти неосторожныя слова. «Развѣ мы можемъ съ войскомъ предпринять что-либо, возразила она, «если не имѣемъ въ столицѣ надежнаго человѣка, который «бы подалъ намъ руку помощи. Вотъ, есlibы отецъ твой «согласился принять участіе, мы, вѣроятно, уладили бы дѣ-

«ло ⁹¹⁾». Разговоръ этотъ Евфимія сообщила отцу, который съ восторгомъ выслушалъ его и просилъ Антонину о свиданіи для дальнѣйшихъ переговоровъ. Этого ей только и нужно было. Отказавшись навѣстить Іоанна въ его домѣ, подъ предлогомъ, что отсюда можетъ возникнуть подозрѣніе, она предложила ему сойтись на дачѣ Велисарія, которая находилась недалеко отъ Константинополя, на азіатскомъ берегу Босфора. Іоаннъ согласился. Между тѣмъ Антонина обо всемъ донесла императрицѣ, которая приняла свои мѣры. На дачу Велисарія были посланы свнухъ Нарсесъ и гвардейскій офицеръ Марцеллъ, съ ротою солдатъ. Антонина спрятала обоихъ за перегородкой, въ той же комнатѣ, гдѣ должно было происходить совѣщаніе съ Іоанномъ. Напрасно Юстиніанъ, увѣдомленный объ этомъ, хотѣлъ спасти своего любимца, предупредивъ его стороною о готовящейся засадѣ ⁹²⁾. Ничего не подозрѣвая, онъ дѣйствительно прибылъ и началъ распространяться о своихъ намѣреніяхъ. Тогда выскочили изъ-за перегородки и кинулись на него оба царедворца; но прежде чѣмъ успѣли схватить его, были сами обезоружены, прибѣжавшими на помощь тѣлохранителями Іоанна; при этомъ одинъ изъ нихъ, Марцеллъ, получилъ смертельную рану ⁹³⁾. Но освободиться изъ рукъ Θεодоры не значило устранить опасность, а только нѣсколько замедлить ее. По возвращеніи въ Константинополь, Іоаннъ былъ тотчасъ же арестованъ, и только милость императора спасла его отъ смерти. Дѣло пока останоновилось на томъ, что его, вѣроятно безъ вѣдома Θεодоры, сослали въ монастырь близъ Кизика. О незнаніи императрицы объ этой ссылкѣ можно заключить изъ того, что его тамъ содержали въ строжайшемъ никогнитѣ, подъ именемъ Петра, хотя онъ и не былъ монахомъ. Благоволеніе Юстиніана простерлось до того, что Іоанну выдали значительную часть его имуществва. Местъ императрицы, разумѣется, не удовлетворилась бы такимъ сравнительно благополучнымъ окончаніемъ дѣла, въ которое она запутала его, еслибы окончаніе ей было извѣстно. Къ несчастію Іоанна, никогнитѣ его скоро открылось; да и трудно было сохранить его передъ Θεодорой, шпіоны которой проникали всюду. Узнавъ о томъ, что онъ еще живъ, — она воспользовалась

для погубленія его возмущеніемъ въ Кизикѣ, во время котораго былъ убитъ тамошній епископъ Евсевій, личный врагъ Іоанна. Изъ Константинополя была отправлена туда слѣдственная коммиссія, для которой инструкція составлена была самою императрицею. Эта коммиссія, безъ всякаго суда, заключила его въ темницу, велѣла публично высѣчь розгами и потомъ отправить въ столицу. Зная всеобщую ненависть къ нему народа и желая наказать его, Феодора приказала водить Іоанна по всей имперіи на позорище обиженныхъ имъ обывателей и заставлятъ его просить милостыню, для прокормленія. Такъ онъ исходилъ почти всю имперію и достигъ наконецъ Египта, гдѣ его посадили въ темницу, въ городѣ Антинополѣ. Здѣсь онъ оставался до самой смерти Феодоры и только внослѣдствіи былъ возвращенъ Юстиніаномъ въ столицу. Но и теперь еще, послѣ десятилѣтнихъ страданій, въ немъ не угасли надежды, вызванныя слышаннымъ когда-то пророчествомъ. Онъ снова пустился въ интриги, такъ что Юстиніанъ для прекращенія его честолюбивыхъ замысловъ приказалъ наконецъ постричь его въ монахи. Проконій рассказываетъ, что во время постриженія исполнилось упомянутое предсказаніе, но только вовсе не такъ, какъ ждалъ Іоаннъ. Во время совершенія обряда, забыли приготовить для него монашеское одѣяніе, и потому облекли его въ рясу другаго монаха, который назывался Августомъ.⁹⁴⁾ Въ глазахъ современниковъ честь пророка была спасена этимъ каламбуромъ.

Пораженіе никатовъ въ гипподромѣ было главнымъ образомъ пораженіемъ партіи зеленыхъ, потому что голубые прикнули къ возстанію какъ бы случайно и вовсе не интересовались судьбою враждебнаго имъ семейства Анастасія. Поэтому въ общественномъ мнѣніи византійскаго народа битва отъ 13—20 января 532 года носила характеръ не столько побѣды правительства надъ мятежными подданными, сколько партіи голубыхъ (которымъ Юстиніанъ постоянно покровительствовалъ) надъ зелеными. А между тѣмъ послѣдніе считались представителями монофизитовъ, которые составляли едва ли не большинство населенія. Поэтому, послѣ побѣды, осторожное пользованіе ею было необходимо. Предоставляя слишкомъ

явный перевѣсъ православію, правительство могло вооружить массу провинціального населенія и вызвать множество мѣстныхъ возстаній, съ которыми не такъ легко было бы справиться, какъ съ возмущенною столицею. Надлежало оставить монофизитамъ хотя тѣнь надежды на окончательный успѣхъ въ борьбѣ съ православными, и отъ времени до времени успокаивать частными уступками. Вотъ почему византійская политика приняла характеръ той двойственности, на который мы указали въ началѣ статьи. Съ одной стороны, Феодора покровительствовала монофизитскому духовенству, то поддерживая его личные интересы, то вступаясь за его догматику⁹⁵). Съ другой, Юстиніанъ строго охранялъ положеніе халкедонскаго Собора и поддерживалъ его послѣдователей. Вся политика приняла видъ интриги, цѣлью которой было — удержать въ повиновеніи еретическій, но вліятельный Востокъ и въ тоже время подчинить византійскому вліянію православный Западъ.

Опасаться новаго возстанія въ столицѣ, послѣ страшной неудачи перваго, и мѣръ, принятыхъ для безопасности дворца, было нечего⁹⁶). Вспышка, происшедшая осенью 533 года, по поводу землетрясенія, была подавлена безъ труда и даже безъ кровопролитія⁹⁷). Отъ возмущеній въ провинціяхъ предохраняло искусное притворство императрицы. Персовъ, еще прежде побѣды Велисарія, заставили просить мира. Поэтому ничто не мѣшало теперь обратить силы имперіи на виѣшнія предпріятія, для которыхъ уже со временъ Юстина была сдѣлана, такъ сказать, дипломатическая подготовка. Притѣсняемое послѣдователями Арія — вандалами — населеніе Африки съ нетерпеніемъ ждало появленія византійскаго флота, чтобы возвратиться подъ власть православнаго государя. Италійское духовенство также постоянно возбуждало Юстиніана къ войнѣ съ ненавистными готами. Ударъ палъ сначала на вандаловъ, потому что король ихъ, Гелимеръ, первый подалъ благовидный предлогъ къ началю войны: онъ свергнулъ съ престола союзника юстиніанова Ильдерика. Безъ труда Велисарій занялъ африканскія провинціи и распространилъ имперію снова до древнихъ предѣловъ ея — столбовъ Геркулеса. Не такъ легко было справиться съ готами.

Въ Италіи, по смерти Θεодорика, управляла любимая всѣмъ народомъ, даже романскими провинціалами, дочь его — Амалазуита. При самомъ вступленіи на престолъ, она заключила дружественный договоръ съ византійскимъ дворомъ. Недовольство нѣкоторыхъ готскихъ вельможъ управленіемъ женщины, побудило ее выдти замужъ за Θεодата, человѣка хотя и знатнаго происхожденія, но вовсе ея недостойнаго. Этотъ, почти насильственный, бракъ открылъ поприще для питригъ византійской дипломатіи. Юстиніанъ вступилъ въ переговоры съ Амалазуитою и убѣждалъ ее, для избавленія отъ ненавистнаго супруга, оставивъ Италію, прибыть въ Византію ⁹⁸). Тогда онъ могъ бы выступить какъ защитникъ законности противъ Θεодата, который въ такомъ случаѣ оказался бы узурпаторомъ. Видя въ Юстиніанѣ защитника и покровителя законной государыни, остъ-готы едва ли стали бы сопротивляться ему, а во всякомъ случаѣ раздробилсь бы на партіи и не могли бы, слѣдовательно, оказать значительнаго сопротивления. — Θεодора, напротивъ, обратилась къ Θεодату. Тотъ самый легатъ Петръ, котораго послалъ Юстиніанъ для переговоровъ съ Амалазуитою, получилъ отъ императрицы и другую инструкцію, въ силу которой ему надлежало усилить разрывъ между супругами ⁹⁹). Подробности этой инструкціи намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны; но печальныя послѣдствія ея принадлежатъ исторіи. Амалазуита была заключена своимъ мужемъ въ замкъ на Вольсинскомъ озерѣ, гдѣ, спустя нѣкоторое время, ее умертвили ¹⁰⁰).

Теперь оставалось довершить оружіемъ дѣло, начатое коварствомъ. Дипломатическія сношенія между константинопольскимъ кабинетомъ и Θεодатомъ были тотчасъ прерваны, и Велисарій, находившійся съ готовою арміею въ Лилибѣе, получилъ приказаніе начать военныя дѣйствія. Еще въ томъ же 535 году онъ овладѣлъ, безъ сопротивленія, всею Сициліею, а оттуда перешолъ въ южную Италію. Готы, опутанные невидимою сѣтью, которую соткала для нихъ византійская политика, почти не защищались. Весь маршъ Велисарія до Неаполя былъ рядомъ побѣдъ, не стоившихъ никакого труда, потому что очень многіе готы, раздраженные поступкомъ Θεодата, перешли добровольно на сторону импе-

ратора. Въ 536 году палъ и Римъ, гдѣ православное духовенство, и въ главѣ его, папа Сильверій, уже давно приготовили жителей къ измѣнѣ остъ-готскому правительству¹⁰¹⁾. Слишкомъ поздно спохватились готы, свергнувъ Θεодата и избравъ на его мѣсто Витигеса. Осада Рима, для которой они истощили всѣ свои средства, увеличила только блескъ воинскихъ дарованій Велисарія. Мы не можемъ остановиться на этомъ интересномъ событіи, которое стоитъ параллели съ осадю Севастополя, и о которомъ такъ подробно повѣствуетъ Прокопій. Замѣтимъ только, что Антонина принимала въ немъ дѣятельное участіе. Она неоднократно лично приводила подкрѣпленія и продовольствіе осажденному мужу и, находясь въ Неаполѣ, управляла всею комиссаріатскою частію¹⁰²⁾. Менѣе достойною была роль Антонины во время пребыванія ея въ Римѣ — роль, съ которою мы тотчасъ познакомимся. — Осада кончилась отступленіемъ готовъ. Быстро были заняты теперь одинъ за другимъ города къ югу отъ Пада, а наконецъ въ 539 году пала и Равенна, столица остъ-готскаго царства. Покореніе Италіи могло считаться окончательнымъ, потому что только въ горахъ Лигуріи и Савои, и въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстахъ Ломбардіи развѣвалось еще знамя независимости. Но та же самая причина, которая породила столь быструю удачу, послужила и для возобновленія войны и произвела то, что только черезъ четырнадцать лѣтъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, Византія могла считать Италію своею собственностью. Описывать послѣднюю борьбу остъ-готскаго народа съ Юстиніаномъ намъ здѣсь не приходится; но мы должны указать на источникъ ея, потому что тутъ опять является на первомъ планѣ Θεодора.

Завоеваніе Италіи удалось болѣе всего потому, что италіанскіе провинціалы ненавидѣли готовъ за ихъ аріанство. Подчиняясь Византіи, они хотѣли имѣть православное правительство и, такимъ образомъ, вошедши въ составъ восточной имперіи, стали на сторонѣ всего того, что противилось Θεодорѣ, какъ защитницѣ монофизитовъ. Римскій епископъ естественно долженъ былъ сдѣлаться главою оппозиціи противъ императрицы. Имъ былъ во время готской войны Сильверій, только что наслѣдовавшій Агапиту. Уже съ послѣднимъ

Феодора имѣла столкновение по поводу замѣщенія патриаршаго престола въ Константинополь. Послѣ смерти Эпифанія, умершаго въ 535 году, ей удалось доставить патриаршество Аноимію, епископу трапезунтскому, на котораго какъ восточное, такъ и западное духовенство, смотрѣло какъ на послѣдователя Эвтихета. Агапить, находившійся тогда въ Константинополь, въ качествѣ посла оеодатова, возсталъ противъ этого назначенія и потребовалъ возвращенія Аноимія въ его прежнюю епархію. Когда византійское правительство не соглашалось на это требованіе, то папа предалъ торжественно анаемѣ, какъ новаго патриарха, такъ и императрицу ¹⁰³). Италия тогда еще была подъ властью остъ-готовъ и потому Феодора не рѣшилась на явное насиліе, но попробовала подкупить Агапита деньгами ¹⁰⁴). Попытка не удалась, и она увидѣла себя принужденною уступить. Аноимія смѣнили, и на частію константинопольскомъ Соборѣ торжественно отлучили отъ церкви ¹⁰⁵). По смерти Агапита и успѣху Велисарія измѣнили положеніе дѣлъ. Папою былъ избранъ въ Римѣ Сильверій; Феодора выступила теперь противъ него съ своимъ кандидатомъ, діакономъ Вигиліемъ. За обѣщаніе папскаго престола, онъ согласился уничтожить неблагопріятныя Аноимію мѣры, которыя были приняты отцами Собора. Вслѣдствіе того Велисарій, уже овладѣвшій Римомъ, получилъ приказаніе устранить Сильверія, что тѣмъ легче могло быть исполнено, что при немъ находилась нестоицкая въ козняхъ Антонина. Римъ тогда былъ осажденъ остъ-готами, коихъ король Витигесъ старался всячески выказать свое уваженіе къ католическому духовенству, чтобы употребить въ свою пользу ихъ вліяніе на провинціаловъ. Такъ случилось, что въ церкви св. Петра и къ нѣкоторымъ здаціямъ, принадлежавшимъ папѣ и находившимся внѣ городскихъ укрѣпленій, былъ приставленъ готскій караулъ, чтобы предохранить ихъ отъ разоренія. Это доставило Антонинѣ поводъ распустить слухъ, что Сильверій находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріателемъ, не смотря на то, что онъ только за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ главнымъ виновникомъ сдачи Рима византійцамъ. Кстати пришлось еще открытіе заговора нѣсколькихъ знатныхъ Рим-

лянъ, которые, наскучивъ бѣдствіями и лишеніями долгой осады, составили планъ впустить готовъ въ городъ. Сильверія впутали въ это дѣло, и представили въ доказательство его виновности письма, которыя онъ будто бы писалъ къ Витигесу, но которыя по общему мнѣнію были поддѣланы креатурами Антонины. Папу подвергли допросу въ главной квартирѣ Велисарія, какъ говорятъ, въ присутствіи Антонины, уговаривавшей его уступить императрицѣ и признать Анемія патриархомъ. Послѣ этого допроса, Сильверій уже не считалъ себя болѣе безопаснымъ въ своемъ домѣ и заперся въ храмъ Пресвятой Богородицы. Нарушить церковное убѣжище въ Римѣ было не такъ легко, какъ въ Константинополѣ, и потому Антонина подслала къ нему своего сына Фотія, чтобы пригласить его на вторичное свиданіе въ домѣ Велисарія. Сильверій отказывался; но, наконецъ, получивъ обѣщаніе, что его не тронутъ, вышелъ изъ своего убѣжища и на слѣдующій же день былъ арестованъ. Его отправили въ Константинополь, а собраніе римскаго духовенства, окруженное солдатами, по приказанію Антонины, избрало въ его преемники Вигилія ¹⁰⁶).

Насиліе, нанесенное папѣ, произвело въ Италиі самое глубокое впечатлѣніе; случись оно ранѣе, оно навѣрное остановило бы успѣхъ византійскаго оружія. Но и теперь волненіе было всеобщее; протесты и жалобы духовенства раздались со всѣхъ сторонъ. Епископы африканскіе, гальскіе и испанскіе требовали съ такою же настойчивостью удовлетворенія, какъ и духовенство самой Италиі. Юстиніанъ понялъ, что, если онъ не уступитъ общественному мнѣнію, завоеваніе Италиі сдѣлается сомнительнымъ, и приказалъ освободить Сильверія, котораго между тѣмъ заточили въ ликійскій городъ Патары. Велисарію было приказано снова разслѣдовать все дѣло и, если не найдется явныхъ доказательствъ виновности низложеннаго папы, возстановить его въ прежнемъ достоинствѣ ¹⁰⁷).

Но пока все это дѣлалось, пока гонцы скакали къ мѣсту заключенія Сильверія, положеніе дѣлъ въ Италиі совершенно измѣнилось. Послѣ того, какъ осада Рима кончилась отступленіемъ готовъ, въ успѣхѣ войны нельзя было болѣе со-

миѣваться, и Теодора могла безъ опасенія прибѣгнуть къ болѣе насильственнымъ мѣрамъ. Прежде нежели прибылъ въ Италію Сильверій, она отправила туда діакона Пелагія съ приказаніемъ, во что бы то ни стало поддержать Вигилія. Антонина явилась исполнительницей этого приказанія; по ея распоряженію Сильверій еще на пути въ Римъ былъ схваченъ, отвезенъ на островъ Пальмарію, близъ устьевъ Тибра, и тамъ умерщвленъ ¹⁰⁸⁾.

Вѣсть объ этомъ происшествіи поразила ужасомъ всю Италію, привыкшую смотрѣть на папу не только какъ на главу своей Церкви, но и какъ на главнаго защитника своей національности. Всѣ поняли, что владычество аріанскихъ готъ все таки было легче сносить, чѣмъ господство Византіи. Это убѣжденіе было главнымъ источникомъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлали готы непосредственно послѣ плѣненія Витигеса, когда, казалось, всякая надежда для нихъ была потеряна. Нерасположеніе или, по крайней мѣрѣ, равнодушіе къ константинопольскому правительству итальянцевъ было виновникомъ того упорнаго сопротивленія, которое встрѣтили византійцы, когда во второй разъ принялись за покореніе Италіи.

Въ виду такого расположенія умовъ романскаго населенія, Вигилій находился въ затруднительномъ положеніи. Очевидно, всѣ смотрѣли на него, какъ на креатуру Теодоры и готовы были свергнуть его по малѣйшему поводу. Но это самое обстоятельство послужило ему въ пользу, потому что доставило возможность отказаться отъ исполненія данныхъ ей обѣщаній и стать въ главѣ оппозиціи противъ нея. Въ посланіи къ константинопольскому и другимъ вселенскимъ патріархамъ онъ объявилъ, что будетъ строго держаться халкедонскихъ опредѣленій и считаетъ отлученными отъ Церкви Аноимія и всѣхъ прочихъ коноводовъ монофизитской секты ¹⁰⁹⁾. Теодора слишкомъ поздно поняла, что въ искусствѣ интриги римская курія ей не уступала. О новыхъ насиліяхъ нельзя было и думать послѣ возобновленія войны съ готами; и столь независимо стало теперь положеніе римскаго епископа, что византійское правительство увидѣло себя даже побужденнымъ признать его первымъ между всѣми са-

новниками Церкви и предоставитъ константинопольскому патриарху только второе мѣсто ¹¹⁰⁾.

По этому императрица сочла болѣе вѣрнымъ дѣйствовать на константинопольское духовенство. По ея порученію, духовникъ ея, Θεодоръ Капподокійскій составилъ проектъ эдикта, въ силу котораго три епископа: Θεодоръ Монуэстійскій, Ивва и Θεодоритъ, предовались проклятію, будто бы за нѣкоторыя отступленія отъ православія, которыя нашлись въ ихъ сочиненіяхъ; въ самомъ же дѣлѣ за то, что они поддерживали халкедонскія рѣшенія и были противниками Оригена, который пользовался большимъ авторитетомъ между монофизитами ¹¹¹⁾. Юстиніанъ подписалъ этотъ эдиктъ и предложилъ исполнить его константинопольскому патриарху Менасу, который, также какъ и всѣ восточные іерархи, не осмѣлился поперечить волѣ императрицы. За то папскій легатъ Стефанъ громко возсталъ противъ эдикта, и прибывшій тогда въ Константинополь Вигилій подтвердилъ протестъ его. Римскій епископъ тѣмъ спокойнѣе могъ не соглашаться, что въ это время почти вся Италия опять находилась во власти готовъ и малѣйшее насиліе противъ него окончательно вооружило бы провинціаловъ противъ Византіи. Прибывъ въ Константинополь 25-го января 547 года ¹¹²⁾ и принятый съ великими почестями, онъ тотчасъ объявилъ отлученными отъ Церкви императрицу, ея духовника и уступчиваго патриарха. Θεодора, снова видя, что ей не сладить съ римскою куріею, опять должна была уступить. Конечно, эта уступка была только временною и съ Виглиемъ заговорили бы совершенно иначе, если бы миновалъ страхъ готскаго оружія. Къ счастью его, Θεодора не дождала до окончательнаго завоеванія Италии, и онъ избѣгнулъ ея мести.

Ракъ въ груди, которымъ она давно уже страдала, истощилъ наконецъ ея силы. 28-го Іюня, 547 года печальный звонъ колоколовъ возвѣстилъ жителямъ Константинополя, что ихъ императрицы ¹¹³⁾ не стало.

Избавленіе отъ нея они могли почестъ вознагражденіемъ за страшную кару, которую Провиденіе четыре года передъ тѣмъ наложило на византійскую имперію, за чуму, которая

опустошила ее, и которая даетъ намъ случай еще разъ коснуться отношеній императрицы къ Антонинѣ.

Болѣзнь эта появилась въ Константинополѣ въ исходѣ декабря 543 года. Еще за долго передъ тѣмъ, она началась въ Пелузин, въ Египтѣ, и оттуда обошла всю имперію, распространяясь изъ приморскихъ пунктовъ во внутренность страны. Довольно подробное описаніе ея оставлено намъ Прокопіемъ ¹¹⁴). Болѣзнь начиналась съ сранныхъ галлюцинацій: зараженнымъ являлись въ воздухѣ какіе-то призраки, которые какъ будто толкали ихъ и отъ которыхъ не спасали ни молитвы, ни заклинанія. Затѣмъ овладѣвало ими глубокое уныніе; они убѣгали общества и прятались въ своихъ комнатахъ. Другіе, вмѣсто всѣхъ этихъ предвѣстниковъ, слышали только какіе-то чудесные голоса, которые объявляли имъ, что предстоитъ умереть. Физическія страданія начинались съ лихорадочнаго состоянія, весьма слабого однакожь, и не обнаруживавшагося ни въ измѣненіи цвѣта лица, ни въ ускореніи пульса. Дня черезъ два - три, а иногда и позже, опухали желѣзы въ пахахъ, подъ мышками и за ушами. Вмѣстѣ съ тѣмъ больными овладѣвало сонливое состояніе или же бѣшенство, которое обнаруживалось въ невыразимой боязни и въ тщетныхъ попыткахъ къ побѣгу. Последнее замѣчалось особенно въ больныхъ лимфатическаго темперамента. Если больной не умиралъ въ этомъ припадкѣ сумасшествия, который отвращалъ его отъ пищи и нитя и нерѣдко доводилъ до самоубійства, то смерть являлась какъ слѣдствіе опухлей или замѣнявшей ихъ иногда повсемѣстной сыпи чернаго цвѣта. При сыпи, впрочемъ, другіе признаки болѣзни рѣдко выказывались, потому что больной умиралъ втеченіе нѣсколькихъ часовъ, а нерѣдко даже скоропостижно. Замѣчательно, что при всемъ этомъ болѣзнь не была прилипчивою. Многіе, смотрѣвшіе за больными, равно какъ и медики, вскрывавшіе трупы, не подвергались никакимъ припадкамъ. При вскрытіи, находили въ опухшихъ желѣзахъ карбункулы, но поэтому ничего не узнали о существѣ болѣзни, которая какъ будто насмѣхалась надъ медиками. Многіе, которымъ они предсказывали смерть, выздоравливали; другіе гибли, не смотря на то, что врачи были увѣрены въ исцѣленіи. Столь-

же неудачною, какъ прогноза византійскихъ медиковъ, въ отношеніи къ этой болѣзни, оказалась и ихъ терапія. Люди умирали, исцѣлялись какъ-бы по какой то роковой случайности. Эта случайность доходила до того, что иногда беременныя женщины рожали зараженныхъ дѣтей и, на оборотъ, отъ зараженныхъ матерей рождались здоровыя дѣти. Только то было замѣчено и подтверждено многократными наблюденіями, что изъявленіе опухолей было хорошимъ знакомъ и обыкновенно сопровождалось выздоровленіемъ.

Цѣлыхъ четыре мѣсяца язва свирѣпствовала въ Константинополѣ, и съ такою напряженностію, что во время сильнѣйшаго разгара умирало отъ пяти до десяти тысячъ человекъ въ сутки ¹¹⁵). Хоронить такое множество не было возможности, и потому сбрасывали трупы въ глубокіе колодцы и въ башни, которыя находились на городскихъ стѣнахъ. Испаренія изъ этихъ складочныхъ мѣсть, наполняя атмосферу города мѣфитическими газами, разумѣется усиливали смертность. Подъ конецъ уже взялись за умъ и стали сжигать трупы.

Θеодора не была постигнута чумою, что вѣроятно подало поводъ Прокопію сказать, что самые порочные люди избѣгли ея; но Юстиніанъ подвергся заразѣ. Все византійское общество затрепетало при мысли, что по смерти его императрица можетъ сдѣлаться самовластною правительницею. Не смотря на то, что передъ ужасами настоящаго блѣднѣли будущія бѣдствія, ропотъ былъ всеобщій, и значительнѣйшія лица имперіи готовились воспрепятствовать осуществленію этой возможности. Особенно сильно было волненіе въ арміи, гдѣ уже распространилась преждевременная вѣсть о смерти Юстиніана. Генералы, и въ главѣ ихъ Велисарій, согласились не признавать никакого правительства, которое бы составилось безъ ихъ согласія ¹¹⁶). Но на этотъ разъ предосторожность ихъ оказалась излишнею, потому что Юстиніанъ выздоровѣлъ. За то мстительность Θеодоры въ направленномъ противъ нея поступкѣ генераловъ нашла себѣ обильную пищу.

Какъ только вѣсть о ихъ рѣшеніи достигла Константинополя, она тотчасъ потребовала къ себѣ для допроса всѣхъ, которые принимали въ немъ участіе. При изслѣдованіи, двое

изъ нихъ : Петръ, praefectus praetorio и Іоаннъ, по прозвищу Фагасъ, т. е., объѣдало, показали, что Велисарій и Бузесъ, [начальникъ всѣхъ отрядовъ, расположенныхъ между Евфратомъ и персидскою границею, стояли въ главѣ всего дѣла. Послѣдняго послѣ допроса прямо отвели въ темницу, изъ которой его выпустили только черезъ два съ половиною года, ослѣпшаго и съ разстроеннымъ на всегда здоровьемъ ¹¹⁷⁾. Съ Велисаріемъ было поступлено милостивѣе: у него отняли только командованіе арміею и конфисковали часть имущества. Уже позднѣйшіе лѣтописцы вывели отсюда сказку о его ослѣпленіи, которую въ первый разъ, и то въ видѣ молвы только, сообщаетъ въ своей стихотворной лѣтописи Іоаннъ Тзетзесъ ¹¹⁸⁾. Прокопій говоритъ, что вина его состояла не столько въ прямомъ участіи въ заговорѣ противъ Θεодоры, сколько въ томъ, что онъ не принялъ мѣръ для уничтоженія его, и что императрица имѣла въ виду только запугать его въ угоду Антонинѣ; послѣдняя, не извѣстно почему, не задолго передъ тѣмъ поссорилась съ нимъ и предстательствомъ передъ императрицей хотѣла привязать его къ себѣ новыми узами. Дѣйствительно, Θεодора, какъ-бы снисходя на ея просьбы, скоро возвратила заслуженному полководцу свою милость. Вотъ письмо, которое она написала къ нему, по этому поводу: «Тебѣ извѣстно, сколько ты виноватъ передъ нами; но ради жены твоей, которой мы многими одолжены, мы тебѣ прощаемъ. Но знай, что чувства и отношенія твои къ Антонинѣ будутъ для насъ мѣриломъ «твоей преданности въ отношеніи къ намъ самимъ» ¹¹⁹⁾. Тяжелое впечатлѣніе производитъ на читателя слѣдующій за этимъ письмомъ у Прокопія ¹²⁰⁾ рассказъ объ униженіи Велисарія передъ недостойною женою, о томъ, какъ онъ цѣловалъ ей ноги, какъ называлъ себя не супругомъ, а рабомъ ея. Грустно видѣть, какъ даже въ наиболѣе выдающихся личностяхъ того времени гнетъ деспотизма заглушилъ всякое сознаніе собственнаго, человѣческаго достоинства. Грустно, но не удивительно. Общество, терпѣвшее во главѣ своей женщину, подобную Θεодорѣ, было лишено возможности развивать сильныя и вмѣстѣ съ тѣмъ благородныя характеры. Нравственность, если встрѣчалась, сознавая свое безсиліе въ

окужавшей ея сферѣ, искала себѣ убѣжища въ тихой созерцательности аскетической жизни, хотя впрочемъ и тамъ, къ сожалѣнію, не всегда находила его.

Но если мы въ лицѣ Θεодоры должны видѣть не уродливую случайность, историческую аномалію, такъ сказать, а плодъ общества, то, съ другой стороны, не можемъ отрицать, что и послѣднее въ высшей степени подверглось, въ свою очередь, вліянію такой женщины. Что должно было сдѣлаться съ понятіемъ о женской чести тамъ, гдѣ въ главѣ общества находилось олицетвореніе безнравственности ¹²¹). Мы видѣли какую недостойную роль играла Θεодора въ связяхъ Антонины съ Θεодосіемъ. Удивительно ли послѣ этого, что, при посредничествѣ ея, семнадцатилѣтняя дочь Велисарія, Іоаннина была соблазнена ея внукомъ Анастасіемъ ¹²²), что племянница Θεодоры, Софія предалась такому же образу жизни, что всѣ невѣрныя жены стотрѣли на нее, какъ на свою естественную покровительницу ¹²³). — Въ виду такого систематическаго развращенія высшаго круга византійскаго общества едва ли можно приписать большую цѣну мѣрамъ противъ публичнаго разврата, на которыя въ одно время было обращено ея вниманіе ¹²⁴). Не этими мѣрами, равно какъ и не стѣснявшимъ добродѣтель въ узкую рамку законности кодексомъ Юстиніана могла быть удержана улетавшая изъ византійскаго народа нравственность. Не имъ суждено было влить новую жизнь въ гнившее и разрушавшееся его тѣло.

Послѣ смерти Θεодоры, Антонина не является болѣе дѣйствующимъ лицомъ въ исторіи. Новыя лица, новыя интригантки замѣнили ее при дворѣ Юстина II. Мы знаемъ только, что она пережила за 595 годъ, слѣдовательно, осталась вдовою и послѣ втораго мужа ¹²⁵). Тщетно старалась она загладить свои преступленія щедрыми дарами для Церкви. Выстроенный ею въ Константинополь храмъ св. Прокопія ¹²⁶) не примирилъ тѣней Константина и Сильверія и не заслужилъ ей лучшей славы въ глазахъ безпристрастнаго потомства.

Р. В. Орбанскій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Самые полныя извѣстія о древней топографіи Константинополя можно найти въ соч. „Konstantinopel und der Bosphorus v. Hammer-Purgstall. 2 Bde. Wien 1824“ und „Der Aufstand in Konstantinopel unter dem Kaiser Justinian von Schmidt. Zürich 1854.“ Въ последнемъ приложенъ и планъ.

²⁾ Эта стѣна, начатая Анастасіемъ, обхватывала городъ на разстояніи 40 миль (*τριμυτα*) отъ Босфора до Мраморнаго моря. Юстиніанъ окончилъ ея сооруженіе. Procop. de aedif. p. 293

³⁾ На пр. церковь Св. Теодоры, Августей съ памятниками Елены, матери Константина и Теодосія, съ серебряною статуею его, зданіе сената, Халки (площадь, по бокамъ которой всѣ зданія были крыты позолоченною мѣдью) и проч. de aedif p. 181. 202.

⁴⁾ Точнѣе опредѣлить года рожденія нельзя. Наше предположеніе основано на томъ, что она умерла въ 548 году еще не старою. Not. Alemanni ad hist. arc p. 421.

⁵⁾ Nov. VIII. въ началѣ „piissima et a Deo nobis data conjux“.

⁶⁾ Hist. arc. p. 58.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ Ibid. fog. 59.

⁹⁾ Ibid.

¹⁰⁾ Ibid. 59—61.

¹¹⁾ Ibid. 60.

¹²⁾ Ibid.

¹³⁾ Ibid.

¹⁴⁾ Ibid.

¹⁵⁾ Ibid. 63.

¹⁶⁾ Ibid. 82.

¹⁷⁾ Ibid.

¹⁸⁾ De aedif. 205 и 206: „αὐτῆς τὴν εὐκρίθειαν λέγουσι τε φερόσας καὶ ἐνδελ-
ματι ἀπομιμῆσαι ἀνδράπων γε ὅτι παντάπασιν ἀμύχανα ἦν.“, Hist, arc. 69.

¹⁹⁾ Hist. arc. p. 92.

²⁰⁾ Близъ нынѣшняго.

²¹⁾ Hist. arc. p. 43. Изъ нихъ, Земарахъ при немъ, занималъ должность comes Orientis Theophan. I. 225.

²²⁾ p. 43.

²³⁾ Ibid. 44.

²⁴⁾ Chronogr. Malal. p. 410. Cedren. I. 637. Theoph. 255.

²⁵⁾ Hist. arc. 44.

²⁶⁾ Ibid. 127.

²⁷⁾ Not. Aleman. p. 386.

²⁸⁾ Hist. arc. p. 66.

²⁹⁾ См. Not. Aleman. p. 387. Юстиніанъ впослѣдствіи нѣсколько разъ подтверждалъ этотъ законъ. — Къ чести византійскаго народа надобно од-

накожь прибавить, что эта мѣра была встрѣчена громкимъ ропотомъ. „Quod factum „vehementer abloviunt populus cunctusque senatus, adeo ut palam clamarent nefariam rem fecisse Augustum ut publicae abjectionis seortum sebi copularet in matrimonium „разсказываетъ Aimoinus, res. ges. Franc. p. 174. Онъ же прибавляетъ, что Юстинианъ долженъ былъ прибѣгнуть къ явному насилію, но къ сожалѣнію объ этихъ насиліяхъ у византійскихъ лѣтописцевъ не говорится. О неудовольствіи народа Прокопій упоминаетъ часто, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что въ сенатѣ никто не рѣшился явно воспротивиться требованію Юстиніана. Hist. arc. p. 66.

³⁰). Ibid. — Theophil. vit. Justiniani, cap. V.

³¹). Hist. arc. pag. 82.

³²). Ibid. 93.

³³). Въ 523 году Fleury hist. eccles. VII, 245.

³⁴). L. V. C. de summa Trinitate; 262. Cedran, I. 645.

³⁵). Такъ во время возстанія при Анастасіи въ 501 г. погнѣло до 300 человекъ въ томъ числѣ даже незаконный сынъ императора. Cedr. I. p. 629. Malal. 894. Chron. paschel. I. Theophan. I. 227. (у него невѣрно отнесено это событіе къ 498 г.)

³⁶). Procop. de bello. Gotth. 269 et seqq.

³⁷). Aimoin. res ges. Francor. p. 172.

³⁸). Procop. de bellis I, 132.

³⁹). Hist. arc. 12 et seqq.

⁴⁰). Ibid. 15.

⁴¹). Ibid. 16.

⁴²). De bello Gotth. 180.

⁴³). Hist. arc. 17. (*λέγουσι γὰς αὐτὸν ἐκ Καρχηδῶνος τε καὶ Βαβυλῶνος ἐς ἑκατὸν κεντηνάρια εἰς ἀμφοῖν παλατίου σὺλησάντα ἔχειν*)

⁴⁴). Ibid. 18.

⁴⁵). Ibid. 27.

⁴⁶). Ibi-. 21 et seqq.

⁴⁷). Ibid. 25.

⁴⁸). Ibid. 26.

⁴⁹). Ibid. 27.

⁵⁰). Ibid. 28.

⁵¹). Not Aleman. 349.

⁵²). Hist. arc. 28.

⁵³). De gloria Martyr. I, 6.

⁵⁴). Procop. de bellis I, 121.

⁵⁵). Ibid. 122. etsegg.

⁵⁶). Hist. arc. 100.

⁵⁷). Ibid. 99.

⁵⁸). Ibid.

⁵⁹). Le 3. C. de offic. rectoris prov.

⁶⁰). Theophan. 280.

⁶¹). Malal. 473.

⁶²). Theophan. 283.

⁶³). Malal. 474.

⁶⁴). Этотъ гарнизонъ составляла гвардія, раздѣлявшаяся на нѣсколько отрядовъ: схоларовъ, протекторовъ, кандидатовъ, domestikовъ, зискуби-

торовъ, кубикуляріевъ и силенціаріевъ. Сверхъ того, городская или полицейская стража, и возникшее при Константинѣ I. учрежденіе «славянцевъ»

66). Proc. de bell. I, 123.

67). Тогда сгорѣлъ возобновленный впоследствии съ большимъ великолепіемъ Софійскій соборъ, равно какъ и отличающаяся роскошнымъ устройствомъ баня Зевксинна. de bell. I. 121. Такимъ же образомъ погибли тогда казармы схоляріевъ, протекторовъ и кандидатовъ, зданіе сената и, такъ называемый, Августей. Chron. paschale p. 621. Mal. 475.

68). Da ædif. 183. Theoph. 284. Chron. pas. 622.

69). Безъ всякаго сомнѣнія это обстоятельство было причиной, что Юстиніанъ приказалъ удалиться имъ изъ своего дворца. de bell. I. 123. 126.

70). Ibid. Chron. pasch. 622.

71). Zon. II. 61.

72). Chron. paschal. 622. Zonar. 1. c.

73). Chron. paschal. 623, 624.

74). Ibid.

75). Ibid: ἐπιτομής συντάξις.,,

76). Chron. pasch. 624. De bell. I. 124. Theophan. 234. Malal. 475. Cedren. I. 647.

77). De bell. I. 125.

78). Ibid. et seq.

79). De bell. I. 125. Chron. pasch. 625. Theoph. 284.

80). Chron. pasch. 625.

81). Malal. 476. Theophan. 235. Chron. pasch. 626.

82). Malal. 476. Chron. pasch. 526. Theophan. 285.

83). De bell. I. 129.

84). Ibid. Cedren. I. 647. Chron. paschale. 627. Malal. 477. Theophan. 286.

85). De bell. I. 124.

86). Ibid. 129. Chron. pasch. 627. Theophan. 236. Malal. 476.

87). Schmidt. 86.

88). De bell. I. 122.

89). Cronus. Gesch. der Erziehung I, 341.

90). De bell. I. 130.

91). Ibid. 133.

92). Ibid. 132, 133.

93). Ibid. 134

94). Ibid. 134.

95). Ibid. 300.

96). Fleury hist. ecclesias. VII. 310.

97). Дворецъ и прилежавшія зданія были приведены въ оборонительное положеніе; внутри его были устроены мельницы и амбары, такъ что можно было выдержать въ немъ продолжительную осаду. Chron. paschale. 629.

98). Ibid.

99). De bell. II, 18.

100). Hist. arc. 96.

101). De bell. II. 35.

102). Ibid. II. 74.

103). Ibid. II. 93, 160, 162.

104). Fleury. VII. 345.

¹⁰¹). Ibid.

¹⁰²). Ibid.

¹⁰³). De bell. II 121.

¹⁰⁷). Fleury VII, 356.

¹⁰⁸). Hist. arc. 16.

¹⁰⁹). Fleury VII. 359.

¹¹⁰). Nov.³ 131.

¹¹¹). Fleury VII. 395 et seq.

¹¹²). Ibid. 403.

¹¹³). Cedren. I, 653. „ἐκοιμήθη ἐναεβώς“.

¹¹⁴). De bell. I. 249 et seq.

¹¹⁵). Ibid. 256.

¹¹⁶). Hist. arc. 30.

¹¹⁷). Ibid. 31.

¹¹⁸). Chil. III.

¹¹⁹). Hist. arc. 33.

¹²⁰). Ibid. 34.

¹²¹). Подруги Оеодоры по прежнему ремеслу ея, Мексдонія, Хризомалла и Индара занимали важныя мѣста при дворѣ ея. Hist. arc. 82. Not. Aleman. 380.

¹²²). Hist. arc. 40.

¹²³). Ibid. 103.

¹²⁴). Ibid. 101. Собрать до 500 публичныхъ женщинъ, она заключила ихъ въ монастырь, на берегахъ Босфора. Замѣчательно, что большая часть изъ нихъ, не перенеся переменъ образа жизни, черезъ нѣсколько дней утопилась въ морѣ.

¹²⁵). Not. Aleman. 349.

¹²⁶). Ibid.

Превосходный очеркъ этотъ первоначально былъ напечатанъ въ Южномъ Сборникѣ, издаваемомъ въ Одессѣ гг. Максимовымъ и Сокальскимъ. Такъ какъ всѣ послѣдующіе очерки изъ византійской исторіи уступлены авторомъ для Русскаго Слова, то мы перепечатаваемъ для нашихъ читателей и этотъ, служащій какъ бы введеніемъ въ остальные.

Ред.

24

JW